

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ,
СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР

ISSN 2306-9015

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ–XXIV

Материалы чтений, посвященных памяти
профессора Иосифа Моисеевича Тронского

INDO-EUROPEAN LINGUISTICS AND CLASSICAL PHILOLOGY–XXIV

Proceedings of the 24th Conference
in Memory of Professor Joseph M. Tronsky

22–24 июня 2020 г. — June 22–24, 2020

Первый полутом

Санкт-Петербург
2020

УДК 80/81
ББК 81.2
И 60

Индоевропейское языкознание и классическая филология-XXIV (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 22–24 июня 2020 г. / Отв. редактор Н. Н. Казанский. I-й полутом. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. — 836 с. (= Индоевропейское языкознание и классическая филология, т. 24 (1), 2020).

Indo-European linguistics and classical philology-XXIV (Joseph M. Tronsky memorial Conference). Proceedings of the International Conference, St. Petersburg, 22–24 June, 2020 / edited by Nikolai N. Kazansky. Part I. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS, 2020. — 836 p. (= Indo-European linguistics and classical philology, vol. 24 (1), 2020).

ISSN 2306-9015 Indoeuropejskoe âzykoznanie i klassičeskaâ filologiâ

ISSN 2658-6452 (электронная версия)

DOI: 10.30842/ielcp2306901524

DOI: 10.30842/ielcp23069015

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

академик РАН Н. Н. Казанский (отв. редактор);
д. филол. н. А. А. Алексеев (СПбГУ), Prof. Dr. G. Blažienė (Vilnius),
Prof. Dr. V. Blažek (Brno), д. филол. н. Н. А. Бондарко (ИЛИ РАН),
д. истор. н. Н. В. Брагинская (РГГУ),
д. филол. н. А. Ю. Братухин (Пермь, ПГНИУ),
д. филол. н. Н. П. Гринцер (РАНХиГС), Prof. Dr. H. Eichner (Wien),
к. филол. н. П. А. Кочаров (ИЛИ РАН),
к. филол. н. Е. Р. Крючкова (ИЛИ РАН, отв. секретарь),
Prof. Dr. D. Petit (Paris), д. истор. н. А. В. Подосинов (МГУ/ИВИ РАН),
д. филол. н. А. Н. Соболев (ИЛИ РАН), д. филол. н. А. И. Солопов (МГУ),
к. филол. н. А. В. Шацков (ИЛИ РАН)

Утверждено к печати

Институтом лингвистических исследований РАН

Конференция проходит в рамках постоянно действующей
Школы индоевропейского сравнительно-исторического языкознания
при ИЛИ РАН

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВЛЕНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
РФФИ — грант № 20-012-20001 (рук. Н. Н. Казанский)

ISSN 2306-9015

© Коллектив авторов, 2020

ISSN 2658-6452 (электронная версия)

© ИЛИ РАН, 2020

DOI: 10.30842/ielcp2306901524

DOI: 10.30842/ielcp23069015

ОГЛАВЛЕНИЕ первого полутома

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДАННЫХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Михайлова Б. (Mihaylova Bilyana). L'expression de l'amour dans les langues indo-européennes anciennes.....	9
Дувакин Е. Н. Узлы ветров и корни гор: степные истоки североевропейских мотивов.....	24

Индо-иранистика

Репаншек Л. (Repanšek Luka). The accentual profile of Vedic nominal paradigms.....	41
Волошина О. А. Правила видхи в грамматике Панини как инструкция синтеза словоформ.....	65
Скала А. (Scala Andrea). Short and long present inflection in Romani	73
Илиади А. И. Иранские языковые реликты в словацкой исторической топонимии — III.....	76
Иваненко А. В. Циркумпонтийский этнонимикон. II (Ἀγαυοί = Σαῖοι = Παραλάται = Σκύθαι = Σκόλοτοι?).....	86

Греческие тексты и их анализ

Казанский Н. Н. Микенское мужское имя ma-di и греческие имена Σμέρδις, Σμερδίης, Σμέρδιος, Σμέρδης.....	107
Лебедев А. В. (Lebedev A. V.). Democritus on Iranian magi and ancient religion: a quotation from Avesta (Yt. I,7) in Democritus fr. 580 Luria (B30 DK).....	129
Корсо А. (Corso A.). Classical Greek statues made by important masters described in the epigrams of Euenus of Paros.....	151
Васильева И. Э., Кисилиер М. Л. Куда плывет Одиссей? О мифотворческом проекте Никоса Казандзакиса.....	157

Арменистика

Петросян А. Соссюровские анаграммы «Песни Вахагна»	181
Кочаров П. А. И.-е. глагольная основа *kieu-e/o- 'двигаться' как лексико-морфологическая изоглосса.....	190

Анатолийские языки

Мутон А., Якубович И. С. Пролептическая конструкция в лувийском языке.....	206
Лютикова Е. А. Сидельцев А. В. Залоговые альтернации нефинитных форм глагола в хеттском языке.....	234
Шацков А. В. Грамматикализация перфекта в хеттском языке.....	264
Дюрршнабель Х. В. (Duerrschnabel Chaja V.) Greek and Latin <i>defixiones</i> and Prayers for Justice within the context of Mediterranean Ritual Texts.....	274
Александров Б. Е. Формула <i>ana/ištu sag-du-šu/ši</i> в правовых текстах из хеттского Эмара.....	276

Германистика и кельтология

Топорова Т. В. О древнегерманском этнологическом мифе (о происхождении германских племён).....	302
Сорокина Е. А. К проблеме графической вариативности древнеанглийского <i>gedryht/gedriht</i>	311
Яценко М. В. Поэтика древнеанглийского христианского эпоса: приемы передачи аллегорических смыслов библейского сюжета в поэме «Исход».....	325
Бондарь В. А. От результата к перфекту: из истории английского предпрошедшего времени.....	339
Ганина Н. А. (Ganina N.) Die Verwandtschaftsterminologie im lübischen Recht.....	353
Бондарко Н. А. Синтаксические трансформации в поздне-средневековых немецких переводах с латинского языка (Вильгельм из Сен-Тьерри и Бригитта Шведская).....	363
Найдич, Л. Э. (Naiditsch L.). «Haus» und «Hof» in den deutschen Inselmundarten der Ukraine in den 1920er Jahren nach dem Archiv von Viktor Schirmunski.....	383
Кузьменко Ю. К. К интерпретации надписи на шлеме В из Негай.....	395
Парина Е. А. (Parina Elena). «Multiple origin» as a useful concept for analysing borrowings into Middle Welsh.....	422
Михайлова Т. А. К интерпретации употребления 2 sg. в ирландской маргинальной лирике.....	430

Балтистика

Блажене Г. (Blažienė G.). Baltische Spuren in Ortsnamen Europas?....	443
Лемешкин И. В. (Ре)конструкции vs чтение древнейшего прусского текста.....	466
Андреев А. В. Система клитик в текстах М. Даукши.....	480

Языки балканского ареала

Соболев А. Н. Диалектная когерентность речи на сербском тимокском говоре (на материале идиома села Петруша, община Княжевац).....	486
Домосилецкая М. В. Лексика молочного производства в говоре македонского села Пештани (по материалам МДАБЯ).....	504
Конёр Д. В. Восприятие границы и родной речи у торлаков Западной Болгарии.....	538
Кисилиер М. Л. Комплементаризеры <i>óti</i> , <i>поу</i> и <i>поџ</i> в новогреческом языке.....	554
Бондарь Л. Д. Один черногорский документ из архивного фонда слависта П. А. Лаврова: об этнографических интересах академика и черногорском роде Вучковичей.....	578
Жугра А. В. (Zhugra A. V.). Figure of the Narrator in Albanian epos.....	593

Латинский текст и его интерпретация

Подосинов А. В. Alter orbis terrarum: «другие миры» в античной географии.....	607
Шумилин М. В. Особенности языка «Страстей св. Сусанны» (BHL 7937). Фонология и орфография.....	632
Черняк А. Б. Пассив у Эгерии: В. Ван Оорде о языке «Путешествия Эгерии к святым местам» (Itinerarium Egeriae).....	662
Братухин А. Ю. Сотериологическая терминология Климента Александрийского (ἀνάλαυσις и κατάλαυσις).....	669
Хорькова И. В. К вопросу об источниковой базе «Adversus nationes»: Валерий Анциат.....	679
Данилов Е. С. Употребление <i>securitas</i> в латинских эпиграфических памятниках Римской Африки: общие замечания.....	694
Миролюбов И. А. Был ли император Лициний врагом образованности?.....	703
Кулишова О. В., Пантелеев А. Д. Полемика о зрелищах в поздней Римской империи (по данным литературной и агиографической традиции).....	712

Слово в историческом контексте

Афиногенов Д. Е. Пейоративные коннотации этнонима «сириец» в некоторых памятниках византийской литературы IX в.	724
Алексеев А. А. Греч. βαλτισμός и его славяно-русское соответствие <i>крещение</i>	732
Мольков Г. А. К вопросу о причинах появления бытовой графической системы в древнерусской письменности.....	744
Фалилеев А. И. In provincia Russlond: фрагментарные свидетельства рукописи XV века о Новгороде.....	756
Карева Н. В., Кузнецова Н. А. Стихотворческие и грамматические фигуры в «Материалах к Российской грамматике» М. В. Ломоносова.....	768

Из истории классической филологии

Илюшечкина Е. В. Из истории классической филологии – 3: комментарий Стефана Аквея к Naturalis historia Плиния Старшего.....	785
Воробьев Г. М. (Vorobyev G.). Theodore Gaza's neologisms in <i>-cillal-cula</i> and the role of sixteenth-century reference books in the formation of ornithological nomenclature.....	794
Ильина К. А. «Старые» и «новые» авторитеты классической филологии в России 1830–40-х годов.....	819
Каганович Б. С., Вольфцун Л. Б. Материалы к биографии И. Г. Франк-Каменецкого.....	822

CONTENTS

Part I

LINGUISTIC AND PHILOLOGICAL ANALYSIS OF INDO-EUROPEAN LANGUAGES

Mihaylova B. L'expression de l'amour dans les langues indo-européennes anciennes.....	9
Duvakin E. N. Wind knots and stone roots: a steppe influence on North European folklore.....	24

Indo-Iranian languages

Repanšek L. The accentual profile of Vedic nominal paradigms.....	41
Voloshina O. A. Vidhi rules in the grammar of Panini as an instruction for building the word forms.....	65
Scala A. Short and long present inflection in Romani.....	73
Iliadi A. I. Iranian Relicts in the Slovak Historical Toponymy — III....	76
Ivanenko O. V. The Circumpontic region ethnonymicon. II (Ἀγαυοί = Σαῖοι = Παραλάται = Σκύθαι = Σκόλοτοι?).....	86

Greek texts and their analysis

Kazansky N. N. Mycenaean masculine name ma-di and Greek names Σμέρδης, Σμερδής, Σμέρδιος, Σμέρδης.....	107
Lebedev A. V. Democritus on Iranian magi and ancient religion: a quotation from Avesta (Yt. I,7) in Democritus fr. 580 Luria (B30 DK).....	129
Corso A. Classical Greek statues made by important masters described in the epigrams of Evenus of Paros.....	151
Vasileva I., Kisilier M. Where does Odysseus sail to? About a myth-making project of Nikos Kazantzakis.....	157

Armenian studies

Petrosyan A. Y. The saussurean anagrams of the «Song of Vahagn»....	181
Kocharov P. A. PIE <i>*kieu-elo-</i> 'move' as a lexico-morphological isogloss.....	190

Anatolian languages

Mouton A., Yakubovich I. S. Proleptic Construction in the Luwian Language.....	206
Lyutikova E. A., Sideltsev A. V. Voice alternations in Hittite non-finite verbal forms.....	234
Shatskov A. V. Resultative and perfect in Hittite.....	264
Duerrschnabel Ch. V. Greek and Latin <i>defixiones</i> and Prayers for Justice within the context of Mediterranean Ritual Texts.....	274
Alexandrov B. E. The formula <i>ana/ištu</i> sag-du-šu/ši in legal texts from Hittite Emar.....	276

German and Celtic studies

Toporova T. V. About the Old-Germanic ethnological myth (on the origin of the Germanic tribes).....	302
Sorokina E. A. A note on the graphic variability of Old English gedryht / gedriht.....	311
Yatsenko M. V. Poetics of the Old English Christian Epic: Means of Conveying the Allegorical Senses of the Biblical Plot in the Poem "Exodus".....	325
Bondar' V. A. From resultative to anterior: on the history of English past perfect tense.....	339
Ganina N. Die Verwandtschaftsterminologie im lübischen Recht.....	353
Bondarko N. A. Syntactic Transformations in Late Medieval German Translations from Latin (William of St-Thierry and Birgitta of Sweden).....	363
Naiditsch L. ‚Haus‘ und ‚Hof‘ in den deutschen Inselmundarten der Ukraine in den 1920er Jahren nach dem Archiv von Viktor Schirmunski.....	383
Kuzmenko Yu. K. On the interpretation of the inscription on the helmet B from Negau.....	395
Parina E. «Multiple origin» as a useful concept for analysing borrowings into Middle Welsh.....	422
Mikhailova T. A. The use of 2 Sg. in Irish marginal lyrics: an interpretation.....	430

Baltic studies

Blažienė G. Baltische Spuren in Ortsnamen Europas?.....	443
Lemeškin I. (Re)construction vs. reading of an ancient Prussian text....	466
Andreev A. V. The system of clitics in M. Daukša's texts.....	480

Balkan linguistic area

Sobolev A. N. Dialect coherence of the speech production in Timok patoi of Serbian (on the data from the Petruša idiom in Knjaževac municipality).....	486
Domosiletskaya M. V. Terminology of dairy production in the dialect of the Macedonian village Peshtani (based on MDABL — «Minor Dialect Atlas of the Balkan languages»).....	504
Konior D. V. Perception of borders and local vernaculars by Western Bulgarian Torlak people.....	538
Kisilier M. Ότι, που and πως in Standard Modern Greek.....	554
Bondar L. D. One Montenegrin document from archive papers of P. A. Lavrov: about the ethnographic interests of the academician and the Montenegrin Vučković family.....	578
Zhugra A. V. Figure of the Narrator in Albanian epos.....	593

Interpretations of Latin texts

Podossinov A. V. Alter orbis terrarum: «other worlds» in ancient geography.....	607
Shumilin M. V. Linguistic Peculiarities in the <i>Passio Susannae</i> (BHL 7937). Phonology and Orthography.....	632
Chernyak A. B. Passive voice in <i>Itinerarium Egeriae</i> . W. van Oorde on the language of <i>Itinerarium Egeriae</i>	663
Bratukhin A. Yu. Soteriological terminology of Clement of Alexandria (ἀνάπαυσις and κατάπαυσις).....	669
Khor'kova I. V. On the source base of “Adversus nationes”: Valerius Antias.....	679
Danilov E. S. Use of <i>securitas</i> in Latin epigraphic finds from Roman Africa: general observations.....	694
Miroljubov I. A. Was Emperor Licinius Hostile to Education?.....	703
Kulishova O. V., Panteleev A. D. Controversy about the spectacles in the Late Roman Empire (according to the literary and hagiographic tradition).....	712

Words and their historical background

Afinogenov D. E. Pejorative connotations of the ethnonym “Syrian” in some 9 th century Byzantine literary works.....	724
Alexeev A. A. The Greek βαπτισμός and its Slavonic and Russian equivalent <i>krǫštenie</i>	732
Molkov G. A. On the causes for the emergence of the common graphic system in the Old Russian writing.....	744
Falileyev A. I. <i>In provincia Russlond</i> : fragments on Novgorod in a XV c. manuscript.....	756
Kareva N. V., Kuznetsova N. A. <i>Poetic and grammatical figures</i> in “Materials for Russian Grammar” by Mikhail Lomonosov.....	768

On the history of classical philology

Ilyushechkina E. V. From the history of the Classical Philology-3: Humanistic Commentary by Stephanus Aquaeus on the <i>Naturalis historia</i> by Pliny the Elder.....	785
Vorobyev G. Theodore Gaza’s neologisms in <i>-cillal-cula</i> and the role of sixteenth-century reference books in the formation of ornithological nomenclature.....	794
Ilyina K. A. Old and new authorities in Russian classic studies in 1830–1840.....	819
Kaganovich B. S., Wolfzun L. B. Materials for I. G. Frank-Kamenetsky’s biography.....	822

Bilyana Mihaylova
(Sofia University «Sv. Kliment Ohridski», Bulgaria)

L'EXPRESSION DE L'AMOUR DANS LES LANGUES INDO-EUROPÉENNES ANCIENNES*

The notion of love in ancient Indo-European languages

In this article, words designating 'love' in ancient Indo-European languages are classified according to their original meaning. The etymological research tries to make a historical reconstruction of this feeling and thus find answers to the old question "What is love?"

Etymological analysis shows us that the Proto-Indo-European language did not transmit to its descendants a common lexeme denoting 'love'. The most attested root **preyH-* appears with the meaning 'love' only in Indo-Iranian, Germanic and Slavic.

The 18 roots from which the words meaning 'love; friendship' in the different Indo-European languages derive could be classified into three main groups according to their original semantics.

One of the most attested semantic developments is 'desire' > 'love' (**lewb^h-*, **keh₂-*, **wenh_x-*, **g^{wh}ed^h-*). Another widespread model of semantic evolution (**h₃neh₂-*, **keh₂d-*, **peh₂-*, **sterg-*, **h₂el-*, **h₂emh₃-*) is linked to the idea that love is a care for the person loved. This model brings together several paths of semantic evolution and we can presume that it was originally linked to maternal love.

Several Indo-European languages also reveal the perception of the object of love as a personal belonging, such as the limbs and organs of one's own body, as an extension of oneself (**preyH-*). The other is not conceived as an otherness, but as a part of oneself, something which is lacking and to which one unites, attaches himself in order to acquire his integrity, cf. the Balto-Slavic formations from **meyH-*; Toch. A *ārt*, Toch. B *ārtt-*; Gk. ἀρτόν from **h₂er-*; Skt. *snéhati* from **sneyg^{wh}-*.

Two other formations (Gk. ἔρως, ἔραμαι and Lat. *dīligō*, *dīlegere*) represent love as connected to enjoyment, but an enjoyment, which consists in taking one's share, taking something for oneself.

The semantic evolution of the Indo-European root **preyH-* 'to love', from which comes the adjective **priyo-*, expressing personal belonging and implying an emotional relation to the "self", is the most eloquent illustration of the identification of the other with oneself.

Keywords: Indo-European etymology, historical reconstruction, emotions, love

---

* Je tiens à remercier Brice Petit d'avoir lu, corrigé et commenté ce manuscrit. Il va de soi que les erreurs qui subsisteraient restent les miennes.

Биляна Михайлова
(Университет «Св. Климента Охридского», София, Болгария)

Выражение понятия любви в древних индоевропейских языках

В этой статье слова, обозначающие «любовь» на древних индоевропейских языках, классифицируются в соответствии с их первоначальным значением. Этимологическое исследование позволяет осуществить реконструкцию этого чувства и, таким образом, найти ответы на старый вопрос «Что такое любовь?». Этимологический анализ показывает, что протоиндоевропейский язык не передал своим потомкам общую лексему, обозначающую «любовь». Наиболее часто засвидетельствованный корень **preyH-* появляется со значением «любовь; друг» только в индоиранских, германских и славянских языках. 18 корней, из которых происходят слова «любовь» в разных индоевропейских языках, можно разделить на три основные группы в соответствии с их оригинальной семантикой: 1. 'желание' > 'любовь', 2. любовь как забота о любимом человеке; 3. восприятие объекта любви как личной принадлежности, такой как члены и органы своего тела, как продолжение себя.

Ключевые слова: индоевропейская этимология, историческая реконструкция, эмоции, любовь.

Introduction

L'étymologie nous mène sur les traces de l'histoire des mots et donc de l'histoire de la pensée. Elle nous donne un aperçu du monde de l'homme ancien et de la manière par laquelle il perçoit tout ce qui l'entoure. Cela nous permet de découvrir les vestiges à travers lesquels ces idées primitives nous parviennent. Comme dit Vendryès « En matière d'étymologie, le rôle du linguiste ne consiste pas seulement à étudier les mots pour en fixer l'origine et les transformations, mais aussi à étudier les notions pour chercher comment et pourquoi les noms qu'elles portent leur ont été donnés. En d'autres termes, après avoir fait l'histoire d'un vocabulaire en partant des mots, il y a lieu de reprendre cette histoire en partant des notions à exprimer. » (Vendryès 1932 : 192–193).

Dans cet article les mots désignant l'amour dans les langues indo-européennes anciennes seront classifiés en fonctions de leur signification originelle. La recherche étymologique essaiera de faire une reconstruction historique de ce sentiment et de trouver ainsi des réponses à la vieille question « Qu'est-ce l'amour ? ». Est-ce une habitude comme le témoigne le développement sémantique du proto-slave **obvyknŏti* 'avoir l'habitude' qui prend en bulgare

οδυσαμ la valeur d'‘aimer’ en tant que terme général (ESSJA 31: 116)?¹

Avant de passer à l'analyse étymologique des termes d' ‘amour’, je voudrais rappeler le cas du grec ancien qui est bien connu, mais particulièrement intéressant. Il existe quatre lexèmes principaux qui se rapportent aux différentes formes de l'amour, situation qu'aucune autre langue indo-européenne ne nous présente :

- ἀγαπάω, ἀγαπάζω qui chez Homère signifie « accueillir avec affection » et désigne l'amour universel, de même que le substantif chrétien ἀγάπη ‘amour, charité’ qui apparaît dans le Nouveau Testament;

- ἔρω (et ἔραμαι, ἐράω) qui se rapporte le plus souvent au désir amoureux, à l'amour charnel, mais qui peut-être employé au sens plus large comme complément la bataille, la tyrannie, la richesse (DELG 363);

- στέργω, στοργή qui s'applique à l'affection familiale, à l'amour réciproque entre parents et enfants et qui peuvent s'employer au sens plus général, par exemple « aimer la vérité » (DELG 1052) ;

- φίλος, φιλία, φιλέω d'après Chantraine « expriment non une relation sentimentale, mais l'appartenance à un groupe social » (DELG 1204). Selon Benveniste, le mot φίλος s'applique indifféremment à l'une ou à l'autre de deux personnes engagées dans les liens de l'hospitalité (Benveniste 1969 I : 339–358). Au sens passif l'adjectif signifie « aimé, chéri », mais au sens actif son sens est « aimant, bienveillant ». La valeur affective du mot est secondaire, quoique très ancienne. Chez Homère φίλος joue aussi le rôle d'un adjectif possessif quand il est suivi de parties du corps (DELG loc. cit.).

Évolution sémantique des mots désignant l'amour dans les langues indo-européennes anciennes

I. L'amour comme appartenance personnelle propre à soi, personnel

1. De la racine **preyH-*, **priH-* (IEW : 844, LIV : 490) descendent beaucoup de mots de plusieurs groupes de la famille indo-européenne signifiant ‘aimer’, ‘cher’ ou ‘ami’ : skr. *priyá-* ‘cher,

¹ Cette évolution du sens n'est pas attestée dans les langues indo-européennes anciennes comme nous le verrons, mais se retrouve dans deux langues sémitiques : amharique *lämmädä* et chaha *nämädä* ‘amour’. La racine de ces mots porte le sens ‘s'habituer de’ dans les langues apparentées (<http://datsemshift.ru/shift3504>).

aimé', skr. *priyāyātē* 'être amis', av. *frīnāiti* 'aimer, louer' < *prihx-neh₂-, v. isl. *frjā* 'aimer', *frændi* 'parent, ami', v. angl. *frīgan* 'aimer', *frēond* 'ami' (> angl. *friend*), v. h. a. *friunt* 'ami', got. *frijōn* 'aimer', *frijonds* 'ami', v. sl. **прѣѣти** 'se montrer favorable, aider', **прѣѣтель** 'ami'. Selon Scheller² et Benveniste (1969 I : 326–327) le sens premier de l'adjectif indo-européen **priyo-* est « personnel, propre à soi ». Dans certains emplois idiomatiques il se rapporte aux parties du corps, aux parents du sang et à des possessions toutes personnelles. Comme l'explique Benveniste : « On peut montrer que c'est là le sens premier : *priyos est l'adjectif de l'appartenance personnelle, impliquant un rapport non juridique, mais affectif, avec le « soi », et toujours apte à prendre une coloration de sentiment, de sorte que selon les cas, il se rend tantôt par « (sien) propre », tantôt par « cher, aimé ». C'est l'aspect affectif de la notion qui est le plus visible et qui devient le plus fréquent »³.

II. L'amour comme une union

2. De la racine **meyH-* (IEW : 711–712) sont issues les formes balto-slaves : v. pr. *mijls*, lit. *mėlas*, *mýlas* 'doux, cher', *mėilė* 'amour', *mėilus* 'gentil, doux, tendre', *mýliu*, *mýlėti* 'aimer'; lett. *mīlš* 'gentil, doux, cher', v. sl. **милъ** 'digne de compassion, cher'. Cette racine est bien attestée dans les langues indo-européennes et apparaît avec des élargissements différents *-l-*, *-n-*, *-r-*, *-t-*, cf. skr. *máyas* 'plaisir, délice, joie', lat. *mītis* 'doux, calme, tranquille', v. irl. *mín* 'doux', gall. *mwyn* 'tendre, doux', bret. *moan* 'mince, fin' et peut-être gr. *μείλιον* 'cadeau de réconciliation'. À ces mots sont apparentés aussi les lexèmes résultant de protosl. *mirb 'paix, calme ; monde'. ESSJA soutient l'hypothèse selon laquelle protosl. *milb et *mirb descendent d'une racine indo-européenne qui signifie 'lier' (ESSJA 19 : 47–48, 57). Les deux sens ont divergé d'une notion primaire d'union (amicale ou semi-amoureuse) qui aurait donné, d'une part, le sens de 'société, monde entier' et, d'autre part, celui des mots d'affection 'cher, doux, amour, gentil', etc.

² Scheller, Meinrad. 1959. Vedisch *priyá-* und die Wortsippe *frei, freien, Freund*. Eine bedeutungs geschichtliche Studie Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1959. Cité d'après le compte-rendu de Werner (Werner 1962).

³ Dans les langues celtiques et germaniques de cette racine se développe la notion 'libre', cf. gal. *rhydd*, got. *freis* 'libre'. Le passage sémantique de 'cher, propre à soi' à 'libre' passe par un stade où l'adjectif désignait les membres libres qui appartenaient à une classe sociale en opposition aux esclaves (Benveniste 1969 : 327).

3. Selon Adams tokh. B *lāre* 'cher, bien-aimé', *lāre yām-* 'aimer; tenir compagnie' (trans.) est issu d'i.-e. **leh₂d-*. À la base de cet adjectif, un verbe à suffixe nasal a été formé *lareññä-* 'aimer' (Pinault 2008 : 466). L'adjectif tokharien serait apparenté aux mots slaves provenant de **lādā* 'épouse', cf. bulg. *лада* 'fille en vêtements de mariage, v. russe *лада, ладо* 'apostrophe tendre à l'époux bien-aimé ou l'épouse bien-aimée', russe dial. *лада* 'être aimé, surtout enfant' etc.⁴, qu'on compare traditionnellement à lyc. *lada* 'épouse' (Winter 1965 : 91, Adams 2013 : 595)⁵. Ces mots slaves sont rattachés au proto-slave **ladъ* 'ordre, paix, entente' (ESSJA 14 : 9–11). La correspondance entre les lexèmes de l'anatolien, du tokharien et du slave témoignerait d'un développement sémantique 'qui est d'accord' > 'compagnon aimé' > 'époux, épouse'. L'amour est conçu dans ce cas comme une vie dans l'entente, comme une union paisible.

III. L'amour comme attachement

3. Skr. *snéhati* 'être onctueux, coller' s'emploie aussi au sens figuré et signifie 's'attacher, éprouver de l'affection, aimer'. Le lexème provient de la racine indo-européenne de la neige **sneyg^{wh}-*.

4. La racine **h₂er-* 'ordre; assembler, joindre, fixer' (IEW : 55–58, LIV : 269) apparaît avec des élargissements différents dans les langues indo-européennes et témoigne de développements sémantiques divers : hitt. *arā-* 'ami', gr. ἀραρίσκω 'trans. adapter, construire, intrans. être adapté, pourvu de, convenir', ἀρτύνω 'arranger, préparer', ἀρετή 'excellence', ἀρέσκω 'apaiser, se concilier, plaire', lat. *artus* 'articulation', arm. *ard* 'arrangement' v. sl. *радъ* 'joyeux'⁶. De cette racine sont issues aussi des formations ayant le sens d'«être attaché, aimer» : tokh. A *ārt*, tokh. B *ārtt-* 'louer, aimer, être satisfait de', gr. ἀρτύν· φιλίαν καὶ σύμβασιν ἢ κρίσιν. Hsch. α 7539 (Adams 2013 : 56).

⁴ V. ESSJA 14 : 8–9.

⁵ Witczak rattache à ces correspondances aussi arm. *alatem* et skr. *lāḍayati* 'désirer', cachemiri *lāra* 'époux' *lōri* 'épouse' (apud Adams 2013 : 595). Cependant, le sens du mot arménien *alatel* est 'lamenté'. Dans les dialectes arméniens nous trouvons le sens 'amour, caresse' : ganjak *alat*, ĩarabał *alat-ov linel*. Selon Martirosyan l'étymologie proposée par Witczak est incertaine. Il croit que « it seems most probable that *alat-* is a rhyming formation based on *alač-* and *pałat-* 'supplication' » (Martirosyan 2009 : 28). Dans ce cas le développement sémantique attesté par arm. dial. *alat* serait 'lamenté' > 'aimer'.

⁶ V. avec détails Mihaylova 2015.

IV. L'amour comme jouissance

5. Lat. *diligō, diligere* 'aimer, distinguer' provient du verbe *legō* 'choisir, prendre' préfixé par *dis-* marquant la division et la séparation. D'après Cicéron *diligō* exprime une émotion moins intense que *amō* (Cicero *ad Brut.* 1.1.1): *diligit vel, ut ἐμφοτικώτερον dicam, valde me amat*. Weiss (1998 : 40) souligne que ce mot apparaît souvent tout simplement au sens d' 'aimer'. L'ancien sens concret de 'diviser, couper' est conservé dans deux passages cités par Nonius 290: Plautus *Curc.* 424: *clupeatu elephantum ... machaera diligit* (codd. *dissicit*); Tit. *Com.* 84: *pernam totam diligit*. Selon Weiss l'évolution sémantique serait 'takes apart (for oneself)' > 'enjoys' > 'loves'. Un développement sémantique parallèle serait attesté en sanskrit où le verbe *bhājati* signifie 'diviser, partager' à l'actif, mais au moyen *bhājate* prend le sens de 'divides for oneself, uses, enjoys, loves' (Weiss 1998 : 40). Weiss (ibid. 40) cite un exemple de Nala : *yadi tvam bhajam ānām mām pratyākhyāsyasi mānada / viṣaṁ agniṁ jalaṁ rajjum āsthāsyē tava kāraṇāt* « If you will reject me who loves (you) I'll kill myself on your account » (Weiss loc. cit). Le changement sémantique 'prendre sa part, recevoir en partage' > 'se réjouir' est bien attesté, comme l'indique Weiss, cf. par exemple gr. ἀπολαύω 'profiter de, jouir de', apparenté à v. sl. *ЛОВЪ* 'chasse', *ЛОВИТИ* 'chasser'. Se basant sur ce développement sémantique, Weiss propose une étymologie ingénieuse de gr. ἔρω, ἔραμαι.

6. Gr. ἔρω, ἔραμαι

Weiss (1998 : 35–47) reconstruit une racine indo-européenne hypothétique **h₁erh₂-* qui signifie 'diviser'. Cette racine est attestée en hitt. *arhāš* 'frontière, ligne, limite' (louv. cun. *irha*, louv. hiér. *irha-*), lat. *ōra* 'bord, extrémité', v. irl. *or* 'frontière', lit. *irti* 'séparer' et aussi gr. ἔρανος 'repas où chacun apporte sa part'. Le sens 'jouir de' se serait développé à partir de l'aoriste radical moyen **é-h₁erh₂-* 'divided for oneself' > 'enjoyed'.

V. L'amour correspond à l'action de penser à quelqu'un

7. Tokh. A *tuñk* et B *tañkw* 'amour' continuent prototokh. **tāñkwä* qui dérive d'indo-européen **tng-wñ*, nom verbal issu de la racine **teng-* 'penser' (Adams 2013 : 294, IEW : 1088, LIV : 629), rattaché à lat. *tongeō*, qui est glossé par *nosse* 'savoir', got. *þagkjan*, *þāhta* 'penser', v. isl. *þekkja* 'comprendre, savoir', v. h. a. *denchen*, v. sax. *ðencan* 'penser', etc. Nous pourrions envisager deux voies possibles de l'évolution sémantique : 1) 'penser à quelqu'un' > 'se

soucier de quelqu'un' > 'aimer' ou 2) 'penser à quelqu'un' > 'désirer quelqu'un' > 'aimer'.

8. V. h. a. *minna*, m. h. a. *minne* 'amour, affection, souvenir, désir', néerl. *minne*, v. sax. *minnea* 'amour', v. fris. *minne* 'amour', *beminnen* 'aimer' sont rattachés aux formations germaniques got. *ga-mund* 'souvenir, mémoire', v. isl. *mynd* 'forme, image', v. angl. *ge-mynd* 'esprit, mémoire', angl. *mind* 'esprit', v. h. a. *gi-munt* 'mémoire' < i.-e. **mṇ-ti-*, cf. skr. *matī-* 'pensée, esprit, attention, intention', lat. *mens*, *mentis* 'intelligence, esprit, pensée', lit. *mintis* 'pensée', v. sl. *па-мѧтъ* 'légende, souvenir'. Tous ces lexèmes proviennent de la racine indo-européenne **men-* 'penser, mémoire' (IEW :726–728, LIV : 435–436) à laquelle appartiennent aussi des formations ayant le sens de 'désir' : tokh. B *mañu* 'désir', A *mnu* 'esprit, appréciation, désir', v. isl. *muna* 'convoiter', *munuð* ou *munúð* 'plaisir, lascivité' (cf. De Vries 1977: 395). Bomhard considère que ces formes doivent être séparées de la racine **men-* 'penser' et reconstruit une racine homonymique qui aurait le sens de 'désirer, convoiter, passion, lascivité' (Bomhard 2004 : 34). Cependant, puisque nous avons déjà constaté le développement sémantique 'penser à quelqu'un' > 'aimer quelqu'un' dans tokh. A *tuñk* et B *tañkw* 'amour', il n'y a aucune nécessité de postuler deux racines différentes.

VI. L'amour en tant que désir

9. I.-e. **lewb^h-* (IEW 683–4, LIV 414) est bien attesté en indien, italo-celtique, germanique et balto-slave. Cette racine possède le sens primaire 'aimer, désirer' : skr. *lúbhyati* 'désirer, éprouver un désir violent, convoiter', v. lat. *lubet*, lat. *libet* 'il plaît, il fait plaisir', osque *loufir* 'ou' qui selon l'avis de M. de Vaan viendrait d'un sens primaire 'is wanted, one wants' (De Vaan 2008 : 339), gaul. *lubi* (Matasović 246), got. *liufs*, v. isl. *liúfr* 'aimé', v. angl. *lufu* 'amour', lit. *liaupsė* 'louange', v. sl. *любѣ* 'gentil, plaisant', *любити* 'aimer', etc.

10. Lat. *cārus* 'cher', d'où *cāritās* 'tendresse, affection, amour', et v. irl. *caraid* 'il aime' descendent de la racine i.-e. **keh₂-* (LIV 343, IEW 515). À cette racine appartiennent aussi skr. *kāma-* 'désir, plaisir, concupiscence' d'où, comme le mentionne LIV (loc. cit.), une racine sanskrite secondaire **kam-* est issue, *kāyamāna-* 'gern habend', av. *kā-* 'convoiter', *kāma-* 'souhait, désir', got. *hors* (**hōra-*) 'adultère', v. isl. *hōrr* 'id.', v. angl. *hōrd* 'id.', *hōre*, angl. *whore* 'prostituée' (EWAia I : 334, 338–339; Mallory, Adams 1997: 357b).

11. D'i.-e. **wenH-* 'aspirer à; désirer, aimer' (IEW 1146–1147) prend son origine lat. *venus* 'la déesse Vénus, amour, charme' < **wenh₁-os*. Ce lexème est apparenté à skr. *vānas* 'désir', *vānati* 'désirer', *vanōti* 'demander, aspirer, aimer bien', *vānas-* 'désir', *-vāta-* 'désiré', av. *vanaiti* 'être triomphant', got. *wēns* 'espoir', *wēnjan* 'attendre, espérer', v. h. a *wunna* 'joie, plaisir, délice', tokh. A *wanñ*, B *wīna* (n.[pl. tant.]) 'plaisir'. Rikov reconstruit une racine à laryngale initiale **h₂wenh₁-* à la base d'une analyse où il explique les verbes issus de **wenH-* en tant que présents à infixe nasale du type *CRenH-*, apparentés aux formations descendant de la racine **h₂ewH-*, cf. skr. *ávati* 'être content, aspirer, protéger', av. *auuaiti* 'aider', gr. ἄντης Théocr. 'ami, bien aimé', lat. *avēre, aveō* 'désirer' (Rikov 1997 : 42–46).

12. Gr. πόθος 'désir de ce qui manque, désir ardent ; amour ; regret', ποθέω 'désirer celui ou ce dont on se sent priver' est rattaché aussi au verbe θέσασθαι (inf. aor) 'demander par des prières'. Ces mots appartiennent à la racine indo-européenne **g^{wh}ed^h-* 'prier, désirer' (IEW : 488, LIV : 217), cf. av. *jaidiiemi* 'demander, prier', v. irl. *guidid* 'prier', v. sl. ЖАДАТИ, ЖАЖДА 'avoir soif; convoiter'. Le sens premier de πόθος, ποθέω se retrouve dans les emplois homériques. D'après l'analyse de Weiss πόθος se réfère régulièrement aux sentiments que les proches d'Ulysse éprouvent pour lui lors de ses errances. Dans l'*Hymne homérique à Déméter* πόθος est le sentiment que la déesse éprouve pour sa fille enlevée. Le sens de 'désir sexuel' de ce mot n'apparaît que dans le *Le Bouclier d'Héraclès* 41 de Pseudo-Hésiode daté du début du VIe siècle av. J.-C. (Weiss 1998 : 32). Ainsi, à l'avis de Weiss (loc. cit.) πόθος aurait signifié d'abord 'the act of praying, prayer' d'où se serait développé le sens de « désir de quelqu'un ou quelque chose qui manque ».

VII. L'amour en tant que soin pour l'autre

VII a. aider, être utile

13. Les formations du prétérit-présent protogerm. **unnan-* 'accorder, aimer', v. isl. *unna* 'id.', fér. poet. *unna* 'aimer', v. angl. *unnan* 'accorder' proviennent de la racine i.-e. **h₃neh₂-* 'aider, être utile', cf. gr. ὀνίνημι 'être utile, faire plaisir à', ἀπόνητο 'se réjouir de quelque chose' (Kronnen 2013 : 560). Got. *ansts* 'bienfaisance', v. isl. *ást* 'amour, affection', fér. *ást*, v. angl. *ēst* 'faveur, consentement, grâce', v. fris. *evēst* 'jalousie', v. sax. *anst* 'gâche' sont des formations à *-sti* < i.-e. **h₃enh₂-sti*.

VII b. soin

14. Le lexème vieux irlandais *cais* témoigne d'une énantiosémie impressionnante signifiant en même temps 'haine' et 'amour', cf. les mots apparentés celtiques v. gall. *cas*, m. bret. *kas* 'haine' < i.-e. **kh₂d-ti-*. Les formes provenant de la racine indo-européenne **keh₂d-* (IEW : 516, LIV : 319) désignent de différents états émotionnels et affectifs, cf. gall. *cawdd* 'rage' < **keh₂dos*, gr. κῆδος, dor. κᾶδος 'soin, souci; deuil', κήδω 'léser, troubler, blesser', κήδομαι 'se soucier de, prendre soin de, être inquiet de', av. *sādra-* 'souffrance, malheur', got. *hatis* 'colère', tokh. A *kat* 'destruction'.

D'après Buck (Buck 1949 : 1111) les deux sens antonymes du mot vieux irlandais se sont développés d'un sens originel 'se soucier'. Il est difficile de juger quelle était la sémantique originelle de cette racine. Selon toute vraisemblance un sens concret représentait la motivation primaire à partir de laquelle dans les langues indo-européennes se sont développés des mots désignant de diverses émotions. Une autre question est de savoir si les noms des différentes émotions ont évolué en parallèle, ou à partir d'une émotion particulière résultant de la motivation primaire. Compte tenu de la sémantique du nom κῆδος, dont le sens principal est «soin, souci», et de certaines formes nominales rares, mais anciennes, telles que κηδεμών «celui qui prend soin de, notamment dans une cérémonie funèbre» (Il. 23, 163, 674)⁷ au moins pour le grec, nous pourrions supposer une sémantique primaire 'souci, inquiétude'. En vue de l'énantiosémie du lexème irlandais on penserait à un scénario pareil qui s'est déroulé à un stade linguistique plus archaïque, c. à. d. que d'un sens concret, inconnu pour nous, de la racine indo-européenne dans la protolangue a découlé le sens plus abstrait 'souci, soin' qui, à son tour, a donné naissance aux dénominations d'émotions variées en plusieurs langues indo-européennes, passées par des voies d'évolution différentes.

VII c. garder

15. Le verbe ἀγαπάω, ἀγαπάζω 'accueillir avec affection' qui désigne en grec l'amour universel ne possède pas d'étymologie convaincante selon les dictionnaires étymologiques (GEW, DELG). GED cite l'étymologie ingénieuse de Pinault (1993) qui explique ce verbe à partir de ἀγα-πα- qui serait dérivé de la racine **peh₂-* 'protéger' (IEW: 787, 839, LIV: 460) et l'affixe intensifiant ἀγα-.

⁷ V. DELG : 523.

16. Les formations grecques στέργω, στοργή descendent de la racine indo-européenne **sterg-* ‘couvrir, protéger’ (IEW: 598, LIV: 1032) et sont rattachées à v. sl. *сѣрѣшѣти, сѣрѣжѣ* ‘garder, monter la garde, surveiller’, *сѣражѣ* ‘gardien’, etc. Le v. irl. *serc*, gall. *serch* ‘amour’ provient d’un thème à finale sourde **sterk-*. Au vu de ce fait Matasović considère que le rapprochement entre les formes celtiques et gr. στέργω n’est point certain et que la finale sourde jette de sérieux doutes sur cette étymologie. D’après son avis, une manière de résoudre ce problème serait de présumer que le **k* celtique a été généralisé à partir du thème du nominatif singulier d’un nom racine non-attesté **stērg-s* ou **stōrg-s* (Matasović 2009 : 355).

VII d. nourrir, élever

17. V. isl. *elska* ‘aimer’, fér. *alska, elska* ‘id.’ est un dérivé de germ. **alan-* ‘élever’, cf. got. *alan* ‘élever, nourrir’, v. isl. *ala* ‘naître, nourrir, soutenir’ de la racine indo-européenne **h₂el-* ‘nourrir, élever’ (IEW 26-7, LIV 262) d’où sont issus aussi lat. *alō* ‘nourrir, alimenter’, v. irl. *alid* ‘nourrir’, gall. *alu* ‘accoucher jeune’, bret. *halaff* ‘accoucher jeune, veler’ (Kroonen 2013: 19, 22)⁸.

VII e. prendre la main

18. D’après Hackstein le verbe latin *amō, amāre* ‘aimer, avoir de l’affection’ est rattaché à la racine indo-européenne **h₂emh₂-* ‘saisir, s’emparer de’ (LIV: 265-6) à laquelle appartient aussi un autre verbe italique : le marrucinien *amatens* ‘haben angenommen’ (Hackstein 1995: 66). Selon l’avis de M. de Vaan, le sens d’‘aimer’ se serait développé à partir de ‘prendre la main’ > ‘considérer comme ami’ (De Vaan 2009: 39).

Conclusions

La table suivante présente les développements sémantiques des mots désignant ‘amour’ et ‘aimer’ dans les différentes langues indo-européennes:

⁸ Le verbe ossète *warzun/warzt* ‘aimer’ représente un parallèle sémantique de ce développement : il est apparenté aux autres formations iraniennes, tirant son origine de la racine proto-iranienne **warHz-* ‘(faire) grandir, nourrir, être plein de’, cf. av. *varəz-* ‘renforcer’, *varəzaiiant-* ‘renforçant’, parth. *w’r-* ‘être joyeux’, *prwrz-* ‘nourrir, prendre soin’, chorasm. *prwr-* ‘élever, nourrir’, etc. Les lexèmes iraniens sont reliés à skr. *ūrj-* ‘renforcer, revigorer, rafraîchir’, *ūrjā* ‘sève ; force, vigueur ; nourriture gr. ὀργάω ‘être plein de suc ou de sève’ < **werh₁ǵ-* ‘nourrir ; être plein de’ (Cheung 2007 : 422–423; IEW: 1169).

notion de depart	racine i.-e.	mots désignant 'amour, aimer, cher'
propre à soi	i.-e. * <i>preyH-</i> 'aimer'	skr. <i>priyá-</i> 'cher, aimé', skr. <i>priyāyātē</i> 'être amis', av. <i>frīnāiti</i> 'aimer, louer' v. isl. <i>frjā</i> 'aimer', <i>frēndi</i> 'parent, ami', v. angl. <i>frīgan</i> 'aimer', <i>frēond</i> 'ami' (> angl. <i>friend</i>), v.h.a. <i>friunt</i> 'ami', got. <i>frijōn</i> 'aimer', <i>frijonds</i> 'ami'
union, lier	i.-e. * <i>meyH-</i> 'lier'	lit. <i>mielas</i> , <i>mýlas</i> 'doux, cher', <i>méilė</i> 'amour', v. sl. милъ
coller	i.-e. * <i>sneyg^{wh}</i> - 'snow'	skr. <i>snéhati</i> 'être onctueux, coller ; s'attacher'
assembler	i.-e. * <i>h₂er-</i> 'ordre; assembler, joindre, fixer'	tokh. A <i>ārt</i> , tokh. B <i>ārtt-</i> 'louer, aimer, être satisfait de', gr. ἀρτύν
penser	i.-e. * <i>teng-</i> 'penser'	tokh. A <i>tuñk</i> et B <i>tañkw</i> 'amour'
	i.-e. * <i>men-</i> 'penser, mémoire'	v. h. a. <i>minna</i> , m. h. a. <i>minne</i> 'amour, affection, souvenir, désir', v. sax. <i>minnea</i> 'amour', v. fris. <i>minne</i> 'amour', etc.
désirer	i.-e. * <i>lewb^h</i> - 'désirer, aimer'	got. <i>liufs</i> , v. isl. <i>liúfr</i> 'aimé', v. angl. <i>lufu</i> 'amour', v. sl. ЛЮБЪ 'gentil, plaisant', ЛЮБИТИ 'aimer'
	i.-e. * <i>keh₂</i> - 'désirer'	lat. <i>cārus</i> 'cher', v. irl. <i>caraid</i> 'il aime'
	i.-e. * <i>wenH-</i> 'aspirer à; désirer, aimer'	lat. <i>venus</i> 'la déesse Venus, amour, charme'.
	i.-e. * <i>g^{wh}edh-</i> 'prier, désirer'	gr. πόθος 'désir de ce qui manque, désir ardent ; amour ; regret'
jouissance	i.-e. * <i>leg-</i> 'rassembler, recueillir'	lat. <i>diligō</i> , <i>dīlegere</i> 'aimer, distinguer'
	* <i>h₁erh₃</i> - 'diviser'	gr. ἔρως, ἔραμαι
aider	* <i>h₃neh₂</i> - 'aider, être utile'	protogerm. * <i>unnan-</i> 'accorder, aimer', v. isl. <i>unna</i> 'id.', fér. poet. <i>unna</i> 'aimer',
soin	* <i>keh₂d-</i> 'bouleversement, souci, haine'	v. irl. <i>cais</i>
garder	* <i>peh₂</i> - 'protéger'	gr. ἀγαπάω, ἀγαπάζω
	* <i>sterg-</i> 'couvrir, protéger'	gr. στέργω, στοργή
élever, nourrir	* <i>h₂el-</i> 'nourrir, élever'	v. isl. <i>elska</i> 'aimer', fér. <i>alska</i> , <i>elska</i> 'id.'
prendre la main	* <i>h₂emh₃</i> - 'saisir, s'emparer de'	lat. <i>amō</i> , <i>amāre</i>

L'analyse étymologique nous montre que la langue proto-indo-européenne n'a pas transmis à ces descendants un lexème commun pour désigner l'amour. La racine **preyH-* qui est la plus attestée n'apparaît, avec la signification 'aimer, amour ; amitié', que dans trois groupes (en indo-iranien, en germanique et en slave). Trois autres racines sont attestées dans deux groupes au sens d' 'aimer, amour' : **lewb^h-* (en germanique et slave), **keh₂-* (en italique et celtique) et **meyH-* (en balte et slave). Dans les autres cas la signification 'aimer, amour' n'est attestée que dans un seul groupe ou dans une seule langue.

Les 18 racines d'où les mots signifiant 'amour, aimer' dans les différentes langues indo-européennes sont issues peuvent être classées dans trois grands groupes selon leur sémantique originelle.

Il n'est pas du tout étonnant qu'un des développements sémantiques les plus attestés soit '*désirer*' > '*aimer*' : quatre racines indo-européennes témoignent de ce sens premier (**lewb^h-*, **keh₂-*, **wenhx*, **g^{wh}edh*). Nous nous attendions à trouver aussi des changements de sens, basés sur la métonymie et liés à l'expression physique de l'amour, comme celui du mot tchèque *láska* 'amour', provenant du mot slave pour caresse **laska*, mais les langues indo-européennes anciennes ne nous révèlent pas de tels passages sémantiques.

Un autre modèle d'évolution sémantique très répandu (six racines indo-européennes : **h₃neh₂-*, **keh₂d-*, **peh₂-*, **sterg-*, **h₂el-*, **h₂emh₃-*) est lié à l'idée que l'amour est un soin pour la personne aimée. Ce modèle réunit plusieurs voies d'évolution sémantique et nous pouvons présumer qu'il était originellement lié à l'amour maternel.

Plusieurs langues indo-européennes révèlent aussi la perception de l'objet d'amour comme une appartenance personnelle, telle que les membres et les organes de son propre corps, comme un prolongement de soi (**preyH-*). L'autre n'est pas conçu comme une altérité, mais comme une partie de soi, quelque chose qui manque et auquel on s'unit, s'attache pour acquérir son intégrité, cf. les formations balto-slaves de **meyH-* ; tokh. A *ārt*, tokh. B *ārtt-* ; gr. ἀρτόν de **h₂er-* ; skr. *snéhati* de **sneyg^{wh}-*.

Deux autres formations (gr. ἔρως, ἔραμαι et lat. *dīligō*, *dīlegere*) représentent l'amour comme relié à la jouissance, mais une jouissance qui consiste à prendre sa part, prendre quelque chose pour soi.

L'évolution sémantique de la racine indo-européenne **preyH-* 'aimer', d'où est issu l'adjectif **priyo-*, exprimant l'appartenance

personnelle et impliquant un rapport affectif au « soi », est l'illustration la plus éloquente de l'identification de l'autre à soi.

Ce rapport d'identification, d'assimilation de l'autre ne se retrouve-t-il pas dans un concept si proche de l'amour – celui de l'ami, du compagnon ? La conception du compagnon en tant que l'autre des deux, de l'autre qui n'est pas une personne à part, mais le deuxième élément d'une union, celui qui suit, le prolongement de soi, est conservée dans plusieurs langues indo-européennes anciennes où le concept du « compagnon »⁹ est dérivé des notions 'sien, à soi', 'autre', 'suivre, suivant'¹⁰. Le mot grec ἑταῖρος 'camarade, compagnon' qui s'applique dans l'*Illiade* à des camarades de combats, à des hommes de même âge provient de la forme **se-* du pronom réfléchi **s(w)e-* (DELG : 380). Comme l'affirme O. Freidenberg (1935 : 383), en parlant de couples comme Achille et Patrocle, Ulysse et Diomède, Oreste et Pylade, il s'agit ici d'amis-doubles, d'une relation où l'ami est « un des deux, l'autre des deux ». Le protoslave *drugъ qui signifie en même temps 'ami' et 'autre', apparenté à lit. *draũgas*, let. *dràugs* 'compagnon' et got. *driugan* στρατεύειν, *gadrauhts* 'guerrier'¹¹, est probablement issu de la notion primaire de 'suivre' (ESSJA 5: 133).

Bibliographie

- Adams, D. Q. 2013: *A Dictionary of Tocharian B*. 2nd ed. Amsterdam – New York: Rodopi.
- Benveniste, E. 1969. *Le vocabulaire des institutions indo-européennes. I. Économie, parenté, société*. Paris : Éditions de minuit.
- Bomhard, A. 2004: Indo-European **men-* and **tel-*. In : *Studies in Baltic and Indo-European Linguistics: In honor of William R. Schmalstieg*. Edited by Philip Baldi and Pietro U. Dini. [Current Issues in Linguistic Theory 254]. Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 33–36.
- Buck, C. D. 1949. *A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Cheung, J. 2007: *Etymological Dictionary of the Iranian verb*. Leiden; Boston: Brill.
- DELG – Chantraine, P. 1968–1980: *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. Paris: Klincksieck.

⁹ Il s'agit souvent du compagnon de guerre.

¹⁰ V. Buck 1949: 1346–1348.

¹¹ Sur l'évolution sémantique des mots germaniques, v. Benveniste 1969 I : 108–111.

- ESSJA 5 – [Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Fund. Vol. 5 (*dělo—*dъrъžьbь)]. Ed. by O. N. Trubachev. 1978. Moskva: Nauka.
Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 5 (*dělo—*dъrъžьbь). Под редакцией академика РАН О. Н. Трубачева. 1978. М.: Наука.
- ESSJA 14 – [Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Fund. Vol. 14 (*labati—*lěterlъjъ)]. Ed. by O. N. Trubachev. 1987. Moskva: Nauka.
Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 14 (*labati—*lěterlъjъ). Под редакцией академика РАН О. Н. Трубачева. 1987. М.: Наука.
- ESSJA 19 – [Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Fund. Vol. 19 (*męs'arъ—*morzakъ)]. Ed. by O. N. Trubachev. 1992. Mosva: Nauka.
Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 19 (*męs'arъ—*morzakъ). Под редакцией академика РАН О. Н. Трубачева. 1992. М.: Наука.
- ESSJA 31 – [Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Fund. Vol. 31 (*obvelčenyje—*obъžniviny)]. Ed. by O. N. Trubachev and A.F. Zhuravlev. 2005. Moskva: Nauka.
Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 31 (*obvelčenyje—*obъžniviny). Под редакцией академика РАН О. Н. Трубачева и доктора филологических наук А. Ф. Журавлева. 2005. Москва: Наука.
- EWAai – Mayrhofer, M. 1996. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. Band II. Heidelberg: Winter.
- Freidenberg, O. 1935: [From pre-Homeric semantics]. In: Akademiku N. Ja. Marru (jubilejnyj sb.). XLV. [To Acad. N. Y. Marr: [anniversary miscellany]. Ed. I. I. Meshhaninov. Moscow, Leningrad: Edition of AS of the Soviet Union, 381–392.
 Фрейденберг, О. 1935: Из до-гомеровской семантики. В: *Академику Н. Я. Марру : [юбилейный сб.]*. XLV. Ред. И. И. Мещанинов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 381–392.
- GED – Beekes, R. S. P., L. van Beek. 2010. *Etymological Dictionary of Greek*. Leiden; Boston: Brill.
- GEW – Frisk, Hj. 1954 – 1972. *Griechisches Etymologisches Wörterbuch*. Bd. I – III. Heidelberg: Winter.
- Hackstein, O. 1995: Untersuchungen zu den sigmatischen Präsenstamm-bildungendes Tocharische. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- IEW – Pokorny, J. 1959. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern: Francke.
- Kronnen, G. 2013: *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*. Leiden; Boston: Brill.
- LIV – *Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstamm-bildungen*. Unter Leitung von H. Rix, bearbeitet von M. Kümmel, Th. Zehnder, R. Lipp, B. Schirmer, 2. Auflage. Wiesbaden: Reichert.
- Mallory, J. P., D. Q. Adams 1997: *Encyclopedia of Indo-European Culture*. London – Chicago: Fitzroy Dearborn Publishers.

- Martirosyan, H. 2009: *Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon*. Leiden; Boston: Brill.
- Matasović, R. 2009. *Etymological dictionary of Proto-Celtic*. Leiden; Boston: Brill.
- Mihaylova, B.: 2015. Order and Joy in Indo-European. *Linguistique Balkanique* LIV, 2–3, 181–188.
- Pinault, G.-J. 1993 : Grandeur et excès : avatars du morphème *ἀγα-* dans le lexique et le discours. *Revue de Philologie* 65, 1 (Actes du colloque de Rouen, 21–22 novembre 1991 : « Étymologie diachronique et étymologie synchronique en grec ancien »), 195–218.
- Pinault, G.-J. 2008 : Tocharian Friendship. In: *Evidence and Counter-Evidence: Essays in honour of Frederik Kortlandt. Volume 1: Balto-Slavic and Indo-European*. Edited by A. Lubotsky, J. Schaeken, J. Wiedenhof. [Studies in Slavic and General Linguistics. Vol. 32. Leiden; Boston: Brill, 431–451.
- Rikov, G.T. 1997: Hittite *(i)yanna-*, Tocharian B *yanem* and the Indo-European nasal infix presents of the type *Crenh_x-*. *Orpheus. Journal of Indo-European and Thracian Studies* 7, 9–36.
- The Catalogue of Semantic Shifts [en ligne, consulté le 15 février 2010]. <http://datsemshift.ru/shift3504>
- De Vaan, M. 2008. *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages*. Leiden ; Boston: Brill.
- Vendryès, J. 1932 : Sur les verbes qui expriment l'idée de « voir ». *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres* 76, 2, 192–206.
- De Vries, J. 1977: *Altnordisches Etymologisches Wörterbuch*. Leiden. Boston; Köln: Brill.
- Weiss, M. 1998: Erotica: On the Prehistory of Greek Desire. *Harvard Studies in Classical Philology* 98, 31–61
- Winter, W. 1962: (compte-rendu) Scheller, Meinrad. 1959. *Vedisch priyá- und die Wortsippe frei, freien, Freund*. Eine bedeutungs geschichtliche Studie Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1959. *The Journal of English and Germanic Philology* 61, 1, 101–03.
- Winter, W. 1965: Tocharian Evidence. In: *Evidence for Laryngeals*. Edited by W. Winter. London; Hague; Paris: Mouton, 190–211.

Е. Н. Дувакин

(Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург)

УЗЛЫ ВЕТРОВ И КОРНИ ГОР: СТЕПНЫЕ ИСТОКИ СЕВЕРОЕВРОПЕЙСКИХ МОТИВОВ¹

Статья посвящена фольклорным параллелям между Северной Европой, с одной стороны, и Кавказом и/или Центральной Азией – с другой. Две из этих параллелей (мотивы «Три узла» и «Удар мечом из ямы») представляют собой комбинации повествовательных эпизодов, которые, по-видимому, не зафиксированы на промежуточных территориях и в остальных регионах мира. Вместе с другими соответствиями такого рода они могут быть реликтами некогда существовавшей в понтийских степях традиции. Третья из разбираемых параллелей – это отрицание того, что у камней или гор есть корни. Данный мотив известен в тюркских, балто-славянских и прибалтийско-финских традициях, а также в «Младшей Эдде». Его распространение, вероятно, связано с массовым переносом элементов культуры из Центральной Азии в Европу, который произошел после III в. н. э.

Ключевые слова: фольклор, Кавказ, Прибалтика, Фенноскандия, этническая история, культурные контакты, миграции.

E. N. Duvakin

(Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS,
St. Petersburg)

Wind knots and stone roots: a steppe influence on North European folklore

This article examines folklore links between Northern Europe on the one hand and the Caucasus and/or Central Asia on the other. Two of the parallels (“wind knots” and “ambush in a pit” motifs) represent the combinations of narrative episodes that are seemingly not attested in the intermediate area or the rest of the world. Together with other correspondences of this kind, these motifs may be relics of a tradition that once existed in the Pontic steppe. The third of the parallels under consideration is the statement found in folklore texts of different genres (charms, riddles, etc.) and saying that the stone or mountain has no roots. This motif is attested in Turkic, Balto-Slavic and Balto-Finnic traditions, as well as in the “Prose Edda”. Its distribution is likely due to the massive

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Границы и контакты: транскультурные связи в Старом Свете по результатам анализа ареального распространения фольклорно-мифологических мотивов» (грант РНФ № 18–18–00361).

transfer of elements of folklore from Central Asia to Europe, which occurred after the third century AD.

Keywords: folklore, folklore motifs, Caucasus, Eurasian Steppe, Circum-Baltic region, cultural contacts, ancient migrations.

Массовая обработка фольклорно-мифологических текстов позволяет получать все новые и новые данные об исторических процессах, происходивших в Евразии и остальных регионах мира (см., напр., Berezkin 2018a; 2019a; 2019b; 2020; Duvakin 2018; 2019). Одним из конкретных результатов этих исследований является обнаружение специфических связей между Северной Европой, с одной стороны, и Кавказом и/или Центральной Азией – с другой. Трём таким параллелям, которые представляют интерес с исторической точки зрения, но оставались, по-видимому, незамеченными ранее, и посвящена данная статья.

Три узла

Первый мотив, «Три узла», состоит из следующих эпизодов². В распоряжении персонажа оказываются веревка или поводья с тремя узлами, позволяющие двигаться быстрее или медленнее. Обычно развязывание первого и второго узлов приводит к тому, что корабль персонажа начинает быстрее плыть (благодаря поднявшемуся ветру), либо конь – быстрее скакать. Вопреки предупреждению, персонаж, почти достигнув цели, развязывает и третий узел и в результате теряет корабль или коня, попадает не туда, куда стремился, и т. п.

Этот мотив весьма популярен в прибрежных районах на севере Европы. Он зафиксирован у эстонцев (Iakubinskaia, Turkina 1965: 212–214), шведов (в том числе в Халланде и Варсинайс-Суоми: af Klintberg 2010: 258; Almqvist 1991: 34; Kvideland, Sehmsdorf 1988: 150–151, 262–263), датчан Северной Ютландии (Hansen 1997: 455), датчан или немцев Шлезвига (Müllenhoff 1845: 222), шотландцев Хайленда, Гебридских, Оркнейских и Шетландских островов (MacDonald 1994: 41; MacDougall 1969; MacInnes 1953; Mackinlay 1893: 220–221; MacLeod 1950), а также у ирландцев Коннахта, Ольстера и о-ва

---

² Здесь и далее названия мотивов приводятся в соответствии с нашей базой данных по фольклору и мифологии народов мира (Berezkin, Duvakin n.d.). О принципах ее устройства и целях создания см. Berezkin 2015.

Ратлин (Almqvist 1991: 34)³. Вот резюме двух типичных вариантов:

Датчане (Страндби). Рыбаки хотели вернуться домой, но ветра не было. Во время разговора со старой женщиной, один из них в шутку спросил, не может ли она дать им немного ветра. Женщина взяла старый платок, повязала на нем три узла и отдала рыбакам. Велела развязать первый узел, когда они будут готовы плыть, а второй – если сочтут поднявшийся ветер недостаточно сильным. Предупредила, чтобы третий узел оставался неразвязанным. Рыбаки развязали первый, поднялся хороший ветер. Затем развязали второй, и ветер усилился. Когда дом был уже виден, решили развязать и третий. В итоге начался шторм, они еле добрались до берега (Hansen 1997: 455).

Гэлы (Южный Уист). На острове Скай женщина дала морякам клубок шерстяных ниток с тремя узлами. Им следовало развязать первый и второй узлы, если потребуется более сильный ветер, и нельзя было ни при каких обстоятельствах развязывать третий. Оказавшись около берегов Уиста, моряки нарушили запрет. Поднялся мощный ветер и вернул их к дому той женщины (MacInnes 1953).

За пределами северных районов Европы «Три узла» удалось обнаружить только на Кавказе, где они встроены в сказочные тексты и зафиксированы в тюркских традициях:

Ногайцы. «Перед началом скачек всадники выстроились в ряд и по знаку хана пустили своих коней. Батырбек по совету отца привязал к передним ногам своего скакуна по тяжелому камню. Поначалу его конь стал отставать. Он старался вырваться вперед и весь покрылся пеной. Через некоторое время Батырбек остановил коня, отвязал камни и немного поводил его, чтобы тот остыл. Затем он вскочил на коня и взял поводья. На поводьях было три узла. Их завязал Болат [отец Батырбека. – Е. Д.] и наказал сыну развязывать каждый узел в свое время. И вот Батырбек развязал первый узел и не успел моргнуть, как его тулпар догнал остальных скакунов. Батырбек развязал второй узел и не успел моргнуть, как его конь оказался в том месте, где должны были закончиться состязания. Тут его поджидал отец. Он крикнул Батырбеку, чтобы тот не развязывал последний узел на поводьях, но тот не расслышал и развязал. В тот же миг тулпар понесся, как на крыльях.

---

³ Близкие, но не точные соответствия данному мотиву есть уже у Бартоломея Английского (Grimm 1875: 532) и Олафа Магнуса (Magnus 1555: 119).

Батырбек ничего вокруг не видел, только ветер свистел в его ушах. Вот они достигли моря и волны сомкнулись над ними. Батырбек выбрался на берег и стал звать своего коня. Но сколько ни кричал он, конь так и не отозвался. Тогда Батырбек набрал хворосту, сделал шалаш, залез в него и тут же уснул» (Nogai 1979: 89).

Карачаевцы или балкарцы. «Вот объявил князь день скачек. Со всех концов лучшие джигиты собрались на это состязание. Расстояние для скачек назначили в один день пути. И вот выстроили всадники на рассвете своих коней в ряд и по знаку князя помчались вперед. Аладин, как и наказывал ему отец, привязал к передним ногам коня камни. Поэтому в начале пути конь его остался далеко позади. Но не мог скакун стерпеть такого позора, рвался вперед изо всех сил, и от этого весь покрылся белой пеной. Тогда Аладин, как наказывал ему отец, отвязал камни, поводил немного коня и снова сел на него. Теперь он завязал на поводьях три узла (и это велел ему отец). Перед тем как снова пустить вперед своего коня, развязал Аладин первый узел и быстро догнал тех джигитов, что были далеко впереди. Потом развязал юноша второй узел – очутился самым первым. Старик наказал сыну третий узел не развязывать. Но забыл Аладин слова отца, развязал и его. И как только развязал, полетел конь быстрее ветра – не смог сдержать его Аладин. К вечеру прискакал конь на берег моря и с размаху кинулся в воду. Аладин только успел спрыгнуть на песок, а конь исчез под водой. Что было делать Аладину на пустынном морском берегу? Нарезал он камыша, построил себе шалаш и лег спать» (Alieva, Kholaeв 1983: 92).

Североевропейские тексты об узлах ветров иногда сравнивались с гомеровским рассказом об Одиссее и мехе Эола (см., напр., Hansen 1997: 454–455). Наличие сходства между этими нарративами неоспоримо, а опосредованная связь – допустима, однако здесь надо учитывать следующие обстоятельства. Повествования о том, что ветер находился или находится в небольшом вместилище (мешке, сундуке и т.п.), выпущен из него либо вылетает оттуда время от времени, обладают более широким географическим распространением, нежели мотив «Три узла». В Европе за пределами античной традиции (Hom. Od. X. 19–76; Palaeph. XVII; Lyc. Alex. 738–740; Parth. Erot. Path. II; Ovid. Met. XIV. 223–232; Ps.-Apollod. Epit. VII. 10–11; Hyg. Fab. 125) «Ветер в мешке» зафиксирован в Фенноскандии, Прибалтике, Поволжье и на Кавказе. В

остальном мире он встречается в Полинезии и – относительно редко – в Центральной Азии, Западной Сибири и на севере Северной Америки (Berezkin, Duvakin n.d.; Duvakin 2018: 455). Наличий фиксаций у атапасков и сэлишей свидетельствует, что его распространение могло происходить уже в раннем голоцене и конце плейстоцена.

«Три узла» представляют собой серию эпизодов и являются в данном отношении более сложным элементом фольклора, чем «Ветер в мешке». Другое существенное отличие заключается в том, что второй из этих мотивов имеет космологическо-этиологический характер, а первый относится к числу сугубо приключенческих. Учитывая это, а также особенности дистрибуции в обоих случаях, можно утверждать, что «Три узла» появились и начали распространяться значительно позже «Ветра в мешке».

В процитированных кавказских вариантах речь идет о скачках на коне, тогда как во всех североевропейских версиях – о плавании на морском судне. Если мотив «Три узла», на котором основаны эти повествования, распространялся с юга на север, то образ коня на каком-то этапе оказался замененным на корабль. В контексте германских традиций такой переход выглядит вполне логичным и имеет аналогию в виде кеннингов с основой 'конь' и значением 'корабль' («конь дров», «скакун буруна» и т.п.), характерных для эддической и скальдической поэзии (см., напр., Gurevich 2016: 354–356; Korsun 1963: 102; Pálsson 2012: 186–189, 200–201, 282–283, 292–297; Petrov, Steblin-Kamensky 1979: 27, 46, 64, 66, 102–105; Smirnitskaia, Steblin-Kamensky 1970: 86–87).

Удар мечом из ямы

Данный мотив, как и «Три узла», относится к категории приключенческих. Чтобы убить дракона, герой выкапывает яму и прячется в ней. Когда дракон проползает поблизости или над ямой, герой наносит ему смертельный удар мечом. Повествования, содержащие эти эпизоды, имеются в «Старшей Эдде» («Речи Фафнира»: Korsun 1963: 104), «Младшей Эдде» («Язык поэзии»: Smirnitskaia, Steblin-Kamensky 1970: 75) и «Саге о Вёльсунгах» (Grimstad 2005: 136–139; Iarkho 1934: 150–151). Приведу в качестве примера последнюю из указанных версий:

Сага о Вёльсунгах. «Регин молвил: “Вырой яму и садись в нее, а когда змей поползет к воде, ударь его в сердце и так предай его смерти; добудешь ты этим великую славу”. Сигурд молвил: “Как быть, если кровь змея того зальет меня?” Регин отвечает: “Нечего тебе и советовать, раз ты всего пугаешься, и не похож ты отвагою на своих родичей”. Сигурд выкопал яму; а пока он был этим занят, пришел к нему старик с длинной бородой и спросил, что он делает, и Сигурд ему сказал. Отвечает ему старик: “Это дурной совет: вырой ям побольше, чтобы кровь туда стекала, а ты сиди в одной и бей змея того в сердце”. Тут старик исчез, а Сигурд выкопал ямы, как было сказано. А когда змей тот пополз к воде, то задрожала вся округа, точно сотряслась земля, и брызгал он ядом из ноздрей по всему пути, но не устранился Сигурд и не испугался этого шума. А когда змей проползал над ямой той, вонзил Сигурд меч под левую ключицу, так что клинок вошел по рукоять. Тут выскакивает Сигурд из ямы той и тянет к себе меч, и руки у него – все в крови по самые плечи. И когда огромный тот змей почувал смертельную рану, стал он бить головой и хвостом, дробя все, что под удар попадало. И когда принял Фафни смертельную рану, стал он спрашивать: “Кто ты таков, и кто твой отец и какого ты роду, что дерзнул занести на меня оружие?”» (Iarkho 1934: 150–151).

Тот же мотив зафиксирован на Кавказе в кабардинском фольклоре. Вот резюме соответствующей записи:

Кабардинцы. Когда-то стариков убивали. Трое сыновей состарившегося Казы спрятали его в гробу. Дракон захотел захватить истоки реки. Казы стал испытывать сыновей, велел им перерубить его шашкой перекладину. Лишь младший, Хатокшуко, смог это сделать. Казы сказал: «Ты способен убить дракона. Пойди тихонько выкопай яму, – дракон не услышит: он глух. Спрячься в яме. Когда дракон будет ползти мимо той ямы, быстро поднимись и рази дракона в шею. Только не горячись, будь спокоен. Если ударишь как следует, то моя старая шашка снимет голову дракону. Моя шашка – маиса [сталь высокого качества. – *Е. Д.*]». На другой день Хатокшуко сделал так, как велел отец. Дракон был убит. Хатокшуко пришел в селение и рассказал, что следовал указаниям отца. С тех пор стариков не убивают (Talra 1936: 106–108).

Корни гор

Упоминания о том, что у камней или гор нет корней, встречаются в фольклорно-мифологических текстах (загадках,

заговорах и пр.) только отдельных традиций Евразии. По-видимому, самое раннее свидетельство содержится в «Младшей Эдде» (Pálsson 2012: 48–49; Smirnitskaia, Steblin-Kamensky 1970: 32). В циркумбалтийском ареале данный мотив распространен в фольклоре карелов (Lavonen 1982: 111), вепсов (Zaitseva, Mullonen 1969: 113), эстонцев (Krikmann, Sarv 1986: 139), латышей (Ryzhakova 2000: 16) и литовцев (Vaitkevičienė 2013: 213–214; Zav'ialova 2006: 19, 45, 141, 250, 281–282). В Европе он зафиксирован также у словенцев (Grimm 1878: 185), чехов («Enigmaticus» Кларета: Peachy 1957: 46), судетских немцев (Peachy 1957: 46), поляков (Levkievskiaia, Tolstaia 1999: 448), белорусов (Dobrovolsky 1903: 153–156; Rybnikova 1932: 181; Smirnov 1981: 245–246; Zav'ialova 2006: 57), украинцев (по крайней мере в Галиции, на Полтавщине и Черниговщине: Kostomarov 1906: 541, 570; Nomis 1864: 297; Snegirev 1827: 274–275; Tereshchenko 1848: 131–132, 144), русских (в том числе в Архангельской, Вологодской, Новгородской, Псковской, Нижегородской, Тульской и Тамбовской губерниях: Astakhova 1938: 207; Balashov 1963: 99; Dal 1862: 1060; Kolpakova 1963: 285; Mel'ts et al. 1961: 189; Mints, Savushkina 1955: 99; Rybnikova 1932: 108, 241; Sadovnikov 1876: 293, 296; Shein 1870: 233, 235; Vlasova, Zhekulina 2006: 51; Zemtsovsky 1970: 483), казанских татар (Makhmutov 2013: 47; Poppe 1971: 227) и ставропольских туркмен (Samoilovich 1914: 206–207), которые являются относительно поздними переселенцами с п-ова Мангышлак. За пределами Европы «Корни гор» известны в Центральной Азии и Сибири, где соответствующие записи сделаны у казахов (Bregel 1961: 232), киргизов (Orozova 1998: 25), бурят (Bardakhanova 1982: 112) и ненцев (Zhurinsky 2007: 220). Вот некоторые из образцов:

Младшая Эдда («Видение Гюльви»). «Стали тут асы опасаться, что не связать им волка, и Всеотец послал Скирнира, гонца Фрейра, под землю в страну черных альвов к неким карлам, и повелел им изготовить путы, прозванные Глейпнир. Шесть сутей соединены были в них: шум кошки, борода жены, корни горы, жилы медведя, дыхание рыбы и слюна птицы. И если ты прежде о таком и не слыхивал, ты можешь и сам, рассудив, убедиться, что нет тут обману: верно, примечал ты, что у жен бороды не бывает, что неслышно бегают кошки и нет корней у гор» (Steblyn-Kamensky 1976: 66).

Вепсы. Фрагмент заговора от грыжи: «[Как] у курицы нет молока, у петуха нет яйца, у камня нет корней, у пальца нет

имени, пусть так и у этого младенца не будет этой грыжи» (Zaitseva, Mullonen 1969: 113).

Эстонцы. Пословица: «На свете нет трех вещей: корня у камня, молока у птицы, сучков у воды» (Krikmann, Sarv 1986: 139).

Литовцы. Заговор от змеи: «Камень без корня, Радуйся, Мария. Птица без молока, Радуйся, Мария. Червь без жвачки, Радуйся, Мария» (Zav'ialova 2006: 20, 45).

Русские (Псковская губ.). Эпизод песни: «Ишла девка / Семилетка, / За ней парень, / Словно барин: / Постой, девка, / Семилетка! / Загадаю / Три загадки: / Что растет-то, / Без коренья? / Что цветет-то, / Но без цвета? / Что шумит-то. / Но без ветра? / Девка стала / Отгадала: / Растет камень / Без коренья, / Цветет сосна, / Но без цвета, / Шумит речка. / Но без ветра» (Shein 1870: 235–236).

Белорусы (Полесье). Загадка: «Шчо расьце без кораня?». Отгадка: «Камень» (Rybniukova 1932: 181).

Украинцы (Полтавская губ.). Троицкая песня: «Ой бежит, бежит красна девчинка, / А за нею да русалочка; / Ты послухай мене, красна панночка. / Загадаю тебе три загадки: / Коли ты вгадаешь – я до батька пушу; / А як не вгадаешь – я до себе возьму. / Ой що росте да без кореня, / Ой що бежит да без повода, / Ой що цвете без всякого цвету? – / Камень росте без кореня, / Вода бежит без повода, / Папороть цвете без всякого цвету! / Девчинка загадки не вгадала, – / Русалочка ее залоскотала» (Snegirev 1827: 274–275).

Казанские татары. Загадка: «В мире есть семь *нет*. Что это?». Отгадка: «У птицы нет молока, у жеребенка нет желчи, в роднике нет сливок, у плаща нет рукавов, у лошади нет жвачки, у коровы нет ума, у камня нет корней» (Porre 1971: 227).

Ставропольские туркмены. Загадка: «Под землей семь загадок». Отгадка: «У птицы молока нет. У кулана желчи нет. В ручье сливок нет. У епанчи рукавов нет. У лошадей пережевывания нет. У коров валянья нет. У камней корней нет» (Samoilovich 1914: 206–207).

Казахи. Пословица: «У камня нет корней; у султана нет родственников» (Bregel 1961: 232).

Киргизы. Загадка: «У чего нет сливок? / – У чистой воды нет сливок. / У чего нет корней? / – У камня нет корней. / У чего нет моста? / – У озера нет моста. / У чего нет подпорки? / – У неба нет подпорки. / У чего нет души? / – У бревна нет души. / У чего нет языка? / – У рыбы нет языка. / У чего нет крови? / –

У травы нет крови. / У чего нет желчи? / – У лошади нет желчи. / У чего нет молока? / – У птиц нет молока. / У чего нет шерсти? / – У змеи нет шерсти» (Orozova 1998: 114)⁴.

Существенно, что ряд записей из циркумбалтийского ареала демонстрирует особое сходство с тюркскими образцами. Речь идет о вепсском, эстонском и литовском текстах, с одной стороны, и о татарском, туркменском и киргизском вариантах – с другой. Во всех этих записях мотив «Корни гор» сопряжен с прямым указанием на то, что у птицы нет молока. Киргизская версия, в свою очередь, имеет специфическую общую деталь с алтайским текстом, в котором отрицается существование не корней, но пояса горы, и тоже упоминается отсутствующая у неба «подпорка»:

Южные алтайцы. Загадка: «Когда возникли Земля и Небо, / Не оказались совершенными три вещи. Что это? / 1. У горы нет пояса; / 2. У неба нет подпорки; / 3. У реки нет мешалки» (Ukachina 1984: 68).

Заключение

Две из упомянутых параллелей – «Три узла» и «Удар мечом из ямы» – представляют собой мотивы, которые, по-видимому, отсутствуют на территориях между Северной Европой и Кавказом. Соответствия такого рода не являются единичными и формируют целую группу фольклорных элементов (см., напр., мотивы «Если бы февраль был как январь», «Большой бык», «Лишь ребенок сдвигает с места», «Кость в глазу» «Пусть волк съест глупца», «Без руки и ноги: покалеченный пахарь», «Закрыть от дождя своим телом», «Лисы встретятся на базаре» – Berezkin, Duvakin n.d.; 2016: 47–51; ср. Dumézil 1986). Часть их имеет характер эксклюзивных на мировом фоне циркумбалтийско-кавказских параллелей, а часть обнаружена также в других районах Старого Света, включая Центральную Азию.

Поскольку вероятность независимого возникновения в двух регионах Европы группы одинаковых и относительно сложных мотивов ничтожно мала, их распространение должно рассматриваться как результат миграционных и этнокультурных процессов, протекавших, в том числе, в промежуточных географических районах. Среди потенциальных факторов, которые

---

⁴ Перевод с киргизского сделан и любезно предоставлен Русланом Доуталиевым.

могли повлиять на формирование циркумбалтийско-кавказских параллелей, можно назвать следующие: балто-иранские языковые контакты, которые прослеживаются по ряду лексических сходжений (Trubachyov 2005: 34–42) и, судя по гидронимии, происходили по крайней мере в бассейне Десны и Сейма (Торогов, Trubachyov 1962: 193–194, 222–232); сармато-германские взаимодействия первых веков н.э., выразившиеся в обмене не только вещами, но и идеями (см., напр., Shchukin 2005: 72–89); массовый перенос фольклорных мотивов из Центральной Азии в Европу, произошедший после рубежа эр и связанный в основном с экспансией тюрко-монгольских народов (Berezkin 2018a; Berezkin, Duvakin 2016); «поздне-античный малый ледниковый период» с кульминацией в виде «события 536», приведший к демографической катастрофе в Фенноскандии и Прибалтике и усилению миграционных потоков в Европе (Berezkin 2018b; Büntgen et al. 2016; Schneeweiss 2019). Так или иначе, но мы, по-видимому, имеем дело с существовавшими в понтийских степях традициями, которые там оказались утрачены, но отчасти сохранились на Кавказе и в северных районах Европы. Аналогичная ситуация характерна и для кельто-кавказских фольклорных параллелей (Duvakin 2019).

Что же касается мотива «Корни гор», зафиксированного не только в Центральной Азии, циркумбалтийском ареале и Исландии, но и в промежуточных районах, то его проникновение в Европу вместе с тюрками могло происходить неоднократно. Поскольку соответствующее свидетельство имеется уже в «Младшей Эдде», кыпчакская экспансия вряд ли была первым эпизодом этого процесса – скорее речь должна идти о более ранних миграциях по степному поясу. Одним из допустимых исторических сценариев является распространение данного мотива из тюркских традиций в балто-славянские, а оттуда в германский фольклор.

Источники и литература

- af Klintberg, B. 2010: *The Types of the Swedish Folk Legends*. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia.
- Alieva, A., Kholaev, A. 1983: *Balkarskie i karachaevskie skazki [Balkar and Karachay Folktales]*. Ed. and transl. by A. Alieva and A. Kholaev. Moscow: Detskaia literatura.
- Алиева, А., Холаев, А. 1983: *Балкарские и карачаевские сказки*. Пер. и обраб. А. Алиевой и А. Холаева. М.: Детская литература.

- Almqvist, B. 1991: Irish Migratory Legends on the Supernatural: Sources, Studies and Problems. *Béaloides* 59, 1–43.
- Astakhova, A. M. 1938: *Byliny Severa* [*Epic of the Russian North*]. Collect. and ed. by A. M. Astakhova. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Астахова, А. М. 1938: *Былины Севера*. Зап., вступ. ст. и коммент. А. М. Астаховой. Т. 1. М.; Л.: Издательство АН СССР.
- Balashov, D. M. 1963: *Narodnye ballady* [*Folk Ballads*]. Ed. by D. M. Balashov. Moscow; Leningrad: Sovetskii pisatel'.
- Балашов, Д. М. 1963: *Народные баллады*. Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Д. М. Балашова. М.; Л.: Советский писатель.
- Bardakhanova, S. S. 1982: *Malye zhanry buriatskogo fol'klora* [*Riddles, Proverbs and Folk Blessings of the Buryats*]. Ulan-Ude: Buriatskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Бардаханова, С. С. 1982: *Малые жанры бурятского фольклора*. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство.
- Berezkin, Yu. 2015: Folklore and Mythology Catalogue: Its Lay-Out and Potential for Research. *The Retrospective Methods Network Newsletter* 10, 56–70.
- Berezkin, Yu. 2018a: [Siberia and Central Asia as a Region of Innovations (Folklore Data)]. *Antropologicheskij forum* 39, 33–51. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2018-14-39-33-51>.
- Березкин, Ю. Е. 2018a: Сибирь и Центральная Азия как инновационный регион (материалы фольклора). *Антропологический форум* 39, 33–51.
- Berezkin, Yu. 2018b: The AD 536 Event and the Folklore/Mythological Links between Fennoscandia and the Caucasus. Paper presented at the Tohoku Forum for Creativity, June 5, Tohoku University, Japan.
- Berezkin, Yu. 2019a: Athabaskan–Siberian Folklore Links: In Search of Na-Dene Origins. *Folklore* (London) 130 (1), 31–47. <https://doi.org/10.1080/0015587X.2018.1515208>.
- Berezkin, Yu. 2019b: [“The Tale of Tsar Saltan” (Tale Type ATU 707) and Eurasian–American parallels]. *Antropologicheskij forum* 43, 89–110. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2019-15-43-89-110>.
- Берёзкин, Ю. Е. 2019b: «Сказка о царе Салтане» (сюжет АТУ 707) и евразийско-американские параллели. *Антропологический форум* 43, 89–110.
- Berezkin, Yu. 2020: [Areal Connections of Ancient Japanese Mythology]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1, 23–33. <https://doi.org/10.31857/S086954150008766-2>.
- Берёзкин, Ю. Е. 2020: Ареальные связи древней японской мифологии. *Этнографическое обозрение* 1: 23–33.
- Berezkin, Yu., Duvakin, E. 2016: The Captive Khan and the Clever Daughter-in-Law. *Folklore* (Tartu) 64, 33–56. <https://doi.org/10.7592/FEJF2016.64.khan>.
- Berezkin, Yu., Duvakin, E. n.d.: *Tematicheskaja klassifikatsiia i raspredelenie fol'klorno-mifologicheskikh motivov po arealam. Analiticheskii katalog* [*The Electronic Analytical Catalogue of Folklore*

- and Mythological Motifs: Thematic Classification and Areal Distribution*]. <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>.
- Березкин, Ю. Е., Дувакин, Е. Н. б.г.: *Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог*. <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>.
- Bregel, Yu. E. 1961: *Poslovitsy i pogovorki narodov Vostoka* [*Proverbs and Adages of the Peoples of the East*]. Ed. by Yu. E. Bregel. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury.
- Брегель, Ю. Э. 1961: *Пословицы и поговорки народов Востока*. Сост. Ю. Э. Брегель. М.: Издательство восточной литературы.
- Büntgen, U., et al. 2016: Cooling and Societal Change during the Late Antique Little Ice Age from 536 to around 660 AD. *Nature Geoscience* 9, 231–236. <https://doi.org/10.1038/ngeo2652>.
- Dal, V. I. 1862: *Poslovitsy russkogo naroda* [*Proverbs of the Russian People*]. Moscow: Universitetskaia tipografiia.
- Даль, В. И. 1862: *Пословицы русского народа*. М.: Университетская типография.
- Dobrovol'sky, V. N. 1903: *Smolenskii etnograficheski sbornik* [*Smolensk Ethnographic Collection*]. Moscow: A. V. Vasil'ev.
- Добровольский, В. Н. 1903: *Смоленский этнографический сборник*. М: Типография А. В. Васильева.
- Dumézil, G. 1986: *Loki*. Nouv. éd. ref. Paris: Flammarion.
- Duvakin, E. N. 2018: [Ancient Greek – Latin – Caucasian Mythological Links in the Eurasian Context]. *Indo-European Linguistics and Classical Philology* 22, 452–463. <https://doi.org/10.30842/ielcp230690152235>.
- Дувакин, Е. Н. 2018: Греко-латинско-кавказские связи в области мифологии на евразийском фоне. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 22, 452–463.
- Duvakin, E. N. 2019: [Celtic–Caucasian Folklore Parallels and Possible Scenarios for Their Origin]. *Indo-European Linguistics and Classical Philology* 23, 295–307. <https://doi.org/10.30842/ielcp230690152323>.
- Дувакин, Е. Н. 2019: Кельто-кавказские фольклорные параллели и возможные сценарии их происхождения. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 23, 295–307.
- Grimm, J. 1875: *Deutsche Mythologie*. 4te Ausg. Bd. I. Berlin: Ferdinand Dümmlers Verlagsbuchhandlung.
- Grimm, J. 1878: *Deutsche Mythologie*. 4te Ausg. Bd. III. Berlin: Ferdinand Dümmlers Verlagsbuchhandlung.
- Grimstad, K. 2005: *Völsunga saga. The Saga of the Volsungs. The Icelandic Text According to MS Nks 1824 b, 4°*. With an English transl., introd. and notes by K. Grimstad. 2nd ed. Saarbrücken: AQ-Verlag.
- Gubanov, I. B., et al. 2008: *Priadi istorii: Islandskie sagi o Drevnei Rusi i Skandinavii* [*The Strands of History: Icelandic Sagas about Ancient Rus' and Scandinavia*]. Transl. by I. B. Gubanov, V. O. Kazansky, M. V. Pankratova, Yu. A. Poluektov. Moscow: Vodolei Publishers.

- Губанов, И. Б., и др. 2008: *Пряди истории: Исландские саги о Древней Руси и Скандинавии*. Пер. с древнеисл. И. Б. Губанов, В. О. Казанский, М. В. Панкратова, Ю. А. Полуэктов. М.: Водолей Publishers.
- Gurevich, E. A. 2016: [A Selection of Scaldic Poems]. *Studia Litterarum* 1 (3–4), 340–356. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2016-1-3-4-340-356>.
- Гуревич, Е. А. 2016: Из скальдической поэзии. *Studia Litterarum* 1 (3–4), 340–356.
- Hansen, W. F. 1997: Homer and the Folktale. In: *A New Companion to Homer*. Ed. by I. Morris and B. Powell. Leiden; New York; Köln: Brill, 442–462.
- Iakubinskaia, E., Turkina, E. 1965: *Estoniskie narodnye skazki* [Estonian Folktales]. Ed. by E. Iakubinskaia and E. Turkina. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaia literatura.
- Якубинская, Э., Туркина, Э. 1965: *Эстонские народные сказки*. Сост. Э. Якубинская и Э. Туркина. М.; Л.: Художественная литература.
- Iarkho, B. I. 1934: *Saga o Volsungakh* [The Saga of the Volsungs]. Transl. and ed. by B. I. Iarkho. Moscow; Leningrad: Academia.
- Ярхо, Б. И. 1934: *Сага о Волсунгах*. Пер., предисл. и примеч. Б. И. Ярхо. М.; Л.: Academia.
- Kolpakova, N. P. 1963: *Pesni Pechory* [Songs of the Pechora Area]. Ed. by N. P. Kolpakova. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Колпакова, Н. П. 1963: *Песни Печоры*. Отв. ред. Н. П. Колпакова. М.; Л.: Издательство АН СССР.
- Korsun, A. I. 1963: *Starshaia Edda* [The Poetic Edda]. Transl. by A. I. Korsun. Moscow; Leningrad: Nauka.
- Корсун, А. И. 1963: *Старшая Эдда*. Пер. А. И. Корсуна. М.; Л.: Наука.
- Kostomarov, N. I. 1906: *Sobranie sochinenii. Istoricheskie monografii i issledovaniia* [Collected Works. Studies in History]. Vol. 8. Pts. 19–21. St. Petersburg: M. M. Stasiulevich.
- Костомаров, Н. И. 1906: *Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования*. Кн. 8. Т. XIX–XXI. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича.
- Krikmann, A., Sarv I. 1986: *Estoniskie poslovitsy* [Estonian Proverbs]. Ed. by A. Krikmann and I. Sarv. Tallinn: Eesti raamat.
- Крикманн, А., Сарв И. 1986: *Эстонские пословицы*. Под ред. А. Крикманна, И. Сарв. Таллинн: Ээсти раамат.
- Kvideland, R., Sehmsdorf, H. K. 1988: *Scandinavian Folk Belief and Legend*. Ed. by R. Kvideland and H. K. Sehmsdorf. Minneapolis and London: University of Minnesota Press.
- Lavonen, N. A. 1982: *Karel'skie narodnye zagadki* [Karelian Folk Riddles]. Ed. by N. A. Lavonen. Petrozavodsk: Kareliia.
- Лавонен, Н. А. 1982: *Карельские народные загадки*. Изд. подгот. Н. А. Лавонен. Петрозаводск: Карелия.
- Levkievskaja, E. E., Tolstaia, S. M. 1999: [Stone]. In: *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic Antiquity: An

- Ethnolinguistic Dictionary]. Ed. by N. I. Tolstoi. Vol. 2. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 448–453.
- Левкиевская, Е. Е., Толстая, С. М. 1999: Камень. В сб.: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М.: Международные отношения, 448–453.
- MacDonald, D. A. 1994: Migratory Legends of the Supernatural in Scotland: A General Survey. *Béaloides* 62/63, 29–78.
- MacDougall, D. A. 1969: Using a Knotted String to Raise a Wind for Sailing. School of Scottish Studies SA1969.006. *Tobar an Dualchais/Kist o Riches*. <http://www.tobarandualchais.co.uk/en/fullrecord/30322/2>.
- Mackinlay, J. M. 1893: *Folklore of Scottish Lochs and Springs*. Glasgow: William Hodge & Co.
- MacInnes, D. 1953: A Clew of Wool with Three Knots Given to Sailors with the Power to Raise the Wind. School of Scottish Studies SA1953.274. *Tobar an Dualchais/Kist o Riches*. <http://www.tobarandualchais.co.uk/en/fullrecord/39272/2>.
- MacLeod, A. 1950: How the Heisker Lad Got Free of the Witch. National Trust for Scotland CW0123. *Tobar an Dualchais/Kist o Riches*. <http://www.tobarandualchais.co.uk/en/fullrecord/33231/2>.
- Magnus, O. 1555: *Historia de gentibus septentrionalibus, earumque diversis statibus, conditionibus, moribus, ritibus, superstitionibus, etc.* Roma: apud Ioannem Mariam de Viottis Parmensem.
- Makhmutov, Kh. Sh. 2013: *Tatarskoe narodnoe tvorchestvo* [Tatar Folklore]. Vol. 4. Ed. by Kh. Sh. Makhmutov. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Махмутов, Х. Ш. 2013: *Татарское народное творчество*. Т. 4. Сост. Х. Ш. Махмутов. Казань: Татарское книжное издательство.
- Mel'ts, M. Ia., et al. 1961: *Poslovitsy, pogovorki, zagadki v rukopisnykh sbornikakh 18–20 vekov* [Proverbs, Adages and Riddles in Manuscript Collections of the 18th – 20th centuries]. Ed. by M. Ia. Mel'ts, V. V. Mitrofanova, G. G. Shapovalova. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Мельц, М. Я., и др. 1961: *Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков*. Изд. подгот. М. Я. Мельц, В. В. Митрофанова, Г. Г. Шаповалова. М.; Л.: Издательство АН СССР.
- Mints, S. I., Savushkina, N. I. 1955: *Skazki i pesni Vologodskoi oblasti* [Tales and Songs of the Vologda District]. Ed. by S. I. Mints and N. I. Savushkina. Vologda: Oblastnaia knizhnaia redaktsiia.
- Минц, С. И., Савушкина, Н. И. 1955: *Сказки и песни Вологодской области*. Сост. С. И. Минц, Н. И. Савушкина. Вологда: Областная книжная редакция.
- Müllenhoff, K. 1845: *Sagen, Märchen und Lieder der Herzogthümer Schleswig, Holstein und Lauenburg*. Hrsg. von K. Müllenhoff. Kiel: Schwesrsche Buchhandlung.
- Nogai, A. 1979: *Nogaiskie narodnye skazki* [Folktales of the Nogais]. Ed. and transl. by A. Nogai. Moscow: Nauka.

- Ногай, А. 1979: *Ногайские народные сказки*. Сост. и пер. А. Ногай. М.: Наука.
- Nomys, M. 1864: *Ukrains'ki prikazki, prisliv'ia i take inshe [Ukrainian Proverbs, Adages, etc.]*. Ed. by M. Nomys. St. Petersburg: Tiblen and Kulish.
- Номис, М. 1864: *Українські приказки, прислів'я і таке інше*. Спор. М. Номис. СПб.: В друкарнях Тиблена и комп. И. Куліша.
- Orozova, G. 1998: *Baldar fol'kloru [Children's Folklore]*. Ed. by G. Orozova. Bishkek: Sham.
- Орозова, Г. 1998: *Балдар фольклору*. Түз. Г. Орозова. Бишкек: Шам.
- Pálsson, H. 2012: *Snorri Sturluson. The Uppsala Edda: DG 11 4to*. Ed. with introd. and notes by H. Pálsson. Transl. by A. Faulkes. London: Viking Society for Northern Research.
- Peachy, F. 1957: *Clareti Enigmata: The Latin Riddles of Claret*. Ed. with introd. and notes by F. Peachy. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
- Petrov, S. V., Steblin-Kamensky, M. I. 1979: *Poeziia skal'dov [Scaldic Poetry]*. Ed. by S. V. Petrov and M. I. Steblin-Kamensky. Leningrad: Nauka.
- Петров, С. В., Стеблин-Каменский, М. И. 1979: *Поэзия скальдов*. Изд. подгот. С. В. Петров, М. И. Стеблин-Каменский. Л.: Наука.
- Poppe, N. 1971: Review of *Tatar xalik tabişmakları [Tatar Folk Riddles]*, collect. and comp. by N. İsänbät. Kazan, 1970. *Central Asiatic Journal* 15 (3), 226–227.
- Rybnikova, M. A. 1932: *Zagadki [Riddles]*. Moscow; Leningrad: Academia.
- Рыбникова, М. А. 1932: *Загадки*. М.; Л.: Academia.
- Ryzhakova, S. I. 2000: [Mythological Beliefs about Stones among the Latvians]. *Zhivaia starina* 3: 13–16.
- Рыжакова, С. И. 2000: «Спит камушек без снов...» Мифологические представления о камнях у латышей. *Живая старина* 3: 13–16.
- Sadovnikov, D. N. 1876: *Zagadki russkogo naroda [Riddles of the Russian People]*. St. Petersburg: N. A. Lebedev.
- Садовников, Д. Н. 1876: *Загадки русского народа*. СПб.: Типография Н. А. Лебедева.
- Samoilovich, A. N. 1914: [Review of *Ottoman riddles collected in Bursa* by V. Zavarin. Moscow, 1912]. *Zhivaia starina* 21, 204–207.
- Самойлович, А. Н. 1914: Рец. на: Заварин В. Османские загадки, собранные в Бурсе. М., 1912. *Живая старина* 21, 204–207.
- Shchukin, M. B. 2005: *Gotskii put' (goty, Rim i cherniakhovskaia kul'tura) [The Gothic Way. Goths, Rome, and the Culture of the Cherniakhov / Sîntana de Mureş]*. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU.
- Щукин, М. Б. 2005: *Готский путь (готы, Рим и черняховская культура)*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ.

- Shein, P. V. 1870: *Russkie narodnye pesni* [Russian Folk Songs]. Pt. 1. Moscow: Universitetskaia tipografiia.
- Шейн, П. В. 1870: *Русские народные песни*. Ч. 1. М.: Университетская типография.
- Smirnov, Yu. I. 1981: [Epic of Polesye (records of 1975)]. *Slavianskii i balkanskii fol'klor. Obriad. Tekst* [Slavic and Balkan Folklore. Ritual. Text]. Ed. by N. I. Tolstoi. Moscow: Nauka, 224–269.
- Смирнов, Ю. И. 1981: Эпика Полесья (по записям 1975 г.). *Славянский и балканский фольклор. Обряд. Текст*. Отв. ред. Н. И. Толстой. М.: Наука, 224–269.
- Schneeweiss, J. 2019: [“Late Antique Little Ice Age” and the Spread of the Slavs in the Third Quarter of the 1st Millenium AD]. *Ural Historical Journal* 4 (65), 52–63. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-4\(65\)-52-63](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-4(65)-52-63).
- Шнеевайсс, Й. 2019: «Late Antique Little Ice Age» и распространение славян в третьей четверти I тыс. н.э. *Уральский исторический вестник* 4 (65), 52–63.
- Smirnitskaia, O. A., Steblin-Kamensky, M. I. 1970: *Mladshaia Edda* [The Prose Edda]. Ed. by O. A. Smirnitskaia and M. I. Steblin-Kamensky. Leningrad: Nauka.
- Смирницкая, О. А., Стеблин-Каменский, М. И. 1970: *Младшая Эдда*. Изд. подгот. О. А. Смирницкая и М. И. Стеблин-Каменский. Л.: Наука.
- Snegirev, I. M. 1827: [The Green Week]. *Vestnik Evropy* 8: 272–279.
- Снегирев, И. М. 1827: Русальная неделя. *Вестник Европы* 8: 272–279.
- Talpa, M. E. 1936: *Kabardinskii fol'klor* [Folklore of the Kabardians]. Ed. by M. E. Talpa. Moscow; Leningrad: Academia.
- Талпа, М. Е. 1936: *Кабардинский фольклор*. Вступ. ст., коммент. и словарь М. Е. Талпа. М.; Л.: Academia.
- Tereshchenko, A. V. 1848: *Byt russkogo naroda* [Life of the Russian People]. Pt. 6. St. Petersburg: Tipografiia voenno-uchebnykh zavedenii.
- Терещенко, А. В. 1848: *Быт русского народа*. Ч. VI. СПб.: Типография военно-учебных заведений.
- Toporov, V. N., Trubachyov, O. N. 1962: *Lingvisticheskii analiz gidronimov Verkhnego Podneprov'ia* [A Linguistic Analysis of Hydronyms of the Upper Dnepr Basin]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Топоров, В. Н., Трубачев, О. Н. 1962: *Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья*. М.: Издательство АН СССР.
- Trubachyov, O. N. 2005: *Trudy po etimologii: Slovo. Istoriia. Kul'tura* [Works on Etymology: Word. History. Culture]. Vol. 2. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.
- Трубачев, О. Н. 2005: *Труды по этимологии: Слово. История. Культура*. Т. 2. М.: Языки славянской культуры.
- Ukachina, K. E. 1984: *Altaiskie narodnye zagadki* [Altai Folk Riddles]. Gorno-Altai: Altaiskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Укачина, К. Е. 1984: *Алтайские народные загадки*. Горно-Алтайск: Алтайское книжное издательство.

- Vaitkevičienė, D. 2013: Baltic and East Slavic Charms. In: *The Power of Words: Studies on Charms and Charming in Europe*. Ed. by J. Kapaló, É. Pócs and W. Ryan. Budapest and New York: Central European University Press, 211–236.
- Vlasova, M. N., Zhekulina, V. I. 2006: *Traditsionnyi fol'klor Novgorodskoi oblasti* [Traditional folklore of the Novgorod District]. Ed. by M. N. Vlasova and V. I. Zhekulina. St. Petersburg: Tropa Troianova.
- Власова, М. Н., Жекулина, В. И. 2006: *Традиционный фольклор Новгородской области*. Сост. М. Н. Власова, В. И. Жекулина. СПб.: Тропа Троянова.
- Zaitseva, M. I., Mullonen, M. I. 1969: *Obraztsy vepsskoi rechi* [Samples of Veps Speech]. Leningrad: Nauka.
- Зайцева, М. И., Муллонен, М. И. 1969: *Образцы вепсской речи*. Л.: Наука.
- Zav'ialova, M. V. 2006: *Balto-slavianskii zagovornyi tekst: lingvisticheski analiz i model' mira* [The Balto-Slavic Charm Text: Linguistic Analysis and the World Structure]. Moscow: Nauka.
- Завьялова, М. В. 2006: *Балто-славянский заговорный текст: лингвистический анализ и модель мира*. М.: Наука.
- Zemtsovsky, I. I. 1970: *Poeziia krest'ianskikh prazdnikov* [Poetry of Peasant Holidays]. Ed. by I. I. Zemtsovsky. Leningrad: Sovetskii pisatel'.
- Земцовский, И. И. 1970: *Поэзия крестьянских праздников*. Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. И. И. Земцовского. Л.: Советский писатель.
- Zhurinsky, A. N. 2007: *Zagadki narodov Vostoka. Sistematizirovannoe sobranie* [Riddles of the Peoples of the East. A Systematic Collection]. Moscow: OGI.
- Журинский, А. Н. 2007: *Загадки народов Востока. Систематизированное собрание*. М.: ОГИ.

Luka Repanšek
(University of Ljubljana, Slovenija)

THE ACCENTUAL PROFILE OF VEDIC NOMINAL PARADIGMS

The contribution attempts to systematise the paradigmatic accentual behaviour of Vedic nominal stems (§1) and seeks to provide diachronic reasoning behind the synchronic state of affairs, especially as regards any secondary contours in stably mobile paradigms (§3) and the rise of immobility (§2).

Key words: Vedic, nominal morphology, accent, accentual paradigms.

Л. Репаншек
(Люблянский университет, Словения)

Акцентные типы ведийских именных парадигм

В статье предпринята попытка выявить закономерности в акцентуации ведийских именных основ. Рассматриваются случаи сохранения статических парадигм и расширение их числа, а также эволюция каждого из динамических типов. Автор формулирует правило, согласно которому «любая многосложная основа, по своему происхождению относящаяся к динамическим парадигмам, если она в сильных падежах имеет ударение на корне, утратившем аблаутные чередования, переходит в статические парадигмы».

Автор последовательно соотносит место ударения с словообразовательными особенностями. Например, ведийские формы композитов типа татпуруша сопоставляются с авестийскими, в том числе композиты со вторым элементом *-a(N)c-*.

Завершает статью экскурс, посвященный слову *kan̥yan-* ‘девушка, девочка’ (Nom. sg. *kan̥yā*, Acc. sg. *kanyānām* ← **kanyānam* < **kanījanam*; в слабых падежах *kanīn-*) в (раннем) ведийском. Ожидалась бы гистеродинамическая парадигма: Nom. sg. **kṇ̥ni-H₃én* > **kanīj-ā*, Acc. sg. **kṇ̥ni-H₃én -m* > *kanīj-án-am*, перед гласным в окончаниях косвенных падежей **kṇ̥ni-H₃n-* > **kanīn-*, но в ходе развития уже в ведийском языке слово перешло в стативную акцентную парадигму склонения.

Ключевые слова: ведийский язык, именная морфология, ударение, акцентно-аблаутные парадигмы, ведийск. *kan̥yan-* ‘девушка, девочка’.

§ 1. Synchronically speaking, paradigm-bound accentual contour (AC) of any Vedic nominal declensional pattern can be said

to belong to one of the following six patterns, two of which are immobile (columnar), and the rest (mostly marginally) mobile:^{1,2}

	<i>acrocolumnar</i>			<i>mesocolumnar</i>			<i>amphidynamic</i>		
	I			II			III		
the strong stem (S)	R _x	(S _x)	T	R _x	S _x	T	R _x	T	
the weak stem (W)	R _x	(S _x)	T ^V	R _x	S _x	T ^V	R _x	T ^V	
the middle stem (M)	R _x	(S _x)	T ^C	R _x	S _x	T ^C	R _x	T ^C	

	<i>proterodynamic</i>			<i>hysterodynamic</i>			<i>holodynamic</i>		
	IV			V			VI		
the strong stem (S)	R _x	S _x	T	R _x	S _x	T	R _x	S _x	T
the weak stem (W)	R _x	S _x	T ^V	R _x	S _x	T ^V	R _x	S _x	T ^V
the middle stem (M)	R _x	S _x	T ^C	R _x	S _x	T ^C	R _x	S _x	T ^C

§ 1.1.Membership

§ 1.1.1. Immobile / columnar patterns

I. *The acrocolumnar AC*

Inherited members:

a) Proto-Indo-European (PIE) barytone thematic (*C[̇]V[̇]C-*o*-) stems (including *-*e*-*H*₂- feminatives);

b) The primarily acrostatic root-noun S *gáv*-, W *gáv*-, M *gó*- ‘bull/cow’ < **g^hóu*-/**g^héu*-; note, however, that if *gáv*- is categorised as a root noun, its immobility is in fact unexpected. There is no

¹ NB As will be noticed, the terminology for the mobile patterns is simply borrowed from the customary system used in Indo-European linguistics to describe the types of accentual curves relevant for the parent language. For the immobile patterns I have for the purposes of at least minimal terminological differentiation replaced the term *static* with *columnar*, which, however, amounts to the same thing as far as the curve itself (and *only* the curve) is concerned. Note that in Indo-European comparative linguistics these terms also imply the type of ablaut (*e*-, *o*- or zero-grade) that is automatically patterned with the respective accentual profile, which of course plays no such role in the case of the Vedic system, so that the terminology applied here (in as much as it overlaps with its concurrent use to describe IE paradigmatic classes, that is to say *accent* and *ablaut* paradigms) should be understood literally, i.e., referring to the type of accent movement only.

² First systematised in purely synchronic terms and for essentially pedagogical purposes in Repanšek 2017: 33.

apparent reason why any root noun, regardless of whether it reflects an acrostatic or an amphidynamic PIE non-affixal deradical derivative, would fail to surface as mobile (if mobile in PIE) or secondarily mobilised (if acrostatic in PIE) in Vedic. The acro-columnar curve of $g\acute{a}v-$ cannot therefore be the *direct* result of its PIE heritage but rather it is its inherited immobility that helped to create the crucial link between the G/Abl. sg. form $g\acute{o}ṣ$ and the mesocolumnar paradigm of u -stems³, which – as far as the accentual pattern is concerned – this monosyllabic stem in all reality follows and as such effectively evades accentual mobilisation that affected the category of originally immobile monosyllabic root nouns (meaning those that were indeed interpretable as such on the synchronic level), cf. *infra*;

c) $CáC-an-$ neuters from PIE acrostatic neuter nasal stems $*C\acute{o}C-\eta-/ *C\acute{e}C-\eta-$ ⁴;

d) The only two neuter heteroclitics to escape the inner-Vedic restructuring via velar (and whenever dissimilated, virtually dental) excrescence in the NAsg., viz. $\acute{a}har-/ \acute{á}hn-$ ‘day’ < $*(H)\acute{a}d\acute{z}^h ar/$ $*(H)\acute{a}d\acute{z}^h n-$ ← $*(H)\acute{o}g^h -r/ *(H)\acute{e}g^h -n-$ (or rather $*(H)\acute{e}g^h -n-$) and $\acute{u}dhar-/ \acute{ú}dhn-$ ‘udder’ ← $*(H)\acute{u}Hd^h -r/ *(H)uHdh-n-$ ← $*(H)\acute{o}uHd^h -r/$ $*(H)uHd^h -n-$ (← $*(H)\acute{e}uHd^h -n-$);

e) PIE sigmatic neuters $*C\acute{e}C-os-$ ~ $*C\acute{e}C-es-$ (including their compositional forms in exocentric compounds $^{\circ}CáC-as-$)⁵ and $*C\acute{e}C-u-s-$ simplexes, as well as $jy\acute{o}tiṣ-$ ‘radiance’ as the only neuter $-iṣ-$ stem to escape secondary oxytonisation (see below) due to its being synchronically reinterpreted as a stem in $-ti-$;

f) The active present/aorist participle of immobile derivational bases (Narten-presents, sigmatic aorists, $a-(< *e-)$ reduplicated presents, the intensive) and dethematic participles of any barytone thematics;

Newcomers:

a) The root noun $nár-$ ‘man’ < PIE $*H_2ner-$, due to a combination of two innovations, viz. the introduction of a neo-prevocalic stem $nár-$ for expected $*nr-$ < $*H_2nr-$ and subsequent levelling of the accent (with the exception of the Gpl. $nar-\acute{á}m$ and its restructuring $n\bar{r}/\check{r}\acute{n}\acute{á}m$), and the fact that the noun was not

³ Cf. Wackernagel/Debrunner 1954: §6bβ for the same proposal.

⁴ The only potential candidate in this group being $n\acute{á}man-$ ‘name’ (if from $*H_1nóm-\eta$), which, however, is ultimately ambiguous.

⁵ For PIE $^{\circ}C(e)C-\acute{e}s-$ with the accent position secondarily levelled in from the simplex.

synchronically treated as a root noun but as a stem in *-r-* and therefore expectedly kept the accent on what in this case *happened* to be also the first syllable even in the middle cases (*nŕ-* as in, e.g., *pi-tŕ-* etc., for which see below);

b) The otherwise mobile monosyllabic root nouns (if looked at as separate entities, but otherwise, i.e., from the point of view of the entire nexus, mesocolumnar) as second members of compounds and, by association, any synchronically polysyllabic root nouns (such as reduplicated formations and opaque compounds)⁶;

c) The present participle active of *i/u*-reduplicated presents by levelling the pattern with the inherited state of affairs in the inherently immobile *a*-(< **e*-)reduplicated presents (since the latter group were accented on the reduplication syllable);

d) Deadverbial (and marginally desubstantival or deadjectival) adjectives in *-a(N)c-* if the derivational base was structurally either *(C)ŮCa(-)* or, alternatively, ended in *-í-* or *-ú-* within a monosyllabic structure (with the notable but expected exception of *sú-*, for which see below);

e) The *inherently immobile* (!) possessive (relational) adjectives in *-v/mant-*, except when the derivational base was a disyllabic oxytone *-í-*, *-ú-*, *-(á)r-* or *-án-* stem (see §3 for particulars);

f) All polysyllabic derived mobile stems with inherited original root-accentuation in the strong forms and concomitant stabilisation of root ablaut. Here belong:

α) *CáC-van-* ~ *CáC-uš-* neuters, continuing (through an early paradigm split) the group of PIE proterodynamic neuter heteroclites **CéC-ŭr-*/**CC-ŭén-*;

β) The proterodynamic/acrostatic neuter *s_uvar* '(sun)light; sun', W analogically *sŭr-*⁷ but Gsg., Lsg. *s_uvar* < **súH₂-l-*

⁶ An exception to this is the numeral (an old dual) *aštā* 'eight' < **H₂ok-tó-H₁*, which behaves exactly like *šás* 'six', being synchronically an entirely opaque formation and therefore in its oblique cases, which are in any case completely secondary creations, adapted to the pattern of root nouns. The curve may originally have been mesocolumnar, i.e., synchronised with the pattern of feminine *ā*-stems, and would have probably stayed as such if it were not for the peculiar end-accented genitive plural form (*aštānām*), which, as is plainly obvious, had been levelled in from the rest of the numerals in the 5-10 group. As such, *aštā*, having no analysable suffix, was in fact closer to *šás* than to an *ā*-stem and would have changed its allegiance accordingly.

⁷ The hapax legomenon *sŭré* in RVS IV.3.8b displays peripheral transition into the pattern typical of root nouns, since eventually at least the

- *suH₂ é_n- (< PIE *séH₂-u_l- ~ *sóH₂-u_l-/*sué_n- < *s-ú_n- < *sH₂-u_n- < *sH₂-u_n- ~ *séH₂-un-);
- γ) *CáC-m/van*- neuters from PIE proterodynamic neuter nasal stems *CéC-m_ñ-/*CC-mén-;
- δ) Probably *svá-sar*-, W *svá-sr*- < *sué-sor- ~ *sué-sr- ‘sister’ (if it is assumed that the first member of such a compound would not have exhibited an active ablaut pattern in PIE (*sué- : **su-) and hence had a fixed accent on *sué- while regularly ablauting the second member; otherwise to be treated under ε. below);
- ε) *vṛṣ-an*- ‘bull (of a man); virile, vigorous’ < PIE *(*H₂*)*uṛs-en*- (either by an old, purely oppositional accent⁸, for which cf. also PIr. *waršan- < *wáršan- and Gr. ἄρσῃν, with Lat. *verrēs* being ultimately ambiguous, or for original *H₂uṛs-on-/*H₂uṛs-n-⁹);
- ζ) All PIE holodynamic stems with levelled-out suffix-accentuation in originally trisyllabic strong cases and concomitant stabilisation of root ablaut: *CéC-oC- vs. *CeC-óC-(C)V^o (by the *k^uetuores*-rule) ⇒ *CéC-oC- vs. *CéC-oC-(C)V^o, including the derived (originally mesodynamic) feminatives. Here belong:
- α') Comparatives in *CáC-(ī)ya(m̐)s*-, W/M *CáC-(ī)yas*-¹⁰ ← PIE holodynamic *CéC-īos-/*CéC-is-;
- β') All *CáC-tar*-, i.e., habitual, agent nouns (including the synchronically associated *bhrā-tar*- ‘brother’ and *náp*-

secondary weak stem could have been interpreted as belonging to that category, but note that in this particular case such a nonce accentual transgression was probably (additionally?) prompted by the following adjective *brhaté*. The neo-prevocalic stem itself is of course entirely analogical (parallelly also in Young Avestan) and easily imitates the ratio in the only other structurally comparable stem available, which was *yúvan*- : *yún*- < *iuHan-, *iuHn-.

⁸ A parallel case may also be *úr-an*- ‘lamb’ ≤ *uṛH₁-én-, whose secondary barytonisation must be at least Indo-Iranian (vs. Gr. ἄρῃν), judging from YAv. *varən- < *wáran-, implied by *vārəṇ-jan-a*-/*vārə-yn-a- ‘lamb-killing’ (see Hintze 1994: 189 for the attestation and its interpretation), a *vārəṇra-yn-a*- type of deadjectival vrddhi.

⁹ Cf. Peters 1993: 397.

¹⁰ The oblique stem of Vedic comparatives is adapted to the pattern of -*v/mant*-stems, from which it also (just like the perfect participle) draws its secondary nasal in the strong stem: **-wānt*- (the length analogical to the pf. ptcp.) vs. **-iāNs*- = **-wat*- : x ⇒ **-ias*-.

- tar-* ‘descendant, (grand)son’¹¹, but excluding *mā-tár-* ‘mother’, which takes on the accentual profile of its antonym *pi-tár-* ‘father’), going back to PIE secondarily barytonised originally holodynamic derivatives in **-ter-*;
- γ') The very few survivors of PIE holodynamic nasal stems in **(m/v)en-* with preserved root accentuation (such as *ás-mān-* ‘stone’ < **H₂ék-mon-*, *tákṣ-aṇ-* ‘carpenter’ < **té=tk-on-*, and *rāj-an-* ‘ruler’ < **H₃rég-on-*)¹²;
- δ') The only inherited holodynamic *i*-stem to survive in Indo-Iranian, viz. *sákh-āy-/sákh-i-* ‘companion’ < **sók^u-H₂-oi-/sok^u-H₂-i-*;
- ε') The nasal stems *yúvān-*, W *yún-*, M *yúva-* ‘a youth; young’ < **iú-Hān-/iún-/iú-Ha-* < **H₂iú-H₃on-/H₂iú-H₃n-/H₂iú-H₂-’* ← **H₂iéu-H₃on-/H₂iú-H₃n-/H₂iú-H₃n-*’ and *śvān- ~ sún- ~ śvá-* ‘dog’ ← **kú-ón-/kú-n-/kú-n-*’ by virtue of the strong stem *śvān-* having been interpreted as equivalent to the root morpheme;
- η) All proterodynamic vocalic stems with retained root-accentuation in the strong stem, thus, in effect, *CáC-i-* and *CáC-u-* derivatives;

II. The mesocolumnar AC

Inherited members:

- a) Oxytone thematic stems (including their feminatives in **-é-H₂-*);
- b) Mesostatic vocalic stems involving the accent-attracting suffixal conglomerate **-í-H₂-* (originally probably so at least when dethematic);
- c) Individualised relational derivatives in *-ín-*, which, since bound to *o*-stems (**-o- → *-í- + *-n-*) could display no ablaut in the suffix and hence were immune to any kind of accent movement;

¹¹ Though originally and in the strong cases (as well as in the relic middle stem *nád-* < **nabd-* < **n^épt-*) still a dental stem (PIE **nép-ot-* if not indeed **né-pot-*), *náptar-* is synchronically essentially suppletive, behaving as any root-accented *-tar*-stem in the weak (and the middle) cases (back formed from the neo-genitival form **náptərš > náptur*, which arose by semantic association, as was also the case with *sákh^{yur}* ‘companion’, *pátyur* ‘husband’ and *jányur* ‘wife’).

¹² Note that *óman-* in RVS V.43.13b is a neuter action noun ‘aid, support’ and not an agent noun (*pace* RiVeLex II s.v.), as also correctly recognised in Schneider 2010: 124–125.

d) (*-ís-*), *-ús-*¹³, and *-ás-* animates, since these were simply matrix oxytone internal derivatives to their already non-ablauting inanimate pairs, replicating (and in the case of sigmatic *es*-stems probably indirectly continuing) the inherited derivational ratio $*CéC-C- \rightarrow *CC-éC-$;

Newcomers:

a) All *-ís-* neuters (with the exception of *jyótis-*, for which see above) by analogy with the *kravís-* type, where accent progression was regular by Lubotsky's Law¹⁴ (this also explains why only those stems whose suffixal vowel could synchronically be identified with $*i < *H$ were affected by this apparently across-the-board oxytonisation process);

b) Derivative $\acute{u}$ -stems (S *-ú-*, W *-úv-*, M *-ú-*) with stable $*-ú-H_2-$ (under the pressure of their structural and functional counterparts, viz. the immobile $*-i-H_2-$ stems) for PIE, strictly speaking, hystero-dynamic $*-u-éH_2-/*-u-H_2-$, but in terms of what synchronically would have appeared to be the suffix in fact already *inherited* as superficially mesocolumnar;

c) Polysyllabic derived mobiles with generalised suffix-accentuation if and only if originally incapable of desinential accentuation in the weak cases – a group which naturally comprises all proterodynamic *-i-* and *-u-* stems with unretained root-accentuation in the strong stem. The only exception to the otherwise steadily columnar curve is the genitive plural, which beyond any doubt reflects the relic accent position (cf. Nielsen 2009: 386 for the same view), as is proved by the steadily suffix-accented genitive plural in the immobile *puruṣī-* ~ *tanū-* type (which would even under different circumstances, i.e., had the case form in question not been subjected to a remodelling under the influence of the properly vocalic stems, simply have been $**-\acute{i}\acute{t}-aHam$). This view basically amounts to claiming that in structural terms the renewed Gpl. of

¹³ Here with a few secondary exceptions such as *tápuṣ-* 'hot', *cákṣuṣ-* 'seeing' and *vápuṣ-* 'wonderous' due to their synchronic root-ablaut restrictions ($**tp-$, $*kṣ-$, $**up-$) and subsequent accent relegation (as in, say, unreduplicated thematic aorist, where $*CaC-á- < *C^eC-á-$ basically regularly $\rightarrow C\acute{a}C-a-$).

¹⁴ For the formulation of which see Lubotsky 1992.

vocalic stems ($-\bar{V}na\cdot am \sim -\bar{V}n\bar{a}m$) still functioned as a fundamentally vocalic desinence¹⁵;

d) The only surviving holodynamic sigmatic stem $u\check{s}-\acute{a}s-$ ‘dawn’ $< *H_2us-\acute{o}s- \leftarrow *H_2e\check{u}s-\acute{o}s- < *H_2\acute{e}\check{u}s-os-$ by virtue of its having been drawn into the group of animate immobile (mesocolumnar) sigmatic stems in $-\acute{a}s-$ (but with a residue of a synchronically defective – since morphologically opaque –, though essentially mobile Gsg. $u\check{s}-\acute{a}s$ and Apl. $u\check{s}-\acute{a}s$), although typologically comparable to the above cases of holodynamic stems with levelled-out suffix-accentuation in originally trisyllabic strong cases;

e) The inherently immobile possessive (relational) adjectives in $-v/mant-$ whenever the derivational base was a disyllabic oxytone $-\acute{i}-$, $-\acute{u}-$, $-(\acute{a})r-$ or $-\acute{a}n-$ stem (cf. the above mentioned acrocolumnar counterparts and v. inf. for a full discussion);

f) The perfect participle active $CV-CC-v\acute{a}(N)s-$, W $CV-CC-\acute{u}\check{s}-$, M $CV-CC-v\acute{a}t-$, heavily remodelled from PIE holodynamic $*Ce-$

¹⁵ This is in effect also the AC category to which the monosyllabic i -stem $v\acute{e}/\acute{i}\check{s}$ and, via its G/Abl. sg. $g\acute{o}\check{s}$ (see above), the root noun $g\acute{a}v-$ belong, behaving, as they do, exactly like disyllabic i -/ u -stems with suffix accentuation in the strong cases (i.e., synchronically, a mesocolumnar type with residual end-accentuation in the genitive plural). Note, however, that in the case of $v\acute{e}/v\acute{i}-$ no prevocalic weak stem is actually attested, but a form like $*v\acute{a}ye$ for the Dsg. is actually more than certain on the evidence of the Gsg. $v\acute{e}\check{s}$. As far as I am concerned, the Indo-Iranian paradigm is most elegantly explained as reflecting an old acrostatic stem $*(s)H_2u\acute{o}\check{i}s/*(s)H_2u\acute{e}\check{i}s$ (concerning the s -mobile consider pre-Anatolian $*su\acute{o}\check{i}s$ by regular deletion of the laryngeal in a tautosyllabic $*sHR$. sequence, but note Nikolaev 2009: 477, who would rather see here the result of de Saussure’s Law, which, of course, depends on the relative ordering of the two phenomena), which, after yielding the attested Nsg. $*w\acute{a}i\check{s}$ and Gsg. $*w\acute{a}i\check{s}$ (the Dsg. being simply $*w\acute{a}i-a\check{i}$ and the Gpl. $*w\acute{a}i-aHam$) was subjected to a regularisation on the model of the proterodynamic i -stems (the only other category to have had an $*-ai-\check{s}$ sequence in the Gsg.) by the proportion $*-ai-\check{s} : *-i-\check{s} = *w\acute{a}i\check{s} : x \Rightarrow *w\acute{i}\check{s}$, whence the middle cases in $*w\acute{i}-$ alongside the Vedic end-accented genitive plural form (against the old, basically static Av. $vaiiqm$), which in its mobility cannot but copy the pattern of mesocolumnar i -stems (see, however, Zair 2011 for a radically different view of things). This is also the reason why the genitive plurals of $g\acute{a}v-$ and $v\acute{e}/\acute{i}-$ differ, the former preserving the old root-accented form ($g\acute{a}v-\bar{a}m$, with a secondary $g\acute{o}-n-\bar{a}m$ by treating the oblique $go-$ as a basically vocalic stem), while the latter inevitably copies the end-accented Gpl. from the stem-type which it also follows *morphologically*.

CeC-ṽós-/Ce-CC-us-' ← **Ce-CéC-ṽós-/Ce-CC-us-'* under the influence of (suffix-accented) adjectives in *-v/mant-* (see below);

g) The muddled compound *anaḍ-vāh-* (Nsg. **anaḍ-wāns* ← **anaḍ-wās* < **anaḍ-wās* < **anaḍ-wātṣ* ← **anaḍ-wātṣ*), W *anaḍ-úh-* (**anaḍ-uzḥ-* < **anaḍ-udṣḥ-*), M *anaḍ-úd-* 'ox' (< **anaḍ-ud-* < **anaḍ-uz-*), whose second member was remodelled under the influence of the perfect participle active for PIE **H₃en=os-ṽóḡ^h-/ṽoḡ^h-* and therefore either copies the latter's accentual profile or, which is more likely, has simply acquired a secondary immobile character since it appears in composition (a fate that would arguably have also affected *ṽhán-* if it were not for the non-nucleic structure of the root in prevocalic position: *ṽghn-*, so that the accent had to be relegated to the next possible vowel, which, under this view of things, simply *happened* to be the ending);

h) Nasal *-m/vān-* stems with roots terminating in synchronically segmental consonants, for the very banal reason that these (with a few very archaic exceptions that rather display the application of the *ásnas*-rule, namely Isg. *ásnā*, Gsg. *ásnas* < **H₂^ek-n-V* < **H₂^ek-mn-V* and the practically adverbialised *mahinā*-type < **m^eḡ=H₂-n-éH₁* < **m^eḡ=H₂-mn-éH₁*) systematically ousted the prevocalic zero-grade allomorph of the suffix and hence equalised it with the strong form – a procedure that naturally induced accent relegation: *-C-m/vān-* → *-C-m/ván-V* (< **-C-m/vān-V*);

i) Adjectival “derivatives” in *-á(N)c-* from adverbs (and secondarily but only marginally also nouns) ending in *ṽa-* whenever the adverb/the derivational base itself was oxytone;¹⁶

j) The fragmentarily attested nasal stem *kanṽyan-* ‘a (young) girl’ (see excursus for an explanation).

¹⁶ Note that this also includes *viśva-* ‘all, every’ by virtue of its being systematically oxytone when compounded, so that *viśva-* : *viśvá°* → **wifwá-Ha(N)ḥ-* > *viśvāñc-* ~ *viśvác/k-* ‘facing every (single) direction’.

§ 1.1.2. Mobile patterns

§ 1.1.2.1. Marginally mobile patterns

III. *The amphidynamic AC*¹⁷

a) All simplex root nouns (be it mobile or immobile from the point of view of their PIE accent and ablaut pattern, in the latter case on analogy with the e/Ø-ablauting mobile class), but excluding the originally immobile *gā́v-* (which due to its G/Abl.sg. *gós*, synchronically equatable and indeed equalised with *-ós* of *sū́nós* & c., was accentually clinched and thus petrified under the pressure of the immobile contour of polysyllabic *u*-stems; cf. the case of *vé-/ví-*, which, through G/Abl.sg. *vés* essentially does the exact same and takes on the structure-catered equivalent of the mesocolumnar pattern), including the secondarily immobilised *nár-* (for which see above), and the reinterpreted aorist participle active *dánt-* ~ *dat-* < **H₁d-ént-/H₁d-nt-* by virtue of an early escape (via lexicalisation) from the remodelling that generally affected all mobile present and aorist active participles, as well as the synchronically ablaut-less *náuš*, W *nā́v-*, M *nau-* ‘boat’, which after contraction (**náHu-*, **náHu-*) takes on synchronic opacity and starts to behave in all respects as a root noun and as such simply follows the pattern of the likes of *vác-* ~ *vāc/k-*¹⁸. This category naturally also involves all monosyllabic *ī-* and *ū-*stems (= **CeṛH-/CiH-* and **CeṽH-/CuH-* root nouns with generalised zero-grade roots), with *strī́-* ‘woman’ being a secondary addition¹⁹ on purely structural principles (S *str-ī-*,

¹⁷ Note that this is the only category in Vedic that regularly accents the consonantally anlauting desinences. In other words: does not differentiate between the weak and the middle cases. This is immediately understandable from the fact that no member of this accentual class actually possesses a synchronically analysable (cf. in this respect particularly the case of *puṁs-* ~ *pum-*) suffix.

¹⁸ As far as the Apl. forms are concerned (which in Indo-Iranian count as weak), it is well known that these show an increasing tendency to copy the strong (i.e., root) accentuation of the Npl., regardless of whether they display diverging ablaut grades (in which case the unification process may also affect the latter aspect). In the case of monosyllabic *ī-* (including *strī́-*) and *ū-*stems, the result of this process has been virtually regularised, since here the forms were synchronically identical and were equalised under the pressure of **-ī́as* : **-ī́as*, **-úwas* : **-úwas* in the mesocolumnar *ī-/ū-*stems.

¹⁹ Since, etymologically speaking, this is a (haplologised; see Dunkel 2016) derived noun, it should be seen as primarily hysterodynamic, just as any

secondarily then also *str-íy-* on analogy with the *dhī̃*-type, W *striyā̃*° < **str-yā̃*° by Sieverisation, M *str-ī-C*°);

b) The animate sigmatic noun *púm-a(N)s*-²⁰, W *puṁ-s-Ÿ*°, M *pum-bh*° (< **pumz-*) ~ *puṁ-s*° ‘male’ < **púm-os-/púm-s-*’ ← PIE **péum-os-/púm-s-*’, since in the weak stem the suffix lost its vocalic nucleus that should have otherwise attracted the accent. Note that although these circumstances could also be viewed from an opposite angle, that is assigning *púm-a(N)s-* ~ *pum-s-*’ to the underlyingly holodynamic type with the „middle“ form then simply *failing* to attract the accent, we would in such an event undoubtedly expect the accent to have been immobilised to ***púm-a(N)s-* ~ ***púṁ-s-* ~ ***púm-* as in any other originally mobile *derived* stem with root-accentuation in the strong cases and stabilised root ablaut, so that it is obvious that *púm-a(N)s-* behaves accentually as a monosyllabic root-noun and does so precisely due to the fact that it lacks a synchronically analysable suffix in the oblique.

IV. The proterodynamic AC

This small group consist of only three relics, all involving the descendants of originally acrostatic PIE neuters with secondarily developed marginal mobility: **dór-u-/dér-u-* → **dr-éu-* > *dār-u-* ~ *dr-áv-* ~ *dr-ú-* ‘(a piece of) wood’, **són-u-/sén-u-* → **sn-éu-* > *sān-u-* ~ *sn-áv-* ~ *sn-ú-* ‘ridge’ and **gón-u-/gén-u-* → **gn-éu-* > *jān-u-* ~ **jñ-áv-* ~ *jñ-ú-* ‘knee’.

V. The hysterodynamic AC²¹

Inherited members:

a) Originally hysterodynamic (-i- and) -u- stems with retained suffix-accentuation in the strong stem (alongside their expected standard residual genitive plural forms in *-ī/ū-n-ām*), including the PIE hysterodynamic u-stem *dyáuš*, W *di-v-Ÿ*°, M *dy-ú-C*° ‘sky’ < **dī-éu-/dī-ū-/dī-u-*’;

---

mobile *ī̃*-stem. Its actual amphidynamic pattern, then, cannot reflect the primitive state of affairs.

²⁰ The nasal is secondary (and ultimately borrowed from -v/*mant*-stems), as in all masculine sigmatic stems.

²¹ The locative singular of all nasal, u-, and r-stems regularly appears in the full grade (+ the increasingly obligatory -i as the ending proper to this case) and is as such expectedly suffix-accented (reflecting the inherited shape of the PIE endless locative).

b) The active present/aorist participle of oxytone thematics (*-ánt-*, W *-at-Ů°*, M *-át-C°*);

c) Stems in plain and complex nasal suffixes *-(m/v)ān-*²², continuing both holo- and hysterodynamic PIE nasal stems alike (in the case of the latter completely naturally and as far as the holodynamic PIE starting point is concerned, involving all those instances that generally avoided a generalisation of root-accentuation in the strong cases). This category also includes the verbal noun *°hán-* ~ *°ghn-* ~ *°há-* < **°g^{uh}én-*, **°g^{uh}n-*, **°g^{uh}ŋ-* as a second member of verbal governing compounds, which was, in terms of its superficial structure, interpretable as effectively a nasal suffix (cf. *supra*), as well as the plural oblique stem of secondarily *n*-stemmed heteroclite neuters (for which see below);

d) The only reconstructible PIE holodynamic nasal stem in **-em-*, viz. *kš-ām-*, W *j-m-Ů°*, M *kš-á-C°* ‘earth’ < **d^hg^h-óm* ← **d^hég^h-ōm*/**g^h-m-*/**d^hg^h-m-*’;

e) The mobile present/aorist active participles in *-ánt-*, W *-at-Ů°*, M *-át-C°* < **-ént-/ŋt-*’, including the functionally adjectivised *brh-ánt-* ‘elevated’ < **b^hrg^h-ént-* and its early contamination victim *mahánt-*, W *mah-at-*’, M *mah-át-* ‘great, big’ < **m^eg^e-éH₂-ont-/m^eg^e-H₂-ŋt-*’;

f) The survivors of PIE hysterodynamic, i.e., non-habitual agent nouns in S *-tár-*, W *-tr-Ů°*, M *-tř-C°* < PIE **CC-tér-/tr-/tr-*’;

g) The suffix-accented counterpart of *pánth-ā-/path-/pathi-* ‘path, road’ (for which see below), viz. **még-oH₂-* → **m^eg^e-óH₂-* > S *mahá-*, **m^eg^e-H₂-Ů°* > W *mah-Ů°*, **m^eg^e-H₂-C°* > **madžH^p-C°* > **madž^hi-C°* → *mah-í-C°* ‘great, big’²³ with a secondarily developed nucleus in the preconsonantal weak stem, which, as far as its role in a mobile trimorphemic sequence was concerned, was synchronically identified with and began to function as the suffixal morpheme.

²² As far as masculine *man*-stems are concerned, their hysterodynamic AC is mostly due to a synchronically productive polarisation between neuter action nouns (**CéC-mŋ*) and their animate (masculine) internal holodynamic possessive derivatives (**CéC-mon-* → **CeC-món-*).

²³ With the notable exception of the archaic, root-accented NAsg. ntr. *máhi* < **még^e-H₂-∅*.

Newcomers:

a) All oxytone ablauting $-\acute{i}- \sim -y\acute{a}-$ stems, continuing PIE proterodynamic and mesodynamic $*-iH_2-/-\acute{i}éH_2-$ derivatives²⁴;

b) The originally probably acrostatic i -stem $*r\acute{e}H_1-i-/*r\acute{e}H_1-i-$ (as in $*r\acute{e}k-i-/*r\acute{e}k-i-$ ‘the said thing’) or, alternatively, $*r\acute{o}H_1-i-/*r\acute{e}H_1-i-$ > Ved. *rayí-*, W *rā-y-Ṽ°*, M *ray-í-C°* ‘goods’²⁵ by reason of a secondary, laryngeal-induced accent shift by Lubotsky’s law;

c) Mobilised deadverbial (and, marginally, deadjectival) adjectives in $-\acute{a}(N)c-$, comprising all cases that start from a disyllabic $-i-$, $-u-$ derivational base, regardless of the accent position in the simplex²⁶.

§ 1.1.2.2. Non-marginally/Fully mobile patterns

VI. The holodynamic AC ²⁷

a) The non-plural paradigm of secondarily mobilised acrostatic neuter heteroclites in $*-r/_n-$ with preserved suffix-accented ending-

²⁴ Although, diachronically speaking, such stems are intrinsically columnar, given that the ablaut is limited to the suffixal part only, the synchronic system most likely recognised and treated them as inherently mobile (*quasi* $*-\acute{i}- : *-\acute{y}-$), which finds some support in what to all appearances must be the old accentuation of the genitive plural ($-\bar{i}-n-\acute{á}m$) found in a few residual forms (see Wackernagel/Debrunner 1930: § 89d, cf. Wackernagel/Debrunner 1954: § 6cδ). These can hardly be imitations based on the Gpl. of oxytone i -stems ($-\bar{i}-n-\acute{á}m$), since otherwise the same oscillation would be expected in the other mesocolumnar $\acute{i}$ -class (and its $\acute{u}$ -stem counterpart). Such genitives, however, must have early on relocated the accent to the suffixal part on analogy with the accentual profile of the preconsonantal stem (for this phenomenon as a precondition for the rise of the contact form *kanīnām* see the excursus).

²⁵ The only exception is the root-accented Npl. *rāyas*, which in all reality represents a back formation, based on the Apl. *rāyás*, following the model of root nouns.

²⁶ The sole exceptions to this rule being *viśv-a(N)c-* ‘facing different directions’ (surely under the influence of the regularly barytone compositional form *viśu°* and in opposition to its near-homophone and near-synonym *viśvá°*) and *sv-á(N)c-* ‘turning easily’ to the secondarily adjectivalised/adverbialised, synchronically properly prefixal *sú* < $*H_1s-u-$ ‘a good thing’, again expectedly (and as opposed to, say, *ní* → *nīya(N)c-*) suffix-accented, given the synchronic fact that in compounds which inherently accent the first member *su-* regularly throws the ictus to the following member (and has effectively behaved so in $*su-H\acute{a}(N)f-$ as well).

²⁷ Since this is a relic category, all its members are inherited.

less locatives (with the exception of *údh-ar/údh-n-* and *áh-ar/áh-n-*, for which see above):

- *ásr̥-k*, W *as-n-Ů°*, Lsg. *as-án(-i)* ‘blood’ < **ás-r̥-K-/as-n-’/as-án* < **H₁ésH₂-r̥-/H₁^es-n-ós* ... */*H₁^esH₂-én* ← PIE **H₁ésH₂-r̥-/H₁^esH₂-n-* (→ **H₁^esH₂-én-* → **H₁^esH₂-n-*)²⁸/**H₁^esH₂-én*
- *yákr̥-t*, W *yak-n-Ů°*, Lsg. *yak-án(-i)* ‘liver’ < **iák-r̥-T- (< *iák-r̥-K-)/iák-n-’/iák-án* < **iék^u-r̥-/i^ek^u-n-’/i^ek^u-én* ← PIE **H₁iék^u-r̥-/H₁iék^u-n-* (→ **H₁iék^u-én-* → **H₁iék^u-n-*)/**H₁iék^u-én*
- *śákr̥-t*, W *śak-n-Ů°*, Lsg. *śak-án(-i)* ‘excrement’ < **śák-r̥-T- (< *śák-r̥-K-)/śak-n-’/śak-án* < **kék-r̥-/k^ek-n-’/k^ek-én* ← PIE **kók-r̥-/kék-n-* (→ **k^ek-én-* → **k^ek-n-*)/**k^ek-én*²⁹
- (*v_aār*, *udaká-*)³⁰, W *ud-n-Ů°*, Lsg. *ud-án(-i)* ‘water’ < **ud-n-’*, **ud-én* ← PIE **uód-r̥-/uéd-n-* (→ **u^ed-én-* ~ **ud-én-* → **ud-n-*);

b) The non-plural paradigm of the group of four relic PIE ablauting (proterodynamic?) sigmatic stems with the oblique stem secondarily characterised by an **-en-* suffix, back-derived from the **en-*locative:

- *yūṣ*, W *yūṣ-n-ás*, Lsg. *yūṣ-án(-i)* ‘broth’ < **iúH-s-*, W **iúH-s-n-’* (← Lsg. **iúH=s-én*) ← **iēuH-s-/iúH-s-’*
- *dós*, W *doṣ-n-ás*, Lsg. *doṣ-án(-i)* ‘(upper) arm’ < **déu-s-/d^eu-s-n-’* (← Lsg. **d^eus-én*) ← **déu-s-/du-s-’*
- **ás*³¹ → *ās̥yam*, W *ās-n-ás*, Lsg. *ās-án(-i)* ‘mouth’ < **H₁éH₃-s*, W **H₁^eH₃-s-n-’* (← Lsg. **H₁^eH₃-s-én*) ← **H₁éH₃-s-/H₁H₃-s-’*

²⁸ Such acrostatic weak stems were not stable in Proto-Indo-European and began early on to acquire secondary mobility (cf. Schindler 1975), first becoming descriptively proterodynamic on analogy with the endingless locative and thence, via this same case form, which structurally matched its counterpart within the corresponding holodynamic collective, end-accented.

²⁹ Probably as a transposed form only (but cf. EWAia. II s.v.), *śák-r̥/n-* almost certainly being originally identical to Hitt. *š/zakkar* ‘excrement’ &c. The diverging constitution of the root itself as reflected in Indo-Iranian seems to be due to either onomatopoeic or tabooistic distortion.

³⁰ The NAsg. is suppletive in Vedic (as in the case of *ās̥ya-* to *ās-(a)n-* ‘mouth’ and *hṛdaya-*, beside archaic *hārdi*, to *hṛd-* ‘heart’) < **uéh-r̥*, **ued=ṇ-kó-* (but see Lubotsky for a different proposal).

³¹ Forms like *ās-ā* (Isg.) and *ās-ás* (Abl.sg.) are, given the Iranian data, most straightforwardly to be seen as archaisms (< **H₁^eH₃-s-*), although in theory they could also reflect what synchronically must have appeared as a root noun (the category which it also follows accentually) after an early (read: internally Indo-Aryan) paradigm split of *ās-*, *ās-(a)n-* → 1. *ās-*, → 2. *ās̥ya-*, *ās-(a)n-*.

- *śíras*, W *śīrṣ-ṇ-ás*, Lsg. *śīrṣ-án(i)* ‘head’ < $*k_r^i=H_2-es-$, W $*k_r^i=H_2=s-\underline{n}-'$ ($*k_r^i=H_2=s-én$) ← $*kér=H_2-s-/ *k_r^i=H_2-és-$;

c) The non-plural paradigm of four nouns in a group of secondary $-i/_n$ -heteroclites (the n -stem obliques again back-derived from the $*en$ -locatives, reinterpreted as endingless locatives to nasal stems):

- *ákṣ-i-*, W *akṣ-ṇ-ás*, Lsg. *akṣ-án(i)* ‘eye’ (by back formation from the NAd. $*akṣi$ < $*H_3^e k^u=s-iH_1$ ³², reinterpreted as the NAd. of a short i -stem)
- *ástḥ-i-*, W *asth-n-ás*, Lsg. *asth-án(i)* ‘bone’ < $*H_2ést-H_2-$ (old collective)
- *sákth-i-*, W *sakth-n-ás*, Lsg. *sakth-án(i)* ‘thigh(-bone)’ < $*sek^u t-H_2-$ (perhaps an old collective)
- *dádḥ-i-*, W *dadh-n-ás*, Lsg. *dadh-án(i)* ‘sour milk’ < $*dá-d^h H_1-$ < $*d^h é-d^h H_1-$ ‘the thing that is repeatedly suckled out’ < $*‘repeated suckling’$;

d) Any inherited holodynamic stems with root-accentuation in the strong stem and retained root ablaut, of which there are only two survivors:

- α) *pánthā-* ‘path, road’, W *path-Ṽ°*, M *pathí-C°* < $*pént-oH_2-$ / $*pṇt-H_2-$, with the suffix in the middle stem attracting the accent because it developed a secondary nucleus ($*pṇt-H_2-C° > *pat^h H^o-C° > *pat^h i-C° \rightarrow path-í-C°$) by exactly the same principles that govern second-syllable accentuation in *mah-í-C°* (see above);
- β) *járant-/jurat-Ṽ°* / $*jurát-C°$ ‘aged, old’ < $*gérH_2-ont-/ *grH_2-ṇt-$.

§ 2. The rise of immobility

As can be observed from the disproportionately large membership within the acrocolumnar type (AC I), of which only the minority is in fact inherited as such (three old acrostatic stems and all PIE barytone immobiles), the greater majority of accentually inherently mobile stems inherited from Proto-Indo-European were obviously transformed in the prehistory of Vedic into synchronically static types of paradigmatic accent. This situation obtained by the following rule:

Any polysyllabic derived mobile stem with preserved (either original or levelled-in) root-accentuation in the strong forms

³² The $*-s-$ is of course secondary on analogy with $*uṛi$ ‘ears’ < $*H_2us=s-iH_1$.

and concomitant stabilisation of root ablaut³³ is automatically immobilised.

This accounts successfully for all the cases enumerated under the acrocolumnar type *a* through *f* and is expectedly inapplicable to any inner-paradigmatic situation in which the accent of the strong form was either not originally on the root or was relegated to the suffix in what was either a primarily proterodynamic pattern or a choice between the two possible accentuations (as in the case of holodynamic trisyllables)³⁴.

§ 3. Mobility patterns in trimorphemic stems

Seen from the vantage point of the circumstances that must have obtained in the proto-language (as still reflected in the case of synchronic amphidynamics), the only really problematic feature of both hysterodynamic and holodynamic accentual contours is their looping curve, and that for the reason that such a pattern is simply atypical in a system that generally inherited the correlation between obliqueness and accent progression (basically amounting to the PIE synchronic rule that, intraparadigmatically, no weak form may be accented on a morpheme that lies to the left of the morpheme that receives the accent in the direct/strong cases – a principle, by the way, that is also observed in the case of the endingless locative). The standardised rule to accent the suffix (or at least what under structural principles functioned as a suffix) before “consonantal” terminations (*-b^ho* and *-su*) in the case of derived nouns that otherwise accented the vocalic endings is typical of mobile *r*-stems,

³³ Thus automatically inapplicable to cases such as *járant-* and *pánthā-*.

³⁴ Note, however, that the rule does not apply to numerals, which show what Nielsen (2009: 391 and 395) rightly calls the “mixed” accent pattern (though note that, contrary to her view of things, none of the nominal stems actually belongs there), as is the case with *cáta-sr-* ‘four’ (fem.) vs. *cata-sṛ-C°*, *náva* ‘nine’ vs. *navá-C°* etc. This behaviour is purely analogical, however: *páñca* ‘five’, *náva* and *dása* ‘ten’ simply follow *saptá* ‘seven’ and *aṣṭá* ‘eight’ and thus, ultimately, *aṣṭā*, on which both the former and the latter are based (*saptá* as a rhyme-induced contamination and *aṣṭá* as a crossbreed between the old form and the shape of the rest of this closely-knit group of numerals). The preconsonantal oblique *cata-sṛ-C°*, on the other hand, is an accentual imitation of *ti-sṛ-C°*, the difference between the accentuation in the NApl. itself being inherited from Proto-Indo-European (**tri-sór-es* with an old accent shift by the **k^uetuóres* rule → **tri-sr-és* as against the quadrisyllabic **k^uéte-sor-es* with inherent immunity to any such shift).

nasal stems (including all cases of secondary *n*-stems, alongside the reinterpreted $^{\circ}h\acute{a}n-$), non-columnar *u*-stems, *nt*-participles, the laryngeal stems *mahá-* and *pánthā-*, (on prediction) *járant-*, and suffix-accented adjectives in $-\acute{a}(N)c-$. Given the totality of members of this group, it appears that the rule would have applied to any mobile derived (i.e., possessing a suffix(oid)) stem that accented the ending in the weak stem; in other words those stems that *retained* their amphi- or hysterodynamicity in the domain of $Rx\ldots T[V^{\circ}]$ and $Sx\ldots T[V^{\circ}]$ respectively. What seems peculiar at first sight then is the flat curve of a) suffix-accented $-v/m\acute{a}nt-$ stems, which do *not* accent the vocalic ending (there is no $^{**}-vat-\acute{a}s$ etc.), and, to an extent even more surprisingly, b) perfect participle active, which was surely inherited as a holodynamic stem and should by any standard exhibit a hysterodynamic AC (with a Gsg. such as $^{**}-u\check{s}-\acute{a}s$ etc.).

The rise of the specifically Vedic hysterodynamic/holodynamic accentual contours is certainly to be sought, as was recently recognised by Keydana (*ftbc.*), in the domain of those derived stems that regularly lost their nucleic substance in the suffixal part before terminations beginning with a vowel, which is, effectively, $-r-$, $-n-$ and vocalic (theoretically, but factually only *u-*) stems. Since under these circumstances the last two morphemes were monosyllabic entities $^{*}-Cr-\acute{V}^{\circ}$, $^{*}-(C)n-\acute{V}^{\circ}$, $^{*}-w-\acute{V}^{\circ}$ and could be effectively perceived as “endings”, so that in synchronic terms such forms appeared to be essentially and to all purposes *bimorphemic*, the rule [IN WEAK CASES, ACCENT THE FIRST VOWEL OF THE ENDING] was extended to preconsonantal position, so that $^{*}-C_{\check{r}}-C^{\circ}$, ($^{*}-(C)\eta-C^{\circ}$ $>$) $^{*}-(C)a-C^{\circ}$ and $^{*}-u-C^{\circ}$ were automatically adjusted to $^{*}-C_{\check{r}}-C^{\circ}$, $^{*}-(C)\acute{a}-C^{\circ}$, $^{*}-\acute{u}-C^{\circ}$, thus creating a sort of *defective columnarity*, in which, prevocalically, the suffix simply *failed* to attract the accent³⁵, much to the same effect as in the case of $^{\circ}h\acute{a}n-/^{\circ}gn-\acute{V}^{\circ}/^{\circ}h\acute{a}-$. Note that this will also account for the otherwise rather peculiar behaviour of accented root nouns in polysyllabic structures (most commonly in compounds). If these were synchronically perceived as basically *suffixal*, their columnarity is immediately explicable as analogically based on the model obtained in derived mobiles ($^{\circ}C\acute{a}C-$ vs. $^{\circ}CaC-$ $\rightarrow$ $^{\circ}C\acute{a}C-$ vs. $^{\circ}C\acute{a}C-$ just like and, indirectly, exactly *because* under different structural circumstances $^{\circ}C\acute{a}r/N-$ vs. $^{\circ}Cr/N-$ vs. $^{\circ}C_{\check{r}}/a-$ $\rightarrow$ $^{\circ}C\acute{a}r/N-$ vs. $^{\circ}C_{\check{r}}/N-$ vs. $^{\circ}C_{\check{r}}/\acute{a}-$). This innovation then automatically

³⁵ Cf. Keydana, *op. cit.*, for a slightly different scenario and Nielsen 2009: 380–381, who essentially seems to have a similar reasoning in mind; Wackernagel/Debrunner 1954: §6a, however, is on the wrong track.

spread to all derived stems that synchronically accented the vocalic ending in the weak stem, thus encompassing the *nt*-participles, the laryngeal stems *mahā-* and *pánthā-*, *járant-*, and deadverbial adjectives in *-á(N)c-* (which conveniently possessed a nucleic **-Hak-* < **-H₃^ek^u-* by vocalic restitution in the heavy cluster that arose in preconsonantal position).

The puzzling case of the perfect participle, then, which, contrary to theoretically predictable circumstances, exhibits a fully mesocolumnar AC, is effortlessly solved. Taken with the equally problematic pattern of the *-v/mánt-* adjectives, the former category is in fact a *forma faciliior* (as already hinted at above): since active present participles had borrowed the pattern of *-vánt-* stems in their middle case-forms [stage 1] (see Repanšek 2019: 930–933 for the exact mechanism under which the two paradigms were synchronised), they expectedly also harmonised their originally hysterodynamic contour (the latter having been already achieved by the just discussed rule of accent retraction in the middle cases [stage 2]) with the immobile pattern (*-v/mánt-* : *-v/mát-V°* : *-v/mát-C°*) of their second-hand model [stage 3]:

PIIr. **-CC-wās-* : **-CC-uš-V°* : **-CC-uz-C°* (< PIE **-CéC-uos-* : **-CC-us-*)
 → stage 1 **-CC-wāNs-* : **-CC-uš-V°* : **-CC-wat-C°*
 → stage 2 **-CC-wāNs-* : **-CC-uš-V°* : **-CC-wát-C°*
 → stage 3 **-CC-wāNs-* : **-CC-ús-V°* : **-CC-wát-C°*.

Our *formae difficiliiores*, then, are really the “oxytone” *-v/mánt-* stems, since at first sight it is rather unclear why there should exist no difference between the attested behaviour of the latter group of adjectives and the *nt*-participle. In other words, why *-v/mant-* stems *fail* to display a hysterodynamic accentual curve. This finds an easy enough answer, however. The aberrancy, as it turns out, has nothing to do in fact with the innovation seen in derived mobiles in resonant-final stems and its spread to the *nt*-participle. The crucial difference between the two categories is, namely, that the former – when mobile at all (i.e., derived from mobile presents and aorists) – are inherently suffix-accented, while *-v/mant-* stems are fundamentally root-accented formations³⁶, suffixal accentuation in that category being bound to very specific phonological circumstances, so that it only ever occurs if the derivational base itself was a disyllabic oxytone *-í-*, *-ú-*, *-(á)r-*, or *-án-* stem (e.g., *paśú-*: *paśu-mánt-* ‘rich in

³⁶ This has very tentatively been suggested already by Nielsen 2009: 388, ft. 15.

cattle; connected to cattle’, *agní-*: *agni-vánt-* ‘having fire in its vicinity’, **raHí-* → *re-vánt-* ~ *rayi-vánt-* ‘rich (in goods)’, *pūṣaṇ-*: *pūṣaṇ-vánt-* ‘accompanied by Pūṣaṇ’, *mātár-*: *mātr̥-mánt-* ‘having a mother’, see Wackernagel/Debrunner 1954: §709). That is to say: the accent rests under normal circumstances on the derivational base, but is automatically relegated to the following syllable if the accented part of the derivational base was an accented resonant or an approximant – a category of segmental phonemes that would regularly lose their nucleic accent-bearing core whenever pre-vocalic (**-i*^[+accented]_{-V-} > *-y-V*^[+accented]₋, **-r̥*^[+accented]_{-V-} > *-r-V*^[+accented]₋ etc.), and by rule-transference behaved so in preconsonantal position as well whenever they were part of derivational bases or compounds. This rule is plainly observable in several other contexts, most prominently in Bahuvrīhis, which tend to accent the B-member of a compound whenever the first member is a disyllabic *-i-* or *-u-* stem adjective (but there are many exceptions to this, the rule only being fully systematic in the case of *puru*^o and *bahu*^o), in comparatives and superlatives in the case of adjectival *u-* stems as derivational bases, and in Tatpuruṣas with a second member in *-ta-*, which under normal circumstances regularly accent the A-member but fail to do so whenever the latter is an *-i-*, *-u-*, *-(a)r-*, or *-an-* stem (which basically amounts to saying that they *do* accent the A-member yet the accent is immediately thrown *back* to B)³⁷. From this it follows that the accentual contour of *-v/mánt-* ~ *-v/mát-V*^o ~ *-v/mát-C*^o is nothing but the result of accent-transference by one syllable, which then *happens* to be the suffix, resulting in the accentual paradigm’s mesocolumnarity.

The only category that still requires its share of attention, then, is the group of originally deadverbial adjectives in *-a(N)c-*, purely for the reason that the category is, just like the *-v/mant-* possessives, accentually non-uniform (*pace* Matzinger *apud* Lühr 2008: 243, deficiently quoting Wackernagel/Debrunner 1954: §60). As it emerges from the classification in §1., these are mostly immobile, be it acro- or mesocolumnar, which will logically depend on the structure and the accent-placement in the derivational base (acrocolumnars: *úd* ~ *úd-a(N)c-* ‘facing upwards’, *ápa* ~ *ápā(N)c-* ‘facing backwards’, *pārā* ~ *pārā(N)c-* ‘facing away’, *prá* ~ *prā(N)c-* ‘facing forward’, *ní* ~ *nīya(N)c-* ‘facing downwards’, *vīṣu-* ~

³⁷ *Pace* Nielsen 2009: 388, these shared morphophonemic peculiarities do not in any way point to the fact that *-a(n)c-* formations were necessarily possessive compounds.

vīṣva(N)c- ‘facing in all directions’; mesocolumnars: **arvā̃ ~ arvā̃(N)c-* ‘turned hither’, *adharā̃ ~ adharā̃(N)c-* ‘facing downwards’, *satrā̃ ~ satrā̃(N)c-* ‘turned towards the same goal’, *vīśva- → viśvá° ~ viśvā̃(N)c-* ‘facing every direction’, *devā- ~ devā̃(N)c-* ‘turned towards the gods’, *asmatrā̃ ~ asmatrā̃(N)c-* ‘turned towards us’, cf. Scarlata 1999: 17–33 for further attestations), while disyllabic *-i-* and *-u-* stems, regardless of their accent, behave exactly like °*hán-* compounds. Given that it was obviously the structural conditions that were relevant for the selection of one or the other pattern and that these again superficially match the formal prerequisites for a shift in the accentual contour that turned out to be relevant in the case of *-v/mant-* stems³⁸, it is to be concluded as given that *-a(N)c-* stems were either a) inherently immobile derivatives and that the hysterodynamic AC in the few cases that fulfil the requirements for suffix/ending accentuation is secondary, or b) primarily mobile formations and that cases such as *prāti ~ praty-á(N)c-* ‘turned towards’, *ánu ~ anv-á(N)c-* ‘coming up from behind, following’, *purú- ~ purv-á(N)c-* ‘seeming to be plentiful’, *ṛjú- ~ ṛjv-á(N)c-* ‘moving straightforward’, *śvítí° ~ śvity-á(N)c-* ‘seeming to be bright’, *dádhi ~ dadhy-á(N)c-* ‘turned (in attention) towards sour milk’, **tírí° ~ tiry-á(N)c-* ‘transverse’, *sam-y-á(N)c-* ‘facing the same direction’, *sú ~ sv-á(N)c-* ‘turning easily’ (see above for the explanation of this seeming exception) etc. are in fact the only survivors of the original situation.

Given that all the above instances (including the very marginally attested passively interpretable cases) are, seen etymologically, verbal governing compounds in **-H₃ek^u-* ‘looking’ → ‘facing/being turned towards’ (the *-n-* of the strong cases being clearly secondary) and that these without exception stress their second members in Vedic, it seems that the right view of things must be the one that matches the scenario implied under b) and that in the case of *-a(N)c-* “derivatives” the accent was regularly relegated to the derivational base *unless* the base itself was an *-i-*, *-u-* (*-(a)r-*, *-an-*) disyllable or an element that would in a compound have automatically thrown the

³⁸ The reason that it is only in the latter category that also *-(a)r-* and *-an-* will normally feature as stem-suffixes of a derivational base with these same inclinations lies in the banal fact that we simply do not have any structurally corresponding adverbs and neither does any of the adjectives/nouns attested in this category belong to *r-* or the nasal stems, so that the seemingly narrower conditioning is coincidental and therefore entirely superficial.

accent back to the second member (as in the case of *su*^o), a situation reminiscent of, say, Tatpuruṣas of the [...-i/-u-]-[...-ta-]^{+acc.} type. This can actually be proved on the basis of Avestan, which clearly attests to originally second-member accentuation in such adjectives, even in the case of monosyllabic -i-stems, where Vedic decidedly exhibits the immobilised type. There are very few deadverbial adjectives in -a(n)c- attested in Avestan and as far as the pre-vocalic strong stem is concerned, it is exactly *niiāñc-*, the equivalent of Ved. *nyañc-*, that appears to be the sole survivor of the original category. The equation, however, is not perfect, since *niiāñc-* (cf. Npl. *niiāñc-ō* < **niiājñf-ah*) displays the reflex of what seems to be the “lengthened” grade, which looks as if the derivative simply generalised the suffixal form from the contexts which underwent regular contraction (**^oa-Hank/č-* > **^oānk/č-*). There is a better solution to this apparent aberrancy, however. Given that Young Avestan systematically syncopates all unaccented inherited **ij* sequences with concomitant compensatory lengthening, realised on a following, accented short *a* (**a* > *ā* / *i* > *∅* __, as in, e.g., *viiādar²səm* < **wii-á-darsam* ‘I saw clearly’ etc.), what we have in *niiāñc-* is in fact a perfectly regular development **ni-Hánf-* > **niiánf-* > **niāñf-* > **niiāñf-* (by late-Avestan **Ci* > *Cii*) = *niiāñc-*, assuring for the Proto-Indo-Iranian stage a **ni-Hánf-* rather than pointing to **ⁿi-Hanf-*, which must then, one way or another, be an innovation of Vedic alone. This would also explain why it is both oxytone and barytone (!) -i- and -u- stems that shift the accent: if the accent was not in fact shifted but only *remained* on the suffixal part in such cases by associating the inherited structure with the likes of *agni-vánt-* or *puru-rúpa-* & c., *CáCi/u-* and *CaCí/ú-* first members would be equally treated, since here the nucleic ending was analogically eliminated by regularising the Sievers-type sequences to reflect the desyllabified vocalic ending of the derivational base, followed by what was synchronically an -a(n)c/k- suffix: **prati-Há(n)f/k-* > **pratiá(n)f/k-* ≠ ***prati-íá(n)f/k-*, therefore → *prati-á(n)f/k-*. If so, the mobile pattern displayed by Ved. -áñc- ~ -c-*V*^o ~ -ák-C^o ← **-Háf-* ~ **-Hf-V*^o ~ **-Hák-C*^o ← **-H₃ék^u-* ~ **-H₃k^u-V*^o ~ **-H₃^ek^u-C*^o is then exactly that of **-d₃án-* ~ **-g^hn-V*^o ~ **-g^há-C*^o ‘killing, destroying’ ← **-g^{uh}én-* ~ **-g^{uh}n-V*^o ~ **-g^{uh}ñ-C*^o, both with consistent adaptation to the new, defectively columnar AC³⁹. The reason for the secondary relegation of the accent to the derivational base in the case of immobile -a(N)c- formations was the inevitable conse-

³⁹ But see Keydana, *fthc.*, for a drastically different view.

quence of morphological and semantic/functional obscuration of the governing compound and its synchronic reinterpretation as a derivative – a process that might have started off in ambiguous cases such as $prá(\tilde{n})c/k- = *pra-á(\tilde{n})c/k- // = prá-a(\tilde{n})c/k- < *pra-Há(n)\tilde{n}/k-$.

Excursus: The case of *kanṛyan-*

The noun *kanṛyan-* ‘a (young) girl’ can on the evidence of the few residual forms such as Nsg. *kanṛyā*, Asg. *kanyānām* ← $*kanyānam < *kanījanam$ and the weak stem *kanīn-* be securely said to have been mesocolumnar in (Early) Vedic. Given its etymological profile⁴⁰, however, the expected AC should actually have surfaced as hysterodynamic: Nsg. $*kṛṇi-H_3ēn > *kanīj-ā$, Asg. $*kṛṇi-H_3ēn-ṛ > *kanīj-ān-am$, prevocalic oblique $*kṛṇi-H_3n-’ > *kanīn-’$ (the middle stem is unattested but would surely have been $*kṛṇi-H_3ṇ-C^o > *kanīj-ā-C^o$). But the source of the noun’s obviously secondary accentual pattern is not difficult to find: the only actually attested pre-vocalic oblique in the extant corpus is the genitive plural *kanīnām*, and it is exactly here (where due to the remodelling in the domain of the synchronically vocalic stems the synchronic rules of accent positioning were most fragile) that this unique and solitary representative of its inherited hysterodynamic paradigm with laryngeal-induced allomorphy must have first coalesced with the only other synchronic type available that exhibited the same peculiarity in exchanging prevocalic $*-ij-$ for preconsonantal $*-ī-$, so that it was the mesocolumnar feminine $ī$ -stems that upon the coalescence of the genitival forms ($*kanīnām \rightarrow$ regularised to $*kanīnām$, since both synchronically existing stems that at the same time also exhibited a preconsonantal $-ī-$, i.e., the mesocolumnar = *puruṣī*-type and the mobile $ī$ -stems, must at this stage have had a steady $-īnām$ in the Gpl.) will have exerted the pressure towards regularising $*kanīj-ān-$ to $*kanīj-an- = kanṛyan-$ ($puruṣīnām : kanīnām = puruṣīj-V^o : x \Rightarrow kanīj-V^o$) and then induce subsequent immobilisation of the weak stem also outside of the genitive plural, so that $*kanīn- V^o \rightarrow kanīn-V^o$ ($puruṣījV^o : kanījV^o = puruṣīC^o : x \Rightarrow kanīC^o$).

⁴⁰ See, e.g., Pinault 2000: 96ff. (with a different reconstruction as regards the first member).

References

- Dunkel, G. 2016. Proto-Indo-Iranian *striH-* and PIE **sor-* ‘female, woman’. In: *Sahasram ati srajas. Indo-European and Indo-Iranian Studies in Honor of Stephanie W. Jamison*. D. Gunkel, J. T. Katz, B. H. Vine, M. L. Weiss (eds.). Ann Arbor, New York: Beech Stave Press: 36–45.
- EWAia. = Mayrhofer, M. 1992–2001: *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*: I–III. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter.
- Hintze, A. 1994: *Der Zamyād-Yašt: Edition, Übersetzung, Kommentar*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag.
- Keydana, G. (fthc.): Accentual mobility in Vedic. To appear in: *vácāṃsi miśrā kṛṇavāmahai. Akten der Arbeitstagung der Indogermanischen Gesellschaft vom 4. bis 7. Juni 2019 in Ljubljana*. L. Repanšek, H. Bichlmeier, V. Sadovski (eds.). Hamburg: Baar Verlag.
- Lubotsky, A. 1992. The Indo-Iranian laryngeal accent shift and its relative chronology. In: *Rekonstruktion und relative Chronologie. Akten der VIII. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft, Leiden, 31. August–4. September 1987*. R. Beekes, A. Lubotsky, J. Weitenberg (eds.). Innsbruck: Institut für Sprachen und Literaturen der Universität Innsbruck, 261–269.
- Lubotsky, A. 2012. The Vedic paradigm for ‘water’. In: *Multi nominis grammaticus: Studies in Classical and Indo-European linguistics in honor of Alan J. Nussbaum on the occasion of his sixty-fifth birthday*. A. Cooper, J. Rau, M. L. Weiss (eds.). Ann Arbor, New York: Beech Stave Press, 159–164.
- Lühr, R. (ed.). 2008. *Nominale Wortbildung des Indogermanischen in Grundzügen. Die Wortbildungsmuster ausgewählter indogermanischer Einzelsprachen. Band 2: Hethitisch, Altindisch, Altarmenisch (bearbeitet von Joachim Matzinger)*. Hamburg: Verlag Dr. Kovač.
- Nielsen, B. 2004. An introduction to Vedic nominal accentuation (An attempt at a simplified analysis). In: *Per aspera ad asteriscos. Studia indogermanica in honorem Jens Elmegård Rasmussen sexagenarii Idibus Martiis anno MMIV*. A. Hyllested, A. R. Jørgensen / J. H. Larsson / Th. Olander (eds.). Innsbruck: Institut für Sprachen und Literaturen der Universität Innsbruck, 379–396.
- Nikolaev, A. 2009. The Germanic word for ‘sword’ and delocative derivation in Proto-Indo-European. *The Journal of Indo-European Studies* 37, 462–488.
- Peters, M. 1993: Ein weiterer Fall für das Rixsche Gesetz. In: *Indogermanica et Italica. Festschrift für Helmut Rix zum 65. Geburtstag*. G. Meiser (unter Mitarbeit von J. Bendahman, J. A. Hardarson und C. Schaefer) (eds.). Innsbruck: Institut für Sprachen und Literaturen der Universität Innsbruck, 373–405.
- Pinault, G.-J. 2000: Védique *dāmūnas-*, latin *dominus* et l’origine du suffixe de Hoffmann. *Bulletin de la Société de linguistique de Paris* 95/1, 61–118.
- Repanšek, L. 2017: *devāśca vā āsurās cāspradhanta. Berilo vedske proze/A Vedic prose reader*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete.

- Repanšek, L. 2019: Notulae breves Indo-Iranologicae. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European linguistics and classical philology] 23, 928–938.
- RiVeLex = Krisch, Thomas (unter Mitarbeit von Ch. Katsikadeli, S. Niederreiter, K. Sampanis und S. Ziegler), 2012b: *RIVELEX. Rigveda-Lexikon. Band 2. Wörter beginnend mit anderen Vokalen als „a“*. Graz: Leykam Verlag.
- Scarlata, S. 1999: *Die Wurzelkomposita im R̥g-Veda*. Wiesbaden: Reichert Verlag.
- Schindler, J. 1975: L'apophonie des thèmes indo-européens en *-r/n*. *Bulletin de la Société de linguistique de Paris* 70, 1–10.
- Schneider, C. 2010. *Die maskulinen Stämme auf -man- und -iman- im Altindischen. Wortbildung, Funktion und indogermanischen Grundlagen*. Hamburg: Verlag Dr. Kovač.
- Zair, N. 2011. PIE 'bird' and 'egg' after Schindler. *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft* 65, 288–310.
- Wackernagel, J., Debrunner, A. 1930: *Altindische Grammatik. III. Band: Nominalflexion – Zahlwort – Pronomen*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht.
- Wackernagel, J., Debrunner, A. 1954: *Altindische Grammatik. Band II,2: Die Nominalsuffixe*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht.

О. А. Волошина
(МГУ им. М. В. Ломоносова)

ПРАВИЛА ВИДХИ В ГРАММАТИКЕ ПАНИНИ КАК ИНСТРУКЦИЯ СИНТЕЗА СЛОВОФОРМ¹

В статье описаны типы сутр видхи (vidhi) — варианты инструкций, предписывающих действия по порождению словоформ. Автор рассматривает разновидности правил видхи: правила присоединения аффиксальных морфем (pratyaya) в процессе синтеза словоформ, правила-замены одного элемента другим (ādeṣa) и правила элизии (lopa). Анализ примеров правил видхи позволяет воссоздать предписанную грамматикой последовательность действий по синтезу правильных словоформ санскрита.

Ключевые слова: сутры видхи в грамматике Панини, правила-инструкции, механизм синтеза словоформы.

O. A. Voloshina
(Lomonosov Moscow State University)

Vidhi rules in the grammar of Panini as an instruction for building the word forms

The article explores the types of vidhi-sutras (vidhi) — operation rules that prescribe actions to generate word forms. The author examines the varieties of vidhi rules: the rules for affixing morphemes (pratyaya) during the generating the word forms, the rules for replacing one element with another (ādeṣa), and the rules for the elimination of an element (lopa). An analysis of the vidhi rules allows you to reconstruct the actions for the building of the correct Sanskrit word forms.

Keywords: sutras of vidhi in the grammar of Panini, operation rules, the mechanism of word-form formation.

Важнейшим типом сутр в Восьмикнижии Панини (Аштадхьяи) являются правила видхи (vidhi), предписывающие действия, необходимые для образования словоформ. Текст Восьмикнижии содержит и другие сутры: заглавные правила (adhikāra), правила-дефиниции (saṁjñā), определяющие важнейшие термины и понятия, интерпретационные правила (paribhāṣā) и др.

---

¹ Эта работа, как и другие статьи автора, посвященные грамматике Панини, были написаны при поддержке гранта РГНФ (проект № 03-04-00044) на изучение текста грамматики Панини и на разработку проблематики, связанной с древнеиндийской лингвистической традицией.

(см., например, Волошина, 2019^а: 170–177; Волошина, 2019^б: 167–174). Но именно правила видхи являются базой грамматики, ведь они указывают, какая операция должна быть произведена, и формулируют условия проведения этой операции.

Многочисленные правила видхи можно разделить на следующие группы в зависимости от предписываемого сутрами действия:

1. Присоединение аффикса при образовании словоформы (pratyaya);
2. Замена одного элемента другим (ādeṣa);
3. Элизия элемента (lopa) и др.

Согласно индийской традиции в основе синтеза словоформы лежит исходный элемент — глагольный корень *dhātu* (дхату), от которого образуются путем присоединения различных аффиксов глагольные и именные основы. Термином *dhātu* называются в грамматике как первичные корни, перечисленные в *Dhātupāṭha* (Дхатупатха), так и вторичные — глагольные основы, образованные при помощи основообразующих аффиксов *saN*: *sanāndyantā dhātavaḥ* (3.1.32)² слова, оканчивающиеся на аффикс *saN* и др., называются *dhātu*³.

Именные основы *pratipadika* также бывают двух типов: первичные основы и производные основы. Первичные основы, по определению Панини, представляют собой *значимый элемент (наделенный значением), который не является ни глагольным корнем, ни аффиксом* (*arthavad adhātur apratyayaḥ pratipadikam* (1.2.45)). Именные производные основы могут быть трех видов: образованные при помощи аффиксов *kṛt* — [аффиксов], которые не являются аффиксами *tiṅ* (глагольными флексиями со значением лица и числа): *kṛt atin* (3.1.93), при

² Сутры грамматики Панини нумеруются и обозначаются последовательностью из трех цифр: первая цифра обозначает порядковый номер книги, вторая цифра — номер раздела и третья цифра — номер сутры. Например, сутра 1.1.9 — это девятая сутра первого раздела первой книги грамматики. В данной работе используется издание Sharma R. N. *Aṣṭādhyāyī of Pāṇini* (Sharma 2000).

³ Панини перечисляет аффиксы, список которых начинается с *saN* (3.1.5.): *KyaC* (3.1.8), *KyaN* (3.1.11), *KyaṢ* (3.1.13), *KyaC* (3.1.19), *NiN* (3.1.20), *NiC* (3.1.21), *yaN* (3.1.22), *yaK* (3.1.27), *āya* (3.1.28), *īyaN* (3.1.29), *NiN* (3.1.30). При помощи суффиксов *saN* образуются глагольные основы, к которым затем присоединяются специальные аффиксы, выражающие грамматическое значение времени, модальности и залога.

помощи аффиксов *taddhita* (4.1.76⁴) или представляющие собой основу сложного слова *saṁāsa*: *kṛttaddhita saṁāsaḥ ca* (1.2.46)⁵.

К глагольным и именным основам в свою очередь присоединяются глагольные флексии *tiṅ* (3.4.78)⁶ и именные флексии *sup*⁷ (4.1.2). Полученные формы у Панини называются *pada* (*пада*): *suptiṅantam padam* [формы], *оканчивающиеся на именные флексии или на глагольные флексии, есть пада* (1.4.14). Очевидно, что морфологическое оформление словоформы является для Панини важнейшим принципом выделения единицы из потока звучащей речи. Не случайно грамматика называется *vyākaraṇa* (*выякарана*) — *разделение, анализ*, ведь сегментация слитного текста (*самхиты*) на единицы есть подготовка к основному действию, предписанному грамматикой — синтезу словоформ из выделенных и расклассифицированных морфем.

Итак, синтез глагольных и именных словоформ у Панини проходил согласно следующим схемам:

⁴ Сутра 4.1.76 вводит термин *taddhitaḥ*, обозначающий вторичные суффиксы, участвующие в процессе синтеза именных словоформ, и с этой сутры до конца 5-ой книги Восьмикнижия Панини описывает аффиксы таддхита. Если «первичные» аффиксы присоединяются непосредственно к корню, то «вторичные» присоединяются уже к именной основе. Суффиксы таддхита, присоединяясь к именной основе, несут дополнительную словообразовательную семантику: при помощи этих аффиксов образуются абстрактные существительные, имена родства, прилагательные и т. п.

⁵ Интересно подчеркнуть в данном случае значимую последовательность правил в грамматике. Сутра 1.2.45 вводит понятие именной основы (и соответствующий термин *pratipadika*): *arthavad adhātur apratyauḥ pratipadikam*, то есть *значимый элемент (наделенный значением), который не является ни глагольным корнем, ни аффиксом, есть пратипадака*, а следующая сутра продолжает: *kṛttaddhitasamāsaḥ ca*, то есть *элемент, который заканчивается на аффиксы kṛt и taddhita, а также является основой сложного слова, тоже есть пратипадака*. В данном случае введенный в сутре 45 термин пратипадака подразумевается и в следующей сутре, на что указывает союз *ca* и.

⁶ Сутра 3.4.78 перечисляет флексии глагольного спряжения: *tiP, tas, jhi, siP, thas, tha, miP, vas, mas, ta, ātām, jha, thās, āthām, dvam, iṭ, vahi, mahiN*, совокупность которых обозначается пратьяхарой *tiN*.

⁷ Сутра 4.1.2 перечисляет список из 21 флексии, включающий формы семи падежей существительных санскрита в единственном, двойственном и множественном числах: *sŪ, au, Jas, am, auṬ, Ṣaṣ, Ṭā, bhyām, bhis, Ōe, bhyām, bhyas, NasI, bhyām, bhyas, Nas, os, ām, Ōi, os, suP*, совокупность которых обозначается пратьяхарой *sup*.

dhātu + tiñ
 dhātu + kṛt + sup
 dhātu + kṛt + strīpratyaya⁸ + sup
 pratipadika + sup
 pratipadika + strīpratyaya + sup
 pratipadika + taddhita + sup
 pratipadika + taddhita + strīpratyaya + sup

По первой схеме к глагольному корню присоединяются глагольные флексии (со значением числа и лица) и образуются формы спряжения глагола.

При присоединении к глагольному корню первичных именных суффиксов *kṛt* образуется именная основа. В частности, к таким суффиксам относятся суффиксы *uñādi*, которые в древнеиндийской грамматике перечисляются списком, начинающимся с *uñ*. Интересно заметить, что грамматисты иногда включали в подобные списки искусственно созданные аффиксы, чтобы получилась словообразовательная цепочка, демонстрирующая происхождение каждого имени и неизменяемого слова от глагольного корня.

При синтезе именных словоформ, естественно, используются аффиксы родовой принадлежности, которые обозначаются специальными терминами в сутрах грамматики. Такие аффиксы предшествуют падежно-числовым флексиям и образуют разного рода именные основы по правилам грамматики.

Таким образом, индийские грамматисты рассматривали состав словоформ как результат многоступенчатого процесса последовательного присоединения разных типов аффиксов к исходным элементам. Примеры синтеза словоформ, предписанного грамматикой Панини, неоднократно обсуждались в работах специалистов (см., например, Димри 1973: 99–101, Гацелюк 2000: 47–53⁹ и др.).

Каждый этап синтеза, сопровождающийся присоединением аффикса (*pratyaya*), регламентирован специальными сутрами грамматики — правилами видхи. Эти многочисленные правила перечисляются начиная с 3-ей книги Восьмикнижия, которая открывается введением термина *pratyaya* (аффикс):

⁸ Аффикс, образующий именную основу женского рода.

⁹ В работе А. Ю. Гацелюк разбираются интересные случаи исключений из единообразного образования словоформ по правилам, предписанных грамматикой Панини. Автор анализирует факультативные правила, объясняющие уникальные звуковые изменения, сопровождающие синтез словоформы.

3.1.1 pratyayaḥ

Следующая сутра сообщает о том, что аффикс следует за корнем или за другим аффиксом:

3.1.2 paraḥ sa

Поскольку аффикс следует за корнем, к классу pratyaya не относятся аугмент, префикс¹⁰, определение и т. п.

Далее указывается на то, что аффикс произносится с интонацией удатта (повышение тона), но аффиксы именного склонения sup и аффиксы с анубандхой Р произносятся с понижением тона (анудатта):

3.1.3 ādy-udāttaḥ sa

3.1.4 anudāttau sup-pītau

Следующая сутра перечисляет три глагольных корня, к которым присоединяется глагольный аффикс saN:

3.1.5 guptijkidbhyaḥ saN и т.д.

Очевидно, что помимо сутр, предписывающих присоединение аффикса (pratyaya), грамматика содержит правила произнесения словоформ с конкретным аффиксом с определенной интонацией, правила, поясняющие чередования звуков при синтезе словоформ или правила выбора аффикса, **правила замены** (ādeṣa) одного аффикса на другой в определенной позиции и т. п. Поскольку модель синтеза предусматривала присоединение стандартных аффиксов, изменение звука в аффиксе или самой аффиксальной морфеме воспринималась как замена (ādeṣa). Подвергаться замене могла любая языковая единица: звук, морфема, слово и даже целая фраза.

Операция замены формализована в грамматике при помощи падежного оформления единиц: именительным падежом оформляется замещающая единица (ādeṣa — *то, что замещается*), а родительным падежом замещаемый элемент (ādeṣin — *то, что замещает*).

Например, следующее правило предписывает замену одних звуков на другие: есо' уавāуāваḥ (eCaḥ au av āu āvaḥ), то есть гласные eC (e, o, ai, au) [перед гласным] заменяются на au, av, āu, āv (6.1.78). Или для образования некоторых форм в парадигме спряжения глагола brū (говорить) необходимо заменить данный корень на vac, что предписывается сутрой: bruvaḥ (Gen.) vaciḥ (Nom.) (2.4.53).

¹⁰ Глагольная приставка (upasarga), которую грамматист Яска выделял как отдельную часть речи. Похоже, что линейное расположение относительно корня играло важную роль при выделении этой части речи.

Операция замены (*ādeṣa*) применяется при образовании личной формы глагола, например, от $\sqrt{bhū}$. Согласно сутре 7.3.84 последняя гласная корня принимает вид *guṇa*, т. е. $\sqrt{bhū} > bho + ṣaP$, в данном случае происходит замена $\bar{u} > o$, полученный гласный *o* в позиции перед следующей гласной меняется на *av* согласно сутре 6.1.78: $bho + a > bhav$. В результате всех этих изменений (замещений) получаем форму $bhav + a$, к которой присоединяем личное окончание (в данном случае флексию 3 лица единственного числа): $bhav + a + ti > bhavati$.

Кроме того, технические термины, обозначающие аффиксы, или даже отдельные звуки, сопровождаются особыми показателями — анубандхами, которые претерпевают элизию в процессе синтеза. Так, в приведенном выше примере *Ṣ* и *P* — технические показатели аффикса *ṢaP* исчезают согласно сутре *tasya loraḥ* (1.3.9). Оставшийся суффикс *a* присоединяется к корню для образования основы настоящего времени.

Правила-видхи, предписывающие элизию элемента при синтезе словоформ, можно назвать **правила lora** (нуля). В системе правил индийской грамматики ноль играл важную роль — это был элемент, не выраженный формально, но неизменно присутствующий в стандартной цепочке аффиксов.

Поскольку при синтезе словоформы необходимо применять разные типы правил видхи, в корпусе грамматики правила аффиксации (*pratyaya*) чередуются с правилами замены (*ādeṣa*) или правилами элизии (*lora*).

Например, для образования глагольной основы настоящего времени к глагольному корню нужно прибавить аффикс со значением настоящего времени. Эта операция предписана сутрой *vartamāne Laṭ* (3.2.123), где *Laṭ* используется для обозначения класса суффиксов настоящего времени: $dhātu + Laṭ$.

При этом технические показатели *a* (согласно сутре 1.3.2) и *Ṭ* (согласно сутре 1.3.3) претерпевают элизию по сутре *tasya loraḥ* (1.3.9). Оставшееся техническое обозначение *L* согласно правилу замены (*ādeṣa*) выступает в виде одной из 18 глагольных флексий по сутре 3.4.78: *tiP, tas, jhi, siP, thas, tha, miP, vas, mas, ta, ātām, jha, thās, āthām, dvam, iṬ, vahi, mahiṆ*.

Поскольку не только глагольный корень, но и глагольная основа в грамматике Панини называется *dhatu*, а совокупность перечисленных глагольных флексий обозначается пратъяхарой *tiṆ*, полученная словоформа была синтезирована по модели $dhātu + tiṇ$.

Как уже было сказано, помимо правил видхи в грамматике

используются и другие правила, переплетение которых создает стройную композицию Восьмикнижия.

Так, описание механизма образования формы редуплицированного перфекта вводится заглавным правилом (*adhikāra*): *ekāso dve prathamasya первый звук удваивается* (6.1.1.), но это же правило может рассматриваться как правило видхи, т. к. предписывает удвоение первого звука.

Сутра 6.1.4. вводит термин *abhyāsa* — удвоение (редупликация) начального элемента: *pūrvo' bhyāsaḥ*. Это сутра-определение (*saṁjñā*), вводящая новый термин и предлагающая его дефиницию. Далее сутра видхи (*pratyaya*) сообщает условия редупликации: *корень удваивается (подвергается редупликации), если за ним следует окончание перфекта liṭ: liṭi* (Loc.) *dhātor* (Gen.) *anabhyāsasya* (Gen.) (6.1.8). В сутре элемент, который подлежит замене или преобразованию, оформляется генитивом, а условия изменения (позиция) локативом, то есть в форме локатива выступает элемент, перед которым происходит изменение (в данном примере этот элемент *Liṭ* — символическое обозначение окончаний перфекта). Итак, именно путем редупликации образуется основа перфекта: напр., *parāsa* — форма перфекта 3 лица единственного числа от глагольного корня *ras*, а форма *parātha* — от корня *rath* и т. п.

Очевидно, что корпус грамматики Панини состоит из правил разного типа, однако поскольку цель грамматики — исчерпывающим образом описать механизм синтеза словоформ санскрита, наиболее многочисленными оказались правила видхи. Сутры-видхи — это своеобразные инструкции, предписывающие разнообразные действия, направленные на порождение словоформ: это **правила аффиксации** (*pratyaya*), **правила замены** (*ādeṣa*) и **правила элизии** (*lopa*).

Анализ перечисленных типов правил позволяет предположить, что синтез словоформы представляет собой последовательное присоединение аффиксов разного типа к исходным элементам (корню или основе), выстраивание цепочки аффиксов согласно правилам аффиксации (*pratyaya*).

Исходные элементы и присоединяемые аффиксы — это единицы-символы (идеи морфем), которые в контексте конкретной словоформы могут быть представлены разными вариантами, но в рамках индийской лингвистической традиции вариант реализации аффикса представляется результатом выбора из фиксированного списка единиц. Этот выбор представляется «замещением» (*ādeṣa*) идеальной единицы реальным ее представителем.

Отсутствие аффикса в цепочке морфем (жестком комплексе морфем) воспринималось как значимое отсутствие, как исчезновение некогда существовавшего аффикса, поскольку каждая позиция в цепочке синтезируемой морфемы должна быть заполнена. Очевидно, европейская лингвистика ввела в обиход понятие нулевой морфемы под влиянием древнеиндийской грамматики, причем осознание значимого отсутствия подвергнутого элизии элемента было порождено представлением о цельности языковой системы в рамках структурного направления в лингвистике.

Литература

- Dimri J. 1973: [Panini and his Astadhyayi]. *Narody Azii i Afriki*. 6, 96–103.
Димри Дж. 1973: Панини и его «Восьмикнижие». *Народы Азии и Африки*. 6, 96–103.
- Gacelyuk A. Yu. 2000: [On the rules for generating Sanskrit verb forms of present in Panini]. *Vestnik Moskovskogo universiteta [Transactions of Lomonosov Moscow State University]*. Ser. 13. Vostokovedenie. 2, 47–54.
Гацелюк А. Ю. 2000: О правилах порождения санскритских глагольных форм презенса у Панини. *Вестник Московского университета*. Сер. 13. Востоковедение. 2, 47–54.
- Sharma R. N. 2000: *Aṣṭādhyāyī of Pāṇini*. Vol. 1–2. 2nd edition. N.-Delhi.
- Voloshina, O. A. 2019^a: [Types of Sutra Rules in the Grammar of Panini]. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European linguistics and classical philology]* 23, 170–177.
Волошина, О. А. 2019^a: Типы правил-сутр в грамматике Панини. *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 23, 170–177.
- Voloshina, O. A. 2019^b: [The rules saṁjñā and paribhāṣā as elements of the metalanguage in the Grammar of Panini]. In: *Sovremennoe sostoyanie indoeuropeyskogo yazykoznanija i sanskritologiya. [Modern Indo-European Linguistics and Sanskrit Studies]. Proceedings of the Lomonosov Moscow State University Conference in memory of professor V. A. Kochergina (1924–2018)*. Moscow: MCNMO, 167–174.
Волошина О. А. 2019^b: Правила saṁjñā и paribhāṣā как элементы метаязыка в грамматике Панини. В сб. *Современное состояние индоевропейского языкознания и санскритология. Материалы научной конференции, посвященной памяти заслуженного профессора Московского университета имени М. В. Ломоносова Веры Александровны Кочергиной (1924–2018)*. М.: МЦНМО, 167–174.

Andrea Scala
(State University of Milan)

SHORT AND LONG PRESENT INFLECTION IN ROMANI

А. Скала
(Миланский университет, Италия)

Краткая и долгая флексии презента в цыганском языке

В статье рассматриваются особенности употребления в цыганском языке кратких и долгих флексий, которые отличаются наличием показателя *-a*. В диалектах, в которых долгая форма выражает настоящее время, краткая является показателем сослагательного наклонения. В других диалектах, долгая форма выражает будущее время или специфические модальные значения, а краткая форма — настоящее время. Только краткие флексии могут быть непосредственно возведены к средне- и древнеиндийским презентным окончаниям. Установление происхождения *-a*, отличающего долгие окончания, требует уточнения исходной функции этого показателя. В статье представлены свидетельства того, что исходно *-a* было связано с прогрессивным значением, что, в частности, объясняет ограничение на его употребление со стативным глаголом *ǵan-/ǵin-* ‘знать’. Предложенная для объяснения показателя *-a* диахроническая связь между показателями прогрессива, футурума и презенса находит параллели в истории армянского языка.

Ключевые слова: цыганский язык, краткие и долгие флексии презента.

Romani dialects display in present tense two different inflection patterns, called respectively short present and long present. The latter differs from the former only in having a morpheme *-a* (cfr. e.g. Kalderašitska *sováv* ‘I sleep’ vs Lombard Sinti *sováva* ‘id.’). In the dialects in which the long form expresses present tense (Lombard Sinti, Arli, Burguġi, Sepeči etc.), the short one usually has the value of an achronic subjunctive mood, mainly used in subordinated clauses. In other dialects (Erli, Kalderašitska, Lovaritska, Romungro, Finnish Romani etc.) the long form expresses future tense or some rare modal content, such as confirmative function, and the short one the present tense (Boretzky, Igla 1994: 394; Matras 2002: 156–157). From a historical point of view the short inflection is the only one that can be directly traced back to Middle and Old Indo-Aryan present inflection, cfr. e.g. *sov-* ‘to sleep’: 1 sg. *sov-av* < MIA *suvāmi*, OIA *svapāmi*, 2 sg. *sov-es* < MIA *suvasi*, OIA *svapasi*, 3s *sov-el* < MIA *suvadi*, OIA *svapati* (Sampson 1926: 187–

188; Matras 2002: 143–144; Beníšek 2020: 33), while the long inflection, with its final *-a*, is surely an innovative form, whose original meaning is still debated. Yaron Matras maintains that the final *-a* of the long present is and was uniquely an indicative mood marker that contrasts with the zero-marked subjunctive form (Matras 2001: 167; 2002: 155).

As for the etymology of the morpheme *-a*, it is very probable that it derives from a process of grammaticalization of some originally free and later cliticised form, but the very reduced phonological form makes difficult to individuate an ancestor in MIA or OIA; a first step in this way could be a better definition of the original meaning of *-a* in verbal inflection. A wide exploration of the Romani dialects, made possible by the Romani Morpho-Syntax Database (<https://romani.humanities.manchester.ac.uk/rms/>), can provide some useful evidence for determining the original value of *-a*. In particular it is very remarkable that the verb *ğan-/ğin-* ‘to know’ does not show the long inflection with *-a* in those dialects in which the long form is the default form for present tense. This unexpected morphological irregularity could be a trace of some original content of the morpheme *-a* that was incompatible with the inner semantic of a stative verb like ‘to know’. As stative verbs are usually incompatible with progressive aspect (cfr. English *I know* but **I am knowing*, Spanish *yo se* ‘I know’ but **yo estoy sabiendo*), a possible hypothesis is that *-a* was in origin a morpheme indicating progressive aspect. Put after the person-number markers of the old short present, the morpheme *-a* probably added to the verbal form a progressive meaning, forming a progressive present. In the history of Romani this original meaning of *-a* have gone lost and the long present would have become in some dialects a future tense, in other dialects the default form for present tense.

This supposed evolution finds a noteworthy typological parallel in the history of Armenian. In Western Armenian the old present of Classical Armenian (cfr. e.g. *berem* ‘I bring’) has become a subjunctive present (*p^herem*), while the current present tense (*gəp^herem*) originally was a progressive form. Interestingly, the same progressive form in Eastern Armenian (*kəberem*, where *kə-* is the Eastern variant of *gə-*) has developed a future meaning. Moreover, like in Romani, both in Western and Eastern Armenian the verb ‘to know’ has preserved its old form (Classical Armenian *gitem*, Eastern Armenian *gitem*, Western Armenian *k^hidem*) without any trace of progressive marker (Vaux 1995: 137).

Bibliography

- Beníšek, M. 2020: The Historical Origins of Romani. In: Matras, Ya., Tenser, A. 2020: *The Palgrave Handbook of Romani Language and Linguistics*. Cham: Palgrave Macmillan: 13–47.
- Boretzky, N., Igla, B. 1994: *Wörterbuch Romani-Deutsch-Englisch für den südosteuropäischen Raum*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Matras, Ya. 2001: Tense, aspect and modality categories in Romani. In: *STUF. Sprachtypologie und Universalienforschung* 54 (2), 162–180.
- Matras, Ya. 2002: *Romani. A linguistic introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sampson, J. 1926: *The dialect of the Gypsies of Wales*. Oxford: Clarendon Press.
- Vaux, B. 1995: A Problem in Diachronic Armenian Verbal Morphology. In J. J. Weitenberg (ed.). *New Approaches to Medieval Armenian Language and Literature*. Amsterdam-Atlanta: Rodopi, 135–148.

А. И. Илиади

(Центральноукраинский гос. пед. университет)

ИРАНСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ РЕЛИКТЫ В СЛОВАЦКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОНИМИИ — III

В статье предлагается этимологический анализ группы топонимов, обозначающих различные географические объекты на территории исторической Словакии. Структура этих лексем не поддается объяснению в рамках славянского или венгерского языков, но находит близкие аналоги в иранском материале, что дает основания считать их следами сармато-аланского присутствия в ареале архаичной славянской (словацкой) топонимии. Полученные предварительные результаты позволяют реконструировать ряд сармато-аланских слов.

Ключевые слова: этимология, форма, семантика, реконструкция, топоним.

A. I. Iliadi

(Central Ukrainian State Pedagogical University)

Iranian Relicts in the Slovak Historical Toponymy — III

The paper presents an etymological analysis of a group of toponyms on the territory of the historical Slovakia. The structure of these words cannot be explained within the framework of Slavonic or Hungarian vocabulary. On the contrary, it corresponds to some Iranian lexemes. This fact enables us to suppose that these toponyms may represent certain traces of Sarmatian-Alan presence in the archaic Slavonic (Slovak) area. According to the preliminary results of the etymological analysis, it is possible to surmise that some of the overviewed lexemes were used as geographical terms, cf.: Alan. **arz* 'lake with waterfall' (?), **marz* 'frontier', **sāwar-ag* 'mineral spring', Sarm.-Alan. **asmar-ud* 'stone river', **azanta-* 'goat's river', **wi-čama* 'floodplain of river', **war* '[river] water', **wart-ak[a]* 'whirlpool', **ur-al* 'stream of rain'. Alanian personal names are recognized in all the other geographic names: **Akac*, **Bora*, **Čeli*.

Key words: etymology, form, semantics, reconstruction, toponym.

1. **Akaztho* в составе названия холма *Akazthohegh* («unde iterum girat ad meridiem, et vadit per bonum spacium quoadusque attingit latus cuiusdam monticuli *Akazthohegh* vocati»; Wenzel 7, 1869: 73) оказывается аланским фамильным именем **Akac-ta* = «Акацевы, род Акаца», осложненным посредством венг. *hegy* 'гора', ср. совр. осет. *Бурнацтæ / Бырнацтæ* «Бурнацевы» — мн. ч. личного имени *Бурнац* (Tsagaeva 1975: 226). Алан. **Akac*

находит убедительную поддержку в этнониме **akaciri/*oxociri: Caziri* — др.-в.-нем. передача алан. **akatz-ir(ōn)* (*Acatzirorum*, οχотζήρων) ‘мужи Акаца, Акациевы иронцы’ (Шапошников 2019: 107), что не отменяет его сравнения с осет. личным именем *Агкац* (Gagloiti 2007: 89) и реконструкции **Akkac-ta*.

2. Известное многообразием орфографических вариантов название водного объекта к востоку от современного течения Бодрога «*dehinc vadit ad Arosthō, a quo iterum transit ad locum (így) Asowan nominatum, per quod egreditur aqua de fluuio Bodrogh*», 1239 (Wenzel 7, 1869: 73), *Arosthō*, 1239, *Arustou*, *Arustow*, *Arastow*, 1255, (Dongó 1898: 233: связываются с *Arestó*, XIX в.), «*Pallaga ere, que exit de Arastow*», «*Pusagaere que exit de Arustou*», «*ad piscinam arustou*», *Árostó*, *Arasto* (Šmilauer 1932: 274, 275, 499, 563) В. Шмилауэр зачисляет в список названий с неизвестной этимологией (Šmilauer 1932: 445). Отделив венгерское наслоение в виде *tó* ‘озеро’ (ср. в (Jerney 1854: 6): *Áras-tó*) и приняв гласный после *r* как вставку для устранения несвойственного венгерской речи кластера *rz*, приходим к **Arz* (*z* оглушено перед *tó* и неточно передано через *s* вместо *sz*) — аланскому рефлексу иран. **harz-* ‘лить(ся), падать’ (ср. ав. *harəz-* ‘лить’) (Abaev 1, 1958: 219–220; Rastorgueva, Èdel’man 3, 2007: 371–372) с закономерной потерей *h-* перед *a*. Название озера с водопадом? Впрочем, не лишено перспективы прямое сравнение с осет. *арса* в гидрониме *Арса* «Источник» < монг. *arsa* (*аршан*) ‘горячий или минеральный источник’ (Tsagaeva 1975: 222) и предположение, что **arsal/*arša* принесено ясами, ушедшими с Кавказа в поисках спасения от монголов.

3. *Azuntha* — поток в бас. Бодрога, ср.: «*et transiendo ipsam uallem uadit ad riuulum Azunthapathaka nuncupatum*», «*in riuulo Azunthapathaka*», 1264 — левый приток *Bózszy* (Codex diplomaticus 1876: 122). Ввиду неясности формы отнесено к разряду названий с неустановленной этимологией. Проблематична и точная локализация самого объекта, который отождествляется то с *Füzérský potok* или его притоком, то с притоком *Komlóšského potoka* перед его устьем (Šmilauer 1932: 270, 441, 499), ср. ещё (Ortvay 1882: 99), где гидроним сопоставлен с *Azevpotakkal* и *Ozevpotokkal*, 1270. Между тем, структура лексемы сходна со структурой иран. **azanta-* от **aza-* ‘коза’ (с древнеевропейским речным формантом *-ant-*), отложившегося в гидронимии Днепра, где оно подверглось славянской рецепции как *Эзучь*, *Езуч*, *Язучая* (Trubachev 1968: 131). Орфография названия передает либо перегласовку *a > u*, которая часто

сопровождала освоение мадьярской речью иноязычной топонимии (ср., в частности, перед носовым в слав. *Chramъ* > *Hram* > *Horom* > *Harum*), либо же ошибку записи, как в случаях *Durada* > *Duruda*, *Balaua* > *Baluva* (Šmilauer 1932: 507, 534).

Любопытная изоглосса **azanta-* & **azant-ia-*, которая связывает два ареала иранских языковых реликтов бассейнов Дуная (Бодрог — приток Тисы, т. е. самый длинный приток Дуная) и Днепра (Езуч — левый приток Сейма на восточной окраине Днепровского бассейна).

4. *Boyachapothaka*, *Borathapathaka* («ubi due magne vie in unum conveniunt — in via ad caput riuuli *Boyachapothaka*») — река, левый приток Свинки в бас. Горнада. В. Шмилауэр уточняет как *Borathapathaka* (Šmilauer 1932: 208, 403). Типичное для венгерских документов оформление иноязычного топонима номенклатурным термином *pataka*, *pathaka*, *pothaka* ‘поток, река’, воспринятым из славянской речи, ср. *Kojatapataka* — левый приток Свинки у Коетиц = *Kojetic* от имени *Kojata*; *riuulus Garadnapathaka*, 1332 = *Garadna* — приток Малого Горнада возле деревни *Garadna* = слвц. *Gradna* в венгерской передаче (Šmilauer 1932: 403, 414) и пр. Формально **Boratha* соответствует осет. *Борæтæ* «Бораевы» — один из трех нартовских родов, а также фамилия у совр. осетин. Ср. осет. топонимы, связанные с именами нартовских героев: *Бурæты æфцæг* «(Бурати) перевал» (Tsagaeva 1975: 61), *Boræjy qigom* «Пахотный участок Бора», *Borij sawædonæ* «Бори родник», *Syrdony xussar* «Сирдона южный склон» (Dzitstsoity 1992: 56). За венгерской записью стоит аланское местное название **Borata* «[Земля, вотчина] Бораевых» местности, где локализован поток.

5. Озеро на запад от Пены в исторических источниках отмечено как: «ad lacum, qui vocatur *Eleutou*», 1213 (Wenzel 6, 1867: 365), «inde in campo per metas vadit usque ad lacum, qui vocatur *Chilistou*», 1268 (Fejér IV/3, 1829: 460), *lacus Eleutou*, *Eleutov*, *Chilistou*, 1522, *Elewtho*, *Elótó*, 1651 (Šmilauer 1932: 87, 337). Основа названия (без *tó*), кажется, не имеет параллели в венгерской лексике. Вариант с начальным *E-*, возможно, неточен в отличие от *Chilistou*. Если в последнем диграф *ch* передает звук *č*, как в *Chormasna*, *Charmasna*, *Chermosni* = слвц. *Črěmošná* (Šmilauer 1932: 378, 482), то возможна связь с аланским апеллативом *čel* < др.-иран. **čarya-* ‘воинственный’ (Bailey 1980: 243). В осетинском он не сохранился в самостоятельном употреблении, но оставил следы в ономастике, где

известны мужское имя *Čele* (алан. *Čeli*), топоним *Čeliat* в Южной Осетии, восходящий к фамильному имени *Čeliatae* (Dzitstsoity 1992: 76). Ср. согд. *Cyr* = *Čēr* — имя правителя Навеката (букв. ‘сильный, храбрый, победоносный’ < др.-иран. **čarya-*, ср. ср.-перс., н.-перс. *čēr* ‘победоносный, смелый’) и произв. *Cyry* (*Cwry?*), гипокористик *Cyrk*’ (Livshits 2008: 36). Иными словами, мы имеем частичный перевод мадьярами аланского составного географического названия с первым компонентом *Čelisa, производным посредством топоформанта *-(i)sa* от имени *Čeli аналогично осет. *T'ex-s-a*, образованному от основы фамильного имени *T'ex-tæ* (модель описана в: Dzitstsoity 2018: 97, 105–106). Второй компонент (скорее всего, термин водной номенклатуры) был заменен венгерским *tó* ‘озеро’.

Гласный *i* первого слога — следствие перегласовки исконного *e*, примеры которой встречаются в мадьярских документах, ср.: *esmer* > *ismer*, *mend* > *mind* и особенно *Helena* > *Elena* > *Ilona* и пр. (Šmilauer 1932: 507).

6. *Marza*: «*inde venit et cadit ad fluuium Marza, ubi sunt mete*», «*inde venit ad metas, ubi fluuius Marza binatur*», 1277 (Wenzel 9, 1871: 194) — река в верхней части водосбора Турца, которая в других документах фигурирует как *Macha*, 1260, 1350, 1391, *Maccha*, 1412, *Mácsa*, *Macza*, 1736, *Mača*, *Máča*, 1892 и *Machabinac* (Šmilauer 1932: 323; Krško 2003: 105–106). В. Шмилауэр делает вывод об этимологической идентичности обоих названий, а разницу между ними относит на счет «некоторых спорадических замен» в консонантизме гидронима (*c* > *r* и *h* > *z*), изменивших его облик *Macha* > *Marza* (Šmilauer 1932: 537). Позволим себе усомниться в подобной трактовке генезиса *Marza*: настораживает, что оба редких перебоя согласных, каждый из которых требует индивидуальной проверки, представлены в одном слове. Видимо, те же сомнения испытывает и Я. Кршко, который не комментирует *Marza*, приводя его среди прочих названий этого водного объекта (Krško 2003: 105–106). Скорее всего, названия *Máča* (*Macha*, *Mácsa*, *Macza*) и *Marza* — гетерогенны. Первое без труда объясняется в кругу таких славянских лексем, как чеш. диал. *máča* ‘болото’, словин. *mač* ‘грязь на дороге’ и пр. из псл. *mača (Trubachev, Zhuravlev 17, 1990: 115), или как перенос на реку названия долины *Mača* ~ *mača*, *mačina* ‘слой луговых и пастбищных почв’ (Krško 2003: 106). В *Marza* распознается рефлекс иран. **marža-* ‘край, граница’, ср. вышедший из упо-

требления в осетинском языке апеллятив *мæрз* ‘граница’, наличный в топонимах *Мæрзауæдз* «Пограничная борозда», *Мырзауæж* = «Пограничная борозда», «Борозда на границе (пашни)» с осет. *ууæж* ‘борозда’ в постпозиции (Tskhovrebova, Dzitstsoity 2013: 246–247, 349). В типологическом плане ср. словц. *Hraničná voda* — поток, *Hraničný potok* (бас. Турца) ~ *hranica* ‘граница’ (Krško 2003: 77), рус. *Гранка* — приток Дона ~ *грань* ‘граница’ (Otin 2008: 18).

7. *Ortavirfalu*, 1921 — местность в р-не течения Бодрога (ОАИУА). Нарращение венг. *falu* ‘деревня’ скрывает алан. *artavir ‘трое мужей, мужчин’ (ср. авест. *vīra-*, *vira-* ‘муж, мужчина’; Bartholomae 1904: 1453) с формой числительного, идентичной осет. ^α*rtæ*, *ærtæ* ‘три’. По субституции начального *a-* > *o-* перед группой согласных и сохранению *i* в инлауте этот пример напоминает отражение осет. *æxsīn* ‘госпожа’ в венгерском как *ohszin* (Šmilauer 1932: 508). Тот же состав при более архаичном облике числительного показывает ягноб. *Trívir* (*tri*, *tiray* ‘три’ & *vir* ‘мужчина’) — название вымершего села и местности возле него (Turaev 2010: 10).

8. *Symarut*, *Simaruth*, 1217, *Zamaruth*, *Szemárut* — гидро-объект в бассейне Моравы. Ранее название было истолковано как *sām-rut (Илиади 2018: 561–562). Однако это не единственное решение, т. к. нельзя исключить тут результат усвоения мадьярами сарм.-алан. *asmar-ud ‘каменная вода, река’ (ср. концентрацию в словц. топонимическом ареале «каменных» гидронимов *Kamenná*, *Kamenný jarok*, *Kamenný potok* (Krško 2003: 83) и пр.), чему могло способствовать звуковое подобие иранского *ud во второй части композита венгерскому *út* ‘дорога, путь’. В итоге ср.-иран. форма *asmar-ud была переосмыслена и разбита на *Szamar út, где *út* оформляет непонятный авторам документов компонент *Szamar. Интерес в этом толковании представляет название камня, восходящее к иран. **aśmar-* — диал. корреляту к **aśman-/aśmān-* ‘камень; небо как твердь’ с тем же корнем. Но если вариант с *n*-основой известен преимущественно как название неба, «небесной тверди» (авест. п. *asman-* ‘камень; небо’, парф. *āsmān* ‘небо’, согд. будд., ман., хр. *sm’n* ‘небо’ и др.; Rastorgueva, Èdel’man 1, 2000: 239), то коррелят с *r*-основой в доступных примерах обозначает только камень, ср. в первую очередь др.-инд. *aśmarī-* ‘камень’ в составе двусловных названий деревьев (Monier-Williams 1988: 114), *aśmará-* ‘каменный’, псл. диал.

*kamorъ > словин. стар. *kamor* ‘камень’, др.-исл. *hamarr* ‘скала, утес’ (Trubachev, Zhuravlev 9, 1982: 137).

9. *Vičoma* (*Vičjoma*): «et per eandem viam publicam (így) descendit usque ad flumen *Vichema* vocatum», 1293 (Nagy 1879: 138), *Wychma*, *riuulus wichama*, 1340 (Šmilauer 1932: 340), «loco, ubi *riuulus Zquiteu* vocatus intrat alium *riuulum Vychma* nominatum», 1359 (Fejér IX/3, 1834: 72), венг. *Vicsoma*, *Wichma*, *Vichma* — река в бас. Нитры от устья Нитрицы (Šmilauer 1932: 97, 340). В. Шмилауэр ставит лексему в один ряд с другими гидронимами на -ома (рус. *Андома*, *Яхрома*, *Кадома*, *Кострома*, *Мурома*, *Судома*, *Ухтома*, *Ведома*, *Волгома*, слвц. *Drietoma*), признавая этимологию неясной (Šmilauer 1932: 340, 499).

Сходство слвц. гидронима с перечисленными географическими названиями весьма поверхностно и ничего не дает для осмысления структуры *Vičoma*, его генетических связей и мотивов номинации. Надо признать, что он не имеет надежной опоры в славянском словаре. Более продуктивным был бы взгляд на *Vičoma* через призму фонетики и морфологии иранского слова: за документально подтвержденными формами стоит ср.-иран. прототип *wi-čama, образованный от глагола **wi-čam-* (от **čam-* < **čiam-* ‘бежать’). Ср. такие рефлексy беспреф. формы, как: курд. (курм., сор.) *čam*, *čōt* ‘река’, лур. *čam* ‘речная пойма’, перс. *čām* ‘ряска, тина’ ~ ср.-перс. *čam-*, парф. *čm-* ‘бежать, течь’, *čmḡ* ‘ход, течение’ (Bailey 1979: 139; Rastorgueva, Edel’man 2, 2003: 261–262; Tsabolov 2001: 248–249). Впрочем, и значение хс. *tcāma* ‘прыгучее насекомое (саранча или кузнечик)’, выводимого из той же базы **čam-* (Bailey 1979: 139), косвенно вполне способно прояснить образную мотивацию названия реки с порогами и перекатами, где вода бурлит и вздымается, «скачет», ср. известное у карпатских славян обозначение горного потока как *skokъ ~ *skakati ‘прыгать, скакать’.

По словообразованию *wi-čama аналогично ср.-перс. *widār* ‘проход, переход’, ‘вход’, (произв.) *widarag* ‘путь’, ‘проход, переход’ < *widardan*, *wider-* ‘проходить мимо’, ‘пересекать’ (MacKenzie 1986: 90) из иран. **wi-tar-* ‘переходить, проходить’ (Rastorgueva 1990: 91).

10. *Warpathaka*, *Várpataka* — левый приток Оловарского потока у Malého Kiarova (Šmilauer 1932: 144, 365), ср. под 1266 г. как *Warpathaka* (Wenzel 3, 1862: 134). Отнесено к производным от венг. *vár* ‘город’ (Šmilauer 1932: 144, 365, 485).

Столь же вероятно иное толкование: **War* — адаптированный (*pat(h)aka*) в языке венгерских актов отголосок иран. **uar-/uār-* ‘дождь’, ‘вода’, ср. авест. *vairi-* ‘озеро’, *vār-* ‘дождь’ (Bartholomae 1904: 1364, 1410), *Var* (по-другому — *Danabri*) — река в области Скифии (у Иордана) (Iordanes 2001: 166). О древней индоевропейской гидронимии с этой основой см.: (Krahe 1962: 289).

11. Обратим внимание на «*terram Turba et Egenpha cum Titia et stagno, quod dicitur Wartako*», 1266 — озеро, пруд (Fejér IV/3, 1829: 319). Сарм.-алан. **wart-ak[a]* — суффигированная основа (ср. лат. *vertex* ‘водоворот’) сравнительно с ар.-перс. гидронимом *Warṭa-i Bābā Hājjī* ‘водоворот Б. Х.’ (Lurye 2004: 235). В осетинском рефлекс **uarta-* отмечен только как технический термин *wærdæx* ‘скрученный прут, используемый как веревка’ (Abaev 4, 1989: 91).

12. *Wral*: «*in latere montis magni, venit ad fontem Wralis*», 1272, «*versus orientem tenendo, descendit ad puteum Wral*», 1364 (Fejér X/3, 1838: 259; IX/6, 1838: 130; Šmilauer 1932: 90) — источник между *Strážovem* и *Sokolím* близ *Mojtína* (бас. Нитры, Верхнее Понитрье). Точная форма и этимология неизвестны, в связи с чем название отнесено к неясным (Šmilauer 1932: 332, 500). Допускаем здесь ср.-иран. **ur-al* < ‘дождевой поток’ — аналог рассмотренного ранее **war-alya* ‘то же’ (Iliadi 2019: 408–409) с вариантной фонетической структурой корня **uar-/ur-* или ошибку вместо **war-al*.

13. В акте 1262 г., где описывается территория Крупины (р-н течения Литавы), упомянуто название *Zenarag, Zeuerag*. В. Шмилауэр без уверенности отождествляет его с ойконимом *Senohrad* в этом же районе, сопроводив допущение знаком вопроса (Šmilauer 1932: 150). Его сомнения здесь понятны: подобие слов не внушает уверенности в их тождестве, как и соединение неясного названия со слов. *hrad* ‘замок’ < **gordь*. Между тем, в *Zeuerag* отчетливо просматривается алан. **sāwar-ag*, для которого существует цельнолексемный аналог в осет. *Swaræg || Sawæræg* — от *swar || sawær* ‘минеральный источник’ (Dzitstsoity 2018: 99). Примеры передачи иран. *a–a* как *e–e* и случаи записи *s* через *z* в венгерских памятниках см. (Iliadi 2019: 407–408).

Литература

- Abaev, V. I. 1958–1995: *Istoriko-ètimologicheskij slovar' osetinskogo âzyka* [Historic-Etymological Dictionary of Ossetian Language]. Moscow ; Leningrad.
- Абаев, В. И. 1958–1995: *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. М.; Л.
- Bailey, H. W. 1979: *Dictionary of Khotan Saka*. London; New York; Melbourne.
- Bailey, H. W. 1980: Ossetic (Nartæ). *Traditions of Heroic and Epic Poetry*. Vol. 1: The Traditions. London, 236–267.
- Bartholomae, Chr. 1904: *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg.
- Codex diplomaticus, 1876: *Codex diplomaticus patrius Hungaricus* (Hazai okmánytár). Budapestini, T. VI.
- Dongó, Gy. G. (ed.) 1898: *Adalékok Zemplén-Vármegye történetéhez*. Sátoraljaújhely, Köt. III.
- Dzitstsoity, Yu. A. 1992: *Narty i ikh sosedi: Geograficheskie i ètnicheskie nazvaniâ v nartovskom èpose* [Narts and Their Neighbors: Geographic and Ethnic Names in the Nart Epos]. Vladikavkaz.
- Дзиццойты, Ю. А. 1992: *Нарты и их соседи: Географические и этнические названия в нарттовском эпосе*. Владикавказ.
- Dzitstsoity, Yu. A. 2018: [Types of Word Formation in The Ossetian Toponymy]. *Izvestiâ SOIGSI* [Bulletin of NOIHSS] 27 (66), 94–111.
- Дзиццойты, Ю. А. 2018: Словообразовательные типы осетинской топонимии. *Известия СОИГСИ* 27 (66), 94–111.
- Fejér, G. 1829–1844: *Codex diplomaticus Hungariae. Ecclesiasticus ac civilis: Studio et opera*. Budaë.
- Gagloiti, Z. D. 2007: *Osetinskie familii i lichnye imena* [Ossetian Surnames and Personal Names]. Tskhinval.
- Гаглойти, З. Д. 2007: *Осетинские фамилии и личные имена*. Цхинвал.
- Iliadi, A. I. 2018: [Iranian Language Relicts in the Slovak Historical Toponymy]. *Indoeuropejskoe âzykoznanie i klassičeskaâ filologiâ* [Indo-European linguistics and classical philology] 22, 557–566.
- Илиади, А. И. 2018: Иранские языковые реликты в словацкой исторической топонимии. In: *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 22, 557–566.
- Iliadi, A. I. 2019: [Iranian Language Relicts in the Slovak Historical Toponymy]. *Indoeuropejskoe âzykoznanie i klassičeskaâ filologiâ* [Indo-European linguistics and classical philology] 23, 403–412.
- Илиади, А. И. 2019: Иранские языковые реликты в словацкой исторической топонимии. In: *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 23, 403–412.
- Iordanes 2001. *De origine actibusque Getarum* [introductory article, transl., comm. by E. Ch. Skrzhinskaâ]. St.Petersburg.
- Иордан 2001: *О происхождении и деяниях гетов (Getica)* [вступ. статья, пер., коммент. Е. Ч. Скржинской]. СПб.
- Jerney, J. 1854: *Magyar nyelvkincsek Árpádék korszakából*. Pesten.
- Krahe, H. 1962: *Die Struktur der alteuropäischen Hydronymie*. Wiesbaden.
- Krško, J. 2003: *Hydronymia povodia Turca*. Banská Bystrica.

- Livshits, V. A. 2008: *Sogdiyskaâ èpigrafiika Sredney Azii i Semirechiâ* [*Sogdian Epigraphy of Central Asia and Semirech'e*]. St.Petersburg.
- Лившиц, В. А. 2008: *Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья*. СПб.
- Lurye, P. B. 2004: *Istoriko-lingvisticheskiy analiz sogdiyskoy toponimii* [*A Historical-Linguistic Analysis of Sogdian Toponymy*]. St.Petersburg.
- Лурье, П. Б. 2004: *Историко-лингвистический анализ согдийской топонимии: Дисс. ... канд. филол. наук*. СПб.
- MacKenzie, D. N. 1986: *A Concise Pahlavi Dictionary*. London; New York ; Toronto.
- Monier-Williams, Monier Sir 1988: *A Sanskrit-English Dictionary: Etymologically and Philologically Arranged with Special Reference to Cognate Indo-European Languages*. Delhi.
- Nagy, Gy. (ed.) 1879: *Hazai oklevéltár, 1234–1536*. Budapest.
- OAIUÂ: *Onomasticheskiy arkhiv Instituta ukrainskogo âzyka NAN Ukrainy* [*Onomastic Archive of NASU Institute of Ukrainian Language*]. Kiev.
- ОАИУЯ: *Ономастический архив Института украинского языка НАН Украины*. К.
- Ortvay, T. (ed.) 1882: *Magyarország régi vízrajza*. Budapest, Köt. 1.
- Otin, E. S. 2008: *Gidronimiâ Dona. T. I. Verkhniy i Sredniy Don* [*Hydronymy of the Don River. T. I. The Upper and Middle Don*]. Donetsk.
- Отин, Е. С. 2008: *Гидронимия Дона. Т. I. Верхний и Средний Дон*. Донецк.
- Rastorgueva, V. S. 1990: *Sravnitel'no-istoricheskâ grammatika zapadno-iranskikh âzykov: Fonologiâ* [*A Comparative-Historical Grammar of the Western Iranian Languages: Phonology*]. Moscow.
- Расторгуева, В. С. 1990: *Сравнительно-историческая грамматика западноиранских языков: Фонология*. М.
- Rastorgueva, V. S., Êdel'man, D. I. 2000–2015: *Êtimologicheskii slovar' iranskikh âzykov* [*Etymological Dictionary of the Iranian Languages*]. Moscow.
- Расторгуева, В. С., Эдельман, Д. И. 2000–2015: *Этимологический словарь иранских языков*. М.
- Shaposhnikov, A. K. 2019: [Early Slavic Ethnonymy]. In: *Onomastika Povolzhya: materialy XVII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [*Onomastics of the Volga region: Proceedings of the XVII International Conference*]. Veliky Novgorod, 105–112.
- Шапошников, А. К. 2019: Ранняя этнонимия славян. В сб.: *Ономастика Поволжья: материалы XVII Международной научной конференции*. Великий Новгород, 105–112.
- Šmilauer, Vl. 1932: *Vodopis starého Slovenska*. Praha; Bratislava.
- Trubachev, O. N. 1968: *Nazvaniâ rek Pravoberezhnoy Ukrainy. Slovoobrazovanie. Êtimologiâ. Êtnicheskaya interpretatsiâ* [*River Names of the Right-Bank Ukraine. Word Formation. Etymology. Ethnic interpretation*]. Moscow.
- Трубачев, О. Н. 1968: *Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация*. М.

- Trubachev, O. N., Zhuravlev, A. F. (eds) 1974–2019: *Ètimologicheskii slovar' slav'anskikh âzykov: Praslav'anskiy leksicheskiy fond* [An Etymological Dictionary of the Slavonic Languages: Proto-Slavonic lexical stratum]. Moscow.
Трубачев, О. Н., Журавлев, А. Ф. (ред.) 1974–2019: *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд*. М.
- Tsabolov, R. L. 2001: *Ètimologicheskii slovar' kurdsogo âzyka* [Etymological Dictionary of the Kurdish Language]. Moscow, T. 1.
Цаболов, Р. Л. 2001: *Этимологический словарь курдского языка* Т 1. М.
- Tsagaeva, A. D. 1975: *Toponimiâ Severnoy Osetii (Slovar' geograficheskikh nazvaniy)* [Toponymy of North Ossetia (Dictionary of Geographical Names)]. Ordzhonikidze, Vol. II.
Цагаева, А. Д. 1975: *Топонимия Северной Осетии (Словарь географических названий)* Орджоникидзе, Ч. II.
- Tskhovrebova, Z. D., Dzitstsoity Yu. A. 2013: *Toponimiâ Yuzhnoy Osetii* [Toponymy of Southern Ossetia]. Moscow, Vol. 1.
Цховребова, З. Д., Дзиццойты, Ю. А. 2013: *Топонимия Южной Осетии*. М., Т. 1.
- Turaev, B. B. 2010: *Leksiko-semanticheskoe i slovoobrazovatel'noe issledovanie mikrotoponimii doliny Yagnob* [Lexical-Semantic and Word Formation Research of Yagnob Valley Microtoponymy]. Dushanbe.
Тураев, Б. Б. 2010: *Лексико-семантическое и словообразовательное исследование микротопонимии долины Ягноб: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Душанбе*.
- Wenzel, G. 1812–1891: *Codex diplomaticus Arpadianus continuatus (Árpádkori újokmánytár)*. Pest.

А. В. Иваненко

(Институт украинского языка НАН Украины, Киев)

ЦИРКУМПОНТИЙСКИЙ ЭТНОНИМИКОН. II **(Ἀγαυοί = Σαῖοι = Παραλάται = Σκύθαι = Σκόλοτοι?)**

В статье, на основе текстологического анализа древнейших свидетельств о скифах (Гомер, Гесиод, Эсхил, Геродот и др.), предложено непротиворечивое объяснение гомеровского ἄγαυοί ‘благородные’ как кальки скифского этнонима Σαῖοι (= скифы царские = Παραλάται = Σκύθαι = Σκόλοτοι).

Ключевые слова: ономастика, этимология, этнонимия.

O. V. Ivanenko

(NAS Institute of the Ukrainian Language)

The Circumpontic region ethnonymicon. II **(Ἀγαυοί = Σαῖοι = Παραλάται = Σκύθαι = Σκόλοτοι?)**

The present paper analyzes the Homeric word ἄγαυοί ‘noble’: it is interpreted as a calque from the name of Scythian ethnos Σαῖοι (= Royal Scythians = Παραλάται (**Para-dāta-* / *-dāta-*) = Σκύθαι = Σκόλοτοι).

Ancient contexts from Homer, Hesiod, Aeschylus, and Herodotus that mention ἄγαυοί are submitted to philological analysis.

Key-words: Scythian onomastics, etymology.

В данном материале мы хотели бы поделиться соображениями касательно известного фрагмента из тринадцатой главы «Илиады» — καὶ ἄγαυῶν ἱππημόλγων γλακτοφάγων, в котором нас более всего заинтересовало обозначение ἄγαυοί (упоминаемых в некоторых источниках как *агавы*). Разумеется, в силу определенной размытости данного фрагмента, дать его однозначную интерпретацию трудно. Однако наметить пути к разрешению загадки о таинственных *агавах*, кажется, все-таки можно.

Употребленное в гомеровском тексте, слово ἄγαυοί вызывало интерес еще у древних авторов, породив дискуссию, сводившуюся, в основном, к вопросу: считать ли ἄγαυῶν обозначением некоего народа или, к примеру, одним из эпитетов к ἄβίῳ. Дискуссия эта достаточно подробно рассмотрена в работе А. И. Иванчика (Ivanchik 2005: 19–50), а потому нам остается согласиться с основными выводами исследователя относительно ее характера, приводя здесь лишь некоторые из

древних схолий, а также необходимый фрагмент из первоисточника (Piias 1879: XIII, 1–6; Homer 1949: XIII, 1–6):

Ζεὺς δ' ἐπεὶ οὖν Τρῳάς τε καὶ Ἑκτορα νηυσὶ πέλασσε,
τοὺς μὲν ἔα παρὰ τῇσι πόνον τ' ἐχέμεν καὶ οἰζὺν
νωλεμέως, αὐτὸς δὲ πάλιν τρέπεν ὅσσε φαεινῷ,
νόσφιν ἐφ' ἵπποπόλων Θρηκῶν καθορώμενος αἶαν
Μυζῶν τ' ἀγχεμάχων καὶ ἀγαυῶν Ἰππημολγῶν
γλακτοφάγων, ἀβίων τε δικαιοτάτων τ' ἀνθρώπων.

Зевс, приведя и троянцев, и Гектора к стану ахейцев,
Им предоставил нести пред судами труды и страданья
Без передышки, а сам перевел свои светлые взоры
Вдаль, созерцая страну укротителей конских — фракийцев,
Мисян, бойцов рукопашных, и славный народ гиппемолгов,
Молокоядных, и племя абийцев, мужей справедливых.

Строки 5–6 данного отрывка так или иначе упоминаются многими авторами в различных контекстах и трактовках без малого три тысячелетия. Относительно, пожалуй, наиболее противоречиво трактуемого слова из интресующего нас фрагмента — ἀγαυός — высказывались различные (часто полярные) мнения. Примерный их диапазон виден даже из нескольких приводимых ниже отрывков: «Ἀγαυοὶ ὄνομα ἔθνους· ἵππους δὲ ἀμέλγοντες οὗτοι τῷ γάλακτι ἐτρέφοντο. **Ab** (BCE3) **T** es Δημήτριος δὲ ἀγαυοὺς τοὺς εὐεידεῖς» ‘Агавы — имя народа: кобылиц доители, их молоком же они пропитаются. У Димитрия — агавов прекрасновидных’ (Erbse 1974: 392).

Далее (в сноске) приводится свидетельство (Erbse 1974: 392; Ivanchik 42): «ἀγαυοὺς δὲ τινὲς μὲν λαμπρούς, τινὲς δὲ ἄνομα ἔθνους ἵππους ἀμέλγοντος (ἀμ. Nicole, ἀμέλγοντες Ge) καὶ τῷ γάλακτι τούτων τρεφομένου (Nicole, τρεφομένου Ge)» ‘ἀγαυοὺς некоторые (переводят) ‘славные’, а некоторые — как имя народа, доящего лошадей и питающегося их молоком’.

Аристарх Самофракийский (216–144 гг. до н. э.) в изложении Аполлония Софиста (Erbse 1974: 394; Ivanchik 37) отмечает: «ὁ μὲν Ἀρίσταρχος ὡς ἔθνους οὕτω λεγομένου ἀκούει, καθ' ὃν καὶ τοὺς γλακτοφάγους τετάχθαι καὶ τοὺς δικαιοτάτους (διὸ καὶ γράφει χωρὶς τοῦ τέ συνδέσμου)» ‘Аристарх считает, что так назван народ и им (абиям) подчинены (слова) и γλακτοφάγους, и δικαιοτάτους (почему и пишет без соединительного τε)’.

Напротив, Аполлоний Софист (I в.) считал, что (Erbse 1974: 394): «οἱ δὲ κατὰ τῶν ὀνοματικῶς λεγομένων „Ἀγαυῶν“ πάντα

ἐπίθετα λέγεσθαι, τοὺς ἵππημολγούς, τοὺς δικαιοτάτους καὶ ἀβίους γλακτοφάγους» ‘упомянутых имени Ἀγαυῶν носителей называют все прилагательные — гиппомолги, справедливейшие и абии млекоядные’.

Дионисий Периэгет (II в.) видел в обозначении Ἀγαυῶν отдельный народ, вероятно — фракийцев (Διονυσίου 308–310; Latyshev 1, 181–182): «Τῶν δ’ ὑπὲρ ἐχτέταται πολυῖππων φύλον Ἀγαυῶν // ἔνθα Μελάγχλαινοί τε καὶ ἀνέρες Ἴππημολγοί, // Νευροί θ’ Ἰππόποδες τε Γελωνοί τ’ ἡδ’ Ἀγάθурсοι» ‘Выше их живет племя богатых конями Агавов, а там — Меланхлэны, Иппимолги [Доители кобылиц], Невры, Иппоподы [Коненогие], Гелоны и Агафирсы’.

Гесихий Александрийский (ок. V в.) рассматривает Ἀγαυοί как эпитет (Hesychios 1858: I, 15): «ἔστι δὲ καὶ ἔθνος Σκυθικὸν Ἀγαυοί οὕτω καλούμενον, ὡς ὕταν λέγῃ ο ποιήτες. „καὶ ἀγαυῶν Ἴππημολγῶν» ‘Есть еще скифский прекрасный народ Агавы, который упомянут Поэтом: „καὶ ἀγαυῶν Ἴππημολγῶν“’.

Стефан Византийский (VI в.), трактуя Ἀγαυοί как этноним (о чем свидетельствует его написание с большой буквы), приводит сразу несколько его толкований, отождествляющих агавов с абиями (SB I, 7; Latyshev 1890: 1, 252): «οἱ πλείους δὲ τῶν ὑπομνηματιστῶν ἐπίθετά φασι τῶν Ἀγαυῶν τὸ γλακτοφάγων καὶ τὸ ἀβίων, ἐκλαμβάνοντες οἱ μὲν τὸ μὴ βιαζομένων, διὸ καὶ δικαιοτάτοι· οἱ δὲ ἀοίκων, διὰ τὸ μὴ ἔχειν ἡμῖν ὅμοιον βίον οἱ δὲ ὁμοβίων, τοῦτέστιν ὁμοτόξων. τοξόται γὰρ οἱ αὐτοί» ‘Большинство комментаторов говорят, что слова «млекоедов» и «авиев» представляют собою эпитет Агавов, при чем одни объясняют его в смысле «не прибегающие к насилию» (поэтому и справедливейшие), другие — в смысле «бездомные», потому что жизнь их не похожа на нашу, наконец третьи — словом ὁμοβίων, т. е. «однолучники», потому что они — стрелки’.

Евстафий Фессалоникийский (1115–1195 гг.) обобщает мнения предшественников (ΕΤ III, 129; Latyshev 1890: 1, 308), склоняясь, однако, к мысли, что ἀγαυοί — эпитет к названию народа гиппомолгов: «καὶ ἀγαυῶν Ἴππημολγῶν, ἐφ’ ὧν, ὥς φασι οἱ παλαιοί, ἀδηλον εἶτε τὸ ἀγαυῶν ἔθνος ἐστὶν ὄνομα, τὸ δὲ ἵππημολγῶν ἐπιθέτως λέγεται, ἢ καὶ ἔμπαλιν τὸ μὲν ἀγαυῶν ἐπίθετον, ἔσον τῷ εὐεῖδῶν, τὸ δὲ ἵππη μολγῶν κλήσις ἐθνικὴ, ὃ καὶ κάλλιον. θρυλεῖται γὰρ ἐν ἱστορίαις ἔθνος Ἴππημολγοί. περὶ Σκυθίαν δὲ τὸ τοιοῦτον ἔθνος, δηλαδὴ τὸ τῶν ἀγαυῶν Ἴππημολγῶν, οὓς καὶ γλακτοφάγους καλεῖ καὶ ἀβίους καὶ δικαίους...» ‘и об ἀγαυῶν Ἴππημολγῶν, в упоминании о которых, как говорят

древние, не ясно, есть ли ἄγαυῶν название народа, а ἱππημόλγων сказано в виде эпитета, или наоборот — ἄγαυῶν эпитет, равнозначущий с εὐεῖδῶν [благовидные], а ἱππημόλγων — народное название; так *понимать* лучше, потому что в истории часто упоминается народ Иппимолги [Доители кобылиц]; живет в Скифии этот народ, т. е. дивных Иппимолгов, которых поэт называет также млекоедами, авиями и справедливыми...’.

*****

Приведенные точки зрения, в целом, неплохо демонстрируют спектр мнений о статусе ἄγαυός в καὶ ἄγαυῶν ἱππημόλγων / γλακτοφάγων. Наиболее реалистичной и непротиворечивой представляется версия о характере употребления ἄγαυός, излагаемая в комментариях к «Илиаде» у Р. Янко¹: «Зевс, озирая земли, обращает свой взор с запада на север [и, добавим, далее на восток. — А.И.]: сперва он видит *фракийцев*, затем *мизян* и далее он видит ‘молокоядных’ гиппомолгов» (Kirk 1992: 42). Р. Янко определяет их так: «Гиппомолги, несомненно, задуманское кочевое племя, что-то вроде массагетов (Hdt. I, 216). γλακτοφάγων объясняет их имя (молоко, несомненно, кислое, наподобие татарского *кумыса*), доказывая тем самым, что ἄγαυῶν — эпитет, а не имя». Далее говорится об упоминании впервые Гесиодом Дуная и скифов, называемых им млекоедами (там же).

Однако эта, в целом логичная картина, требует прояснения некоторых моментов.

Во-первых, сравнение «молокоядных» *гиппомолгов* с *массагетами* (обитавшими в районе Каспия) не вполне корректно — этноним *Μασσαῖται* как ‘млекоеды’ не объясняется: уже сам Геродот говорит, что живут массагеты *рыбной ловлей* и употребляют в пищу молоко (Hude 1908: I, 216; Herodot 1982: 93): «σπεύρουσι δὲ οὐδέν, ἀλλ’ ἀπὸ κτηνέων ζώουσι καὶ ἰχθύων· οἱ δὲ ἄφθονοί σφι ἐκ τοῦ Ἀράξεω ποταμοῦ παραγίνονται. γαλακτοπόται δὲ εἰσι» ‘Они ничего не сеют, но живут разведением домашнего скота и рыбной ловлей, рыба в изобилии добывается ими из реки Аракс. Пьют они молоко’.

Кроме того, Геродот использует слово γαλακτοπόται — ‘молокопивцы’. Если бы он хотел указать на принадлежность массагетов к скифам (в частности, к скифам европейским), то использовал бы для этого привычное грекам γλακτοφάγων: в

¹ Перечень источников, в которых цитируется и комментируется интересующий нас фрагмент см. в: West 2000: 3; Erbse 1974: 392–396.

этнонимах, определяющих народы по способу добывания пищи или пропитания, греки предпочитали в качестве второго компонента *φάγος*. Поэтому указание на употребление массагетами молока — не более чем бытовая зарисовка, а геродотовское *γαλακτοπόται* вряд ли можно расценивать как свидетельство скифской принадлежности массагетов: Страбон прямо называет их *ἰχθυοφάγοισιν* — *рыбоедами* (Radt, S., 2004: XI, 8 / 7, 15). Далее, исходя из известий древних авторов, для этнонима *Μασσαγέται* еще В. Томашеком была предложена реконструкция: *maṣṣuaka* ‘народ рыбаков’, ср. н.-перс. *mahik*; связь этнонима с авест. *masya* ‘рыба’ отмечена, например (со ссылкой на Маркварта), у М. Фасмера. Против — В. И. Абаев (Tomaschek, W., 1889: 47; Фасмер 1923: 14; Abayev 1979: 301).

Во-вторых, нельзя окончательно отбрасывать и соображения древних авторов, полагавших *ἄγαυός* этнонимом, — в этих взглядах также есть определенная доля истины: даже употребленное как эпитет, слово вполне могло обозначать этническое название.

Приступая к рассмотрению вопроса об *ἄγαυός*, мы бы хотели сразу отметить, что квалифицируем это слово как эпитет, калькирующий иранское этническое название и одновременно выступающее, таким образом, в роли этнонима, который Гомеру известен не был. Последнее соображение подтверждается свидетельством Географа, весьма точно характеризующего употребление этнонимов в произведениях Поэта и именно — на примере интересующих нас названий (Radt, S., 2002: I, 1 / 6, 10–13; Strabon 1964: I, 1 / 6): «καὶ τοὺς ἀνθ[ρώπους] δὲ οἶδε τοὺς προσβορείους μάλιστα· οὓς ὀνομαστὶ μὲν] οὐ δηλοῖ — οὐδὲ γὰρ νῦν που κοινὸν αὐτοῖς ὄνομα κεῖται πᾶσι]—, τῇ διαίτῃ δὲ φράζει, νομάδας αὐτοὺς ὑπογράφων καὶ] ‘ἄγαυοὺς Ἰππημόλγοις Γαλακτοφάγους Ἀβίους τε» ‘Далее, Гомер знает людей, живущих на самом крайнем севере, хотя и не называет их по имени (ведь у них даже и теперь нет одного общего названия); он дает им имена по их образу жизни’. При этом для буквального перевода восточноиранского этнонима Гомер использует хорошо знакомое ему слово *ἄγαυός* ².

² Высказанное предположение возникло у нас в процессе работы с этнонимом *абии*, калькирующим иран. **arīa-*, **ārīa-* ². Более того, первоначально мы полагали, что именно этот этноним, как возможное продолжение и.-е. **arīo-* ‘господин; свободный человек’, скрывался за гр. *ἄγαυός* ‘благородный (англ. noble)’ (Liddell, Scott 1896: 6). Такому выводу способствует и семантика некоторых континуантов

Употребление ἄγαυός в качестве эпитета не выходит за рамки принятой у Гомера схемы *этноним + эпитет* (в пре- или постпозиции). В ряде случаев эпитет многократно повторяется, а иногда представляет собой перевод этнического (само)названия: Δάρδανοιν ἀγχιμαχηταί (Homeri 1879, Homer, 1990: VIII, 173; XI, 286; XIII, 150; XV, 425, 486; XVII, 184) — *рукоборцы, рукопашцы* (словами Гнедича); Μυζῶν τ' ἀγχεμάχων — (и) мисийцев рукопашных; ἱπποπόλων θρηκῶν — конелюбивых (коней разводящих, за конями ухаживающих) фракийцев; ἀβίων τε δίκαιοτάτων — абиев справедливейших из смертных (Homeri 1879: XIII, 4–6), где *справедливейшие* — калька с этнонима³.

Однако случай с разбираемым фрагментом — особый: как точно подмечает Страбон, Гомеру название народа известно не было — оно войдет в речевой обиход греков несколько позже. В качестве этнонима поэт употребляет, по сути, описательную конструкцию ἱππημόλγοι γλακτοφάγοι. А дополнительным этническим идентификатором выступает ἄγαυός, также имеющее описательную семантику. Именно описательный характер всей конструкции (καὶ) ἄγαυῶν ἱππημόλγων γλακτοφάγων, а также туманность обозначаемого в ней объекта и породили многовековую дискуссию о статусе в ней слова ἄγαυός.

Далее предстоит выяснить мотивы использования ἄγαυῶν в упомянутой конструкции. Выступая в качестве эпитета к ἱππημόλγων γλακτοφάγων оно, на наш взгляд, является своего рода дополнительным этническим идентификатором: у Гомера каждый эпитет, каждая глосса к этнониму имеет вполне конкретное значение и никогда не употребляется без особой на то причины. Следовательно, просто удовлетвориться одним из значений ἄγαυός (у Гнедича — *дивный*, у Вересаева — *славный*), воспринимая его как обычную одобрительную характеристику некоего народа, нельзя. Случай с *абиями* показывает, что подобное глоссирование нельзя считать случайным.

Исходя из сказанного, мы, повторимся, полагаем, что гр. ἄγαυός калькирует скифское этническое самоназвание.

иран. *arīa-, *ārīa-: авест. *airyaman-*, *airyāman* ‘товарищ’; ‘проповеднический, принадлежащий к числу жрецов’, ‘жреческий союз’ и др.-инд. *ārya-* ‘уважаемый, почетный или правоверный человек, обитатель Āryāvarta’, ‘принадлежащий к одной из трех высших каст’ (Bartholomae 1904: 198; MW 152).

³ Подробнее см.: Ivanenko 2019: 380.

Краткий анализ приводимой ниже лексики позволяет отчасти прояснить мотивы употребления Гомером для обозначения группы скифских племен именно прилагательного ἄγαυός. При этом особое внимание следует обратить на сферу функционирования каждого из приводимых далее слов⁴.

В словарях гр. ἄγαυός отмечено со значениями ‘достолавный, прославленный’ (Dvoretzkiy 1958: I, 18), ‘блестящий, сверкающий’, а также — ‘человек благородного происхождения’. У Гомера оно почти всегда характеризует царей или героев (Liddell, Scott, 1896: 6). В то же время весьма показателен факт, что во фрагменте, повествующем о скифах, автор употребляет именно ἄγαυός, хотя в его распоряжении имелось еще как минимум пять подходящих для этого слов.

Если исходить исключительно из семантики ἄγαυός ‘человек благородного происхождения, благородный’, то логичнее всего было бы ожидать употребления засвидетельствованного в гомеровском лексиконе εὐγενής, εὔγενής ‘знатный’ (Liddell, Scott 708). Однако в нашем случае оно не использовано, вероятнее всего, по причинам недостаточной полноты семантики.

По семантическим причинам не использовано и отмеченное у Гомера βασιλῆϊος ‘царский, царственный’ (Dvoretzkiy 1958: I, 290).

Если же отталкиваться от «внешних» значений ἄγαυός — ‘блестящий, сверкающий’, то вполне уместным было также зафиксированное у Поэта слово εὐειδῶν (приводимое Евстафием Солунским в пояснение к ἄγαυός). Однако в древнегреческом εὐειδής обозначало исключительно внешность человека, ср. значения: ‘миловидный’, ‘хорошо сложенный (особенно о женщинах, но также и о мужчинах)’, ‘прекрасный (в общем значении)’, ‘красота лица’ (Liddell, Scott 710). Но и это слово, в силу своей семантической узости, употреблено не было.

Не использованы Гомером и слова κῦδρός, κῦδάλμιος из гр. κῦδος, этимологически родственного этнониму Σκύθαι и восходящего к др.-гр. κοεῖν ‘замечать’ с предполагаемым исконным значением ‘замечать нечто необычное, отметить что-то

⁴ Для ἄγαυός допускается его догреческое происхождение (с упоминанием более ранней версии о связи с гр. ἄγαμαι: Beekes 2010: 9). При этом ни в одном из известных нам этимологических словарей греческого языка последних десятилетий не учитывается этимология Ю. Покорного, предполагающая связь греческого слова с и.-е. *gāu- ‘радоваться’, sich freudig brüsten; *gāu-ro-s ‘гордый’ (Pokorny 1959: 353).

как новое или странное'. Греческое слово континуирует со слав. **čudo* < **čuti* 'чувствовать' (Бенвенист 1995: 283) ~ и.-е. **(s)keu-*.

При этом в словарях гр. *κῦδος* традиционно семантизируется как 'слава, честь' (Dvoretskiy 1992; Liddell, Scott 1005). Однако еще Э. Бенвенист достаточно убедительно показал, что *κῦδος* обозначало скорее магический атрибут, проявляющийся в любой сфере и выступающий основным условием успеха, превосходства, победы и т. д. Даруется *κῦδος* царям, вождям, могучим воинам вследствие божественного расположения и лишь на короткое время. Своим обладателям *κῦδος* сообщает внешний блеск и выражает идею величия, светозарности, которой внешне отмечен обладатель *κῦδος*. Оно не зависит от людей, но, находясь в руках богов, возводит обладателя *κῦδος* в ранг божества (Benveniste 1995: 283).

Кроме того, понятие *κῦδος* отображает заключенные в царской власти божественные силы: в представлениях древних индоевропейцев царь совмещает политическую власть с религиозной. Ему принадлежит власть, основанная на праве и магии, включая верховный суд над людьми и власть над отношениями людей с богами (там же)⁵. В силу всего изложенного выше, ни одно из производных от *κῦδος* — *κῦδρός* или *κῦδάλμιος* — не могло быть употреблено Гомером. Тем более, что *κῦδος* — это дар богов человеку, тогда как *ἀγαυός*, скорее, воздаяние должного человеком богам.

Как видно из примеров, ни одно из приведенных выше слов *εὐηγενής*, *εὐηγενής*, *βασιληῖος*, *εὐειδῶν*, *κῦδρός*, *κῦδάλμιος* не могло быть использовано либо в силу семантической узости, либо в силу особого сакрального значения. Из чего следует вполне очевидный вывод — именно семантический спектр *ἀγαυός* наиболее точно характеризовал то восточноиранское слово, общий смысл которого до Гомера донесли его (вероятнее всего — устные) источники. Таким образом, причина употребления *ἀγαυός* — его семантическая дуалистичность — 'великолепный, сияющий' — с одной стороны и 'благородный, высококородный = царский, царственный' — с другой. Следовательно,

---

⁵ Указанная семантика 'избранности кого-л.' и дальнейшего дарования ему божеством *κῦδος* вполне логично выводится из семантики и.-е. **(s)keu-* 'замечать', 'видеть'. ср. авест. *čavīšī* 1. Sg. Med. Aor. 'ожидать, снабжать', др.-инд. *ā-kīvatē* 'намеренный', *ā-kūta-* n., *ā-kūti-* 'намерение, цель' (Pokorny 1959: 587).

и этноним, который, как мы полагаем, калькирован посредством гр. ἀγαυός, должен содержать оба эти значения.

Единственный этноним, сочетающий в себе оба эти значения и который мог калькироваться греческим ἀγαυός — скиф. Σαῖοι. Семантику последнего хорошо иллюстрирует скиф. *xšay-* ‘сиять’, ‘блистать’, ‘властвовать’, а также осет. *xsin* ‘княгиня’, *xsart* ‘доблесть’, *xsed* ‘заря’ и др. (Abayev 1979: 309), авест. *xšaya-* ‘владыка, князь, король’, *xšayas* ‘имеющий право владения, принадлежащий к богатому сословию’ (Bartholomae 1904: 550–551). Сюда же (производное) скиф. *xšadra* ‘власть’, ‘сила’, ‘победа’, ‘доблесть’, ‘отвага’, др.-перс. *xšassa-* < *xšay* ‘блистать’, осет. *xšar* ‘сила’, ‘отвага’, ‘доблесть’ (Abayev 1979: 309), а также авест. *ksatrá-* ‘господство, власть, сила, правление’ (EWA I, 421). Приведенная лексика позволяет достаточно хорошо прояснить внутреннюю форму этнонима Σαῖοι, демонстрируя его почти полное семантическое тождество гр. ἀγαυός.

Наиболее известное упоминание этнонима Σαῖοι (вместо Ξαῖοι) (Abayev 1979: 110) содержится в ольвийском декрете в честь Протогена: «ἐ|πί τε τοῦ αὐτοῦ ἱέρεω ἀνθρώπων παραγενο|μένων Σαῖων ἐπὶ τὴν τῶν δώρων χομ|δὴν, οὐ δυναμένου δὲ τοῦ δήμου δοῦ|ναι αὐτοῖς, ἀξιώσαντος δὲ Πρωτογένην|βοηθῆσαι τοῖς καιροῖς, παρελθὼν ἐπηγγε[ί]|λατο χρυσοῦς τετρακοσίους·» ‘При том же жреце, когда явились во множестве Сайи за получением даров, а народ не мог им дать и попросил Протогена помочь его (стесненным) обстоятельствам, он, выступив, предложил 400 золотых’ (IOSPE, 1916: 50, 54). Аналогичное имя собственное фиксируется в Пантикапее около I пол. II в. и рассматривается как восходящее к одноименному этнониму. В качестве примера дается отсылка к Архилоху (KBN, 1965: 95).

Двумя веками ранее Σαῖοι упомянуты Страбоном (64 / 63 гг. до н. э. – ок. 23 / 24 гг. н. э.) со ссылкой на Архилоха (Страбон, 1964: XII, III, 20):

Σίντιες γὰρ ἐκαλοῦντό τινες τῶν Θρᾷκῶν, εἴτα Σιντοί, εἴτα Σαῖοι — παρ’ οἷς φησιν Ἀρχίλοχος τὴν ἀσπίδα ῥῖψαι·

ἀσπίδα μὲν Σαῖων τις ἀνείλετο, τὴν περὶ θάμνον
ἔντος ἀμώμητον, κάλλιπον οὐκ ἐθέλων·—,

‘Так, например, некоторых фракийцев называли синтиями, затем саййцами, где Архилох, как он сам говорит, бросил свой щит:

«Носит теперь горделиво саиец мой щит безупречный,
Волей-неволей пришлось бросить его мне в кусты»’.

Впервые же в греческом языковом пространстве этноним Σαῖοι отмечен у Архилоха (680 – ок. 640 гг. до н. э.): Bergk 1882: II, 384:

Ἀσπίδι μὲν Σαΐων τις ἀγάλλεται, ἥν παρὰ θάμνῳ
ἔντος ἀμώμητον κάλλιπον οὐκ ἐθέλων·
αὐτὸς δ’ ἐξέφυγον θανάτου τέλος· ἄσπις ἐκείνη
ἔρρετω· ἐξαὔτις κτήσομαι οὐ κακίῳ.

В схолиях к Аристофану Σαῖοι рассматривается как имя одного из фракийских племен: «Οὗτος ὁ Ἀρχίλοχος ἐξῆλθεν εἰς πόλεμον ἐν τῇ πρὸς Σαΐους μάχῃ (ἔστι δὲ ἔθνος Θράκης)» ‘Сам Архилох выступил на битву против Сайев (есть же [они] Фракии племя)’. Такое соотнесение вполне объяснимо: граница между фракийцами и скифами была размытой и колебалась между Прутом и нижним течением Дуная. Оба народа имели много общего в материальной (крашеная керамика и некоторые виды оружия) и духовной культуре (ср., напр., погребальные обряды с конными состязаниями), смешанные браки. Также имела место взаимная инфильтрация — ср. скифские вещи на территории древней Фракии и отмеченный в северопричерноморской ономастике фракийский элемент (подробнее см.: Abayev 1995: 530–531). Воспринимаемый как фракийский, скифский этноним (Σαῖοι) несколько веков как скифский не упоминался: снова он появляется лишь у Геродота и только в переводном виде — как βασιλῆϊος.

При этом сам этноним Σαῖοι еще В. Томашек связывал со словом ξάις (khšâyathya), видя в нем название царских скифов, обитавших к востоку от Дона, и производя их из рода Паралатов: «остатки царских скифов, кажется, засвидетельствованы еще ок. 200 г. н. э. в районе Ольвии под именем Σάιοι» (Tomaschek 1888: 721). Й. Харматта полагал, что этноним Σαῖοι — обозначение ‘царских’ скифов или сарматов и отражает переход -xš- > -š- (Harmatta 1951: 309).

Более уверенно в этой связи высказывается М. И. Артамонов: говоря о скифском рассказе Геродота, он, в частности, отмечал, что «... название “царские” представляет перевод хорошо известного нам племенного обозначения скифов — “саи”, которое упоминается в ольвийском декрете в честь Протегена. Этот термин повторяется в именах родоначальников скифов: Арпо-кся, Липо-кся и Кола-кся и, сближаясь с

иранским “кшайя”, несомненно, означает — “царь”» (Artamonov 1947: 76).

Если предположить, что архилоховские Σαῖοι — этноним скифский, то, стало быть, под этим именем уже в VII в. до н. э., вместе с гесиодовскими Σκύθαι как общим названием скифов, фиксируется и название одной из трех скифских ветвей — *скифов царских* (скифскую этногенетическую легенду см. ниже). В таком случае отражение именно этого этнонима в гр. ἄγαυοί представляется достаточно правдоподобным.

Анализ источников, хронологически близких ко времени Гомера, наводит на мысль о том, что гомеровское ἄγαυοί, возможно, обозначало группу скифских племен, позднее известную как *скифы царские*. При этом показателен тот факт, что после Гомера ἄγαυοί как обозначение скифов выходит из употребления — для этого все чаще используются «полноценные» этнонимы *агафирсы, гелоны, паралаты, скифы, сколоты*⁶. Реже, и больше для характеристики скифского образа жизни, — ἰππημολγοί и / или γλακτοφάγοι.

Так, отсутствует гр. ἄγαυός уже у Гесиода, который во фрагменте 150-м «Каталога женщин» называет глактофагов скифами (Merkelbach, West 1967: 74; Hesiod 2001: 137):

.....] τῶν μὲν τε νόος [γλ]ώσσης καθ[ύπ]ερθεν,
Αἰθίοπας] τε Λίβυς τε ἰδὲ σκύ[θ]ας ἰππημο[λγού]ς

К оным народам, что разум имеют сильнее, чем речи,
К скифам кобылодоильным, к ливийцам, к мужам-эфиопам.

Во фрагменте 151-м (Merkelbach, West 1967: 74; Hesiod 2001: 138) Гесиод, со слов Страбона, указывает на использование скифами повозок (Radt, S., 2003: VII, 3, 9; Strabon 1964: VII, 3, 9): «Ἡσίοδον δ' ἐν τῇ καλουμένῃ Γῆς περιόδῳ τὸν Φινέα ὑπὸ τῶν Ἀρπυιῶν ἄγεσθαι <...> // “Γλακτοφάγων εἰς γαῖαν ἀπῆνας οἰκί' ἐχόντων”» ‘И Гесиод в так называемом «Объезде земли» говорит, что Гарпии увлекли Финея <...> // «В землю галактофагов, что домы имеют в повозках»’.

Известия, приписываемые Гесиоду, — самые ранние из дошедших до нас свидетельств о скифах, в которых впервые встречается этноним Σκύθαι. И именно потому они являются

⁶ Сказанное не касается тех случаев, когда в источниках имеются прямые отсылки к разбираемому гомеровскому фрагменту или его прямое цитирование.

едва ли не ключевыми в решении вопроса о «статусе» ἄγαυός у Гомера.

Действительно, в первом из цитируемых выше фрагментов на месте ἄγαυοί стоит этноним Σκύθαι. Причем появляется он в той же позиции, что и ἄγαυοί у Гомера:

Гомер: ... καὶ ἄγαυῶν Ἰππυμολγῶν;

Гесиод: ... ἰδὲ Σκύ[θ]ας ἰππυμολγού]с (фр. 150).

В следующем, 151-м фрагменте «Каталога женщин» (стоявшем, как точно замечает А. И. Иванчик, близко к предыдущему: Ivantchik 2005: 27), этноним Σκύθαι не употребляется — вместо него автор вводит как глоссу гомеровское Γλακτοφάγοι⁷. Характерно, что и это слово стоит в той же позиции, что и в «Илиаде».

Полагаем, автор «Каталога», уже знакомый с этнонимом Σκύθαι, вполне сознательно избегает использования гомеровского ἄγαυοί, заменяя его скифским самоназванием. То, что в тексте этноним Σκύθαι употреблен именно вместо ἄγαυοί, подтверждается его поочередным глоссированием как ἰππυμολγοί и γλακτοφάγοι. Кроме того, если исходить из тождества ἄγαυοί = Σαῖοι = скифы-цари, то возникает подозрение, что автор «Каталога» под этнонимом Σκύθαι мог понимать именно *скифов царских*.

Однако характер глоссирования в «Каталоге» и у Гомера разнится. В «Илиаде» слова ἰππυμολγοί и γλακτοφάγοι употреблены как этноним, а ἄγαυός — как слово, передающее смысл (само)названия некоего иранского народа, но выступающее при

⁷ Аналогичные соображения ранее высказаны в работе А. И. Иванчика, однако слова ἰππυμολγοί и γλακτοφάγοι он отождествляет со скифами, не связывая их, однако, с ἄγαυοί: «Во фрагменте 151 скифы прямо не называются: ... впрочем учитывая их упоминание в стоявшем где-то рядом фрагменте 150, вряд ли приходится сомневаться, что автор «Каталога» имел в виду именно скифов».

В то же время не вызывает никакого сомнения и то, что он ориентировался здесь на текст «Илиады» — на небольшом пространстве употреблены оба гомеровских гапакса: ἰππυμολγούς и γλακτοφάγων. Уверенное отождествление автором «Каталога» безымянных концов Гомера со скифами неудивительно, учитывая дату создания поэмы. В настоящее время она достаточно уверенно помещается между 580 и 520, а скорее между 540 и 520 гг. до н. э.» (Ivantchik 2005: 27). Точно так же справедлива и ремарка ученого о том, что «авторитет схолиастов считает слова ἰππυμολγῶν γλακτοφάγων эпитетами этнонима Ἀγαυοί» (Ivantchik 2005: 41).

этом и в качестве эпитета. В «Каталоге» же слова *ἰππημόλγοι* или *γλακτοφάγοι* используются в качестве глосс к *Σκύθαι*.

Столь точное употребление слов *ἰππημόλγοι* и *γλακτοφάγοι* свидетельствует о том, что Гесиод (или, осторожно говоря, автор «Каталога») не слепо подражал Гомеру, а намеренно употребил оба слова в тех же позициях, что и Поэт. Иначе говоря, в обоих случаях мы имеем дело с авторским пониманием гомеровского фрагмента, при котором, полагаем, *ἀγαυοί* могло восприниматься не только как характеризующий некий народ эпитет⁸, но и как этническое название.

В подтверждение того, что речь у Гесиода идет именно о скифах, приведем также употребленное им выражение *Γλακτοφάγων* (...) *ἀπήνας οἰκί*, букв. 'глагоктофагов ... обитающих в повозках'.

У Эсхила находим те же сведения, но с явным указанием на отсутствие у скифов [европейских. — А. И.] культурного (и вообще какого-либо) земледелия. Сам же Эсхил, говоря о скифах, этноним *Σκύθαι* как *ἰππημόλγοι* или *γλακτοφάγοι* уже не глоссирует — в этом просто отпадает необходимость (Schütz 1823: 713–719; Aischylos 1989: 708–711):

Прῶτον μὲν ἐνθὲνδ' ἡλίου πρὸς ἀντολὰς
 Στρέψασα σαυτὴν, στεῖχ' ἀνηρότους γύας·
 Σκύθας δ' ἀφίξη νομάδας, οἱ πλεκτὰς στέγας
 Πεδάρσιοι ναίουσ' ἐπ' εὐκύκλοις ὄχοις,
 Ἐκηβόλοις τόξοισιν ἐξηρτημένοι·
 Οἷς μὴ πελάζειν· ἀλλ' ἀλίστόνοις πόδας
 Χείμπτουσα ῥαχίαισιν ἐκπερᾶν χθόνα.

Направишь шаг по целине непаханной
 И к скифам кочевым придешь. Живут они
 Под вольным солнцем на телегах, в коробах
 Плетеных. За плечами — метко бьющий лук.

На то же, что речь у Эсхила идет именно о *Σκύθαι*, указывает упоминание им одного из отмеченных у Гесиода скифских атрибутов — *телег* (у Гесиода — *повозки*): *ἐπ' εὐκύκλοις ὄχοις* (ср. *εὖ-κυκλος* 'с хорошо закруглёнными колёсами, т. е. быстро катящийся' (Dvoretzkiy 1958: I, 695; II, 1213). Далее Эсхил

⁸ В то же время, использование в «Каталоге» обоих этих слов в качестве глосс (= эпитетов) к этнониму *Σκύθαι* не исключает предположения о том, что в этой же функции они могли употребляться и Гомером, а объектом глоссирования выступало др.-гр. *ἀγαυοί* (см. выше ремарку Стефана Византийского).

уточняет Гесиода, говоря при этом, что скифы проживают в *плетеных коробах*: Σκύθας <...> πλεκτὰς στέγας — букв. — ‘плетное жилище’.

В схолиях к «Победным одам» Пиндара обнаруживаем реминисценцию к его словам о скифах, также опосредованно указывающую на их искусность в стрельбе из луков:

«Ὡκέα βέλη] ... Σκυθικὰ δὲ βέλη τὰ ποιήματα λέγει· εἰώθασι γὰρ οἱ Σκύθαι ὑπὸ τὸν ἀγῶνα βέλη βαστάζειν· οἱ δὲ Κρήτες κατὰ τῶν ὤμων» ‘Поэт называет скифскими стрелами поэтические произведения; ибо Скифы обыкновенно носят стрелы под локтем, а Критяне — на плечах’ (Latyshev 1890: 1, 327).

Свидетельства Эсхила и Пиндара ценны еще и тем, что в них впервые зафиксирована внутренняя форма этнонима Σκύθαι — ‘лучники’.

И только у Геродота этноним с «царственной» семантикой в отношении *скифов* (sic!), не встречающийся ни у Гесиода, ни у Эсхила и Пиндара, появляется вновь. Однако для обозначения высокого статуса одной из групп скифских племен вместо ἀγαυοί Геродот использует другой эпитет — βασιλῆϊος. Для наглядности излагаемых ниже соображений приведем отрывки, связанные с одной из скифских этногенетических легенд:

«γένεος μὲν τοιούτου δὴ τινος γενέσθαι τὸν Ταργίταον, τοῦτον δὲ γενέσθαι παῖδας τρεῖς, Λιπόξαϊν καὶ Ἀρπόξαϊν καὶ νεώτατον Κολάξαϊν. ἐπὶ τούτων ἀρχόντων ἐκ τοῦ οὐρανοῦ φερόμενα χρύσεα ποιήματα, ἄροτρον τε καὶ ζυγὸν καὶ σάγαριν καὶ φιάλην, πεσεῖν ἐς τὴν Σκυθικήν» ‘Такого именно происхождения был Таргитай. У него родились три сына: Липоксай и Арпоксай и самый младший Колаксай. Во время их правления на скифскую землю упали сброшенные с неба золотые предметы: плуг с ярмом, обоюдоострая секира и чаша’ (Hude 1908: IV, 5; Herodot 1982: 101);

«ἀπὸ μὲν δὴ Λιποξάϊος γεγονέναι τούτους τῶν Σκυθέων οἱ Αὐχάται γένος καλέονται, ἀπὸ δὲ τοῦ μέσου Ἀρποξάϊος οἱ Κατίαροί τε καὶ Τράσπιες καλέονται, ἀπὸ δὲ τοῦ νεωτάτου αὐτῶν τοὺς βασιλέας, οἱ καλέονται Παραλάται· σύμπασι δὲ εἶναι οὔνομα Σκολότους, † τοῦ βασιλέος. ἐπωνυμίην· Σκύθας δὲ Ἑλλήνες ὠνόμασαν» ‘От Липоксая произошли те скифы, которые именуются родом авхатов. От среднего Арпоксая произошли именуемые катиарами и траспиями. От самого же младшего из них — цари, которые именуются паралатами. Все вместе они называются сколоты по имени царя; скифами же назвали их греки’ (Hude 1908: IV, 6; Herodot 1982: 101).

Далее в повествовании о скифах излагается история царя *Скила*, в которой интерес вызывает следующий отрывок (Hude 1908: IV, 78 Herodot 1982: 129): «Ἀριαπείδει γὰρ τῷ Σκυθέων βασιλεῖ γίνεται μετ' ἄλλων παίδων Σκύλης <...> μετὰ δὲ χρόνῳ ὕστερον Ἀριαπίδης μὲν τελευτᾷ δόλῳ ὑπὸ Σπαργαπείδεος τοῦ Ἀγαθύρσων βασιλέως, Σκύλης δὲ τὴν τε βασιλὴν παράλαβε καὶ τὴν γυναῖκα τοῦ πατρός, τῇ οὖνομα ἦν Ὀποίη» ‘Ведь у Ариапида, царя скифов, был в числе других сыновей Скил <...>. Некоторое время спустя Ариапид был предательски убит Спаргапидом, царем агафирсов, а Скил наследовал царскую власть и жену отца, имя которой было Опойя’.

Приводимое далее сопоставление известий Геродота со свидетельствами других авторов (в комплексе с данными этимологии), на наш взгляд, подтверждает высказанные выше предположения. Интересующие нас скифские племена представлены у Геродота тремя связанными между собой «тождествами»: βασιλῆες = Σαῖοι, βασιλῆες = Παραλάται и Σκύθαι = Σκόλοτοι.

Правомерность постулируемого нами сопоставления ἀγαυοί со скиф. Σαῖοι = гр. βασιλῆες подтверждается традицией употребления гр. βασιλῆος: ахеменидский титул *xšāyaθiya xšāyaθiyānām* ‘царь царей’ в греческом передавался как βασιλεὺς βασιλέων ‘царь, стоящий над другими царями’ и был обозначением персидских царей (Benveniste 1995: 255).

Следует также отметить, что в переводе Геродота семантика этнонима Σαῖοι значительно сужена и передана посредством βασιλῆες как ‘цари’. Впрочем, такой перевод вполне соответствует описанной выше традиции. И, напротив, гомеровское ἀγαυός — если рассматривать его как кальку с Σαῖοι — отражает более широкий семантический спектр иранского этнонима — ведь только в этом случае имело смысл употребление именно ἀγαυός, а не одного из его приведенных выше синонимов.

Тождество гр. βασιλῆες = скиф. Παραλάται отражено в известии (Hude 1908: IV, 6; Herodot 1982: 101): «ἀπὸ δὲ τοῦ νεωτάτου αὐτῶν τοὺς βασιλέας, οἱ καλέονται Παραλάται... τοῦ βασιλέως. ἐπωνυμίην» ‘От самого же младшего из них — цари, которые именуются паралатами. Все вместе они называются сколоты по имени царя; скифами же называли их греки’.

Эти сведения Геродота подтверждаются и этимологически: этноним Παραλάται еще со времен К. Мюлленгофа соотносят с авест. *para-dāta-* (Müllenhoff 1866: 562). Засвидетельствованное у Геродота название царствующего скифского рода Παραλάται объясняют на основе др.-ир. **para-data-*, авест. *paraḍata-* ‘пер-

возданные' или 'впереди, во главе поставленные'. Ср. н.-перс. *pešdādīyāti* — название первой мифической династии царей Ирана у Фирдоуси (Oransky 1979: 120). В. И. Абаев для скиф. *Paradāta* дает реконструкцию: *dā-* 'устанавливать' + приставка *para* = 'предустановленный', 'иско́ни назначенный', ср. авест. *paraḍata-* 'то же' (Abayev 1979: 298) ⁹.

О правомерности приведенных реконструкций говорит и свидетельство Посидония (ок. 139/135–51/50 гг. до н. э.): «εἶναι δέ τινας τῶν Θρακῶν οἱ χωρὶς γυναικὸς ζῶσιν, οὓς κτίστας καλεῖσθαι ἀνιερωσθαί τε διὰ τιμὴν καὶ μετὰ ἀδείας ζῆν. τούτους δὴ συλλήβδην ἅπαντας τὸν ποιητὴν εἰπεῖν “ἀγαθοὺς Ἱππυμολγοὺς γαλακτοφάγους ἀβίους τε, δικαιοτάτους ἀνθρώπους”» 'Что есть между Фракийцами и некоторые *такие*, которые живут без женщин; они называются-де «Основателями», из уважения к ним признаны священными и живут безбоязненно; что всех их вместе поэт назвал «дивными Доителями кобылиц, Млекоедами и Авиями, справедливейшими людьми»' (Radt, S., 2003: VII, 3 / 2, 11–14; Latyshev 1890: 110).

Контекст этого сообщения явно говорит о том, что Посидоний толкует этноним *фракийцы* расширительно — как, к примеру, толковали греки названия *скифы*, *Скифия*. Следовательно, скифы-*абии*, имя которых объясняли в том числе и как 'живущие без женщин', названы здесь (не совсем точно) основателями'. Однако *абии* во Фракии не обитали — с фракийцами граничили Σκύθαι — скифы европейские. И именно название одной из скифских племенных групп — *паралатов* — как раз и могло быть неточно обозначено как 'основатели' — вместо более соответствовавшего реальности 'первозданные' или 'иско́ни назначенные'.

Сопоставленные между собой, этнонимы Σαῖοι-βασιλῆες 'цари' и Παραλάται 'первозданные', 'впереди, во главе поставленные' взаимно дополняют друг друга: понятие 'первенство' = 'власть' отобразено в семантике обоих этнонимов. Однако семантика этнонима Παραλάται 'первозданные' указывает

⁹ Само этническое название Παραλάται в исследованиях последних десятилетий уже традиционно рассматривается как результат перехода *d > δ > l*. В этом плане весьма точен вывод О. Семереньи (цитируемая статья которого стала одной из точек опоры для сторонников означенного фонетического перехода в скифском), полагавшего, что ко времени Геродота этот фонетический процесс, по крайней мере на некоторых скифоязычных территориях, уже произошел (Szemerényi 1991: 2068).

на то, что именно Σαῖοι-βασιλῆες и были первой царствующей скифской династией.

Целостность картины дополняет тождество Σκύθαι = Σκόλοτοι, также весьма четко обозначенное у Геродота: ‘σύμπασι δὲ εἶναι οὖνομα Σκολότους <...> Σκύθας δὲ Ἑλλήνες ὠνόμασαν’ — ‘Все вместе они называются сколоты <...> скифами же называли их греки’ (Hude 1908: IV, 6; Herodot 1982: 101).

Тождество историческое подтверждается и этимологически: в современной иранистике этноним Σκόλοτοι все чаще рассматривается в связи с иран. *Skuda и восходящим к нему же Σκύθαι: факт этот уже достаточно давно признается многими исследователями¹⁰. Наиболее емко происхождение этнонима сформулировано О. Семереньи: форма *Skula* геродотовских времен должна восходить к более ранней *Skuda*, а «проявившаяся к V в. до н. э. разница между *Skula* и *Skuda* — хронологическая и географическая: впервые встретив скифов в VIII или VII вв. до н. э., греки слышали форму *Skuḏa*, от которой ими было образовано Σκύθαι (при ассир. *aškuṣ*). Позднее, продвинувшись далее, греки уже слышали инновационное *Skula*, представленное в Σκύλης или Σκόλο-ται» (Szemerényi 1991: 2068–2069).

* * *

Совокупный анализ историко-лингвистических данных дает нам основания сделать ряд предварительных выводов.

1. Под эпитетом ἀγαυοί у Гомера обозначен народ, который век спустя стал известен под именем Σκύθαι, а еще позже — как Παράλαται (< *Para-dāta - / -*dāta* -) и Σαῖοι — скифы царские. Самому Поэту ни один из этих этнонимов известен не был. Однако ему (как и его источникам) был известен самый общий смысл этнонима Σαῖοι: подобное калькирование характерно и вполне естественно для ситуации первого контакта чуждых в этническом, культурном и языковом отношении народов, ничего (или почти ничего) не знающих друг о друге.

2. Что ж до рассматриваемого нами отрывка из «Илиады» (XII, 5–6), заметим, что все три компонента — καὶ ἀγαυῶν, Ἰππιομολγῶν γλακτοφάγων и ἀβίων τε δικαιοτάτων τ' ἀνθρώπων — связаны между собой вполне определенными отношениями.

Первый компонент — ἀγαυοί — является переводом этнонима Σαῖοι (= скифы царские = Παράλαται = скифо-сарм.

¹⁰ Краткий обзор литературы см.: Szemerényi 1991: 2062–2069; Witczak 1992: 52–53; Kambolov 2006: 90–97; Kullanda 2011: 14–24; обзор мнений, в т. ч. критику перехода *d > δ > l* – Ivanchik 2009: 65–68.

Σκύθαι = скифо-сак. Σκόλοτοι) и хорошо соотносится со вторым компонентом — Ἰππημολγῶν γλακτοφάγων. При этом названия Σαῖοι (скифы царские) и *Para-dāta- / -dāta- должны были обозначать носителей скифо-сарматских диалектов, тогда как Σκύθαι и Σκόλοτοι обозначали также и скифов в целом. Третий компонент — ἄβριοι — обозначал группу скифо-сакских племен и носителей скифо-сакских диалектов.

Литература

- Abayev, V. I., 1958–1989: *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historic-Etymological Dictionary of Ossetian Language]. Moscow ; Leningrad.
Абаев, В. И., 1958–1995: *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. М. ; Л.
- Abayev, V. I., 1979: [Skythian and Sarmatian dialects]. In: *Osnovy iranskogo yazykoznaniiya: drevneiranskiye yazyki* [Foundations of Iranian linguistics. Ancient Iranian Languages]. М., 458–471.
Абаев, В. И., 1979: Скифо-сарматские наречия. В сб.: *Основы иранского языкознания: древнеиранские языки*. М., 272–364.
- Abayev, V. I., 1995: [Thraco-Scythica]. In: *Selected works*: In 4 vol. General linguistics and comparative philology. Ed. and compiler. V. M. Gusalov. Vladikavkaz: Ir, 1995. Vol. 2, 530–545.
Абаев, В. И., 1995: Thraco-Scythica. В кн.: Абаев В. И. *Избранные труды*: В 4 т. Общее и сравнительное языкознание. Отв. ред. и сост. В. М. Гусалов. Владикавказ: Ир. Т. 2, 530–545.
- Artamonov, M. I., 1947: [The Skythian history questions in the Soviet science]. In: *Journal of Ancient History* 3, 68–82.
Артамонов, М. И., 1947: Вопросы истории скифов в советской науке. *ВДИ* 3, 68–82.
- Aischylos, 1989: *Tragedii* [Tragidies]. Moscow.
Эсхил 1989: *Трагедии*. Пер. Вяч. Иванова. М.
- Bartholomae, Ch., 1904: *Altiranische wörterbuch von Christian Bartholomae*. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner.
- Beekes, R., 2010: *Etymological Dictionary of Greek*. By Robert Beekes. With the assistance of Lucien van Beek. Leiden ; Boston. Brill. Volume one.
- Benveniste, E. 1995: [Le Vocabulaire des institutions indo-europeennes]. Moscow : Progress-Univers.
Бенвенист, Э., 1995: *Словарь индоевропейских социальных терминов*. М.: Прогресс-Универс.
- Bergk, T., 1882: Poetae lyrici Graeci. Recensuit Theodorus Bergk. Editionis quartae. Poetas elegiacos et iambographos continens. Lipsiae. In aedibus b. G. Teubneri. Vol. II. MDCCCLXXXII.
- Διονυσιος, 1861: Διονυσiu οικουμενης περιηγεις. In: *Geographi graeci minores*. Ecodicibus recognovit, prolegomenenis annotatione indicibus instruxit, tabulis aeri incisus illustravit Carolus Müllerus. Volumen secundum. Parisis: Instituti Franciae typographo. P. 103–176.

- Dvoretzkiy, I. Kh. 1958: *Drevnegrechesko-russkiy slovar'* [Ancient Greek-Russian Dictionary]. Moscow.
- Дворецкий, И. Х., 1958: *Древнегреческо-русский словарь*. Т. I–II. М.
- Erbse, H., 1974: *Scholia graeca in Homeri Iliadem* (scholia vetera). Recensuit Hartmvt Erbste. Volumen tertium. Scholia ad libros K–Ξ continens. Berolini: Apud Walter de Gruyter et socios. MCMLXXIV [1974].
- ET, 1829: *Eustathii archiepiscopi Thessalonicensis Commentarii ad Homeri Iliadem. Ad fidem exempli romani editi*. Lipsae, MDCCCXXIX [1829]. Tomus III.
- EWA — Mayrhofer, M., 1986–2001: *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. Heidelberg: Carl Winter.
- Harmatta, J., 1951: Studies in the language of the Iranian tribes in South Russia. In: *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. Vol. 1, № 2/3, 261–314.
- Herodot, 1982: Dovatur A. I., Kallistov D. P., Shyshova I. A. *Narody nashey strany v «Istorii» Herodota* [Nation of our country in Herodot's «History»]. Moscow: Nauka.
- Геродот 1982: Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. *Народы нашей страны в «Истории» Геродота*. Тексты. Перевод. Комментарий. Под общ. ред. В. Т. Пашуто. М.: Наука.
- Hesiod, 2001: *Polnoe sobraniye tekstov* [Complete texts]. Moscow.
- Гесиод, 2001: Полное собрание текстов. М.
- Hesychios, 1858: *Hesychii Alexandrini lexicon post Ioannem Albertum*. Recensuit Mauricius Schmidt. Ienae: Sumptibus Frederici Maukii. MDCCCLVIII [1858]. Volumen primum A–Δ.
- Homer, 1949: *Iliada* [The Iliad]. Leningrad.
- Гомер 1949: Илиада. Пер. В. В. Вересаева. Ленинград.
- Homer, 1990: *Iliada* [The Iliad]. Moscow. Nauka.
- Гомер 1990: Илиада. Пер. Н. И. Гнедича. Москва. Наука.
- Homeri 1879: *Ilias*. Cum potiore lectionis varietate. Edidit Augustus Nauk. Berolini: Apud Weidmannos. MDCCCLXXIX [1879]. V. I.
- Hude 1908: *Herodoti Historiae. Recognovit Brevique adnotatione critica instruxit Carolus Hude, Ph. D. Scholae publicae fredericoburgensis rector Soc. Reg. Danicae S. Editio altera*. Tomus prior. Oxonii: Londini et novi eboraci. Apud humphredum Milford.
- IOSPE 1916: *Inscriptiones Antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Inscriptiones Tyrae, Olbiae, Chersonesi Tauricae, aliorum locorum a Danubio usque ad Regnum Bosporanum. Iussu et impensis Societatis archaeologicae Imperii Russici*. Iterum edidit Basilius Latyshev. Accedunt tabulae quattuor in zinco expressae. Petropoli. MCMXVI [1916].
- Ivanenko, O. V., 2019: The Circumpontic region ethnonymicon (etymological touchesto the Abioi portrait). *Indo-European linguistics and classical philology* 23 (1), 370–383.
- Иваненко, А. В., 2019: Циркумпонтийский этнонимикон (этимологические штрихи к портрету абиев). *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 23 (1), 370–383.

- Ivanchik, A. I., 2005: *Nakanune kolonizatsii. Severnoye Prichernomorie i stepnye kochevniki VIII–VII vv. do n. e. v antichnoy literaturnoy traditsii. Folklor, literatura i istoriya* [Before the kolonisation. Northern Sea Shore and the steppe nomads of the VIII–VII A.D. in the ancient literary tradition. Folklore, literature and history]. Moscow.
- Иванчик, А. И., 2005: *Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история*. М.
- Ivantchik, A. I., 2009: On the Problem of the Scythian Language. *Journal of Ancient History*. 2, 62–88.
- Иванчик А. И. 2009: К вопросу о скифском языке. *Вестник древней истории* 2, 62–88.
- Kambolov, T. T., 2011: *Oчерк istorii osetinskogo yazyka: Uchebnoye posobiye dlz vuzov* [A sketch of the Ossetian language: A handbook for institutes of higher education]. Vladikavkaz: Ir.
- Камболов, Т. Т., 2006: *Очерк истории осетинского языка: Учебное пособие для вузов*. Владикавказ: Ир.
- KBN, 1965: *Korpus bosporskih nadpisey* [The Bosporean inscriptions thesaurus] / Ed. V.V. Struve. M.; L. 1965.
- КБН, 1965: *Корпус боспорских надписей* / Отв. ред. В.В. Струве. М.; Л. 1965.
- Kirk, G. S., 1992: *The Iliad. Commentary*. Vol. IV. Books 13–16. R. Janko. Cambridge: CUP.
- Kullanda, S. V., 2011: Skify i etnos. *Bulletin of the RSHU. A scientific journal*. «Oriental studies. African studies» series. 2 (63), 9–46.
- Кулланда, С.В., 2011: Скифы: язык и этнос. *РГГУ. Научный журнал*. Серия «Востоковедение. Африканистика». 2 (63), 9–46.
- Latyshev, V. V., 1890: *Izvestiya drevnih pisateley grecheskih i latinskih o Skifii i Kavkaze. Sobral i izdal s russkim perevodom V.V. Latyshev. Tom I. Grecheskiye pisateli. Prilozheniye k 'Zapiskam Imperatorskogo Russkogo arheologicheskogo obschestva'* [The ancient Greek and Roman authors reports on there Skythia and Caucasus. Collected and edited by V. V. Latyshev. Vol. I. The Greek authors. A Supplement to the Emperor Russian archeological society]. Sankt-Peterburg.
- Латышев, В. В., 1890 *Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Собрал и издал с русским переводом В. В. Латышев. Том I. Греческие писатели. Приложение к «Запискам Императорского Русского археологического общества»*. Санктпетербург.
- Liddel, Scott, 1996: *A Greek-English lexicon compiled by Henry George Liddel and Robert Scott, revised and augmented throughout by Sir Henry Stuart Jones with the assistance of Roderick McKenzie and with the cooperation of many scholars. With a revised Supplement*. Oxford, 1996.
- Merkelbach, West, 1967: *Fragmenta Hesiodica*. Ed. R. Merkelbach et M. L. West. Oxford.

- Müllenhoff, 1866.: Über die Herkunft und Sprache der Skythen und Sarmaten. *Monatsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften*. VIII, 549–577.
- Oransky, I. M., 1979: [Introduction. Iranian languages in the historical coverage]. In.: *Osnovy iranskogo yazykoznaniya: drevneiranskiye yazyki* [Foundations of Iranian linguistics. Ancient Iranian Languages]. Moscow, 10–128.
- Оранский, И. М., 1979: Введение. Иранские языки в историческом освещении. В сб.: *Основы иранского языкознания: древнеиранские языки*. М., 10–128.
- Pokorny, J., 1959: *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I. Bern; München.
- Radt, S., 2002–2011: *Strabons Geographia*. Herausgegeben von Stefan Radt. Buch I–XVIII: Text und Übersetzung. Bd. 2 Hottingen.
- SB: Stephani Byzantii, 1849: *Ethnicorum. Quae supersunt. Ex recensione Avgvsti Meinekii*. Tomus prior. Berolini: Impensis G. Reimeri, MDCCCXLIX [1849].
- Schütz, 1823: *Æschyli tragoediæ. Quae supersunt. Varietate lectionis, et commentario perpetuo*. Illustravit Chr. God. Schütz. Londini, 1823. Tomus I.
- Strabon, 1964: *Geografiya. V 17 knigah* [Strabo. Geography. In 17 books]. Leningrad.
- Страбон, 1964: География. В 17 книгах. Ленинград.
- Szemerényi, O., 1991: Four Old Iranian ethnic names: Scythian — Skudra — Sogdian — Saka. In: Szemerényi O. *Scripta minora*. IV. Innsbruck, 2051–2093.
- Tomaschek, W., 1888: *Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden. I. Die Nachrichten Herodot's über den skythischen Karawanenweg nach Innerasien*. Von Wilhelm Tomaschek, corresp. Mitglieder der kais. Akademie der Wissenschaften. In: Sitzungsberichte der Philosophisch-historischen classe der kaiserlichen Akademie der wissenschaften. Hundertsiebzehnter band. (mit drei tafeln und zwei kartenskizzen). Wien. 1888. S. 715–780.
- Tomaschek, W., 1889: *Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden. II. Die Nachrichten Herodot's über den skythischen Karawanenweg nach Innerasien*. Von Wilhelm Tomaschek, corresp. Mitglieder der kais. Akademie der Wissenschaften. In: Sitzungsberichte der Philosophisch-historischen classe der kaiserlichen Akademie der wissenschaften. Hundertsiebzehnter band. (mit drei tafeln und zwei kartenskizzen.) Wien. 1889. S. 1–70.
- West M. L. 2000: *Homeri Ilias*. Recensuit testimonia congressit M. L. West. Vol. 2. Lipsiae, 2000.
- Witczak, K. T., 1992: The Scythian language: an esay of description. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the study of language] 5, 50–59.
- Витчак, К. Т., 1992: Скифский язык: опыт описания. *Вопросы языкознания* 5, 50–59.

Н. Н. Казанский

(Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург)

МИКЕНСКОЕ МУЖСКОЕ ИМЯ *ma-di* И ГРЕЧЕСКИЕ ИМЕНА Σμέρδης, Σμερδίης, Σμέρδιος, Σμέρδης

В статье предлагается интерпретировать микенское имя Nom. sg. **ma-di** (KN As 603 + 8157 + fr.; Db 1168 + 7168 + fr.), Gen. sg. **ma-di-jo** (KH Z 3), Dat. sg. **ma-di-je** (TH Av 101; Fq 214.2; 241.2; 254+255.3; 258.2; 263.2; 285.2; 309.2; 339.1; 357.2; X 204.2) как /Smārdi-s/ и видеть его закономерное отражение в имени Σμέρδης, -ιος, известном не только в истории Персии (Бардия, сын Кира, брат Камбиза Her. III, 30–7, 78, а также самозванец Гаумата, захвативший Персидский престол Hdt. 3, 61–88). Известен мальчик-фракиец по имени Σμερδίης (Anacreon PMG 366; Anth. Pal. VII, 29, etc.), митиленец Σμέρδης, убивший тирана Пенфила (Aristot. Pol. 5.8. 13) и мифический царь Наксоса Σμέρδιος (D. Sic. 5, 51), согласно преданию, современник Тезея. Приводятся аргументы в пользу закономерности позиционного изменения *Smārdi-s > Σμέρδης в ионийском диалекте.

Ключевые слова: микенский ономастикон, мик. ma-di, ma-di-jo, ma-di-je, греческие имена Σμέρδης, Σμερδίης, иран. Bardiya, гомер. σμερδαλέος.

N. N. Kazansky

(Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg)

Mycenaean masculine name *ma-di* and Greek names Σμέρδης, Σμερδίης, Σμέρδιος, Σμέρδης

I propose to interpret the name **ma-di** (Nom. sg.: KN As 603 + 8157 + fr.; Db 1168 + 7168 + fr.), **ma-di-jo** (Gen. sg.: KH Z 3), **ma-di-je** (Dat. sg.: TH Av 101; Fq 214.2; 241.2; 254+255.3; 258.2; 263.2; 285.2; 309.2; 339.1; 357.2; X 204.2) as /Smārdi-s/ with the phonetic development to Σμέρδης, -ιος. The name Σμέρδης is mostly known as the name of Persian king Bardiya, son of Kyros, brother of Kambyzos (Her. 3, 30–7, 78) and of the magus usurper of the Persian throne (Hdt. 3, 61–88). During the 1st millennium B. C. the name was wide spread throughout the Eastern part of Aegean: it is attested, albeit with slight modifications, in Thrace (Σμερδίης — Anth. Pal. VII, 29), Lesbos (as the person (Σμέρδης) who killed the tyrant of Mytilene, Penthilos — Aristot. Pol. 5.8. 13), Cappadocia (D. Sic. 31. 28) and as the name of king of Naxos (Σμέρδιος — D. Sic. 5, 51). It is important to remember that Greek mythological tradition makes Σμέρδιος the contemporary of Theseus. I argue also that phonetic change *Smārdi-s > Σμέρδης finds some support in the development of comparable forms in Ionian dialect.

Key words: Mycenaean onomastics, myc. ma-di, ma-di-jo, ma-di-je, Greek names Σμέρδης, Σμερδίης, etc., Iranian Bardiya, Homeric σμερδαλέος.

Микенское мужское имя *ma-di* до сих пор не получило надежной интерпретации, хотя известно давно и рассматривалось неоднократно, но без убедительного решения. А. Фурумарк (Furumark 1956) обнаружил имя *ma-di* в текстах, написанных линейным письмом А¹, а В. Георгиев предложил сравнивать его с названием иллирийского племени Μαῖδοι (Georgiev Suppl. I). Обе работы в полной мере использовал О. Ландау (Landau 1958: 270), поместив интересующее нас имя в список крито-микенских имен, заимствованных из языка, отраженного в текстах линейного письма А. Без комментариев это имя осталось в словаре Ф. Аура Хорро (Aura Jorro: I 418), и, хотя оно упоминается у Л. Р. Палмера (Palmer 1963: 432), у Дж. Чедвика (Docs² 559) и у К. Ройха (Ruijgh 1967: 219 n. 41), убедительной интерпретации нет.

Всё, что мы знаем, сводится к тому, что *ma-di* представляет собой мужское имя в номинативе. Наиболее ясный случай представлен в тексте KN As(1) 603 + 8157 + fr., перечисляющем мужчин (идеограмма VIR) по именам. В микенской графике не всегда можно распознать падежи, но в данном тексте все имена стоят в форме номинатива, например, *pe-te-u* и *no-si-ro* совершенно отчетливо отражают формы на -εύς и -ος. В этом контексте имя *ma-di* тоже должно пониматься как номинатив.

KN As(1) 603 + 8157 + fr.
 .1]VIR 1 no-si-ro VIR 1[ ]a-ta-no VIR 1
 .2 VIR]1 ma-di VIR 1 o-po-ro-u-si-jo[VIR 1
 .3 VIR]1 pe-te-u VIR 1 ku-ro₂ VIR[1
 .4] vacat [

Также в номинативе то же самое имя представлено и в тексте KN Db 1168 + 7168 + fr. Здесь формат текста ограничен формой таблички в виде пальмового листа, на которой обычно умещаются только две строки.

Структура таких текстов подразумевает, что чтение следует начинать со строки В, то есть от имени *ma-di*, написанного значительно крупнее остального текста, переходить сперва к нижней строке, а затем — к добавленной сверху:

KN Db 1168 + 7168 + fr.(117)
 .A we-we-si-jo-jo OVIS^m 91 OVIS^f 9 [
 .B ma-di , / e-ko-so [

¹ В списках имен на табличках из Агия Триады и, возможно, Феста: НТ 3.7; НТ 85b.5; НТ 97a.4; НТ 118.1; РН(?) 31a.2 (Younger 2019).

Таким образом, текст выглядит так:

ma-di ,/e-ko-so we-we-si-jo-jo OVIS^m 91 OVIS^f 9"

/М., hegsos Werwesioio.../ 'Человек М. (должность и патронимик?) (имеет) БАРАНОВ 91 ОВЕЦ 9'.

Генитив от того же имени распознан в надписи КН Z 3]*ma-di-jo*[на амфоре, найденной на Крите в совр. Хании, древней Кидонии (Sacconi 1974). Предполагается, что здесь стоит имя владельца в генитиве, что обычно при владельческой надписи на сосуде².

Благодаря текстам, найденным в Фивах Василисом Аравантиносом (Aravantinos, Godart, Sacconi 2002: 171 *ad* Av 101), стала известна и форма дательного падежа этого имени: *ma-di-je* присутствует в целом ряде текстов (ТН Av 101; Fq 214.2; 241.2; 254+255.3; 258.2; 263.2; 285.2; 309.2; 339.1; 357.2; X 204.2), где человек, носящий это имя, выступает как получатель зерна. Издатели текста не сомневались, что на Крите и в Фивах представлено в разных падежах одно и то же имя.

Ив Дюу подробно разбирает в «Микенской антологии» (Duhoux 2008: 382) текст таблички ТН Fq 254[+]255, где в строке 3 представлена форма имени, за которой следует указания на объем получаемого:]*ma-di-je* v 1 [z] 1. Дюу также не сомневается в том, что *ma-di-je* представляет собой форму дательного падежа, и восстанавливает флексию /-ei/ (Duhoux 2008: 353; 388), однако оговаривает, что полной уверенности в идентичности этого имени с именем *ma-di* нет («if it comes from the MN *ma-di*» — Duhoux 2008: 384). Мне не представляются обоснованными эти сомнения, поскольку имя хорошо засвидетельствовано на Крите и в фиванских текстах. В таком случае лучше исходить из предположения, что перед нами одно и то же имя, представленное в трех падежах. Морфологически все три формы бесспорно укладываются в единую парадигму склонения мужского имени:

Nom. sg. *ma-di*

Gen. sg. *ma-di-jo*

Dat. sg. *ma-di-je*.

² Мы не будем здесь рассматривать имя *ma-di-qo* (КН Db 1460 + 1610 + 7150.b; КН В(5) 806 + 6053 + fr. .4), которое интерпретировали как /Madig^wos/ и предполагали родство с греч. μαδιβός· δίκηλλα (Hesych.) 'двузубая кирка'. Дагмар С. Водтко считает, что микенское имя вряд ли относится к этому корню (NIL 456). Высказанные ею сомнения разделяет Хосе Л. Мелена (Melena 2014: 43).

Данная парадигма говорит о необходимости восстанавливать *-i-* в исходе основы слова. Тогда группу *-iī-*, за которой следуют окончания (*/-iī-os/* и */-iī-ei/*), можно интерпретировать как отражающую глайд, возникший на стыке морфем после *-i-*, относящегося к основе, и перед окончанием, начинающимся с гласного.

В этом случае последний слог основы с окончанием приобретает следующий вид, который для удобства представим в греческой записи:

Nom. sg.	-δις
Gen. sg.	-δι-ος
Dat. sg.	-δι-ῑ.

Остается восстановить первый слог, имея в виду, что начало слога <ma> может читаться и как */m-/*, и как */sm-/*, а в исходе слога перед согласным *d-* возможны *-l/r/n/i*. Последнюю возможность в своем чтении Μαῖδος уже использовал В. Георгиев. Я предлагаю видеть за написанием <ma-> слог */smār-/*, при котором парадигма имени собственного превратится в

Nom. sg.	/Smārdi-s/	cf. <ma-di>
Gen. sg.	/Smārdi-os/	cf. <ma-di-jo>
Dat. sg.	/Smārdi-ei/	cf. <ma-di-je>.

Начальная группа */sm-/*³ в микенской графике отражается и в виде двух знаков (*scriptio plena*: *si-mi-te-u* /Smintheus/ KN Am 812.1) и с помощью одного <m->, ср. женское имя *mi-ra* PY Eb 905A, Tr 613.16, En 74.4, Eo 276, для которого предполагается *Σμίλα (Σμίλης), название материала в PY Ta 715.3, которым

³ Известная в греческом языке. Эд. Швицер перечисляет случаи сохранения начального *см-* как в греческих словах — прилагательные *σμερδαλέος* и *σμερδνός*, глагол *σμαραγέω* и *σμάραγμός* (явно звуко-подражательный: ср. у Гомера *Σμάραγος*, имя божества, способного шуметь в доме (Ebeling 1880: II 284) «Грохотун»?), *σμήχω* и *σμόςχω*, а также заимствования, в число которых попадают как древние (*σμήρινθος* ‘нить’, *Σμίνθη*, *Σμινθεύς*, *Σμύρνα*, название реки в Спарте *Σμῆνος*), так и более поздние — *Σμενεόν* в Сицилии или кельтское *Σμερτομάρα*. К заимствованиям Эд. Швицер не относил имя Смердия: «*Σμέρδης* für *Bardiya*- u. ä. sind an die einheimische Sippe von *σμέρδος* λῆμα Н. angelehnt; s. Bechtel 1917: 403» (Schwyzer 1939: I 311). Беекес поддержал эту идею Швицера и добавил к заимствованиям *σμάραγδος*, сравнивая его (Beekes, van Beek 2010: 1366) с инд. *marakata-* (и *marakta-*), аккад. *barraqtu*, др.-евр. *barceqcet*, которые восходят к корню *brq* ‘проблеск, мерцание’. Разбирая пути заимствования этого слова уже из греческого в другие языки, он приводит лат. *smaragdus*, перс. и араб. *zumurrud*, давшее в османском турецком *ziimrud*, попавшее в русский язык как *изумрудъ*.

украшены столы: *mi-ra*₂ *(σ)μίλυᾱ, ср. греч. σμίλαξ ‘тисс’ (Augo Jorra 1985: I 453–454).

В основах со структурой *CārC* в ионийском диалекте греческого языка не позднее конца VI в. до н. э. происходит сокращение, при котором долгое *ē* (в том числе *ē*, возникшее из *ā*) переходит в краткое *ē*. Эти звуковые изменения иллюстрируется по преимуществу примерами греческих заимствований из иранских языков. М. Лежен отмечал, что неправдоподобно с точки зрения истории, чтобы греки могли заимствовать слово *Μῆδος* (иран. *māda*-) ранее VIII в. до н. э. С другой стороны мы знаем, что переход *ā* > *ē* в ионийском и аттическом диалектах произошел значительно раньше⁴. Лежен предостерегал от противопоставления формы *Μῆδος* (< *māda*-) и *Δᾱρεῖος*. С его точки зрения заимствование имени *Ξέρξης* (< *xšayāršā*-) должно датироваться V в. до н. э. и никак не раньше. Имеются три слова, в которых произошло такое фонетическое изменение *Ξέρξης* (< *xšayāršā*-), *Πέρσης* (< *pārša*-), *κέρσα* (< *kārša*-) ‘мера веса’, (Lejeune 1972: 235 № 249 п. 2). Все приведенные примеры М. Лежен толкует как иранские заимствования. Тем не менее, как мне представляется, список М. Лежена можно дополнить еще одним примером такого же позиционного изменения, но с иранизмами не связанным: *Σμέρδης* (< *Smārdis, мик. *ma-di*)⁵.

Прежде всего, обращаясь к микенскому имени *ma-di* и его возможной интерпретации как *Σμέρδης*, необходимо внима-

⁴ Следует, впрочем, обратить внимание на передачу этнонима *māda* с сужением корневого гласного в ликийских текстах: *Medes*- и возможные производные (Melchert 2004: 38).

⁵ Конечно, совсем исключить для микенского времени знакомство с иранскими племенами невозможно, как и доказать появление столь раннего иранизма. До настоящего времени только слово *τόξον*, *τοξότης* в греческом языке микенской эпохи *to-ko-so-wo-ko* /*tokso-worgoi*/ предлагалось считать иранским заимствованием (Benveniste 1966: 479–485). В греческой мифологической традиции лук укоренен как атрибут Аполлона и Артемиды, входит в описание подвигов Геракла, убивающего стрелой Гериона, и Одиссея, связь которого со стрельбой из лука отметил в своих комментариях Г. Данек (Danek 2011). Искусство создавать мощные луки косвенно засвидетельствовано в архиве Пилоса (ср. PY An 207 [+] 360), где среди пильщиков (.5 *]pi-ri-je-te-re* VIR 2), горшечников (.7 *ke-ra-me-we* VIR 2), золотых дел мастеров (.10 *ku-ru-so-wo-ko* VIR 4), швецов (.14–.18 *ra-pte-re*) упомянуты и изготовители луков (.12 *to-ko-so-wo-ko* VIR 5). О стрельбе из лука свидетельствуют также упоминания о 6010 и 2630 стрелах в арсенале Кносса (см. KN R 4482).

тельно посмотреть на список лиц, в I тыс. до н. э. носивших образованные от этой основы имена.

Более всех известен Смердий из персидского рода Ахеменидов. Его имя⁶ представлено в Бехистунской надписи как Бардия, но Ксенофонт (Хен., Сур. 8.7,11) его называет Танаоксаром (Ταναοξάρης), а Ктесий (Ctes. Pers. 29. 8) Таниоксарком — Τανιοξάρκης (др.-перс. *tanu-wazraka “широкотелый”)⁷. Он был сыном Кира и единоутробным братом (brata) Камбиза⁸ (Дарий в Бехистунской надписи (10) сообщает: *hamātā hamapitā Kabūjiyahyā*)⁹. Камбиз назначил его сатрапом то ли Мидии и Армении (Хен. Сур. 7, 11), то ли Бактрии, Хорезма, Парфии (Ctes. 29, 10)¹⁰. В 522 г. Камбиз отправился в Египет, где в марте 522 г. до н. э. казнил своего брата Смердия/Бардию (Hdt.

⁶ Ср., например: «Бардия (Бехистунская надпись), Смердис (Геродот), Мардос (Эсхил), Мердис (Николай Дамаскин), Мергид (Помпей Трог) — одно и то же имя. Ср. также имя Смердēs, которое у Аристотеля (Polit. III, 9, 6) засвидетельствовано для одного малоазийского грека. В аккадском варианте Бехистунской надписи и в частнопрововых контрактах из Вавилонии имя это передается в мидийской форме Барзия» (Dandamayev 1985: 273 прим. 49).

⁷ О различных формах имени высказывалось не так много соображений, ср.: «Altpersisch Bardija, susisch Pír-zi-ja, babylonisch Bar-zí-ia, aber auch ba-rí-zí-ia, bei Hdt. Σμέρδης. Über verschiedene Formen des Namens vgl. Marquart, Untersuchungen zur Geschichte von Eran II, 136f., Tallquist Neubab. Namenbuch, S. 23. Ktesias nennt ihn Ταναοξάρης, Xenophon Τανιοξάρης. Diesen letzten namen möchte Marquart, Philol. Suppl. VI, 619 f. als einen Titel betrachten und spricht die Ansicht aus, dass dieser Name oder Titel mit dem Unterkönigtum des Bardes als “Ein Abklatsch des jüngeren Kyros anzusehen sei”, wobei er auf die grosse Ähnlichkeit der Geschichte des Bardes bei Ktesias uns des jüngeren Kyros bei Plut Artox. 3 hinweist. Die Form Bardes ist konventionelle Umbildung aus Bardija» (Prášek 1906: 244 Anm. 2). В своем переводе Бехистунской надписи Кент (Kent 1950) везде передает имя Бардии как Смердис. Бриан (Briant 2002: 100) называет передачу имени у Геродота «точной», но берет это слово в кавычки (а «faithful» Greek transcription of the Iranian personal name Bardiya).

⁸ Камбиз и Бардия были сыновьями Камбиза и Кассанданы, дочери Фамаспа (Hdt. II. 1; III. 3). Известны (см. Briant 2002: 93) и другие жены Камбиза — Федима, дочь Отана (Hdt. III. 68) и его родная сестра Атосса (Hdt. III.88).

⁹ В примечании Р. Шмитт (Schmitt 1991) заметил: «h-m-a-t-a h-m-p-i-t-a: as is well known, the same detail can be read in Herodotus (Hdt. 3, 30, 1)».

¹⁰ Споры по поводу хронологии событий, предшествующих мятежу Гауматы, изложены в книге: Dandamayev 1985: 65–75.

III. 65; Iustin I 9, 4). Маг Гаумата¹¹, взяв имя казненного, узурпировал власть над Персией¹². Бехистунская надпись позволяет выстроить хронологию действий Гауматы, начиная с 11 марта 522 г. до н. э. по 29 сентября, когда маг был убит после семи месяцев правления. Уже в апреле первым годом царствования Бардии (*Barziya*) «царя Вавилона, царя стран» датированы некоторые вавилонские документы¹³, но власть над всей Персией Гаумата захватил 1 июля 522 г., незадолго до смерти Камбиза¹⁴. За казнь Гауматы в конце сентября 522 г. до н. э. последовали восстания (*drauga-*) по всей Персидской империи. В самой Персии восстание возглавил *Vahyazdāta*, также принявший имя Бардии (Briant 2002: 121). Среди участников этого восстания Бехистунская надпись (§§ 10–11) перечисляет персов, мидийцев и многие другие народы¹⁵.

Среди персов о Смердии/Бардии сохранялась дурная память. П. Бриан полагает, что сведения Геродота (ср. Hdt. III. 67), и пейоративная характеристика в речи тени Дария у Эсхила могут восходить к единому источнику.

Вот как о Смердии говорится у Эсхила (ср. Aeschyl. *Pers.* 773–775):

Κύρου δὲ παῖς τέταρτος ἤϋθυνε στρατόν.
 πέμπτος δὲ Μάρδος ἤρξεν, αἰσχύνῃ πάτρα
 775 θρόνοισί τ' ἀρχαίοισι· τὸν δὲ σὺν δόλῳ
 Ἀρταφρένης ἔκτεινεν ἐσθλὸς ἐν δόμοις,

‘Был сына Кира сын царем четвертым Персии,
 А пятым правил Мардий — на позор отцу,
 На стыд престолу древнему. Хитро убил
 Негодного в палатах Артаферн храбрец.’

(пер. А. И. Пиотровского).

¹¹ Во всей античной традиции имя Гауматы упоминается только единожды в форме *Cometes* (Iustin. I, 9, 14 sq.).

¹² В Вавилоне частный документ датирован апрелем первого года правления Бардии.

¹³ Неясно впрочем, о каком Бардии – первом или втором идет речь, ср. Briant 2002: 120.

¹⁴ Обычно принимается версия Геродота (Hdt. III. 62–65), согласно которой Камбиз умер в Сирии вскоре после того, как узнал о захвате власти самозванцем (Briant 2002: 97).

¹⁵ Исследуя порядок усмирённых восстаний 522–521 гг. до н. э. Бриан выстраивает их в такую последовательность: «Gaumata [Persia], Acina [Elam], Nidintu-Bel [Babylonia], Fravartis [Media], Martiya [Elam], Cicantakhma [Sagartia], Vahyazdata [Persia], Arkha [Babylonia], Frada [Margiana]», отмечая, что неясно, как следует датировать последнее – декабрем 522 или декабрем 521 г. до н. э. (Briant 2002: 116).

Как видно из этих строк, Эсхил признавал легитимность Бардии/Марда (Μάρδος) на троне, но порицал его правление (Briant 2002: 106).

Схолии к Персам Эсхила среди сыновей Дария упоминают и Смердия (Schol. Aesch. Pers. Hypothes. 720 λέγουσι τὸν Δαρεῖον ἐσχηκέναι παῖδας ζ', Σμέρδιν καὶ ἄλλους διαφόρους ἀπὸ διαφόρων παλλακῶν 'Говорят, что Дарий имел 7 детей — Смердия и разных других от разных наложниц'. Объяснив, почему Ксеркс как рожденный Киром, уже ставшим царем, был почтен больше, чем старший брат, схолиаст завершает: ἐπτα οὖν ὄντων τῶν υἱῶν Δαρείου καὶ οὐ <μόνου> τοῦ Ξέρξου, ἀλλὰ τινος προτέρου ὑπάρχοντος τῶν ὄλων, διὰ τοῦτο καὶ ὁ Δαρεῖος ἠρώτησε· τίς τῶν ἐμῶν υἱῶν ἐστρατηλάτει; 'Поскольку было семь сыновей Дария, а не один только Ксеркс, но был и предшествующий, поэтому Дарий и спросил: кто из моих сыновей отправится в поход'¹⁶.

Диодор Сицилийский (Diod. XXXI 19, 1), приводя генеалогию каппадокийского царского дома, сперва говорит о браке сестры Кира Атоссы и Фарнака, царя Каппадокии, от которых происходил Галл, а от него Смердий. Каппадокийских свидетельств (в отличие от Бехистунской надписи) в нашем распоряжении нет, но похоже, что царский дом в Каппадокии использовал то же самое иранское имя, а греки так же передавали его как Σμέρδης¹⁷. Собственно во всех этих случаях речь идет об одном и том же родовом имени.

Можно не сомневаться, что в античности имена Σμέρδης, Σμέρδιος, Σμερδίης воспринимались как этимологически родственные, поскольку уже в словаре Псевдо-Зонары они так и приводятся списком с пояснением: ὀνόματα κύρια. (Ps.-Zonar. Lex. 1659, 4). К этому списку может быть добавлен еще Σμέρδης. Как

¹⁶ Aesch. Pers. Hypothes. 720 [λέγουσι τὸν Δαρεῖον ἐσχηκέναι παῖδας ζ', Σμέρδιν καὶ ἄλλους διαφόρους ἀπὸ διαφόρων παλλακῶν, τὸν Ξέρξην δὲ μὴ σχεῖν παῖδα ἐν τῇ βασιλικῇ ἀρχῇ, ὃς καὶ βασιλεὺς ἀνηγορεύθη· νόμος μὲν γὰρ τοῖς Πέρσαις τὸν πρῶτον υἱὸν τοῦ βασιλέως ἀναγορεύεσθαι βασιλέα. προετιμήθη δὲ ὁ Ξέρξης, εἰ καὶ ὕστερος ἦν, διὰ τὸ ἐν τῇ βασιλείᾳ γεννηθῆναι. ОР (Dd.).] 'Говорят, что Дарий имел 7 детей — Смердия и разных других — от разных наложниц, а Ксеркс, став царем, не имел сына, который мог быть провозглашен царем. Ибо у персов был закон объявлять царем первого сына царя. Ксеркс же, хотя он и был вторым, был окружен почестями, поскольку родился уже в царском дворце'.

¹⁷ Его полную генеалогию приводит Диодор (Diod. XXXI 19, 1): Καμβύσου τοῦ Κύρου πατὴρ ἀδελφὴν ὑπάρχει γνησίαν ἸΑτοσσαν· ταύτης δὲ καὶ Φαρνάκου τοῦ Καππαδοκίας βασιλέως γενέσθαι παῖδα Γάλλον, καὶ τούτου γενέσθαι Σμέρδιν...

кажется, эти варианты имени Σμέρδης, Σμέρδιος, Σμερδίης и Σμέρδης свидетельствуют, что основа Σμερδι- не была в сознании греков связана исключительно с Персией: известны под такими именами наксосец, фракиец и митиленец¹⁸.

К мифическим временам относится упоминаемый в легендарной истории Наксоса Σμέρδιος, сын Левкиппа, царь Наксоса, которого Диодор Сицилийский (D. Sic. 5, 51) считал современником Тезея: μετὰ δὲ ταῦτα Κᾱρες ἐκ τῆς νῦν καλουμένης Λατμίας μεταναστάντες ὤκησαν τὴν νῆσον· ὧν βασιλεύσας Νάξος ὁ Πολέμωνος ἀντὶ Δίας Νάξον ἀφ' ἑαυτοῦ προσηγόρευσεν. ἐγένετο δ' ἀνὴρ ἀγαθὸς καὶ ἐπιφανὴς ὁ Νάξος, καὶ ἀπέλιπεν υἱὸν Λεύκιππον· οὗ γενόμενος υἱὸς Σμέρδιος ἐβασίλευσε τῆς νήσου. ἐπὶ δὲ τούτου Θησεὺς ἐκ Κρήτης ἀναπλέων μετὰ τῆς Ἀριάδνης ἐπεξενώθη τοῖς ἐν τῇ νήσῳ· καὶ κατὰ τὸν ὕπνον ἰδὼν τὸν Διόνυσον ἀπειλοῦντα αὐτῷ, εἰ μὴ ἀπολείψει τὴν Ἀριάδνην αὐτῷ, φοβηθεὶς κατέλιπε καὶ ἐξέπλευσε. 'После этого карийцы, перейдя из нынешней Латмии, заселили остров. Воцарившийся над ними Накс (Νάξος) сын Полемона, вместо прежнего названия Дия назвал остров Наксосом (Νάξος). Накс был мужем добрым и известным и оставил сына Левкиппа, сын которого Смердий стал править островом. При нем Тезей, плывя с Ариадной из Крита, был принят жителями острова. А когда увидел во сне Диониса, который угрожал ему, если он не оставит ему Ариадну, испугавшись бросил (ее) и уплыл'.

Это наксосское предание, как можно видеть, упоминает царское имя от той же основы Σμέρди-, которую сегодня мы склонны связывать по преимуществу с историей Персии.

От основы Σμέρди- образовано также имя фракийца Σμερδίης (ср. LGPN IV), которое засвидетельствовано у Анакреонта: схолий на полях папирусного фрагмента] σμερ^δ (PMG 346, fr. 14, 1 = Anacr. 1 fr. 14, 1) имеет отсылку к имени грамматика (Аристоники?), и то же имя представлено во фрагменте PMG 366 (Anacr. 21) в строках Анакреонта, цитируемых Евстафием (Eust. Od. 1542.47):

¹⁸ Геродот (Hdt. III. 122) подчеркивает, что самосский тиран Поликрат, надеявшийся стать во главе Ионии и островов, одержал победу над митиленцами, союзниками Милета. Важно, что митиленцы не подчинялись Персии (Briant 2002: 52), но следует обратить внимание на упомянутое у Афиней (Athen. XII. 540 e-f) свидетельство о создании Поликратом собственного «парадиза» в подражание «парадизу» персидских царей и о пополнении его козами с Сироса и Наксоса.

ἀλλ' ὃ τρὶς κεκορημένε
 Σμερδίη
 παρὰ Ἀνακρέοντι' ἦγουν πολλακὶς ἐκσεσαρωμένε.

Та же (но менее полная) цитата представлена у Светония (Suet. *de blasph.* 14, 7) τρὶς κεκορημένος, οἶονεὶ πολλακὶς ἐκσεσαρωμένος <ἐν τῷ· «Ἀλλ' ὃ τρὶς κεκορημένε Σμερδίη», παρὰ Ἀνακρέοντι>. Перфектное причастие κεκορημένος обычно возводят к глаголу корέω = ἐξυβρίζω (Hesych.), но точное значение формы в данном контексте остается неясным. В рукописях Евстафия стоит форма датива с иотой приписной (Σμερδίῃ) — там, где по контексту отчетливо требуется вокатив.

Об этом мальчике Смердии сохранилось несколько свидетельств, которые важны для нас как показатели его фракийского происхождения. Вот что сообщает в своих «Рассуждениях»¹⁹ Максим Тирский (Max. Tyr. *Dial.* 20, 1): Σμερδῖης, Θραῦξ ὑπὸ Ἑλλήνων, κάλλους μεράκιον βασιλικόν, ὀφθῆναι γαῦρον, ἐκομίσθη δῶρον τυράνῳ Ἰωνί, Πολυκράτει τῷ Σαμίῳ. Ὁ δὲ ἦσθη τῷ δῶρῳ, καὶ ἐρᾷ Πολυκράτης Σμερδίου, καὶ αὐτῷ συνερᾷ ὁ Τῆϊος ποιητὴς Ἀνακρέων. Καὶ Σμερδῖης παρὰ μὲν Πολυκράτους ἔλαβεν χρυσὸν καὶ ἄργυρον καὶ ὅσα εἰκὸς ἦν μεράκιον καλὸν παρὰ τυράννου ἐρῶντος· παρὰ δὲ Ἀνακρέοντος ᾠδὰς καὶ ἐπαίνους καὶ ὅσα εἰκὸς ἦν παρὰ ποιητοῦ ἐραστοῦ. «Фракийца Смердия, мальчик царственного по красоте, веселого на вид, эллины преподнесли в дар ионийскому тирану Поликрату Самосскому. Поликрат обрадовался подарку и влюбился в Смердия, а вместе с ним и поэт Анакреонт Теосский влюбился в мальчика. А Смердий получил от Поликрата золото и серебро и всё что обычно получает красивый мальчик от влюбленного тирана, а от Анакреонта — песни и хвалы, и всё, что обычно получает от влюбленного поэта»²⁰.

Несколько подробнее о том же пишет в «Пестрых рассказах» Элиан: «Самосец Поликрат был предан Музам, поэтому он отличал и высоко чтит Анакреонта из Теоса, любя самого поэта

¹⁹ Общий заголовок «Еще о Сократовом учении о любви три книги» (Ἔτι περὶ τῆς Σωκράτους ἐρωτικῆς γ') показывает, что сюжет был распространен (ср. Max. Tyr. 24. 26. 32. 35), а имя Смердия сохранялось благодаря стихотворению Анакреонта.

²⁰ О том же событии упоминает и Филострат (Flav. Philostr. *Epist. et dial.* 1, 8, 11): ἦρα καὶ Σμερδίου Πολυκράτης ὁ Σάμιος καὶ τοῦ Πέρσου μεираκίου ὁ Ἀγησίλαος, εἰ καὶ τὸ ὄνομα τοῦ μεираκίου ἀγνοῶ. «Был влюблен и Поликрат Самосский в Смердия, и Агесилай — в персидского мальчика, хотя я и не знаю имени мальчика».

и его песни. Однако я порицаю его своеволие. Анакреонт восхищался возлюбленным Поликрата Смердием. Мальчик радовался этому и с благоговением относился к поэту, плененному его душевными качествами, а не телесной красотой. (Никто, во имя богов, пусть не вздумает клеветать на теосского певца и не назовет его распутным). Поликрат стал ревновать Анакреонта к мальчику и за то, что поэт почтил Смердия своей похвалой, а Смердий ответил на его любовь любовью, остриг его длинные волосы. Он обезобразил своего любимца, чтобы досадить Анакреонту. А тот не винил Поликрата и обратил свои упреки мальчику, выговаривая ему, что объявить войну своим волосам — дерзкий и неумный поступок. Песню же о беде, постигшей локоны Смердия, пусть споет сам Анакреонт — он споет ее лучше, чем я.» (пер. С. В. Поляковой)²¹.

Судя по всему, сохранился фрагмент от этого стихотворного выговора мальчику, так же как и воспоминание о самой этой истории. Выражение Элиана ἐπεκάλει τόλμαν αὐτῷ καὶ ἀμαθίαν ὀπλισαμένῳ ‘обвинил, что тот вооружился дерзостью и незнанием’ по смыслу следует соотносить с дошедшими до нас словами самого Анакреонта ὃ τρίς κεκορημένε Σμερδίη ‘о трижды дерзкий Смердий’. Отметим, что и в этом случае, так же как и со Смердием внуком Накса, нет оснований думать о принадлежности имени Σμερδίας к иранской культуре: не один Элиан специально подчеркнул фракийское происхождение мальчика. История фракийца Смердия и Поликрата Самосского была популярна, как показывают эпиграммы в Палатинской антологии — Антипатра (*Anth. Pal.* VII, 27), Диоскорида (*Anth. Pal.* VII, 31) и приписываемая Симониду (*Anth. Pal.* VII, 25). В них

²¹ Πολυκράτης ὁ Σάμιος ἐν Μούσαις ἦν, καὶ Ἀνακρέοντα ἐτίμα τὸν Τήιον καὶ διὰ σπουδῆς ἦγε, καὶ ἔχαιρεν αὐτῷ καὶ τοῖς ἐκείνου μέλεσιν. οὐκ ἐπαίνῳ δὲ αὐτοῦ τὴν τρυφήν. Ἀνακρέων ἐπήνεσε Σμερδίην θερμότερον τὰ παιδικὰ Πολυκράτους, εἶτα ἦσθη τὸ μεράκιον τῷ ἐπαίνῳ, καὶ τὸν Ἀνακρέοντα ἠσπάζετο σεμνῶς εὖ μάλα, ἐρῶντα τῆς ψυχῆς, ἀλλ’ οὐ τοῦ σώματος. μὴ γάρ τις ἡμῖν διαβαλλέτω πρὸς θεῶν τὸν ποιητὴν τὸν Τήιον, μὴδ’ ἀκόλαστον εἶναι λεγέτω. ἐζηλοτύπησε δὲ Πολυκράτης ὅτι τὸν Σμερδίην ἐτίμησε, καὶ ἑώρα τὸν ποιητὴν ὑπὸ τοῦ παιδὸς ἀντιφιλούμενον· καὶ ἀπέκειρε τὸν παῖδα ὁ Πολυκράτης, ἐκείνον μὲν αἰσχύνων, οἴομενος δὲ λυπεῖν Ἀνακρέοντα. ὃ δὲ οὐ προσεποιήσατο αἰτιᾶσθαι τὸν Πολυκράτη σωφρόνως καὶ ἐγκρατῶς, μετήγαγε δὲ τὸ ἐγκλημα ἐπὶ τὸ μεράκιον ἐν οἷς ἐπεκάλει τόλμαν αὐτῷ καὶ ἀμαθίαν ὀπλισαμένῳ κατὰ τῶν ἑαυτοῦ τριχῶν. τὸ δὲ ἄσμα τὸ ἐπὶ τῷ πάθει τῆς κόμης Ἀνακρέων ἄσάτω· ἐμοῦ γὰρ αὐτὸς ἄμεινον ἄσεται. (Aelian. *Var. Hist.* 9, 4).

можно найти прямые намеки на стихотворение Анакреонта и на фракийское происхождение Смердия.

Известен также Σμέρδης, сыгравший важную роль в истории Лесбоса. Аристотель, приводя в Политике примеры свержения тирании в разных полисах²², пишет и про Митилену на о. Лесбосе, где «Мегакл вместе с друзьями напали на Пенфилидов, которые ходили по городу и били встречных дубинами; впоследствии Смерд (Σμέρδης) убил Пенфила, нанесшего ему удары, и вытащил его из дома, оторвав от жены» (Aristot. *Pol.* 5. 8. 13)²³.

Как можно видеть, основа Σμέρδ- представлена в именах собственных на Лесбосе, Наксосе, а также ассоциируется с Фракией и побережьем Малой Азии. Сообщаемое Диодором Сицилийским (D. Sic. 5, 51) мифологическое предание о Тезее, гостившем у Смердия, показывает, что имена с основой Σμέρδ- греки не считали сугубо персидскими. Разумеется, благодаря Геродоту мы в первую очередь вспоминаем о Смердии Ахемениде и о самозванце, при том что в Бехистунской надписи Смердий называется Бардией²⁴ и никак иначе. Более внимательный анализ просопографического материала показывает, что имя присутствует в греческой традиции достаточно широко, отнюдь не ограничиваясь сюжетами, связанными с именами Σμέρδης ~ *Bardiya*- ~ *Barziya*.

Персидское имя Бардия следует понимать как двусоставное сокращенное²⁵ исконно-иранское имя собственное, производное

²² Пер. А. И. Доватура (Доватур 1965: 291).

²³ В истории Персии известны семь убитых царей – Bardiya, Xerxes I, Xerxes II, [Sogdianis], Artaxerxes III, Artaxerxes IV, Darius III. Бриан добавляет к этому списку еще Дария, старшего сына Артаксеркса (Briant 2002: 774), здесь же замечая, что «мотив убийства в спальне» подозрительно часто повторяется в персидской истории: кроме Ксеркса II, убитого, когда он лежал пьяный, Геродот говорит об убийстве Смердия/Бардия, когда тот возлежал с вавилонской наложницей. Мотив «убийства в спальне» в рассказе о Пенфиле может объясняться тем, что Аристотель специально рассматривал мотивы убийства тирана или царя и типологию таких ситуаций (Aristot. *Pol.* V 10. 1311 b).

²⁴ См.: Encyclopedia Iranica (<http://www.iranicaonline.org/articles/bardiya-son-of-cyrus>).

²⁵ Понятие двусоставных сокращенных имен, ср. греч. Νέστωρ при микенском ne-ti-ra-wo /Nesti-lāu̯os/ ‘возвращающий людей (домой из военного похода)’, ввел Р. Шмитт, но задолго до него Хр. Бартоломе видел в имени Бардии первую часть двусоставного имени («bardiya- <...> Kurzname zu iran. *brzi-») и сравнивал *barāzi*⁰ с мужскими именами с основой *stipay-*, *spitay-* (Bartholomae 1961: 1607–1608). Основу

от глагольной основы **barź-*, *brź-* > др.-перс. *bard-* ‘быть высоким’, имеющее соответствия в позднеавестийском *us-barəz-* ‘поднимать(ся) вверх, возрастать’ и в каузативной основе *barəz-aуа-* ‘поднимать, дать увеличиваться’. Общее значение корня восстанавливается как ‘подниматься кверху’, ‘увеличиваться в размере (в высоту, в длину, в силу)’ (Rastorguyeva, Edelmann 2003: 116). Именная форма от данного глагола в персидском языке представлена только именем *Bardiya-* (Rastorguyeva, Edelmann 2003: 117). В эламской версии Бехистунской надписи Бардия назван *Pirtiya*, в аккадской версии и в документах из Вавилона используется мидийская форма *Barziya*. Тем самым, уже в иранских источниках существовала вариативность: *Br̥diya* ~ *Barziya*.

Персидскую форму возводят к и.-е. корню **b^herg^h-*²⁶, то есть начальный губной смычный *B-* в иранской форме был исконным. Появление назального *M-* на месте *B-* следует искать уже в особенностях греческого восприятия, ср. написание *Márδος* у Эсхила (Aeschyl. *Persae* 774), *Mergis* у Юстина (Iustin. 1. 9) и *Merphis* у Гелланика (Hellan. *FHG* 1, p. 449). На иранские варианты имени (*Br̥diya* ~ *Barziya*), как можно думать, наложились греческие варианты начального *βр-* и *μр-* *μóρτος* *ἄνθρωπος*, *θνήτос* (Hesych.), ср. *βρoтoс* ‘смертный’ и *ἄ-μβρoтoс* ‘бессмертный’. Уже из этих примеров ясно, что греческая передача персидского имени *Bardiya* многообразна, но укладывается в определенную систему, в которой персидскому *B-* соответствует греч. *M-*. Такая интерпретация позволяет объяснить формы *Mardos*, *Mergis* и *Merphis*, но не форму с начальным *s-* в имени *Smerdis* (Hdt. III. 30).

---

spitay- / *stipi*^o Бартоломе сопоставлял с лит. *stipras* и *stiprùs* ‘сильный, крепкий’ и др.-англ., ср.-в.-нем. *stīf* ‘жесткий, упрямый, сильный, статный, внушительный’ (Bartholomae 1961: 945), отмечая, что и основа *bərəzi*^o встречается во множестве двусоставных имен соотнесенных (Bartholomae 1961: 959–960). Характерна сфера применения прилагательного *bərəzant-* (fem. *zaiī-*) ‘высокий’: о людях, богах и зверях ‘высокий, рослый’ (Bartholomae 1961: 959).

²⁶ При этом отмечается (Cheung 2007: 12–13), что основа *barz 1 ‘to make high’ недостаточно точно соответствует данным санскрита: *br̥hant-* ‘высокий’ (RV+), которое образовано от корня *barh* ‘делать сильным, большим’; существуют и трудности, связанные с семантической интерпретацией (и.-е. **bherg'h-* ‘быть высоким’ представлено в хетт. *parkiie/a-*^{zi} *park-*^{ita(ri)} ‘поднимать(ся)’, тох. *park-* ‘подниматься, вставать (о солнце)’, нем. *Berg* ‘гора’).

Языковой механизм, позволивший малоазийским грекам, у которых Геродот почерпнул сведения о персидской истории, обозначить Бардию как Смердия, остается неясным. Фонетически совпадают звуковые последовательности -αρδι- и -r̥di-/ -ardi-, однако начальное *b-* в персидском языке при всех ошибках восприятия на слух иранской речи греками, никак не могло соответствовать греческому σμ-. Похоже, что греческая вариативность в передаче персидского имени основывалась на сознательном сближении чужеземного имени с именем более привычным и знакомым (так называемая *interpretatio Graeca*).

Следует специально подчеркнуть, что имя Σμέρδις для греков не было лишено внутренней формы и могло вызывать в памяти эпические прилагательные — широко представленное σμερδαλέος и значительно более редкое σμερδνός с одинаковым значением ‘страшный, ужасный, грозный’. Эти прилагательные входят в ясные словообразовательные ряды²⁷: λευγαλέος ‘находящийся в злобном состоянии’, ἀργαλέος ‘трудный, тяжелый, мучительный’, σμερδαλέος ‘страшный, ужасный, грозный’, а для σμερδνός — прилагательное δεινός. Р. Беекес упоминает как возможно родственные греческие μάργος ‘яростный, неистовый, похотливый’ и σμάρκιον ‘похотливый’ (Beekes, van Beek 2010: 1370 s.v. σμωρδοῦν).

Р. Фюрер (LfgrE: 167) определяет семантическое развитие σμερδαλέος как переход от ольфактивного значения ‘вонючий’ (‘stinkend’) к ‘противный, отвратительный’ — «*widerwärtig, abscheulich* (nur *Il.* 20. 65, *Od.* 6. 137)». В этих двух контекстах Р. Фюрер (LfgrE :167), выводя значение ‘страшный’ из ‘отвратительный’²⁸, предполагает, что дом Аида (*Il.* 20. 65) был

²⁷ Их видели уже в античности. Приведем несколько примеров: νηφαλέος, αὐαλέος, σμερδαλέος, θαρσαλέος (Arcad. *de accent.* p. 42 [Sp.]). Сходные примеры см. в *Et. Guid.* s. v. Σμερδαλέος, где приведены прилагательные с ударением как в σμερδαλέος (ὄργαλέος, γηραλέος) и с ударением на -άλεος: κονιστάλεος, δαιδάλεος, ἀτασθάλεος, αἰθάλεος. Также и Геродиан (Herodian. *de prosa catholica* 3, 1 p. 114) приводит длинный ряд имен прилагательных на -αλέος: νηφαλέος, αὐαλέος, σμερδαλέος, θαρσαλέος, σκωπαλέος, δειμαλέος, керδαλέος, фрикаλέος, ἀργαλέος, φοιταλέος, γηραλέος, λευγαλέος, ὀπταλέος, ἰκμαλέος, ῥωμαλέος, ῥωγαλέος, карфаλέος, ἀρπαλέος, противопоставляя их прилагательным с иным ударением при том же суффиксе: δαιδάλειος / δαιδάλεος, κονιστάλειος / κονιστάλεος.

²⁸ Р. Фюрер (Führer 2006: 166), отметив древность прилагательных σμερδαλέος и σμερδνός, которые Э. Бенвенист считал реликтами гетероклитической основы на *-l/-n (Benveniste *Origines* 45sq.), в

отвратительным и что отвратительным был «страшный Одиссей», весь в водорослях представший перед Навсикаей. Мне, напротив, представляется, что подземный мир ужасен, и Одиссей был просто ужасен на вид. Семантический ряд, который выстроил Р. Фюрер (LfgrE: 168)²⁹, не подтверждает принятую им этимологию и не учитывает, что помимо значения «страшный» семантика включает компонент, связанный с размером. Характерно, что как и иранское *bardi-* греческое *σμερδαλέος* определяет божество, человека и животных. В греческом языке к этому добавляется еще возможность определить этим словом силу и эффект громкого крика, а также смертельное оружие.

В настоящее время гомеровские прилагательные *σμερδαλέος* и *σμερδνός* не имеют признанной этимологии (Beekes, van Beek 2010: 1367). Традиционно предлагается сопоставление только с германскими языками: с др.-в.-нем. *smēran*, др.-англ. *smēortan* 'to hurt' и *smēart* 'painful', а также ср.-англ. *smart* 'biting, stinging, sharp, witty, elegant' (Beekes 1969: 84).

Предложенная нами интерпретация микенского имени требует отказаться от сопоставления с германскими языками, исходя из необходимости ориентироваться на семантику «возрастающей силы», которая должна была присутствовать во внутренней форме персидского и греческого имен. Значение силы и развития представлено в греческих эпических текстах для *σμερδνός* (*σμερδνόν· δεινόν, καταπληκτικόν, πολεμικόν, σκυθρωπόν* Hsch. σ 61232) и особенно в глоссе Гесихия *σμέρδ[ν]ος· λῆμα, ῥώμη, δύναμις, ὄρμημα* (Hsch. σ 61233).

качестве родственных слов предполагает рус. *смердь*, выводя его как и *смородину* из *смердеть* 'сильно пахнуть' и связывая далее с лат. *merda*. В качестве параллели к семантическому развитию он предлагает сравнить греч. *κακός* и лат. *cacare*.

С последним трудно согласиться, поскольку «негодное», «плохое» и «скверное» из идеи экскрементов выводится легко, но значение «пугающее», «внушающее страх», «ужасное», «страшное» таким образом получить невозможно. Топор (также как копье *Il.* 2, 260; меч *Il.* 21, 25), внушающий страх – это не плохой топор, поскольку плохой топор будет просто негодным, а топор, один вид которого приводит в ужас. Взгляд змеи или эгид с головой Медузы (*Il.* 5, 742 – *Γορυεῖη κεφαλὴ ... δεινὴ τε σμερδνὴ τε, Διὸς τέρας αἰγιόχοιο*, cf. *Il.* 21, 401) и страшные по природе боги – это все лежит в совершенно иной плоскости, нежели семантическая связь греческого *κακός* и латинского *cacare*.

²⁹ *ἀργαλέος, δεινός, εὐρώεις, λευγαλέος, μέγας, μιάρος, ρυπόων, σμερδνός, στυγερός, φθισίμβροτος*.

Мы хорошо представляем себе, как выглядел у греков результат внушенного ужаса: «бледный страх» (χλωρόν δέος)³⁰ и столь сильное дрожание рук³¹, что вино проливают на пол (ср. *Ил.* 7, 479). Все это никак не связано с «отвращением», но составляет семантику слова σμερδαλέος. Мощный призывный крик (как крик Диомеда, зовущего Одиссея помочь спасти Нестора от Гектора в *Ил.* 8. 92: σμερδαλέον δ' ἐβόησεν ἐποτρύνων Ὀδυσῆα) никого не повергает в ужас, но Одиссей приходит к нему на помощь. Здесь «ужасный крик» значит уже «сильный, мощный крик»³². «Ужасно» кричит Ахилл у тела павшего

³⁰ *Ил.* 7, 479 παννύχιος δέ σφιν κακὰ μήδετο μητίετα Ζεὺς
σμερδαλέα κτυπέων· τοὺς δὲ χλωρόν δέος ἦρει·
οἶνον δ' ἐκ δεπῶν χαμάδις χέον, οὐδέ τις ἔτλη
πρὶν πῖεῖν πρὶν λείψαι ὑπερμενέϊ Κρονίῳνι.

‘Целую ночь им беды совещал олимпийский провидец,
Грозно гремящий, – и страх находил на пирующих бедный:
Мужи вино проливали из кубков; не смел ни единый
Пить, не возлив наперед всемогущему Кронову сыну’

(пер. Н. И. Гнедича)

³¹ Специально стоит сказать об отсутствии убедительной этимологии у слов со значением «ужас». Как отмечал А. Мейе (Ernout, Meillet 2001: 692) по поводу лат. *timeō*, для и.-е. восстанавливаются несколько не связанных между собой корней³¹: гот. *faurhts* ‘δειλός’; греч. δ(F)ει- он объединял с арм. *erknč'im* ‘я боюсь’, но Фр. Кортланд (Kortlandt 1989: 43–52) отказался от этого сопоставления; ирл. *-águr* ‘боюсь’ и др.-исл. *agan* ‘бояться’, и отдельно скр. *bháyate* ст.-слав. *боитъ сѧ*. Лат. *terreō* только впоследствии приобрело значение ‘бояться’. Не имеют этимологии лат. *metus*, ирл. *otun* и галл. *ofn* ‘боязнь’, как и рус. *ужас* (Vasmer 1986: 4, 151), хотя сопоставления с лит. *išsi-gąsti* и с гот. *usgaisjan* выглядят привлекательно. Слово со значением ‘испуг’ восстанавливается для ряда праязыков. Так, для пратунгусо-манчжурского А. М. Певнов восстанавливает *ḡlā ‘страх, бояться, испугаться’. Слова с подобной семантикой иногда можно описать по внешним проявлениям чувства, например, эскимосский «страх» соответствует внешнему проявлению сильной дрожи (благодарю Е. В. Головки за эту справку). Как правило, такие слова лишены ясной внутренней формы.

³² Формульное выражение σμερδαλέον δὲ μέγ' ὤϊωξεν *Od.* 9, 395; *Ил.* 18, 35; 22, 95 (*Ил.* 20, 260; 13, 192; 12, 464) почти во всех контекстах имеет значение ‘страшно кричать, наводя страх на противника’. Показательно в этом отношении сравнение страшно кричащего Одиссея с орлом: *Od.* 24. 537 σμερδαλέον δ' ἐβόησε πολύτλας δῖος Ὀδυσσεύς, / οἴμηνεν δὲ ἀλεις ὥς τ' αἰετὸς ὑψιπτεῖται. ‘Громко тогда завопив, Одиссей, непреклонный в напастях, / Кинулся бурно преследовать их, как орел поднебесный’ (Пер. В. А. Жуковского).

Одиссей страшно закричал и кинулся преследовать своих противников, уже обьятых «бледным страхом» от слов Афины,

Патрокла (*Il.* 18, 35 σμερδαλέον δ' ὄμωξεν· ἄκουσε δὲ πότνια μήτηρ...), и его крик вызывает страх у окружающих, которые держат его за руки, чтобы он не покончил с собой. Приведенные примеры демонстрируют целую гамму значений от ледящего душу крика к мощному призыву и далее — к крику, который вызывает уже страх за кричащего.

Выше мы обратили специальное внимание на употребление иранской основы *bərəzant-* (см. прим. 25), которая характеризует людей, богов и животных. У Гомера σμερδαλέος определяет львов (ср. *dualis* σμερδαλέω δὲλέοντε — *Il.* 18, 579), не менее ужасны шесть голов Скиллы, вооруженных зубами (*Od.* 12, 91), а также змея (*Il.* 2, 315 ἔνθ' ἐφάνη μέγα σῆμα· δράκων³³ ... σμερδαλέος). Из контекста мы знаем, почему «змея смотрит, нагоняя ужас»³⁴ (букв. «ужасно»): его охватила черная злоба от съеденных ядовитых трав.

βεβρωκὼς κακὰ φάρμακ', ἔδν δέ τέ μιν χόλος αἰνός,
σμερδαλέον δὲ δέδορκεν ἐλίσσόμενος περὶ χειρῖ· (*Il.* 22. 94–95)

‘Трав ядовитых нажравшись и черной наполнившись злобой,
В стороны страшно глядит, извиваясь вокруг над пещерой’
(пер. Н. И. Гнедича).

В отличие от эпитетов с *bərəzant-* в Авесте, в греческой традиции σμερδαλέος может прилагаться не только к богам, людям, животным, но также к оружию и к дому Аида. Эти покрытые плесенью сырые хоромы названы «ужасными»³⁵, что отражает самую сильную степень ужаса (что-то вроде «леденящий кровь»):

прекращающей распрю на Итаке (*Od.* 24. 533: ὥς φάτ' Ἀθηναίη, τοὺς δὲ χλωρὸν δέος εἶλε). Можно предполагать, что устрашающий крик Одиссея не случайно вызывал сравнение с пронзительным криком орла.

³³ Корнут (*Cornut. de nat. deor.* p. 37) почти дословно (только заменив прилагательное наречием) приводит эту цитату, но перед тем сравнивает глаза змеев и сов: οἱ δὲ δράκοντες καὶ ἡ γλαυξ διὰ τὸ ἐμφερὲς τῶν ὀμμάτων ἀνατίθενται ταύτῃ γλαυκώπιδι οὕσῃ· σμερδαλέον γὰρ ὁ δράκων δέδορκε ...

³⁴ В Гомеровом гимне (*H. h.* 31, 9) Гелиос также στυγερὸν ... δέρεται, но здесь отчетливо должно преобладать значение силы.

³⁵ Именно этот контекст (*Il.* 20. 64–65), а также эпитет спасшегося Одиссея (*Od.* 6, 137) при встрече с Навсикаей Р. Фюрер связывает с «отвращением». Мне это кажется странным: Одиссей «ужасен», потому что он весь в водорослях.

οἰκία δὲ θνητοῖσι καὶ ἀθανάτοισι φανείη
 σμερδαλέ' εὐρώεντα, τά τε στυγέουσι θεοί περ· (Il. 20. 64–65)

‘И чтобы не открылась для смертных и бессмертных
 ужасные сырые чертоги (Аида), которых боятся сами боги’.

В Одиссее крик может описываться так, как в Илиаде описан лязг оружия (ἀμφὶ δὲ δῶμα / σμερδαλέον κονάβιζε «страшно прозвучали» — рыдания (*Od.* 10. 399), страшно чихнул Телемах ἀμφὶ δὲ δῶμα / σμερδαλέον κονάβησε (*Od.* 17. 542). В обоих случаях речь идет об ослаблении значения от действительно «страшно» к «сильно». Ослабление идеи «ужаса» в Одиссее показывает употребление σμερδαλέος при описании перевязи Геракла (*Od.* 11 609), которая «страшно блестела» (знакомый русскому читателю переход: «ужасно» как степень сравнения, ср. «ужасно милый» и «страшно добрый», семантический переход, известный просторечию во многих языках).

Движение от «внушающий ужас» (включая крик «леденящий кровь» и просто «сильный») к «сильный» (Диомед «страшно кричит» призывая Одиссея) и далее к значению «очень». Словари объясняют σμερδαλέος как καταπληκτικός (Ps.-Zonar. *Lex.* 1659, 4) «вызывающий страх» (ср. Et. Magn. Kallierges 721, 9. Σμερδαλέος· καταπληκτικός, φοβερός), хотя и обращают внимание, что Гесихий толкует производное существительное σμέρδ[ν]ος· λῆμα, ῥώμη, δύναμις, ὄρημα (Hesych. σ 61233), где εὐσμερδής = εὐρωστός (Hesych. ε 7190). Без внимания лингвистов обычно остается специальное употребление (терминологическое?) наречия в языке охотников, где его значение отчетливо связано с силой: σμερδαλέον· δυνάτως (Schol. in Oppian. *Cyneget.* II, 147).

Традиционное сопоставление σμερδαλέος с др.-в.-нем. *smerzan*, др.-англ. *smeortan* ‘to hurt’ и *smeart* ‘painful’, а также ср.-англ. *smart* ‘biting, stinging, sharp, witty, elegant’ недостаточно учитывает семантику, как и сопоставление с рус. *смердъ*, отстаиваемое Р. Фюрером. Представляется, что имя Σμέρδης в греческой среде и выбор его в качестве эквивалента для передачи иран. *Bardiya*, должны учитывать в больше мере «высокий рост» и «силу», но не идею «мучительности».

Разобранные контексты Одиссеи демонстрируют семантический сдвиг у прилагательных σμερδαλέος и σμερδνός от действительно «ужасного» в сторону «силы» по крайней мере там, где ужасный крик оказывается просто мощным или зычным. Гомеровские поэмы входили в школьное обучение, так что при

передаче персидского имени *Bardiya*- греческим Σμέρδης нельзя исключить влияние со стороны семантики гомеровских эпитетов.

В греческой передаче персидского имени *Bardiya*- как Σμέρδης мы наблюдаем замену, значимую с точки зрения внутренней формы и основанную на звуковой близости: отождествление Смердия и Бардии могло произойти так же, как в случае с именем *Baga-buxša* 'rejoicing God' или 'to whom God bestows benefit' (см.: Benvenuto 2013: 64). Геродот передал его с греческой интерпретацией первой части иранского композита как Μεγά-βυξος (Hdt. III. 153, 1)³⁶. При передаче имени Бардии ситуация могла быть сходной — *Br̥diya* было заменено на Σμέρδης.

Возвращаясь к предложенной в начале статьи интерпретации микенского имени *ma-di* и к предположению о его возможном сохранении на периферии греческого мира, следует отметить, что имя Σμέρδης связывали с традициями Наксоса и Лесбоса, а также — Фракии. Едва ли случайно так передавалось и распространенное среди членов персидского царского дома имя *Bardiya*- (не без возможного влияния на внутреннюю форму гомеровского эпитета σμερδαλέος?). В переходе *ā > *ē > ě можно видеть фонетическое развитие, представленное в ряде греческих слов³⁷, где в сходных позициях наблюдается сужение ā > ē с последующим сокращением долгого /ē/, как это свойственно ионийско-аттическому диалекту (Rix 1976: 56 = § 3.2.6.2).

Представляется также возможным выдвинуть гипотезу о переосмыслении иранской формы *Bardiya*- в Σμέρδης ради сближения его с греческой традицией³⁸. Согласно предложенной интерпретации имя *Smārdis, отраженное в микенских текстах как <ma-di>, продолжало существовать в нескольких фор-

³⁶ Бриан замечает (Briant 2002: 565), что имя Vassabazus у Юстина как и Bagabazus у Диона (ар. Athen. XIII. 609a) ближе к персидской форме Bagabuxsa.

³⁷ Ср. Πέρσης из персидского *pārša*- с переходом /ā/ в /ē/ в идентичной позиции: «Un certain nombre d' emprunts du grec à iranien (māda > Μηδος; *pārša* > Πέρσης; *kārša* nom d' un poids > κέρσα; etc.), dont l' un datable avec précision (Ve s. xšayārša- > Ξέρξης) posent, quand au vocalisme, des problèmes de transmission directe, ou indirecte) d' une langue à l' autre non résolus à ce jour.» (Lejeune 1972: 235 = § 249 n. 2).

³⁸ Отражение начального иранского *b*- как *m*- представлено не только в греческой традиции, но, возможно, и в ликийской, ср. лик. *Magabata* — имя, в котором К. Мелчерт готов видеть иран. *Bagapāta (Melchert 2004: 98).

мах: Σμέρδης, (< *Smārdis), Σμερδίης, ου (< *Smerdi-ās), Σμέρδιος и Σμέρδης, возможно, сохраняя связи с гомеровскими эпитетами σμερδαλέος и σμερδνός ‘страшный, ужасный, грозный’. Таким образом, получается, что имя Σμέρδης < *Smārdis (не обязательно унаследованное от индоевропейской эпохи, поскольку оно представлено как <ma-di> в текстах линейного письма А)³⁹, было распространено в микенскую эпоху среди греков как на Крите (в Кноссе и в Кидонии, совр. Ханья), так и в Фивах.

Ареал распространения имен с основой Σμέρδ- в I тыс. до н. э. включает Фракию, Каппадокию, греческие поселения в Малой Азии и острова Наксос и Лесбос. Фонетически неожиданная передача персидского⁴⁰ имени Ахеменида Бардия как Σμέρδης наводит на мысль о переосмыслении, основанном на interpretatio Graeca, которую можно наблюдать и при создании гибридного Μεγά-βυξος с заменой иранской основы Baga- на греческую Μεγά- в первой части двусоставного имени Baga-buxša.

Литература

- Aravantinos V., Godart L., Sacconi A. 2002: *Thèbes: Fouilles de la Cadmée III. Corpus des documents d'archives en linéaire B de Thèbes* (1–488). Pisa; Roma: Fabrizio Serra ed.
- Aura Jorro, Fr. 1985: *Diccionario Micénico*. Vol. I–II. Madrid: Consejo superior de investigaciones científicas, 1985–1993.
- Bartholomae, Chr. 1961 (1904): *Altiranisches Wörterbuch*. Berlin: Walter de Gruyter.
- Bechtel, Fr. 1917: *Die historischen Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit*. Halle a.d.S.: Niemeyer.
- Beekes, R. S. P. 1969: *The Development of the Proto-Indo-European Laryngeals in Greek*. The Hague; Paris: Mouton.
- Beekes R., van Beek L. 2010 – *Etymological Dictionary of Greek*. Boston: Brill.
- Benveniste E. 1966: Relations lexicales entre la Perse et la Grèce ancienne. In: A. Pagliaro (ed.) *La Persia e il mondo greco-romano*, 479–485.
- Benvenuto, M. C. 2013: Greek and Iranian In: G. Giannakis (ed.) *Encyclopedia of Ancient Greek Language and Linguistics*. Leiden: Brill. Vol. II, 63–65.

³⁹ Одна из правдоподобных гипотез предполагает связи языка линейного письма А с ликийским, а данные, согласно которым как минойцы, так и микенцы 62–84% генов получили от неолитических популяций Анатолии (Lazaridis al. 2017), допускают предположение о возможности сохранения какой-то части ономастикона (см., впрочем, критику на сайте Генофонд.рф).

⁴⁰ Как и имени Σμερδομένης Hdt. VII. 82; 121 с тем же суффиксом -μέν-, что и в Ἀχαι-μένης.

- Briant P. 2002: *From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire*. Transl. by P. T. Daniels. Winona Lake, Ind.: Eisenbrauns.
- Cheung, J. 2007: *Etymological Dictionary of the Iranian Verb*. Leiden; Boston: Brill.
- Dandamayev, M. A. 1985: *Politicheskaya istoriya Akhemenidskoy derzhavy* [*Political history of the Achaemenid Empire*]. Moscow.
Дандамаев, М. А. 1985: *Политическая история Ахеменидской державы*. М.: Гл. ред. вост. лит-ры изд. «Наука».
- Danek, G. 2011: *Epos und Zitat: Studien zu den Quellen der Odyssee*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1998. Данек, Г. 2011 Эпос и цитаты: изучая источники «Одиссеи» (ч. 1: песни I–XII). Пер. с нем. А. Г. Жаворонкова. М.: Культурная революция.
- Docs² = Ventris M. Chadwick J. 1973.
- Dovatour, A. I. 1965 – *Politika I politii Aristotel'a* [*Politica and politics by Aristotle*]. Moscow; Leningrad. Доватур А. И.. 1965: *Политика и политии Аристотеля*. М.; Л.: Наука.
- Duhoux, Y. 2008: Mycenaean Anthology. In: Y. Duhoux, A. Morpurgo Davies. *A Companion to Linear B. Mycenaean Greek Texts and their World*. Vol. I. Louvain-la-Neuve; Dudley, MA.
- Ebeling H.. *Lexicon Homericum*. Vol. 1–2. Lipsiae; Londini; Parisiis: in aedibus B. G. Teubneri, 1875–1880.
- Encyclopedia Iranica (<http://www.iranicaonline.org/articles/bardiya-son-of-cyrus>). (последняя дата обращения 3 мая 2020 г.)
- Ernout, A. Meillet, A. 2001: *Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots*. Paris: Klincksieck.
- Führer, R. 2006: σμερδαλέος. In: *Lfgre* 21, 165–168.
- Furumark, A. 1956: *Linear A und die altkretische Sprache. Entzifferung und Deutung*. Stencil. ms. Berlin (non vidi).
- Georgiev, V. 1955 : Supplément au lexique des inscriptions créto-mycéniennes. *Annuaire de la Faculté des Lettres de l'Université de Sofia*. T. 51, 1.
- Kahrstedt, U. 1927: Smerdis. *RE* Zweite Reihe, HBd. 5. Stuttgart: J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung. Sp. 710–712.
- Kent, R. 1950: *Old Persian: Grammar, Texts, Lexicon*. New Haven.
- Kortlandt, F. 1989: The making of a puzzle. *Annual of Armenian linguistics* 10: 43–52.
- Landau, O. 1958: *Mykenisch-griechische Personennamen*. Göteborg.
- Lazaridis al. 2017 – I. Lazaridis, A. Mitnik, N. Patterson, Sw. Mallick1, N. Rohland1, S. Pfrengle, A. Furtwängler, A. Peltzer, C. Posth, A. Vasilakis, P. J. P. McGeorge, E. Konsolaki-Yannopoulou, G. Korres, H. Martlew, M. Michalodimitrakis, M. Özsaıt, N. Özsaıt, A. Papathanasiou, M. Richards, S. A. Roodenberg1, Y. Tzedakis, R. Arnott, D. M. Fernandes, J. R. Hughey, D. M. Lotakis, P. A. Navas, Y. Maniatis, J. A. Stamatoyannopoulos, K. Stewardson, Ph. Stockhammer, R. Pinhasi, D. Reich1, J. Krause, G. Stamatoyannopoulos. Genetic origins of the Minoans and Mycenaeans. *Nature*. August 2017 548 (7666) = https://www.researchgate.net/publication/318862250_Genetic_origins_of_the_Minoans_and_Mycenaeans (дата обращения 3 мая 2020 г.).

- Lejeune M. *Phonétique historique du mycénien et du grec ancien*. Paris: Klincksieck, 1972.
- LfgRE — Meier-Brügger, M. (Red.) 2006: *Lexikon des frü griechischen Epos*. Begründet von Bruno Snell. 21. Lief. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- LGPN IV — Fraser, P. M., Matthews, E. (eds.) 2005: *Lexicon of Greek Personal Names. IV: Macedonia, Thrace, Northern Regions of the Black Sea* (assistant ed. R. W. V. Catling). Oxford: OUP.
- Melchert, H. C. 2004. *A Dictionary of the Lycian Language*. Ann Arbor; New York: Beech Stave Press.
- Melena, J. L. 2014: Mycenaean writing. In: *A Companion to Linear B. Mycenaean Greek Texts and their World*. Vol. 3. Louvain-la-Neuve; Walpole, MA: Peeters, 3–186.
- NIL — Wodtke, D. Irslinger, B. Schneider. C. 2008: *Nomina im indogermanischen Lexikon*. Heidelberg: Winter Universitätsverlag.
- Palmer, L. R. 1963. *The Interpretation of Mycenaean Greek Texts*. Oxford: Clarendon Press.
- PMG — Page, D. (ed.) 1962: *Poetae Melici Graeci*. Oxford: at the Clarendon Press.
- Prášek, Ju. V. 1906: *Geschichte der Meder und Perser bis zur makedonischen Eroberung* von Justin V. Prášek. Erster Band. Geschichte der Meder und des Reichs der Länder. Gotha. S. 244 Anm. 2.
- Rastorguyeva, V. S., Edelmann, J. I. 2003: [Etymological dictionary of Iranian languages]. Vol. 2. Moscow.
Расторгуева, В. С., Эдельман, Дж. И. 2003: *Этимологический словарь иранских языков*. Т. 2. М.: «Восточная литература».
- Rix, H. 1976: *Historische Grammatik des Griechischen: Laut- und Formenlehre*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Ruijgh, C. J. 1967: *Études sur la grammaire et le vocabulaire du grec mycénien*. Amsterdam.
- Sacconi A. 1974— *Corpus delle iscrizioni vascolari in lineare B*. Roma.
- Schmitt, R. 1991: *The Bisutun Inscriptions of Darius the Great: Old Persian Text*. T. CII, part 1, vol. 10. London.
- Schwyzler, Ed. 1983 (1939): *Griechische Grammatik*. Bd 1. Allgemeiner Teil, Lautlehre, Wortbildung, Flexion. München: Beck.
- Vasmer, M. 1986 (1964): *Russisches etymologisches Wörterbuch*.
Фасмер, М. 1986 (1964): *Этимологический словарь русского языка*. Пер. О. Н. Трубачева. Т. 1–4. М.: «Прогресс».
- Ventris, M., Chadwick, J. 1973: *Documents in Mycenaean Greek*. Second edition by John Chadwick. With a foreword by the late Alan. J. B. Wace. New York: Cambridge University Press.
- Wreszinski, W. 1934: *Der Atlas zur Altaegyptischen Kulturgeschichte*. Bd. II 2. S.I., s.a. (предисловие подписано Königsberg i. Pr., 17. IV.1934.)
- Younger J. *Linear A Lexicon*. Internet version (дата обращения 3 мая 2020 г.) <http://www.people.ku.edu/~jyounger/LinearA/lexicon.html> (last update: 3 September 2019).

A. V. Lebedev
(RAS Institute of philosophy)

**DEMOCRITUS ON IRANIAN MAGI AND ANCIENT RELIGION:
a quotation from *Avesta* (Yt.1.7) in Democritus fragment 580
Luria (= B 30 DK)**

In this paper a new reconstruction of the text and interpretation of the fragment 580 Luria / B 30 DK is proposed. The author refutes the widespread opinion going back to Reinhardt (1912), according to which the fragment speaks of ancient sages, and argues that those who pray in the open air and call 'Zeus' air, are Iranian magi performing a Zoroastrian ritual. The fragment comes from the 'Small Diakosmos' of Democritus, which expounded the history of civilization and the origin of religion. For the reconstruction of the ancient phase of religion, Democritus uses the principle "as among barbarians now, so among the Greeks in ancient times", which was widespread in the epoch of Sophists. The worship of the elements, preserved by the Persians, the absence of temples and statues, is a relic of the ancient phase of religion, which was replaced in Greece by the worship of anthropomorphic gods, a religion of "fools".

Key words: ancient philosophy, Presocratics, Democritus, Derveni papyrus, Herodotus, atomism, Avesta, Persian magi, Zoroastrianism, origin of religion.

A. В. Лебедев
(Институт философии РАН)

**Демокрит об иранских магах и религии древних:
цитата из «Авесты» (Яшт I, 7) в фр. 580 Luria (= B 30 DK)**

В работе предлагается новая реконструкция текста и интерпретация фрагмента. Опровергается восходящая к Райнхардту (1912) точка зрения, согласно которой в нем говорится о древних мудрецах, и доказывается, что молящиеся под открытым небом и называющие «Зевсом» воздух — иранские маги, совершающие зороастрийский обряд. Фрагмент происходит из «Малого мироустройства» Демокрита, в котором излагалась история цивилизации и происхождение религии. Демокрит использует для реконструкции древней фазы религии распространенный в эпоху софистики принцип «как у варваров сейчас, так у нас в старину». Сохранившееся у персов почитание стихий, отсутствие храмов и статуй, является пережитком древней фазы религии, на смену которой у греков пришла «глупая» вера в антропоморфных богов.

Ключевые слова: античная философия, ранняя греческая философия, атомистика, Демокрит, Папирус из Дerveni, Геродот, зороастризм, персидские маги, Авеста, происхождение религии.

The fragment of Democritus 580 Luria (= B 30 DK) is quoted twice by Clement of Alexandria, the first time in *Protrepticus* (henceforward “P version”), the second time in *Stromata* Book V (henceforward “S version”).

(P) Clem. Alex., *Protrept.* 68 (Bd. I, 52, 16–20 St.) ὅθεν οὐκ ἀπεικότως ὁ Δημόκριτος “τῶν λογίων ἀνθρώπων ὀλίγους” φησιν “ἀνατείναντας τὰς χεῖρας ἐνταῦθα ὃν νῦν ἡέρα καλέομεν οἱ Ἕλληνες, πάντα Δία μυθεῖσθαι καὶ πάντα οὗτος οἶδεν καὶ διδοῖ καὶ ἀφαιρέεται καὶ βασιλεὺς οὗτος τῶν πάντων”¹.

(S) Clem. Alex., *Strom.* V, 102 (Bd. II, 394, 21–25 St.), Ἦδη δὲ ὥς εἰπεῖν ὑπ’ αὐγὰς Δημόκριτος εἶναί τινες ὀλίγους γράφει τῶν ἀνθρώπων, οἳ δὴ ἀνατείναντες τὰς χεῖρας ἐνταῦθα ὃν νῦν ἡέρα καλέομεν οἱ Ἕλληνες, πάντα Ζεὺς μυθέεται, καὶ πάνθ’ οὗτος οἶδεν καὶ διδοῖ καὶ ἀφαιρέεται καὶ βασιλεὺς οὗτος τῶν πάντων.

The edition of Diels-Kranz prints as fragment 68 B 30 the following reconstruction of the Greek text of Democritus with a German translation, based on these two versions, restoring the *oratio recta* of the original instead of the *oratio obliqua* of Clement’s quotes that depends on φησίν and γράφει:

τῶν λογίων ἀνθρώπων ὀλίγοι ἀνατείναντες τὰς χεῖρας ἐνταῦθα, ὃν νῦν ἡέρα καλέομεν οἱ Ἕλληνες “πάντα, <εἶπαν>, Ζεὺς μυθέεται καὶ πάνθ’ οὗτος οἶδεν καὶ διδοῖ καὶ ἀφαιρέεται καὶ βασιλεὺς οὗτος τῶν πάντων”. “Von den denkenden Menschen erhoben wenige ihre Hände zu dem Orte, den wir Hellenen jetzt Luft nennen, und sprachen dabei: Alles beredet Zeus mit sich (?) und alles weiss und gibt und nimmt er und König ist er über alles insgesamt”.

The insertion of aorist εἶπαν belongs to Reinhardt (1912) and was accepted by Kranz in the 5th edition of DK (1935, the 4th edition of Diels 1922 has φασίν), it is based on the (incorrect) assumption that Democritus refers to the ancient sages. The unusual translation of λογίων as ‘denkenden’ is also based on Reinhardt’s (another incorrect) assumption that these ancient sages in their new monotheistic theology allegedly rose above the ignorant crowd (this is essentially a repetition of Clement’s Christian interpretation). In the edition of Luria (1970), the Greek text follows DK exactly, but the translation is different: “Some of the wiseacres stretching out their hands to this place that we, the Greeks, now call the air, said: “Zeus gives a name to everything, and he knows everything, and

¹ We remove from Stählin’s text of *Protrepticus* three mistaken alterations by Wilamowitz that have been rightly rejected already by Diels in early editions and Kranz in DK.

gives, and takes, and he is the king of everything.” Justifiably criticizing in the commentary to fr.580 Reinhardt’s thesis that Democritus allegedly considered the invention of religion by the ancient sages a high cultural achievement, Luria, however, goes to the other extreme, interpreting the text in a straightforward “atheistic” way and understanding λόγιοι as an ironic mockery of the first theologians (hence γμῆικυ ‘wiseacres’).

The attempt by Diels and Luria² to find irony in the word λογίων is unconvincing: looking at dozens and dozens of examples of the use of this word in TLG-online, you cannot find a single instance that provides a parallel to such hypothesized meaning: λόγιοι always has a positive connotation of respect, indicating extraordinary knowledge or high authority, and often is employed as a synonym for “wise” in a standard collocation οἱ σοφοὶ καὶ λογίοι “wise and learned”³. It is in such a positive sense that the set phrase λογίων ἀνθρώπων is used by Democritus himself in a genuine autobiographic fragment XIV L./B 299 καὶ λογίων ἀνθρώπων πλείστων ἐπήκουσα “and I have listened to the greatest number of learned men”. The style of this fragment is typical for the Ionian scientific (in this case ethnographic) prose, the style of empirical, objective and impartial “inquiry” (ἱστορίη)⁴. It describes in detail a religious ritual, apparently regularly performed at the present time, not in the past. First comes the indication of place: the ritual is performed in the open air (ὕπ’ αὐγᾶς), then follows the description of the prayer pose (hands lifted up), and then a precise quotation of the words of the prayer or hymn with cult *epikleseis* or sacred names of the supreme god. The “learned men” here are obviously priests of a certain cult: the word λόγιοι was often applied to priests and diviners (*manteis*) as religious experts and carriers of traditional

² For Diels the object of irony was Diogenes of Apollonia, for Luria ancient theologians who invented religion and god.

³ Plut. *De primo frig.* 955B τοὺς οὖν πάλαι σοφοὺς καὶ λογίους ἄμικτα θέσθαι τὰ ἐπίγεια καὶ τὰ οὐράνια χρή νομίζειν κτλ. Aristides, *Apol. Fragmenta*, cap.12,9-13, section 5 οἱ σοφοὶ καὶ λογίοι τῶν Ἑλλήνων; Schol. Pind. In O 5, 37a εὐδαιμονήσαντες δὲ καὶ σοφοὶ καὶ λογίοι τοῖς πολίταις ἔδοξαν εἶναι; Schol. Aristoph. *In Nubes*, 94b ψυχῶν σοφῶν ἦτοι ἀνδρῶν σοφῶν καὶ λογίων, etc.

⁴ The monograph of Aristid Dovatour “The scientific and narrative style of Herodotus” (1958) remains an exemplary study not only of language and style, but also of social functioning of texts, of readers’ audience etc., i. e. approaches that are currently important, cf. e. g. Harris 2018: 79–113; Luraghi 2007, etc.

knowledge⁵. The words “we, the Greeks call” imply a contrast or distinction between the designation of atmosphere in the Greek language of Democritus’ time (νῦν), and in the language of the “learned men”. Which means that the language of the learned men is not Greek. Priests that do not speak Greek, are barbarian priests. In Greek texts that address the topic of the “wisdom” of barbarians, Egyptian priests, Persian *magoi* and “Chaldeans” of Babylon (Zoroaster) are mentioned primarily and most often, followed by Indian *gymnosophistai*, Celtic druids and others. In the early Greek tradition on Persian magi⁶, the peculiar and amazing to Greeks feature of their religious worship, is that they have no temples and altars, and that they pray and sacrifice in the open air. Another amazing feature of their religious faith and customs from the Greek point of view is that they have no statues and do not conceive the gods as having a human shape (ἄνθρωποφύεας), instead they worship the elements such as fire, water and winds, and “call ‘Zeus’ the whole circle of heaven” (κύκλον πάντα τοῦ οὐρανοῦ Δία καλέοντες, Herodot. I, 131)⁷. Therefore, it seems virtually certain that the “learned men” in Democritus’ fragment 580Luria/B30DK are genuine Iranian *magoi* performing the same Zoroastrian sacrificial ritual that Herodotus describes in detail in the first book of History (Herod. I, 131–132). But unlike the ‘pious’ Herodotus, who is wary of quoting sacred texts (ἱεροὺς λόγους), either Greek and barbarian, Democritus not only describes the *dromena*, but also quotes precisely the *legomena*. ‘Zeus’, implored by the “learned men”, is no other than ‘Implorable’ Ahura Mazda (‘Wise Lord’), whereas the words of glorification in their prayer find exact matches in the *Avesta*, namely in *Yasht* 1, which contains a list of “20 names” of the supreme god.

⁵ Λόγιοι of priests: Brahmanes: Ael. *De nat. anim.* 16.20; Egyptian priests: Herod.2.3; Phil Iud. *De vita Mosis*, 1.23; Ael. Arist., *In Sarap.* 51.8; Tyrrhenian diviners: Plut., *Sulla* 7.3; Greek diviners: Dionys.Geogr., *Per.Bosp.navig.* 24.

⁶ On Iranian magi and Zoroaster in early Greek philosophy see: Kingsley 1995; De Jong 1997; Vasunia 2007; Tuplin 2007; Horky 2009.

⁷ Herodot. I.131 Πέρσας δὲ οἶδα νόμοισι τοιοῖσδε χρεωμένους. ἀγάλματα μὲν καὶ νηοὺς καὶ βωμοὺς οὐκ ἐν νόμοι ποιευμένους ἰδρύεσθαι... ὅτι οὐκ ἄνθρωποφύεας ἐνόμισαν τοὺς θεοὺς κατὰ περ οἱ Ἕλληνες εἶναι. Οἱ δὲ νομίζουσι Διὶ μὲν ἐπὶ τὰ ὑψηλότατα τῶν ὀρέων ἀναβαίνοντες θυσίας ἔρδειν, τὸν κύκλον πάντα τοῦ οὐρανοῦ Δία καλέοντες.

Ohrmazd Yašt, 7–8⁸

Democritus fr. 580 Luria / B30 DK

Thus said Ahura Mazda: “O pious Zaraθuštra,	Ζεύς μυθέεται
I am by name, ‘He who is to be implored’,	
second, ‘Shepherd’,	
third, ‘Able (?)’,	
fourth, ‘(O) Best Truth’,	πάντα μυθέεται
fifth, ‘(O you who are) Every Good Thing Created’	
by Mazda having its seed in Truth’,	
sixth, that I am ‘Intelligence’,	πάνθ’ οὔτος οἶδεν
seventh, ‘Intelligent’,	
eighth, that I am ‘Insight’,	
ninth, ‘Insightful’,	
tenth, that I am, ‘Beneficence’,	καὶ διδοῖ καὶ ἀφαιρέεται
eleventh, ‘Beneficent’,	
twelfth, ‘Lord’,	βασιλεὺς τῶν πάντων
thirteenth, ‘Most Powerful’	
.....	
Seventeenth, ‘All seeing (?)’	πάνθ’ οὔτος οἶδεν

All *epikleseis* (invocations) of ‘Zeus’ in the prayer of ‘learned men’ have a match in the list of names of Ahura Mazda in *Yasht* 1 of the *Avesta*, and are listed in the same order. Democritus quotes *Avesta* in an abbreviated translation. We have no evidence on the

⁸ The text of Yasht 1 is that of Geldner 1896 61–62 as transcribed by Panaiono 2002: 25–26. The English translation is also by Panaiono.

Avest., Yt, 1, 7

<i>āaṭ mraoṭ ahurō mazdā:</i>	Thus said Ahura Mazda: “O pious Zaraθustra’
<i>fraxštiia nqma ahmi ašāum zaraθuštra</i>	I am by name ‘He who is to be implored’,
<i>bitiiō vaθβiiō</i>	second, ‘Shepherd’,
<i>θritiiō auua.tamuiiō</i>	third, ‘Able’ (?),
<i>tūiriia aša vahišta</i>	fourth, ‘(O) Best Truth’,
<i>puxḍa vīspa vohu</i>	fifth, ‘(O you who are) Every Good Thing
Created	
<i>mazdaḍāta ašaciθra</i>	by Mazda having its seed in Truth’,
<i>xštuiiō yaṭ ahmi xratuṣ</i>	sixth, that I am, ‘Intelligence’,
<i>haptaθō xratumā</i>	seventh, ‘Intelligent’,
<i>aštəmō yaṭ ahmi cistiš</i>	eight, that I am, ‘Insight’
<i>nāumō cistiuuā</i>	ninth, ‘Insightful’,
Avest., Yt, 1, 8	
<i>dasəmō yaṭ ahmi spānō</i>	tenth, that I am, ‘Beneficence’
<i>aēuuaṇdasō spanaṇuhā</i>	eleventh, ‘Beneficent’,
<i>duuadasō ahurō</i>	twelfth, ‘Lord’,
<i>θridasō səuiištō</i>	thirteenth, ‘Most Powerful’,
.....	.....
<i>haptadasa vīspa.hiṣas</i>	seventeenth All-Seeing (?)”

existence of Greek translations of the Persian *Avesta* in the second half of the 5th century or the beginning of the 4th. centuries B.C. It seems, therefore, more likely that Democritus employs his own translation of the prayer that he recorded on one of his “exploration” trips (ιστορέων fr. XIV/B299) to Persia or on the territory of Achaemenid Asia Minor. Until now, one could assume Democritus’ knowledge of ancient Egyptian and Middle Eastern languages⁹. The catalog of his writings contains a treatise on the Babylonian *grammata*; certain ancient critics of Democritus accused him of translating the sayings of Ahikar into Greek and inserting them in his own ethical writings¹⁰. Now with even greater reason we can assume that Democritus knew the ancient Persian and Avestan language.

In the genuine autobiographic fragment quoted by Clement (the authenticity of which was wrongly denied by Diels) Democritus tells the story himself.

Clem. *Strom.* I, 15, 69 = B299 DK = XIV Luria ναὶ μὴν καὶ περὶ αὐτοῦ [*scil.* γράφει], ἧ σεμνυνόμενός φησὶν ποῦ ἐπὶ πολυμαθίαι “ἐγὼ δὲ τῶν κατ’ ἐμαυτὸν ἀνθρώπων γῆν πλεῖστην ἐπεπλανησάμην ιστορέων τὰ μῆκιστα καὶ ἀέρας τε καὶ γέας πλείστας εἶδον καὶ λογίων ἀνθρώπων πλείστων ἐπήκουσα καὶ γραμμεῶν συνθέσιος μετὰ ἀποδείξεως οὐδεὶς κώ με παρήλλαξεν οὐδ’ οἱ Αἰγυπτίων καλεόμενοι Ἀρπεδονάπται· σὺν τοῖς δ’ ἐπὶ πᾶσιν ἐπ’ ἔτεα ὀκτώ κοτε ἐπὶ ξείνης ἐγενήθην”. ἐπῆλθε γὰρ Βαβυλῶνά τε καὶ Περσίδα καὶ Αἴγυπτον τοῖς τε Αἰγυπτίοις καὶ τοῖς μάγοις καὶ ἱερεῦσι μαθητεύων. “Moreover, he writes about himself [*scil.* that he learnt from barbarians] in a passage in which he is boasting of his much learning: ‘Of all my contemporaries I have travelled on earth more than anyone else, while conducting research in most distant places, and I have seen more climates and lands [than anyone], and I have listened [or learned] from most learned men, and no one has surpassed me in the art of the composition of lines and demonstration, nor even the Egyptian arpentators, as they are called. Together with them, all in all, I have stayed abroad for eight years or so”¹¹.

⁹ See biographical testimonia XIV–XXII Luria.

¹⁰ D. L. 9. 49 = test. CXV L.; Clem. Alex., *Strom.* I.15.69 = test. XIV L.

¹¹ For a persuasive defense of authenticity of fr. B299 DK (= test. XIV Luria) with comprehensive refutation of all Diels’s reasons for regarding it as spurious see Luria’s commentary to test. XIV, p. 389–391 (= pp. 911–916 of the Italian 2007 translation). We only disagree with the unnecessary change of ἀέρας to ἀνέρας: the words ἀέρας καὶ γέας echo Hippocrates’

The concluding remark of Clement (ἐπῆλθε ... μαθητεύων) should be taken not as reference to some other evidence or some other sources, but as an explicative commentary (γάρ!) to the fragment he just quoted. Clement quotes *verbatim* only the introduction to Democritus' description of his travels, and adds a summary of what Democritus narrated in detail after this proem with a list of countries Democritus mentioned himself.

The ancient biographical evidence on Democritus' connections with Iranian magi is full of unusual details and peculiar circumstances. We hear not only about his trips to Persia, but also about "family tradition" that connects him with magi straight from his childhood. Allegedly, Xerxes, while passing in the campaign of 480 B.C. the Northern Greece on his way to Athens, stayed in Abdera in the house of Democritus' father who offered him hospitality. In gratitude for this the Persian king sent him magi who became tutors of young Democritus teaching him theology and astronomy¹². There is nothing incredible in the story of Xerxes staying overnight in a house of a rich citizen of Abdera, there may have been magoi in king's retinue as well. Democritus, who was fond of autobiographical notes in his philosophical works, may have mentioned this fact alone, from which a legend of *magoi* as tutors may have been constructed by later biographers. Such family ties of hospitality with the Persian court could provide Democritus with a valuable 'passport' for his research-trips (ἱστορέων, fr.XIV L.) to Persia and a 'recommendation' for Persian *magoi*, as well as a 'transit visa' for traveling to Babylon¹³.

Relying only on the analysis of the text and firmly established facts, we propose the following reading and interpretation of the fragment.

ὕπ' αὐγὰς ... τῶν λογίων ἀνθρώπων ο{λ}ί <μά> γοι ἀνατείναντες τὰς
χεῖρας ἐνταῦθα, ὃν νῦν ἡέρα καλέομεν οἱ Ἕλληνες · 'πάντα,

Περὶ ἀέρων ὑδάτων τόπων. Democritus means by ἀέρας 'climates'. By claiming that he visited climates no Greek had ever seen, he probably alludes, *inter alia*, to southernmost latitudes like Meroe. The omission of B299 without replying to Luria's objections to Diels in Taylor (1999) and Gemelli (2013) is a regrettable mistake. The fragment 580L./B30 as interpreted in this study provides additional proof of the authenticity of B299.

¹² D. L. 9. 4 = Democr. Test. XI Luria.

¹³ Could Democritus' father and Persian king exchange 'tokens of hospitality'? Could Xerxes give his father a gift with a royal stamp or another proof that it was a royal gift? Any object of this kind, preserved as a family treasure, would open to Democritus all doors in Persia.

<φασίν>, Ζεὺς μυθέεται, καὶ πάνθ' οὗτος οἶδεν καὶ διδοῖ καὶ ἀφαιρέεται καὶ βασιλεὺς οὗτος τῶν πάντων'.

οἱ μάγοι scripsi: ὀλίγοι Clem. | fortasse supplendum οἱ μάγοι <καλεόμενοι> || <φασίν> add. Diels VS4: εἶπαν Reinhardt (1912) 511, acc. DK, fere omnes

“Under the rays of the sun ... the learned men <called> magoi, raising their hands to what we, the Greeks, now call ‘air’, say: «Zeus foretells everything, and he knows everything, and he gives and takes away <everything>, and he is the king of all <beings>».”

We will first discuss the original context and propose a general interpretation of the fragment. After this we will provide a line-by-line commentary to the fragment. In the early editions of *VS* Diels incorrectly considered this text a personal polemic of Democritus with Diogenes from Apollonia (A 8 DK). After the work of Reinhardt (1912), Kranz, Luria and most of the subsequent researchers correctly connected fr. 580 L./B30 (as published in DK) with the Democritus’ theory of the origin of religion¹⁴, at the same time they committed a mistake by identifying the “learned men” with *ancient* sages. The doxographical testimonia on Democritus’ theory at issue fall into two main groups, whose relation has been a subject of controversy. According to the first, ancient humans, amazed and frightened by celestial phenomena (such lightning and thunder, eclipses, phases of the moon etc.), the causes of which they could not understand, attributed them to imaginary beings they called ‘gods’. The second theory explains the origin of the anthropomorphic images of traditional Greek gods, by the atomic ‘ghosts’ (εἶδωλα), that appeared to men in their dreams and in a state of wakefulness. These theories may be contrasted as historical (anthropological) versus psychological, or as a focusing on visible “meteorological” phenomena versus focusing on extrasensory perception. Only the second, but not the first, is inextricably linked with atomism. If the fragment 580L / B30 derives from a context relating to the origin of religion (as we believe it does), it better fits the first, not the second theory; at least, it does not contain any explicit reference or even an allusion to the *eidola* or dreams. However, as we have seen above, the text itself is not a historical narrative, but an anthropological document, and it speaks of Iranian *magi* contemporary with Democritus, and not of “ancient sages”.

¹⁴ Reinhardt 1912; Diels-Kranz I, 151. *adn.*11; Luria 1970: 556–557; Cole 1967: 202–204; Taylor 1999: 215; Gemelli 2013: 519 ff.; Winiarczyk 2016: 69, n. 98. More skeptical is the position of Henrichs 1975: 103–104 n. 48.

The image of “ancient sages” appeared in the scholarly literature discussing the anthropological (aka meteorological) theory of Democritus for the first time in the article of Carl Reinhardt (1912), it derives from a mistaken interpretation of the phrase λογίων ἀνθρώπων, and the only ‘supporting evidence’ on which it is ‘based’, is the equally mistaken insertion in the text of a verb in historical tense ‘they said’ (εἶπαν), which, in turn, is really based on the same mistaken interpretation of the phrase. The aorist form as such looks suspicious: how could Democritus (a serious scientist) claim that he knew what exactly was once ‘said’ by some unspecified ‘learned men’ in antediluvian times? How in principle was possible the existence of “learned men” at a time when, according to Democritus, there was no civilization, no writing, no science? In the parallel from Lucretius (V, 1186 ff.), first quoted by Reinhardt and afterwards innumerable times by his followers, a more natural *imperfectum* is used: *perfugium sibi habebant omnia divis tradere*. Lucretius, following Epicurus and Democritus, treats these *ignorant* people with pity and contempt, he does not consider them wise at all. So where is the ‘parallel’? In a similar stance, Prodicus in his theory of the origin of religion and civilization described the life of the primitive men before the invention of *tekhnai* and agriculture as wretched and miserable¹⁵. In the sophistic treatise on the origin of religion, known as Derveni papyrus, which we identify with the *Epochs* (Ἔρηαι) of Prodicus of Ceos and date to the decade 430–420 BC, the ritual of Iranian magoi (*PDerv.col.VI*) is presented as a piece of anthropological “evidence” (τεκμήριον)¹⁶,

¹⁵ The verses of Aristophanes *Aves*, 685–687 (= Prodicus fr. 69 Mayhew) contain a parody of the description of miserable condition of primitive men (neglected in DK) in Prodicus’ *Kulturgeschichte Horai*, cf. Mayhew 2011: 171; Lebedev 2019: 519.

¹⁶ On the importance of the underestimated concept of empirical evidence (τεκμήριον) and method of ‘inference from evidence’ (τεκμαίρεσθαι) of early Greek science and medicine see our commentary to the new reading of Alcmaeon fr. B1 in Lebedev 2017₃: 227–229. The Ionian *physikoi* employed this method for the reconstruction of the natural history of the cosmos. The Sophists in their history of culture and civilization (and Democritus in his *Mikros Diakosmos*) have borrowed this method from the Ionian science and employed it for the reconstruction of the previous stages of society, religion and language, looking for archaic ‘survivals’ in barbarian cultures. Aristophanes parodies Prodicus’ use of τεκμαίρεσθαι method for the reconstruction of ancient history in a comic digression on the ‘Persian cock’ in *Aves* 481–492: the upright comb of the Persian cock is a survival and *tekmerion* that proves that he was the first Persian king as

as a survival or a remnant of the ancient religion (after the invention of agriculture) of the ancestors of the Greeks who at that time worshiped the elements and luminaries, rather than the fantastic anthropomorphic images of the gods invented later by the poets¹⁷. The poets (Orpheus) invented not only fantastic images, but also “peculiar” names of the gods (ἴδια ὀνόματα) some of which originally were “common names” with clear simple meaning, like the word ζεύς (zeus) that originally meant ‘air’ and afterwards was misapplied by the ignorant polloi to a fantastic image of a formidable man with a thunderbolt. The “open air” ancient worship of Persian magi proved that in ancient times temples and altars did not exist. In the sophistic history of culture and civilization, which also dealt with the origin of language and religion, for the reconstruction of the “primitive” religion was used contemporary anthropological evidence, the supposed “survivals” of ancient religious ideas and rituals among barbarians according to the principle ἦν δὲ τοιαῦτα τὰ παλαιὰ οἷα περ καὶ νῦν ἐν τοῖς βαρβάροις “ancients customs (scil. of the Greeks) were like those that exist now among the barbarians”¹⁸, since it was believed that the religion of the barbarians stayed at an earlier stage of development than the Greek and therefore retained archaic elements that have long disappeared from the Greek culture¹⁹.

This method of historical reconstruction of the ancient state of culture and religion from “remnants”, common to Democritus and the Sophists, reveals a striking typological resemblance to the concept of “survivals” in 19th-century anthropology, introduced by Edward Tylor in his *Primitive culture* (1871). Tylor admitted himself that he owed his theory of the origin of religious beliefs

---

among Persians the right to wear an upright cap is a royal privilege (for details see Lebedev 2019: 577–578).

¹⁷ For a detailed reconstruction of Prodicus’ theory of the origin of religion and language see our study of the Derveni papyrus: Lebedev (2019).

¹⁸ Porphyry., in *Iliad*. K 153; Thucyd. I.6.6 πολλὰ δ’ ἂν καὶ ἄλλα τις ἀποδείξειε τὸ παλαιὸν Ἑλληνικὸν ὁμοιότροπα τῷ νῦν βαρβαρικῷ διαιτώμενον; Arist., *Poet.* 1461a 2–3 οἷον τὰ περὶ τῶν ὅπλων, «ἐγχεα δέ σφιν ὄρθ’ ἐπὶ σαυρωτῆρος» οὕτω γὰρ τότε ἐνόμιζον, ὥσπερ καὶ νῦν Ἰλνυριοί; Arist. *Polit.* 1257a25 καθάπερ ἔτι πολλὰ ποιεῖ τῶν βαρβαρικῶν ἔθνων, κατὰ τὴν ἀλλαγὴν (barter economy is more ancient than monetary, as its survivals among barbarians demonstrate); Diog. Laert. 8.35 ἐπὶ ἓνα οἱ πάλαι τῶν φίλων ἐφοίτων, καθάπερ ἔτι καὶ νῦν οἱ βάρβαροι.

¹⁹ For a detailed reconstruction of Prodicus’ theory of the origin of religion and language see our study of the Derveni papyrus (Lebedev 2019).

from dreams to Democritus²⁰. The common theory of the origin of mythological names of gods, shared by Democritus with Prodicus and the Derveni author (= *Horai* of Prodicus), which explains them as a result of a “language error”, reveals a striking similarity with the theory of myth as a “disease of language” advanced by Max Müller exactly at the same time. The theory of the “disease of language” in Max Müller is, in turn, inextricably linked with the nature-myth school. One may speak not just of ‘similarity’ between the common Sophistic-Democritean theory of mythology on the one hand, and Max Müller’s, on the other, but of their identity: they look like twin brothers. In Prodicus, in the Derveni papyrus and in Democritus, names of the gods were originally simple words denoting natural phenomena whose meaning was later obfuscated due to a ‘language error’ or a ‘disease of language’ as a result of which they were reattached to fantastic images invented by poets²¹. We cannot date Democritus’ fragment under discussion with precision, but it is worth noticing that the date of the Derveni papyrus (430–420 B.C.), established on independent grounds, comes close to the possible time of Democritus’ visit and stay in Athens (late thirties – early twenties). Democritus was a close associate of Protagoras, the teacher of Prodicus. The views of Democritus and Prodicus on the origin of religion are very similar. We have argued for a possible influence of Democritus’ cosmogonic mechanism of ‘squeezing out’ (ἐκθλιψις) of corpuscles, resulting in their ‘popping off’ (θόρνυσθαι), in the cosmogonic passages of the Derveni papyrus (Lebedev 2019: 556–557).

According to a well-argued theory, all later versions of the Greek anthropological and technological history go back to a common source, Democritus (Reinhardt 1912, Cole 1967). We would subscribe to it with some reservations. Democritus may be a very important source of this tradition, but perhaps not the earliest and not the only one. Protagoras was much older than Democritus. Democritus polemicized with Protagoras over his phenomenalism. It

²⁰ The anthropology of Democritus and Tylor is compared by Franek 2013: 66 and Roubekas 2017: 36–37.

²¹ Democritus fr. 508 ὃν νῦν ἡέρα καλέομεν (scil. Δία). Diogenes of Apollonia A 8, *pace* Diels, depends on Democritus or the Ionian sophists like Prodicus. The myth of the birth of Dionysus in Euripides’ *Bacchae* is based on the confusion of the words ὄμηρος and μέρος αἰθέρος with μηρός. ὄνομα μεταστήσαντες (Eurip. *Bacch.* 296 from Prodicus) can be compared with μεταθέμενος (scil. κοινὰ ἀνόματα) in *Pap. Derv.* col. IV, 5 with comm. in Lebedev 2019: 539 ff.

cannot be assumed that Protagoras' treatises "On the Primeval State" (Περὶ τῆς ἐν ἀρχῇ καταστάσεως) and "On the Gods" (Περὶ θεῶν) were written after the Great and Small *Diakosmoi* of Democritus or were inspired by Democritus. The new anthropology of the Sophists and Democritus was a 'child' of the new naturalistic picture of the world, created by the 6th century B.C. scientific revolution in Miletus. The cosmogony of Anaximander ended with zoogony and the origin of man as a biological species. Archelaus in his treatise "On Nature" supplemented the Ionian cosmogony with a history of the origin of civilization and the origin of laws and the state (60 A 1, A 4). A new evolutionary history of the cosmos produced a new history of civilization based on the idea of progress. Once the gods have been eliminated from cosmology, they could not play and role in human history, either. A fragment of Xenophanes proves that the idea of progress unaided by gods goes back to the 6th century²². The Athenian enlightenment of the 5th century may have been preceded by the Ionian enlightenment in the 6th. Anaxagoras and Democritus, as well as Ionian sophists like Protagoras and Prodicus, provided a bridge between the two. The clash between naturalistic evolutionism of the Ionian science and divine creationism of popular religion (creationism in wide sense, including all traditional stories about gods as inventors of various *tekhnai* and benefactors of human race) flared up with renewed vigor in fifth century Athens especially after the *psephisma* of Diopeithes and religious trials of intellectuals triggered by the plague and calamities of the Peloponnesian war (Rubel 2014: 39–41 plausibly argues for 430 B.C., traditional date 432). In modern Europe after the age of Enlightenment this "ancient quarrel" took again acute form in the 19th century (this time without μώλωπες 'bleeding scars' and death penalties for opponents) due to the explosion of evolutionary theories in biology, cosmology and social sciences. Hence the striking typological similarity (and in some cases, genetic connection) between the anthropology of Sophists and Democritus, on the one hand, and the anthropology of Taylor, or approach to mythology in nature-myth school, on the other. The adherents and the proponents of the new Ionian picture of the world in Athens in the era of Pericles (and later, in the era of the Peloponnesian war)

²² Xenophanes B 18 οὔτοι ἀπ' ἀρχῆς πάντα θεοὶ θνητοῖς ὑπέδειξαν, / ἀλλὰ χρόνῳ ζητοῦντες ἐφευρίσκουσιν ἄμεινον. "It is not true that gods have revealed to mortals everything from the start, but mortals themselves search and find gradually what is better".

were Anaxagoras, Archelaus, Protagoras, Prodicus and the Author of the Derveni Papyrus (Prodicus' *Horai*), and for some time (30-20th or 20th years) Democritus, whose ideas could then become known to the Athenian public. All these thinkers were like-minded, the author of *Dissoi Logoi* combines them all under the general heading of *Anaxagoreioi* and contrasts them with the opponent group of *Pythagoreioi* which no doubt included the Eleatics. The *Pythagoreioi*, like the creationists of the 19th century, denied evolution and counterposed to it the doctrine of the divine *demiourgos*; to the Ionian and sophistic *Kulturgeschichte* and the new anthropology they counterposed the theory of divine benefactions and revelations to human race. Xenophon (*Memorabilia* IV, 3, cf. Lebedev 2019: 579 ff.) ascribes such anti-evolutionist and creationist view of the origin of civilization to Socrates. Plato who always sided with Pythagoreioi, replied to Democritus and Protagoras by reviving the ancient Pythagorean doctrine of creation by divine mind in his *Timaeus*: the philosophical *Gigantomachia* or battle over being described in Plato's *Sophist* continued in the 4th century B. C. and for centuries after until the final victory in late antiquity of the Platonic tradition and the total eclipse of naturalism (together with genuine physical science) for the next 1000 years or so²³.

Reinhardt (1912: 512), attributed the fragment 580L. / D30 to the "Small World-Arrangement" (Μικρὸς Διάκοσμος), Democritus' history of civilization, which stands in the same relation to the "Great World-Arrangement" (Μέγας Διάκοσμος), as the book V of Lucretius' *De rerum natura* to the books I–II. This thesis of Reinhardt is hard to resist, but while accepting it, we will not agree with the attribution of the "Great World-Arrangement" to Leucippus. We agree with Luria, that a "separate tradition" on 'Leucippus' did not exist and that all texts quoted under this name should be ascribed to Democritus. Luria leaves the question of the historical existence of Leucippus open, we follow Epicurus and Hermarchus, who denied the historical existence of Leucippus (D.L.

²³ On the ancient Pythagorean roots of the theological concept of god as 'mind' (νοῦς) see our works on Epicharmus, Lebedev (2017₁) and on Parmenides (Lebedev 2017₂). On divine *demiourgos* in Philolaus and other Pre-Platonic thinkers see our article on idealism Lebedev, 2019₂. The later story of philosophical *Gigantomachia* is masterfully told in the works of Lloyd Gerson. See especially his "Platonism and naturalism" (2020).

10.13)²⁴. According to our hypothesis, “Leucippus” is a fictitious name of an “ancient sage” (a fashionable literary device in the Sophistic age), used as a pseudonym by Democritus, under which his *Megas Diakosmos* circulated in Athens at the time of his visit and later. The end of the 30s – the beginning of the 20s in Athens after the *psephisma* of the diviner Diopeithes (432 B.C.), that outlawed the teaching of the new Ionian astronomy as *asebeia* (denial of *patrioi logoi* about the divinity of heaven), was a time of a “witch hunt”, that is, of prosecution of *Anaxagoreioi*, the first victim of which was Anaxagoras himself. Even the addition of the quasi-divine Mind to the Ionian Vortex in his version of cosmogony did not save Anaxagoras from torture and conviction²⁵. Democritus did not have the protection of Pericles, like Anaxagoras, and in his version of the Vortex cosmogony there was no quasi-divine Nous (reminiscent of Zeus as he “knows everything”, πάντα ἔγνων) that could be cited to judges as a proof that he was not an *atheos*. He was definitely liable to the “charge of impiety” (γραφὴ ἀσεβείας) and faced torture (as alien resident) and death penalty. Therefore, Democritus prudently protected himself from prosecution with a pseudonym. Aristotle and Theophrastus had in their hands an Athenian copy of Democritus *Megas Diakosmos* published under the name of “Leucippus”. But Thrasyllus in his catalogue of the works of Democritus did not doubt the authorship of Democritus, noting that the view of Theophrastus is exceptional (D.L. 9.46). Outside of Athens and in later times *Megas Diakosmos* must have circulated under the real name of Democritus. Epicurus probably brought his copies of Democritus’ works to Athens from Asia Minor, that is why both he and Hermarchus were so sure that “philosopher Leucippus never existed”. In his *Mikros Diakosmos* Democritus expounded his history of civilization, including his theory of the origin of language and religion. The original religion of mankind in this work was presented as a worship of the elements and luminaries with no temples or altars. It is in this context that Democritus cited in support of his theory the anthropological

²⁴ For some additional arguments in support of Epicurus’ evidence see Lebedev 1984: 13–15. Gemelli (2013) rightly eliminates a separate chapter for ‘Leucippus’.

²⁵ According to the new reading by Acosta Mendez of a passage in Philodemus’ *Rhetoric* 4, PHerc. 245, fr. 7 Anaxagoras “after being whipped showed to the judges bleeding scars”, μαστιγωθείς μώλωπας ἐπεδείκνυε τοῖς δικασταῖς (DAPR T7 Vassallo). See our commentary on this evidence in Lebedev 2019₁: 561–568.

evidence from the religious practices of barbarians, following the rule “it was in ancient times among the Greeks as it is now among the barbarians”. The case of Zoroastrian *magoi* provided a perfect empirical proof (τεκμήριον) of his thesis. The description of the ritual ‘under the rays of the sun’ with no temple or altar, was followed by an accurate quotation from the *Yasht* 1 of the Iranian Avesta based on Democritus’ own translation from Avestan. The “names” of Ahura Mazda (especially βασιλεύς and πάντα οἶδεν) had unmistakable similarity with the Greek image of Zeus. But these names were applied not to an anthropomorphic divine being. The hands of the *magoi* ‘imploring’ the Persian ‘Zeus’ were stretched not towards a statue, but towards “that place which we, the Greeks, at present call air”. So, the word *zeus* in ancient times meant air, but now (νῦν) it has been reattached to a formidable anthropomorphic being who is in vain feared and implored by the fools (ἄξύνετοι). Democritus speaks with respect about Iranian magi, but one can discern a smile of the “laughing philosopher” over his credulous compatriots.

Commentary to Democritus fr. 580 Luria/B30 DK

ἤδη δὲ ὥς εἰπεῖν ὑπ’ αὐγὰς εἶναί τινας ὀλίγους γράφει] in the *Stromata* version (S) the text of the *Protrepticus* version (P) is preceded by the words ὑπ’ αὐγὰς ‘under the rays of the sun’. The two quotation have the same reliability status: Clement is one the best sources of verbatim quotations from early Greek philosophers. Therefore, the versions (P) and (S) should be taken as complementary. The words ὥς εἰπεῖν in (S) apparently belong to Clement together with the combination ἤδη δέ. The latter occurs in 62 instances in Clement *teste* TLG, it often introduces an additional point or an example in a series with emphatic meaning²⁶. This fact makes not only redundant, but impossible Münzel’s correction of ἤδη δέ to ἡλίου (ap. DK, adn. ad loc.) But the phrase ὑπ’ αὐγὰς ‘under the rays of the sun’ occurs in the complete works of Clement elsewhere only two times, one of which is Homeric verse (Strom. 7.4.25.3; Paedag.3.11.63.3). This means that the phrase ὑπ’ αὐγὰς is not a part of Clement’s regular lexicon, and therefore the chances are that it derives from Democritus. Clement’s ὥς εἰπεῖν ‘so to speak’, according to one possibility, marks a poetic phrase. The vocabulary of the Early Ionian prose and of the Homeric tradition

²⁶ On the emphatic (“reinforcing”) meaning of ἤδη δέ καί in Aristotle’s *Politics* see the painstaking analysis of Aristid Dovatour (1965: 65 ff.)

have many shared words alien to Attic and *koine*. Even if considered as a paraphrase by Clement rather than a *verbatim* quotation (which is less likely), it still contains a unique and valuable information on Democritus' context: the *logioi* men perform their ritual and invoke Zeus 'under the rains of the sun', i. e. in the open air, and not in a temple or sacred *temenos*. This use of the phrase (not in LSJ) in the sense of 'being uncovered', 'in the open air' should be distinguished from the familiar poetic formula for 'being alive', 'until I see the rays of the sun' etc. (LSJ. s.v.1) that does not fit the context in Democritus²⁷.

The reason Diels did not even consider the possibility of attributing the words ὑπ' αὐγάς to the quotation from Democritus is understandable: Diels regarded the fragment as a polemic of Democritus with Diogenes from Apollonia (which was a mistake), and since Democritus could not say that Diogenes exposed his thesis of the identity of Zeus and air 'under the rays of the sun' Diels disregarded these words as Clement's own worthless addition. This mistake turned into a dogma persisting for more than a century, although the two assumptions of Diels (the polemic with Diogenes and the "ironical" meaning of λόγιοι) underlying this error have long been criticized and rejected.

Although the words ὑπ' αὐγάς are read only in (S), in the context of the quote (P) there are indications that they may have been lost in MSS transmission. Right before the quote in the preceding context (P), Clement combines the standard Platonic metaphor of mind as the inner "eye of the soul" and the Christian metaphor of the Logos-Christ as "the inner sun of the soul." If we restore in (P) the words ὑπ' αὐγάς in the same position as in (S), the transition from Clement's context to Democritus's quotation becomes more logical (P): Protr. I, 52,14 St.: οὐδὲ γὰρ ἥλιος ἐπιδείξει ποτ' ἂν τὸν θεὸν τὸν ἀληθῆ, ὁ δὲ λόγος ὁ ὑγιής, ὃς ἐστὶν ἥλιος ψυχῆς, δι' οὗ μόνου ἔνδον ἀνατείλαντος ἐν τῷ βάθει τοῦ νοῦ αὐτῆς **καταυγάζεται** τὸ ὄμμα· ὅθεν οὐκ ἀπεικότως ὁ Δημόκριτος "<ὑπ' αὐγάς> τῶν λογίων ἀνθρώπων ὀλίγους ..." κτλ. "And the (visible) sun will never show

²⁷ The phrase αὐγαὶ ἡελίοιο or αὐγαί alone can also mean *East*, LSJ, s.v. αὐγή 2. Persian magi could be referred to as the wise men of the East, but the meaning 'in the open air, 'uncovered' is imposed by the association of magi with worship 'in the open air'. In the only another instance of the phrase in Clement (*Paedag.* 3.11.63.3) that condemns cosmetic coloring of hair, he prohibits 'covering' old man's grey hair and admonishes to expose it 'under the rays of the sun': οὐκ ἐπικαλυπτέον, ἀναδεικτέον δὲ ὑπ' αὐγάς κτλ.

the true god, but only the sound Logos, which is the sun of the soul; only when this (= internal) sun rises in the depth of the mind, the eye of the soul is **illuminated-by-rays**, so Democritus aptly said that “**under the rays of the sun** there are few learned men...” etc. Clement turns the anthropological fragment of Democritus into a Christological parable, and the trivial stock phrase ὑπ’ αὐγάς (ἡλίου) ‘under the rays of the sun’ (= in the open air) becomes a symbol of mystical illumination revealing to the ‘few’ pagan sages the true God of Christian monotheism. It is conceivable that by saying ὥς εἰπεῖν ὑπ’ αὐγάς ‘so to speak, under the rays’ Clement points to his own metaphorical reinterpretation of the phrase ‘under the rays’, which in the text of Democritus is employed in the ordinary sense, but the glorification of the one and only god, the giver of all goods, in the prayer of “learned men” (in their *logos*) is still compared with the mystical illumination of the soul by the Christian (‘sound’) Logos.

τῶν λογίων ἀνθρώπων ο {λ} ι <μά> γοι] Clement both times quotes Democritus fr. 580L./B30 in similar contexts: a selection of quotations from Hellenic philosophers and poets who in their search for a true god foreshadowed the one and only creator God and of Logos the Saviour. Both times he quotes Democritus with sympathy, in Protreptic (P) with explicit approval: οὐκ ἀπαικότης is a *litotes* employed for praise. The word ὀλίγοι is read in both versions, the word λόγοι only in (P). This means that Clement used an already corrupted text, so we correct ὀλίγοι to οἱ μάγοι only in our reconstruction of the original text of Democritus, but not in the text of Clement. By ὀλίγοι Clement apparently understood “those few” of the pagans who, in their search for the true god foreshadowed the Christian faith, just as Justin Martyr considered Heraclitus and Socrates to be “Christians before Christ”. Our emendation of ὀλίγοι to οἱ μάγοι is supported by Clement’s context in version (S). In both collections of monotheistic quotes from pagan poets and philosophers, Clement quite probably relied on some pre-existing Hellenic collections of quotes (e.g., Stoic or Platonic) whose purpose was different, i.e. demonstrating that Platonic or Stoic doctrine is supported by a consensus of famous names. Immediately after the quote from Democritus fr. 580L./ B30, Clement refers to the *demiourgos* in Plato’s *Timaeus* and to the eschatology of *Politeia* book X. He identifies the Platonic Er, the son of Armenius, who rose from the dead, with Zoroaster and ‘confirms’ this with a quote from the Pseudo-Zoroaster. (*Strom.* I, 395, 17–24). Thus, in the source of Clement, both the (imaginary)

theology of Democritus in fr. 580L. and the eschatology of Plato's *Republic* may have been presented as doctrines of *Magoi* and Zoroaster, who according to Xanthus of Lydia lived 6000+ years before Xerxes. In post-Hellenistic religious philosophy, the authority of a doctrine depended on its antiquity. It should be emphasized that our interpretation of the Democritus fragment about *logioi* does not depend on the emendation of the word ὀλίγοι into οἱ μάγοι; on the contrary, our emendation follows from our reinterpretation of the whole fragment. This reinterpretation, however, is not conjectural, but is based on evidence: it relies on the commonly neglected part of Democritus' text (ὑπ' αὐγάς), on the use of the phrase λόγοι ἄνθρωποι in Democritus, on the verbal coincidences between the text of the fragment and Yasht 1 of *Avesta* and other considerations in the above analysis.

We cannot exclude the possibility of an alternative explanation: the words ΟΛΙΓΩΝ and ΛΟΓΙΩΝ are anagrams, therefore the word meaning "learned" could be misread as "few", and then, as a result of contamination, the correct and incorrect reading were combined in a strange phrase τῶν λογίων ἀνθρώπων ὀλίγοι 'few of learned men'. Still, the reading οἱ μάγοι remains preferable and is supported by the 'Zoroastrian' context of Clement's source in (S).

Λόγιοι ἄνθρωποι is a set phrase abundantly illustrated by literary and philosophical texts, including a *verbatim* quotation from Democritus. On the contrary, ἀνθρώπων ὀλίγους or ὀλίγοι is a weird combination (instead of the correct ὀλίγοι τῶν ἀνθρώπων) that never occurs elsewhere in the complete TLG corpus of Greek texts. Even the more normal variant ὀλίγοι τῶν ἀνθρώπων gives only two instances from the authors of the pre-Byzantine time in a complete corpus search in TLG. The reason for this is obvious: standard Greek usage requires ὀλίγοι ἄνθρωποι (innumerable instances!), not ὀλίγοι τῶν ἀνθρώπων. In standard Greek one does not quote 'few people' (ὀλίγους ἀνθρώπους), one quotes 'some people' (ἐνίους or τινάς). Ἀνθρώπων ὀλίγοι is faulty Greek. Neither Democritus, nor any educated classical Greek could ever write or say τῶν λογίων ἀνθρώπων ὀλίγοι instead of ἐνιοι τῶν λογίων ἀνθρώπων. We conclude that the word ὀλίγοι is undoubtedly a corruption, most probably of οἱ μάγοι, less probably of λόγοι.

ἐνταῦθα, ὃν νῦν ἡέρα καλέομεν οἱ Ἕλληνες] In the fifth century, the identification of the Zeus of the popular religion with air was widespread, mainly among Ionian physiologoi and Ionian sophists: Epicharmus B 53, Diogenes of Apollonia A 8, Derveni Papyrus, col. XIX, 2–4 et passim. In Heraclitus and Empedocles,

Zeus is identified not with sublunary air, but with celestial fire or *aither*, whereas air is correlated with Aides. According to the Derveni author (Prodicus' *Horai*), the name of Zeus originally meant 'air' or 'vortex', but subsequently, as a result of a language error or misunderstanding by *hoi polloi*, it was attached to anthropomorphic god portrayed by poets and sculptors. In this connection, Prodicus referred to Persian *magoi* (*PDerv.* Col.VI), and like Democritus regarded their 'open air' worship as a barbarian survival, providing anthropological evidence in support of his theory of original 'natural religion'. We have argued elsewhere that Prodicus may have been familiar with the atomic theory of Democritus and the doctrine of *eidola*. The ancient religion of Persian magi, according to Democritus, preserves the original meaning of the word ZEYΣ among the Greeks: in ancient times it meant 'air' or atmosphere. 'Now we Greeks call' air by another word ἡήρ (ἀήρ). What has been forgotten by the Greeks, is remembered by magi, the guardians of ancient knowledge among the Persians. Imploring the Persian 'Zeus' Ahura Mazda, the *magoi* do not stretch their hands towards an anthropomorphic statue in a temple, but raise in the air. Apart from the lack of temples and altars in Persian religion, the Greeks were particularly amazed by the absence of statues and the ban on depicting God in a human shape. Russell (2001) and Ahmadi (2014) have persuasively demonstrated that the *magoi*, mentioned in column VI of the Derveni Papyrus, are not Greek charlatans, but genuine Iranian *magoi* performing a Zoroastrian ritual. We do not hear in the sources about Prodicus' travels in eastern countries. His lectures were in high demand in various Greek cities, he had no time for such unrewarded trips or for learning Persian language like Democritus. Therefore, he most probably derived his information on Persian magi from literary works of Greeks who either resided or traveled in Persia or Achaemenid Asia Minor. Heraclitus, Xanthus of Lydia and, last but not least, Democritus come into consideration.

πάντα Ζεὺς μυθέεται] The translation and interpretation of μυθέεται have caused headaches for commentators²⁸. Diels-Kranz

²⁸ Gemelli Marciano 2013: 368–369 offers an unfortunate solution of the problem by cutting the quotation from Democritus after μυθεῖσθαι. Even if one retains the *oratio obliqua* Δία μυθεῖσθαι, these words cannot be translated as "Das All mit dem Wort 'Zeus' bezeichnen". The word Ζεὺς (Δία) will still remain the subject of the predicate μυθεῖσθαι, and πάντα will remain a direct object of this verb, i. e. 'Zeus tells everything'. Wilamowitz was trying to achieve something similar by torturing in vain

hesitatingly translate “Zeus beredet mit sich selbst (?)” (DK, II, 151), citing Hom. *Il.* 17. 200. But the verb μυθέομαι does not have this meaning without addition of ποτὶ ὃν θυμόν ‘to one’s heart’, as has been rightly observed by Luria. Ahura Mazda does not “discuss with himself” anything, he utters the prophetic word of truth. Refuting this mistranslation, Luria moves in the right direction, pointing to the magical character of Zeus’s “words”: he compares it with the biblical cosmogonic word of God (“And God said”) and Homer’s verse about the soothsayer Halitherses, who knows how to “tell what will come true” (ἐναίσιμα μυθήσασθαι, *Od.* II, 158): the words of the oracle become deeds (Luria, p. 557 and note 26). Words that come true are words of truth. In Zoroastrianism, the embodiment of truth is the wise Lord Ahura Mazda, and the embodiment of lies is his adversary Ahriman. Democritus’ phrase πάντα μυθέεται ‘says all-that-comes true’, adequately conveys the meaning of the fourth name of Ahura Mazda ‘aša vahišta’ ‘O Best Truth’ in Yt. I, 7, 5.

πάνθ’ οὗτος οἶδεν] ‘and he knows everything’, apparently, a general summary of the meanings of the names 6–7: Intelligence’(xratuš) – ‘Intelligent’ (xratuma) and names 8–9 ‘Insight’ (cistiš) – ‘Insightful’ (cistiuuma). Compare also with the seventeenth name ‘All Seeing’ (vispa hišas).

καὶ διδοῖ καὶ ἀφαιρέεται (scil. πάντα)] ‘and he gives and takes everything’ corresponds to the names 10 and 11 ‘Beneficence’ (spano) and ‘Beneficent’ (spananuha) in the text of *Avesta*. Compare also ‘(O you who are) Every Good Thing Created’ (vispa vohu) in the fifth name.

καὶ βασιλεὺς οὗτος τῶν πάντων] ‘and he is the king of all’. Exactly matches the names 12 and 13 ‘Lord’ (ahuro) and ‘Most Powerful’ (seuuišto).

Bibliography

- Ahmadi, A. 2014: The Magoi and Daimones in column VI of the Derveni papyrus. *Numen* (2014), 484–508.
 Cole, Th. 1967: *Democritus and the Sources of Greek Anthropology*. Toronto.
 De Jong, A. 1997: *Traditions of the Magi. Zoroastrianism in Greek and Roman literature*. Leiden; New York.

---

the text of *Protrepticus*. The supposed meaning ‘to name, to designate’ of the verb μυθέομαι is unattested and unlikely. Therefore, the comparison with Orphic theogony (ibidem, p. 519) fails.

- Diels, VS⁴ — Diels, H. (Hrsg.). 1922: *Die Fragmente der Vorsokratiker*. 4. Aufl. Berlin.
- DK — Diels, H., Kranz, W. (edd.). 1951: *Die Fragmente der Vorsokratiker*. 6-te Auflage, Berlin.
- Dovatour, A. 1958: *The scientific and narrative style in Herodotus*. Leningrad (in Russian).
Доватур, А. И. 1958: *Научный и повествовательный стиль Геродота*. Л.
- Dovatour, A. 1965: *The Politics and Politics of Aristotle*. Moscow; Leningrad, 1965. (in Russian).
Доватур, А. И. 1965: *Политика и Политики Аристотеля*. М.; Л.
- Ferrari, F. 2011: Rites without frontiers: magi and mystai in the Derveni papyrus. *ZPE* 179, 71–83.
- Franek, Ju. 2013: Presocratic philosophy and the origins of religion. *Graeco-Latina Brunensia* 18 (1), 57–74.
- Geldner, K. 1896: *Avesta. The Sacred Books of the Parsis*. Stuttgart.
- Gemelli, M., Laura, M. (Hrsg.). 2013: *Die Vorsokratiker*. Bd. 3. Berlin.
- Gerson, L. 2020: *Platonism and naturalism. The possibility of philosophy*. Ithaca; London.
- Henrichs, A. 1975: Two Doxographical Notes: Democritus and Prodicus on Religion. *Harvard Studies in Classical Philology* 79, 93–123.
- Horky, Ph. 2009: Persian cosmos and Greek philosophy: Plato's associates and Zoroastrian magoi. *Oxford Studies in Ancient philosophy* XXXVII, 47–103.
- Kingsley, P. 1995: Meetings with Magi: Iranian Themes among the Greeks, from Xanthus of Lydia to Plato's Academy. *JRAS*, Series 3.5.2, 173–209.
- Lebedev, A. 1984: «ΦΥΣΙΣ ΤΑΛΑΝΤΕΥΟΥΣΑ»: Neglected Fragments of Democritus and Metrodorus of Chios. In: Linos Benakis (ed.). *Proceedings of the First International Congress on Democritus*. Vol. II, Xanthi, Greece, 13–25.
- Lebedev, A. 2016: The Origin and Transmission of the Doxographical Tradition *Placita Philosophorum* (Arius Didymus, Ps.Plutarch, Stobaeus, Theodoret, Nemesius, Porphyrius). In: N. Kazansky (ed.). *Indo-European Linguistics and Classical Philology* 20 (2), Proceedings of the International Conference, St. Petersburg, 20–22 June, 2016. St. Petersburg: Nauka, 573–633.
- Lebedev, Andrei 2017: Epicharmus on God as Mind (ΝΟΟΣ). A Neglected Fragment in Stobaeus. (With some remarks on early Pythagorean metaphysics and theology). In: *Artisteas*. Vol. XVI (2017) 13–27.
- Lebedev, A. 2017₂: Parmenides ΑΝΗΡ ΠΥΘΑΓΟΡΕΙΟΣ. Monistic Idealism (Mentalism) in Archaic Greek Metaphysics. In: N. Kazansky (ed.). *Indo-European Linguistics and Classical Philology*, Proceedings of the 21st Conference in Memory of Professor Joseph Tronsky, St. Petersburg, 493–536.
- Lebedev, Andrei 2017₃: Alcmaeon of Croton on Human Knowledge, the Seasons of Life and *Isonomia*. Two Additional Fragments from *Turba Philosophorum* and Aristotle. In: Chr. Vassallo (ed.), *Physiologia. Topics in Presocratic Philosophy and its Reception in Antiquity*. Trier, 227–257.

- Lebedev, A. 2019: The Authorship of the Derveni Papyrus, A Sophistic Treatise on the Origin of Religion and Language: A Case for Prodicus of Ceos. In: *Presocratics and Papyrological Tradition. A Philosophical Reappraisal of the Sources*. Proceedings of the International Workshop held at the University of Trier (22–24 September 2016). Edited by Christian Vassallo, Berlin; Boston: De Gruyter, 491–606.
- Lebedev, A. 2019₂: Idealism (mentalism) in early Greek metaphysics and philosophical theology. In: N. Kazansky (ed.). *Indo-European Linguistics and Classical Philology*. Proceedings of the 21st Conference in Memory of Professor Joseph Tronsky, Sankt-Peterburg, 24–26 June, 2019, 651–704.
- Luria, S. 1970: *Democritea*. Leningrad.
- Luria, S. (ed.). 2007: *Democrito. Raccolta de frammenti*. Introduzione Giovanni Reale. Milano.
- Mayhew, R. 2011: *Prodicus the Sophist: Text, Translations, and Commentary*. Oxford.
- Panaiono, A. 2002: *The lists of names of Ahura Mazda (Yašt I) and Vayu (Yašt XV)*. Roma.
- Reinhardt, K. 1912: Hekataios von Abdera und Demokrit. *Hermes* 47, 492–513.
- Roubekas, N. P. 2017: *An ancient theory of religion. Euhemerism from Antiquity to the present*. New York; London.
- Rubel, A. 2014: *Fear and Loathing in Ancient Athens: Religion and Politics During the Peloponnesian War*. London; New York.
- Russell, J. 2001: The Magi in the Derveni Papyrus. *Nâme-ye Irân-e Bâstân* 1.1, Tehran, 49–59.
- Taylor, C. C. W. (ed.) 1999: *The Atomists Leucippus and Democritus. Fragments*. Toronto.
- Tuplin, Ch. 2007: *Persian responses. Political and cultural interactions with(in) Achaemenid empire*. Swansea.
- Vasunia, Ph. 2007: The philosopher's Zarathushtra. In: Tuplin (ed.) 2007, 237–266.
- Winiarczyk, M. 2016: *Diagoras of Melos. A contribution to the history of Ancient atheism*. Berlin.

Antonio Corso

(Kanellopoulos Foundation / Messenian Society, Athens, Greece)

**CLASSICAL GREEK STATUES
MADE BY IMPORTANT MASTERS
DESCRIBED IN THE EPIGRAMS OF EVENUS OF PAROS**

The epigrammist and elegiac poet Evenus is considered in this article. This Parian intellectual lived and worked for most of his life in Athens, where he entered the circle of Socrates and became a friend of Callias and Plato. He must have given a crucial contribution toward the establishment and success of the literary genre of the ekphrastic epigrams, which describe works of art, as it is argued by his epigrams on the Cow of Myron and on Praxiteles' Cnidian Aphrodite. In this very thriving intellectual environment, the unified concept of art, encompassing all visual arts, was conceptually defined.

Keywords: Evenus of Paros, classical Greek visual arts, the Cow of Myron, the Cnidian Aphrodite.

Антонио Корсо

(Kanellopoulos Foundation / Messenian Society, Афины, Греция)

**Эпиграммы Эвена Паросского, посвященные статуям
знаменитых древнегреческих скульпторов**

В статье рассматриваются свидетельства об Эвене Паросском (ок. 430–ок. 350 г. до н. э.), философе и поэте, который большую часть жизни провел в Афинах, входил в круг Сократа и был дружен с Платоном и Каллием. Автор отождествляет его с Эвеном Грамматиком, автором четырех эпиграмм в «Палатинской Антологии», посвященных скульптурам: две – «Телке» Мирона (А. Р. 9, 717–718) и две – «Афродите Книдской» Праксителя (А. Р. 16, 165–166). Внимание Платона к скульптуре (*eidolopoïike techne* – Plato Soph. 235 b; 236 c) автор предлагает связывать с экфрасисом, а сами эпиграммы Эвена в этом контексте рассматривать как пример этого жанра.

Ключевые слова: Эвен Паросский, древнегреческое классическое изобразительное искусство, экфрастические эпиграммы, скульптура Мирона «Телка», скульптура Праксителя «Афродита Книдская».

The aim of this paper is to focus the distinguished personality of Evenus of Paros¹ and his original contributions to the interpretations of visual arts and in particular of statues.

He must have been born around 430 BC on Paros.

---

¹ About Evenus, see Bowie 1998: 226–227, with the most important previous bibliography.

That he was a Parian is guaranteed by Hyperides, *Kat'Autokleous* and Eratosthenes, *Peri Chronographion*, in Harpocration, *s. v. Euenos*.

Perhaps the homonymous Evenus who flourished in 456 BC (Hieronimus, *Chronicle* 111, 12 Helm and Sincellus, *Ecloga Chronographica* 305 Mosshamer) was his grandfather because both were Parian and elegiac poets.

As other cultivated young men born in *poleis* subjected to the Delian-Attic League — for example, around 30 years earlier, Agoracritos of Paros², — he felt attracted by the intellectual life of Athens, he settled in this city, entered the circle of Socrates and became a friend of Plato, who had around the same age and wrote about Evenus in his dialogues three times.

In Athens, he opened a school and taught to the famous writer and Syracusan politician Philistus (Suida, *s. v. Philistos*)³.

Socrates praises Evenus in Plato's dialogue *Phaedrus* 167 a, whose internal date would be around 410 BC:

'Shall we not bring the illustrious Parian, Evenus, into our discussion, who invented covert allusion and indirect praises? And some say that he also wrote indirect censures, composing them in verse as an aid to memory' (transl. Loeb).

This presentation of our poet makes him an important figure in the world of philosophical discussions around Socrates.

Socrates mentions again Evenus in Plato's *Apology* 20 a-c, of course to be dated in 399 BC:

'There is also another wise man here, a Parian, who I learned was in town. (...) Who has knowledge of that kind of excellence, that of a man and a citizen? (...) 'Evenus', said he (*scil.*: Callias), 'Socrates, from Paros, five minae. And I called Evenus blessed, if he really had this art and taught so reasonably' '. (transl. Loeb)

We argue from this passage that Evenus by 399 BC had opened his famous school in Athens and that wealthy Callias thought to send his two sons to this school.

Finally, Plato mentions him in his *Phaedo*, whose internal date of course is also 399 BC.

In 60 d – 61 c, Cebes tells Socrates, in prison waiting to drink his hemlock, that 'Evenus asked me the day before yesterday why you who never wrote any poetry before, composed these verses [metrical versions of Aesop's Fables and a Hymn to Apollo] after

² About Agoracritus, see Despinis 1994.

³ About Philistus, see Frisone 2008: 143–158.

you came to prison. Now, if you care that I should be able to answer Evenus when he asks me again — and I know he will ask me — tell me what to say.’ ‘Then tell him, Cebes’, said he (*scil.*: Socrates) the truth, that I composed these verses not because I wished to rival him or his poems, for I knew that would not be easy. (...) So tell Evenus that, Cebes, and bid him farewell, and tell him, if he is wise, to come after me as quickly as he can (...).’ And Simmias said, “What a message that is, Socrates, for Evenus! I have met him often, and from what I have seen of him, I should say that he will not take your advice in the least if he can help it. “Why so?” said he (*scil.*: Socrates). “Is not Evenus a philosopher?” “I think so,” said Simmias. “Then Evenus will take my advice (...). Perhaps, however, he will not take his own life, for they say that is not permitted.’ (transl. Loeb)

This passage conveys the great fame of Evenus as both poet and philosopher in the early 4th c. BC.

His elegiac poems became famous and are quoted by Aristotle, *Nicomachean Ethics* 7. 10. 4 and *Eudemian Ethics* 2. 7. 4.

Evenus was regarded important even in AD 1 c., because Quintilian 1. 10. 17 wrote that ‘Archytas and Evenus regarded *grammatike* as subordinate to music’ (transl. Loeb).

His expertise in the field of the *grammatike*, which he probably taught in his school, leads to the identification of the Parian Evenus with *Euenos Grammatikos*, author of epigrams found in the *Greek Anthology*. Attributions of epigrams to Evenus *sic et simpliciter* should also be given to this Evenus because he was the most famous poet with this name.

Philippus, *Greek Anthology* 4. 2. 13, who compiled an anthology of epigrams in the Julio-Claudian period, writes that ‘you may compare Evenus to a laurel’ (transl. Loeb).

Four epigrams by Evenus are ecphrastic of statues.

Two concern the Cow of Myron⁴, which at the time was set up on the upper terrace of the Acropolis of Athens, near the great altar of Athena.

The first of these two poems is *Greek Anthology* 9. 717:

‘Either a complete hide of bronze clothes here a real cow, or the bronze has a soul inside it.’ (transl. Loeb)

Thus the masterpiece of Myron is praised because it overcomes the mimesis and embodies the *psyche* of the represented subject.

---

⁴ About the Cow of Myron, see Corso 1994: 49–91 and Squire 2010: 589–634.

The second epigram is *ibidem* 718:

‘Perhaps Myron himself will say this: “I did not mould this heifer, but I recreated its figure”.’

This epigram is also important because it stresses two aspects: the exaltation of the master and the attribution of creative power to him.

The sequence of epigrams celebrating the Cow of Myron in the 9th book of the Greek Anthology is chronological: after epigrams attributed to Anacreon, and probably due to the Athenian Anacreontic circle of the late 5th c. BC, there are these two epigrams of Evenus followed by an epigram of Leonidas of Tarentum: thus the two epigrams of Evenus must be earlier than the early Hellenistic period and must be attributed to our Evenus.

Other two epigrams of Evenus praise the Cnidian Aphrodite of Praxiteles⁵.

The first is Greek Anthology 16. 165:

‘Pallas and the wife of the son of Cronos said, when they saw the Cnidia: “We are wrong in finding fault with Paris”.’

The second is *ibidem* 166:

‘The neatherd alone saw of old on the mountains of Ida her who gained the prize of beauty, but Praxiteles has set her in full view of the Cnidians, having the vote of Paris to attest his skill.’ (transl. Loeb).

These epigrams again exalt the master, Praxiteles, because he overcame the mimesis and was able to reach and capture the full beauty of the goddess.

Evenus was of the same age of Plato, thus as Plato he may have died when he was old, around 350 BC or even later, and thus may have been alive when Praxiteles conceived the Knidia probably in the years of his peak, in 364–361 BC.

These poems, with many others, also suggest that the Cnidia represented the goddess while she bathed before the judgment of Paris⁶. This bath had been already celebrated by Euripides (*Andromache* 274–286 and *Iphigenia at Aulis* 182–184 and 1291–1308), thus was well inside the mythical culture of Athens in late classical times. Euripides’ authority upon Praxiteles had been already noticed in the ancient art criticism (Callistratus 8).

⁵ About the Cnidian Aphrodite, see Corso 2007: 9–187, with all relevant previous bibliography.

⁶ About this issue, Corso 2014 a: 57–64.

These ekphrastic epigrams should be compared to the three ekphrastic epigrams of works of art attributed to Plato, because their contents are very similar. I specify here that both the Palatine Anthology, by Constantine Rhodius, and the Planudean one, by Maximus Planudes, distinct very clearly the epigrams attributed to Plato the philosopher from those attributed to a Plato Minor of AD 1st c. These epigrams are attributed to the philosopher by Planudes, thus their down-dating to Roman times, suggested by Havelock⁷, must be rejected.

The first epigram is *ibidem* 160:

‘Paphian Cythereia came through the waves to Cnidus, wishing to see her own image, and having viewed it from all sides in its shrine in which you can watch around, she cried, “Where did Praxiteles see me naked?” Praxiteles did not look on forbidden things, but the steel carved the Paphian as Ares would have her.’

The second epigram is *ibidem* 161:

‘Neither did Praxiteles nor the chisel work you, but you stand just as of old when you came to the judgment.’ (transl. Loeb)

Thus both Plato and Evenus agree on the following concepts: 1. Praxiteles overcame the mimesis and 2. The Knidia represented the goddess bathing prior to the judgment of Paris.

Finally, Plato, *ibidem* 210 is also relevant: it describes the sleeping Eros which was also attributed to Praxiteles .

‘When we entered the deep-shadowed wood we found within it the son of Cytherea, like unto rosy apples. Nor had he the quiver that holds arrows, nor his bent bow, but they were hanging on the leafy trees, and he lay among the sore-blossoms smiling, bound fast by sleep, and above him the tawny bees were sprinkling on his dainty lips honey dripping from the comb’ (transl. Loeb).

This poem celebrates the sleep of Eros as absence of pain in human souls, and that idea is very much in keeping with the Platonic notion of love as suffering.

Thus we must conclude that the ekphrastic epigram of works of art was ‘invented’ in the Platonic school in order to stress the overcoming of the mimesis by few extremely talented masters. Moreover this genre, since it glorifies the masters but rarely mentions the patrons, is at the beginning of the prevalence of masters upon patrons in the evaluation of works of art of ancient art criticism.

---

⁷ See Havelock 1999: 153–155.

Another important innovation of this school is the notion of ‘art’ encompassing all visual arts.

This art, which includes painting, sculpture and any other visual art, was called by Plato *eidolopoiike techne* in *Sophista* 235 b and 236 c: ‘the art of making images’. This art is divided in two branches: the *eikastike techne* which makes figures by imitation, and the *phantastike*, which makes figures by mental imagination.

This Platonic unitary definition of visual arts will be translated to Latin with the notion of *videndae artes* (Horace, *Epistles* 2. 1. 242) and will be the basis of the catalogue of the 10 most important artists, including architects, painters and sculptors, in the middle Byzantine period (Tzetzes, *Epistles* 42, see also *Codex Vaticanus Graecus* 989, p. 110)⁸.

Works cited

- Barbanera, M. 2016: Review of *Arte – Potere*, by M. Castiglione and A. Poggio (eds.). *Gnomon* 88: 230–238.
- Bowie, E. 1998: *Euenos* [1] von Paros. *DNP* 4: 226–227.
- Corso, A. 1994: La vacca di Mirone. *NumAntCl* 23: 49–91.
- Corso, A. 2007: *The Art of Praxiteles II*. Rome.
- Corso, A. 2014: *The Art of Praxiteles V*. Rome.
- Corso, A. 2014 b: The Theme of bathing Aphrodites in classical Greece. *Orbis Terrarum* 12: 57–64.
- Despinis, G. 1994: *Agorakritos*. *EAA Suppl.* 2. 1. http://www.treccani.it/enciclopedia/agorakritos_%28Enciclopedia-dell%27-Arte-Antica%29/
- Frisone, F. 2008: Dalla solidarieta’ alla dynasteia: le esperienze della grecita’ occidentale in Antioco e Filisto. In: M. Lombardo (ed.), *Forme soprapoleiche e interpoleiche di organizzazione del mondo Greco antico*. Lecce: 143–158.
- Havelock, C. M. 1999: Review of *Sculptors and Sculpture of Caria and the Dodecannese*, by I. Jenkins and G. B. Waywell (eds.). *AJA* 103: 153–155.
- Riccomini, A. M. 2016: Su una statua di Erote dormiente. *RdA* 40: 85–94.
- Squire, M. 2010: Making Myron’s Cow Moo. *AJPh* 131: 589–634.
- Tanner, J. 2006: *The Invention of Art History in Ancient Greece*. Cambridge.

⁸ For the wrong opinion that this notion of ‘art’ did not exist in ancient times, see e.g. Tanner 2006: 1–302 and Barbanera 2016: 230–238, particularly 237–238: ‘Il concetto di arte (...) si forma nel XVIII secolo’.

И. Э. Васильева (СПбГУ / РГПУ им. А. И. Герцена),
М. Л. Кисилиер (СПбГУ / ИЛИ РАН)

КУДА ПЛЫВЕТ ОДИССЕЙ?

О мифотворческом проекте Никоса Казандзакиса*

В 1938 г. вышло первое издание «Одиссеи» Никоса Казандзакиса — произведения, которое автор считал важнейшим трудом своей жизни. В «Одиссее» воплотились его главные литературные, философско-религиозные и лингвистические представления. Греческий читатель по большей части не воспринял это произведение и не принял языка, на котором оно было написано. Позже Казандзакис частично выразит свои идеи в романах, встреченных намного более благосклонно, а «Одиссея» получит признание только после смерти писателя уже в английском переводе.

Поэма Казандзакиса многократно становилась предметом научного исследования и с точки зрения прямых литературных аллюзий, и в плане мифопоэтики, и как уникальный лингвистический материал. В настоящей статье рассматриваются связи «Одиссеи» с русской культурой. Имеются в виду не столько прямые тематические пересечения (хотя и их немало), сколько типологические сходства с ключевыми топологическими моделями русской литературы XIX в.: романтическое бегство, «русский путешественник» и «русский европеец», уход как стремление к новому рождению. Предпринятое сопоставление позволяет представить «Одиссею» как мифотворческий проект Казандзакиса по созданию новой греческой культуры.

Ключевые слова: новогреческая литература, Никос Казандзакис, «Одиссея» Казандзакиса, мифотворчество Нового времени, топика Нового времени, русская литература.

Irina Vasileva (SPbSU / Herzen Pedagogical University),
Maxim Kisilier (SPbSU / Institute for Linguistic Studies, RAS)

Where does Odysseus sail to?

About a mythmaking project of Nikos Kazantzakis

Nikos Kazantzakis published his “Odyssey” in 1938. He regarded it as the most important work in his life. It presents his main literary, philosophic, religious and linguistic ideas. However, Greek readers in general neither accepted this new epic, nor understood its language. Later, Kazantzakis repeated his ideas in his novels which were a success unlike his poem. Only the English translation of the “Odyssey” will be highly

---

* В основу статьи положены материалы исследования, проведенного в рамках проекта «Топика постриторической эпохи: теория и практика» (грант РФФИ № 18-012-00570).

appreciated by European and American critics, philologists and poets and will attract many readers only after Kazantzakis' death.

The "Odyssey" is an extremely friendly text for any kind of analysis. One can look for direct literary and textual parallels with Homer, Erotokritos, Dante, James Joyce, ancient and contemporary philosophy, describe mythopoetics or study its unique language. In this contribution we investigate some connections between the "Odyssey" and the Russian culture. There are a lot of common motifs, but more important and interesting are typological similarities with the basic *topoi* patterns of Russian literature of the 19th century: romantic escape, "Russian traveler", the "Russian European", departure as an aspiration for the new birth. Such kind of comparative analysis makes possible to regard the "Odyssey" as a Kazantzakis' mythmaking project aimed to create the New Greek culture.

Keywords: Modern Greek literature, Nikos Kazantzakis, The Odyssey by Kazantzakis, mythmaking in the Modern history, *topoi* of the Modern history, Russian literature.

Никос Казандзакис (1883–1957) — один из знаменитейших греческих писателей XX в. наравне с Константиносом Кавафисом и Йоргосом Сеферисом. Несомненно, он самая противоречивая фигура в греческой культуре нового времени. Сам себя Казандзакис любил называть «неправильным глаголом» (Friar 1979: 2). Часто о нем говорят как о писателе, воспевающем родной Крит, или даже о критском писателе, пишущем на родном диалекте (Mathioudakis 2018: 56). Он также известен как возмутитель спокойствия, коммунист, буддист, атеист, отлученный от церкви, даже похороны которого едва не превратились в скандал. Рядовой читатель знает Казандзакиса, скорее, как автора романов «Грек Зорба», «Христа распинают вновь» и «Последнее искушение [Христа]», прославившегося во многом благодаря скандальному фильму Мартина Скорсезе и крайне негативной реакции православной и католической церковью по всему миру. Для самого же Казандзакиса его поэтическое творчество, философские эссе и отчасти переводы¹ были гораздо важнее прославивших его романов. Отдельный сюжет — это особый язык Казандзакиса: его лексика практически

---

¹ Список переведенных Казандзакисом текстов впечатляет своим многообразием: это антология испанской поэзии и произведения Диккенса, Доде и Свифта, романы Жюль Верна и Гарриет Бичер-Стоу, философские эссе Ницше, Бергсона, Метерлинка и Эккермана, «Происхождение видов» Дарвина, «Божественная комедия» Данте и «Фауст» Гете (полный перечень представлен в González Vaquerizo 2009b: 94–96), однако, пожалуй, на первом месте стоят переводы «Илиады» и «Одиссеи» Гомера.

не представлена в словарях — какими бы ни были языковые предпочтения их составителей (подробнее об особенностях основных словарей см. Mackridge 2002)². Пожалуй, лучше всего роль Казандзакиса определил знаменитый греческий филолог Константинос Димарас: «...Казандзакис мог бы стать отправной точкой для разнообразных исследований греческого интеллектуального мира» (Dimaras 1972: 455; здесь и далее перевод наш — *И. В., М. К.*).

Никос Казандзакис крайне популярен в Европе и в Америке, его книги расходятся огромными тиражами, и он до сих пор остается в моде (Bien 2010) как у простых читателей, так и у специалистов. При этом в книжных магазинах самой Греции его важнейшие тексты вообще не продаются (Kaplanis 2011–2012: 116). По словам знаменитого литературоведа Димитриса Дзоваса, среди молодых греческих исследователей бытует мнение, что в греческой культуре «любить Казандзакиса — это как переболеть формой кори — ее можно подцепить лишь однажды и только в раннем возрасте» (Tziovas 2009: 83). В СССР в силу разных политических и идеологических обстоятельств Казандзакис был практически неизвестен: в 1962 г. вышел единственный роман на русском «Христа распинают вновь» в переводе Янниса Мочоса и Игоря Поступальского. Следующие русские издания произведений Казандзакиса стали появляться только в 1990-е гг.

В чем же секрет Казандзакиса? Уже упоминавшийся Дзовас считает, что Казандзакис превращается для негреков в культурный феномен, олицетворяет местную культуру и стереотипы, связанные с греческой маскулинностью, то есть по сути является для широких масс читателей тем же культурным явлением, что и знаменитый композитор Микис Теодоракис со своими сиртаки. Именно благодаря влиянию Казандзакиса многие греческие таверны (за пределами Греции) называются «Зорба» (Tziovas 2009: 85). Для негреческих исследователей Казандзакис прежде всего — писатель-модернист (Mathioudakis, Kambakis-Vougiouklis 2011; González Vaquerizo 2017), изучающий вопросы бытия (McDonough 1978; Good 1994; Bien 1996; Dombrowsky 1997). Его неизменно сравнивают с Джой-

---

² Французский неозллингист, ученик знаменитого Психариса Андре Мирамбель в 1951 г. даже предложил Казандзакису вместе составить словарь (Bien 2015: 198). К сожалению, этот проект так и не был реализован.

сом (Friar 1979: 42; González Vaquerizo 2013b: 129, 145), поскольку кажется, что он пишет не как греческий, а как европейский автор.

Впрочем, сам Казандзакис воспринимал себя совсем иначе. Имея опыт успешных публикаций по-французски, которым он блестяще владел, Казандзакис предпочитал писать на греческом, хотя судьба его произведений дома была намного более сложной. Прославившись как писатель, он всегда мыслил себя поэтом, причем, видимо, в архаическом понимании — то есть автором больших эпических форм. Главными трудами своей жизни он считал, в первую очередь, свою поэму «Одиссея», а после нее — перевод «Илиады» Гомера, выполненный им совместно с филологом-классиком Иоаннисом Какридисом³.

Первый вариант своего самого главного произведения — «Одиссеи» — Казандзакис написал очень быстро, всего за три года (1925–1927 гг.). Это большая поэма⁴ из 24 песней и 33333

---

³ Какридис стал одним из первых греческих филологов-классиков, кто стал писать на димотике с монотоническим ударением, чем нажил себе множество проблем (Mackridge 2009: 306–310). Скорее всего, их сблизил с Казандзакисом готовность к языковому эксперименту. Сам перевод был сделан всего за три с половиной месяца во время немецкой оккупации. На редактирование у Какридиса ушло 12 лет. Казандзакис, переводя «Илиаду» на новогреческий, ориентировался в том числе и на раннюю новогреческую поэзию — «Стихотворения» Птохопродрома, «Поэму о Дигенисе Акрите», «Морейскую хронику» (Bien 2015: 41–42). Крайне редко гомеровские выражения переводились перифрастически, обычно для них подбирались аналоги из текстов т. н. «народной» литературы (Bien 2015: 234). Иоаннису Пробонасу удалось найти в ранненовогреческих поэтических текстах много аналогов для гомеровских выражений (Probonas 1989). Сам Пробонас предположил, что это демонстрирует непрерывность гомеровской традиции, однако, скорее всего, это свидетельствует о высоком качестве образования в Византии.

⁴ Здесь и далее мы условно употребляем термин «поэма», хотя ее жанр определяют по-разному. «Одиссею» называют современным эпосом (Mathioudakis, Karasimos 2014: 1070), эпопеей (González Vaquerizo 2013b: 133), лирической поэмой и драмой (Laourdas 1943: 3), духовной автобиографией (Friar 1979: 28) и литературным путешествием (González Vaquerizo 2011: 231). И, кажется, все эти определения уместны, и все бы они понравились Казандзакису: написание эпоса превращает его в нового Гомера, создание драмы — в Эсхила, Софокла и Еврипида (отметим, что 1943–1944 гг. во время немецкой оккупации Казандзакис пишет театральную трилогию «Прометей»; подробнее о ней см.: Petrides 2015), а литературное путешествие — в нового Психариса, автора «Моего путешествия», ставшего одним из главных символов димотики. Казандзакис, несомненно, надеялся, что

строк⁵, написанная ямбическим семнадцатисложником⁶. Впервые она была опубликована в декабре 1938 г. в 300 экземплярах и стоила огромную сумму для своего времени — 1000 драхм (Bien 2015: 210–211). В этом издании Казандзакис впервые (и, кажется, единственный раз) использовал разработанную им орфографию, еще более радикальную, чем орфография главного димотикиста Янниса Психариса. В частности, Казандзакис отказывается от придыханий и трех знаков для ударения, оставив лишь акут, упраздняет все геминаты, кроме γγ (θάλασσα в м. θάλασσα ‘море’)⁷, дифтонги αυ и ευ регулярно отображает как αφ/αβ и εφ/εβ соответственно (αφτός в м. αὐτός ‘он’, εφτυχώς в м. ευτυχώς ‘счастливым образом’), в глаголах на -ώνω заменяет одну из омег на омикрон (т. е. -όνω) и часто не отделяет клички от ударного слова (μέσα μου в м. μέσα μου ‘внутри меня’, μουδωκε, ср. μου έδωσε ‘[он] мне дал’; подробнее см. Kaplanis 2011–2012: 118; Bien 2015: 213–214). Несмотря на небольшой тираж, в Греции его не смогли весь распродать (Levitt 1971–1972: 163), то ли из-за необычной орфографии, от которой Казандзакис в конце концов фактически отказался, то ли из-за особого авторского языка (речь о нем пойдет ниже)⁸, то ли из-за

и его «Одиссея» ознаменует начало нового литературного языка (ср. Mathioudakis, Kambakis-Vougiouklis 2011: 296; Mathioudakis 2012: 905; 2018: 57).

⁵ Казандзакис по-разному объяснял это число: публично он заявлял, что ровно столько строк понадобилось, чтобы выразить мысль автора, а в частной беседе признался, что число 3 обладает магическим очарованием, и лишь с помощью 33333 строк можно создать миф, поскольку это число закрытое, оно выражает законченность и не оставляет пространства для хаоса (Laourdas 1943: 6). Показательно, что и в следующей задуманной им эпической поэме о Дигенисе Акрите тоже должно было быть 33333 строки (Bzinkowski 2017: 48).

⁶ Некоторые исследователи считают, что сенадцатисложник не был знаком греческому читателю (González Vaquerizo 2017: 109), однако это не совсем так: этим размером, например, пользовались и бывший одно время кумиром Казандзакиса Костис Паламас, и один из первых переводчиков Гомера Яков Полилас. В отличие от Паламаса, Казандзакис, как и Полилас, ставит обычно цезуру не после восьмого слога, а после десятого, хотя в отдельных строках «Одиссеи» она появляется и после седьмого, и даже после двенадцатого (ср. Laourdas 1943: 4).

⁷ Даже название поэмы выглядит как «Οδύσεια».

⁸ Фактически на протяжении всей жизни Казандзакиса в греческом обществе продолжалось острейшее противостояние между двумя языковыми вариантами — ориентированной на античную и византийскую традицию **кафаревусой** (от καθαρεύω ‘быть чистым’) и более современной, полной иностранных заимствований (в т. ч. и турецких)

настороженного отношения к личности автора⁹. Идеи Казандзакиса и, по-видимому, его язык были настолько плохо понятны греческой аудитории, что даже прошла серия лекций молодого критика Василиса Лаурдаса, рассказывающих об «Одиссее» и раскрывающих ее значимость (пример такой лекции см. в Laourdas 1943)¹⁰. Настоящая известность к «Одиссее» пришла только после ее перевода на английский в 1958 г. (Kazantzakis 1958). Переводивший ее Кимон Фрайер¹¹ сначала думал ограничиться прозаическим переводом, однако его друзья, в число которых входили Томас Элиот, Аллен Тейт, Теннесси Уильямс

димотикой (от δημοτικός ‘народный’; подробнее см. Mackridge 2009: 203–312). Сам Казандзакис, будучи блестяще образованным человеком, свободно владел обоими вариантами. Так, в 1908 г. он пишет письма отцу на кафаревусе, а матери и сестрам — на димотике на другой стороне того же листа (Bien 2015: 152). Обычно Казандзакиса называют димотикистом, и это во многом верно, если понимать, что его димотикизм принципиально отличается от димотикизма Янниса Психариса. Будучи последовательным противником кафаревусы, Психарис пошел тем же «серединным путем» (μέση οδός), что и идеолог кафаревусы Адамантиос Кораис (только за много десятилетий до него) — он предложил очистить язык от всех крайних форм, будь то архаичные или диалектные, но нейтральным для Психариса был уже не тот регистр, что для Кораиса. Казандзакис предлагал совсем другой путь: языковой стандарт/литературный язык надо обновить, добавив в него новые слова, независимо от их происхождения — средневековые византийские, диалектные или даже искусственно созданные по какой-либо продуктивной словообразовательной модели или очевидной аналогии.

⁹ Неприязнь к Казандзакису усилилась во время немецкой оккупации, когда оказалось, что Казандзакиса заботят философские вопросы бытия, а не патриотизм и освобождение Греции (ср. Friar 1979: 5).

¹⁰ Знаменитый переводчик и исследователь Казандзакиса Питер Бьен (Bien 2015: 221–222) полагает, что причина неудачи «Одиссеи» кроется в несоответствии между языком поэмы и ее содержанием: лексика и выразительные средства во многом взяты у греческого крестьянства, но почти половина поэмы рассказывает о том, как Одиссей отвергает родную землю и корни, связанные с крестьянской жизнью. Поэма стремится выйти за рамки национального греческого сознания, но при этом ее язык во всех деталях подчеркнуто греческий. Кавафис, как отмечает Бьен, тоже создает очень странный язык — смесь кафаревусы, димотики, византийского и древнегреческого, но это язык подходит к творимой им художественной реальности и поэтому не вызывает отторжения (о Казандзакисе и Кавафисе см. также Mathioudakis 2015).

¹¹ Родился на острове Калолимнос (сейчас Имралы) в 1911 г., а в 1915 г. семья переехала в США; настоящее имя — Кимон Калогеропулос.

и Артур Миллер, ознакомившись с набросками, единогласно заявили, что «это великое произведение надо переводить в стихах» (Friar 1979: 10). Перевод, вышедший через год после смерти Казандзакиса, имел огромный успех. В США он многократно переиздавался. Образованные греки даже утверждали, что им легче читать «Одиссею» по-английски, чем по-гречески (Bien 2015: 218). Успеху способствовали положительные отзывы Сесила Мориса Боуры, Лоуренса Даррелла и других выдающихся деятелей науки и культуры; Артур Миллер назвал поэму великим достижением, а Джеймс Нотопулос утверждал, что, показывая блеск и потенциал человеческого духа, «Одиссея» Казандзакиса оказывается ближе к греческой традиции и поэтической цели Гомера, чем все другие «Одиссеи» (с текстами отзывов можно ознакомиться в Friar 1979: 39–50).

В одном из своих интервью Кимон Фрайер заявил: «Афинские интеллектуалы не понимают ее («Одиссею» Казандзакиса — *И. В., М. К.*); я даю ее лодочникам и рыбакам, и у них нет проблем» (цит. по Levitt 1971–1972: 163). Впрочем, и для англоязычного читателя «Одиссея» оказывается очень сложным текстом. Кимону Фрайеру приходится одновременно быть переводчиком и толкователем¹², причем не только в тексте своего перевода, но и вне его, регулярно выступая с публичными лекциями про «Одиссею», во время которых он не столько анализирует текст, сколько подробно пересказывает содержание (ср. Friar 1979: 12–23). Таким образом, уместно утверждать, что «Одиссея» так и осталась в полной мере непрочитанной. Большинство исследователей ищет в «Одиссее» разные мифопоэтические ассоциации и интертекстуальные аллюзии, и работа в этом направлении бесконечна. В тексте есть переключки с современными Казандзакису французскими и английскими романами (Laourdas 1943: 4), мифами о Крите и древнегреческими трагедиями (González Vaquerizo 2009a)¹³, «Эротокритом» (Levitt 1971–1972: 172), литературными утопиями (Laourdas 1943: 11–12; González Vaquerizo 2013a), «Улиссом» Теннисона (Laourdas 1943: 12–13), «Робинзоном Крузо»,

¹² Он даже предлагает Казандзакису изменить английское название, добавив «A Modern Sequel», чтобы лучше подготовить читателя.

¹³ Например, критский царь Идомей готов принести в жертву одну из своих дочерей (как Ифигению), другая дочь (как Ариадна) помогает Одиссею спастись из его дворца, а третья дочь (как Медея) убивает своего отца. Наблюдается множество параллелей и с «Критянами» Еврипида (например, фр. 472 Nauck).

«Улиссом» Джойса и, конечно же, Гомером (González Vaquerizo 2013b: 142–145). Также обнаруживаются бесконечные аллюзии и на актуальные для Казандзакиса реалии, например, на археологические открытия Артура Эванса (González Vaquerizo 2017: 114). Иногда, напротив, изучаются параллели между «Одиссеей» и написанными позже романами Казандзакиса — и их тоже немало¹⁴.

Другой крайне популярной темой является язык «Одиссеи». Казандзакис, по словам его жены Елени, стремился подбирать слова наиболее чистые, самые близкие к древнегреческому, например, вместо καρδάρα ‘ведро для молока’ использовано αρμευός (от ἀρμέγω ‘доить’), а вместо γλίτσα ‘пастуший посох’ — βοσκόραβδι (от βοσκός ‘пастух’ + ραβδί ‘палка’; см. Bien 2015: 219). Известно, что Казандзакис активно собирал диалектную и профессиональную лексику и просил своего близкого друга, писателя Панделиса Превелакиса помочь ему в этом (Mathioudakis, Kambakis-Vougiouklis 2011: 297). Некоторые исследователи считают, что в основе «Одиссеи» вообще лежит родной для Казандзакиса критский диалект (Detorakis 1979; Giakoumaki 1982; González Vaquerizo 2013b: 132); другие же, напротив, доказывают, что «Одиссея» написана на димотике, но с большим вкраплением диалектных слов, взятых не только из критского, но и из других диалектов, например, Мани, Наксоса, Родоса, Кипра и Эпира (см. подробнее Laourdas 1943: 7; Mathioudakis, Kambakis-Vougiouklis 2011: 298; Mathioudakis, Karasimos 2014: 1074ff; Mathioudakis 2018: 57).

Отдельный вопрос связан со словотворчеством Казандзакиса¹⁵. Сам Казандзакис утверждал, что создал лишь пять неологизмов: αστροπόταμος ‘Млечный путь’, βορράστρι ‘Полярная звезда’, βοδάλαφο ‘лось’, νεροβούβαλος ‘гиппопотам’, χεραγκάλια ‘рука об руку’. Все это композиты, получившиеся из

¹⁴ В частности, Дзовас (Tziovas 2009: 88) отмечает, что большинство романов, как и «Одиссея», заканчиваются смертью. Приведем также пример текстуального соответствия. В «Одиссее» после убийства женихов от живота и поясницы Одиссея исходит пар. Аналогичное описание встречается и автобиографическом романе «Отчет перед Эль Греко» (глава «Отец»): сбив с ног пьяного турка, гонявшегося с ятаганом за греками, отец Казандзакиса снимает рубашку, и от его тела идет пар.

¹⁵ Особый интерес вызывают эпитеты Одиссея (Laourdas 1943: 9–10), которых у него более 200. Важно, что это не эпитеты в традиционном понимании — они характеризуют героя в конкретной ситуации (Mathioudakis, Kambakis-Vougiouklis 2011: 299–300).

греческих слов; лексема βοδάλαφο создана отчасти по китайской модели (как Казандзакису сказали в Иркутске), а βορράστρι появилась по аналогии с μεράστρι ‘Утренняя звезда’. Очевидно, впрочем, что неологизмов гораздо больше, например, λανωδόξαρο ‘перестрелка из луков’ возникло по аналогии с λανωτούφεκο ‘перестрелка [из ружей]’ (подробнее см. Mathioudakis 2012: 909–914; Bien 2015: 211–213, 216). Вероятно, многие неологизмы были образованы по критской диалектной модели, поэтому их очень трудно отличить от настоящих диалектных слов (Mathioudakis, Karasimos 2014: 1073, 1080).

Аспект, к которому мы хотим обратиться в этой статье, если прежде и обсуждался, то явно недостаточно — «Одиссея» Казандзакиса и русская культура. Речь здесь пойдет не о «прямых» соприкосновениях — фактических, тематических или мотивных, хотя они, безусловно, есть и в биографии Казандзакиса, и непосредственно в поэме. Так, в 1918–1919 гг. он руководил комиссией по репатриации греков с Кавказа; как раз работая над «Одиссеей», в 1925–1929 гг. трижды приезжал в СССР, увлекался идеями коммунизма и в результате в них разочаровался, а в 1930 г. написал «Историю русской литературы» (см. также Елоева, Maroulis 2019). Отдельные мотивы поэмы и некоторые персонажи устойчиво воспринимаются как аллюзии к России, ее культуре и истории. Это, например, и революция на Крите против Идоменея, в сущности, изображавшая революцию 1917 г., и египетская революционерка еврейского происхождения Рала, за которой скрывается подруга Казандзакиса Рахиль Липштейн (González Vaquerizo 2017: 105).

Такие отсылки, наряду с прочими, составляют весьма насыщенное поле мирового культурного опыта, в котором разворачивается действие поэмы. Но более существенны для интерпретации замысла Казандзакиса типологические параллели с ключевыми топосами русской культуры, которые, как представляется, можно проследить в этом тексте.

Выбирая своим главным героем Одиссея и называя поэму его именем, Казандзакис устанавливает очевидную связь с гомеровским эпосом. Подчеркивает эту связь и начало поэмы — если не считать «Пролог Солнцу», первым словом поэмы оказывается союз *и*: «Одиссея» начинается с того, как Одиссей после убийства женихов вешает свой лук. Очевидно, что в отличие от набирающих популярность в массовой культуре различных сиквелов и ремейков, поэма Казандзакиса

претендовала на принципиально иной статус¹⁶. Об этом говорит и языковой эксперимент, и тщательно продуманная — вплоть до количества стихов — композиция. Можно предположить, что замысел Казандзакиса связан с адаптацией гомеровского сюжета для нового времени. Еще начиная с эпохи Романтизма различные переложения произведений древности — достаточно распространенный сюжет. И тогда «Одиссея» Казандзакиса встраивается в общеевропейскую тенденцию. Более того, в творчестве самого Казандзакиса можно найти точный пример такой адаптации — правда, более поздний по времени создания: в 1954 г. Казандзакис вместе с Какридисом (см. прим. 3) издает перевод «Илиады» Гомера на новогреческий. Итак, очевидно, что разговор о типологических параллелях необходимо начать с выяснения, кем является герой «Одиссеи» по отношению к гомеровскому претексту.

Как уже упоминалось выше, общим местом работ о поэме стало сравнение ее с «Улиссом» Джойса. Мифологизация истории, способность видеть в современности воплощение (часто — искаженное) архетипических начал считается характерной чертой модернистской поэтики. В рамках такого прочтения Одиссей — прежде всего современный человек, и отбытие его с Итаки — это плавание сквозь время, в котором он обретает весь опыт мировой культуры, накопленный ею со времен Гомера. Такой интерпретативный ход напрашивается как бы сам собой и, казалось бы, не противоречит ни тексту, ни исследовательской традиции. Итака и метонимически возрастающие за ней Гомер и Античность при такой логике означают символическую точку начала пути в мировую культуру,

---

¹⁶ Продолжение классического текста — прием для культуры XX столетия нередкий, хотя в 1920-е гг., когда создавалась «Одиссея», еще не столь частотный. Основная функция разнообразных сиквелов и ремейков связана с удовлетворением читательского/зрительского запроса — не расставаться с любимым героем и «продлить» его историю. Для таких текстов важны два обстоятельства: новый герой должен быть максимально близок оригиналу (если герой сиквела отличен от оригинала, то текст должен подробно мотивировать произошедшие с героем перемены), и сюжет должен быть не менее насыщен. Примечательно, что формально и этим требованиям поэма Казандзакиса удовлетворяет, тем самым — в теории — максимально расширяя круг потенциальных читателей. Нельзя исключить, что именно на эти особенности поэмы откликнулись американские читатели, которые — в отличие от греков — отзываются об этом тексте в основном позитивно.

актуализируя один из основополагающих топосов Нового времени¹⁷ «Античность — колыбель человеческой культуры». От Иоганна Готфрида Гердера, создавшего эту формулу, и до Эрнста Роберта Курциуса, давшего ей фундаментальное обоснование (Curtius 1948), эта смысловая парадигма — одна из наиболее неоспоримых для европейского сознания. О влиятельности данного топоса говорит то, что сама включенность в современную культуру¹⁸ мыслится как неперенное — прямое или опосредованное, — но обязательно устанавливающие связи с Античностью. Характерным примером здесь может служить русская культура, для которой вступление в новую эпоху, активный диалог с европейской культурой означали в то же время приобщение к античному наследию. Однако греческая ситуация не укладывается в общий сценарий. Вместе с созидующим статусом греческая культура в этой системе получает, в отличие от других, и существенное ограничение: в известном смысле она оказывается «пленницей» самой себя. Если для других культур¹⁹ Античность выступает как источник и стимул *развития*, идеал, стремление к которому создает энергию *движения*, то для самой греческой культуры данная формула означает прежде всего сохранение самотождественности, постоянное воспроизведение или даже возвращение назад²⁰. «Колыбель» оборачивается «золотой клеткой», не дающей греческой культуре двигаться вперед согласно ритмам Нового времени. Чтобы обрести возможность актуального существования и развития, греческая культура должна выйти за «сакральные» рамки.

На первый взгляд, такой выход уже был осуществлен, и весьма успешно, в течение XIX столетия. Греческая революция 1821 г. не только принесла Греции свободу и независимость, но и стала мощнейшим стимулом сближения с европейской куль-

---

¹⁷ Под «Новым временем» мы имеем в виду эпоху доминирования определенного типа художественного сознания, хронологические рамки которой обычно обозначают как рубеж XVIII–XIX вв. и середина XX в. (описание данного типа художественного сознания см. в Averintsev et al. 1994).

¹⁸ Имеется в виду культура Нового времени.

¹⁹ Речь, конечно, идет прежде всего о европейской культуре как наднациональном единстве.

²⁰ Это может проявляться очень по-разному — от серьезнейших споров о языке, раздиравших греческое общество многие десятилетия, до крайне модных среди современных греков безыскусных имитаций античной архитектуры.

турой. Ключевые фигуры в греческой литературе этого времени — писатели, прошедшие школу европейской культуры — в прямом, а не метафорическом смысле, например, Кальвос и Соломос (Vasileva, Kisilier 2019: 142–145). Можно сказать, что складывается даже определенный писательский (и шире — культурный) тип — «европеизированный грек». Новая греческая литература, создаваемая этими авторами, строилась в целом по лекалам европейских образцов. Проблема, однако, заключалась в том, что греческая ситуация не вполне в эти лекала укладывалась. Не последнюю роль в этом играл и так называемый греческий языковой вопрос, связанный со спорами о том, на каком же языке эту новую литературу следует писать — на символизирующей славное античное прошлое архаизусе, на несколько более нейтральной кафаревусе или же на каком-то совсем новом языке (см. также Kisilier, Fedchenko 2011: 429–440). Однако, в рамках интересующей нас темы, самое главное заключалось в том, что статус новой греческой литературы, создаваемой по европейской модели, при всех достоинствах и талантах ее авторов очевидно был ниже Античности. Таким образом, модернизация оказывалась в заведомом проигрыше по сравнению с консервативным сценарием. А важно было не просто усвоить новый художественный язык, но и не утратить при этом свой исключительный статус. Иными словами, ключевой общеевропейский топос опосредованно ставил перед новой греческой культурой проблему самоопределения.

И выход за рамки сложившегося сценария, и поиск самоопределения неизбежно связаны с разрывом. Действительно, отбытие Одиссея с Итаки в самом начале поэмы может быть прочитано как такой решительный разрыв с прошлым. Он оставляет дом, Пенелопу и Телемаха, возвращение к которым в сакрализованном традицией гомеровском претексте составляло смысл его существования. В причинах, по которым он покидает Итаку, легко угадывается отсылка к хорошо знакомому романтическому комплексу: Одиссею скучно, он устал от обыденности и бежит от нее. Одиссей едет к Менелаю и старается уговорить его плыть вместе с ним, но тот отказывается, потому что всем доволен и не видит причин оставлять дом. Однако с Одиссеем (по своей воле, а не по воле богов) уезжает Елена, потому что вняла его слову. Разрыв с прошлым, с близкими, похищение-бегство — знаковые мотивы, они могут быть соот-

несены с романтизмом²¹ как эпохой, ознаменовавшей переход к новому типу культурного сознания. Эти мотивы придают пути Одиссея метафорическую перспективу, в которой странствие географическое в то же время становится и странствием интеллектуально-духовным. Вместе с тем Одиссей лишен важнейшей черты романтического героя — разочарования. Безусловно, за время своего пути он не раз будет разочаровываться в тех или иных своих начинаниях (например, в революции). Но ему чуждо тотальное романтическое разочарование, которое, например, в мире лермонтовской лирики создает формулу «к добру и злу постыдно равнодушны». Одиссей Казандзакиса упорно ищет новых встреч, идей, впечатлений. И он неутомим и ненасытен в этом своем движении. В результате, все его встречи за время пути складываются в мозаичный портрет мировой культуры. В литературе о поэме Казандзакиса этот «портрет» довольно подробно прописан (см. выше). Однако его можно дополнить еще несколькими и, как представляется, существенными штрихами.

Настроенность на диалог с другими культурами позволяет провести типологическую параллель с двумя важнейшими для русской классической литературы типами — типом «русского путешественника» и типом «русского европейца». Как показал В. М. Маркович, «русский европеец» генетически восходит к типу «русского путешественника», но имеет важное отличие: если «русский путешественник» изображался «как человек, еще только осваивающий европейскую культуру» (Markovich 2008: 265), то «русский европеец» — это человек, «живущий на грани двух культур и объединяющий их в своей личности» (Markovich 2008: 263). Путь Одиссея в поэме может быть прочитан как освоение, приводящее к объединению. Его странствия, как и в случае «русского путешественника», лишены какой-либо определенной цели и вместе с тем его интересует все. И так же, как и в случае с русским типом, это любопытство не праздное, но обладает просветительской цивилизационно-устроительной перспективой²². В то же время очевидны и

²¹ В данном случае «романтизм» имеется в виду расширительно — как имя нового культурного этапа в целом, включающее в себя и различные предромантические движения.

²² В концепции типа предполагалось, что усвоенный культурный опыт «найдет себе применение в русской жизни и прежде всего послужит просвещению России, ее равноправному приобщению к европейской цивилизации» (Markovich 2008: 265).

моменты значимого расхождения героя с узнанной моделью. Внутренний мир Одиссея далек от уравновешенного и преимущественно позитивного настроя, столь типичного для русского героя²³. Его встреча с другой культурой если и не выливается в открытый спор, то всякий раз эмоционально-напряжена.²⁴ Это обусловлено погруженностью Одиссея внутрь культурной реальности, с которой он соприкасается. Если для «русского путешественника» практическая применимость новообретенного культурного опыта — это только потенциальная (и, как вскоре обнаружит отечественная история, утопическая) возможность, то Одиссей — не только наблюдатель, но и деятель. Приобретенные идеи он стремится непосредственно воплотить в жизнь, участвуя в революции или пытаясь построить идеальный город. В результате, и здесь, как в случае с романтической моделью, намеченное движение к сходству с определенным типом лишь подчеркивает значимые различия.

Вместе с тем по мере разворачивания сюжета поэмы путь героя утрачивает черты реального (пусть и вымышленного) путешествия, которое последовательно могло бы быть соотнесено с географическим пространством и упорядочено в историческом времени. Одиссей встречается и ведет диалоги с персонажами, олицетворяющими Будду, Дон-Кихота и Христа. Метафорическое значение встречи усиливается, намечая еще одну возможную параллель — на этот раз с идеологическим (в понимании Б. М. Энгельгардта) романом Достоевского²⁵ (Engelgardt 1995: 291). Действительно, собеседники Одиссея — не столько персонажи и характеры с той или иной идеей, сколько

---

²³ Дистанцированность и, как следствие, уравновешенность созерцания характеризуют как таковой архетип посредника между мирами — будь это две культуры (как в случае «русского путешественника»), или мир преисподней, мир чистилища и мир небесный (как в поэме Данте, которую Казандзакис переводил и считал крайне важным для себя текстом).

²⁴ Здесь уместно вспомнить эпизод, когда Одиссей в порту встречает Христа и сильно бьет его, желая убедиться, что тот действительно не станет защищать себя.

²⁵ Примечательно, что с Достоевским преимущественно сравнивают другого греческого писателя — Александроса Пападиамантиса (ср. Ricks 2013: 249), которого часто даже называют «греческим Достоевским» (ср., например, Branch, Patuleanu 2016: 207) во многом из-за весьма удачного перевода «Преступления и наказания» и близости к христианской традиции. Точки соприкосновения Казандзакиса с Достоевским лежат в ином поле — не тематическо-мотивном, но типологическом.

сами идеи. В этих встречах Одиссея-Казандзакиса, как и Достоевского, интересовало господство идеи-силы над сознанием человека, разорвавшего связь со своей «почвой». И снова, намеченный путь сближения остается лишь возможной перспективой. В отличие от мира Достоевского, власть идеи в поэме Казандзакиса не абсолютна. Она — одна из граней бытия его героя. Это важный, значимый, но не всепоглощающий опыт. Соприкасаясь с той или иной идеей, Одиссей и не подчиняется ей и не отвергает ее, но отказывается от отождествления себя с ней целиком и полностью. Тем самым по мере развития поэмы все более ощутимым становится топос «русского европейца» — человека, «живущего на грани культур». Кульминация этого движения изображена в финале, где к Одиссею приходят все, встреча с кем когда-либо была значима для него. В результате, сцена прощания становится демонстрацией возможности невозможного — рядом оказываются Елена Троянская, Орфей, Геракл, Тантал, Прометей, египетская революционерка Рала, куртизанка Маргаро, Будда, Христос и верный пес Аргос, примчавшийся на зов хозяина с Итаки. Одиссей, объединяющий различные культурные коды, сопоставим по своей роли с «русским европейцем». И, как и в русской модели, именно в личности заключена способность к гармоничному объединению различных и даже противопоставленных смыслов. Но снова, как в случае с романтическим бегством или типом путешественника, рядом с намеченной типологической параллелью явственно проступает существенное различие. Гармонизация различных культур в личности «русского европейца» осуществляется благодаря тонко развитому эстетическому переживанию жизни (Markovich 2008: 263, 264). В личности же Одиссея главенствует иная доминанта. Прежде всего, Одиссей, в отличие от «русского европейца», существует не на грани двух культур, но его культурный опыт стремится к неограниченному расширению. Конец плавания метафорически означает выход из европейской зоны смыслового поля и репрезентирующего его культурного топоса: плавание по морю как жизненный путь и как культурный опыт. Но конец плавания не становится в поэме концом пути. Одиссей отправляется дальше, и чем дальше — тем фантастичнее его путь и тем более многомерным становится его бытие. По отношению к этому опыту эстетическая гармонизация противоположностей в личности «русского европейца» оказывается лишь одной из возможностей. Для нового Одиссея существование «на грани

культур» предполагает постоянное приобщение к ничем не ограниченному культурному опыту. Безусловно, по сравнению с классическим русским типом такая модель выглядит масштабнее. Но вместе с тем возникает вопрос и о целеполагании — в чем смысл этого накопления?

Конечно, такой вопрос, в известной мере, риторический. Подобно иным риторическим вопросам, ответ на него должен заключаться в нем самом: В чем смысл поэзии? — В поэзии. В чем смысл приращения опыта? — В самом опыте. Однако любая модель, в том числе, и модель приобщения к культурному опыту, будучи соотнесенной с другими ей подобными, обнаруживает прежде всего качественные отличия, которые и формируют целеполагание в ситуации выбора. Как представляется, для Одиссея Казандзакиса ответ на вопрос о цели пути намечен возможной параллелью с еще одним важнейшим в русской классической культуре топосом — топосом ухода.

Различные варианты репрезентации этого топоса можно увидеть в открытых финалах судеб героев русского классического романа — неожиданно расстается с героем («в минуту, злую для него») автор в «Евгении Онегине», Печорин едет «в Персию — и дальше...», мчится в неизвестность Чичиков с птицей-тройкой и т. д. Но самый знаменитый и самый оформленный уход — это уход Л. Н. Толстого. Как показала М. Н. Виролайнен, и он имеет свой литературный аналог²⁶. Финальный в биографии — вымышленной или реальной — акт ухода стремится в своем осуществлении преодолеть конечность и замкнутость индивидуального бытия. Виролайнен убедительно продемонстрировала генезис переходной обрядности в этом топосе: «Верховенский и Толстой совершают уход ради рождения новой жизни, отрекаются от себя, то есть от

---

²⁶ «Самое удивительное в истории Верховенского то, что она оказалась пародийным предвосхищением ухода Льва Толстого, и детали обоих уходов, обстоятельства которых ни в коей мере не могли быть ориентированы друг на друга, сходятся поразительно. <...> Тот же уход, похожий на бегство; тот же панический страх быть настигнутым любящей женщиной; остановка в чужой избе; болезнь, постигшая в пути; приезд доктора, близких, от которых бежали; наконец, смерть. Как и литературный персонаж, Толстой, выезжая из Ясной Поляны, не имел конкретного представления о предстоящем маршруте. Патетическая фраза Степана Трофимовича: “Vive la grande route, а там, что бог даст” <...> — соответствует предпоследней фразе, записанной рукой Толстого, с тем же переходом на французский: “Fais que dois, ad<vienne que pourra>”» (Virolainen 2007: 399).

собственной самотождественности, вступают в зону неопределенности, подобную лиминальной зоне, — и встречают здесь отнюдь не символическую смерть» (Virolainen 2007: 400). Примечательно, что в «Одиссее» Казандзакиса эти два события — уход и смерть — присутствуют, но разнесены по двум текстовым границам поэмы. Начинается она с ухода Одиссея, а заканчивается его смертью. Тем самым весь путь Одиссея может быть прочитан как длящийся обряд инициации, в ходе которого и достигается возможность не *приобщения* к чему-то уже существующему, но его *возрождения* в новой культуре. Для этого герою необходимо разорвать связи с прошлым, откататься от себя прежнего. Здесь снова вспомним прямо противоположную мифологическому интенцию героя Казандзакиса: гомеровский Одиссей стремится вернуться в дом, а новый Одиссей — покинуть его, уйти неведомо куда, чтобы стать неведомо кем. Безусловно, все перечисленные выше топологические мотивы — бегство, странствия, «жизнь на грани» — приобретают в свете топоса «ухода» новое и более трагическое измерение. В то же время речь идет именно о *новом рождении*, а не о *перерождении* героя в кого-то иного. В этом, как представляется, и трудность задачи, и принципиальное ее отличие от разных компромиссных вариантов. Сценарии приобщения к другой культуре («европеизированный грек») или объединения с ней («русский европеец») не устраивали Казандзакиса. В концепции его поэмы необходимо совершить поистине демиургический акт творения — создать культуру вновь. Но для этого герой должен пройти обряд перехода многократно, переживая акт рождения каждого культурного кода через встречу с ним, и его смерть — через уход от него. Именно ритуальный путь переживания культуры, предполагающий полную в своей неразрывности духовно-эмоционально-интеллектуально-телесную погруженность в сферу предлагаемого опыта, делает ее по-настоящему освоенной. И только пройдя этот путь, герой становится готов к акту нового рождения.

Предложенная в «Одиссее» концепция «второго рождения» новой греческой культуры по масштабу замысла выдвигает Казандзакиса на роль культурного героя Нового времени²⁷ — героя, творящего новый миф для своего народа. Примечательно, что сам Казандзакис считал «Одиссею» своим главным

---

²⁷ Концепция культурного героя Нового времени была предложена М. Н. Виролайнен (Virolainen 2003).

произведением (Bien 2015: 239). Возможно, отдавая себе отчет в том, что миф требует воплощения не только в слове, но в материи и действии (Meletinsky 1976: 154), Казандзакис предпринимает невероятный языковой эксперимент, насыщая поэму всеми вариантами греческой речи. Через стилистическую и диалектную полигlossию он пытается создать иллюзию надиндивидуального голоса. Детально разрабатывая в поэме процесс освоения мирового культурного опыта и возрождения современной культуры Казандзакис стремится установить и свойственную мифу законодательность (Meletinsky 1976: 171). Однако, миф не может быть «измышлен или сочинен», поскольку несет в себе «неизреченный и невоплощаемый источник», «тайнство жизни», которое «лишь затем превращается в различие мира, логическое объяснение его и действие в нем» (Virolainen 2003: 114). Возможно, именно этим объясняется неуспех поэмы в греческом мире и переход самого Казандзакиса, осознавшего утопичность замысла, к писанию романов. В то же время, для инокультурной аудитории мифотворческий проект Казандзакиса лишен той степени серьезности, что определяет его статус внутри греческого мира. И потому достаточно легко, без осознания потери смысла, происходит перевод мифа в плоскость сказки. Показательно, что не только в массовом сознании, но и для профессионального читателя Одиссей легко уподобляется сказочному пирату (ср. González Vaquerizo 2017: 112).²⁸ В рамках этого свойственного постмодернистскому взгляду сближения нет принципиальной разницы между Одиссеем и Джеком-Воробьем, и ценным становится не демиургический потенциал замысла, а «верхушка айсберга» — наращение фантастических и экзотических деталей. Трудно поверить, что автора «Одиссеи» удовлетворило бы такое прочтение. В то же время сама судьба Казандзакиса имеет осязаемый и гораздо более неоспоримый потенциал мифологизации. Подобно своему Одиссею, он погружается в мировую культуру, переживает ее в собственном бытии и в итоге как бы рождается вновь уже в новом качестве — предстоящего за новую греческую литературу писателя. Греки могут не любить, не читать и не покупать книги Казандзакиса, но вряд ли найдется тот, кто не назовет его самым известным греческим писателем Нового времени. Эту репутацию создают не только

---

²⁸ Аналогичный вариант прочтения классического текста («Илиады»), по сути, представляет фильм «Троя» (реж. В. Петерсен, 2004, США).

его романы, но и его биография. Он, как и его главный герой, — был человеком пути, с ясно осознанной энергией движения, но не заданным наперед результатом. В финале поэмы, когда Одиссей умирает, призванные им друзья приносят ему дары родины — греческие гранаты, виноград и инжир. Он погружает в них свое лицо и тело, и тем самым, метафорически снова рождается на своей родине к новой жизни, становясь подлинно новым Одиссеем. Казандзакис, проживший значительную часть своей жизни вне Греции, завещал похоронить себя на родном Крите. Велик соблазн увидеть в этом возвращении завершающий акт демиургического мифа. Но даже если это только соблазн, такое завершение биографического текста вполне соответствует законам поэтическим. И здесь можно провести еще одну, отнюдь необязательную, параллель, которая — хочется верить — удовлетворила бы автора «Одиссеи», мыслившего себя, напомним, прежде всего поэтом, а уже потом романистом. Топос мореплавания тесно связан с мотивом творчества, что представлено, в том числе, и в одном из ключевых текстов русской культуры:

XI

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге.
Минута — и стихи свободно потекут.
Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге,
Но чу! — матросы вдруг кидаются, ползут
Вверх, вниз — и паруса надулись, ветра полны;
Громада двинулась и рассекает волны.

XII

Плывет. Куда ж нам плыть? .....²⁹

В черновом автографе сохранилось перечисление вариантов ответа на заданный вопрос. Неопределенность и в то же время причудливость возможного маршрута — Кавказ «колоссальный», «опаленные Молдавии луга», «скалы дикие Шотландии печальной», «Нормандии блестящие снега», «Швейцарии ландшафт пирамидальный», тень Везувия, Нила пирамиды, Эллада, Лапландия, девственные леса «Младой Америки» и даже Псковская губерния (цит. по Pushkin 1949: 917, 934–935) — уже

---

²⁹ Осень: (Отрывок): («Октябрь уж наступил», цит. по Pushkin 1948: 321).

в читательском сознании нашего современника может восприниматься как параллель к поэме Казандзакиса. Поэтическое плавание пушкинского текста в какой-то невысказываемой и необъяснимой проекции совмещается со странствиями нового Одиссея, со многими другими, смутно мерцающими сквозь них текстами и биографиями, с собственным культурным опытом. Так, уже без всякого участия автора, творится миф.

Литература

- Averintsev, S. S., Andreev, M. L., Gasparov, M. L., Grintser, P. A., Mikhaylov, A. V. 1994: [Categories of poetics in the change of literary periods]. In: Grintser, P. A. *Literaturnye epohi i tipy hudozhestvennogo soznaniia* [Literary periods and the types of artistic perception]. Selected articles. Moscow: Nasledie, 3–38.
- Аверинцев, С. С., Андреев, М. Л., Гаспаров, М. Л., Гринцер, П. А., Михайлов, А. В. 1994: Категории поэтики в смене литературных эпох. В кн.: Гринцер, П. А. (ред.) *Литературные эпохи и типы художественного сознания*. Сб. статей. М.: Наследие, 3–38.
- Bien, P. 1996: Kazantzakis's religious vision. *Byzantine and Modern Greek Studies* 20, 1–16.
- Bien, P. 2010: Why read Kazantzakis in the twenty-first century? *Journal of Modern Greek Studies* 28. 1 (Supplement), 1–6.
- Bien, P. 2015: *Kazantzakis and linguistic revolution in Greek literature*. Princeton; New Jersey: Princeton University Press. (Princeton Essays in European and Comparative Literature. Vol. 6).
- Branch, L., Patuleanu, I. 2016: Eastern Orthodoxy. In: Felch, S. M. (ed.). *The Cambridge companion to literature and religion*. Cambridge: Cambridge University Press, 202–217.
- Bzinkowski, M. 2017: Akritas — Nikos Kazantzakis' little-known unrealized epic project. *Classica Cracoviensia* XX, 45–54.
- Curtius, E. R. 1948: *Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter*. Bern: A. Francke A. G. Verlag.
- Detorakis, Th. 1979: [Demotic song in the Odyssey of Kazantzakis]. *Amaltheia* 41, 309–336.
- Δετοράκης, Θ. 1979: Το δημοτικό τραγούδι στην Οδύσσεια του Καζαντζάκη. *Αμάλθεια* 41, 309–336.
- Dimaras, C. T. 1972: *A history of Modern Greek literature*. Trans. by M. P. Gianos. Albany: State University of New York Press.
- Dombrowsky, D. A. 1997: *Kazantzakis and God*. New York: State University of New York Press. (SUNY series in Constructive Postmodern Thought).
- Eloeva, F., Maroulis, D. 2019: [The idealistic attitude of N. Kazantzakis toward Soviet Russia]. *Kathedra of Byzantine and Modern Greek Studies* 5, 85–90.
- Ελόεβα, Φ., Μαρούλης, Δ. 2019: Η ιδεαλιστική ματιά του Νίκου Καζαντζάκη στη Σοβιετική Ρωσία. *Καθέδρα византийской и новогреческой филологии* 5, 85–90.

- Engelgardt, B. M. 1995: [Ideological novel by Dostoevsky]. In: Engelgardt, B. M. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg State University, 270–308.
 Энгельгардт, Б. М. 1995: Идеологический роман Достоевского. В кн.: Энгельгардт, Б. М. Избранные труды. СПб.: Изд-во СПбГУ, 270–308.
- Friar, K. 1979: *The spiritual Odyssey of Nikos Kazantzakis. A talk*. [s. l.]: The North Central Publishing Company. (Special Collections. University of Minnesota Libraries. Minneapolis. The first annual public lecture in Modern Greek studies).
- Giakoumaki, E. 1982: [The language of the “ODYSSEY” by Nikos Kazantzakis]. *Lexikografikon deltion* [Lexicographical bulletin] 14, 143–167.
 Γιακουμάκη, Ε. 1982: Η γλώσσα της «ΟΔΥΣΣΕΙΑΣ» του Ν. Καζαντζάκη. *Λεξικογραφικόν δελτίον* 14, 143–167.
- González Vaquerizo, H. 2009a: El laberinto de Creta en la Odisea de Nikos Kazantzakis. *Amaltea. Revista de mitocrítica* 1, 99–113.
- González Vaquerizo, H. 2009b: *La Odisea en la Odisea: Una reescritura de Homero en Kazantzakis*. Madrid: Universidad Autónoma de Madrid, Facultad de Filosofía y Letras, Departamento de Filología Clásica..
- González Vaquerizo, H. 2011: Nikos Kazantzakis o cómo el «Segundo Odiseo» partió de Creta. In: Dimadis, K. A. *Identities in the Greek world (from 1204 to the present day)*. Vol. 1. Athens: European Society of Modern Greek Studies, 231–241.
- González Vaquerizo, H. 2013a: La ciudad ideal en la Odisea de Nikos Kazantzakis. *Byzantion Nea Hellás* 32, 247–268.
- González Vaquerizo, H. 2013b: *La Odisea cretense y modernista de Nikos Kazantzakis*. Tesis doctoral. Madrid: Universidad Autónoma de Madrid, Facultad de Filosofía y Letras, Departamento de Filología clásica.
- González Vaquerizo, H. 2017: Kazantzakis’ Odyssey as a Cretan and modernist masterpiece. In: Giannakopolou, L., Skordyles, K. (eds.). *Culture and society in Greece: from Kornaros to Kazantzakis*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 103–119.
- Good, D. 1994: *The Appolonian and Dionysian paradox of Odyssey: a modern sequel by Nikos Kazantzakis. An analysis of the poem and the poet’s world view*. Master of Humanities. Denver: University of Colorado at Denver, Faculty of the Graduate School.
- Kaplanis, T. A. 2011–2012: [Kazantzakis and monotonic system: A history of silence]. *Estudios Neogriegos. Revista científica de la Sociedad Hispánica de Estudios Neogriegos* 14. Tolmiros Skapaneas. Homenaje al Profesor Kostas A. Dimadis, 113–127.
 Καπλάνης, Τ. Α. 2011–2012: Ο Καζαντζάκης και το μονοτονικό: Μια ιστορία αποσιώπησης. *Estudios Neogriegos. Revista científica de la Sociedad Hispánica de Estudios Neogriegos* 14. Tolmiros Skapaneas. Homenaje al Profesor Kostas A. Dimadis, 113–127.
- Kazantzakis, N. 1958: *The Odyssey. A modern sequel*. Trans. by K. Friar. New York: Simon and Schuster.

- Kisilier, M. L., Fedchenko, V. V. 2011: [Some remarks on the language of Modern Greek literature]. *Acta linguistica Petropolitana* VII. 1, 409–444.
- Кисилиер, М. Л., Федченко, В. В. 2011: О языке новогреческой литературы. *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН* VII. 1, 409–444.
- Laourdas, V. 1943: *Ἐ “Odysseia” tou Kazantzaki (kritiko dokimio)* [*The Odyssey by Kazantzakis (critical essay)*]. Athens: [n. p.].
- Λαούρδας, Β. 1943: *Ἡ «Ὀδύσεια» τοῦ Καζαντζάκη (κριτικό δοκίμιο)*. Ἀθήναι: [χ. ἐκδ.].
- Levitt, M. P. 1971–1972: The Cretan glance: the world and art of Nikos Kazantzakis. *Journal of Modern Literature* 2. 2 (Nikos Kazantzakis special number), 163–188.
- Mackridge, P. H. 2002: [G. Babinotis, Dictionary of Modern Greek. Athens: Center of Lexicology, 1998. 2064 pages. Dictionary of Standard Modern Greek. Thessaloniki: Aristotle University of Thessaloniki, Institute of Modern Greek Studies [Manolis Triandafyllidis Foundation], 1998. xxxii + 1532 pages]. [Review]. *Journal of Greek Linguistics* 2. 1, 254–259.
- Mackridge, P. H. 2002: G. Babinotis, Λεξικό της νέας ελληνικής γλώσσας. Athens: Kentro Lexikologias, 1998. 2064 pages. Λεξικό της κοινής νεοελληνικής. Thessaloniki: Aristoteleio Panepistimio Thessalonikis, Institouto Neoellinikon Spoudon [Idryma Manoli Triandafyllidi], 1998. xxxii + 1532 pages. [Review]. *Journal of Greek Linguistics* 2. 1, 254–259.
- Mackridge, P. H. 2009: *Language and national identity in Greece, 1766–1976*. Oxford: Oxford University Press.
- Markovich, V. M. 2008: [The “Russian European” in Turgenev’s prose of the 1850-s]. In: Markovich, V. M. *Izbrannye raboty* [*Selected works*]. Saint-Petersburg: Lomonosov, 261–276.
- Маркович, В. М. 2008: «Русский европеец» в прозе Тургенева 1850-х годов. В кн.: Маркович, В. М. *Избранные работы*. СПб.: Ломоносовъ, 261–276.
- Mathioudakis, N. 2012: [Poetic neologisms in Nikos Kazantzakis’s ‘Odyssey’: a thesaurus of thousands unknown words seeking their identity]. In: Gavriilidou, Z., Efthymiou, A., Thomadaki, E., Kambakis-Vougiouklis, P. (eds.). *Selected papers of the 10th International conference of Greek Linguistics*. Komotini: Democritus University of Thrace, 905–918.
- Μαθιουδάκης, Ν. 2012: Ποιητικοί νεολογισμοί στην ‘Ὀδύσεια’ του Νίκου Καζαντζάκη: χιλιάδες αθησαύριστες λέξεις αναζητούν την ταυτότητά τους. Στο: Gavriilidou, Z., Efthymiou, A., Thomadaki, E., Kambakis-Vougiouklis, P. (eds.). *Selected papers of the 10th International conference of Greek Linguistics*. Komotini: Democritus University of Thrace, 905–918.
- Mathioudakis, N. 2015: [The linguistic poetic identity of Cavafy and Kazantzakis: a comparative study]. In: Dimadis, K. A. (ed.). *5th European Congress of Modern Greek Studies of the European Society of Modern Greek Studies. Thessaloniki, 2–5 October 2014. Continuities, discontinuities, ruptures in the Greek world (1204–*

- 2014): *economy, society, history, literature. Proceedings*. Athens: European Society of Modern Greek Studies, 319–341.
- Μαθιουδάκης, Ν. 2015: Η γλωσσική ποιητική ταυτότητα του Καβάφη και του Καζαντζάκη: μια συγκριτική μελέτη. Στο: Δημάδης, Κ. Α. (επιμ.). *Ε' Ευρωπαϊκό Συνέδριο Νεοελληνικών Σπουδών της Ευρωπαϊκής Εταιρίας Νεοελληνικών Σπουδών. Θεσσαλονίκη, 2–5 Οκτωβρίου 2014. Συνέχειες, ασυνέχειες, ρήξεις στον ελληνικό κόσμο (1204–2014): οικονομία, κοινωνία, ιστορία, λογοτεχνία. Πρακτικά*. Αθήνα: Ευρωπαϊκή Εταιρία Νεοελληνικών Σπουδών, 319–341.
- Mathioudakis, N. 2018: [Nikos Kazantzakis: “I love the modern Greek language with such passion ...”]. *Iōlkos Magnēσίας [Periodical edition of the Center Culture and Social Development “Iōlkos”]* 3, 54–63.
- Μαθιουδάκης, Ν. 2018: Νίκος Καζαντζάκης: «Αγαπώ με τόσο πάθος τη νεοελληνική γλώσσα...». *Ιωλκός Μαγνησίας [Περιοδική έκδοση Κέντρου Πολιτισμού και Κοινωνικής Παρέμβασης «Ιωλκός»]* 3, 54–63.
- Mathioudakis, N., Kambakis-Vougiouklis, P. 2011: [Epithetic identity of Odysseas in the epic poem of Nikos Kazantzakis: a hypothesis through fuzzy sets]. In: Dimadis, K. A. *Identities in the Greek world (from 1204 to the present day)*. Vol. 1. Athens: European Society of Modern Greek Studies, 295–314.
- Μαθιουδάκης, Ν., Καμπάκη-Βουγιουκλή, Π. 2011: Η επιθετική ταυτότητα του Οδυσσέα στο έπος του Νίκου Καζαντζάκη: μια πρόταση μέσω των ασαφών συνόλων. Στο: Δημάδης, Κ. Α. (επιμ.). *Ταυτότητες στον ελληνικό κόσμο (από το 1204 έως σήμερα)*. Τ. Α'. Αθήνα: Ευρωπαϊκή Εταιρεία Νεοελληνικών Σπουδών, 295–314.
- Mathioudakis, N., Karasimos, A. 2014: Dialectic and idiomatic aspects in *Odys(s)ey* by Nikos Kazantzakis. In: Kotzoglou, G., Nikolou, K., Karantzola, E., Frantzi, K., Galantomos, I., Georgalidou, M., Kourti-Kazoullis, V., Papadopoulou, C., Vlachou, E. (eds.). *11th International conference on Greek linguistics (Rhodes, 26–29 September 2013). Selected papers*. Rhodes: University of the Aegean, 1070–1088.
- McDonough, B. T. 1978: *Nietzsche and Kazantzakis*. Washington: University Press of America.
- Meletinsky, E. M. 1976: *Poetika mifa [Poetics of the myth]*. Moscow: Nauka.
- Мелетинский, Е. М. 1976: *Поэтика мифа*. М.: Наука.
- Petrides, A. K. 2015: Aeschylus in the mix: the making of Nikos Kazantzakis' Prometheus-Trilogy. *Classical Receptions Journal* 7. 3, 355–399.
- Probonas, I. K. 1989: *Ta omērika epē... kai neoellēniko dēmotiko tragoudi [The Homeric epics... and Modern Greek demotic song]*. Vol. 2: Explanatory commentaries. Athens: [n. p.].
- Προμπονάς, Ι. Κ. 1989: *Τα ομηρικά έπη... και νεοελληνικό δημοτικό τραγούδι*. Τ. Β': Ερμηνευτικό υπόμνημα. Αθήνα: [χ. εκδ.].
- Pushkin, A. S. 1948: *Polnoe sobranie sochineniï [Complete works]*. In 16 vols. Vol. 3, book 1: Stihotvoreniia, 1826–1836. Skazki [Poems,

- 1826–1836. Fairy tales]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR.
- Пушкин, А. С. 1948: *Полное собрание сочинений: В 16 т.* Т. 3, кн. 1: Стихотворения, 1826–1836. Сказки. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Pushkin, A. S. 1949: [Other redactions and variants: Poems, 1826–1836. Fairy tales]. In: Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. In 16 vols. Vol. 3, book 2: Stihotvoreniia, 1826–1836. Skazki [Poems, 1826–1836. Fairy tales]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 641–1122.
- Пушкин, А. С. 1949: Другие редакции и варианты: Стихотворения, 1828–1836. Сказки. В кн.: Пушкин, А. С. *Полное собрание сочинений: В 16 т.* Т. 3, кн. 2: Стихотворения, 1826–1836. Сказки. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 641–1122.
- Ricks, D. 2013: In partibus infidelium: Alexandros Papadiamantis and Orthodox disenchantment with Greek state (Ch. 19). In: Beaton, R., Ricks, D. (eds.). *The making of Modern Greece*. London: Ashgate Publishing, Ltd., 249–258.
- Tziovas, D. 2009: From being to becoming: reflections on the enduring popularity of Kazantzakis. *Byzantine and Modern Greek Studies* 33. 1, 83–91.
- Vasileva, I. E., Kisilier, M. L. 2019: [The Greek War of Independence as a cultural phenomenon: on the formation of collective memory and local identity]. *Indoevropskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology] XXIII. 1, 135–160.
- Васильева, И. Э., Кисилиер, М. Л. 2019: Греческая революция как культурный феномен: к проблеме формирования коллективной памяти и локальной идентичности. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* XXIII. 1, 135–160.
- Virolainen, M. N. 2003: [Cultured hero of the Modern history]. In: Virolainen, M. N. *Rech i molchanie: Siuzhety i mify russkoï slovestnosti* [Speech and silence: Plots and myths of Russian literature]. Saint-Petersburg: Amphora, 111–134.
- Виролайнен, М. Н. 2003: Культурный герой Нового времени. В кн.: Виролайнен, М. Н. *Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности*. СПб.: Амфора, 111–134.
- Virolainen, M. N. 2007: [Mythologization of the history in Dostoyevsky's narration]. In: Virolainen, M. N. *Istoricheskie metamorfozy russkoï slovestnosti* [Historical metamorphoses of the Russian literature]. Saint-Petersburg: Amphora, 395–406.
- Виролайнен, М. Н. 2007: Мифологизация истории в слове Достоевского. В кн.: Виролайнен, М. Н. *Исторические метаморфозы русской словесности*. СПб.: Амфора, 395–406.

А. Е. Петросян

(Институт археологии и этнографии, Ереван)

СОССЮРОВСКИЕ АНАГРАММЫ «ПЕСНИ ВАХАГНА»*

Памяти Вяч. Вс. Иванова

Фердинанд де Соссюр открыл принцип анаграмм, согласно которому в стихе повторы звуков и звукосочетаний могли передавать ключевые слова повествования или имена богов/героев. Из древнеармянской поэзии в этом отношении был изучен гимн о рождении бога Вахагна — «песня Вахагна» (В. В. Иванов, В. Н. Топоров, С. Б. Арутюнян и др.). В настоящей статье предлагается рассматривать многократные повторы в гимне звукосочетания *erk* как анаграмму слова *erku* 'два' с намеком на близнецность, а в выражении *sov cirani* 'пурпурное море' — видеть анаграмму имени *Covinar*, мифологической персонификации пурпурного небесного моря и матери близнецов, первых героев эпоса «Сасунские безумцы». Возможно также, что в гимне сохранились следы других имен и терминов индоевропейского мифа о боге грозы.

Ключевые слова: древнеармянская поэзия, «песня Вахагна», анаграммы, имя Цовинар.

A. Y. Petrosyan

(Institute of Archaeology and Ethnography NAS RA)

The saussurean anagrams of the «Song of Vahagn»

Ferdinand de Saussure, while studying the characteristic features of the Indo-European poetic language, discovered that there was a principle according to which in the verses the key words or the names of gods/heroes could be transmitted by repeating sounds and sound combinations that constitute them. Within the ancient Armenian poetry, the hymn on the birth of the god Vahagn — «song of Vahagn» — became a matter of thorough study in this context (V.V. Ivanov, V. N. Toporov, S. B. Harutyunyan, et al.). This article proposes that the repeated sound combination *erk* is to be considered an anagram of the word *erku* 'two' with an allusion to twins, and that an anagram of the name of Covinar may be seen in the words *sov cirani* 'purple sea', thus referring to the mythological personification of the heavenly 'purple sea' and the mother of the first twin heroes of the epic «Daredevils of Sasun». It is also possible that this hymn contains some traces of other names and terms of the Indo-European myth about the thunder god.

Keywords: Armenian poetry, «song of Vahagn», anagrams, the name of Covinar.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета по науке Республики Армения в рамках научного проекта № 18T-6B286.

Фердинанд де Соссюр, изучая особенности индоевропейского поэтического языка, показал, что в нем действовал важный принцип: в стихе повторами звуков и звукосочетаний кодировалось имя бога или героя, о котором идет речь в тексте (Starobinski 1971: 35–39, 59–60, 126–127; Соссюр 1977: 639–645; Gamkrelidze, Ivanov 1984: 837–839; Ivanov 1999: 617–627). В древнеармянском стихе в этом контексте наиболее подробно был изучен сохраненный у Хоренаци языческий гимн рассказывающий о рождении бога грозы и войны Вахагна («песня Вахагна»). Первооткрывателем изучения анаграмм гимна был Вяч. Вс. Иванов, в своих работах показавший, что гимн является одним из ярких примеров индоевропейской поэзии (Ivanov 1969: 47–56; 1983; Ivanov 2011; см. еще Toporov 1977: 100–103; Arutyunyan 1987: 53–54). Следует добавить, что разительные соответствия к этой песни в ведийских гимнах были выявлены уже в XIX веке (Emin 1873; см. еще Abegyan 1966: 81–82; Petrosyan 2002: 34–36). Ниже я постараюсь показать наличие именно анаграммированных теонимов в «песне Вахагна».

Вот текст гимна (Khorenatsi 1.30).

Erknēr erkin, erknēr erkir (или: erknēr erkin ew erkir),
erknēr ew covn cirani,
erkn i covun unēr ew zkarmrikn eġegnik.

Ənd eġegan p'ol cux elanēr,
ənd eġegan p'ol boc' elanēr,
ew i boc'oyñ vazēr xarteas̄ patanekik.

Na hur her unēr,
boc' unēr mawrus,
ew ač'kunk'n ėin aregakunk'.

Дословный перевод:

В муках родин небо, в муках родин земля (или: в муках родин
небо и земля),
В муках родин и пурпурное море,
Муки родин в море имел и красненький тростничок.

Из ствола тростника поднимался дым,
Из ствола тростника поднималось пламя.
И в пламени прыгал/бегал рыжий паренечек.

Он огонь (огненные) волосы имел,
Пламя (пламенную) имел бороду,
И глазки были солнышками.

Здесь все дышит индоевропейской древностью — и бог, рождающийся от неба, земли и моря, как древнеиндийский Агни (Petrosyan 2002: 38), и огненнокрасная борода бога, характерная для индийского, славянского, балтийского и скандинавского бога грозы (West 2007: 246–247), и представление глаз бога солнцами, ср. образ Гелиоса как «глаза Зевса» (Гесиод, «Труды и дни» 267).

Хоренаци продолжает: «далее в песне сказывалось, что Вахагн сражался с вишапами (арм. *višar* «мифологический змей, дракон») и победил их, а также ему приписывались и некоторые подвиги, очень похожие на Геракловы». У Агатангелоса (§ 127) царь Трдат III приветствуя народ говорит: «и храбрость дойдет до вас от храброго Вахагна». Так кем же был Вахагн? Исследователи считают его богом грозы (Abegyan 1948: 31–35; 1966: 75–85; Arutyunyan 2000: 83–84), который, как и некоторые другие грозовые боги индоевропейцев, был еще и носителем военной функции, божественным покровителем молодежных военных дружин (Petrosyan 2018). В армянской традиции бог грозы и его эпические трансформации выступают в виде близнецных образов (Petrosyan 2002: 115–117; см. еще Arutyunyan 2000: 106, 109–110). Кстати, близнецами рождаются и боги грозы и в некоторых других традициях, как например, индийский Индра, шумерский Ишкур и хурритский Тешуб (Petrosyan 2002: 20–22). Разительной особенностью первых строк гимна является многократное повторение звукосочетания *erk-*, что, очевидно, может быть рассмотрено как намек на слово *erku* ‘два’, также как и представление неба и земли как двух частей одного космического целого, а рождения — как разделения на две части роженицы (ср. Ivanov 1969: 47–50; 1983: 33–37; см. еще Martirosyan 2010: 267–269). Но очевидно, что здесь подчеркивается сама идея двоичности, и, учитывая сказанное и вообще широкое распространение в индоевропейских традициях близнецных богов и героев, можно полагать, что в этих строках есть и намек на близнецность. С другой стороны, в армянском *erk-* так или иначе восходит к индоевропейскому **dw-*, и так как в гимне рассказывается о рождении бога, повторение этого сочетания можно рассмотреть как анаграмму индоевропейских теонимов содержащих звуки *d* и *u/w*, ср. **deiwos* ‘бог’, **dyēus ph₂ter* ‘бог отец светлого неба’ (Arutyunyan 1987: 53; Petrosyan 2002: 36; о вероятном происхождении арм. *erkin* ‘небо’ от **d(i)ui-n-* см. Djahukian 2010: 227).

В армянской мифологии божественные близнецы известны в нескольких вариантах (Ерванд и Ерваз, Санасар и Багдасар, Мамик и Конак и др., см. Arutyunyan 2000: 338–355), из которых наиболее знамениты Санасар и Багдасар в эпосе «Сасунские безумцы» («Давид Сасунский»). Санасар выступает эпической трансформацией бога грозы (Abegyan 1966: 414–418; 1975: 72–73), а имя его матери Цовинар (Covinar) в диалектах означает «молния, зарница», да и она сама выступает воплощением этих явлений, женским соответствием или паредрой бога грозы. В фольклорных текстах она известна как небесная богиня, женщина с огненными глазами, которая во время грозы скачет в облаках на своем огненном коне, а гром воспринимается как грохот копыт коня (Abegyan 1975: 70–72). Covinar иначе называется *Covean* (в эпосе — *Coveal*) ‘Морская’, от *sov* ‘море’. Она зачала близнецов выпив воды из чудесного источника, и ее потомки — герои эпоса называют себя «морскими» (Abegyan 1966: 406–409).

В ряде армянских загадок дождевое облако и гром представлены как небесная корова и ее мычание — она «пьет воду из молочного источника, издает звук из кровавого моря» (обсуждение загадки в связи с образом Цовинар см. Abegyan 1966: 77; 1975: 66; Arutyunyan 2000: 80–82; Petrosyan 2002: 13–14). В древней Малой Азии, Месопотамии и многих индоевропейских традициях символом бога грозы был бык (Ivanov 1980; см. еще Schwemer 2008: 33–35). Значит, корова в этой загадке может рассматриваться как символ женского соответствия бога грозы, а «кровавое море» — как другое название «пурпурного моря». Это — небесное космическое море во время грозы, поле битвы божеств грозы и их противников, а также пурпурное небо зари (Abegyan 1948: 34; 1966: 80–81; 1975: 66; Arutyunyan 2000: 80–81). В эпосе часто упоминается «молочный источник» Сасунских гор, из которого перед боем пьют воду и становятся более могучими наследники Санасара. По логике мифа вода этого источника должна быть идентичной воде чудесного источника, от которой родились их предки (Arutyunyan 2000: 80). Таким образом, можно сказать, что пьющая из «молочного источника» и мычащая из «кровавого моря» корова в цитированной выше загадке выступает зооморфным символом Цовинар.

Имя Цовинар не имеет однозначной этимологии, притом спорным является только происхождение второй части — первая часть, очевидно, восходит к *sov* «море» (Petrosyan 2002: 7–

8, с литературой). А название *cirani cov* ‘пурпурное море’ состоит только из звуков имени Цовинар. В мифологическом мышлении подобное сходство имен может намекать на связь между обозначаемыми этими именами явлениями. И очевидно, что Цовинар выступает как мифологическое олицетворение «пурпурного моря» (Arutyunyan 2000: 14; Petrosyan 2002: 14). В соответствии с этим, вторая строка песни Вахагна *erknēr ew covn cirani* полностью соответствует рождению близнецов Санасара и Багдасара: в муках рождения находится «пурпурное море», которое олицетворяет Цовинар¹. Очевидно также, что *cirani cov* не только олицетворяет Цовинар, но что таким образом здесь зашифровано ее имя, т. е. оно здесь выступает как анаграмма ее имени (Petrosyan 2008: 163). Более того, имя Цовинар зашифровано и в третьей строке песни *erkn i covun unēr ew zkarmrikn ełegnik*, где рождающего бога красненький тростничок выступает растительным символом Цовинар, а в словах *covun unēr ew zkarmrikn* («в море имел и красненький»), где большинство звуков повторяют звуки имени Цовинар, намекают еще и на другое название пурпурного моря — «коровое (т. е. «красное») море».

Во всех частях «песни Вахагна» есть повторяющиеся звуки и звуко сочетания, которые, видимо, не случайны и — в них тоже можно искать соссюровские анаграммы. Вахагн — иранское имя, а каким было древнее армянское имя бога грозы не известно. Если песня — яркий пример индоевропейской поэзии, ее бог также первоначально должен был иметь индоевропейское — исконно армянское происхождение. Не заходя в подробности реконструкции, можно сказать, что имя индоевропейского бога грозы может быть восстановлено по именам балтийских и славянских теонимов — лит. *Perkūnas*, латыш. *Pērķōns*, рус. Перунъ (ср. также инд. *Parjanya* и исл. *Fjǫrgynn*), которые могут быть интерпретированы как «бьющий, ударяющий», от корня **per-* ‘бить, ударить’ (ср. арм. *harem, harkanem*

---

¹ Из этого следует, что Санасар, первый герой сасунского эпоса, воплощает не абстрактного бога грозы, а именно Вахагна. Можно добавить, что центром культа Вахагна была провинция Тарон, которая составляла единый регион с соседним Сасуном (Муш-Сасун). Мифологические образы, локализованные в едином регионе, рожденные от тождественной матери и имеющие одинаковые (грозовые) функции, очевидно, генетически тождественны. Разница в том, что один из них известен как древний языческий бог, а другой — герой эпоса, записанного в XIX веке.

‘бить, ударить’, *haruac* ‘удар’). В балтийских формах корень выступает с наращением k^w , как в армянском — g в слове *harkanem* (об индоевропейском боге грозы см. напр., Ivanov, Toporov 1974: 4–30; Puhvel 1987: 226; West 2007: 238–251).

Можно ли найти следы подобного имени в «песне Вахагна»? Армянской этимологической параллелью к славянскому Перуну, учитывая регулярное армянское развитие $*p > h$, мог быть *Herun*, ср. тогда седьмую строку песни *na hur her unēr* ‘он огонь имел волосы’, которую можно представить также как *na hur Herun ēr* ‘он был огненным Herun’ом’. Для балтийских форм восстанавливается праформа $*Perk^wunos$, который в армянском дала бы *Hergun* (учитывая, что в армянском корень $*per-$ известен с наращением $*g$, нельзя исключить и возможность формы *Herkun*). В девятой строке слова *ač’kunk’* и *aregakunk’* содержат звуко сочетание *kun* которое, наряду со словами *hur her* и *unēr* предыдущих строк и *erkunk’* ‘муки/боли рождения’ характеризующего всю песню, могли намекать на теоним $*Herkun/Hergun$.

Согласно Вяч. Вс. Иванову и В. Н. Топорову, в индоевропейском грозовом мифе имя противника бога Змея восходит к корню $*wel-$ (Ivanov, Toporov 1974: 31–75). Армянский рефлекс этого корня — *geł* (с регулярным развитием $*w > g$), которым, до заимствования иранского слова *višap*, назывался Змей². Действие бога — поражение противника кодировалось корнем $*g^{uh}en-$ (Watkins 1995: 304–324, ср. эпитет Индры *Vṛtrahan* ‘убийца (змея) Вритры’ и его древнеиранское соответствие *Vṛθragna/Vərəθrayna*, к среднеиранской форме которого восходит само имя Вахагна, см. Achaṙyan 1962: 8). Одним из рефлексов корня $*g^{uh}en-$ в армянском является *ganem* ‘бью, ударяю’ (Martirosyan 2010: 198). Соответственно, главное действие

² Уникальные огромные стелы «вишапы», найденные в горах Армении и соседних регионов (древнейшие датируются последней четвертью III тысячелетия до н. э.), сконцентрированы главным образом на западе Севанского (в древности — *Gełam*’ского) озера, на *Gełam*’ских горах, в провинции *Gełak’uni*, притом две самые многочисленные их группы расположены на горе *Geł* и возле крепости *Gełi*. Надо полагать, что эти топонимы связаны с именем мифического змея $*wel-$, да и анализ изображений на вишапах также показывает их связь с грозовым мифом. О протоармянском $*gel-$ ‘змей/змея’ может свидетельствовать и картвельский корень $*gwel-$ ‘змея’, который мог быть заимствован от промежуточной протоармянской формы индоевропейского $*wel-$ ($> *gwel-$ $> geł$, см. об этом подробно Petrosyan 1987; 2014: 45–53; Petrosyan 2016).

грозового мифа в армянском могло быть кодировано формулой *geł + gan*, анаграммой которого представляется повторяющиеся в четвертой и пятой строках песни *ełegan* (род. падеж *ełegn* 'тростник'). Заметим, что *ełegn* напоминает также имя Вахагна и может рассматриваться в контексте его мифологемы (об образе горящего тростника в мифах древних богов войны региона см. Petrosyan 2002: 38–39).

Литература

- Abegyan, M. Kh. 1948: [*History of the Old Armenian Literature*]. Vol. I. Yerevan: Armenian Academy of Sciences.
Абегян М. Х. 1948: *История древнеармянской литературы*. Т. 1. Ереван: Изд.-во Арм. АН.
- Abegyan, M. Kh. 1966: [*Works*]. Vol. I. Yerevan: Armenian Academy of Sciences (in Armenian).
Абегян М. Х. 1966: Труды, т. 1, Ереван : Изд-во Арм. АН (на арм. яз.).
- Abegyan, M. Kh. 1975: [*Works*]. Vol. VII. Yerevan: Armenian Academy of Sciences (in Armenian).
Абегян М. Х. 1975, Труды, т. 7, Ереван : Изд-во АН Арм. ССР (на арм. яз.).
- Acharyan, R. A. 1962: [*Dictionary of Armenian Proper Names*]. Vol. V. Yerevan: Armenian University (in Armenian).
Ачарян Р. А. 1962: *Словарь армянских личных имен*. Т. 5, Ереван: Изд-во Ереванского университета (на арм. языке).
- Arutyunyan, S. B. 1987: [Reflection of some features of Indo-European metrics in Old Armenian poetry and folklore]. *Historical-Philological Journal* 4, 48–60 (in Armenian).
Арутюнян, С. Б. 1987: Отражение некоторых особенностей индоевропейской метрики в древнеармянской поэзии и фольклоре. *Историко-филологический журнал*. 4, 48–60 (на арм. яз.).
- Arutyunyan, S. B. 2000: *Armenian Mythology*. Beirut: B. Setyan (in Armenian).
Арутюнян, С. Б. 2000. *Армянская мифология*. Бейрут, В. Сетян (на арм. языке).
- Djahukian, G. B. 2010: [*Etymological Dictionary of the Armenian Language*]. Yerevan: «Asogik» (in Armenian).
Джаукян, Г. Б. 2010: *Этимологический словарь армянского языка*. Ереван (на арм. яз.).
- Emin, N. O. 1873: *Vahagn-Vishapakah of Armenian mythology is Indra-Vritrahan from Rig-Veda*. St. Petersburg: Academy of Sciences.
Эмин, Н. О. 1873: *Вахагн-Вишапаках армянской мифологии есть Индра-Vritrahan Риг-Веды*. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук.
- Gamkrelidze, T. V., Ivanov, Vyach. Vs. 1984: [*The Indo-European Language and Indo-Europeans*]. Tbilisi: Tbilisi University.

- Гамкрелидзе, Т. В., Иванов, В. В. 1984: Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета.
- Ivanov, Vyach. Vs. 1969: [Using of cognate words from Ancient Indo-European poetry for etymological researches]. In: *Etymology 1967*, 40–56.
- Иванов, Вяч. Вс. 1969: Использование для этимологических исследований однокоренных слов в поэзии на древних индоевропейских языках. В сб.: *Этимология 1967*, 40–56.
- Ivanov, Vyach. Vs. 1980: [Bull]. In: *Mify narodov mira [Myths of peoples of the World]*. Vol. I. Moscow: «Soviet Encyclopedia». Иванов, Вяч. Вс. 1980: Бык. В кн.: *Мифы народов мира*. Т. 1, М., «Советская энциклопедия»: 203.
- Ivanov, Vyach. Vs. 1983: [Defining different chronological strata in Old Armenian and the problem of original structure of the text of Vahagn's hymn]. *Historical-Philological Journal* 4, 22–43.
- Иванов, Вяч. Вс. 1983: Выделение разных хронологических слоев в древнеармянском и проблема первоначальной структуры текста гимна Ва(х)агну. *Историко-филологический журнал* 4, 22–43.
- Ivanov, Vyach. Vs. 1999: [Theory of anagrams in Indo-European poetry]. In: *Selected works on semiotics and history of culture*. Vol. I. Moscow: «Languages of Russian Culture», 617–627.
- Иванов, Вяч. Вс. 1999: Теория анаграмм в индоевропейском стихе. В: Избранные труды по семиотике и истории культуры, т. 1, М., Языки русской культуры, 617–627.
- Ivanov, Vyach. Vs. 2011: A Probable Structure of a Protoform of the Ancient Armenian Song of Vahagn. *Aramazd: Armenian Journal of Near Eastern Studies*. 6 (1), 7–23.
- Ivanov, Vyach. Vs., Toporov, V. N. 1974: *Issledovaniya v oblasti slavyanskikh drevnostei. Leksicheskie i frazeologicheskie voprosy rekonstruktsii tekstov [Research in the field of Slavic antiquities. Lexical and phraseological questions of the reconstruction of the texts]*. Moscow: Nauka.
- Иванов, Вяч. Вс., Топоров, В. Н. 1974: *Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов*. М.: Наука.
- Martirosyan, H. K. 2010: *Etymological dictionary of the Armenian inherited lexicon*. Leiden; Boston: Brill (= Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series, 8).
- Movses Khorenatsi 1990: *History of Armenia*. Translation from Old Armenian, introduction and comments by G. Sarkisyan. Yerevan: «Hayastan». Хоренаци 1990: Мовсес Хоренаци, История Армении. Пер. с древнеарм. яз., введение и прим. Г. Саркисяна. Ереван, «Айастан».
- Petrosyan, A. E. 1987: [PIE root *ǵel- as reflected in Armenian mythology]. *Journal of social sciences of Armenian Academy of Sciences* 1, 56–70.

- Петросян А. Е. 1987: Отражение индоевропейского корня *uel- в армянской мифологии. *Вестник общественных наук АН Арм. ССР*. 1, 56–70.
- Petrosyan, A. E. 2002: *The Indo-European and Ancient Near Eastern Sources of the Armenian Epic*. Washington DC: «Institute for the Study of Man».
- Petrosyan, A. E. 2008: Mythological character of Tigran the Great. *Historical-Philological Journal* 2, 156–177 (in Armenian).
- Петросян, А. Е. 2008: Мифологический образ Тиграна Великого. *Историко-филологический журнал* 2, 156–177 (арм. яз.).
- Petrosyan, A. E. 2014: *Armenian Researches*. Yerevan: «Antares».
- Петросян А. Е. 2014, *Арменоведческие исследования*. Ереван, «Антарес».
- Petrosyan, A. E. 2016, Indo-European *Wel- in Armenian Mythology. *Journal of Indo-European studies* 1–2, 129–146.
- Petrosyan, A. E. 2018: [Armenian ghosts kajī: image and name]. *Problems of onomastics* 15 (1), 51–64.
- Петросян А. Е. 2018: Армянские духи каджи: образ и название. *Вопросы ономастики* 15 (1), 51–64.
- Puhvel, J. 1987: *Comparative Mythology*. Baltimore; London: John Hopkins University Press.
- Saussure, F. de 1977: *Trudy po yazykoznaniiyu [Linguistic works]*. Moscow: «Progress».
- Соссюр, Ф. де 1977: *Труды по языкознанию*. М., «Прогресс».
- Schwemer, D. 2008: The Storm-Gods of the Ancient Near East: Summary, Synthesis, Recent Studies. Part II. *Journal of Ancient Near Eastern Religions* 8 (1), 1–44.
- Starobinski, J. 1971: *Les mots sous les mots. Les anagrammes de Ferdinand de Saussure*. Paris: Gallimard.
- Toporov, V. N. 1977: The reflection of an Indo-European myth in Old Armenian tradition. *Historical-Philological Journal* 3, 88–106.
- Топоров В. Н. 1977: Об отражении одного индоевропейского мифа в древнеармянской традиции. *Историко-филологический журнал* 3, 88–106.
- West, M. L. 2007: *Indo-European Poetry and Myth*. Oxford: Oxford University Press.

П. А. Кочаров

(Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург)

И.-Е.KIEU-E/O-* ‘ДВИГАТЬСЯ’ КАК ЛЕКСИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ИЗОГЛОССА**

В статье рассматриваются некоторые особенности морфологического оформления корня **kieu-* ‘двигаться, приходить в движение’ в свете гипотез, сближающих греческую, армянскую и индоиранскую ветви индоевропейской языковой семьи. Для данного корня принято восстанавливать две имперфективных основы, **kiēu/kieu-* и **kieu-e/o-*. Если рассматривать корень **kieu-* как греко-армяно-индоиранскую лексическую инновацию, реконструкция двух основ вызывает вопрос о продуктивности соответствующих морфологических типов в позднеиндоевропейском. В статье показано, что основания для реконструкции атематической основы являются ненадежными. В частности, др.-арм. аор. *č’og-* проще объясняется исходя из тематической основы. Обобщение имперфективной основы, к которой восходит *č’og-*, могло быть связано с использованием имперфекта во множественном числе этого глагола в дистрибутивном значении при описании точечных событий в прошлом — явлением, наблюдаемом в употреблении др.-греч. *σεύομαι* у Гомера¹.

Ключевые слова: внутрипарадигматическая аналогия, индоевропейская диалектология, имперфективные основы

P. A. Kocharov

(Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg)

PIE **kieu-e/o-* ‘move’ as a lexico-morphological isogloss

The paper is dedicated to some morphological features of PIE **kieu-* ‘to move’ with respect to hypotheses that consider Greek, Armenian, and Indo-Iranian as closely related branches of Indo-European languages. The verb in question is commonly reconstructed with two imperfective stems, **kiēu/kieu-* and **kieu-e/o-*. Considering **kieu-* as a lexical innovation shared by Greek, Armenian, and Indo-Iranian, entails the assumption that the athematic stem remained productive in the late Proto-Indo-European. However, the paper argues that the comparative evidence for the reconstruction of the athematic stem is very shaky. In particular, Arm. *č’og-* is better explained starting from the thematic stem. Generalization of the imperfective stem, from which *č’og-* was derived, could have been facilitated by the use of the mperfect tense with distributive meaning in plural forms of this verb to describe momentary past events, a phenomenon otherwise observed in the use of *σεύομαι* in Homer.

---

¹ Исследование проводится при поддержке гранта РФФИ № 20-012-00367 «Индоевропейские морфологические изоглоссы» (рук. Н. Н. Казанский).

Key words: interparadigmatic analogy, Indo-European dialectology, imperfective stems

1. Введение

Корень **kieu-* ‘двигаться’ надежно восстанавливается для общего предка индоиранской, греческой и армянской ветвей, ср. др.-греч. *κευ/κυ-*, вед. *суав/суи-*, авест. *š(ii)aiui/š(ii)u-*, др.-перс. *šiyav-*, др.-арм. *č'og-*. В рамках гипотезы об относительной близости трех перечисленных ветвей, демонстрирующих наряду с фригийским аугмент в системе претерита (см. Martirosyan 2013), можно признать **kieu-* позднеиндоевропейской лексической инновацией.

Восстанавливаемый в *LIV*² вариант **k^wieu-* (ср. также Kümmel 1998: 159), основан на гипотетическом контрасте результатов палатализации и.-е. **k^wi* > др.-арм. *č'* vs. и.-е. **ki* > др.-арм. *c'*, что однако не находит достаточного подтверждения; все имеющиеся примеры — неоднозначны, ср. *loyc'* — ‘зажигать’ от през. **leuk-ie/o-* или, что более вероятно, от аор. **leuk-s-*. С другой стороны, формальная и семантическая близость с и.-е. **kei(h₂)-* либо **kei(h₂)-* ‘двигаться’ (ср. лат. *cieō*, др.-греч. аор. *κίε*, през. *κίνυμαι*; cf. *LIV*₂: 346; Beekes 2010: 700, 707; Martirosyan 2010: 548) кажется не случайной, что поддерживает реконструкцию начального простого велярного в **kieu-*, с одной стороны, и **kei(H)-*, с другой (ср. Ernout, Meillet 2001: 120; Mayrhofer 1986–2001, I: 553). Расширитель **-eu/u-* можно постулировать и для других глаголов движения, восстанавливаемых на основании данных только греческой, армянской и индоиранской ветвей, ср. и.-е. **dr-eu-* (др.-инд. *drávati* ‘бежать’) наряду с и.-е. **dr-eh₂-* (др.-греч. *ἔδραμον*, супплетивный аорист *τρέχω* ‘бежать’, вед. императив *drātu*), и.-е. **sr-eu-* (др.-инд. *srávati*, др.-арм. *ořoganem*, др.-греч. *ῥέω* ‘течь’) наряду с и.-е. **ser-* (др.-инд. аор. *ásarat* ‘течь’); см. Kocharov, Shatskov frthc.

Согласно распространенной точке зрения, глагол имел атематическую основу презенса **kiēu/kieu-* (вед. прич. *суávāna-*, авест. *šaiuiaitē*, др.-арм. *č'ogay*), атематическую основу аориста **kieu/kiu-* (др.-греч. аор. *ἔσσυτο*) и основу каузатива **kiou-eie/o-* (вед. *суāváya-*, авест. *šāuiiaia-*, др.-греч. *σοέω*); см. García Ramón 1994; *LIV*²: 394f.² В рамках такой реконструкции тема-

² Реконструкция залога для данного глагола затруднительна. Вариативность залоговых показателей при агентивных непереходных глаголах разных лексических групп, включая глаголы движения, является тривиальной для сопоставляемых языков, что не позволяет прийти к

тическая основа презенса **kieu-e/o-*, надежно засвидетельствованная для индоиранских языков (вед. *cyava-*, авест. *š(ii)aiia-*, др.-перс. *šiyava-*) и греческого (σέυω/ε-), рассматривается как инновация — обновление атематического презенса на базе медиопассивных форм с полной ступенью корня основы **kiēu/kieu-*.

В рамках такой реконструкции возникает вопрос, согласуется ли атематическая основа с гипотезой о том, что **kieu-* является позднеиндоевропейской лексической инновацией и, если так, для каких из перечисленных ветвей следует постулировать переход от атематической к тематической основе — потенциальную морфологическую инновацию. Ответ на эти вопросы требует в первую очередь оценки надежности реконструкции атематической основы.

2. Реконструкция основы **kiēu/kieu-*

Ниже рассмотрены формы, привлекавшиеся к реконструкции атематической презентной основы **kiēu/kieu-* в ведийском, авестийском, древнегреческом и древнеармянском.

2. 1. Ведийский

2.1.1. Форма *cyávam* ‘предпринимаю что-л. (< *привожу что-л. в движение)’, засвидетельствованная в *RV* 1.165.10 (ср. пример (1)), представляет собой регулярную форму тематического презенса 1 л. ед. ч. инъюнктива актива. Однако некоторые исследователи (ср. Hoffmann 1967: 247; Gotō 1987: 144; García Ramón 1994: 59; Lubotsky 1997, I: 543) интерпретируют *cyávam* как форму конъюнктива от атематической основы (с заменой

надежным диахроническим выводам (см., например, Allan 2003: 181–184 о древнегреческом; Kocharov 2019 о древнеармянском; примечательно также, что др.-перс. *šiyav-a-* в непереходном значении ‘идти (куда-либо)’ встречается только в формах актива, см. Schmitt 2014: 82, 248f.). Учитывая, что для данного глагола хорошо восстанавливается производный каузатив с переходным значением ‘приводить в движение’, сам глагол, вероятно, выражал в первую очередь непереходное значение. Употребление базового глагола в переходной конструкции, по-видимому, следует считать независимой инновацией отдельных языков. Такое вторичное развитие можно, например, предположить для авест. акт. *(^o)šaiia-ⁿ*, употребляющемся как в непереходном значении (Y. 2, 10.18), так и в переходном значении, характерном для каузатива *šaiiaia-* (в том же фрагменте — Y. 2, 10.18); ср. также Willi 2018: 261, 320f. о развитии переходного значения др.-греч. σέυω ‘гнать, преследовать’.

регулярного окончания конъюнктива окончанием *-am* индикатива/инъюнктива) на том основании, что в строфе (b) глагол *kr̥-* употреблен в конъюнктиве. При этом предлагалось интерпретировать атематическую основу либо как презентную, либо как аористную (Kümmel 1998: 195). Однако в отличие от (b), в строфе (d) инъюнктив описывает вневременную ситуацию, с которой также соотносится индикативная форма перфекта *ī́se* с хабитуальным значением.

(1) *RV* 1.165.10 (<https://vedaweb.uni-koeln.de/rigveda/view/id/1.165.10>):

- a) *ékasya* *cit* *me* *vibhú*
 один.GEN.SG.M даже я.DAT/GEN.SG выдающийся.NOM.SG.N
astu *ójaḥ*
 быть.3SG.PRS.IMP.ACT сила.NOM.SG.N
- b) *yá* *nú* *dadhr̥svān*
 который.ACC.PL.N ptcl дерзать.NOM.SG.M.PRF.ACT
kr̥ṇávai *manīṣā*
 делать.1SG.PRS.SBJV.MED мудрость.INS.SG.F
- c) *ahám* *hí* *ūgráḥ* *marutaḥ*
 я.NOM.SG.M/F PTCL грозный.NOM.SG.M марут.VOC.PL.M
vidānaḥ
 знать.NOM.SG.M.PRF.MED
- d) *yāni* *cyávam* *índraḥ*
 тот.NOM/ACC.PL.N двигаться.1SG.PRS.INJ.ACT индра.NOM.SG.M
ít *ī́se* *eṣām*
 PTCL править.3SG.PRF.IND.MED этот.GEN.PL.M/N

‘Даже когда я один, да будет моя сила огромна! На что дерзаю, я совершу обдуманно! Ведь я, о Маруты, известен как грозный. Те (дела,) что я **привожу в движение**, — только Индра **властен** над ними!’ (пер. Т. Я. Елизаренковой).

Таким образом, более экономное с точки зрения морфологии определение *cyávam* как формы инъюнктива представляется вполне оправданным и с точки зрения фразового контекста. Кроме того, даже если допустить интерпретацию *cyávam* как формы конъюнктива, заместившей акт. **cyávā(ni)* или м.-п. *cyávai (показательно, такая замена не произошла в *kr̥ṇávai* в строфе b), нет оснований считать, что исходная форма конъюнктива была образована от гипотетической атематической основы, а не от хорошо засвидетельствованной тематической.

2.1.2. Вед. *cyávante* засвидетельствовано в Ригведе два раза: *RV* 1.167.8; *RV* 10.124.4. Гарсиа Рамон интерпретирует эту

форму в *RV* 1.167.8с (ср. пример (2)) как конъюнктив от атематического презенса, а в *RV* 10.124.4 видит либо конъюнктив от атематической, либо индикатив от тематической основы (García Ramón 1994: 58; ср. также Kümmel 1998: 195f.). Однако формы презенса индикатива *pānti* и *cáyate* в *RV* 1.167.8a–b делают интерпретацию *cyávante* как формы презенса индикатива более вероятной.

(2) *RV* 1.167.8 (cf. <https://vedaweb.uni-koeln.de/rigveda/view/id/1.167.8>):

- a) *pānti* *mitrāvárūṇau*
защищать.3PL.PRS.IND.ACT митра_варуна.NOM.DU.M
avadyāt
 порицание.ABL.SG.N
- b) *cáyate* *īm aryamā u*
собирать.3SG.PRS.IND.MED PTCL арьяман.NOM.SG.M PTCL
āpraśastān
 недостойный.ACC.PL.M
- c) *utá cyavante* *ācyutā*
 и **двигаться.3PL.PRS.IND.MED** неподвижный.NOM.PL.N
dhruvāṇi
 твердыня.NOM.PL.N
- d) *vāvr̥dhé* *īm marutaḥ*
крепнуть.3SG.PRF.IND.MED PTCL марут.VOC.PL.M
dātivāraḥ
 дающий_желаемое.NOM.SG.M

‘Митра, Варуна (и Арьяман) защищают (добродетельных) от порицания, Арьяман же наказует недостойных. И несотрясаемые твердыни сотрясаются (из-за Марутов). Тот, кто дает лучший дар, только крепнет.’ (пер. Т.Я. Елизаренковой).

Аналогичная ситуация обнаруживается в *RV* 10.124.4, где *cyávante* описывает событие (движение богов) в одном ряду с другими событиями, выраженными формами презенса индикатива (*jahāmi* ‘я покидаю’ и *avāmi* ‘я поддерживаю’).

Еще менее убедительной кажется предлагавшаяся (ср. Kümmel 1998: 196) интерпретация *cyávanta* как формы конъюнктива в *RV* 1.48.2ab, где глагол описывает постоянное качество божества (*aśvāvātīr gomātīr viśvasuvido bhūri cyavanta vastave* ‘богатые конями, богатые коровами, легко все находящие (зори) **стремятся** сильно сиять’, перев. Т.Я. Елизаренковой).

2.1.3. Вед. *суáv-āna-* ‘движущийся’ (о ветре *RV* 10.115.6; о божестве *RV* 6.62.7) — медиальное причастие атематического спряжения. Начиная с публикации Дж. Нартен (Narten 1968), это причастие считается одним из наиболее весомых оснований для реконструкции основы **kiēu/kieu-* (ср. Kümmel 1998: 195). Однако следует иметь в виду, что атематические медиальные причастия в ведийском очень неоднородны с точки зрения производящей основы.

Как отмечает Дж. Лове (Lowe 2015: 240), многие формы на *-āna-* не соотносятся с определенной глагольной основой, демонстрируя отличия в неличных формах глагола под влиянием именной морфологии. Признаками такого изменения признается выравнивание ударения на корне (ср. *vid-āna-* ‘знающий’ от $\sqrt{vid-}$ ‘знать’) и выравнивание полной ступени корня (ср. *yodh-ānā-* ‘сражающийся’ от $\sqrt{yudh-}$ ‘сражаться’). Особенно показательным для сравнения с *суáv-āna-* (през. *суávate*) является причастие *sac-ānā-* ‘следующий’ (*RV* 6. 20. 2d) от глагола движения $\sqrt{sac-}$ ‘следовать’, учитывая, что тематический презенс *sácate* для этого глагола является не только основным в синхронии ведийского но и унаследованным от праиндоевропейского состояния (ср. др.-греч. *ἔπομαι*, лат. *sequor* ‘следовать’, etc.; см. *LIV*²: 525, где *sac-ānā-* возводится к атематическому аориста, а не презенсу). Как и в случае с *sac-ānā-*, атематическая основа *суav-* не засвидетельствована формами презенса или аориста индикатива, и вокализм корня *суáv-āna-* в Ригведе соотносится в первую очередь с вокализмом тематической основы *суav-a-*. В этой связи появляется возможность рассмотреть *суáv-āna-* ‘движущийся; находящийся в движении’ как субстантивированное причастие, с аналогической полной ступенью корня. С диахронической точки зрения атематическое причастие могло быть образовано от корневого аориста (ср. др.-греч. *ἔσσυτο*) до того, как он был полностью вытеснен сигматическим аористом (вед. *acyoṣṭa*).

2. 2. Авестийский

2.2.1. Ст.-ав. *šīiauiāi* (Y. 33, 8; см. пример (3)) предлагалось интерпретировать как форму 1 л. ед.ч. мед.-пасс. конъюнктива, образованную от атематической презентной основы (Narten 1968: 16; Kellens, Pirart 1990: 324; García Ramón 1994: 61; Hoffman & Forssman 2004: 204) или от аористной основы (ср. 3

ед.ч. м.-п. аор. *maṇtā* ‘узнавать’, 1 ед.ч. конъюнктива *mānāi-cā*; García Ramón 1994: 62; Hoffman & Forssman 2004: 227).

- (3) *tā yā vohū* *šīiauuāi* *manaṇhā*
 то чтохороший.INSTR.PL. **предпринимать.1SG.CONJ.** мысль.INSTR.PL
 ‘которые я предприму [либо ‘к которым устремлюсь’] с добрыми
 помыслами’.

Однако, важно отметить, что двусложное окончание *-āi* характеризует 1 л. ед.ч. конъюнктива как атематического, так и тематического спряжения, ср. ст.-авест. 3 л. ед.ч. през. *yazaitē* ‘почитать’, 1 л. ед.ч. конъюнктива *yaz-āi* (Hoffman & Forssman 2004: 195). Таким образом, с морфологической точки зрения форма *šīiauuāi* является неоднозначной. Ж. Келленс по-разному определял форму *šīiauuāi* – как тематическую или атематическую (Kellens 1984: 92–93; 1995: 70; так же Cheung 2007: 40). Примечательно, что он пересмотрел эту точку зрения в пользу атематической интерпретации (Kellens, Pirart 1990: 324) без какой-либо дополнительной аргументации. На наш взгляд, тот факт, что тематическая основа *š(ii)aiua-* надежно засвидетельствована, делает интерпретацию *šīiauuāi* как формы, образованной от тематической основы, более экономной.

Аналогичная морфологическая неоднозначность присутствует в младоавестийском активном причастии *šaiuant-* (Kellens 1984: 319, 321; 1995: 70). Как и в случае с *šīiauuāi* следует признать решение, учитывающее надежность свидетельств тематической основы, более экономным.

2.2.2. Наиболее важным основанием для реконструкции атематического презенса в древних иранских языках является, по-видимому, ст.-авест. *š(ii)aiuitē*, засвидетельствованное в Y. 29, 3. Эта форма часто понимается как 3 л. мн.ч. м.-п. атематического презенса (García Ramón 1994: 61; Kellens, Pirart 1990: 324; 1991: 35; Hoffman & Forssman 2004: 203).

Однако ст.-авест. *š(ii)aiuitē* может представлять собой и 3 л. ед. ч. тематического презенса (см. пример (4) ниже; ср. также Beekes 1988: 212). Ж. Келленс определял форму *š(ii)aiuitē* как неоднозначную (Kellens 1984: 92–93, 211, 217; 1995: 70); впоследствии как и в случае с *šīiauuāi*, он пересмотрел свою точку зрения в пользу атематической интерпретации (Kellens, Pirart 1991: 35). Еще одна формальная возможность анализа — конъюнктив аориста (García Ramón 1994: 62) — не поддержана авестийскими свидетельствами корневого аориста для данного глагола. В силу морфологической

неоднозначности *ś(ii)aiuiatē* и *yā* (ном.-акк. мн.ч. либо инструм. ед.ч.), а также лексической многозначности авест. *ś(ii)aiui-* ‘направляться к чему-л.; предпринимать что-л.; выступать против кого-л.’ предлагались различные интерпретации интересующего нас контекста Y. 29, 3, ср. (4)–(7).

(4) <i>aiuaēšqm</i>	<i>nōit</i>	<i>vīduiē</i>	<i>yā</i>
этот.GEN.PL	NEG	знать.INF.DAT.SG	который.NOM.PL
<i>śaiuiatē</i>		<i>ādr̥ng</i>	<i>ərəšuiāṇhō</i>
двигать.PRS.IND.3SG		слабый.ACC.PL	высокий.NOM.PL

‘Из этого не[возможно] узнать, что приводит в движение слабых, о высшие!’ (Ср. Humbach 1991: 34; Strunk 1967: 91)

(5) <i>aiuaēšqm</i>	<i>nōit</i>	<i>vīduiē</i>	<i>yā</i>
этот.GEN.PL	NEG	знать.INF.DAT.SG	который.ACC.PL
<i>śaiuiatē</i>		<i>ādr̥ng</i>	<i>ərəšuiāṇhō</i>
двигать.PRS.IND.3PL		слабый.ACC.PL	высокий.NOM.PL

‘Из этого не[возможно] узнать, что высшие предпринимают против слабых.’ (Ср. Narten 1968: 16; García Ramón 1994: 61).

(6) <i>aiuaēšqm</i>	<i>nōit</i>	<i>vīduiē</i>	<i>yā</i>
этот.GEN.PL	NEG	знать.INF.DAT.SG	который.INSTR.SG
<i>śaiuiatē</i>		<i>ādr̥ng</i>	<i>ərəšuiāṇhō</i>
двигать.PRS.IND.3SG		слабый.ACC.PL	высокий.NOM.PL

‘Из этого не[возможно] узнать, чем Он [Ахура Мазда] гонит слабых, о высшие!’ (Ср. Dumézil 1986: 95).

(7) <i>aiuaēšqm</i>	<i>nōit</i>	<i>vīduiē</i>	<i>yā</i>
этот.GEN.PL	NEG	знать.INF.DAT.SG	который.INSTR.SG
<i>śaiuiatē</i>		<i>ādr̥ng</i>	<i>ərəšuiāṇhō</i>
двигать.PRS.IND.3SG		слабый.ACC.PL	высокий.NOM.PL

(а) ‘Из этого не[возможно] узнать, в силу чего высшие выступают против слабых.’ (Ср. García Ramón 1994: 61)

(б) ‘Из этого не[возможно] узнать, чем высшие направляют слабых.’ (Ср. Kellens, Pirart 1988: 108; Skjærvø 2006: 31)

Употребление медиопассивного залога в переходной конструкции при интерпретациях (4), (5), (6) и (7) в значении (б) находит параллель в использовании медиопассивных форм тематического имперфекта родственного глагола у Гомера, ср. *Ил.* 11, 549 (8):

- (8) ὥς δ' αἶθωνα λέοντα βοῶν ἀπὸ μεσσαύλοιο
ἔσσεύαντο κύνες τε καὶ ἀνέρες ἀγροῖῳται...

‘Словно как гордого льва от загона волон тяжконогих
Гонят сердитые псы и отважные мужи селяне...’ (пер. Н. Гнедича)

Согласно Г. Гумбаху (Humbach 1991: 34), в гатах за указательным местоимением *auiia-*, как правило, следует относительное местоимение *ya-* (ср. Kellens, Pirart 1990: 53) или относительное наречие *yaḡā*, и *yā* — форма ном.-акк. мн.ч. ср. р. Также Гумбах отмечает, что согласование субъекта среднего рода множественного числа с глаголом в единственном числе является регулярным в староавестийском (ср. также Martínez, de Vaan 2014: 99). Эти соображения добавляют убедительности его интерпретации примера (4) в ущерб реконструкции индоевропейского атематического презенса **kiēu/kieu-*.

2. 3. Древнегреческий

Как отмечал Р. Беекес (Beekes 2010: 1322), *-v-* в *σεύομαι* необходимо объяснять аналогическим восстановлением. По его мнению, объяснение с помощью аналогии под влиянием сигматического аориста **kieu-s-* неубедительно, поскольку **kieu-s-m* дало бы **σῆα*. На этом основании Беекес постулирует медиальный атематический презенс **kieu-to(i)*, свидетельством которого, по его мнению, может быть редкая форма *σεῦται*, засвидетельствованная в Soph. Trach. 645 (ср. Schwyzler 1977: 679; Narten 1968: 17). Указанный контекст однако допускает альтернативное чтение глагола как *σοῦται* и не принимается в расчет в (García Ramón 1994: 56). Вопреки Беекесу А. Вилли исходит из восстановления *-v-* по аналогии с сигматическим аористом *ἔσσευε/σεῦε* из **(h₁e-)k^(u)ieu-s-e* (Willi 2018: 320).

2. 4. Древнеармянский

Др.-арм. *č'ogay* — супплетивный аорист глагола *ert'am* ‘идти, отправляться’ (см. анализ употреблений данного глагола в Kölligan 2010). Ограниченность употребления основы *č'og-* системой аориста позволяет искать ее происхождение в индоевропейских формах как аориста, так и имперфекта, ср. и.-е. имперф. **h₁e-pr(k)-sk-e-t* > др.-арм. аор. *eharc'* ‘он спросил’ наряду с и.-е. аор. **h₁e-uid-e-t* > др.-арм. аор. *egit* ‘он нашел’ (см. новейший обзор вопроса в Kim frthc. с литературой).

С формальной точки зрения основу аориста *č'og-* не удастся объяснить, исходя из регулярных форм праиндоевропейского корневого аориста. При этом она может восходить к индоевропейской атематической основе с полной ступенью корня **kieu-* в случае, если за корнем следовал слоговой сонант. Такое условие соблюдается в медиопассивной форме имперфекта 3 л.

мн.ч. — и.-е. **(h₁e-)kieu-nto* > др.-арм. *č'ogan* (см. Klingenschmitt 1982: 277; García Ramón 1994: 72; LIV²: 394f.; Olsen 1999: 788). При этом необходимо принять следующую хронологию протоармянских звуковых переходов: 1) **CnC* > **CanC*; 2) **eu* > **ou*, в частности, перед **a*; 3) **VuV* > **VgV*.

Второй переход (**eua* > **oua*) является проблематичным. Так, например, Б. Ольсен (Olsen 1999: 32) выдвинула предположение, что дифтонг **eu* переходил в **ou* только перед слогом с огубленным гласным, что не соблюдается в протоармянском рефлексе и.-е. **kieu-nto* (при этом Ольсен признает возведение *č'ogay* к **kieu-nto*; там же, с. 788). Альтернативное решение предложил Г. Клингеншмитт (1982: 277), который считает переход **eu* > **ou* регулярным только в предударной позиции. В случае с *č'ogay* < **kieu-nto* это приводит к необходимости постулировать протоармянское смещение ударения на предпоследний слог для периода, предшествующего изменениям **eu* > **ou* и **VuV* > **VgV*: **kiéu-nto* > **kiouánto* > *čogan*.

Возведение *č'ogay* к тематической основе **kieu-e/o-* предполагает последовательность переходов: 1) **eu* > **ou*, в частности, перед гласными **e* и **o*; 2) **VuV* > **VgV*. В тематической парадигме необходимые условия соблюдаются во всех формах обоих залогов. При этом тематический гласный **o* в формах 1 л. ед.ч. и 1 л., 3 л. мн.ч. позволяет ограничить переход **eu* > **ou* позицией перед огубленным гласным, в соответствии с упомянутым выше правилом Ольсен³. Таким образом, тематическая основа **kieu-e/o-* позволяет лучше объяснить и корневой вокализм, и появление велярного в исходе корня. Гласный *-a-* в личных формах аориста индикатива (*č'ogaw*, *č'ogan* etc.) при этом объясняются как часть продуктивных медиопассивных окончаний⁴.

³ Если такое ограничение действительно имело место, следует признать, что вариант корня обобщился не по форме 3 ед.ч. аориста, которая часто рассматривается в качестве опорной формы парадигмы и наиболее распространенного источника парадигматической аналогии (т. н. «Закон Уоткинза»; см. Watkins 1962). В подпарадигме единственного числа ведущей оказывается форма 1 лица, а в подпарадигме множественного числа — формы 1 и 3 лица (ср. примеры аналогического выравнивания личных форм не на основе 3 л. в языках мира в Baerman et al. 2005: 63–75).

⁴ Поскольку происхождение *-a-* в медиопассивных окончаниях аориста, по-видимому, продолжает интранзитивирующий суффикс **-ā-* (< **-eh₂-*, ср. Kocharov 2018), появляется возможность рассмотреть *č'og-a-* как один из источников реинтерпретации *-a-* как части

Реконструкция **kioi-* для протоармянской аористой основы (см. ссылки в Martirosyan 2010: 547) не имеет хороших морфологических параллелей и должна быть отклонена в пользу более экономного решения.

Вопрос о том, почему именно основа имперфекта послужила в протоармянском источником формы корня данного глагола, заслуживает особого внимания. Нейтрализация аспектуальной оппозиции между формами аориста и имперфекта в протоармянский период подтверждается неоспоримыми следами презентных основ в системе древнеармянского аориста (см. выше). Учитывая тот факт, что морфологический контраст между имперфектом и аористом реконструируется для праиндоевропейского и присутствует в синхронии древнеармянского, кажется более оправданным сценарий, при котором этот контраст сохранялся и в протоармянский период при обновлении формальных показателей, выражающих соответствующие видо-временные значения⁵. Смещение унаследованных форм аориста и имперфекта могло зависеть от лексической семантики глагола и захватывать лишь часть употреблений.

Едва ли можно надеяться восстановить детальную картину попадания презентных основ в протоармянский аорист, и мы ограничимся здесь указанием на лишь один из возможных

флексии. В таком случае *č'og-a-* может продолжать протоармянскую основу **Seu-ā-* (либо **Cou-ā-* или **Cog-ā-*), заместившую тематическую основу **kieu-e/o-* (либо **kioi-e/o-*).

⁵ В этом проявляется отличие развития имперфекта и аориста в древнеармянском и, например, в древнеперсидском, где нейтрализация привела к полному устранению контраста между прошедшими временами. Хотя унаследованные презентные основы доминируют в формах прошедшего времени, они никак не маркированы в отношении аспекта. Каким бы ни было противопоставление форм аориста и имперфекта на общеиранском и индоиранском уровнях, для древнеперсидского различие в употреблении имперфекта и редких форм аориста установить не удастся, ср. идентичные употребления аор. *adā* (9) и имперф. *adadā* (10); фактически можно рассматривать имперфект и аорист как конкурирующие способы выражения аспектуально нейтральной граммы претерита (см. Kent 1953: 90 и сл.; Sokolov 1979: 259; Skjærvø 2016: 80).

(9) DNa, § 1, A–B: *baga vazrka A.uramazdā, haya imām būmīm adā* (Schmitt 2009: 100). ‘A great god is Ahuramazda, who **created** this earth’ (Kent 1953: 138).

(10) DNb, § 1, A–B: *baga vazrka A.uramazdā, haya adadā ima frašam* (Schmitt 2009: 105). ‘A great god is Ahuramazda, who **created** this excellent work’ (Kent 1953: 140).

факторов, который мог повлиять на смешение основ аориста и имперфекта у глаголов, выражающих точечное действие, связанное с дистрибутивной семантикой при субъекте во множественном числе. Это явление можно продемонстрировать на примере особенностей употребления точно соответствующего др.-арм. *č'ogay* др.-греч. *σεύομαι*. Отмечалось (Slavyatinskaya 1977; García Ramón 1994: 66), что все десять употреблений *σεύομαι* в имперфекте у Гомера являются формами множественного числа, а все девять корневых аористов данного глагола являются формами единственного числа (см. *Thesaurus Linguae Graecae*: <http://stephanus.tlg.uci.edu>). Как отметила М. Н. Славятинская, в качестве субъекта при формах имперфекта этого глагола выступают люди, а при формах аориста также и абстрактные понятия, что подчеркивает связь имперфекта с дистрибутивной семантикой субъекта, ср. (13):

- (11) αἶψα δ' ἔλυσ' ἀγορήν· ἐπὶ τεύχεα δ' ἔσσεύοντο.
 πᾶσαι δ' ὠείγοντο πύλαι, ἐκ δ' ἔσσυτο λαός... (Ил. II, 808–809)

‘Сонм распустил, и к оружию бросились граждане Трои.
 Все растворились ворота; из оных зареяли рати...’

(пер. Н. И. Гнедича)

Поскольку есть все основания восстанавливать тематическую основу, участвующую в образовании имперфекта, для общего предка греческой, армянской и индоиранской ветвей, можно рассмотреть гипотезу о том, что указанное распределение форм аориста и имперфекта унаследовано в греческом от этого общего языкового состояния (см. Таблицу 1). Обобщение основы имперфекта в протоармянском может служить косвенным аргументом в пользу того, что указанное распределение могло действовать на этапе общего предка греческой и армянской ветвей.

Таблица 1. Распределение форм аориста и имперфекта медиопассивного залога и.-е. **kieu-*

	Аорист	Имперфект
1 л. ед.ч.	* <i>kii-</i>	* <i>kieu-o-</i>
2 л. ед.ч.	* <i>kii-</i>	* <i>kieu-e-</i>
3 л. ед.ч.	* <i>kii-</i>	* <i>kieu-e-</i>
1 л. мн.ч.	* <i>kieu-o-</i>	
2 л. мн.ч.	* <i>kieu-e-</i>	
3 л. мн.ч.	* <i>kieu-o-</i>	

При этом отсутствие форм множественного числа аориста и имперфекта данного глагола, выражающих локализованное во времени событие в прошлом, в ведийском и авестийском не позволяет с уверенностью говорить о наличии или отсутствии подобной особенности спряжения в этих языках, что в свою очередь не позволяет оценить значение греко-армянского схождения в более широкой сопоставительной перспективе.

3. Выводы

Подводя итог, приходится констатировать, что свидетельства ведийского, авестийского и древнеармянского языков в пользу реконструкции атематической основы **kiēu/kieu-* приходится признать ненадежными. В первую очередь это касается древнеармянского аориста *č'ogay*, который, вопреки распространенному мнению, следует считать продолжением тематической презентной основы с полной ступенью корня **kieu-e/o-*. Выдвинутое еще М. Майрхофером предположение о том, что тематическая основа является общей инновацией греческой и индоиранской ветвей (Mayrhofer 1986–2001, I: 553), следует, по видимому, распространить и на армянскую ветвь. Поскольку нет достаточных оснований для реконструкции атематической основы презенса как таковой, не приходится постулировать и развития от атематической к тематической основе в какой-либо из трех ветвей (или подгруппы ветвей), в которых засвидетельствован данный корень. При этом появляется возможность рассмотреть корень **kieu-* вместе с морфологическими особенностями образованного от него глагола движения (в частности, презентную основу **kieu-e/o-*), как позднеиндоевропейскую лексико-морфологическую изоглоссу.

Дополнительное распределение форм аориста и имперфекта *σεβόμεν* у Гомера, связанное с распределенностью субъекта при представлении действия как завершенного в прошлом, может быть рассмотрено как архаизм. Такое распределение позволяет также объяснить, почему в протоармянских формах прошедшего времени (откуда аорист *č'ogay*) была обобщена именно имперфективная основа. Реконструкция данной особенности для общего греко-армяно-индоиранского состояния затруднительна ввиду отсутствия показательных употреблений в ведийских и авестийских текстах.

Библиография

- Allan, R. J. 2003: *The Middle Voice in Ancient Greek. A Study in Polysemy*. PhD Thesis, University of Amsterdam.
- Baerman, M., Brown, D., Corbett, G. 2005: *The Syntax-Morphology Interface: A Study of Syncretism*. Cambridge University Press.
- Beekes, R. S. P. 1988: *A Grammar of Gatha-Avestan*. Leiden, New York: Brill.
- Beekes, R. S. P. 2010: R. S. P. Beekes, with the assistance of L. van Beek. *Etymological dictionary of Greek*. Leiden, Boston: Brill.
- Cheung, J. 2007: *Etymological dictionary of the Iranian verb*. Leiden, Boston: Brill.
- Dumézil, G. 1986: Verhovnye bogi indoevropejcev. [Les dieux souverains des indo-européens]. Per. T. Civyan. M.: Glavnaya redakciya vostochnoy literatury.
- Дюмезиль, Ж. 1986: *Верховные боги индоевропейцев*. Пер. Т. Цивьян. М.: Главная редакция восточной литературы.
- Ernout, A., Meillet, A. 2001: *Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots*. Retirage de la 4e éd. Paris: Klincksieck.
- García Ramón, J. L. 1994: Indogermanische Wurzelpräsentia und innere Rekonstruktion. In: G. E. Dunkel et al. (eds.). *Früh-, Mittel-, Spätindogermanisch: Akten Der IX. Fachtagung Der Indogermanischen Gesellschaft Vom 5. Bis 9. Oktober 1992 in Zurich*, 53–75.
- Gotō, T. 1987. *Die “I. Präsensklasse” im Vedischen: Untersuchung der vollstufigen thematischen Wurzelpräsentia*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Hoffmann & Forssman 2004 — K. Hoffmann, B. Forssman. *Avestische Laut- und Flexionslehre*. 2 Aufl. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 2004.
- Hoffmann, K. 1967: *Der Injunktiv im Veda. Eine synchronische Funktionsanalyse*. Heidelberg: Winter.
- Humbach H., in collaboration with J. Elfenbein and P. O. Skjærvø 1991: *The Gāthās of Zarathushtra and the Other Old Avestan Texts. Part II. Commentary*. Heidelberg: Winter.
- Kellens, J. 1984: *Le verbe avestique*. Wiesbaden: Reichert.
- Kellens, J. 1995: *Liste du verbe avestique*. Wiesbaden: Reichert.
- Kellens, J., Pirart, E. 1988: *Les textes vieil-avestiques. Volume I. Introduction, texte et traduction*. Wiesbaden: Reichert.
- Kellens, J., Pirart, E. 1990: *Les textes vieil-avestiques. Volume II. Répertoires grammaticaux et lexique*. Wiesbaden: Reichert.
- Kellens, J., Pirart, E. 1991: *Les textes vieil-avestiques. Volume III. Commentaire*. Wiesbaden: Reichert, 1991.
- Kent 1953 — R. Kent. *Old Persian: Grammar, Texts, Lexicon*. New Haven: American Oriental Society, 1953.
- Kim, R. (forthcoming). PIE Aorists and Imperfects in Old Armenian. In: D. M. Goldstein, S.W. Jamison, B. Vine (eds.). *Proceedings of the 30th Annual UCLA Indo-European Conference*. Bremen: Hempen, 2019: 141–159.
- Klingenschmitt, G. 1982: *Das altarmenische Verbum*. Wiesbaden: Reichert.

- Kocharov, P. 2018: A note on the origin of the Old Armenian mediopassive endings. *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies* 14/1, 137–148.
- Kocharov, P. 2019: [On the use of the active voice in the intransitive construction in Old Armenian]. *Indoeuropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya*, 23, 587–602.
- Кочаров, П. А. 2019: Особенности употребления активного залога в непереходных конструкциях в древнеармянском языке. *Индоевропейское языкознание и классическая филология*, 23, 587–602.
- Kocharov, P., Shatskov, A. (frthc.). Towards a classification of PIE root extensions. *Historische Sprachforschung* 131. In preparation.
- Kölligan, D. 2010: Patterns of suppletion in Classical Armenian: the case of motion verbs. In: Melchert, H. C. (ed.). *The Indo-European Verb. Proceedings of the Conference of the Society for Indo-European Studies, Los Angeles 13–15 September 2010*. Wiesbaden: Reichert, 167–177.
- Kümmel, M. 1998: Wurzelpräsens neben Wurzelaorist im Indogermanischen. *Historische Sprachforschung* 111, 191–208.
- LIV² — Rix, H., Kümmel, M., Zehnder, Th., Lipp, R., Schirmer, B. 2001: *Lexikon der indogermansichen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstambildungen*. 2 erweit. und verbess. Aufl. bearb. von M. Kümmel und H. Rix. Wiesbaden: Reichert.
- Lowe, J. J. 2015: *Participles in Rigvedic Sanskrit: The Syntax and Semantics of Adjectival Verb Forms*. Oxford University Press.
- Lubotsky, A. 1997: A Rgvedic word concordance. 2 vols. New Haven: American Oriental Society.
- Martínez, J., de Vaan, M. 2014: *Introduction to Avestan*. Leiden; Boston: Brill.
- Martirosyan, H. 2010: *Etymological dictionary of the Armenian inherited lexicon*. Leiden; Boston: Brill.
- Martirosyan, H. 2013: The place of Armenian in the Indo-European language family: the relationship with Greek and Indo-Iranian. *Journal of language relationship* 10, 85–137.
- Mayrhofer M. 1986–2001: *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. 3 vols. Heidelberg: Winter.
- Narten, J. 1968: Zum «proterodynamischen» Wurzelpräsens. In: Heesterman, J. C., Schokker G. H., Subramoniam V. I. (eds.), *Pratidānam. Indian, Iranian and Indo-European studies presented to F. B. J. Kuiper on his 60th birthday*. The Hague; Paris: Mouton, 9–19.
- Olsen, B. A. 1999: *The noun in Biblical Armenian: origin and word formation: with special emphasis on the Indo-European heritage*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter.
- Schmitt, R. 2009: *Die altpersischen Inschriften der Achaimeniden. Editio minor mit deutscher Übersetzung*. Wiesbaden, Reichert.
- Schmitt, R. 2014: *Wörterbuch der altpersischen Königsinschriften*. Wiesbaden, Reichert.
- Schwyzler, E. 1977. *Griechische Grammatik. I. Allgemeiner Teil. Lautlehre. Wordbildung. Flexion*. 5 Aufl. Beck: München.

- Skjærvø, P. O. 2016: *An introduction to Old Persian*. <http://sites.fas.harvard.edu/~iranian/OldPersian/index.html> (11/03/2020).
- Slavyatinskaya, M. N. 1977: [Notes on the semantics of ablauting verbs in Homer]. In: Gindin, L. A., Klepikova, G. P. (eds.). *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznaniye. Antichnaya balkanistika i sravnitel'naya grammatika* [Slavic and Balkan linguistics. The Balkan Studies in Antiquity and Comparative Grammar]. Moscow: Nauka, 146–165.
- Славятинская, М. Н. 1977: Заметки о семантике аблаутных глаголов у Гомера. В сб.: Гиндин, Л. А., Клепикова, Г. П. (ред.), *Славянское и балканское языкознание. Античная балканистика и сравнительная грамматика*. М.: Наука, 146–165.
- Sokolov, S. N. 1979: [Old Persian]. In: Rastorguyeva V. S. (ed.). *Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Drevneiranskiye yazyki*. [Introduction to Iranian Linguistics. Old Iranian Languages]. М.: Nauka, 234–271.
- Соколов, С. Н. 1979: Древнеперсидский язык. В сб.: Расторгueva, В. С. (ред.). *Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки*. М.: Наука, 234–271.
- Strunk, K. 1967: *Nasalpräsentien und Aoriste. Ein Beitrag zur Morphologie des Verbums im Indo-Iranischen und Griechischen*. Heidelberg: Winter.
- Watkins, C. 1962: *Indo-European origins of the Celtic verb*. Dublin: Institute for Advanced Studies.
- Willi, A. 2018: *Origins of the Greek verb*. Cambridge: Cambridge University Press.

А. Мутон (Centre National de la Recherche Scientifique)
И. С. Якубович (Институт востоковедения РАН)

ПРОЛЕПТИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ В ЛУВИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Лувийский язык относится к анатолийской группе, таким образом находясь в близком родстве с хеттским и еще более близком родстве с ликийским языком. Для пролептических конструкций в лувийских ритуальных заклинаниях характерны катафорические местоимения, кореферентные актантам в постглагольной позиции внутри той же клаузы. Целью настоящей статьи является описание данной конструкции с привлечением сравнительно-исторической, формально-синтаксической и прагматической аргументации. За вводным Разделом 1 следует Раздел 2, посвященный внешне противоречащим друг другу попыткам анализа клауз с местоименной репризой в различных анатолийских языках на основе выноса влево и выноса вправо. В Разделе 3 мы постарались разделить проблемы местоименной репризы и эволюции порядка слов в лувийском языке, показав, что на первый из этих процессов накладываются дополнительные ограничения. В ключевом Разделе 4 мы привели аргументацию в поддержку сосуществования выноса влево и выноса вправо в истории лувийского синтаксиса при доминирующем характере выноса влево. Завершающий Раздел 5 посвящен обсуждению типов актуального членения, которые могли передаваться лувийскими клаузами с начальной позицией предиката. Общий вывод работы состоит в том, что вынос влево и выноса вправо, каждый со своими сравнительными параллелями и функциональными коррелятами, сочетаются с отдельным, но общим для них явлением местоименной репризы и таким образом совместно отвечают за появление пролептической конструкции в лувийском языке.

Ключевые слова: хеттский язык, лувийский язык, ликийский язык, вынос влево, вынос вправо, местоименная реприза.

A. Mouton (Centre National de la Recherche Scientifique),
I. S. Yakubovich (Institute of Oriental Studies, RAS)

Proleptic Construction in the Luwian Language

Luwian is an Anatolian language, closely related to Hittite and even more so to Lycian. The proleptic construction in Luwian ritual incantations is characterized by a cataphoric clitic pronoun, which co-references an argument placed in post-verbal position within the same clause. The goal of this paper is elucidating the syntax of this construction with the help of comparative-historical, formal, and pragmatic approaches. After the introductory Section 1, Section 2 addresses the seemingly contradictory

explanations of this phenomenon in various Anatolian languages offered thus far, which allegedly involved either fronting or right dislocation of the cross-referenced constituents, but usually not both. In Section 3, we attempt to disengage the problems of clitic doubling and word order permutation in Luwian, arguing that the former involves additional constraints. Section 4 is crucial for the argument of this paper, in that it contains the evidence that both fronting and left dislocation affected the Luwian word order, but the former was probably more important. In the concluding Section 5, we explore the pragmatic configurations that were likely responsible for the rise of Luwian verb-initial clauses. We come to a general conclusion that the separate phenomena of fronting and right dislocation were both amplified by a yet separate phenomenon of clitic doubling, which triggered the grammaticisation of proleptic construction in Luwian.

Keywords: Hittite, Luwian, Lycian, fronting, right dislocation, clitic doubling.

1. Постановка проблемы

Темой настоящей статьи является описание конструкции с глаголом в начальной или срединной позиции и катафорической местоименной клитикой, дублирующей один из постглагольных актантов¹. Ради краткости мы будем именовать такую конструкцию пролептической. Лувийский язык принадлежит к анатолийской группе индоевропейской (индоанатолийской) языковой семьи, и, таким образом, является близким родственником хеттского языка. Еще ближе, однако, с генетической точки зрения к нему относятся языки так называемой лувической подгруппы, среди которых лучше всего засвидетельствован и дешифрован ликийский язык (точнее, ликийский А, в противоположность ликийскому Б, иногда именуемому милийским). Собственно лувийские тексты засвидетельствованы в двух различных системах письма, а именно в местной иероглифической письменности и в анатолийской адаптации месопотамской клинописи. Практически все известные лувийские клинописные тексты представляют собой вкрапления внутри хеттских сочи-

---

¹ Данное исследование выполнено в рамках международного проекта “Luwili: Luwian Religious Discourse between Anatolia and Syria”, финансируемого грантами французского *Agence nationale de la recherche* (ANR-17-FRAL-0007-01) и немецкого *Deutsche Forschungsgemeinschaft* (YA 472/2–1) под руководством соответственно А. Мутон и И. С. Якубовича. В рамках настоящей статьи Мутон взяла на себя филологическую обработку клинописного лувийского материала, а Якубович — его лингвистический анализ. Мы благодарны Н. Н. Казанскому и Крэгу Мелчерту за многочисленные замечания по теме статьи.

нений. Основным материалом росписи текстов для данной статьи являются клинописные лувийские заклинания, отражающие традиции Пуриянни и Куватталлы (СТН 758–763).

Лувийскую пролептическую конструкцию можно проиллюстрировать аннотированными клаузами (1–3), где катафорические клитики выделены полужирным шрифтом. Как можно видеть из этих примеров, позиция глагола определяется не по отношению к границе клаузы, а по отношению к позиции актантов. Это, в частности, позволяет распространить описание на сложные предикаты, как в примере (1), и глаголы с отрицанием, как в примере (3). Наиболее частотным в клаузах с пролептической конструкцией является порядок слов с предикативными группами в начальной позиции, который мы будем в дальнейшем именовать V_1 . Что касается местоименной репризы, то для ее выражения используются субъектные и объектные местоименные клитики, неизменно выступающие в ваккернагелевской позиции, то есть после первого ударного слова. При этом в непереходных клаузах дублируется подлежащее, как в примерах (1–2), а в переходных – прямое дополнение, как в примере (3)². Косвенные дополнения местоименными клитиками не дублируются³.

(1) KUB 35.54 iii 34–36 (СТН 758), ср. Starke 1985: 69

la-a-ú-na-i-mi-ša-aš	a-aš-du	[ta-]ru-uš-ša
lahunaimmis= as	astu	tarussa
мыть-NOM.SG.C=он.NOM.C	быть.3SG.IMPV	древесина.NOM.C
ti-ya-am-mi-iš	[DINGIR ^{MEŠ} -e]n-zi	[hu-]u-uh-hur-ša-an-ti-in-zi
tiyammis	massaninzi	huhhursantinzi
земля.NOM.C	бог.POSS-NOM.PL.C	х.NOM.PL

² Единственным вероятным исключением здесь является пример (28). Хотя клитику /=as/ в данном примере можно рассматривать как репризу подлежащего (ед.ч; м.р) или дополнения (мн.ч; м.р), первая интерпретация является более вероятной по семантическим соображениям (ср. Yakubovich 2012: 332–333). Вероятно, реприза подлежащего в данном примере связана с тем, что дополнение в винительном падеже является не прямым, а косвенным (см. перевод в Разделе 4).

³ Данная формулировка в некоторой степени упрощает проблему, поскольку многие косвенные дополнения дублируются в лувийском языке при помощи частицы /= (t)ta/. Следует, однако, отметить, что, во-первых /= (t)ta/ не является местоимением, а во-вторых употребление данной частицы не зависит от относительной позиции сказуемого и косвенного дополнения. В любом случае, синтаксис частицы /= (t)ta/ должен стать темой отдельного исследования.

GUNNI[-ti-iš]

hassanittis

алтарь.NOM.SG

‘Да будут они омыты, [дре]весина, земля, х.-ы [бог]ов (и) алта(рь)’⁴.

(2) KBo 29.6 obv. 23’–24’ (CTH 762), cp. Starke 1985: 129

a-ú-i-du-pa-aš-ta

ma[-a]l-ha-aš<-ša-aš>-ši-iš

awidu=ba=as=ta

malhassassis

прийти.3SG.IMPV=a=он.NOM.C=PTCL ритуал.POSS-NOM.SG.C

EN-aš

h[a-ra-at-na-a-ti]

wa-aš-ku-li-im-ma-a[-ti]

niyas

haratnadi

waskulimmadi

господин.NOM.SG

преступление.ABL

грех.ABL

‘Да выйдет он, заказчик ритуала, из-под (власти) п[реступления] (и) грех[a]’.

(3) KUB 32.9+ obv. 7–8 (CTH 760), cp. Starke 1985: 129: 87

ni-i-ša-an

ha-pí-ti

ma-a[l-ha-aš-ša-aš-ši-in]

niš=an

habidi

malhassassin

PROHIB=он.ACC.C

вязать.3SG.PRS

ритуал.POSS-ACC.SG.C

EN-an

a[d-du-wa-li-iš]

EME-iš]

ad-du-wa-li-iš

niyan

attuwalis

lalis

attuwalis

господин.ACC.SG

злой.NOM.SG.C

язык.NOM.C

злой.NOM.SG.C

i-iš[-ša-ri-iš]

issaris

рука.NOM.C

‘Да не скуют его, заказчика рит[уала], з[лой язык] (и) злая дл[ань]’.

Выбор ритуальных традиций Пуриянни и Куватталлы в качестве основы для анализа обусловлен не только их общими диалектными характеристиками, а также их вхождением в группу взаимосвязанных ритуалов, но и тем фактом, что лувийская пролептическая конструкция засвидетельствована как таковая лишь внутри данного корпуса. Приведенные выше клаузы внешне контрастируют с примерами (4–6), взятыми соответственно из позднелувийского текста в иероглифической передаче, ритуала Царпии, и заклинания, отражающего традицию североанатолийского города Тауриса. Во всех примерах

⁴ Здесь и ниже лувийские клитики единственного числа переводятся на русский во множественном числе. Это связано с особенностями правил согласования: в лувийском языке как катафорические, так и анафорические клитики часто согласуются по числу лишь с одним из элементов сочинительной конструкции, тогда как в русском согласование происходит со всей группой.

этой группы V_1 не сопровождается местоименной репризой. Следует также оговориться, что клаузы с V_1 являются значительно менее частотными в текстах этой группы, чем в традициях Пуриянни и Куватталлы. Нормой для глагола здесь является позиция на конце клаузы⁵.

(4) KARATEPE 1 (Hu.) § 7, ср. Hawkins 2000, I: 49

(“MANUS<”>)su-wá/i-ha-ha-wá/i	pa-há+ra/i-wa/i-ní-zi (URBS)
suwaha=ha=wa	pahrawanninzi
наполнить.1SG.PRT=и=PTCL	пахровский.ACC.PL.C

|(<“>HORREUM”)ka-ru-na-zi
karunanzi
амбар.ACC.PL.C

‘И я наполнил амбары (города) Пахра’.

(5) KUB 9.31 ii 26–27 (CTH 757), ср. Starke 1985: 53

a-az-za-aš-ta-an	UDU-in-za	GU ₄ -in-za
aztan	hawinz(a)	wawinz(a)
есть.2PL.IMPV	овца.ACC.PL	корова.ACC.PL

‘Ешь овец (и) коров!’

(6) KUB 35.88 iii 11’ (CTH 765), ср. Starke 1985: 227

ú-pa-at-ta=pa=wa=du	ša-ar-ri-ya-ni-in	2-šu	9-u[n-za ...]
uppatta=ba=wa=du	sarriyanin	twisu	nunza
достать.3SG.PRT=a=PTCL=он.DAT	скребок.ACC.SG	дважды	девять

‘Она достала ему дважды дев[ять] скребниц’.

Синхронное описание пролептической конструкции в лувийском языке частично зависит от выбранной синтаксической парадигмы. Синтаксические теории можно классифицировать как деривационные (трансформационные) и недеривационные (калькуляционные). Деривационные теории, наиболее известными из которых являются модели Хомского и его школы, допускают синтаксические трансформации, в частности, выносы влево и выносы вправо. Недеривационные теории калькулируют поверхностный синтаксис на основании сопоставления различных параметров, в первую очередь, предикативно-актантной, коммуникативной и интонационной структуры предложения. Что касается исторического синтаксиса, здесь

⁵ Относительно более частое употребление клауз с глаголом в начальной позиции в позднелувийских надписях KARATEPE и ÇİNEKÖY вероятно обусловлено влиянием их финикийских исходных версий, ср. Yakubovich 2015: 44–45.

доминирует деривационное описание. В частности, если исходить из предположения, что модель S(O)V/O(S)V являлась стандартной для предка лувийского языка на определенном историческом этапе, то развитие отклонений от данной модели должно описываться как тенденция к выносу предиката влево или к выносу актантов вправо. Поскольку различие в порядке слов в разных группах лувийских текстов должно иметь историческое объяснение, в настоящей работе мы будем в основном придерживаться трансформационной терминологии. В то же время, коммуникативная структура предложения будет привлекаться для объяснения синтаксических трансформаций.

2. История изучения вопроса

На предшествующие исследования лувийской пролептической конструкции сильно повлияла хеттология, что само по себе не удивительно, учитывая наличие сходной конструкции в хеттском языке и тот факт, что большинство специалистов в области лувийского языка также являются и хеттологами. Между тем, доминантой хеттологических исследований является гипотеза о калькированном характере пролептической конструкции. В частности, указывается на ее частотный и систематический характер в переводах с хаттского языка на хеттский (Rizza 2007) и в хетто-хурритской билингве (напр. Sideltsev 2002: 167–171). Также отмечается, что употребление местоименной репризы лишь в определенной части хеттской версии ритуала Мастигги против семейных ссор отражает редакционный процесс и, таким образом, свидетельствует о восприятии данной лувийской конструкции в качестве сомнительного элемента профессионального жаргона (Rieken 2011: 500–502). В работе Melchert 2015 местоименная реприза прямо увязывается со стилем переводных текстов (*translationese*). Хотя наличие пролептической конструкции в хеттских непереводных текстах и отстаивается в статье Sideltsev 2011, относительно небольшое число примеров, приводимых автором в поддержку своего тезиса, свидетельствует, как минимум, о ее периферийном характере в данном корпусе.

Совсем иная картина вырисовывается при обращении к лувийским заклинаниям в традициях Пуриянни и Куватталлы. Нет никаких оснований говорить об их переводном характере: само их сохранение внутри хеттских ритуальных текстов свидетельствует о нежелании писцов переводить лувийские

заклинания, что могло бы привести к утрате их иллокутивной силы (Yakubovich 2019: 289). Между тем, конструкции с V_1 являются достаточно частотными внутри нашего корпуса, составляя 20–30% от всех лувийских клауз в текстах СТН 758–763, и в большинстве случаев они сопровождаются местоименной репризой. Хотя гипотеза об их относительно большей частотности в ритуальном жаргоне и является правомерной, исполнители ритуалов, первоначально ориентированных на лувийскую языковую среду, явно использовали модели своего родного языка.

Тем не менее, исследователи лувийского синтаксиса эксплицитно или имплицитно исходили из гипотезы о формальной идентичности пролептических конструкций в хеттском и лувийском языках. В частности, Рицца, связывая лувийскую конструкцию с употреблением пространных именных групп с однородными членами в соответствующих клаузах (Rizza 2007: 67), рассматривает данную корреляцию вместе с аналогичной корреляцией в хеттских переводных текстах. Лувийская конструкция интерпретируется как результат выноса вправо в работах Мелчерта (Melchert 2003: 201, Melchert 2006: 296), сходная интерпретация также принимается для хеттской конструкции в работе Melchert 2015. В данном вопросе с Мелчертом солидаризуется и Сидельцев, ср. работы Sideltsev 2011 для хеттского и Sideltsev 2012 для лувийского⁶. Наконец, Рикен, указывая на непоследовательность употребления местоименной репризы в ритуальной традиции Мастигги, прямо сравнивает ее со сходным феноменом в лувийском (Rieken 2011: 502–503, сн. 10).

---

⁶ При этом следует подчеркнуть коренное отличие выводов Мелчерта и Сидельцева относительно социолингвистического статуса соответствующих оборотов. Мелчерт отказывал обеим конструкциям в языковой реальности, классифицируя, как уже упоминалось выше, хеттские клаузы как пример *translationese*, и анализируя лувийские заклинания как особые поэтические фигуры речи, не характерные для разговорного языка (Melchert 2006). Напротив, Сидельцев отстаивает реально-языковой характер лувийской пролептической конструкции в единственной известной нам работе, целиком посвященной данной теме (Sideltsev 2012), и, как было указано выше, также стремится доказать, что пролептическая конструкция является частью хеттской грамматики. Таким образом, авторы настоящей статьи скорее солидаризуются с социолингвистическими выводами Мелчерта в отношении хеттского языка и Сидельцева – в отношении лувийского.

В настоящей статье мы хотели бы обратить внимание на конструкцию, которая пока, кажется, не привлекалась в качестве сравнительного материала при обсуждении местоименной репризы в лувийском. Речь пойдет от ликийских назализованных претеритах, характерных для переходных глаголов в позиции после частиц *m(e)=* and *s(e)=*, которые контрастируют с претеритами без назализации, образуемыми от тех же глаголов в других контекстах. Важным коррелятом данного распределения является тенденция к порядку слов VS в клаузах с назализованным претеритом («правило Имберта–Гарретта»). Обе эти особенности претеритов с назализацией можно проиллюстрировать примером (7), противопоставленным примеру (8), где назализованные и неназализованные окончания выделены полужирным шрифтом. Хотя последняя конструкция и является менее частотной в ликийском языке, с морфосинтаксической точки зрения она явно проще, и поэтому естественно рассматривать ее в качестве отправной точки при деривации.

(7) TL 103.1

<i>ebēññē</i> :	<i>xupā</i> :	<i>m=ene</i> :
вот.это.ACC.SG.M	могила.ACC.SG	PTCL=он.ACC.SG.M
<i>prñnawatē</i> :	<i>tebursseli</i>	
строить.3SG.PRT.	T.NOM.SG	

‘Тебурсели построил эту гробницу’.

(8) TL 40a.1

[p]ajawa :	manax[in]e :	<i>prñn[a]wate</i> :	<i>prñn[aw]ā</i> :
P.NOM.SG	M.NOM.SG	построил.3SG.PRT	строение.ACC.SG
<i>ebēññē</i>			
вот.это.ACC.SG.M			

‘Паява Манахине (*титул или эпитет*) возвел это строение’.

Согласно убедительной гипотезе, изложенной в недавней статье Адьего, “at a certain point in the prehistory of Lycian ... verb-“fronting” implied a clitic doubling” (Adiego 2015: 26). На этой стадии клауза (7) имела бы форму **prñnawat(e)=ē tebursseli ebēññē xupā*, то есть то, что стало впоследствии маркером назализованного претерита, должно было функционировать на этом этапе как объектная местоименная клитика в ожидаемой ваккернагелевской позиции. Нетрудно увидеть, что синтаксис реконструированной ликийской клаузы напоминает синтаксис лувийской пролептической конструкции с переход-

ным глаголом, в частности, в примере (3)⁷. Таким образом, данную конструкцию можно восстанавливать для пралувиического, или, возможно, для лувического диалектного ареала, включающего в себя ликийский язык и некоторые лувийские диалекты. Добавление демаркационных частиц $s(e)=$ and $m(e)=$, а также вынос топики влево в позицию перед $m(e)=$, как в примере (7), следует считать инновациями ликийского языка (Adiego 2015: 27–28). При этом данный синтаксический процесс сопровождается местоименной репризой, см. вторичную местоименную клитику $=ene$, добавленную к частице $m(e)=$ в том же примере (7). Уместно отметить, что более ранняя реконструкция ликийских назализованных претеритов (Garrett 1991, 1994), отличаясь важными деталями от сценария, предложенного Адьега, также оперирует последовательностью выносов влево в истории ликийского языка.

Таким образом, наблюдается противоречие между точкой зрения хеттологов, последовательно оперирующих выносом актантов вправо в хеттском и лувийском языках, и гипотезой о выносе предиката и актантов влево, доминирующей среди исследователей ликийского языка. Учитывая более близкое родство между лувийским и ликийским языками по сравнению с лувийским и хеттским, предшествующие хеттоцентрические интерпретации, как минимум, заслуживают дополнительной проверки. В настоящей работе мы постараемся осуществить пересмотр материала средствами корпусного анализа. Прежде чем приступить к данной задаче, следует, однако, прояснить соотношение между двумя элементами лувийской пролептической конструкции – базовым порядком слов и местоименной репризой.

3. Местоименная реприза

Материал, приведенный в первых двух разделах, говорит в пользу связи местоименной репризы и синтаксической инверсии в лувийском и ликийском языках. Клаузы с V_1 , как правило, используют или не используют катафорические мес-

---

⁷ Лувийская субъектная клитика $/=as/$, в отличие от $/=an/$, не могла иметь когнатов в ликийском языке, способных повлиять на форму претерита, поскольку конечное $*-s$ выпадает в истории ликийского языка, а гипотетическая клитика $*=e$ должна была поглотиться глагольными окончаниями с исходом на гласную и исчезнуть, как это и произошло с ней в других синтаксических позициях.

тоимения, а клаузы с частицами $m(e)=$ и $s(e)=$ демонстрируют обязательную назализацию в определенных грамматических формах переходных глаголов. Тем не менее, с исторической точки зрения изменение базового порядка слов и употребление катафорических местоимений следует рассматривать как два отдельных явления. Одним из аргументов в пользу такого подхода является лувийская конструкция с частицей *zawī* ‘вот’, используемая при демонстрации новых предметов ритуала. Местоименная реприза является здесь факультативной: она отсутствует в примерах (9–10), но присутствует в примерах (11–12).

(9) KUB 35.54 ii 31' (CTH 758), cf. Starke 1985: 67

za-a-ú-i	zi-ya-ar	NUMUN.HI.A-na [?]	[p]u-u-na-a-ta
zawī	ziyar	warwalana	punada
вот	лежать.3SG.PRS	семья.NOM.PL	весь.NOM.PL

‘Вот лежат всякие семена’.

(10) KUB 35.54 ii 41' (CTH 758), cf. Starke 1985: 67

za-a-ú-i=pa	t[ap-paš-š]a	ˈti'-ya-am-mi-iš
zawī=ba	tappassa	tiyammis
вот=a	небо.NOM.SG	земля.NOM.SG

‘А вот н[еб]о (и) земля’.

(11) KUB 35.54 ii 8' (CTH 758), cf. Starke 1985: 66

za-a-ú-i-ya-aš	ta-lu-up-pí[-iš]
zawī=as	taluppis
вот=он.NOM.C	комо[к].NOM.SG

‘Вот он, комо[к] (теста)’.

(12) KUB 32.9+ ii 3' (CTH 760), cf. Starke 1985: 87

z[a-ú-i-y]=a-aš	ú-i-ši-ta	ha-la-a[-li-iš]	ˈ ta'-lu-up-pí-i[š]
zawī=as	wisida	halalis	taluppis
вот=он.NOM.C	явиться.3SG.PRT	чистый.NOM.SG.C	комок.NOM.SG

‘В[от] он появился, чис[тый] комок (теста)’.

С формальной точки зрения *zawī*-клаузы относятся к типам конструкций, где ожидалась бы местоименная реприза, поскольку предикат (там, где он имеется) предшествует в них субъекту. Чем же обусловлена наблюдаемая вариативность? Можно предложить гипотезу, согласно которой появление

катафорической местоименной клитики связано со степенью прагматической освоенности (*assumed familiarity*) дублируемого референта⁸. Напротив, комок теста многократно применяется в очистительных обрядах в ритуальных традициях Пуриянни и Куватталлы, В частности, «семена» (скорее всего, модели соответствующих предметов) и модели земли и неба являются артефактами, используемыми по одному разу в ритуале Пуриянни (СТН 758), поэтому на момент их демонстрации соответствующие референты можно считать прагматически неосвоенными (*unused*). Напротив, комок теста многократно применяется в очистительных обрядах ритуальных традиций Пуриянни и Куватталлы, поэтому его можно считать прагматически доступным (*accessive*)⁹. В частности приведенный ниже контекст из ритуальной традиции Куватталлы предвосхищает демонстрацию данного предмета ритуала:

(13) KUB 35.58' ii 5'-6' (СТН 761), cf. Starke 1985: 164

ha-la-li-ša ^(e.) -an	ta-lu-up-pí-iš	[ha-la-la-an-nu-wa-at-tu [?]]
halalis=an	taluppis	halalanuwattu
чистый.NOM.SG.C=он.ACC.C	коммок.NOM.SG	очистить.3SG.IMPV
[pa-]ʾaʾ-aš	ha-la-li-iš	a-aš-du
pa=as	halalis	astu
затем=он.NOM.C	чистый.NOM.SG.C	быть.3SG.IMPV

‘[Да очистит[?]] его чистый комок (теста), [и] да будет он чист!’

⁸ Мы опираемся здесь на иерархию прагматической освоенности (Lambrecht 1994: 109), суммирующую результаты монографии Prince 1981. Основными параметрами данной иерархии является степень когнитивной доступности (известное / неизвестное) и степень дискурсивной активации (неожиданное / ожидаемое). Следует подчеркнуть отличия между освоенностью референта и его ролью в коммуникативной структуре предложения, которая, разумеется, идентична в примерах (9–12).

⁹ Прагматические корреляты местоименной репризы не являются типологической диковинкой: см. например обсуждение таких коррелятов в македонском языке в работе (Kalluli, Tasmowski 2008: 10–13). Внутри балканского языкового союза прагматические параметры также играют роль в описании местоименной репризы в албанском и румынском языках (*ibid*: 9). Связь местоименной репризы с прагматическими характеристиками референта в балканских языках отмечается уже в монографии Лопашов 1978. Уникальность референта выдвигалась в качестве условия назализации ликийских претеритов в работе Goldstein 2014 (ср. обсуждение истории данного ликийского феномена в Разделе 2).

Другое вероятное ограничение на местоименную репризу имеет синтаксический характер. Пример (14) контрастирует с KUB 29.3+ iii 17' *m[a-am]-ma-al-wa-ya-an* EN *SÍSKUR-iš ad-du-wa-li-in* EME-*in* 'Со[к]рушает его заказчик ритуала, злой язык' (ср. (27) ниже). В примере (14) аккузативное дополнение прямо следует за глаголом в начальной позиции, при отсутствии ожидаемой ваккернагелевской клитики. Напротив, в примере (27) между ними вставляется подлежащее, а клитическое местоимение ожидаемым образом дублирует дополнение. Полный анализ лувийского корпуса подтверждает вывод об отсутствии местоименной репризы в тех случаях, когда дублирующее местоимение должно было бы оказаться в позиции непосредственно перед дублируемым дополнением. Интересно, что данный запрет не распространяется на подлежащее, ср. примеры (11), а также (28) и (30) ниже¹⁰.

(14) KBo 22.254 rev¹ 6–7 (CTH 762), cf. Starke 1985: 195

<i>ma-am-ma-lu-wa-i</i>	<i>[a]d-du-wa-li-in-$\llcorner$zi$\gg$</i>	Š[U-in]
<i>mammalwai</i>	<i>attuwalin</i>	<i>issarin</i>
ломать.3SG.PRS	злой.ACC.SG.C	рука.ACC.SG
<i>[ad-du-w]a-li-in</i>	EME- <i>e[n]</i>	
<i>attuwalin</i>	<i>lalin</i>	
злой.ACC.SG.C	язык.ACC.SG	

‘Сокрушает (он) злую д[лань] (и) [зл]ой язык’.

Изложенные гипотезы позволяют представить в новом свете контраст между клаузами (1–3) и (4–6), для которых исходно предполагалось диалектное распределение. Выясняется, что данные примеры также оказываются распределены по характеру прагматической освоенности аргументов: в примерах (1–3) дублируемый референт является «старым», тогда как в группе (4–6) все референты, которые могли бы вызывать местоименную репризу по своим грамматическим характеристикам, являются «новыми». Кроме того, во всех клаузах группы (4–6) прямое дополнение непосредственно следует за ваккернагелевской позицией.

Данные факты допускают двоякую интерпретацию. С одной стороны, можно было бы предполагать, что приведенные выше правила блокировки местоименной репризы действовали во

¹⁰ Последние два примера, впрочем, менее доказательны, поскольку местоименная клитика и подлежащее отделены здесь пространственной клитикой /=(t)ta/.

всех диалектах лувийского языка, то есть диалектный статус контраста между примерами (1–3) и (4–6) является иллюзорным. С другой стороны, по крайней мере, для позднелувийской надписи из Каратепе можно отметить отсутствие катафорических местоимений также и в конструкциях с освоенными референтами и при отсутствии смежности ваккернагелевской позиции и позиции прямого дополнения (KARATEPE § 37, § 72). Поэтому блокировка местоименной репризы носила здесь более распространенный характер, или же местоименная реприза вообще отсутствовала в позднелувийском языке. Напротив, для предка ликийского языка нет необходимости реконструировать правила блокировки, по крайней мере в интерпретации Adiego 2015. Не исключено, что сложные правила блокировки катафорических местоимений в определенных лувических диалектах как раз и привели ситуации к аналогическому выравниванию в ту или иную сторону в других диалектах.

Возвращаясь к нашему корпусу (СТН 758–763), можно отметить, что кроме описанных выше случаев здесь обнаруживаются также и другие клаузы с инновативным порядком слов, отклоняющиеся от классической пролептической конструкции. Например, если в предложении уже имеются местоименные клитики в анафорической функции, местоименная реприза не имеет места (см. ниже примеры 18, 20). В этом случае отсутствие клитики, дублирующей подлежащее, является прямым следствием запрета на сосуществование субъектной и объектной клитики в одной и той же клаузе в древних анатолийских языках. К списку формальных исключений можно добавить также клаузы, обсуждаемые в работе Rieken, Yakubovich (в печати), где местоименная реприза реконструируется на морфологическом уровне, но не проявляется в поверхностной репрезентации перед частицей /=tta/ по причинам морфонологического характера. Примерами подобного явления в настоящей работе являются (19, 26, 36). Относительно сходного феномена в лувийских иероглифических текстах см. Rieken 2008: 640–641.

Менее тривиальным исключением является пример (15), где в роли дейктического и одновременно катафорического местоимения выступает *zas* ‘этот’. Мы сталкиваемся здесь с двойной нерегулярностью: во-первых, местоимение здесь тоническое, а не клитическое, во-вторых, оно дублирует субъект, а не объект, как ожидалось бы в переходной клаузе. Похоже, что тут

отражена разговорная конструкция, где все дейктические элементы вынесены в начальную позицию, пусть и за счет потери смежности составляющих, что мы и попытались отобразить в русском переводе примера (15). Однако коль скоро местоимение *zas* воспринималось также и как катафора, отсутствие объектной катафорической клитики оказывается вполне регулярным: правила лувийского языка не допускают двойную местоименную репризу.

(15) KUB 35.43+ ii 9–11 (CTH 760), cf. Starke 1985: 144

[na-nu-um-p]a	za-aš	pa-ra-ad-du	a-ar-ra-az-za<-aš>
nanum=pa	zaš	parattu	arrazzas
теперь=же	этот.NOM.SG.C	нести.3SG.IMPV	белый [?] .NOM.SG.C
ha-a-ú-i-iš	[ša-hu-i-t]a-an-ta-an	ú-i-ta-at-ta-an	
hawis	sahwidantan	widattan	
овца.NOM.C	путы.ACC.SG	удар.ACC.SG	

‘[Теперь ж]е, вот эта пусть унесет белая овца [пу]ты (и) удары!’

Другим примером отсутствия ожидаемой местоименной репризы прямого дополнения является клауза (16). Данное предложение, которое Э. Рикен (Rieken 2011) использовала для демонстрации вариативности местоименной репризы в лувийском языке, следует рассматривать в контексте сходных заклинаний, сопровождающих обряд омовения, где источники ритуальной нечистоты обозначены формами не аккузатива, а аблатива. Ср. фрагменты KUB 27.26 r. col. 6’-7’ *il-ha-ti-ti [ma-al-ha-aš-ša-aš-ši-iš EN-aš] ta-pa-ru-wa-ti [ta-ta-ri-ya-am-na-ti hi-ru-ú-ta-ti]* и KUB 35.62 l. col. 2’-3’ *[e-l]i-el-ha-a-i-t[i ma-al-ha-aš-ša-aš-ši-iš EN-aš ta-pa-ru-wa-ti ta-ta-ri-ya-am-na-ti hi-r]u-ú-ta-ti*, для которых можно предложить перевод ‘Да отмоется заказчик ритуала от напасти (манипуляции), проклятия (и лживой) клятвы!’¹¹. Хотя клауза (16) и относится к более архаичному тексту, чем приведенные выше параллели, в обсуждаемой синтаксической конструкции их можно рассматривать в сопоставлении друг с другом как свидетельство неустойчивости пациента, которая могла проявляться как через неустойчивость падежной маркировки так и через отсутствие дублирующей местоименной клитики.

¹¹ Относительно гипотетической интерпретации лув. *tabaru-* как ‘*manipulation*’, см. Mouton, Yakubovich 2019: 212–213, прим. 6.

(16) KUB 32.9+ rev. 30'–31' (CTH 760), cf. Starke 1985: 90

i-li-il-ha-a-i=ti	m[a-al-]ha-aš-ša-aš-ši-iš	[EN-aš
ililhai=di	malhassassis	niyas
мыть.3SG.PRS=REFL.3SG	ритуал.POSS-NOM.SG.C	господин.NOM.SG
t]a-pa-ru	da-a-ta[-ri-ya-am-ma-an]	hi-ru-ú-un
tabaru	tadariyamman	hirun
манипуляция.ACC.SG	проклятие.ACC.SG	клятва.ACC.SG

‘Да смое с себя [заказчик] р[ит]уала напасть (манипуляцию), про-
[клятие], (лживую) клятву ... !’

Несмотря на указанные выше исключения, материал лувийских заклинаний, принадлежащих к традициям Пуриянни и Куватталлы (СТН 758–763), подтверждает гипотезу о том, что пролептические конструкции являются основным типом лувийских клауз с инновативным порядком слов (то есть, с глаголом в начальной или срединной позиции). В этом можно убедиться на основании более полной росписи материала, приведенной ниже. Вместе с тем, местоименная реприза представляет собой самостоятельное явление и поэтому ее наличие или отсутствие не может стать решающим фактором при выборе того или иного способа описания вариативности порядка слов в лувийском языке.

4. Вынос влево или вынос вправо?

Вопрос об исторических причинах синтаксической вариативности в лувийских заклинаниях логически разделяется на две части. С одной стороны, можно попытаться определить механизм, отвечающий за повышение продуктивности такого порядка слов на основании формальных параметров. С другой стороны, для содержательного объяснения данного процесса необходимо дать функциональное описание конструкции или конструкций, обобщивших инновативную синтаксическую модель. В данном разделе мы сосредоточимся на формальной стороне проблемы, отложив функциональную интерпретацию на завершающий раздел статьи.

С формальной точки зрения, минимизация передвижений синтаксических составляющих внутри клаузы отвечает критерию экономии. Следовательно необходимо предпочесть один вынос влево двум выносам вправо и наоборот. В качестве точки отсчета, мы исходим из праанатолийского базового порядка слов S(O)V / O(S)V, непосредственно отраженного в хеттских

текстах и соответствующего общепринятой в современной индоевропеистике реконструкции конечной позиции глагола. Мы также постулируем предглагольную позицию косвенных дополнений в праязыке. Напротив, положение подлежащего относительно дополнений не является типологически значимым параметром для анатолийских языков, а определяется прагматической структурой конкретной клаузы. В частности, подсчеты Марии Молиной по различным подкорпусам хеттских текстов показывают в среднем соотношение 3:1 между моделями SOV и OSV (Molina 2019: 77–78). Преобладание порядка слов SOV обусловлено языковой фреквенталией, согласно которой подлежащее обычно совпадает с темой (*topic*).

Таким образом, для предположения о сдвиге предиката влево достаточной является конфигурация с предикатом, за которым следуют как минимум два актанта и которому не предшествует ни один актант. В том случае, если справа и слева от предиката находится по одному актанту, следует скорее постулировать вынос актанта вправо, чем исходить из труднообъяснимого движения предиката в срединную позицию.

В том случае, если в клаузе есть лишь один актант, и он следует за предикатом, гипотезы о выносе влево и выносе вправо являются равноправными. Разумеется, подобная методология ведет к гипотетическим выводам в каждом конкретном случае, которые могут быть уточнены в результате функционального анализа. Тем не менее, при наличии достаточного количества примеров она, как минимум, может статистически обосновать предположение о наличии того или иного механизма в истории языка.

Ниже собраны примеры, иллюстрирующие феномен сдвига предиката влево. Для этого была проведена полная роспись лувийских текстов группы (СТН 758–763), однако отобраны лишь те случаи, где заполнение лакун является надежным с точки зрения авторов статьи, и отсеяны почти или полностью идентичные предложения. Ради сокращения объема текста здесь и ниже примеры приводятся в упрощенной транслитерации, без транскрипции, морфологической аннотации и ссылок на вторичную литературу; группа предиката и группы актантов разделяются знаком ||. Клитические местоимения, как катафорические, так и анафорические, переводятся на русский язык, но не учитываются при сегментации, поскольку их синтаксическая позиция автоматически определяется законом Ваккернагеля.

- (17) KUB 35.54 ii 49'–iii 5 (CTH 758)
 [š]āndu=wa=ta || parnantinzi [h]ūmmatiš haššanittiš
 huwahhuršantinzi tiyammiš tarušantiš || ad[duwalza utarša] hallišša
 parattan[za] puwatilza [n]anuntarriš[a] irhūwašša pa[r]ittaruwāšš[a]
 ulantalliyan huitw[aliyan]
 'Да извергнут их части дома, || (то есть) [у]часток, алтарь,
huwahhuršant-, фундамент (досл. земля) (и) каркас (досл.
 древесина), || зл[ую речь], хворь, скве[рну], прошлую (и)
 настоящую, внутреннюю (и) внешнюю, (исходящую) от
 мертвых (и) жив[ых]!'
- (18) KUB 35.54 iii 9–11 (CTH 758)
 a=ta=tta pari patzadu || MÁŠ.GAL-iš || māuwāti pārtāti mannakunati
 SI-nati
 'Да унесет ее || козел || на четырех конечностях, морде (и)
 рогах!'
- (19) KUB 35.55 obv. 8'–10' (CTH 758)
 [ka]rašdu(w)=at=ta ā[ppa || EN SISKUR || ādd]uwalza utarša
 [hallišša parattanza]
 'Да [от]сечет их оп[ять || заказчик ритуала, || зл[ую речь], [хворь
 (и) скверну]!'
- (20) KUB 32.10+ obv. 7'–8' (760)
 [āhš]andu(w)=ata || DINGIR^{MEŠ}-zi || dū[pa]niyati ša[huidantalliyati
 uit]antalliyati
 'Да [осво]бодят их || боги || от к[а]ры, парали[зующей (и)
 по]ражающей!'
- (21) KUB 32.10+ obv. 9'–10' (760)
 [lālad]du=pa=aš || malhaššaššiš EN-aš || d[ārušša mīšanza hāšša
 halhalzanin warann]āhiša iunahiša lalpin [kuwannanin maššanallin
 KASKAL-an]
 'Да [забер]ет их (себе) || заказчик ритуала, || те[ло, плоть, кости,
 суставы, красно]речие, ловкость, ресницы, [брови, (и) дорогу к
 богам]!'.
 (22=3) KUB 32.9+ obv. 7–10 (CTH 760)
 nīš=an hapiti || ma[lhaššaššin] EN-an || a[dduwalish EME-iš]
 adduwalish iš[šariš taparuwaššiš dātariyamnaššiš EME-iš] hirutaššiš
 EME-i[š MU.KAM-iš adduwalish ITU.KAM-aš adduwalish]
 wašpantaš[š]inzi ē[rhuwanzi mayaššiš EME-iš]
 'Да не скуют его || заказчика ри[туала], || з[лой язык], злая
 дл[ань, язык напастий (и) проклятий], язык (лживых) клятв,
 [злой год, злой месяц], со[держимое] саванов, [злословие
 толпы]!'

- (23=15) KUB 32.9+ rev. 30'–31' (CTH 760)
 ililhāi=ti || m[a]lhaššaššiš [EN-aš || t]aparu dāta[riyamman] hirūn
 māya[šši]n EME-in
 'Смывает с себя || [заказчик] р[ит]уала || напасть, про[клятие],
 лживую клятву, злословие то[лп]ы!'.
 (24) KUB 32.9+ rev. 31'–34' (CTH 760)
 "pa[=as halal]iš āšdu || ma[lhaššaššiš EN-aš] || māššananza parran
 adduwalati EM[E-ti ad]duwalati īšš[arati] taparuwaššanazati
 dātariyam[našša]nzati hirutašša[nzati] māyaššanazati EME-ti
 'И да будет [он чис]т || [заказчик] ри[туала], || перед богами от
 злого язык[а, зл]ой дл[ани], (языка) напастей, про[кля]тий и
 (лживых) кл[яत्व], злословия толпы!'.
 (25=14) KUB 35.43+ ii 9–11 (CTH 760)
 [nanum=p]a zaš paraddu || ārrazza<š> hāuīš || [šahuit]antan uitattan
 '[Теперь ж]е, эта пусть унесет || *белая* овца || [пу]ты (и) удары!'
 (26) KBo 29.3+ ii 7-10 (CTH 761)
 ānta=pa=at=ta ārlanuwatta || SÍSKUR-aššanza<n> EN-ya ||
 huītwalahi<ta>ti ānnarummahi<-ta>ti MU.KAM.HI.A GÍD.DA
 EGIR.U₄-M^{HLA}-ti DINGIR^{MEŠ}-aššazati waššarahitati
 huitummanahitati
 'Заменял же (он) их || для заказчика ритуала || жизнью, мужеством,
 долгими годами, будущими днями, благосклонностью (и) жизненной
 силой (исходящей) от богов'.
 (27) KUB 29.3+ iii 12'–14' (CTH 761)
 ma[m]malway=an || EN SÍSKUR-iš || adduwalin EME-in
 tātariyammanaššin hīrutaššin āššiwantattanaššin māiyaššin EME-in
 'Сок[р]ушает их || заказчик ритуала, || злой язык напастей,
 проклятия, лживой клятвы, нищеты, злословия толпы'.
 (28) KUB 35.71+ ii 6–9 (CTH 760)
 awidu(w)=a[š=ta] || malhaššaššiš [iš EN-aš || ^URU Ninuwawannaššati
^DIŠTAR-aššanza[ti ^DHiš]uwiyaššāzati hattaštarra[ti]
 'Да выйдет он, || [заказчик] ритуала, || из (состояния) ужаса от
 богини Иштар из Ниневии (и) [бога Хес]уэ!'
 (29) KUB 35.11 ii 8'–11' (CTH 762?)
 niš=pa=aš āhhaša[mmiš || SÍSKUR-iš EN-aš || dārušša] mišanza
 hašša h[alhalzanin uwarannāhiša] iunāhiša la[lpin kuwannanin]
 DINGIR^{MEŠ}-lin [KASKAL-an]
 'И да не будет он поки[нут, || заказчик ритуала, || (в отношении)
 тела] плоти, костей, су[ставов, силы], ловкости ре[сниц,
 бровей] (и) дороги к богам!'
 (30) KBo 29.6 obv. 19' (CTH 762)

awidu(w)=aš=ta || malhaššašš[i]š EN-aš || haratnā[ti waškulimmāti]
 ‘Да выйдет он, || заказчик ритуала, || из-под (власти)
 преступлен[ия и греха]!’

Приведенному выше материалу можно противопоставить небольшую группу примеров, которые говорят в пользу феномена выноса актантов вправо. Сразу же отметим, что все выносимые вправо словосочетания в примерах (31–33) состоят из трех или более словоформ. Это хорошо согласуется с наблюдениями монографии Rizza 2007 о влиянии сложности именной группы на ее синтаксическую позицию в языках Древней Анатолии, а в более общем плане – с так называемым «четвертым законом Бехагеля», согласно которому более длинная составляющая обычно располагается в предложении после более короткой. Напротив, если принять объяснение двойного сдвига вправо для клауз (17–30), пришлось бы допустить, что выноситься могут и такие элементы как ‘боги’, ‘заказчик ритуала’, ‘белая овца’ и ‘козел’¹².

- (31) KUB 35.54 iii 6-8 (CTH 758)
 a=ta āpa zaštanza DINGIR^{MEŠ}-anza parran ||niš <auiti> ||
 immarašša^DIM-aššanza hallišša
 ‘И назад к этим богам она || пусть не <придет>, || хворь
 степного бога грома!’
- (32) KBo 29.3+ ii 26 (CTH 761)
 a=an tiyammaššiš^DUTU-za || darawiddu || tatariyammanaššin
 hirutaššin EN-an
 ‘Земная богиня солнца его || пусть выдаст, || господина
 проклятия (и лживой) клятвы!’
- (33) KUB 32.8+ iii 11’–14’ (CTH 761)
 harmāhati=ti(y)=an=ta || tappānin || lātta || zanda dūpaimin iššarin
 zanda dūpaimin EME-in
 ‘Их у себя с головы || (как) волосок || он снял, || разящую длань
 (и) разящий язык’.

Иную по своему характеру группу примеров, потенциально говорящих в пользу возможности выноса актантов вправо, составляют конструкции со структурной особенностью, известной в генеративной лингвистике как *Right Node Raising*. Если

¹² При этом следует отметить, что термин ‘заказчик ритуала’ характерен прежде всего для писцового жаргона Хаттусы, тогда как при исполнении ритуала их заказчика обычно называли по имени. Это следует из указания *ŠUM-ŠU halzāi* ‘она называет его по имени’, часто добавляемого к описанию ритуалов (Görke 2010: 126–127, 277–278).

исходить из ее трансформационной интерпретации, идентичные и кореферентные актанты параллельных клауз выносятся вправо, во внешнюю позицию по отношению к группам соответствующих клауз. Прототипическими примерами предложений с *Right Node Raising* в нашем корпусе являются (34–35). Напротив, пример (36) носит проблемный характер, поскольку здесь в постглагольной позиции оказывается не только группа прямого дополнения, но группа подлежащего. Если реконструкция данного текста является правильной, возможно говорить не об объединении двух клауз посредством вынесения их общего актанта на правую периферию, а о вынесении влево сериализованного предиката ‘расплющит (и) разделит’. Заметим, что в примерах данной группы на правой периферии также последовательно оказываются более громоздкие составляющие¹³.

- (34) KUB 32.8+ iii 26'–29': (CTH 759)
 tāin=ti(y)=aš || āyaru || mal<l>i=ti(y)=a<š> || āyaru || za[nda]
 dūpaïmmiš išša[riš] zanda dūpaïm[miš EME-iš]
 ‘Маслом они || пусть станут, || медом они || пусть станут, ||
 р[а]зьящая для[нь] (и) разящ[ий язык]!’
- (35) KBo 29.3+ ii 21–24 (CTH 761)
 kuiš=an || šahhaniššatta || kuiš=an || ippatarri<š>šatta || EN SÍSKUR-
 aššin ALAM-ša mīšanza hašša halhalzanin uwarannahiša iunahiša
 lalpin kuwannanin maššanalın KASKAL-an
 ‘Кто их || арестовал, || кто их || конфисковал — || тело, плоть,
 кости, суставы, красноречие, ловкость, ресницы, брови, дорогу
 к богам заказчика ритуала ...’
- (36) KUB 35.54+ ii 11'–16' (CTH 758)
 a=at=ta talkudu a[=at=ta karašdu] || EN SÍSKUR āppa ||
 ādd[uwalza] utarša EN SÍSKUR DINGIR^{MEŠ}-za [parran] imrašša
 D^{IM}-aššanza [hallišša]
 ‘Пусть расплющит их (и) [отсечет] их || заказчик ритуала опять,
 || з[лую] речь [перед] богами заказчика ритуала (и) [хворь]
 степного бога грома!’

Подводя итоги данного раздела, можно констатировать, что случаи, когда лувийские конструкции с инновативным порядком слов удобно описывать как результат выноса влево и

¹³ Ср.: ‘[В]ыносы синтаксически тяжелых и[менных] г[рупп] достаточно четко отличимы от выносов легких и[менных] г[рупп] в лувийском, чтобы составлять отдельную таксономическую категорию’ (Sideltsev 2012: 773).

выноса вправо, соотносятся приблизительно как 2:1. При этом примеры на вынос вправо уже получили удовлетворительное объяснение, тогда как причины выноса лувийской предикативной группы влево пока остаются без обсуждения. Как вынос влево, так и вынос вправо обычно сопровождаются местоименной репризой, хотя в первом случае она носит менее последовательный характер.

5. Прагматическая интерпретация

Очевидной особенностью материала, собранного в предыдущем разделе, является преобладание модальных форм предиката, присутствующих в 14 из 19 примеров. Поскольку лувийский корпус СТН 758–763 состоит из заклинаний, большое количество модальных предложений не вызывает удивления. Тем не менее, было бы неверным заключить, что лувийские заклинания состоят в основном из модальных клауз. В качестве контрольного отрывка лувийского текста, содержащего около 20 последовательных клауз с глаголом в индикативе, можно привести KUB 35.24+ obv. 5'–23'.

Другой особенностью предыдущего раздела, на этот раз прямо связанная с характером выборки материала, является отсутствие форм с глаголом в конечной позиции. При этом, в 14 из 19 клауз предикат находится в начальной позиции, то есть слева от всех актантов. Напротив, в контрольном «индикативном» отрывке KUB 35.24+ obv. 5'–23' все лувийские глаголы, кроме последних трех, находятся в конце клаузы. Последние три глагола, расположенные в начале клаузы (KUB 35.24+ obv. 19'–23') получили интерпретацию как императивные формы в более позднем варианте того же заклинания (KUB 35.43+ iii 24'–32')!

Но, пожалуй, наиболее наглядной иллюстрацией склонности лувийских императивных клауз к порядку слов V_1 являются случаи хиазмов с морфосинтаксическим распределением (37–38). Частично эти примеры уже цитировались как (36) и (30). В примерах, приведенных ниже, контрастирующие однокоренные глагольные формы выделены полужирным шрифтом. Легко видеть, что причастные формы находятся на конце, а формы императива – в начале соответствующих клауз¹⁴.

---

¹⁴ Это не единственные примеры хиазма в лувийских заклинаниях ср. Melchert 2006: 297. Хиазм как фигура речи известен также и в родст-

(37) KUB 35.54 ii 8'–13' (CTH 758)

zāwi=(y)aš taluppi[š a=aš=ta] kuramati hartat[i **karšammiš**]
 kuluštanati **tal[kummiš]** a=at=ta **talkudu k[araššuwadu zāš]** EN
 SÍSKUR āppa ādd[uwalza] utarša

‘Вот он, комо[к (теста)], он **отделен**] разрезанием и помолом, **распл[ющен]** скалкой¹⁵. Пусть **расплющит** и **от[делит]** ее [этот] заказчик ритуала снова, зл[ую] речь!’

(38) KUB 29.6(+) i 22'–24 (CTH 762)

zaš=pa=tta kuwatin zammitatiš ^{NA4}harrāti [...] **awimmiš**
awidu=pa=aš=ta malhaš<-šaš>šiš EN-aš h[aratnāti] waškulimmā[ti]

‘И как эта мука **вышла** из-под жернова [...], пусть **выйдет** он, заказчик ритуала, из-под (*власти*) п[реступления] (и) грех[a]!’

Корреляция между пролептической конструкцией с глаголом в начальной позиции и модальными предложениями (*Götteranrufungen*) уже отмечалась в отношении хеттских ритуальных традиций Тунनावии и Мاستигги (Rieken 2011: 500–502). В той же работе делается вывод о том, что синтаксические особенности данных предложений, в частности, характер распределения местоименной репризы, указывающий на редакционную правку, свидетельствует об их переводном характере. Как для традиции Тунनावии, так и для традиции Мастигги, существуют независимые основания предполагать перевод или адаптацию заклинаний с лувийского (для последней традиции, ср. Yakubovich 2010: 33–36, 278–279). Роспись, произведенная в настоящей статье, указывает на сходный тип распределения пролептической конструкции в лувийских заклинаниях и их вероятных переводах на хеттский. Это, с одной стороны ведет к дальнейшему подтверждению выводов Рикен относительно редакционной истории традиций Тунनावии и Мастигги, а с другой стороны указывает на то, что корреляция между пролептической конструкцией и модальными предложениями не ограничивалась какой-либо одной традицией, а была характерна для лувийского языка в целом или его определенного диалекта.

венном ликийском Б (милиийском) языке, ср. Shevoroshkin 2012, однако там не обнаруживается его связь с модальными предложениями.

¹⁵ Перевод существительного *kulustann(i)*- как ‘скалка’ является предположительным. Известно лишь, что это деревянный предмет, использовавшийся для сильного физического воздействия (ср. причастие ‘расплющен’) и игравший важную роль при обработке зерна или муки.

Кроме того, можно констатировать, что лувийский язык не одинок в своей тенденции к порядку слов VS(O) / VO(S) в клаузах с глаголом в императиве. В частности, та же тенденция характерна для ряда романских и западногерманских языков: анализ соответствующих данных в генеративной парадигме предлагается в работе Wratil 2010. Начальную позицию глагола в императивных клаузах можно также наблюдать на примере идиоматических конструкций русского языка, например: 'Храни тебя Господь!', 'Пошел он к черту!' или 'Да здравствует солнце, да скроется тьма!'. Подобные типологические параллели не обладают сами по себе объяснительной силой, однако они позволяют надеяться, что лувийская пролептическая конструкция не является чем-то уникальным и доступна для обычного анализа в терминах коммуникативной структуры (актуального членения).

Разумеется, не для всех лувийских контекстов можно предложить убедительную коммуникативную интерпретацию, как в силу их фрагментарного характера, так и в силу объективной сложности анализа информационной структуры текста на мертвом языке, то есть без доступа к интонационному контуру. Однако как раз в случае хиазмов в примерах (37–38) ответ напрашивается сам собой: императивный предикат здесь является темой. В частности, в первом из этих примеров, 'отделение и расплющивание' является частью ремы в первой клаузе, что и обеспечивает статус прагматической пресуппозиции для того же концепта в следующей клаузе, где рема, напротив, состоит из актантов. Как обычно бывает в клаузах без выделенного фокуса, рема (*comment*) в наших примерах следует за темой (*topic*). Относительно необычным здесь является лишь то, что в качестве темы во второй клаузе выступает предикат.

От хиазмов в обсуждаемых текстах следует отличать псевдо-хиазмы, когда клауза SOV в хеттском описании ритуала контрастирует со сходной клаузой VSO в лувийском заклинании. Так обстоят дела в примерах (39) и (40), где приводятся в более широком контексте пролептические конструкции из примеров (16) и (27) соответственно. После того, как заказчик ритуала совершает определенное обрядовое действие, исполнительница ритуала интерпретирует данный акт в общепринятых магических терминах. С ее точки зрения, последнее действие заказчика ритуала является новым ситуативным фокусом, а сам заказчик и абстрактные негативные сущности, такие как 'проклятие' или 'злой язык' – освоенными референтами, не относя-

щимися к фокусу ситуации. В конструкциях с выделенным фокусом, компонент в фокусе часто предшествует другим компонентами информационной структуры, ср. синтаксис русских предложений с фокусными частицами *именно*, *только* или *даже*. Опять-таки, относительно необычным является лишь вынесение предиката в фокусную позицию.

(39) KUB 32.9+ rev. 28'–31' (CTH 760)

nu=za=kan BEL SÍS[KUR QĀTI=ŠU] ārri n[u] ^M[UNUSŠU.GI]
kiššan [tezzi] ililhāi=ti ma[l]haššaššiš [EN-aš] taparu
dāta[riyamman] hirūn

‘Заказчик рит[уала] моет [руки]. Ис[полнительница ритуала говорит] таким образом: “(Вот) смыывает с себя [заказчик] ри[т]уала [на]пасть, про[клятие], (и) (лживую) клятву.”’

(40) KBo 29.3+ iii 13'–14', 16'–17' (CTH 761)

[nu EN SÍSKUR] iš[naš EME-uš iš]naš=a kiššaruš [arha
d]uwarn[iš]kiuwan dāi ... <sup>MUNUSŠU.]GI=ma kišan hukkiškezzi
ma[m]malway=an EN SÍSKUR-iš adduwalin EME-in</sup>

‘[Заказчик ритуала] начинает [раз]лам[ыв]ать [языки из] те[ста] и руки из [те]ста. ... А [исполнительница] ритуала заклинает таким образом: “(Вот) сок[р]ушет его заказчик ритуала, злой язык...”’.

Вариантом данной ситуации является положение дел, когда исполнитель(ница) ритуала комментирует не само обрядовое действие, а его желаемый результат. В этом случае лувийское заклинание открывается императивной клаузой, в которой, однако, предикат или предикативная группа также находятся в начальной позиции. Так, например, клауза (1) из настоящей статьи, ‘Пусть будут омыты || [дре]весина, земля, х.-ы [бог]ов (и) алта(рь)!’, произносится в качестве заклинания после того, как исполнитель ритуала передает заказчику сосуд с водой. Здесь можно видеть конструкцию с сентенциальным фокусом, прагматической конфигурацией, которая характеризуется отсутствием составляющих в пресуппозиции (Lambrecht, Polinsky 1997: 2). Одной из типичных стратегий кодирования сентенциального фокуса в языках с тенденцией к конечной позиции предиката является порядок слов V₁ (Lambrecht 2000: 634–635), что мы и наблюдаем в обсуждаемом примере. Представляется, что подобный анализ также является оптимальным и для

нескольких других случаев императивных клауз в начале лувийских заклинаний.¹⁶

Однако наиболее удачной иллюстрацией сентенциального фокуса являются конструкции (9–12), также располагающиеся в начале заклинаний и вводимые частицей *zawī* ‘вот’. Эти клаузы используются для презентации различных ритуальных объектов, что хорошо согласуется с наблюдением о базовой функции презентации для данной прагматической конфигурации (Lambrecht 2000: 623). Здесь мы также имеем дело с последовательным порядком слов V_1 , хотя его формальное описание в терминах выноса влево или выноса вправо представляется одинаково вероятным. Как мы видели выше в Разделе 3, на местоименную репризу внутри данной группы наложены дополнительные ограничения, что делает в принципе невозможным анализ лувийской пролептической конструкции как функции одного параметра.

В заключение хотелось бы отметить, что наличие различных прагматических конфигураций, соотносимых с выносом влево в лувийском, ни в коей мере не должно восприниматься как доказательство правильности представленного синтаксического анализа. Формальные причины, по которым удобно разделять синхронные случаи выноса влево и выноса вправо были представлены в Разделе 4, а сравнительные данные ликийского языка, подтверждающие наличие механизма выноса влево в истории лувических языков, обсуждались в Разделе 2. Описание коммуникативной структуры лувийских текстов не требует само по себе отсылки к синтаксическим трансформациям (ср. Раздел 1). В то же время, для апробации нашей гипотезы важно то, что результаты сравнительно-исторического, синтаксического и прагматического анализа оказываются принципиально совместимыми.

---

¹⁶ При этом важно подчеркнуть, что предикат в начальной позиции может являться сложной глагольной формой, как в примере (1), или даже глагольной группой с легким (семантически слабым) глаголом. Последняя интерпретация возможна, например, для заклинания (34), которое следует в ритуале за актом сожжения символа злонамеренного волшебства над сосудом с маслом и медом. Это предложение интересно еще и тем, что в предыдущем разделе оно разбиралось как пример выноса вправо громоздкой группы подлежащего. Два объяснения – чисто синтаксическое и прагматическое – в данном случае дополняют друг друга.

Литература

- Adiego, I.-X. 2015: Lycian Nasalized Preterites Revisited. *Indogermanische Forschungen* 120/1, 1–30.
- Garrett, A. 1991: The Lycian Nasalized Preterite. *Münchener Studien für Sprachwissenschaft* 52, 15–26.
- Garrett, A. 1994: Relative Clause Syntax in Lycian and Hittite. *Die Sprache* 36, 29–69.
- Goldstein, D. 2014: Object Agreement in Lycian. *Historische Sprachforschung* 127, 101–124.
- Görke, S. 2010: *Das Ritual der Aštu (CTH 490)*. Culture and History of Ancient Near East 40. Leiden: Brill.
- Kalluli, D., Tasmowski L. 2008: Introduction: Clitic doubling, core syntax and the interfaces. Dalina Kalluli and Liliane Tasmowski (eds.), *Clitic Doubling in the Balkan Languages*. Amsterdam: John Benjamins, 1–32.
- Hawkins, J. D. 2000: *Corpus of Hieroglyphic Luwian Inscriptions*. Vol. I. Part I, II: *Texts*; Part III: *Plates*. Untersuchungen zur indogermanischen Sprach- und Kulturwissenschaft NF 8. Berlin: de Gruyter.
- Melchert, H. C. 2003: Language. *The Luwians*, H. Craig Melchert, (ed.). Handbuch der Orientalistik I/68. Leiden: Brill, 170–210.
- Melchert, H. C. 2006: Indo-European Verbal Art in Luvian. *La langue poétique indo-européenne: Actes du Colloque de travail de la Société des Études Indo-Européennes, Paris, 22-24 octobre 2003*. Ed. George-Jean Pinault and Daniel Petit (eds). Leuven: Peeters, 291–298.
- Melchert, H. C. 2015: Alleged “Right Dislocation” in Hittite. *Saeculum: Gedenkschrift für Heinrich Otten anlässlich seines 100. Geburtstags*. Andreas Müller-Karpe et al. (eds). Wiesbaden: Harrassowitz, 137–145.
- Molina, M. A. 2019: *Poryadok slov v hettskom yazyke [Word order in Hittite: corpus methods and analysis in typological perspective]*. PhD dissertation. Moscow.
- Молина, М. А. 2019: *Порядок слов в хеттском языке: корпусные методы и анализ в типологической перспективе*. Дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М.
- Lambrecht, K. 1994. *Information Structure and Sentence Form*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lambrecht, K. 2000. When subjects behave like objects: The analysis of the merging of S and O in sentence-focus constructions across languages. *Studies in Language* 24/3, 611–682.
- Lambrecht, K., Polinsky, M. 1997: Typological Variation in Sentence-Focus Constructions. *Proceedings of the Thirty-third Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society. Papers from the Panels*. Kora Singer et al. (eds.), 189–206. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1–21.

- Lopashov, Ju. A. 1978: *Mestoimennye povtory dopolneniya v balkanskikh yazykakh* [The pronominal reiteration of the object in Balkan languages]. Leningrad: Nauka.
- Лопашов, Ю. А. 1978: *Местоименные повторы дополнения в балканских языках*. Л.: Наука.
- Mouton, A., Yakubovich, I. 2019: Internal or external evil: a merism in Luwian incantations. *Bulletin of SOAS* 82/2: 209–231.
- Prince, E. F. 1981: Toward a Taxonomy of Given-New Information. *Radical Pragmatics*. Peter Cole (ed.). New York: Academic Press, 223–255.
- Rieken, E. 2008: Die Zeichen <ta>, <tá> und <tà> in den hieroglyphenluwischen Inschriften der Nachgroßreichszeit, VI *Congresso Internazionale di Ittitologia*, (Roma 5-9 settembre 2005). A. Archi und R. Francia (eds). *Studi micenei ed egeo-anatolici* 50, 637–649.
- Rieken, E. 2011: Verberststellung in hethitischen Übersetzungstexten. *Indogermanistik und Linguistik im Dialog: Akten der XIII. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft vom 21. bis 27. September 2008 in Salzburg*. Thomas Krisch and Thomas Lindner (eds). Wiesbaden: Reichert, 498–507.
- Rieken, E., Yakubovich, I. Forthcoming. Hidden Pronominal Clitics in Luwian Texts. To appear in a forthcoming Festschrift.
- Rizza, A. 2007: *I pronomi enclitici nei testi etei di traduzione dal Hattico*. *Studia Mediterranea* 20. Pavia: Italian University Press.
- Shevoroshkin, V. V. 2012: [Chiasm and similar structures in the Milyan texts]. *Armyanskiy gumanitarny vestnik* [Armenian Humanitarian Journal] 4, 98–120.
- Шеворошкин, В. В. 2012: Хиазмы и сходные структуры в мильских текстах. *Армянский гуманитарный вестник* 4, 98–120.
- Sideltsev, A. 2002: Inverted word order in Middle Hittite. *Anatolian Languages*. Vitaly V. Shevoroshkin and Paul Sidwell (eds). Canberra: Association for the History of Language, 138–188.
- Sideltsev, A. 2011: Clitic Doubling: A new Syntactic Category in Hittite. *Altorientalische Forschungen* 38/1, 81–91.
- Sideltsev, A. 2012: [Right dislocations with pronominal reduplication in Cuneiform Luwian]. *Indoeuropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European linguistics and classical philology] 16: 772–784.
- Сидельцев, А. В. 2012: Выносы вправо с местоименной репризой в лувийском. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 16: 772–784.
- Starke, F. 1985. *Die keilschrift-luwischen Texte in Umschrift*. Studien zu den Bogazköy-Texten 30. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Wratil, M. 2010: The Development of the V-to-C Movement in the West Germanic and Romance Languages. *Diachronic Studies on Information Structure: Language Acquisition and Change*. Gisella Ferraresi and Rosemarie Lühr (eds.). Berlin: Mouton, 161–188.

- Yakubovich, I. 2012. The Reading of Luwian *ARHA* and Related Problems. *Altorientalische Forschungen* 39/2 (2012), 321–39.
- Yakubovich, I. 2015: Phoenician and Luwian in Early Iron Age Cilicia. *Anatolian Studies* 65, 35–53.
- Yakubovich, I. 2019: *Luviyskiy yazyk v prostranstve i vremeni* [*The Luwian Language in Space and Time*]. Moscow: YaSK.
- Якубович, И. С. 2019: *Лувийский язык в пространстве и времени*. М.: ЯСК.

Е. А. Лютикова
(МГУ / ИРЯ им. А. С. Пушкина),
А. В. Сидельцев
(Институт языкознания РАН)

ЗАЛОГОВЫЕ АЛЬТЕРНАЦИИ НЕФИНИТНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В ХЕТТСКОМ ЯЗЫКЕ¹

В статье рассматриваются залоговые характеристики двух нефинитных форм глагола — причастия и инфинитива — в хеттском языке. Обе эти формы неспособны выражать залог морфологически, однако выступают в конструкциях, характеризующих эти нефинитные формы как активные или пассивные. Такая неоднозначность залоговой интерпретации причастий и инфинитивов имеет разные источники. Для причастий определяющим является лексико-грамматический разряд глагола в его конкретном употреблении: глаголы в переходных употреблениях имеют пассивную интерпретацию причастия, в непереходных — активную. Залоговые альтернации инфинитивов проявляются в составе лексической реструктурирующей конструкции, когда залоговая интерпретация инфинитива однозначно соотносится с переходностью матричного предиката: при переходных матричных предикатах инфинитив интерпретируется активно, при непереходных — пассивно. Во всех прочих случаях инфинитив образует активную конструкцию.

Ключевые слова: Хеттский язык, синтаксис, причастия, инфинитивы, переходность, залог, активный залог, пассивный залог.

E. A. Lyutikova
(MSU, Pushkin State Russian Language Institute),
A. V. Sideltsev
(Institute of Linguistics, RAS)

Voice alternations in Hittite non-finite verbal forms

The paper deals with voice characteristics of two non-finite verb forms — participle and infinitive — in Hittite. Both forms cannot express voice morphologically, still they are used in constructions which characterize these non-finite forms as active or passive. We demonstrate that voice ambiguity of participles and infinitives is of different nature. For participles the key factor is lexicogrammatical class of the verb in its concrete use: verbs within transitive construal have passive participles, verbs within intransitive construal — active ones. Voice alternations of infinitives are possible in lexical restructuring construction. In these configurations voice interpretation of the infinitive correlates with

---

¹ Работа над статьей поддержана грантом РФФИ 20-012-00174А.

transitivity of the matrix predicate: under transitive matrix predicates the infinitive is interpreted as active and under intransitive ones – as passive.

Key words: The Hittite language, syntax, participles, infinitives, transitivity, voice, active voice, passive voice.

1. Введение

Парадигма синтетических глагольных форм хеттского языка распадается на две подпарадигмы — финитную и нефинитную. Формы финитной подпарадигмы охарактеризованы по (согласовательному) лицу, (согласовательному) числу, наклонению и залогу (актив vs. медий). Нефинитная подпарадигма, включающая супин, герундий, инфинитив и причастие, не реализует указанные категории морфологически. Тем не менее, для ряда нефинитных форм высказываются предположения о возможности их употребления в синтаксических конфигурациях, предполагающих разные значения категории залога. В литературе обсуждаются в этой связи залоговые характеристики причастия и инфинитива.

Причастия демонстрируют как различные значения категории залога в зависимости от глагола, так и различные залоговые интерпретации при одном и том же глаголе. Для подавляющего большинства глаголов хеттского языка категория залога у причастия определяется автоматически по глаголу — от переходных глаголов образуется активное причастие, а от переходных — пассивное (Hoffner, Melchert 2008: 339; Dardano 2014). При этом хорошо известны и немногочисленные случаи, когда от переходных глаголов образуются активные причастия (Hoffner, Melchert 2008: 339; Dardano 2014), например *šekkant-* ‘знающий’ от *šakk-* ‘знать’, *ištamaššant-* ‘слушающий’ от *ištamašš-* ‘слушать’.

Залоговая нейтральность инфинитива также обсуждается применительно к переходным глаголам, однако в этом случае пассивная интерпретация засвидетельствована значительно реже, чем активная. В хеттологии стандартно отмечается, что «... хеттский инфинитив немаркирован в отношении залога и может соответствовать активному или пассивному инфинитиву других языков»² (Hoffner, Melchert 2008: 332), см. также более ранние работы (Ose 1943: 55, 85; Kammenhuber 1954: 247–250). Недавнее исследование на эту тему представлено в Holland 2011.

² “...the Hittite infinitive is unmarked for voice and may equate to the active or passive infinitive of other languages” (Hoffner, Melchert 2008: 332).

Холланд приводит примеры, в которых инфинитивы могут интерпретироваться как либо активные, либо пассивные (1):

(1) NH/NS (CTH 61.II.5.B) KBo 4.4+ rev. iv 20–1

BELI=NI=wa=nnas   *ša*   ^{URU}*Aripša*   *iwar*   ^{URU}*Hattuši*
 господин=наш=QUOT=нас GEN   Арипса   как   Хаттуса.DAT.SG

šārū-wanzi   *lē*   *maniyah-ti*

грабить-INF PRONIB   вручать-2SG.PRS

‘Господин наш, не вручай нас Хаттусе **быть ограбленными** как город Арипса’ (CHD L–N: 298; Holland 2011: 71–2; Goetze 1933: 136).

Таким образом, обсуждение залоговой нейтральности нефинитных форм затрагивает исключительно переходные глаголы и сосредоточено вокруг следующих проблем: (1) источники преимущественно пассивной интерпретации хеттских причастий — когнатов индоевропейских активных причастий; (2) специфика глаголов, допускающих активную и пассивную интерпретацию причастий; (3) филологический анализ контекстов, демонстрирующих пассивное употребление инфинитивов, и аргументация их залоговой нейтральности. Общий вывод, по-видимому, состоит в том, что и причастия, и инфинитивы, не выражая категорию залога морфологически, способны соотноситься как с активным, так и с пассивным залогом, доступным для финитных форм переходного глагола.

Подобный подход не позволяет объяснить следующие особенности залоговых характеристик нефинитных форм. Во-первых, для причастий переходных глаголов пассивная интерпретация является правилом, а активная — более редким случаем, в то время как для инфинитивов переходных глаголов активная интерпретация встречается значительно чаще, чем пассивная. Во-вторых, множество переходных глаголов, для которых фиксируется активное и пассивное употребление причастия, не совпадает с множеством глаголов, которые демонстрируют активное и пассивное употребление инфинитива.

Эти обобщения позволяют предположить, что неоднозначность залоговой интерпретации причастий и инфинитивов имеет разные источники. В этой статье мы последовательно рассмотрим залоговые характеристики причастий и инфинитивов и покажем, что возможность залоговой альтернации причастия определяется лексико-грамматическим классом глагола, а возможность залоговой альтернации инфинитива — внешним по отношению к инфинитиву синтаксическим контекстом.

2. Залоговые альтернации причастий

Хеттские причастия имеют два основных класса употреблений: атрибутивные и предикативные (Hoffner, Melchert 2008: 339; Dardano 2014). К атрибутивным относятся употребления в функции адъективного модификатора в именной группе (2), а также субстантивированные употребления (3):

(2) NH/INS (CTH 187) KBo 18.24 rev. iv 7'-9'
nu=za   *ša*   ^m*Šuppiluliuma*   ^{GIŠ}TUKUL   *tarahḫ-an*
 CONN=REFL   GEN   Суппилулиума   оружие   покорить-PTCP.ACC.SG.N
ša   DINGIR-LIM   *arkamman-aš*   URU^{DIDL.HI.A}   *šarā da-tta*
 GEN   бог   данник-ACC.PL.C   города   вверх   взять-2SG.PST
 'Ты взял города, **покоренные** оружием Суппилулиумы, данники божества' (Giorgieri, Mora 2004: 91).

(3) NH/INS (CTH 187) KBo 18.24 obv. i 10
nu=za   LUGAL.GAL   *kuit*   *UL=za*   2-an
 CONN=REFL   царь.большой   так-как   NEG=REFL   второй
tapar-anza
 править-PTCP.NOM.SG.C
 'Потому что я Великий Царь, а не **губернатор** второго ранга' (Giorgieri, Mora 2004: 90).

Предикативные употребления включают использование причастия в составе аналитических конструкций перфекта (4) и пассива (5), а также неграмматикализованные перифрастические конструкции причастий с глаголами *eš-* 'быть' и *ḫark-* 'иметь, держать' (6)–(7), в которых причастия являются предикатами в малых клаузах, служащих аргументами вспомогательных глаголов³.

(4) NH/NS (CTH 81.A) KUB 1.1+ rev. iii 31'–34'
 [*nu=mu=kan*   *še(š=ya*   *kuit*   ^mNIR.GÁL-*iš*)   -(ta)
 CONN=мне=LOCP   брат=мой   так-как   Муваталли-NOM.SG.C   х
^{UR(U)}*Durmitta-n*)   ^{UR(U)}*Zip)lanta-n*   KUR   ^{URU}*Ḫat(tena*   KUR
 Дурмитта-ACC.SG.C   Ципланта-ACC.SG.C   страна   Хаттена   страна
^{URU}*Ḫakpišš-an*   ^{UR(U)}*Išt)ahar(a-n)*   *ir-ann-i*
 Хакпис-ACC.SG.C   Истахара-ACC.SG.C   служба-DAT.SG
piy(-an)   *ḫar-ta]*
 дать-PTCP.NOM.SG.N   иметь-3SG.PST

³ Аналогичные конструкции известны и для других индоевропейских языков, ср. английские *have-* и *get-* каузативы, а также немецкие *haben-* пассивы (Businger 2013; Gese 2013).

‘Потому что мой брат Муваталли **дал** мне города [...]та, Дурмитта, Ципланта, Хаттена, Хакпис (и) Истахара [в управление]’ (Otten 1981: 18–9).

(5) NH/NS (СТН 176) KUB 21.38 obv. 26'

amtiqq=a=aš=kan UL anda malānza

я.ABL=и=она=ЛОСР NEG в одобрять.ПТСР.NOM.SG.C

‘Разве она не была **одобрена** мной?’ (Hoffner 2009: 284).

(6) NH/NS (СТН 40.III.d.1) KUB 19.7+ obv. i 3'-4'

ni URU Kinza[-š ...] war-anza ēš-t[a]

CONN Кинца-NOM.SG.C гореть-ПТСР.NOM.SG.C быть-3SG.PST

‘Город Кинца **горел**’ (del Monte 2009: 81).

(7) NH/NS (СТН 61.II.2.A) KUB 14.16+ obv. i 24

ni KUR-e paḥḥašnuw-an ḥark-ir

CONN страна-ACC.SG.N охранять-ПТСР.NOM.SG.N иметь-3PL.PST

‘Они держали страну **в безопасности/защищенной**’ (CHD P: 8; Goetze 1933: 28–9).

В литературе, посвященной синтаксису и семантике причастных перфектов и пассивов (см., например, Kratzer 1994, Rapp 2001, Alexiadou, Rathert, von Stechow 2003, Paslawska, von Stechow 2003, Embick 2004, Borik 2013, Borik, Gehrke 2019) указывается, что синтаксическая структура причастий в атрибутивном и предикативном употреблении может различаться. Так, например, в немецком языке атрибутивные причастия обладают способностью присоединять агентивное дополнение, в то время как причастия в составе адъективного пассива (Zustandspassiv) — нет:

(8) a. das von Maria **gemahlte** Bild

‘написанная Марией картина’

b. *Das Bild ist von Maria **gemahlt**.

ожид.: ‘Эта картина написана Марией.’

С другой стороны, аналитические конструкции глагольного (событийного) пассива и перфекта, использующие причастие, могут демонстрировать большее разнообразие способов модификации и меньшее число ограничений на аргументную структуру, чем атрибутивные причастия: например, в немецком языке причастие II от агентивных неопределённых одноместных глаголов возможно только в предикативном контексте (в составе перфекта или имперсонального пассива), но не в атрибутивном контексте.

- (9) a. Maria hat **gearbeitet**.
 ‘Мария (по)работала’ (перфект)
 b. Es wurde viel **gearbeitet**.
 ‘Много работали.’ (имперсональный пассив)
 c. *ein **gearbeiteter** Fachmann
 ожид. ‘(по)работавший специалист’

При этом, однако, не вполне понятно, до какой степени свойства аналитической конструкции определяются собственно причастием, а не функциональной структурой, задаваемой вспомогательным глаголом. В первую очередь этот вопрос возникает в связи с залоговой интерпретацией перфекта переходного глагола. Например, в немецком языке причастие переходного глагола имеет пассивную интерпретацию в атрибутивном употреблении (9a), однако включающий в свой состав то же причастие перфект имеет обе залоговые формы (10a-b):

- (10) a. Maria hat das Bild **gemahlt**.
 ‘Мария написала картину.’ (перфект, актив)
 b. Das Bild ist (von Maria) **gemahlt** worden.
 ‘Картина была написана (Марией).’ (перфект, пассив)

В хеттском языке аналитические конструкции, использующие предикативное причастие, не рекурсивны, вследствие чего выбор вспомогательного глагола в сочетании с причастием переходного глагола предопределяет функцию конструкции как пассива или перфекта, ср. (11a-b).

- (11) a. NH/NS (CTH 486.A) KUB 43.50+ rev. 30'-31'
išhiūll=a=šši GIM-an **iya-n**
 правило.NOM.SG.N=и=ему как делать.PTCP.NOM.SG.N
 ‘Как ему **было сделано** правило’ (S. Görke (ed.), hethiter.net/: CTH 486 (TX 15.12.2015, TRde 17.07.2015)) (пассив)

- b. NH/NS (CTH 387.1) KUB 31.66+ obv. ii 1'-2'
nu=wa=za [...] **iya-n** **har-ta**
 CONN=QUOT=REFL делать-PTCP.NOM.SG.N иметь-3SG.PST
 ‘Он [...] **сделал**’ (E. Rieken et al. (ed.), hethiter.net/: CTH 387.1 (INTR 2016-01-19)) (перфект).

Несмотря на наблюдаемое участие причастия как в пассивной, так и в активной перфектной конструкции, наличие обеих залоговых интерпретаций у причастия, тем не менее, вызывает определенные сомнения. Начиная с работ Э. Бенвениста (Benveniste 1962; см. также Houwink ten Cate 1973 с подробным обзором последующей литературы по вопросу) конструкции с

глаголом *hark*- рассматриваются — по меньшей мере в диахронической перспективе — как перифрастические перфекты, в которых прямое дополнение зависит не от причастия, а от легкого глагола. Соответственно, причастие в этой конструкции не присоединяет прямого дополнения, напротив, оно является пассивным и определяет прямое дополнение глагола *hark*-. Активный (перфект) или пассивный (пассив) характер аналитической конструкции определяется переходностью вспомогательного глагола. Впрочем, в недавних работах (см. Boley 1984; 2002; Hoffner, Melchert 2008: 311; Shatskov 2012) установлено, что для подавляющего большинства форм с грамматикализацией глагола ‘иметь’ в качестве показателя перфекта это не так — в них причастие действительно управляет аккумулятивом. При таком подходе причастие в предикативных аналитических конструкциях просто демонстрирует управление, характерное для финитного глагола.

Учитывая вышесказанное, мы исключаем из рассмотрения предикативные употребления причастий в составе аналитических конструкций, подобные (11a-b), как демонстрирующие залоговые альтернативы. Наиболее информативными в отношении залоговых характеристик нам представляются атрибутивные употребления причастий (см. также Embick 2004, McIntyre 2013 об атрибутивном контексте как исходном для адъективных причастий). Предикативные употребления причастий в составе перифрастических конструкций (примеры (6)–(7)) демонстрируют сходные свойства.

Итак, рассмотрим закономерности, регулирующие залоговые интерпретации атрибутивных причастий в хеттском языке.

Сформулированное в предшествующей литературе обобщение, согласно которому причастие переходных глаголов имеет пассивную интерпретацию, а причастие непереходных глаголов активную интерпретацию, в целом соответствует действительности и получило подтверждение на материале созданной нами базы данных употреблений причастий⁴. Однако нам представляется необходимым сделать несколько уточнений.

---

⁴ Корпус включает тексты, созданные в новохеттский период: молитвы (СТН 377, СТН 378.1, СТН 378.2, СТН 378.3, СТН 378.4, СТН 378.5, СТН 378.6, СТН 378.7, СТН 378.8, СТН 379, СТН 381, 382, 383.1, 384.1) на <http://www.hethport.uni-wuerzburg.de/HPM/index.php>; а также молитву Мурсили II по поводу прегрешений и изгнания Тавананны (Miller 2014); инструкции (Miller 2013), письма (Hoffner 2009; Hagenbuchner 1989; Giorgieri, Mora 2004), сны и обеты (de Roos

Глагол в хеттском языке не всегда может быть охарактеризован как переходный или непереходный безотносительно к спряжению (актив vs. медий) и, более того, к конкретному употреблению (наличие рефлексивной клитики =*za*, наличие прямого дополнения). В частности, могут быть выявлены следующие регулярные классы, представленные в Таблице 1 (см. также классификацию непереходных глаголов в Garrett 1996).

Имеются также глаголы, характеристики которых укладываются в комбинацию регулярных классов. Например, глагол *eš-* ‘занимать, заселять, сидеть, садиться’ имеет переходные употребления ‘занимать, заселять’ в активе и медии, но непереходные неаккузативные употребления ‘сидеть, садиться’ в активе и медии; глагол *waršiye-* ‘успокаивать, успокаиваться’ имеет неаккузативную интерпретацию ‘успокаиваться’ в активе и медии, но переходную интерпретацию ‘успокоить’ в активе; глагол *huittiye-* ‘тянуть, тянуться, медлить’ демонстрирует переходные актив и медий в значении ‘тянуть’, неэргативный актив ‘тянуть=медлить’ и неаккузативный медий ‘тянуться’.

Важное обстоятельство, влияющее на залоговые характеристики причастия, состоит в том, что различным интерпретациям глагола, противопоставленным в финитных формах при помощи морфологической оппозиции актива и медия, соответствует одна и та же морфологическая форма причастия. Вследствие этого у глаголов класса 1 (а также 6, 9 и комбинированных классов) причастие может рассматриваться как имеющее пассивную интерпретацию для переходного значения глагола и активную интерпретацию для непереходного.

2007); Деяния Суппилиуммы (del Monte 2009), Анналы Мурсили II (Goetze 1933) с последующими дополнениями; Анналы Хаттусили III (Gurney); Апологию Хаттусили III (Otten 1981); другие тексты, относящиеся к Хаттусили III (Ünal 1974); восстановление Нерика (Cornil, Lebrun 1972); Меморандум, касающийся Мурсили III (Cammarosano 2009); Наущение Мурсили II (Miller 2007); Афазию Мурсили II (S. Görke (ed.), hethiter.net/: СТН 486 (TX 15.12.2015, TRde 17.07.2015)); культовые инвентарные тексты (Hazenbos 2003); оракулы (Ünal 1978; van den Hout 1998; Sakuma 2009); договоры (СТН 42, СТН 62, СТН 69, СТН 89, СТН 105, СТН 123, СТН 141) (Friedrich 1926, 1930; del Monte 1986; González Salazar 1994) и на http://www.hethport.uni-wuerzburg.de/txhet_svh/textindex.php?g=svh&x=x), договор на бронзовой табличке (Otten 1988); договор с Ульми-Тешупом (van den Hout 1995); инвентарные тексты (Siegelová 1986). Древне- и среднехеттские тексты, дошедшие до нас в новохеттских копиях, в Корпусе не учитывались.

Таблица 1. Регулярные классы глаголов с точки зрения аргументной структуры

Классы глаголов	Актив	Медий
1. Переходные глаголы результата: <i>šūwa</i> - ‘наполнять, наполняться’, <i>zinna</i> - ‘заканчивать, заканчиваться’, <i>weriye</i> - ‘призывать, присоединяться’	переходный	неаккузатив
2. Активные неаккузативы (в основном глаголы изменения состояния и движения): <i>akk</i> - ‘умирать’, <i>ašš</i> - ‘оставаться’, <i>rai</i> - ‘уходить’	неаккузатив	—
3. Медиальные неаккузативы (в основном стативы и фиентивы): <i>ar</i> - ‘стоять’, <i>eš</i> - ‘быть’, <i>makkeš</i> - ‘становиться большим’	—	неаккузатив
4. Переходные глаголы способа действия: <i>walḥ</i> - ‘ударять’, <i>malla</i> - ‘молоть’, <i>kuen</i> - ‘убивать’	переходный	—
5. Неэргативы: <i>kururiyaḥ</i> - ‘начинать войну’, <i>wašta</i> - ‘грешить’, <i>uške</i> - ‘смотреть’	неэргатив	—
6. Активные лабильные глаголы: <i>arai</i> - ‘подниматься, поднимать’, <i>naḥḥ</i> - ‘опасаться, пугать’	переходный / неаккузатив	—
7. Активно-медиальные неаккузативы: <i>ḥark</i> - ‘погибать’, <i>ḥuwai</i> - ‘бежать’, <i>karuššiye</i> - ‘молчать’	неаккузатив	неаккузатив
8. Активно-медиальные переходные глаголы: <i>karš</i> - ‘резать’ ⁵	переходный	переходный
9. Медиальные лабильные глаголы: <i>karp</i> - ‘завершить, завершиться’ ⁶	—	переходный / неаккузатив

Необходимо подчеркнуть, что причастие парадигматически соотносится со всеми употреблениями данного глагола в финитных формах. Это особенно очевидно в случае противопоставления пассивного причастия от переходного употребления и активного причастия от (производного) неаккузатива.

Поскольку неаккузативы образуются от переходных глаголов путем изменения флексии на медиальную (Garrett 1990; 1996), возникает интересная проблема таксономии причастий: можно считать, что пассивные причастия переходных глаголов на самом деле образованы как активные причастия от неаккузативных глаголов, которые, в свою очередь, образованы от переходных глаголов. Таким образом, *tarnant*- ‘отпущенный’ не будет таксономически пассивным причастием от *tarna*-

⁵ Без учета значения ‘прекращаться’.

⁶ Без учета значения ‘поднимать’.

‘отпускать’, а будет активным причастием от неаккузатива *tarna-* ‘быть отпущенным’.

Мы полагаем, что такая трактовка не может быть в общем случае верной.

Во-первых, несколько глаголов, которые Гарретт относит к этому классу, очевидным образом не производны от переходных глаголов. К ним относятся *irmaliye-* ‘болеть’ и *war-* ‘гореть’, для которых не представлено переходное употребление той же самой лексемы. Во-вторых, имеется как минимум несколько глаголов, различающих активное причастие неаккузативного употребления и пассивное причастие переходного употребления. К ним относится, например, *šarra-* ‘ломаться (на части), разделяться’, который относится к неаккузативам (Garrett 1990: 91). Этот неаккузатив имеет медиальную флексию и отличается от пассива. Другим достаточно ясным случаем является *ninink-*. В переходном употреблении он значит ‘мобилизовать’, а в неаккузативном ‘двигаться, подниматься’, при этом в одном случае его причастие явно пассивно, а не неаккузативно, таким образом, оно образуется непосредственно от переходного значения ‘мобилизоваться’, а не от неаккузативного ‘двигаться, подниматься’. То же самое относится к неаккузативному *harp-* со значением ‘присоединяться’, при этом засвидетельствовано и пассивное причастие напрямую от переходного ‘складывать, сваливать’. Еще одним случаем является *weriye-* с неаккузативным значением ‘присоединяться’ при явно пассивном причастии от его переходного значения ‘звать’. В одном случае — KUB 14.15 rev. iv 49 — причастие со значительной степенью вероятности образовано именно от неаккузатива, а не от переходного глагола и переводится как ‘sollen sie sich nicht einlassen’, что идеально соответствует медиальным финитным формам, см. HEG (W: 496–8).

Таким образом, мы приходим к выводу, что неоднозначность залоговой интерпретации причастия в общем случае является следствием нефиксированности признака переходности в пределах финитной парадигмы глагола.

Еще один источник залоговой альтернации в причастии — это регулярная реализация глаголов одного из переходных классов — класса 4 — в непереходной конфигурации (сам класс глаголов выделил Гарретт (Garrett 1997: 98–100) и обозначил их как ‘детранзитивы’). Глаголы класса 4 охарактеризованы в Таблице 1 как переходные глаголы способа действия (*manner verbs*), в противоположность переходным резуль-

тативным глаголам (result verbs) класса 1. Противопоставление глаголов способа действия и глаголов результата было введено в работах Б. Левин и М. Раппапорт Ховав (Levin, Rappaport Novav 1998, 2005, 2013; Rappaport Novav, Levin 2010) и затрагивает важные структурные характеристики значения переходных глаголов. Авторы предполагают, что лексическое значение глагола строится на основе одного из событийных шаблонов — состояния, деятельности, достижения, свершения — путем идентификации одной из подсобытийных переменных шаблона с лексической константой глагола, а аргументов шаблона — с аргументами лексической константы. Например, событийный шаблон деятельности [x АСТ_{<MANNER/INSTRUMENT/EMISSION/...>}] может быть реализован лексическими константами, обозначающими тип движения (*прыгать, танцевать, плыть, ...*), инструмент (*пилить, молотить, косить, ...*), вид эмиссии (*светить, дымить, пахнуть, ...*) и т. п. Все переменные шаблона должны быть идентифицированы с переменными лексической константы, однако переменные константы могут оставаться не идентифицированными с аргументами шаблона. Например, лексические константы — инструментальные деятельности в русском языке имеют обычно 2 аргумента (субъект и объект деятельности), но только один из них — деятель — соотносится с аргументом шаблона [x АСТ_{<...>}].

Более сложные событийные шаблоны включают несколько подсобытийных переменных, связанных логическими операторами. Например, событийный шаблон свершений имеет вид [[x АСТ_{<MANNER>}] CAUSE [BECOME [y <STATE>]]]. При этом одна лексическая константа может реализовать только одну из подсобытийных переменных (но возможна реализация разных подсобытийных переменных разными константами, например, комбинацией глагола и прилагательного в результативной конструкции, или глагола и лексического префикса, или глагола и каузативного показателя, и т. п.).

Различие переходных глаголов способа и результата определяется тем, какую подсобытийную переменную лексикализует глагол. Глаголы способа лексикализуют переменную [x АСТ_{<MANNER>}]. Вследствие этого второй аргумент лексической константы не находит отражения в событийном шаблоне и лицензируется только лексической константой. Такие аргументы, по мнению Левин и Раппапорт Ховав, могут быть опущены без ущерба для грамматичности предложения, и этим определяется регулярная альтернатива между переходной и неэрга-

тивной конструкцией: *John swept the floor / John swept* ‘Джон подметал пол / Джон подметал’. Глаголы результата, напротив, лексикализуют результирующее состояние, и поэтому могут реализовываться в шаблоне достижений (глаголов изменения состояния) [BECOME [у <STATE>]] и свершений (глаголов каузации изменения состояния) [[х АСТ_{<MANNER>}] CAUSE [BECOME [у <STATE>]]]. Совпадающий компонент изменения состояния [BECOME [у <STATE>]] предопределяет возможность каузативно-инхоативной альтернации между переходной и неаккузативной конструкцией: *John broke the vase / The vase broke* ‘Джон разбил вазу / Ваза разбилась’. Другой тип альтернации — между переходной и неэргативной конструкцией — для глаголов результата, напротив, невозможен, поскольку объект соответствует аргументу шаблона и не может быть опущен: *John broke the vase / * John broke* ‘Джон разбил вазу / *Джон разбивал’.

Возвращаясь к Таблице 1, мы видим, что переходные глаголы результата регулярно демонстрируют каузативно-инхоативную альтернацию между активом и медиом (класс 1); при этом, как показывает наша база, глаголы этой группы не демонстрируют неэргативных непереходных употреблений. Напротив, переходные глаголы способа не имеют неаккузативных медиальных употреблений (класс 4), однако регулярно выступают в качестве неэргативных глаголов (класс 5). В нашей базе такие употребления фиксируются, в частности, для глаголов *link-* ‘давать клятву, клясться’, *malai-* ‘одобрять’, *meta-* ‘говорить’, *paḥṣanu-* ‘защищать, быть на страже’, *tapar-* ‘править, управлять’. В этом случае причастие имеет активную интерпретацию (к этому типу относятся и обсуждаемые в литературе причастия глаголов *šakk-* ‘знать’, *ed-* ‘есть’ и *eku-* ‘пить’):

(12) NH/NS (CTH 255.1.A) KUB 21.42+ obv. ii 15'-16'

<i>nu</i> ZAG	<i>šekk-ant-et</i>	<i>zi-it</i>	<i>anda</i>	<i>lē</i>
CONN граница	знать-PTCP-INST	душа-INST	в	PROHIB
<i>kuiški</i>	<i>zāh-i</i>			
кто_то.NOM.SG.C	пересечь-3SG.PRS			

‘Пусть никто преднамеренно не пересекает границу’, букв. ‘со знающей душой’ (Miller 2013: 286-7; Dardano 2014: 247).

(13) NH/NS (CTH 62.A) KBo 5.9+ obv. ii 11'

<i>nu=wa=šma[š</i>	<i>paḥṣ]anuw-ant-eš</i>	<i>ēš-ten</i>
CONN=QUOT=вам	охранять-PTCP-NOM.PL.C	быть-2PL.IMP

‘Будьте осторожны!’ (G.Wilhelm – F.Fuscagni (ed.), hethiter.net/: CTH 62 (TX 16.10.2013, TRde 15.10.2013)).

(14) NH/NS (CTH 190) KBo 18.28 obv. i 12'

2-an *tapar-a[nt-]an=man=za* SAHAR *ḫalzā[...]*
 второй править-PTCP-ACC.SG.C=IRR=REFL грязь звать[...]
 ‘Но ты (?) бы назвал губернатора второго ранга грязью’ (Hagenbuchner 1989: 406; Giorgieri, Mora 2004: 96).

Таким образом, мы заключаем, что вторым источником неоднозначной залоговой интерпретации причастия является регулярная альтернатива глаголов способа между переходным и непереходным (неэргативным) употреблением.

Заметим, что во всех рассмотренных случаях интерпретация причастия однозначно соотносится с признаком переходности глагола в конкретном употреблении, и залоговая альтернатива причастия фиксируется только для глаголов с альтернативой по переходности — парадигматической или окказиональной. Критический характер переходности для залоговой интерпретации причастия отмечался многими исследователями хеттского языка (Houwink ten Cate 1973: 202 с более ранней литературой; Dardano 2014: 243; Rieken 2017: 391). Причины подобной корреляции часто усматривают в стативном характере причастия, вследствие чего оно относится к тому участнику, который находится или входит в состояние, специфицированное глаголом, или переходит в состояние в результате деятельности, специфицированной глаголом (Rieken 2017: 391).

Нам представляется, однако, что это объяснение неадекватно. С одной стороны, причастия неопределённых динамических глаголов обозначают не состояния, а процессы, причем не только хабитуальные (которые могут в принципе рассматриваться как стативы), но и актуально-длительные, ср.:

(15) NH/NS (CTH 81.A) KUB 1.1+ obv. ii 39

LÚ-LUM=*ma kui-š* *piran ḫūiy-anza* *ē[(š-ta)]*
 человек=но который-NOM.SG.C перед бежать-PTCP.NOM.SG.C быть-3SG.PRS
 ‘Человек, который руководил’, букв. ‘человек, который бежал впереди’ (Otten 1981: 12–13).

(16) NH/NS (CTH 40.III.d.1) KUB 19.7+ obv. i 3'-4'

nu ^{URU}*Kinza[-š ...] war-anza* *ēš-t[a]*
 CONN Кинца-NOM.SG.C гореть-PTCP.NOM.SG.C быть-3SG.PST
 ‘Город Кинца горел’ (del Monte 2009: 81).

С другой стороны, дистрибуция залоговых форм причастий в хеттском языке чрезвычайно похожа на дистрибуцию залоговых форм страдательных причастий в атрибутивном употреблении многих индоевропейских языков, например, германских или романских⁷. Таковую же корреляцию между залогом и переходностью основы демонстрируют русские событийные номинализации на *-ние* / *-тие* (Падучева 1977; Kortjevskaja-Tamm 1993, 2013; Engelhardt, Trugman 1998; Rappaport 1998, 2000; Лютикова 2014, 2016): генитивом оформляется единственный аргумент непереходного глагола и объект переходного глагола (17); возможно оформление генитивом субъекта переходного глагола в отсутствие объекта или в том случае, когда объект выражен альтернативной падежной или предложно-падежной формой (18). Из примеров видно, что в номинализациях переходных глаголов оформление аргументов следует пассивной модели, в то время как в других типах номинализаций используется активная модель⁸.

- (17) а. падение **курса рубля**
 б. ворчание **старика**
 с. исполнение **арии** Шаляпиным
- (18) а. исполнение (*арии) **Шаляпина**
 б. мщение **богов** (герою)
 с. нападение **врага** (на город)

Мы полагаем, что пассивный характер дериватов переходных глаголов в русских номинализациях, романских и германских причастиях и в хеттских причастиях может быть объяснен единообразно, при опоре на падежные ограничения на выражение аргументов. Важным свойством хеттских причастий является их неспособность иметь при себе аккузативное дополнение⁹ (Houwink ten Cate 1973: 202 с более ранней литературой; Dardano 2014: 243; Rieken 2017: 391); при этом допустимы именные группы в других падежах, а также агентивные дополнения:

⁷ Атрибутивные употребления возможны только для страдательных причастий неаккузативных, но не неэргативных глаголов.

⁸ Многие исследователи русских номинализаций высказывали предположение, что схема оформления аргументов возникает вследствие предварительной пассивизации переходных основ (Падучева 1977; Comrie 1980; Babby 1997; Engelhardt, Trugman 1998; Rappaport 2000).

⁹ Об исключениях см. ниже.

(19) NH/NS (CTH 526.7) KUB 42.100+ rev. iii 28'

1 *BIBRU* UDU.KUR.RA KÙ.BABBAR 4 *GÌR*^{MEŠ} *ar-anza*

1 ритон овца.горная серебро 4 ноги стоять-PTCP.NOM.SG.C

‘Один ритон в форме горной овцы из серебра, стоящая **на 4 ногах**’
(Hazenbos 2003: 19).

(20) NH/NS (CTH 584.3) KUB 15.11 rev. iii 16'–17'

nu 1 *huganni-n* KÙ.BABBAR 1 *hūtanni-n* GU[ŠKIN] *IŠTU*

conn 1 x-ACC.SG.C серебро 1 x-ACC.SG.C золото с

ÌDÙG.GA *šūwanteš* x[...] ^DUTU-Š[=I ...]

масло.хорошее наполнять-PTCP.NOM/ACC.PL.C солнце=мое

GUŠKIN 1 MA.NA *piran* DÙ-*mi*

золото 1 мина перед делать-1SG.PRS

‘Затем я делаю заранее [...]1 серебряный х. (и) 1 золотой х.,
наполненные **качественным маслом** [...] его Величество (из) золота и
1 мину’ (de Roos 2007: 111).

(21) NH/NS (CTH 255.1.A) KUB 21.42+ obv. i 27'–30'

[*naš*]ma=*kan* ..ŠEŠ ^DUTU-Š[=I] *kuiški* [MUNUS.LUGA]L

или=LOCP брат солнце=мое какой_то.NOM.SG.C царица

hašš-anza ...

рожать-PTCP.NOM.SG.C

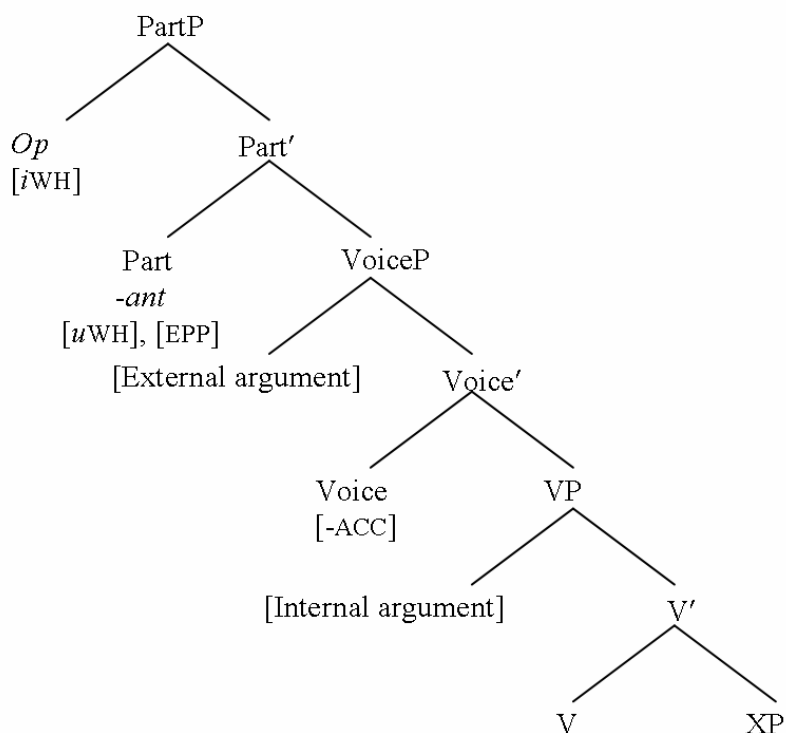
‘Или если какой-то брат Моего Величества, рожденный **от царицы** ...’
(Miller 2013: 284–5).

Наша гипотеза состоит в том, что хеттские причастия, как и русские номинализации (Alexiadou 2001), не имеют в своем составе функциональной вершины, способной приписывать структурный аккумулятив прямому дополнению. Технически это может быть реализовано как селективные ограничения деривационной морфемы причастия (-*ant*) на тип залоговой вершины Voice [-ACC]. Функция причастной вершины Part состоит в притягивании нулевого релятивного оператора *Op*, который отвечает за превращение причастной конструкции в предикат над индивидами. Предположим, далее, что падежный фильтр запрещает существование беспадежных именных групп (Chomsky, Lasnik 1977; Chomsky 1981), а оператор избегает падежного фильтра в силу того, что является пустой категорией.

Структура причастной группы представлена в (22). Аргументные позиции глагола могут быть заполнены именными группами или оставаться пустыми (с учетом обсуждавшихся выше ограничений). Кроме того, одна из аргументных позиций должна быть заполнена релятивным оператором. Обяза-

тельность и единственность оператора в структуре причастного оборота обеспечивается общими ограничениями на признаковое взаимодействие (вершина с признаком [*u*WH] должна вступить во взаимодействие ровно с одной вершиной с признаком [*i*WH]). Рассмотрим возможные в этих условиях структурные типы причастных групп.

(22)

Если заполнена только одна аргументная позиция, она заполнена оператором. Независимо от того, находится ли оператор в позиции внутреннего аргумента (неаккузатив, переходный глагол) или внешнего аргумента (неэргатив, производный неэргатив), он проходит падежный фильтр в силу своего характера. Соответственно, причастия неаккузативов и переходных глаголов обозначают предикат над индивидами, претерпевающими (или претерпевшими) изменение состояния, а причастия неэргативов и производных неэргативов — предикат над индивидами, вовлеченными в некоторую деятельность. Причастия от переходных глаголов, таким образом, интерпретируются как пассивные, прочие причастия — как активные.

Предположим теперь, что заполнены обе аргументные позиции. Это означает, что одна из позиций заполнена оператором, а вторая — именной группой. Однако ни в позиции внешнего, ни в позиции внутреннего аргумента именная группа не может получить падеж: падеж финитного подлежащего — номинатив — недоступен в нефинитной причастной группе, а падеж

прямого дополнения — аккузатив — отсутствует в силу ограничения деривационной морфемы Part на признаковые характеристики комплемента VoiceP [-ACC]. Таким образом, отсутствие в причастном обороте источников структурных падежей делает возможным единственный способ интерпретации причастий: пассивная для переходных глаголов и активная для всех прочих случаев.

В пользу предложенного анализа косвенно свидетельствуют следующие данные. Dardano (2014: 253–256) отметила, что ограничение на аккузативно маркированную именную группу в причастном обороте не затрагивает два типа конструкций: во-первых, аккузатив тривиального объекта (cognate object) при непереходных глаголах (*жить жизнь, работать работу*) и, во-вторых, аккузатив отношения. Первый тип иллюстрируется примером (23), второй – (24).

(23) NS (CTH 671.1.A) KUB 36.89 rev. 56-58

^d*Tešimi=wa=kan*   *āššiy-ant-i*   *ginuw-a*
Тесими=QUOT=LOCP   любить-PTCP-LOC.SG   лоно-ALL.SG
šanizzi-uš   *tiešh-uš*   *šuppariya-nza*   *ēš-ta*
сладкий-ACC.PL.C   сон-ACC.PL.C   спать-PTCP.NOM.SG.C   быть-3SG.PST
‘Ты спал сладкие сны в лоне любимого Тесими’ (Dardano 2014: 253; CHD Š: 617).

Важно, что за пределами (23) глагол *šuppariye*- ‘спать’ является непереходным и неаккузативным (употребляется с клитическим субъектным местоимением по данным CHD Š: 617).

(24) NS (CTH 393.A) VBoT 24 rev. iii 11-13

nu=kan   *kui[-š]*   ^{UDU}*iyanza*   **IGI^{[III].A}-w-a**
CONN=LOCP   который-NOM.SG.C   овца.NOM.SG.C   **глаза-ACC.PL.N**
^d*UTU-i*   *ne-anza*
солнце-DAT.SG   поворачиваться-PTCP.NOM.SG.C
‘Какая овца повернута к солнцу (в отношении) глаз’ (D. Bawanypeck (ed.), hethiter.net/: CTH 393 (INTR 2016–03–31)).

Аккузатив отношения представлен при пассивах или при непереходных глаголах и отпределяет по отношению к чему осуществляется действие (Dardano 2014: 254).

Такого рода примеры, однако, легко объяснимы в рамках предложенной модели. Дело в том, что подобные именные группы в финитных клаузах возникают независимо от переходности глагола — например, при неэргативах, а также в конструкциях с истинным аккузативным дополнением. Отсюда

можно заключить, что источником аккузатива в таких случаях не является вершина Voice. Предположительно, в (23)–(24) мы имеем дело не со структурным аккузативом прямого дополнения, а с лексическим аккузативом, подобным, например, предложно-управляемому аккузативу.

Единственным реальным контрпримером является следующий случай:

(25) INS (СТН 682.1.A) KUB 2.1 obv. ii 32

[^(kur)šan] [š]ūwanza Labarna-š

охотня_сумка.ACC.SG наполнять.PTCP.NOM.SG.C лабарна-NOM.SG.C

^dL[AMMA-aš]

бог_защитник -NOM.SG.C

‘Бог-защитник Лабарны, наполняющий охотничью сумку’ (McMahon 1991: 102–3; CHD Š: 535).

Мы полагаем, что этот пример должен объясняться как обратное влияние причастий, которые употребляются в аналитических формах перфекта. В составе аналитических форм глагола причастия не имеют ограничений на сочетаемость с аккузативом. В хеттологии несколько раз высказывалось предположение, что даже в составе аналитического перфекта (Houwink ten Cate 1973: 202 с предшествующей литературой) причастия не управляли аккузативом, аккузатив в составе аналитических конструкций зависел от вспомогательного глагола ‘иметь’ (см. выше). Тем не менее, более поздние исследования (Boley 1984; 1992: 45; Hoffner, Melchert 2008: 311) показали, что для подавляющего большинства форм с грамматикализацией глагола ‘иметь’ в качестве показателя перфекта это не так – в них причастие действительно управляет аккузативом.

Итак, в этом разделе мы установили, что залоговая интерпретация причастия однозначно следует из (не)переходности глагола в конкретном употреблении. Залоговая альтернация причастий возможна в том случае, если причастие соотносится одновременно с переходным и непереходным глаголом (переходные глаголы результата), а также в том случае, когда переходный глагол допускает непереходное употребление (переходные глаголы способа).

3. Залоговые альтернации инфинитивов

Залоговые характеристики инфинитивов привлекали меньше внимания хеттологов, однако наличие примеров с однозначно пассивной интерпретацией инфинитивов переходных

глаголов не подвергается сомнению. При этом никаких соображений относительно дистрибуции активных и пассивных инфинитивов не высказывается: предположительно, любой переходный глагол может иметь активные и пассивные употребления инфинитива (ср. упоминавшиеся во введении работы Ose 1943: 55, 85; Kammenhuber 1954: 247–250, Hoffner, Melchert 2008: 332, Holland 2011).

На основании анализа более чем 400 контекстов, включающих инфинитив, мы установили, что пассивные интерпретации инфинитивов переходных глаголов возникают в строго определенном внешнем контексте, а именно в позиции компонентов реструктурирующих матричных предикатов.

Понятие реструктурирования было введено в ранних формально-синтаксических работах Rizzi (1978, 1982); Aissen and Perlmutter (1976, 1983). Под реструктурированием понимается реанализ полипредикативной структуры как монопредикативной. Существенные результаты в области типологии реструктурирования получены в диссертации С. Вурмбранд (Wurmbrand 1998, 2001): было обосновано противопоставление двух типов реструктурирования — лексического и функционального, — выявлены диагностики и предложены структурные репрезентации для обоих типов конструкций. В частности, лексическое реструктурирование происходит в таких конструкциях с актантными инфинитивами, где инфинитивная группа представляет собой не клаузу, а неполную проекцию глагольной области — группу лексического глагола (VP). Ярким свойством конструкций с лексическим реструктурированием является падежная зависимость дополнения инфинитива от залога матричной клаузы.

- (26) a. weil er den Traktor zu reparieren versuchte
 т. к. он.NOM трактор.ACC чинить.INF пробовать.PST.3SG
 ‘...так как он пытался чинить трактор’
 b. weil der Traktor zu reparieren versucht wurde
 т. к. трактор.NOM чинить.INF пробовать.PP AUX.PST.3SG
 ‘...так как пытались чинить трактор’
 c. weil die Traktoren zu reparieren versucht wurden
 т. к. трактор.PL.NOM чинить.INF пробовать.PP AUX.PST.3SG
 ‘...так как пытались чинить тракторы’

В (26) показана немецкая конструкция с лексическим реструктурированием. Мы видим, что дополнение переходного глагола *reparieren* ‘чинить’ получает аккузатив только в том случае, когда матричный предикат *versuchen* ‘пробовать’ имеет

форму актива (26а). Если же он употреблен в пассиве, дополнение инфинитива не может получить аккузатив и продвигается в позицию подлежащего, что видно как по его падежному оформлению, так и по способности контролировать предикативное согласование (26b-с). Отметим, что в этом случае инфинитив соотносится с пассивной интерпретацией ('быть починенным').

Возвращаясь к материалу хеттского языка, мы обнаруживаем, что активная и пассивная интерпретации инфинитива распределены так, как это ожидается в конфигурациях с лексическим реструктурированием. Рассмотрим минимальную пару в (27)–(28):

(27) NS (CTH.421.1C) KUB 17.14+ obv.¹. 21'–22'
 [GIM]-an=ma *kē* _____ *NIM*^{MEŠ} *UTU-i*
 когда=но этот.ACC.PL.N слова бог_солнца-DAT.SG
menahḫanda [*memi*]ya-wanzi *zinnai*
 против говорить-INF заканчивать.3SG.PRS
 'Когда она **заканчивает** говорить эти слова богу солнца' (Kümmel 1967: 60).

(28) MH/MS (CTH 777.Tf10.2.A) KUB 29.8 obv. i 1–2
nu māḫḫan *ša* *GAL*^{III.A} *waršiy-aš* _____ *memiyani-eš*
 CONN когда GEN чаши успокоение-GEN.SG слово-NOM.PL.C
ḫurlili *memiya-wanzi* *zinnandari*
 хурритски говорить-INF заканчивать.3PL.PRS.MED
 'Когда заканчивают говорить по-хурритски слова умиротворения чаш', букв. 'слова умиротворения чаш **заканчиваются** говорить' (Haas 1984: 86).

В примере (27) прямое дополнение инфинитива *kē* INIM^{MEŠ} 'эти слова' стоит в аккузативе, так что инфинитив имеет синтактику активного; при этом матричный предикат *zinna-* 'заканчивать' также употреблен в активном залоге. Он согласуется со своим собственным подлежащим (нулевым местоимением 3 лица ед. числа общего рода), а не с прямым дополнением, имеющим признаки 3 лица мн. числа среднего рода. Заметим, что сам матричный предикат *zinna-* 'заканчивать' переходный, что видно из его употребления в (29). Таким образом, пример (27) структурно идентичен немецкому примеру (26а).

(29) MH/MS (CTH 190) HKM 72 obv. 14–15
nu *giš*^{GIŠ} *armizzi* _____ *hūdaḫ* _____ *zinna-šten*
 CONN мост.ACC.SG/PL.N немедленно заканчивать-2PL.IMP
 'И **закончите** мост немедленно!' (Hoffner 2009: 231).

В примере (28) дополнение инфинитива *ša GAL^{HL.A} waršiyaš temiyanieš* ‘слова умиротворения чаш’ выступает в форме номинатива, а согласование матричного предиката указывает на контролер 2 лица мн. числа общего рода, который в этой клаузе может быть идентифицирован только со ‘слова умиротворения чаш’. При этом матричный предикат *zinna-* ‘заканчивать’ употреблен в медиальном залоге, по-видимому, с пассивным значением. Соответственно, пример (28) образует параллель к немецким примерам (26b-c).

Итак, наше обобщение относительно пассивной интерпретации инфинитива выглядит следующим образом. Прямое дополнение инфинитива может продвигаться в позицию подлежащего матричной клаузы и тем самым обеспечивать пассивную конструкцию инфинитива в том случае, если матричный предикат непереходный и имеет место реструктурирование. Все примеры пассивных употреблений инфинитивов в нашем корпусе — это конструкции, в которых инфинитивный оборот выступает компонентом непереходного предиката, имеющего ситуационную семантическую валентность. К ним относятся:

- пассивы некоторых переходных матричных предикатов, таких как *ḥandaye-* ‘устанавливать, устанавливать’, *irḥaye-* ‘заниматься по очереди’, *zinna-* ‘заканчивать’;
- неаккузативный глагол *ki-* ‘лежать, оставаться’;
- глагол *eš-* ‘быть’ в качестве матричного предиката в модальных конструкциях вспомогательного глагола с инфинитивом;
- прилагательные в конструкциях, аналогичных английским конструкциям *easy-to-please*.

Ниже приводятся соответствующие примеры: в (30) — пассив матричного глагола, в (31) — неаккузативный матричный глагол, в (32) — модальная инфинитивная конструкция, в (33) — адъективный предикат.

(30) медиальный пассив матричного глагола *ḥandaye-* ‘устанавливать, устанавливать’

NH/NS (CTH 590) KUB 56.23 obv. 11

<i>n=at</i>	<i>mān</i>	<i>ḥališš-ūwanzi</i>	<i>SI×SÁ-antar[i]</i>
CONN=они	если	отлить-INF	установить-3PL.PST.MED

‘Если они **определены** для отливки (в металле)’, ср. de Roos (2007: 260–1).

(31) неаккузативный матричный предикат *ki-* ‘лежать, оставаться’

NH/NS (CTH 530) KUB 57.108+ obv. ii 15'

INA É.GAL-LIM=*at*¹⁰=*kan* *punišš-uwanzi* EGIR-*pa* **GAR-ri**

в дворец=оно=ЛОCP спрашивать-INF назад лежать-3SG.PRS.MED
‘Об этих вещах все же предстоит осведомиться во дворце’ (Hazenbos 2003: 104).

(32) модальная инфинитивная конструкция со вспомогательным глаголом *eš-* ‘быть’

MH/MS? (CTH 479.1.A) KBo 24.45+ obv. 26'–27'

namta mān apēdani DINGIR-LIM-*n-i* [(*šehe*)]*lliški-š*

потом если тот.DAT.SG бог-DAT.SG ритуал_очищения-NOM.SG.C
pi-anna eš-zi

давать-INF быть-3SG.PRS

‘Потом, если **очистительный ритуал** должен быть дан тому богу, ...’
(CHD Š: 348; S. Ünal (ed.), hethiter.net/: CTH 479.1 (TX 03.03.2017, TRde 03.03.2017)).

(33) адъективный матричный предикат

RS 25.421 rev. 54–56

^{URU}*Akitumaš=ma=aš* SISKUR-*eššar* *anda=kan*

Акитума=но=она приношение.NOM.SG.N в=ЛОCP INF

u-škiya-uwanzi *kui-t* ***šanizzi***

смотреть-IMPF-INF который-NOM.SG.N сладкий.NOM.SG.N

‘Она — приношение ритуала Акити, на которое **приятно** смотреть’
(Hoffner, Melchert 2008: 332; Laroche 1968: 774–5, 779).

Важно подчеркнуть, что перечисленными конфигурациями случаи пассивных употреблений инфинитивов переходных глаголов исчерпываются. Они отсутствуют, в частности:

— при реструктурирующих предикатах в переходном употреблении ((27), (34));

— при нереструктурирующих предикатах (35);

— в конструкциях с целевым инфинитивом (36).

(34) переходный реструктурирующий матричный предикат

NS (CTH 448.2.A) KUB 17.18+ obv. ii 15'

n=ašta GIM-*an* *ṭUPPA*^{HL.A}-*ašš=a* *memiyan-uš* *anda*

CONN=ЛОCP когда таблички-GEN.PL=и слово-ACC.PL.C в

memiya-uwanzi *aššanuw-anzi*

говорить-INF заканчивать-3PL.PRS

¹⁰ Субъект ‘оно, это’ в (31) не анафоричен ни одной именной группе в прешествующем контексте. Наиболее вероятно, он относится ко всей предшествующей ситуации.

‘Когда они заканчивают говорить слова таблички’ (S. Görke (ed.), hethiter.net/: CTH 448.2.1.1 (INTR 2016-07-01)).

(35) нереструктурирующий матричный предикат

NS (CTH 422.A) KUB 4.1 obv. ii 19–20

nu   *ša*   KUR   ^{URU}*Hatti*   DINGIR^{MEŠ}   *antuḥšušš=[a]*
 CONN GEN   страна   Хатти   боги   человек.ACC.PL.C=и
ēšhar   *iya-uwanna*   *ḫalzi-šš-anzi*
 кровь.ACC.SG.N   делать-INF   звать-IMPF-3PL.PRS

‘(Каски) призывают богов и людей страны Хатти проливать кровь’ (F. Fuscagni (ed.), hethiter.net/: CTH 422 (INTR 2016-08-04)).

(36) целевой инфинитив

OH/MS (CTH 3.1.A) KBo 22.2 rev. 13

LUGAL-*u-š*   ^{URU}*Hattuša*   DINGIR^{DIDL}-*uš*   *ar-uwanzi*
 царь-NOM.SG.C   Хаттуса   боги-ACC.PL.C   почитать-INF
uē-t

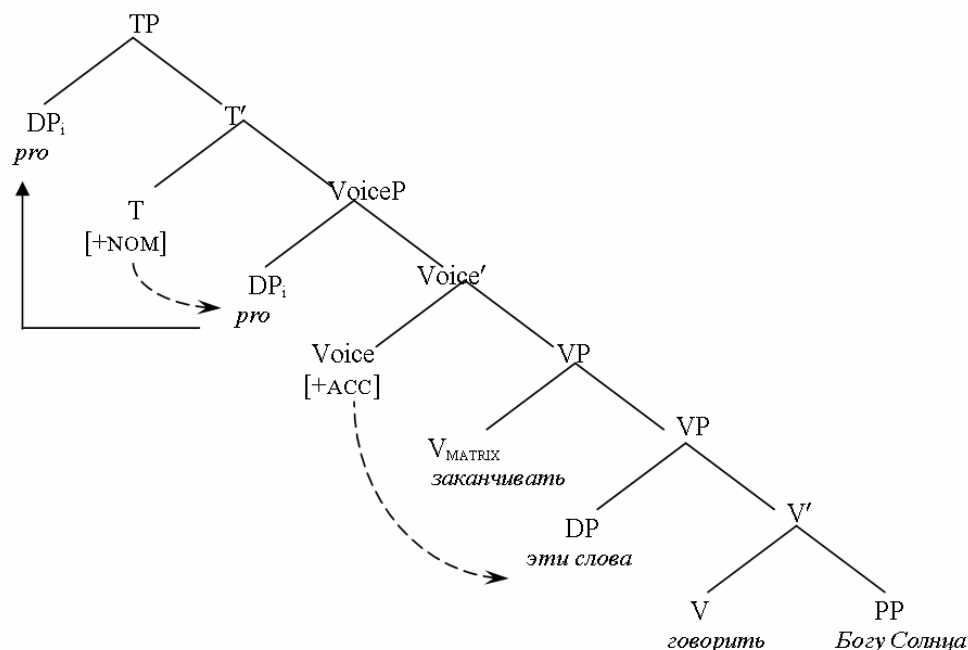
приходить-3SG.PST

‘Царь вернулся в Хаттусу почитать богов’ (Otten 1973: 12–13).

Таким образом, пассивные употребления инфинитива обнаруживаются именно в тех конфигурациях, которые демонстрируют лексическое реструктурирование в немецком (Wurmbrand 1998, 2001): непереходные матричные предикаты в конструкциях с актантными инфинитивами. При этом переходные глаголы, инфинитивы которых используются как пассивные, не образуют естественного класса и не могут быть обобщены в структурно-семантических терминах наподобие тех, что мы использовали для обобщения над образующими активную конструкцию причастиями.

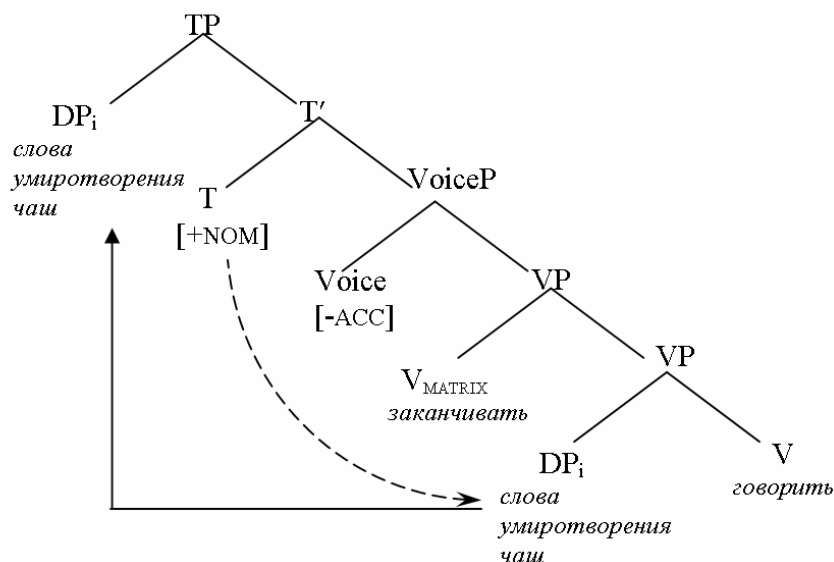
Мы предлагаем следующий анализ пассивных употреблений инфинитивов при реструктурировании в хеттском языке. Мы принимаем гипотезу С. Вурмбранд и считаем, что в конфигурациях с лексическим реструктурированием представлен инфинитивный оборот малой структуры — VP-инфинитив. Ввиду отсутствия собственной проекции залога (VoiceP) его залоговые характеристики (в первую очередь — способность иметь аккузативное прямое дополнение) определяются залоговой вершиной в главной клаузе. В том случае, когда матричный глагол в реструктурирующей конфигурации переходный и употреблен в активном залоге, как в примере (27), залоговая вершина Voice в главной клаузе переходная. За счет нее обеспечивается получение аккузатива прямым дополнением инфинитива (см. дерево (37)).

(37) синтаксическая структура клаузы (27): активная интерпретация инфинитива

Если же матричный предикат в реструктурирующей конструкции непереходный (38), прямое дополнение инфинитива не может получить аккузатив ни в инфинитивном обороте, из-за отсутствия собственной залоговой вершины, ни от залоговой вершины главной клаузы (матричный предикат непереходный). В этом случае источником падежа для дополнения инфинитива становится финитная предикативная вершина главной клаузы: она согласуется по лицу, числу и роду с дополнением инфинитива, приписывает ему номинатив и, по-видимому, вызывает его передвижение в позицию подлежащего.

(38) синтаксическая структура реструктурирующей конструкции (28)

Таким образом, залоговые альтернации инфинитивов, фиксируемые в текстах, не могут служить свидетельством того, что инфинитив переходного глагола передает активную и пассивную зависимую клаузу. Активное и пассивное прочтение инфинитива является следствием того, что инфинитив может входить в конструкции с лексическим реструктурированием, и в этих конструкциях не имеет функциональной проекции, определяющей его залог. Соответственно, способность инфинитива иметь аккузативное прямое дополнение зависит от переходности матричного предиката, а не от самого инфинитива.

4. Заключение

В этой статье мы рассмотрели залоговые характеристики двух нефинитных форм глагола — причастия и инфинитива — в хеттском языке. Обе эти формы неспособны выражать залог морфологически, однако выступают в конструкциях, характеризующих эти нефинитные формы как активные или пассивные. Соответственно, хеттологическая литература рассматривает и причастия, и инфинитивы как формы, способные соотноситься как с активными, так и с пассивными финитными употреблениями глагола.

Мы показали, что неоднозначность залоговой интерпретации причастий и инфинитивов имеет разные источники. Для причастий определяющим является лексико-грамматический разряд глагола в его конкретном употреблении: глаголы в переходных употреблениях имеют пассивную интерпретацию причастия, в непереходных — активную. Случаи, когда у некоторого причастия имеются и активные, и пассивные употребления, однозначно соотносятся со способностью глагола выступать в переходной и непереходной конструкции в финитной клаузе.

Залоговые альтернации инфинитивов возможны в пределах определенной структурной конфигурации, а именно — в составе лексической реструктурирующей конструкции. В таких конструкциях залоговая интерпретация инфинитива однозначно соотносится с переходностью матричного предиката: при переходных матричных предикатах инфинитив интерпретируется активно, при непереходных — пассивно. Во всех прочих случаях инфинитив образует активную конструкцию.

Литература

- Aissen, J., Perlmutter, D. 1976: Clause reduction in Spanish. In: *Proceedings of the Second Annual Meeting of the BLS*, ed. by H. Thompson et al., 1–30.
- Aissen, J., Perlmutter, D. 1983: Clause reduction in Spanish. In: *Studies in Relational Grammar*, ed. by D. Perlmutter, Chicago: University of Chicago Press, 360–403.
- Alexiadou, A. 2001: *Functional structure in nominals: Nominalization and ergativity*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.
- Alexiadou, A., Rathert, M., von Stechow, Arnim 2003: *Perfect explorations* (Interface Explorations 2). Berlin: de Gruyter. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110902358>
- Babby, L. 1997: Nominalization in Russian, In: *Formal approaches to Slavic linguistics: The Cornell meeting*, ed. by W. Browne, E. Dornisch, N. Kondrashova and D. Zec. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 54–83.
- Benveniste, E. 1962: *Hittite et Indoeuropéen*, Paris.
- Boley, J. 1984: *The Hittite hark-Construction*. Innsbruck. (= IBS 44)
- Boley, J. 1992: The Hittite Periphrastic Constructions, In: *Per una grammatica ittita*, ed. By O. Carruba (SM 7), Pavia: Gianni Luculano Editore, 33–59.
- Borik, O. 2013: Past participles and the eventive/adjectival passive in Russian. In: *Proceedings of Sinn und Bedeutung 17*, ed. by E. Chemla, V. Homer, G. Winterstein, 115–132.
- Borik, O., Gehrke, B. 2019: Participles: Form, use and meaning. *Glossa: a journal of general linguistics* 4 (1): 109, 1–27.
- Businger, Martin 2013: *Haben-statives in German: A syntactic analysis*. In: *Non-canonical passives*, ed. by A. Alexiadou, F. Schäfer. Amsterdam: John Benjamins, 141–161.
- CHD — *The Hittite Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*. Ed. by Hans Güterbock, Harry Hoffner, Theo van den Hout Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago, 1989-.
- Comrie, B. 1980: Nominalization in Russian: lexical noun phrases or transformed sentences? In: *Morphosyntax in Slavic*, ed. by C. Chvany and R. Brecht. Columbus: Slavica Publishers, 212–220.
- Dardano, P. 2014: Das hethitische Partizip – eine Frage der Diathese? In: *Proceedings of the Eighth International Congress of Hittitology* Warsaw, 5–9 September 2011, ed. by P. Taracha, Warsaw: Agade, 236–262.
- Embick, D. 2004: On the structure of resultative participles in English. *Linguistic Inquiry* 35(3). 355–392.
- Engelhardt, M. and Trugman, H. 1998: D as a source of adnominal genitive in Russian. In: *Formal approaches to Slavic linguistics. The Connecticut meeting 1997*, ed. by Ž. Bošković, S. Franks and W. Synder. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, 114–133.
- Garrett, A. 1990: *The syntax of Anatolian Pronominal Clitics*. PhD Dissertation, Harvard University.
- Garrett, A. 1996: Wackernagel's Law and Unaccusativity in Hittite, In: *Approaching Second. Second Position Clitics and Related*

- Phenomena*, ed. by A. L. Halpern, A. M. Zwicky, Stanford, California: CSLI Publications Center for the Study of Language and Information, 85–134. (= CSLI Lecture Notes Number 61)
- Gese, Helga. 2013. Another passive that isn't one: On the semantics of German *haben*-passives. In: *Non-canonical passives*, ed. by Artemis Alexiadou & Florian Schäfer, Amsterdam: John Benjamins, 163–183.
- HEG – J. Tischler, *Hethitisches etymologisches Glossar*. Innsbruck, 1977–2010.
- Hoffner, Harry A. Jr. and Melchert, H. Craig 2008: *A Grammar of the Hittite Language*. Part 1. Reference Grammar. Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns.
- Houwink ten Cate, Philo 1973: Impersonal and Reflexive Constructions of the Predicative Participle in Hittite. In: *Symbolae Biblicae et Mesopotamicae F. M. Th. de Liage Böhl dedicatae*, 199–210.
- Holland, Gary 2011: Active and Passive in Hittite Infinitival Constructions. In: *Proceedings of the 22nd Annual UCLA Indo-European Conference*, ed. by Stefanie W. Jamison, H. Craig Melchert and Brent Vine, 69–82. Bremen: Hempen.
- Kammenhuber, A. 1954: Studien zu den hethitischen Infinitivesystem. *MIO* 2. 44–77, 245–265, 403–444.
- Koptjevskaja-Tamm, M. 1993: *Nominalizations*. London: Routledge.
- Koptjevskaja-Tamm, M. 2013: Action nominal constructions. In: *The world atlas of language structures online*, ed. by M. Dryer and M. Haspelmath. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. (Available online at <http://wals.info/chapter/62>, Accessed on 2016–01–09.)
- Kratzer, Angelika 1994: *The event argument and the semantics of Voice*. Ms. University of Massachusetts at Amherst.
- Levin, B., Rappaport, H., M. 2005: Argument Realization. *Research Surveys in Linguistics Series*. Cambridge University Press. Cambridge, UK.
- Levin, B. and Rappaport H., M. 2013: Lexicalized Meaning and Manner/Result Complementarity. In: *Subatomic Semantics of Event Predicates*, ed. by B. Arsenijević, B. Gehrke, and R. Marín, Springer, Dordrecht, 49–70. (22 pages; revised June 2011)
- Lyutikova, E. A. 2014: [Russian Genitive possessor and formal models of nominal group]. In: Lyutikova, E. A., Zimmerling, A. V., Kono-shenko, M. B. (eds.). *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov* [Typology of morphosyntactical parameters]. Proceedings of International Conference «Typology of morphosyntactical parameters 2014». Part 1. Moscow, 120–145.
- Лютикова, Е. А. 2014: Русский генитивный посессор и формальные модели именной группы. В сб.: *Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2014»*. Вып. 1. Под ред. Е. А. Лютиковой, А. В. Циммерлинга, М. Б. Коношенко. М., 2014, 120–145.
- McIntyre, Andrew 2013: Adjectival passives and adjectival participles in English. In: *Non-canonical passives*, ed. by Artemis Alexiadou &

- Florian Schäfer, Amsterdam: John Benjamins, 21–42.
- Ose, Fritz 1944: *Supinum und Infinitiv im Hethitischen* (Mitteilungen der Vorderasiatisch-Ägyptischen Gesellschaft 47/1). Leipzig: Hinrichs.
- Rappaport Hovav, M. and Levin, B. 1998: Building Verb Meanings, In: *The Projection of Arguments: Lexical and Compositional Factors*, ed. by M. Butt and W. Geuder, Stanford, CA: CSLI Publications, 97–134.
- Paducheva, E. V. 1977: [On derivative diathesis of predicate nouns in Russian]. In: Khrakovsky, V. S. (ed.). *Problemy lingvisticheskoy tipologii i struktury yazyka* [Problems of linguistic typology and language structure]. Leningrad, 84–107.
- Падучева, Е. В. 1977: О производных диатезах отпредикатных имен в русском языке. В сб.: *Проблемы лингвистической типологии и структуры языка*. Под ред. В. С. Храковского. Л., 84–107.
- Paslawska, A., von Stechow, A. 2003: Perfect readings in Russian. In: *Perfect explorations*, ed. by Artemis Alexiadou, Monika Rathert & Arnim von Stechow. Berlin: Mouton de Gruyter, 307–362. (= Interface Explorations 2).
- Rapp, I. 2001: The attributive past participle: Structure and temporal interpretation. In: *Audiatur vox sapientiae: A Festschrift for Arnim von Stechow*, ed. by Caroline Féry & Wolfgang Sternefeld, Berlin: Akademie-Verlag, 392–409.
- Rappaport, G. 2000: The Slavic noun phrase in comparative perspective. In: *Comparative slavic morphosyntax*, ed. by S. Harves and J. Lavine. Bloomington: Slavica Publishers, 1–25.
- Rappaport H., M., Levin, B. 2010: Reflections on Manner/Result Complementarity. In: *Syntax, Lexical Semantics, and Event Structure*, ed. by E. Doron, M. Rappaport Hovav, and I. Sichel, Oxford University Press, Oxford, UK, 21–38.
- Rieken, Elisabeth 2017: Das hethitische Partizip: Zur Schnittstelle von Syntax und Semantik, In: *Verbal Adjectives and Participles in Indo-European Languages*. Proceedings of the conference of the Society for Indo-European Studies (Indogermanische Gesellschaft), Paris, 24th to 26th September 2014, ed. by C. Le Feuvre, Daniel Petit and G.-J. Pinault, Bremen: Hempen Verlag, 391–403.
- Rizzi, L. 1978: A restructuring rule in Italian syntax. In: *Recent transformational studies in European languages*, ed. by Samuel Jay Keyser. MIT Press, 113–158.
- Shatskov, A. 2012: Split Auxiliary System in Hittite? *Indo-European Linguistics and Classical Philology* 16, 870–876.
- Rizzi, Luigi 1982: *Issues in Italian syntax*. Foris Publications.
- Wurmbrand, Susi 1998: Infinitives. PhD thesis, MIT.
- Wurmbrand, Susi 2001: *Infinitives: Restructuring and clause structure*. de Gruyter.

Издания текстов

- Cammarosano, M. 2009: A Coregency for Mursili III? *AoF* 36/1, 171–202.
- Friedrich, J. 1926: *Staatsverträge des Hatti-Reiches in hethitischer Sprache*, 1. Teil. Leipzig: J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung (= MVAeG 31/1).
- Friedrich, J. 1930: *Staatsverträge des Hatti-Reiches in hethitischer Sprache*, 2. Teil. Leipzig: J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung (MVAeG 34/1).
- Giorgieri, M., Mora, C. 2004: *Le lettere tra i re ittiti e i re assiri ritrovate a Hattuša*. Padova: S.a.r.g.o.n Editrice e Libreria (= HANEM 7).
- Goetze, A. 1933: *Die Annalen des Mursilis*. Leipzig: J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung (=MVAeG 38).
- González, S., J. M. 1994: Tiliura, un ejemplo de la política fronteriza durante el imperio hitita. *Aula orientalis* 12, 159–176. (= CTH 89)
- Gurney, O. R. 1997: The Annals of Hattusili III. *Anatolian Studies* 47, 127–139.
- Haas, V. 1984: *Die Serien itkahi und itkalzi des AZU-Priesters, Rituale für Tašmišarri und Tatuhepa sowie weitere Texte mit Bezug auf Tašmišarri* (ChS 1.1). Roma: Multigrafica editrice.
- Hagenbuchner, A. 1989: *Die Korrespondenz der Hethiter*, 2. Teil. *Die Briefe mit Transkription, Übersetzung und Kommentar*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag (= THeth 16).
- Hazenbos, J. 2003: *The Organization of the Anatolian Local Cults During the Thirteenth Century B.C.* Brill: Styx (= CM 21).
- Hoffner, H. A. Jr. 2009: *Letters from the Hittite kingdom*, Atlanta: Society of Biblical Literature (= SBL WAW 15).
- van den Hout, Th. 1995: *Der Ulmitešub-Vertrag*. Wiesbaden: Harrassowitz (= StBoT 38).
- van den Hout, Th. 1998: *The Purity of Kingship. An Edition of CTH 569 and Related Oracle Inquiries of Tudhaliya IV*. Leiden and Boston: Brill (= DMOA 25).
- Kümmel, H. M. 1967: *Ersatzrituale für den hethitischen König*. Wiesbaden: Harrassowitz (= StBoT 3).
- Laroche, E. 1968: Addendum. Textes de Ras Shamra en langue hittite. In: *Ugaritica V: nouveaux textes accadiens, hourrites et ugaritiques des archives et bibliothèques privées d'Ugarit* (Mission de Ras Shamra XVI), ed. By Jean Nougayrol, Emmanuel Laroche, Charles Virolleaud, Claude F. A. Schaeffer, Paris: Imprimerie nationale, 769–784.
- McMahon, G. 1991. *The Hittite State Cult of Tutelary Deities*. Chicago; Illinois: The Oriental Institute of the University of Chicago (= AS 25).
- Miller, J. 2007: Mursili II's dictate to Tuppi-Teššup's Assyrian antagonists. *KASKAL* 4, 121–152.
- Miller, J. 2013: *Royal Hittite Instructions*. Atlanta; Georgia: Society of Biblical literature (= SBL Writings from the Ancient World 31).
- Miller, J. 2014: Mursili II's Prayer Concerning the Misdeeds and the Ousting of Tawananna. In: *Proceedings of the Eighth International Congress of Hittology Warsaw, 5-9 September 2011*, ed. by P. Taracha, Warsaw: Agade, 516–557.

- del Monte, G. F. 2008: *Le gesta di Suppiluliuma. Traslitterazione, traduzione e commento. L'opera storiografica di Mursili II re di Hattusa*. Vol. I. Pisa: Edizioni Plus Pisa University Press.
- Otten, H. 1973: *Eine althethitische Erzählung um die Stadt Zalpa*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz (= StBoT 17).
- Otten, H. 1981: *Die Apologie Hattusilis III*. Wiesbaden: Harrassowitz (StBoT 24).
- Otten, H. 1988: *Die Bronzetafel aus Boğazköy*. Wiesbaden: Harrassowitz (= StBoT Bh 1).
- de Roos, J. 2007: *Hittite Votive Texts*. Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten (= PIHANS CIX).
- Sakuma, Y. 2009: *Hethitische Vogelorakeltexte*. PhD Dissertation, Julius Maximilians-Universität, Würzburg.
- Siegelová, J. 1986: *Hethitische Verwaltungspraxis im Lichte des Wirtschafts- und Inventardokumente*. Prague.
- Ünal, A. 1974: *Hattušili III*. Teil I. Hattušili bis zu seiner Thronbesteigung. Bd 2. Quellen und Indices, Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag (= THeth. 4).
- Ünal, Ahmet 1978: *Ein Orakeltext über die Intrigen am hethitischen Hof (KUB XXII 70 = Bo 2011)*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag (THeth 6).

А. В. Шацков

(Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург)

РЕЗУЛЬТАТИВ И ПЕРФЕКТ В ХЕТТСКОМ ЯЗЫКЕ¹

В данной работе рассматриваются особенности употребления причастных конструкций с глаголами *hark-* и *ēs-* в хеттском языке. В современной литературе указывается, что обе эти конструкции могли выражать как стативно-результативное, так и перфектное значение, хотя в ранних текстах можно говорить лишь о стативно-результативном значении. Анализ поздних хеттских текстов показал, что причастные конструкции с *ēs-* в основном обозначают состояние и являются стативами или результативами. Напротив, все обнаруженные употребления причастной конструкции с *hark-* следует интерпретировать как результативные и, возможно, экзистенциальные перфекты.

Ключевые слова: хеттский язык, перфект, результатив, пассив, морфология, грамматикализация.

A. V. Shatskov

(Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg)

Resultative and perfect in Hittite

Hittite participial constructions with auxiliaries *hark-* and *ēs-* could function both as statives-resultatives and as perfects. The survey of these forms in several late Hittite texts has shown that all the encountered constructions with *ēs-* are statives or resultatives, though in a few cases a resultative perfect interpretation is also possible. Nevertheless, not a single occurrence of *ēs-* with transitive participles can be considered an analytic (perfect) passive. By contrast, all the constructions with *hark-* have perfect meaning, with resultative perfect being the most common one.

Key words: Hittite, perfect, resultative, passive, morphology, grammaticalization.

Развитие результативных конструкций в перфекты в целом хорошо известно, см., например: Nedyalkov, Yakhontov 1983: 28f., Bybee, Dahl 1989: 67ff., Plungian 2016: 22f. При этом часто считается, что перфекты со вспомогательным глаголом со значением «иметь» — это особенность европейских языков: в частности, в своей монографии Б. Дринка (Drinka 2017) придерживается той точки зрения, что подобные перфекты в языках Европы — это ареальное явление; тем не менее, развитие ана-

---

¹ Статья написана при финансовой поддержке гранта РФФИ 20-012-00367 «Индоевропейские морфологические изоглоссы».

логичных категорий в хеттском и согдийском (Wendtland 2011) по очевидным причинам было самостоятельным (ср. Dahl 2018: 86ff.).

Перфекты в хеттском языке появляются в результате грамматикализации результативных конструкций, и в древнехеттский период соответствующие причастные конструкции с глаголами *hark-* «держать, иметь» и *es-* «быть» обозначают состояние (Boley 1984, 1992; Cotticelli-Kurras 1991: 156, 2015). В типологической перспективе их следует рассматривать как результативы, последствия развившиеся в перфекты;² подобные конструкции обнаруживаются также в дреенеиндийском и древнегреческом языках, что может свидетельствовать о существовании такой конструкции и в праязыке (Shatskov forthc.).

Хеттский перифрастический перфект и стативные конструкции достаточно подробно описаны Г. Инглезе и С. Лураги (Luraghi, Inglese forthc.), которые указывают, что в древнехеттский период сочетания причастий с глаголами *hark-* и *ēs-* еще нельзя считать аналитическими формами, однако при этом даже в стативных конструкциях *hark-* и *ēs-* образуют с причастиями определенное синтаксическое единство; в частности, причастие в сочетании с *hark-* всегда стоит в форме им.-вин. падежа единственного числа среднего рода³.

Основные различия между перфектом и результативом вытекают из различия в их семантике, в первую очередь из-за того, что результатив обозначает только полученное состояние; формальные отличия заключаются в ограничении на сочетаемость результативов с определенными классами глаголов (при отсутствии таких ограничений у перфекта), на сохранении

² Конструкции с *hark-* можно охарактеризовать как посессивные результативы, *ēs-* с причастиями непереходных глаголов — как субъектный, а *ēs-* с причастиями переходных глаголов — как объектный результатив. Из первых двух типов развивается активный перфект, а из третьего типа — пассив, или, точнее, пассив перфекта.

³ В качестве одного из свидетельств Г. Инглезе и С. Лураги приводят и то, что отрицание в данных конструкциях не разделяет глагол и причастие. Однако подобных примеров немного, и я знаю такие лишь для перфектов с *hark-*, например, KUB 19.23 obv. 6–7 *ammuk=man* [ ] EN-YA ZI-an UL *warsiyaniwan harkun* ‘Разве я не смягчил душу моего господина?’, или для результативных конструкций причастий с глаголом «быть» (KUB 1.16 II 51 *kusduwāta lē handān=pat ēsdu* ‘Пусть (такая) клевета не готовится (или укореняется)’ и там же II 55 *kusduwāta lē lē handān=pat ēsdu* с повторением прохибитивной частицы *lē* (пример из Frotscher 2013: 297).

перфектом, в отличии от результата, исходного набора актантов лексического глагола, на различной сочетаемости с обстоятельствами времени и места (см. Nedyalkov, Yakhontov 1983: 12f., Plungian 2016: 11f.) К сожалению, многие из этих критериев сложно применить к материалу мертвого языка, тем не менее, ниже будут приведены свидетельства развития результатов в перфекты в средне- и новохеттский период.

Первые указания на грамматикализацию перфекта появляются уже в древнехеттских текстах, в частности, к таковым можно отнести употребление *hark-* с причастиями переходных глаголов, например, в *parsnan hark-* ‘скрючиться’ (Boley 1984: 26ff.). М. Фротшер (Frotscher 2013: 289) приводит примеры предложений с *ēs-* и причастием переходного глагола, где явным образом выражен агенс, что позволяет трактовать их уже не как результатив, а как пассив: ^{GIŠ}TUKUL^{HL.A}-is=wa=tta siunit piyantes (KBo 22.6+ I 25 OH?^{NS}) ‘Оружие дано тебе богами’ or *karu KUR.KUR*^{MEŠ URU} *Hatti IŠTU*^{LÚ} *KÚR arha harganuwan esta* ‘Ранее земли Хатти были полностью уничтожены врагами’ (KBo 6.28 I 6).

Еще одним указанием является изменение схемы согласования причастий: при субъекте в именительном-винительном падеже множественного числа среднего рода в ранних текстах причастие согласовывалось с субъектом по числу, однако в средне- и новохеттский периоды оказывается в единственном числе, согласно правилу о том, что субъекты среднего рода во множественном числе согласуются с предикатами в единственном числе (van den Hout 2001: 187ff., Hoffner, Melchert 2008: 240, Rieken 2017: 400). Ср., например, *halkias hars[(ā)]r ishiyand[(a)]* [*Z*]ÍZ^{HL.A}-as=a *harsār ishiyanda* ‘колоски ячменя связаны вместе и колоски пшеницы связаны вместе’ (KBo 17.1 IV 19–20 OS) и [*nu*]TTI DINGIR^{LIM} GIBIL *kue 2 GÍR*^{HL.A} *iyān* ‘те два ножа, которые были сделаны вместе с новым божеством, (их берут)’ (KUB 29.4 IV 33 MH^{NS}).

Что касается развития активных перфектов с *hark-*, то самым явным указанием на их грамматикализацию является то, что эти формы могут быть переходными в поздних текстах, причем объект зависит не от *hark-*, ср. KBo 4.4 III 33–4: *nu=mu=kan*^DU NIR.GÁL BELI=YA^D *Hasammilin BELI=YA weriyan harta* ‘Могучий Бог Грозы, мой господин, вызвал мне Хасаммили’. Тут важно также отметить, что хеттские причастия никогда не управляют дополнениями (Sommer 1947: 67,

Dardano 2014: 256), так что *weriyan harta* должна рассматриваться в данном контексте именно как аналитическая форма.

Конструкции с *ēs-* и причастиями предельных непереходных глаголов весьма редки и не засвидетельствованы в древнехеттских текстах, что, впрочем, может объясняться их общей редкостью. Приведенные ниже примеры следует скорее рассматривать как результативы: *n=as kuwari pānza* ‘в какое бы место он ни **пришел**, (и в какой бы город ни вернулся, его передадут Моему Величеству)’ (KUB 23.72 rev. 12, MH/MS) или *kēz=ma=wa=tta KUR=KA arha harkan nu=wa=tta ÉRIN^{MEŠ}-KA ANŠE.KUR.RA^{MEŠ}-KA] tepawessanza* ‘А теперь твоя страна **погибла**, а твои войска и лошади **стали малочисленны**’ (KUB 19.29 IV 17–18). Этот тип конструкций изучен менее всего.

Тем не менее, несмотря на развитие перфекта в хеттском языке, результативные или стативные (в случае причастий от непереходных глаголов) конструкции встречаются и в самые поздние периоды. Особенно это видно в примерах, где вспомогательный глагол стоит в императиве (*karussiyan hark* ‘keep quiet’ (KUB 14.4 IV 11), однако в ряде случаев это касается и форм индикатива (Luraghi, Inglese forthc. 4.1–3). Таким образом, можно говорить, что в поздние периоды перфект сосуществует со стативами и результативами. Ниже будет рассмотрено употребление причастных конструкций с глаголами *hark-* и *ēs-* в хеттских текстах времен Хаттусили III Тудалии IV, что позволит получить представление о соотношении перфектов и результативных конструкций в хеттском языке этого периода.

В договоре между Тудхалией IV и Курунтой (СТН 106.I, Во 86/299) перфекты с вспомогательным глаголом *hark-* встречаются восемь раз. В четырех случаях эти формы выражают предшествование в прошлом, например, в I 12–13 *annisan=pat=an^mNIR.GÁL-is LUGAL-us ANA ABU=YA^mHattusili sallanummanzi piyan harta n=an annisan=pat ABU=YA sallanusket* ‘Ранее царь Муваталли моему отцу Хаттусили его **отдал** на воспитание, и мой отец его воспитывал’, и в II 43–4 *mahhan=ma ABU=YA ŠEŠ=YA kuin^{LÚ}tūhukantahiti tiyan harta n=an arha tittanut nu ammuk LUGAL-eznani tittanut* ‘Когда мой отец убрал моего брата, которого он (ранее) **поставил** наследником, и меня на царство назначил’, ср. также II 49–50, 55. Как состояние, возникшее в результате предшествующего действия, стоит рассматривать и два употребления перфектов с *hark-* в следующем пассаже: II 34–7 *apēdani=ma mēhuni ABU=YA ŠEŠ MAHRŪ^{LÚ}tūhukantahiti tiyan harta ammuk=ma apēdani mēhuni*

LUGAL-*eznani nawi taparriyan harta* ^{m.D}LAMMA-as=ma=mi *apēdani mēhuni pahhassanut* ‘в то время мой отец **поставил** наследником старшего брата, а меня в то время на царство **еще не назначил**. Курунта же в тот момент был верен мне’.

В оставшихся двух примерах речь о предшествовании не идет: III 73–4 *nasma=ssi ABU=YA* ^DUTU-ŠI=ya *kuit piyan harweni nu=ssi=kan arha kuitki dāi* ‘(Если кто у потомков Курунты царство в Тархунтассе заберет, или его уменьшит, или решит уничтожить его,) или у него из того то, что мой отец и Мое Величество **дали**, что-то заберет, ... (пусть боги у него царство заберут)’ (ср. также IV 18–19). Интересно, что в двух похожих контекстах вместо конструкции с *hark-* употребляется претерит, например *kī=ya kuit ABU=YA ANA* ^{m.D}LAMMA *pesta* ^DUTU-ŠI=ya=ssi *kuit pehhun ishiūl=si kuit iyawen n=at=kan zilatiya lē kuiski wahnuzi* ‘То, что мой отец Курунте **дал** и я, Мое Величество, ему **дал**, и который договор мы для него **сделали**, это в будущем пусть никто не меняет’ (III 57–9). Разница здесь может заключаться в том, что в контексте с претеритом имеются в виду конкретные объекты передачи, что конкретизирует и само действие, в то время как в III 73–4 речь идет о более общей ситуации.

В договоре между Тудхалией IV и Курунтой встречается также достаточно много причастий от переходных и непереходных глаголов в предикативной позиции, которые, как указывалось выше, обычно рассматриваются как (перфектная) пассивная конструкция в случае с причастиями переходных глаголов, либо как стативная конструкция или перфект в случае с причастиями непереходных глаголов (Hoffner, Melchert 2008: 310ff.). В тексте рассматриваемого договора при помощи этих форм обычно дается отсылка к положениям договора Курунту с отцом Тудхалией IV, Хаттусили III, или другим договоренностям, ср., например, I 22–8 *IŠTU KUR* ^{URU}Pitassa=ma=ssi *annaz* ^{URU}Nahhantas ZAG-as *ēsta nu=ssi ABU=YA ZAG anda huittiat nu=kan ANA TUPPI RIKILTI ŠA ABU=YA* ^DKASKAL.KUR ^{URU}Arimmatta ZAG-as *iyanza kinun=a=ssi* ^DUTU-ŠI *annallin ZAG EGIR-pa tehun nu=ssi IŠTU KUR* ^{URU}Pitassa *IŠTU ZAG* ^{URU}Arimmatta ^{URU}Nahhantas ^{URU}Hauttassass=a ZAG-as ^{URU}Nahhantas=ma=kan ^{URU}Hauttassass=a INA KUR ^{ID}Hūlaya *āssantes* ‘Ранее от страны Питасса его границей был город Нахханта. Затем Мой отец уменьшил его территорию. И на табличке с договором моего отца подземная река города Ариматты **сделана** его границей. Но теперь я, Мое величество, прежнюю границу установил, и для него границей

от Пихассы и границы Ариматты являются города Нахханта и Хаутасса. Но (сами) города Нахханта и Хаутасса **принадлежат** стране реки Хулая’.

В данном случае интересно то, что граница установленная в договоре отцом Тудхалии IV и впоследствии измененная сыном, описывается как *iyanza* ‘сделана’: отсутствие глагола-связки *ēs-* указывает на то, что данный предикат стоит в настоящем времени, несмотря на то, что ситуация уже изменилась. Видимо, в данном случае идет описание состояния договора на табличке отца. В любом случае, интерпретация этой формы как аналитического пассива ‘была сделана’, исключена, так как мы ожидали в таком случае глагол связку в прошедшем времени. Все остальные случаи использования причастий переходных глаголов в предикативной функции в данном тексте также следует рассматривать как результативы, а не как пассивы. Об этом свидетельствует и тот факт, что при отрицании *ŪL kiyantari* используется личная форма глагола *kī-* ‘лежать, находиться’, а не форма причастия (II 59–60)⁴.

Схожую картину употребления причастных конструкций с *ēs-* и *hark-* мы видим и в других текстах того времени. В Апологии Хаттусили (СТН 81) *hark-* с причастием три раза используется для обозначения отношения к Хаттусили III его покровительницы, богини Иштар, ср., например, KUB 1.1 I 28–30 *nu=mi DİŠTAR GAŠAN=YA kuit kanisan harta ŠEŠ=YA=ya=mi mNIR.GÁL āssu harta* ‘Так как Иштар, моя госпожа, меня признала, и Муваталли, брат мой, был ко мне расположен (люди увидели признание Иштар и благорасположение брата и стали мне завидовать)’ или KUB 1.1 IV 60 [(*nu=mi DINGIR*)]^{LUM} *kuit GAŠAN=YA kisan kanissan harta [(nu ŠA ŠE)]Š=YA nakkiyanni handas UL manqa DÜ-nun* ‘Так как меня таким образом **признала** Богиня, моя госпожа, я из уважения к своему брату ничего (плохого) не сделал’. Во всех этих случаях речь идет не о каком-то конкретном действии со стороны богини, а скорее о характеристике Хаттусили III, и здесь можно, пожалуй, предполагать «экзистенциальное» значение перфекта, указывающее, что данная ситуация имела место в прошлом⁵. Кроме того, конструкции с *hark-* используются в этом тексте и для обозначения предшествования: KUB 1.1 IV 75–76

⁴ О тенденции не использовать отрицания в сочетании с результатами см. Nedyalkov, Yakhontov 1983: 26.

⁵ О данном термине см. Plungian, Urmanchieva 2017: 30 f.

ammūqq=a=za kuit hastiyas É-er DÙ-nun [(n)=]at ANA DINGIR^{LIM} parā pehhun ‘Мавзолей⁶, который я сделал себе, я богине отдал’. Впрочем, в схожих конструкциях могут встречаться и формы претерита: KUB 1.6 + III 14–17 *nu^{URU} Neriqqas kuit IŠTU UD^{UM} mHan[(tili)] arha harganza ēsta n=an EGIR-pa we[dah(hun)] KUR.KUR.HI.A=ya kue INA^{URU} Neriqqa arahz[anda (esta)]^{URU} Neran^{URU} Hastiran ZAG-an DÙ-nu[n]* ‘Город Нерик, который с дней Хантили был разрушен, я восстановил, и в землях, которые вокруг были, города Нера и Хастира сделал границами’.

В тексте СТН 569 (Гадания относительно Арма-Тархунты и Шаушгатти) *hark-* с причастием также употребляется для обозначения предшествования: KUB 50.6 III 37–9 *nu ABI^D UTU-ŠI apadda ser [ANA] DINGIR^{LIM}=ma kuedanikki kuitki teman harta [n=a]t? nawi pesta* ‘и поэтому отец Его Величества пообещал что-то некоему божеству, но еще не дал (обещанное)’. Кроме того, эта конструкция может также обозначать и текущее состояние: KBo 2.6 + 32–3 *mān=ma=za DINGIR.MEŠ ŠA^{f.D} IŠTAR-atti SISKUR mantalliya ITTI^D UTU-ŠI BAL-uwanzi malān harteni* ‘(Так как было установлено, что Шаушгаватти будет совершать возлияния вместе с Его Величеством, будет его величество совершать возлияния с умершими?) Если вы, боги, одобрили совершение жертвоприношений Шаушгавати совместно с Его Величеством, (пусть первые ауспиции будут благоприятными, а вторые — неблагоприятными)’.

Что касается сочетания причастий с глаголом *ēs-*, то они так же, как и в договоре Тудхалии IV с Курунтой, должны интерпретироваться скорее как результативы, ср. следующий пример из описания результатов гадания KIN: KBo 2.6+ III 12–15 *DINGIR^{LUM}=za dapian ZI-an assull=a ME-as n=at DINGIR.MAH-ni pais INA UD.2.KAM HUL-lu ME-an nu=kan ANA GIG TUR! INA UD.3.KAM DINGIR^{LUM}=za dapian ZI-an TI-tarr=a ME-as nu=kan anda SIG₅-wi* ‘Божество забрало всю душу и благосостояние и дало матери-богине. На второй день зло **взято** и (находится) в малой болезни. На третий день божество забрало всю душу и жизнь и (находится) в хорошей (позиции)’⁷. В данном случае то, что происходило в первый и третий день,

⁶ Букв. ‘Дом кости’; интерпретация ‘мавзолей’ взята из van den Hout 2003: 204.

⁷ Подробнее об этом ритуале см. Archi 1974, перевод основан на van den Hout 1998: 206–7.

описывается личными формами глагола в претерите. Конструкция с причастием (ME-*an* с опущенным в настоящем времени глаголом-связкой) описывает результаты гадания во второй день. Если бы мы имели дело с формой аналитического пассива, то она, как и синтетические глагольные формы в описании результатов других дней, должна была бы стоять в прошедшем времени. Подобные конструкции с причастиями, а не аналитические пассивы, последовательно используются в тексте СТН 569 для описания результатов гадания KIN.

В тексте инструкций Тудхалии IV (СТН 255) *hark-* с причастием также употребляется для обозначения предшествования: KUB 21.42+ IV 26 [na]sma=za DUMU LUGAL *kuiski GÜB-an uttar ANA* ^{LÜ}SAG [aw]an GAM *memai nasma=tta karū=ya [mem]an*⁸ *harzi* ANA LUGAL=ma=at *ŪL mematteni* ‘или (если) некий царевич скажет придворному дурное (букв. левое) слово или тебе уже **давно сказал**, а вы царю не сообщили...’. Также эта конструкция может обозначать и текущее состояние: KUB 21.42+ IV 38–9 ^DUTU-*šI*=ya *kuyēs EGIR-pa SUM-an harzi nu=za mān EGIR-pa SUM-antan kuiski TI-tar ilaliyazi* ‘Кого Его Величество **обратно вернул** (экстрадировал), если кто-то пожелает спасти (букв. пожелает жизни) возвращенного...’⁹.

Менее ясна интерпретация причастия *watkuwanza* в предикативной функции в следующем пассаже: KUB 21.42+ II 23-*nasma=kan ANA* ^DUTU-*šI* *kuiski watkuwanza n=as=kan ANA ZAG kuedanikki anda sumēss=a=as āssus kuedanikki nu=ssi=kan memian GAM-an arha watarnahzi nu apān ZAG-na dāi* ^DUTU-*šI*=ma *GÜB-la dāi n=an=kan kūs DINGIR*^{MES} *harninkandu* ‘Или если кто-то **сбежал** от Его Величества и он (находится) у какой-то границы, к кому-то из вас он расположен, и ему рассказывает свое дело, и если того (беглеца) ставит правым, а царя — неправым (букв. левым), пусть боги их уничтожат’ (ср. Miller 2013: 40147, Goedegebuure 2014: 478). В принципе, форму *watkuwanza* можно было интерпретировать и как результативный перфект, и как субъектный результатив.

Обзор нескольких позднихеттских текстов, восходящих в основном к правлению Тудхалии IV и его отца Хаттусили III, показал, что сочетание *hark-* с причастием чаще всего обозначает предшествование или текущее состояние, то есть может

⁸ Восстановление согласно Miller 2013: 403⁶⁸.

⁹ Пер. согласно Miller 2013: 290f.

описываться как результирующий перфект, хотя в отдельных случаях речь может идти и о так называемом «экзистенциальном перфекте». Интерпретация этих форм как посессивных результитивов не представляется возможной, так как во всех случаях можно говорить о том, что объект зависит от лексического глагола, выраженного причастием (ср. Plungian 2016: 11f.).

В то же время конструкции с глаголом *ēš*- и причастиями как от переходных, так и от непереходных глаголов в подавляющем большинстве случаев следует рассматривать как объектные и субъектные результитивы. Так, например, в данных текстах не встретился ни один контекст, где при причастии от переходного глагола в предикативной позиции был бы выражен агенс, что позволило бы интерпретировать эту форму как аналитический пассив. При этом стативные и результивные конструкции с императивами в этих текстах достаточно редки. В ряде случаев возможно видеть в конструкциях с глаголом *ēš*- и причастиями непереходных глаголов результивный перфект; при этом во всех таких случаях не менее вероятна их интерпретация как форм субъектного результитива.

Библиография

- Archi, A. 1974: Il sistema KIN della divinazione ittita. *Oriens Antiquus* 13: 113–44.
- Boley, J. 1984: *The Hittite hark- Construction*. Innsbruck
- Boley, J. 1992: The Hittite Periphrastic Constructions. In: O. Carruba (ed.) *Per una grammatica ittita*. Pavia: Gianni Iuculano, 35–59.
- Bybee, J., Dahl, Ö. 1989: The creation of tense and aspect systems in the languages of the world. *Studies in Language* 13/1: 51–103.
- Cotticelli-Kurras, P. 1991: Die hethitischen Nominalsätze. In: O. Carruba (ed.) *Per una grammatica ittita*. Pavia: Gianni Iuculano, 100–135.
- Cotticelli-Kurras, P. 2015: Periphrastic constructions, phasal verbs, and Aktionsart in Hittite. *In Verbis* 1, 43–62.
- Dahl, Ö. 2018: Grammaticalization in the languages of Europe. In: H. Narrog and B. Heine (eds.) *Grammaticalization from a Typological Perspective*. Oxford University Press.
- Dardano, P. 2014: Das hethitische Partizip- eine Frage der Diathese? In: P. Taracha (ed.), *Proceedings of the Eighth International Congress of Hittitology*. Warsaw, 5–9 September 2011. Warsaw: Agade, 236–262.
- Drinka, B. 2009: The **-to-l-no-* construction of Indo-European: Verbal adjective or past passive participle? In: V. Bubenik, J. Hewson, S. Rose (eds.) *Grammatical Change in Indo-European Languages: Papers Presented at the Workshop on Indo-European Linguistics at the XVIIIth International Conference on Historical Linguistics, Montreal, 2007*. Amsterdam: Benjamins. P. 141–158 (= Current Issues in Linguistic Theory 305).

- Frötscher, M. 2013: *Das hethitische -ant-Partizip und seine indogermanischen Grundlagen — Semantik, Morphologie, Syntax*. Phd. Diss., Univ. Verona.
- Goedegebuure, P. 2014: *Hittite Demonstratives. Studies in Deixis, Topics and Focus*. Wiesbaden: Harrassowitz. (= Studien zu den Boğazköy-Texten 55).
- Hoffner, H., Melchert, H. C. 2008: *A Grammar of the Hittite Language*. Winona Lake: Eisenbrauns.
- Inglese, G., Luraghi, S. forthcoming. *The Hittite periphrastic perfect*.
- Miller, J. 2013: *Royal Hittite instructions and related administrative texts*. Atlanta.
- Nedyalkov V. P., Yakhontov S. Ye., 1983. [Typology of resultative constructions]. In: Nedyalkov V. P. (ed.) *Tipologiya rezulativnykh konstruktsey* (rezultativ, stativ, passiv, perfect) [Typology of resultative constructions (resultative, stative, passive, perfect)]. Leningrad: Nauka, 5–41.
- Недялков, В. П., Яхонтов, С. Е. 1983: Типология результативных конструкций. В сб.: В. П. Недялков (ред.). *Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект)*. Л.: Наука, 5–41.
- Plungian, V. A. 2016: [Towards a typology of perfect in the languages of the world]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 12/2, 7–36.
- Плунгян В. А. 2016: К типологии перфекта в языках мира. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований* 12/2: 7–36.
- Plungian, V. A., Urmanchieva, A. Ju. 2017: [Perfect in Old Church Slavonic: was it resultative?]. *Slověne*. 2017/2: 13–56.
- Плунгян, В. А., Урманчиева, А. Ю. 2017: Перфект в старославянском: был ли он результативным? *Slověne* 2017/2, 13–56.
- Rieken, E. 2017: Das hethitische Partizip: zur Schnittstelle von Syntax und Semantik. In: C. Le Fevre, D. Petit, G.-J. Pinault (eds.) *Verbal Adjectives and Participles in Indo-European Languages*. Bremen: Hempen, 391–403.
- Shatskov, A. B., forthc. *Periphrastic passive and resultative in Hittite and Proto-Indo-European*
- Sommer, F. 1947: *Hethiter und Hethitisch*. Stuttgart.
- van den Hout, Th. 1998: *The Purity of Kingship*. Brill: Leiden; Boston; Köln.
- van den Hout, Th. 2001: Neuter plural subjects and nominal predicates in Anatolian. In: O. Carruba, W. Meid (eds.) *Anatolisch und Indogermanisch. Anatolico e indoeuropeo*. Innsbruck, 167–192.
- van den Hout, Th. 2003: The Apology of Hattusili III. In: W. Hallo (ed.) *The Context of Scripture I*. Brill: Leiden-Boston, 199–204.
- Wendtland, A. 2011: The emergence and development of the Sogdian perfect. In: A. Korn et al. (eds.) *Topics in Iranian Linguistics*. Wiesbaden: Reichert, 39–52.

DOI: 10.30842/ielcp230690152414

Chaja V. Duerrschnabel
(University of Bern, Switzerland)

**GREEK AND LATIN *DEFIXIONES* AND PRAYERS
FOR JUSTICE WITHIN THE CONTEXT
OF MEDITERRANEAN RITUAL TEXTS**

Хая В. Дюрршнабель
(Университет Берна, Швейцария)

**Греческие и латинские таблички с проклятиями и с «мольбами о
справедливости» в контексте средиземноморских ритуальных
текстов**

На свинцовых табличках античности писали два типа текстов: проклятия (греческие *καταδесμοί* и римские *defixiones*) и мольбы о справедливости. Тексты, хотя и написаны на одном и том же материале, различаются по содержанию, структуре и формулам. Автор предлагает сравнить с текстами на внутренней поверхности так называемых магических чаш VI–VIII в. н. э., написанных на иудейско-вавилонском арамейском языке, и высказывает предположение о близости структуры этих текстов к античным «мольбам о справедливости».

Ключевые слова: греческие, латинские и семитские ритуальные тексты, таблички с проклятиями, иудейско-вавилонский арамейский.

The present paper aims to analyze a corpus of selected Greek and Latin lead tablets within the context of Mediterranean ritual texts. As pointed out by H. S. Versnel (e. g. Versnel 2009), lead tablets inscribed in Greek and Latin can be subdivided into two groups, namely curse texts, commonly known as *κατ δέσμοι* or *defixiones*, and prayers for justice. Although both groups share the same writing material, they show striking differences regarding content, terminology and formulaic structure. Both curse texts and prayers for justice address supernatural powers, but do so from different perspectives. Whereas curse texts address lower supernatural powers and order them to act accordingly, prayers for justice address higher divine powers and beg them for justice. Whilst curse texts are future-oriented and try to change an action that was not yet executed, prayers for justice notify divine powers of malevolent actions that have already been committed. Whereas curse texts are anonymous and give no justification, prayers for justice display the name of the aggrieved party and give a

justification. Further, prayers for justice use an elaborated language and display striking parallels to legal texts and petitions.

As already assumed by H. S. Versnel, both curse texts and prayers for justice were not only used within the Graeco-Roman world (Versnel 2009). Therefore, the present paper does not only aim to analyze selected lead tablets written in Greek and Latin, but also to contrast them with Latin Antique incantation bowl texts written in Jewish Babylonian Aramaic. D. Levene identified a special subgroup of these texts as curse texts (Levene 2013). However, the present paper argues that this subgroup should not be denominated as curse texts, but rather considered as prayers for justice according to Versnel's terminology. These incantation bowl texts do display a formulaic language that is very similar to that of the lead tables. By comparing the two, apparently unrelated corpora, the present paper will give new impulses for the study of Greek, Latin and Semitic ritual texts.

Keywords: Greek, Latin and Semitic ritual texts, curse texts, Greek and Latin lead tablets, the Jewish Babylonian Aramaic language.

Bibliography

- Levene, D. 2013: Jewish Aramaic Curse texts from Late-Antique Mesopotamia. Leiden; Boston.
Versnel, H. S. 2009: *Fluch und Gebet*. Berlin; New York.

Б. Е. Александров
(МГУ им. М. В. Ломоносова)

ФОРМУЛА *ana/ištu sag-du-šu/ši* В ПРАВОВЫХ ТЕКСТАХ ИЗ ХЕТТСКОГО ЭМАРА¹

Формула *ana / ištu sag-du-šu/ši* «по своей воле, с его/ее собственного согласия» засвидетельствована в двенадцати текстах сиро-хеттского формата из Эмара, представляющих собой документы о продаже в рабство или обращении в рабство свободных лиц за долги. В статье рассмотрено правовое значение формулы, проанализированы ее различные варианты и место в структуре документов.

Ключевые слова: Эмар, право древнего Ближнего Востока, правовые формулы, рабство.

B. E. Alexandrov
(Lomonosov Moscow State University)

The formula *ana/ištu sag-du-šu/ši* in the legal texts from Hittite Emar

The formula *ana/ištu sag-du-šu/ši*, “voluntarily; according to his/her will” represents a unique phenomenon within the legal tradition of the Late Bronze age Near East. The parallels to this formula are to be found only in the cuneiform texts of the 1st millennium BCE. The expression was limited at Emar to the texts of certain genres: the sales into slavery and the enslavements for debts. All the documents in which the formula is used belong to the Syro-Hittite format. From the formal point of view the expression rendered the consent of a person sold into slavery or enslaved for debts. However, most scholars agree that such a consent was no more than a juridical fiction and that the formula served different purposes. The scribes used several versions of the formula. These variants as well as the place of the formula in the structure of the documents are highlighted in the article.

Keywords: Emar, Ancient Near Eastern law, legal formulas, slavery

Среди правовых текстов из среднеевфратского государства Эмар, входившего в XIV — начале XII в. до н. э. в состав Хеттской державы, дошли документы о продаже в рабство и порабощении свободных людей за долги (Fijałkowska 2014: 98–115)². Продавцами и объектами продажи в этих документах

---

¹ Статья написана при финансовой поддержке гранта РФФИ 20-09-00386а «Ранг и статус в социальных и правовых системах древних обществ».

² О рабстве в Эмаре см. Arnaud 1981; Yamada 1995; Westbrook 2003; Alexandrov 2020. Основными терминами, обозначающими рабов в

часто выступают родственники: родители продают детей, брат — брата и т. д. Одним из элементов формуляра является формула о добровольности совершаемой сделки: *ana / ištu sag-du-šu/ši* ‘по своей воле, с его/ее собственного согласия’. Использование этой формулы можно проиллюстрировать на примере текста АО 1987 no. 11 (= **Текст 1**):

- ¹*ta-gi₅-ia* *dumu ma-li-si* *lú uru a-na-bi*
 2 ¹*kar-^dšeš šeš-šú qa-du^{munus} a-ra-wa-li dam-šú*
^{munus}*ku-u’-li dumu-munus-ši* 3 *zi-meš*
 4 *a-na* 70 *gín kù-babbar-meš šām-til-la iš-tu sag-du-šú-nu-ma*
a-na ìr-meš ša¹ ma-di-^dkur dumu zu-aš-tar-ti
 6 *it-ta-din-šú-nu-ti ba-úš ti-la ìr-meš*
ša¹ ma-di-^dkur šu-nu šúm-ma ma-am-ma
 8 *i-na egir u₄-mi a-na pa-ṭá-ri-šú-nu*
il-la-a 4 munus-meš sig₅ a-na¹ ma-di-^dkur
 10 *li-din lil-qì-šú-nu-ti*

-
- na₄-kišib¹ ta-gi₅-ia dumu ma-li-si*
 12 *na₄-kišib¹ as-mi-ia dumu eh-li-^diškur-ub*
lú uru a-na-bi
 14 *na₄-kišib¹ ti-la-si dumu ma-zi-^diškur-ub*
lú uru a-na-bi
 16 *na₄-kišib^{1d} 30-a-bu dumu gur-^dkur dumu gur-da*
na₄-kišib^{1d} 30-ta-li-i’ dumu^d kur-en dumu ra:
 18 *na₄-kišib¹ nir-^dkur dumu ba-úš-ha-ma-di*
na₄-kišib¹ e-e
 20 *dumu zu-ba-la*
ù mi-nu-me-e dumu-meš
 22 *ša ul-la-du₄ ìr-meš*
ša¹ ma-di-^dkur šu-nu

текстах из Эмара, были *ìr* (‘раб’), *gemé* (‘рабыня’), *zi* (‘душа’), *tur* (‘раб, слуга’). По мнению Д. Арно, фонетическим чтением шумерограммы *ìr* могли быть слова *ardu* (аккад.) или *abdu* (зап.-сем.) (Arnaud 1981: 3). Для обозначения рабского статуса также использовались абстрактные существительные *ìr-uttu* (*arduttu*, ‘статус раба, рабство’) и *gemé-uttu* (*amuttu*, ‘статус рабыни, рабство’). К каталогу фиксаций терминов, связанных с рабством в Эмаре (Alexandrov 2020: 49–51), нужно добавить следующие примеры: Msk 7324: 5 (*ìr*); 7356: 24 (*ìr*); 7357: 5 (*ìr-uttu*); 73272: 6 (*gemé*); 73280: 6, 8 (*munus-tur*); 731020: 6 (*gemé*); R.3: 20 (*sag-gemé*); TSB.R no. 40: 9, 21 (*ìr*); no. 88: 9’ (*ìr*); W.V.DOG 102 no. 25: 22, 24; no. 64: 3, 12, 28 (*ṣuhārtu* ‘рабыня, служанка’); no. 28: 8, 12 (*ṣuhāru* ‘раб, слуга’). Кроме того, слово *ìr* ‘раб’ повсеместно употребляется в адресной части писем как указание на более низкий социальный статус отправителя, см. Arnaud 1984; 1986: 255–267; 1991: 148–150.

«Такия³, сын Малиси, человек города Анабу, продал в рабство Мати-Дагану, сыну Зу-Аштарти, за полную цену в семьдесят сиклей серебра своего брата Эхли-Кушу вместе с его женой Аравали и дочерью Кули, **по их воле**, всего три души. Мертвые или живые, они рабы Мати-Дагана. Если в будущем кто-либо явится их освободить, то пусть он даст Мати-Дагану четырех хороших женщин и заберет их. / Печать Такии, сына Малиси, печать Асмий, сына Эхли-Тешшуба, человека города Анабу, печать Тила-си, сына Мазы-Тешшуба, человека города Анабу, печать Шаггар-абу, сына Итур-Дагана, сына Тура-Да, печать Шаггар-тали', сына Даган-ба'али, сына Ра(-), печать Маткали-Дагана, сына Имут-Хамади, печать Эйи, сына Зу-Ба'алы. И все дети, которых они родят, будут рабами Мати-Дагана» (Arnaud 1987: 229–231 [no. 11]).

Как показал К. Дзакканьини, формула *analištu sag-du-šu/ši* в текстах из Эмара не представляет собой исключительного явления в рамках всего клинописного корпуса (Zaccagnini 1995). Параллели к ней обнаруживаются в текстах I тысячелетия до н. э. Так, в четырех документах о продаже в рабство из Ниппура, датированных временем осады города войсками халдейского царя Набопаласара (конец VII в. до н. э.), 2 NT 296, 299, 300 и 301, встречается выражение *ina hūd libbīšu* 'добровольно' (досл. «в радости своего сердца») (Oppenheim 1955). Референтом местоименного суффикса в этом выражении всегда выступает продавец. Формула подчеркивает, что он заключает сделку по собственной инициативе, не по принуждению. Как и в документах из Эмара, продавцами являются родители, а объектами продажи — их дети⁴. Другая содержательная параллель состоит в том, что в обеих группах текстов сделки совершаются под давлением экстраординарных событий — голода, вызванного осадой и военными действиями. Оказавшись в безвыходной ситуации, без средств к существованию, родители были вынуждены продавать детей, чтобы спасти их и спастись самим от голодной смерти⁵. По мнению Р. Ярона, само по себе желание

³ Передача личных имен ориентирована на нормы и варианты, принятые в работе Pruzsinszky 2003.

⁴ По мнению Р. Ярона, в трех из девяти случаев продавцы детей на самом деле не являются их родителями несмотря на то, что так названы в текстах (Yaron 1959: 164).

⁵ Так, текст 2 NT 293 содержит такие слова, обращенные отцом к покупателю своей дочери: (3) *munus šu-li¹-e-taš-me ša-hír-ta-a* (4) *a-bu-u[k]-ma bul-liṭ-ma lu-ú ša-hír-ta-ka* (5) *ši-i ù 6 gín kù-babbar i bi-in-nam-*

избавить от голодной смерти не могло рассматриваться как достаточное основание для продажи свободного человека в рабство (Yaron 1959: 61). Такая транзакция требовала особой санкции, которую, очевидно, и обеспечивала формула *ina hūd libbīšu*. Однако не во всех текстах формула выполняет одну и ту же функцию. Так, А. Оппенгейм отметил, что в 2 NT 301 она расположена нестандартно: не в начальном предложении, описывающем акт передачи ребенка покупателю, а ближе к концу текста, во фразе о получении продавцом денег. С точки зрения Оппенгейма, в данном случае выражение *ina hūd libbīšu* подчеркивает, что деньги получены сполна и что продавец отказывается от любых претензий на этот счет в будущем (Oppenheim 1955: 81). Несмотря на очевидные смысловые сходства ниппурской и эмариотской формул, между ними остается немало различий, а вопрос об их исторической связи не может получить ответа на нынешнем уровне знаний (Zaccagnini 1995: 93–94).

Формула *ana/ištu sag-du-šu/ši* рассматривалась не только в контексте ближневосточных параллелей, но и с точки зрения ее функций и значения в правовой системе древнего Эмара. Д. Арно полагал, что формула относится к тому, кто продает в рабство членов своей семьи или отдается в рабство сам. По его мнению, только свободное волеизъявление человека делало возможным деградацию его правового статуса или статуса подвластных ему родственников. При этом сделки (само)продажи в рабство в качестве своего неотъемлемого элемента предполагали механизм выкупа на свободу родственниками (*retrait lignager*), аналогичный библейскому обычаю *gə'ullā* (Arnaud 1981: 6; Adamthwaite 2001: 144). Наличие формулы *ana/ištu sag-du-šu/ši* было необходимо, чтобы запустить этот механизм в действие (Fijałkowska 2014: 106).

С точки зрения М. Адамсвейта, формулу *ana/ištu sag-du-šu/ši* не следует понимать буквально, как выражение согласия продаваемых. Во-первых, объектами сделки в нескольких случаях выступают дети, в том числе грудные младенцы. Во-вторых, обстоятельства, описываемые в документах, могут исключать свободное волеизъявление. Например, в TSBR no. 26

---

ma (6) *a-na x-a lud-din lu-kul* 'Возьми мою маленькую дочь Цуллеаташме и сохрани (ей) жизнь, и пусть она будет твоей дочерью! Дай мне шесть сиклей (серебра), чтобы я мог дать ... и поесть' (Oppenheim 1955: 87).

(= **Текст 11**) кредиторы забирают жену должника и продают ее, чтобы получить свои деньги. Очевидно, что несмотря на присутствие в тексте выражения *ana sag-du-ši* ни о какой добровольности речи не идет. В связи с этим, делает вывод М. Адамсвейт, формулу *ana/ištu sag-du-šu/ši* необходимо рассматривать как технический правовой термин. Его главным назначением было защитить продавца и покупателя от признания сделки недействительной, от гражданских исков и даже уголовных преследований за продажу беззащитных членов семьи, которые не были наделены официальными правами и не находились под защитой закона, но обращение с которыми в то же время регулировалось нормами общественной морали (Adamthwaite 2001: 142–144).

Комментируя правовое значение формулы *ana/ištu sag-du-šu/ši*, С. Демар-Лафон отметила, что она нацелена не на констатацию добровольности действий продавца или продаваемого, а на то, чтобы задекларировать некоммерческий характер сделки⁶.оборот рабов на древнем Ближнем Востоке обеспечивался главным образом за счет деятельности профессиональных торговцев. Формула *ana/ištu sag-du-šu/ši* подчеркивала, что продажа в рабство осуществляется без участия таких посредников и что продаваемый отчуждается напрямую своей семьей (Démare-Lafont 2010: 50–51). Л. Фиялковская также считает рассматриваемую формулу юридической фикцией: она подтверждала, что родственники не принуждали продаваемого к обращению в рабство, что было запрещено законом, и защищала таким образом их от судебных преследований (Fijałkowska 2014: 106).

Высказанные оценки заслуживают, на наш взгляд, внимательного отношения, так как раскрывают важные правовые аспекты формулы *ana/ištu sag-du-šu/ši*. В то же время формальные особенности как самой формулы, так и документов, в которых она встречается, еще не получили исчерпывающего освещения в научной литературе. Систематизации этих данных и посвящена настоящая статья.

В общей сложности в изученном корпусе можно выделить двенадцать документов, содержащих формулу *ana/ištu sag-du-*

---

⁶ «L'expression *ana ramānišu* “de son propre mouvement, de lui-même”, n'évoque pas le consentement du cédant — qui est postulé par principe et qui est grammaticalement exclu dans certains cas — et encore moins celui de la personne vendue — qui est parfois un mineur, voire un bébé — mais situe la vente hors de circuits commerciaux» (Démare-Lafont 2010: 50).

šu/ši (Adamthwaite 2001: 140)⁷. Одиннадцать из них записаны на табличках сиро-хеттского, или пейзажного формата, отличительной особенностью которого является размещение текста вдоль длинной стороны носителя⁸. Информация о размерах одной таблички, АО 1987 no. 11, отсутствует⁹. Таким образом, нет данных об использовании формулы на табличках сирийского, или портретного формата, который, по признанию многих специалистов, хронологически предшествует сиро-хеттскому стилю и отражает локальные особенности письменных традиций среднеевфратского региона¹⁰. С точки зрения жанра документы распределяются следующим образом: десять текстов представляют собой документы о продаже свободных лиц в рабство (АО 1987 no. 11 = **Текст 1**; ASJ 1988 no. 5 = **Текст 2**; ASJ 1991 no. 17 = **Текст 3**; ASJ 1991 no. 18 = **Текст 4**; Msk 7231 = **Текст 5**¹¹; Msk 7529 = **Текст 6**; Msk 7532 = **Текст 7**; R.139 = **Текст 10**; TSBR 26 = **Текст 11**¹²; TSBR 52 = **Текст 12**), два — об обращении свободных в рабство за долги (Msk 731093 = **Текст 8**; Msk 731094 = **Текст 9**). В документах о продаже в рабство продавцов и продаваемых связывают следующие родственные отношения:

---

⁷ Корпус исследования включает тексты из Эмара и других среднеевфратских городов XIV–XII вв. до н. э., опубликованные в следующих изданиях: Arnaud 1986, 1987, 1991, 1992; Tsukimoto 1988, 1991, 1992; Beckman 1988, 1996; Westenholz 2000.

⁸ Согласно Г. Бекману, ASJ 1991 no. 17 относится к сирийскому типу (Beckman 1988: 61), однако прорисовка позволяет причислить документ к сиро-хеттской группе (Tsukimoto 1991: 313). Ср. замечания в Fijałkowska 2014: 98, n. 1.

⁹ Л. Фиялковская, очевидно, определяет формат этого текста как сиро-хеттский (Fijałkowska 2014: 98, 100).

¹⁰ См. Cohen 2013, Yamada 2013 и Fleming, Démare-Lafont 2015 со ссылками на предшествующую литературу и обзором текущей дискуссии о хронологии текстов из Эмара.

¹¹ М. Адамсвейт относит этот текст к категории продаж лиц рабского статуса (Adamthwaite 2001: 140), однако в тексте говорится о продаже женщиной своего внука, и ничто не указывает на принадлежность последнего к рабам. Ж.-М. Дюран не исключает, что правильным является чтение, согласно которому продаваемый приходится продающей его женщине сыном (Durand 1989: 172).

¹² Согласно М. Адамсвейту, текст относится к категории порабощений за долги (Adamthwaite 2001: 140). В определении жанра этого текста мы следуем Л. Фиялковской (Fijałkowska 2014: 100, 419).

Текст	Продавец	Продаваемый
АО 1987 no. 11	брат	брат, жена и дочь брата
ASJ 1988 no. 5	мать	сын
ASJ 1991 no. 17	? ¹³	? ¹⁴
ASJ 1991 no. 18	муж	жена
Msk 7231	бабушка	внук
Msk 7529	? ¹⁵	? ¹⁴
Msk 7532	отец	дочь
R.139	отец и мать	два сына и две дочери
TSBR no. 26	— ¹⁶	—
TSBR no. 52	два дяди	племянница

Документы об обращении в рабство за долги в одном случае фиксируют порабощение двух детей за долг их умершего отца (Msk 731093), в другом — переход в рабство должника вместе с двумя женами и недвижимым имуществом (Msk 731094).

Во всех перечисленных документах формула *ana/ištu sag-du-šu/ši* употребляется не единообразно, но подлежит определенному варьированию, которое затрагивает все ее элементы: предлог, имя, притяжательный местоименный суффикс, а также фокусную частицу *-ma* в конце.

В большинстве примеров (9х) в начале стоит предлог *ištu* «от, из» (АНw.: 401; CAD I/J: 286)¹⁷, лишь в трех текстах

¹³ Согласно принятому в статье переводу, продавцами выступают пять человек, родственная связь которых с продаваемой не указана. Р. Пружински считает, что на самом деле в документе действует лишь один продавец, а именно мать продаваемой в рабство Ир'ам-элы Шаггар-умарри (Pruzsinszky 2003: 728). Оставшиеся четыре имени «продавцов» следует интерпретировать как указание на родственную связь с Ир'ам-элой (^{munus}ama-ši «ее мать») и филиацию Шаггар-умарри (dumu-munus ni-na-a'-e ù ¹tal-ma'-e «дочь Нинаэ и Талмаэ»). Такое решение удачно согласуется с формой ед. ч. глагола *nadānu* «продать» (*ittadin* «она продала»), однако у него в то же время есть ряд недостатков, см. подробнее в Fijałkowska 2014: 424, n. 40. Ср. также глагольную форму ед. ч. *ittadin* (букв. «он продал»), относящуюся к двум продавцам в R.139: 5.

¹⁴ Имя продаваемой сопровождается эпитетом *dumu-munus* («дочь»).

¹⁵ Данные о родственных связях продавца и продаваемого не сохранились из-за повреждений текста.

¹⁶ Кредиторы продают жену должника.

¹⁷ Как замечает С. Семинара, в стандартном аккадском смысл «по своей воле, добровольно» скорее должен был передаваться выражением *ina ramāni*-. В аккадском Эмара в данном случае, очевидно, произошло замещение предлога *ina* 'в' предлогом *ištu* 'из, от',

используется предлог *ana* ‘к, для, по’ (АНw.: 47; CAD A/2: 100). Очевидно, вариант с предлогом *ištu* нужно признать базовым.

Существуют две точки зрения о том, как читалась шумерограмма *sag-du* в рассматриваемой формуле. Большинство исследователей считает, что за ней стояло аккадское слово *ramānu* ‘сам’ (Arnaud 1981: 6; Tsukimoto 1988: 168; 1991: 277; Durand 1990: 74; Seminara 1998: 283, 474; Démare-Lafont 2010: 50; Fijałkowska 2014: 101, n. 25)¹⁸. Аргументом служит слоговая запись в тексте Msk 731093 *iš-tu ra-ma-ni-šu-nu-ma* (стк. 15). В то же время К. Дзакканьини полагает, что шумерограмма *sag-du* имела стандартное чтение *qaqqadu* ‘голова’ (Zaccagnini 1995: 103)¹⁹. Известно, что наряду с *ramānu* это слово функционировало в аккадском как интенсификатор ‘self / сам’ (CAD Q: 100). Чикагский словарь аккадского языка не отмечает среди возможных неслоговых записей *ramānu* вариант записи при помощи шумерограммы *sag-du* (CAD R: 117)²⁰. Более того, синхронные тексты из Угарита свидетельствуют, что *ramānu*, по-видимому, и не могло записываться с помощью шумерограммы *sag-du*, так как она была зарезервирована для близкого по значению слова *qaqqadu*. Об этом говорят следующие примеры, где *ramānu* и *sag-du/qaqqadu* стоят рядом: СТН 66 (5) [((...) *ù ki-i at-ta ¹níq-me-pa*)] (6) *ra-ma-an-ka sag-du-ka d[(am-meš-ka) dum(u-meš-ka *ù* kur)]-ka aq-ra-t[a]-ak-ku *ù* ra-[ma-an lugal]* (7) *sag-du lugal dumu-meš *ù* [(kur ha-at-ti a-n)]a dá-ra-a-ti lu-ú aq-ra-[ta-ak-ku]* ‘Подобно тому, как тебе, Никмепе, дороги ты сам, твоя голова, твои жены, твои дети, пусть тебе всегда будут дороги личность царя, голова царя, дети царя и страна

явление, которое известно по данным диалектов I тыс. до н.э. (Seminara 1998: 474).

¹⁸ Существуют два способа нормализации слова *ramānu* — с долгим (АНw.: 950) и кратким (CAD R: 117) гласным соответственно. Второй из них опирается на данные ассирийского диалекта, где этот гласный подчинялся правилу ассирийского сингармонизма.

¹⁹ См. возражения в Seminara 1998: 474, n. 36.

²⁰ Слово *ramānu* записывается шумерограммами NÍ и SU (CAD R: 117). Из других аккадских слов, которые могут иметь одинаковую с *ramānu* шумерографическую запись (SU), ближе всего по значению *ragru* ‘тело; сам’ (CAD P: 12). Оба слова передавались на хеттский одной и той же лексемой, *tuegga-* ‘тело, конечности; сам’ (ibid.). Если представить, что *ramānu* должно было чередоваться в рамках формулы о добровольности с каким-то другим словом, то *ragru* окажется весьма вероятным кандидатом на эту роль. Однако такому отождествлению препятствует отсутствие данных о передаче слова *ragru* с помощью шумерограммы *sag-du*.

Хатти!’ (Del Monte 1986: 14; CAD Q: 107). В свете этих данных можно осторожно предположить, что *sag-du* в формуле *analištu sag-du-šu/ši* не было шумерографической записью *ramānu*, а передавало слово *qaqqadu* в значении ‘сам’. Подобно тому как в формуле чередовались предлоги, *ana* и *ištu*, в ней варьировались и близкие по смыслу существительные *ramānu* и *qaqqadu*. Если это предположение верно, то вариант с *sag-du* (*qaqqadu*) следовало бы признать основным.

Существенный интерес представляет употребление притяжательных местоименных суффиксов, присоединяемых к имени *sag-du* / *ramānu*. Как было показано выше, существуют разные точки зрения на то, к кому отсылает этот местоименный суффикс. Д. Арно считает, что он соотносится с продавцом, а по мнению М. Адамсвейта, — с продаваемым. С точки зрения С. Демар-Лафон, этот вопрос не имеет значения для определения правового смысла формулы. Засвидетельствован лишь один случай употребления формулы без местоименного суффикса (ASJ 1991 no. 18). Во всех остальных текстах *sag-du* / *ramānu* выступает хозяином местоименной клитики, что следует признать нормой для рассматриваемой формулы. Что касается референции суффикса, то нет ни одного примера, где бы он однозначно соотносился с продавцом, кредитором или тем лицом, которое санкционирует обращение свободного в рабство. В тех двух случаях (Msk 731093: 15; R.139: 4), где такое допустимо с точки зрения грамматики, референта местоимения равным образом можно отождествить с продаваемыми или обращаемыми в рабство людьми. В оставшихся десяти примерах местоимение однозначно отсылает к объекту продажи или обращаемому в рабство. В свете этих данных в двух неоднозначных случаях выбор также предпочтительнее делать в пользу поработаемых или продаваемых в рабство. Таким образом, можно сделать вывод, что исходным смыслом формулы *analištu sag-du-šu/ši* было выражение согласия со стороны объекта сделки, сколь бы фиктивным этот смысл ни оказывался в конкретных обстоятельствах употребления формулы.

Стоит обратить внимание на один пример нестандартного с точки зрения классической грамматики согласования между энклитическим местоимением и его референтом. В Msk 731094 формула *analištu sag-du-šu/ši* употреблена в предложении, представляющем прямую речь обращаемого в рабство. Подлежащим в нем выступает самостоятельное личное местоимение 1 л. ед. ч. *anāki* ‘я’, глагольное сказуемое также стоит в 1 л. ед. ч.

(*ēterub* ‘я вошел’). Однако все притяжательные и объектные местоименные энклитики, соотносящиеся в этом предложении с подлежащим, в том числе энклитика из анализируемой формулы, принимают форму 3 л. ед. ч. м. р., *-šu* (записаны знаком ŠÚ, стк. 7, 8, 9 дважды, 10)²¹.

Наиболее частотная синтаксическая роль референта местоименного суффикса в предложении, где встречается формула, — прямое дополнение. В десяти случаях глаголом, управляющим прямым дополнением, является глагол *nadānu* ‘продавать’. Девять раз он употреблен в перфекте: шесть форм — *ittadin*, 3 л. ед. ч. (АО 1987 no. 11: 6; ASJ 1991 no. 17: 7; no. 18: 6; Msk 7231: 7; 7529: 3; R.139: 5), одна — *tattadin*, 3 л. ед. ч. ж. р. (ASJ 1988 no. 5: 7), две — *ittannū*, 3 л. мн. ч. м. р. (TSBR no. 26: 6; no. 52: 7). Также засвидетельствован один претерит — *iddin*, 3 л. ед. ч. м. р. (Msk 7532: 5). В восьми случаях глагол *nadānu* ‘продавать’ присоединяет местоименную объектную клитику, дублирующую прямое дополнение (АО 1987 no. 11: 6; ASJ 1988 no. 5: 7; ASJ 1991 no. 18: 6; Msk 7231: 7; 7529: 3; 7532: 5; TSBR no. 26: 6; no. 52: 7). В двух примерах резюмтивное местоимение отсутствует (ASJ 1991 no. 17: 7; R.139: 5). Еще одним глаголом, управляющим референтом местоименного суффикса формулы как прямым дополнением, является глагол *kanāku* ‘опечатывать, ставить печать’ (Msk 731093: 16). Он употреблен в претерите и также присоединяет к себе местоименную объектную клитику, дублирующую прямое дополнение.

Дважды референт местоименного суффикса из формулы *ana/ištu sag-du-šu/ši* выступает в предложении в роли подлежащего. В обоих случаях сказуемым является глагол *erēbu* ‘входить, вступать’ в перфекте: *itarbū* 3 л. мн. ч. м. р. (Msk 731093: 12)²², *ēterub* 1 л. ед. ч. (Msk 731094: 11).

Частица *-ma*, очевидно, также является частью формулы, хотя этот факт эксплицитно отмечен лишь К. Дзакканьини и С. Семинарой (Zaccagnini 1995: 103; Seminara 1998: 474). Из тринадцати случаев использования формулы энклитика *-ma* отсутствует лишь в трех. В тексте ASJ 1991 no. 18 отсутствует не только *-ma*, но и предшествующая ей местоименная клитика.

²¹ Ср. замечание об этом явлении в Durand 1990: 74.

²² Ж.-М. Дюран предлагает читать вместо *it-ta'-a[r-bu]* ‘они вошли’ императивную форму глагола *nadānu* ‘давать’, *id-na-n[im-ma]* ‘дайте мне’, и переводит всё предложение следующим образом: «Если нет, то отдайте мне двух детей вашего брата в рабство, по доброй воле» (Durand 1990: 72).

Текст Msk 7532 помимо отсутствия *-ta* необычен тем, что глагольное сказуемое в предложении с формулой *analištu sag-du-šu/ši* стоит в претерите, а не перфекте. В Msk 731093: 12 большая часть формулы скрыта в лакуне, однако ее восстановление и отсутствие в ней энклитики *-ta* не вызывают сомнения. К сожалению, установить корреляцию между наличием энклитики *-ta* и синтаксическим строением фразы, в которой размещена формула, не представляется возможным. Например, обобщение, согласно которому *-ta* появляется в том случае, если референт местоименного суффикса — прямое дополнение, и отсутствует, когда местоименный суффикс отсылает к подлежащему, встречает контрпримеры в виде Msk 7532 и Msk 731094. В первом из двух текстов референт местоименного суффикса — прямой объект, но *-ta* опущено (ср. шесть аналогичных случаев, где оно, напротив, употреблено). Во втором тексте местоимение отсылает к подлежащему и частица *-ta* употреблена (ср. ее отсутствие в предложении с такой же структурой в Msk 730193: 12). Видимо, нужно признать, что базовый вариант формулы должен был содержать энклитику *-ta*, а ее опущение не определялось никакими закономерностями. По мнению С. Семинары, частица *-ta* выполняла в формуле выделительную функцию (*-ta emphaticum*) (Seminara 1998: 524).

Представленные выше данные о различных вариантах формулы *analištu sag-du-šu/ši* можно обобщить ниже в виде таблицы на стр. 287

Наконец, необходимо затронуть вопрос о том, какое место формула *analištu sag-du-šu/ši* занимала в структуре изученных правовых документов в целом. Структура документов о продаже в рабство была детально проанализирована Э. Фиялковской (Fijałkowska 2014: 100–108). По ее мнению, в документах о продаже в рабство можно выделить четыре раздела: 1) предмет договора; 2) клаузулы, гарантирующие неотменяемость договора; 3) дополнительные клаузулы; 4) список свидетелей. Формула *analištu sag-du-šu/ši* всегда размещается в первом разделе. Схема этого раздела имеет следующий вид: «а) Такой-то б) такого-то (указание родства с продавцом) в) за столько-то сиклей серебра г) с его согласия д) продал в рабство» (Fijałkowska 2014: 100–101). Именно так построены тексты АО 1987 no. 11, ASJ 1991 no. 17, no. 18, Msk 7231, TSBP no. 26.

Текст	Формат документа	Предлог + имя	Местоименный суффикс	Референция суффикса	Синтаксическая роль референта	Фокусная частица <i>-ta</i>
1. АО 1987 no. 11: 4	нет данных	<i>ištu sag-du</i>	<i>-šun</i> «их» (м. р.)	продаваемые	прямое дополнение	есть
2. ASJ 1988 no. 5: 7	сиро-хеттский	<i>ištu sag-du</i>	<i>-ši</i> «его»	продаваемый	прямое дополнение	есть?
3. ASJ 1991 no. 17: 5	сиро-хеттский	<i>ana sag-du</i>	<i>-ši</i> «ее»	продаваемая	прямое дополнение	есть
4. ASJ 1991 no. 18: 4	сиро-хеттский	<i>ana sag-du</i>	—	—	—	нет
5. Msk 7231: 5	сиро-хеттский	<i>ištu sag-du</i>	<i>-šun</i> «его»	продаваемый	прямое дополнение	есть
6. Msk 7529: 2	сиро-хеттский	<i>ištu sag-du</i>	<i>-ši</i> «ее»	продаваемая	прямое дополнение	есть
7. Msk 7532: 4	сиро-хеттский	<i>ištu sag-du</i>	<i>-ši</i> «ее»	продаваемая	прямое дополнение	нет
8. Msk 731093: 12, 15	сиро-хеттский	<i>ištu ramānī</i> <i>ištu ramānī</i>	<i>-šun</i> «их» (м. р.) <i>-šun</i> «их» (м. р.)	обращаемые в рабство обращаемые в рабство / санкционирующие обращение	подлежащее прямое дополнение / подлежащее	нет есть
9. Msk 731094: 10	сиро-хеттский	<i>ištu sag-du</i>	<i>-šun</i> «его»	обращаемый в рабство	подлежащее	есть
10. R. 139: 4	сиро-хеттский	<i>ištu sag-du</i>	<i>-šun</i> «их» (м. р.)	продаваемые / продавцы	прямое дополнение / подлежащее	есть
11. TSBR no. 26: 5	сиро-хеттский	<i>ana sag-du</i>	<i>-ši</i> «ее»	продаваемая	прямое дополнение	есть
12. TSBR no. 52: 6	сиро-хеттский	<i>ištu sag-du</i>	<i>-ši</i> «ее»	продаваемая	прямое дополнение	есть

Однако можно заметить, что составители некоторых других документов отступали от описанной схемы. Например, в ASJ 1988 no. 5 вначале помещена дополнительная клаузула, содержащая указание на то, что сделка осуществляется в год бедствий (3а по Л. Фиялковской), а формула о добровольности вставлена внутрь клаузулы о продаже (1д). В Msk 7529 формула *analištu sag-du-šulši* предшествует указанию цены, т. е. занимает позицию (1в). В Msk 7532 после цены вставлена дополнительная клаузула о бедственных обстоятельствах, а выражение *analištu sag-du-šulši* помещено внутрь клаузулы о продаже, как и в ASJ 1988 no. 5. Аналогичное размещение формулы, внутри (1д), наблюдается в R.139. В TSBR no. 52 выражение *analištu sag-du-šulši* занимает каноническую позицию, однако перед ценой вставлено упоминание о бедственном годе.

В схеме документов об обращении в рабство наблюдается больше разнообразия. Схема Msk 731094 была рассмотрена Л. Фиялковской (Fijałkowska 2014: 109). Выражение *analištu sag-du-šulši* является в этом документе составной частью формулы порабощения: порабощаемый за долги человек говорит, что поступает в рабство со своей семьей и наследственной долей добровольно. По аналогии с Msk 731094 для Msk 731093 можно предложить такую схему: 1) дети ИС₁ взяты ИС₂ в обеспечение долга ИС₁ перед ИС₂ после смерти ИС₁; 2) перед правителем страны и старейшинами города; 3) ИС₂ говорит: а) предложение братьям ИС₁ заплатить долг ИС₁ и забрать племянников; б) формула порабощения, включающая выражение *analištu sag-du-šulši*; 4) отказ братьев ИС₁ выкупить племянников; 5) формула подтверждения порабощения, включающая выражение *analištu sag-du-šulši*; 6) клаузулы, гарантирующие неотменяемость контракта; 7) свидетели.

Подводя итог проведенному обзору, следует отметить, что формула *analištu sag-du-šulši* ‘по своей воле, с его/ее собственного согласия’ представляет собой уникальное явление в рамках правовых традиций древнего Ближнего Востока периода поздней бронзы (XV–XII вв. до н. э.). Параллели к ней обнаруживаются только в клинописных текстах I тысячелетия до н. э. Ее использование в Эмаре было ограничено документами сирокеттского формата, фиксировавшими переход свободных лиц в рабское состояние: договорах о продаже в рабство и об обращении в рабство за долги. Формула не применялась, например, в договорах о купле-продаже недвижимости, чей формуляр имел определенные сходства с документами о сделках, связанных с

рабством²³. С формальной точки зрения выражение *ana/ištu sag-du-šu/ši* было призвано засвидетельствовать согласие свободного человека на переход в рабское состояние. Однако в действительности, как полагает большинство специалистов, такое согласие было не более чем юридической фикцией, и в действительности формула служила другим целям. Писцы допускали незначительное варьирование формулы: в ней могли чередоваться предлоги *ana* и *ištu*, имя записывалось то слоговым способом (*ramānu* ‘сам’), то логограммой (*sag-du*), на конце то присоединялась, то опускалась фокусная частица *-ma*. Не исключено, что шумерограмма *sag-du* служила не вариантом слоговой записи *ramānu*, а передавала слово *qaqqadu* ‘голова’, чередовавшееся в рамках формулы с *ramānu*. Базовым вариантом формулы следует признать *ištu sag-du-šu/ši-ma*.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Тексты, содержащие формулу *ana/ištu sag-du-šu/ši*

Текст 1

АО 1987 no. 11 (см. выше, с. 277)

Текст 2

ASJ 1988 no. 5

- [i-na mu] kala-ga ša 3 sìla še
 2 [a-na x gí]n kù-babbar-meš iz-za-az^{munus d}kur-dingir-lì
 [x]x¹zu-e-ia dumu-ši a-na giš-má
 4 [t]u-še-li-šú ù išt-tu giš-má
 [ku]r-[b]a-ni <i-na> uru tu-túl ú-še-ri-da-šú
 6 [a-na x g]ín kù-babbar-meš¹ šàm-til-la a-na ìr-ut-[t]e?
 [išt-tu sag-d]u-š[ú]-[ma] ta-ta-¹din-šú
 8 [ba-úš t]i-[la] ì[r š]a^{1d}kur-ba-ni
 [šu-ut šúm-ma ur-ra]-am
 10 [še-ra-am ma-am-ma a-na ba-q]a-ri-šú
 [il-la-a tup-pu an-nu-ú i]-la-e-šú
 12 [^{munus d}kur-dingir-lì a-na^{1d}kur-ba-ni ta-ta-d]in-šú
 R. [na₄-kišib¹...]
 14 dumu še-ni-na
 [n]a₄-kišib¹a-me
 16 dumu a-lál-a-bi

²³ Так, например, обе категории документов могли включать упоминание о бедственном годе, подчеркивавшее, что сделка заключается при неблагоприятных внешних обстоятельствах — войне, голоде и т. д. (Zaccagnini 1995: 105; Westbrook 2001: 23–31).

«[В год] бедствий, когда три *ка* зерна стоили [один²⁴] сикль серебра, Даган-или ... посадил[а] своего сына Зу-эйю в лодку. [Даг]ан-бани высадил его из лодки в Туттуле. (Даган-или) продала его (своего сына. — Б.А.) с его²⁵ согласия в рабство за полную цену в [х си]клей серебра. [Мертвый или] жи[вой, он ра]б Даган-бани. [Если в будущ]ем [кто-то явится предъявить] претензии на него, [эта табличка о]долеет его. [Даган-или прода]ла его (своего сына. — Б.А.) Даган-бани. [Печать ...], сына Шенины, [п]ечать Амеу, сына Алал-абу» (Tsukimoto 1988: 165–168 [E]).

Текст 3

ASJ 1991 no. 17

- ^{┐munus┐}d30-ú-ma- ^{┐ri┐}munus ^{┐ama-ši┐}dumu-munus ni-na-a'-e
 2   ù tal-ma-a'-e lú-meš uru kar-ša
          ^{munus┐}i-ra-am-e-la dumu-munus a-na 15 gín kù-babbar-meš
 4   1 anše ù 5 me-at urudu-meš a-na šàm-til- ^{┐la-àm┐}
          a-na sag-du-ši-ma a-na gemé-ut-ti
 6   š[a] ^{┐hi-ma-ši-^dkur}dumu dú-u-da
          it-ta-din ur-ra-am še-ra-am
 8   ma-an-nu-me-e i-na egir-ki u₄-mi-meš
          i-bá-qa-ar-ši kù-babbar-meš téš-bi
 10   a-na ^{┐hi-ma-ši-^dkur}dumu dú-u-da
          ^{┐li-id-din┐}-ma dumu-munus ša-a-ši
 T.12   lil-<<il->>qì

-
- R.   na₄-kišib ^{┐d}kur-gal dumu en-^{┐d}kur
          (оттиск печати)
 14   igi ^{┐d}kur-gal dumu en-^{┐d}kur
          igi ^{┐ba-aš-sú}dumu a-ta-wa
 16   igi ^{┐ri-bi-^dkur}dumu zu-aš-tar-ti
          igi ^{┐zu-aš-tar-ti}dumu a-maš-du
-
- 18   [i]gi ^{┐tal-ma-[a'-e du]mu}ú-ri-li
          [igi] hu-ut-[x x du]mu pu-ur-pí-[r]a
 20   igi ^{┐┐tal²-ma-[a]'-e}dumu ^{┐pu-hi-šeš}
          ^{┐lú-meš uru kar-ša┐}
 TL.22   igi ^{┐dingir-lì-a-bi}
          ^{┐dumu}ma-ra- ^{┐at┐}

²⁴ Л. Фиялковская: «[х сик]лей серебра» (Fijałkowska 2014: 420).

²⁵ А. Цукимото предлагает чтение [iš-tu sag-d]u-š[i]-[ma] ta-ta-[┐]din-šú 'продала его по своей воле', с притяжательным суффиксом 3 л. ед. ч. ж. р. Однако, на наш взгляд, автография вполне допускает интерпретацию соответствующего знака как ŠU, а не ŠI. Л. Фиялковская читает ŠU (Fijałkowska 2014: 421).

«Шаггар-умарри, Уммиши, Марат, Нинаэ и Талмаэ, люди города Карша, продали Ирам-элу, дочь, с ее согласия, Химаши-Дагану, сыну Дуды, в рабство за пятнадцать сиклей серебра, одного осла и пятьсот (сиклей) меди в качестве ее полной цены. В будущем, позднее, тот, кто предъявит на нее претензии, должен будет отдать все серебро Химаши-Дагану, сыну Дуды, и пусть (тогда) заберет ее. Печать Даган-кабара, сын Бели-Дагана. Свидетели: Даган-кабар, сын Бели-Дагана, Баццу, сын Атавы, Риби-Даган, сын Зу-Аштарти, Зу-Аштарти, сын Амашду, Талма[э], сын Урри-или, Хут-[...], сын Пурпи[р]ы, Талмаэ, сын Пухи-шенни, люди города Карша, Или-аби, сын Марата» (Tsukimoto 1991: 276–277 [no. 17]).

Текст 4

ASJ 1991 no. 18

- ¹*az-me-te* *dumu a-na-an-ti*
 2 *ša uru a-ti-ra* ^{munus}*ka-an-za-e*
dam-šú <a-na> 22 gín kù-babbar-meš šàm-til-la
 4 *a-na sag-du a-na gemé-ut-ti*
ša ^{ld}*kur-ba-ni* *dumu* ^{si?}*na*¹
 6 *it-ta-din-ši ba-úš ti-la*
gemé ša ^{ld}*kur-ba-ni ši-it*
-
- 8 *šúm-ma i-na egir u₄-mi-meš*
ma-am-ma i-bá-q[a-r]ù-ši
 T.10 1 *munus sig₅ li-din lil-qi-ši*
 R. *na₄-kišib*
 (оттиск печати)
 12 ¹*ma-zi-ia* *dumu zu-hu-ra*
igi ¹*ga₁₄-ma-la* *dumu ša-ra-e*
 14 *igi* ¹*pa-za-ka* *dumu ke-la-e*
ša uru a-ti-ra

«Ашми-Те, сын Анан-Те, из города Атира продал свою жену Канзаэ, с (ее) согласия, в рабство Даган-бани, сыну Сины[?], <за> полную цену в двадцать два сикля серебра. Мертвая или живая, она рабыня Даган-бани. Если в будущем кто-либо предъявит на нее претензии, то пусть он даст Даган-бани одну хорошую женщину и заберет ее. Печать Мазии, сына Зу-Хурры. Свидетели: Гамалу, сын Шарраэ, Пазака, сын Келаэ, из города Атира» (Beckman 1988: 61–63 [no. 1]; Tsukimoto 1991: 277–278 [no. 18]).

Текст 5

Msk 7231

- ^{munus}*ás-da-'a-hi* *dam* ¹*a-gi-ú*
 2 *lú uru-ki i-kal-tá*
¹*en-ta-li-ih* *dumu munus-ši*

- 4 *a-na* 52 *gín kù-babbar-meš šàm-til-la*
iš-tu sag-du-šú-ma a-na ìr-ut-ti
 6 *a-na* ^{ld}u-en ù ^hir-^d30 *dumu-me* ^lir-am-^dkur
it-ta-din-šú ba-úš ti-la
 8 *ìr ša* ^{ld}u-en ù ^hir-^d30 *šu-ut*

-
- šúm-ma ur-ra-am še-ra-am*
 10 *i-na egir u₄-mi ma-am-ma*
a-na bá-qa-ri-šu il-la-^la^l
 T.12 *tup-pu an-nu-ú i-la-^le-šú*
 R. *na₄-kišib* ^lgur-de [(-x)] *lú uru a-su*
 14 *na₄-kišib* ^{ld}u-ur-sag
dumu ku-na-zi
 16 *na₄-kišib* ^lip-qí-^dkur *dumu e-e*
na₄-kišib ^ltu-ri
 T.18 *dumu dingir-ba-ni*

«Асда-ахи, жена Акиу²⁶, человека города Экалте²⁷, продала Ба‘ал-тали’, сына своей дочери, с его согласия, за полную цену в пятьдесят два сикля серебра, в рабство Ба‘ал-бели и Абди-Шаггару, сыновьям Ир‘ам-Дагана. Мертвый или живой, он раб Ба‘ал-бели и Абди-Шаггара. Если в будущем, позднее, кто-либо явится предъявить на него претензии, то эта табличка одолеет его. / Печать Курдии, человека города Асу, печать Адад-каррада, сына Куназу, печать Ипки-Дагана, сына Эйе, печать Тури, сына Илу-бани» (Arnaud 1986: 14–15 [no. 7]).

Текст 6

Msk 7529

- [x x x *a-na* ^l] ^d[kur]-gal du[mu *hi-ma*]
 2 [x x x x x]-*la iš-tu sag-du-[šī]-ma*
[a-na x kù-babbar-meš] it-ta-din-ši
 4 [ba-úš ti-]la *gemé ša* ^dkur-gal
[ši-it šum-]ma i-na egir u₄-mi
 6 [x x x] x x x *ša* ^{ld}kur-gal
[aš-šum] gemé-[š]ú il-la^l-a
 8 [*tup-pu an-nu-ú i-*]la-*e-šú*
 (лакуна приблизительно в пять строк)
 R. [x x] x [
 10' [na₄-kišib] ^laš-tar-*<tu>lit* *dumu* ^dkur-
 [na₄-kišib] ^{ld}u-ur-sag *dumu ku-na-[zi]*
 12' [na₄-kišib] ^lhi-[x]-x-^d30 na₄-[kišib]

²⁶ Чтение личного имени по Durand 1989: 171.

²⁷ Чтение топонима вслед за Mayer 1992: 268, n. 11 и Adamthwaite 2001: 210.

lú-hal
 14' [na₄-kišib ¹]li-en
           ]x-^dkur

«[...] продал [...] -лу Даган-кабару, [сыну Химы] за [х сиклей серебра] с ее согласия. [Мертвая или жи]вая, [она] рабыня Даган-кабара. [Ес]ли в будущем [...] Даган-кабара явится [по поводу е]го рабыни, [то эта табличка о]долеет его. (...) [Печать] Аштарту-лита, сына Даган-[...], [печать] Адад-каррада, сына Куна[зу], [печать] Хи-...-Шаггара, пе[чат]ь предсказателя, [печать] Зимри-Ба'алу, [...] ...-Даган» (Arnaud 1986: 87 [no. 79]).

Текст 7

Msk 7532

¹*a-bi-ha-mi-i*š dumu z[i]-ra
 2 [^{munus}х-х-х-]ti dumu-munus-šu ša gab a-na 9 kù-babbar
   [šàm-til-la i-na m]u dan-na-ti
 4 [a-na gemé-ut-ti i]š-tu sag-du-ši
   [a-na ^{1d}kur-ta-l]i-i' [dumu] hi-ma id-din-ši
 6 [ba-úš ti-l]a gemé ša ^{1d}kur-ta-li-i' ši-it
   [ù ^{1d}kur-ta-l]i-i' za-a-ku

8 [šum-ma i-na] e[^{gir} u₄-]mi ¹a-bi-ha-mi-iš
   [dumu zi-ra a-na] ^{1d}kur-ta-li-i'
 10 [dumu hi-ma iq-bi m]a-a [dumu-munus-i]a te-ra-mi
   [ù kù-babbar-ka l]i-q[è-m]i 2 zi
 12 [ma-lu-uš-ši li-]din-šu ù gemé lil-qì

R. [i]ki-ki-^dkur
 14 [na₄-kišib ¹zu-ba-l]a na₄-kišib ¹ni-in-ni
   [dumu a-hi-]ma-lik
 16 dumu kín-[ni]-pí
   [igi ¹ni-in-ni dumu kín-ni-]pí
 18 [igi ¹]bu dumu gur-da
   [¹]zu-ba-la dumu a-hi-[ma-li]k dumu kut-bi

«[Аби-хами]ц, сын З[и]ры²⁸, [в го]д бедствий²⁹, продал свою грудную дочь ...-ти с ее согласия [в рабство Даган-та]ли', [сыну] Химы, [за полную цену] в девять сиклей серебра. [Мертвая или жив]ая, она рабыня Даган-тали'. [Даган-тал]и' свободен (от претензий по ее поводу)³⁰. / [Если в] б[уду]щем Аби-хамиц, [сын Зиры[?], скажет] Даган-тали', [сыну Химы]: «Верни мне м[ою дочь и з]абе[ри свое серебро!], то пусть он о[тдаст ему] [взамен] две души и (тогда) заберет

²⁸ Чтение личного имени по Durand 1989: 191.

²⁹ Перевод согласно чтению в Durand 1989: 191.

³⁰ Букв. «чист».

рабыню. / [...] Икки-Даган, [печать Зу-Ба‘ал]ы, [сына Ахи]-малика, печать Нинни, сына Кин[ни]пи. [Свидетели: Нинни, сын Киннип]и, [...], сын Итур-Да, [...] Зу-Ба‘ала, сын Ахи-[мал]ика, сына Кутбу» (Arnaud 1986: 92–93 [no. 83]).

Текст 8

Msk 731093

- a-na pa-ni* ¹*mu-ut-ri-^diškur* *ù lú-meš šu-gi uru-ki*
 2 *¹ib-ni-^dkur* *dumu zu-ba-la lú-hal* *¹ma-di-^dkur* *dumu še-i-^dkur*
 25 *gín kù-babbar-meš hu-ub-bu-ul* *ù i-na-an-na*
 4 *¹ma-di-^dkur* *dumu še-i-^dkur* *ba-úš* *ù 2 dumu-meš-šú*
i-na é ¹ib-ni-^dk[ur er-bu] *ù 25 gín kù-babbar-meš ša-a-šú um-te-eš-ši-ir*
 6 *ù i-na-an-na* *¹[ib-ni-^dkur]* *dumu zu-ba-la* *¹lú-hal*
 2 *dumu-meš ¹ma-[di-^dkur]* *dumu še-i-^dkur* *a-na pa-ni* *¹mu-ut-ri-^diškur*
 8 *ù lú-meš [šu-gi uru-ki a-]na pa-ni áh-hi-a ša* *¹a-bi-šu-nu*
ú-še-zi-iz [a-kán-na iq-bi um-m]a-a šum-ma
 10 2 *dumu-meš še[š-ku-nu te-le-qa]* *ù 25 gín kù-babbar-meš-ia*
te-er-ra [x x x x] 2 *dumu-meš šeš-šú-nu ša-a-šú-[nu]*
 12 *iš-tu [ra-ma-ni-šu-n]u a-na ìr-ut-ti-ia it-ta'-a[r-bu]*
ù áh-[hi-a ša ¹a-bi-šu-nu] 25 *gín kù-babbar-meš ša ¹ib-ni-^dkur]*
 14 *na-da-ni [la-a] i-[m]a-gu-ru* *ù 2 dumu-meš šeš-šú-[nu]*
a-na ìr-ut-ti [ša ¹ib-ni-^dkur] *iš-tu ra-ma-ni-šu-nu-ma*
 16 *ik-nu-ku-šu-nu-[ti-ma]* *ba-úš¹ bal-tu ìr-meš ša ¹ib-ni-^dku]* *r šu-nu*
ur-ra-am še-ra-am šum-ma ¹ab-du *dumu hu-tam-ma-ni*
 18 *ù šeš-meš ša a-bi-šú-nu i-qáb¹-bu-ú*
ma-a 2 dumu-meš šeš-ni ni-pa-tár-mi
 T.20 2 *zi-meš ma-la* *¹dingir-lì-a-bi* *ù 2 zi-meš*
ma-la^{munus} ma-di₄-šim-ti *igi-nu-tuku*
 R.22 *a-na ¹ib-ni-^dkur* *dumu zu-ba-la lú-[hal]*
li-id-di*-nu 2 *dumu-meš šeš-šú-nu [lil-qu-ú]*

-
- 24 *na₄-kišib ¹hab-ú* *na₄-kišib ¹mu-ut-ri-^diškur*
dumu pa-bá-ha *na₄-kišib ¹en-gal lú [ú-tu]*
 26 *na₄-kišib ¹bu-ra-qu* *dumu ma-duk-ka*
igi¹ tu-u-tu *dumu a-bi-ka-pí*
 T.28 *igi^{1d} 30-gal* *dumu zi-im-ri-^dkur*
igi¹ ka-pí-^dkur *dumu a-hi-ha-mi* *lú uru eš-ši*
 30 *igi¹ en-gal lú ú-tu*
 TL. *igi¹ gur-^dkur* *dumu muš-meš*
 32 *igi¹ kúl-me* *lú-nagar lú uru eš-ši*
igi¹ ib-ni-^dkur *dumu ma-di*
 34 *igi¹ ab-du* *dumu hu-tam-ma-ni*
lú uru eš-ši

«В присутствии Мутри-Тешшуба и старейшин города, Мати-Даган, сын Ше'и-Дагана, взял у в долг у Ибни-Дагана, сына Зу-Ба‘алы,

прорицателя, двадцать пять сиклей серебра. Но сейчас Мати-Даган, сын Ше'и-Дагана, умер, и двое его детей [вошли] в дом Ибни-Даг[ана, и] он оставил двадцать пять сиклей серебра³¹. И сейчас [Ибни-Даган, сын] Зу-Ба'алы, прорицателя, в присутствии Мутри-Тешшуба и [старейши]н [города] поставил двух детей Ма[ти-Дагана, сына Ше'и]-Дагана, перед братьями их отца и сказал следующее: «Если [вы забираете] двух детей вашего брата, то верните мне мои двадцать пять сиклей серебра! [...] Эти два их племянника вош[ли] ко мне в рабство по своей воле³²». Но брат[ья их отца] не согласились заплатить двадцать пять сиклей серебра Ибни-[Дагана] и составили документ с печатью о передаче двух детей своего брата с их согласия в рабство Ибни-Дагану. Мертвые или живые, они рабы Ибни-Дагана. В будущем, если Абду, сын Хутамману, и братья их отца скажут: «Мы хотим освободить двух детей нашего брата!», то пусть они дадут Ибни-Дагану, сыну Зу-Ба'алы, прорицателя, две души за Или-аби и две души за слепую Мадии-шимту, и (тогда) [заберут] двух детей своего брата. / Печать Хаб'у, сына Пабаххе, печать Мутри-Тешшуба, печать Белу-кабара, [...], печать Бураку, сына Мадукки. Свидетели: Туту, сын Аби-капи, Шаггар-кабара, сын Зимри-Дагана, Капи-Даган, сын Ахи-хамму, человек города Эшшу³³, Белу-кабар, ..., Тура-Даган, сын ..., Кулме, плотник, человек города Эшшу, Ибни-Даган, сын Мати, Абду, сын Хутамману, человек города Эшшу» (Arnaud 1986: 215–217 [no. 205]).

Текст 9

Msk 731094

- a-na pa-ni lú-meš šu-gi uru ú-ri*
 2 ^{ld}kur-en dumu *a-ša-da a-kán-na iq-bi*
ma-a a-nu-ma 1 me gín kù-babbar-meš hu-ub-bu-la-ku-mi
 4 *ù ^{ld}u-ma-lik dumu ^du-ur-sag lú-hal*
hu-búl-li-ia ul-tal-lim ki-i-mu-ú
 6 *hu-búl-li-ia ša ú-šal-lim*
ù a-na-ku qa-du 2 dam-meš ù ha-la-šú
 8 *ša kiri₆-geštin ma-la ša it-ti šeš-meš-šú*
ik-šu-ud-šú ù a-ša-meš-šú a-na ir-ut-ti
 10 *ša ^{ld}u-ma-lik iš-tu sag-du-šú-ma*
e-te-ru-ub

³¹ Согласно Ж.-М. Дюрану, при ином заполнении лакун в этом предложении его перевод выглядел бы так: «И он (Мати-Даган. — Б. А.) оставил двух своих детей в доме Ибни-Даг[ана, в качестве замены] двадцати пяти сиклей серебра» (Durand 1990: 72).

³² Ж.-М. Дюран предлагает другие восстановления поврежденных мест в этом предложении, что дает следующий перевод: «Если нет, то отдайте мне двух детей вашего брата в рабство, по доброй воле» (Durand 1990: 72).

³³ См. об этом топониме Tsukimoto 1992: 298; Belmonte Marín 2001: 76.

12	<i>ù a-nu-ma kù-babbar-meš-šú a-šar e-te-ru-ub</i>	
	70 gín kù-babbar-meš <i>a-na</i> ¹ <i>ib-ni</i> - ^d kur dumu en-ta-li-i' sî	
14	10 gín kù-babbar <i>a-na</i> ¹ <i>i-túr</i> - ^d kur dumu id-di-id-da-hi sî	
	20 ¹ gín kù-babbar <i>a-na</i> ¹ <i>hi-la-a'</i> -e dumu sî-ib-lugal-ri sî	
R.16	<i>na₄-kišib</i> ¹ <i>gu-x-x</i>	<i>na₄-kišib</i> ¹ <i>i-túr</i> - ^d k[ur]
	dumu <i>hu-di-ia</i>	dumu <i>aš-tar-tu-ur-sag</i>
18	<i>na₄-kišib</i> ¹ <i>ip-hur</i> - ^d kur	<i>na₄-kišib</i> ¹ <i>še-i</i> - ^d kur
		dumu <i>ib-ni</i> - ^d kur
20	dumu <i>gur-di</i>	<i>na₄-kišib</i> ¹ <i>ta-a'</i> -e lú-dub-sar
T.	igi ¹ <i>id-di-nu</i> dumu <i>a-bi-sig₅</i>	
22	igi ¹ <i>na-aš-bu</i> dumu <i>a-bu</i> - ^d kur	
	igi ¹ <i>i-ku</i> - ^d kur dumu <i>a-bu</i> - ^d kur dumu <i>i-šar-dingir-lì</i>	
24	igi ¹ <i>ir-dingir-lì</i> dumu ¹ <i>ta-at-ti</i>	
TL.	igi ¹ <i>še-i-en</i> dumu <i>a-hi-ia-ú</i>	
26	igi ¹ <i>pa-tù-uh-la-si</i>	
	igi ¹ <i>pa-zu-ri</i> - ^d kur dumu <i>ni-ra-ri</i>	

«Перед старейшинами города Ури Даган-белу, сын Аша-Да, сказал следующее: «Вот я должен сто сиклей серебра, а Ба'ал-малик, сын Ба'ал-каррада заплатил за меня мой долг. Чтобы возместить мой долг, который он уплатил, я поступил в рабство к Ба'ал-малику по своей воле, вместе с двумя женами, полями и частью виноградника, который достался мне и моим братьям». / Вот куда пошло его серебро: семьдесят сиклей серебра были даны Ибни-Дагану, сыну Ба'ал-тали', десять сиклей — Итур-Дагану, сыну Идди'-аху, двадцать — Хилау, сыну Ариб-шарри. / Печать Гу-..., сына Худии, печать Итур-Дагана, сына Аштарту-каррада, печать Ипхур-Дагана, сына Тура-Да, печать Ше'и-Дагана, сына Ибни-Дагана, печать Тахе, писца. Свидетели: Иддину, сын Аби-дамика, Нацбу, сын Абу-Дагана, Икун-Даган, сын Абу-Дагана, сына Ишар-илу, Абди-или, сын Татти, Ше'и-Даган, сын Ахиау, Путухулasi, Пазури-Даган, сын Нирару» (Arnaud 1986: 228–230 [no. 215]).

Текст 10

R.139

	¹ <i>za-dám-ma</i> dumu <i>kàr-bi</i> lú uru <i>ša₁₀-tap-pa</i> ^{munus} <i>ù ku-u'</i> -e dam-sú
2	^{munus} <i>ba-a'</i> -la-bi ₄ -a ^{Id} <i>iškur-en</i> ¹ <i>iš-ma-a'</i> - ^d kur
	^{munus} <i>ù ba-a'</i> -la-um-mi dumu-munus gab 2 dumu-meš-šú-nu 2 dumu-
	munus-meš-šú-nu
4	<i>a-na</i> 60 kù-babbar-meš <i>šàm-til-la a-na</i> <i>ir-ut-ti iš-tu sag-du-šú-nu-ma</i> ¹
	<i>a-na</i> ^{Id} <i>iškur-ma-lik</i> dumu ^d <i>iškur-ur-sag</i> lú-hal <i>it-ta-din</i>
6	<i>ma-an-nu-me-e ša</i> 4 dumu-meš <i>za-dám-ma</i> dumu <i>kàr-bi</i>
	<i>i-bá-qar</i> 10 zi-meš <i>ma-lu-uš-šu-nu a-na</i> ^d <i>u-ma-lik</i>
8	<i>li-din-ma</i> munus-nita-šú <i>lil-qì</i>

- 10 *ù a-nu-ma gîr-meš-šú-nu¹ za-dám-ma-ma a-bu-šu-nu^{munus} ku-u'-e ama-šú-nu i-na im-meš iš-ku-nu*
-
- 12 *ù a-nu-ma^{munus} ku-u'-e pa-na-nu^{munus} ba-la-bi₄-a dumu-munus-ši
a-na 30 kù-babbar-meš a-na^{munus} é-gi₄-a-meš a-na^{munus} a-nat-um-mi i-din
ù *tup-pa e-te-ep-šu-ma^{munus} a-nat-um-mi 30 kù-babbar-meš**
- 14 *šàm^{munus} ba-a'-la-bi₄-a la-a i-din
šum-ma i-na egir u₄-mi^{munus} a-nat-um-mi*
- 16 *tup-pa ša-a-šú ú-še-la-a tup-pu an-nu-ú i-hap-pì-šu*
- R. *^{munus}ba-la-um-mi a-na^{Id} u-ma-lik ir-ti-ih*
- 18 *na₄-kišib¹ hí-ma-ši-^dkur dumu níq-qa₄ na₄-kišib^{Id} kur-en
na₄-kišib¹ a-a-sig₅ dumu ma-di-^dkur*
- 20 *na₄-kišib¹ gur-^dkur dumu ia-ad-da
na₄-kišib¹ ga-la-lu dumu hu-un-ba*
- T.22 *igi¹ en-ma-lik dumu^d kur-gal
igi¹ ú-ka-li dumu li-^dkur*
- 24 *na₄-kišib¹ ia-dì-^dkur dumu gur-^dkur*
- TL. *na₄-kišib¹ la-hé-ia*
- 26 *dumu mu-ut-ri-^du*

«Задамма, сын Карбу, человек города Шатаппа, и Куэ, его жена, продали в рабство Ба'ал-малику, сыну Ба'ал-каррада, предсказателю, своих двух сыновей и двух дочерей: Ба'ала-бию, Ба'ал-белу, Ишма-Дагана и грудную дочь Ба'ала-умми, с их согласия, за полную цену в шестьдесят сиклей серебра. Всякий, кто оспорит у Ба'ал-малика четырех детей Задаммы, сына Карбу, должен будет отдать Ба'ал-малику возмещение в десять душ. Тогда он сможет забрать этих детей. / Вот сам Задамма, их отец, и Куэ, их мать, сделали оттиск их ступней на глине. / До этого Куэ продала свою дочь Ба'ала-бию в качестве невесты Анат-умми за тридцать сиклей серебра, и они составили табличку об этом. Однако Анат-умми не заплатила тридцать сиклей, цену Ба'ала-бии. Если в будущем Анат-умми предъявит ту (прежнюю) табличку, то эта табличка одолеет ее. Ба'ала-умми остается Ба'ал-малику. Печать Химаши-Дагана, сына Никку, печать Даган-ба'али, сына Мати-Дагана, печать Айя-дамика, печать Тура-Дагана, сына Ядды, печать Галалу, сына Хунбу. Свидетели: Ба'ал-малик, сын Даган-кабара, Укали, сын Зимри-Дагана. Печать Яди-Дагана, сына Тура-Дагана, печать Лахейи, сына Мутри-Тешшуба» (Arnaud 1986: 231–233 [no. 217]).

Текст 11

TSBR no. 26

- ^{Id}kur-ta-li-i' dumu ta-i*
- 2 *hu-bu-ul e-ni-na en-lu-ú¹
hu-<bu>ul-la-ti dam-šú iš-ša-ab-tù-ši*

- 4 *a-na* 70 gín kù-babbar-meš šàm-til-la
a-na sag-du-ši-ma *a-na* gemé
 6 ša ¹bu-la-li dumu ar-wu it-ta-nu-ši
 [b]a-úš ti-la gemé ša ¹bu-la-li ši-it

-
- 8 [šúm-m]a ur-ra-am še-ra-am
 [ma]-am-ma *a-na* en di-ku₅-šú el-la-a
 10 ¹a-ba dumu ba-da ^{1d}kur-ta-li-i'
¹im-lik-^dkur dumu še-i-^dkur
 T.12 ¹ba-úš-ha-ma-dì dumu ša-ah-li
¹ir-^dkur dumu udun-ni
 R.14 ¹ir-dingir-lì dumu ^{munus}za-zi
i-ta-na-pa-lu-šú
 16 ¹bu-la-lu za-ku

-
- na₄-kišib ¹a-ba << >>
 18 dumu bad-da
 na₄-kišib tu-tu
 20 dumu ša-ah-li
 na₄-kišib im-lik-^dkur
 22 dumu še-i-^dkur
 na₄-ki[šib ba-úš-h]a-[m]a-dì
 T.24 [dumu ša-ah]-li
 TL. na₄-kišib ba-úš-ha-m[a-dì]
 26 [dumu] ta-li-ti

«Даган-тали', сын Таи, задолжал. Его кредиторы взяли его жену. Они продали ее Булалу, сыну Арву, за семьдесят сиклей серебра, ее полную цену, с ее согласия. Живая или мертвая, она рабыня Булалу. / [Если] в будущем кто-либо предъявит ему иск, то по нему ответят Аба, сын Бады, Даган-тали', Имлик-Даган, сын Ше'и-Дагана, Имут-Хамади, сын Шахлу, Абди-Даган, «сын печи», Абди-или, сын Зазу. Булалу свободен (от каких-либо претензий)³⁴. / Печать Абы, сына Бады, печать Туту, сына Шахлу, печать Имлик-Дагана, сына Ше'и-Дагана, пе[чать Имут-Х]а[м]ади, [сына Шах]лу, печать Имут-Хам[ади, сына] Талитту» (Arnaud 1991: 59–60 [no. 26]).

Текст 12

TSBR no. 52

- ¹ta-al²-ma²-li-na ù ¹ma-ša-di²-e
 2 [du]mu-meš ¹še-ni-lugal-ri lú-meš uru [ha-t]a
^{munus}hi-za-li dumu-munus ¹ša-da-a'-e šeš-šú-nu
 4 *a-na* ¹hi-ma-ši-^dkur ù ^{1d}kur-gal dumu-meš ¹be-[li²]
i-na mu kala-ga *a-na* 12 gín-na [a-na] šàm-[til-la]

---

³⁴ Букв. «чист».

- 6 *iš-tu sag-du-ši-ma*
a-na gemé-ut-ti it-ta-an-nu-ši
-
- 8 *šum-ma i-na egir u₄-mi a-bu-ši*
šum-ma šeš a-bi¹-ši
- T.10 *ia-nu-ma-a a-na en-ši ma-am-[ma-an]*
e-la-a 2 zi-meš ki-i-mu-[ú]
- R.12 ^{munus}*hi-za-li a-na ¹hi-ma-ši-^{[d]kur}*
ù ^{1d}kur-gal dumu-meš ¹be-¹li² ¹[
- 14 *li-din-m[a x x x x x] dumu-munus x x [x] x x*
na₄-k[išib ¹zi-iz-za]
- 16 *dumu sì-^daš-t[a-b]i uru ha-ta*
-
- 18 *igi ¹zi-i-z[a] dumu sì-^daš-ta-bi*
[igi] ¹a-ri-^damar-utu dumu ú-ra-li
- T. *igi ¹maš-ru-wa-i dumu sa[nga] ^dkur¹*
- 20 *igi ¹bi-el-lu dumu li-mi¹-da*
-
- TL. *na₄-kišib ¹a-ri-^damar-utu*
- 22 *dumu ú-ra-li*

«В год бедствий Талмал-энна и Машади, [сын]овья Шени-шарри, люди города Хата, продали Хизали, дочь Шадаэ, своего брата, с ее согласия, в рабство Химаши-Дагану и Даган-кабару, сыновьям Бе[ли²], за [полную] цену в двенадцать сиклей серебра. / Если в будущем, когда не будет (в живых) ни ее отца, ни брата ее отца, кто-либо предстанет перед ее хозяином, пусть он даст за Хизали Химаши-Дагану и Даган-кабару, сыновьям Бели [...], две души [...] дочь [...]. Печать Зиззы, сына Ари-Ашт[аб]и, из города Хаты. / Свидетели: Зизз[а], сын Ари-Аштаби, Ари-Шанта, сын Урали, Машру-ваи, сын жр[еца] Дагана, Белу, сын Лими-Да. / Печать Ари-Шанты, сына Урали» (Arnaud 1991: 94–95 [no. 52]).

Список сокращений

ИС — имя собственное.

АНw. — von Soden W. Akkadisches Handwörterbuch. Wiesbaden, 1959–1981.

АО — Aula orientalis. Barcelona.

ASJ — Acta sumerologica japonensia. Hiroshima.

CAD — The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Chicago, 1956–2010.

СТН — Catalogue des textes hittites.

Msk — инвентарный номер текстов из раскопок в Эмаре / Телль-Мескене.

R. — инвентарный номер текстов из раскопок в Балисе.

TSBR — номер текстов по изданию Arnaud 1991.

WVDOG — Wissenschaftliche Veröffentlichung der Deutschen Orient-Gesellschaft. Saarbrücken.

Список литературы

- Adamthwaite, M. R. 2001: *Late Hittite Emar: The Chronology, Synchronisms, and Socio-Political Aspects of a Late Bronze Age Fortress Town*. (ANES Suppl. Ser., 8). Louvain; Paris; Sterling, Virginia: Peeters Press.
- Alexandrov, B. 2020: [Slavery in the texts from the Late Bronze Age Emar]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 46–83.
- Александров, Б. Е. Рабство в текстах из Эмара эпохи поздней бронзы. *ВДИ* 1, 46–83.
- Arnaud, D. 1981: Humbles et superbes à Emar (Syrie) à la fin de l'âge du Bronze récent. In: A. Caquot et M. Delcor (éds.), *Mélanges bibliques et orientaux en l'honneur de M. Henri Cazelles*. Kevelaer; Neukirchen-Vluyn: Butzon & Bercker, 1–14.
- Arnaud, D. 1984: La Syrie du moyen-Euphrate sous le protectorat hittite: l'administration d'après trois lettres inédites. *Aula orientalis* 2, 179–188.
- Arnaud, D. 1986: *Recherches au pays d'Aštata. Emar VI.3. Textes sumériens et accadiens*. Paris: Editions Recherche sur les Civilisations.
- Arnaud, D. 1987: La Syrie du moyen-Euphrate sous le protectorat hittite: contrats de droit privé. *Aula orientalis* 5, 211–241.
- Arnaud, D. 1991: *Textes syriens de l'âge du bronze récent*. (AO Suppl., 1). Barcelona: Editorial Ausa.
- Arnaud, D. 1992: Tablettes de genres divers du moyen-Euphrate. *Studi micenei ed egeo-anatolici* 30, 195–245.
- Beckman, G. 1988: Three tablets from the vicinity of Emar. *Journal of Cuneiform Studies* 40/1, 61–68.
- Beckman, G. 1996: *Texts from the Vicinity of Emar in the Collection of Jonathan Rosen*. (HANE/M, II). Padova: Sargon srl.
- Belmonte Marín, J. A. 2001: *Die Orts- und Gewässernamen der Texte aus Syrien im 2. Jt. v. Chr.* (RGTC, 12/2). Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag.
- Cohen, Y. 2013: Problems in the history and chronology of Emar. *Kaskal* 10, 281–294.
- Del Monte, G. 1986: *Il trattato fra Muršili II di Ḫattuša e Niqmepa' di Ugarit*. (OAC, 18). Roma: Istituto per l'Oriente C. A. Nallino.
- Démare-Lafont, S. 2010: Éléments pour une diplomatie juridique des textes d'Émar. In: S. Démare-Lafont, A. Lemaire (éds.), *Trois millénaires de formulaires juridiques*. (HEO, 48). Genève: Droz, 43–84.
- Durand, J.-M. 1989: Rev. of Daniel Arnaud, *Recherches au Pays d'Aštata, Emar VI. Textes sumériens et accadiens*. Ed. Recherche sur les Civilisations, Paris, 1986, vol. 1, 2 et 3. *Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale* 83, 163–191.
- Durand, J.-M. 1990: Rev. of Daniel Arnaud, *Recherches au Pays d'Aštata, Emar VI. Textes sumériens et accadiens*. Ed. Recherche sur les

- Civilisations, Paris, 1986, vol. 1, 2 et 3. *Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale* 84, 49–85.
- Fijałkowska, L. 2014: *Le droit de la vente à Emar*. (PHILIPPIKA, 64). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Fleming, D., Démare-Lafont, S. 2015: Emar chronology and scribal streams: cosmopolitanism and legal diversity. *Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale* 109, 45–77.
- Mayer, W. 1992: Eine Urkunde über Grundstückskäufe aus *Ekalte* / Tall Munbaqa. *Ugarit-Forschungen* 24, 263–273.
- Mayer, W. 2001: *Tall Munbāqa – Ekalte II. Die Texte*. (WVDOG, 102). Saarbrücken: Saarbrücker Druckerei und Verlag.
- Oppenheim, A.L. 1955. 'Siege documents' from Nippur. *Iraq* 17, 69–89.
- Pruzsinszky, R. 2003: *Die Personennamen der Texte aus Emar*. (SCCNH, 13). Bethesda: CDL Press.
- Seminara, S. 1998: *L'accadico di Emar*. (MVS, 6). Roma: Università degli studi di Roma «La Sapienza».
- Tsukimoto, A. 1988: Sieben spätbronzezeitliche Urkunden aus Syrien. *Acta sumerologica japanensia* 10, 153–189.
- Tsukimoto, A. 1991: Akkadian tablets in the Hirayama collection (II). *Acta sumerologica japanensia* 13, 275–345.
- Tsukimoto, A. 1992: Akkadian tablets in the Hirayama collection (III). *Acta sumerologica japanensia* 14, 289–315.
- Westbrook, R. 2001: Social justice and creative jurisprudence in Late Bronze Age Syria. *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 44/1, 22–43.
- Westbrook, R. 2003: Emar and vicinity. In: R. Westbrook (ed.), *A History of the Ancient Near Eastern Law*. Vol. 1. Leiden; Boston: Brill, 657–691.
- Westenholz, J.G. 2000: *Cuneiform Inscriptions in the Collection of the Bible Lands Museum Jerusalem. The Emar Tablets*. (CM, 13). Groningen: Styx.
- Yamada, M. 1995: The Hittite social concept of “free” in the light of the Emar texts. *Altorientalische Forschungen* 22/2, 297–316.
- Yamada, M. 2013: The chronology of the Emar texts revisited. *ORIENT* 48, 125–156.
- Yaron, R. 1959: Redemption of persons in the Ancient Near East. *Revue internationale des droits de l'antiquité* 6, 153–176.
- Zaccagnini, C. 1995: War and famine at Emar. *Orientalia* 64/2, 92–109.

Т. В. Топорова
(Институт языкознания РАН)

О ДРЕВНЕГЕРМАНСКОМ ЭТНОЛОГИЧЕСКОМ МИФЕ (О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГЕРМАНСКИХ ПЛЕМЁН)¹

Объектом изучения является этнологический миф, содержащий комплекс представлений о возникновении племенной дифференциации древних германцев (ингвеонов, герминонов и истевонов в классификации Тацита). Цель автора заключается в интерпретации этнологии исходя из **единого** источника — *космогонии*. В результате исследования продемонстрирован изоморфизм этногенеза и космогенеза в древнегерманской мифопоэтической модели мира и конституирование этнонимов на основе деифицированных агентов.

Ключевые слова: древнегерманские языки, этнологический миф, мифопоэтическая модель мира, теонимы, этимологический анализ, семантическая реконструкция.

T. V. Toporova
(Institute of Linguistics, RAS, Moscow)

About the Old-Germanic ethnological myth (on the origin of the Germanic tribes)

The article is devoted to the study of the interaction between language and myth; in this case the main task consists in the reconstruction of Old Germanic mythopoetic tradition based on linguistic data. The author's goal is to interpret different versions of the model of the universe based on a single source — cosmogony. The object of study is an ethnological myth containing a set of ideas about the origin of tribal differentiation of the ancient Germans (ingveons, herminons and istevons in the classification of Tacitus). The method of analysis in diachrony is linguistic reconstruction, which allows us to discover the «original» meaning of a word and get to the origins of the formation of its semantics. The author believes that the choice of cosmogony as a «key point» allows us to see the structure of the mythological system, establish trends in its development, and arrange other myths in a certain order, taking into account their connection with the myth of creation. The isomorphism of the creation myth and its transformation in another sphere — ethnological — is considered on three levels: general ideas abstracted from a specific language embodiment; semantic motivations (or nomination principles) of the corresponding concepts

---

¹ Данная статья выполнена в рамках гос. задания Ияз. РАН, но размышления на эту тему возникли в результате работы по гранту РФФИ №16-04-00373 «Контакты и заимствования в становлении языковых и литературных традиций», рук. В. Я. Порхоновский, И. И. Челышева (2016–2018 гг.).

implemented with the help of various language elements, and lexemes that are genetically derived from a common root. As a result of the study, the isomorphism of ethnogenesis and cosmogenesis in the Old Germanic mythopoetic model of the universe and the constitution of ethnonyms based on deified agents are convincingly demonstrated. The cosmogonic substratum of the Germanic concept of ethnogenesis is obvious, since the initial link in the chain of transformations that resulted in the formation of three main tribal groups was one of the first elements of the Germanic myth of creation — the earth. In addition, the ethnogonic as well as cosmogonic myth implements the idea of duality, the union of both male and female traits in one character, cf. Ymir, the progenitor of the giants, whose body served as the substance for creating elements of the cosmized universe, and the God Tuiston.

Keywords: Old Germanic languages, ethnological myth, mythopoetic model of the universe, theonyms, etymological analysis, semantic reconstruction.

Важнейшим свидетельством германской этногонии с полным правом считается сообщение Тацита (Germ., cap. 2), которое ввиду его исключительной ценности следует процитировать без сокращений: «*Celebrant carminibus antiquis Tuis-tonem deum terra editum et filium Mannum, originem gentis conditoresque. Manno tres filios assignant, e quorum nominibus proximi Oceano Ingaevones, medii Herminones, ceteri Istaevones vocantur*» «В древних песнопениях они славят порожденного землей бога Туистона. Его сын Манн — прародитель и праотец их народа; Манну они приписывают трех сыновей, по именам которых обитающие близ Океана прозываются ингвеонами, посередине — гермионами, все прочие — истевонами» (пер. А. С. Бобовича). В этом отрывке из произведения Тацита обращает на себя внимание ссылка на оригинальные германские поэтические памятники (*carminibus antiquis* ‘в древних песнопениях’); упоминание древности интересующих нас сведений и их фиксации в поэтической форме указывают на их функционирование в рамках древнегерманской мифо-поэтической традиции². Следует отметить и еще одно обстоятельство: по всей вероятности, римлянам передали эту информацию истевоны, перечисленные в самом конце и в отличие от двух других германских племенных групп не снабженные никакими пояснениями (Vries 1970, 1: 486). Эта гипотеза кажется весьма правдоподобной, поскольку отсутствие самохарактерис-

² Ср. также другие аргументы, подтверждающие принадлежность рассматриваемых нами фактов именно древнегерманской традиции: *assignant* ‘они (= германцы) приписывают’, *vocantur* ‘называются’.

тики непосредственного участника коммуникативного акта вполне естественно. Приводимый выше фрагмент текста Тацита нуждается в некоторых комментариях: в частности, локализация «близ океана» (*proximi Oceano*) интерпретируется как расположение у берегов Северного и Балтийского морей, а также Северного Ледовитого океана³.

Представим в виде схемы этногоническую версию германских племен в изложении Тацита, основанном на данных древнегерманской мифопоэтической традиции:

земля (одна из стихий германского космогенеза; *terra editus*)

лат. **Tuisto** < герм. *Twisto, н-основа, ср. др.-фриз., ср.-н.-нем., ср.-нид. *twist*, ср.-в.-нем. *zwist* 'распря, ссора', букв. 'раздвоение', нем. *Zwitter* 'гермафродит', *Zwilling* 'близнец' к др.-исл. *tveir* 'два' и др. (Vries 1977: 602)

лат. **Mannus** < герм. *Mannus (< **manu-*), готск. *manna*, др.-исл. *mannr*, др.-англ. др.-сакс. др.-фриз., д.-в.-нем. *mann* 'человек', др.-инд. *Mānu-* 'Ману, предок (человека)', *mānu-* 'человек', рус. *муж* и др. (Vries 1977: 374).

[готск. *mana-sēþs* 'человечество', букв. 'человеко-сев' или 'бога Манна сев'⁴].

Ingaevones (или по версии Плиния⁵ **Inguaeones**) < теоним Инг (герм. *Ingwaz, тох. *A onk*, тох. *B enkwe* 'человек' (Vries 1977: 678)⁶.

Herminones < герм. *Erminones* < теоним бога Ирмина⁷ (герм. **ermina-*, **ermana-* (др.-сакс. *Irmin-sul*⁸, название вященного столба саксов, др.-сакс. *irmin-man* (второй член композита

Istaevones (у Тацита), **Istraeones** (у Плиния) < теоним бога Истра, идентифицируемого с Воданом¹⁰ (*Istraz < **ist-*: **aist-* & **-ra*¹¹, готск. *aistan* 'бояться, почитать' (Vries 1970,

³ Ср. в этой связи анализ различных интерпретаций (Ganina 2001: 57).

⁴ Эта интерпретация предлагается Н. А. Ганиной, допускающей принадлежность готской лексемы к сакральной сфере («лексике сакральных текстов, хранимых в устной традиции») и приводящей типологическую, а отчасти и этимологическую параллель — древнеанглийский композит с идентичным вторым компонентом — *god-sæd* 'Бога посев' (Ganina 2001, 18–19).

⁵ Ср.: Pliny 2007, кн. IV: 96, 99.

⁶ По поводу этой этимологии Ян де Фрис замечает: «sehr einleuchtende Erklärung, nur zu bemerken, dass die Bed. 'Mann' für einen Götternamen recht blass ist» (Vries 1977: 679); со второй частью этого высказывания

‘человек’), *irmin-thiod* (второй член композита ‘народ’), *irmin-got* (в «Песне о Хильдебрандте»; второй член композита ‘бог’), др.-исл. *Iǫrmun-gandr*, букв. ‘великая палка’, название Мирового змея, *Iǫrmunr* имя Одина, *iǫrmini*, обозначение быка, *iǫrmun-grund*, др.-англ. *eormen-grund* (второй член композита ‘земля’); герм. **ermina-*, **ermana-* ‘происходящий от бога, относящийся к богу, божественный, священный’ > ‘большой, могучий’ (ср. др.-инд. *Aryaman*, др.-ирл. *Eremon* (имя героя) (Vries 1970, II: 16)⁹. II: 35), др.-исл. *eir* ‘милость, мягкость, помощь’, также имя богини <*aiziō, западногерманские имена матрон *Alaesiagis*, *Alaisiagis* (Vries 1977: 97)).

Нельзя не снабдить данные, почерпнутые из сообщения Тацита, некоторыми пояснениями.

трудно согласиться, если принять во внимание, что потомки Инга ингвеоны произошли от бога Манна, букв. ‘человека’, а тенденция использовать в имени сына тот же принцип номинации, что и в имени отца (или даже включать в двучленное имя сына один из компонентов имени отца), с тем чтобы вместе с ним передать по наследству и все положительные черты родителя, широко распространена в германской ономатетической концепции.

⁷ Ян де Фрис отождествляет бога Ирмина со старым древнегерманским богом неба *Tīwaz (Vries 1970, II: 16).

⁸ Видукинд в «Истории саксов» (10 в.) соотносит Ирмина с культовым столбом саксов Ирминсуль (по-видимому, культовый аналог Иггдрасила, мирового древа скандинавской мифологии) (Mify narodov mira 1980: 565).

⁹ Ср. отнесение древнеиндийского теонима к другому индоевропейскому корню (Lehmann 1986: 100).

¹⁰ Ян де Фрис отождествляет Истра с Воданом на том основании, что истевоны обитали в нижнем течении Рейна, где был широко распространен культ Водана (Vries 1970, II: 35).

¹¹ И.-е. суффикс *-ro-* продуктивен при образовании теонимов, ср.: д.-в.-н. *Donar*, др.-инд. *Indra*, *Rudra* (Vries 1970, II: 35).

В о - п е р в ы х , все три германских этнонима представляют собой патронимические образования. В их деривации используется суффикс *jan-* (лат. *-aeones* < герм. *-aians*), а основу образуют теонимы (ингвеоны — почитатели бога Инга, эрмины — Эрмина, Ирмина или Тива, истевоны — Водана (Vries 1970, I: 486)). Пара ‘бог Манн’ (лат.-герм. *Mannus*) — ‘человечество’ как ‘посев бога Манна’ (*mana-sēps*) находится в русле той же тенденции. Экстралингвистическая интерпретация языковых фактов отсутствует, так как вопрос о том, являлись ли первые племенные объединения германцев культовыми сообществами, до сих пор остается открытым. Что же касается природы самих богов, родоначальников племенных групп, то наблюдается довольно интересная картина: Инг трактуется как бог *нижнего* мира, связанный с аграрными культами и плодородием¹², а остальные боги — Эрмин (/Ирмин), отождествляемый со старым германским богом неба (о.-герм. **Tīwaz*¹³) и Истр (о.-герм. **Istraz*), отождествляемый с Воданом (о.-герм. **Wōdanaz*), имеющим отношение к метеорологическим явлениям (грому и ветру)¹⁴, — как боги *верхнего* мира¹⁵. По классификации Дюмезиля в теонимах, от которых были образованы этнонимы, обозначающие три племенных группировки древних германцев, отражены две

¹² Такую интерпретацию предлагает Ян де Фрис на основании древнеанглийской «Рунической поэмы», в которой говорится о том, что Инг путешествовал по морю (*ofer wæg gewāt*), и за ним следовала колесница (*wæn æfter ran*). Этот эпизод рассматривается как погребальная поездка по морю в связи с находкой колесницы из знаменитого Осебергского захоронения (Vries 1970, II: 166).

¹³ Герм. *Tīwaz* < **deywos-* ‘бог’ < **dey-* ‘сиять’, **dey-w-* ‘небо, бог небес’ (IEW 183–187), однако, в образе германского бога Тиу, как и Водана, наблюдается «проникновение нужд ... войны в верховную функцию» (Дюмезиль 1973: 137). Ср. различие в содержательной структуре скандинавских континуантов образов Тиу и Водана: «Если Один — бог военной магии, то Тюр сохранил функции, связанные с военным правовым обычаем» (Mify narodov mira 1982: 536).

¹⁴ См.: (Vries 1970, II: 76).

¹⁵ Ср. общепринятое мнение о наличии «шаманского комплекса» в образе Одина и о том, «что в генезисе он — хтонический демон, покровитель воинских союзов и воинских инициации, бог-колдун. <...> Водан-Один первоначально не входил в небесный пантеон богов, точнее он отражал темную сторону небесного бога, как Варуна» (Mify narodov mira 1982: 241); «Превращение Водана-Одина в небесного верховного бога связано <...> с расщеплением первоначальных представлений о загробном мире и с перенесением на небо особого царства мертвых для избранных — смелых воинов, павших в бою» (Mify narodov mira 1982: 241).

функции: первая — магико-религиозная (Эрмин, Истр) — и третья — аграрная (Инг), вторая же функция — воинская —, столь характерная для более позднего этапа развития германского пантеона, не представлена; впоследствии она постепенно переходит к скандинавскому Одину, сильно потеснившему Тора. Анализируя теонимы и производные от них этнонимы, нельзя уклониться от описания содержательного аспекта номинации. Семантические мотивировки имен отражены в таблице:

Tuisto ‘двойной’ (нем. *Zwitter* ‘гермафродит’, *Zwillng* ‘близнец’, *zwei* ‘два’)

Mannus ‘человек’ (готск. *manna*, др.-исл. *mann*; др.-англ, др.-сакс, др.-фриз., д.-в.-нем. *mann* ‘человек’, др.-инд. *māni-* ‘человек’, русск. *муж* < и.-е. **men-* (IEW 700), кодирующее как физическое, так и ментальное возбуждение¹⁶, особую энергию)

<i>Inguaeones</i>	<i>Erminones</i>	<i>Istaevones</i>
‘человек’	‘происходя-	‘почитаемый’
(тох. А <i>onk</i> , тох. В <i>enkwe</i>	щий от бога’	(готск. <i>aistan</i>
‘человек’)	(> ‘великий’)	‘бояться,
		почитать’)

Если рассматривать эту схему как определенный процесс, состоящий из нескольких, последовательно сменяющих друг друга стадий, то начальную фазу символизирует идея *сдвоенности*, нерасчлененности у Туистона, соответствующая хаосу в германской концепции космогенеза, следующий этап ассоциируется со спонтанным выделением *энергии*, образующейся вследствие расщепления сдвоенного объекта, и способствующей возникновению человека — Манна — и человечества (‘посева Манна’, готск. *manasēps*); этот мотив отражен и в германском мифе творения, ср. упоминание теплотворной силы, принявшей образ первочеловека Имира в «Младшей Эдде»), результатом цепи превращений является *человек* (*Inguaeones*), происходящий от *бога* (*Erminones*, *Istaevones*). Приводимая таблица убедительно демонстрирует изоморфизм этногенеза и космогенеза в древнегерманской мифопоэтической модели мира и конституирование этнонимов на основе деифицированных агентов.

¹⁶ Постулируемое Покорным для и.-е. **men-* значение ‘думать, мыслить’ отражает на наш взгляд лишь один из аспектов номинации.

Во-вторых, очевиден *космогонический* субстрат германской концепции этногенеза, поскольку исходным звеном цепи превращений, следствием которых явилось образование трех основных племенных групп, явилась одна из первостихий германского мифа творения — *земля*.

В-третьих, в этногоническом, так же как и космогоническом мифе реализуется идея *сдвоенности*, объединения и мужских, и женских черт в одном персонаже, ср. для имени Имира (др.-исл. *Ymir* <и.-е. **iemo-* ‘двойной плод, близнец’ — IEW 505), прародителя великанов, чье тело послужило субстанцией для создания элементов космизированной вселенной, и бога Туистона (лат. *Tuisto* к нем. *Zwitter* ‘гермафродит’, *Zwillng* ‘близнец’ и в конечном счете др.-исл. *tveir* ‘два’ — Vries 1977: 602), родоначальника племен. Естественно, Туистон и Имир¹⁷ принадлежат различным временным стратам — общегерманской и древнеисландской, хотя они и изофункциональны¹⁸. Показательно, что та же самая идея обнаруживается и в одной из версий германского космогонического мифа, в соответствии с которой карлики делают людей из земли, *единого* животворящего начала¹⁹. Эти представления воплощают концепцию самозарождения жизни, типичную для аграрных культов плодородия (Vries 1970, II: 364).

В-четвертых, особого упоминания заслуживают индоевропейские параллели к германской этногонической концепции, а именно генетическое родство германского бога Манна, первопредка людей, и древнеиндийского Ману, сына Вивашванта, а также фригийского Μάνης. Наличие этимологически родственных теонимов в трех ареалах позволяет восстановить индоевропейскую праформу, служащую для обозначения бога, первопредка людей — **Manu-*. Реконструированная Я. Пухвелом близнечная пара из двух персонажей — «*Twin*» и «*Man*» (др.-

¹⁷ Сходство этих мифологических персонажей проявляется и в том, что каждый из них произошел от одной из первостихий: Имир — из капли воды, а Туистон — земли.

¹⁸ Ср. характерное высказывание Яна де Фриса: «Der aus der Erde geborene (terra editus) Tuisto ist natürlich nicht dieselbe mythische Vorstellung, wie der Urriese Ymir, aber es geht deshalb nicht an, zu behaupten <...>, dass sie nichts miteinander zu schaffen haben. Sie sind ja beide zweigeschlechtige Urwesen, das aber in dem einen Fall den Anfang der Schöpfung, in dem anderen aber den Urahn des Menschengeschlechts bildet, also derselbe Gedanke, aber auf verschiedene Weise angewandt» (Vries 1970, II: 364).

¹⁹ Ср. десятую строфу «Прорицания вёльвы».

инд. *Yáma* — *Máni*, о.-герм. *Yumiz — *Mannuz*, протолат. *Yemos — *Viros), в которой один олицетворяет «первого смертного, открывшего «врата смерти», а другой — основателя религиозного закона, учредителя культа» (Puhvel 1975: 156–157)²⁰. Что касается германского материала, фигурирующего в этой реконструкции, то на наш взгляд он нуждается в ревизии хотя бы потому, что в самой древнегерманской мифопоэтической традиции бог Манн, от которого произошли три основных племенных группы германцев, и первочеловек Имир, давший начало роду великанов, относятся к разным ареалам и временным срезам (общегерманскому и древнеисландскому) и, следовательно, никак не связаны друг с другом в рамках каких-либо общих мотивов или сюжетов. Никак не подвергая сомнению правомерность включения в реконструируемую Я. Пухвелом близнечную пару Манна, отметим, что фигурирование в ней Имира кажется нам проблематичным; судя по всему, обращение к этому мифологическому персонажу вызвано лишь наличием восходящих к тому же индоевропейскому корню деифицированных персонажей других традиций. Иными словами, сама ситуация как бы провоцировала втягивание Имира в поле зрения исследователя, если руководствоваться лишь языковыми факторами, прежде всего функционированием генетически тождественных корней, и абстрагироваться от семантики; если опираться на свидетельства древнегерманской мифопоэтической традиции, привлекая семантические параметры и при этом не пренебрегая и языковыми фактами, то на место Имира может претендовать его отец Туистон (семантическая мотивировка его имени такая же, как и у Имира: в ней реализуется идея *сдвоенности*). Если счесть эту гипотезу имеющей право на существование, то окажется, что в германском ареале пару «*Twinn*» и «*Man*» репрезентируют отец и сын — Туистон и Манн, о которых сообщается во второй главе «Происхождения германцев» Тацита.

Литература

Ganina, N. A. 2001: *Gotskaya yazycheskaya leksika* [Gothic pagan vocabulary]. Moscow.

Ганина Н. А. 2001: *Готская языческая лексика*. М.

Mify narodov mira. Enciklopediya 1980–1982. 2 t. [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia]. Moscow.

МНМ – *Мифы народов мира. Энциклопедия*. М.: , 1980–1982. 2 т.

²⁰ Цит. по: (Ganina 2001: 18).

- Pliniy the Elder. 2007: [Natural history. Book IV. About European countries]. Transl. and comm. by B. A. Starostin. In: *Questions of the history of natural science and technology* № 3. Moscow, 110–142.
- Плиний Старший 2007: Естественная история. Книга IV. О странах Европы. / Пер. и комм. Б. А. Старостина. В сб. *Вопросы истории естествознания и техники* № 3. М., 110–142.
- Tacitus Cornelius. 1969: [About the origin of the Germans and the location of Germany]. Essays in 2 vols. T. I. Vol. I. *The Annals. Small works.*]. Ed. by A. S. Bobovich, Ya. M. Borovskiy, M. E. Sergeenko. Leningrad.
- Тацит Корнелий 1969: О происхождении германцев и местоположении Германии. Соч.: в 2 т. Т. I. *Анналы. Малые произведения*. Изд. подгот. А. С. Бобович, Я. М. Боровский, М. Е. Сергеевко. Л.
- Dumézil Gl. 1973: *Gods of the ancient Northmen*. Berkeley; Los Angeles.
- Lehmann W. P. 1986: *A Gothic Etymological Dictionary*. Based on the third ed. of *Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache* by Sigmund Feist. Leiden.
- IEW – Pokorny, J. 1959: *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern; München. Bd. I–II.
- Puhvel J. 1975: Remus et frater. In: *History of Religion*. Vol. 15, 146–157.
- Vries J. de. 1970: Altgermanische Religionsgeschichte. In: *Grundriss der germanischen Philologie*, 12/1. Dritte, unveränd. Aufl. Bd. I–II. Berlin: Walter de Gruyter & Co.
- Vries J. de. 1977: *Altnordisches etymologisches Wörterbuch*. Leiden.

К ПРОБЛЕМЕ ГРАФИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОГО GEDRYHT / GEDRIHT¹

Проблема графического различия в написании OE *gedryht* / *gedriht* в поэме «Беовульф» до настоящего времени не получила должного внимания. Анализ материала показал, что OE *gedryht* / *gedriht* как ядерный компонент формулы ‘существительное в Р.п. мн. ч. + существительное’ относилось к ритуальному/ церемониальному вокабуляру. Более того, варьирующиеся слова не являлись синонимами и не противопоставлялись друг другу. Они характеризовали эпического героя, акцентируя внимание на его социальном статусе. Традиционно, графическая вариативность в написании объясняется, во-первых, спецификой устно-поэтической техники, во-вторых, графической подсказкой, значение которой утеряно, в-третьих, двумя стилями письма копиистов, которые приводили к избыточности правописания. Изучение текста поэмы показало, что все контексты употребления обоих вариантов написания принадлежат одному переписчику, что исключает разницу в стилях. Проведенное исследование 6 контекстов употребления двух способов написания OE *gedryht* / *gedriht* по 3 соответственно позволяет заключить, что четко прослеживается зависимость написания слова от размера социальной группы, которую оно обозначает. OE *gedryht*, очевидно, использовалось для наименования небольшой группы людей, наиболее приближенной к королю / вождю, выполняющую социальную функцию охраны (особенно в ночное время), или спящую вместе в одном месте / помещении. OE *gedriht*, вероятно, имело тоже значение, но обозначало, с одной стороны, большую по размерам группу, с другой, не столь лично близкую вождю.

Таким образом, OE *gedryht* / *gedriht* выступало в поэме «Беовульф», во-первых, в качестве ядра эпической формулы и входило в особый церемониальный вокабуляр. Во-вторых, графическая вариативность указывала на смысловое различие между OE *gedryht* и OE *gedriht*, что позволяло автору поэмы более точно охарактеризовать группу людей, действующих в стереотипных ситуациях в рамках древнегерманской традиции.

Ключевые слова: древнеанглийское *gedryht* / *gedriht*, поэма «Беовульф», графическая вариативность.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00418 А.

Е. А. Sorokina

(Volgograd Social and Pedagogical University, Volgograd)

A note on the graphic variability of Old English *gedryht* / *gedriht*

The problem of the vowel variation in the spelling of OE *gedryht* / *gedriht* in Beowulf has not been adequately studied. The analysis of the poem has shown that OE *gedryht* / *gedriht* is a nuclear component of «Gen.pl. + noun» formula related to the ritual / ceremonial vocabulary. Moreover, the words *æþelinga* 'a nobleman', *eorla* 'an earl', *secga* 'a man', *hæleþa* 'a hero' are not synonyms. They characterize the epic hero, focusing on his social status. Traditionally, the graphic variability in writing is explained, firstly, by the specifics of the oral-poetic technique, secondly, by a graphic hint, the meaning of which has been lost, and thirdly, by two different writing styles which lead to spelling redundancy. The text analysis has shown that all contexts with both spelling variants belong to one copyist. A study of 6 contexts with two ways of spelling OE *gedryht* / *gedriht*, allows us to conclude that the spelling depends on the size of the social group. OE *gedryht* was used to denote a small group of people closest to the king / leader, performing a guard function (especially at night), or sleeping together in one place / room. OE *gedriht* probably had the same meaning but referred to a larger group and not so personally close to the leader.

Thus, OE *gedryht* / *gedriht* used in Beowulf's poem firstly, was a core of the epic formula and a part of a special ceremonial vocabulary. Secondly, graphical variation indicated a semantic difference between OE *gedryht* and OE *gedriht*, which allowed the author of the poem to characterize more accurately a group of people acting in stereotypical situations within the Germanic tradition.

Keywords: Old English *gedryht* / *gedriht*, Beowulf, graphic variability.

Удаленность текста во времени и пространстве, отнесённость к различным культурам накладывают значительные трудности для исследования. Очевидно, что воздействие древнего текста на современного читателя и читателя-современника автора различается. Отсюда и интерес ученых к изучению различных средств и способов, использованных авторами англосаксонских поэтических текстов, к попыткам не только понять древний текст, но и почувствовать атмосферу эпического мира. Древнеанглийская эпическая поэзия восходит к древнегерманской устно-эпической традиции, которая характеризуется аллитерацией, формульностью выражений, богатой синонимией, словами композитами и перифразами. Значение поэтического слова зарождается в эпической формуле посредством ассоциативных связей, а сами формулы могут образовывать аллитерационные ряды.

Формульность эпического текста своими корнями уходит в устную традицию, где при импровизации автор не стремился к оригинальности, а следовал традиции (Smirnitskaya 1982: 171–232). По мнению Н. Ю. Гвоздецкой, формульность может рассматриваться как словесное отображение стереотипного характера поведения, воспроизводимость которого поддерживает социальные связи и устои общества (Gvozdetskaya 2016: 170). Древнеанглийский эпос обладал особым вокабуляром, набором формул и моделей для обозначения как эпического героя, так и эпического мира. Другими словами, древнеанглийский поэтический текст следовал устно-формульной традиции. Возникает закономерный вопрос: какую функцию могло выполнять графическое различие в написании слов в рамках устной поэтической традиции, или оно было случайным?

Действительно, вариации в написании гласных или согласных в древнеанглийских словах — обычное явление. В поэме «Беовульф» орфографическая избыточность представлена большим количеством примеров: *wlonc/wlanc*, *yldum/eldum*, *sellic/syllic*, *maþtun/madmtun* и т. д.

Ученые по-разному объясняют это явление. Известно, что поэму переписывали два человека с разными стилями письма. Стиль первого относился к началу XI века, причем он переписал 2/3 поэмы до 1939 строки. Второй писец, закончивший рукопись, использовал стиль позднего X века (Newton 1994: 2). Различие между двумя переписчиками отражалось и в разнице написания имени главного героя *Beowulf/Biowulf*, так как вариант через *-i-* появляется с 1987 строки. Следует правда отметить, что второй переписчик раза два использовал написание *Beowulf*. Очевидно, что в данном случае мы имеем дело не с орфографической избыточностью, а различной манерой письма.

Существует точка зрения, что различное написание одних и тех же слов могло быть связано с особенной техникой изложения поэмы в устной традиции. Поэма была создана в VII–VIII веках, но записана в конце X века. Можно предположить, что устно-формульная традиция ограничила внесение значительных изменений при записи поэмы. Другими словами, вариативное написание слов могло являться своеобразной подсказкой для древнеанглийского читателя при декодировании написанного текста в устное произведение. Вполне возможно, что чтец, певец текста выделял голосом, интонационно или значительной паузой такие слова, а слушающий воспринимал, понимал и декодировал текст так, как того хотел автор. Со вре-

менем такая информация терялась, но графические подсказки сохранились и дошли до наших дней (O’Keeffe 1990).

К сожалению, современному читателю не всегда удастся правильно декодировать древний текст, увидеть те средства и приемы, которые использовал автор. В данной статье будет сделана попытка объяснить графическую вариативность в написании древнеанглийского слова (*OE*) *gedryht* / *gedriht* в поэме «Беовульф».

Выбор материала для анализа обусловлен рядом причин. Во-первых, поэма «Беовульф», наиболее архаичный дошедший до наших дней древнеанглийский текст, является ярким примером отражения древнегерманской устной поэтической традиции. Во-вторых, др.-англ. *gedryht* / *gedriht* из 27 случаев употребления в корпусе текстов 22 раза встречается в поэзии и только 5 раз в глоссах. В-третьих, наибольшее количество контекстов употребления отмечено в поэме «Беовульф» – 6 случаев из 27, причем это единственная поэма, где представлены оба варианта написания.

По древнеанглийским словарям для *gedryht* / *gedriht* постулируют следующие значения: ‘A host, company, band of retainers’ (Bosworth, DOE n.d.). Для того, чтобы уточнить семантику слова обратимся к этимологическому анализу. *gedryht* / *gedriht* имеет четкую словообразовательную модель: к *dryht* / *driht* прибавляется префикс *ge-* с вероятным значением ‘совместность, коллективность, сходство, имеющие особые отношения’ (Durkin 2011: 100). Сравните: *þaér se góda sæt Béowulf Géata be þaém ge-bróðrum twaém* (Beow. 1190). ‘Беовульф Гаутский сидел рядом с двумя братьями’ (Хредриком и Хродмундом) (пер. Е. Сорокиной).

В свою очередь, *dryht* / *driht* ‘люди, толпа’ восходит к прагерманскому **druhti-* ‘host, retinue хозяин, свита’ (Kroonen 2013: 104) от праиндоевропейского (PIE) корня **dhereugh-* < **dher-* ‘hold, support держать, поддерживать’, ср. рус. *друг, дружина*, лит. *draĩgas* ‘друг’ (Walde 2014: 860). Согласно В. В. Левицкому, развитие семантики от **druhti-* могло проходить по нескольким направлениям «‘быть твердым, прочным’ > ‘надежный, верный’ > ‘друг, товарищ’ > ‘товарищ по борьбе, воин’ > ‘воевать, трудиться’, или ‘быть прочным, твердым’ > ‘сильный, смелый, храбрый’ > ‘воин, товарищ по борьбе’ > ‘воевать, трудиться’. Хорошо известна и обратная связь: ‘труд’ > ‘воинский труд’. Семы ‘дружина’, ‘князь’, ‘свита’ являются вторичными» (Levitsky 1994: 67).

Проведенное ранее исследование на материале готского, древнеанглийского и древнеисландского языков позволило установить, что под прагерманским **druhti-*, вероятно, понимались члены особой социальной группы от 7 до 35 человек, связанные общим видом деятельности (Sorokina 2010: 337).

Логично заключить, что будучи производным от **druhti-* группа *gedryht/gedriht* могла объединять людей с учетом их социальных связей и обязанностей, которые они выполняли. Примем это определение за базовое и проанализируем контексты употребления.

Во всех шести контекстах *gedryht / gedriht* встречается в сочетании с другим существительным, выступая, таким образом, в качестве ядра эпической формулы 'существительное в Р. п. мн. ч. + *gedryht/gedriht*'. Ср.: *æbelinga gedriht*, *eorla gedriht*, *secga gedriht*, *hælepa gedryht*, где *æbelinga* 'знатный', *eorla* 'эрл', *secga* 'муж, воин', *hælepa* 'герой'. При этом считается, что смысл формулы не выводится из суммы значений составляющих ее элементов, но определяется значением ядерного слова (Lord 1994: 82).

По мнению Дж. Д. Найлза в формуле *secga / eorla / hælepa / æbelinga + gedryht* 'отряд мужей, эрлов, героев, знати' в «Беовульфе» сказитель использует слова не из-за их подходящего контекстного значения, а из соображений аллитерации, добавляя, что если бы поэма была в три раза длиннее, то возможно, поэт мог бы использовать и модель типа **mid his gumens gedryht*, **mid his thegna gedryht*, **mid his Geata gedryht* (Niles 1981: 396–399).

Следует особо подчеркнуть, что варьирующиеся слова при ядерном слове не являются синонимами, но и не противопоставляются друг другу. Все они характеризуют эпического героя, подчеркивая его социальный статус. К примеру, Беовульф называется в поэме и *æbeling* (1225), и *eorl* (248), и *secg* (249), и *hæleþ* (1047).

Более того, все контексты, в которых используется *OE gedryht / gedriht* относятся к Хеороту. В Хеороте Грендель напал на спящих (*æbelinga gedriht*), там же Хротгар сидел со своими эрлами (*eorla gedriht*), в пиршественном зале Беовульф поведал о сборах воинов (*secga gedriht*) на помощь Хротгару. Именно в Хеороте Беовульф просил Хротгара разрешить ему вместе с эрлами (*eorla gedryht*) сразиться с чудищем. Из Хеорота выходил Хротгар со своей свитой (*hælepa gedryht*) в покои жены. После победы над матерью Гренделя в Хеороте

Хротгар мог без страха спать со своими воинами (*secga gedryht*).

Действительно, Хеорот в поэме не просто дом для воинов и домочадцев, а сакральное место, символ могущества и богатства Хротгара, своеобразная правительственная резиденция, где празднуются победы, награждаются воины, встречаются гости, обсуждаются важные проблемы. Символизм и сакральность Хеорота предполагает использование некоего ритуала и следование определенным моделям поведения. Не случайно Вульфгар строго в рамках этикета, зная традиции воинства (*cūþe hé dugiðe þéaw*, 359), представляет Беовульфу Хротгару. Более того, в поэме можно выделить целый пласт лексики «для обозначения торжественной, ритуальной речи, которая связывалась с церемониальным характером отношений сюзерена и вассала, вождя и дружинника, хозяина и гостя, стража и пришельца» (Gvozdet'skaya 2016: 176).

Можно предположить, что слово *gedryht* / *gedriht*, являясь ядерной частью эпической формулы, относилось к ритуальным / церемониальным словам, отражавшим стереотипные характеристики группы людей, действовавших в рамках древнегерманских традиций. При этом, графическая вариативность в написании может объясняться или спецификой устно-поэтической техники, особым поэтическим средством, воздействующим на читателя, или нести какую-то смысловую нагрузку, или быть случайной. Для решения исследовательской задачи обратимся к анализу поэмы.

Изучение текста поэмы показало, что все контексты употребления обоих вариантов написания принадлежат первому переписчику, так как встречаются до 1939 строки. Более того, количество контекстов с *gedryht* и *gedriht* распределились поровну, по 3 соответственно.

Начнем анализ слова *gedriht* с эпизода, описывающего первое нападение Гренделя на пиршественный зал.

Gewát ðá néosian syþðan niht becóm / héän húses· hú hit Hring-Dene æfter béorþege gebún hæfdon· fand þá ðaér inne æþelinga gedriht swefan æfter symble sorge ne cúðon wonsceaft wera· wiht unhaélo grim ond graédig gearo sóna wæs réoc ond réþe ond on ræste genam þrítig þegna· þanon eft gewát mid þaére wælfylle wíca néosan (115–125)².

² Все древнеанглийские примеры взяты с сайта <https://heorot.dk/beo-intro-rede.html>

‘Ночью Грендель вышел разведать, сильна ли стража кольчужников датских возле чертога, и там, в покоях, враг обнаружил дружину, уснувшую после пиршества, – не ждали спящие ужасной участи, – тогда, не мешкая, грабитель грозный, тать кровожорный похитил тридцать мужей-воителей, и, с громким хохотом и корчась мерзостно, вор в берлогу сволок добычу, радуясь запаху мяса и крови’ (пер. В. Тихомирова)³.

Жестокая атака Гренделя противопоставлена мирно спящим воинам Хеорота, кровавый банкет (*wælfylle*) чудовища – пиру (*symble*) знатных воинов. При этом, со стороны автора нет никакого осуждения беспечности воинов, заснувших после застолья. Мы чувствуем лишь его сочувствие к несчастным погибшим людям ‘с плохой судьбой’ (*won-sceaft*). Для древнегерманского читателя описанная ситуация была вполне обыденной. Хеорот объединял в себе не только строение и публичное место, но и личное пространство короля, место постоянного проживания его семьи и свиты. Таким образом, спали в пиршественном зале не только воины (*þegn*), но и группа из членов благородных семей (*æþelinga gedriht*). Из контекста ясно, что погибло 30 воинов (*þrítig þegna*). Можно предположить, что погибли не самые близкие, так как Хротгар сидел в печали (*unblíðe sæt*, 130). Совсем другая реакция была на гибель близкого родича Эскхера (1296–1311), которого схватила мать Гренделя (*æþelinga ánne hæfde*), самого любимого героя (*hælepa léofost*) Хротгара, того, кто всегда находился рядом (*on gesíðes háð*), самого дорого тана (*aldorþegn, déorestan*).

Можно сделать предварительный вывод: *æþelinga gedriht* представляла собой группу людей благородного происхождения, возможно членов королевского рода (Abels 2003: 84), которые находились на вассальной службе у Хротгара, но не входили в его ближайший круг, так как гибель всех (или части их) не вызывала бурных эмоций у Хротгара, хотя и сильно опечалила его.

Во втором контексте Вульфгар представляет Хротгару с его эрлами Беовульфа, сообщая о том, что тот желает предложить свою помощь, так как после 12 лет постоянных набегов Гренделя на Хеорот Хротгар (*wæs manna þearf*, 201) нуждался в людях.

---

³ Перевод В. Тихомирова взят с сайта <https://norse.ulver.com/src/other/beowulf/beowulf.html>

Hwearf þá hrædlíce þaér Hróðgár sæt eald ond anhár mid his eorla gedriht· éode ellenróf þæt hé for eaxlum gestód Deniga fréän: cúþe hé duguðe þéaw (356–359).

‘Туда вошел он, где старый Хродгар сидел седовласый **среди придворных**; там, на помосте, перед престолом славного пастыря, пред ликом Хродгара встал Вульфгар’ (пер. В. Тихомирова).

Традиционно в древнегерманском пиршественном зале присутствовало большое количество народа: члены королевского рода, вассалы, воины, гости, барды, слуги. Вероятно, немало среди них было и эрлов, знатных воинов, что подтверждается рядом контекстов. Во-первых, в строках 1232–1240 автор повествования сетует, что многих воинов (*eorla manegum*) ожидает ужасная судьба (*geósceaft grimme*) после пира по поводу смерти Гренделя. Во-вторых, после окончания застолья охранять Хеорот осталось несчетное количество (*unrim eorla*) именно эрлов. Можно заключить, что при первой встрече с Беовульфом Хротгара окружала большая группа эрлов.

Существование пиршественных залов подобных Хеороту подтверждается археологическими данными. По мнению ученых в таком строении могло разместиться большое количество людей. Например, в комплексе домов в Лейре (Lejre, Дания) обнаружен дом ок. 50 м в длину и 8–11 м в ширину, датируемый VI веком, который соотносят с Хеоротом в «Беовульфе» (Niles 2006). Большие размеры зала подтверждаются и строками самой поэмы. Хротгар дарит Беовульфу восемь лошадей (*eahta mearas*, 1035), которых приводят в Хеорот.

Если предыдущие два эпизода относились к воинам Хротгара, то последний случай употребления слова *gedriht* связан с Беовульфом. На пиру, к которому присоединились Беовульф с дружиной, последний рассказывает Вальхтеов о решении воинов Хигелака ехать на помощь Хротгару.

He þæt ful geþeah, wæltreow wiga, æt Wealhþeon, ond þa gyddode guþe gefysed; Beowulf mapelode, bearn Ecgþeowes: Ic þæt hogode, þa ic on holm gestah, sæbat gesæt mid minra secga gedriht, þæt ic anunga eowra leoda willan geworhte oþðe on wæl crunge, feondgrapum fæst (628–636).

‘Чашу воитель принял от Вальхтеов и ей отвечивал жаждущий битвы, молвил Беовульф, сын Эггтеова: «Дал я клятву, когда **с дружиной** всходил на ладью, чтобы плыть за море: или избуду я ваши беды, или сгину в тугих объятьях рук вражьих, – зарок мой крепок! – добуду победу, или окончатся дни моей жизни в этом чертоге!»’ (пер. В. Тихомирова).

Следует особо подчеркнуть, что воины, которые поплыли с Беовульфом, не были его вассалами. Все пятнадцать воинов (*fiftýna sum*, 207), включая Беовульфа, были тэнами короля Хигелака (*Higeláces þegn*, 194). Таким образом, Беовульф был равным среди равных, хотя и самый известным, опытным, но что более важно, старшим по возрасту (*him se yldesta*, 258) среди прибывших. Как старший он выступал в качестве представителя Хигелака. Таким образом, приплывшие с ним воины не находились в вассальной к нему зависимости, хотя были среди них, вероятно, и личные тэны Беовульфа. Так, перед битвой с чудовищем Беовульф передает меч своему оруженосцу (*sealde his hyrsted sweord ...ombihtþegne*, 671–673).

Подведем предварительный итог: анализ контекстов показал, что др.-англ. *gedriht* обозначало группу людей, вероятно, объединенных различными связями: родственными, вассальными, воинскими. Особенностью такой группы являлось то, что объединение складывалось не по принципу личной близости, а скорее всего, по задачам, которые выполняли ее члены.

Более того, тщательное изучение текста «Беовульфа» позволяет предположить, что *gedriht* считалась у древних германцев многочисленной группой. Так, например, количество спящих в Хеороте воинов перед битвой с Генделем описывается как много (*manige*).

geseah hé in recede rinca manige swefan sibbegedriht samod ætgædere (729).

‘Увидел он в зале много воинов, спящую группу **сородичей**, которые собрались вместе’ (пер. Е. Сорокиной).

Из текста поэмы известно, что спать в зале остались только гауты (*sibbe-gedriht*) во главе с Беовульфом. Зная, что к Хротгару прибыло всего 15 гаутов, а одного воина оставили охранять корабль (*batwearde*, 1900), можно заключить, что в Хеороте перед битвой было 14 человек. Таким образом, слово *gedriht* могло обозначать многочисленную группу в 14 и более человек.

Для древних германцев вооруженная группа в 20 человек являлась оптимальной боевой силой, так как средний корабль викингов длиной в 13–15 метров не мог вместить большое количество воинов (Монгайт 1974: 108). Сравните: др.-исл. *Eftir það fór Auður að leita Íslands; hún hafði á skipi með sér tuttugu karla frjálsa* ‘После этого Ауд отправилась искать Исландию. У нее был **корабль с двадцатью мужчинами свободными**’ (Landb. 2, 15: 85).

Рассмотрим оставшиеся три контекста с *OE gedryht*. В первом эпизоде Беовульф просит Хротгара разрешить ему сразиться с Гренделем.

*Ic þe nu ða, brego Beorhtdena, biddan wille, eodor Scyldinga, anre bene, þæt ðu me ne forwyrne, wigendra hleo, freowine folca, nu ic þus feorran com, þæt ic mote **ana** <ond> minra **eorla gedryht**, ond þes hearda heap, Heorot fælsian (426–432).*

‘Доверь, владыка блистательных данов, опора Скильдингов, щит народа, – тебя заклинаю я, прибывший с дальнего берега, – о друг воителей, доверь пришельцам, **мне с моею верной дружиной**, отряду храбрых охрану Хеорота!’

(пер. В. Тихомирова).

Беовульф утверждает, что он один (*ana*) со своими эрлами и храбрыми воинами (*þes hearda heap*) очистит от чудовища Хеорот. Важность использования слова один (*ana*) обусловлено древнегерманской традицией, когда настоящий герой сражается с врагом в одиночку, чтобы бороться за славу (*gylpe wiðgrípan*, 2521) и получить известность (*maérðum fremman*, 2514). Древние германцы верили, что чем удачливее вождь, чем больше у него личных побед и богатства, тем больше везения будет и у его дружины. Основной девиз древнегерманского героя: *þonne hé æt gúðe gegán þenceð longsumne lof ná ymb his líf cearað* (1535–1536) ‘Так врукопашную должно воителю идти, дабы славу стяжать всевечную, не заботясь о жизни!’ (пер. В. Тихомирова).

Действительно, хотя на свой последний бой с драконом Беовульф собирает группу лучших воинов из 12 человек, однако на битву он идет один (*nefne mín ánes*, 2533) .

*Gewát þá **twelfa** sum torne gebolgen / **dryhten** Géata, dracan scéawian (2401–2402).*

‘Пошёл он, всего с ним **двенадцать** (воинов), кипящий от гнева, **вождь** гаутов, увидеть дракона’ (пер. В. Тихомирова).

И только в критический момент, послушавшись приказа, к сражению присоединяется Виглаф, который и убивает дракона. При этом, честь последнего удара, а значит и вся слава, остается за Беовульфом. Таким образом, этот отрывок можно интерпретировать так, что Беовульф собирается защищать Хеорот в одиночку. Для этого не нужно много воинов, достаточно лишь несколько эрлов и тэнов, которые были бы свидетелями его подвига.

Использование в данном контексте *eorla gedryht*, а не *OE gedriht*, по нашему мнению, объясняется тем, что *OE gedryht* могло обозначать не столь многочисленную группу воинов. К такому выводу нас подводит анализ текста поэмы. Действительно, как отмечалось выше, Беовульф приплыл к Хротгару с 14 воинами Хигелака. Среди них, вероятно, были вассалы самого Беовульфа. По крайней мере нам достоверно известно об одном оруженосце (*ombihtpegne*, 673) и об одном эрле (*eorl Béowulfes*, 795). Соответственно, личная его свита была не многочисленной. В начале поэмы указывается, что Беовульф собрал 14 воинов (*seþra*, 206). Очевидно, что не все гауты были эрлами. Не был эрлом погибший от лап Гренделя Хандскио (*Handscio*, 2076), который был просто воином (*seþra*, 2078). Вряд ли эрлами были несколько воинов (*sume þaér bidon*, 400), оставленных охранять доспехи у входа в Хеорот. Как отмечалось выше, среди гаутов был охранник лодки (*batwearde*, 1900).

Таким образом, на аудиенцию с Хротгаром пришли не более 10 человек, а возможно и менее, так как *OE sum* могло обозначать любое число. (см. выше, *twelfa sum*, *fiftýna sum*). Можно предположить, что с Беовульфом была небольшая группа эрлов. При этом, если считать, что у каждого эрла были оруженосцы, то число эрлов могло быть не более 4–6 человек, включая самого Беовульфа. При таких условиях вполне логично, что Беовульф предложил избавить Хеорот от Гренделя самолично, а несколько эрлов (*minra eorla gedryht*) и остальные соплеменники (*hearda heap*) выступили бы свидетелями подвига.

Последние два примера связаны с королем Хротгаром. После пира, перед битвой Беовульфа с Генделем, Хротгар отправляется в покои Вальхтеов.

Ða him Hroþgar gewat mid his hæleþa gedryht, eodur Scyldinga, ut of healle; wolde wigfruma Wealhþeo secan, cwen to gebeddan (662–665).

‘Хротгар вышел, за ним дружина, опора Скильдингов, прочь из зала; возлег державный на ложе Вальхтеов в покоях жениных’ (пер. В. Тихомирова).

Комнаты жены конунга могли находиться как в большом длинном доме, так и в отдельно стоящем строении. Традиционные древнегерманские длинные дома имели несколько отсеков: жилой, пиршественный зал, стойло для скота, которые в

дальнейшем могли разделиться на несколько строений (Khlevov 2019: 87–89). В описываемой ситуации кажется маловероятным, чтобы Хротгара в покои жены сопровождала многочисленная свита. Очевидно, что это были самые близкие его вассалы и слуги.

Последний взятый для анализа контекст описывает разговор Беовульфа с Хротгаром после победы над матерью Гренделя, где он уверяет, что теперь Хротгар может спокойно спать в Хеороте со своей свитой и воинами без страха.

Ic hit þe þonne gehate, þæt þu on Heorote most sorhleas swefan mid þinra secga gedryht ond þegna gehwylc þinra leoda, dugiðe ond iogope, þæt þu him ondrædan ne þearft, þeoden Scyldinga, on þa healfe, aldorbealu eorlum, swa þu ær dydest (1671–1676).

‘За датчан сполна я воздал яррой нечисти и клянусь, что отныне **ты с дружиной**, со старейшинами, с домочадцами сможешь в Хеороте спать бестревожно, ибо адские выходцы, силы дьявольские, твои земли покинули, конунг Скильдингов, прежние скорби не воротятся!’ (пер. В. Тихомирова).

В данном примере, на наш взгляд, следует обратить внимание на глагол *swefan* ‘спать’, который встречается в поэме 12 раз. В шести контекстах в своем прямом значении, а в остальных – в переносном значении ‘умирать’. При этом, в трех случаях слово соотносится с *gedryht* / *gedriht* и его производным, ср.: *æþelinga gedriht swefan* (119), *swefan sibbegedriht, gde sibb родич* (729), *swefan mid þinra secga gedryht* (1672).

Использование в одном контексте этих слов позволяет предположить, что одной из функций, которую выполняли при королях и вождях лица, обозначенные как *gedryht* / *gedriht* была обязанность нести охрану в ночное время. При этом, нельзя исключать и значение ‘тот/те с кем делишь ложе, место для сна’. Действительно, знатные воины, *æþelinga*, не только спали в Хеороте, но и охраняли его. Спящим *sibbegedriht* во главе с Беовульфом Хротгар разрешил охранять и защищать Хеорот от Гренделя. Воины, *secga gedryht*, сопровождавшие Хротгара в покои его жены, охраняли сон короля.

Подведем итоги. Использование в поэме «Беовульф» двух способов написания *OE gedryht* / *gedriht* не является, на наш взгляд, ни орфографической избыточностью, ни особой поэтической техникой. Во-первых, четко прослеживается зависимость написания слова от размера социальной группы, которую оно обозначает. Древнеанглийское *gedryht*, очевидно, использовалось для наименования небольшой группы людей, наиболее

приближенной к королю или вождю, выполнявшей функцию охраны (особенно в ночное время), или спящую вместе в одном месте, помещении. Древнеанглийское *gedriht*, вероятно, обозначало большую по размерам группу воинов, но не столь лично близкую вождю.

Таким образом, *gedryht* / *gedriht* выступало в поэме «Беовульф», во-первых, в качестве ядра эпической формулы и входило в особый церемониальный вокабуляр. Во-вторых, графическая вариативность указывала на смысловое различие между *gedryht* и *gedriht*, что позволяло автору поэмы более точно охарактеризовать группу людей, действующих в стереотипных ситуациях в рамках древнегерманской поэтической традиции.

Очевидно, что для верификации полученных результатов необходимо дальнейшее исследование оставшихся случаев употребления *gedryht* и *gedriht* в древнеанглийском корпусе текстов, что определяет перспективу нашего исследования.

Литература

- Abels, R. 2003: Royal Succession and the Growth of Political Stability in Ninth-Century Wessex. In: Morillo S. (Ed.). *The Haskins Society Journal* 12: 2002. *Studies in Medieval History*, 83–98. doi:10.7722/j.ctt81qkc.9
- Bosworth, J. (n.d.). *An Anglo-Saxon Dictionary Online*. Ed. Thomas Northcote Toller and Others. Retrieved March 25, 2020, from <http://bosworth.ff.cuni.cz/>
- DOE – *The Dictionary of Old English Project, Centre for Medieval Studies, University of Toronto* (n.d.). Retrieved March 23, 2020, from <http://www.doe.utoronto.ca/>
- Durkin, P. 2011: *The Oxford Guide to Etymology*. Oxford: OUP.
- Gvozdetskaya N. Yu. 2016: Formul'nost' i leksikon ritual'noĭ rechi. *Vestnik VolGU. Seriya 2. YAzykoznanie*. 15. No. 4. doi: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.4.17>
- Гвоздецкая Н. Ю. 2016: Формульность и лексикон ритуальной речи. *Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание*. 2016. Т. 15. No. 4.
- Khlevov, A. 2019: *Predvestniki vikingov. Severnaya Yevropa v I–VIII vekakh* [Vikings' forerunners. Northern Europe in I–VIII centuries]. Moscow: Yevraziya.
- Хлевов, А. 2019: *Предвестники викингов. Северная Европа в I–VIII веках*. М.: Евразия.
- Kroonen, G. 2013: *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*. Leiden: Brill. Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series, Vol. 11.
- Levitsky, V. V. 1994: *Sravnitel'no-etimologicheskij slovar' germanskikh yazykov* [Comparative and Etymological Dictionary of German Languages]. Ukraina, Chernovtsy.

- Левицкий В. В. 1994: *Сравнительно-этимологический словарь германских языков*. Украина, Черновцы.
- Lord A. B. L. 1994: *Skazitel' [Narrator]*. Moscow: «Vostochnaya literatura».
- Лорд А. Б. Л. 1994: *Сказитель*. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН.
- Mongait A. L. 1974: *Arkheologiya Zapadnoy Yevropy. Bronzovyy i zheleznyy veka [Archeology of Western Europe: Bronze and Iron Age]*. М.: Nauka.
- Монгайт А. Л. 1974: *Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века*. М.: Наука.
- Newton, S. 1994: *The Origins of Beowulf: And the Pre-Viking Kingdom of East Anglia*. DS Brewer.
- Niles J. D. 1981: Formula and Formulaic System in Beowulf. In J. M. Foley (ed.). *Oral Traditional Literature: A Festschrift for Albert Bates Lord*. Columbus OH. 394–415.
- Niles, J. D. 2006: Beowulf's Great Hall, History Today, October 2006, 56(10): 40–44.
- O'Keefee, K. 1990: *Visible Song: Transitional Literacy in Old English Verse*. Cambridge University Press.
- Smirnitskaya, O. A. 1982: [Anglo-Saxon Poetic Art]. In: Smirnitskaya O. A. (ed.) *Drevneangliyskaya poeziya [Old English Poetry]*. М.: Nauka, 171–232.
- Смирницкая, О. А. 1982: Поэтическое искусство англосаксов. О. А. Смирницкая (ed.), *Древнеанглийская поэзия*. М.: Наука, 171–232.
- Sorokina, E. A. 2010: [Who were pra-German *druht-?]. *Indovevropeskiye vazykoznaniye i klassicheskaya filologiya [Indo-European Linguistics and Classical Philology]* 14, 329–239.
- Сорокина, Е. А. 2010: Кто такие прагерманские *druht-? *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 14, 329–239.
- Walde, A. 2014: *Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen*. Berlin, Walter de Gruyter.

М. В. Яценко
(СПбГУТ им. проф. М. А. Бонч-Бруевича)

ПОЭТИКА ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОГО ХРИСТИАНСКОГО ЭПОСА: ПРИЕМЫ ПЕРЕДАЧИ АЛЛЕГОРИЧЕСКИХ СМЫСЛОВ БИБЛЕЙСКОГО СЮЖЕТА В ПОЭМЕ «ИСХОД»

В статье рассматривается специфика использования стилистических приемов древнеанглийской поэзии для передачи аллегорических смыслов Священного Писания. Автор останавливается на анализе поэмы «Исход», где аллегория прямо не раскрывается, но сам сюжет содержит наиболее очевидные в христианстве аллегорические смыслы. В качестве приемов передачи аллегории словесные тропы использованы редко. Эпическая вариация становилась средством описания символических образов. Многоплановое высказывание, а также последовательное описание событий ветхо- и новозаветной истории в контексте типологических рядов позволяли передавать моральные и мистические смыслы Библии.

Ключевые слова: древнеанглийский христианский эпос, древнеанглийская поэма «Исход», библейская аллегория, стилистические приемы.

M. V. Yatsenko
(Bonch-Bruevch St.Petersburg State University of Telecommunications)

Poetics of the Old English Christian Epic: Means of Conveying the Allegorical Senses of the Biblical Plot in the Poem “Exodus”

The article deals with the problem of stylistic devices conveying the allegorical senses of the Scripture in the Old English poetic paraphrases of the Bible. The poem *Exodus* depicting the story of flight from Egypt and Crossing the Red Sea with widely-known allegorical meanings provides a vivid example of unsolved allegory. The main aim of the article is to find and analyse the function of stylistic devices used to depict the allegorical senses. Having analysed the text of the poem, the author finds the following devices. Epic variation as the device describing one object in different ways is used in some cases to refer to the symbolic figures like the image of the ship for the Christ's Church. Another device is avoiding historical details along with the use of the word allegory or metonymy. The use of the word *heofon* for God or for the host of heaven angels makes angelic world mysterious that provides a more striking impression in the context where devil is deprived of his allegorical names. The description of the Red Sea Crossing as a battle does not contain verbs of action emphasizing the allegorical sense of the scene. The battle being the centre of the poem, the course of narration provides several series of typological figures (Abraham, Noe, Jude, Esau et al.) representing moral vices and virtues. Some cases of typology (Solomon, the Temple, Last Supper, Body

of Christ) are actually anagogical parallels, the mystical sense of which can not be revealed thus it is conveyed using double-sided narration pattern.

Key words: Old English Christian epic, Old English poem *Exodus*, biblical allegory, stylistic devices

Древнеанглийский христианский эпос излагал библейские сюжеты сквозь призму традиции их истолкования, которая на Британских островах имела глубокую историю и была развита на высоком уровне. Толкования Библии были важнейшей составной частью образования. Как пишет Эльфрик, простое знакомство с событиями Ветхого или Нового Завета, без комментариев и разъяснений могло быть опасно для нравственности аудитории (Ælfric 1997: 76–77).

Поэтические переложения Библии играли роль схожую с проповедью, но современные исследования англосаксонской поэтики не дают ответа на вопрос, как поэтический язык этой традиции мог использоваться для истолкования Священного Писания и изложения аллегорических смыслов¹. Один из наиболее ярких текстов христианского эпоса – поэма «Исход», сохранившаяся в единственной рукописи середины X века (Кодекс Юниуса), имеет все черты воинского эпоса, но не содержит прямого упоминания новозаветных реалий. Поэтому присутствие аллегорических смыслов в ней то отрицалось (Irving 1953), то описывалось весьма туманно². Главную задачу данной работы мы видим в том, чтобы прояснить, какие поэтические приемы использовались для передачи аллегорических смыслов.

Понимание истории исхода из Египта и перехода через Красное море как аллегории крещения, а фараона и Египта как аллегорий греха встречается еще в Новом Завете (1 Кор. 10:1–2). Эти аллегорические образы подробно описываются и в комментариях на Послание к евреям у Григория Нисского (Bibleyskie kommentarii 2010: 101) и других авторов. Ветхозаветная Пасха как прообраз новозаветной, а переход через Красное море как прообраз крещения рассматривались боль-

---

¹ Если к началу 1970х годов поднималась проблема наличия символических христианских смыслов в поэтических текстах (Rollinson 1973), то в последних работах широко обсуждается вопрос лишь об их источниках (Fox, Sharma (ed.) 2012).

² Авторы важнейшего исследования данной поэмы отмечали, что символические образы, возникающие в тексте, основывались на неких устойчивых для христианина ассоциациях (Cross, Tucker 1960 со ссылкой на Smithers 1957).

шинством христианских авторов, ср., например, бл. Августин (Bibleyskie kommentarii 2010: 101–102; 105–106), Амвросий Медиоланский (Bibleyskie kommentarii 2010: 107). Непосредственное упоминание Красного моря как аллегории крещения из толкования на Послание к евреям Исидора Севильского почти дословно повторено у Беда Досточтимого (Цит. по: Cross, Tucker 1960: 122). В проповедях Эльфрика неоднократно встречается прямой вопрос о том, чем же может быть Красное море, как не обозначением крещения и крови Христовой (Цит. по: Cross, Tucker, 1960: 122–123)? Каким же образом столь очевидные аллегорические смыслы должны были передаваться в поэтическом переложении?

Мы уже писали о том, что зачин поэмы «Исход» является уникальным, поскольку он содержит элемент метатекста и дает понять, что начинающаяся поэма не только о библейских событиях Книги Исход, но и о том, как их следует понимать, и шире — о том, как следует понимать Священное Писание (Yatsenko 2018), поскольку повествователь, обещая рассказать о «законах Моисея» (Moyses domas (Ex 2³), одновременно излагает не десять ветхозаветных заповедей, а Заповеди Блаженства, изложенные Христом в Нагорной проповеди. Заключение же поэмы, перекликающееся с зачином, говорит прямо о том, что понимание Слова Божия возможно только по воле Бога, открывающего человеческие сердца.

Подобная двуплановость повествования в поэме позволяет акцентировать внимание на многозначности событий Священной Истории. Актуальность этого приема построения текста во многом связана с фигурой пророка Моисея. Он является как важнейшим прообразом Христа (что прочитывается в описании его пребывания в пустыне (Ex 8–32)), так и автором Священного Писания, получившим от Бога скрижали Завета и знание об истории Сотворения мира. Как покрывало скрывало божественное сияние от лица пророка Моисея после принятия им откровения (Исх. 34: 33–35), так и христианские смыслы, по мнению Оригена, Кирилла Александрийского, Григория Великого были сокрыты в текстах Ветхого Завета (Bibleyskie kommentarii 2010: 218–219). В поэме «Исход» обретение Закона и ношение Моисеем покрыва на лице не описывается, однако сам

---

³ Здесь и далее текст поэмы «Исход» приводится по изданию (Irving (ed.) 1953) с сокращением (Ex – Exodus) и указанием номера строки и переводом на русский язык автора статьи.

образ покрыва является наиболее ярким в описании движения евреев по пустыне. При этом облачный столп, известный по Книге Исход, сначала описывается именно как покров, полог, ведущий израильтян по пустыне в дневное время и защищающий их от палящего солнца (Ex 72–78). Далее образ расширяется: «Dægsceades hleo // wand ofer wolcnum. / Hæfde witig God // sunnan siðfæt / segle ofertolden, // swa þa mæstrapas / men ne siðon, // ne ða seglrode / geseon meahon, // eorðbuende / ealle cræfte, // hu afæstnod wæs / feldhusa mæst. //» – «Покров ежедневной (*вар.* дневной) тенью // струился над облаками. / Премудрый Господь // солнцу путь закатный / парусом преградил, // так что корабля оснастки (*вар.* мачтовых веревок) / народ не видел, // и той мачты судовой / узреть не сумели // землежителю / всем своим искусством, // того, как упрочена была / полевая хоромина //» (Ex 79–85).

Эпическая вариация именовании, описывающих покров, здесь объединяет целый ряд образов: дневная тень, парус, оснастка корабля, мачта и дом. Цепочки эпических вариаций в «Беовульфе» предполагали именование одной и той же реалии с разных точек зрения (Brodeur 1991). В «Исходе» связь внутри данной эпической вариации можно понять лишь на аллегорическом уровне через ассоциации с кораблем как символом Церкви. Разъяснение аллегории видим в самом повествовании, в которое вписана данная вариация. Автор сообщает о всемогуществе Бога, который изменяет движение солнца, а также о слабости человеческого понимания: люди не могут понять (*siðon*) и увидеть (*geseon*) небесный корабль, который в конце вариации называется «величайшим полевым домом» (*feldhusa mæst*). Параллель между покровом, описанным струящимся над облаками, и Богом, который ограждает ход движения солнца, создает еще одну смысловую вариацию: как дневной покров, так и Бог выше законов природы. Развивается эта вариация рассказом о людях. То, что они не могут понять устройства небесного корабля, объясняется их земным рождением (*eorðbuende*). Однако, продолжая описание, автор упоминает о крупнейшем земном / полевым доме, что содержит явное противоречие. Объяснить его можно как механическим использованием субстантивного эпитета (*feld-*), так и сжатостью повествования, и стремлением указать на связь этого образа с ковчегом Завета или скинией, которую евреи построят после перехода через Красное море и Синайского откровения. В трактате «О скинии» Беда писал, что она, как и Иерусалимский храм,

отражает положение Святой вселенской Церкви, часть из которой уже правит с Господом на небесах, тогда как другая ее часть странствует по пустыне земной жизни вдали от Бога (Цит. по: Brown, Biggs 2018: 52). Толкование Беды помогает лучше понять цепочку образов, возникшую в «Исходе». Рассмотренная эпическая вариация может быть прочитана как история общения человека с Богом: сначала Он являет себя как сила защищающая, однако пока человек связан с земным миром, он не может познать Бога.

Дальнейшее развитие морских образов паруса и корабля в тексте связывается с идеей послушания воле Божией, следования Его пути (Ex 97–104). Удостоенные Богом славы (Ex 86–87), израильтяне становятся уже не землежителями, а моряками: «*segl siðe weold, / sæmen æfter // foron flodwege. / Folc wæs on salum, //*» – «Парус путь указывал, / мореходы следом // ступили на тропу морскую (*вар.* шли морским путем), / народ был в веселии //» (Ex 105–106). Упоминание корабля в приведенных выше фрагментах соотносимо и с рядом святоотеческих толкований: образ по небу или по ветру плывущего корабля как изображения земной жизни человека находят у св. Климента Александрийского (Цит. по: Uvarov 2001: 195). Св. Иустин, подбирая образы, схожие с крестом, останавливается, прежде всего, на описании корабля, мачты и паруса (Цит. по: Uvarov 2001: 196). Амвросий Медиоланский отмечает, что «Некое деревянное сооружение на корабле – то же, что и крест в Церкви, которая одна сохраняется невредимой среди искусовых и губительных потрясений целого века» (Цит. по: Uvarov 2001: 200). Сквозь призму этих толкований становится ясно, что мачта и парус в описании небесного корабля в «Исходе» не случайно названы «*seglrode*» (Ex 83) (досл. «парусное распятие/ крест»), они обозначают Крест Христов, который является основанием новозаветной Церкви. Он не был доступен пониманию рожденным от земли (*eorðbuende*), но управляет людьми, идущими к морю, т. е. к крещению. В создании аллегорического образа корабля главную роль играет эпическая вариация, основная функция которой – повторное именование одного и того же предмета – здесь расширяется.

Не менее интересным, чем использование эпической вариации, был прием сокращения конкретно-исторических деталей. Один из случаев возникает в самом начале поэмы: «*(feond wæs bereafod), // hergas on helle. / Heofon þider becom, // druron deofolgyld. / Dæg wæs mære // ofer middangeard / þa seo mengeo*

for.» – «Разорён (*вар.* ограблен) был враг, // полчища – в преисподней. / Небо туда отправилось, // рассыпались дьявола капища. / День был прославлен // во граде срединном, / когда тот род вперёд ринулся» (Ех 45–48). Контекст предполагает здесь описание истории египетских казней. Рассказ настолько сокращен и лишен конкретики, что он может относиться не только к каждой конкретной казни, но и ко всей истории спасения евреев в целом. Вариация здесь прослеживается лишь в двух предложениях: «feond wæs bereafod» – «Разорён (*вар.* ограблен) был враг» и «druron deofolgyld» – «рассыпались дьявола капища», которые акцентирует внимание на Египте как центре идолослужения. Эти два предложения показывают, что под врагом разумеется непосредственно дьявол, который был погран как с исходом израильтян и гибелью фараона, так и с пришествием Христа. Язычество, языческие алтари и жертвы как служение дьяволу обозначаются через композит *deofolgyld* и в древнеанглийском переводе «Церковной истории народа англвов» Беды Досточтимого⁴. Таким образом, данный фрагмент, где ветхозаветный сюжет описан весьма обобщенно, мог в глазах англосаксов связываться с историей обретения ими самими христианской веры.

Наибольшее недоумение в этом фрагменте вызывает появление слова «небо» (*heofon*), которое здесь может означать Бога (Irving 1953: 69) и в таком случае являться словесной аллегорией. Аналогичные действия Бога в Египте (разрушение капищ) описаны в пророчестве Исайи (Ис. 19:1–4) о пришествии Спасителя: *Ecce Dominus vehitur super nubem levemet ingreditur Aegyptum; et commovebuntur simulacra Aegypti a facie eius, et cor Aegypti tabescet in medio eius*⁵ «Вот, Господь восседит на облаке легком и грядет в Египет. И потрясутся от лица Его идола Египетские, и сердце Египта растает в нем» (Ис. 19 :1)⁶. Под облаком многие толкователи понимали Богородицу, а само пророчество соотносили с бегством Святого Семейства в Египет (Мф. 2: 13–15). В древнеанглийской же поэме речь идет не об облаке, а о небе, под которым может подразумеваться Бог как небесный Царь. Кроме того, небо здесь может прочитываться и как метонимия, обозначение

⁴ Наиболее яркий пример в истории обращения язычника Койфи (кн. II, глава 13) (Miller 1997: 136).

⁵ Здесь и далее латинский текст приводится по (Biblia 1994).

⁶ Русский текст Библии приводится здесь и далее в синодальном переводе по (Bibliya 2002).

небесного воинства, ангельских сил через именование места, где они пребывают. Небо, небеса в качестве подлежащего в предложении используются в ряде текстов Псалтири⁷, но в древнеанглийской поэзии такое употребление крайне редко. Небо (heofon) употребляется чаще всего в пространственном значении, в том числе, в поэмах «Бытие» и «Христос и Сатана», где именно небесное воинство является одной из действующих сил. Таким образом, символическое прочтение всего сюжета исхода из Египта в данном фрагменте обеспечивается снятием конкретно-исторических деталей, а также игрой со словесной аллегорией: дьявол обозначен как враг и как бы лишен естественного в данном контексте аллегорического словесного именованья «Египет» или «фараон», Бог же или ангельские силы названы через троп (аллегория или метонимию) (heofon), что как бы скрывает их от прямого прочтения непосвященными.

Таким образом, традиционное в аллегорической традиции соотнесение Египта с грехом и дьяволом возникает уже в самом начале поэмы. Основную же часть поэмы, описывающую сражение, можно понимать как аллегория битвы с грехом. Подобного рода сюжет изложен в поэме Пруденция «Psychomachia» (рус. перевод «Душеборение»), которая была одним из учебных текстов англосаксов (Lapidge 1985). В «Исходе» описание битвы содержит традиционную для германцев специфику: появляются звери и птицы битвы – волк и ворон (Ex 162–166) (Hall 1990). Затем следует развернутое описание приготовления двух воинств к сражению, а также две речи Моисея. Первая из них является призывом не бояться египтян и довериться воле Божией (Ex 259–275), вторая описывает разделение вод Красного моря и призывает израильтян спешно пройти по дну моря (Ex 278–298). Не совсем понятно, каким образом аудитория поэмы, ожидающая рассказа о военном сражении, должна была воспринимать следующее далее описание практически бегущих от битвы израильтян. Очевидно, что перед автором стояла непростая задача: и соблюсти требования жанра с его воинской атрибутикой, и не погрешить против истины. Потому рассказчик сообщает, что первое колено Иуды шло по направлению к битве: «*ƿracu wæs on ore, // heard handplega, / hægsteald modige // wæpna wælslihtes, / wigend unforhte, // bilswaðu blodige, /*

---

⁷ Например: «Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь» (Пс. 18:2), лат.: *Caeli enarrant gloriam Dei, et opera manuum eius annuntiat firmamentum* (Ps. 19:2)

beadumægnes ræs, // grimhelma gegrind, / þær Iudas for. //» – «Атака была впереди, // жестокая рукопашная схватка, / воины отважны, // битвы орудия, / бойцы бесстрашны, // следы от ран кровавы, / воинской силы атака, // шлемов столкновение, там, куда Иуда первым пошел.» (Ех 326–330). Описание битвы обретает аллегоричный характер за счет отсутствия глаголов. Данный синтаксический блок организован по принципу присоединения однородных именных словосочетаний (по большей части прилагательных с существительными), к глаголу-связке wæs. Вместо действия описываются состояния, вместо динамичной картины боя создается статичная картина присутствия его атрибутов.

В описании движения израильтян по дну Красного моря предпринята попытка передачи аллегорических смыслов. Автор начинает перечислять колена израильского рода: подобное перечисление встречаем в рассказе о переходе евреев через Иордан (Нав. гл. 3–4). За счет этого прочитывается типологическая близость двух эпизодов, связанных с водной стихией и чудесным спасением. Описание отдельных колен израильского рода позволяет использовать и аллегорические образы: колено Иуды идет в сопровождении символического атрибута – золотого льва, являющегося одним из символов Христа.

Наиболее значительным способом передачи христианских аллегорических смыслов становится в описании битвы пространная дигрессия, посвященная истории праотцев Ноя и Авраама (обычно данный фрагмент (Ех 362–446) именуют «Исход Б») (Hauer 1981). Эпический жанр предполагал передачу содержания текста и внутреннего смысла за счет целесобразности повествования, наличия в нем внутренней закономерности (Aristotel' 1978: 124–126). В «Исходе Б» внутренняя закономерность определяется аллегорической семантикой сюжетов и их типологическим соотношением. Так, описание трех движущихся по дну моря колен израильских: Иуды (Ех 310–330), Рувима (Ех 331–339) и Симеона (Ех 340–345) – содержит упоминание об их прародителях. Далее Моисей сообщает своему народу и об их общем прародителе Аврааме, получившем право на владение вотчиной (Ех 353–358), т. е. на Землю обетованную. Углубляясь в предысторию, повествователь сообщает о Ное и строительстве им ковчега (Ех 362–376). Далее вновь говорится об Аврааме (Ех 380–385), о его жизни в изгнании. Этот рассказ о праотцах выглядит более или менее оправданным с точки зрения героической правовой парадигмы. Право

израильтян на Землю Обетованную подтверждается тем фактом, что ею владели их прародители⁸. Однако внимательное рассмотрение рассказа об этих родственниках показывает всю противоречивость такого объяснения. В связи с Иудой упоминается история утраты первородства Исавом, затем Рувим упоминается как утративший свое первородство (по книге Бытия из-за сожителства с наложницей своего отца). Эти два момента акцентируют внимание на идее греховности прародителей и утраты ими первородства, что отчасти может быть перенесено и на весь израильский народ. Акцент на Аврааме как прародителе всего народа заставляет вспомнить и евангельские слова, обращенные Христом к иудеям, которые поставили свое родство с Авраамом выше, чем родство с Богом: «если бы вы были дети Авраама, то дела Авраамовы делали бы» (Ин. 8: 36). Очевидно, что указания на утрату первородства, а также на праведность Авраама должны были акцентировать моральные смыслы излагаемых событий.

Далее в повествовании аллегорические смыслы передаются при помощи своего рода загадки, периода, соотносимого сразу с несколькими моментами Ветхого и Нового Завета: «Haliges hæsum; / heahlond stigon // sibgemagas, / on Seone beorh. // Wære hie þær fundon / (wuldor gesawon), // halige heohtreowe, / swa hæleð gefrunon. //» – «По повелению священному/ на кручу взобрались// сородичи, / на гору Сионскую.// Завет они там обрели, / славу узрели, // святой договор, / что воины ведали» (Ex 385–388). Данный фрагмент предполагает целый ряд трактовок. Первая из них связана с сюжетом Книги Исход. Варьирование здесь наименований договора, завета дает основания соотносить данный момент с (1) историей обретения Завета на горе Синай, где, однако от лица всего народа действовал один пророк Моисей. Не менее вероятна и близость данного эпизода с (2) моментом после перехода через Иордан, когда на горе Гаризим / Гаризин по приказанию Моисея происходило ежегодное чтение Завета при всеобщем собрании (Втор. 27: 12; Нав. 8: 33–35). Возможно, что это (3) аллюзия на Нагорную проповедь (Мф. гл. 5–7), которая состоялась при большом скоплении народа. Другой важной новозаветной параллелью можно

---

⁸ Сам факт знания своих предков мог давать такое право, как можно судить по эпическим песням германцев. Например, в «Песне о Хюндле» («Старшая Эдда») перечисление предков призвано помочь главному герою получить свое наследство (Gurevich 1976).

назвать (4) Преображение на горе Фавор. Однако конкретное наименование горы Сионом в данном случае дает основания и для двух других трактовок. Возможно, это рассказ об (5) обретении израильтянами Земли обетованной, которую иногда называют Сионом. Или (6) указание на Сионскую горницу, где произошла Тайная вечеря и собрание апостолов обрело уже Новый Завет. Трактат Беды Досточтимого «О святых местах» подтверждает, что гора Сион была известна англосаксам как центр мира, место Тайной вечери и бичевания Христа (Beda 2017: 827–829). Однако эти подробности в данном фрагменте поэмы «Исход» не упомянуты, а само повествование многопланово. Приведенные варианты истолкования собственно и являются типологическими параллелями к эпизодам Священной истории, связанным с идеей обретения Завета. Таким образом, типологические смыслы присутствуют здесь уже не как последовательно излагаемые сюжеты, но как аллюзии.

Далее образ горы продолжает быть ведущим в повествовании, обретая другие детали: «*ƿær eft se snottra / sunu Dauides, // wuldorfæst cyning, / wigan larum // getimbrede / tempel Gode, // alh haligne, / eorðcyninga // se wisesta / on woruldrice, // heahst and haligost, / hæleðum gefrægost, // mæst and mærost, / ƿara ƿe manna bearn, // fira æfter foldan, / folmum geworhte.*» – «Там тот мудрый / сын Давидов, // конунг, славу стяжавший, / по советам пророка // устроил / храм Господень, // церковь священную / из конунгов мира сего // наимудрейший, / в царстве земном // возвышенный и святейший, / воинам известнейший, // величайший и знатнейший (*вар. могущественнейший*) / из всех мужей сынов, // для людей на земле (*досл. людям после земли*) / руками сработал.» (Ех 389–396). Рассказ о строительстве неким «сыном Давида» своими руками храма не имеет (как и предыдущий пассаж) точного соответствия, хотя бы потому, что родной сын Давида (Соломон) строил иерусалимский храм силами многих людей. Однако само повествование, безусловно, заставляет вспомнить именно о нем. Именование «сын Давида» относится здесь и ко Христу, Которого называли так люди, уверовавшие в Его божественную природу по внушению свыше и получившие после этого исцеление. Это слепые (Мф. 9 :27; Мф. 20 :30–31; Мк. 10 :47–48; Лк. 18: 38–39), хананеянка, дочь которой была одержима бесом (Мф. 15: 22), а также люди, встречавшие Его при Входе в Иерусалим (Мф. 21: 9). Грамматическая специфика эпической вариации (использование ряда прилагательных в превосходной степени) вполне конкретным образом передает

понимание аналогии, то есть «возведения к высшему смыслу», как особого приема выстраивания типологических параллелей. В данном случае имеет место еще и смешение двух параллельных рядов вариации: серия прилагательных в превосходной степени может относиться как к «сыну Давида», так и к Храму, который он построил. Это непосредственно вызывает ассоциации с историей сравнения Христом Своего Тела с Храмом (Ин. 2: 19–21). Известно, что «призыв» разрушить иерусалимский Храм был одним из главных аргументов обвинителей Христа. Очень рано в христианской традиции Церковь (как сообщество верующих) стала идентифицироваться с Телом Христа (Кол. 1: 24). Упоминание же о том, что «сын Давида» построил Храм своими руками, может истолковываться не только как ответ на обвинения, предъявленные Христу, но и как аллюзия на историю сотворения мира и человека, в том числе, человеческого тела. В др.-англ. «Гимне Кэдмона» – кратком тексте о Сотворении мира – используются выражения, схожие с приведенным выше фрагментом «Исхода»: «*eci dryctin, / æfter tiadæ // firum foldu, / frea allmectig. //*» – «предвечный Господь / затем сотворил // землю людям, / Господь Вседержитель //»⁹. В поэме «Исход» словно бы продолжается данная история, т. е. говорится не столько о сотворении мира для человека, но о даровании ему Храма и таинства Тела Христова.

Таким образом, в поэме «Исход» повествовательные приемы ретардации и дигрессии используются для создания многосложной аллегорической параллели, разгадывание которой позволяет усвоить приемы истолкования библейского текста. Первый ряд составляют Иуда и Исав, Рувим и Авраам, причем автор осуждает их действия с точки зрения морали. Второй ряд: строительство Ноем ковчега и жертвоприношение Авраама, – напротив, дает пример праведной жизни и верности Богу. Вместе эти ряды типологических образов выстроены вокруг моральных смыслов Писания. Далее типологические ряды выстраиваются по принципу аналогии. При этом они уже не развертываются во времени, а наслаиваются друг на друга. Первый ряд: переход через Красное море и переход через Иордан, принятие скрижалей Завета и их публичное чтение, Нагорная проповедь и Тайная вечеря. Заключительная группа вся имеет непосредственное отношение к Христу: сын Давида, Соломон как мудрый

⁹ Текст «Гимна Кэдмона» приводится по изданию (Dobbie (ed.) 1942) с переводом на русский язык автора статьи.

царь, строительство Храма. Такое наложение друг на друга образов и создание многопланового повествования, вероятно, не представляло для англосаксов сложности для понимания. В трактате Беды Досточтимого «О схемах и тропах Священного Писания» (Beda 1850: 184–186) в разделе об аллегории и разных ее видах приводится среди прочих примеров обозначение Иуды как льва (Быт. 49). В финале этого раздела Беда перечисляет основные виды аллегорических смыслов, которыми обладают образы, упомянутые в «Исходе»: Церковь, Храм Соломона, Тело Христово и душа человеческая. Использование этого трактата англосаксами при обучении истолкованию Священного Писания безусловно наложило определенный отпечаток и на создателя «Исхода», который в рассмотренном нами фрагменте стремился поэтическими средствами передать аллегорические смыслы ключевых образов христианства.

Таким образом, передача аллегорических смыслов (т. е. смыслов Библии в самом общем плане отличных от смысла буквального) в поэме «Исход» происходила за счет использования средств построения эпического высказывания. Прежде всего, это повествовательность. Древнеанглийский поэт не переходит к размышлениям и экзегетическим выкладкам, он всегда излагает конкретные события, но логика их соединения между собой обусловлена традицией истолкования смыслов Писания. В силу почти полного отсутствия в древнеанглийском поэтическом языке такого приема как сравнение, типологическая близость образов в поэтическом тексте передается другими средствами. На уровне построения высказывания наиболее продуктивной была эпическая вариация, которая предполагала именование одного объекта разными средствами, а в христианском эпосе она позволяла описывать символические образы. Так, развивая описание облачного столпа, автор именует его и покровом, и парусом, и частью корабля. При этом цепочка вариации описывает не зримый объект, а символический образ Церкви. Другим приемом построения высказывания было сокращение конкретно-исторических деталей. Наряду с этим использовался и прием последовательного описания типологически связанных образов и сюжетов. В ряде случаев типология при этом совмещалась с аналогией. На словесном уровне использование тропов было не таким распространенным (например, использование метонимии «небо» для обозначения небесного воинства). Многоплановость повествования была еще одним приемом передачи аллегорических смыслов: описание

горы, на которую взобрались воины для обретения Завета, и ее именование Сионской предполагает аллюзию сразу на несколько событий Ветхого и Нового Завета. За счет объединения последовательности типологических рядов происходила передача как морального, так и высочайших таинственных смыслов Писания, которые не могли быть названы буквально.

Литература

- Ælfric 1997: Ælfric's Preface to Genesis. In: Crawford S. J. (ed.). *The Old English version of the Heptateuch. Ælfric's treatise on the Old and New Testament and his preface to Genesis*. Early Engl. Text Society. Or. Ser., No. 160, 76–80.
- Aristotel' 1978: [Poetics. Translated and Commented by M. L. Gasparov] In: *Aristotel' i antichnaya literatura [Aristotle and the Literature of Antiquity]* (ed. M. L. Gasparov). Moscow: Nauka Publ, 111–163.
- Аристотель 1978: Поэтика. Пер. и примеч. М. Л. Гаспарова. В сб.: *Аристотель и античная литература*. Отв. ред. М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 111–163.
- Beda [Bede the Venerable] 2017: [On the Saint Places]. In: Nenarokova M. R. (ed.). *Vozlyublyu slovo kak blizhnego: Uchebnyy tekst v pozdnyuyu Antichnost' i rannee Srednevekovye: issledovanie sostava shkol'nogo kanona III–XI vv.: sb. nauchnykh statey i perevodov*. [Nenarokova M.R. (ed.). *I will Love the Word as my Neighbour: Textbooks in the Late Antiquity and Early Middle Ages, the Study of the School Canon of III–XI cent.: a Collection of Scientific Articles and Translations*]. Moscow: Indrik, 825–842.
- Беда Досточтимый 2017: О святых местах. В сб.: *Возлюблю слово как ближнего: Учебный текст в позднюю Античность и раннее Средневековье: исследование состава школьного канона III–XI вв. Сб. научных статей и переводов*. Под общей редакцией М. Р. Ненароковой. М.: Индрик, 825–842.
- Beda Venerabilis 1850: De schematis et tropis Sacrae Scripturae Liber. In: Migne J. P. (ed.) *Patrologia Latina Cursus Completus*, 90, 175–186.
- Bibleyskie kommentarii 2010: Lindhard D. T., Kul'kova N. A., Kozina S. S. (ed.). [Biblical Commentaries of the Church Fathers and other Authors of I–VIII cent. Old Testament. Vol III. Books Exodus, Leviticus, Numbers and Deuteronomy]. Tver',
- Библейские комментарии 2010: Линдхард Д. Т., Кулькова Н. А., Козина С. С. (ред.). *Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Ветхий Завет. Том III: Книги Исход, Левит, Числа, Второзаконие*. Тверь.
- Biblia 1994: – Biblia Sacra iuxta Vulgatam versionem / Adiuvantibus: B. Fischer et al. recensuit et brevi apparatu critico instruxit: Robertus Weber. Ed. 4. emendatam. Stuttgart.
- Bibliya 2002: [Bible. Books of the Holy Scripture of the Old and the New Testaments (in Russian translation with parallels and appendices)]. Moscow

- Библия 2002: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета (в русском переводе с параллельными местами и приложениями). М.
- Brodeur, A.G. 1991: Variation. In: Fulk R. D. (ed.). *Interpretations of Beowulf. A Critical Anthology*. USA, 66–87.
- Brown, G., Biggs, F. 2018: Bede. Part 2. In: Wright Ch. (ed.). *Sources of Anglo-Saxon Literary Culture Ser.* Amsterdam.
- Cross, J. E., Tucker, S. I. 1960: Allegorical Tradition and the Old English Exodus. In: *Neophilologus*, 44, afl. 2, 122–127.
- Dobbie, E. van K. (ed.) 1942: *The Anglo-Saxon Poetic Records. A Collective Edition VI. The Anglo-Saxon Minor Poems*. New York.
- Fox, M., Sharma, M. (ed.) 2012: *Old English Literature and the Old Testament*. University of Toronto Press.
- Gurevich, A. Ja. 1976: [Popular Theology and the People's Religion in the Middle Ages] In: *Iz istorii kul'tury Srednih vekov i Vozrozhdeniya* [From the History of Culture of Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, 65–91
- Гуревич, А. Я. Популярное богословие и народная религиозность Средних веков. В сб.: *Из истории культуры Средних веков и Возрождения*. М., 1976, 65–91
- Hall, J. R. 1990: Exodus 166b, cwyldrof; 162–67, the Beasts of Battle. In: *Neophilologus*, 74, N 1, January, 112–21.
- Hauer, S. R. 1981: The Patriarchal Digression in the Old English Exodus, Lines 362–446. In: *Studies in Philology. Texts and Studies*, 78, N 5, 77–90.
- Irving, E. B. Jr. (ed.) 1953: *Exodus: Old English Exodus*. Ed. with Intr., Notes and Glos. New Haven.
- Lapidge, M. 1985: Surviving Booklists from Anglo-Saxon England. In: *Learning and Literature in Anglo-Saxon England*. Lapidge M., Gneuss H. (ed.). Cambridge, 33–89.
- Miller, Th. (ed.) 1997: Old English version of Bede's Ecclesiastical history of the English people. Ed. with translation and introd. In: *Early English Text Society. Or. Ser. No. 95–96. 2 Pts. Pt. 2*, Oxford.
- Rollinson, Ph. B. 1973: The influence of Christian doctrine and exegesis on Old English poetry: an estimate of the current state of scholarship. In: *Anglo-Saxon England*, 2, December, 271–284.
- Uvarov, A. S. 2001: [Christian Symbolism. Part I. Symbolism of the Earliest Christian Period]. Moscow, Saint-Petersburg
- Уваров А. С. Христианская символика. Часть 1. Символика древнехристианского периода. М.; СПб., 2001.
- Yatsenko, M. V. 2018: Narrative Strategies of the Old English Christian Epic (on the beginnings of the Codex Junius poems). In: *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European linguistics and classical philology], 22, 1454–1466.
- Яценко, М. В. 2018: Нарративные стратегии древнеанглийского христианского эпоса (на материале зачина в поэмах Кодекса Юниуса). *Индевропейское языкознание и классическая филология*, 22, 1454–1466.

В. А. Бондарь
(Санкт-Петербургский государственный университет)

ОТ РЕЗУЛЬТАТИВА К ПЕРФЕКТУ: ИЗ ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОГО ПРЕДПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

В статье представлен семантико-синтаксический анализ конструкций *habban+причастие II* и *hæfdon+причастие II* на материале выборки из древнеанглийского и среднеанглийского корпусов прозаических текстов. Основное внимание уделяется механизмам, способствовавшим переходу семантики *hæfdon+причастие II* от результативной к перфектной. Исходным является тезис, продемонстрированный на широком материале в ряде исследований, согласно которому конструкция обладала стательной-результативной семантикой и обозначала состояние субъекта, одновременно выступающего в роли агенса. На основании предложенной Б. Хайне (Heine, B. 2002) схемы развития языковым выражением нового грамматического значения выделяются связывающие контексты, в которых возможна двойственная трактовка семантики конструкции (стательной-результативная и перфектная), а также контексты переключения, допускающие исключительно перфектную интерпретацию. В качестве контекстов переключения в древнеанглийском выступают темпоральные предложения, выражающие последовательность двух действий и контрфактуальные предложения в среднеанглийском. Анализ данных показывает, что такой сценарий развития характерен скорее для предпрошедшего времени, которое маркирует чистый таксис, чем для презентного перфекта.

Ключевые слова: перфект, результатив, синтаксис, грамматикализация, древнеанглийский, среднеанглийский.

V. A. Bondar'
(St. Petersburg State University)

From resultative to anterior: on the history of English past perfect tense

The paper aims to explore the semantic and syntactical environment of the constructions *habban+PP* and *hæfdon+PP* based on the data collected from Old English and Middle English corpora of prose texts. The main emphasis is made on mechanisms which contributed to the transition of the semantics of *hæfdon+PP* from resultative to anterior. The starting point is a statement, which has been demonstrated on an ample material in a series of studies, that the construction in question possessed a state-resultant semantics and was used to express a state of the subject which simultaneously played the role of agent. Applying the scheme, proposed by B. Heine (Heine, B. 2002), of how a linguistic expression acquires a new meaning, first, bridging contexts were identified where interpretation of both state-resultant and anterior semantics was available, and secondly, switch contexts were found where the target (new) meaning was the only one possible. The latter contexts are represented by temporal clauses in Old

English and counterfactual ones in Middle English. The analysis shows that the outlined scenario can be applied to the development of the past perfect, which marks pure taxis, rather than to the present perfect.

Key words: perfect, resultative, syntax, grammaticalization, Old English, Middle English.

В рамках теории грамматикализации перфект развивается из сочетания лексически однозначных единиц, а именно, посессивного глагола и второго причастия вследствие их реинтерпретации в ходе метафорического или метонимического переноса (Brinton 1988; Bybee et al. 1994; Hopper, Traugott 2003). Как отмечает Т. Макфадден, если в латинском *in ea provincia pecunias magnas collocatas habent*, что соответствует современной английской результативной конструкции *They have a lot of capital invested in that province*, глагол *HABENT/HAVE* сохраняет свое лексическое значение «иметь, держать», то до перфектного прочтения данного контекста остается «всего лишь небольшой скачок» (*only a short jump*), поскольку если кто-то обладает инвестированным капиталом (*has capital invested*), то это означает, что в прошлом в определенное время он этот капитал поместил (*has invested the capital*) (McFadden 2007: 699-700). Несмотря на верность данных теоретических постулатов, касающихся трансформации результата в перфект (реинтерпретация, метафорический/метонимический перенос, десемантизация посессивного глагола и т. д.), все же остается один важный вопрос: каким образом происходит «скачок», о котором говорит Т. Макфадден?

К. Кэри, исследуя механизмы такого «скачка», предложила гипотезу поэтапного развития антериорного значения. Конструкция *habban+причастие II*, по ее мнению, в большинстве случаев обладала результативно-статальной семантикой. Автор работы выделяет два вида конструкций: *Resultant State Object (RS-Obj)*, объектно-результативно-статальная и *Resultant State Process (RS-Proc)*, процессно-результативно-статальная.

(1) [Or_6:37.156.6.3314] ...þa þa ge **hiene gebundenne hæfdon**, & hiene sifþan atugon... — тогда они его **связали** (они его **связанным держали**) и его затем потащили...

(2) [ÆHom_8:50.1194] We **habbað nu gesæd** sceortlice on Englisc **þis halige godspell** ... — Мы кратко **рассказали о свяшенном Евангелии** на английском...

В (1) представлена объектно-результативно-статальная конструкция, которая обладает свойствами конструкции с вторичной предикацией, проявляет следующие характеристики: при-

частие является обязательным аргументом посессивного глагола, подлежащее (субъект) контролирует состояние объекта, т. е. проявляются статальные отношения между объектом и конечным состоянием процесса, а сам посессивный глагол не может выражать значение непосредственного обладания или владения. В (2) мы видим процессно-результативно-статальную конструкцию, в которой подлежащее всегда агенс, а причастие является скорее активным и глагольным, чем пассивным и адъективным. На это, в частности, указывает употребление наречия образа действия *sceortlice* (Carey 1994: 33–34, 37).

В подавляющем большинстве случаев в древнеанглийском можно наблюдать использование конструкции второго типа, в которой фокус уже смещен с состояния объекта на состояние субъекта, наступившее при завершении действия (Carey 1994: 38).

Конструкции с глаголами, выражающими действие, направленное на внешний объект, едва ли могли подвергнуться конвенционализации и стать переходной ступенью в развитии перфектной (антериорной) семантики. К данным контекстам по-прежнему применима объектная интерпретация, поскольку в фокусе может находиться состояние объекта в результате выполненного над ним действия. При этом подлежащее предложения и агенс могли не совпадать. Более того, как указывает У. Детгес, переход от результата к перфекту не происходит сам по себе, но полностью зависит от дискурсных стратегий говорящих, которые используют риторический потенциал результата для достижения определенного эффекта (Detges 2000: 366). Важную роль для такого перехода, по мнению К. Кэри, сыграли глаголы интеллектуально-сенсорной деятельности и глаголы говорения и восприятия, поскольку в их семантике выражается действие, направленное на сам субъект: субъект находится в состоянии завершенности выполненного им самим действия.

(3) [Bo:29.67.12.1250] *Hu licað þe nu se anwald & se wela, nu ðu **gehered hæfst** þæt hine mon nawðer ne butan ege habban ne mæg ne forlætan ne mot, þeah he wille?* — Как нравится тебе власть и слава теперь, когда ты **услышал**, что ею нельзя ни обладать без страха, ни отказаться от нее, даже если хочешь?

В (3) контекст позволяет интерпретировать соответствующее результирующее состояние в широком смысле, т. е. следует говорить не о том, что субъект находится в состоянии «*услышанности*», но, скорее, в состоянии получения нового опыта

(знания) как результата предшествующего (антериорного) действия восприятия (Carey 1994: 62).

Однако данные глаголы не только способны указывать на состояние субъекта, но акцентировать значимость непосредственного дискурса, что уже является одной из неотъемлемых характеристик перфекта. Дальнейший переход к антериорной семантике совершился, с точки зрения автора, в итеративно-дуративных контекстах, в которых как раз и фокусируется отношение не между действием и вытекающим из него состоянием субъекта, но между действием и каким-либо аспектом текущей дискурсной ситуации (Carey 1994: 23–84).

В нашем исследовании мы исходим из предположения, что древнеанглийский материал представлен в большинстве случаев конструкцией со статально-результативной семантикой, с посессивным глаголом как в настоящем, так и в прошедшем времени: *habban+причастие II* и *hæfdon+причастие II*. На то, что *hæfdon+причастие II* следует рассматривать как прошедшие стативы (past statives), указывается в Aristar and Dry (1982: 5 et passim). По мнению авторов, в данной конструкции, следуя временной логике Г. Рейхенбаха, время события (ET) и время референции (RT) совпадают, в то время как в современном английском прошедшем перфекте (past perfect) расположение времен события, говорения и референции распределены следующим образом: E — R — S. Следовательно, до определенного этапа, можно утверждать, развитие статальной семантики в *habban+причастие II* шло параллельно аналогичной конструкции *hæfdon+причастие II*. Но необходимо принимать во внимание тот факт, что в современном английском языке перфект и все связанные с ним трудности в интерпретации функционально-семантических характеристик ограничиваются презентным перфектом, прошедший же перфект маркирует чистый таксис, указывая на завершение действия и результат, вытекающий из предшествования одного прошедшего события по отношению к другому (Plungian 2011: 269). При этом, возникает вероятность того, что диахронически переход от результата к перфекту в предпрошедшем времени происходил иначе и следовал несколько иным принципам, чем презентный перфект.

В данной статье мы рассмотрим контексты, в которых употреблялась конструкция *hæfdon+причастие II*, на материале выборки, полученной из синтаксически размеченного корпуса древнеанглийских текстов *The York-Toronto-Helsinki Parsed*

Corpus of Old English Prose (YCOE) и сравним ее с примерами из корпуса среднеанглийских текстов *Penn-Helsinki Parsed Corpus of Middle English (PPCME2)*.

Как отмечал В. П. Недялков, в рамках посессивного результата может происходить расширение лексической базы конструкции, когда «субъект помещает объект не на свое тело, но где-нибудь в другом месте, доступном для субъекта или принадлежащем субъекту...» (Nedjalkov 1983: 17). В таком случае роль субъекта как носителя состояния может ослабевать и усиливаться роль деятеля. Таким образом, данный вид результата выступает в роли промежуточного звена к переходу от результата к перфекту (*ibid.*). Однако важным может быть не только лексическое наполнение результата, но и сам контекст, в котором он употребляется. В нашей выборке, мы считаем, что, несмотря на потенциал к переходу в перфект, которым обладал результатив, образованный от глаголов говорения, ментальной (интеллектуально-сенсорной) деятельности, примеры с данными глаголами, употребленными одновременно с объектом, следует исключить из анализа.

(4) [LS_1.2_[AndrewMor[B1Hom_19]]:229.24.2936] & mid þu be he þis gebed se eadiga Matheus **gecweden hæfde**, mycel leoht & freabeorht onlyhte þæt carcern. — и как только он эту молитву, святой Матфей, **произнес**, обильный яркий свет осветил темницу.

Как мы отметили ранее, в рамках гипотезы К. Кэри, семантику конструкции в подобных контекстах, скорее всего, следует интерпретировать как процессно-результативно-статальную. Однако не исключено, что в фокусе такой конструкции может находиться состояние объекта, над которым субъект произвел определенное действие — «как только у него молитва прочтена». Соответственно, чтобы избежать подобных двусмысленных контекстов, мы убрали из нашего анализа все примеры, в которых любые глаголы, особенно ментальной деятельности и говорения предполагают выполнение действия субъектом, но не исключают наличие объекта и, следовательно, направленности действия и на него. Сюда мы также отнесли случаи использования сентенциальных объектов, выраженных союзами, а также наречиями образа действия такими как *swa*, *þus* «так», «таким образом» и т.д.

(5) [ÆHom_28:75.4049-4050]& se munuc gewende to þam westene eft, **hæfde þa gesawen** swa swa he sylf gewilnode. — и

затем этот монах пошел в пустыню, тогда **увидел** он, так как он сам хотел.

(6) [HomS_26_[BlHom_7]:93.206.1226] Nu is eal gesyne þæt we ær **behýded hæfdon**. — Теперь всем видно, что мы ранее **скрывали**.

(7) [Gen:49.32.2160] & þa he þus **gesprecen hæfde**, he feold his fet uppan his bed... — и когда он таким образом **сказал**, он поместил ноги на ложе...

В (5) и (6) союзы *swa* и *þæt* вводят объект, в роли которого может гипотетически выступать целая клауза. Анализируя древневерхненемецкие примеры, аналогичные (5) И. Ларссон отмечает, что наличие прономинального наречия, соответствующего современному английскому *so* «так, таким образом» и отсутствие четких примеров употребления непереходных глаголов в связке с *HAVE*, делают глаголы в подобного рода контекстах переходными. Отсюда возникает возможность двоякого прочтения семантики анализируемой конструкции (Larsson 2009: 120). Таким образом, в фокусе нашего анализа будут контексты с непереходным употреблением глаголов: конструкция с такими глаголами, однако, по-прежнему сохраняет процессно-результативно-статальную семантику.

(8) [ÆCHom_II_26:215.71.4754] Se ðridða cwæð; Ic **hæbbe** nu **gewifod**. — Третий ответил: я теперь **женат**.

В (8) перед нами субъектный результатив, который указывает на то, что субъект пребывает в состоянии, наступившем в результате им же самим выполненного действия. В отличие от перфекта, в котором акцент на совершенном действии связан с моментом говорения важностью результатов самого действия, в нашем примере основное внимание сосредоточено на характеристике состояния субъекта.

По мнению Дж. Байби семантический переход от результата к перфекту можно описать как обобщение значения, в ходе которого определенные характерные для результата оттенки значения постепенно стираются (Bybee et al. 1994: 69). При этом не менее важным является синтаксическое окружение, допускающее такой семантический сдвиг. Если дискурсные функции конструкции используются для выражения не только и не столько состояния, но подчеркивают действия, которые предваряют другие действия, создаются благоприятные условия для развития перфектного значения (*ibid.*). Как было показано выше, широкий ряд контекстов даже с непереходными глаголами едва ли можно рассматривать как такое синтаксическое окру-

жение, в котором у конструкции *hæfdon+причастие II* способно развиться перфектное значение и привести к возникновению предпрошедшего времени. Исключив данные контексты, мы полагаем, что перфектное предпрошедшее время могло развиваться в придаточных предложениях времени, вводимых, например, такими союзами как *þa* (тогда), *þonne* (тогда), *æfter* (после, в темпоральном значении), *siððan* (после), в которых анализируемая конструкция использовалась при описании двух событий, следующих друг за другом:

(9) [ÆHom_22:45.3315] Eft, þa þa he **agylt hæfde**, and Godes bebod tobræc, þa forleas he þa gesælþa... — затем, когда он **согрешил (согрешивши)** и нарушил закон Бога, тогда потерял он блаженство...

Даже если в первых аналогичных примерах изначально употребляемый результатив прочитывался как описание статальной характеристики предмета, именно синтаксическое окружение легко могло вызвать семантический перенос состояния субъекта на выполненное им действие. Особенно данный переход становился очевидным с определенной семантической группой глаголов, которые в концепции К. Кэри являлись важным семантическим пунктом трансформации результата в перфект: глаголы говорения, ментальной деятельности. К ним мы должны прибавить такие глаголы, как *agyltan* (грешить) в (9), которые выражают действие, направленное на изменение состояния субъекта-агенса действия. В дальнейшем семантика глаголов утрачивала свою роль в процессе трансформации результата, а все более значимым становилось синтаксическое окружение, в которое попадал глагол. Так мы находим такие глаголы, как *drincan* (пить) и *etan* (есть) в их непереходном употреблении, которые употребляются с *hæfdon+причастие II* и которые можно трактовать как первые примеры предпрошедшего времени:

(10) [Gen:27.26.1090–1091] þa he **hæfde gedruncen**. ða cwæð he to him: Sunu min, gang hider & cysse me. — когда он **испил**, тогда обратился он к нему: сын мой, подойди и поцелуй меня.

(11) [cootest][Gen:31.54.1297] þa hi **eten hæfdon**, hi wunedon ðær. — когда они **поели**, они остались там.

Эти два примера можно противопоставить следующему:

(12) [Lk_[WSCp]:22.20.5444–5445] And swa eac þæne calic, syððan he **geeten hæfde** & cwæð... — И также эта чаша, после/затем он **поел** и сказал.

Темпоральный контекст не всегда может быть настолько четким, чтобы исключить возможность статального прочтения семантики конструкции.

Так, *hæfde geeten* в (12) используется в сочетании с *syððan*, которое может функционировать как темпоральное наречие (после, затем), так и темпоральный союз (после того как). И хотя для общего понимания контекста такое разграничение функциональной семантики *syððan* не имеет большого значения (смысл остается неизменным), для определения семантики конструкции оно становится существенным: в случае если перед нами наречие, ничто не мешает интерпретировать конструкцию как процессно-результативно-статальную, поскольку она не используется в синтаксическом окружении с последовательностью двух действий. Латинский оригинал не дает нам решающих аргументов в пользу той или иной трактовки: хотя *postquam* функционирует как союз и употребляется перед перфектом *cenavit*, при передаче латинский перфект не обязательно должен соответствовать современному английскому перфекту, т. е. указывать на завершённое действие, связанное с моментом говорения и/или с более широкой дискурсной ситуацией, нежели чем с ее непосредственными участниками. Семантика субъектного результата, выраженного в *hæfde geeten*, вполне вписывается в рамки ситуации, обозначенной в (12) и, как кажется, может передавать определенные оттенки грамматического значения латинского перфекта, такие как предельность и пребывание в определенном состоянии. Статально-результативная интерпретация становится возможной при отсутствии двух следующих друг за другом действий.

Есть контексты, в которых в латинском оригинале используется совершенно иная конструкция, что вообще не дает какого-либо ключа к пониманию семантики *hæfdon+причастие II*.

(13) Alex:13.3.105] *Mid þu we ða gewicod hæfdon ða wolde ic minne þurst lehtan & celan.* — Когда мы **расположились** лагерем, тогда захотел я свою жажду заглушить и утолить.

В (13) *hæfdon gewicod* с непереходным глаголом *ge-wícian* (располагаться лагерем) используется для передачи латинского глагола в третьем лице множественного числа страдательного залога настоящего времени *castra ponuntur* (ставить, разбивать лагерь). *Mid þu* (когда, как только) используется наряду с наречием *ða* (тогда), что создает ситуацию последовательности сменяющихся друг за другом действий.

Двоякую интерпретацию семантики конструкции, как мы полагаем, можно проследить в следующих двух примерах.

(14) [Alex:30.8.371] Mid þu we **gewicod hæfdon** & ure þing eall gearo, þa het ic eallne þone here... — Когда мы **расположились** лагерем и у нас было все готово, тогда приказал я войску...

Перед нами контекст, в котором представлены три последовательных действия: разбиение лагеря, приведение в готовность всех вещей и созыв войска. Логично предполагать, что все они следуют друг за другом. Следовательно, после того, как было выполнено одно действие, наступает следующее. Однако окружение, в котором употребляется *hæfdon gewicod* в (14), а именно клауза *ure þing eall gearo*, может указывать, как мы предполагаем, не столько на таксисное прочтение, сколько на статальное описание ситуации: *в тот момент, когда мы были разместившимися и все у нас было готово*. В соответствии с теорией согласования сочинительных составляющих (Coordinate Constituent Constraint) элементы, составляющие структуру с соединительной связью, должны обладать одинаковой семантической функцией (Schachter 1977: 90). Мы предполагаем, что вершину двух клауз, соединенных союзом *и*, может представлять как раз глагол *hæfdon*, при этом формы прилагательного *gearo* при сильном склонении совпадают в именительном и винительном падежах множественного числа среднего рода. Все это позволяет приравнять статальную семантику обладания вещами во второй клаузе и состояние субъекта в первой и рассматривать *hæfdon gewicod* как процессно-результативно-статальную конструкцию. При этом не исключена и динамическая (таксисная) интерпретация.

Аналогичное двоякое прочтение семантики конструкции в темпоральных клаузах находим в (15).

(15) [Gen:43.21.1838–1839] Ða we **geceapod hæfdon** & we hamweard wæron, þa undidon we ure saccas; þa fundon we þæt feoh þæron, þe we ær sealdon... — Когда мы **закупились (совершили покупки)** и были на пути домой, тогда раскрыли мы наши мешки; тогда обнаружили мы там деньги, которые мы ранее отдали.

В примере передаются четыре действия, представленные в латинском оригинале в двух предложениях: 26. At illi **portantes frumenta in asinis suis, profecti sunt** (*загрузили* мешки и *отправились*) и 27. **Apertoque** unus sacco, ut daret jumento pabulum in diversorio, **contemplatus** pecuniam in ore sacculi (*открыли* мешки

и увидели). Также как и в (14) ситуация характеризуется таксисным отношением между следующими друг за другом действиями.

В древнеанглийском переводе в одном сложноподчиненном предложении выражены три действия, соответствующие двум предложениям в латинском: *когда закупились и отправились, тогда открыли мешки*. Таким образом, с одной стороны глагол в непереходном употреблении *ge-seárian* (покупать, приобретать) и сложноподчиненное предложение с темпоральным коррелятивным союзом *þa...þa* дает возможность трактовать *hæfdon geceapod* как предпрошедший перфект. На то, что в главном предложении *þa* следует передавать современным английским союзом *when* (когда), указывает прямой порядок слов: S (we) — V (*geceapod hæfdon*), если *þa* функционирует как наречие (тогда), происходит инверсия, V — S (о проблеме разграничения см. Mitchell 1985: 304–308 et passim). С другой, соединенная с *hæfdon geceapod* сочинительным союзом клауза *we hamweard wæron*, которая указывает на состояние субъекта, а также нарративный контекст перечисления событий позволяет выделить одно состояние и два действия: *когда мы были закупившиеся и мы были в пути, тогда открыли мешки, тогда обнаружили, скорее чем после того как закупились и отправились*. В таком случае *hæfdon geceapod* прочитывается как процессно-результативно-статальная конструкция. Следовательно, мы можем рассматривать две клаузы, соединенные сочинительным союзом, как независимые друг от друга или же, следуя теории согласования сочинительных составляющих, можем предположить функционально-семантическую взаимозависимость двух клауз в рамках одного темпорального придаточного предложения и семантическую идентичность (статальность) двух глагольных вершин. Таким образом, как и в (14) придаточное предложение может вводить описание ситуации (в тот момент), скорее чем указывать на последовательность действий, что впрочем также не исключено.

В общем и целом, достигнув достаточно высокого уровня грамматикализации конструкция *hæfdon+причастие II* с глаголами в непереходном употреблении, попадая в синтаксическое окружение придаточных предложений времени (за исключением контекстов, где возможно двоякое прочтение ее семантики), указывающих на непосредственно следующие друг за другом действия, неизбежно приобретает перфектную интерпретацию.

Характерно то, что в нашем корпусе не обнаружено примеров, в которых в придаточных предложениях времени употребляется *habban+причастие II*, что, как мы полагаем, вполне закономерно. Презентный перфект, по всей видимости, развивался по несколько иной траектории. Для совпадения времени говорения S и референции R, что выражается в презентном перфекте, контексты с последовательностью времен, т.е. таксис, не является характерным, а следовательно, определяющим для перехода результата к перфекту. Отсюда и отсутствие таких контекстов с *habban+причастие II*. В нашем корпусе мы обнаружили всего лишь один пример, где конструкция используется в окружении союзов *þonne*.

(16) [ByrM_1_[Baker-Lapidge]:2.1.146.674] Gif hwylcum cnihte lyste ma þinga and deopra gesetnyssa be him witan **þonne** we her **habbað gebreued**, **þonne** ræde he þæs eadigan weres getingnyssa... — Если временами юноше захочется больше вещей и глубоких таинств о нем узнать, чем то, что мы здесь кратко **изложили**, тогда пусть он прочтет красноречивые изложения этого блаженного мужа...

В (16) союз *þonne* в первом случае выступает для введения придаточного предложения сравнения, а во втором случае указывает на будущее действие (ср. Mitchell 1985: 308, где *þa* сравнивается с темпоральным немецким союзом *als* для обозначения завершенного действия в прошлом, а *þonne* с *wenn* для передачи не только прошедшего, но и настоящего, будущего времени, а также отдельного действия, которое должно завершиться в неопределенное время). Итак, *habbað gebreued* в (16) обладает стательной-результативной семантикой.

В одной из работ, посвященных проблеме вытеснения и дальнейшего исчезновения в английском презентном перфекте вспомогательного глагола *BE*, Т. Макфадден и А. Алексиаду отмечают важность расширения области применения посессивного перфекта благодаря контрфактуальным контекстам, в которых речь идет о вымышленных, (нереальных) событиях (McFadden, Alexiadou 2006). В нашей выборке мы зафиксировали 18 примеров, в которых *hæfdon+причастие II* используется с глаголом в сослагательном наклонении. Однако эти случаи употребления едва ли могут служить доказательством развития у конструкции перфектной семантики, так как сослагательная форма используется для передачи косвенной речи после глаголов говорения, когда передается какая-либо информация:

(17) [Or_2:4.41.27.792] & sæde þæt hie **hæfden** bet **gewyrht**...
— и сказал, что они лучше **сделали**...

В таком контексте семантика конструкции представляется двусмысленной, поскольку в данном синтаксическом окружении *hæfden gewyrht* можно интерпретировать как субъективный результатив аналогично примеру (3).

В среднеанглийский период происходит дальнейшее расширение контекстов, в которых *hæfdon+причастие II* можно трактовать как перфект. Увеличивается количество употреблений конструкции в контрфактуальных контекстах.

(18) [cmedthor][43.633] For if ane **hade bene** þi maker, and anoper thi byere, and **hade sufferde** in thaire bodyes all oure sorowe... — Ибо если один **был бы** твоим создателем, а другой твоим избавителем и **выстрадали** в своих телах все наши грехи...

На то, что перед нами в (18) перфект, указывает не только контекст с нереальными событиями, но и употребление статального глагола *bene*. Контексты с перфектом расширяются. Теперь он используется и в других типах придаточных предложений, например в придаточном предложении сравнения:

(19) [cmmirk][41.1180] wherfor he bade hym be studfast, and hold forth as he **had begonnen**. — поэтому он попросил его оставаться решительным и рассуждать так, как он **начал**.

Подводя итоги, отметим этапы перехода результата в перфект при развитии предпрошедшего времени в истории английского языка. За основу возьмем предложенную Б. Хайне схему развития языковым выражением нового грамматического значения (Heine 2002: 83–101):

1. Первоначальная стадия — *примеры 1, 2, 3, 8.*
2. Связывающий контекст (bridging context) — *примеры 5, 6, 7, 12, 14, 15, 17.*
3. Контекст переключения (switch context) — *примеры 9, 10, 11, 13, 18.*
4. Конвенционализация (conventionalization) — *пример 19.*

На первой стадии доминирует исходное значение конструкции, т. е. статально-результативное. В связывающем контексте возникает возможность выводить новое грамматическое значение. В нашем корпусе это контексты, в которых возможно двойственное прочтение: статально-результативное и перфектное. В контексте переключения, а именно, в темпоральных придаточных предложениях, где одно действие следует за другим, результатив (*hæfdon+причастие II*) от глаголов в непереходном

употреблении приобретает исключительно перфектную интерпретацию, в то время как статально-результативное прочтение противоречит семантике контекста.

Характерно, что такие контексты типичны для текстов конца древнеанглийского периода, когда, очевидно, степень грамматикализации субъектного результата достигла наивысшего уровня. Такими же контекстами, но уже в среднеанглийский период, становятся пассажи с изложением контрфактуальных событий. На этапе конвенционализации новое значение не ограничивается исключительно теми контекстами, в которых оно возникло, и распространяется на новые (например, (19) и другие, в которых доминировала первоначальная семантика конструкции. Теперь исходное значение и новое значение могут употребляться рядом, даже в одних и тех же клаузах (ср. Heine 2002: 85).

Литература

- Aristar, A., Dry, H. 1982: The origin of backgrounding tenses in English. *Proceedings of the Eighteenth Annual Meeting of the Chicago Linguistics Society*, 1–13.
- Brinton, L. J. 1988: *The development of English aspectual systems: Aspectualizers and post-verbal particles*. Cambridge University Press.
- Bybee, J., Perkins, R., Pagliuca, W. 1994: *The Evolution of Grammar: Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World*. University of Chicago Press.
- Carey, K. 1994: *Pragmatics, subjectivity and the grammaticalization of the English perfect*. University of California, San Diego.
- Detges, U. 2000: Time and truth: The grammaticalization of resultatives and perfects within a theory of subjectification. In: *Studies in Language. International Journal sponsored by the Foundation "Foundations of Language"*, 24/2, 345–377.
- Heine, B. 2002: On the role of context in grammaticalization. *Typological studies in language*, 49, 83–102.
- Hopper, P. J., Traugott, E. C. 2003: *Grammaticalization*. Cambridge University Press.
- Larsson, I. 2009: *Participles in Time. The Development of the Perfect Tense in Swedish*. Dissertation. Göteborgs Universitet, Acta Universitatis Gothoburgensis, Göteborg.
- McFadden, T. 2007: Auxiliary selection. *Language and Linguistics Compass*, 1/6, 674–708.
- McFadden, T., Alexiadou, A. 2006: Auxiliary selection and counterfactuality in the history of English and Germanic. *Comparative studies in Germanic syntax*, 237–262.
- Mitchell, B. 1985: *Old English Syntax*. v. II. Oxford: Clarendon Press.

- Nedjalkov, V. P. 1983: *Tipologiya rezul'tativnyh konstrukcij: rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt*. [Typology of resultative constructions: resultative, stative, passive, perfect]. Leningrad: Nauka.
- Недялков, В. П. 1983: *Типология результативных конструкций: результатив, статив, пассив, перфект*. Л.: Наука, Ленинградское отделение.
- Plungian, V. A. 2011: *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: Grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introducing grammatical semantics: Grammatical values and grammatical systems in the world's languages]. Moscow: RGGU.
- Плунгян, В. А. 2011: Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ.
- Schachter, P. 1977: Constraints on coordination. *Language*, 86–103.

Natalija Ganina
(Moskauer Staatliche Lomonossov-Universität)

DIE VERWANDTSCHAFTSTERMINOLOGIE IM LÜBISCHEN RECHT

The kinship terms in the Lübeck Law

This study focuses on the kinship terms in the Lübeck City Law from the lexical point of view. The following points are assessed: the structure of this lexical group (kinship by blood, kinship by marriage, and kinship in general); etymological parallels and Germanic isoglosses of the terms; their semantics and specifics of the use in the Lübeck Law. The study is based on the text presented in the principal manuscript of the Lübeck Law, namely, in the ‘Codex of the Lübeck Chancellery’ (Kiel, Stadtarchiv, Hs. 79413, c. 1280), considering other manuscripts of the Lübeck Law.

Key words: Lübeck, Lübeck Law, Middle Low German, kinship terms, Lübeck Law manuscripts.

Н. А Ганина
(МГУ им. М. В. Ломоносова)

Термины родства в любекском праве

В статье, посвященной исследованию лексики любекского городского права, рассматривается функционирование субстантивных обозначений времени и производных от них наречий. В частности, определяется состав этой лексико-семантической группы, обсуждается семантика и правовая специфика соответствующих обозначений. Исследование основывается на тексте, представленном в важнейшей рукописи любекского права, а именно в «кодексе любекской канцелярии» (Киль, Stadtarchiv, Hs. 79413, около 1280 г.), тогда как при обсуждении вступлений, колофонов и дополнений учитываются и другие кодексы любекского права, прежде всего недавно обнаруженный кодекс Бардевика (Юрьевец, «Музеи города Юрьевца», ЮКМ-2010, 1294 г.).

Ключевые слова: Любек, любекское право, средненижненемецкий, Кильский кодекс, кодекс Бардевика.

Die Verwandtschaftsbezeichnungen gehören zum traditionellen Wortschatz der Rechtstexte, was vor allem durch das Erbrecht bedingt wird. Im altgermanischen Recht treten die Verwandtschaftsbezeichnungen auch im Zusammenhang mit gesetzlicher Bestimmung des Wergelds hervor, weil die Entschädigung an die nächsten männlichen Verwandten des Geschädigten ging. Das Wergeld ist für das lübische Recht nicht mehr aktuell, während das Erbrecht sehr ausführlich ausgearbeitet ist und, wie bei Wilhelm Ebel hervorgehoben wird, im Gang der Rechtsgeschichte als die „Mutter des

Eigentums“ erscheint (Ebel 1980: 7). Die Hauptaufgabe der Erforschung der Verwandtschaftsterminologie im lübischen Recht aus lexikalischer Sicht ist die Klärung der Frage, in welchem Maße es das altgermanische System repräsentiert. Unter dem System der Verwandtschaftsbezeichnungen im lübischen Recht wird das entsprechende mittelniederdeutsche System verstanden, das in der Schreibsprache (Nordniederdeutsch) bzw. im Statutenbestand des lübischen Rechts zum Ausdruck kommt. Dabei wird uns sowohl der Bestand der lexikalischen Gruppierung bzw. germanische Isoglossen der Einzelglieder (ohne auf die gut untersuchte indogermanische Etymologie der Hauptglieder zu kommen) als auch der Wortgebrauch im lübischen Recht interessieren.

Eine anschauliche Rekonstruktion des urgermanischen Systems der Verwandtschaftsbezeichnungen wird im Beitrag von Winfred P. Lehmann zum indogermanischen sozialen und wirtschaftlichen Erbwortschatz bzw. zu seinem Ersatz im Urgermanischen geboten (Lehmann 1968: 14–17). Besonders wichtig ist die Schlussfolgerung, dass die Veränderungen im altgermanischen System in der stärkeren Gliederung der Verwandtschaftsbezeichnungen bestehen, wobei auch germanische Neubildungen als zusätzliche Terminologie hinzukommen (Lehmann 1968: 15, 25). Das von Lehmann gebotene Modell wird im Folgenden bei Erörterung der Verwandtschaftsbezeichnungen im lübischen Rechts berücksichtigt.

Das System der Verwandtschaftsbezeichnungen im lübischen Recht lässt sich folgendermaßen darstellen.

Blutsverwandtschaft

vader (m.) ‘Vater’ (Ki 19, 23, 33, 128, Ki, Register, Artikeltitle 19, 113) — vgl. got. *fadar* (1x in der gotischen Bibel), an. *faðir*, ae. *fæder*, afries. *fader*, as. *fadar*, ahd. *fatar* ‘Vater’ (Lehmann 1986: 101) gegen got. *atta* ‘Vater’, siehe dazu (Lehmann 1986: 46);

môder (m.) ‘Mutter’ (Ki 19, Ki, Register, Artikeltitle 113) — vgl. an. *móðir*, ae. *mōdor*, afries. *mōder*, as. *mōdar*, ahd. *muotar* (de Vries 1962: 391; Kluge 1999: 577) gegen got. *aiþei* ‘Mutter’, siehe dazu (Lehmann 1986: 20);

oldere (öldere) (Pl.) ‘Eltern’ (Ki 94, 167, 250, Ki, Register, Artikeltitle 12, 15, 20, 166, 193) — vgl. ae. *eldran*, *yldran*, as. *eldiron*, *aldir*, ahd. *eltiron* (*altiron*) aus westgerm. **aldizōn*, Pl. des Komparativs von ‘alt’, auch in ae. *eldran*, *yldra*, afries. *alder*, *elder* (Kluge 1999: 218) und an. *forellrar*, *foreldri*, *forellri* ‘Eltern’ (de Vries 1962: 138) gegen got. *berusjos* ‘Eltern’, siehe dazu (Lehmann 1986: 66f.);

kint (n.) ‘Kind’, Pl. *kindere* (Ki 4–7, 12–15, 21, 23f., 33, 77, 94, 108, 114, 131, 157, 173, 187, 195, 200, 221, 240) — vgl. ahd. *kind* gegen ae. *cild* ‘Kind’ und germ. *barnan, got. *barn*, krimgot. *baar*, an. *barn*, ae. *bearn*, afries. *bern*, as., ahd. *barn* ‘Kind’; zum Letzteren siehe (Lehmann 1986: 62). Da as. *kind* und afries. *kind* aus dem Hochdeutschen entlehnt sind (Kluge 1999: 442), handelt es sich auch bei mnd. *kint* um hochdeutsche Entlehnung.

sone (söne) (m.) ‘Sohn’ (Ki 1, 128, 154, 221, 227, Ki, Register, Artikeltitel 231) — vgl. got. *sunus*, an. *sonr*, ae., afries., as., ahd. *sunu* ‘Sohn’.

dochter (f.) ‘Tochter’ (Ki 1, 37, 221, 227, 235, Ki, Register, Artikeltitel 231) — vgl. got. *dauhtar*, an. *dóttir*, ae. *dohtor*, afries. *dochter*, as. *dohtar*, ahd. *tochter* ‘Tochter’.

brôder (*brûder*) (m.) ‘Bruder’ (Ki 128, 167, 227, 235, Ki, Register, Artikeltitel 217, 223) — vgl. got. *broþar*, krimgot. *bruder*, an. *bróðir*, ae. *brōþor*, afries. *brother*, as. *brôðar*, ahd. *bruoder* ‘Bruder’.

suster (*süster*) (f.) ‘Schwester’ (Ki 167, 227, 235, Artikeltitel 217) — vgl. got. *swistar*, krimgot. *schuuester*, an. *systir*, ae. *sweostor*, afries. *swester*, *suster*, as., ahd. *swestar*.

halfbrôder (*halfbrûder*) (m.) ‘Halbbruder’ (Ki 19, 221), *halfsuster* (f.) ‘Halbschwester’ (Ki 19, 221) — vgl. an. *hálfróðir* ‘Halbbruder’, *hálf systir* ‘Halbschwester’ (Cleasby, Vigfusson 1957: 82, 615). Dagegen vgl. mhd. *halpbruoder* ‘Laienbruder’¹ und *halpschwester* ‘halbe Ordensschwester’ (im Deutschen Orden) neben mhd. *stiefbruoder* ‘Halbbruder’, *stiefswester* ‘Halbschwester’ (Benecke, Müller, Zarncke 1854–1866, 2/2: Sp. 776a; Lexer 1872–1878, 2: Sp. 1153). Zu germ. **steup-/stiup-* ‘beraubt’ in Zusammensetzungen mit Verwandtschaftsnamen (an. *stjúp-*, ae. *stēōp-*, afries. *stiāp-*, ahd. *stiof-*, mhd. *stief-*, mnd. *stēf-*) siehe (Kluge 1999: 795).

eldervader (*ölder-*) (m.) ‘Großvater’ (Ki 157, Ki, Register, Artikeltitel 156), *eldermoder* (*ölder-*) ‘Großmutter’ (Ki 157, Ki, Register, Artikeltitel 156) — vgl. ae. *ealdefæder* ‘Großvater’, *ealdfæder* ‘Großvater, Ahn’, *ealde-ealdefæder* ‘Urgroßvater’, *eald(e)mōder* ‘Großmutter’, afries. *ald(e)fader* ‘Großvater’, *aldmōder* ‘Großmutter’ (Bosworth, Toller 1898: 227f.; Toller 1921: 166) und mhd. *elternvater* ‘Großvater’ (seit dem 12. Jh.), *eltermuoter*

¹ Das mhd. *halpbruoder* fehlt bei Lexer; siehe Angaben im Belegarchiv des ‘Mhd. Wörterbuch online’: http://www.mhdwb-online.de/wb.php?buchstabe=H&portion=160&link_lid=246628700#246628700 (letzter Aufruf 05.03.2020) mit Verweis auf Nikolaus von Jeroschin 14840 (Nikolaus von Jeroschin 1861).

(seit dem 13. Jh.) ‘Großmutter’ (Kluge 1999: 218) gegen an. *afi* ‘Großvater’, *ái* ‘Urgroßvater’, got. *awo* ‘Großmutter’, vgl. lat. *avus* ‘Großvater, Ahn’, *av(i)a* ‘Großmutter’, siehe dazu (Lehmann 1986: 53), auch unten zu mnd. *om*. Weiterhin zu den altnordischen Bezeichnungen für ‘Großvater’ und ‘Großmutter’ bzw. ‘Urgroßvater’, und ‘Urgroßmutter’ vgl. an. *föðurfaðir* ‘Großvater väterlicherseits’, *móðurfaðir* ‘Großvater mütterlicherseits’, *föðurmóðir* ‘Großmutter väterlicherseits’, *móðurmóðir* ‘Großmutter mütterlicherseits’, *föðurafi* ‘Urgroßvater väterlicherseits’, *móðurafi* ‘Urgroßvater mütterlicherseits’ (Cleasby, Vigfusson 1957: 137, 435), an. *amma* ‘Großmutter’ (in den Sagas selten belegt), *langamma* ‘Urgroßmutter’, *móðuramma* ‘Urgroßmutter mütterlicherseits’ (Cleasby, Vigfusson 1957: 19, 435) zu ahd. *ammâ* ‘Amme’, griech. ἀμμάς, ἀμμία ‘Amme’ (de Vries 1962: 8).

soneskind (*söneskind*) (n.) ‘Sohneskind’, *dochterkind* (n.) ‘Tochterkind’ (Ki 235, Ki, Register, Artikeltitel 231) — zu germanischen Zusammensetzungen für ‘Enkel’ vgl. an. *sonarsonr* ‘Sohnessohn’, *sonardóttir* ‘Sohnestochter’, *dóttursonr* ‘Tochtersohn’, *dótturdóttir* ‘Tochtersochter’ und *barnabörn* (Pl.) ‘Enkelkinder’ (Cleasby, Vigfusson 1957: 52, 102, 578) neben afries. *bernbern* ‘Kindeskind’ (von Richthofen 1840: 627), ae. *sunsunu* ‘Sohnessohn’ und *dohtorsunu* ‘Tochtersohn’ (Toller 1921: 154; Bosworth, Toller 1898: 937) gegen spätahd. *eniklîn*, *enichlin*, mhd. *eninkel* ‘Enkel’, Diminutiv zu ahd. *ano* ‘Ahn’, siehe dazu (Kluge 1999: 221f.). Zu mnd. *dochterkind* vgl. auch mhd. *tihter*, *tîhter*, *diechter* als Diminutivbildung auf *ī* in der Bedeutung ‘Tochterkind’ mit solchen indogermanischen Parallelen wie aind. *dauhitra*- und gr. θυγατρίδοϋς ‘Erbtochtersohn’ (Kluge 1999: 824). Weiterhin zur Entwicklung der germanischen Terminologie für ‘Enkel’ siehe (Haubrichs 2001).

om (m.) ‘Mutterbruder’ (Ki 157, 174) — vgl. ae. *ēām*, afries. *ēm*, ahd. *ôheim* (seit dem 9. Jh.), mhd. *æheim(e)*, mnd. *oom* ‘Mutterbruder’, nhd. *Oheim* ‘Onkel’ (veraltet bzw. mundartlich *Ohm* (m.), ursprünglich niederdeutsch), aus westgerm. **awa-haimaz* ‘Mutterbruder’ (Kluge 1999: 598). Weiterhin vgl. got. *awo* ‘Großmutter’, lat. *avunculus* ‘Onkel, Mutterbruder’, lit. *avýnas* ‘Mutterbruder’, aksl. *yŭ*, aruss. (ø)yŭ ‘Mutterbruder’ (Lehmann 1986: 53) bzw. got. *haims* (f.) ‘Dorf’, *anahaim(ei)s* ‘heimisch’, ‘daheim’, an. *heimr* ‘heim’, ‘Welt’, ae. *hām*, ne. *home*, afries. *hām*, *hēm*, as. *hēm*, ahd. *heim* ‘heim, Zuhause’, vgl. lit. *šeimà*, lett. *saimē* ‘Familie’, aruss. *сѣмья*, russ. *семья* ‘Familie’ (Lehmann 1986: 170). Dagegen vgl. an. *móðurbróðir* ‘Mutterbruder’ neben *afabróðir*

‘Großonkel väterlicherseits’ und *ömmubróðir* ‘Großonkel mütterlicherseits’ (Cleasby, Vigfusson 1957: 82).

Im lübischen Recht kommt das Wort *om* in der ursprünglichen archaischen Bedeutung ‘Mutterbruder’ vor, vgl. die Paarformeln *de om vnde veddere vnde vadhe. vnde moddere* (Ki 157) ‘der Mutterbruder und der Vaterbruder sowie die Vaterschwester und die Mutterschwester’, *om oder veddere iof vade oder meddere* (Ki 174) ‘der Mutterbruder oder der Vaterbruder bzw. die Vaterschwester oder die Mutterschwester’.

veddere (m.) ‘Vaterbruder’ (Ki 157, 174) — vgl. ae. *fædera*, afries. *federia*, *fidiria*, *fedria*, ahd. *fetiro*, *fatureo* ‘Vaterbruder’ aus westgerm.**faðuri(w)jōn*, vgl. aind. *pitṛvya-*, gr. *πάτριος, πατρώος*, lat. *patruus* und weitere indogermanische Parallelen (Kluge 1999: 863; Lehmann 1986: 101; von Richthofen 1840: 730). Dagegen vgl. an. *föðurbróðir* ‘Vaterbruder’ als germanische Neubildung (Cleasby, Vigfusson 1957: 82). Obwohl das Wort *veddere* im Mittelniederdeutschen in den Bedeutungen ‘Vaterbruder’, ‘Brudersohn’ gebraucht wird, vgl. (Schiller, Lübben 1875–1881, 5: 217; Lasch, Borchling 1956–2007, 1: Sp. 674), kommt *veddere* im lübischen Recht nur in der Bedeutung ‘Vaterbruder’ vor.² Dies kann sowohl durch die oben angeführten Paarformeln (Ki 157, 174) mit den Parallelbezeichnungen der Onkel und Tanten mütterlicherseits und väterlicherseits als auch durch die Textstelle *de om vnde veddere. vnde vadhe. vnde moddere ofte ere kindere*. ‘der Mutterbruder und der Vaterbruder sowie die Vaterschwester und die Mutterschwester und ihre Kinder’ (Ki 157) bestätigt werden, auf die sich die Gebrauchsfälle von *veddere* im lübischen Recht beschränken.

vade (f.) ‘Vaterschwester’ (Ki 157, 174) — vgl. ae. *faðu*, *faðe* ‘Vaterschwester’, ‘Tante’ (Bosworth/Toller 1898: 271; Toller 1921: 206) gegen as. *wasā*, ahd. *basa*, mhd. *base* ‘Vaterschwester’, seit dem 15. Jh. ‘Tante’, danach auch ‘Nichte’ (selten), nhd. *Base* ‘Kusine’, ‘entfernte weibliche Verwandte’ (Kluge 1999: 83) und an. *föðursystir* ‘Vaterschwester’ (Cleasby, Vigfusson 1957: 615). Dass *vade* im lübischen Recht ‘Vaterschwester’ bedeutet, wird durch die Paarformel *vadhe. vnde moddere* ‘Vaterschwester und Mutterschwester’ (Ki 157), *vade oder meddere* ‘Vaterschwester oder Mutterschwester’ (Ki 174) bezeugt, die Entsprechung in ae. *faðu oððe mōddrie* hat (Homl. Th. ii. 94, 32; Bosworth/Toller 1898: 271).

² ‘Brudersohn, Vaterbruder’ bei (Korlén 1951: 202) wohl mit Stütze auf die Hauptbedeutung ‘Vetter’ bei (Schiller, Lübben 1875–1881, 5: 217).

moddere (meddere) (f.) ‘Mutterschwester’ (Ki 157, 174) — vgl. ae. *mōddrie (mōd(d)rige, mōderge)*, ‘Mutterschwester’, auch ‘Kusine’ (Bosworth/Toller 1898: 695) gegen ahd. *muoma*, mhd. *muome* ‘Mutterschwester’, nhd. *Muhme* ‘Tante’, ‘Kusine’, ‘weibliche Verwandte’ (Kluge 1999: 573) und an. *móðursystir* ‘Mutterschwester’ (Cleasby, Vigfusson 1957: 615). Weiterhin zu ahd. *muoma* vgl. an. *móna* ‘Mutter’, ‘Amme’ (de Vries 1962: 392; Cleasby, Vigfusson 1957: 435).

nichte ‘Nichte’ (Ki 137) — vgl. an. *nípt* ‘weibliche Verwandte’, ‘Nichte’, ae. *nift* ‘Nichte’, ‘Enkelin’, ‘Stieftochter’, afries. *nift* ‘Nichte’, ahd. *nift(a)*, *niftila*, *neftil*, mhd. *niftel(e)* ‘Nichte’, nhd. *Nichte* (seit dem 16. Jh., aus dem Niederdeutschen) aus germ. **nefti-* ‘weibliche Verwandte’, ‘Nichte’, vgl. aind. *naptī* ‘Tochter’, ‘Enkelin’ neben idg. **nepōt* ‘Enkel’, später auch ‘Neffe’, vgl. lat. *nepōs*, Gen. *nepōtis* ‘Enkel’, ‘Neffe’ und weitere indogermanische Parallelen (Cleasby, Vigfusson 1957: 455; de Vries 1962: 410; Bosworth, Toller 1898: 719; von Richthofen 1840: 951; Kluge 1999: 587). Das entsprechende Maskulinum aus germ. **nefōn* ‘Neffe’ kommt im lübischen Recht nicht vor, weil es keine Rechtskollisionen derart vorhanden sind.

susterkint (süsterkint) (n.) ‘Schwesterkind’ (Ki 174) — zum Modell vgl. an. *systurbarn* (Cleasby, Vigfusson 1957: 615).

Verwandtschaft durch Heirat

man (m.) ‘Mann’ (Ki 1, 2 u. ö.), ‘Mann, Ehemann’ (ab Ki 5) — vgl. got. *manna*, ai. *maḍr*, *mannr* (selten), ae. *mon(n)*, (*man(n)*), afries. *mon*, *man*, as. *mann*, ahd. *man(n)* ‘Mann’, ‘Mensch’ (Lehmann 1986: 244; Cleasby/Vigfusson 1957: 407f.; de Vries 1962: 374f.; Bosworth/Toller 1898: 668; von Richthofen 1840: 932f.); in der Bedeutung ‘Ehemann’ vgl. afries. *mon*, ahd. *man(n)* gegen got. *aba* (Lehmann 1986: 1), an. *verr* (Cleasby, Vigfusson 1957: 698f.; de Vries 1962: 657), ae. *wer* ‘Mann’, ‘verheirateter Mann’ (sozialer Status), ‘Ehemann’, *ceorl* ‘Mann’, ‘Ehemann’, *ceorlian* (schw. V. 2) ‘heiraten (für Frauen)’ im Gegensatz zu *wīfian* (schw. V. 2) ‘heiraten (für Männer)’ (Bosworth, Toller 1898: 151, 1205) und weiterhin an. *húsbóndi*, ae. *hūsbonða* (aus dem Skandinavischen) ‘Hausherr’, ‘Mann’ (nur selten) (Cleasby, Vigfusson 1957: 294; Bosworth, Toller 1898: 568), me. *husbonde* (*hosbonde*) ‘Ehemann’, ne. *husband* ‘Ehemann’.

wīf (n.) ‘Frau’ (Ki 2, 5, 7, 11–15, 21, 42, 77, 101, 108, 114, 122, 148, 163, 172, 178, 187, 195), ‘Ehefrau’ (ab Ki 5) — vgl. an. *vīf* ‘Frau’ (poetisch, selten), ae., afries. *wīf*, ahd. *wīp* ‘Frau’, ‘Ehefrau’

als germanische Neubildung (Cleasby, Vigfusson 1957: 714; Kluge 1999: 879f.) gegen got. *qino* 'Frau', an. *kona* 'Frau', 'Ehefrau', ae. *cwēne* 'Frau', 'Ehefrau', 'Dienerin', 'Dirne', ne. *quean* (arch.) 'Prostituierte', as., ahd. *quena* 'Ehefrau' und got. *qens* 'Frau, Gattin', an. *kván, kvén* 'Frau, Gattin'. ae. *cwēn* 'Frau', ne. *queen*, as. *quân* 'Ehefrau', vgl. aind. *jáni-*, aksl., aruss. *жена* 'Frau', 'Ehefrau' und weitere indogermanische Parallelen (Lehmann 1986: 274, 277). Die Bedeutung 'weibliche Person' wird im lübischen Recht auch durch mnd. *wīvesname* (m.) wiedergegeben: *So we begrepen. oder gevangen wert mit iemendes dochter. oder nichten. oder mit ienegeme wiuesnamen* (1x, Ki 137). Vgl. mhd. *wībes name*, nhd. *Weibsen* (regional; seit dem 17. Jh.) (Kluge 1999: 880).

hûsfrûwe (f.) 'Hausfrau', 'Ehefrau' (Ki 200, 201) — vgl. an. *húsfreyja*, anorw. *hūspræya, hūsprei*, aschw. *husprea*, agotl. *húsfroyja* 'Hausfrau', 'Ehefrau', mhd. *hûsvrouwe* (*hûsvrowe, hûsvrou*), wobei nschw., ndä. *hustru* aus dem Mittelniederdeutschen entlehnt ist (de Vries 1962: 268), zu mhd. *hûsvrouwe* siehe (Lexer 1872–1878, 1: Sp. 1407).

swager (m.) 'angeheirateter Verwandter' (Ki 135f., 208) — vgl. mhd. *swâgur, swâger* 'Schwager', weiterhin got. *swaihro*, an. *sværa*, ae. *sweger*, ahd. *swigar* 'Schwiegermutter', got. *swaihra*, aschw. *svér, svær* (dagegen an. *verfaðir* 'Schwiegervater'), ae. *swehor, swēor*, afries. *swiār*, ahd. *swehur* 'Schwiegervater', mhd. *sweher*, nnd. *Schwäher* 'Schwiegervater', 'Schwager' aus germ. **swegurōn-* (mit der Sonorisierung des Reibelautes nach dem Vernerschen Gesetz) 'Schwiegermutter', **swehuran-* 'Schwiegervater', **swēgura-* (mit Dehnstufe) 'zur Sippe des Schwiegervaters gehörend', vgl. aind. *śvāsura-*, aksl., aruss. *свекры* 'Schwiegermutter, Mutter des Mannes', lat. *socer* 'Schwiegervater' und andere indogermanische Parallelen (de Vries 1962: 571; Lehmann 1986: 332; Kluge 1999: 747, 751).

Im lübischen Recht wird mnd. *swager* in der Bedeutung 'angeheirateter Verwandter' in der Paarformel *maghe & swagere* 'Blutsverwandte und angeheiratete Verwandte' (2x, Ki 135f., *swaghere vnde maghe* 1x, Ki 208) gebraucht, vgl. *So wanne men n men schal iemene van der louen to deme rade. de gene de ene nomet. de schal gan van deme hus vnde alle de gene de sine maghe. vnde sine swagere sint*. So kommt mnd. *swager* im lübischen Recht nur im Plural vor, wobei das Singular nicht belegt ist und die Bedeutung 'Schwager' nicht explizit zum Ausdruck kommt.

wedewe (f.) 'Witwe' (Ki 10, 131); *wedewere* (*weduwere*) (m.) 'Witwer' (Ki 131) — vgl. got. *widuwo*, ae. *widewe*, afries. *widwe*

(*wedwe*, *wide*), as. *widowa*, ahd. *wituwa*, vgl. aind. *vidhāvā*, lat. *vidua*, aksl., aruss. *вѣдова* und weitere indogermanische Parallelen (Lehmann 1986: 402) gegen an. *ekkja* ‘Witwe’ aus germ. *ainakjōn (de Vries 1962: 99). Es wird hervorgehoben, dass das Femininum als Grundlage der Bezeichnungen weiterer Verhältnisse genommen worden ist, wie z. B. got. *widuwairna* ‘Waise’ und nhd. *Witwer* (Kluge 1999: 895). Zu got. *widuwairna* siehe (Lehmann 1986: 402). Das Maskulinum ‘Witwer’ wird in den altgermanischen Sprachen nach üblichen Wortbildungsmodellen von Nomina agentis gebildet, vgl. ae. *widuwa* (m. -n) ‘Witwer’, mhd. *witewer*, *witwer* (Bosworth, Toller 1898: 1217; Lexer 1872–1878, 3: Sp. 953).

Die Bezeichnungen von ‘Schwiegervater, -mutter’ bzw. ‘Schwiegersohn, -tochter’ fehlen im lübschen Recht, weil es keine darauf bezogene Rechtskollisionen gibt. Ebenfalls fehlen die Bezeichnungen von ‘Braut’ bzw. ‘Bräutigam’, wobei nur im Oldenburger Codex (Schleswig, Landesarchiv, Bestand 400.3 Oldenburg Nr. 14, früher Oldenburg, Stadtarchiv, ohne Signatur) die Zusammensetzung *brûtschat* ‘Mitgift’ (O 18) belegt ist.

Verwandtschaft im allgemeinen Sinne

mach (m.) ‘Blutsverwandter’ (Ki 27, 114, 135f., 208, 229) — vgl. got. *megs* zu gr. γαμβρός ‘Schwiegersohn’, an. *mágr* ‘Verwandter durch Heirat; Schwager, Schwiegersohn, Schwiegervater’, ae. *mæg* (m.) ‘Verwandter’, *mæg* (f.) ‘Verwandte’, afries. *mēch*, *mei*, as. *mâg*, ahd. *mâg* ‘Verwandter’ als germanische Neubildung ohne sichere indogermanische Etymologie, wahrscheinlich aus idg. **megh-* ‘lieb haben, mögen’, ‘freundlich sein’ mit Dehnstufe (Cleasby, Vigfusson 1957: 415f.; Bosworth, Toller 1898: 654; Lehmann 1986: 249f.). Zur Erweiterung der Verwandtschaftsterminologie durch Bezeichnungen der Verwandten außerhalb der väterlichen Familie siehe (Lehmann 1968: 15–17).

Im lübischen Recht kommt das Wort nur im Plural *maghe* vor, manchmal mit dem Attribut *nêgest* ‘nächst’, vgl. *de negesten maghe* ‘die nächsten Verwandten’ (Ki 27), *erer negesten maghe* ‘ihrer nächsten Verwandten’ (Ki 229). Wie sonst im Mittelniederdeutschen wird damit die Bedeutung ‘Blutsverwandter’ wiedergegeben, vgl. *mach* ‘Verwandter, besonders Seitenverwandter’ (Lasch, Borchling 1956–2007, 2: Sp. 881).

vrunt (*vrünt*, *vrint*, *vrent*) (m.) ‘Verwandter’ (Ki 10, 15, 29, 114, 122f., 171f., 193, 201f., 219, 255, Ki, Register, Artikeltitle 10 und 206) — vgl. got. *frijonds* (m. -nd) von *frijon* (schw. V. 2) ‘lieben’ zu gr. φίλος ‘Freund’, *frijondi* (f. — *jō*) zu gr. φίλή ‘Freundin’, an.

frāendi ‘Verwandter’, ae. *frēond* ‘Freund’, afries. *friond*, *friund* ‘Freund’, ‘Verwandter’, as. *friund*, ahd. *friunt* ‘Freund’, vgl. aind. *priyāyāte* ‘sich befreunden’, aksl., aruss. *прѣѣми* ‘lieb haben, mögen’, *прѣѣтель* ‘Freund, Vertrauter, Geselle’, *прѣѣзнь* ‘Freundlichkeit, Wohlwollen’ und weitere indogermanische Parallelen (Cleasby, Vigfusson 1957: 176f.; Bosworth, Toller 1898: 335; von Richthofen 1840: 766f.; Lehmann 1986: 128f.). Zum Bedeutungswandel im Skandinavischen siehe (Cleasby, Vigfusson 1957: 176). Die Bedeutung ‘Verwandter’ ist auch im Altfriesischen belegt, besonders in Zusammensetzungen, vgl. *federfriund* ‘Verwandter väterlicherseits’, *mōderfriund* ‘Verwandter mütterlicherseits’ (von Richthofen 1840: 730, 766f.)

Im Mittelniederdeutschen kann das Wort *vrünt* sowohl ‘persönlicher Freund, Vertrauter, Geselle, Anhänger, Getreuer’ als auch ‘Verwandter, Blutsverwandter (nicht in direkter Linie)’ bedeuten (Lasch, Borchling 1956–2007, 2: Sp. 1016f.). Im Kontext des lübischen Rechts ist mnd. *vrunt* (*vrünt*, *vrint*, *vrent*) ausschließlich in der Bedeutung ‘Verwandter’ belegt, vgl. *Welic wedewe oder iuncfruwe. synder erer vrunde rat wil man nemen* (Ki 10, Artikeltitel *van echtschap* ‘Von der Ehe’), *Steruet eneme manne de kindere heuet. sin wif. vnde nimt he ene andere. so schal he rekeninge holden. den vrunden sinder kindere.* (Ki 114, Artikeltitel *van dode* ‘Vom Tod’). Zu den Varianten *vrunt* (*vrünt*), *vrint*, *vrent* in den Lübecker Rechtscodizes siehe (Korlén 1951: 55f.; Peters 2012: 352; Ganina 2017: 183), wobei die Minderheitsvariante *vrint* als eine westliche Spur in der jüngeren Artikelreihe des Kieler Codex (Art. 170–239) interpretiert wird (Peters 2012: 352) und im Bardewikschen Codex als Minderheitsvariante vorkommt, und zwar *vrunt* mit Ableitungen (10x) gegenüber *vrint/vrinde* (3x) und *vrende*, *vrende*, *uerint* (je 1x) (Ganina 2017: 183).

Fazit

Die Untersuchung hat gezeigt, dass das lübische Recht über das entwickelte System der Verwandtschaftsbezeichnungen verfügt, das die altgermanische bzw. westgermanische Weiterentwicklung des indogermanischen Systems repräsentiert. Als nächste Entsprechung dafür kommt die ingwäonische Verwandtschaftsterminologie vor, die im Altenglischen und ggf. im Altfriesischen belegt ist. Im Vergleich zum sonstigen Korpus des Mittelniederdeutschen werden die Verwandtschaftsbezeichnungen im lübischen Recht in ihren ursprünglichen archaischen Bedeutungen gebraucht, wobei der Belegbestand durch entsprechende Rechtskollisionen bedingt wird.

Literatur

- Benecke, G. F., Müller W., Zarncke F., 1854–1866: *Mittelhochdeutsches Wörterbuch*. 3 Bde. Leipzig.
- Ebel, W., 1980: Erbe, Erbgut und wohlgewonnen Gut im lübischen Recht. *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Germanistische Abteilung*. 97, 1–42.
- Bosworth, J., Toller, T. N., 1898: *An Anglo-Saxon dictionary: Based on the manuscript collections of the late J. Bosworth*. Oxford.
- Cleasby R., Vigfusson, G., 1957: *An Icelandic-English dictionary*. 2. Aufl. Oxford.
- Ebel, W., 1971: *Lübisches Recht*. Bd. I. Lübeck.
- Ganina, N., 2017: Zur Schreibsprache des Lübischen Rechts. *Indoeuropäische Sprachwissenschaft und klassische Philologie*. [Индоевропейское языкознание и классическая филология]. 21, 174–184.
- Haubrichs, W., 2001: Die Erfindung der Enkel: Germanische und deutsche Terminologie der Verwandtschaft und der Generationen. *Lili — Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik*. 120 (4), 41–80.
- Kluge, F., 1999: *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. 23., erw. Aufl., bearb. von E. Seebold. Berlin; New York.
- Korlén, G., 1951: *Norddeutsche Stadtrechte. Bd. II: Das mittelniederdeutsche Stadtrecht von Lübeck nach seinen ältesten Formen*. Lund; Kopenhagen (Lunder Germanistische Forschungen 23).
- Lasch, A., Borchling, C., 1956–2007: *Mittelniederdeutsches Handwörterbuch*. Hrsg. nach G. Cordes und A. Hübner ab 1993 von D. Möhn und I. Schröder. 3 Bde. Neumünster.
- Lehmann, W. P., 1968: The Proto-Germanic words inherited from Proto-Indo-European which reflect the social and economic status of the speakers. *Zeitschrift für Mundartforschung*. 35, 1–25.
- Lehmann, W. P., 1986: *A Gothic etymological dictionary: Based on the third edition of 'Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache' by Sigmund Feist*. Leiden.
- Lexer, M., 1872–1878: *Mittelhochdeutsches Handwörterbuch*. 3 Bde. Leipzig.
- Nikolaus von Jeroschin, 1861: Di Kronike von Pruzinlant des Nicolaus von Jeroschin. Hg. von E. Strehlke. In: *Scriptores Rerum Prussicarum. Die Geschichtsquellen der preußischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft*. Hg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig (Nachdruck Frankfurt a.M. 1965). Bd. 1. S. 291–648.
- Peters, R., 2012: *Die Kanzleisprache Lübecks*. Kanzleisprachenforschung. Ein internationales Handbuch. Hg. von A. Greule, J. Meier und A. Ziegler [u.a.]. Berlin, 347–365.
- Richthofen, K. von, 1840: *Altfriesisches Wörterbuch*. Göttingen (Neudruck Aalen 1970).
- Schiller, K., Lübken, A. 1875–1881: *Mittelniederdeutsches Wörterbuch*. 6 Bde. Bremen.
- Toller, T. N., 1921: *An Anglo-Saxon dictionary: Based on the manuscript collections of the late J. Bosworth. Supplement*. Oxford.
- Vries, J. de, 1962: *Altnordisches etymologisches Wörterbuch*. 2. verb. Aufl. Leiden.

Н. А. Бондарко

(Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург)

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ НЕМЕЦКИХ ПЕРЕВОДАХ С ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА

(Вильгельм из Сен-Тьерри и Бригитта Шведская)¹

В статье рассматриваются теоретические подходы к изучению семантико-синтаксического варьирования как фактора развития стиля немецкой религиозной прозы. Данная проблема изучается в переводоведческом аспекте на примере переводов с церковной латыни XIV–XVI вв. В качестве материала используются примеры из переводов «Золотого Послания» Вильгельма из Сен-Тьерри (XII в.) на восточно-швабский диалект средневерхненемецкого и «Откровений» св. Бригитты Шведской на разные диалекты ранненововерхненемецкого языка.

Ключевые слова: средневерхненемецкий язык, языковое варьирование, перевод, эквивалентность, синтаксические трансформации, религиозная проза.

N. A. Bondarko

(Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg)

Syntactic Transformations in Late Medieval German Translations from Latin (William of St-Thierry and St. Birgitta of Sweden)

The article deals with theoretical approaches to the study of syntactic and semantic variations as a formative factor of the developing style of German religious prose. This problem is examined within the context of the translation studies on the example of translations from Church Latin of the 14–16 centuries. Examples from the translations of the «Epistola aurea» of William of Saint-Thierry (12th century) into the Eastern Swabian dialect of Middle High German and the «Revelationes» of St. Birgitta of Sweden into different dialects of Early New High German are used as material.

Keywords: Middle High German, language variation, translation, equivalence, syntactic transformations, religious prose.

Знаменитый францисканский проповедник XIII в. Бертольд Регенсбургский в своей проповеди «Двенадцать рыцарей дьявола» („Von zwelf juncherren des tiuvels“, № 33) обратил внимание на то, что перевод латинских терминов (таких, как *stipendia*,

---

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 17-18-01624 «Перевод и языковая адаптация в литературных текстах средневековой Европы».

«вознаграждение») на немецкий язык требует больших усилий. Речь шла об аллегории, содержанием которой была военная практика, при которой рыцарь должен был обязательно получить награду за свои ратные труды. Бертольд замечает, что средневерхненемецкое слово *lôn* обозначает любую награду, а латинское *stipendium* — жалование солдата. В этом контексте проповедник сетует на сложности, с которыми он сталкивается не только при переводе с латинского языка, но и просто прибегая к немецкой речи. То, что на латыни выражено емко и точно, приходится излагать на немецком пространно и описательно:

‘Der lôn nâch den sünden ist der tô, aber diu gnâde gotes ist daz êwige leben.’ Alsô sprichet der guote sant Pauls in der heiligen episteln (*ad Rom.* 6, 23). Unde daz wort daz dâ sprichet stipendia, daz ist reht als vil gesprochen, reht also dâ ein ritter ehte wol gestriten hât, dem gît man daz lôn. Wan wir haben vil wort in der latîne, diu wir in tiutsche niemer ûz können gelegen wan mit gar vil umberede: wir sîn in latînischer sprâche gar rîche unde haben vil rede mit kurzen Worten begriffen, dâ man in tiutscher sprâche vil muoz gereden. Und alsô ist daz wort stipendia. Alsô welich ritter wol gestriten hât, dem gît man daz lôn; hât er aber zegelîchen gestriten, sô gît man im ouch daz lôn, daz dar umb er gebürt. (PS I: 520, 1–12).

«Возмездие за грех — смерть, а дар Божий — жизнь вечная». Так говорит добрый святой Павел в священных посланиях (Рим 6: 23). А слово, каковое здесь звучит как *stipendia*, — говорится всякий раз, когда какой-нибудь рыцарь славно сражался: ему дают вознаграждение [daz lôn]. Ибо есть у нас много слов в латинском языке, которые мы никогда не сможем изложить по-немецки иначе, нежели при посредстве предлинного пересказа: в латинском же языке мы весьма богаты и схватываем долгую речь короткими словами там, где в немецком языке приходится много говорить. Таково и слово *stipendia*. Так, когда какой-нибудь рыцарь хорошо сражался, ему дают награду; если же он сражался трусливо², то и награду дают ему такую, каковая ему за это причитается².

Перед авторами и переводчиками, писавшими на немецком языке Высокого и Позднего средневековья, стояла задача найти новые формы для таких тем, которые ранее были зарезервированы для латыни. Эти новые формы едва ли могли претендовать на терминологическую эквивалентность, когда немецкие авторы пытались создать соответствующие номинации с помо-

² Перевод мой – Н. Б. Анализ этого и близких по смыслу пассажей в проповедях Бертольда Регенсбургского см. в: Müller 2003: 112–113.

щью либо довольно сложной техники словообразования³, либо описательных структур: в последнем случае как парафразы, так и определения не образуют фиксированных терминологических единиц. Для всей теологической терминологии, которая обнаруживается в этих текстах, применимы наблюдения, сделанные Г. Штеером относительно терминологии, служащей для передачи значений «благодати»: терминология перевода проигрывает «при переходе на немецкий язык, существующий в латинской понятной терминологии» и обычно предлагает для латинского термина «набор немецких понятий, которые все вместе пытаются исчерпать значимое содержание данного латинского термина» (Steer 1966: 195). Штеер противопоставляет латынь как язык науки (и в этом смысле язык искусственный) немецкому как «обиходному языку, пригодному для назидания и наставления в вере» (Там же).

Еще в 1956 году К. Ру смог заявить в своей революционной докторской диссертации, посвященной немецким переложениям трактатов францисканского теолога Бонавентуры: «Исключительное влияние латыни на словарный запас позднесредневековой литературной прозы становится очевидным, если попытаться рассматривать термины *sub specie latinitatis*. Оно прослеживается во всех возможных звеньях системы — от заимствованного слова <...> до едва уловимых отдельных нюансов значения и косвенных проявлений» (Ruh 1956: 90).

Особенно проблематичным остается влияние латинского языка в области немецкого синтаксиса. Это влияние не является бесспорным уже для древневерхненемецкого периода и должно быть дифференцировано в соответствии с отдельными явлениями (например, порядком слов в зависимом предложении, абсолютными конструкциями). Развитие средневерхненемецкой прозы во всем разнообразии ее жанров приводит к ее значительной независимости от латыни и влечет за собой богатую вариативность, «поскольку не существует обязательного языкового стандарта и, следовательно, открывается регионально обусловленное или же определяемое индивидуально пространство варьирования» (Grosse 1984: 1154).

---

³ О словообразовательных моделях на ранних этапах развития немецкого языка см. работы Н. Б. Пименовой: Pimenova 2013; 2013a; 2016.

В своем «Историческом синтаксисе немецкого языка»⁴ В. Г. Адмони дает обзор «стилевых черт, свойственных различным типам текста в средневерхненемецком языке и влияющих на синтактико-стилистическое оформление текстов» (Admoni 1990: 83). Особое внимание он обращает на духовные сочинения, имевшие, в основном, форму проповедей, — в том числе, писания мистиков:

«Устная презентация, особенно для необразованных людей, требовала определенной простоты синтаксических образований, преобладания паратаксической формы и относительно коротких предложений. Хотя некоторые проповедники были знакомы с основными элементами древней риторики, они использовали ее приемы лишь в ограниченной степени. На первом месте стоят такие стилистические приемы, как синтаксический параллелизм, эмпфаза посредством пролепсиса, перечисление, антитеза — то есть такие средства, которые, хотя и не исключали придаточных (особенно условных и относительных) предложений, были ориентированы прежде всего на паратаксис. [...] Что же касается светских прозаических произведений, появившихся в конце средневерхненемецкого периода, которые описывают общие вопросы мироустройства или касаются отдельных областей жизненной практики («учебники»), то это были отчасти переводы, однако они — так же как и оригинальные тексты — были адаптированы для необразованного читателя и слушателя, что также должно было приводить к упрощенному для восприятия построению речи — в том числе и к слишком коротким предложениям и к использованию лишь самых ярких стилистических приемов. Впрочем, и более сложные стилистические фигуры, — например, хиазм — могут быть весьма эффектными, не требуя запутанного синтаксиса» (Admoni 1990: 83).

Были ли, однако, позднесредневековые переводы прозы синтаксически настолько примитивными? Определение степени зависимости немецкого литературного языка от латыни и более тщательное изучение его независимости в широком спектре письменных памятников все еще относится к актуальным проблемам истории немецкого литературного языка позднего средневековья.

Как известно, в средневековой Европе стиль духовной прозы ориентировался на язык Вульгаты и латинских отцов церкви. Немецкий литературный язык развивался в значительной степени благодаря взаимодействию двух факторов: 1) устоявшейся латинской традиции, имевшей в своем распоряжении весь тер-

---

⁴ Речь идет только о переработанной немецкоязычной версии монографии: Admoni 1990.

минологический аппарат богословия и разнообразные клише, которые затем перешли в немецкие тексты; 2) рефлексии по поводу живого языка, носителями которого были не только сами авторы, но и неизвестные редакторы, составители и писцы.

Основными жанрами позднесредневековой немецкой духовной прозы являются духовно-назидательный и богословский трактат, проповедь для чтения (*Lesepredigt*), медитативная молитва и изречение; чрезвычайно популярны были также жития святых⁵. Переводы, переложения и компиляции латинских оригинальных текстов появляются в XIII в. и становятся массовой литературой в рукописных сборниках XIV–XVI вв. и в старопечатных изданиях. Четкую границу между переводом и вольным переложением провести не всегда просто. Если в VIII–XII веках язык переводных памятников носил отпечаток экспериментального поиска адекватных соответствий в синтаксисе и лексике, то начиная с XIII в. прослеживается тенденция к более свободному переложению латинских текстов религиозного содержания. Интенсивное лексико-синтаксическое варьирование свидетельствует о постепенном отходе (впрочем, далеко не полном) немецкого литературного языка от латинских синтактико-стилистических образцов⁶.

В сфере религиозной литературы эти процессы повлекли за собой перестройку жанровой системы. В частности, история развития немецкой проповеди показывает, что переход с церковного латинского языка на немецкий тесно связана с изменением жанровых параметров и структуры текста. Иллюстрацией этого положения являются немецкие проповеди, приписываемые средневековой рукописной традицией Бертольду Регенсбургскому. По своим стилистическим и жанровым особенностям эти тексты отличаются как от его латинских письменных проповедей, так и от живых устных проповедей на немецком языке. Если до середины XIII в. сборники духовных прозаических текстов на немецком языке составлялись, прежде

---

⁵ См. подробнее Schiewer 2011; там же основная литература по этой теме.

⁶ Подробнее о проблеме функционального соотношения латыни и немецкого языка в позднесредневековый период см., например: Gukhman, Semenyuk 1983: 74–75, 92 и сл.; Wolf 1987: 209–212; Brendel, Moser, Wolf 1993: 348–349; Gindele 1976; Koller 1998: 217–218; Hasebrink 1992; Henkel, Palmer 1992; Henkel 2004: 3176–3178 (см. также библиографию).

всего, в качестве вспомогательного материала, облегчавшего священникам подготовку публичных проповедей (Richter 1969: 212–213), то с расширением читательской аудитории создавались антологии для самостоятельного чтения, способствовавшего размышлению о духовном⁷.

Обращаясь к анализу языковых трансформаций, необходимо уточнить терминологическое значение понятий «варьирования»/«вариабельность» и «вариация» (*Variabilität, Variation*). В частности, К. Й. Маттайер предлагает следующее определение:

«“Вариабельность” охватывает ... без ограничения перспективы общее свойство языка, заключающееся в том, что связь между выражениями и их содержанием в обоих направлениях не всегда однозначна, что содержание может быть представлено несколькими выражениями и что одни и те же выражения могут передавать несколько смыслов. Термин «вариация» может в таком случае относиться к реализации изменчивости в рамках одного исторического языка или у одного говорящего. О «языковом варьировании» следует говорить в том случае, когда варьируется какой-либо лингвистический элемент или группа таких элементов» (Mattheier 1984: 769).

Синхронно ориентированное структурное описание варьирования языка в его функциональных, т. е. *синстратических*, *синтопических* и *синфазических* вариантах (см. Coseriu 1988: 285 и далее), представленных в позднесредневековых памятниках переводной духовной прозы, должно отвечать требованию однородности предмета исследования и расширять наши представления о начальной фазе развития немецкого литературного языка в области религиозной прозы. Нет смысла пытаться искать предпосылки формирования единой стилистической нормы, поскольку, как справедливо замечает Маттайер, «с точки зрения истории языка интересно не только то, что имеет значение как предшествование современным структурам, но и весь спектр языковых форм, вариантов языка, правил использования языка и стандартов его оценки, независимо от источника изменчивости» (Mattheier 1984: 777). Вместо этого следует ставить вопрос о контекстуальных ограничениях варьирования, т. е. о языковых константах и стереотипии.

В естественном языке (как системе, характеризующейся высокой вариативностью всех своих составляющих), трудно просчитываемый диапазон вариантов придает языку функциональ-

---

⁷ Некоторые итоги многолетней дискуссии по этому вопросу обобщены в работах Д. Нойендорф (Neuendorff 1994; 2000; 2006).

ную гибкость. Изменчивость является также одним из основных источников процессов исторического развития языка во всей совокупности его подсистем. Р. О. Jakobson распространяет принцип базовой инвариантности и дисперсии языка на отношения между лингвистическим кодом и различными субкодами как вариантами функционального языка, которые предполагают варьирование в соответствии со степенью эксплицитности лингвистических моделей, стилей и регистров (Jakobson 1985⁸: 381).

Описывая язык перевода, термин «трансформация» не следует понимать терминологически. Речь идет об установлении определенного соответствия между выражениями оригинала и перевода, замене одной формы выражения другой. Переводческие трансформации следует воспринимать не только как чисто лингвистические операции установления межъязыковых соответствий, но и как операции преобразования элементов внеязыкового смысла. Причинами таких трансформаций являются различия в отражении явлений внеязыкового мира, в структуре семантических полей, в комбинаторном потенциале языковых единиц и, наконец, стилистические факторы (см. Shveitser 1988: 123–144).

Другое базовое переводоведческое понятие — а именно, *эквивалентность*, — необходимо дифференцировать, чтобы использовать его в качестве эффективного аналитического инструмента. Так, В. Коллер уточняет типы эквивалентности по отношению к различным аспектам значения, которое следует сохранить при переводе. Он различает денотативную (коннотативную), коннотативную, текстовую, прагматическую и формальную (то есть воспроизведение художественно-эстетических и индивидуализирующих черт оригинала) эквивалентности (см. Koller 1983: 186–191). Во всяком случае, для немецкого языка позднесредневекового периода эквивалентность не следует понимать как нормативное понятие, как это принято в теории перевода, ориентированной на литературный язык с устоявшейся нормой: подход к изучению эквивалентности должен быть исключительно дескриптивным.

Синонимические высказывания в одном и том же либо в разных языках могут считаться эквивалентными только в отношении их смыслового (внеязыкового) содержания. Однако сред-

---

⁸ «Лингвистика в ее отношении к другим наукам» – русский перевод статьи Jakobson 1970.

ства их выражения всегда определяются различиями, которые свойственны значениям соответствующих языковых форм. В этом смысле эквивалентность *смысла* чаще всего не абсолютна, а лишь относительна. Впрочем, конкретный контекст способен нейтрализовать различия на уровне внешней структуры высказываний, если частичное варьирование номинации связано не с глубинными референциальными различиями, а всего лишь с игрой в сфере актуализации языковых значений. Так, например, атрибут в парных вариантах «существительное vs. атрибутивная субстантивная группа» может не указывать на дополнительный понятийный признак, а всего лишь эксплицировать одно из возможных значений слова (которое уже уточнено через ближайший контекст). Примером могут служить обозначения человека духовной жизни в различных версиях трактата «Семь ступеней молитвы» немецкого францисканца Давида Аугсбургского (конец XIII в.): «человек» (*der mensch*) — «духовный человек» (*der geistliche mensche*). Другой пример — обозначение Св. Писания: «слова/речь» (*diu wort*) — «слово Божье / Св. Писание» (*dú gottis wort*)⁹.

В качестве первого примера языкового варьирования в переводном тексте рассмотрим памятник, стоящий особняком в корпусе средневерхненемецкой францисканской прозы хотя бы уже потому, что он имеет цистерцианское происхождение, — а именно, латинский духовно-назидательный и мистико-богословский трактат 1144 г. «*Epistola ad fratres de Monte Dei*» («Послание к братии Мон-Дьё», далее — «Послание»)¹⁰, известный в средневековой традиции также как «*Epistola aurea*» («Золотое послание»). Автором трактата был цистерцианский монах Вильгельм из Сен-Тьерри (1085/90–1148/49). Около 1300 г. в Аугсбурге или его окрестностях был выполнен перевод с Монте-Кассинской редакции памятника¹¹ — он сохранился в двух южнонемецких списках начала XIV в.

⁹ См. подробнее: Bondarko 2003.

¹⁰ Средневерхненемецкий текст приводится здесь по изданию Ф. Хонемана 1978 г.; представленный в этом же издании латинский текст Монте-Кассинской редакции приводится Хонеманом по материалам Ж. Дешане (Déchanet 1975) — в дальнейшем он цитируется здесь как *Epistola*.

¹¹ Как было установлено Ф. Хонеманом, перевод был сделан с рукописи, принадлежавшей к Монте-Кассинской ветви рукописной традиции «Послания». Основной список восточношвабского перевода: Карлсруэ, Библиотека земли Баден (Badische Landesbibliothek), Cod. Donaueschingen 421. Подробное описание рукописи, в том числе и ее

Рассмотрим перевод пассажа из 138-й главы «Послания» (Epistola, 138: 342)¹²:

Sic enim prudens et Deo deditus animus, habere se debet in conscientia sua, sicut prudens paterfamilias in domo sua. Non **habeat**, sicut Salomon dicit, in domo sua mulierem litigosam, **carnem suam; sed ad sobrietatem morigeratam et assuefactam ad oboedientiam** et ad laborem paratam ubique institutam, et esurire et saciari, et habundare et esuriem pati. **Habeat sensus exteriores, non duces sed servientes; interiores sobrios et efficaces. Habeat omnem omnino domum vel familiam cogitationum suarum, sic ordinatam et disciplinatam**, ut dicat huic: vade, et vadat; et alio: veni, et veniat; et servo suo, corpori suo: fac hoc et absque contradictione faciat.

Wan also sol sih der wis mvot, der mit got bekvmbert ist, halten in der gewizzen als ein hvswirt in sinem hvs. Er sol in sinem hvs kein kriegent frawen haben, daz ist sinen lip. **Sinen lip sol also meistern, daz er wol geordent si zaller maezikaet, daz er gevellik si zaller gehorsam**, daz er beraeit si zaller arbeit, daz er also gewent si, daz er hvnger vnd gebresten kvnne liden vnd avch gnvok haben, swenne ez daz zit vordert. Sin vzzet sinne sol er niht als sin herren haben, svnder als sin dienaer. **Sin inner sinne sol er also geriht haben**, daz si allezit mvnder vnd bereit sin ze geistlichen dingen. Allez **daz hvsge-sind siner gedank sol er also zvhtigen vnd orden** vnd im selben als ganzlih **vndertaenik machen**, swenne er sprech hinz dem vnnvtzen gedank: >gank hin!< daz er denne vf der stat gehorsam si, swenne er spreh hinz dem gvoten gedank: >genk her!< daz er denne zehant bereit si, swenne er spreh hinz sinem kneht, daz ist hinz sinem lib: >tve daz!< daz er im des gehorsam si an alle widerred.

Данный пассаж представляет собой парафразу и толкование Писания (Прит. 21:9 и Прит. 25:24; Фил. 4:12; Матф. 8:9 и Лук. 7:8) — наставление для человека духовной жизни. Он интересен дифференцированной стратегией перевода латинской конструкции V_{fin} (*habere*)_{praes.conj.act.} + [Obj]_{acc.} [Attr (part.perf.pass.)_{acc.}]]. Конструкция в целом имеет результитивную семантику и относится к посессивному типу («глагол обладания + перфектно-пассивное причастие»). Обозначает она длящееся в момент говорения состояние, связанное с обладанием,

диалекта, выполнено Хонеманом — см.: Honemann 1978: 120–140 и сл. Семантико-синтаксические аспекты языка перевода и рассматривались мною в статьях: Bondarko 2007; 2008; 2012.

¹² Последующий разбор основан на работе Bondarko 2012.

подлежащее выступает в роли посессора¹³. В приведенном тексте «Золотого Послания» трижды повторяемый глагол *habere* употребляется в конъюнктиве и передает деонтическое модальное значение (юссив). Это дает переводчику основание переводить латинскую конструкцию каждый раз с использованием модального глагола *svln* («быть должным») — это общий компонент при переводе. Однако в способах организации семантической структуры зависимых от этого глагола инфинитивных клауз наблюдаются расхождения, отражающие две разные стратегии передачи зависимого от *habeat* прямого дополнения с причастным оборотом от этого глагола.

- (1) *Sinen lip sol also meistern, daz er wol geordent si zaller maezikaet, daz er gevellik si zaller gehorsam...*

«Тело свое должен [он] смирить таким образом, чтобы привести его в порядок для [достижения] всяческой умеренности, чтобы было оно готово к любому послушанию...»

В этом сложноподчиненном предложении с несколькими соподчиненными придаточными следствия объединены три конструкции с предикатами семантического комплекса, связанного с темой упорядочивания чьей-либо деятельности в контексте духовного воспитания монашествующих. В лингвистическом отношении речь идет о единой сложной конструкции, в которой первое элементарное (главное) предложение является постоянной, а два придаточных — зависимыми переменными. Активная конструкция *Sinen lip sol also meistern* («Тело свое он должен смирить таким образом...») является эквивалентом сочетания финитного глагола *habeat* с прямым дополнением, представленным одним лишь ядерным существительным, без зависимой от него атрибутивно-причастной группы. Стативная конструкция *daz er wol geordent si zaller maezikaet* («чтобы было оно хорошо упорядочено для [достижения] всяческой умеренности») и атрибутивно-предикативная *daz er gevellik si zaller gehorsam* («чтобы было оно готово для любого послушания») эквивалентны самим причастным оборотам. Однако поскольку они, в отличие от латинской конструкции, представляют собой финитные клаузы, то в каждой них содержится подлежащее, выраженное местоимением, кореферентным прямому дополнению главного предложения (*er* → *sinen lip*).

¹³ На этой основе в поздней латыни развивается описательный перфект см.: Hoffmann 1972: 392, § 209c; Menge 2005: 188, § 137; 714, § 499; Maslov 1983: 47–48.

По сравнению с исходным вариантом, немецкий перевод получается не только более развернутым синтаксически, но и семантически избыточным, поскольку предикаты главного и зависимого предложения (*meistern* — *geordent si / gevellik si*) имеют общую сему «упорядочения». В ядерном виде (с устранением дополнительных коннотаций) данную семантическую структуру можно представить так: *Х должен упорядочить Y-ка так, чтобы Y был упорядочен в определенном отношении.*

Сема «упорядочения» отчетливо выражена в ср.-в.-н. глаголе *meistern* в отличие от лат. *habeat*. При этом с выбором предиката иного семантико-синтаксического типа диатеза трансформируется из контентивной в активно-аккузативную¹⁴: подлежащее играет роль уже не посессора, а агенса, посессивное отношение смещается на периферийный уровень объектной именной группы (*sinen lip*).

Инфинитив *meistern* («управлять», «подчинять») является предикативным актантом модального глагола (оператора) *svln*: это семантически полноценный глагол, обозначающий действие упорядочения, контроля со стороны человека над собственным телом. В то же время, синтаксически факультативной, но семантически обязательной (для передачи исходного смысла латинской конструкции) оказывается характеристика выражаемого этим глаголом действия. В главном предложении такая корреляция формально обозначена лишь наречием *also* и раскрывается в зависящем от него придаточном следствия. Содержанием этого придаточного предложения является состояние объекта («тело»), наступившее в результате действия — управления, смирения, упорядочивания (*meistern*). Вместе с тем, в придаточном не просто описываются последствия этого действия, совершенного определенным образом (*also*): результирующее состояние является не только следствием, но и целью действия упорядочивания.

(2) *Allez daz hvsgesind siner gedank sol er also zvhtigen vnd orden vnd im selben als ganzlih vndertaenik machen... daz...*

«Всю домашнюю прислугу мыслей своих должен он настолько вышколить и привести в порядок, а также и сделать настолько покорной самому себе (...), что...»

¹⁴ Используемую в настоящей работе классификацию диатез см. в: Krylov 2011; ср. также описание типологического подхода к определению понятия диатезы: Krylov 2004.

Здесь переводчик отказывается от передачи глагольной формы *habeat* с помощью конструкции с инфинитивом, наподобие *meistern*: он решается сократить это промежуточное звено между модальным оператором и клаузой с результативно-стативной семантикой упорядоченности объекта. В результате упрощается общая структура предложения, превращающегося из сложноподчиненного в простое, а также уходит семантическая избыточность, наблюдавшаяся в первом примере. Более того, это элементарное предложение оказывается ближе к соответствующему латинскому предложению в том отношении, что в обоих вариантах оно играет роль главного по отношению к последующему придаточному следствия. Ценой этого экономичного решения становится отказ не только от акцента на выражении посессивности в структуре предложения, но и от результативной семантики в зависимой клаузе. Если в латинском тексте мудрому человеку предписывается пребывать в таком состоянии, когда его мысли уже упорядочены, то в немецкой интерпретации ему надлежит осуществить само это упорядочение. Действия с этой семантикой выражены инфинитивными оборотами, зависимыми от модального глагола.

В связи с описанными стратегиями перевода латинской посессивно-результативной конструкции с перфектным пассивным причастием примечателен тот факт, что переводчик не пользуется возможностью передать посессивную семантику латинского *habere* при помощи сочетания претеритального причастия с *haben*. Правда, использование конструкции с перфектным инфинитивом после модальных глаголов грамматикализуется, начиная с середины XII в., в качестве средства выражения значения неосуществленного действия в прошлом (см. Paul/Klein/Solms/Wegera 2007: 293, § S 11). Данное обстоятельство, однако, не препятствует появлению этой конструкции в качестве эквивалента другой латинской конструкции — *habere* в сочетании с презентным активным причастием: Vfin (habere)_{praes.conj.act.} + [Obj_{acc.} [Attr (part.praes.act.)_{acc.}]]:

лат.: *Habeat sensus exteriores, non duces sed servientes; interiores sobrios et efficaces.*

«Пусть обращается с внешними чувствами не как с господами, но как со слугами; внутренние же [пусть держит] трезвыми и деятельными».

ср.-в.-н.: *Sin vzzet sinne sol er niht als sin herren **haben**, svnder als sin dienaer. Sin inner sinne sol er also geriht haben, daz si allezit mvnder vnd bereit sin ze geistlichen dingen.*

«Со своими внешними чувствами он должен обращаться не как со своими господами, а как со своими слугами. Своими внутренними чувствами он должен управлять так, чтобы они всегда были бодрыми и готовыми к духовным делам».

Здесь сочетание *gericht haben* с модальным глаголом *svln* в финитной форме следует трактовать как посессивно-результативную конструкцию. Переводчик добавляет отсутствующую в латинском оригинале семантику результативности, а также глагольную лексему со значением упорядоченности. Семантическая и грамматическая избыточность и тяжеловесность немецкого варианта усиливается в придаточном следствия, передающем лаконичные латинские прилагательные.

Причину выбора такой стратегии следует искать в стремлении к стилистическому варьированию. Дело в том, что первая часть латинского предложения переводится совершенно корректно, причем настолько точно и симметрично, насколько это вообще возможно, без добавлений и без потерь — при помощи простой конструкции $V_{fin} (svln)_{Präs.Ind.Akt.} + Obj_{Akk.} \leftarrow [Part.Prät. + haben]$. Таким образом, две близкие латинские конструкции с глаголом *habere* в форме юссивного конъюнктива, а также с активным и пассивным причастиями переводятся каждая двумя разными способами. В результате переводчик достигает чередования четырех конструкций, близких по смыслу и объединенных общим ядром «*er + sol*», однако существенно отличающихся друг от друга синтаксическим оформлением предикатных актантов и зависимых клауз. Лексические особенности латинских и немецких слов также дополняют синтаксические различия целым рядом семантических нюансов.

В качестве второго примера анализа языковых трансформаций при переводе сравним два разных перевода отрывка из краткого жития св. Бригитты Шведской на ранненововерхне-немецкий язык, выполненные почти одновременно (ок. 1500–1502 гг.). Латинский текст входил в состав буллы папы Бонифация IX о канонизации (*Bulla canonisationis* „Ab origine mundi“ 7 октября 1391 г.) св. Бригитты (*Bullarium Romanum*, 618b–619a, § 11–15). Первый из переводов выполнен на тюрингский диалект предположительно в Эрфурте и сохранился в единственной рукописи из собрания Российской национальной библиотеки Ф. 955 оп. 2 № 57. Второй перевод был выполнен на восточношвабском диалекте по заказу имперского рыцаря Флориана Вальдауфа фон Вальденштейна, протонотария импе-

ратора Максимилиана, и был издан в 1502 г. в Нюрнберге Антоном Кобергером¹⁵.

Среди многочисленных примеров языковой асимметрии в обоих переводах обращают на себя внимание случаи синонимической замены группы сказуемого с изменением валентностной структуры предиката и частичной трансформацией смысла. Серьезное изменение предикатной структуры представлено в следующем примере:

Е (РНБ, Ф.955 оп. 2 № 57)	N (Anton Koberger; Nürnberg 1502)
<p>§ 11. Haec nempe mulier gloriosa ex patre Birghero et matre Sighride coniugibus de nobilissima regia stirpe catholicorum Sveciae regum procedentibus, <i>nec minus fide orthodoxa et animi constantia, ac virtutibus, quam nobilitate claris</i> duxit originem.</p> <p>Ведь сия славная дева вела происхождение от отца Биргера и матери Сигриды — супругов, из благороднейшего королевского рода католических королей Швеции происходящих, — верой праведной и постоянством духовным, равно как и добродетелями не менее, чем и благородством чистым.</p>	
<p>(15vb) Das hochwirdige weib die heilige Brigitta aus irem vater Birgero vnnde mütter Sighirde eeliche cristliche personen von eynem aller edelistenn cristlichenn stamme in dem reiche Schweden ist entsprungen vnnde gebornn.</p>	<p>(6v) Wann dife hoch wirdige fraw vom vatter Birghero vnd von der muter Sighride eegemehehn von dem alleredliffen kuenigklichem stamm der cristenlichen künig zu Sweden herkomen / <i>auch in cristenlichem glauben vnd in stetikeit ires gemüts auch tugenden vnnd adelkeit gar lauter</i> hat herpracht iren vrsprung /</p>

В тюрингском переводе Е оба однородных сказуемых *ist entsprungen vnnde gebornn* («произошла и родилась») относятся к подлежащему *Das hochwirdige weib* («предостойная жена»), то есть целиком к самой Бригитте. В латинском оригинале смысловым эквивалентом перфектной формы глагола *ist entsprungen* является причастие *procedentibus*, которое относится не к Бригитте, а к ее родителям — *Birghero et matre Sighride coniugibus* (косвенное дополнение). Эта трансформация связана с сокращением предложения, а именно, с пропуском обстоятельственной предложной группы *nec minus fide orthodoxa et animi constantia, ac virtutibus, quam nobilitate claris*. В качестве компенсации вводится синонимичный глагол — однородное сказуемое (в форме причастия прошедшего времени) в стя-

¹⁵ См. подробнее: Bondarko 2018.

женной перфектной конструкции: *ist entsprungen vnde geboren* («произошла и родилась»). Напротив, в швабском переводе, изданном Кобергером, латинское предложение переведено полностью и без смысловых расхождений.

Помимо лексической синонимии, в переводах обнаруживаются следующие явления:

- 1) пропуски и вставки слов и словосочетаний;
- 2) лексико-синтаксические трансформации на уровне словосочетания (например, перестановка компонентов, влекущая за собой изменения в структурной схеме словосочетаний);
- 3) частеречная замена, в том числе, с использованием синонимичных слов;
- 4) трансформации в группе сказуемого, сопровождаемые изменением валентностной структуры предиката или диатезы, а также аналогичные замены в непредикатных структурах;
- 5) синтаксическое варьирование на уровне простого и сложного предложения, связанное с заменой или устранением коннекторов, а также — с трансформацией предикатной структуры.

Более подробный сопоставительный анализ нюрнбергского и эрфуртского переводов жития св. Бригитты позволяет выявить базовые различия переводческих стратегий, прослеживаемые по всем отмеченным параметрам с минимальными исключениями. Если переводчик текста, опубликованного Кобергером, стремится к максимальной точности и предпочитает пословный перевод (иногда даже в ущерб общему смыслу высказывания), то автор перевода из эрфуртской рукописи обращается с исходным текстом гораздо более вольно, не боясь вносить дополнения или сокращать элементы текста, и обычно предлагает варианты, не привязанные к латинским синтаксическим схемам.

Итак, языковое варьирование вызывает изменения в переводном тексте, сохраняя при этом информативное ядро оригинала. При всей мнимой незначительности таких микротрансформаций, они в некоторых случаях приобретают большое значение для изучения стратегий редактирования текста, используемых средневековыми авторами и редакторами, с одной стороны, и творческих возможностей средне- и ранненововерхне-немецкого языка во время формирования стилистических образцов — с другой. Изменение грамматической формы слова иногда может неожиданно открыть новые возможности для толкования всего высказывания. Чаще, однако, встречается

противоположная ситуация: использование новых эпитетов, тропов и фигур речи, а также столь популярная в Средние века амплификация, практически оставляют неизменным смысл оригинального текста.

Литература

Источники:

Ркп. Е — РНБ, Ф.955 оп. 2 № 57.

Bullarium Romanum. Bullarum, diplomatum et privilegiorum sanctorum Romanorum Pontificum Taurinensis editio: locupletior facta collectione novissima plurium brevium, epistolarum, decretorum actorumque S. Sedis a S. Leone Magno usque ad praesens cura et studio R.P.D. Aloysii Tomassetti ...auspicante ... S.R.E. cardinali Francisco Gaude. T. IV. Augustae Taurinorum 1859. P. 616–624.

Das buch der Himlischen offenbarung der heiligen wittiben Birgitte von dem kunigreich Sweden. Hrsg. Von Florian Waldauf von Waldstein. Nürnberg: Anton Koberger, 1502.

Déchanet, J. 1975: *Guillaume de Saint-Thierry: Lettre aux Frères du Mont-Dieu (Lettre d'or)*. Introduction, text critique, traduction et notes. Paris (= Sources chrétiennes 223).

Epistola — Honemann V. Die *Epistola ad fratres de Monte Dei* des Wilhelm von Saint-Thierry. Lateinische Überlieferung und mittelalterliche Übersetzungen. München 1978 (= Münchener Texte und Untersuchungen 61). S. 288–413.

Honemann V. Die *Epistola ad fratres de Monte Dei* des Wilhelm von Saint-Thierry. Lateinische Überlieferung und mittelalterliche Übersetzungen. München 1978 (= Münchener Texte und Untersuchungen 61). S. 1–218.

PS I — Pfeiffer Fr. Berthold von Regensburg. Vollständige Ausgabe seiner deutschen Predigten. Bd. I. Wien, 1862.

Научно-исследовательская и справочная литература:

Admoni, W. 1990: *Historische Syntax des Deutschen*. Tübingen.

Betten, A. 1987: *Gründzüge der Prosasyntax. Stilprägende Entwicklungen vom Althochdeutschen zum Neuhochdeutschen*. Tübingen.

Bondarko, N. A. 2003: Aspekte der sprachlichen Variierung im mittellateinischen Traktat *Septem gradus orationis* Davids von Augsburg und seinen mittelhochdeutschen Übersetzungen. *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. Т. 1. Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб., 279–313.

Bondarko, N. A. 2007: Die sprachlichen Erscheinungsformen der deontischen Modalität in der *Epistola ad fratres de Monte Dei* Wilhelms von Saint-Thierry und in deren mittelhochdeutschen Übertragung. In: *Probleme der historischen deutschen Syntax unter besonderer Berücksichtigung ihrer Textsortengebundenheit*. Akten zum Internationalen Kongress an der Freien Universität Berlin 29. Juni bis 3. Juli 2005. Hg. von Franz Simmler und Claudia Wich-Reif. Berlin, 151–195.

- Bondarko, N. A. 2008: [*Quaeris quid agas, in quo te occupes?* The deontic modality in “Epistola ad fratres de Monte Dei” William’s of Saint-Thierry (Latin and Middle High German versions)]. *Indoeuropeiskoe vazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European linguistics and classical philology*] 12, 34–48.
- Бондарко, Н. А. 2008: *Quaeris quid agas, in quo te occupes?* Модальность долженствования в «Послании к братии Мон-Дьё» Вильгельма из Сен-Тьерри (латинская и средневерхне-немецкая редакции). *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 12, 34–48.
- Bondarko, N. A. 2012: [Syntactic and semantic asymmetry in Latin version of the “Epistola ad fratres de Monte Dei” William’s of Saint-Thierry and in its Middle High German translation]. In: *Varietas delectans. Sbornik statey k 70-letiyu N. L. Sukhacheva* [*Varietas delectans. Essays in honour of N. L. Sukhachev: Celebrating His 70th Birthday*]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 48–49.
- Бондарко, Н. А. 2012. Синтаксическая и семантическая асимметрия в латинском «Послании к братии Мон-Дьё» Вильгельма из Сен-Тьерри и его средневерхненемецком переводе. В сб.: *Varietas delectans. Сборник статей к 70-летию Н.Л. Сухачева*. СПб.: Нестор-История, 48–89.
- Bondarko, N. A. 2018: [Translations and adaptations of St. Birgitta of Sweden’s “Revelationes” in later medieval Germany: a statement of the problem]. *Indoeuropeiskoe vazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European linguistics and classical philology*] 22, 182–197.
- Бондарко, Н. А. 2018: Переводы и адаптации «Откровений» Бригитты Шведской в позднесредневековой Германии: постановка проблемы. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 22, 182–197.
- Brendel, B., Moser, St., Wolf, N. R. 1993: Sprachliche Strukturen als Wissensträger. In: Brunner, H., Wolf, N. R. (Hgg.). *Wissensliteratur im Mittelalter und in der frühen Neuzeit. Bedingungen, Typen, Publikum, Sprache*. Wiesbaden, 347–369. (= *Wissensliteratur im Mittelalter*; 13)
- Coseriu, E. 1988: *Einführung in die Allgemeine Sprachwissenschaft*. [Nach d. Ms. D. Autors aus d. Span. übers. Von M. Hübner ...]. Tübingen.
- Gindele, H. 1976: *Lateinische Scholastik und deutsche Sprache. Wortgeographische Untersuchungen zur mittelhochdeutschen Thomas-Überlieferung* (Hs. HB III 32, Landesbibliothek Stuttgart). I. Teil: *Lehnbildungen im Bereich der Gotteslehre*. München (= Münchener Germanistische Beiträge 22).
- Grosse, S. 1984: Syntax des Mittelhochdeutschen. In: *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung*. Hrsg. v. W. Besch, O. Reichmann, St. Sonderegger. Bd. 2. Berlin; New York. S. 1153–1159.
- Gukhman, M. M., Semenyuk, N. N. 1983: [*The history of German literature language of the IX–XV centuries*]. Moscow: Nauka.
- Гүхман М.М., Семенюк Н.Н. 1983: *История немецкого литературного языка IX–XV вв.* М.: Наука.

- Hasebrink B. 1992: Grenzverschiebung. Zu Kongruenz und Differenz von Latein und Deutsch bei Meister Eckhart. In: *Zeitschrift für deutsches Altertum* 4, 369–398.
- Henkel, N. 2004: *Lateinisch/Deutsch Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung*. 2., vollständig neu bearb. und erweit. Aufl. hg. von W. Besch, A. Betten, O. Reichmann, St. Sonderegger. — Teilbd. 4. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 3171–3182. (= Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft 2).
- Henkel, N., Palmer, N. F. (Hrsg.) 1992: *Latein und Volkssprache im deutschen Mittelalter 1100–1500: Regensburger Colloquium 1988*. Tübingen.
- Hofmann, J. B. 1972: *Lateinische Syntax und Stilistik*. Neubearb. v. A. Szantyr. München.
- Honemann, V. 1978: Die *Epistola ad fratres de Monte Dei* des Wilhelm von Saint-Thierry. Lateinische Überlieferung und mittelalterliche Übersetzungen. München (= Münchener Texte und Untersuchungen 61).
- Jakobson, R. 1970: Linguistics in its relation to other sciences. In: *Main trends of research in the social and human sciences*. Part 1: *Social sciences*. Paris; The Hague, 419–463.
- Jacobson, R. O. 1985: [Linguistics in its relation to other sciences. Transl. from English by N. I. Pertsova]. In: Jacobson, R. O. 1985: *Izbrannye raboty* [Selected Studies]. Moscow: Progress, 369–420.
- Якобсон, Р. О. 1985: Лингвистика в ее отношении к другим наукам. Пер. с англ. Н. И. Перцовой. В сб.: Якобсон, Р. О. *Избранные работы*. М.: Прогресс, 369–420.
- Koller, W. 1983: *Einführung in die Übersetzungswissenschaft*. 2. Ausg. Heidelberg.
- Krylov, S. A. 2004: [Diathesis and related concepts: some considerations about their relationship]. In: *Tipologicheskiye obosnovaniya v grammatike: K 70-letiyu prof. V. S. Khrakovskogo*. Otv. Red. S. Yu. Dmitrenko. [Typological justifications in grammar: to the 70th anniversary of prof. V. S. Khrakovskiy. Ed. By S. Yu. Dmitrenko]. Moscow: Znak, 259–267.
- Крылов, С. А. 2004: Диатеза и смежные понятия: некоторые соображения об их соотношении. В сб.: *Типологические обоснования в грамматике: К 70-летию проф. В.С. Храковского*. Оtv. ред. С.Ю. Дмитренко. М.: Знак, 259–267.
- Krylov, S. A. 2011: [Types of diatheses in Russian]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory] 1 (21), 47–76.
- Крылов, С. А. 2011: Типы диатез в русском языке. *Русский язык в научном освещении*, № 1 (21), 47–76.
- Maslov, Yu. S. 1983: [Resultativ, Perfect and verbal Aspect]. In: *Tipologiya rezul'tativnykh konstruktsiy (rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt)*. Otv. Red. V. P. Nedyalkov [The typology of resultativ constructions (Resultativ, Stativ, Passiv and verbal Aspect)]. Ed. By V. P. Nedyalkov]. Leningrad: Nauka, 54–65.

- Маслов, Ю. С. 1982: Результатив, перфект и глагольный вид. В сб.: *Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект)*. Отв. ред. В.П. Недялков. Л.: Наука, 54–65.
- Mattheier, K. 1984: Allgemeine Aspekte einer Theorie des Sprachwandels. In: *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung*. Hrsg. v. W. Besch, O. Reichmann, St. Sonderegger. Bd. 1. Berlin; New York, 720–730.
- Menge, H. 2005: *Handbuch der lateinischen Syntax und Semantik*. Völlig neu bearb. von Th. Burkard u. M. Schauer. 4. Aufl. Darmstadt.
- Müller, D. 2003: *Gesellschaft und Individuum um 1300 in volkssprachlicher franziskanischer Prosa*. Diss. Phil. Köln, 2003; <http://kups.ub.uni-koeln.de/volltexte/2005/1487/>.
- Neuendorff, D. 1994: *Bruoder Berthold spricht?* Textgeschichtliche Untersuchungen zu Predigten Bertholds von Regensburg. Teil 1: Untersuchungsteil. Oulu: Universität Oulu.
- Neuendorff, D. 2000: *Bruoder Berthold spricht* — aber spricht er wirklich?. *Neuphilologische Mitteilungen* 101, 301–312.
- Neuendorff, D. 2006: Si vis exponere, hoc fac. Zu deutschen Berthold von Regensburg zugeschriebenen deutschen Predigten und ihren lateinischen Vorlagen. *Neuphilologische Mitteilungen* 107. S. 347–360.
- Palmer, N. F., Schiewer H.-J. 2003: Literarische Topographie des deutschsprachigen Südwestens im 14. Jahrhundert. *Zeitschrift für deutsche Philologie* 122, Sonderheft (2003), 178–202.
- Paul/Klein/Solms/Wegera 2007 — Paul H. Mittelhochdeutsche Grammatik. 25. Aufl., neu bearbeitet von Th. Klein, H.-J. Solms u. K.-P. Wegera. Mit einer Syntax von I. Schröbler, neu bearb. und erw. von H.-P. Prell. Tübingen, 2007.
- Pimenova, N. B. 2013: [Change of productive models of abstract nouns in the Middle High German and Old High German languages: Retrospection and reconstruction]. *Indoevropskoe vazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European linguistics and classical philology] 17, 717–727.
- Пименова, Н. Б. 2013: Смена продуктивных моделей отвлеченных имен в средневерхненемецком и древневерхненемецком языке: ретроспекция и реконструкция. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 17, 717–727.
- Pimenova, N. B. 2013a: [Derivational Metaphorics as a Specific Phenomenon in the Functioning of Abstract Nouns (based on the materials of medieval German)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology] 2, 48–55.
- Пименова, Н. Б. 2013: Деривационная метафорика как особое явление в функционировании отвлеченных имен (на материале немецкого языка Средневековья). *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология* 2, 48–55.
- Pimenova, N. 2016: Metaphorische Kontexte und die Distribution der ‚heit‘-Nomina im Alt- und Mittelhochdeutschen. *Sprachwissenschaft* 41 (1), 1–30.

- Richter, D. 1969: *Die deutsche Überlieferung der Predigten Bertholds von Regensburg*. München: Verlag C.H. Beck.
- Ruh, K. 1956: *Bonaventura deutsch. Ein Beitrag zur deutschen Franziskaner-Mystik und -Scholastik*. Bern.
- Schiewer, R. 2011: Das geistliche Schrifttum von den Anfängen bis zum Beginn des 14. Jahrhunderts. In: *Deutsches Literatur-Lexikon. Das Mittelalter*: [Autoren und Werke nach Themenkreisen und Gattungen] / hrsg. von W. Achnitz. Bd. 1: *Das geistliche Schrifttum von den Anfängen bis zum Beginn des 14. Jahrhunderts*. Berlin; New York: De Gruyter, X–XXIII.
- Shveitser, A. D. 1988: [*Theory of Translation: Status, Problems, Aspects*]. Moscow: Nauka.
- Швейцер, А. Д. 1988: *Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты*. М.: Наука
- Steer, G. 1996: *Scholastische Gnadenlehre in mittelhochdeutscher Sprache*. München: Beck (= Münchener Texte und Untersuchungen zur deutschen Literatur des Mittelalters 14).
- Wolf, N. R. 1987: Probleme wissensliterarischer Kommunikation. In: *Wissensorganisierende und wissensvermittelnde Literatur im Mittelalter. Perspektiven ihrer Erforschung*. Kolloquium 5.–7. Dezember 1985. Hg. von N. R. Wolf. Wiesbaden: Reichert, 209–220. (= Wissensliteratur im Mittelalter 1).

DOI: 10.30842/ielcp2306901524339

Larissa Naiditsch
(The Hebrew University of Jerusalem)

**,HAUS‘ UND ,HOF‘ IN DEN DEUTSCHEN INSELMUNDARTEN
DER UKRAINE IN DEN 1920er JAHREN NACH DEM ARCHIV
VON VIKTOR SCHIRMUNSKI**

**‘House’ and ‘yard’ in German “insular” dialects in Ukraine in 1920ies
according to the archive of V. M. Žirmunsky**

The purpose of this paper is to continue studying Viktor Maximovich Žirmunsky’s dialectological archive in St. Petersburg. The archive contains data about the dialects of Russian Germans who lived in the southern regions of the USSR in the 1920ies. Žirmunsky, his students, and colleagues were studying the “insular” German dialects in the Crimean peninsula, Ukraine, and Transcaucasia. They planned to publish the dialectal vocabulary of a farmer, using, among other methods, the vocabulary surveys. This work was interrupted by the tragic events of the 1930ies and 1940ies which resulted in the persecution of ethnic Germans in the USSR.

The paper examines the archive’s unpublished dialectological materials, focusing on the questionnaires filled out by respondents in the 1920ies. The analysis of the lexical units ‘house’ and ‘yard’ is presented.

Keywords: German dialectology, German insular dialects in the USSR, dialectological archive of Viktor Maximovich Žirmunsky, dialectal vocabulary.

Л. Э. Найдич
(Еврейский университет в Иерусалиме)

**«Дом» и «двор» в немецких островных диалектах Украины в
1920-х годах по архиву Виктора Максимовича Жирмунского**

Статья продолжает изучение диалектологического архива Виктора Максимовича Жирмунского в Санкт-Петербурге, где хранятся материалы, касающиеся говоров российских немцев на юге СССР. Жирмунский и его ученики занимались в 1920-е годы изучением островных диалектов российских немцев. Они готовили материалы для диалектного словаря крестьянского хозяйства, используя, в том числе, словарные анкеты. Собранный лексический материал немецких островных диалектов, т. е. заполненные информантами в 1920-х гг. анкеты, остаются неопубликованными. В статье рассмотрена диалектная лексика на тему ‘дом’ и ‘двор’ из архива.

Ключевые слова: немецкая диалектология, немецкие островные диалекты на территории СССР, диалектологический архив В. М. Жирмунского, диалектная лексика.

1. Einleitung

Der vorliegende Aufsatz setzt die Erschließung des dialektologischen Archivs des prominenten Philologen Viktor Schirmunski (Viktor Maximowitsch Žirmunskij) fort¹. Bekanntlich wandte sich dieser Gelehrte, der sich damals schon einen Namen durch seine Studien der deutschen Literatur, der Verstheorie und der zeitgenössischen Lyrik gemacht hatte, in den 1920er Jahren der Erforschung der deutschen Sprachinseln in der UdSSR zu. In der zweiten Hälfte der 1920er Jahre unternahm er zusammen mit seinen Mitarbeitern und Schülern Studienreisen in die deutschen Kolonien auf der Krim, im Gebiet Odessa, in Transkaukasien, wie auch in dem Gebiet Leningrad, um dialektologische und Folklorematerialien zu sammeln (Zinder 1998, Svetozarova 2013).

Gleichzeitig wurden Fragebögen in die deutschen Siedlungen geschickt, die dort mit Hilfe der Dorflehrer ausgefüllt und zurückgeschickt wurden, was der indirekten Methodik in der Dialektologie entsprach. Die Fragebögen enthielten die in der deutschen Dialektologie traditionellen *Wenkers Sätze*. Da diese Testsätze vor allem für die Ermittlung der phonetischen Besonderheiten der Dialekte, aber auch (in geringerem Ausmaß) ihrer grammatischen Züge dienten, ergab sich die Notwendigkeit, weitere, auch lexikologisch orientierte Fragen zusammenzustellen. Schirmunski fügte dem traditionellen Fragebogen noch eine Liste der Wörter und Wendungen hinzu. Aber auch das erwies sich als ungenügend. Als Folge dieser Erkenntnisse entstand noch ein Forschungsprojekt: ein Wörterbuch der Lexik der Bauernwirtschaft wurde geplant. Dabei mussten sowohl sprachliche, als auch volkskundliche Angaben nach dem Prinzip *Wörter und Sachen* fixiert werden. (Žirmunskij 1932=1976: 446). Wortgeographie interessierte den Gelehrten u. a.

---

¹ In den Jahren 2014–2016 wurde die Erforschung des Archives im Rahmen des Projekts „Germanistische Archive in St. Petersburg. Wissenschaftliche Aufarbeitung des Archivs V. M. Schirmunski (Žirmunskij) an der Akademie der Wissenschaften“ (RFH No. 13-04-00369) durchgeführt. An dieser Forschungsarbeit nahmen Natalija Swetozarowa, Larissa Pusejkina und Larissa Naiditsch teil. Vorläufige Forschungsergebnisse siehe in Svetozarova 2013, Naiditsch, Svetozarova 2015, Naiditsch 2015, 2017, 2018. В 2014–2016 гг. исследование архива проводилось в рамках проекта РГНФ («Германистические архивы в Санкт-Петербурге. Научная обработка архива В. М. Жирмунского в СПФ АРАН»), проект № 13-04-00369, 2014–2016 гг. В исследовании принимали участие Н. Д. Светозарова, Л. Н. Пузейкина и Л. Э. Найдич. Предварительные результаты исследования изложены в публикациях Svetozarova 2013; Naiditsch, Svetozarova 2015, Naiditsch 2015, 2017, 2018.

vom Standpunkt der Sprach- und Dialektmischungen aus, die er zuerst am Material der Phonetik untersucht hatte. „Eine große Bedeutung kommt beim Erforschen dieser Vermischungsprozesse der geographischen Lexikologie zu, mithin den Fragen, die mit der territorialen Differenzierung zu tun hat“ (Žirmunskij 1933–2018: 2, 184). Dabei betonte er die Rolle des „volkskundlichen Wortschatzes“. Somit wurde von Schirmunski noch ein Fragebogen erarbeitet und in mehrere Kolonien geschickt. Die Studienreisen und zwei Arten der Fragebögen mussten ein umfassendes Bild des Lebens von deutschen Kolonisten liefern und die Kolonien in vollem Umfang beschreiben: aus der Perspektive der Sprache, der Folklore und der Volkskunde.

Die Lexik zum Thema *Haus und Hof* erforschte der Gelehrte parallel zu der entsprechenden materiellen Kultur. So richtete er seine Aufmerksamkeit u. a. auf die Bauarten der Kolonistenhäuser und auf die Hofanlage. „In den deutschen Kolonien hat die Volkskunde vor allem zur Aufgabe in unterschiedlichen Gegenden, das alte kulturelle Gut festzustellen, dass die deutschen Bauern aus ihrer früheren Heimat mitgebracht haben, und die weitere Entwicklung dieser Bauernkultur auf neuem Boden, durch den Einfluss neuer geographischer, wirtschaftlicher Verhältnisse, sowie durch Kulturaustausch mit den neuen Nachbarn zu verfolgen“ (Schirmunski 1925: 45). Was die direkte Forschung betrifft, so machten der Gelehrte und seine Mitarbeiter nicht nur Aufzeichnungen und Notizen, sondern auch Grammophon-Aufnahmen der Volkslieder (Bertleff, John, Svetozarova 2018); darüber hinaus fotografierten sie Menschen, Hauseinrichtungen und Gebäude. Die meisten dieser Fotos blieben bei der Familie des Gelehrten; sie wurden erst 2016 publiziert (Žirmunskaja, Starec, Naiditsch, Svetozarova 2016).

Diese Forschungsarbeit wurde Anfang der 1930er Jahre wegen des Terrors gegen die Nationalminoritäten, unter ihnen auch gegen die Sowjetdeutschen, eingestellt. Schirmunskis Mitarbeiter mussten Repressalien erleiden. Die deutschen Siedlungen im europäischen Teil der UdSSR wurden in den 1940er Jahren komplett ausgeligt.

Die dialektologischen Materialien, u. a. die Fragebögen für das geplante Wörterbuch der Bauernwirtschaft, liegen heute in der Sankt-Petersburger Filiale des Archivs der Akademie der Wissenschaften Russlands (Fonds 1001) und werden allmählich bearbeitet. Im Weiteren sei ein Teil der ausgefüllten Fragebögen betrachtet, und zwar derjenige, wo es sich um die Lexik zum Thema *Haus und Hof* handelt. Sie stammen aus den Gebieten Cherson,

Odessa und aus den anderen deutschen Gebieten im Süden der Sowjetunion.

Die hier betrachtete Lexik gehört zum rheinfränkischen (pfälzisch-hessischen) Wortschatz. Eine nähere Analyse jeder heute schon verschollenen Ma der südlichen Kolonien ist zurzeit kaum möglich. Schirmunski stellte fest, dass die meisten Inseldialekte in der Ukraine Mischmundarten waren. Manchmal handelte es sich um fränkisch-schwäbische Dialekte, bei deren Mischung schwäbische Besonderheiten (diejenigen, die der Gelehrte Primärmerkmale genannt hat) untergegangen sind (Žirmunskij 1929 = 1976: 495–497).

2. Haus

2.1. Fußboden und Zimmerdecke

Die Bezeichnungen von Fußboden und von Zimmerdecke sind in den lexikalischen Fragebögen von Schirmunski unter 30 und 31. angebracht. Vgl. folgende Belege:

Tabelle 1. Bezeichnungen für Fußboden und Zimmerdecke in einzelnen Kolonien

Standardsprache	30 a Leimboden	30 b Bretterboden	31 Zimmerdecke
Alexandr2, vgl. auch N-Grüntal, Olgino, Marxfeld, Feodorowka	Erdbode	Dielbode	Bode
Sophiental	Laimbode	Bretterbode	Spaicher, Behne
Petropawlowka	Laimbode	Diele	Potolok, Bode
Klein Orlow	Druckboda	Brettaboda	Owaboda
Marjanowka	Bode	Bode	Deck
Nov. Berezniki	Leimbode	Fußboden	Boden, Behne
Neu-Dmitriewka, vgl. auch Klosterdorf	Erdboden	Brettboden	Boden
Schlangendorf	Erdbode	Bretterbode	Bode
Neu-Klostertal	Diele	Diele	Boden
Miliardowka	Lamaboda	Dielaboda	Eschtring
Straßburg	Boden	Dielebode	Neschtreng
Kandel	Laimbode	Bretterbode	Eschtrich

Somit ist *Boden* als ein selbständiges Wort oder als Wortteil in den betrachteten Fragebögen am häufigsten zu treffen. Es fällt auf, dass *Boden* in der Bedeutung ‚Zimmerdecke‘ gebraucht wird, was den Angaben der Dialektwörterbücher, wie auch der Etymologie des Wortes nicht entspricht. Das Wort ist seit dem 9. Jahrhundert als *bodem*, später *boden* bekannt, und zwar in der Bedeutung ‚Erdoberfläche, Grund‘ (Etym. 154). Auch in den modernen Maa entspricht die Bedeutung dieses Wortes der ursprünglichen und nicht derjenigen in den obigen Maa. So steht im PfWb 1. 1067 (vgl. 830): *Boden* „Erdboden. Fläche, auf der man steht, geht; übertr. ‚sichere Grundlage‘, in Gebäuden ‚Fußboden““. Unter 3 b ist dort die Bedeutung ‚Dachboden‘ angegeben, die seit dem 16. Jahrhundert im Deutschen bekannt ist. Sie müsste die Quelle der Umdeutung des Wortes gewesen sein. Vgl. auch NRhW und auch Post 2000: 46, wo *Bodem*, *Boden* in pfälzischen Maa als ‚Erd-Fußboden, unterer Teil‘ erscheint.

Eschtrich (*Estrich*) bedeutet im Deutschen nach Duden ‚fugenloser Fußboden, Unterboden aus einer erhärteten Masse (insbesondere Zement)‘, im Schweizerdeutschen ‚Dachboden, Dachraum‘, in manchen Maa ‚Fußboden‘, aber auch ‚Zimmerdecke‘ PfWb 2: 1083, RhWb 2: 203, Post 2000: 57. Ein seltenes Beispiel ist das Wort *Neschtreng* mit n-Prothese aus dem unbestimmten Artikel.

Gelegentlich kommen in den Fragebögen *Behn* (*Bühne*) und *Speicher* als ‚Zimmerdecke‘ vor.

Der Schluss liegt nahe, dass die Benennung der Zimmerdecke in den betrachteten Maa aus derjenigen des Dachbodens entstanden ist. *Boden* > *Dachboden* > *Zimmerdecke*. *Dachboden* war ein Vorratsraum, der sich unter dem Dach befand, was sowohl für Deutschland (PfWb 1, 1068, 6: 242), als auch für die Kolonien in der Ukraine typisch war. Schirmunski schrieb über die Häuser in den Kolonien: «unter dem Dache befindet sich der Speicher (in der Ukraine auch *Bühne* oder *Owwenuf* genannt)» (Schirmunski 1930: 75). Der lexikalische Unterschied zwischen ‚Decke‘ und ‚Boden‘ wird oft wenn nicht durch völlig unterschiedliche Lexeme, so durch Zusammensetzungen wiedergegeben (siehe oben Tabelle 1).

2. 2. Eingang, Korridor

Das Kolonistenhaus in der Südukraine beschrieb Schirmunski folgenderweise: «Das Haus ist dreiteilig, in der Mitte die Küche mit einer Vorstube (in der Ukraine *Vorderstub*, *Vorderkich*, *Hausern* oder auch *Hausder* genannt)» (Schirmunski 1930: 75). Zwei Fragen im Fragebogen betreffen den Vorraum des Hauses: 33: „Der mittlere

Raum des Hauses vor der Küche“ und 34 „Der gedeckte Vorbau vor der Tür“. Als Übersetzung des Ersteren finden sich in den Fragebögen die Belege: *Hausern, Haustear, Haustier, das Voraus, die Vorraus, Herausgang, Hausgang, Mittelstub, Kichle, Kichln, Kariderle, Kirlander, Kolida*. Der häufigste ist dabei *Hausern* oder das davon stammende *Hauster*. Das altdeutsche Wort *Ern*, der zweite Teil des Kompositums *Haus-ern*, entspricht dem mhd. *er(e)n* ‚Fußboden, Tenne‘. Nach RhWb 2, 168–169 war *Ern* „der grosse, mit Platten belegte Hausflur in altfränkischen Bauernhäusern, der zugleich Küche war“, nach PfWb 3, 717–718 ist „Haus-ern m., f.: Hausgang, Hausflur (im Erdgeschoß) des Bauernhauses“². „Das Wort war schon um 1930 mancherorts nur noch den Alten geläufig <...> In der Form *Hausdeer(e)* liegt Anlehnung an *Haus-deer* ‚Hautstür‘ vor“ (ebenda). Vgl. auch Südhess. 3: 182; RhWB 3: 360. Somit besteht kein Zweifel, dass die Kolonisten dieses Wort aus ihrem Ursprungsort in Deutschland gebracht hatten, wie auch die Art des Hausbaus, die teilweise der deutschen entsprach. Die drei letzteren angeführten Belege *Kariderle, Kirlander, Kolida* sind die der deutschen Sprache angepassten Entlehnungen aus dem Russischen oder aus dem Ukrainischen. Die Abwechslung *r / l* kommt oft auch in der russischen Umgangssprache als „Fehler“ vor (/kal’idor/).

Der gedeckte Vorbau vor der Tür ist eine Besonderheit des russischen Dorfhauses. Schirmunski stellte fest: „Die Teile des Hauses, die auf die russische Art gebaut wurden, wurden durch Lehnwörter benannt. So hieß das Vorhaus in vielen russland-deutschen Maa *Kriletz* (aus russ. *крыльцо* – *kryl’co*)“ (Schirmunski 1928, 117)³. Jedoch finden wir in den Fragebögen meistens deutsche Entsprechungen, die auf russischem Boden entstanden sind: *Vorlaube, Vorhaus, Vorheisl*, seltener *Treppendecke, Überhang, Schirm, Korridor*. Ein seltenes Beispiel der Entlehnung dieses Wortes aus dem Russischen ist *der Griltz* (Sorotschino, Gebiet Korosten).

² Vgl. die Beschreibung des Kolonistenhauses in den Erinnerungen des Pfarrers David Weigum aus der Kolonie Ludwigstal auf der Krim (1876 – 1952): Mein Eltern- und Geburtshaus war das kleinste von allen Wirtshäusern (Bauernhäusern) im Dorf. <...>. Bei einem plötzlichen Gewitter drang das Wasser in die Hausehrn (den Hausflur). <...>. Die Küche mit dem Backsteinherd war durch eine dünne Wand von der Hausehrn abgetrennt. Von dort aus wurden die Stubenöfen geheizt“ (Weigum s.a.: 28–29).

³ Vgl. Bachmann 2015: 39, wo Hermann Bachmann, ein Mitarbeiter von Schirmunski und Teilnehmer einiger seiner Studienreisen, Vorhäuschen als einen Teil des Bauernhauses erwähnte.

2. 3. Möbel

Von Schirmunskis Interesse für die innere Ausstattung des Hauses als eines wichtigen Elementes der materiellen Kultur zeugen einige Fotos (Žirmunskaja, Starec, Naiditsch, Svetozarova 2016: 50, 53, 61, 67, 76). Besonders interessant und schön sind Fotos der bemalten Schränke (ebenda: 67, 76). Das Wort *Schrank* in den Fragebögen wurde meistens als *Schank* übersetzt. Das entspricht dem Pfälzischen und den anderen rheinfränkischen Maa (PfWb 5: 870, RhWb 7: 912) und wurde auch im Gebiet Petersburg–Leningrad belegt (Najdič 1997: 90). Das Wort *Schank* war bereits im Mhd bekannt und wird als Nebenform vom *Schrank* betrachtet (Etym. 2004: 1240).

3. Hof

Dreschen war ein wichtiger Bestandteil der landwirtschaftlichen Arbeit. Hermann Bachmann, ein Mitarbeiter von Schirmunski, erzählte in seiner Reisebeschreibung, wie Schirmunskis Forschungsgruppe in die Kolonie Katharinenthal zur Zeit des Dreschens gekommen war, und beschrieb diesen Prozess⁴ (Bachmann 1929: 44–45, Svetozarova 2015: 61–62).

„Dreschplatz auf dem Hofe“ (Nummer 34) wurde in den Fragebögen übersetzt als: *Dreschplatz*, *Tenn*, *Denn*, *Dreschdin*, *Treschtin*, *Dreschdenn*, *Dreschdiele*, *Trempelflur*. Hier finden wir phonetische oder eher Schreibvarianten des Wortes (*d – t*). Die Form *Dreschdin* entstand infolge der Reduktion des zweiten schwach betonten Wortteils. *Tenne* ist ‚fest gestampfter Lehm Boden in der Scheune, er diente zum Dreschen und wurde auch Dreschtenne genannt‘ (PfWb 2: 216, RhWb 8: 1135, Grimm 2: 1408). Die meisten Lexeme im Fragebogen entsprechen der deutschen Regionallexik. *Trempelflur* kommt viel seltener als andere Belege vor; der erste Teil des Wortes stammt von dem Verb *trämpeln* ‚stampfen‘.

Der Schuppen, ‚Gebäude im Hof zum Abstellen von Wagen und landwirtschaftlichen Geräten‘, wurde als *Schuppe(n)*, *Schopf*, *Schopp*, *Schoppel*, *Sirej*, *Saraj* übersetzt. Zwei letztere stammen aus dem Russischen oder aus dem Ukrainischen.

Dass Schirmunski das Wort „Kinderschaukel“ in seinen Fragebogen aufgenommen hat, ist wohl dadurch zu erklären, dass die Benennung dieses Gegenstandes für bestimmte Gegenden in Deutschland typisch ist. Zum anderen aber waren Kinderschaukeln in Bauernhöfen oft zu sehen. Schirmunski schrieb über die Lexik der

⁴ Vgl. auch Weigum 69–73.

von ihm erforschten Maa: „Eine Schaukel heißt gewöhnlich *gauntsch* (*gangs*ch u. ä.), dagegen behält das für die russischen Dörfer charakteristische hängende Schaukelbrett seinen russischen Namen *katschell*“ (Schirmunski 1930: 59). Das von Schirmunski erwähnte Wort *Gauntsch* war nach dem vorhandenen Material in den betrachteten Maa wirklich sehr verbreitet. Auch in den Maa bei St. Petersburg – Leningrad (Kolpino, Neu-Saratowka) wurde es belegt (Najdič, 1997: 141). Wie schon erwähnt wurde, ist das Wort *Kinderschaukel* dialektgeographisch bezeichnend. *Gauntsche*, *Gautsche* ist für die Gegend im Süd-Osten der Pfalz typisch (PfWb: 75, 76, Karte 78). Seltener sind in den Fragebögen die folgenden Formen anzutreffen: *Schockel*, *Schukshei*, *Huschel* und die Lehnwörter *Katschele*, *Karusell* und *Lulke*. Zwei erstere gehen auf den Wortstamm *schuk* / *shock* zurück: *schucken* ‚werfen, (zum Auf-fangen, mit leichtem Schwung) zuwerfen‘, (PfWb 5: 1468); vgl. auch *schocken* (PfWb 5: 1399) mit derselben Bedeutung. Das Wort *lulke* stammt vom Ukrainischen oder vom Russischen *люлька* (*l’ul’ka*) und bedeutet dort ‚Wiege‘.

Tabelle 2. Beispiele der Lexik zum Thema ‚Haus‘ und ‚Hof‘ aus den Fragebögen im Archiv Schirmunski

Kolonie	Chutor Rosowka Rayon Cherson	Weinau, Kreis Melitopol, Rayon Molotschna, Poststation Prischib ⁵	Neu- Dmitriewka, Artjemow Kreis, Konstantiniwsk. Rayon ⁶
Name des Lehrers	Joseph Zaengler	Jordan Christian Fr.	Isaak Wall
30 Der Fußboden des Zimmers (пол)	Der Fußbote	Dea Fußbode	-----
a) Lehmboden b) Zimmerboden	Erdboten Diele	Lehmbode Brettebode	Erdboden Brettboden
31 Die Zimmerdecke (потолок)	Bodendecke	Dea Bode (Hausbode)	Boden

⁵ Weinau (Arbuzovka), heute Čapaevka, Zaporožskaja oblast‘, lutherisches Dorf, gegründet in 1804 (Diesendorf 2006).

⁶ Nowo-Dmitrievka. Heute Nowodmitrovka, war Doneckaja oblast‘, war lutherisches Dorf gegründet 1909. (Ebenda).

33 Der mittlere Raum des Hauses vor der Küche	Das Koridor	Hausern	Hausgang
34 Der verdeckte Vorbau vor der Tür (крыльцо)	Die Treppendecke	Vorhaus	Vorhaus
35 Der Dreschplatz auf dem Hofe (ток)	Dreschtenne	Die Tenn	Dreschdehn
36 Der Schuppen (сарай)	Schupfen, auch Schoppe	Dea Schoppe	Schuppe
37 Der Weingarten	Weingarten	Dea Weigaete	Weingarten
38 der Schrank	Schank und Schrank	Dea Schank	Schrank
39 Die hängende Kinderschaukel im Garten	Schaukel und Gaunsche	Die Gaunsch	Gangsch

4. Schlusswort

Die Erschließung der im Archiv Schirmunski aufbewahrten Fragebögen zum Wortschatz der Bauernwirtschaft in den ehemaligen deutschen Kolonien der Ukraine und der Krim ist eine wichtige Aufgabe der Germanistik. Der Wortschatz zum Thema „Haus“ und „Hof“ spiegelt nicht nur sprachliche, sondern auch ethnographische Charakteristika der Russlanddeutschen der südlichen Kolonien. Die Analyse des betrachteten Wortschatzes zeigt, dass er im Großen und Ganzen den rhein-fränkischen Mundarten (pfälzischen und hessischen) entspricht; somit brachten die Mundartensprecher diese Lexik aus ihrer deutschen Heimat mit. In diesem Artikel wurde aber demonstriert, dass die alte Lexik neue Bedeutungen entwickeln kann; s. den Abschnitt über die Wörter „Zimmerdecke“ und „Fußboden“, deren Bedeutungsverschiebung nach den vorhandenen Dialektwörterbüchern keine Entsprechungen in der deutschen Metropole hat. Die Lehnwörter aus dem Russischen und dem Ukrainischen zeugen von den Kontakten mit den Nachbarvölkern. In manchen Fällen handelt es sich dabei um die Benennung der Gegenstände, die für die Kolonisten neu waren, z. B. *Kryletz* (solche Beispiele sind in unserem Material eher selten). Manchmal wurden alte Wörter und Wortstämme an neue

Gegenstände und Bedingungen angepasst: *Treppendecke*, *Vorhaus* als russ. *крыльцо*. Dabei bediente sich die Sprache (Mundart) der deutschen Wortbildungsmittel: Präfixe, Wortkomposition.

Dank der Vollendung der Arbeit an großen Dialektwörterbüchern und der Digitalisierung und Vernetzung ihrer Ergebnisse steht uns heute eine breite Palette an Möglichkeiten zur Verfügung, um den Ursprung und die geographische Verbreitung des Wortschatzes verfolgen zu können. Die angeführten Materialien können auch zur Dialektgeographie und zur Erforschung der Sprachkontakte beitragen. Das angeführte lexikalische Material spiegelt die Lebensweise und die materielle Kultur der Russlanddeutschen in den Vorkriegsjahren wider. Schirmunski selbst betrachtete es als eine wichtige Quelle sowohl für die Sprachwissenschaft, als auch für die Volkskunde.

Wörterbücher und Lexika

- Diesendorf 2006: – Diesendorf V. Die Deutschen Rußlands. Siedlungen und Siedlungsgebiete. Lexikon. ERD. Moskau 2006
<http://wolgadeutsche.net/diesendorf/Ortslexikon.pdf>
- Etym. – Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. Hrsg. von Wolfgang Pfeifer. Deutscher Taschenbuch Verlag. München. 7. Auflage 2004.
- Grimm – Das deutsche Wörterbuch von Jakob und Wilhelm Grimm: online Wörterbuch <http://dwb.uni-trier.de/de/> Letzter Zugriff 9. 04. 2020
- PfWb: Pfälzisches Wörterbuch, Begründet von Ernst Christmann. Bearb. von Julius Krämer, Rudolf Post. Wiesbaden/Stuttgart, Bd. I-VI, 1965-1997. Heute auch im Internet: http://woerterbuchnetz.de/cgi-bin/WBNetz/wbgui_py?sigle=PfWB&mode=Vernetzung&lemid=PH02132#XPH02132 (9. 4. 2020)
- Post 2000 – Post Rudolf. Kleines Pfälzisches Wörterbuch. Verlag K. F. Geißler. 2000
- RhWb. – Rheinisches Wörterbuch. Josef Müller / Heinrich Dittmaier / Karl Meisen / Matthias Zender. Publikationszeitraum: 1928–1971
http://woerterbuchnetz.de/cgi-bin/WBNetz/wbgui_py?sigle=RhWB (9.4.2020)

Literatur

- Bachmann 1929: Bachmann H., *Durch die deutschen Kolonien des Beresaner Gebiets*, Charkow, Zentralverlag.
- Bertleff, John, Svetožarova 2018: Ingrid Bertleff / Eckhard John / Natalia Svetožarova, *Russlanddeutsche Lieder. Geschichte – Sammlung – Lebenswelten*. Band 1: *Liedgeschichten und Editionen*. Band 2: *Analysen und Quellen. Mit Beiträgen von Konstantin Azadovski und Dietmar Neutatz sowie einem Repertorium zur Sammlung Viktor Žirmunskij (Deutsches Volksliedarchiv Leningrad)*. Institut für Russische Literatur (Puškinskij Dom) der Russischen Akademie der Wissenschaften St. Petersburg). Albert-Ludwigs-Universität Freiburg. Essen: Verlag Klartext. (Veröffentlichungen zur Kultur und Geschichte im östlichen Europa. Band 52–1, 52–2).

- Naiditsch 2008: Naiditsch Larissa. *Viktor Maksimovič Schirmunski – Germanist und Mundartforscher*. In: Peter Ernst (Hrsg.). Bausteine zur Wissenschaftsgeschichte von Dialektologie / Germanistischer Sprachwissenschaft im 19. und 20. Jahrhundert. Beiträge zum 2. Kongress der Internationalen Gesellschaft für Dialektologie des Deutschen, Wien, 20.–23. September 2006. Praesens Verlag, Wien, 55–74.
- Naiditsch 2015: Naiditsch Larissa. Das Mennonitenplatt (Plautdietsch) nach den Fragebögen aus dem Archiv Schirmunski. Teil I. Probleme des Konsonantismus. *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*. 2015. Bd. LXXXII, H. 3, 331–349.
- Naiditsch 2017: Naiditsch Larissa. Zur Lexik im Mennonitenplatt nach dem Archiv von V. M. Schirmunski. *Indo-European Linguistics and Classical Philology*. 21. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 21, 1012–1036.
- Naiditsch 2018: Naiditsch Larissa. Zum Wortschatz in den deutschen Inselmundarten der Ukraine in den 1920er Jahren. Nach dem Archiv von Viktor Schirmunski. *Indo-European Linguistics and Classical Philology*. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 22, 919–944.
- Najdič 1997: Najdič Larissa, *Deutsche Bauern bei St. Petersburg – Leningrad. Dialekte – Brauchtum – Folklore*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1997 (ZDL Beihefte 94).
- Naiditsch, Svetozarova 2015: Naiditsch L., Svetozarova N. Dialektologische Projekte von V. M. Schirmunski und die Wortkartei von L. R. Sinder. *Indo-European Linguistics and Classical Philology*. *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 19.
- Schirmunski 1925: Schirmunski Viktor. Studien zur Volkskunde der deutschen Kolonien. *Zur neuen Schule*, 14–15. S. 45–57.
- Schirmunski 1928: Schirmunski, Viktor. *Die deutschen Kolonien in der Ukraine*. Moskau : Zentral-Völkerverlag der Sowjet-Union, 1928.
- Schirmunski 1930: Schirmunski, Viktor. Volkskundliche Forschungen in den deutschen Siedlungen der Sowjet-Union: *Deutsche Volkskunde im ausserdeutschen Osten: vier Vorträge*. Berlin: Walter de Gruyter, 52–81.
- Smirnitckaya, S. V. 2000: [V. M. Schirmunski und das Leningrader Zentrum der Erforschung der deutschen Siedlungen]. In: *Nemtsy v Rossii. Russko-nemetskie nauchnye i kul'turnye svyazi* [Germans in Russia. Russian-German scientific and cultural relations]. St.-Petersburg, 61–70.
- Смирницкая, С. В. 2000: В. М. Жирмунский и Ленинградский центр по изучению немецких поселений в России. *Немцы в России. Русско-немецкие научные и культурные связи*. СПб.
- Svetozarova 2013: Svetozarova, N. D. [Reports on folkloristic and dialectological study travels by Viktor Žirmunskij as a unique source of information for Germanistics.]. *Magister Dixit*, 3 (09).
- Светозарова, Н. Д. 2013: Отчеты об экспедициях как уникальный источник информации (на материале фольклорно-диалектологических экспедиций В. М. Жирмунского). *Magister Dixit*, №3 (09). <https://cyberleninka.ru/article/n/otchety-ob-ekspeditsiyah->

- kak-unikalnyy-istochnik-informatsii-na-materiale-folklorno-dialektologicheskikh-ekspeditsiy-v-m-zhirmunskogo (25.03.20).
- Svetozarova 2015: Svetozarova, N. D. [*Hermann Bachmann and his book «Durch die deutschen Kolonien des Beresaner Gebietes»*]. St.-Petersburg. Nestor-Istorija.
- Светозарова Н. Д. 2015: *Герман Бахман и его книга «Поездка в немецкие колонии Березанского района»*. СПб., Нестор-История. 2015
- Weigun: Weigum David. *Damals auf der Krim*. Landsmannschaft der Deutschen aus Russland e.V. Stuttgart, s. a.
- Zinder, L. R. 1998: [V. M. Schirmunski und die Inseldialektologie]. *Yazyk i Yazykovaya deyatel'nost'* 1, 187–193.
- Зиндер, Л. Р. 1998: В. М. Жирмунский и островная диалектология. *Язык и речевая деятельность* 1, 187–193
- Žirmunskaja, Starec, Naiditsch, Svetozarova 2016: Žirmunskaja A. V., Starec M. L., Naiditsch L. E., Svetozarova N. D. Hrsg. *Die Welt der deutschen Kolonie. Fotos aus den folkloristisch-dialektologischen Forschungsreisen von V. M. Schirmunski*. Sankt-Petersburg. Nestor-Istorija.
- Жирмунская, А. В., Старец, М. Л., Найдич, Л. Э., Светозарова, Н. Д. 2016 (авт.-сост.). *Мир немецкой колонии. Фотографии из фольклорно-диалектологических экспедиций В. М. Жирмунского*. Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Žirmunskij 1933=2018: Žirmunskij, V. Ergebnisse und Aufgaben der mundart- und volkskundlichen Erforschung der deutschen Siedlungen in der UdSSR. In: Bertleff, Eckhard, Svetozarova, 2018: 167–199. First publication: Жирмунский В. М. Итоги и задачи диалектографического исследования немецких поселений СССР, *Советская этнография*, 1933, 2, 84–112.
- Žirmunskij, V. M. 1929=1976: [Problems of the colonial dialectology]. In: Žirmunskij, V. M. 1976: *Obshchee i germanskoe yazykoznanie* [General and German Linguistics]. Leningrad, 491–516.
- Жирмунский В. М. Проблемы переселенческой диалектологии. В: Жирмунский В. М. 1976: *Общее и германское языкознание*. Л., 491–516.
- Žirmunskij, V. M. 1932=1976: [Methods of the social geography]. In: Žirmunskij, V. M. 1976: *Obshchee i germanskoe yazykoznanie* [General and German Linguistics]. Leningrad, 422–452.
- Жирмунский, В. М. Методика социальной географии. В: Жирмунский В. М. *Общее и германское языкознание*. Л., 422–452.

Ю. К. Кузьменко
(Институт лингвистических исследований РАН)

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ НАДПИСИ НА ШЛЕМЕ В ИЗ НЕГАУ¹

Статья посвящена чтению и интерпретации надписи на шлеме В из Негау (теперь Негова, Словения). Надпись нанесена одним из североэтрусских алфавитов, скорее всего венетским. Хотя чтение надписи не представляет собой большой проблемы, ее интерпретация оказалось очень сложной. Ни одно из толкований, предложенных до сих пор (ретское, этрусское, кельтское, германское и латинское) не стало общепринятым. Интерпретация, предложенная в статье основывается на предположении, что не только алфавит надписи венетский, но и флексии, т. е. язык надписи, венетский, хотя два собственных имени встречающиеся в надписи могут быть германского происхождения. Наиболее вероятные интерпретации надписи таковы: (1.) Венетский генитив *Harigasti* — (командир воинского подразделения, центурион?, к которому принадлежал владелец шлема) + венетский номинатив *Teiva* (владелец шлема) + цифра III (4) + L (сокращение *legio* «легион»). Интерпретация надписи: «Тейва (подчиненный) Харигаства, четвертый легион. (2) Оба имени стоят в генитиве (*Harigasti, Teivaiii*), три I (III) в соответствии с венетской традицией обозначают /ji/, + I (цифра) + L (сокращение *legio*): «(Шлем) Тейвы, (подчиненного) Харигаства, первый легион»). Обе эти интерпретации имеют хорошие соответствия в надписях на римских шлемах эпохи республики. Однако венетский алфавит надписи и ее венетская морфологическая форма делают возможным предположение и о том, что римские (венетские) цифры нашей надписи обозначают не номера воинских подразделений, а являются знаками собственности (в первом случае III L, во втором случае IL). В статье показано, что употребление цифр для обозначения собственности было характерно для венетских надписей.

Ключевые слова: эпиграфика, венетский язык, надписи на шлемах, шлем Негау В.

Yu. K. Kuzmenko
(Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg)

On the interpretation of the inscription on the helmet B from Negau

The paper deals with the reading and interpretation of the inscription on the helmet B from Negau (now Negova Slovenia). The inscription is in a Northern Etruscan alphabet, most likely Venetic. Although reading the inscription is not a serious problem, its interpretation turned out to be very

---

¹ Работа выполнена в продолжение исследований по гранту РГНФ № 13-04-00021а «История германской рунической письменности».

complicated. None of the interpretations suggested so far, Raetic, Etruscan, Celtic, Germanic and Latin, has become generally accepted. The interpretation proposed in the paper proceeds from the assumption that not only the alphabet of the inscription but also the inflections (that is the language of the inscription) is Venetic, though the two personal names in it can be of Germanic origin. The most probable interpretations of the inscription are as follows: (1) Venetic genitive *Harigasti*, commander of a military unite of the owner of the helmet + Venetic nominative *Teiva* (owner of the helmet) + numeral III (4), designating the number of a legion + L (shortening of the word *legio*). That is: «The helmet belongs to *Teiva* from the legion number 4 of *Harigast*». (2) both names are in genitive (*Harigasti*, *Teivaiii*), three I (III) according to Venetic tradition designating /ji/, + numeral I + L(egio): «(The helmet) of *Teiva*, (subordinate) of *Harigast*, legion I». Both interpretations have good correspondences in the inscriptions on Roman helmets of the Republic periods. However, the Venetic alphabet of the inscription as well as its Venetic morphological form make it possible to interpret the last letters of the inscription not as a number of military unit, but as a sign of ownership (in the first case as IIIIL, in the second case as IL). The paper shows that the use of numerals to designate ownership was characteristic of the Venetic inscriptions.

Key words: epigraphy, Venetic language, inscriptions on helmets, helmet Negau B.

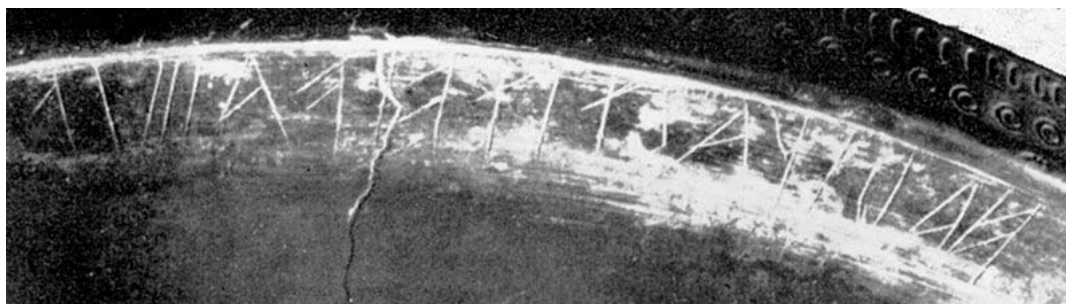
В 1811 году в селении Шеняк недалеко от Негау (Австро-Венгрия, теперь Негова, Словения) был найден клад с 26 бронзовыми шлемами, на двух из которых Негау А (N 1) и Негау В (N 22) были обнаружены надписи. Особый интерес у германистов вызвала надпись на шлеме (Негау В, см. рис.), изготовленном в V в. до н. э., а попавшим в землю во II–I в. до н. э., (подробнее об этом см. Tollenaere 1967; Nedoma 1995), в которой можно было усмотреть текст на германском языке. Впервые предположение о германском характере этой надписи высказал Марстрандер (Marstrand 1925), и с тех пор и до настоящего времени продолжается дискуссия об алфавите и языке этой надписи². В предлагаемой Вашему вниманию статье рассмотрены несколько новых возможностей чтения и толкования надписи, которые учитывают особенности алфавитов и графических систем, употреблявшихся в северной Италии во II–I в. до н. э. — предполагаемая датировка закладки шлемов (Nedoma 1995, 20).

---

² Подробнейший обзор интерпретаций надписи на шлеме из Негау до 1967 года дает Толленэре (Tollenaere 1967), обсуждение более поздних работ см. Nedoma 1995; Markey 2001 и Ганина 2005.

Предлагавшиеся чтения и интерпретации надписи

19 18 17 16 15 14 13 12 11 10 9 8 7 6 5 4 3 2 1
 L I I I I A V³ I E T I T S A G I R A H

Рис. Фотография надписи на шлеме Негау В на сайте Франкфуртского университета (Photo of the inscription on the helm B from Negau on the website of the University of Frankfurt)

Titus.uni-frankfurt.de/didact/idg/germ/runenalph.htm

Надпись читается справа налево. Она довольно четкая, и все знаки хорошо видны. Единственным знаком, который может вызывать вопросы, является пятая буква (Ψ), см. ниже. Последнее знаки надписи традиционно читают как III, однако 17 и 18 знаки, стоящие чуть под углом друг к другу (Λ /), можно интерпретировать и как V, и так их интерпретировали раньше некоторые исследователи⁴. Однако эпиграфически более вероятно чтение 15, 16 и 17 знаков как трех стоящих рядом I, поскольку линии 17 и 18 не соединены внизу, что было бы характерно для V. Знак 18, который тоже может быть интерпретирован как I, стоит на небольшом отдалении от трех предыдущих I и чуть наклонен влево. Его наклон соответствует наклону последнего знака надписи (см. рис.). Вполне вероятно, что таким образом показано, что последние два знака II как то связаны между собой (см. ниже). Последний знак надписи можно прочесть либо как L, либо как P. В этрусских надписях и в лепонтийских надписях написанным алфавитом типа Лугано,

³ Первоначально дигамма обозначала в венетском полугласный /w/. Однако уже к пятому веку в венетском этот согласный превратился в губно-зубной согласный /v/ (Lejeune 1974: 126). Поэтому я буду везде в соответствии с традицией транслитерировать дигамму в венетских надписях как V. В том случае, когда я буду передавать транслитерацию нашей надписи теми, кто считает надпись германской, я сохраняю обозначение пятой буквы как W, поскольку /w/ сохранялось в общегерманском.

⁴ Ср. прорись надписи *1V1IA 1111115AY10AH* в Naarmann 1998: 458 и чтение Моммзена *harigastiteivaiiup* (Mommesen 1853).

а также в надписях алфавитом типа Бозен в значении /л/ чаще употребляется форма перевернутого 1 или ʃ. В алфавитах Магре (ретском?) и Сондрио (ретский, камунский) в значении /л/ чаще употребляется форма 1 или ʃ. Таким же образом обозначалось /л/ и в венетских надписях (Beeler 1949: 4). Во многих североэтрусских традициях буквой похожей на 1 или полностью совпадающей с ней обозначалось и Р, однако часто, особенно в венетских надписях, буква Р имела небольшую вертикальную линию на конце ветви, что и отличало ее от буквы, обозначающей /л/.

У исследователей фактически нет разногласий по поводу чтения первых тринадцати букв (чтение справа налево) *hari?astiteiva*. Восходящие к этрусскому алфавиту алфавиты северной Италии, в том числе ретский, венетский, лепонтийский и камунский, которые иногда объединяют под термином «североэтрусские алфавиты», имеют много общих черт, что и позволяет одинаково читать тринадцать букв надписи и тем, кто считает алфавит надписи этрусским (см., напр., Mommsen 1853; Pauli 1885: 44), и тем, кто считает алфавит ретским (Must 1957), и тем, кто считает надпись кельтской (Markey 2001), и тем, кто считает алфавит надписи венетским (см. ниже). Что касается пятой буквы (ʃ), то сторонники этрусского или ретского алфавита нашей надписи читают ее как χ или *kh* (*hariχastiteiva* или *harikhastiteiva*). Паули читает ʃ как /n/, что эпиграфически совершенно неприемлемо, а сторонники венетского и кельтского происхождения надписи читают ее как звонкое /g/. Если тринадцать букв читаются всеми фактически одинаково, то чтение пятой буквы ʃ зависит от того, какой алфавит предполагается для нашей надписи. В этрусском не было противопоставления звонких и глухих, а было противопоставление аспирированных неаспирированным или аффрицированных неаффрицированным (Steinbauer 1999: 24–25). Таким же, вероятно, было противопоставление и в других тирренских языках, в которых исконные греческие буквы, для глухие придыхательных обозначали либо глухие придыхательные, либо уже глухие щелевые (или аффрикаты). Хотя в этрусских алфавитах существовали греческие буквы Β Δ Γ, однако в надписях они не употреблялись, поскольку звонких смычных и звонких щелевых в этрусском не было. Такая же ситуация была характерна и для многих письменностей северной Италии. Однако в венетском, где было противопоставление звонких и глухих, звонкие стали обозначать не буквами, восходящими к гречес-

ким В Г Δ, а буквами, соответствующими греческим Φ Χ Θ⁵. Соответственно, читая по-венетски, мы должны прочесть Ψ как /g/. Если следовать за Маркеем (Markey 2001), то и в лепонтийском письме этрусские (< греческие) Χ Φ Θ обозначали звонкие фонемы. Маркей читает первые 14 букв надписи как *harigasti teiva*, т.е. так же как те, кто считает алфавит надписи венетским. Предположение о венетском алфавите нашей надписи, ср. чтение Ψ как /g/⁶ (*harigasti*), которое и раньше было характерно для тех, кто считал язык надписи германским (см., обзор в Tollenaere 1967), укрепилось во второй половине XX века (Pisani 1959; Prodosimi, Skardigli 1976; Nedoma 1995)⁷.

Если чтение надписи не вызывает больших проблем, то ее интерпретация дала повод для нескольких гипотез. Существует несколько конкурирующих предположений о толковании надписи, при том, что надпись читается всеми одинаково или очень похоже. Традиционно считали, что не только алфавит, но и сама надпись этрусская или ретская. Паули, считавший, что надпись этрусская, читал ее как *harinastiteivaiiil*, интерпретируя *harinas* как именительный падеж этрусского существительного с родовым суффиксом, а *tite* как этруское родовое имя (Pauli 1885: 44–46). Маст, читающий надпись как *harixastiteiva* предлагал интерпретацию *harixas* как прилагательного со значением «блестящий», а *titeiva* как родового имени (Must 1957). Трудности с ретской и этрусской интерпретацией надписи связаны с тем, что у нас недостаточно сравнительного материала, и многое в этих языках, особенно в ретском, остается нам неизвестным.

---

⁵ Θ использовалось в значении /d/ в Падуе, что, как считает Лежён было архаичной чертой (Lejeune 1974: 31). В дальнейшем в венетском в значении /d/ стала использоваться буква, соответствующая греческой *дзете*.

⁶ Венетская письменность, существовавшая в виде эпиграфических памятников с VI века до I в. н. э., очевидно этрусского происхождения. Однако в венетском алфавите и в системе графики развились некоторые собственные черты, в частности, обозначение звонких смычных /g/ и /b/ буквами Ψ и Φ.

⁷ Возможное возражение, что в надписи на шлеме из Негау В нет самого показательного признака венетских надписей — разграничительных точек (интерпункции), вряд ли можно признать справедливым, поскольку во многих венетских надписях этих точек нет, см., Ad 1, 2, 3, 4, 6, 7, Bl 2, Tr 3b, Es 62, 90, 92 и особенно в Кадоре, см. Ca 30, 33–39, 43–49, 57, 64. В ряде надписей только одна буква, чаще всего конечное *i*, выделена точками (см., напр., Ca 11, 14, 23, 64).

Наиболее перспективной может показаться новая гипотеза Маркея, который, развивая идею Марстрандера (Marstrander 1925) о кельтском родительном падеже имени *Harigasti*, считает, что не только морфология, но и лексический материал надписи на шлеме Негау В, также как морфология и лексический материал надписи на шлеме Негау А⁸ — кельтские (Markey 2001). Проблема в том, что его анализ основывается на признании значения звонких смычных у лепонтийских букв Ф Ψ (Θ) — по венетскому образцу. Читая надпись на шлеме Негау В как *harigasti teiva* он переводит ее как «Харигасть слуга бога».

Однако в отличие от венетского, где значение звонких смычных у Ф Ψ подтверждается латинскими билингвами (см. венетское ЕΨО лат. *ego* и т. п.), в лепонтийском у нас нет материала, подтверждающего значение звонких смычных у Ф Ψ. Традиционно считается, что буквы Ф Ψ обозначают в лепонтийском глухие придыхательные *kh, ph* (Naarmann 1998: 456).

Самая многочисленная группа исследователей считает, что лексический материал надписи — германский, причем одни считают, правда с некоторыми допущениями, что и морфология надписи германская, а другие считают, что хотя имена, употребляемые в надписи германские, но их морфология негерманская, кельтская или латинская, т. е. язык надписи не германский. Рассмотрим подробнее эти возможности.

При германской интерпретации первых 14 букв надписи, которую первым предложил Марстрандер (Marstrander 1925) в ней можно легко выделить германские корни *har-* ‘войско’, *gast-* ‘гость’ и *teiw-* ‘бог’⁹, но употребляемые в надписях окон-

⁸ На шлеме из Негау А (№ 1) нанесены четыре надписи с именами четырех сменивших друг друга владельцев шлема. Эти надписи, которые традиционно читались как 1. *siraku khurpi*, 2. *iarni eisvi*, 3. *fuphni phanuaphnhi*, 4. *k erup* (или *k erul*) и никак не интерпретировались (см., напр., Rosenfeld 1955/1956: 246–247). Маркей читает и интерпретирует как кельтское (лепонтийское или галльское) *sirago turbi* ‘астральный жрец войска’, *lars’e esvii* ‘божественный Ларс’, *dubni banuabi* ‘Дубна (род. пад.) убийцы свиньи’, *kerup* сокращение имени типа *Cerubogios*. Можно задать целый ряд вопросов к такой интерпретации, касающихся как фонологии, так и лексики, но она является на сегодняшний день единственной, предлагающей толкование каждого слова надписи на шлеме Негау А.

⁹ Герм. **har-* (с основообразующим суффиксом *-ja*), ср. гот. *harjis*, др.-исл. *herr*, др.-англ. *here*, др.-вн. *hari* ‘войско’; **gast-* (с основообразующим суффиксом *i*), ср. гот. *gasts*, др.-исл. *gestr*, др.-англ. *giest*,

чания ставят множество проблем. Существует несколько возможностей их интерпретаций (подробнее об этом см. Tollenaere 1967; Nedoma 1995; Markey 2001, Ганина 2005). Кречмер полагал, что надпись полностью германская, и рассматривал *Harigasti* как форму именительного падежа с отпавшим окончанием *-z, а *teiwa* как дательный падеж с отпавшим -i (Kretschmer 1929). В такой интерпретации Харигааст дарит шлем богу, т. е. шлем происходит из votivногоклада посвященного богу (Водану). Более того, Кречмер предполагал, что оба слова и *harigasti*, и *teiwa* стоят в дательном падеже (т. е. «Харигасту (Водану) богу») (ibid.). Правда, и в этом случае приходится предположить невероятное в это время отпадение окончания дательного падежа в *teiwa* (*teiwa* < *teiwai). Именно как *teiwai должен был выглядеть дательный падеж у существительных с основой на -a, в общегерманском (ср. Krause 1971: 241). Кроме предложенных Кречмером интерпретаций предполагают и винительный или звательный падеж и у *harigasti*, и у *teiwa*. Интерпретации *harigasti teiwa* как германских форм винительного падежа (Reichardt 1953, 310) формально безупречна — ср. старшерунический винительный падеж **mari** ‘знаменитый’ и **hali** ‘камень’ у существительных мужского рода с основой на -i (см. именительный падеж у двучленных имен **hlewagastiR**, **widugastiR**), и винительный падеж существительных с основой на -a (см. **staina** ‘камень’ м. р. вин. ед. сравни им. пад. **stainaR**). Однако такая формально безупречная интерпретация не очень понятна семантически. Что могло значить *harigasti teiwa* в винительном падеже «Воегостя (возможно имя Водана) бога (вижу?, знаю? призываю?)». При интерпретации *harigasti teiwa* как форм звательного падежа приходится прибегать к реконструкции. Звательный падеж сохранился из германских языков только в готском, где он имеет нулевое окончание. В руническом есть тоже две формы с нулевым окончанием, которые традиционно интерпретируются как формы звательного падежа, см. напр., **alawin**, **alawid** на брактеате из Скюдборга (Дания). Теоретически можно себе предположить, что форме с

др.-вн. *gast* ‘гость’ **teiw-* и.е. *dei-uo, др.-инд. *devá*, лит. *dievas*, лат. *deus*, др.-исл. *tívar* (pl.) — слово, которое значило и просто ‘бог’, и ‘верховный бог’, см. греч., *Ζεύς*, др.-исл. *Týr*, др.-вн. *Ziu*. или герм. *þew-a, рунич. **þewaR**, гот. *þius*, др.-англ. *þēaw* ‘слуга, сопровождающий’. Форма с /t/, объясняется как замена германского глухого щелевого /p/ глухим смычным /t/ в тех языках, где /p/ не было, в том числе в латинском и венетском.

нулевым окончанием и без основообразующего суффикса могла предшествовать форма с сохраняющимся основообразующим суффиксом. Однако сложность такой интерпретации состоит в том, что надпись на шлеме из Негау оказывается фактически единственным свидетелем такого состояния¹⁰.

Одна из традиционных германских интерпретаций это предположение о том, что оба имени стоят в именительном падеже и обозначают владельца шлема (см., напр., Neckel 1930, 81–86)¹¹. Недома, продолжая эту традицию, предполагает, что надпись на шлеме из Негау — это двойное имя владельца шлема, стоящее в именительном падеже *Harigast* | *Teiwa*. При этом он предполагает отпадение исконного основообразующего суффикса и окончания в *harigast* < *harigastiz, вызванное ситуацией языкового контакта (Nedoma 1995). Второе имя *Teiwa* он интерпретирует как именительный падеж существительного слабого склонения, представляющего собой краткое германское имя *Teiwa*, полные формы которого встречаются в древнеанглийском (*Tiowulf*) и древневерхненемецком (*Ziolf*) (ibid.). Соответственно Недома поддерживает предположение тех, кто трактует надпись как имя владельца шлема в именительном падеже. Недома считал, что все знаки после 14 (т. е. знаки 15–18) вообще не относятся к тексту надписи, а просто обозначают ее границу. Он же предложил новое чтение девятого знака надписи, рассматривая его не как букву I (традиционное чтение *harigasti teiwa*), а как линию, разграничивающую два слова *harigast|teiwa* (Nedoma 1995). Однако ни первое, ни второе новшество, предлагаемые Недомой, не кажутся убедительными. Слишком много знаков оказываются по Недоме знаками окончания надписи, причем все они очень похожи на венетские буквы или римские (и венетские) цифры. А девятый знак, который все читали как I, тоже вряд ли является разграничительной линией, во-первых потому, что мы не знаем такой традиции в

¹⁰ Руническую надпись на ручке щита из Иллерупа **lagubewa** (205 г. н. э.), которая формально могла бы соответствовать форме *teiwa* в надписи на шлеме из Негау (см. ниже), традиционно интерпретируют как форму именительного падежа двусоставного имени мужского рода с пропущенным **z** (**lagubewa**[z]). Однако были и предположения и том, что перед нами форма винительного падежа (Seebold 1994: 69) или, что это форма именительного падежа с редукцией окончания -z, но с сохранением основообразующего суффикса -a, что предполагалось для раннего западногерманского (Schmidt et al. 2013: 144).

¹¹ Позднее Неккель присоединился к тем, кто рассматривает форму обоих слов как форму дательного падежа (см., Neckel 1933: 282–284).

венетских эпиграфических памятниках, а во-вторых, поскольку по своему размеру и расположению он соответствует остальным буквам надписи (см. рис.).

Хотя большинство интерпретаторов, рассматривающих надпись как германскую, читают надпись только до 15 буквы, высказывались предположения и о буквенном значении последних знаков надписи. Розенфельд, считающий, что перед нами ретская надпись, но с германскими именами (Rosenfeld 1955/1956), который наряду с обстоятельным критическим анализом более ранних толкований и верное на наш взгляд предположение о том, что в этой надписи мы имеем дело с именами владельца (или владельцев), предлагает совершенно немыслимую собственную интерпретацию надписи. Он считает, что три параллельные линии могут быть указанием на повтор *va*, содержащийся в слове *teiwa*. Таким образом, он читает второе имя надписи как **Teiwa-varia(z)* или, учитывая последние два знака нашей надписи как II, как двусоставное имя с деминутивным суффиксом **Teiwawulfilon* (что-то вроде Боговульфилла или Тюровульфилла) (Rosenfeld 1955/1956: 258).

Пизани, который тоже читал надпись как германскую, написанную венетским буквами *harigastiteiwahil*, интерпретировал 15, 16, 17 и 18 знаки как *hi*, (Pisani 1959: 382), основываясь на двух случаях написания *h* как III в венетских надписях, что могло быть несколько видоизмененным вариантом традиционного написания *h* с ограничительными точками **•I•**. Написание *h* как III было, вероятно, вызвано стремлением разграничить обозначение /h/ как **I** и обозначение /i/ знаком **I** с точками. Пизани рассматривает *hil* как сокращение второй части германского сложного имени **Teiwa-hil[az]* (Pisani 1959: 382). Против такой интерпретации свидетельствует проблематичность двусоставных имен с первой составной частью **teiw-*. Среди 731 двусоставных имен в древних германских языках (Топорова 1996: 10–67) нет ни одного имени с первым компонентом **teiw-*, и вообще ни одного первого компонента, начинающегося на /t/. Что касается предполагаемого второго компонента **hilaz*, то и его в таком виде я не нашел среди древнегерманских двусоставных имен (известен только второй компонент **heldjo*, др.-исл. *Brynhildr*, причем только в женских именах).

Чтение Пизани дало возможность Скардилли и Продосчими предложить еще одну интерпретацию надписи. Они также как и Пизани предполагают сокращение последнего слова надписи, однако не в виде *hil[az]*, а в виде *hil[m]*, трактуя это слово как

германское слово со значением «шлем» (Prodoscimi, Scardigli 1976). Толкование Продосчимы и Скардильи, также как и толкование Пизани, к проблемным моментам чтения надписи и интерпретации окончаний (см. выше), и к маловероятному предположению о вокализме формы *hil[m]*, который соответствует только вторичной готской форме *hilms*, ср. общегерманское **helm-*, добавляет гипотезу о сокращении, которая делает варианты интерпретации безграничными.

Прежде чем предложить возможные новые интерпретации надписи на шлеме рассмотрим, какого типа надписи писались на шлемах, и каково было значение римских цифр на шлемах. Последний вопрос интересует нас потому, что последние знаки надписи выглядят как очевидные римские цифры IIII и, кроме того, на нашем шлеме есть еще два стоящих отдельно знака очень похожих на римские цифры XII и XXII.

Типология надписей на шлемах и значение римских цифр

Для того, чтобы понять, кого типа надпись могла быть на шлеме из Негау обратим внимание на известные нам надписи на шлемах. Собственность, в том числе и указание на владельца шлема в северной Италии обозначалась разными способами. Это могли быть разного рода цифро- или буквоподобные знаки, имя владельца, написанное одним из североиталийских алфавитов или латинским алфавитом в именительном или в родительном падеже или даже целые надписи от имени «говорящих предметов» типа лат. LUCII GNAEVII SUM («Я — (род. пад.) Лукия Гнея») или оскс. *Luvciies Cnaiviies sum* (Olsen 1903: 24–28).

Среди многочисленных надписей на римских шлемах эпохи республики и империи (III в. до н. э. — III в. н.э.) нет ни одного шлема с вотивной надписью. Все они сообщают имена одного или нескольких сменивших друг друга владельцев. Часто такое имя в именительном падеже стоит рядом с именем центуриона в родительном падеже¹². Иногда и имя центуриона, и имя

¹² Ср., напр., надпись на шлеме из Земуна (Сербия) ω (centuria) TAVRI. T(itus) ALFIUS «Центурия Тавра Тит Альфий» или надписи из Ксантена (ФРГ) 1. ω CORNII I RUFII SVPIIR DIILLIUS, 2. ω DECII ALBANI SUPER 1. См., напр., или надписи на шлеме из Ксантена Ц(ентурии) Корнелия Руфа (имя центуриона) – Супер Деллий (имя владельца шлема), 2. Ц(ентурии) Деция Албана Супер (этот же Супер Деллий оказался уже в другой центурии), т. е. иногда мы видим на шлеме послужной список владельца. (Bongartz 2013: 155, 166)

владельца стоят в родительном падеже (Bongartz 2013). Часто указывается и номер воинского подразделения (центурии, когорты или легиона)¹³. Иногда в надписи сообщается только имя центуриона в родительном падеже или номер легиона и номер когорты. Как сообщает Кассий Дион, римский государственный деятель и военачальник I в. н. э. Юлиан Луций Теттий приказал «воинам написать на своих щитах и собственные имена, и имена центурионов» для того, «чтобы легче было отличить, кто из них совершил какой-либо подвиг, а кто проявил трусость» (Кассий Дион, Эпитома книги LXVII, 2015, 73)¹⁴. Однако такая традиция нанесения имени владельца и (или) имени командира соединения существовала задолго до этого времени. Имя командира в родительном падеже на шлеме мы находим уже в этрусских надписях на 34 бронзовых шлемах (V–IV вв. до н. э.), из 120 найденных в Ветулонии (Тоскана). На всех шлемах нанесена одна и та же надпись *haspnaś* — этрусское мужское родовое имя с суффиксом *-n* и окончанием родительного падежа *-s*. Имя Хашпна, как считает Недома, было именем командира воинского соединения («(из отряда) Хаспны») (Nedoma 1996: 175). Если справедливо предположение о том, что шлемы из Витулонии были умышленно изломаны перед закладкой (ibid.), то в данном случае мы имеем дело с votivным кладом. Возможно, об этом же свидетельствует и глубина закладки шлемов в землю на два метра (Nedoma 1996: 176). Однако, хотя клад может быть votivным, надпись не связана с votivным характером закладки и соответствует более поздним латинским надписям на шлемах, где указаны только имена центурионов в родительном падеже.

Поскольку на шлеме из Негау В есть несколько знаков, похожих на римские цифры, рассмотрим какое значение могли иметь римские цифры в надписях на оружии и на отдельных предметах. Римские цифры были заимствованы римлянами у этрусков. У этрусков же они были заимствованы вместе с алфавитом и венетами. Эггер интерпретировал знаки ХПХ и ПХПХ на шлеме В из Негау как римские цифры, указывающие номер когорты обладателя шлема (Egger 1960). Марстрандер

¹³ См., напр. надпись на шлеме из Бурлафингена (ФРГ) LE. XVI / PAVR ? IPI / ε. ARABI. M. MVNATI «Легион 16 / П(ублия) Авр(елия) Ипия? / ц(ентурия) Аравии М(аркуса) Мунатия», (Ibid., 150).

¹⁴ Более логичным кажется предположение Мурисона, что указание имен было необходимо для опознания погибших воинов (Murison 1999: 243).

рассматривал эти знаки надписи как магические символы против ударов сзади (Marstrander 1925: 42)¹⁵. Недома полагает, что знаки ХПХ и ПХПХ могли быть знаками собственности (Nedoma 1995), что, как мы увидим ниже, вполне вероятно.

На римских шлемах эпохи поздней республики и империи мы сравнительно часто находим римские цифры, которые обозначают номер легиона (см. LE(gio) I, IV, XIV, XXI, XXX — Bongartz 2013, 114) или, реже, номер когорты (см. одну из надписей на шлеме из Хённепеля (ФРГ) с MILES CO(hor)T(is) VII «Солдат когорты 7» (Ibid., 150). На этом фоне предположение Эггера о том, что отдельные знаки ХПХ и ПХПХ на шлеме из Негау В могли быть номерами воинского соединения кажется вполне вероятным. Эггер считал, что таким соединением была когорта, причем обе нацифры ХПХ и ПХПХ, по его мнению, обозначали номер одной и той же когорты (28)¹⁶. Можно предположить, что и последние знаки нашей надписи (15–19), могли обозначать номер воинского соединения солдата, имя которого названо в надписи, причем в зависимости от интерпретации четырех I цифрой могли быть все пять последних знаков ППЛ, четыре последних знака ПЛ, три последних знака ПЛ и два последних знака ПЛ. Последняя буква надписи L, однако, могла, быть не цифрой 50 (в венетском 50 обозначалось как и в этрусском перечеркнутым V, см. ниже), а сокращением слова, обозначающего легион (*legio*), на что мне любезно указал Н. Н. Казанский. Расположение надписи показывает, что последние две буквы надписи стоят несколько отдельно, и 18 знак несколько отстоит от трех предыдущих I, и в отличие от этих трех I, точно так же как и последний знак надписи L, чуть наклонен влево, образуя вместе с L графическое единство. Поэтому наиболее вероятно чтение букв 15, 16, 17 как трех I, обозначающих /ji/ (подробнее об этом см. ниже), а четвертое I является цифрой 1, обозначающей номер легиона, за которым следует сокращение L(egio). Сокращение слова легион встречается в надписях на римских шлемах и в виде LEG на шлемах I–57 (LEG XXI) и I–126 (LEG XXX) по нумерации Бонхартц (Bonhartz 2013), и в виде одного L, см. надписи на I–39 (L XVI), I–42 (L Antoni, L Comini), I–77. Номер легиона в надписи на

¹⁵ В более поздней работе он уже не упоминает такое объяснение знаков, похожих на римские цифры (Marstrander 1927)

¹⁶ Число 28 должно было, однако, обозначаться либо как ХХПХ (10+10+10-2), либо как ХПХХ (10-2+10+10).

шлеме I–62 (LPC III), где /e/ обозначено старым латинским курсивным II, а /g/ обозначено буквой C, похож на номер легиона на нашем шлеме (III). Хотя в известных мне надписях на шлемах номера легионов стоят после слова «легион», в текстах, особенно в текстах эпохи Цезаря, встречается и порядок, предполагаемый в нашей надписи, то есть номер легиона стоит перед словом легион¹⁷. По-видимому, порядок с препозицией слова «легион» (типа *legio I*) стал преобладающим только в эпоху Империи.

Предположение о римской традиции использования цифр для обозначения номера воинского соединения на шлеме с надписью венетским алфавитом вполне допустимо. Мы встречаем и латинские надписи венетским алфавитом, и венетские надписи латинским алфавитом, особенно в последнюю эпоху существования венетских надписей (II до н. э. — I в. до н. э.). Однако в венетской традиции мы сталкиваемся и с особым употреблением римских цифр. Римские цифры и знаки, похожие на римские цифры, стоящие на некотором расстоянии от надписей венетским алфавитом, мы находим чаще всего на стержнях-стилосах и на ручках (жертвенных?) ковшей, которые предназначались как дары богине Рейтии. Все эти надписи имеют традиционное содержание «говорящей надписи»¹⁸, ср. *meḡo donasto* (или *doto*) + имя в именительном падеже + *Reitiiai* в дательном падеже «меня дал(а) N. (имя дарителя) Рейтии (имя богини)», (см., напр., Es 26, 26, 32, 44, 45, 50). В надписи на сосуде Ca 5 после надписи стоят знаки Ж/// \\, первый из которых соответствует этрусскому обозначению 100, разделенному напополам знаком X (10), а в надписи Ca 4 bis мы встречаем этрусское, (венетское?) и раннее латинское обозначение цифры 50, разделенное напополам V. На римские цифры похожи и надписи на Ca 19 со знаками I \\ II или C 20 со стоящим отдельно от надписи знаком, похожим на римскую цифру X, но с загнутой сверху левой линией. Сочетание косых, перечеркнутых и прямых линий мы находим после смысловых надписей на Ca 24, Ca 34, Ca 49, Es 45. В некоторых случаях рядом с

¹⁷ См., примеры у Цезаря *septima legio* (BG 7, 62 4) и особенно в примыкающей к BG Цезаря анонимной *Bellum Alexandrinum* (ок. 40 г. до н. э.) — XXXVI *legio* (40, 1), *ex V legione* (57, 3), XXX *legio* (54, 2), *secunda legio*, *quinta legio* (53, 5), см. также *quinta legio* у Тита Ливия (Liv 27 1 8). Благодарю Н. Н. Казанского за любезно предоставленные мне примеры.

¹⁸ Т. е. надписи от имени предмета, на который они нанесены.

надписью или на обратной стороне предмета мы находим знаки, полностью соответствующие римским цифрам и очень похожие на знаки на нашем шлеме (XIX XXIX), см. знаки XXII на Са 31, знаки XXI на Са 67 и знаки II XX III XX III XXX III XX рядом с надписью Са 57. После надписи на металлических стержнях-стилосах Es 46 и Es 48 начертаны по пять раз знаки IX. В надписи Са 64 Пеллегрини и Продосчимы отмечают цифры XIX III, которые сочетаются с венетской буквой D (возможно цифрой 500) и буквой или цифрой I. А после надписи на ручке ковша (Са 68) нанесены знаки VII, которые интерпретируются Пеллегрини и Продосчимы как цифры (со знаком вопроса) — Pellegrini, Prodoscimi 1967: I, 549. В основном такие надписи с цифроподобными знаками встречаются на бронзовых стилосах или на ручках (жертвенных?) ковшей. Однако есть несколько цифроподобных знаков и на камнях. На небольшом обелиске из Агордино (Ag 1) на одной стороне Пеллегрини и Продосчимы под надписью читают две цифры V I C и XLII (при этом цифра 50 обозначена по этрусскому образцу как перечеркнутое V), а на другой стороне камня после надписи нанесен симметричный знак, который гораздо большего размера, чем стоящие рядом буквы, который также интерпретируется как цифры со знаком вопроса IVVI (*ibid.*: 572–575). Похожего типа цифроподобные знаки мы встречаем на памятнике Es 1, на котором наряду с традиционной «говорящей» надписью «я (т. е. памятник) Волтигену Веса» сбоку нанесен знак IVI, который никак не интерпретируется Пеллегрини и Продосчимы (*ibid.*, 53).

Обычно подобные цифроподобные знаки, сочетающиеся с надписями, Пеллегрини и Продосчимы никак не интерпретируют (Pellegrini, Prodoscimi 1967 I, 151, 153, 486, 514, 519, 522, 538–539, 575). Однако в четырех случаях они высказывают предположение о возможной их функции, причем снабжая эти предположения знаком вопроса. Они считают, что на Са 19 и Са 67 эти знаки могут быть орнаментом (?) — (*ibid.*, 506), на Са 68 римскими цифрами (?) (*ibid.*, 549), на Са 67 и Са 4 — знаками собственности (?) (*ibid.*, 468, 548). Предположение об орнаменте еще можно было бы признать в случае регулярно повторяющихся знаков, см. Es 46, Es 48, Са 57, однако в большинстве случаев цифроподобные знаки не выглядят как орнамент. Если считать знаки на votivных венетских предметах римскими цифрами в цифровом значении, то неясно, зачем нужны были цифры в votивной надписи, содержание которой

сообщает, кто дарит соответствующий предмет, чаще всего стилос или ручку ковша, богине Рейтии. А вот если мы предположим, что римские (венетские, исконно этрусские) цифры используются в венетских надписях не в своем цифровом значении, а как знаки собственности, которые в таком случае могут сочетаться с другими знаками, то все встает на свои места. Дарящему предмет богине было важно сообщить свое имя (которое есть фактически во всех венетских надписях), и естественно, что он кроме имени наносил на предмет дарения и свой знак собственности, подтверждая таким образом, что именно он приносит дар. В пользу того, что цифроподобные знаки на стилосах и ручках ковшей с вотивными надписями¹⁹ не имели цифрового значения, говорит и то, что они часто имели симметричную форму (см., напр., ПХП, XIX, IVVI, IVI), и если знак XIX еще может быть цифрой (19), то знаки ПХП, IVVI или IVI вряд ли имели цифровое значение. Сравнение венетских надписей с цифровыми знаками собственности с надписью на шлеме В из Негау может подтвердить предположение, что знаки ПХП и ПХПХ являются цифроподобными знаками собственности, отсюда, вероятно, их симметричность ПХП и ПХПХ. Поскольку между изготовлением шлема (V в. до н. э.) и попаданием его в землю (II–I в. до н. э.) прошло не менее 300 лет, можно предположить, что шлем мог сменить нескольких владельцев, каждый из которых мог начертать на шлеме свой знак собственности или свое имя. Возможно в значении знака собственности была использована и цифра, стоящая в конце надписи (ППЛ или ПЛ).

Исходя из описанных выше значениях римских цифр на римских шлемах и на венетских вотивных предметах, можно предположить, что они могли обозначать либо знак собственности, либо быть указанием на номер легиона. В латинских надписях на шлемах римские цифры употребляются исключительно в значении указания на номер воинского соединения владельца шлема. Однако, поскольку надписи на шлеме несомненно связаны и с венетской традицией, мы не можем исключить, что римские (венетские) цифры могли быть знаками собственности, как и в венетских надписях на вотивных

---

¹⁹ Только в двух случаях цифроподобные знаки сочетаются с надписью не на вотивных предметах, а на памятных камнях (Ag. 1, Es. 1). В данном случае это, либо знак умершего, либо знак человека нанесшего надпись.

предметах. Соответственно одну из этих интерпретаций мы предполагаем не только для отдельно стоящих знаков ХПХ и ПХПХ на шлеме из Негау В, но и для последних знаков надписи. Вопрос только в том, где кончается надпись и где начинается цифра (речь идет о последних знаках надписи ППЛ). Если следовать большинству исследователей, считающих, что надпись заканчивается словом *teiva*, то знаком собственности может быть ППЛ. Однако не исключено, что либо только первое I является буквой *i* (чтение *teivai* ППЛ), либо оба знака I I являются буквами I (чтение *teivaii* ПЛ), либо три рядом стоящих и наклоненных в одну сторону I оказываются буквами *teiwaiiii* (/teivaji/ (где II обозначают /j/, а I — /i/ (см. ниже). Каждая из этих интерпретаций теоретически вероятна.

Не учитывающиеся ранее теоретически возможные германские интерпретации

1. *harigasti* (dat.) *teiwa* (nom.) + знак собственности ППЛ или номер воинского соединения «Харигасту Тейва ППЛ».

Хотя германские интерпретации надписи предлагают либо изменения, невероятные для германского языка I в. до н. э., либо проблематичные сокращения, можно предположить германскую интерпретацию надписи в том виде, как ее традиционно читают *harigasti teiwa*, не предполагая ни отпадений, ни сокращений. Недома считал, что *teiwa* могло быть именительным падежом мужского имени собственного с основообразующим суффиксом *-an*. Это имя он считал сокращенным двусоставным именем (*Teiwa*), которое в полном виде сохранилось в древнеанглийском (*Tiowulf*) и древневерхненемецком (*Ziolf*). Именительный падеж этого слова в слабом склонении должен был в прагерманском иметь окончание *-a*, ср. старшерунические мужские имена **ala** (гот., др.-англ. *Alla*, **frohila**, гот. *Froila*, рун. **farawisa**, **niujila**, **waiga**, **hariuha**). Если корень *teiw-* действительно означал в германском ‘бога’ (см. др.-исл. *tívar* ‘боги’, *Týr* ‘бог Тюр’, др.-вн. *Ziu*), то он не мог быть собственным именем в сильном склонении. У германцев не было собственных имен людей типа Ас, Бог, Фрей, Инг, Один, Тюр, Тор и т. п. Однако в слабом склонении, т. е. с основообразующим суффиксом *-an*, иногда и с дополнительными суффиксами, было возможно образование собственных имен и женских (ср. др.-исл. *Ása*, *Póra*), и мужских (ср. др.-исл. *Ási*, *Guði*, *Ingi*, *Pórarinn*, *Pórir*, *Guðini*) от имен богов. В нашем случае пра-

германский именительный падеж в слабом склонении должен был выглядеть как *Teiwa*. Что касается формы *Harigasti*, то она многими считалась формой дательного падежа от германского имени **Harigastiz* (см. выше). Соответственно сочетание дательного и именительного падежа *Harigasti Teiwa* «Харигаству Тейва», могло обозначать «Тейва (дарит шлем) Харигаству». Харигафт могло быть и именем бога, как думал Кречмер (см. выше), и тогда перед нами надпись из вотивногоклада. Однако предположение о вотивном характереклада шлемов из Негау в высшей степени проблематично (Nedoma 1995; Ганина 2005). Харигафт могло быть не именем бога, а обычным германским двусоставным именем. Есть целый ряд древних германских имен с составными частями *Hari-* ‘войско’ и *-gastiz* ‘гость’. При такой интерпретации германец по имени Тейва, находившийся на службе у венетского общества (*civitas*) или в римской когорте в Венетии, подарил шлем другому германцу по имени Харигафт, который служил там же. Однако проблематичность толкования *Teiwa* как именительного падежа слабого склонения связана с тем, что до нас не дошли собственные имена такого типа, образованные от корня *teiw-*. Есть имена слабого склонения, образованные от имен Тора или Инга или от слов, обозначающих богов (*áss, gud*), см. выше, но среди множества германских имен слабого склонения нет простых имен, восходящих к слову ‘бог’ (**teiwaz*) или Тюр (**Teiwaz*). Кроме того, дарственные надписи такого типа на шлемах нам неизвестны.

2. *harigasti* (dat.) *teiwai* (dat.) + знак собственности III — «Харигаству богу III, либо «Харигаству Тейве III».

Эта интерпретация соответствует принятому толкованию надписи как двух германских дательных падежей (см. выше одно из толкований Кречмера), с той разницей, что окончание *-i* у *teiwa* считается не отпавшим, а реально существующим, см. знак № 15. Хотя германисты традиционно анализируют только надпись *harigasti teiwa* и не обращают внимание на продолжение надписи, но надпись не кончается словом *teiwa*, а продолжается буквами III, в которых можно попытаться отыскать продолжения слова *teiwa*. Первое, что приходит в голову, это предположение о том, знак № 15 может быть обычными *i* (именно так часто читали этот знак часто и читали те, кто предполагал этрусский язык надписи, см. выше). Предположение о том, что *harigasti* и *teiwai* — это формы германского

дательного падежа формально безупречно. В *harigasti* основа на *-i* (см. рун. — **hlewagastiR**, **widugastiR**) сопровождается окончанием дательного падежа *-i*, что должно было привести к появлению долгого *-i* в */harigastī/*. Как *teiwai* должна была выглядеть и форма дательного падежа существительного с основой на *-a* (**teiwaz*). Таким образом, гипотеза Кречмера (см. выше) о том, что надпись представляет собой две германские формы дательного падежа формально оказывается вероятной. Непонятно, почему Кречмер (см. выше) и его последователи предполагали отпадение окончания дательного падежа *-i* в слове *teiwa*, не обращая внимание на то, что следующей после *teiwa* буквой в нашей надписи было *I* (№ 15). Проблематичность двух германских дательных падежей связана не с предполагаемым отсутствием окончания дательного падежа *-i* в *teiwa* (поскольку следующая за *teiwa* буква представляет собой очевидное *i*), а с тем, что типология надписей на оружии говорит о том, что надписи-граффити в таком случае — это собственные имена либо в именительном, либо в родительном падеже, называющие имя владельца или имя центуриона. Вотивных надписей у германцев не найдено. Даже на предметах с руническими надписями в многочисленных вотивных кладах II–IV вв. н. э. найденных в Дании (см., напр., Пkjær 1998), мы встречаем только формы именительного падежа (что означает либо имя владельца, либо имя того, кто нанес надпись). Вряд ли случайно, что среди этих имен нет имени того, кому было пожертвовано оружие. По-видимому, у германцев не было традиции писать на пожертвованном оружии имена тех, для кого совершались жертвы. У венетов, несомненно, была традиция упоминать в дательном падеже имя богини, которой приносились дары (на алфавитных пластинках, стилосах или ручках ковшей), правда только в сочетании с именем того, кто делает дар. Однако венетские примеры дательного падежа на оружии неизвестны.

В целом, как справедливо указывает Ганина (2005), ни одна из предлагавшихся ранее германских интерпретаций не безупречна. Причем Ганина склоняется больше к рассмотрению надписи в связи со средиземноморскими культурами (этрусской, ретской) и, как мне показалось, с симпатией относится к ретскому толкованию надписи, предложенному Масто. Она призывает исследователей при анализе надписи на шлеме В из Негау обратиться к данным североиталийской эпиграфики (Ганина 2005: 61), фактически возвращаясь к тому, с чего началась интерпретация надписи (см. североиталийскую интер-

претацию надписи в работах конца XIX века — см. подробнейший их обзор в Tollenaere 1967).

Поскольку считалось, что геманские корни слов *harigasti teiwa* не соответствуют их окончаниям, существовали предположения о том, что германские корни собственных имен сочетаются в нашей надписи с негерманскими окончаниями. Марстрандер предполагал кельтский родительный падеж на *-i* (*Harigasti*) у германского имени **Harigastiz* (Marstrander 1925: 59, 61–62). Якобсон, отмечая несоответствие окончаний в нашей надписи с германской реконструкцией, говорил об «этрускизации» в ней окончаний, не приводя, однако, конкретных примеров (Jacobsohn 1929: 222–223), а Розенфельд предполагал в надписи ретские окончания, считая, что надпись по просьбе германца была сделана ретом (Rosenfeld 1955/1956: 245). Однако и он не приводил никаких параллелей, что естественно, поскольку ретская грамматика нам известна еще хуже чем этруская. Более конкретным был Эггер, который считал, что германские имена надписи сочетаются с латинскими окончаниями. По мнению Эггера латинизированное германское имя **Harigastus* стоит в надписи в латинском родительном падеже на *-i* (*Harigasti* «Харигаста»), а второе имя, которое Эггер читал только до 13 буквы (*tei*), он считал формой родительного падежа от имени **Teus* (Egger 1960, 86)²⁰. Он трактовал всю надпись, как имя владельца в родительном падеже в сочетании с именем отца владельца также в родительном падеже, т. е. *Harigasti Tei* «Харигаста, (сына) Тея». Фактически все подобные интерпретации считают язык надписи не германским, а этрусским, ретским, кельтским или латинским. Однако все они считают имя (или два имени) германскими. Действительно, интерпретация этих имен как ретских, этрусских, кельтских или латинских в высшей степени проблематична, тогда как корни *har-*, *gast-*, *teiw-* и даже предполагаемое составное имя *harigast-* более всего похожи на германские²¹.

Эггер считал, что тринадцатый знак, похожий на дигамму, не является частью слова **teiwaz* ‘бог’ или имени **Teiwas*, как

²⁰ Интерпретацию надписи как двух генетивов поддержал Краузе (Krause 1963: 308–309).

²¹ Каллис и Дювель предположили, что **Teus* может быть латинизированной формой протогерманского имени **Pewaz* (ср. гот. *pius*, др.-англ. *þéow*, рун. *þewaR* ‘слуга’ KJ 20, KJ 55, и имя *lagupewa(R)* на рукоятке щита из Иллерупа, др.-англ. имя *Ecgbéow*, др.-исл. *Hamþér*) (Callies, Düwel 1967: 68).

принято было считать, а является, как и другие знаки, стоящих после V, т. е. A I I I I L, начальными буквами латинских слов, сообщающих о должности Харигаста: v(exillarius) (V), v(exillatio) (V), a(larum) (A), il(luycarum) (I L) ‘ветеран из отряда вспомогательных иллирийских войск’. Это остроумное толкование предполагает, однако, маловероятный порядок слов и пропуск нескольких I. Кроме того, хотя в латинских надписях на шлемах довольно много сокращений, эти сокращения обычно касаются только имен, ср. (M(arci), V(alerii), L(ucii), T(itus) и названий подразделений C(enturia), LE, LEG, L (legio), COR, CHO (cohors).

Предлагаемое чтение и интерпретация надписи

Поскольку надпись, очевидно, написана венетским алфавитом, естественно предположить, что и язык надписи венетский, даже если имена в надписи германские. Не исключено, что именно венетская форма написания и произношения германских имен объясняет некоторые несоответствия форм имен в нашей надписи и прогерманской реконструкции, см., написание *Harigasti*, вместо реконструируемого прагерманского *χaria-gasti (см. Must 1957: 54) и написание H вместо традиционного латинского написания CH в начале германских заимствований (см. *Cherusci* «херуски»). Возможно, действительно новое обращение к данным венетской эпиграфики предоставляет нам возможность по-новому взглянуть на надпись в целом.

1. Венетский генитив (*Harigasti*) + венетский номинатив (*Teiva*) + цифры IIII (знак собственности) или номер легиона (III четвертый + L (легион)).

Предположение о том, что форма *harigasti* является кельтским или латинским родительным падежом уже делалось (см. выше), однако родительный падеж на *-i* был характерен не только для латинского, лепонтийского, галльского и мессапского (Тронский 2001: 154; Eska 2004: 866–867), но и для венетского (Тронский 2001: 154), ср. формы **urkli** (Es 5), **keutini** (Pa 19), **ennoni** (Es 11), **louki** Pa 14, **iuvanti vhrefasti** (Es 10) — (Pellegrini, Prodoscimi 1967: I, II; Lejuene 1974; Wallace 2004: 842, 849). Венетский генитив на *-i* считается некоторыми результатом латинского влияния на венетский (Wallace 2004: 849), что возможно, но необязательно, и не менее вероятным кажется предположение о североиталийском признаке, проникшем в латинский, ср. генитив на *-i* в мессапском, лепонтийском,

галльском и венетском. Однако, если форма *harigasti* вполне может быть венетской формой родительного падежа без основообразующего суффикса (см. выше венетские формы **urkli** т. п.), то второе слово надписи, которое традиционно читают как *teiva*, может быть только венетским именительным падежом (ср. обычное венетское окончание *-a* у именительного падежа существительных женского рода (**Reitia**) или более редкое окончание *-a* у существительных мужского рода (см. **Eskaiva** Ca 11, Pellegrini, Prodoscimi 1967: II 82). Мужские имена на *-a*, встречаются и в латыни²², и в галльском. Можно предположить, что германское имя слабого склонения *Teiwa* (см. выше) по форме совпадало с венетскими окончаниями именительного падежа мужского и женского рода на *-a*. Таким образом, можно интерпретировать надпись в том виде, в котором ее читает большинство (*harigasti teiva*) как венетскую и по алфавиту, и по языку (*harigasti teiva* = *Harigasti* (gen. sg.) *Teiva* (nom. sg.)), что могло означать «(сын) Харигаства Тейва» + венетский цифровой знак собственности IIII. Вполне вероятно и толкование первого имени надписи Харигаств как имени центуриона в родительном падеже в сочетании с именем солдата в именительном падеже, за которым следует номер легиона (III) и сокращение слова легион L(egio) «Харигаства (род. пад.) Тейва (им. пад.) IIII, четвертый легион, что соответствует многим латинским надписям на шлемах такой же структуры (см. выше).

2. Венетские окончания родительного (*Harigasti*) и дательного (*Teivai*) падежа + знак собственности IIII или номер легиона III (3) + сокращение L (легион).

При чтении первой вертикальной линии (№15) как I мы получаем не только форму германского дательного падежа, но и венетскую форму дательного падежа *teivai*. Второй элемент бифонемных венетских дифтонгов *ei*, *ai*, *oi* всегда обозначал в венетском в конце слова падежное окончание. Традиционно это окончание трактуется как дательный падеж (см. напр., имена **Reitiiai** (множество случаев), **Kuprikoniioi** (Pa 9), **Egetorei** (Es 84)). Хотя дифтонг *ai* (= основа + *i*) в дательном падеже встречается чаще всего у существительных женского рода, есть и существительные мужского рода на *-a* (**Eskaiva** Ca 11), которые

²² См., в частности мужское имя *Saeva*, встречающееся в латинских надписях северной Италии (в том числе в венетских городах Аквиле и Падуге) — Pellegrini, Prodoscimi 1957: II, 82).

в дательном падеже тоже должны были иметь окончание *-ai*. Сочетание венетского родительного (*Harigasti*) и дательного (*Teivai*) падежей «Харигаства Тейве III» могло бы обозначать, что шлем дают Тейве, который является либо сыном Харигаства, либо входит в центурию Харигаства, либо что (шлем) Харигаства передается Тейве. И в данном случае возможно либо толкование последних знаков надписи как знака собственности, либо толкование их как номера легиона (III) владельца шлема в сочетании с сокращением *L(egio)*. Против такого толкования надписи свидетельствует, однако, отсутствие надписей с сочетанием дательного и родительного падежа в надписях на шлемах.

3. *Harigasti* (gen.) *Teivaii* /*teivaji*/ (gen.) или *Harigasti* /gen./ *Teivaiii* /*teivaji*/ (gen.) + знак собственности (III или соответственно II) или номер легиона II или I + сокращение *L(egio)* «Харигаства Тейвы III (или II) — знак собственности или второй или первый легион».

Теоретически можно было бы представить себе, что в нашей надписи II обозначает /e/, поскольку во многих венетских надписях, написанных старым латинским алфавитом именно так обозначается /e/. Однако латинское курсивное *e* (II) использовалось только в латинских надписях и в венетских надписях латинским алфавитом, и никогда (!) не употреблялось в венетских надписях венетским алфавитом, поэтому вряд ли справедливо предположение Пеллигрини, что появление III вместо II в венетских надписях связано со стремлением отличить букву, обозначающую /e/, от буквы, обозначающей /ii/ (Pellegrini 1953: 505–506).

Двойное и тем более тройное написание одинаковых гласных не характерно для венетских гласных и касается только написаний II и III. Написание II мы часто находим в середине слова перед гласным в имени богини Рейтии (**Reitiia**) и во многих других словах см. *vo.l.tiiomno.s* **Voltiiomnos** (Es 25, см также Es 2, Es 4, Es 34, Es 28, Es 118,), *vhuxiia* **Fugiia** (Es 55–56, см. также Es 44, Es 48), *klutiiari.s* **Klutiiaris** (Pa 16), *kuprikoniio.i* **Kuprikoniioi** (Pa 9), *.ostiio.i* **Ostiioi** (Es, 6, см. также Tr 1). Однако существовали не только написания с двумя *ii* в середине слова, но и написания *ii* в конце слова (*re.i.tii...lo.[.]g.sii* **Reitii...Logsii** Es 52) и в начале слова перед гласной (*iiuva.n.t.s* **Iiuvants** — Es 25, см. также Pa 8), *iiion.ko.s* **Iion(i)kos** Ca 6, *iiio...* **Io(robos)** Es 69). Обычно написание I I трактуют просто как обозначение /i/, см. напр., трактовку напи-

саний типа **Reitiia** (*re.i.tiia.i*) — написание имени самой известной венетской богини Рейтии (см., напр., Es 24, всего 22 случая, все в Эсте) как **Reitiai** у Пеллегрини и Продосчими (Pellegrini, Prodoscimi 1967 II, 157), и такую интерпретацию поддерживает и возможное написание этого имени с одним *i* *re.i.tia.i* (см., напр., Es 26, всего 8 случаев;).

Однако написания двойных или даже тройных гласных только в случае с *I* свидетельствуют, что *I I* имеет особое, отличное от простого *I*, значение. Можно предположить, что написание *II* в середине слова перед гласным (типа *Reitiiai*) обозначает сочетание */i/* с */j/*, т. е. **Reitiia** произносилось как трехсложное слово со слогоначальным */j/* перед гласным, т. е. */rei-ti-ja/*. Первое *I* в сочетании *I I* обозначало */i/*, а второе */j/*. Написание *II* в значении */ij/* способствовали появлению прежде всего в Эсте новой буквы (*II*) для обозначения */j/* (Lejuene 1974), ср. особенно написания типа **Iuvants** */juvants/*, **Ponikos** */jon(i)kos/*, **Porobos** */jorobos/*²³. Такое обозначение */j/* позволяет нам понять и написания с тремя *-i* (*III*), которое мы встречаем в некоторых надписях, см. Tr 3 */ostijako/* **OstIIIako**, Es 51 **bIIIakos** */bijakos/* и Is 3 **GaIII >> oskab**²⁴ */gaij(j)os kab/*. Сравнивая надписи с тремя *I* с надписями типа **Iuvants**, и с таблицей из 16 согласных (Es 25), в конце которой стоит буква *II* для обозначения */j/*²⁵, имеющая вид двух стоящих очень близко друг

²³ Такое написание было характерно, прежде всего, для Эсты, а в Кадоре появился знак *>* для обозначения */j/*, который традиционно транслитерируется как *j*, см. **Tarijo** Ca 1, **Kuijuta** Ca 12, **Eneijos** Ca 21, **Inijontikos** Ca 67, **Deilijarikos** Ca 64, **Turijonei**, **Okijaijoi** Ca 24, **Broijokos** C 23, см. также надписи Ca 11, 14, 22, 25, 31, 32, 33, 65, 69. В надписи Is 3 */j/* обозначается как *>>*, что дублирует обозначение */j/* двумя *i* (*II*) см. сноску 25. По-видимому, в венетском */j/* был самостоятельной фонемой, что заставило венетов придумать для его обозначения особые буквы *II* (в Эсте), *>* (в Кадоре) и *>>* (в Изонцо).

²⁴ В этой надписи */j/* обозначен и как *II*, и как *>>*. Пеллегрини и Продосчими называют употребление и *III*, и *>>* в Is 3 гипертрофированным обозначением йота (Pellegrini, Prodoscimi 1967: I, 594–596; II 33). Лежён включает в свою таблицу венетских букв обозначение */j/* знаком *>>*, но такое обозначение характерно только для одной единственной надписи Is 3.

²⁵ Одна из votивных алфавитных табличек (Es 25) из Эсте свидетельствует о том, что в венетский алфавит входила буква *II* в значении согласной. В этой табличке, как и во многих других кроме надписи, сообщающей, кто дарит табличку Рейтии (венетское божество, ответственное за исцеление и письмо), в верхнем ряду по 16 раз повторяются расположенные друг под другом венетские буквы *o e k a*, а

к другу I, мы убеждаемся, что в написании III одно I обозначает /i/, а два других I (II) являются буквой, обозначающей /j/²⁶. Учитывая такие написания, мы читаем знаки III как /ji/. Тремя вертикальными линиями (знаки 15, 16, 17) может обозначаться и сочетание /ji/ в конце надписи на нашем шлеме, которую можно представить как /teva^ji/. Два *i* в конце надписи мы находим только в двух словах в надписи на стилосе (Es 52) **Reitii...Logsii**. Лежён предлагает четыре возможных интерпретации надписи, причем, если читать надпись так как она написана, без конъектур, то обе эти формы или одна из них (**Logsii**) интерпретируются им как формы родительного падежа, обозначающих имя мужа или отца женщины, делающей дар (Lejuene 1954, 73–76). Интерпретацию написания двух *ii* в надписи (Es 52) как обозначение форм родительного падежа, предложенную Лежёном, считают возможной и Пеллигриги и Продосчими во втором томе венетских надписей (Pellegrini, Prodoscimi 1967: II, 162), однако в первом томе они, следуя конъектурам Лежёна, заменяют реально существующие формы **Logsii** и **Reitii** на **Logsiiai** и **Reitiiai**, и предполагают, соответственно, дательный падеж в обоих случаях (Pellegrini, Prodoscimi 1967: I, 158). Хотя вопрос о формах **Logsii** и **Reitii** нельзя считать окончательно решенным, только предположение о родительном падеже позволяет рассматривать надпись в том виде, в каком она написана.

Таким образом, и при чтении знаков 16 и 17 как двух *ii* (tevaII), и знаков 15, 16 и 17 как трех III (tevaIII) можно реконструировать произношение /teva-ji/ или /teva^j-ji/, что можно считать, не без некоторых оговорок, формой венетского родительного падежа. Особая его форма /ji/, отличающаяся от формы на -i (см. интерпретацию *Harigasti* в этой же надписи выше), могла быть связана с возможным сохранением основообразующего суффикса -a- в *Teiva-*. Однако трудно сказать, почему форма дательного падежа существительных на -a (типа **Reitiiai**) выглядела как дифтонг /ai/ /reitijai/, а форма родительного падежа **Teivaii** или **Teivaiii** как /teiva^ji/. Возможно в форме дательного падежа **Reitiiai** стояло краткое /i/, и -ai произно-

---

нижний ряд букв, начинающийся с дигаммы, состоит только из 16 согласных. Последней шестнадцатой согласной оказывается буква II, которая, судя по венетским надписям может значить только /j/.

²⁶ Чтение *ji* или *iji* находит соответствие в латинском произношении удвоенного *j*, которое реконструируется для слов типа *maior* /maj-jor/, *dius* /dij-jus/, *pius* /pij-jus/, ср. написание PIIVS (Kazansky 2017: 39).

силось как дифтонг /ai/, а в форме родительного падежа окончание было долгим (см. **Teivaii** или **Teivaiii**, ср. также написание **Logsii** и возможно **Reitii**) и произносилось как /jī/.

При такой интерпретации окончаний мы получаем две венетские формы родительного падежа *Harigasti Teivaii* (или *Teivaiii*) + цифру, обозначающую либо номер воинского соединения, либо знак собственности. Эпиграфически кажется более вероятным отнесение 17 знака к двум предыдущим I, а 18 знака к последующему L (см. выше), то есть вся надпись имеет вид в таком случае *Harigasti Teivaiii I* (цифра) + L (сокращение *legio*).

Сочетание двух родительных падежей соответствует латинским надписям на шлемах, обозначающих имя центуриона и имя его подчиненного владельца шлема (см. выше), а цифра I обозначает номер легиона, в соответствии с латинской традицией. И в данном случае не исключена и трактовка римских (венетских) цифр как показателя собственности в соответствии с венетской традицией.

Теоретически можно себе представить, что перед нами двойное имя владельца шлема или имя отца владельца шлема в родительном падеже + имя владельца шлема в родительном падеже «(шлем) Тейвы (сына) Харигаства», однако типологически более вероятна трактовка надписи как двух имен — имени командира (центуриона?) и имени владельца шлема.

Выводы

Из представленных выше трех возможных венетских интерпретаций надписи, самыми вероятными представляются первое и *третье* толкования, которые находят хорошие соответствия в надписях на римских шлемах. В первом случае мы видим родительный падеж *Harigasti* (имя центуриона), сочетающийся с именительным падежом владельца шлема *Teiva*, за которым следует номер легиона (III), за которым следует сокращение *L(egio)*. Во втором случае надпись состоит из двух имен в родительном падеже (имя центуриона и имя владельца шлема) *Harigasti Teivaiii*, за которыми следует, скорее всего, номер легиона (I) и сокращение *L(egio)*. Обе эти модели неоднократно встречаются в надписях на римских шлемах. Однако, поскольку очевиден венетский характер надписи, по крайней мере, ее алфавит, а возможно и формы, как я пытался показать, не исключено, что римские (венетские) цифры в нашей надписи могли быть использованы и в русле венетской традиции, т. е. в значении знаков собственности.

Литература

- Beeler, M. S., 1949: *The Venetic language*. Los Angeles et al.
- Bogart, A. 2013: *Studien zu römischen Helmen: Untersuchungen zu den Funden römischer Infanterie- und Kavalleriehelme vom Ende der Republik bis zum 3. Jh. nach Chr.* Dissertation, Universität Köln. kups.ub.uni-koeln.de/6477/1/Diss.pdf
- Callies, H., Düwel K. 1968: Zur Datierung und Deutung der Harigast-Inschrift. *Festschrift für O. Höfler zum 65. Geburtstag*. Wien, 57–68.
- Egger, R. 1960: Die Inschrift des Harigasthelmes. *Anzeiger der philosophisch-historischen Klasse der Österreichischen Akademie der Wissenschaften* Jg. 96, N 5, 79–91.
- Eska, J. F. 2004: Continental Celtic. In: *The Cambridge Encyclopedia of the World's Ancient Languages*. Ed. by R. D. Woodard. Cambridge University Press, Cambridge, 857–880.
- Haarmann, H., 1998: *Universalgeschichte der Schrift*. 2. Aufl. Köln.
- Ilkjær, J. 1998: Fortællingen om våbenofferfunde fra Illerup Ådal. *Fremtidens formidling af fortiden. Dansk tidsskrift for museumformidling* 18, 1–5 (Illerup_82.pdf).
- Jacobsohn, H. 1929: Altgermanisches. *ZDA* 66, N 4, 217–246.
- Cassius Dio Cocceianus 2015: *Rimskaya istoriya, knigi LXIV–LXXX* [*Roman History, Books LXIV–LXXX*]. Translated from Greek under the editorship of A. B. Makhlayuk. 2nd ed. St. Petersburg.
- Кассий Дион Коккеян 2015: *Римская история, книги LXIV–LXXX*. Пер. с древнегреческого под редакцией А. В. Махляюка. 2 изд. Санкт-Петербург.
- Kazansky, N. N. 2017: *An outline of Latin phonology*. St.-Petersburg.
- Казанский, Н. Н. 2017: *Очерк фонологии латинского языка*. Санкт-Петербург.
- Krause, W. 1963: *Handbuch des Gotischen*. München.
- Krause, W. 1971: *Die Sprache der urnordischen Runeninschriften*. Heidelberg.
- Kretschmer, P. 1929: Das älteste germanische Sprachdenkmal. *ZdA* 66. 1–14.
- Lejuene, M. 1954: Les épingles votives inscrites du sanctuaire d'Este (Étude épigraphique). *Revue des Études Anciennes* 56 (1–2), 61–89.
- Lejuene, M., 1974: *Manuel de la langue Vénète*. Heidelberg.
- Markey, Th. 2001: A tale of the two helmets Negau A and B. *Journal of Indo-European studies* 26, 69–172.
- Marstrander, C. J. S. 1925: Les inscriptions des casques de Negau. *Symbolae Osloenses* 3, 37–64.
- Marstrander, C. J. S. 1927: *Remarques sur les inscriptions des casques en bronze de Negau et de Watsch*. Oslo (= ANVO II klasse. 1926 N 2).
- Mommsen, Th. 1853: *Die nordetruskischen Alphabete und Inschriften auf Münzen. Mitteilungen der antiquarischen Gesellschaft in Zürich*. VII.
- Murison, Ch. L. 1999: *Rebellion and reconstruction. Galba to Domitian: An historical commentary on Cassius Dio's Roman history. Books 64–67*. Atlanta.
- Must, G. 1957: The problem of the inscription on helmet B of Negau. *Harvard studies in Classical philology* 62, 51–59.
- Neckel, G. 1930: Die Alpengermanen. *ZdA* Bd 67, 81–86.

- Neckel, G. 1933: Zur Inschrift des Helmes von Negau. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* 60, 282–284.
- Nedoma, R. 1995: *Die Inschrift auf dem Helm B von Negau. Möglichkeiten der Deutung norditalischer epigraphischer Denkmäler*. Wien (= *Philologica Germanica* 17).
- Nedoma, R. 1996: Eine etruskische Serieninschrift auf Helmen aus Vetulonia im naturhistorischen Museum Wien. *Die Sprache* 2, 171–193.
- Olsen, M. 1903: Über eine in Steiermark gefundene gallische Inschrift in nordetruskischem Alphabet. *Zeitschrift für celtische Philologie* IV, 23–30.
- Pauli, C. 1885: *Altitalische Forschungen I. Die Inschriften nordetruskischen Alphabets*. Leipzig, 44–46.
- Pisani, V. 1959: Nachträgliches zur Chronologie der germanischen Lautverschiebung. *Mélanges de linguistique et de philologie F. Mossé in memoriam*. Paris, 379–386.
- Pellegrini, G. B. 1953: Nuove osservazioni su iscrizioni venetiche e latine. *Rendiconti della Accademia Nazionale dei Lincei*. Ser. VII, vol. VIII, 501–524.
- Pellegrini, G. B., Prodoscimi A. L., 1967: *La lingua Venetica*. V. 1–2. Padova.
- Prodoscimi, A. L., Scardigli P. G. 1976: Negau. Appendice: l'alfabeto (venetico) delle iscrizioni de Negau (A-B) e Vače. *Italia linguistic nuova e antica*. Galatina, 179–229.
- Reichardt, K. 1953: The inscription on helmet B of Negau. *Language* 28, 306–316.
- Rosenfeld, H. 1955/1956: Die Inschrift des Helms von Negau. *ZdA* 86, N 4, 241–265.
- Schmidt, Chr. G., Nedoma R., Düwel K. 2010–2011: Die Runeninschrift auf dem Kamm von Fienstedt, Stadt Erfurt. *Die Sprache* 49, N 2, 123–186.
- Seebold, E. 1994: Die sprachliche Deutung und Einordnung der archaischen Runeninschriften. In: *Runische Schriftkultur in kontinental-skandinavischer und -angelsächsischer Wechselbeziehung*. Hg. Von K. Düwel. Berlin; New York, 56–94. (= *Ergänzungsband zu RGA* 10).
- Steinbauer, D.H., 1999: *Neues Handbuch des Etruskischen*. St. Katharinen.
- Toporova, N. V. 1996: [*Culture in the mirror of language: Old Germanic compound proper names*.], Moscow.
- Топорова Т. В. 1996: *Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные*. М.
- Tronsky, I. M. 2001 [*Historical Grammar of the Latin language. Common Indo-European (problems of reconstruction)*]. Moscow.
- Тронский И. М. 2001: *Историческая грамматика латинского языка. Общеиндоевропейское языковое состояние (проблемы реконструкции)*. М.
- Wallace, R. E. 2004: Venetic. In: *The Cambridge Encyclopedia of the World's Ancient Languages*. Ed. by R. D. Woodard. Cambridge University Press, Cambridge, 840–856.

Elena Parina

(Institute of Linguistics, RAS, Moscow / Philipps-Universität Marburg)

«MULTIPLE ORIGIN» AS A USEFUL CONCEPT FOR ANALYSING BORROWINGS INTO MIDDLE WELSH

This contribution advocates for leaving the notion of borrowings as once-and-for-all processes and argues in favour of the mechanism of multiple inputs. This perspective lies behind etymological analysis of loanwords into Middle English in the *Oxford English Dictionary* and the analysis of some Middle Welsh words suggests that it could be even more plausible for medieval Wales given its multilingual situation, where Latin, Middle English and Anglo-French functioned as lexical donors. As illustrations for the notion of multiple origins some loanwords in a religious text *Ystoria Lucidar* in the 14th century manuscript Oxford, Jesus College MS. 119 are analysed on an exemplary basis. Although all of them are classified as borrowings from Middle English or possibly Anglo-French in *Geiriadur Prifysgol Cymru* their correspondence to the phonetically similar Latin equivalents could suggest at least a reinforcement of re-borrowing of words in the process of translation that is a specific locus of language contact.

Keywords: Middle Welsh, loanwords, translations in Middle Ages, Latin, Middle English, language contact.

Е. А. Парина

(Институт языкознания РАН / Марбургский университет)

Многократные заимствования из разных источников — к методологии анализа заимствований в средневаллийский язык

В статье предлагается учитывать возможность неоднократного заимствования при этимологическом анализе средневаллийских лексем. Для среднеанглийского языка этот подход убедительно применяется в *Oxford English Dictionary*, в валлийском словаре *Geiriadur Prifysgol Cymru* этимологические пометы делаются исходя из предположения о единственности возможного источника заимствования. Анализ отдельных лексем в религиозном тексте *Ystoria Lucidar* в рукописи 14-го века Oxford, Jesus College MS. 119, маркированных в словаре как заимствования из среднеанглийского (или, возможно, французского), но при этом соответствующих в латинском оригинале лексемам, к которым в конечном итоге восходят и английские слова, заставляет предположить как минимум возможность расширения значения или повторного их заимствования при переводе.

Ключевые слова: Средневаллийский язык, заимствования, перевод в средние века, латынь, среднеанглийский язык, языковые контакты.

Borrowings into Welsh have been already discussed within the Indo-European Linguistics and Classical Philology Yearbook (see Falileyev 2002, Parina 2008) and since then further loanwords in Middle Welsh texts were analysed by Falileyev (2017, 2018a, 2018b)¹. Loanwords in particular Middle Welsh texts were studied for *Ystoria Bown* in (Poppe, Reck 2008: 144–147) and the distribution of loanwords in *Ystoryaeu Seint Greal* by Zimmermann (2020: 215–298). In the religious text *Ystoria Lucidar*, found i.a. in the manuscript Oxford, Jesus College MS. 119, also known from its colophon as *Llyfr Ancr Llanddewi Brefi*, dated 1346, hereinafter LIA², many loanwords expectedly are found (see Rowles 2008: 155–157). This text is a translation from Latin (see the discussion of this text in Parina 2018) and since translations are, as shown by Kranich, specific loci of language contact (Kranich 2014), the analysis of loanwords in this particular environment could provide a glimpse into the mechanisms of borrowing and using these words in the target language. In this contribution I will draw attention to four words used in *Ystoria Lucidar* (*person* ‘person’, *swbstans* ‘substance’, *presentiaw* ‘to present’ and *emendau* ‘to amend’), that are classified as borrowings from (Middle) English or Anglo-French in *Geiriadur Prifysgol Cymru (GPC)*, but could possibly profit when treated as words of multiple origin — this concept, used in the Oxford English Dictionary, could be, as I will argue, very useful for the analysis of some loanwords borrowed into Welsh.

For Middle English ‘[i]n very many cases, we cannot say with complete confidence that a word is from French rather than Latin, or vice versa, and in most cases composite origin from both languages seems the likeliest scenario (Durkin 2014: 236–7). French itself had a complex history of interaction with the Latin vocabulary, consisting both of the development of spoken Latin and later borrowings from Latin, which resulted in a ‘complex layering in the vocabulary of French, which in turn has fed into some even more complex layering in the vocabulary of modern English’ (Durkin 2014: 237). For multilingual Wales in the 13th–14th century (see Falileyev 2004), where Anglo-French, Latin and Middle English were possible lexical donors for Welsh, the issue of layering is even more complex.

¹ This study partly results from the project ‘Translations as language contact phenomena: studies in lexical, grammatical and stylistic interference in Middle Welsh religious texts’, led by Prof. Erich Poppe at the Philipps-Universität Marburg, supported by the Fritz Thyssen Foundation.

² See forthcoming publication Parina&Poppe (in preparation).

As one complex example of a continuing influence both from French and Latin Durkin discusses the English word *person* (Durkin 2014: 248). He analyses its different senses (such as ‘an individual human being’ and ‘each of the persons of the Trinity (in Christian theology)’)) and shows how they appear in different texts and then are not attested for a long time, after which they might be re-borrowed, giving as one possible explanation that ‘new senses continued being borrowed from the source language’ (ibid.). OED (s.v. *person*) expresses this idea in the following way: ‘Of multiple origins. Partly a borrowing from French. Partly a borrowing from Latin’.

Welsh *person* is being analysed in GPC as borrowing from Middle English *person(e)* or a direct borrowing from Old French (s.v. *person*), that has parallels to Middle Cornish and Middle Breton *person*. Despite these parallels in all the British languages it cannot be an old common borrowing from Latin into British, since Latin internal *ō* underwent phonetic changes (as in Latin *fōrma* > Welsh *ffurf*) in the old borrowings (Jackson 1953: 307–8). Nevertheless it seems to be natural to suggest that the theological sense, at least, is influenced by Latin, which was the language of religion of the time. This sense is registered in Welsh already in the 13th century and can be seen in LIA in the explanatory translation of the *Athanasian Creed*:

- (1) Alia est enim **persona** Patris alia Filii, alia Spiritus Sancti
 For there is one Person of the Father; another of the Son; and another of the Holy Ghost.
 Ac vrth hynny amgen y6 **personn** y tat. A **pherson** y mab. Ac amgen y6 **person** pob vn ohonunt. A **pherson** yr yspryt glan. (LIA 120v)
 Therefore different are the person of Father and the person of Son, and different is the person of each of them from the person of the Holy Ghost.

In *Ystoria Lucidar* text in LIA it is used in the sense ‘person, character’, as in the introductory sentence with no Latin equivalent in the assumed source:

- (2) *GWeithret y llyuyr hōnn a berthynn ar d6y **bersson**. nyt amgen. ar disgybyl yn gouyn. ac ar yr athro yn attep. (LIA 5r)
 The work of this book relates to two persons, namely, to the Disciple questioning, and to the Master answering.

It is also used referring to Christ, in equivalent to the Latin *persona*:

- (3) [in answer to the question whether Christ was full of joy after the resurrection]

Quodammodo habet, quodammodo non habet. Quantum ad sui **personam**, plenissimum (Lefèvre 1954: 393)

O beth y mae. o beth arall nyt ydi6. her6yd y **berson** e hun y mae ida6 yn gyfula6n. (LlA 21v)

He was partly, and partly not. As for His own person, He has full [of joy]

It is therefore viable to suggest that we see in the case of the Welsh word *person* a multi-layered borrowing, both from Middle English or Anglo-French (I will not touch upon this distinction in this contribution, for some arguments see Rowles 2008: 269) and from learned Latin — a source sometimes denoted in GPC (as suggested for *ystoria* ‘bnth. dysg. Llad. *historia*’), but rather rarely. In this case, however, the borrowing seems to be established in its polysemy in the language before the time of translation, as attestations in GPC show.

Another possible example of a word of multiple origin found in *Ystoria Lucidar* is the verb *emendau* (already attested in the 13th century, in religious and legal contexts), for which GPC suggests a Middle English origin. In the LlA text we find this verb three times, once it corresponds to Latin *emendare* and twice to *corrigere*:

- (4) [in explanation on the reasons why the evil prosper]

Kadarnn vyddant. yn gynntaf oc ev hachos e hunein. megys y gallont g6pplav y drygyev y maent yn y karv. Yr eilweith. o achos y rei kamweda6c oe hamdiffynn wyntev yn y dr6c. Y tryded achos y gospi onadunt yr etholedigyon. Ac oe **emendanav** oe drycweithredoed. (LlA 28r)

Potentia splendent primo propter se ipsos, ut mala quae amant potenter expleant; secundo propter reprobos, ut eos in malis defendant; tertio propter electos, ut eos castigent et a malis actibus **emendent**. (Lefèvre 1954: 393)

They are strong, first, for their own sake, so that they may fulfil the evils that they love; secondly, for the sake of the iniquitous, to protect them in their evil. The third reason is to chasten the elect by them, and **to correct them from their evil deeds**.

- (5) [Do the souls pray for their kinsmen?]

Y rei g6iryon a weddiant dros y rei a garassant yn yr argl6yd. neu dros y rei a al6ei arnunt oe diffryt rac dr6c. Ac oe rydhau o brouedigaeth y byt. Ac oe **hemenda6** od ydynt yg kyfueilornn megys y delynt oe kytymeithas ar hynt. (LlA 51v)

Justi orant pro his quos in Domino amaverunt vel pro his qui eos invocabunt, ut a malo serventur et a mundi temptamentis liberentur

et, si in errore sunt, ut **corriganetur** et eis celerius associantur. (Lefèvre 1954: 450)³

The just pray for those they loved in the Lord, or for those who called upon them to deliver them from evil and to free them from the temptations of this world, and to correct them if they have erred, so that they may speedily come from that error to their society.

The OED entry for *emend* shows that the attestations for this English word (of Latin origin) are rather late, starting from c1450. The variant *amend* (from Old French *amende-r*) is attested earlier (from the 13th century) but would be more problematic phonetically as a source for the Welsh word. It would therefore be worth suggesting, as in the case of *person*, that learned Latin should be considered as one of the sources for the Welsh word.

These two words were used in Welsh prior to the translation of *Ystoria Lucidar*. The next two words are much less frequent and are first attested in our manuscript, according to GPC.

The word *swbstans* is used in *Ystoria Lucidar* twice, in the discussion of the two elements man was created from that I quote with abbreviations:

- (6) O ba beth y krewyt dyn.
o **gedernny**t corffora6l. ac vn ysprydawl.
corffora6l
or petwar defnyd. megys y byt. Ac am hynny y gelwir ef y byt
bychan. [...] a llyna **gallv** corffora6l.
y **substans** ysbryda6l a gredir y vot or tan ysbryda6l. yn yr h6nn y
dangossir [11r] delw ac eilun du6.
[...] A llyna y **substans** ysbryda6l ef. (LIA 10v-11r)
D. Unde?
M. De spirituali et corporali **substantia**.
D. Unde corporalis?
M. De quatuor elementis; unde et microcosmus, id est minor
mundus, dicitur. [...] Haec est **substantia** corporalis.
D. Unde spiritualis?
M. Ex spirituali igne, ut creditur, in qua imago et similitudo Dei
exprimitur.
[...] Haec est **substantia** spiritualis. (Lefèvre 1954: 371)
D. Of what was man created?
M. Of bodily and spiritual strength/substance:
the bodily
of the four elements, like the world; and, therefore, he is called the
“little world [...] And that is his bodily property.

³ The same equivalence Latin *corriger* : Welsh *emendau* is found on f. 32v.

His spiritual strength and condition is believed to be from the spiritual fire, wherein is shown the image and likeness of God.
[...] And that is his spiritual substance.

We can see that in this passage the translator struggles with finding an adequate equivalent to the very complex and abstract notion expressed in Latin with *substantia*. He uses three words for it. First, *cedernyd* (a derivative from *cadarn* ‘strong’), meaning ‘strength, power, potency, might, fortitude’, and interestingly as ‘substance, substantive, noun’ in the *Gramadegau'r penceirddiaid*, Bardic grammars, which shows a similar semantic extension. Secondly, *gallu*, a polysemous word meaning ‘ability, power; property’. These two words are of Celtic origin, belong to the basic vocabulary and the translator extends their meaning. And the end of the passage he uses a loanword *substans* — GPC suggests it to be a borrowing from Middle English *substance* or directly from Anglo-French and notices that the phonetic value of <u> is unclear. The form of the word suggests indeed the knowledge of a Middle English or Anglo-French word, but the direct equivalence with the Latin *substantia* used in the assumed source makes it possible that we see here one of these inputs of the multiple borrowing — which is proposed for the English counterpart (OED, s.v. *substance*): ‘Of multiple origins. Partly a borrowing from French. Partly a borrowing from Latin. Etymons: French *substans*; Latin *substantia*’.

The last word to be discussed in this article, *presentya6* ‘to present’ appears, according to GPC, only once in Middle Welsh (the Welsh Prose 1300–1425 corpus (Luft et al. 2013) shows its use only in the parallel passages of the *Ystoria Lucidar* text in other manuscripts, its next usage is attested only in the *Llyfr Gweddi Gyffredin* ‘The Book of Common Prayer’ of 1567).

- (7) Eu damunet y6 y g6edi kannys beth bynnac a damunont 6y ae caffant yn diannot. Ae g6edi wyntev y6 **presentya6** y grist poennev y corff. neu y da a wnaethant yrda6. (LIA 51v)

Desiderium eorum est oratio illorum. Quidquid enim desiderant, sine dilatione percipient. Illorum etiam orare est cruciatus corporis vel bene gesta pro Christo Deo **repraesentare** III.26 (Lefèvre 1954: 451)

Their desire is their prayer, for whatsoever they desire they receive immediately from God. And their prayer is to **present** to Christ the torments of the body or the good that they did for His sake.

According to GPC this is a borrowing from English (*to*) *present* (s.v. *presentiaf*). As we see in the assumed Latin source *repraesentare*

sentare, it seems to be plausible to argue here again for a case of an input from Latin, as is suggested for the English verb in OED (s.v. present, v. — ‘Of multiple origins. Partly a borrowing from French. Partly a borrowing from Latin’).

In his book Durkin (2014: 250) claims against the ‘considerable strain of the notion of lexical borrowing as once-and-for-all process: many of these word histories are highly suggestive of multiple inputs, in some cases from (Anglo-)French and in others from Latin, sometimes in literary contexts and sometimes in spoken ones [...]’. It seems that this notion of the once-and-for-all process of borrowing lies behind the etymological information in GPC. For English Durkin (2014: 251) argues that ‘[i]t is the combination of our knowledge of the multilingual language contact situation with our detailed knowledge of the histories of each word in Latin, French, and English that makes the case for multiple inputs compelling, even if the precise mechanisms normally remain uncertain in individual cases’. The socio-linguistic situation in medieval Wales is even more complex which makes the case for multiple inputs the more compelling and the study of translations into Welsh could help to grasp the precise mechanisms in some individual cases.

References

- Durkin, P. 2014: *Borrowed words: A history of loanwords in English*. Oxford.
- Falileyev, A. 2002: [Latin borrowings in Old Welsh. A chapter in historical lexicography of Welsh]. *Colloquia classica et indo-europeica*, 3: 347–366.
- Фалилеев, А. И. 2004: Латинские заимствования в древне-валлийском. (Глава из исторической лексикологии валлийского языка). *Colloquia classica et indo-europeica*, 3: 347–366.
- Falileyev, A. 2004: [Reading in multilingual situation: Wales in the late 14th century]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 68:4.
- Фалилеев, А. И. 2004: Круг чтения в условиях многоязычия: Уэльс в конце XIV века. *Новое литературное обозрение*, 68:4.
- Falileyev, A. 2017: Sylwadau ar Rai o Linellau Dafydd Nanmor. *Dwned*, 23: 121–149.
- Falileyev, A. 2018: [Medieval Welsh translation of Relatio Fratris Odorici: some aspects of research]. *Indo-European Linguistics and Classical Philology*, 22: 1288–1301.
- Фалилеев, А. И. 2018: Перевод Relatio Fratris Odorici в средневековом Уэльсе: некоторые проблемы изучения. *Индоевропейское языкознание и классическая филология*, 22: 1288–1301.
- Falileyev, A. 2018: Cywyddwyr a’u cywyddau: sylwadau amrywiol. *Dwned*, 24: 43–66.

- GPC, 2014: *GPC Online*. Geiriadur Prifysgol Cymru. University of Wales Centre for Advanced Welsh & Celtic Studies. <http://welsh-dictionary.ac.uk/gpc/gpc.html>
- Jackson, K. 1953: *Language and history in early Britain*. Edinburgh.
- Kranich, S. 2014: Translations as a Locus of Language Contact. In: *Translation: A multidisciplinary approach*. London, ed. by J. House. London, NY, 96–115.
- Lefèvre, Y. 1954: *L' Elucidarium et les lucidaires. Contribution, par l'histoire d'un texte, a l'histoire des croyances religieuses en France au moyen age*. Paris.
- Luft, D., et al. 2013: *Rhyddiaith Gymraeg 1300–1425*. <http://www.rhyddiaithganoloesol.caerdydd.ac.uk>.
- OED, 2020: Oxford English Dictionary. OED Online. Oxford University Press. <https://www.oed.com/>
- Parina, E., 2008: [Latin borrowings in Modern Welsh]. *Indo-European Linguistics and Classical Philology*, 12: 364–370.
- Парина, Е. А. 2008: Латинские заимствования в современном валлийском языке. *Индоевропейское языкознание и классическая филология*, 12: 364–370.
- Parina, E., 2018: The good, the bad and the translator: the concept of predestination in a Middle Welsh translation of *Elucidarium*. *Indo-European Linguistics and Classical Philology*, 22, 1003–1012.
- Parina, E., Poppe, E. Translating devotion in medieval Wales. Studies in the texts and language of *Llyfr Ancr Llanddewibrefi*, in preparation.
- Poppe, E., Reck, R., 2008: A French romance in Wales: Ystorya Bown o Hamtwn: processes of medieval translations. *Zeitschrift für celtische Philologie*, 56: 129–164.
- Rowles, S. 2008: *Yr Elucidarium: Iaith, Strwythur, Cynnwys ac Arwyddo-câd y Cyfieithiadau Cymraeg*. PhD thesis. Prifysgol Cymru, Aberystwyth. <http://cadair.aber.ac.uk/dspace/handle/2160/1877>.
- Zimmermann, C. 2020: *Ystoryaeu Seint Greal — Zwischen Übersetzung und Adaption*. PhD thesis. Philipps-Universität Marburg. Marburg.

Т. А. Михайлова
(МГУ им. М. В. Ломоносова / Институт языкознания РАН)

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ УПОТРЕБЛЕНИЯ 2 SG. В ИРЛАНДСКОЙ МАРГИНАЛЬНОЙ ЛИРИКЕ¹

Копия Грамматики Присциана с обильными латинскими и ирландскими глоссами, датируемая IX в. и составленная, предположительно, в Ирландии, считается одной из наиболее ранних дошедших до нас ирландских рукописей. Кроме глосс, она содержит три маргинальных стихотворения: в нижнем поле листов 203–4, стихотворение о пении дрозда; в верхнем поле листа 112, стихи о ветре и прибытии кораблей викингов; в верхнем поле листа 229, стихи о тяжелой жизни в монастыре. В последнем содержится одно из редких для монастырской лирики употреблений форм второго лица и поэтому сложное для интерпретации. Традиционно стихотворение описывается как отражающее сетования анонимного автора-монаха на тяготы аскетического существования, однако высказывались и другие мнения: адресатом стиха является Иоанн Креститель, и текст связан с днем его памяти 24 июня. Дискуссия побудила автора статьи обратиться к другим редким употреблением 2-го лица в маргинальной лирике и задаться более общим вопросом: мог ли в кругу клира ранне-средневековой Ирландии развиваться уровень поэтической автоинтроспекции, допускающий замены 1 sg — 2 sg., а также — использование генерализующего 2 sg. (= 1 pl.)? Или в стихотворении еще должна присутствовать псевдо-адресация к легендарному или историческому персонажу? В работе проводятся сопоставления с образцами латинской лирики, а также — русской, что проблемы не проясняет, но позволяет ее точнее сформулировать.

Ключевые слова: историческая поэтика, поэтическая грамматика, ирландская монастырская лирика, местоимения, авторство, рукописная традиция.

Tatyana A. Mikhailova
(Lomonosov Moscow State University / Institute of Linguistics RAS)

The use of 2 Sg. in Irish marginal lyrics: an interpretation

A copy of Priscians's *Institutiones grammaticae* from St. Gall monastery (Codex Sangallensis 904) is one of the best known manuscripts produced by Irish scribes. Along with copious glosses to the Latin original text, the manuscript contains three Irish marginal poems: fol. 203–204, bottom margin, a poem describes singing of a blackbird; fol. 112, upper margin, a poem on a windy night and arrival of Viking's ships; fol. 229, upper margin, a poem on the ascetic life in monastery. The author of this

---

¹ Исследование проводится в рамках проекта РФФИ № 18-012-00131a.

poem uses 2 Sg. form of the verb (*Gaib do chuil isin charcair...* — Take thy corner in the prison/cell...), that is really rare for monastic poetry in general. Traditionally supposed to be a production of auto-reflections of an anonymous monk (2 sg. = 1 sg.), this poem could refer to the austerities and imprisonment of John the Baptist and, consequently, should be taken as a commemoration of his feast day, June 24. So, 2 sg. represents not a reflective use but has connections with a historical event and has a legendary addressee (2 sg. = 2 sg.). The article deals with other examples of the use of 2 sg. in Early Irish poetry, having also a double ‘message’: to an imaginary addressee (2 sg. = 2 sg.) and to unknown auditorium (so, 2 sg. = 1 pl. and/or 2 pl.). Comparisons with Russian and Latin poetry using 2 sg. are also done.

Key words: Historical poetics, poetic grammar, Irish monastic lyrics, pronouns, authorship, manuscript tradition.

*Никому не нужна ты
В этой жизни проклятой.
Аделаида Герцык, 1922.*

Образцы древнеирландской монастырской лирики в дошедших до нас рукописных источниках могут быть условно разделены на четыре типа фиксаций. Первый и второй — принципиально вторичны, третий — также, предположительно, окказионально вторичен, и лишь последний может быть назван отражающим первичную фиксацию стиха, совпадающую с моментом его сочинения.

К источникам первого типа относятся поздние (XV–XVII веков) рукописные сборники, восходящие к более ранним, но также — относительно поздним коллекциям, в которых представлены образцы лирики, которая условно может быть названа монастырской (по своему стилю), написанные в более ранний период (по данным языка). Сведения о форме бытования текста и особенностях его первой фиксации — утрачены.

К источникам второго типа относятся бардические трактаты XIV–XVI вв., в которых образцы лирики даются в качестве иллюстрации метрики или поэтического приема. Можно предположить, что цитируемые фрагменты функционировали в устном виде, либо — были взяты из не дошедших до нас источников. Особенности возникновения текста также утрачены. Сюда же можно отнести цитирование образцов лирики в текстах *Анналов* и *Законов*, а также в поздней агиографической традиции; в ряде случаев поэма обретает псевдо-автора (иногда им может быть и реальный автор, проблема заслуживает специального анализа).

К источникам третьего типа относятся цитирования поэтических фрагментов в корпусе интерлинейрных глосс, как с

указанием (псевдо-)автора, так и без этого. Как правило, процитированный текст призван проиллюстрировать употребление темной, малоупотребительной лексики (см., например, об этом Russell 2014).

К источникам четвертого типа относятся маргиналии на верхнем или нижнем поле листа, которые, судя по почерку, могли быть написаны либо явно позднее, то есть — другим писцом, либо (предположительно) — тем же писцом, которому принадлежит основной текст. Условно данные записи могут быть названы «фиксацией первого уровня». И только в этом случае можно с осторожностью говорить о предполагаемом авторстве. Хотя, естественно, и здесь может иметь место цитирование, однако — цитирование, связанное с «настроением» переписчика или того, кто работал с рукописью. Как правило, в стихах данного типа используется 1 sg., что и позволяет отнести их к лирике. В отличие от интерлинейных глосс, текст стихотворения обычно не связан собственно с рукописью. Так, например, известное стихотворение о коте (датируется IX в.) написано на нижнем поле астрономического трактата в собрании, известном как «Кодекс св. Павла», составленном в Каринтии (St. Pauli Cod. 86b/1 fol 1 v). Текст занимает значительную часть листа и был написан той же рукой, что позволяет предположить и авторство писца.

Отправной точкой для моего исследования послужила дискуссия вокруг стихотворения — *Dom-fharcai fidbaide fál* — ‘Меня окружает деревьев стена’ (издание с английским прозаическим переводом — см. Murphy 1956: 4, см. также классическое издание — Stokes and Strachan 1903: 290). Стихотворение датируется IX в. и сохранилось в так наз. Codex Sangallensis 904, на нижних полях листов 203–204. Рукопись содержит текст латинской Грамматики Присциана и снабжена латинскими и ирландскими глоссами, в основном комментирующими текст. Однако кроме того в маргиналиях содержатся три образца лирики, первый из которых и послужил объектом дискуссии, в основном касающейся специфики употребления в нем местоимения 1 sg. Традиционно трактуемое как типичный образец эгоцентрической монастырской лирики (см. Ó Corráin 1989; Melia 1990), оно рассматривалось П. Фордом (Ford 1999) как иллюстрация употребления разных форм инфигированных местоимений 1 sg., непосредственно связанных с текстом Грамматики. В статье Д. Мелиа (Melia 2005) отмечено, что в рукописи присутствуют еще два поэтических текста, которые

никак не связаны с содержанием трактата. Один из них особенно известен. Это строфа *Is acher in gaith in-nocht* — ‘Резок ветер сегодня ночью’, написанная, несомненно, под знаком страха перед нападениями с моря кораблей викингов (лист 112, текст на верхнем поле).

Другое стихотворение написано на верхнем поле листа 229 и его интерпретация далеко не однозначна:

Gaib do chuill insin charcair	Найди себе угол в этом карцере,
ni róis chluinn na colaid	нет ни перины ни ложа,
truag isin amail bachal	печальна участь слуги посоха,
rot gimil ind shrathar dodcaid.	к тебе пришла судьба несчастья.

Как пишет Д. Мелиа, «вместо наслаждения пением птиц и опасений монаха, связанных с набегом викингов, мы видим, как монах жалуется на свою долю, вынуждающую его спать на полу» (Melia 2005: 287). Иными словами, он не сомневается в том, что хотя в первых двух стихах употреблено 1 sg., а в третьем — 2 sg., речь все равно идет об интроспекции, характеризующей монастырскую лирику в целом.

Трактовка 2 sg. = 1 sg. вполне возможна (см. выше эпиграф), причем как в поэтическом тексте, так и в живой речи. Ср. также у Тютчева: *Ты, человеческое Я*, которое «оказывается не субъектом, а адресатом речи, то есть перестает функционировать как местоимение» (Лотман 1996: 556).

Однако, как пишет, анализируя в основном русскую поэзию, И. И. Ковтунова, в стихах Блока часто употребляется 2-е лицо вместо 1-го, причем, как ей кажется, при этом «описание душевного события предстает в совершенной форме, очищенной от эгоцентрической окраски» (Ковтунова 2005: 57). В качестве примера приводится стихотворение «Флоренция»:

Ты береги остаток чувства,
Храни хоть творческую ложь:
 Лишь в легком челноке искусства
 От скуки мира *уплывешь*.

То есть 2 sg. = 2 pl.? Или 2 sg. = 1 pl.?

Но всегда ли замена 1 sg. на 2 sg. является **реальной** заменой «эгоцентрической окраски»? И, что главное, как воспринималось такое употребление 2 sg. аудиторией, на которую ориентировался автор? Характерные для поэзии Серебряного века, подобные замены могли восприниматься иначе в более

ранних текстах, требующих указания на автора = адресата. Приведем в качестве примера два фрагмента из Катулла:

52

Quid est, Catulle? Quid moraris emori?
Sella in curuli struma Nonius sedet,
Per consulatum peierat Vatrinius:
Quid est, Catulle? Quid moraris emori?

Ну что ж? Еще ли медлишь умирать, Катулл?
Зобатый Нонний восседает в курии;
Ватиний без стыда клянется консульством;
Ну что ж? Еще ты медлишь умирать, Катулл?

51. ad Lesbiam

Otium, Catulle, *tibi* molestum est:
Otio exsultas nimiumque gestis:
Otium et reges prius et beatas
Perdidit urbes.

Праздность, (мой) Катулл для *тебя* зловредна,
Праздности ты рад, от восторга бредишь;
Праздность в прошлом много царей и славных
Градов сгубила.

(пер. С. Шервинского)

Если в Cat. 52, действительно, речь идет о замене Я на Ты с сохранением эгоцентризма, то во втором фрагменте, совершенно очевидно, что даже автообращение не делает стихотворение биографическим. Обращение ко 2-му лицу редко преследует сформулированный В. Н. Топоровым принцип «перволичного аскетизма» (Топоров 1998: 550), но скорее «может дополнительно приобретать обобщительный смысл, так как второе лицо может быть отнесено не только к автору, но и к другим» (Ковтунова 2006: 58). В общем, сказанное — очевидно, причем в лирике, как мы понимаем, обобщающий характер имеет и 1 sg. (*Odi et amo...*). Но все же — различия есть, особенно в архаическом тексте, подчиняющемся канону, но отчасти этот канон и создающем. Кроме того, наверное, следует различать случаи выражения 2 sg. в местоименной форме, что для современных языков европейского типа является частью морфологии, и 2 sg. в качестве формы глагольной, собственно местоимения не содержащей, что было нормой для латыни и древнеирландского.

Образцы лирики, представленные как цитаты в интерлинеарных глоссах, возникали, естественно, иначе, но как именно — мы не можем сказать. Их семантическая связь с текстом

может казаться искусственной, но видимо, таковой не представлялась переписчикам, которые для прояснения редкого слова, прибегали к иллюстрации его употребления в другом контексте, часто — поэтическом. Хорошим примером тут могут послужить многочисленные глоссы к элегии «Чудо Колума Килле». Так, например, для уточнения слова *sercoll* ‘ветчина, солонина; вяленые и сушеные фрукты’ приводится строфа, якобы адресованная невесте старого героя Финна, Грайinne, дочери короля Кормака мак Арта:

Is maith do chuit, a Grainne,	Хороша твоя доля, Грайinne,
Is ferr duit inda ríge,	Лучше для тебя, чем царство,
Sercoll na cailech feda.	(...?) худого петуха
La banna meda míne.	С каплей сладкого меда.

(Stokes 1899: 264)

Смысл этого стихотворения до конца не ясен, но не вызывает сомнений его сатирико-эпиграмматический характер. Поэт адресуется к легендарному персонажу: Грайinne. В данном случае происходит не просто цитирование, но и отсылка к прецедентному эпизоду. В качестве осторожного и предварительного предположения можно сказать, что для ирландской лирики сама идея анонимности и обобщенности еще была чужда, и стихи, как правило, были кому-то приписаны, причем должны были получить не только автора, но и, как было принято, *locus, tempus, persona et causa scribendi* (то есть то, что я назвала «прецедентностью»).

Так, среди маргинальных строф к «Чуду Колума Килле», можно также отметить лирическую строфу о любви, которая дана, чтобы проиллюстрировать слово *diudercc* ‘долгий взгляд’:

Ocus Grainne cecinit:
 Fil duine
 Fris mad buide lemm diudercc
 Ara tibrind in mbith n-huile
 A maic Muire, cid diubert!
 (Stokes 1899: 156).

Есть человек,
 За долгий взгляд которого я была бы благодарна
 Которому я отдала бы весь мир
 О, сын Марии, какова плата!

Аналогичным образом стихи о приходе зимы (образец «лирики природы») приписываются Финну, также — легендарному персонажу.

То есть, стихи подобного рода существуют в некой своей реальности, отличной не только от реальности переписываемого текста, но и от реальности бытия переписчика.

Д. Мелиа склонен был трактовать все три стихотворения Санктугалленского кодекса как проявления монастырского восприятия мира. Совсем иначе, на первый взгляд, трактуется строфа на листе 229 в работе (Ó Néill 2000). «Эти строки (я уверен) — пишет автор — описывают взятие под стражу и заточение Иоанна Крестителя и связаны с днем его поминовения 24 июня» (Ó Néill 2000: 164). Фигура Иоанна Крестителя оказывается вплетенной не только в общую агиографическую, но и в нарративную мифо-поэтическую ирландскую традицию. Так, как принято считать, усекновение головы Иоанна было совершено ирландским друидом по имени Мог Рут, жившим примерно в сер. III в. н.э., посетившим Иерусалим и ставшим учеником Симона Мага. В «мартирологе» Энгуса содержится рассказ о том, что в день поминовения Иоанна в Ирландию обычно прибывает дракон, который уничтожает посевы и скот в качестве мести за смерть святого. Всем этим, как полагает О'Нейлл, мотивируется один из постов, который принято было держать в монастырской среде. И перепрочтение строфы в данном ракурсе проясняет скрытую в ней метафорику: ее автор одновременно как бы и жалуется на тяготы поста, и описывает пребывание в темнице Иоанна Крестителя, с которым он даже отчасти себя отождествляет.

Древнеирландская монастырская лирика действительно может быть названа эгоцентричной. Это относится и к «лирике природы», в которой окружающий монаха мир воспринимается всегда его глазами (и ушами), и к текстам апотропеического характера, написанных также всегда от 1-го лица и ориентированных в том числе и на псалмическую традицию, в которой 2-е лицо — это, как правило, Бог. Универсальность этих текстов, то есть — возможность их многократного воспроизведения, в ходе которого текст начинает как бы «работать» вновь, подразумевает и многократную мультипликацию субъекта. Все это должно было повлечь за собой

избегание 2 sg., что в основном и происходит². Найденные мной примеры столь редки, что каждый из них заслуживает специального анализа. В дальнейшем кажется перспективным продолжить поиск и расширить круг анализируемого материала, что, как можно надеяться, позволит дать классификацию конструкций. Но некоторые выводы можно сделать уже сейчас.

Кроме уже приведенной выше строфы, были найдены:

На нижнем поле (fol. 23) рукописи, известной по имени первого владельца как «Бернеров кодекс» (Codex Boernerianus, IX в., греческий текст Нового Завета с латинским переводом в виде интерлинеарных глосс):

Téicht doróim	Хождение в Рим
Mór saido becc torbai	Велик труд, мала польза.
In ríchondaigi hífoss	Король, которого там ищешь,
Manimbera latt nífogbái.	Если не возьмешь его с собой,
	не найдешь.
Mór báis mor baile	Велика смерть, велико безумие
Mór coll ceille mor mire	Велика утрата рассудка и ума
Olais airchenn teicht do écaib	Ибо ясен путь к смерти
Beith fo étoil maim maire.	Пусть не радуется это Сына Марии.

Кодекс, как принято считать, был либо составлен в Санкт-Галленском монастыре одним из многочисленных ирландских эмигрантов, либо — ему принадлежит вторичная «обработка» рукописи: глоссирование и, возможно, добавление приведенного выше стиха. Как полагал еще Ф. Схрифнер, этот текст отражает разочарование паломника, вернувшегося из Рима (Schrivener 1894: 180). То есть, стихи имеют обобщающий характер и одновременно в них 2 sg. = 1 sg. Существуют, однако, и другие точки зрения.

В издании (Stokes and Strachan 1903) дается ссылка (не совсем прозрачная) на профессора Бернара (?), который предлагал видеть в этих строках намек на рассказ, содержащийся в маргинальных глоссах в Житии св. Бригиты из «Книги Лисмора». Там действительно рассказывается о том, как Бригита послала в Рим семерых клириков, чтобы они заучили наизусть и привезли в Килдар чин освящения храма от «Петра и Павла». Те же по дороге позабыли весь текст чина, на что Бригита сказала:

² Сказанное справедливо и для элегической поэзии, в которой восхваляемый умерший обычно стоит в 3-м лице.

Ni mór uar tarba, cid mór for saethar (Stokes 1890: 335) — Не велика от вас польза, хоть и велик ваш труд.

См. выше — несомненные текстологические совпадения!

Мне все же не кажется, что на уровне эксплицитного осмысления автор маргинального стиха действительно отсылал читателя к указанному эпизоду. Скорее, как можно предположить, слова «велик труд — мала польза» носят proverbialный характер и текстуальное совпадение с житием здесь оказывается мнимым. Интересно другое: исследователи стараются сделать стихотворение прецедентным, как бы лишая средневекового переписчика и способности, и стремления к абстрактной интроспекции. Отсылка к эпизоду из жития Бригиты не лишает строфу ее обобщающего смысла (особенно это относится к 2 и 3 строкам), но делает мотивированным само ее написание.

Обратимся к другим примерам. В рук. Brussels 5100–4:

<i>Cid becc – med frighed – do locht,</i>	Пусть мала – как личинка – твоя вина,
<i>Airighe for nech do chéin:</i>	Ты замечаешь это от всех вокруг.
<i>cid méidither sliab do locht,</i>	Пусть вина твоя размером с гору,
<i>nocha n-airighe fort féin.</i>	Никто не видит ее, кроме тебя.

(Meyer 1897)

Источник текста — поздняя рукопись начала XVII в., составленная Майклом О'Клери и переписанная с собрания 1533 г. компилятора Шодраха О'Маэль Конари. Она содержит в основном поэтические мартирологи, но также — собрания анонимных стихов. Судя по языку, строфа датируется средне-ирландским периодом, но о ее изначальном бытовании мы ничего не знаем. В контексте приведенных выше рассуждений уже невольно начинаешь ждать от текста: 1. Прецедентности и 2. Источника, которым могла бы быть Ветхо- или Новозаветная традиция, например, евангельская притча о бревне и соломинке (обратим внимание на то, что в своих проповедях и притчах, их иллюстрирующих, Иисус, как правило, как раз использует 2-е лицо, имеющее одновременно и обобщающий смысл, и адресацию каждому из слушающих Его).

Делать выводы об авторстве писца здесь кажется преждевременным, причем само понятие авторства, естественно, должно пониматься с учетом специфики времени и функционирования текста.

В рук. H.3.18, содержащей в основном правовые трактаты, бедно иллюминированной и датируемой примерно XIV в. на листе 478 на нижнем поле содержится текст, несомненно,

написанный (записанный? сочиненный?) тем же писцом, которому принадлежит и текст трактата в целом, строфа записана в одну строку:

Uch a lám,	Ах. Рука,
Ar'scribis do memrum bán!	Писала ты на белом пергаменте!
Béra in memrum fá buaid	Ты дашь пергаменту славу,
Is bethair-si ad benn lom cuail cnám.	А от тебя останется лишь белая кость.
(Meyer 1899).	

В данном случае 2-е лицо оказывается как бы лишь формальным, т. к. писец обращается (предположительно) к своей руке, то есть метонимически — к самому себе. Строфа носит бесспорно интроспективно-элегический характер, причем источник и прецедент, как кажется, не обязательны. Почему? Видимо, потому что семантически строфа написана от 1-го лица, за которым стоит гораздо более давняя и разработанная эгоцентрически-интроспективная традиция.

Как писал в частном письме Н. В. Брагинской В. Н. Топоров, «Сам переход от Я, исходно связанного со словом, речью о самом себе, к Я, говорящему не только с Ты (диалог), но и об этом Ты уже как об Он, как и вообще переход от перволичного описания к третьеличному, событие огромного значения» (Брагинская 2018: 25)³. Таким образом, речь, адресованная ко 2-му лицу, здесь предстает промежуточной стадией, следующим шагом должно стать «полное отделение субъекта от объекта» (Фрейденберг 2018: 56). Но, как мы видим, интроспекция, включающая в себя и обобщение (ты = оно), может представлять собой не только стадию в развитии поэтики, но и альтернативный путь.

В качестве предварительных выводов, а также — возможностей дальнейшей интерпретации отмеченного феномена следует назвать (кроме очевидного: расширение материала и поиск новых примеров):

1. Последовательная негативная оценка ситуации в приведенных примерах (а также — в не приведенных). Если наслаждаться пением птиц или даже надеяться на то, что драккар разобьется о прибрежные скалы, писец готов в одиночку, то для размышлений о тяготах поста или о бренности жизни ему оказывается необходим собеседник, которым может быть

---

³ Сказанное (написанное) оказывается в известном противоречии с идеей В. Н. Топорова о том, что и.-е. Я этимологически возводится к Он с демонстративом (Топоров 1993).

одновременно и он сам, и воображаемый слушатель. Но не приписываем ли мы при такой интерпретации смысл и функции роденовского «Мыслителя» неолитическим фигуркам, отличающимся, на наш взгляд, не меньшей выразительностью?

2. В трактовке «послания» стиха следует постоянно помнить о том, что согласно монастырской традиции, причем — выраженной достаточно эксплицитно, воспроизводимые строки должны были не только иметь автора, но и быть «привязаны» к некоему событию. В дополнение к уже приведенным выше примерам дадим еще один:

Строфа, содержание которой состоит в заявлении «среди старших я разумнее всех, среди молодых — моложе их самих» (см. Murphy 1956: 32), входит в число обильных глосс к «Мартирологу» Энгуса (ок. IX–X в.). Составленные примерно на сто лет позднее, они должны были посредством прозаических пояснений прояснять и более подробно иллюстрировать заслуги того или иного святого. Часты в них были и поэтические вкрапления, естественно, в той или иной форме привязанные к жизни святого. Процитированная строфа была вложена анонимным глоссатором в уста св. Молинга (сер. VII в.) и призвана проиллюстрировать его мудрость. Во втором издании «Мартиролога» В. Стоукс отмечает сходство среднеирландского стиха с одной из элегий Феогида (см. Stokes 1905: 151)⁴. В любом случае, судя по отдельным глагольным формам, текст стиха не мог возникнуть ранее X в., однако глоссатора это не смущает. Более того, каков бы ни был истинный источник приведенной «мудрой сентенции», она должна была получить автора, причем — авторитетного на локальном уровне.

Однако, сказанное является правилом для фиксаций «второго уровня», т. е. — цитирований (или псевдо-цитирований). Собственно маргинальная лирика, никак не связанная с переписываемым текстом, существует вне этих правил и поэтому в авторстве как бы и не нуждается. Причем сказанное относится как к образцами чисто лирическим (где автором является 1 sg. переписчика), так и к стихам с квантором

---

⁴ Предположительно, ирландский клирик мог быть знаком с греческими стихами Феогида (VI в. до н. э.) по поздним латинским переложениям. Отсылка к Феогиду невольно вызывает в памяти постоянного адресата его элегий — Кирна, юноши, которого, якобы, тот поучает. Иными словами, предстает еще одна возможная трактовка 2 sg. и в ирландской монастырской лирике.

всеобщности. Например — строфа, расположенная на нижнем поле листа 223 рук. *Lebor Brecc* (XV в.):

Mór in bét! Immad sliged ocus sét
Dar lebaid na sruthi soer, tar nar'chóir acht óen do chét.
(Meyer 1899: 225).

Велика печаль! Велико число дорог и путей
Вдоль берегов свободных рек, но верен лишь один из ста.

Оба вывода имеют предварительный характер и требуют дальнейшей работы, как в области анализа других образцов древнеирландской лирики, так и в области типологических параллелей.

Литература

- Braginskaya, N. V. 2018: [Demonstration, Calatlogue, Simile, Ekphrasis: O. M. Freidenberg on the Origin of Literary Descripton]. In: *Teoriya i istoriya ekfrasisa: itogy i perspektivy izucheniya* [Theory and History of Erhphrasis's studies: Results and Perspectives], Siedlce: Wydawnictwo Naukowe IKR[i]BL, 13–27.
- Брагинская Н. В. 2018: Показ, каталог, сравнение, экфраза: О. М. Фрейденберг о происхождении литературного описания. *Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения*. Siedlce: Wydawnictwo Naukowe IKR[i]BL, 13–27.
- Ford, P. 1999: Blackbirds, Cuckoos and Infix Pronouns: Another Context for Early Irish Nature Poetry. In: *Celtic Connections*, Tukwell Press, 162–170.
- Freidenberg, O. M. 2018: [Genesis of literary description]. In: *Teorija i istorija ekfrasisa: itogy i perspektivy izucheniya* [Theory and History of Erhphrasis's studies: Results and Perspectives], Siedlce: Wydawnictwo Naukowe IKR[i]BL, 28–76.
- Фрейденберг, О. М. 2018: Происхождение литературного описания. В сб.: *Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения*. Siedlce, 28–76.
- Kovtunova, I. I. 2006: [Category of person in poetic language] In: Krasilnikova E. V. (ed.). *Poeticheskaya grammatika* [Poetic Grammar]. Moscow: Azbukovnik, 7–72.
- Ковтунова, И. И. 2006: Категория лица в языке поэзии. В сб.: Красильникова Е. В. (отв. ред.). *Поэтическая грамматика*. М.: Издательский центр «Азбуковник», 7–72.
- Lotman, Yu. M. 1996: [Essays on Tutchchev's poetics]. In: Lotman Y. M. *O poetah i poezii* [On Poets and Poetry], St. Petersburg: Iskusstvo.
- Лотман, Ю. М. 1996: Заметки по поэтике Тютчева. В кн.: Лотман Ю. М. *О поэтах и поэзии*, СПб.: Искусство.
- Melia, D. A. 1990: Poetic Klein Bottle. In: Matonis A. T. E., Melia D. F. (eds.). *Celtic Language, Celtic Culture. A Festschrift for Eric P. Hamp*. California, 187–198.
- Melia, D. A. 2005: On the Form and Function of the 'Old Irish verse' in the Thesaurus Palaeohibernicus; How Patrick Ford Opened my Eyes to

- an Important Aspect of Early Irish Poetry and Some Conclusions that I have Come as a Result. In: *Heroic Poets and Poetic Heroes in Celtic Traditions. Studies in Honor of Patrick K. Ford. CSANA Yearbook*, 3–4, Dublin: Four Courts Press, 284–290.
- Meyer, K. (ed.) 1899: Irish Quatrains. *ZCP*, II, 225.
- Meyer, K. (ed.) 1897: Irish Quatrains. *ZCP*, I, 327.
- Murphy, G. (ed.) 1956: *Early Irish Lyrics*. Oxford.
- Ó Corráin, D. 1989: Early Irish Hermit Poetry? In: *Sages, Saints, and Storytellers*. Maynooth, an Sagart, 251–267.
- Ó Néill, P. 2000: Irish Observance of the Three Lents and the Date of the St Gall Priscian (MS 904). *Ériu*, 51.
- Russell, P. 2014: *In aliis libris: Adaptation, Re-working and Transmission in the Commentaries to Amra Choluim Chille*. In: E. Boyle and D. Hayden (eds.) *Authorities and Adaptations: The Reworking and Transmission of Textual Sources in Medieval Ireland*. Dundalk: Dundalgan Press Ltd, 63–94.
- Scrivener, F. H.A. 1894: *A Plain Introduction to the Criticism of the New Testament*, London: George Bell & Sons.
- Stokes, W. (ed.) 1890: *Lives of Saints from the Book of Lismore*. Oxford: At the Clarendon Press.
- Stokes, W. (ed.) 1899: The Bodlean Amra Choluimb Cille. *Revue celtique*, 20.
- Stokes, W. and Strachan, J. 1903: *Thesaurus Palaeohibernicus. A Collection of Old Irish Glosses, Scholia, Prose and Verse*, Vol. II, Cambridge: Cambridge University Press.
- Stokes, W. (ed.) 1905: *Féilire Óenguso Céili Dé. The Martyrology of Oengus the Culdee. Critical edition*. London: Mount Salus Press.
- Toporov, V. N. 1993: [From Indo-European reconstructions IV (1): *eg'h-om (*He-g'h-om): *men. 1 Sg. Pron. pers.]. In: *Etymologiya 1988–1990 [Etymology 1988–1990]*. Moscow: Nauka, 128–153.
- Топоров В. Н. 1993: Из индоевропейской этимологии IV (1). И.-е. *eg'h-om (*He-g'h-om): *men. 1 Sg. Pron. pers. *Этимология 1988–1990*. М.: Наука, 128–153.
- Toporov, V. N. 1998: *Sviatost' i sviatye v russkij duhovnoj culture. Tom II. Tri veka hristianstva na Rusi (XII– XIV vv.)* [Holiness and Holy Persons in Russian Culture. Volume II. Three centuries of Russian Christianity (XII–XIV)], Moscow: Yazyki russkoj kultury.
- Топоров, В. Н. 1998: *Святость и святые в русской духовной культуре. Том II. Три века христианства на Руси (XII–XIV вв.)*. М., Школа «Языки русской культуры».

BALTISCHE SPUREN IN ORTSNAMEN EUROPAS?

The Traces of the Balts in the European Onomasticon?

It should be noted that the relations among many tribes, and later among nations, in ancient history are reflected not only in archaeological finds, but especially in the treasure trove of proper names. Significant progress has recently been made in finding answers to questions about the history of the population of Europe. On the other hand, the results of proper names studies sometimes do not coincide with, for instance, the historians' view when it comes to precisely defining tribal habitats and identifying traces of the Balts in Europe. The current research not only analyses proper names but also deliberately uses the term "ethnogenesis", despite the tendencies underestimating this concept.

It has long been shown that systematic studies of proper names, and especially hydronyms, may contribute to the elucidation of the most complex issues of ethnogenesis. However, in their interpretations of the nature of different cultures, researchers of proper names must closely follow the development of archaeological research. One must re-analyze the historical sources to obtain the results that would reflect the achievements of modern science. It is obvious that without proper names it is not possible to obtain accurate data on the history of the population of the area and the ethnic composition of its populace.

A particular attention needs to be paid to proper names identified in the contact areas of different nations, in this instance among the Baltic, Germanic, and Slavic tribes. Among the researchers of Pomeranian proper names, there are not as many substantial arguments in favour of the opinion that the proper names identified west of the Vistula are of Slavic origin, rejecting any fact proving their Indo-European and Baltic origins. An obvious example is the name of the river *Persante*, the origin of which may and must be clarified in the future in the light of new facts about the expansion of the Baltic or Prussian habitat. When investigating proper names, and especially hydronyms, it is important to consider the principles of their derivation and their morphological structure. The recent studies of Prussian proper names and archaeological findings are forcing us to reconsider, study and prove (archaeologists are already doing so in principle) that the area west of the Vistula should be considered the western boundary of the spread of the Baltic tribes. Recognizing the important role of the Germanic, Romance, and Slavic tribes in Europe and avoiding pan-Balticism, based on the important works of archaeologists and the rapidly deepening cognition analysis of ancient sources, the role of the Baltic tribes in Europe remains not yet fully comprehended by the linguists, but particularly relevant.

Key words: the Balts, the Balts in Europe, the Vistula, western boundary of the Baltic tribes, proper names of residential areas (oikonyms), language contacts.

Г. Блажене

(Институт литовского языка, Вильнюс, Литва)

Балтийский след в топонимике Европы?

Отношения между многими племенами, а позднее и народами в древней истории отражаются не только в археологических находках, но и в географических названиях. В последнее время достигнуты большие успехи в изучении заселения Европы. С другой стороны, результаты анализа топонимов и гидронимов иногда не совпадают с доводами историков, особенно при попытках точно определить ареалы обитания племен и установления балтийского следа в Европе.

Уже давно показано, что системные исследования географических названий, в особенности гидронимов, могут быть весьма полезными для прояснения сложнейших вопросов этногенеза. При изучении этого материала необходимо следить за развитием археологической науки и проводить на современном уровне анализ исторических источников. Очевидно, что без изучения географических названий невозможно собрать точные данные, касающиеся этапов заселения Европы и этнического состава ее жителей в разные периоды.

Особенно пристального внимания требуют географические названия, засвидетельствованные в контактных ареалах. В статье исследуются отношения между балтийскими, германскими и славянскими племенами. Среди исследователей, изучающих историческую ономастику Померании, бытует не особо обоснованное фактами мнение о славянском происхождении топонимов, зафиксированных к западу от Вислы. При этом их возможное индоевропейское и балтийское происхождение часто не рассматривается. Яркий пример — название реки *Persante*, происхождение которого с учетом новых фактов о расположении ареала обитания балтов или пруссов в будущем может и должно быть уточнено. При изучении географических названий, в особенности гидронимов, важно учитывать особенности словообразования и их морфологическую структуру. Новые исследования прусских географических названий и археологические находки заставляют заново осмыслить, изучить и доказать (отчасти это делают археологи), что территорию к западу от Вислы следует считать западной границей ареала распространения балтийских племен. Признавая важную роль германских, романских и славянских племен в Европе, избегая панбалтизма и опираясь на значимые работы археологов и стремительно углубляющийся анализ античных источников, нам все же приходится констатировать, что вопрос о роли балтийских племен в Европе еще не до конца осмыслен лингвистами.

Ключевые слова: балты, ареал проживания балтов в Европе, Висла, западная граница балтийских племен, гидронимы, названия населенных пунктов (ойконимы), языковые контакты.

Am Anfang ist kurz zu betonen, dass die ersten Beziehungen der Frühgeschichte vieler Stämme, später der Völker, sich nicht nur im archäologischen Befund, sondern auch besonders im Namenschatz niedergeschlagen haben. Unser Erkenntnisstand der Besiedlungsgeschichte von Europa ist einerseits erheblich vorangeschritten, andererseits geraten mit dieser Geschichte verbundene Ortsnamen in einen Widerspruch zu ihren Forschungsergebnissen, wenn man möglichst genau die Frage zum Stammesgebiet beantworten und die baltischen Spuren festlegen möchte.

Die vorliegende Untersuchung berücksichtigt nicht nur die Eigennamen, sondern greift auch kurz den Termin der Ethnogenese auf. Dieser Termin wird bewußt verwendet, obwohl die Tendenzen der Verwertung des Begriffes und mit ihm entstehenden Fragen gut bekannt sind. Die Konzeption der Ethnogenese wurde in vielen Fällen zur verwickelten Angelegenheit, um sie ohne Weiteres zu lösen. Manchmal wurde sie auch durch politische Aspekte gefärbt. Herwig Wolfram (2008: 790; s. 2011: 362f.) betont, dass „Heute wie einst bedeutet Genese/Genesis sowie Ursprung, *origo*, Werden und Entstehung, während mit Ethnos in den meisten Sprachen eine pränationale Formierung unbestimmten Entwicklungsgrades eine Minderheit oder Unterabteilung moderner Nation, aber sicher keine genetische Gruppe gemeint ist. Wie Ethnogenese ist heute selbstverständlich auch die ethnische Identität umstritten. Eine Ethnogenese ist dann erfolgreich, wenn es einen gentilen Sondernamen hervorgebracht hat, wenn es nicht heißt „die Slawen, sondern die Böhmen (Mährer, Karantanen) genannt werden“ (s. dazu Graus 1980: 179f., 157). Der berühmte deutsche Historiker Reinhard Wenskus (1961 [1977]: 246–255) hat in seinem Buch, dessen Begriffe bis heute heftig diskutiert werden und sich mit ihnen viele berühmte Autoren der Gegenwart in Sammelbänden auseinandersetzen, den Begriff der Ethnogenese nur einmal verwendet bei der Benennung eines kleinen Kapitels *Die Kulturverbände und die Ethnogenese der Germanen* (246–255). Hervorzuheben wäre 2002 erschienene Sammelband Gillet Andrew (ed). *On Barbarian Identity: Critical Approaches to Ethnicity in the Early Middle Ages*. Studies in the early Middle Ages, Vol. 4. (s. in diesem Buch Gillet 1–18, 85–121; Goffart 21–37; Murray 39–68; Pohl 220–239), in dem man im Grunde genommen zu den von Wenskus hervorgehobenen Ideen Stellung genommen wird. Michael Kulikowski (2002: 69) betont mit einer gewissen Dose von Humor, dass die Theorie von der Ethnogenese im Unterschied zu den Barbaren die Atlantik überquert hatte und fügt hinzu: Diese Analogie ist nur

teilweise komisch: es ist eine seltene und überraschende Sache, wobei das akademische Konstrukt seine Erfolgsmetapher zur Verfügung stellt. Das war ein Erfolg: zurzeit wird in den USA über die Ethnogenese in den Lehrbüchern für Westzivilisation und in den Trendzeitschriften für Stipendienbewerbungen geschrieben. 2011 verallgemeinerten die Mitarbeiter des Lehrstuhles für Mediävistik Daniel Ziemann und Balázs Trencsényi der Zentraleuropäischen Universität (Central European University) in Budapest das Programm für Studierende. Die Autoren haben unterstrichen, dass das Problem der Ethnogenese die Hauptfrage ist, um die Modelle der modernen Historiographie des frühen Mittelalters zu verstehen. Der Zusammenhang der politischen Umstände und der Forschungsrichtungen hilft bei der Klärung der Frage, ob die historischen Debatten bei der Behandlung der Tatsachen der Vergangenheit einen politischen Charakter tragen s. <http://archive.ceu.edu/node/24561> (Zutritt: 05 04 2020). Sehr treffend erforscht Jurij K. Kusmenko (2011) die komplizierten Fragen des frügermanischen Ethnos gestützt auf Angaben der Linguistik, Archäologie und Genetik. Wolfram (2010: 14) betont ausdrücklich, dass die beliebte Frage nach der Herkunft und Urheimat der Völker mit Hilfe herkömmlicher historischer Fragestellung nicht zu beantworten ist, weil für die antiken Ethnographen ein Volk erst dann existierte, wenn es in den Geschichtskreis der zivilisierten Welt getreten war. Eben in diesem Zusammenhang könnte man einige Gedanken in Erwägung ziehen, wann sind die baltischen Völker von der zivilisierten Welt erwähnt worden, angefangen von Tacitus in „Germania“ um das Jahr 98 als *Aestiorum gentes*, Ästier, oder in „Geographia“ von Claudius Ptolemäus in der Mitte des 2. Jhs. erwähnten zwei baltische Stämme *Galindae* und *Sudeni*, also Galinder und Sudauer, die frühesten bezeugten Ethnonyme der Ästier von Tacitus (s. dazu die Forschungen von Eugenijus Jovaiša 2012: 58ff.; 2014: 121ff.; 2019: 19ff., in denen auch der neueste ausführliche Forschungsstand angeführt wird.). Gestützt auf Florin Curta (2001: 6–35)¹ betont

---

¹ Es wurde beschlossen auch diese Überlegungen anzuführen, damit die Leser selber Schlussfolgerungen ziehen könnten. Man ist nicht im Klaren, ob für die Wissenschaft entscheidend ist, die Interpretationen vorzulegen, ohne Vorurteile auf die Tatsachen einzugehen. Die Geschichte der Slawen wird heute meistens von den Historikern und Archäologen geschrieben, vor fünfzig Jahren wurde aber der autoritative Diskurs von den Fachleuten der vergleichenden Sprachwissenschaft bestimmt. Die Zusammenwirkung der unter verschiedenen Disziplinen entstandenen Betrachtungen hat den Begriff der (slawischen) ethnischen Zugehörigkeit zu einem mächtigen

Wolfram (2008: 787), dass offenbar die russische Sozialforschung den Begriff „Ethnogenese“ in die Wissenschaft einführte.

Laut Walter Pohl (1998: 20) haben die Wissenschaftler der Gegenwart, genauso wie die Ethnographen der Antike, versucht, die Ethnizität objektiv zu bezeichnen mit Hilfe der Sprache, Kultur und der Bräuche, sowie des Territoriums oder der politischen Verfassung, obwohl ihre relative Bedeutsamkeit diskutiert wurde. Pohl folgt in seinen Überlegungen dem Gedankengang einiger Vorgänger, darunter auch dem von Wsewolod W. Isajiw (1993: 415)².

Längst ist bewiesen, dass systemhafte Untersuchungen der Eigennamen, insbesondere der Gewässernamen, wesentlich zur Klärung der kompliziertesten Fragen der Ethnogenese beitragen können. Die Autorin des Beitrages versteht die Ethnogenese als Prozess, als Werden. Bei der Begründung der Natur unterschiedlicher Kulturen dürfen die Namenforscher keinesfalls die Entwicklung des archäologischen Gedankens außer Acht lassen. Auch die wiederholte Analyse der historischen Quellen nach dem heutigen

---

Werkzeug der „Kulturpolitik“ umgewandelt. Das Vorhandensein des Verhältnisses zwischen Nationalismus einerseits und der Historiographie sowie Archäologie andererseits, ist keine neue Idee. Es bleibt aber unklar, welche Bedeutung dieses für die (slawische) ethnische Zugehörigkeit (obwohl das Wort von den sich mit der „Kulturpolitik“ befassenden Wissenschaftlern entweder sehr selten oder überhaupt nicht gebraucht wurde) gehabt hat. Der Einblick in die neueste Literatur über die ethnische Zugehörigkeit und die Rolle der materiellen Kultur zeigt, inwiefern der historiographische Diskurs der Frühslawen mit den gegenwärtigen anthropologischen und in manchen Fällen auch archäologischen Untersuchungen übereinstimmt. Die Leser sollen entscheiden, ob diese Behauptung stimmt, dass die sovjetischen Anthropologen der Meinung waren, dass die ethnischen Gruppen (Ethnose) im Laufe der Formierung der Ethnogenese und der Geschichte unverändert geblieben sind, und schlugen vor, dass die ethnische Einheit im sozialen und politischen Vakuum entstehen werden sollte.

² Ungeachtet mancher gegenwärtiger Überzeugungen, muss den Ausgangspunkt des Herkunftskonzeptes der Ethnizität die Idee einer unterschiedlichen Kultur ausmachen. Die Kultur wird hier teilweise im traditionellen Hinblick auf den anthropologischen Sinn verstanden und zwar, als eine, die ganze Lebensweise umfassende Erscheinung. Allerdings weist die gemeinsame Lebensweise nicht unbedingt nur die Gesamtheit alltäglicher Bräuche hin, obwohl sie einbegriffen werden können. Sie umfasst eher eine sonderartige historische Erfahrung einer Gruppe. Die Kultur ist daher grundsätzlich ein Verschlüsselungssystem von symbolhaften Modellen solcher Erfahrung. Es ist belanglos, wie sich die Elemente einer Kultur von denen einer anderen unterscheiden. Eine einzigartige Kultur besteht in einer einzigartigen historischen Erfahrung bestimmter Gruppe. Ihr Erzeugnis ist das Gefühl (der Sinn) der eigenartigen Menschlichkeit.

Stand unseres Wissens ist unbedingt erforderlich. Schon 1930 stellte Max Vasmer (507) fest, daß die slawische Urheimatfrage in erster Linie durch gründliche Lehnwörter- und Ortsnamenforschung gefördert werden kann. 2014 unterstrich Jürgen Udolph (1131–1144), ohne auf den Begriff der Ethnogenese zu verzichten, erneut und sehr überzeugend die Rolle der Namen im Dienste der Geschichte sowie in jeder sprachlichen Erforschung einer Region. Des Weiteren kam von allen Namenforschern anzunehmende Bemerkung zustande, dass man in erster Linie von den Fluss- und Ortsnamen auszugehen ist.

Es steht fest, man kann ohne Eigennamen keine Erkenntnisse für die Besiedlungsgeschichte und ethnische Zusammensetzung der Bevölkerung gewinnen (Wenzel 2015: 38). Man hat z.B. in Niedersachsen auch Ortsnamen, die man nur mit Hilfe des Baltischen erklären kann. Aber dann sind es keine baltischen Namen, sondern die Appellativa und sprachlichen Relikte, die nur im Baltischen ihre Entsprechung finden. Man muss dann davon ausgehen, dass von indogermanischen oder frühgermanischen Sprechern Wörter genutzt wurden, die in ihrer Sprache noch vorhanden waren. Später starben diese Wörter — die Namen lebten weiter — und Entsprechungen zu diesen Wörtern kann nur noch im Baltischen finden (vgl. Casemir, Udolph 2006: 114–144).

Leider ist es kaum möglich im Rahmen des Beitrages die baltischen Eigennamen in ganz Europa sogar in groben Umrissen vorzustellen. Deshalb wurde beschlossen, sich auf das Gebiet östlich und westlich der Weichsel zu beschränken, um wenigstens noch einmal einen Versuch einzugehen zur Bestimmung der möglichen Auszugsgebiete der Balten mit Hilfe der Namen.

Die Weichselmündung und der Unterlauf der Weichsel werden traditionell für westliche Grenze der Balten gehalten, die intensiv im 4. Jahrzehnt des vergangenen Jahrhunderts die Aufmerksamkeit der Sprachforscher und Archäologen auf sich gezogen hat mit dem Vorschlag diese Grenze westlich der Weichsel zurückzulegen. 2012 vermochte der Archäologe Jovaiša neues Licht auf den Verband der Ästier mit den Goten zu werfen auf beiden Seiten der Weichselmündung, später Pommern, noch später auf einen großen Teil des rechten Weichselufers. Hier siedelten deutsche, polnische und andere Archäologen die ostgermanischen Goten an, ungeachtet des von Sprachforschern festgestellten Faktums, dass sich ein Großteil Pommerns, die Weichsel samt ihrem Unterlauf und auch noch Gebiet zwischen der Weichsel und dem Pregel auf dem Verbreitungsgebiet baltischer Gewässer- und anderer Ortsnamen

befinden. Die baltische Welt ist früher sichtbar als die germanische, geschweige von der slawischen.

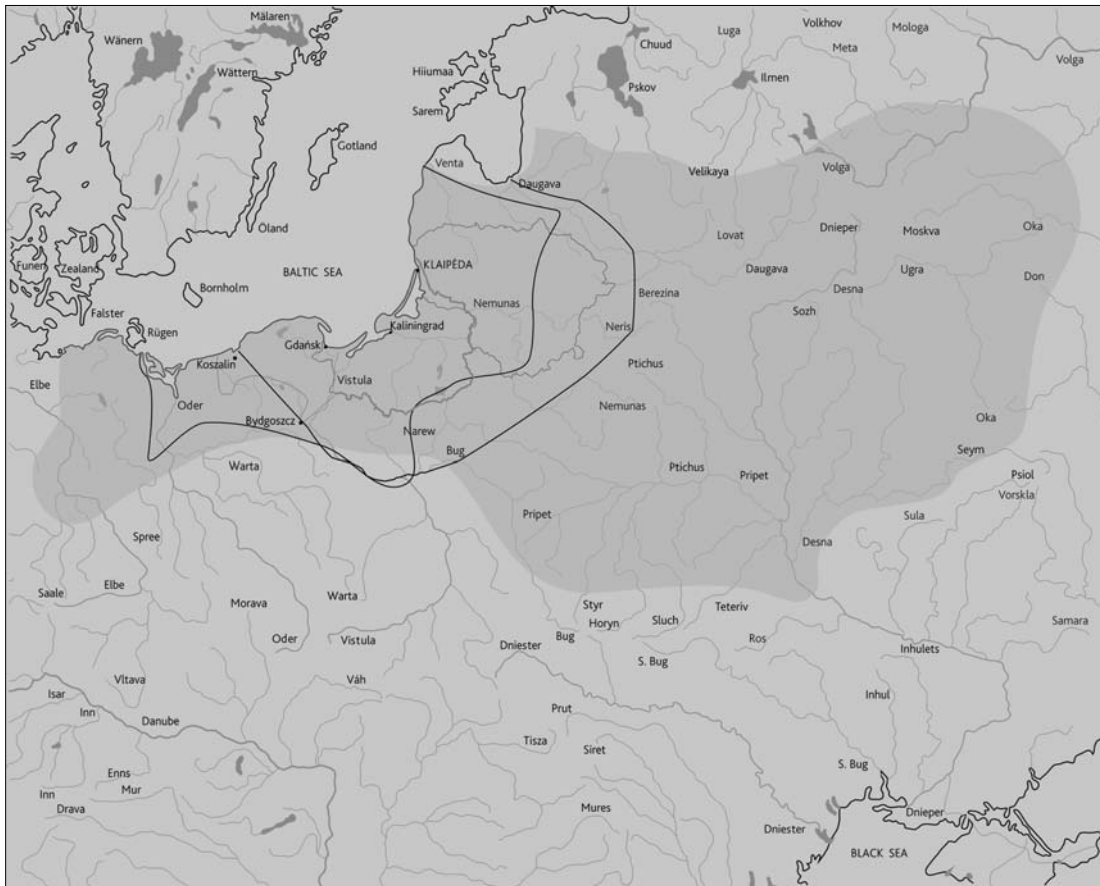
Allein für sich genommen können die Namen nicht alles aussagen ohne geschichtliche Kenntnisse über die Bewohner bestimmter Gebiete und über den Lebensrhythmus der Kulturen von Nachbarn (vgl. Marija Gimbutienė (1985: 21ff.), die die Ansicht vertritt, dass baltische Gewässernamen zwischen Moskau und Berlin zu finden sind. Aber aus der Form des Namens ist oft nicht ersichtlich, welchem Ethnikum die Namengeber angehörten.).

Besonders präzise zu erforschen sind die Eigennamen in den Berührungsgebieten unterschiedlicher Völker, in unserem Fall baltisch-germanisch-slawisch. Unter den vielen Forschern zu den Namen in Pommern, westlich der Weichsel, herrscht schon seit geraumer Zeit das Streben vor, die Namen als slawisch zu betrachten und die alteuropäische (indogermanische) und baltische Schicht auszuschließen. Das anschaulichste Beispiel ist der Flussname *Persante*, dem man im Lichte der Erweiterung des baltischen bzw. altpreußischen Materials neue Deutungen zuschreiben könnte, damit die Namenkunde gesicherte Aussagen machen könnte. Dass Germanen, Romanen und Slawen Anteil an Europa haben, steht außer Zweifel. Im Lichte der neuesten Erkenntnisse in der Archäologie und Namenforschung wird die Beantwortung der Frage, welche Rolle die Balten in Europa gespielt haben, ohne dem Panbaltismus zu verfallen, auch nach den Stammsitzen der Balten für viele Forscher immer klarer, für andere kaum sogar nach dem heutigen Erkenntnisstand.

Die Ergebnisse der neuesten Forschungen zu den apr. Eigennamen sowie den baltischen Stämmen zuzuordnende archäologische Funde werfen erneut die Frage auf, ob die Weichsel als Westgrenze der Balten anzusehen ist (s. sehr ausführliche und gut belegte Analyse der antiken Quellen über die Weichsel von Darius Alekna 2019: 251–271).

Die Festlegung der Weichsel als der Grenze der Balten und die Bestimmung des Umfanges der baltischen Besiedlung um diesen Fluss hat die Gemüter der Historiker, Archäologen, Geographen und nicht zuletzt der Namenforscher seit der 1. Hälfte des 20. Jhs. bewegt. Ein treffender Überblick wird von Darius Ivoška (2016: 208ff.) geboten, aber die noch früheren Erkenntnisse zu diesem Thema wurden außer Acht gelassen. Die erlauben mit dem Überblick schon seit dem Ende des 19. Jhs. anzufangen. Oskar Beyersdorf (1881: 25–64, hier S. 51f.) erläutert unter anderen Gewässernamen auch den Flussnamen die *Persante*, *Parsand*, *Parsant*,

Parzandi, Parzan, Persandi, Persanta und stellt ihn zu poln. *prośnica* usw. Es wird versucht, eine Art von Semantik und Motivation des Namens im Sinne des Autors vorzuschlagen, indem er betont, dass das Wasser des Flusses rein und ungemischt war und man könnte den Wasserlauf als *prėsina woda*, d.h. ‘Frischwasser’ bezeichnen. Des Weiteren werden die schon angegebenen Tatsachen nicht wiederholt, sondern nur die hervorgehoben, auf die man von einem anderen Blickwinkel eingehen kann.

Karte Nr. 1. Die Grenzen der westlichen Balten nach Karl Engel und Lothar Kilian. Autor E. Jovaiša.

1932 stellt Robert Holsten (1–5, hier von der S. 3) bei der Behandlung der illyrischen Fluß- und Ortsnamen in Pommern fest, dass der Flussname *Persante* in Hinterpommern eben zu den illyrischen Namen gehört und geht in erster Linie von der Derivation aus, d.h. von dem Suffix *nt-* in der Form von *-ant-*. Dieses Suffix haben viele illyrische Ortsnamen sowie die lit. Gewässernamen *Laukante, Salantas* (ibd. 4–5). Übrigens führt der Autor auch die historischen Belege von *Persante* auf, gestützt auf die Bände des „Preußischen Urkundenbuches“. 1933 veröffentlicht der Sprach-

forscher Friedrich Lorentz (49–59) eine Liste der Ortsnamen des Untersuchungsgebietes, die nach seiner Überzeugung altpreußisch sein könnten: 1. *Danzig*, poln. *Gdańsk*, kasch. *Gdańsk*, urk. 997 *Gyddanyzc* zu pr. *gude* (err. *gudde* ‘Gebüsch, Wald’), s. NMP III 110f., vgl. DONB 119, wo die slawische Herkunft als möglich vorgestellt wird, von urslaw. *gъde-* ‘nass, bewachsen’ und die apr. Herkunft nicht ausgeschlossen wird; 2. *Gdingen*, poln. *Gdynia*; 3. *Mottlau*, poln. *Mottawa*, urk. 1280 *Motlaua*, 1283, 1292, 1295 *Mutlaua*, 1307, 1317 *Mutlawa*, 1308, 1310 *Mutholowo*, 1338 *Mutelow*, *Mutlow* usw., vgl. lit. *mutulas* ‘die Blasen beim kochenden Wasser’ (derselben Meinung war Hubert Górniewicz noch 1985: 20f.); 4. *Ohra* bei Danzig, poln. *Orunia*, *Orania*, urk. 1338 *Oran*, 1338 *Ore*, 1356, 1438 *Orana*, vgl. den lett. Flussnamen *Aruona*, apr. *Arôna (ausgehend von lautlichen Besonderheiten ordnen Górniewicz (1985: 22f.) und Udolph (1990: 219ff.) mit Sicherheit diesen FIN der alteuropäischer Schicht zu. Bei Zbigniew Babik (2001: 409) stieß man auf eine ganz andere Erklärung, die man unsicher halten könnte; 5. *Jetau*, Kr. Danziger Höhe, poln. *Jagatowo*, urk. 1352 *Jodotowitz*, 1374 *Jodotowicz*, 1400 *Judotowicz* zu einem apr. PN *Jodothe* (eindeutig wird dieselbe Meinung von den Autoren von NMP IV: 27 angenommen.); 6. *Groß- und Klein-Saalau*, Kr. Danziger Höhe, poln. *Żuława*, kasch. *Zēlava*, urk. 1398 *Solow*, *Solaw*, 1421 *Zolow*, hinzufügen wäre 1437/38 *Solaw das Dorf hot 30 ½ huben 6 morgen und 1 firtel...* (OF 131 324), vgl. apr. *soalis* ‘Kraut’. Die Belege bestätigen die apr. Herkunft; 7. *Nassenhuben*, Kr. Danziger Niederung, urk. 1384, um 1400 *Mudestentz*, 1524 *Mutterstrincze* später *Mutterstrentz*. Der ON wird als slaw. betrachtet und vorsichtig zu apr. *moter* ‘Beritt’ gestellt (zu *moter* s. Gerullis 1922: 98; Blažienė 2000: 98) (S. 53f.) Laut NMP VII: 224f. heißt der Ort *Mokry Dwór* und bleibt ohne sichere Etymologie. Er werden keine überzeugende Argumente für deutsche Herkunft dargeboten, um die altpreußische abzulehnen; 8. *Schönau* (Kr. Danziger Niederung, poln. *Szonowo*, 1308 *Sunowo*, 1310 *Sonowo*, vgl. apr. *sunis* ‘Hund’ (Górniewicz (1980: 156) nimmt den Vorschlag von Lorentz an und geht von einem apr. PN *Sunis oder apr. Appellativum *sunis* aus.); 9. *Trutenau* (Kr. Danziger Niederung, poln. *Trutnowy*, urk. um 1400 *Trutenaw*, *Trutenow*, 1421 *Trawtynaw* zu dem apr. PN *Truthna* (s. Gerullis 1922: 187; vgl. Przybytek 1993: 309; Blažienė 2000: 165); 10. *Utatilo* im Danziger Werder, urk. 1308 *Vthatino*, 1310 *Uthatino* zu einem apr. PN *Utato, *Utote, vgl. den apr. PN *Vtil* (Trautmann 1925: 111) (S. 55); 11. *Uruti* im Danziger Werder urk. 1308 *Vruti*, 1310 *Vruthi*, 1310

Vruthy wohl zu einem apr. PN, vgl. (?) den apr. PN *Orute* (S. 56). Nicht zuletzt beweisen die von der Autorin hinzugefügten Kommentare, dass zwischen mehreren von Lorentz vorgestellten Namen am ehesten ein unmittelbarer Zusammenhang mit dem Altpreußischen besteht (s. Toporov 1983: 264).

1966 wurde in ziemlich umfangreichen Beitrag von Lorentz (243–250) posthum noch einmal zu apr. ON im Raum links der unteren Weichsel Stellung genommen. Nach Lorentz zogen die Ästier vom 5. Jh. in das Weichselland ein und bewohnten die Gegend zwischen Gdingen–Danzig–Schöneck–Stargard–Subkau. Die Forschungen der Gegenwart bieten andere Ergebnisse und in der Materialbearbeitung im Wesentlichen fortgeschritten ist. Die Zeitangaben sehen anders aus. Auf der Grundlage von Forschungsleistungen in der Onomastik kann man viel mehr beweisen. Mit Recht stützt sich Lorentz auf die Hilfe der ON und stellt fest, „dass besonders häufig die Flußnamen einer früheren Bevölkerung angehören“ (ebd. 245). Der Autor bietet zwei FIN, die apreußischer Herkunft sind. Das sind die Namen der Flüsse — *Mottlau* (poln. *Muław*), den er zu lit. *mūtulas* ‘Wasserblase’ und lett. *mutulis* ‘Sprudel’ stellt. Dieser Deutungsversuch wurde durch die apr. Seennamen *Mutilis* und *Muteling* bei Georg Gerullis (1922: 103), den lett. FIN *Mutulīte* (Schmid 1987: 7; Schmid 1989: 123) unterstützt (s. Górniewicz 1985: 20f.; vgl. Babik (2001: 177f.), der in diesem Fall keine gewaltigen Widersprüche erhebt.) und *Orana*, jetzt poln. *Oruński Potok*, und zieht wie im Jahre 1939 zur Hilfe den lett. FIN *Aruona* heran und kommt noch einmal zur Schlussfolgerung, dass es apr. *Arona gegeben hat. Zu diesem FIN s. oben.

Die Archäologen haben die Bedeutung der Eigennamen immer erkannt und sie als Zeugen der nicht genügend belegten Geschichte für ihr Forschungsfeld angesehen. Der Archäologe Lothar Kilian (1939: 67–68) hat fragend einige ON links der Weichsel aufgelistet: die FIN *Persante* und *Radaune* und die Siedlungsnamen *Saulin*, *Labehn* und *Labuhn*, *Powalken*, *Straduhn*, *Rutzau*, *Karwen*. Hans Krahe (1943: 11–12), der Autor des Begriffes **Alteuropa**, der entweder anerkant oder heftig diskutiert wird, stellt die Verbreitung der baltischen Ortsnamen westlich der Weichsel fest und behandelt im Grunde genommen 2 Namen, den FIN *Persante* und den Siedlungsnamen *Paculent*, bei deren Deutung Holsten für das Illyrische plädierte. Krahe formuliert folgende Hypothese: bei der Deutung von *Paculent* wäre an lit. *pakulos* ‘Hede, Werg’ zu denken und bei *Persante* an idg. **pers-* ‘sprühen, stieben, spritzen’, vgl. idg. **preys-* ‘sprühen, spritzen’ (LIV 2001: 493f.).

1966 verallgemeinert Vladimir N. Toporov (104f.) bisherige Erkenntnisse zu diesem Thema und erwähnt am Ende seiner Ausführungen, dass die Deutung der ON im Untersuchungsgebiet nur anhand der baltischen Sprachen möglich ist. Was viele ON zwischen der Weichsel und der Elbe anbelangt, bleibt festzuhalten, dass ihre Herkunft nur durch das baltische und slawische Sprachmaterial bestätigt sein kann.

Unter der Anzahl weiterer Arbeiten sind die von Górniewicz (1980, 1985) zu erwähnen. Ein gewisses Gewirr haben die Büchlein des Pfarrers von Karthaus (poln. Kartuzy) Wilhelm Brauer, erschienen 1983 und 1988, in der Namenkunde hervorgerufen. Sie haben entweder die Aufmerksamkeit verdient, wie im Falle von Toporov (1983: 268–273; s. noch 1984: 8; wo im Literaturverzeichnis auf zwei Büchlein von Brauer hingewiesen wird.). An dieser Stelle ist angebracht zu sagen, dass es nicht gelungen ist, die erwähnten Arbeiten von Brauer zu finden. Höchstwahrscheinlich hat Brauer noch nicht druckfertige Werke dem berühmten Gelehrten geschickt. Toporov (1983: 273) drückt seine Dankbarkeit für das Zukommen beider Werke aus und sagt eindeutig, dass eine Ausgabe handschriftlich sei. Ob sie erschienen ist, konnte man keine Bestätigung finden. Am ehesten hat Toporov auch im Literaturverzeichnis des 4. Bandes von *Prusskij jazyk* die Handschriften oder die Druckvorlagen, wenigstens von 1983 erschienenen Büchleins von Brauer, angeführt. Im Literaturverzeichnis des 5. Bandes (1990: 9) tritt schon das Büchlein von Brauer, herausgegeben 1983, dem Leser entgegen. Toporov hat allem Anschein nach nie an der Zuverlässigkeit des Materials von Brauer gezweifelt.

Man darf die Tasache nicht vergessen, dass das Geleitwort zu der Brauerischen Ausgabe von 1988 hat Wolfgang P. Schmid (7–9) geschrieben und unterstrichen, dass die Streifzüge des Pastors durch seinen Heimatkreis Karthaus in einer internationalen wissenschaftlichen Diskussion aufzugreifen wären. Es sollte an dieser Stelle gesagt werden, dass die Hoffnung bestand, dass die polnischen Namenforscher in ihrem Ortsnamenwörterbuch *Nazwy miejscowe Polski* mit Brauer diskutieren werden. Die Diskussion fand nicht statt. Der Familienname Brauer fehlt im Literaturverzeichnis des Wörterbuches, obwohl er die Ergebnisse der Forschungsentwicklung präsentieren könnte. Aber die Büchlein von Brauer haben das Interesse nicht nur von Toporov oder Schmid erregt, sondern wurden auch ziemlich ausführlich in den Rezensionen von Udolph (1988) und Friedhelm Hinze (1989), dem bekannten Slawisten, Kaschubologen und Baltisten, besprochen. Der erstere umschreibt

das Büchlein als sehr anregend für den Fachmann (hier S. 300), der zweite läßt keinen Stein auf dem anderen, indem er betont, dass der Autor mehr finden wollte, als die sprachliche Hinterlassenschaft der Altpreußen in dieser Region das zuläßt (hier S. 129). Die Autorin des Beitrages vermisst bei Brauer zuverlässiges Belegmaterial und vertrauenswürdige Modell onomastischer Sprachkontaktforschung.

Das Thema „Baltische ON links der Weichsel“ hat die Lettin Valija Dambe angeschnitten. Dambe hat nach den Baltismen im Atlas von Heinrich Kiepert *Atlas antiquus, zwölf Karten zur alten Geschichte* gesucht und Schlussfolgerung gezogen, dass einige hypothetische Baltismen sogar westlich der Elbe auffindig sind: Ethonyme *Sigingae* und *Boji*, Ortsname *Bojohaemum*, Bergnamen *Sudeti* und *Semana* und Flussname *Sala*. Um das zu annehmbar zu beweisen, sollte man viel mehr über Verlauf, Dauer und Systemhaftigkeit des Integrationsprozesses von Namen erforschen und sich auf sehr zuverlässige Buchungen der Namen in historischen Quellen stützen (s. dazu Karlheinz Hengst 1985: 809–822). Dambe möchte manche von der erwähnten Onyme sogar für wahrscheinlich baltisch halten, obwohl Schmid (1981: 5) vor der Gefahr gewarnt hat, in einen Panbaltismus abzurutschen, wenn man baltische ON an der Elbe sucht. Und das mit Recht, es kann bei der Forschung des Namenschatzes, wobei das sichere und zuverlässige empirische Material notwendig ist, und in der Wissenschaft überhaupt nichts Schlimmeres passieren, als die Umwandlung der unklaren Tatsachen in die klaren. Die Möglichkeit und Notwendigkeit jeglicher grundlegend argumentierten Hypothesenerhebung sind nicht auszuschließen.

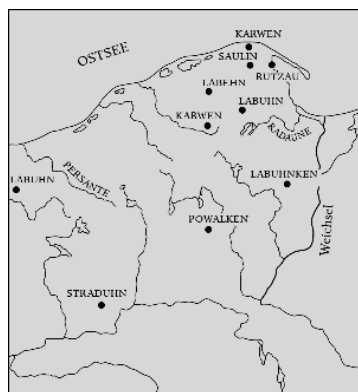
Krystyna Szcześniak hat (1993: 166–171) unbekannte baltische Bezeichnungen von Orten aus Masuren, Ermland und dem Oppelner Schlesien im Thorner Nachlass von Martin von Gerss untersucht. Die Namenforscherin hat festgestellt, dass im erwähnten Nachlass aus dem Goldaper Kreis 168 Siedlungsbezeichnungen aus den Jahren 1861 bis 1865 zu finden sind, die bisher niemals notiert wurden. Uns würden besonders die Namen vom Oppelner Schlesien interessieren. Pietro Umberto Dini (2019: 54–56) äußert sich auch zu der westlichen Grenze der Balten aus und stellt fest, dass die Frage nach der westlichen Grenze der Balten noch immer aktuell ist.

Bis jetzt erfolgte keine passende Reaktion auf interessante Überlegungen von Václav Blažek (2003: 14–20) zu den möglichen baltischen Spuren in der Onymie von Ostböhmen. Der berühmte tschechische Indogermanist und Namenforscher führt baltische Versionen von 12 Gewässernamen und 4 Siedlungsnamen an. Die

FIN *Ledhuje* ir *Metuje*, gestützt einerseits auf Topoelemente bzw. Topomorpheme, andererseits auf Derivation und morphologische Struktur, betrachtet der Sprachwissenschaftler nicht als alteuropäische GN, sondern als baltische. Das könnten Spuren von Galindern in Ostböhmen sein, d.h. Spuren ihrer Migration aus dem Territorium in Nordpolen nach Nordwesten Europas. Angeführte neue etymologische Interpretationen, die auf das baltische Material stützen, können zu der neuen Auffassung der Grenzen vom baltischen Areal führen. Sie können mehr oder weniger hypothetischen Charakter tragen, aber sie zu übersehen wäre kaum möglich. Diese Grenzen können anders angelegt werden, sie können sich verändern und die von Toporov formulierte Hypothese zur südwestlichen Richtung der Galinderbewegung unterstützen.

An dieser Stelle ist angebracht zu betonen, dass die GN und ON mit zuverlässigen Buchungen, unterstützt mit den Angaben von Archäologen und Erwägungen von Historikern behilflich sein können, genauer die westliche und die südwestliche Grenze der Balten festzustellen.

Die Karte oder das Schema von Kilian (1960: 47) spiegelt die Verbreitung der baltischen Namen links der Weichsel und somit die Ausweitung des Siedlungsareals der Balten wider.

Zahlenmäßig ist das Schema nicht reich: 2 Fließgewässer *die Persante* und *die Radaune* sowie 8 Siedlungsnamen, die eine der wichtigsten Fragen nach der Suche der Urheimat hervorheben, wer besiedelte dieses Gebiet im Lichte der Namenforschung. Es ist nicht einfach, vieles zu erforschen, wenn z.B. geschichtliche Kenntnisse über die Bewohner bestimmter Gebiete fehlen. Aber die Onyme und ihre richtige Deutung ersetzen nicht in einem Fall das Fehlen anderer Beweise oder Kenntnisse und können behilflich sein, siedlungsgeschichtliche Schlussfolgerungen zu ziehen.

Die Besprechung der von Kilian angegebenen Onyme sollte man doch wegen dem Fehlen der schon erwähnten geschichtlichen

Nachrichten mit dem Paradebeispiel des Namens der *Persante* anfangen, der weder slawisch noch germanisch ist. In Lettland ist der FIN *Pērse* bekannt, in Pommern der Landschaftsnamen *Pirsna* und Gebiet vom Dnepr *Peresna* (Schmid 1981: 5).

Schmid (1987: 6) behauptet später, dass man davon ausgehen sollte, wie man die Wurzel behandelt **per-ĥ-* ‘graben’ (in deutsch *Furche*) (vgl. **perk-* ‘graben, aufreißen’ bei LIV 475f., aus dem ersichtlich wird, dass der idg. Wurzelschlag von Schmid nicht von den neuesten Erkenntnissen unterscheidet) oder **per-s-* ‘spritzen’ (s. altisl. *fors* ‘Wasserfall’). Der FIN *Persante* könnte zu den Westbalten gehören oder zu den alten Namen. Außerdem gibt es in Goryń-Gebiet *Peresuta*. Es ist spannend, die gebotene Erklärung von dem Namen sowie den Gedankengang von Schmid (s. 1989: 125f.) zu verfolgen und nochmals nach dem neuesten Forschungsstand zu überprüfen.

Sprachforscher und Archäologen zeigten überzeugend auf, dass sich die erste pommersche Kultur gerade auf dem erwähnten Gebiet etwa im 2. Jtsd.v. Chr. herausbildete. Somit wird die baltische Welt in ihrer materiellen und sprachlichen (Gewässernamen) Ausdrucksform früher sichtbar als die germanische.

Freilich, es ist schwer, vieles zu erforschen, wenn z.B. geschichtliche Kenntnisse über die Bewohner bestimmter Gebiete fehlen. Man sollte (musste) die Evolution z.B. der entstandenen Wielbark-Kultur nach Süden im Zusammenhang mit dem Lebensrhythmus der Kulturen von Nachbarn erforschen.

Der FIN *Persante* ist zum ersten Mal 1159 als *super ripam radua... per fluuium parsandi*. (CPD I 55), 1177, 1178 *...que, vehuntur per fluuium parsandi...* (CPD I 104f., 110) erwähnt, später erscheinen die Formen mit *-nt-* 1255 *Persanta*, 1321 *Persante*, *flumen Persante*, d.h. *Pars-*: *Pers-*, *ant-*: *-and-*, *-nd-* */-nt-* (s. Udolph 1990: 234–242). M.E. sind die gebuchten Varianten in den schriftlichen, geschweige von den handschriftlichen Quellen, mit größter Sorgfalt vorzustellen, in erster Linie auch mit dem Kontext, weil der „nackte“ Name über den geringeren Aussagewert verfügt. Der genaue Hinweis auf die Quelle und ihre Zuverlässigkeit durfte nicht fehlen. Das vermisst man leider bei vielen Autoren. An dieser Stelle ist angebracht die Ausführungen von Peter Anreiter (2013: 23ff.) anzuführen, der überzeugend betont, dass besondere Aufmerksamkeit nicht nur die Wurzel, sondern auch der Derivationsmechanismus und die morphologische Struktur verdienen, sowie das markante *nt*-Suffix, das schon in der idg. Grundsprache auftritt und wie aus dem schon Gesagten klar, dass es z.B. den Illyrern sowie

den Germanen und Balten eigen war. Udolph (ebd. 237) schlägt den Ansatz **Persantā* vor. Ewa Rzetelska-Felesko und Jerzy Duma (1977: 85) gingen von der Grundform **Parsęty* aus. Nach 10 Jahren berücksichtigte Rzetelska-Felesko (1987: 77f.) sehr gewissenhaft die Ergebnisse der neuesten Forschungen und erkannte den westpomoranischen Übergang *-ar->-er-*, der sich in den Buchungen des Namens widerspiegelte, und hat den Namen neu gedeutet, indem sie die Erklärung aus dem Slawischen *pars-* poln. *prosię* „Ferkel“ wiederholt und sich auf die Auffassung des alteuropäischen Namens konzentriert. Die heutige poln. Namenform *Parseta* vom Jahre 1951 kann kaum mit den ältesten Buchungen in Verbindung gebracht werden. In Europa gibt es *Peresuta* (Ukraine), *Presnja* (der Nebenfluss von Moskau im Gebiet von Oka), *Peresna* (im Gebiet von Gomel), *Perosha* (der rechte Nebenfluss von Oresa). In Frage kommen als Parallelbeispiele apr. Waldname 1326 *Perses* (Gerullis 1922: 120); apr. Siedlungsnamen 1437/38 *Perselen item hat 2 fryge dienst* (OF 131 161); *Perselen item hat 1 frye dinst* (OF 131 159); *villa Persem*, (OF 105 145v), später dt. *Koppershagen*, russ. *Čkalovo*; 1423 *Persem* im Kreis Pr. Eylau (OF 162 61v, 62r); 1423 *Persem* im Gebiet Balga (OF 162 14r) (einige gelten als Neufunde s. Blažienė 2005: 141f.; 92f.), 1411 *Persing* später dt. *Persing*, poln. *Brzeźno Łyńskie* in der Wojewodschaft von Allenstein; 1423 *Percheln* später dt. *Perselen*, poln. *Piersele* in der Wojewodschaft von Allenstein (s. Prybytek 1993: 36, 210f.). Des Weiteren s. überzeugende Beispiele in den baltischen Sprachen: vgl. die lett. Flussnamen *Pērse*, *Pērse*, *Pērsite*, *Pērsēja*, zu denen vgl. lett. *pārsla* ‘Flocke’ (ME III 176f.), aslw. **nopxъ* (serb. *práh* ‘Staub’), tsch. *prší* ‘es stiebt, sprüht’, askand. *fors* ‘Wasserfall’, aind. *pr̥ṣatá-m* ‘Tropfen’ (LVV *Paaglis – Piķu* 2003: 341f.). Vgl. den lit. FIN **Péršė*, aus dem der Name von *Perosha* entstehen könnte, sowie die lit. FINN *Peršėkė*, *Peršokšnà* (Būga III 512), die weiteren lit. Gewässernamen *Peřsas*, See; *Parsvētas*, *Parsvētis*, Flüsse, zu denen vgl. lit. *prā-paršas*, *pra-peršà*, *pró-perša* ‘nicht zugefrorene Stelle auf einem sonst zugefrorenen Fluss oder See; sumpfige Stelle im Wald’ (Vanagas 1981: 245f.; 255). Wojciech Smoczyński sieht bei Maria Biolik (1993: 24) den Zusammenhang vom apr. Seennamen *Persing*, später poln. *Brzeźno*, mit lit. *paršingas* ‘Ferkel-’ (das Wort ist im LKZe nicht vorhanden, am ehesten hat der durch seine sehr kühne Ideen bekannte Autor an lit. *paršinga* ‘trächtig (Schwein)’, (s. ALEW 2 736f.) gemeint) (zu *pařsas* ‘Schwein, Ferkel’, s. ALEW ebd.), vgl. die apr. ON. *Parskayme*, *Porsekaymen* später dt. *Porschkeim* (s. noch Biolik 1993: 183f.; Smoczyński 2000: 75;

Blažienė 2005: 311, 154). Nach Babik (2001: 214–217) ist *Persante* *-ū-stämmig, -s- unklar-, man könnte an einem Diminutivum denken **Parsq/edyka*. Die Buchung <*Persantua*> bedeutet nichts anderes als <*Persantica*>. Alles würde für die praslawische Herkunft sprechen. M.W. hat sich als einer der letzten mit diesem sehr aufregenden FIN der berühmte deutsche Indogermanist und Namenforscher Albrecht Greule (2014: 401) befasst und ihn als voreinzelsprachlich-indogermanisch gedeutet. *Pers-antā gehört laut Greule zu einer -s- Erweiterung der idg. Wurzel **per(s)-* ‘hindurchkommen, durchqueren (besonders des Wassers)’ oder idg. Wurzel **pers-* ‘spritzen’³. Wenn man überlegt, wie eifrig die Forscher fechten sollten und wie viele Speere im Kampf brechen mussten, bis die Herkunft des besprochenen Namens schließlich enthüllt sein könnte, erscheint der Weg zu der Deutung sehr lang. Wenn man nach neueren empirischen Tatsachen und Bestätigungen bei der Feststellung des Namens weiterhin suchen würde, anstatt sich auf bereits vorliegende Daten zu stützen, würden es weniger Zweifel an der Herkunft des fraglichen Flussnamens geben. Wie die wissenschaftliche Erfahrung der Autorin des vorliegenden Beitrags verdeutlicht, existieren jedoch neuere Erkenntnisse in dem Bereich, wollen aber die Onomasten nicht immer besonders gern aus zeitlichen Gründen, wie die meisten angeben, in Archiven sitzen und stöbern.

Bei der Dursicht der angeführten Parallelbeispiele für die Wurzel aus den baltischen Sprachen kann man doch auf die Frage stoßen, warum die baltische Herkunft des Flussnamens nicht wieder erwogen wird. Die Wurzel **pers-* war doch im Altpreußischen vorhanden, es ist kaum möglich bei der Deutung des apr. Waldnamens *Perses* sowie der Siedlungsnamen mit **pers-* von dem alteuropäischen Material auszugehen. Aus verschiedensten Gründen bedürfen diese Fragen befriedigende Antwort. Man kann selbstverständlich auf viele Vergleichsnamen verweisen, aber die Frage besteht, welche Rolle bei der Wiedergabe der besagten Namen die Namenbenutzer (ob das Balten, inkl. Altpreußen waren) und die Schreiber der Kanzleien, gemeint werden die Papstkanzleien und im fernen Rom ausgestellten Urkunden oder die des Deutschen Ordens, gespielt haben.

---

³ Sogar die Namenkundler der jüngeren Generation, die in vielen Fällen der Deutung von Onymen ihre von anderen Forschern nicht wenig unterscheidende Meinung ausdrücken, haben unterstrichen, dass die Theorie einer alteuropäischen Hydronymie zwar nicht unumstritten ist aber bislang noch nicht schlüssig widerlegt ist. (Nübling, Fahlbusch/Heuser 2012: 223).

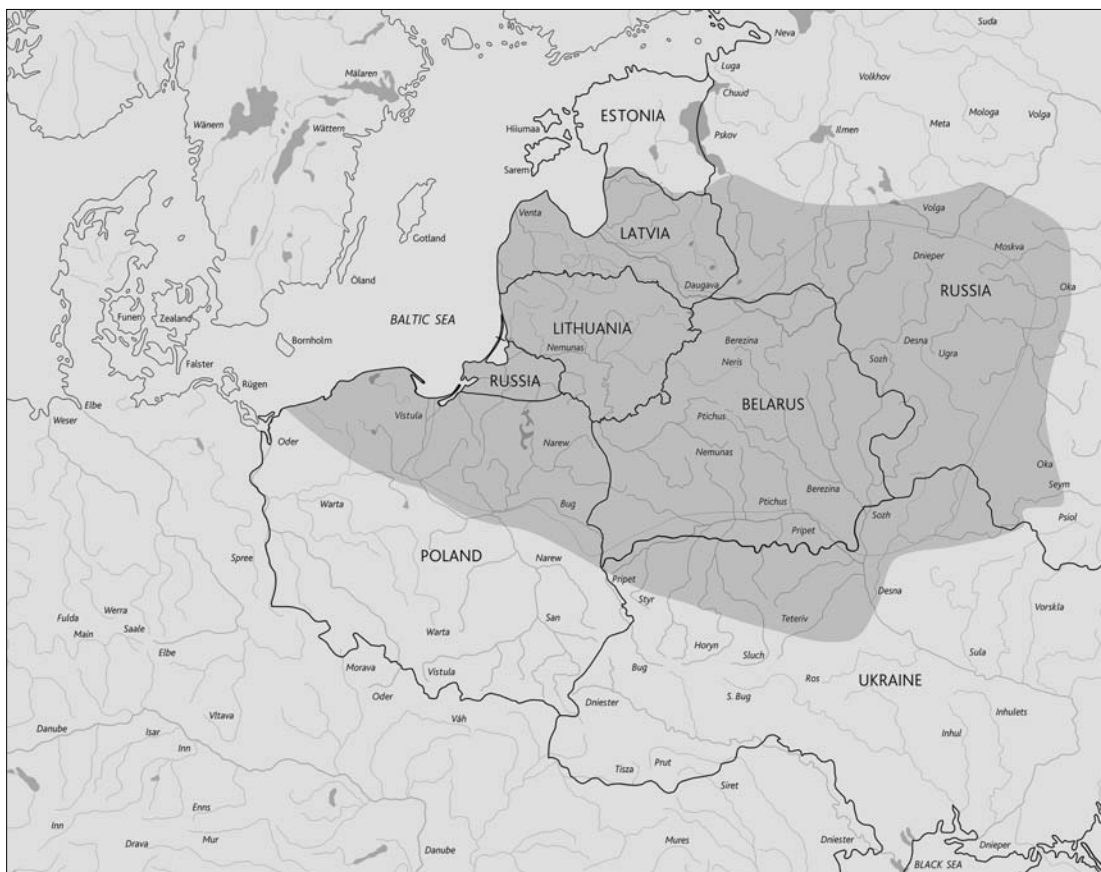
Eine aus den Mediävisten, Historikern und Sprachkundlern bestehende Arbeitsgruppe ist eine gewisse Zeit um die neunziger Jahre des 20. Jhs. tätig gewesen und hatte sich zum Ziel gesetzt, einen interdisziplinären Projekt zu entwickeln, das sich mit der Erforschung der Onomastik des lateinisch-germanischen Europas (3.–8. Jh.) befassen musste. Das Hauptvorhaben des Projektes bestand in der Herausarbeitung von sichereren als zuvor bekannten Kriterien, die zu der Feststellung der auf die Herkunft des Namen-trägers hinweisenden Merkmale verhelfen würden. Der Forschungs-stand der mit der Benennung verbundenen Untersuchungen während der großen Völkerwanderung sowie im frühen Mittelalter im Ganzen, wird durch eine paradoxe Situation geschildert: die Namen des behandelten Zeitabschnitts werden einerseits kaum dokumentiert und untersucht, andererseits spielt ein individueller Name die Hauptrolle in den Diskussionen über die Herkunft des Namenträgers (Jarnut 1998: 113). Daraus entstand sich die Freiburg-Duisburger Datenbank der Personennamen (DMP) (Kettemann 2008: 123–150; s. mehr in (Hrsg.) Wolfgang Haubrichs und Christa Jochum-Goldglück 2019).

Die Autorin des Beitrages betrachtet solche Projekte als Herausforderung für die Forscher des baltischen Namengutes (gemeint werden Personennamen und Toponyme), das zerstreut in ganz Europa seit der alten, sogar der ältesten Zeiten vorhanden ist und noch in Tausenden von handschriftlichen Dokumenten, Karten und anderen geschichtlichen Quellen auf den sorgfältigen Blick der Wissenschaftler wartet in der Hoffnung entdeckt und erkannt zu werden⁴. Man muss im Klaren darüber sein, dass die baltische Onymie zahlenmäßig die Onymie des romanisch-germanischen Europas nicht übertreffen wird, aber ungeachtet aller Menschenverluste und verdunkelten ethnischen Verhältnisse ist dieser Versuch alle Mühe wert, um den künftigen Generationen und der Weltgeschichte zu sagen, wir haben alles gemacht, wer mehr kann, soll das machen für eine gemeinsame Zukunft der Wissenschaft, die doch im Dienste der Bedürfnisse der Menschheit stehen soll. Eine ausführliche und gewissenhafte Analyse von den Quellen würde helfen, viele Fragen zu beantworten, wenn man auf zählbare Vorurteile in der Onomastik verzichten möchte. Für sein vor kurzem

---

⁴ Darius Ivoška (2016: 215–223) hat bis jetzt unbekannte oder wesentlich korrigierte Tatsachen von zwei ON aus dem Weichselgebiet angeführt: *Pipingisse*, gebucht im Jahre 1352, und *Potollen* vom Jahre 1352 (OF 105 236v, 254v).

erschienenes Werk hat Jovaiša (2019) ein exaktes Motto, das in deutscher Übertragung lauten könnte: **Durch die Unkenntnis zur Erkenntnis** gewählt, das sogar unsere Untersuchungen zum Namengut deutlicher werden lässt.

Karte Nr. 2. Baltische Gewässernamen und ihre Verbreitungsgrenzen. Autor E. Jovaiša.

Literatur

- Alekna, D. 2019: Nuo Agripas iki Plinijaus: Vysla I a. romėnų geografinėje literatūroje. *Lituanistica* T. 65. Nr. 4 (118), 251–271.
- ALEW = *Altlitauisches etymologisches Wörterbuch*. Unter der Leitung von Wolfgang Hock und der Mitarbeit von Elvira-Julia Bukeyičiūtė und Christiane Schiller, bearbeitet von Rainer Fecht, Anna Helene Feulner, Eugen Hill und Dagmar S. Wodko. Bd. 1–3. Hamburg: Baar, 2015.
- Anreiter, P. 2013: Gedanken zum Buch von Theo Venemann gen. Nierfeld, „Europa vasconica – Europa semitica“. In: *Europa Vasconica – Europa Semitica?* Kritische Beiträge nach dem baskischen und semitischen Substrat in Europa. Hrsg. von Jürgen Udolph. Beiträge zur lexikographie und Namenforschung. Hrsg. von Silvio Brendler Band 6. Hamburg: Baar-Verlag, 11–63.

- Babik, Z. 2001: *Najstarsza warstwa nazewnicza na ziemiach polskich*. W granicach wszechśrodkowiecznej słowiańszczyzny. Kraków: Wydawnictwo Prac Naukowych UNIVERSITAS.
- Beyersdorf, O. 1881: Slavische Streifen (2). In: *Baltische Studien*. Hrsg. von der Gesellschaft für Pommersche Geschichte und Altertums-kunde, Jg. 31. Stettin: Druck und Verlag von Herrcke & Lebeling. Anlage 25–64.
- Biolik, M. 1993: *Namen der stehenden Gewässer im Zuflußgebiet des Pregel und im Einzugsbereich der Zuflüsse zur Ostsee zwischen Pregel und Memel* (= Hydronymia Europaea, Lief. 11). Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- Blažek, V. 2003: Baltic Horizon in Eastern Bohemian Hydronymy? In: *Vakarų baltų kalbos ir kultūros reliktai IV*. Klaipėda: Tiltai 14, 14–20.
- Blažienė, G. 2000: *Die baltischen Ortsnamen im Samland* (= Hydronymia Europaea, Sonderband II). Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- Blažienė, G. 2005: *Baltische Ortsnamen in Ostpreußen* (= Hydronymia Europaea, Sonderband III), Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- Brauer, W. R. 1983: *Preußische Siedlungen westlich der Weichsel*. Versuch einer etymologischen Deutung heimatlicher Flurnamen. Siegen: Im Selbstverlag der J. G. Herder-Bibliothek Siegerland e. v.
- Brauer, W. R. 1988: *Baltisch-preussische Siedlungen westlich der Weichsel*. Münster: Nicolaus-Copernicus-Verlag.
- Būga, K. 1923/1961: Upių vardų studijos ir aisčių bei slavėnų senovė. *Rinktiniai Raštai* T. 3. Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla, 493–550.
- Casemir, K., Udolph, J. 2006: Die Bedeutung des Baltischen für die niedersächsische Ortsnamenforschung. In: *Baltų onomastikos tyrimai*. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 114–144.
- CPD — *Codex Pomeraniae Diplomaticus oder Sammlung der die Geschichte Pommerns und Rügens betreffenden Urkunden*. Nach den Originalen, Transsumten und alten Copieen mit Anmerkungen, Schriftproben und Siegelzeichnungen. Hrsg. von Karl Friedrich Wilhelm Hasselbach, D. Johann Gottfried Ludwig Kosegarten und Friedrich Baron von Medem. Bd. 1. Greifswald: Universitätsbuchhandlung C. A. Koch, 1843.
- Curta, F. 2001: *The Making of the Slavs: History and Archeology of the Lower Danube Region, c. 500–700* (Cambridge Studies in Medieval Life and Thought. Fourth Series). Publisher: Cambridge University Press.
- Dambe, V. 1988: Daži hipotėski baltismi vietu nosaukumos rietumos no Vislas. In: *Baltistica XXIV* (1), 76–79.
- Dini, P. U. 2019: *Baltų kalbų lyginamoji istorija*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos centras.
- DONB = Matusiak-Kempa, I. 2012: Danzig // Gdańsk. In: *Deutsches Ortsnamenbuch*. Hrsg. von Manfred Niemeyer. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH & C. KG, 119.
- Gimbutienė, M. 1985: Baltai priešistoriniais laikais. Etnogenezė, materialinė kultūra ir mitologija. Vilnius: Mokslo.

- Gerullis, G. 1922: *Die altpreußischen Ortsnamen*. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter & Co.
- Gillett, A. 2002: Introduction: Ethnicity, History, and Methodology. In: Gillett Andrew (ed.). *On Barbarian Identity: Critical Approaches to Ethnicity in the Early Middle Ages*. Studies in the Early Middle Ages, Vol. 4. Turnhout: Brepols Publishers n.v., 1–18.
- Gillett, A. 2002: Was Ethnicity Politicized in the Earliest Medieval Kingdoms? In: Gillett Andrew (ed.). *On Barbarian Identity: Critical Approaches to Ethnicity in the Early Middle Ages*. Studies in the Early Middle Ages, Vol. 4. Turnhout: Brepols Publishers n.v., 85–121.
- Goffart, W. 2002: Does the Distant Past Impinge on the Invasion Age Germans? In: Gillett Andrew (ed.). *On Barbarian Identity: Critical Approaches to Ethnicity in the Early Middle Ages*. Studies in the Early Middle Ages. Vol. 4. Turnhout: Brepols Publishers n.v., 21–37.
- Górniewicz, H. 1980: *Toponimia Powiśla Gdańskiego*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Górniewicz, H. 1985: *Gewässernamen im Flußgebiet der unteren Weichsel* (Nazwy wodne dorzecza dolnej Wisły) (= Hydronymia Europaea, Lief. I). Wiesbaden GMBH, Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- Graus, F. 1980: *Die Nationalbildung Westslawen im Mittelalter* (Nationes: Historische und philologische Untersuchung zur Entstehung der europäischen Nationen im Mittelalter, number 3). Sigmaringen. Stuttgart: Jan Thorbecke Verlag.
- Greule, A. 2014: *Deutsches Gewässernamenbuch*. Etymologie der Gewässernamen und der zugehörigen Gebiets-, Siedlungs- und Flurnamen. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH & co. KG.
- Haubrichs, W., Jochum-Goldglück, Ch. (Hrsg.) 2019: *Kulturelle Integration und Personennamen im Mittelalter*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter. (= Ergänzungsbände zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde 108).
- Hengst, K. 1985: Sprachkontakt und Entlehnungsprozeß. Ergebnisse der toponomastischen Analyse im deutsch-slawischen Berührungsbereich. In: *Zeitschrift für Slawistik* 30, 6, 809–822.
- Hinze, F. 1989: Rez. W. Brauer. Preußische Siedlungen westlich der Weichsel. Versuch einer etymologischen Deutung heimatlicher Flurnamen. Schriften der J. G. Herder-Bibliothek Siegerland e.V. Bd. 11. 1983. Selbstverlag der J. G. Herder-Bibliothek Siegerland e.V. Siegen 1983. 91 (+3) S. In: *Zeszyty naukowe wydziału Humanistycznego uniwersytetu Gdańskiego. Prace Językoznawcze* Nr. 15, 129–140.
- Holsten, R. 1932: Illyrische Fluß- und Ortsnamen in Pommern. In: *Monatsblätter der Gesellschaft für pommersche Geschichte und Altertumskunde* Jg. 46., Nr. 1, 1–5.
- Isajiw, W.W. 1993: Definition and Dimensions of Ethnicity. In: A Theoretical Framework. *Challenges of Measuring an Ethnic World: Science, politics and reality: Proceedings of the Joint Canada-United States Conference on the Measurement of Ethnicity April 1-3, 1992*, Statistics Canada and U.S. Bureau of the Census, eds. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 407–427. (Paper presented at “Joint Canada-United States Conference on the

- Measurement of Ethnicity", Ottawa, Ontario, Canada, April 2, 1992).
- Ivoška, D. 2016: Bemerkungen zur Problematik der baltischen Ortsnamen westlich der Weichsel. In: *Acta Linguistica Lithuanica* LXXIV, 208–225.
- Jarnut, J. 1998: Nomen et Gens: Political and Linguistic Aspects of Personal Names between the Third and the Eighth Century – Presenting an Interdisciplinary Project from a Historical Perspective. In: Pohl, Walter & Reimitz, Helmut (eds.) *Strategies of Distinction: The Construction of Ethnic Communities, 300–800*. Leiden; Boston; Köln: BRILL, 113–116.
- Jovaiša, E. 2012 [Nachdruck 2013]: *Aisčiai. Kilmė*. Vilnius: Lietuvos edukologijos universiteto leidykla.
- Jovaiša, E. 2014: *Aisčiai. Raida*. Vilnius: Lietuvos edukologijos universiteto leidykla.
- Jovaiša, E. 2019: *The Aestii. The Western Balts*. Kaunas: Vytautas Magnus University.
- Jovaiša, E. 2019: *Kapai ir žmonės. Aisčiai, romėnai, gotai ir kitos istorijos*. Vilnius: UAB „Unseen Pictures“.
- Kettemann, W. 2008: Name, Person, Gruppe. Potential und Entwicklungsmöglichkeiten der Freiburg-Duisburger Datenbank mittelalterlichen Personennamen (DMP) für künftige Forschungsvorhaben. In: *Consilium medii aevi* 11, 123–150.
- Kilian, L. 1939: Baltische Ortsnamen westlich der Weichsel? In: *Alt-Preußen* 4, 67–68.
- Kilian, L. 1960: Zum Aussagewert von Fund- und Kulturprovinzen. In: *Światowit* 23, 41–85.
- Krahe, H. 1943: Baltische Ortsnamen westlich der Weichsel. In: *Alt-Preußen* 8, 11–12.
- Kulikowski, M. 2002: Nation versus Army: A Necessary Contrast? In: Gillett Andrew (ed.). *On Barbarian Identity: Critical Approaches to Ethnicity in the Early Middle Ages*. Studies in the Early Middle Ages, Vol. 4. Turnhout: Brepols Publishers n.v., 69–84.
- Kusmenko, J. K. 2011: *Rannije germancy i ich sosedi*. Lingvistika, archeologija, genetika. Sankt-Peterburg: „Nestor-Istorija“.
- Lorentz, F. 1933: Preußen in Pomerellen. In: *Mitteilungen des Westpreußischen Geschichtsvereins* Jg. 32, Heft 3, 49–59.
- Lorentz, F. 1966: Preußische Ortsnamen und Appellative in Namen im Raum links unter der Weichsel mit Anmerkungen von F. Hinze. In: *Zeitschrift für Slawistik* XI, 243–250.
- LIV — *Lexikon der indogermanischen Verben*. Die Wurzeln und ihre Primärsstammbildungen. Unter Leitung von Helmut Rix. Zweite, erweiterte und verbesserte Auflage bearbeitet von Martin Kümmel und Helmut Rix. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2001.
- LKŽe — Lietuvių kalbos žodynas 1–20, 1941–2002, elektroninis variantas, redaktorių kolegija: Gertrūda Naktinienė (vyr. red.), Jonas Paulauskas, Ritutė Petrokienė, Vytautas Vitkauskas, Jolanta Zabarskaitė. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2005 (atnaujinta versija, 2008). Zutritt: <http://www.lkz.lt/>>www.lkz.lt.

- LVV — Mülenbachs, K. 1926–1932: *Latviešu valodas vārdnīca*. Rediģējis, papildinājis, turpinājis J. Endzelīns, Bd. 1–4, Rīga: Izglītības ministrija, Kultūras fonds.
- Murray, A.C. 2002: Reinhard Wenskus on “Ethnogenesis”, Ethnicity, and the Origin of the Franks. In: Gillett Andrew (ed.). *On Barbarian Identity: Critical Approaches to Ethnicity in the Early Middle Ages*. Studies in the Early Middle Ages, Vol. 4. Turnhout: Brepols Publishers n.v., 39–68.
- NMP III — *Nazwy miejscowe polski*. T. III E–I (pod redakcją Kazimierza Rymuta). Kraków: Wydawnictwo Naukowe DWN, 1999.
- NMP IV — *Nazwy miejscowe polski*. T. IV J–Km (pod redakcją Kazimierza Rymuta). Kraków: Wydawnictwo Naukowe DWN, 2001.
- NMP VII — *Nazwy miejscowe polski*. T. VII Ma–N (pod redakcją Kazimierza Rymuta). Kraków: Wydawnictwo Pandit, 2007.
- Nübling, D., Fahlbusch, F., Heuser, R. *Namen*. Eine Einführung in die Onomastik. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag GmbH + Co.
- Pohl, W. 1998: Telling the Difference: Signs of Ethnic Identity. In: Pohl, Walter & Reimitz, Helmut (eds.). *Strategies of Distinction: The Construction of Ethnic Communities 300–800. (The Transformation of the Roman world*. Vol. 2). Leiden; Boston; Köln: BRILL, 17–69.
- Pohl, W. 2002: Ethnicity, Theory, and Tradition: A Response. In: Gillett Andrew (ed.). *On Barbarian Identity: Critical Approaches to Ethnicity in the Early Middle Ages*. Studies in the Early Middle Ages. Vol. 4. Turnhout: Brepols Publishers n.v., 220–239.
- Przybytek, R. 1993: *Ortsnamen baltischer Herkunft im südlichen Teil Ostpreußens*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag. (= Hydronymia Europaea, Sonderband).
- Rzetelska-Felesko, E., Duma, J. 1977: *Nazwy rzeczne Pomorza między dolną Wisłą a dolną Odrą*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Rzetelska-Felesko, E. 1987: *Die Zuflüsse zur Ostsee von der Weichselmundung bis zur Persante (Dopływy Bałtyku od ujścia Wisły do Parsęty)*. Wiesbaden: GMBH, Stuttgart: Franz Steiner Verlag (= Hydronymia Europaea, Lief. 2).
- Schmid, W. P. 1981: Die alteuropäische Hydronymie. Stand und Aufgaben ihrer Erforschung. *Beiträge zur Namenforschung* N. F. 16, 1–12.
- Schmid, W. P. 1987: Beiträge zur Bestimmung der baltischen Westgrenze. In: *Baltistica* 23, 4–12.
- Schmid, W. P. 1989: Spuren baltischer Sprache in Pommern. In: Rymut, K. (red.). *Hydronymia słowiańska*. Materiały z IX konferencji Komisji Onomastyki Słowiańskiego przy Międzynarodowym Komitecie Słowistów. Mogilany, 16–18 IX 1986 r. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 119–128.
- Smoczyński, W. 2000: *Untersuchungen zum deutschen Lehngut im Altpreussischen*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersitetu Jagiellońskiego.
- Szcześniak, K. 1993: Unbekannte baltische Bezeichnungen aus dem Goldaper Kreis im Thorner Nachlass von Martin Gerss. In: *Lietuvių kalbotyros klausimai* XXXII, Baltų onomastikos tyrinėjimai, 166–171.

- Toporov, V. N. 1966: K voprosu o toponimičeskich sootvetstvijach na baltijskich territorijach i k zapadu ot Vistly. In: *Baltistika* I (2), S. 103–111.
- Toporov, V. N. 1983: Novyje raboty o sledach prebyvanija prussov k zapadu ot Visly. In: *Balto-slavjanskije issledovanija* 1982, 263–273.
- Toporov, V. N. 1984–1990: *Prusskij jazyk. Slovar'*. T. 4–5, Moskva: Nauka.
- Trautmann, R. 1925: *Die altpreußischen Personennamen*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Udolph, J. 1988: [Rez.]: Wilhelm Brauer. Prußische Siedlungen westlich der Weichsel. Versuch einer etymologischen Deutung heimatlicher Flurnamen. Schriften der J. G. Herder-Bibliothek Siegerland e.V. Band 11. 1983. Selbstverlag der J. G. Herder-Bibliothek Siegerland e.V. Siegen. 94 S. 8⁰. In: *Beiträge zur Namenforschung. Neue Folge* 23, 291–300.
- Udolph, J. 1990: *Die Stellung der Gewässernamen Polens innerhalb der alteuropäischen Hydronymie*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.
- Udolph, J. 2014: Ethnogenese und Urheimat der Slaven. In: *Die slavischen Sprachen, The Slavic Languages*. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung / An International Handbook of their Structure, their History und their Investigation. Hrsg. von Karl Gutschmidt, Sebastian Kempgen, Tilman Berger, Peter Kosta, Bd. 2. Berlin; Munich; Boston: Walter de Gruyter GmbH, 1131–1144.
- Vanagas, A. 1981: *Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas*. Vilnius: Mokslas.
- Vasmer, M. 1930: [Rez.] Über J. Czekanowski, Kritisches und Antikritisches zu M. Vasmers Besprechungen usw. In: *Zeitschrift für slavische Philologie* 7, 504–507.
- Wenskus, R. 1961 (1977): *Stammesbildung und Verfassung: das Werden der frühmittelalterlichen gentes*. Köln: Böhlau Verlag.
- Wenzel, W. 2015: Namenkundliche Beiträge zur Siedlungsgeschichte des Klosters Dobrilugk. In: *Slawen in Deutschland. Ihre Namen als Zeugen der Geschichte*. Hrsg. von Andrea Brendler und Silvio Brendler. Hamburg: Baar-Verlag, 30–41.
- Wolfram, H. 2001 (2010): *Die Goten und ihre Geschichte*. 3. durchgesehe Aufl. München: C. H. Beck Verlag. (In der Beck'schen Reihe Wissen).
- Wolfram, H. 2008: Terminologisches. In: *Nomen et Fraternitas*. Festschrift für Dieter Geuenich zum 65. Geburtstag. Hrsg. von Uwe Ludwig und Thomas Schilp. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 787–802.
- Wolfram, H. 2011: Wie viele Völker sind in einem Volk? In: *Studies in honour of Professor Vassil Gjuzelev* [= Bulgaria Mediaevalis 2], Sofia: Bulgarian Historical Heritage Foundation, 361–372.
- Ziemann, D., Trencsényi, B. 2011: *Ethnogenesis, Nation, Nation-Building*. Zutritt: <http://archive.ceu.edu/node/24561>

И. В. Лемешкин
(Институт литовского языка, Вильнюс)

(РЕ)КОНСТРУКЦИИ VS ЧТЕНИЕ ДРЕВНЕЙШЕГО ПРУССКОГО ТЕКСТА

С момента своего обнаружения в 1974 г. базельский текст приобрел репутацию древнейшего, написанного на балтийском языке. Тогда же были предприняты первые попытки его прочтения, результаты которых в настоящее время вызывают серьезные сомнения. В статье затрагивается методология прочтения микротекстов, акцентируется необходимость неинвазивного анализа оригинала. Обосновывается новая интерпретация текста как фольклорного произведения, исполнение которого приурочено ко дню Поклонения Волхвов (Трех Королей) и которое можно определить как колядку.

Ключевые слова: Базельский кодекс, колофон, древнепрусский язык, неинвазивное чтение, колядка.

Ilja Lemeškin
(Institute of the Lithuanian Language, Vilnius)

(Re)construction vs. reading of an ancient Prussian text

Since the moment the Codex Basilensis was discovered in 1974, it has gained a reputation for being the most ancient artifact containing a text in a Baltic language. At that time, first attempts to its reading were made, that lately have been giving rise to serious doubts. The article brings forward the question of approaches to reading of micro-texts and emphasizes that a non-invasive analysis of the original source is essential. The author suggests a new interpretation, according to which the micro-text could be a folklore creation that identifies with the Christmas carol We Three Kings.

Keywords: Codex Basilensis, Old Prussian language, non-invasive reading, Christmas carol.

«Базельский колофон» (Lemeškin 2017: 95–96; 2019: 165) или же «Базельский след» (*Dini Traccia di Basilea* – Dini 2004; *Trace of Basel* – Dini 2014; Ardoino 2012a-b, 2013, 2016, 2018), ранее известный как «Базельская эпитафия» (McCluskey, Schmalstieg, Zeps 1975; Schmalstieg 1976; Purkart 1983; Kortlandt 1998a-c, 2018; Bammesberger 1998; Schaeken 2003 и др.), назван так по месту своего хранения: Öffentliche Bibliothek der Universität Basel.

основной текст (A) которого на листе 63r завершает эксплицит (B) и колофон (C). Колофон дополняет миниатюра: стоящий молодой человек со склоненной головой держит баннер с немецким возгласом *ihs ich leid* (D); по обе стороны миниатюры вписан текст на древнепрусском (E) языке. Стратиграфию листа 63r далее обогащают более поздние текстовые вкрапления: регистр (F) и глосса (G), помещенная на нижнем поле рукописи.

Структуру листа 63r схематично можно изобразить следующим образом (илл. 1):

A	(конец основного текста)		
B	<i>EXPLICIUNT QUESTIONES METHEORORUM</i>		
C	<i>Anno domini millesimo c^oc^oc^o sexagesimo nono finite sunt questiones metheororum per manus illius qui scripsit eas et c in vigilia epiphanie per manus illius qui scripsit eas Omnibus omnia non mea sompnia dicere possum amen</i>		
D	<i>ihs ich leid</i>	М И Н И А Т Ю Р А	
E	<i>Kayle rekyse · Eg · koyte · poyte ·</i>		<i>thoneaw labonache thewelyse · nykoyte · pēnega doyte ·</i>
F	<i>(Registrum)</i>		
G	<i>(глосса)</i>		

Первое осторожное прочтение древнебалтийского текста в 1974–1975 гг. предложил У. Шмалстиг (Schmalstieg 1974; McCluskey, Schmalstieg, Zeps 1975). Интерпретацию американского исследователя с незначительными вариативными уточнениями позднее поддержали В. Мажюлис (Mažiulis 1975), В. Шмид (Schmid 1982), Ф. Кортландт (Kortlandt 1998a-c) и др. Со временем предложенное им чтение стало традиционным и даже было возведено в догму, хотя не находило опоры в содержании рукописи и опиралось на целый ряд догадок и произвольных допущений:

1) будто персифляж («эпиграмму») написал иронизирующий молодой человек (студент);

2) будто юмористическое и иронизирующее высказывание, реагирующее на латинский гекзаметр (находящийся в колофоне), было произнесено вслух и было адресовано другому прусу во время пьянки;

3) будто подражание гекзаметру предопределило склонность к каламбуру и жаргону;

4) будто прусом произнесенное изречение с ошибками записал «немецкий коллега» (пьяница?) (подробнее: Lemeškin 2019: 168).

Большие сомнения вызывает само понятие «чтение» применительно к проведенным лингвистическим интерпретациям. Дело в том, что «процессу извлечения значений и смысла» предшествовала стадия, когда исследователи при помощи многочисленных конъектур вольно *подготавливали*, подобающим образом «форматировали» якобы читаемый текст. На самом деле ранее предложенные попытки интерпретации, по нашему убеждению, нельзя считать «чтением» в настоящем смысле этого слова. Перед нами не проникновение в смысл текста, а скорее его спекулятивная графическая и формально-семантическая (ре)конструкция. Мету **конструирования** показывает перечень «исправлений», в свое время предложенных, например, В. Мажюлисом (Mažiulis 1975).

Оригинал	Согласно В. Мажюлису, надо править на:
<i>Kayle</i>	adj. nom. sg. <i>Kayls</i> или <i>Kayles</i> ‘здоровый’
<i>rekyfe</i>	subst. nom. sg. <i>rekys</i> ‘господин’
<i>thoneaw</i>	pron. 2 sg. <i>thu</i> ‘ты’ + adv. <i>ne-aw</i> ‘уже не’
<i>labonache</i>	adj. nom. sg. <i>labanats</i> ‘добрый’
<i>thewelyfe</i>	subst. nom. sg. <i>thewelys</i> ‘дядечка’
<i>Eg</i>	—
<i>koyte</i>	praes. 2 sg. <i>koy-tu</i> ‘хочешь ты’ (encl. pron. <i>tu</i> ‘ты’)
<i>poyte</i>	inf. <i>pot</i> ‘пить’
<i>nykoyte</i>	<i>nykoy-tu</i> см. <i>koyte</i>
<i>pēnega</i>	subst. acc. sg. <i>penigas</i> ‘деньгу’
<i>doyte</i>	inf. <i>dot</i> ‘дать’

Для того, чтобы лучше осознать степень графической интервенции буквально во все части текста, мы выделим жирным шрифтом и подчеркнем внесенную исследователями правку:

Kayle *rekyfe* · *tho*-*neaw* *labonache* *thewelyfe* ·
Eg · *koy*-*te* · *poyte* · *nykoy*-*te* · *pēnega* *doyte* ·

Ситуация, когда форму оригинала сохраняет лишь одно единственное слово (союз *Eg* ‘если’), нам кажется совершенно

абсурдной, ибо таким образом текст не столько читается, сколько искусственно создается заново. При помощи многочисленных и самых *разных* (sic!) конъектур (их количество и разншерстный характер поразителен на фоне небольшого по объему текста) была искусственно (вос)создана фривольная семантика связанная с пьянством:

«Привет, сударь! Ты не хороший товарищ,
Если хочешь пить, а денег давать не хочешь».

(перевод В. Н. Топорова)

В нашем чтении (Lemeškin 2013; 2019: 176–203) мы руководствуемся иным принципом: если рассматриваемый текст не содержит явных графических ошибок переписчика (а таковые никем до сих пор не выявлены), необходимо сохранять рукописное чтение, стремясь дать толкование оригинала, а не его исправление. Данная установка привела к качественно иной интерпретации:

<i>Kayle rekyfe ·</i>	<i>thoneaw labonache</i>	<i>thewelyfe ·</i>
interj. * <i>kailei(s) rīkīs</i>	antropon. voc.	nom. (voc.) sg.
‘Дай Бог здоровья’	‘Тони (из роду) Боначи’	‘дяденька!’

<i>Eg ·</i>	<i>koyte ·</i>	<i>poyte ·</i>
conj.	praes. 3 sg., pl.	imperat. 2 pl.
‘Если’	‘хочет / хотят’	‘поите / пейте’

<i>nykoyte ·</i>	<i>pēnega</i>	<i>doyte ·</i>
praes. 3 sg., pl.	gen. sg.	imperat. 2 pl.
с негацией		
‘не хочет / не хотят’	‘денежки’	‘дайте’

«Дай Бог здоровья (тебе)! Тони Боначи, дяденька!

Если хотят (хочет) – поите,

Не хотят (хочет) – деньгу дайте».

или

«Будь здоров! Тони Боначи, дяденька!

Если хотят (хочет) – пейте (вместе),

Не хотят (хочет) – деньгу дайте».

Отдельные словоформы интерпретируются следующим образом:

Kayle rekyse

Interj. **kaile-rīkīs* < **kailei rīkīs* < **kailei[s] rīkīs*

Составное этикетное выражение, состоящее из императива презенса **kail-ei-s* '[ты] будь здоров, сильный; сделай здоровым, сильным' и ном. sg. **rīkīs* 'Бог, Господин' (в функции вокатива) с парагогическим -e (Dini 2014: 554; Kortlandt 1998a). Ср.: пр. *Deiwa engraudīs*, лит. *Skalsink Dieve, Padėk Dieve*, лат. *Dievs svētī, Palīdzī Dievs*, нем. *Grüß Gott*, чеш. *Pozdrav pánbůh, Zdar Bůh* (ср. рус. *спасибо* из **сънаси богъ*)... У императива **kail-ei-s* (инфинитив деноминативного глагола **kail-ētvei* 'быть здоровым, сильным; делать здоровым, сильным', ср. adj. балт. **kaita-* 'горячий, теплый' → verb. прус. *kaitētvei* 'делать горячим, разжигать' (см. PEŽ I: 268); ср.: ст.-сл. цѣлѣти 'лечить, исцелять, оздоровить', imperat. цѣлѣи, цѣлѣите; рус. *исцелять, целить*, укр. *цілити*, бел. *целіць*, серб. *цијелити*, слов. *celiti*, чеш. *celeti*, пол. *celić* и т.д.), принимая во внимание вторичное происхождение прусского окончания -s (Endzelīns 1982: 129), возможно ожидать краткую форму **kail-ei*, которая соответствует лит. диал. *rāšai*, др.-лит. *pamišakai* (Катехизис 1605 г.), *iščlausai* (Мажвидас), *atadārai* (Даукша). Редукция окончания могла произойти из-за контракции, обычной в этикетных обращениях (ср.: *labdien* < *laba diena*, *labryt* < *labas rytas* и т. д.).

thoneaw

«*thoneaw* is quite obscure to me. Can it be a voc. sg. of a nominal u-stem, perhaps a proper name?» (цитата Х. Станга по: Dini 2000: 201); «Stang (personal communication) thinks that *thoneaw* might be a proper name. If so, then the couplet may be about the scribe himself, e.g. "To your health, sir! Anthony is a fine fellow..."» (McCluskey, Schmalstieg, Zeps 1975: 162).

Ср. *Antonio* > *Tonio* /'tonjo/ в корпусе *Corpus OVI dell'Italiano antico*:

1 Cronaca sen. (1202–1362), c. 1362 123.6

schale e introro per una finestra e rupeno due uscia per volere amazare Mino e Tonio e 'l Porina figliuoli di miser Meio Talomei. E quando chostoro sentiro el busso del

2 Doc. imol., 1350–1367 Debitori 16.1.1360 355.11

per 2 cirioli da le lode, pexò l. 1½: s. 9 a f. 124 r. Tonio Tartagno di' avere per 468 fasadelli de legne de salexe, a s. 40 .C.: monta

3 Doc. imol., 1383–1385 Spese 21.11.1384 345.2

per fare pontelare la stazone ch'è cho gle fradi de Penitenzia che la tene Tonio da le Sele per trave e per una cholona e per murare Gostolo in somo

4 Doc. imol., 1383–1385 Spese 21.11.1384 345.5

una cholona e per murare Gostolo in somo L. VIII e chosi pa el dito Tonio a maistri tohomene per la mitade L. III, s. X.

Таким образом, окончание *-eaw* следует соотносить с формой вокатива от *Tonio*.

labonache

Словоформа содержит другой итальянский антропоним – распространенную (вплоть до наших дней) в Тоскане фамилию *Bonacci* /bo'nat:ʃi/, которая в XIII–XIV вв. писалась с диграфом <ch> (Larson 1988).

См. *Corpus OVI dell'Italiano antico*:

Doc. sen., 1277–1282 – pag. 280, riga 30

a ssere Ristoro del Seta per factura d' una charta di mille libre da Gulielmo Bonachi. Ancho III lib. et XIII sol. et III den. nel dì ai signori de la

Начальный компонент *la-* напоминает определенный артикль женского рода. Кажется, что пишущий воспользовался широко распространенными антропонимами, которые он услышал на месте, однако не сумел правильно использовать артикль: вместо *debonachi* (*de'* [dei < di + i] *Bonacci* «из [рода] Боначи»; ср. порчу антропонима: *Guglielmo dei Bonacci* > *Leonardus fi* [т. е. *filius*] *Bonacci* > *Leonardo Fibonacci*) написал *labonache*.

Потенциально возможно и другое объяснение. Происхождение фамилии *Bonachi* (производного от *Bono*, *Bonito*, *Ottobono*, *Omobono*, *Giambono*...) было всем очевидным: *bon-* < *bonus*. Загадочную словоформу можно объяснить как следствие изобретательной семантической дубликации корня: *labonache* = *la(b)-bon-ache* ‘**добр-Вон**-асси, добрый Добрило’ (ср.: прус. *labs* ‘добрый’, лит. *lābas* ‘то же’, лтш. *labs* ‘то же’), которая другому прусу поясняла семантику говорящего итальянского антропонима.

thewelyfe

Деминутив ном. sg. *tēvelis ‘дяденька’ (в функции вокатива) с суффиксом *-el-* от прус. *tēv-is (ср. *thewis* Е 176 ‘дядя со стороны отца’) с парагогическим *-e*.

Eg

Союз /i:g/ ‘если’, ср. лит. *jėi-gu* ‘если же’.

koyte

Praes. 3 sg., pl. ‘хочет / хотят’. Ср. *quoitē* ‘(он) хочет’ III 57₁₉; *quoitē* ‘(они) хотят’ III 99₅, *quoitā* ‘то же’ III 51₁₆.

poyte

Verb. caus. imperat. ‘делать так, чтобы кто-то пил’; ср. ст.-сл. поити ‘поить’, imperat. пои, поите ‘пои, поите’, рус. *поить-нуть*, пол. *poić-pić* и т. д. Или 2 imperat. pl. ‘пейте’ (ср. *īdeiti* III 75₄, *idaiti* III 87₁₇, *ydieyti* II 13₈, *edeitte* I 13₈ – см.: PEŽ I 51).

nykoyte

См. выше *koyte*; с отрицанием.

pēnega

Gen. sg. partitivus **pennega[s]* ‘денежки’.

doyte

Imperat. 2 pl. Ср.: пр. *dāiti* ‘дайте’ III 91₂, III 93₆, III 107₁₀, III 111₁₇, III 113₂, *daiti* ‘дайте’ III 91₈, III 95₁₄, III 117₁₅, III 119₇, III 121₁₄.

Идентифицируемый текст находит многочисленные типологические параллели в календарном фольклоре, в балтославянских святочных обрядах. Колядки-просьбы начинаются с этикетного приветствия (междометия) и уважительного (часто «величального») обращения к «доброму» хозяину-дарителю: *Labas vakaras, kalēda, / Mūs ponas randorius, kalēda, / Mūs ponas randorius, kalēda, / Šitų namų gaspadorius, [kalēda]...*; *Здороў буў, пан хазяін...*; *Хозяюшка, наш батюшка, / Подари гостей колядовщиков...* и т. д. На синтаксическом уровне просьба о подаянии часто приобретает разделительное значение, когда колядующий проситель, колеблясь, указывает несколько вариантов коляды: *Dejte voříšek nebo jablíčko...*; *Либо пива коречок, либо денег пятачок...*; *Коляда, Коляда, / Ты подай пирога, / Или хлеба ломтину, / Или денег полтину...*; *Не пора ли да вам, хозяин, дарить-жаловать? / Не рублем-ти вам, хозяин, не полтиною, / Хоть одною золотою, сударь, гривною, / Хоть по рюмочке винца да по стаканчику пивца* и т. д. Примечательно, что в устах взрослого (не детского) колядующего часто противопоставляются две альтернативы: подаяние в виде денег или выпивка.

Загадочное, с точки зрения баллистики, словосочетание *thoneaw labonache* целесообразно рассматривать как факультативный элемент, использование которого зависело от конкретной ситуации. Форма имен собственных говорит в пользу

того, что фраза появилась в Италии и была записана с использованием местной графической системы, чуждой прусскому языку: диграф <ch> в слове *bonache* = *Bonacci* /bo'nat:ʃi/ для обозначения аффрикаты. Без факультативной персонализации потенциального адресата фольклорное произведение за счет внутренних и конечных рифм звучало ритмизировано и гармонично:

a) Kayle rekyf [e] · thewelyf [e]

b) Eg · koyte · poyte ·

c) nykoyte · pēnega doyte ·

Избранный способ чтения прусского текста (ненасильственный по отношению к оригиналу) подкрепляется формулировкой колофона, в котором писавший посчитал необходимым подчеркнуть, что свой список Н. Орема он создал «в канун Богоявления», когда обычно колядовали. Словосочетание *in vigilia epiphanie* он перенес в начало колофона, а формулировку *per manus illius qui scripsit eas etc.* перечеркнул и вписал позднее. Таким образом, данные колофона подтверждают интерпретацию древнебалтийского текста как колядки, в отличие от понимания в ключе *Trinksprüche*, которое не находит в рукописи опоры.

Итальянские антропони́мы, идентифицируемые в составе древнепрусского текста, позволяют уточнить культурно-исторический контекст и конкретные обстоятельства (причины) появления рассматриваемого колофона.

Базельский список Н. Орема, датируемый 05(06).01.1369, традиционно соотносят с академической средой Пражского университета¹. Об этом говорит особая группа списков *Questiones Super Quattuor Libros Methororum* (McCluskey 1974: 83; Schaeken 2006: 339–340) и документальные сведения о том, что сочинение Н. Орема здесь было действительно востребованным. В 1366 г., т. е. незадолго до появления базельского списка, соответствующие оремовские «Вопросы» в Пражском университете составил Иоанн Крихпаум из Ингольштадта (Šmahel 2016: 233). Пик интереса к сочинению Н. Орема пришелся как раз на 1368 г., когда деканом Философского факультета Праж-

¹ Колофон второго по очереди источника (1376 г.) в том же самом Базельском кодексе указывает на Прагу: *Expliciunt questiones libri de generatione Reuerendi / magistri Johannis biridani p petrū frū. pge scpte / Anno domini. 76 Cycli aurei numeri. 9. sol.[is] 13. kalendas Julij* (f. 86v).

ского университета был избран Фридман из Праги, до этого получивший образование в Парижском университете у Альберта Саксонского (ученика Ж. Буридана) (подробнее: Lemeškin 2019: 131). Университетские квестии тех лет должны были быть хорошо известны и прусским студентам Пражского университета, напр., Яну из Квидзына (*Johannes Marienwerder, Jan z Kwidzyna*), получившему степень магистра в 1369 г. Пражскую принадлежность списка подтверждает также кодекс с сигнатурой Ms. L. 29, хранящийся в Архиве Пражского кремля (*Archiv Pražského hradu*, фонд: *Knihovna Metropolitní kapituly*). Кодекс, содержащий работы Ж. Буридана, написан на бумаге со схожим водяным знаком (Lemeškin 2019: 131–132).

Вышеперечисленные обстоятельства важны при установлении места, которое предопределило появление списка, однако не менее весомым нам представляется и иной аспект. *Liber decanorum Facultatis Philosophicae Universitatis Pragensis* свидетельствует о невиданном приросте прусских студентов начиная с 1371 г.: *Nicolaus de Hollant Prutenus* (1371), *Nicolaus de Pruscia* (1373), *Nicolaus Prutenus* (1374), *Stephanus de Pruscia* (1373), *Andreas de Pruscia* (1375), *Henricus de Pruscia* (1376), *Paulus de Pruscia* (1377), *Paulus Prutenus de Vischusen* (1380), *Bartholomaeus de Pruscia* (1381)... К той же самой неожиданной волне студентов-балтов принадлежит выше упомянутый Ян из Квидзына, который свое обучение в Праге должен был начать в 1365 г. В начале восьмого десятилетия мы сталкиваемся и с другим феноменом – права мещан в Старом городе Пражском вдруг получают сразу три пруса: *Petrus prutenus de noua ciuitate*; *magister Johannes medicus de prussia*; *Nicolaus prutenus dictus leo de lubaw* (первого по очереди пруса возможно отождествлять с *presbyter nomine petrus dictus Pruss*, который связан с пражскими событиями 1390 г. – Lemeškin 2019: 135–136). Уместен вопрос, что привело прусских студентов в столь большом количестве в Прагу именно в 70–80 гг. XIV в. и откуда появилась не менее экзотическая группа пражских мещан прусов?

Приход в Прагу выходцев из балтийских земель должны были предопределить исторические события второй половины XIV в. После неудачной попытки захвата власти в 1365 г. из Литвы бежал Бутаутас, старший сын Кейстута. После крещения в Кенигсберге литовский великий князь / «король» Генрих (*kvnig von littouwe*; *Heinrich herzog von Litthauen*; *Lituanie dux*; *rex Lethu[w]orum*) появился при пражском дворе Карла IV, жена

которого, Елизавета Померанская, приходилась Бутаутасу-Генриху двоюродной племянницей. Король Чехии и император Священной Римской империи предоставил ему владения, соответствующие высокому титулу политэмигранта. Сам литовский князь, судя по сохранившимся документам, на долгие годы нашел прибежище при королевском дворе.

До официального принятия христианства в 1387 г. в Литве не было образованных людей, ориентирующихся в реалиях Западной Европы, поэтому возможно легко допустить, что ближайшее окружение князя Бутаутаса состояло из прусов. Будучи человеком весьма состоятельным (в списках свидетелей Бутаутас выступает, как правило, вторым по очереди «герцогом»), сын Кейстута должен был содержать соответствующий его положению двор и личную свиту, достаточно многочисленную для бытовых, увеселительных и репрезентативных целей. Люди, служившие литовскому князю, сопровождали его и в поездках. В связи с локализацией базельского колофона в пространстве и во времени есть смысл обратить внимание на места, которые посетил Бутаутас, а значит и люди из его окружения, в конце 1368 – начале 1369 г.

Документально известно, что князь Бутаутас сопровождал Карла IV и Елизавету Померанскую во время «второй поездки» в Рим (*Römerzug, Herrschereinzüge, Triumphzüge*; ср. чеш. *jízda*). Продолжительное итальянское турне началось в апреле 1368 и продлилось до сентября 1369 г. Литовский князь («герцог») упоминается в документах, завизированных в Модене (13.08.1368), Риме (04.11.1368) и Лукке (06.06.1368, 06.06.1368, 23.09.1368, 06.02.1369, 28.02.1369, 17.03.1369, 08.04.1369, 27.05.1369, 06.06.1369, 10.06.1369, 17.06.1369, 29.06.1369, 05.07.1369). С 23.12.1368 по 23.01.1369 королевский двор пребывал в Сиене.

Таким образом, пражский двор (1365–1380) князя Бутаутаса и триумфальное римское шествие 1368–1369 гг. позволяют объяснить мнимое противоречие между пражским происхождением списка Н. Орема и итальянскими антропонимами, присутствующими в колофоне Базельского кодекса. Оказавшись по воле судьбы (после 1365 г.) в Праге, литовский князь окружил себя образованными «соплеменниками», т. е. грамотными прусами (христианами), способными подобающим образом служить недавно крещенному неопиту в столице Чешского королевства и Священной Римской империи. Некоторые служилые люди имели академические интересы, как, например, Ян Квид-

зын. В 1368 г. один из них взялся за копирование в то время актуальных (особенно в Праге) университетских «Вопросов». Закончить свой труд он смог уже в Италии, в Сиене или в Лукке², где оказался по долгу службы, сопровождая герцога Бутаутаса-Генриха в составе многочисленной свиты³. Симптоматично, что после возвращения Бутаутаса в Прагу количество прусских школяров «неожиданно» и резко возрастает (до десяти и более человек); после смерти князя те же прусы, вынужденные заботиться о себе самостоятельно, перебираются из Малого в Старый город, где приобретают права мещанского состояния.

На южный ареал появления колофона рукописи указывают также его особые жанровые характеристики. В рукописях XIII–XIV вв. засвидетельствована особая разновидность колофона (книжного паратекста), который в своем составе содержит устойчивую *мотивирующую* формулировку – *Omnibus omnia non tua sompnia dicere possum*. Гекзаметр, «произнесенный» и понимаемый читателем дословно, мотивировал появление текстов на тайном, непонятном, неизвестном или даже вымышленном языке (подробнее: Lemeškin 2019: 155–162). Такой нечитабельный текст, адресованный «не всем», отражал *somnium* – некую сокровенную мечту, о которой понятным языком (латынью), пишущий высказаться не решался. В роли непонятной для образованной читательской аудитории «абракадабры» в колофоне использованы немецкий и прусский языки. Иначе говоря, базельский колофон не мог появиться ни на немецкой территории, ни в области, населенной балтами, так как тогда в качестве тайнописи использовались бы совсем иные языки. Закончив в Тоскане свой труд, писавший завершает рукопись игривым колофоном (*Explicit expliceat, Ludere scriptor eat*), который использует набор непонятных для романоязычного региона языковых средств.

---

² Город Лукка, в то время находившийся во владении Люксембургов, стал опорным пунктом римского турне. Королевский двор здесь пребывал: 05.09.1368–15.09. 1368, 22.09.1368–02.10.1368, 02.02.1369–12.07.1369. Часть сопровождающего персонала могла здесь находиться и в то время, когда королевская пара вместе со своими приближенными пребывали в Сиене.

³ По меркам того времени (*Philippe de Mézières*) совсем «бедный рыцарь» должен был располагать 5 конями и 4 слугами. Литовского князя, вероятно, сопровождал двор, состоящий из нескольких десятков, а возможно и сотен слуг и компаньонов.

Миниатюра, немецкий возглас *ihs ich leid* и прусская колядка отражают мысли писца об обрядовых играх. Настроившись на традиционное колядование (у себя дома и в Праге), юный прус в Италии оказался лишен и обрядовых песен, и источника многочисленных «даров». Колофон изысканным образом отражает «сон» пишущего, который оказался в неблагоприятной среде для осуществления (ежегодного) своей «мечты». Таким образом прус в канун праздника Трех королей сообщает (узкому кругу образованных соплеменников): вот чем мне бы очень хотелось, но не суждено завтра заняться / вот так бы я завтра при нормальных обстоятельствах обратился к (щедрому) Антонию.

Литература

- Ardoino Diego 2012a: On the current location of the Old Prussian Trace of Basel. *Baltistica* 47(2), 349–358.
- Ardoino Diego 2012b: La Traccia di Basilea nel suo contesto tedesco-latino: aspetti codicologico, paleografico e filologico. *Индоевропейское языкознание и классическая филология-XVI*, 19–33.
- Ardoino Diego 2013: Per una datazione della Traccia di Basilea in prussiano antico. *Res Balticae* 12, 5–24.
- Ardoino Diego 2016: Interpreting and translating Old Prussian micro-texts: the Trace of Basel. *Vertimo Studijos* 9, 7–20.
- Ardoino Diego 2018: Bazelio pėdsakas tarpdisciplininių tyrimų fone: rašysenos ekspertizė. *Baltistica* 53(2), 245–261.
- Bammesberger Alfred 1998: Anmerkungen zum Baseler Epigramm. *Baltistik: Aufgaben und Methoden*. Heidelberg: C. Winter, 121–126.
- Dini Pietro Umberto 2000: Sul ‘Frammento di Basilea’ e altri inediti nel carteggio fra Chr. Stang e W. R. Schmalstieg. *Res Balticae* 6, 195–209.
- Dini Pietro Umberto 2004: Nota terminologica: come chiamare la scritta in prussiano antico di Basilea? *Res Balticae* 10, 243–246.
- Dini Pietro Umberto 2014: *Foundations of Baltic Languages*. Vilnius: Eugrimas.
- Endzelīns Jānis 1982: *Darbu izlase* 4. Rīga: Zinātne.
- Kortlandt Frederik 1998a: Paragoric -e in Old Prussian Epigram. *Baltistica* 33(1), 39–40.
- Kortlandt Frederik 1998b: Two Old Prussian Fragments. *Baltistik: Aufgaben und Methoden*. Heidelberg: C. Winter, 115–119.
- Kortlandt Frederik 1998c: Who is who in the Old Prussian Epigram. *Baltistik: Aufgaben und Methoden*. Heidelberg: C. Winter, 127–128.
- Kortlandt Frederik 2018: A note on Old Prussian epigram. *Baltistica* 53(2), 327–329.
- Larson Pär 1988: Italiano <ch>, <gh>: lingua germana in aure romana? – *Studi linguistici italiani*, 38–49.

- Lemeškin Ilja 2013: Bazelio ketureilis / dveilis – dovanų prašymo pavyzdys. *Acta Linguistica Lithuanica* 69, 11–29.
- Lemeškin Ilja 2017: Bazelio kolofonas: tarp Prahos ir Sienos? – *Incontri baltistici in Pisa. Studi e saggi (Studia baltica pisana 2)*. Novi Ligure: Joker Edizioni, 95–110.
- Lemeškin Ilja 2019: *Lithuanica aliter*. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas.
- McCluskey Stephen C. 1974: *Nicole Oresme on light, color, and the rainbow*. Madison: University of Wisconsin.
- McCluskey Stephen C., Schmalstieg William R., Zeps Valdis J. 1975: The Basel epigram: A new minor text in Old Prussian. *General Linguistics* 15, 159–165.
- PEŽ I–IV: Mažiulis V. *Prūsų kalbos etimologijos žodynas* 1–4. Vilnius: Mokslas, 1988–1997.
- Purkart Josef 1983: The Old Prussian Basel epigram: an interpretation. *General Linguistics* 23, 29–36.
- Schaeken J. 2006: Observations on the Old Prussian Basel Epigram. *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. 44–45, 331–342.
- Schmalstieg William R. 1976: *Studies in Old Prussian: A Critical Review of the relevant Literature in the Field since 1945?* University Park and London: The Pennsylvania State University Press.
- Schmid W. P. 1982: Jesus, ich leid, *Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft*, Sonderheft 50, 205–208.
- Šmahel František 2016: *Alma mater Pragensis. Studie k počátkům Univerzity Karlovy*. Univerzita Karlova v Praze: Nakladatelství Karolinum.

А. В. Андреев

(Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург)

СИСТЕМА КЛИТИК В ТЕКСТАХ М. ДАУКШИ¹

В статье рассматриваются различные виды клитик и клиτικο-подобных морфов, встречающихся в текстах М. Даукши. Предпринимается попытка построения грамматической модели, которая с одной стороны описывала бы порядок клитик в рамках (в первую очередь глагольной) словоформы, а с другой стороны объясняла бы функциональное использование клитик в рамках синтаксиса текста в целом.

Ключевые слова: литовский язык, балто-славянское языковое взаимодействие, клитики, грамматика порядков, актуальное членение предложения,

A. V. Andreev

(Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg)

The system of clitics in M. Daukša's texts

In the article, the usage patterns of various clitics in Old Lithuanian texts by M. Daukša are analyzed. A model is being developed that would, on the one hand, predict the correct ordering of these clitics regarding their base word form, and on the other hand, would explain the usage of clitics with respect to the sentence information structure and the macrosyntax of the whole text.

Keywords: Lithuanian language, Balto-Slavic linguistic interaction, clitics, ordering grammar, informational structure.

В последнее время появилось значительное число работ, посвященных историческому синтаксису клитик в различных индоевропейских языках (Kisilier 2011; Sideltsev 2017: 199 и далее). В монографии В. Амбразаса (Ambrazas 2009: 76 и далее) произведен подробный анализ употребления собственно клитик в ранних памятниках литовского языка, однако недавние исследования П. Аркадиева на материале современного литовского языка (Arkadiev 2013a, b) показывают, что собственно клитики образуют единую систему с формантами, традиционно рассматриваемыми как внутрисловные морфы (в первую очередь, с глагольными префиксами). В статье (Andreev 2019) мы выска-

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 17-18-01624.

зали предположение, что в текстах М. Даукши и показатели «определенности» могут функционировать в роли, подобной роли клитик (несмотря на то, что процесс сращения их с базовой словоформой к этому моменту уже вполне завершился)². Таким образом, представляется интересным рассмотреть функционирование в текстах М. Даукши всех формантов, которые могут трактоваться как клитики, включая и те, которые в синхронном отношении представляют собой внутрисловные морфы.

В данной работе мы рассмотрим употребление клитик и клитикоподобных морфем в текстах Катехизиса и Постиллы М. Даукши. Материалом для исследования послужил разрабатываемый нами корпус с морфологической разметкой (Andreev 2018) на основе неаннотированных корпусов, подготовленных в Институте литовского языка (DK 2006; DP 2006) и оцифрованного нами издания «Катехизиса» Даукши под ред. Й. Палёниса (DK 1995) и его польского источника (LK 1995).

Рассматриваемые нами форманты могут быть разбиты на следующие категории:

1. «Ваккернагелевские» клитики (хотя в данном случае о выполнении закона Ваккернагеля можно говорить только с некоторыми оговорками).
2. Модальные клитики: постпозитивные (*gi* ‘же’, *gu* ‘ли’) и препозитивные (в первую очередь, отрицание *ne* ‘не’).
3. Местоименные клитики и показатели рефлексивности и «версии» (*si*, *mi*, *ti*) (Jablonskis 1922).
4. Аспектуальные глагольные префиксы.
5. Показатели «определенности» прилагательных.
6. Безударная форма глагола-связи *e^ast*.

К ваккернагелевскому типу слов относятся, прежде всего, *tiektai* ‘только’, *vel* ‘ведь’, *jau* ‘уже’, *vos* ‘едва’. В рассматриваемых текстах такие наречия могут занимать одну из двух позиций: после первой составляющей клаузы (в соответствии с законом Ваккернагеля) или в абсолютном начале клаузы: *Tiktai muitenikas pareia namie apteisintas, wel ieme ii welinas qnt katno vs. žmogus tiktai noru sawu prdest darboþ, daug wel žmonių randasi*.

---

² Автор выражает благодарность С. Г. Болотову за идею этой статьи, родившуюся в ходе обсуждения на конференции памяти И. М. Тронского в 2019 г.

Ваккернакелевская позиция является в рассматриваемых текстах преобладающей, но нам не удалось определить факторы, которые бы вызывали перемещение этих клитик в первую позицию. Следует иметь в виду, что под второй позицией может пониматься как позиция после первой составляющей, так и после первого фонетического слова, ср.: {*Messioschus užkampeis*} **tiktai** *slapes*.vs {*Wiena tiektai žmonių gimine*} *sawo skire*.

Отметим еще некоторые особенности употребления данных клитик:

- в редких случаях *tiektai* может занимать первую позицию не в клаузе, а в обособленном обороте, что подчеркивается и пунктуацией оригинала: *Ir newiens nepažist sunaus / tiektai Tewas*;
- в клаузах, вводимых относительным местоимением *kas* и наречиями *kur*, *kiek* и т. д. *tiektai* и *wel* всегда стоят в ваккернагелевской позиции, причем употребление одной из этих частиц (или частицы *gi*, см. ниже) является практически обязательным;
- *wel* может иногда употребляться не в первой, и не во второй позиции, а после сказуемого, дистрибутивно сближаясь, таким образом, с модальными частицами: *Tada išeia wel Pilotas laukan*;
- *jau* стоит всегда во второй позиции клаузы: *Padare jau sudu priedų swietų*;
- распределение позиций *wos* в наибольшей степени отклоняется от закона Ваккернагеля, однако в связи с тем что из рассматриваемых частиц она самая редкая, сделать какие-то определенные выводы о правилах ее распределения пока не представляется возможным: *Teip nuklausytoiai išg tolo wos klausos tiesos*; *Je^aigu teisnėkas wos bus išganitas*. Можно предположить, что поскольку эта частица является в то время наиболее семантически нагруженной, то ее распределение связано с употреблением соотв. форм польского оригинала, ср. *Jesliż spráwiedliwy ledwo zbáwion będzie*.

Частица *gi* употребляется в подавляющем большинстве случаев как энклитика, причем положение базовой формы в клаузе/предложении не является существенным. Орфографически в текстах М. Даукши *-gi* / *-g* всегда пишется слитно с предшествующим словом. Однако можно увидеть и некоторые следы более ранней системы, в которой *gi*, очевидно, обладала теми же позиционными характеристиками, что и показатель

рефлексива, т. е. могла помещаться между приставкой и корнем: *atgimink tada pranaþas þaukia*. В постпозитивном употреблении частица *gi* не учитывается при определении позиции вакернагелевских клитик: *czyagi wel iis ir artima*

Примерно такими же правилами регулируется и употребление модальной частицы *-gu* ‘ли’ со следующими добавлениями. Частица *gu* употребляется практически только после сказуемого (но см. ниже), в то время как *gi* может присоединяться к любому слову, включая другие частицы. С другой стороны, присоединение частицы *-gu* блокирует сокращение финального слога по закону Лескина, аналогично тому, как это происходит в случае суффикса рефлексива: *Bát noriegu máni mieta pásniką padarīt*. Определенное свидетельство того, что в более ранний период частица *-gu* была вакернагелевой можно видеть в достаточно регулярном ее присоединении к частицы *ar* ‘ли’, занимающей первую позицию в клаузе: *Argu ne ižg gráþio suderéiei sumánimi?* Есть и примеры на употребление *gu* между основой глагола и аспектуальным префиксом: *Begugatêio būt kas gédigēsni*

Отрицательная частица *ne* и показатель оптатива *te* занимают либо первое место в клаузе, либо находятся непосредственно перед глаголом. Между этими частицами и основой глагола могут вставляться аспектуальные префиксы, местоименные клитики и показатель рефлексива, а также частицы *gi* и *gu*. В том случае, когда *ne* занимает дистантную позицию в начале клаузы, указанные частицы все равно могут образовывать с ней комплекс: *Ne pamidūk mukosna; Notmimink [=neatmimink] ant piktybes; Negi gieiski ártima táwq namų*. В тех случаях, когда при глаголе употребляется и показатель оптатива, и отрицание, *te* занимает первое место, а *ne* — второе; частица *gi* в таких случаях оказывается в середине: *Tegi ne užtīli tassái*.

Общая структура приглагольных клитик таким образом оказывается следующей: *te < ne < ASP < PRON*, а частицы *gi/gu* занимают второе место после любой другой клитики.

Литература

- Ambrazas, V. 2006: *Lietuvių kalbos istorinė sintaksė*. Vilnius: Lietuvių kalbos in-tas.
 Andreev, A. V. 2018: [A method of syntactically-constrained morphological annotation (as applied to «Katechismas» of 1595 by M. Daukša)]. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya*

- [*Indo-European linguistics and classical philology*]. 22, 38–49.
 Андреев А. В. 2018: Синтаксически управляемая разметка нестандартных текстов (на материале “Катехизиса” 1595 г. М. Даукши). *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 22, 38–49.
- Andreev, A. V. 2019: [On the use of pronominal adjectives in M. Daukša's texts]. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European linguistics and classical philology*]. 23, 17–31.
- Андреев А. В. 2019: Употребление местоименных прилагательных в текстах М. Даукши. *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 23, 17–32.
- Arkadiev, P. M. 2013a: [Arkadiev P. M. Particle combinatorics and Lithuanian external prefixes], 2013.
- Аркадьев, П. М. Комбинаторика «партикул» и литовские «внешние» префиксы, 2013 (<https://old.inslav.ru/tnikolaeva/statji/Arkadiev-Nikolaeva-fest-2013.pdf>).
- Arkadiev, P. M. 2013b: [Arkadiev P. M. Typological peculiarity of the Lithuanian verb]. In: *Researches in Slavic, Baltic and Balkan languages*, SPb, 2013.
- Аркадьев, П. М. 2013: О типологическом своеобразии литовской глагольной системы. В сб.: *Исследования по типологии славянских, балтийских и балканских языков*. СПб: Алетейя, 320–361.
- DK 1995: *Mikalojaus Daukšos 1595 katekizmas*. Red. J. Palionis. Vilnius: Moklso ir enciklopedijų leidykla, 1995
- DK 2006: *Mikalojus Daukša. Katekizmas, 1595*. Prepared by M. Šinkūnas, sponsored by Lithuanian State Science and Studies Foundation, 2006. (<http://seniejirastai.lki.lt/db.php?source=1>).
- DLKG 1997: *Dabartinės lietuvių kalbos gramatika*. Red. V. Ambrazas. Vilnius : Mokslas ir enciklopedijų leidybos in-tas.
- DP 2006: *Mikalojus Daukša. Postilė, 1599*. Prepared by V. Adamonytė, M. Lučinskienė, J. Pajėdienė, M. Šinkūnas, E. Žilinskaitė, O. Aleknavičienė, sponsored by Lithuanian State Science and Studies Foundation, 2006. (<http://seniejirastai.lki.lt/db.php?source=2>).
- Holvoet, A., Spraunienė, B. 2012: Towards a semantic map for definite adjectives in Baltic. In: *Baltic Linguistics*. 3, 65–99.
- Holvoet, A., Tamulionienė, A. 2006: Apibrėztumo kategorija. In: *Daiktavardinio junginio tyrimai*. Red. A. Holvoet, R. Mikulskas. Vilnius, 11–32.
- Jablonskis, J. 1922: *Lietuvių kalbos gramatika*. Kaunas : Švyturys.
- Kisilier, M. L. 2011: *Pronominal clitics in Johann Mosch's «Spiritual Meadow»*, SPb, 2011
- Кисилиер, М. Л. Местоименные клитики в «Луге Духовном» Иоанна Мосха. СПб: Нестор-История.
- Koch, Ch. 1992: Zur Vorgeschichte des relativen Attributivkonnexes im Baltischen und Slavischen. In: *Indogermanisch Slawisch und Baltisch*. Ed. by Bernd Barschel Maria Kozianka and Karin Weber. Otto Sagner, 45–88.
- Lebedys, J. 1963: *Mikalojus Daukša: Monografija*. Vilnius, 1963.
- LK 1995: *Der transliterierte Text des polnischen Katechismus von J. Ledesma* In: *Mikalojaus Daukšos 1595 katekizmas*. Red. J. Palionis. Vilnius: Moklso ir enciklopedijų leidykla, 458–604.

Sideltsev, A. V. 2017: *Simple sentence syntax in Hittite*, Moscow.

Сидельцев, А. В. 2017: *Синтаксис простого предложения в хеттском языке*. М.: ЯСК.

Sommer, F. 2018: The historical morphology of definiteness in Baltic. *Indo-European Linguistics*. 6/1, 152–200. [<https://brill.com/view/journals/ieul/6/1/article-p152-5.xml#d1987960e8130>].

А. Н. Соболев
(Институт лингвистических исследований РАН)

ДИАЛЕКТНАЯ КОГЕРЕНТНОСТЬ РЕЧИ НА СЕРБСКОМ ТИМОКСКОМ ГОВОРЕ (на материале идиома села Петруша, община Княжевац)¹

В статье анализируется текст на восточносербском тимокском говоре, отражающий устную речь информантки 1908 г. р. из с. Петруша. Цель исследования — установление степени диалектной когерентности этой речи с учетом параметров ее микровариативности. Признаки «базового» тимокского говора рассмотрены на всех уровнях языковой структуры на фоне инодиалектных, в т. ч. стандартноязыковых членов диалектных различий, а также нейтральных черт. Распределение признаков по уровням структуры языка неравномерно: ударение — 194/72, фонетика и фонология — 177/52, морфология, морфонология и морфосинтаксис — 194/20, синтаксис — 61/0, лексика — 104/21. В тексте в 2294 словоформы выявлено 728 реализаций тимокских и 164 инодиалектных признаков, условно имеющих равный «вес». Вероятность встретить один «тимокский» признак приходится на 3,15 словоформы, тогда как на одной словоформе реализуется 0,32 признака. Отношение количества реализованных диалектных признаков к общему количеству словоформ текста на «базовом» тимокском говоре отражает диалектную когерентность текста. Признаки говора реализуются системно, достаточно полно, последовательно и пропорционально на всех языковых уровнях. В статье вырабатывается представление о критериях и параметрах эталонности диалектных текстов, выстраивается фундамент для сравнения образцов речи на иных формах бытования сербского языка в регионе на шкале диалектной когерентности, в т. ч. в будущем — с применением автоматических методов исследования. Прилагаются образцы текста в транскрипции МФА.

Ключевые слова: диалектный текст, диалектная когерентность речи, количественные методы в диалектологии, сербская диалектология, тимокский говор, идиом села

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ 18-512-76002 ЭРА а «Изучение дивергенции и конвергенции традиций Центральных Балкан: реализация и перцепция». Автор признателен Д. В. Конёру и анонимным рецензентам за ценные замечания, способствовавшие улучшению первоначального варианта статьи.

A. N. Sobolev
(Institute for Linguistic Studies, RAS)

**Dialect coherence of the speech production in Timok patoi of Serbian
(on the data from the Petruša idiom in Knjaževac municipality)**

The paper deals with a text in Timok patoi from Eastern Serbia, presenting oral speech production of a female informant born in 1908 in the village of Petruša. The research question is as follows: what is the degree of the dialect coherence of the text, taking into account the parameters of its microvariation. The features of the “base” Timok patoi (in German — Grundmundart) were analyzed at all levels of the language structure and contrasted to the non-Timok features of other dialects of Serbian, including the Standard Serbian. Some neutral features, which don’t build any dialectal opposition, were also taken into account. The quantitative distribution of the Timok features versus non-Timok ones along the levels of the language structure is as follows: accent — 194/72 (ex., momk’a ~ m’omka ‘a guy’), phonetics and phonology — 177/52 (ex., v’lna ~ v’una ‘wool’), morphology, morphonology and morphosyntax — 194/20 (ex. ogledž’ane ‘matchmaker’ ~ svir’atji ‘musicians’; p’ostar ‘older’ ~ ran’ije ‘earlier’), syntax — 61/0, lexicon — 104/20 (grsnit’ijfje ~ konopl’ijte ‘hemp field’). Among 2294 tokens of the text, 728 bear a Timok feature and 164 — a non-Timok one; the convention is, that the features have the same “weight”. The probability to encounter a Timok feature in the text makes up every 3,15 tokens; one token has henceforth 0,32 of a Timok feature. The ratio of the dialect features, which are actualized in the informant’s speech production, to the whole amount of the tokens in the text, embodies the dialect coherence of the latter. The “base” dialect characteristics appear systematically, full enough, consequently and proportionally distributed over all levels of language structure. The paper works on criteria and parameters for the measurement standards, or etalons for texts in a dialect, creating a base for future comparison of doculects (texts reflecting speech production) in all existing forms of the Serbian language in the region. Advancement to machine analysis is possible in future. Text samples, transcribed in IPA, are attached.

Keywords: text in a dialect, dialect coherence of speech, quantitative methods in dialectology, dialects of Serbian, Timok idiom, idiom of a village.

Введение

Из перспективы языковой ситуации сегодняшнего дня (Ćirković 2018) не будет большим преувеличением утверждать, что в начале 1990-х гг. была задокументирована речь последних носителей восточносербского тимокского говора, владевших им в качестве L1 и полноценно им пользовавшихся как основным средством общения. За четверть века этот традиционный, «базовый» говор (ср. нем. Grundmundart) был вытеснен литературным сербским языком, а также совершенно еще не изученным региолектom Восточной Сербии, который в сербской лингвис-

тике иногда нетерминологически называют полудиалектом. Транскрибированные тексты на тимокском говоре, изданные в 1998 г., были источником материала для «Диалектологического атласа Восточной Сербии и Западной Болгарии» (ДАВСЗБ) (Sobolev 1998), но исчерпывающе не анализировались на предмет внутренней диалектной когерентности и всех деталей вариативности речи их авторов. Так же и другие опубликованные образцы традиционной речи Тимокского края и Восточной Сербии никогда не исследовались с этой точки зрения как самостоятельный объект, а оставались скорее иллюстрацией к наблюдениям диалектологов.

Таким образом, нам неизвестно, насколько полно и последовательно реализуются различительные признаки традиционного, «базового» говора в устной речи информантов, остенсивно определяемой специалистами в качестве диалектной. Решение этой проблемы для «базового» говора позволит получить представление о критериях и параметрах эталонности диалектных текстов и обрести фундамент для сравнения образцов речи на иных формах бытования сербского языка в регионе.

Цель статьи — установление степени диалектной когерентности речи на «базовом» восточносербском тимокском говоре с учетом параметров его микровариативности.

В теоретическом плане в статье предлагается отказаться от социолингвистического *подхода* к определению диалектной речи, свойственного диалектографии начального периода «первых открытий», как речи пожилых уроженков данной местности, в течение жизни не покидавших обследуемый населенный пункт и занимающихся традиционными для населенного пункта видами деятельности (ср.: Sobolev 2014). Этот подход заменен здесь собственно лингвистическим, при котором диалектной признается речь, в необходимой и достаточной степени обладающая хорошо известными и детально описанными в науке различительными признаками (см. о тимокском говоре: Belić 1905; Stanojević 1911; Dinić 2008). Носителем говора в нашем понимании является тот, кто системно, в необходимой и достаточной степени, реализует в своей спонтанной речи характеристики говора. При таком подходе можно избежать девальвации *понятия* «диалект» в ситуации перехода местных уроженцев женского пола на иные формы речи, отличные от традиционного, «базового» говора; точно так же можно избежать девальвации любого лингвонима в случае смены языка говорящими при сохранении неразрывно связанной с пред-

шествующим языком этнической идентичности. Абсурдно применение атрибута «диалектный» к спонтанной устной речи *de facto* на стандартной форме языка, как это практикуется в ряде работ по английской корпусной диалектологии (см.: Szmrecsanyi, Anderwald 2018)².

В практическом плане у нас появятся основания для сравнения не абстрактных лингвистических единиц, таких как говор, группа говоров, диалект, диалектная группа, наречие и диалектный язык, представляемых в виде списков различительных диалектных признаков, а конкретных материальных речевых объектов — диалектных, региолектных и стандартноязыковых текстов (ср. англ. *doculect*), статус которых можно будет определить, располагая их на шкале диалектной когерентности. Предлагаемый подход, в частности, позволит «измерить» импрессионистические оценки «хороший носитель диалекта» и «хороший диалектный текст». В дополнение к недавней работе (Konior, Makarova, Sobolev 2019), где был предложен метод лингвистического профилирования информанта, в настоящей статье будет установлено отношение количества реализованных диалектных признаков к общему количеству словоформ текста на «базовом» тимокском говоре. При этом будут приняты во внимание те обстоятельства, что на одной словоформе может реализовываться от 0 до нескольких диалектных признаков, а сами признаки могут реализовываться как на каждой словоформе, так и ни на одной из словоформ текста. Такие итоговые показатели, по нашему мнению, прямо отразят диалектную когерентность текста. При этом возможны показатели в диапазоне от 0 до N (количества всех словоформ текста, умноженного на количество всех рассматриваемых признаков в той невероятной ситуации, в которой на каждой словоформе одновременно реализовывались бы все такие диалектные признаки). В будущем возможно сопоставление с другими текстами из с. Петруша, из Тимокского региона, а также с целым рядом устных текстов на диалектах Восточной Сербии, накопленных к сегодняшнему дню в сербской диалектологии и оцифрованных. При этом желательно совершить переход к автоматическим методам исследования, практикуемым в агрегационной диалектологии. Разумеется, данный подход затруднительно реали-

---

² Инфляционное употребление терминов *диалект* и *диалектный* помимо корпусной диалектологии имеет место и в антропологической лингвистике (этнолингвистике).

зовать в тех лингвистических традициях, которые не накопили достаточного количества филологически выверенных аутентичных «базовых» диалектных текстов.

Определение признака, свойственного «базовому» сербскому тимокскому говору, производится остенсивно: им считается член диалектного различия (Avanesov, Orlova 1965), противопоставленный праюжнославянскому состоянию и состоянию в иных сербских говорах и диалектах, включая сюда и стандартный сербский язык³.

В статье анализируется речь крестьянки Зорки Радованович, 1908 г. р., среди наших информантов самой пожилой уроженки и жительницы села Петруша (серб. диал. petr'ufa)⁴. В отличие от издания 1998 г., в котором использовалась дополненная транскрипция «Общеславянского лингвистического атласа» и «Карпатского диалектологического атласа», для целей настоящей работы диалектный текст был представлен в международном фонетическом алфавите; соответственно, все примеры, как и показательные фрагменты текста в Приложении, приводятся в МФА. В квадратные скобки заключены неясные фрагменты текста. В круглых скобках указано количество извлеченных автором вручную словоформ, на которых реализуется тот или иной диалектный признак. Курсивом выделены словоформы и их фрагменты, иллюстрирующие нужное явление; при противопоставлении форм курсивом выделяется диалектный член оппозиции.

Отражающий устную речь нашей информантки текст (2294 словоформы) не является единым и цельным монологом, а состоит из фрагментов интервью на различные темы, связанные с традиционной жизнью села. Реплики интервьюера, как и в издании 1998 г., опущены. В тексте имеется фольклорное включение, а также пересказ интервью, некогда данного информанткой на рынке в г. Заечар; эти незначительные по объему фрагменты отдельно не анализируются. Рефлексия З. Радованович о своем языке содержит атрибуты «старинный» (*'iza smo zv'ali starinsk'i*) и «сельский, крестьянский» говор (*v'lna, v'lna od*

³ Инодиалектные и стандартные сербские формы в статье не приводятся. В соответствии с традицией русской славистики, примеры не переводятся.

⁴ Речь второй информантки экспедиции 1995 г., а также речь информантов проводившихся в конце 2010-х гг. экспедиций Института балканистики Сербской академии наук и искусств планируется рассмотреть в следующих публикациях.

ov^ftse. рə 'eto tək'oj sel'atʃi), противопоставленный стандартному сербскому языку и — «болгарскому», на котором говорят в одном из ближайших сел микрорегиона (i kor'ito, on'i m'alo b'ugarsk'i vr'eve, m'alo zam'etu).

Характеристики устной спонтанной речи

Не являются диалектными следующие характеристики славянской устной речи как таковой: апокопы, элизии и синкопы (ne m'og; d'ide u v'odu; dvaest'ina; b'ez'te, t'olko), некоторые ассимиляции, палатализации и депалатализации (otsef'emo, izat'f'emo; b'el'tse, ov'oltse^{kj}i, ts'rj'tse; k'on'tse), индивидуальные реализации безударных гласных (ʃik'er'ək, ср. ʃek'er, s'igene), «промежуточные реализации» звонких и глухих согласных (ov'ts'u, inter'esujeʃ), окказиональные межслоговые ассимиляции (slim'ili), свободная позиция атрибута ('imam dve 'ovtse nej'alove), бессоюзные глагольные построения (st'ara^{ts} mi 'uzne iset'f'e), паратаксис в целевых конструкциях (pa 'idem pa stip'em dev'ojke), а также именительный темы (j'a sramot'a me). Эти характеристики в дальнейшем не рассматриваются.

Диалектные признаки «базового» тимокского говора

Представляемые ниже языковые признаки получают одну из трех характеристик:

«базовый» тимокский член диалектного различия, или тимокский диалектный признак;

инодиалектный член различия, или признак иного говора и/или сербского стандартного языка;

нейтральная черта, не отражающая диалектного различия.

Ударение

В самом строгом смысле, все ортотонические словоформы текста маркированы как диалектные, поскольку на них реализуется динамическое экспираторное, а не тоническое ударение. В настоящей статье в качестве диалектного признака будет рассматриваться не качество и количество, а лишь доретракционное место ударения. Из акцентологических характеристик несомненно «базовой» тимокской диалектной чертой является прежде всего окситонеза, примеров которой 118:

ast'al (3), ad'et, baf't'a, baf't'u, boz'itʃ (3), də'r'ak, de't'e, drv'ts'e (2), dzvezd'a, jajts'e, kol'atʃ (2), mal'a, mlek'o (2), mom'a^{ak}, muza^vet (искаж. muhabet), nog'a (2), ov'ts'a, ov'tʃar (2), paskurn'ik,

post'av, rʒəʹn, siroʃ'e, sob'or, sol'əʹk, tel'e, tr'ak (3), ven'əʃs, ven'əʹʃs (2), ven'ʃiʃ, vist'an, vojn'ik; vrap'ʃi, deʃ'a; na vr'a, svjn'u (2);

on'u, on'i, ov'əʹj, on'oj (5), moj'e, tvoj'e, koj'a, koj'i, kəʹkv'o, kolk'a;

tsrn'a, tsrn'o, vodn'i, golem'e, pleten'i;

nes'am, nesm'o, zarad'im, dad'em, stip'em, namlz'ej, dad'e (3), jed'e, pojed'e, zov'e se (7), opet'e, iset'e, izved'e se, sed'i (2), dones'u, doved'u, jed'u, krut'u, smej'u se, zov'u se (3), set'u, lez'u, iʃ'al, pritjek'al, dov'el, bil'i, mogl'i, prestip'e, ub'i, zamut'i se, pokaz'i;

kud'e, ovd'e, ovd'ek, ot'ud, nat'am (2), nasr'ed, kad'a, starinsk'i.

Таков же перенос ударения на проклитику в случае *p'oplanin* (ср. нейтральные *n'a-ruʃe*, *n'e-znam*). Диалектным является смещение ударения на энклитику: *da l'i je istina*.

Акцентные колебания, в ряде случаев частотные, отмечены с соотношением (74 ~ 25) в лексемах *momk'a* (4) ~ *m'omka* (2), *grad'ina* ~ *gr'adinu*, *sel'o* ~ *s'elo*, *sramot'a* ~ *sram'ota* (2); *moj'a* ~ *m'oja*, *on'aj* ~ *'onaj* (5), *dobr'o* ~ *d'obro*, *kak'o* (6) ~ *k'ako* (4); *bil'o* (10) ~ *b'ilo* (3), *im'alo* (3) ~ *'imalo se*, *bol'i* (3) ~ *b'oli*, *uv'atimo* ~ *'uvati se*; *pod'i* ~ *p'odi*. Очень стабильно ударение в вариативных формах *tək'oj* (3) ~ *təʹk'oj* (10) ~ *tək'o* (1) ~ *təʹk'o* (24) ~ *tak'o* (2) при единичном *t'ako* в пересказе речи для радиопередачи.

В сфере акцента особенно ярким инодиалектным (стандартноязыковым) признаком является ретракция ударения, представленная в тексте целым рядом частотных словоформ (47): *g'odina* (4), *g'odinu* (3), *g'odine* (1), *r'utjak* (4); *j'edno* (3), *'edno* (2), *j'ednoga*; *iʃla* (5), *d'oʃəʹl*, *d'oʃli* (3); *m'ogəʹl*; *s'ama* (3), а также *n'arod*, *tr'oʃsa*, *ʃovek*, *ʃek'er*; *p'eʃfeno*; *m'oju*, *'ova*; *p'ituje*, *p'itaju*, *'uvati se*, *r'odi*; *k'oje*; *g'otovo*. Несвойственные говору акцентные черты встречаются и в пересказе чужой речи: *a k'azu da je b'ilo s'elo n'egde g'ore u pl'aninu*.

Тимокских членов акцентологических различий — 194, инодиалектных — 72.

Фонетика и фонология

В тимокской области лексикализовано произношение *sel'o*. В говоре лексикализован результат межслоговой ассимиляции в *fuʃila*, *oʃuʃimo*, *fuʃen'iʃse* при единичном *is'uʃimo*.

В говоре системна редукция безударных гласных *ə* и *a* (например *dəʹr'ujemo se*, *təʹvɲəʹn'ak*, *rʒəʹn*).

Диалектный признак — рефлекс прасл. *ъ, *ь и вторичных редуцированных под ударением b'ədɲak (2; при b'a'ɲak); d'an (2, напр. m'eʃk'in d'an); d'a'n (7); m'əne (при m'ani); m'anəʃko; m'anəʃsko; s'ək (4), s'a'ga (4; при s'ad / s'at); ov'a'j; də'n'a's, də'n'aska; nəʃ'aska; kup'a'ʃko, ʃik'er'ək, ven'aʃs, ven'a'ʃs; l'a'ze, r'z'a'j; mom'a'k, sol'a'k; nes'am (2), iʃ'al (2). В безударной позиции соответствующие рефлексы диалектны в j'ed'a'n (3), st'al'a'n, d'oʃ'al и d'oʃ'al, sv'ek'a'r, v'et'a'r, а также в лексикализованных формах sob'or, sob'aru (искаж. sob'eru), osomd'eset (2; ср. 'osam) где *ъ и вторичный редуцированный соответственно > o.

Не свойственны тимокскому говору рефлексы *ъ и *ь под ударением 'a (d'ana, m'ani, tə'vɲə'n'ak; s'ad / s'at) и 'a' (b'a'ɲak, d'a'n, d'a'na, op'a'nʃi, ven'a'ʃs, maz'a'k), а также b'a'ʃ. Из стандартного сербского языка в говор проникла форма r'uʃak.

Лексикализован особый диалектный рефлекс ятя в or'esi.

Для говора характерно отсутствие ограничений в дистрибуции слогообразующего ʃ в анлауте, ауслауте и в соседстве с гласным: r'z'a'j, v'r, na v'r'a, t'ru.

Ярким признаком «базового» говора является такая единица фонологического инвентаря, как слогообразующее l, которое реализуется после губных, зубных и заднеязычных согласных: m/z'emo, izm/z'emo, nam/z'eʃ; v'lna (2); st/ʃ'emo; k/ʃ'ina. При этом такое произношение характеризуется информанткой как «сельское, крестьянское» (v'lna, v'lna od 'ov'ʃe. pə 'eto tə'k'oj sel'aʃʃi). В позиции после губных, однако, гораздо частотнее u < *l: b'ugarsk'i, j'abuʃ'e, p'uno, v'unu, что, как и форма du'z'ina, можно признать импортом из стандартного языка. Диалектными являются формы, отражающие древние чередования *l ~ *l'a: izvl'aʃimo, vl'aʃe, vlaʃili; preml'azujemo.

Гласный o в позиции после палатального сонанта в od'avnaʃno — характеристика говора, но ср. n'aʃe.

Рефлекс прасл. *tj, *kti в большинстве своем диалектные: sv'eʃu, iʃ'erka, v'oʃ'k'e; ventʃiʃ, p'iliʃi; iʃu, iʃe (2), 'oʃemo se, 'oʃe (2), 'oʃeʃ, n'eʃemo, platʃali, pov'rʃu se; s'eʃamo (se); при этом лексикализованы формы говора baʃ'a, baʃ'u. Исключениями являются k'u'u (важно, что собственно диалектным обозначением дома является 'iza) и boz'iʃ.

Диалектный рефлекс прасл. *dj отмечен в ogleʃ'ane; ср. dʒ'urdʒovd'a'n.

«Базовому» говору свойственна группа -jd-, которая сохраняется во всех примерах без исключения: d'ojdem, d'ojdeŋ, d'ojdemo, d'ojdu, d'ojde (3), n'ajdem, p'ojdu (2).

Диалектным является сохранение группы губной + j: gr'obje, но ср. konopl'iste (при тимокском названии конопли gr'snitŋe, а конопляного поля gr'snitŋ'ijŋe).

Т. наз. новая йотация дентальных согласных реализована (tsv'eŋ^{kj}e; tr'eŋ^{kj}eg) и не представляет собой дифференциальной диалектной черты.

Палатализации k и g перед гласными переднего ряда не имеют исключений, групп *ki, *gi, *ge в речи нет: b'ugarsk'i, k'ip'elu, k'itk'e, m'eŋk'in, n'ek'i, ov'olŋ^{kj}i, sk'ine, sel'atŋi; v'otŋ^{kj}e, kr'uŋk'e, m'utŋe, ŋik'er'ak; b'eŋŋe, j'abuŋ^{kj}e, ts'rŋŋe, n'a-ruŋŋe, v'otŋŋe; dr'ug'i; после палатальных сонантов dev'ojŋutu (1; при dev'ojku (7)); koŋuŋŋe, meŋ'alŋa, ov'olŋ^{kj}i; sed'eŋŋe, sed'eŋŋ^{kj}a. В форме dev'ojke (4) и во фразеологизме b'ozja m'ajka из фольклорного текста палатализация, однако, отсутствует.

Говору свойственна аффриката dz: dzvezd'a.

В говоре полностью осуществлена утрата заднеязычного h (22): 'ajt, al'inu, 'iza, lada^ov'ina, l'eba^ots (2), 'odim, dood'ila, 'otŋe (2), 'otŋeŋ, oteŋ'al- (3), r'anenu (k'olemo svip'u r'anenu), ner'anena; mal'a; ub'i; местоимения j'i, i; в т. ч. его субституция (k'ujna, k'ujniŋa).

Достаточно последовательна субституция согласного f: k'ovu, s'ovte, vist'an; при инодиалектном kaf'ana, kaf'anu.

Для говора характерен ряд изменений (resp. отсутствие изменений) в группах согласных:

-zm- > -zn-: 'uzne, 'uzneŋ;

sl-: sl'ive;

-sl- > -s-: p'ose (1) vs. p'osle (12);

-mn- > -ml-: ml'ogo (2) vs. mn'ogo (1);

-st > -s: ŋes, petn'aes, ŋesn'aes;

-hv- > -v-: 'uvati se, navat'ila sam se, uv'atimo; v'ŋamo, v'ŋa;

-v- > -vr-: p'rvna ovts'a, ср. p'ŋvo (3).

Яркий тимокский признак в речи — сохранение финальнослового l, не имеющее исключений прежде всего в формах причастия м. р. ед. ч.: b'il, dov'el, d'ofel, im'al (2), iŋ'al (2), prifek'al; ср. также tsed'ilŋe.

Тимокских членов фонетических и фонологических различий — 177, инодиалектных — 52.

Морфология, морфонология и морфосинтаксис

Среди форм имен существительных следует признать диалектными б: мн. ч. м. р. *r'ozī*; мн. ч. м. р. *m'uzje*; мн. ч. м. р. *ogledž'ane*; мн. ч. м. р. *k'orene*; мн. ч. м. р. *p'utišta*; мн. ч. ср. р. *p'ilifī*. При отвлечении от характеристик ударения, инодиалектными являются формы мн. ч. существительных м. р. (8): *λ'udi*, *g'osti*; *d'arovi*, *v'etrovi*; *svir'aŋfi*; *jeks'eri*, *kol'aŋfi*, *pr'ozori*. Нейтральны формы, исходящие на -k и -s, например *op'a'nŋsi*, *sok'aŋsi*, *vrapŋs'i*; таковы же архаичные формы *m'ati*, *m'ater*. Признаком говора является ср. р. plural tantum *kl'ŋina*.

Возможно, окказионально согласование имени существительного *ŋfar'ape* в м.р.: *j'a dad'em nim ŋfar'ape*, *pleten'i ov'ako od v'unu*, *n'e kup'ə'ŋko*.

Важный системный признак говора — аналитизм именного словоизменения, очень последовательно реализованный в нашем тексте. Приведем все примеры аналитического выражения семантических ролей именами существительными (29):

семантическая роль «бенефициант», маркируемая в синтетических славянских языках дативом (1): *d'avamo 'edno dr'ugo na on'oga d'eŋka*;

семантическая роль «посессор», маркируемая в синтетических славянских языках дативом, а балканских языках — синкретической формой генитива-дativa (3): *baŋ'a na tomk'a*; *tə si r'uŋfu k'od na dev'ojku kod m'ater*; *t'i 'uzneŋ'ovŋse i m'oje i tv'oje i na on'og dr'ugog komŋiju, tr'eŋeg*;

семантические роли «источник, материал, часть и проч.», маркируемая генитивом (5): *mlek'o od 'ovŋse*; *pleten'i od v'unu*; *o d'rvo k'rs*; *ven'ə'ŋs o ŋsv'eŋe^{ki}*; *t'urimo od sl'amu pom'alko*;

семантическая роль «инструмент, средство, сопровождающий признак и проч.», маркируемая в синтетических славянских языках инструменталом (7): *səs jeks'eri ... sv'e to 'opnemo*; *m'eŋka səs r'ozī oguŋila d'uvar*; *s j'edno pr'ase i s 'ednu ovŋs'u*; *pop'arimo s k'ip'elu v'odu*; *də'r'ujemo se s d'arovi*; *pet 'ovŋse s ml'eko*;

периферийная семантическая роль «место, цель перемещения и под.», маркируемая генитивом, дативом, инструменталом и локативом (13): *do glav'iŋku*; *pr'eko r'eku*; *'okolo k'ozi*; *t'urimo kod 'ovŋse*, *t'urimo kot kr'ave*, *t'urimo kod sv'ipe*; *v'ŋla po 'onaj n'arod'*; *n'osimo po v'otŋe^{ki}*; *'ima k'rs pod v'enik*; *k'upe u duŋ'an*; *'ima u s'ito v'una*; *ov'ak u ŋaku*; *opeŋemo na r'z'ə'j*.

Несомненно диалектными являются такие члены различия, как петрифицированные падежные формы (5): *p'o-planin* (ген.), на *vr'a* (ген.?), *kn'otfi* (дат.), *j'utrom* (инстр.), *v'etferom* (инстр.). Напротив, в цитируемой информанткой в фольклорном тексте (*zamuŋ'i se b'ozja m'ajka od ign'eta do boz'itŋ^{kj}a*) и в цитате из официального кадастра (*osomd'eset 'ara*) представлены падежные формы, для тимокского говора нехарактерные.

Говору свойственны количественные конструкции аппозитивного типа (5): *pet 'ovtse s ml'eko*, *deset'ina br'avi 'ovtse*; *k'ovu s'irepe*; *fusen'itse m'eso*; *k'itk'e tsv'etŋ^{kj}e*; ср. *kolk'a ti je nog'a duz'ina*. Отмечен паукал *tri d'ə^ana*, *t'olko d'ana*, *pe-d'ana*.

Примеры аналитического выражения семантических ролей местоимениями (3):

«бенефициант»: *on'i na m'en k'upe*;

«инструмент и под.»: *kv'o su pra'ili n'e-znam s t'oj*; *p'a se p'rvo s j'i obl'azimo*.

Такой диалектный признак, как определенный артикль отмечен очень редко, лишь в 5 случаях при конкретных существительных всех трех родов в форме ед.ч. и только в t-форме: *ven'atsə^at*, *dev'ojtŋutu*, *r'ekutu*, *kotl'eto*, *jajtŋ'eto*. Все употребления артиклевых форм не дейктические, но сугубо референтные, это:

1) повторное упоминание референта в контексте

ven'atsə^at (i izv'ijemo *ven'ə^ats* i dones'emo k'utŋ^{kj}i i p'osle t'uj om'esimo l'eba^ats ov'oltŋ^{kj}i, p'a na sr'ed 'ima d'upka. i preml'azujemo 'ovtse t'uj na t'aj l'eba^ats. a *ven'atsə^at* t'urimo, koj'a se p'rvna ovts'a ojagn'ila, on'i, m'i t'urimo *ven'əts* na j'u);

dev'ojtŋutu (k'oj 'otŋe, 'on j'edə^an d'ən pr'ai ko *dev'ojku*, a dr'ug'i də^an kod m'omka. pa p'osle se pov'rŋfu ko *dev'ojtŋutu*, pə tri d'ə^ana sv'adba);

jajtŋ'eto (k'ao s'utra dŋ'urdŋovda^an, a s'at 'idemo u *ven'a^ats*. ...pones'emo *jajtŋ'e*, pones'emo sol'ə^ak... u *kotl'eto* mlz'emo 'ovtse... *jajtŋ'eto* t'urimo p'odi kotl'e i sol'ə^ak m'alko);

2) референция к объекту, восстанавливаемому из контекста *kotl'eto* (i preml'azujemo 'ovtse ... u *kotl'eto* mlz'emo 'ovtse);

3) референция к общеизвестному единичному объекту *r'ekutu* (d'ole 'imamo po *r'ekutu* j'ivu).

Артиклевая морфема отмечена при наречии места *kud'eto*. Ср. неясное употребление *gd'e vo 'ima sok'afsi*.

Диалектными являются вопросительные местоимения — одушевленное *k'uj* / *k'oj*, неодушевленное *kv'o* (2; на фоне *st'o*, встреченного в устойчивом выражении *st'o da n'e*, и отри-

цательного *n'ifta*) и *kə^akv'o* (в *kə^akv'o b'ilo* 'что бы то ни было'), качественное *tə^akv'oj*, количественное *ov'olŭč^{kj}i*.

«Базовый» говор отличают краткие формы личных местоимений

1 л. мн. ч., аккузатив *ni*: *tə^ak'o ni pros'ili*;

1 л. мн. ч., датив *ni* (3): *bil'o ni sramot'a*; *t'o ni s'elo takv'o bil'o*; *t'uj ov'am ni st'alo*; *t'amo ni su bil'e g'rsnitse*;

3 л. ед. ч. ж. р., аккузатив *ju* (4): *dov'el ju k'utci* (ср. *pə^a je izvl'atfimo*);

3 л. мн.ч., аккузатив: *m'i si i poras'emo* (диалектна и полная форма *j'i*).

Диалектной является дативная форма возвратного местоимения *si* (*i j'a t'uvam za m'en si s'irene, t'i t'uvaz za t'er s'irene*).

Таковы же формы указательных местоимений:

м. р. *ov'ə^aj komf'ija, ov'ija pr'ozori* (при *on'aj k'rs, 'onaj fik'er'ak, 'onaj z'avoj*);

ж. р. *ov'aj mal'a, ov'uj k'utcu; t'aj okol'ina; on'uj d'up'tfistu* (при *on'a met'al'tca, on'e fufen'itse*);

ср. р. *on'oj dz'ubre, on'oj drv'ts'e* (при *on'o s'eme, on'o sel'o*).

Говор характеризует притяжательное местоимение *j'ojni* (*nes'u ju j'ojni dav'ali*).

Диалектным является употребление краткой формы датива личных местоимений в притяжательной функции: *i k'ad se if'ufi, st'ara'ts mi 'uzne iset'fe...*

Удвоение объекта, выраженного личным местоимением, говору не свойственно: *j'ega ispr'ate; j'a dad'em jim t'far'ape*.

Для говора характерны аналитические формы компаратива имен прилагательных и наречий *p'ostar*, наречий *p'omalko, p'o nat'am* (2), в отличие от синтетической *ran'ije*.

Диалектными являются собирательные числительные для лиц мужского пола, из которых первое — приблизительное: *pe-fest'ina, deset'ina*.

Признак говора — формы презенса глагола 'быть' при отрицании: 1 л. ед. ч. *nes'am* (2), 3 л. ед. ч. *n'e / n'ee / n'eje*, 1 л. мн. ч. *nesm'o*, 3 л. мн. ч. *nes'u* (3), а также формы глагола 'хотеть; любить': 2 л. ед. ч. *'ot'fes*, 3 л. ед. ч. *'ot'fe* (*k'oj 'ot'fe, 'on...*), 1 л. мн. ч. *'ot'femo se*, 3 л. мн. ч. *'ot'fe* (*d'ojdu koj'i 'ot'fe*), 1 л. мн. ч. отриц. *n'et'femo*, перфект *otej'ala sam, otej'ala, otej'ali smo se*.

Морфонологические характеристики ряда глагольных форм — *dood'ila, zb'ira, zb'eremo* и *səb'eremo; p'utim; zn'aej* (2; при *zn'af* (5)); *nak'its'ofim se; p'ituje, premenuv'ala sa'm se, zbiruv'ali smo; set'fu, lez'u, opk'alu, uz'imu, zam'etu* — признак говора.

В сфере морфосинтаксиса глагола диалектными являются: возвратные формы реципрока (напр. *zov'emo se* 'приглашаем друг друга');

датель-возвратные формы глагола с частицей *si* (23): *s'æk si me bol'i*; *'ovtse tšuv'ali smo si*; *m'i smo si k'utč^{kj}i tšuv'ali*; *m'i si i popas'emo*; *otej'ali si*; *'ali si on'a otej'ala*, *nes'u ju vlatš'ili*; *ziv'ela sã^m si d'obro*; *da si k'upim vist'an*, *da si k'upim od'elo*; *p'ojdu si dev'ojka i m'omã^k i svek'ŕva*; *p'ã si 'idu t'am*, *tã si r'uŕfu k'od...*; *tŕlak si sed'i na j'edno m'esto*; *a k'uj si je st'alãⁿ ovŕŕar*; *m'i si zov'emo 'iza*; *i s'æk si t'uramo*; *i s'æk si n'osi vod'itsu*; в т. ч. с опущением бытийного глагола: *i j'utrom k'oren si t'uj*; *a s'amo si tã^koj muza^vet*; *ov'akvo si sel'o*;

формы футура 1 л. ед. ч. *tšu*: *gd'e tšu da n'ajdem*; 3 л. ед. ч. *m'eŕŕka tše nã^{tš}aska da d'ojde t'uj*; 1 л. мн. ч. *k'at tše da ga k'olemo*.

В отличие от других локальных идиомов тимокского говора, при вспомогательном глаголе (частице) футура и при модальных глаголах не зафиксировано опущения частицы конъюнктива (союза) *da*: *gd'e tšu da n'ajdem*; *ne m'og da te rast'eram da ti oⁿpr'itšam*; *ne m'ogu dã 'idem*; *da m'og da 'odim*; *m'oz da k'azef*; *ne m'oz da bor'avite*; *j'a v'olim da d'ojdef t'i na r'uŕŕak*.

Диалектным является предлог *p'odi ~ pod'i* (*jajŕŕeto t'urimo p'odi kotl'e*; *pod'i ast'al*); ср. с *pr'e n'ekⁱ d'ãⁿ*; *pr'e dŕ'urdŕovdãⁿ*.

Говор характеризует очень редкая указательная частица *et'e* (*pra'ili s'irene. et'e ka^ko smo prav'ili*) при гораздо более частотных нейтральных *'eto* (12) и *'evo* (4). Диалектными являются частицы *be* (1; при *br'e*) и *p'ã* (2; *p'a* (7)).

В области словообразования к списку диалектных членов различий следует отнести суффиксы имен существительных, в подавляющем большинстве случаев деминутивные:

- en-: *s'irene* 'сыр';
- ak / -æk: *tã^vŕnãⁿak*; *ŕikⁱer'ak*; *sol'ã^k*;
- e: *kotl'e*;
- entse: *det'entse*; *p'iletse*;
- its-: *ovŕŕitse*, *trav'itse*, *vod'itsu* (об освященной воде);
- itŕ: *ventŕitŕ*;
- itŕk-: *vod'itŕku*, *glav'itŕku*, *tšen'itŕku*;
- tŕe: *k'onŕe*;
- tŕentse: *tŕed'ilŕentse*,
- а также деминутивные суффиксы прилагательных
- itŕk-: *straŕn'itŕka kŕ'iga* (из фольклорного текста);
- ãtŕk- и -ãtsk-: *m'ãnãtŕko* и *m'ãnãtsko*.

Не имеют диалектного статуса суффикс имен существительных -a^{ts} (l'eba^{ts}), а также безударный -its- (d'up^{ts}i^{ts}u; k'ujni^{ts}a; kr'avi^{ts}a³) и нек. др.

Признак говора — форманты в наречиях m'alko, dr'uk^e, t^ak'oj (11) и t^ak'oj (3), kud'e, ovd'ek (2), ovd'eka, ovd'ekaj, j'oste.

Тимокских членов морфологических различий — 194, инодиалектных — 20.

Синтаксис

В говоре частотны диалектные бытийные предложения с опущением формы 3 л. ед. ч. глагола «быть» (19): j'a sramot'a me da st'anem uz momk'a; n'ego sram'ota me, sram'ota me; a et' rva b'a³ prist'adena. on'a iz ofl'ane, a m'oj d'ever od'ovde iz m'oju k'ut'u; p^a tri d'a^ana sv'adba; t'o zn'af k^ak'o?; 'i, t^ag'aj, 'ovaj, i s'irepe k'olko 'otf^e; p^a i ko ner'ajena...; j'utrom k'oren si t'uj; t'o n'ova g'odina; zn'af, k^ak'o t'oj na d^z'urd^zovd^an? k'ao s'utra d^z'urd^zovdaⁿ...; t'uj ov'am ni ft'alo; ov'akvo si sel'o; i on'o lub'ava; t'oj d'ole v'itkovat^s; p^a 'eto t^ak'oj sel'at^{ts}i. Ср. pa t'o je ov'ako; k'ad je met'al^{ts}a...; a k'uj si je st'al^an ov^{ts}ar...

Диалектными являются формы перфекта 3 л. без вспомогательного глагола:

ед. ч. (22) t^ak'o bil'o ran'ije; 'ali si on'a otej'ala; 'on pri^{ts}ek'al i dov'el ju k'ut^{ts}i; t^ak'o bil'o (5); t'oj t^ak'oj bil'o; t'uj t^ak'o b'ilo; kuj m'og^al; t'uj bil'a sed'ent^{ts}kja; i t'uj bil'o igr'anka, s'ine, pa m'ogo bil'o dobr'o; b'af m'oja m'ati popev'ala na boz'it^{ts} "kol'edo" (2); im'alo m'et^{ts}kjin d'aⁿ. i moj'a m'ati t'o j'oste rabot'ila; dood'ila m'et^{ts}ka s^as r'ozi ogul'ila d'uvar; t'o ni s'elo takv'o bil'o;

мн. ч. (11) ta pron'afli t'am; p^a isput^sale mi v'ene unutr'af^{ts}ne; i t^ak'o ni pros'ili; otej'ali si, t^ak'oj se dogovor'ili; bil'i p' rvo ogled^zane. svir'at^{ts}i d'ofli neg'ovi; don'eli p'et^{ts}feno pr'ase; 'ali pr'ozori bil'i sp'ola t'am; i d'ofli; i on'i sv'e t'oj slim'ili. Ср. t'amo ni su bil'e g'rsnit^{ts}e.

Субъектные бытийные предложения на основе глагола «иметь», в т. ч. возвратного: j'ok, n'eta m'et^{ts}ka; t'amo se 'imalo kaf'ana — характеристика говора. Таково же отсутствие согласования между субъектом и предикатом в ср. р.: lada^ov'ina t'uj t'ureno na on'aj k'rs ot k'amen; i t'uj bil'o igr'anka.

Нейтральны назывные предложения: sirot^{ts}e od 'osam g'odine; i r'ut^{ts}ak i igr'anka.

Диалектным является определительный союз ft'o (a t'rlit^{ts}a im'alo ft'o se t'ru g'rsnit^{ts}e) и причинный j'el (2; da ti o^upr'it^{ts}am, j'el

v'idim da se inter'esujež^f za od'avnaŋno; pə^a je izvl'atŋimo j'el n'a-rufce 'ima də^ar'ak).

Диалектны вопросительные конструкции с отрицанием (*n'e l t'olko?*) и с опущением вопросительной частицы (*'esi b'il u v'itkovatŋ?*).

Тимокских членов синтаксических различий — 61, инодиалектных — 0.

Лексика

Диалектными являются следующие лексемы, представленные в тексте в разных своих словоформах (всего 85):

ast'al, baŋt'u, biŋ'azi, də^ar'ak, d'upka 'дыра',⁵ d'ugar, grad'ina и gr'adinu, gr'sniŋse, gr'sniŋ'ijŋŋe, 'iza, jaiŋŋ'e, k'oren 'початок кукурузы', k'orene, k'rs 'отдельно стоящий крест как место совершения обрядов', maz'a³k, m'eŋŋka, m'eŋŋk'in d'ə^an, ml'adenevesta и ml'ada n'evesta, ogledŋ'ane, o'r'oŋsi, paskurn'ik, post'av, pov'ate, sob'or, sol'a³k, sram'ota, st'ara³ŋs 'муж', tr'epka, tr'ak, tr'liŋsa, ŋŋuta³ra, ŋcerem'ida, do v'adu do r'eku, val'avitŋsu, v'enik 'навес (с черепицей) над крестом k'rs', fuŋen'itŋe, zav'etina³;

golem'e, kip'elu v'odu, kup'a³ŋŋko, og'ulen, prist'adana;

b'aje, d'uma, d'umamo, p'ile da se izved'e, krut'u ga nag'ore, 'on met'e tr'ak 'перемещать', 'odim, 'opnemo, otej'ali smo se, popev'ala, preml'azuŋemo, sa^ab'eru se, tr'ak si sed'i na j'edno m'esto, sv'ari, ŋs'uka ga ml'ada n'evesta, j'a te ub'i 'утомить', ta³ se uv'ala, vlatŋ'ili 'украсть (о невесте)', vr'eve, zam'etu, zar'inemo;

d'om, ovd'eka и ovd'ek (ср. ovd'e), tud'eka и t'uj (ср. t'u), on'am, tam (ср. t'amo), ot'ud, od'avna и d'avna, j'utrom, də^an'aska, nə^aŋŋaska, təg'aj (2) и t'eg, s'aga (ср. вопросит. kad'a), dr'ukŋe, j'oŋte, m'alko.

Сюда же следует отнести также турцизмы (5): ad'et, duŋŋ'an, mal'a, muza³v'et (искаж. muhabet), j'ok; фразеологизмы b'eli sv'et 'все на свете' (zak'olu b'eli sv'et 'режут (на свадьбу) очень большое количество скота'), kv'o ŋŋu 'что поделаешь', 'edno dr'ugo 'то да се'; этикетное обращение к младшему собеседнику s'ine.

Признаками говора являются названия стран t'ursko, arna'utŋsko, микротопонимы lub'ava; govedar'itŋa, ŋl'aur,

⁵ В силу ограниченности объема настоящей публикации диалектные лексемы не снабжаются переводом или толкованием за исключением ряда семантических диалектизмов, имеющих омонимы в стандартном языке.

sm'iloviŕsa, включая сюда и названия махал, т. е. кварталов села ŕjumb'urŕsi; kŕ'utŕintŕi; kokoŕ'arŕsi; m'ala r'eka.

Инодиалектный, в т. ч. стандартный пласт представлен лексемами: ŕŕ'erka, ŕn'ajderka, konopŕ'iŕte, l'epa, v'eliku, v'ole, gov'orim, pr'iŕŕam, pr'iŕŕamo, n'apoŕe, k'ut'u, k'utŕi и k'utŕ^{kj}i (3; vs. d'om (2) (dones'emo d'om)), ka'o, s'ad (4) и s'ada (1); ср. (Dinić 2008).

Тимокских членов лексических различий — 104, инодиалектных — 21.

Показатель диалектной когерентности текста

В статье в экспериментальных целях намеренно игнорируется целый ряд значимых разграничений, из которых важнейшими являются противопоставление высокочастотных и низкочастотных форм, полнозначных и служебных слов, а также полностью разделяемое автором структуралистское представление о том, что наличие категории (и единиц категории) занимает более высокий ранг в иерархии различительных признаков, нежели различия в правилах дистрибуции и лексикализованные явления. Всего в тексте в 2294 словоформы выявлено 728 реализаций диалектных признаков, избранных для анализа в качестве свойственных «базовому» сербскому тимокскому говору и условно имеющих равный «вес»; тогда как избранных инодиалектных, в абсолютном большинстве стандартных — 164⁶. Вероятность встретить один «тимокский» признак приходится на 3,15 словоформы, тогда как на одной словоформе реализуется 0,32 признака⁷. Один инодиалектный признак приходится на 14 словоформ, на одну словоформу — 0,07 признака. Распределение признаков по уровням языковой структуры неравномерно: ударение — 194/72, фонетика и фонология — 177/52, морфология, морфонология и морфосинтаксис — 194/20, синтаксис — 61/0, лексика — 104/21. Эта неравномерность наиболее очевидна на синтаксическом уровне, исследованном в сербской диалектологии пока еще совершенно недостаточно. Но как бы то ни было, данное распределение указывает на то, что сербский

⁶ Итого релевантными для обобщения были признаны 892 дифференцирующих диалекты признака; с учетом нейтральных признаков общее число единиц анализа намного превышает одну тысячу.

⁷ Следует обратить внимание на словоформы, на которых реализуется максимальное количество диалектных признаков, например *ogledŕ'ape*, *da^an'aska*, *na^aŕ'aska*, *ven'atŕŕ^at*, *dev'ojŕŕutu*, *jajŕŕ'eto* и др.

стандартный язык сильно влияет на тимокский говор на супрасегментном и фонетическом уровне, средне — в лексике, слабо — в морфологии и не влияет вообще — в синтаксисе.

Заключение

Можно заключить, что признаки традиционного, «базового» тимокского говора в устной речи информантки реализуются системно, достаточно полно, последовательно и пропорционально на всех языковых уровнях, что было эксплицитно продемонстрировано в тексте статьи и получило свое количественное выражение. Для признания текста диалектным эти признаки представлены в необходимой и достаточной степени. Более того, вероятно, что полученные значения диалектной когерентности *близки к максимально возможным* для текста на «базовом» сербском тимокском говоре, записанном на исходе XX в. и в начале XXI в. Это предположение можно будет проверить путем сравнения достаточных по объему научных транскрипций речи на всех формах бытования сербского языка в регионе, расположив их на шкале диалектной когерентности и определив соответствующие «стандарты», или показатели эталонности.

Образец говора

ḏẓ'urdẓovdə^an

zn'aeɟ, kə^ak'o t'oj na ḏẓ'urdẓovdə^an? kad b'ude j'utrom, n'e baɟ na ḏẓ'urdẓovdə^an, 'ali k'ao s'utra ḏẓ'urdẓovdə^an, a s'at 'idemo u ven'a^əts. pr'aimo ven'a^əts o tsv'etɕ^{kj}e do r'eku. 'idemo i napr'aimo ventɕ'itɕ, pones'emo jajts'e, pones'emo sol'a^ak, pa t'urimo u j'edno tsed'ilɕjentse p'a do v'adu do r'eku. i izv'ijemo ven'a^əts i dones'emo k'ufɕ^{kj}i i p'osle t'uj om'esimo l'eba^əts ov'olɕ^{kj}i, p'a na sr'ed 'ima d'upka. i preml'azujemo 'ovtse t'uj na t'aj l'ebats. a ven'a^ətsə^at t'urimo, koj'a se p'rvna ovt's'a ojagn'ila, on'i, m'i t'urimo ven'a^əts na j'u. i tæg'aj... u kotl'eto mlz'emo 'ovtse, izmlz'emo 'ovtse sv'e. ...jajts'eto t'urimo p'odi kotl'e i sol'a^ak m'alko. i p'osle zar'inemo on'uj d'upɕitɕu i tə^ak'o. a t'o ml'eko 'uznemo i pots'irimo. i uv'atimo za ḏẓ'urdẓovdə^an, zak'olemo ml'ado j'agne i opetɕ'emo na r'z'a^an. 'idemo na gr'obje, pr'aimo r'ufɕak, 'imamo g'osti, d'ojdu koj'i 'otɕe, zov'emo se. j'a v'olim da d'ojdef t'i na r'ufɕak, 'eli j'a da d'ojdem ko t'ebe, tə^ak'o. p'op pa n'osi vod'itɕu pr'e nek'i d'a^an, dv'a tri d'a^an pr'e ḏẓ'urdẓovdə^an 'on n'osi v'odu. a i s'ak si n'osi vod'itɕu. ...k'at tɕe da ga k'olemo, m'i up'alimo sv'etɕu i podr'z'imo ov'ag do glav'itɕku i prek'adimo səs tə^avɕə^an'ak səs [...] i tæg'aj zak'olemo. 'eto.

m'etʃkʲin dʰaːn

m'etʃkʲin dʰaːn kad'a e. im'alo m'etʃkʲin dʰaːn. i moj'a m'ati t'o j'ofte rabot'ila. k'ao s'utra m'etʃkʲin dʰen. on'a dʰaːn'aska sv'ari k'oreje i v'otʃtʃe. pa kad b'ude kn'otʃi, on'a t'uri na pr'ozor k'oren. 'ali pr'ozori bil'i sp'ola t'am, n'e k'ao ov'ija, n'ego t'am sp'ola. 'a i on'a t'uri t'uj k'oren i d'uma: "m'etʃka tʃe nʰaːtʃ'aska da d'ojde t'uj da pojed'e k'oren". i j'utrom k'oren si t'uj, n'e ga m'etʃka odn'ela, 'ali l'azu d'efs'u. j'ok, n'ema m'etʃka, a s'amo si tʰaːk'oj muzaːv'et. "evo d'ubar sv'e og'ulen, dood'ila m'etʃka səs r'ozi ogul'ila d'ubar". a on'o, da l'i je 'istina, l'ʰaːze d'efs'u, zn'ajeʒ def's'a kʰaːk'o su.

Bibliography

- Avanesov, R. I. Orlova V. A. 1965: *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. 2 Ed. M.: Nauka.
- Belić, A. 1905: Dialekti Istočne i Južne Srbije [Dialects of Eastern and Southern Serbia]. In *Srpski dijalektološki zbornik*. I. Beograd: Srpska akademija nauka.
- Ćirković, S. (Ed.) 2018: *Timok. Folkloristička i lingvistička terenska istraživanja*. 2015–2017. [Timok area. Field Research in Folklore and Linguistics]. Knjaževac: Narodna biblioteka.
- Dinić, J. 2008: *Timočki dijalekatski rečnik* [Dictionary of the Timok dialect]. Beograd: Institut za srpski jezik SANU.
- Konior, D. V. Makarova A. L. Sobolev A. N. 2019: Statističeskii metod yazykovogo profilirovaniya nositelja dialekta (na materiale vostoč-noserbskogo idioma sela Berčinovac) [Linguistic/Dialectal Profiling of Dialect Speakers: The Method Presented on the Idiolect from Berčinovac, Eastern Serbia]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstven-nogo universiteta*. Filologiya. 58, 17–33.
- Sobolev 1998: Sobolev, Andrej N. *Sprachatlas Ostserbiens und Westbul-gariens*. Bd. I. Problemstellung, Materialien und Kommentare, Kartenanalyse. Bd. II. Karten. Bd. III. Texte. Marburg: Biblion Verlag.
- Sobolev 2014: Sobolev, Andrej N. Theoriebildung in der Dialektologie: historisch-vergleichende Beschreibung. In Karl Gutschmidt, Sebastian Kempgen, Tilman Berger, and Peter Kosta (eds.). *The Slavic Languages. An International Handbook of their Structure, their History and their Investigation*. Vol. 2. Berlin: Mouton de Gruyter, 2014, 2067–2074.
- Stanojević, M. 1911: Severno-timočki dijalekat (Prilog dijalektologiji istočne Srbije) [The Dialect of northern Timok Area (A Contribution to the dialectology of Eastern Serbia)] In *Srpski dijalekto-loški zbornik*. II. Beograd: Srpska akademija nauka, 360–463.
- Szmrecsanyi, B. Anderwald L. 2018: Corpus-based approaches to dialect study. In Charles Boberg, John Nerbonne, and Dominic Watt (eds.). *The Handbook of Dialectology*. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 300–313.

М. В. Домосилецкая

(Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург)

**ЛЕКСИКА МОЛОЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ГОВОРЕ
МАКЕДОНСКОГО СЕЛА ПЕШТАНИ
(по материалам МДАБЯ)¹**

В статье, основанной на неопубликованных полевых материалах МДАБЯ, дается комплексное описание лексики молочного производства македонского села Пештани. Подробно разбираются все лексические лакуны, случаи неразличения и нейтрализации понятий, проводится анализ синонимии, полисемии, а также сплошной этимологический анализ всех 106 лексем данной тематической группы. Система лексики молочного производства сопоставляется с пчеловодческой терминологией данного села, а также с терминологией молокопроизводства в албанском тоскском говоре Лешни.

Ключевые слова: Малый диалектологический атлас балканских языков (МДАБЯ), лексика молочного производства, македонский язык, Пештани, этимология, заимствования, лексические неразличения и нейтрализации, синонимия, полисемия.

M. V. Domosiletskaya

(Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg)

**Terminology of dairy production
in the dialect of the Macedonian village Peshtani
(based on MDABL — «Minor Dialect Atlas of the Balkan languages»)**

The paper is based on the unpublished field materials of the Minor Dialect Atlas of the Balkan languages (MDABL) and describes the terminology of dairy production in the Macedonian dialect of Peshtani (lake Ohrid). All 106 lexemes are analyzed from the etymological point of view. 73% of them are Common Slavic and Proto-Slavic (*bl'ago ml'eko*, *b'utin*, *c'edilo* etc.), only 4–6 are late borrowings from Serbian (*b'okal*, *k'ofa*, *pal'ačinja* etc.); 17% are Turkisms (*k'aïmak*, *k'esina*, *maïa* etc.). Some groups of loan-words are very few in number: 2 from Greek (*pirst'iïa*, *kače*), 1 (*'urda*) is from the hypothetical Balkan substrate. Only 2 are onomatopoeic (*c'arkame*, *gərm'adarko*). Peshtani's dairy production terminology is compared with the beekeeping vocabulary in the village.

---

¹ Исследование выполнено в рамках плановой коллективной темы «Диалектные исследования в области балканского языкознания. Проблемы синхронии и диахронии». В работе использованы данные, полученные в рамках гранта РГНФ № 15-04-00008а «Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Том VII. Пчеловодство» (рук. М.В. Домосилецкая).

The latter turns out to be more resistant to borrowings (90% Slavisms / 3% Turkisms). The author carries out a thorough examination of the lexical lacunae (21% of all questions) and offers some convincing explanations for these lexical gaps. Also, the article examines the cases of synonymy (in 11% of the questions). The most part of these pairs are not perfect synonyms (as *sab'ailešno ml'eko* и *'utrešno ml'eko* 'the milk of morning milking') but merely contextual ones (*stap* and *t'urilo* 'plunger of the butter churn'). Besides, numerous cases of polysemy are discussed. This involves the usage of many verbs with vague meaning and of wide semantic range ('to cut', 'to chop', 'to spoil', 'to melt' etc.) and the issues of semantic changes in the dialect. Most interesting are semantic developments which are parallel in Macedonian and southern Albanian (tosk, Leshnja) — *c'edit* and *kull'oj*: 'to drain off, of cheese', 'to press cheese', 'to strain fresh milk', 'to filter honey'. The cases of lexical indistinction during the naming process in Peshtani are analyzed. The author makes a guess why the inhabitants of the village do not distinguish between 'to milk' and 'to milk a cow', but distinguish 'to milk a sheep'; or between 'cream' and 'sour cream' etc. Some of the issues are common to the Macedonian dialect and the Albanian tosk dialect of Leshnja.

Keywords: Minor Dialect Atlas of the Balkan languages (MDABL), terminology of dairy production, Macedonian, Peshtani, etymology, borrowings, synonymy, polysemy, semantic changes.

1. Введение

Настоящее исследование основано на неопубликованных экспедиционных материалах «Малого диалектологического атласа балканских языков» (МДАБЯ), хранящихся в фондах МАЭ РАН Кунсткамера, куда они были переданы в 2009 г. участниками экспедиции после соответствующего описания, осуществленного при финансировании РГНФ. Экспедиция в македонское село Пештани была проведена в 1999 году и осуществлена силами следующих исследователей: Д. Геговски, Г. П. Клепикова, М. Маркович, А. А. Плотникова, А. Н. Соболев, З. Тополинська.

Полевая работа в селе Пештани велась в рамках «Балканской экспедиции РАН» и базировалась на лексическом вопросе МДАБЯ (Domosiletskaya, Zhugra, Klepikova 1997). Раздел «Молочное производство и молочная пища» в данной программе представлен 107 вопросами (там же: 67–69).

Селение Пештани расположено в 12 км к югу от г. Охрид на юго-западе Северной Македонии в удалении от других населенных пунктов. Это рыбацкий поселок на самом берегу глубоководного Охридского озера. Рядом с Пештани берет начало природный лесистый парк «Галичица». Бывшая тихая рыбацкая деревня ныне имеет более 1300 жителей и активно вовлечена в

туристический бизнес, что является причиной интенсивного проникновения в говор Пештани элементов литературно-разговорного языка (Domosiletskaya 2010: 10).

В ответах раздела «Молочное производство и молочная пища» информантами было употреблено **172** значимых слова, которые «укладываются» в **106** лексем. Такое относительно большое число словоупотреблений и лексем объясняется тем, что анализу были подвергнуты все компоненты словосочетаний, относящихся к терминологии молочного производства, которые сами по себе в отдельности по своей семантике непосредственного отношения к технологии переработки молока не имеют вообще или имеют довольно опосредованное. См., например, *'obrači* 'обручи' в ответе на вопрос 11.069 'деревянный плоский сосуд для сцеживания сыворотки из сыра' (*k'obel ot-šćićina so 'obrači* букв. «ведерко из досечек с обручам»).

Важно при этом подчеркнуть: **словообразовательные** варианты, естественно, подсчитывались отдельно (*t'enžere* и *t'enž'erina* 2 лексемы); **фонетические** варианты НЕ подсчитывались отдельно (*k'esina* и *ć'esina* 1 лексема); **однокоренные** слова, относящиеся к разным частям речи, рассматривались особо (*s'oleno s'ireiŋe* (прилаг.) и *da-s'olime* (глагол 1 pl.), но в одном словообразовательном гнезде.

Подавляющее большинство лексем безусловно относится к исконному **(обще)славянскому фонду** — **77 (73%)**, из них только 1 лексема *m'aržno* (*ml'eko*) 'жирное, неснятое молоко без отделенных сливок' может быть отнесена к южнославянскому ареалу.

2. Этимология и стратификация

2. 1. Исконный славянский фонд

bl'ago ml'eko (11.028 'горячее подслащенное молоко-напиток' [макед. литер. *благ* 'сладкий; не острый; мягкий, добрый']

b'utin (11.038 'маслобойка') [макед. литер. *бутин* 'маслобойка']

c'edilo (11.060 'цедилка для отжимания сыра') [макед. литер. *цедило* 'домотканое полотно, которым покрывают хлеб; ситечко, дуршлаг; кусок ткани для процеживания']

c'edime 1 pl. (11.005 'процеживать свежесырое молоко, пропускать молоко для очистки через что-либо фильтрующее, чистящее')

c'edit-se (11.059 'стекать, капать — о сыре') [макед. литер. *цеди* 'цедить, фильтровать; выживать, выцеживать']

c'ervec (11.080 'червь в сыре') [макед. литер. *црв* 'червь, червяк']

da-f'arl'eme š'eīker 1 pl. (11.091. 'класть в пищу сахар', букв. «бросаем, закидываем, сахар»), *z'aperška f'arl'eme* 1 pl. (11.092 'приправлять маслом, сметаной, салом и т. п.' букв. «приправу, поджарку кидаем, закидываем» [макед. литер. *фрли* 'забросить, закинуть, зашвырнуть; выбросить, выкинуть'], см. болг. *хвърлям* 'бросать, метать; кидать', серб. *врљати* 'бросать; слоняться, шататься', *врљити* 'бросить, метнуть']

da-g'otvime 1 pl. (11.084 'готовить пищу') [макед. литер. *готви* 'готовить, подготавливать; готовить пищу, стряпать']

gr'uč:e sg., *gr'uč:ina* pl. (11.043 крошки масла, образующиеся при сбивании) [макед. литер. *грутка* 'глыба, ком, грудка', *груда*, *грутка* 'ком земли'], болг. литер. *груда* 'глыба, ком', *грудка* 'комочек, комочек', диал. *груда* 'кусоч сыра']

kače (11.078 'бочка для хранения и приготовления брынзы') [макед. литер. *када* 'ванна'], см. макед. диал. *кад* 'бочка', древнеболг. *кадь*

šćici i-k'amen (11.071 'пресс для сыра, приспособление для сильного сжатия свежего сортового сыра с целью его уплотнения') [макед. литер. *камен* 'камень']; см. также в говоре в разделе «Ландшафт»: *k'amen* 1.043 'каменная глыба, большой обломок горной породы'; 1.044 'глыба, упавшая с горы'; *g'olem k'amen* 1.045 'большой камень'; *m'alo k'amenče* 1.046 'небольшой камень'; в разделе «Животноводство»: *k'amen* 6.492 'скамеечка для пастуха под навесом для дойки']

k'arpa (11.006 'цедильное полотно, цедилка для молока') [макед. литер. *крпа* 'лоскут, тряпка; полотенце']

k'iselo ml'eko (11.035 'кислое молоко'), ср. также в говоре 1.185 *'izvor so k''isela v'oda* 'минеральный источник родник с соленой, солоноватой, горьковатой водой', 1.186 *k''isela v'oda* 'минеральная вода' [макед. литер. *кисел* 'кислый; кислый, квашеный; соленый, маринованный; прокисший; кислый, дрожжевой']

da-s: k'islit (11.034 'киснуть — о молоке, делаться кислым от естественного брожения без закваски')]

k'obel, k'obel ot-šćicina (11.069 'деревянный плоский сосуд для сцеживания сыворотки из сыра; 11.008 'долбленный подойник для овец'; 11.009 'клепанный деревянный подойник для овец') [макед. литер. *кобел* 'деревянный подойник']; см. макед.

диал. *кобел* ‘сосуд для молока без ручки и с одним ушком’, макед. диал. (область Тиквеш) *кобла* ‘кадушка’, болг. диал. *къбъл, къблица* ‘ведро’

k'olce (11.040 ‘конец песта маслобойки в виде колесика, плетеного кольца и пр.’) [форма содержит макед. суффикс уменьшительности]

k'otle (11.064 ‘котел для кипячения первичной сыворотки’) [макед. литер. *котел* ‘котел’]

k'ozeŋnak, k'ozeŋiak (11.103 ‘рулет, слоеный пирог из теста с сыром, брынзой’); предположительно, связано с зоонимом *коза* (> мягкий *козий* сыр как наполнение этого пирога), ср. болг. диал. *козиняк* ‘верхняя одежда из козьей шерсти’, а также макед. литер. *коза* ‘коза’, *козина* ‘козья шкура; козья шерсть’; *козју* ‘козий’ (BER II: 522)

k'ožurok (11.024 ‘пенка на кипяченом молоке, пленка на остывшем после кипячения молоке’) [макед. литер. *кожурек* ‘пенка (на молоке)’ < *кожа* ‘кожа; шкура, мех; кожа, кожура’, ср. также литер.]; *ke-se-p'otkožit* («покрывается кожицей» как параллельный ответ на 11.024 ‘пенка на кипяченом молоке пленка на остывшем после кипячения молоке’) приставочное глагольное образование от < *кожа* см. выше

kr'uk, kr'ugot (11.040 ‘конец песта маслобойки в виде колесика, плетеного кольца и пр.’) [макед. литер. *круг* ‘круг’]

ot-l'eleno (11.006 ‘цедильное полотно, цедилка для молока, см. *t'ulben ot-l'eleno pl'atno*) [макед. литер. *лее* ‘лить’]

so-l'a:ŋca (11.033. ‘снимать сливки’, см. *z'etame so-l'a:ŋca* 1 pl.; 11.051 ‘снимать сметану’ *z'ema:t so-l'a:ŋca* 3 pl.) [макед. литер. *лажица* ‘ложка’]

l'opka (11.044 ‘ком масла’) [макед. литер. *лопка* ‘мячик; комок’]

mas (11.037 ‘масло — жирное вещество, приготовляемое из сливок или сметаны’²) [макед. литер. *маст* ‘животный жир’]

m'asta (11.037 ‘масло — жирное вещество, приготовляемое из сливок или сметаны’) [макед. литер. *маст* ‘животный жир’]

mef, m'eoŋ (11.081 ‘бурдюк, мешок из шкуры или желудка животных для заквашивания или хранения сыра’, а также: *mef* 3.007 ‘живот (часть туловища, в которой расположены органы пищеварения)’, 6.281 *s'o-bel mef* (черная коза) с белым брюхом

² Но неживотного происхождения — *č'enkarno m'aslo* 9.054 ‘кукурузное масло’.

или белой полосой на брюхе) [макед. литер. *мешина* ‘бурдюк; мех волынки’, *мешечки* ‘на животе, на брюхе; ничком’]

m'erit (11.013 ‘измерять выдоенное молоко’) [макед. литер. *мери* ‘мерить, измерять’]

m'aržno ml'eko (11.031 ‘жирное, неснятое молоко без отделенных сливок’), а также см.: *m'arza*, *m'arzlif* adj. mask., ср. *m'arzlif-ko-t'olosum*, *m'arza g'olema* (4.218 ‘ленивый склонный к лени, к праздности, избегающий труда’) [макед. литер. *мрсен* ‘жирный’]

da-m'atiš 2 sg. (11.041 ‘пахтать, сбивать масло из сливок или сметаны’), ср. болг. *мътя* ‘мутить’

măšt'eijnica, *măšč'ejnca* (11.042 ‘пахта, жидкость, образующаяся при сбивании масла’) — суффиксальное образование, ср. болг. *мътя* ‘мутить’

t'urilo za-m'atejne (11.039 ‘пест маслобойки’, букв. «пест для ...») — отглагольное образование, ср. болг. *мътя* ‘мутить’

ml'eko (11.016 ‘молоко’; 11.053 ‘некипяченое створоженное заквашенное закваской овечье молоко’) [макед. литер. *млеко* ‘молоко’]

m'olzame 1 pl. (11.001 ‘доить’; 11.003 ‘доить корову’) [макед. литер. *молзе* ‘доить’]

m'olzač (11.002 ‘тот, кто доит’) [макед. литер. *молзе* ‘доить’, *молзничар* ‘дойар’]

m'olzejne (*sn'ošno m'olzejne*, *a-k-več'erina m'olzejne* 11.022 ‘вечерняя дойка’) — отглагольное образование от *молзе* ‘доить’

izm'olzano (надоенное: 11.017 ‘парное молоко только что надоенное, еще теплое молоко’) — причастие с приставкой от *молзе* ‘доить’

so-'obrači (*k'obel ot-šćićina so-'obrači* букв. «ведерко из дощечек, с обручами» 11.069 ‘деревянный плоский сосуд для сцеживания сыворотки из сыра’) [макед. литер. *обрач* ‘обруч’]

'ofčar (11.002 ‘тот, кто доит’) [макед. литер. *овчар* ‘пастух овец’]; слово покрывает собой широкое семантическое поле «человек (субъект) — овца (объект)». См. также *'ofčar*: 6.388 ‘тот, кто пасет только баранов’, 6.392 ‘тот, кто пасет яловых овец’, 6.393 ‘тот, кто пасет молочных овец’, 6.394 ‘тот, кто пасет ягнят’, 6.395 ‘пастух, проводящий лето в горах’ (синоним *b'ač*), 6.396 ‘пастух, ухаживающий за скотом на стойбище’, 6.402 ‘пастух, который гонит овец на дойку’, 6.409 ‘наемный пастух’; слово дано как поясняющее к *m'olzač* (см. выше №34), т.е. человек *'ofčar*, помимо функций, обозначенных в разделе «Животноводство», может производить и дойку

da-s-p'ečit, da-p'ečime 1 pl. (11.087 'печься') [макед. литер. *пече* 'печь, запекать, жарить (в духовке, на решетке, на вертеле)']

p'ena (11.023 'пена на парном молоке, пузырчатая жидкая масса на только что надоенном молоке') [макед. литер. *пена* 'пена']

da-p'əržime 1 pl., *p'əržime* 1 pl. (11.086 'жариться') [макед. литер. *пржи* 'жарить, поджаривать']

z'apərška f'ərleme 1 pl. (11.092 'приправлять маслом, сметаной, салом и т. п.', букв. «поджарку, приправу кидаем, бросаем»), *z'apərška* (11.093) букв. «приправа» [макед. литер. *запржи* 'сделать заправку для кушанья, заправить кушанье; поджарить' < *пржи* 'жарить, поджаривать']

pl'atno (ср. *t'ulben ot-l'eleno pl'atno*) (11.006 'цедильное полотно, цедилка для молока') [макед. литер. *латно* 'полотно, холст']

p'otkvas «закваска», общее название как параллельный ответ на 11.052 'сычужная закваска, вещество из сычуга жвачных животных, чаще ягненка, вызывающее кислое брожение молока', ср. *p'otkvas* «закваска» [макед. литер. *потквас* 'закваска, дрожжи', *поткваси* 'подквасить; замесить опару']

pr'esno ml'eko (11.018 'свежее молоко недавно надоенное, сегодняшнее молоко'; 11.027 'сырое некипяченое молоко') [макед. литер. *пресен* 'свежий, сырой, натуральный; недавно возникший; новый, бодрый; пресный, недрожжевой, без закваски, без кислоты']

r'asipit-se (11.034 'киснуть — о молоке, делаться кислым от естественного брожения без закваски') [макед. литер. *расипе* 'испортить, сломать; вывести из строя; испортить, сделать плохим']

ras:ip'ano-e ml'eko, ras'ipano ml'eko (11.035 'кислое молоко'); см. также *ras'ipano j'aice* 7.035 'протухнуть, загнить, издавая неприятный запах, — о яйце' [макед. литер. *расипе* 'испортить, сломать; вывести из строя; испортить, сделать плохим']

s'amojkeš (11.054 'кипяченое или подогретое створоженное заквашенное закваской овечье молоко') [макед. литер. *самоквас, самокиш* 'простокваша']; в исконном этимоне *samokyšъ заложена внутренняя форма «самозакисшее (молоко)», т.е. без закваски, что и сохранилось в макед. литературном *самокиш* 'простокваша'; в Пештани название противоречит самой

обозначаемой реалии (заквашенное закваской молоко), т.е. носителями говора потеряно осознание мотивировки (см. ниже)

s'ečime sve 1 pl. (11.094 'резать на куски'), см. также *s'ečime* 1 pl. (9.035 'жать, срезать кукурузу') [макед. литер. *сече* 'резать, рубить, рассекать']

ser'eilivo ml'eko (11.030 'молозиво — жидкость, выделяющаяся из вымени сразу после родов') [макед. литер. *сереј* 'молозиво']

s'iratka (11.056 'первичная густая сыворотка — жидкий отстой свернувшегося молока, стекшая из цедилки для сыра'; 11.067 'вторичная переваренная сыворотка с еще не выделенным сыром'; 11.068 'вторичная жидкая сыворотка после снятия вторичного сыра'; 11.070 'сыворотка с готового сыра с крупинками сыра, сырное молоко') [макед. литер. *сир* 'головка сыра', *сирен* 'сырный', *сирење* 'брынза, сыр', *сири* 'створаживать', *сироват* 'сывороточный']

s'ireiŋe (11.045 'творог — сгустившиеся частицы заквашенного коровьего молока, отделенные от сыворотки'; 11.055 'свежий овечий неферментированный сыр'), а также 11.046 *nes'oleno s'ireiŋe* 'несоленный творог', 11.047 *s'oleno s'ireiŋe* 'подсоленный творог' [макед. литер. *сирење* 'брынза; сыр' < глагол *сири* 'створаживать']

s'irišće, s'iriške (11.052 'сычужная закваска — вещество из сычуга жвачных животных, чаще ягненка, вызывающее кислое брожение молока') [макед. литер. *сириште* 'сычуг']

sn'ošno ml'eko (11.020 'вечернее молоко'), *sn'ošno m'olzeiŋe* (11.022 'вечерняя дойка') [макед. литер. *сноштен* 'бывший вчера вечером' < *ноќ* 'ночь']

sob'irat-so t'enžere (11.057 'деревянная мешалка для разбивания и сбора сквашенного молока сырообразной массы') [макед. литер. *собира* 'собирать']

da-s'olime 1 pl. (11.090 'солить') [макед. *соли* 'солить']

s'oleno s'ireiŋe (11.047 'подсоленный творог') [макед. *солен* 'соленный'], *nes'oleno s'ireiŋe* (11.046 'несоленный творог')

s'olilo (11.076 'рассол для брынзы, соленая жидкость для хранения брынзы') < [макед. *соли* 'солить']

stap (11.039 'пест маслобойки'), см. также *stap so-k'ərluk* (6.418 'пастуший посох, загнутый на конце') [макед. литер. *стан* 'палка, посох; толстая палка, дубина; столб; подпорка']

da-se-st'egnit (11.072 'прессовать сыр') [макед. литер. *стегне* 'стянуть, затянуть; сжать, сдавить']

šćici i-k'amen (11.071 'пресс для сыра, приспособление для сильного сжатия свежего сортового сыра с целью его уплотнения')

k'obel ot-šćičina so-'obrači (11.069 'деревянный плоский сосуд для сцеживания сыворотки из сыра'), см. также *šćica*, *šćičiena* coll., *šćičina* coll. (8.032 'подставка под колоду') [макед. литер. *шмица* 'доска']

t'opime s'aloto 1 pl. (11.096 'топить масло'), см. также *se-t'opit* (2.126 'таять — о снеге, льде'), *t'opime* 1 pl. 8.089 'добывать воск из вошины, топить воск') [макед. литер. *топи* 'плавить, топить, растапливать; таять, растворяться']

go-st'oplime 1 pl. глагольный ответ на вопрос 11.029 'горячее неподслащенное молоко-напиток' [макед. литер. *топи* 'плавить, топить, растапливать']

t'urilo (11.039 'пест маслобойки') [ср. макед. диал. *турило* (Тетовско, Кичевско) 'маслобойка'] < *турям*, *турам*, *турвам* и проч. 'класть, ставить, сажать; помещать' < праслав. *turiti, *turja (с итеративным и каузативным значением) (БЕР VIII: 449, 453)

n'a-utro m'olzeine (11.021 'утренняя дойка') [макед. литер. *утро*]

'utrešno ml'eko (11.019 'утреннее молоко') [макед. литер. *утрешен* 'завтрашний; утренний; будущий' < *утрес* 'завтра']

da-go-'uzvoriš 2 sg. (11.025 'кипятить молоко') [макед. литер. *вари* 'варить, кипятить']

v'arit-se (11.025 'кипятить молоко'), *da-v'arime č'orba* 1 pl. (11.085 'вариться', букв. «варим похлебку»), *da-v'arime m'aŋžata* 1 pl. (11.085 'варить', букв. «варим еду»), *ke-e-v'ariš* 2 sg. (11.085 'варить', букв. «сваришь») [макед. литер. *вари* 'варить, кипятить']

v'areno ml'eko (11.026 'кипяченое молоко'), *v'arena v'oda* (11.089 'кипяток') [макед. литер. *вари* 'варить, кипятить']

vr'elo ml'eko (11.026 'кипяченое молоко') [макед. литер. *врел* 'горячий, вскипевший, прокипяченный' < *врие* 'кипеть; бурлить; кипятить']

da-z'ovriet (11.088 'кипятить') [макед. литер. *зоврие* 'закипеть, вскипеть; вскипятить', *зовира*, *зоврива* 'кипеть; кипятить' < *врие* см. выше]

na-k-več'erina m'olzeine (11.022 'вечерняя дойка') [макед. литер. *вечер* 'вечер', *вечерен* 'вечерний']

v'arena v'oda (11.089 'кипяток'), см. также много ответов с лексемой *вода* в разделе «Ландшафт»: 1.099 *v'oda* 'вода', 1.120

b'orza v'oda 'поток, стремительно текущая водная масса, река, ручей', 1.186 *k'isela v'oda* 'минеральная вода' и мн. др. [макед. литер. *voda*]

vr'ešća (11.082 'полотнище, в котором переносят готовые сыры') [макед. литер. *vreka* 'мешок']

z'emame so-l'a:ica 1 pl. (11.033 'снимать сливки', букв. «берем ложкой»), *z'ema:t so-l'a:ica* 3 pl. (11.051 'снимать сметану', букв. «берут ложкой») [макед. литер. *zeme* 'взять', *zema* 'брать']

žeška v'oda (11.089 'кипяток', букв. «горячая вода») [макед. литер. *žešiti se* 'нагреваться. накаляться', *žeština* 'жара, зной'].

Кроме того, еще 4–6 славянских лексем представляют собой довольно поздние заимствования — **сербизмы** (5%). В полевых материалах они иногда снабжены пометой «нов.», что представляется дополнительным доказательством проникновения слов в данный тематический лексикон лишь в XX в., когда Северная Македония в 1913 г. вошла в состав Сербии (как Лужна Србија), после Первой мировой войны в Королевство сербов, хорватов и словенцев, в 1929 году под названием Вардарской бановины — в Югославию, а после Второй мировой — в состав СФРЮ с ее государственным сербскохорватским языком.

2. 2. Славизмы-сербизмы

1. *b'okal, b'okal* (11.011 'деревянный подойник для коров', 11.012 'железный подойник для коров') [макед. литер. *bokal* 'кувшин, графин']. Вероятнее всего (судя по ударению и семантике — 'кувшин'), из серб. *bòkal* 'кувшин; кубок, бокал', см. также серб. обл. *букара* 'кружка (деревянная или глиняная)', более близкое к семантике лексемы из Пештани. Балканизм итальянского происхождения (итал. *boccale* 'кружка, кувшин'), в результате множественных взаимозаимствований проникший в разные идиомы, см.: тур. *bikal* 'бутылка', нгр. *μποκάλι* 'бутылка', арум. *bucàle* 'графин'.

2. *k'ofa* (нов.) (11.009 'клепанный деревянный подойник для овец') [макед. литер. *koфа* 'ведро']. Скорее всего, судя по обозначению самими информантами слова как «нового», вошло в последние десятилетия из сербского: *кофа* 'ведро (чаще деревянное); корзинка' < тур. *kova* 'ведро', устар. *koфа*. Есть мнения и о другом происхождении: 1) непосредственно из тур.

(Mladenov 1941: 254); 2) из итал. *coffa* ‘марс (огороженная площадка на верхушке составной мачты); корзина’ < араб *quffa* < греч. *κόφινος* ‘корзина, короб’, но под влиянием и турецкой семантики (BER II: 681). См. местные идиомы с использованием этого компонента: *n'ogo s'ilno v'arnit* — *ko-so-k'ofi* ‘ливень, сильный продолжительный дождь’ (2.043) букв. «очень сильно льет, как из ведра»; *doš ko-so-k'ofi* ‘дождь, падающий стеной’ (2.057) букв. «дождь как из ведра».

3. *pal'ačinka* (11.104 ‘блин с начинкой из сыра’) [макед. литер. *палачинки* ‘блинчики’] западно- (чеш., словацк) и южно-слав. (болг., макед); в макед. из серб. *палачинка* ‘блинчик’ < нем.-австр. *Palatschinke* ‘блинчик’ < венгер. *palacsinta* ‘блин’ < румын. *plăcintă* ‘блинчатый пирог’ < лат. *placenta* ‘пирог’. Присутствие в сербском слов баварского и немецко-австрийского происхождения вполне естественно и объясняется довольно длительным (с конца XVII в.) вхождением северных районов Сербии, а также Боснии и Герцеговины в состав Австро-Венгерской империи. Сама история данного слова в Юго-Восточной Европе — зеркало карты Австро-Венгерской империи: от Трансильвании до Сербии. Однако для македонского правдоподобнее вхождение слова посредством сербского, что противоречит мнению, высказанному в (BER V: 24).

4. *vo-š'oila* в выражении *m'olzame vo-š'oila* букв. «доим в чашку, плошку» как параллельный ответ на вопрос 11.001 ‘доить’ [макед. разг. *шолја* ‘чашка’] < серб. *шолја* ‘чашка’ < нем. баварск. *Schålñ*³ ‘чашка’ (ср. нем. литер. *Schale* ‘плошка, глубокое блюдо, вазочка’).

5. *pl'astične* (нов.) (11.012 ‘железный подойник для коров’) одиночное прилагательное, в ответе респондента подчеркнута замена металла на более современный материал, см. серб. *пластичан* ‘сделанный из пластмассы’. Однако вполне вероятно, что это собственное македонское образование (макед. *пластичен* ‘пластмассовый’) от «европеизма» *PLASTIK*.

Еще одна лексема с пометой «нов.» может быть отнесена к группе македонских сербизмов, но одновременно может рассматриваться также как старый балканский романизм.

6. *l'onec* (нов.) (11.078 ‘бочка для приготовления и хранения брынзы’), имеет пояснение «эмалированный сосуд», что под-

³ Баварское *ā* [ɔ] соответствует немецкому литер. *a*. Часть немецких заимствований в сербском соответствуют баварскому произношению (o), часть литературному немецкому (a) (Satzinger, Stefanović 2019).

черкивает новизну материала (был привнесен в народный быт 30-50-ые гг. XX в.). Макед. диал. *лонец* ‘большая кастрюля’, серб.-хорв. *лонац* ‘горшок, кастрюля’, словен. *lonec* ‘то же’. Само слово неясной этимологии, возможно, балканское заимствование из романского + слав. суффикс *-ьсь), ср. рум. *olană* ‘большая кастрюля’ (BER III: 469).

2. 3. Грецизмы

Греческих вливаний в данную сферу лексики ничтожно мало — обнаружено лишь одно-два заимствования.

pirst'ŭa, *pirc'ŭa* (11.063 ‘тренога над очагом’) [макед. литер. *пирустија* ‘таганок, треножник’], см. болг. *пиростия*, *пирустия* < нгр. *пиростіа* ‘таган, металлический треножник’.

Не исключено также происхождение из греческого упомянутого выше слова *kače* (11.078 ‘бочка для хранения и приготовления брынзы’). Это либо более древний общеславянский грецизм *кади(он)* — уменьш. от *каδος* ‘кадка, чан, ведро, бадья’ (BER II: 128), либо более позднее заимствование из нгр. *кадѣ* ‘кадка, бочка, ушат, бадья, чан’.

2. 4. Балканизмы неясного происхождения

Одно слово представляет собой явный балканизм неясного происхождения. Лексема встречается в албанском (как в тоскском, так и в гегском), в восточнороманских языках, греческих говорах Фессалии и Эпира, восточносербских и македонских говорах, южных и западных говорах болгарского языка, подкарпатских диалектах польского, чешских говорах Моравской Валахии и Карпат, а также в украинских диалектах. Это *'urda* (11.065 ‘вторичный сыр худшего качества из сыворотки’) [макед. литер. *урда* ‘творог’]. Данный карпато-балканский термин скотоводства **(h)urda* с некоторой долей сомнения может быть отнесен к древнеалбанскому: **wurdā* < и.-е. **wer-*: **wor-*, **wr* ‘кипеть, варить’ (Domosiletskaya 2002: 456), или: **s^or(-dhā)*⁴ и *sér(-dhiā)*⁵ (Barić 1954: 39; Klepikova 1966: 78). Слово через мигрирующих балканских (этнически албанских и восточнороманских) пастухов могло быть разнесено с юга

⁴ Эта основа дает алб. *hurdhë* ‘вторичный сыр худшего качества, из сыворотки’.

⁵ Эта основа дает др.-алб. **gird'a* > алб. *gjizë* ‘творог’.

Балкан по обширной территории далеко на север, см., в частности (Desnitskaya 1984: 290–292, 314).

2. 5. Турцизмы

Значительную долю (18 = 17%) лексики молочного производства в Пештани составляют турцизмы.

1. *č'aršaf* (11.060 'цедилка для отжимания сыра') [макед. литер. *чаршаф* 'скатерть, простыня; пододеяльник'] < тур. *çarşaf* 'простыня'; 'покрывало (на кровать)'; 'чаршаф (женское покрывало)'

2. *da-v'arime č'orba* 1 pl. (11.085 'вариться', букв. «варим похлебку») [макед. литер. *чорба* 'похлебка, густой суп'] < тур. *çorba* 'чорба, суп', 'неразбериха, беспорядок; запутанный, смешанный'

3. *kač'amak* (11.100 'еда из овечьего молока и кукурузной муки'; 11.101 'мамалыга на сметане'; 11.105 *kač'amakot so-sir'eīneto* 'кусочек мамалыги с брынзой внутри') [макед. литер. *качамак* 'мамалыга'] < тур. *kaçamak* 'кушанье из кукурузной муки'

4. *k'aīmak* (11.032 'сливки — густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока'; 11.049 'сметана — густой жирный верхний слой закившего молока') [макед. литер. *кајмак* 'створоженные густые сливки; пенка'] < тур. *kaymak* 'сливки; крем'

5. *k'esina, č'esina* (11.082 'полотнище, в котором переносят готовые сыры') [макед. литер. *кесе* 'кошелек, бумажник; банная рукавичка, мочалка; кисет; кулек, пакет'] < тур. *kese* 'мешочек, сумочка; кошелек; карман; варезка банная (для растирания)

6. *maīa* (как дополнительный ответ на 11.052 'сычужная закваска — вещество из сычуга жвачных животных, чаще ягненка, вызывающее кислое брожение молока' — общее понятие «закваска») [макед. литер. *маја* 'закваска, дрожжи'] < тур. *mayu* 'дрожжи; закваска (кислое тесто)'

7. *da-v'arime m'anžata* 1 pl. (11.085 'варить', букв. «варим еду») [макед. литер. *манџа* 'тушеное блюдо'] < тур. *mānca* 'корм (чаще для кошек, собак); 'жратва' < итал. (северное) *tangia* 'корм для скота' (BER III: 645; Grannes, Nauge, Sülemanogly 2002: 177). В целом же (как и *bokal* — см. выше) можно считать балканизмом итальянского происхождения < *tangia* < *mangiare* 'есть, съедать', проникшим через южно-славянские идиомы Далмации (ср. болг. разг. *манджа* 'еда, пища')

8. *m'ešina* (11.081 'бурдюк — мешок из шкуры или желудка животных для заквашивания или хранения сыра') [макед. литер. *мешина* 'бурдюк; мех волынки'] < тур. *meşin* 'выделанная (дублёная) кожа; кожаный'

9. *r'endame* 1 pl. (11.095 'тереть на терке', букв. «трём, стругаем») [макед. литер. *ренда* 'стругать (рубанком); тереть, натирать (на терке)'] < тур. *rende* 'рубанок; струг, скобель, шабер; тёрка', 'натёртое (на тёрке)'

10. *na-s'abaile m'olzeine* (11.021 'утренняя дойка', букв. «на утро дойка») [макед. разг. *сабајле* 'утро; утром'] < тур. *sabah* 'утро, утром'

11. *sab'ailešno ml'eko* (11.019 'утреннее молоко')⁶ [макед. разг. *сабајле* 'утро; утром'], устар. *сабајлен* 'утром' < тур. *sabah* 'утро, утром'

12. *s'omun* (11.061 'ком свежего отжатого сыра, сырообразной массы') [макед. разг. *сомун* 'каравай'] < тур. *somun* 'каравай (круглый хлеб)' < нгр. *ψωμί(ον)* 'хлеб (круглый); еда, пища'

13. *da-f'arl'me š'eiker* 1 pl. (11.091 'класть в пищу сахар', букв. «закидываем, забрасываем сахар») [макед. литер. *шекер* 'сахар'] < тур. *şeker* 'сахар; сласти; конфеты'

14. *tel', tel* (11.007 'подставка для цедилки в виде переплетенных прутьев, проволоки, веревок') [макед. литер. *тель* 'проволока; струна'] < тур. *tel* 'волосок', 'волокну; нить; волокнистый, нитяной', 'струна', 'проволока; трос; проволочный', 'провод'

15. *t'enžere* (11.010 'железный подойник для овец'; 11.012 'железный подойник для коров') [макед. *тенџере* 'кастрюля' < тур. *tencere* 'кастрюля', 'горшок для приготовления пищи']

16. *t'enžerina* (11.010 'железный подойник для овец') — производное от макед. *тенџере* 'кастрюля' < тур. *tencere* 'кастрюля', 'горшок'

17. *top* (11.061 'ком свежего отжатого сыра, сырообразной массы') [макед. литер. *топ* 'кусок; рулон; тюк'] < тур. *top* 'мяч; шар; круглый, шаровидный', 'круглая часть (деталь) чего-л.', 'кусок (материи); стопа, рулон (бумаги)', 'совокупность чего-л.'

18. *t'ul'ben* (11.006 'цедильное полотно, цедилка для молока', ср. также ответ *t'ul'ben ot-l'eleno pl'atno* = 'тюльбен как платок, через который льют') [макед. литер. *тульбен* 'тюльбен —

⁶ Ср. параллельные славянские образования: *n'a-utro m'olzeine* (11.021 'утренняя дойка') и *'utreshno ml'eko* (11.019 'утреннее молоко').

вид женского головного платка'] < тур. *tülbent* 'батист, нансук'⁷, газ'

Очевидно, что турецкая лексика, вошедшая в состав народной терминологии молокопроизводства Пештани, по большей части тематически относится к разделу «Кулинария и посуда»: *çorba*, *kaçamak*, *kaymak*, *maya*, *mânca*, *somun*, *şeker*, *tencere* и «Ткачество, ткани и изделия из них»: *çarşaf*, *kese*, *tel*, *tülbent*.

2. 6. Ономатопея

В говоре обнаружены 2 элемента из звукоподражательной лексики:

1. *c'arkame* 1 pl., *p'o-malo c'arkame* (11.044 'доить понемногу, тонкой струйкой — овец' < *c'ark* (как имитация звука *тонкой* сильной струи о дно сосуда). Важно подчеркнуть, что струя эта узкая, так как выдаивание овцы происходит быстро и струей более тонкой, чем у коровы: молоко скапливается у овец не в вымени, а непосредственно в сосках. Ср. также болг. литер. *църкам* 'стрекотать (о насекомых), чирикать, щебетать (о птицах); брызгать, пускать тонкие струи жидкости'.

Интересно, что абсолютно созвучный случай ономатопеи обнаружен в албанском говоре Лешни⁸, причем как ответ на тот же вопрос 11.044 — с дополнительной пометой 'чтобы выдоить все молоко': *cërk'oj* < *cërk! cërk!* (Domosiletskaya 2019: 290).

2. *gərm'adarko* (на вопрос 11.030 'молозиво, жидкость, выделяющаяся из вымени сразу после родов' при исчерпывающем *ser'eilivo ml'eko* дан дополнительный ответ *gərm'adarko* 'еда из молозива'). По всей видимости, в качестве первого компонента в двухкорневом слове можно предположить присутствие ономатопеи — макед. литер. *грга* 'литься сильно, хлестать', *гргор* 'клокотанье, бульканье; урчание (в желудке)', диал. (Прилеп) *гьргам* 'журчать, булькать', *гьрготница* 'бульканье' (BER I: 302).

⁷ Тонкая и прочная отбеленная хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения из тонкой высококачественной пряжи. Обладает гладкой поверхностью и шелковистым блеском.

⁸ Албанское село Лешня (Leshnjë), о котором неоднократно будет упомянуто ниже, расположено в Южной Албании в краине Скрапар на восточном склоне горы Mali i Leshnjës (отрог Mali i Gostëncës) на высоте около 1500 м над уровнем моря. Диалект Лешни входит в зону севернотосских говоров албанского языка и принадлежит сетке пунктов МДАБЯ. Он получил свое монографическое описание в: Ylli, Sobolev 2002.

2. 7. Неясная этимология

Происхождение одной лексемы осталось пока неясным: *da-proi'ačime* 'разрезать' (как дополнительный ответ на вопрос 11.094 'резать на куски').

Если видеть здесь очевидное суффиксальное образование от корня *ī'ač-*, то значение слова не позволяет связать с праслав. **ęčati*, отражающим общее понятие «издавать протяжные звуки» (ESSYA 1979: 61) — см. макед. *јачи, ечи* 'звучать, раздаваться', серб./хорв. *jačati, ječati* 'стонать, раздаваться, отдаваться, звенеть', рус. *ячать, якнуть* 'стонать, звать на помощь'. Также с семантической точки зрения *da-proi'ačime* 'разрезать' трудно соотносить с серб./хорв. глаголами *јакнути, јачати, јачити* 'стать сильным, крепким' (< *јач-* 'сила, мощь, крепость'). Важно иметь в виду существование лат. глаголов приблизительно того же семантического поля, что и *proi'ačime* 'разрезать': *īso (īcio)* 'бить, резать, ударять, поражать' или *jasio* '1) бросать, кидать, метать, швырять, 2) выбрасывать' и др.⁹, однако поиск родственных им праславянских образований пока не привел к успеху.

Если не усматривать в *proi'ačime* суффиксального образования, то можно высказать осторожное предположение о его происхождении от существительного *proja*, ср. болг. диал. (Видин) *проя* 'кукурузный хлеб; хлеб из просяной муки' < серб. *proja* 'просо; хлеб из просяной муки; кукурузный хлеб' — уменьшит. от *просо* (BER V: 805). Вероятно, это глагольное образование в Пештани тогда можно было бы отнести к разряду сербизмов, которых там все же немало (см. выше). Существование гипотетической своеобразной «конвертивной» пары (хлеб (из просяной муки) > «хлебить» = резать хлеб на куски) может быть оправдано тем, что вопрос 11.094 'резать на куски' не связан с узкой сферой молочного производства, а относится к более широкой области питания и кулинарии и подразумевает называние процесса разрезания любого пищевого продукта: мяса, сыра, хлеба и проч.

И наконец, можно предположить, что *da-proi'ačime* 'разрезать' — некое окказиональное авторское высказывание респондента.

---

⁹ Выражаю признательность Н. Н. Казанскому за полезное указание на эти глаголы.

2. 8. Соотношение локальной диалектной и стандартной лексики

Насколько собранный материал отражает реальную картину функционирования диалектной лексики в данной сфере, определить затруднительно. Поскольку в настоящее время влияние литературного языка на говоры Северной Македонии непрерывно и постоянно углубляется, то вполне вероятно сосуществование в терминосистеме молочного производства как слов стандартного употребления, так и диалектных. В нашем распоряжении имеются только указания самих носителей речи Пештани — они воспринимают некоторые слова как «новые», то есть однозначно проникшие разными каналами из своевременного литературного македонского. Они осознают их противопоставление изначальным местным названиям этих же объектов. Это только три лексемы: *k'ofa* ‘клепанный деревянный подойник для овец’; *l'onec* ‘эмалированный сосуд [который используется в функции бочки для приготовления и хранения брынзы]’ и прилагательное *pl'astične* ‘пластмассовый’ как уточнение к номинации *b'okal* ‘железный подойник для овец’, т. е. респондент подчеркивает разнообразие возможного материала для сосуда.

2. 9. Сравнительный стратификационный анализ лексики пчеловодства и молочного производства (албанское село Лешня и македонское село Пештани)

Таблица 1. Исконное / заимствованное в лексике Пештани

«Молочное производство и молочная пища» (106 лексем)	«Пчеловодство» (92 лексемы) ¹⁰
Славизмы – 78%	Славизмы – 90%
Турцизмы – 17 %	Турцизмы – 3%
Грецизмы – 1	Грецизмы – 1
Новая лексика (< сербизмы) – 5%	Новая лексика (< литер. язык < европеизмы, русизмы) – 5%

Интересно провести сравнительный анализ лексического состава двух тематических сфер говора Пештани: молокопроизводства и пчеловодства — с точки зрения ее происхождения. Как известно, пчеловодство в селе культивируется, но по

¹⁰ Данные по (Domosiletskaya 2016).

сравнению с рыболовством и животноводством (а ныне и туристическим бизнесом) носит второстепенный характер (Domosiletskaya 2016: 59).

Как показал сравнительный анализ пчеловодческой лексики села и его лексики молочного производства, заимствований в последней сфере значительно больше. Пчеловодческая лексика Пештани обнаруживает высокую устойчивость к проникновению заимствований. Можно констатировать, что данный македонский говор собственными исконными средствами практически полностью может описать такую «хозяйственную нишу», как пчеловодческое хозяйство. Бросается глаза резкое различие в соотношении: славянское / турецкое (78% / 17% и, соответственно, 90% / 3%). Турцизмы проникли в тематическую группу слов, связанных с молочным производством, из иных тематических сфер турецкой лексики: названия предметов быта, посуды и кухонных принадлежностей, а также тканых изделий. Они приспособились к обозначению реалий, связанных с получением молока и его обработкой — самой древней специализацией балканского хозяйствования. Турцизмы встречаются только в периферийных сегментах этой тематической группы. Основные же понятия выражены общеславянскими лексемами: *s'edime* 'цедить, процеживать', *gr'uč:ina* 'крошки масла при сбивании', *ml'eko* 'молоко', *s'irišće* 'сычужная закваска', *t'opime* 'топить (масло)', *k'obel* — обозначение древних примитивных деревянных поддонов, а также деревянного плоского сосуда для сцеживания сыворотки с сыра, *p'ena* 'пена на свежесвыдоенном молоке' и мн. др. Вся глагольная лексика — только славянская, за исключением одного *славянского* глагольного образования от тур. корня *rende* 'рубанок; струг и проч.' — *r'endame* 'тереть на терке', которое по сути относится не к узкой сфере молочного производства, а скорее шире — к кулинарии вообще¹¹.

Новые для говора слова представлены практически одинаковым числом в разделе «Пчеловодство» и в разделе «Молочное производство», но это несколько качественно различные «неологизмы». В сфере молокопроизводства это преимущественно сербизмы появившиеся во временном

---

¹¹ Что оправдано наименованием раздела: «Молочное производство молочная пища», а тем более общим заголовком «Питание человека: пища, напитки и их приготовление», под которым он расположен (Domosiletskaya, Zhugra, Klepikova 1997: 67).

диапазоне от эпохи существования Австро-Венгерской империи до конца XX в. В лексике же пчеловодства села Пештани явно отражено влияние литературного языка, принесшего в последние десятилетия (вместе с модернизацией самого пчеловодства) в говор ряд лексем книжного происхождения из европейских языков и русского: *larva* ‘личинка плелы’, *polen* ‘нектар растений’, *ramka* ‘улей-стояк; рамка с медом’, *pres* и *mašina* ‘медогонка’ (Domosiletskaya 2016: 63).

Показательными могут стать и результаты сравнительного анализа лексического состава сферы молокопроизводства в говоре македонского села Пештани и уже обследованного в рамках МДАБЯ албанского тоскского села Лешня (Domosiletskaya 2019: 287–291).

Таблица 2. Лексика молочного производства

Говор Пештани (макед.) (106 лексем)	Говор Лешни (алб.) (81 лексема)
Исконная лексика (славизмы) – 78%	Исконная лексика – 54% + латинский и ранний романский фонд – 14% = 68%
Турцизмы – 17 %	Турцизмы – 14%
Грецизмы – 1	Грецизмы – 3
Новая лексика (< сербизмы) – 4-6	Новая лексика (< литер. язык < европеизмы) – 2

С точки зрения устойчивости к заимствованиям лексику молочного производства и в Пештани (78%) и в Лешне (68%) можно считать достаточно прочной. Если в Пештани она представлена преимущественно общеславянскими корнями, то в Лешне незаимствованная лексика базируется преимущественно на исконных корнях, латино-романском наследии и производных от них образованиях.

Почти одинаково здесь процентное отношение турцизмов к общему составу: 17% и 14% соответственно, однако качественный их состав совершенно различен! Ср. турецкую лексику, «осевшую» в народной терминологии молокопроизводства Лешни: тур. *çember* ‘круг, окружность; обруч; кольцо (железное); обод; кольцообразный, круглый’; *börek, bürek* ‘пирожок; пирог (с мясом, брынзой, луком и пр.)’; *çengel* ‘крюк’; *dibek* ‘ступка (большая)’; тур. *fiçi*, диал. *fuçi, fiçi, fiçu, fuçu, fuçi* ‘бочка, кадка; чан’; *kalıp* ‘форма, образец’; *kazan* ‘котел’; *höşmerim*, диал. *hoşmerim* ‘блюдо молочное сладкое’; *taze* ‘свежий (не испорченный); крепкий, сильный, здоровый; новый’; *tencere*

‘кастрюля, горшок для приготовления пищи’ (Domosiletskaya 2019: 289). Как явствует из семантики, все турецкие слова имеют здесь, как и в говоре Пештани, преимущественное отношение к сфере кулинарии и обозначению предметов кухонного обихода. Здесь наблюдается лишь одно лексическое совпадение: макед. *t'enžere* ‘железный подойник для овец’; ‘железный подойник для коров’, *tenž'erina* ‘железный подойник для овец’ и алб. *tenxh'ere* ‘то же’.

Ничтожное число современных «европеизмов» — показывает древность и консерватизм молочного производства у албанцев Лешни. К недавним заимствованиям у жителей села здесь могут быть отнесены: *filtër* ‘цедильное полотно, цедилка для молока’ и производное *filtr'oj* ‘процеживать свежесвыдоенное молоко’ (Domosiletskaya 2019: 289).

3. Лексические лакуны в материале по Вопроснику (раздел «Молочное производство и молочная пища»)

Как упоминалось выше, в тематическом разделе «Молочное производство и молочная пища» 107 вопросов, на 23 из которых в Пештани не получены ответы, что составляет **21%**, т.е. примерно пятую часть. В пчеловодческой же лексике македонского села респонденты не ответили на более чем четверть вопросов (Domosiletskaya 2016: 59). Для сравнения можно указать, что в лексике молочного производства в албанском говоре Лешни лакун значительно меньше — 13% (Домосилецкая 2019: 280).

Все лакуны в диалекте Пештани (возможно, во многом волей собирателей) делятся на три категории: «нет реалии, нет слова» (6), «нет слова» (14) и «отсутствие ответа» (3).

3. 1. «Нет реалии, нет слова»

Носители говора подчеркнули, что они вообще незнакомы с такими реалиями, как: ‘простокваша — сырое густое закислое молоко’ (11.048), ‘снятая простокваша — нижняя часть простокваши после снятия сметаны’ (11.050), ‘фигурные сырки из пареного сыра¹²’ (11.099), ‘суп из овечьего сыра’ (11.102),

¹² Сыр пярят в мягких или твердых формах в емкостях на водяной бане при температуре 50–60 градусов. Получается пластичная масса, ее выливают на ровную поверхность и лепят из нее различной формы изделия типа блинчиков, оладий и фигурок. Может быть и иная технология: кусочки готового сыра подвергают термической обработке:

‘вареники с творогом, сыром’ (11.106), ‘пирожки с творогом, сыром’ (11.107).

Понятие ‘сырое густое закисшее молоко’ — кисломолочный продукт, загустевший без использования особой закваски. Молочнокислое брожение в нем происходит естественным образом путем проникновения молочнокислых бактерий. В целом понятие универсально, реалия присутствует в любом молочном хозяйстве, и поэтому отсутствие ее в Пештани несколько удивляет. Тем более что в литературном македонском имеется: *самоквас* и *самокиш* ‘простокваша’. Интересно, что в говоре встречается *s'amoŭkiš*, но как обозначение продукта, основанного как раз на *закваске* (11.054. ‘кипяченое или подогретое створоженное заквашенное закваской овечье молоко’), что, строго говоря, противоречит внутренней форме *сам* + *квасить*.

Важно указать на факт присутствия соответствующей лексемы для обозначения простокваши во всех пунктах МДАБЯ, кроме албанских¹³ и Пештани, что выделяет албано-македонскую зону из других обследованных говоров. См.: болг. *samok'iš* (Гега), *'urda* (Гела) и *k''iselo ml'ako* (Равна), серб. *pr'oćiša* (Каменица), хорв. *kisela ŷamuža* (Оток), греч. *ksin'oŷalu*, *ŷa'urti* и *ksin'oŷalo* (Кастелли), арум. *turkat*, *lapti acru* (Кранеа).

Остальные денотаты категории «нет реалии, нет слова» специфичны, относятся не столько к молокопроизводству, сколько к молочной кулинарии и являются периферийными в данной тематической группе лексики.

3. 2. «Нет слова»

Респондентам реалия известна (часто существовавшая, но вышедшая из употребления), но они затруднились ее назвать: ‘палочка с зарубками для измерения молока’ (11.014), ‘сосуд-мера для молока’ (11.015), ‘большая деревянная ложка-черпак, используемая при изготовлении овечьего сыра’ (11.058), ‘приспособление для подвешивания над огнем котла с сывороткой в виде изогнутой палки или П-образное из трех палок’ (11.062),

---

поджаривают на решетке, на сковороде в панировочных сухарях, слегка отваривают и т. д.

¹³ В албанском гегском Мухурре, также входящем в сетку МДАБЯ, все же намечается возможность обозначить качественное изменение молока выражением *t'amël i thart'ue* букв. «молоко скисло» (Ylli, Sobolev 2003: 405).

‘мешалка в виде узкой зубчатой дощечки для изготовления вторичного сыра’ (11.066), ‘кол для разбивания брынзы в бочке’ (11.077), ‘форма для сыра’ (11.079). Может быть, соответствующую или схожую функцию выполняют сейчас похожие предметы, неназванные респондентами, но для выяснения этого требуется дополнительное этнографическое исследование.

Нет ни отдельных слов, ни описательных конструкций для таких кулинарных реалий, как: ‘высшие сорта брынзы’ (11.074), ‘копченый овечий сыр’ (11.075), ‘молочная приправа’ (11.093), ‘топленое масло’ (11.097), ‘запаривать молоко на медленном огне’ (11.098). Это все, как кажется, отражает особенности местной кулинарии и отсутствие в ней некоторых технологий. Хотя в материалах экспедиции в этих пяти случаях отмечен лишь пробел в использовании слова, а не отсутствие реалии, все же представляется, что в Пештани, скорее всего, не изготавливают некоторые молочные производные длительного хранения: 1) не топят сливочное масло для получения чистого молочного жира без молочного белка, который быстро портится; 2) не коптят сыр, также способный храниться очень долго; 3) не делают запаренное топленое молоко, которое дольше не скисает. Респонденты затруднились обозначить такое понятие, как ‘молочная приправа’, которое подразумевает горячую добавку к блюдам из разогретого молока, муки, а также, возможно, сыра, лука, зелени, трав и проч., однако соотнесли его с общим *z'apərška* ‘приправа’. Жители села не смогли определить, что для них является лучшими сортами рассольных сыров — брынзы: овечья (зернистая белая), козья (плотная кремовая) или из коровьего молока (не рассыпчатая, но с дырками) — и соответственно их назвать.

Нет слов и для обозначения таких гиперонимов, как ‘молочные продукты (собир.)’ (11.036) и ‘молочная пища (собир.)’ (11.083). Под молочными *продуктами* подразумеваются *сырые* молочные продукты типа свежего и ферментированного разными способами молока, творога, сметаны, сливок, разнообразных сыров и проч., под молочной *пищей* — термически приготовленные блюда с мукой, крупами и проч., в состав которых входят молоко и обработанные молочные продукты. Для сравнения см. имеющиеся ответы на эти вопросы 11.036 и 11.083 в двух других пунктах МДАБЯ: см. *bulm'etra* в обеих номинациях (албанская Лешня) и частично лексически различающиеся *b'eli m'rs* ‘не

мясная, не постная еда' (11.036) и *m'rs* 'не постная еда' (11.083) (сербская Каменица) (Domosiletskaya 2019: 284–285).

3. 3. «Отсутствие ответа»

Важно заметить, что в таких случаях параллельно цитируется либо слегка расширенный до словосочетания контекст, либо пояснение носителей говора, которое дает понять, что у них все же *имеется представление* о данном действии или предмете. 'Горячее неподслащенное молоко-напиток' (11.029) — лакуна имеет дополнение: *go-st'oplime* 1 pl. букв. «его топим, плавим». Внутренняя форма глагола, поясняющего технологию получения такого рода *неназванного* молока, позволяет соотнести с понятием 'запаривать молоко на медленном огне' (11.098), для которого в Пештани глагола не обнаружено. Комментарий к вопросу 'пресс для сыра' (11.071) содержит прямое описание *неназванного* напрямую приспособления: *šćici i-k'amen* 'доски и камень'¹⁴. Как сказано выше, в говоре отсутствует обозначение такой реалии, как 'топленое масло' (11.097). А вот комментарий к вопросу 'топить масло' (11.096) *t'opime s'aloto* 1 pl. букв. «топим сало, жир» еще раз подтверждает, что если с самим процессом жители села знакомы, о чем свидетельствует глагол, то топленого масла они не знают и не изготавливают.

4. Синонимия

На 107 вопросов дано 12 синонимичных ответов, причем являющихся явно неполными синонимами (11%)¹⁵. Абсолютными синонимами можно считать лишь прилагательные: *səb'ailešno ml'eko* и *'utrešno ml'eko* 'утреннее молоко' (11.019), т. е. молоко, полученное в процессе утренней дойки. Что касается двух турцизмов *s'otun* и *top* 'ком свежего отжатого сыра, сырообразной массы' (11.061), то различие, весьма предположительно, может подразумеваться и лежать в плоскости способа получения этого сырного/творожного кома: сформированный руками, вынутый из ткани, из сырной формы, а также его консистенции и проч.

¹⁴ В говоре в разделе «Молочное производство» полностью отсутствуют перифрастические (*непрямые* описательные) наименования.

¹⁵ Заметим, что касается номенклатурной синонимии в данном разделе лексики албанской Лешни, то она проявляется при ответах на 17 вопросов из 107 (16%) (Domosiletskaya 2019: 286).

Синонимы здесь относятся преимущественно к предметной лексике. Найдена только пара глаголов для обозначения одного и того же действия ‘киснуть — о молоке, делаться кислым от естественного брожения, без подквасы’ (11.034): *da-s: k'islit, r'asipit-se*. Если в первом глаголе внутренняя форма сводится в понятие ‘кислый’, то во втором — к понятию ‘портить(ся)’. Это еще раз может указывать на «недоверчивое» отношение жителей Пештани к самозакисшему без закваски молоку, которое, по всей видимости, активно ими не используется (что еще требует проверки): см. вышеописанное отсутствие слов для понятия ‘сырое густое закисшее молоко’, перенос *s'amoïkieš* на ‘кипяченое или подогретое створоженное заквашенное закваской овечьё молоко’.

Остальные синонимы можно считать «ситуативными». Вероятно, реалии, входящие в одну номинацию, могут несколько отличаться друг от друга качественно, но обязательно *совпадают по функции*. Это посуда и приспособления, используемые при доении и приготовлении молокопродуктов, и ткани для процеживания и переноски готовых сыров. Иногда разницу между синонимами уловить трудно. В чем заключается «зазор» между двумя словами: некоторое внешнее различие денотата, употребительность слов в языке, время проникновения слова в говор? 1. *b'okal* и *t'enžere* ‘железный подойник для коров’ (11.012); 2. *k'otle* и *t'enžere* ‘котел для кипячения первичной сыворотки’ (11.064); 3. *k'esina* и *vr'ešća* ‘полотнище, в котором переносят готовые сыры’ (11.082).

Для различения нюансов в некоторых парах синонимов подсказка заключена в комментарии к материалам.

1. *k'obel* и *k'ofa* (нов.) ‘клепанный деревянный подойник для коров’ (11.009). Помета говорит о недавнем проникновении в говор второго слова — оно осознается как новое самими его носителями.

2. *k'aše* и *l'onec* (нов., «эмалированный сосуд») ‘бочка для приготовления и хранения брынзы’ (11.078). Второе слово не только вошло позднее, скорее всего из сербского, но связано в сознании жителей села и с конкретным новым материалом — металлом, покрытым эмалью. Можно предполагать (за неимением этнографических описаний и фотографий), что *l'onec* — это, скорее всего, не бочка, а большой эмалированный сосуд типа бака, ведра. Слова объединены в ответе общностью функций.

3. *stap* и *t'urilo* 'пест маслобойки' (11.039) Представленное в комментарии словосочетание с уточняющим компонентом *t'urilo za-m'ateine* букв. «пест для ....» указывает на то, что подобный формы пест мог использоваться и для других хозяйственных целей. А обнаруженная в говоре полисемия у слова *stap*: 'пастуший посох, загнутый на конце' (6.418) и 'пест маслобойки' — говорит о том, что, несмотря на совпадение функций, слова *stap* и *t'urilo* выступают ситуативными синонимами.

4. *t'ul'ben* и *k'arpa* 'цедильное полотно, цедилка для молока' (11.006). Отмеченное в комментарии словосочетание с уточняющим компонентом *t'ul'ben ot-l'eleno pl'atno* букв. «тюльбен, платок, через который льют» указывает на то, что в говоре до сих пор сохранилось представление об исходном значении *t'ul'ben* прежде всего как женского головного платка из тончайшей редкой материи.

5. *c'edilo*, *t'ul'ben* и *č'aršaf* 'цедилка для отжимания сыра' (11.060). Для синонима *c'edilo* дан комментарий: «имеет вид мешка». Это подсказывает нам, что носители говора различают данные предметы по форме, где мешку противопоставляется ровное полотнище, которому можно придать произвольную форму и которое тогда можно назвать *t'ul'ben* и *č'aršaf*.

6. *k'olce* и *kr'uk* 'конец песта маслобойки в виде колесика, плетеного кольца и пр.' (11.040). Известно, что традиционные деревянные песты для маслобоек могли иметь на конце длинной ручки просто сучки, составляющие естественную мутовку, а также крестовину с колесиком (из согнутого прута или прутьев), сплошной кружок и проч. Судя по прозрачной внутренней форме «кольцо» и «круг», можно предположить, как была устроена примитивная маслобойка в Пештани. Два гиперонима стали в контексте опросника ситуативными синонимами.

5. Полисемия

Встретившиеся в полевых материалах опросника совпадающие ответы могут свидетельствовать, прежде всего, о **полисемии** слов, входящих в терминосистему говора. См. *t'enžere*, где взаимосвязь между смыслами значений реконструируется — по материалам говора — как «металлический сосуд округлой формы». 1. 'Железный подойник для овец' (11.010), 2. 'железный подойник для коров' (11.012). То, что имеем здесь дело именно с полисемией, а не с абсолютным неразличением

реалий, доказывает факт наличия у *t'enžere* в значении (11.012) также синонима *b'oka(ə)l*. Внешнее отличие реалий должно заключаться в разнице размеров — подойник для овец обычно значительно меньше по объему. Слово *t'enžere* также имеет в говоре и третье значение 'котел для кипячения первичной сыворотки' (11.064) — причем также с синонимом *k'otle*. О том, что *t'enžere* может расширяться в своей семантике до обозначения более широкого понятия «котел — большой металлический сосуд округлой формы для нагревания над огнем какой-либо жидкости и для варки», говорят и следующие полученные ответы: *se-t'opit vo-t'enžere* букв. «топится в котле» (8.090 'воскотопка'), *sob'irat-so t'enžere* букв. «собирать с котла» (как «уклончивый» ответ на вопрос 11.057 'деревянная мешалка для разбивания и сбора сквашенного молока сырообразной массы').

Интересно рассмотреть, прежде всего, случаи явной полисемии (в собственном смысле этого термина) — они дают представление о семантической амплитуде лексем, в данном случае выходящих за пределы тематического круга лексики, связанной с молочным производством.

5.1. Семантические переходы (албано-македонский параллелизм)

Наибольший интерес представляют случаи «межбалканских» совпадений при семантических переходах. Сравнительный анализ здесь был проведен пока только между уже обследованной лексикой молочного производства в говоре албанской Лешни и соответствующей лексикой македонского Пештани.

Удалось выявить лишь один параллелизм. Это микрополе «**ЦЕДИТЬ**» (общий семантический признак — «выделять по капле жидкость»), куда входят как каузативные, так и некаузативные значения глаголов, семантически первичным из которых, по-видимому, следует считать 'стекать, капать'. Макед. *c'edit* / алб. *kull'oj* имеют значения: 'цедить мед, пропускать через сетку для очистки' (8.095), 'процеживать свежесвыдоенное молоко, пропускать молоко для очистки через что-либо фильтрующее' (11.005) и 'стекать, капать — о сыре' (11.059). Важно отметить, что семантическая амплитуда в албанском говоре несколько шире и включает в себя также такое понятие, как 'прессовать сыр' (11.072) — *kulloj*.

Особого рассмотрения требует семантическое поле «**ЖИВОТ** (часть тела между грудью и ногами) — **ЖЕЛУДОК** (полый мышечный орган, где происходит пищеварение и

который находится в животе) — **БУРДЮК** (кожаный мешок из желудка крупного животного или из цельной шкуры мелкого животного)». В говоре Пештани имеем ответ на вопрос 11.081 ‘бурдюк — мешок из шкуры или желудка животных для заквашивания или хранения сыра’ — *mef*, *m'eoĩ* = *m'ešina*, а в разделе «Анатомия человека»: *st'omak* (нов.) = *mef* («живот снаружи») = *šč'embe* («живот с внутренностями») как ответы на вопрос 3.007 ‘живот’. Т. е. налицо лексическое совпадение (*mef*) выражения таких понятий, как ‘бурдюк как мешок’ и ‘живот человека’ (явная метафория). Если сравнить отражение этих понятий в говоре Лешни, то видим, четкое разграничение сфер *человек* и *животное* и различие этих денотатов: *bark* ‘живот’ (3.007) и *sh'akull* = *lëk'urë* ‘бурдюк’ (11.081).

5. 2. Семантические переходы в рамках говора Пештани

5. 2. 1. ‘**печься**’ как кулинарный термин «приготавливать пищу *сухим нагреванием* на огне, на углях» (11.087) *da-s-p'ečit*, *da-p'ečite* 1 pl.; далее приставочные причастные образования: *zap'ečeno* part. pass. ‘испорченное яйцо, из которого не выведется цыпленок’ (7.050), ‘не вылупившийся из яйца, задохнувшийся цыпленок’ (7.059) — *'ustata mi-e-zap'ečena* ‘рот пересох’ букв. «рот мой есть запеченный» (4.171). Интересно, что понятие о неразвившемся зародыше, погибшем в процессе созревания в результате неблагоприятных обстоятельств, связано с понятием о том, что он «запекся», т. е. соединился в комок, в одно твердое целое, причем непригодное в пищу. Представление о пересохшем рте передается метафорой с глаголом «печь», т. е. в своем понятийном ядре связано с жаром и сухостью.

5. 2. 2. ‘горячее **подслащенное** молоко-напиток’ (11.028) *bl'ago ml'eko* // ‘**пологий**’ (1.019) *bl'ak* adj. mask., ‘отлогий склон горы’ (1.025) *p'o-bl'aga st'arna* adj. fem. compar. + subst., ‘куполовидная вершина’ (1.053) *p'o-bl'ago* adj. neutr. Если в литературном македонском полисемичное прилагательное *благ* означает: ‘1. сладкий; 2. неострый; 3. мягкий, добрый, нежный’, то, судя по полевым материалам села Пештани (которые, естественно, не охватывают всех сфер лексики), помимо значения ‘сладкий’, слово приобрело значение ‘пологий, не крутой, гладкий’, по-видимому, через ступень ‘мягкий, нежный, добрый’.

5. 3. Глаголы с диффузной семантикой

В следующих случаях вряд ли можно говорить о полисемии слов. Речь скорее идет о словах (преимущественно глаголах) с широким и расплывчатым понятийным ядром, которые вполне применимы в разных тематических сферах лексики. Это подтверждает параллельный анализ македонских (Пештани) и албанских (Лешня) глаголов, относящихся к разным сферам народной терминологической лексики. Он обнаруживает много совпадений между албанским тоскским и македонским в использовании глаголов, обладающих сильным денотативным потенциалом.

5. 3. 1. **‘Испортить; сделать плохим’**. Макед. *расуне* / алб. *prish* (*prishet* 3 sg. refl.). Пештани: *ras'ipano j'aice* как ответ на вопрос 7.035 ‘протухнуть, загнить, издавая неприятный запах, — о яйце’, букв. «испорченное яйцо», *ras'ipano ml'eko* ‘кислое молоко’ (11.035). Ср. Лешня: *pr'ishet (k'oha)* ‘стать ненастной — о погоде’ (2.010), букв. «(она) портится», *pr'ishet* ‘киснуть — о молоке, делаться кислым от естественного брожения без подквасы’ (11.034) букв. «(оно) портится». Как видно, общим в обоих селах является применение глагола (или причастия) к обозначению прокисшего молока, в Пештани глагол ‘испортить’ не применим в описании плохой погоды, а в Лешне — к испорченным яйцам.

5. 3. 2. **‘Резать, рубить’**. Макед. *сече* / алб. *pres*. Пештани: *s'eçime* 1 pl. ‘убирать кукурузу’ (9.035), *s'eçime sve* 1 pl. ‘резать на куски’ (11.094). На два этих вопроса в Лешне также ответили одинаково, с использованием глагола ‘резать’ — *pres*. Однако назывной потенциал глагола в албанской Лешне значительно шире — он обозначает также такие действия, как: ‘укорачивать уши, хвост животного с целью меченья’ (6.346), ‘забивать скот, убивать скот на бойне’ (6.498), ‘подрезать крылья’ (7.077), *pres me th'ikë* ‘подрезать соты’, букв. «резать ножом» (8.084).

5. 3. 3. **‘Топить, плавить, нагревая, делать жидким от высокой температуры’**. Макед. *топу* / алб. *çkrij*. Пештани: *t'opime* 1 pl. ‘добывать воск из вошины, топить воск’ букв. «топим» (8.089), *t'opime* 1 pl. ‘топить масло’ (11.096), ср. также *t'opime s'aloto* 1 pl. ‘топим сало’. На два этих вопроса в Лешне также ответили одинаково с использованием глагола ‘топить’ — *çkrij*.

5. 3. 4. **‘Кидать внутрь, вкладывать внутрь’**. Макед. *фрла, фрли* / алб. *hedh*. Пештани: *da-f'arleme š'eiker* 1 pl. ‘класть в пищу сахар’ (11.091), *z'apërška f'arleme* 1 pl. ‘приправлять —

маслом, сметаной, салом и т. п.’ (11.092), букв. «приправу внутрь кидаем», кроме того вспомогательный ответ на вопрос 8.106 ‘изгонять осенью трутней из улья — о пчелах’ *se-fərlet*, а также, наряду с другими синонимичными фразами, — *prefərlame preko-r'ekana* 1 pl. ‘переходить реку вброд’ (1.168), при этом приставочный глагол уже сильно меняет корневую семантику. Алб. (Лешня) *hedh*: кроме ‘приправлять — маслом, сметаной, салом и т. п.’ (11.092), встретился также как *hedh* (*kr'ipë*) ‘давать скоту соль’ (6.324) букв. «кидать, давать (соль)», *hedh* (*ple*) ‘удобрять землю’ (10.050) букв. «давать, вкладывать (навоз)».

5.3.5. ‘Сжать, сдавить, стянуть, затянуть’. Макед. ‘прес-совать сыр’ *da-se-st'egnit* (11.072) — ‘выжимать мед из сотов вручную, предварительно завернув в редкий хлопчатобумажный материал’ *da-se-st'egnit t'uriŋka* (8.096) — ‘жадный, стремящийся взять себе, получить, иметь у себя как можно больше чего-либо’ *st'egnat* adj. masc. (4.225). Общее значение макед. глагола *st'egne* ‘стянуть, затянуть, сжать, сдавить’ — использование такого понятия для процесса прессования сыра и ручной выжимки меда из сот вполне оправданно. Что же касается переносного значения причастия от данного глагола, то оно оправдано, если имеет в качестве нюанса не ‘*стремящийся взять себе, получить побольше, ненасытный в желании обогащаться*’, а ‘*стремящийся не отдавать свое, скупой, не желающий безвозмездно делиться с другими тем, что имеет*’, т. е. «сжимающий свое», ср. рус. просторечн. *зжать* ‘утаить от других, не дать’. В отличие от Пештани, в тоскском говоре Лешни данные специальные процессы в ходе получения меда и сыра воспринимаются как *разные*: *shtrydh* ‘выжимать мед из сотов’ (однозначный глагол в границах полученного материала) / *kulloy* ‘прессовать сыр’.

6. Лексические неразличения

Совпадающие ответы могут свидетельствовать иногда не столько о полисемии слов, сколько об особенностях устоявшихся в говоре принципов номинации, когда объективация близких, с точки зрения носителей говора, понятий осуществляется одной и той же лексемой и не нуждается в особом оформлении. То есть говорящие скорее считают данные предметы и явления *не разными, объединенными каким-то общим признаком*, а по сути *одним и тем же предметом и явлением*,

отличительные особенности которого совершенно не релевантны для хозяйствования.

6. 1. *m'olzame* 1 pl. 'доить'(11.001) и 'доить корову' (11.003). Подразумеваемая гипонимическая лакуна (отсутствие особого глагола для процесса дойки коровы) свободно заполняется гиперонимом 'доить'. При этом дойка овец обозначается особо — *s'arkame* 1 pl. (11.004). Тем самым и в сознании людей и в наименовании выделяется специфика этого процесса дойки, основанная на физиологии овец (см. выше).

6. 2. *k'obel* может обозначать 'долбленный подойник для овец' (11.008), 'клепанный (т. е. состоящий из *клёпок* — специальных досок, образующих боковую поверхность) деревянный подойник для овец' (11.009) и 'деревянный плоский сосуд для сцеживания сыворотки из сыра' (11.069). В последней номинации, однако, имеется описательный комментарий респондента: *k'obel ot-šćićina, so-'obrači* 'деревянный сосуд из дощечек, с обручами', где видно, что важно подчеркнуть внешний вид и состав стенок сосуда.

6. 3. *b'oka(ə)l* как ответы на вопросы (11.011) 'деревянный подойник для коров' и (11.012) 'железный подойник для коров', причем во второй номинации респондентом употреблён и (ситуативный ?) синоним *t'enžere* (литер. *тенцере* 'кастрюля'), которым может выражаться признак «материал» (*металл*), явно нерелевантный при обозначении обоих подойников словом *b'oka(ə)l*.

6. 4. *k'aïmak* обозначает как 'сливки — густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока' (11.032), так и 'сметана — густой жирный верхний слой закисшего молока' (11.049), т. е. для носителей говора совершенно нет необходимости обозначать, подвергся ли этот верхний жирный слой молока молочнокислому брожению.

6. 5. *ml'eko* 'молоко' (11.016) и 'некипяченное створоженное заквашенное закваской овечьё молоко' (11.053) — в данном случае для называния объекта нерелевантно, как ни странно, наличие в сыром молоке процесса брожения.

6. 6. *pr'esno ml'eko* 'свежее молоко, недавно надоенное, сегодняшнее молоко' (11.018) и 'сырое некипяченное молоко' (11.027) — отсутствует противопоставление свежего молока и сырого молока, которое может быть и вчерашним, но не скисшим. В случаях 6. 5. и 6. 6. имеем две разные точки зрения на качество молока: сырое молоко как основа для дальнейшей

манипуляции заквашивания и сырое молоко в разной степени его свежести.

6. 7. *s'ireiŋe* 'творог, сгустившиеся частицы заквашенного коровьего молока, отделенные от сыворотки' (11.045), 'свежий овечий неферментированный сыр' (11.055), 'брынза — специальным образом приготовленный для хранения подсоленный овечий сыр' (11.073), см. также *nes'oleno s'ireiŋe* 'несоленый творог' (11.046), *s'oleno s'ireiŋe* 'подсоленный творог' (11.047). Для носителей говора здесь неважно ни происхождение молока (коровье, овечье, козье), ни степень ферментации и отжима первичной сырной массы.

6. 8. *kač'amak* 'еда из овечьего молока и кукурузной муки' (11.100) и 'мамалыга на сметане' (11.101), см. также *kač'amakot so-s'ireiŋeto* 'кусочек мамалыги с брынзой внутри' (11.105). По всей видимости, этим словом могут называть любую молочную круто замешанную на кукурузной муке или крупе еду, причем неважно, на закисшем молоке или нет.

6. 9. *s'iratka* 'первичная густая сыворотка, стекшая из цедилки, жидкий отстой свернувшегося молока' (11.056), 'вторичная, проваренная сыворотка с еще не выделенным сыром' (11.067), 'вторичная жидкая сыворотка после снятия вторичного сыра' (11.068), 'сыворотка с готового сыра с крупинками сыра, «сырное молоко»' (11.070).

Из всех приведенных случаев лексического неразличения в Пештани только в трех обнаруживается параллелизм с говором Лешни. Это 6.1. *mjel* (11.001 и 11.003) 'доить' и 'доить корову', что противопоставлено *cërk'oj, mjel* (11.004) 'доить овцу'; 6.4. *ajkë* 'сливки — густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока' (11.032)¹⁶, 'сметана — густой жирный верхний слой закисшего молока' (11.049); 6.9. *hirë* 'первичная густая сыворотка, стекшая из цедилки, жидкий отстой свернувшегося молока' (11.056), 'сыворотка с готового сыра с крупинками сыра, «сырное молоко»' (11.070). Данные совпадения явно обращают на себя внимание, однако только сопоставление с материалом других балканских говоров может позволить назвать подобные случаи некими «балканскими константами». Пока же речь идет только о македонско-южноалбанском (тосском) семантическом параллелизме, который выражается в однотипном наборе глаголов общего характера, обладающих сильным денотативным потенциалом, в наличии однотипных

¹⁶ Имеет также синоним *sipë*.

вариантов лексических неразличений, в сходной структуре ряда семантических полей и однонаправленных (правда, редких) семантических переходах.

Можно предварительно с осторожностью сказать, что основы семантического членения мира (вернее, одного из его фрагментов — древней для Балкан сферы молокопроизводства) у албанцев-тосков и македонцев во многом совпадают. Правда, пока еще преждевременно судить о том, что из этих общих черт может быть отнесено к универсалиям, что к общевалканским чертам, а что окажется специфичным «албано-македонским».

Литература

- Barić, H. 1954: *Lingvističke studije*. Sarajevo.
- BER I – *Balgarski etimologichen rechnik*. [*Bulgarian etymological dictionary*]. Vol. I. Georgiev, V. (Ed.). Sofia: BAN, 1971.
Български етимологичен речник. Т. I. Георгиев, В. (ред.). София: БАН: 1971.
- BER II – *Balgarski etimologichen rechnik*. [*Bulgarian etymological dictionary*]. Vol. II. Georgiev, V. (Ed.). Sofia: BAN, 1979.
Български етимологичен речник. Т. II. Георгиев, В. (ред.). София: БАН: 1979.
- BER III – *Balgarski etimologichen rechnik*. [*Bulgarian etymological dictionary*]. Vol. III. Georgiev, V. (Ed.). Sofia: BAN, 1986.
Български етимологичен речник. Т. III. Георгиев, В. (ред.). София: БАН: 1986.
- BER V – *Balgarski etimologichen rechnik*. [*Bulgarian etymological dictionary*]. Vol. V. Georgiev, V., Duridanov I. (Eds.). Sofia: “Prof. Marin Drinov”, 1996.
Български етимологичен речник. Т. V. Георгиев, В., Дуриданов, И. (ред.). София: «Проф. Марин Дринов», 1996.
- BER VIII – *Balgarski etimologichen rechnik*. [*Bulgarian etymological dictionary*]. Vol. VIII. Dimitrova-Todorova, L., Selimski, L. (Eds.). Sofia: “Prof. Marin Drinov”, 2017.
Български етимологичен речник. Т. VIII. Димитрова-Тодорова, Л., Селимски, Л. (ред.). София: «Проф. Марин Дринов», 2017.
- Desnitskaya, A. V. 1984: [Balkanisms in the lexis of the languages of Carpathian areal], In: Desnitskaya, A. V. *Sravnitel'noye yazykoznanie i istoriya yazykov*. [*Comparative linguistics and the history of languages*]. Leningrad: Nauka, 295–317.
Десницкая, А. В. 1984: Балканизмы в лексике языков карпатского ареала. В сб.: Десницкая, А. В. *Сравнительное языкознание и история языков*. Л.: Наука, 295–317.
- Domosiletskaya, M. V. 2002: *Albansko-vostochnoromanskiy sopostavitel'nyy pon'atiynny slovar'* [*Albanian-Eastern Romance comparative conceptual dictionary: the pastoral vocabulary*]. St-Petersburg: Nauka.

- Домосилецкая, М. В. 2002: *Албанско-восточнороманский сопоставительный понятийный словарь. Скотоводческая лексика*. СПб: Наука.
- Domosiletskaya, M. V. 2010: *Malyi dialektologicheskiy atlas balkanskikh yazykov. Seriya leksicheskaya. T. IV. Landshaft* [Minor Dialect Atlas of the Balkan languages. Lexical series. V. IV. Landscape] = Studien zum Südosteuropasprachatlas. Band 8. St-Petersburg: Nauka; München: Verlag Otto Sagner.
- Домосилецкая, М. В. *Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Том IV. Ландшафт*. = Studien zum Südosteuropasprachatlas. Band 8. Санкт-Петербург: «Наука» – München: Verlag Otto Sagner.
- Domosiletskaya, M.V. 2016: [Beekeeping terminology in the Macedonian dialect of Peshtani (based on MDABL). *Slav'anovedeniye* [Slavic Studies]. 2016. 6, 58–63.
- Домосилецкая, М. В. 2016: Пчеловодческая лексика в македонском говоре села Пештани (по материалам МДАБЯ). *Славяноведение*. 2016. 6, 58–63.
- Domosiletskaya, M. V. 2019: [Terminology of dairy production in the Albanian Tosk dialect of Leshnjë (based on MDABL)]. *Indoeuropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European linguistics and classical philology] 23, 277–294.
- Домосилецкая, М. В. 2019: Лексика молочного производства в албанском говоре села Лешня (по материалам МДАБЯ). *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 23, 277–294.
- Domosiletskaya, M. V., Zhugra, A. V., Klepikova G. P. 1997: *Malyi dialektologicheskiy atlas balkanskikh yazykov. Leksicheskaya programma*. [Minor Dialect Atlas of the Balkan languages. Draft of the lexis]. St-Petersburg: ILS RAS.
- Домосилецкая, М. В., Жугра, А. В., Клепикова, Г. П. 1997: *Малый диалектологический атлас балканских языков. Лексическая программа*. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН.
- ESSYA 1979: *Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov. (Praslavyanskiy leksicheskiy fond)*. [Etymological Dictionary of Slavic Languages. (Proto-Slavic Lexical Stock)]. Trubachov, O.I. (ed). 6. Moscow: Nauka.
- Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Трубачев, О.И. (ред.). Вып. 6. М.: Наука, 1979.
- Grannes, A., Hauge, K. R., Sülemanogly, H. 2002: *A Dictionary of Turkisms in Bulgarian*. Amsterdam: The Institute for Comparative Research in Human Culture, 2002.
- Klepikova, G. P. 1966: [A passage from Karpathian-Balkan terminology of cattle breeding in highlands. I. Urda], In: *Etymology* 1966. Moscow: Nauka, 62–80.
- Клепикова Г. П. 1966: Из карпато-балканской терминологии высокогорного скотоводства. I. Urda. В сб.: *Этимология*. М.: Наука, 62–80.

- Mladenov, S. 1941: *Etimologicheski i pravopisen rechnik na balgarskiya knizhoven ezik*. [Etymological and Orthographic dictionary of Bulgarian literary language]. Sofia.
- Младенов, С. 1941: *Етимологически и правописен речник на българския книжовен език*. София.
- Satzinger, H., Stefanović, D. 2019: *(Austro-)German words in Serbian*. Work in progress. [<https://homepage.univie.ac.at/helmut.satzinger/Texte/German-Serbian.html>] 06/08/2019
- Skok, P. 1971: *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. I. Zagreb: Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti.
- Ylli, Xh., Sobolev, A. N. 2002: *Albanskiy toskskiy govor sela Leshn'a (kraina Skrapar)*. [Albanian tosk dialect of the village Leshnjë (region Skrapar)]. Marburg an der Lahn: Biblion Verlag.
- Юллы, Дж. Соболев, А. Н. 2002: *Албанский тоскский говор села Лешня (краина Скрапар)*. Marburg an der Lahn: Biblion Verlag.
- Ylli, Xh., Sobolev, A. N. 2003: *Albanskiy gegskiy govor sela Muhurr (kraina Dibar)*. [Albanian geg dialect of the village Muhurr (region Dibër)]. München: Biblion Verlag.
- Юллы, Дж. Соболев, А. Н. 2003: *Албанский гегский говор села Мухурр (краина Дибыр)*. München: Biblion Verlag.

Д. В. Конёр
(Институт лингвистических исследований РАН)

ВОСПРИЯТИЕ ГРАНИЦЫ И РОДНОЙ РЕЧИ У ТОРЛАКОВ ЗАПАДНОЙ БОЛГАРИИ¹

В данной статье рассматривается этнолингвистическая ситуация к востоку от сербско-болгарской границы, в районах г. Белоградчик и г. Трын. Местные болгарские говоры, как и граничащие с ними восточно-сербские (призренско-тимокские) диалекты, относятся к торлакскому диалектному комплексу. Лингвистическая удалённость белоградчикских и тринских говоров от воспринимаемого в качестве «правильного» стандартного болгарского языка способствовала закреплению за ними статуса непрестижных идиомов, а также социолингвистической маргинализации их носителей. Дискурсивный анализ нарративов, записанных в 2018 и 2019 гг. в экспедициях в Западную Болгарию, помогает понять, как приграничное положение болгарских торлакских говоров повлияло на их развитие в новое и новейшее время. Мы приходим к выводу о том, что низкий социальный статус местных говоров, который является результатом языковой политики, стал ключевым фактором вытеснения диалектной речи региональным вариантом стандартного языка.

Ключевые слова: торлакские говоры, диалекты Западной Болгарии, диалектология пограничья, отношение к языку, дискурсивный анализ.

D. V. Konior
(Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg)

Perception of borders and local vernaculars by Western Bulgarian Torlak people

This article deals with the ethnolinguistic situation east of the Serbian-Bulgarian border, in the Belogradchik and Tran districts. Local vernaculars are of the Torlak type, which suggests their genetic unity with the bordering Eastern Serbian (Prizren-Timok) dialects. In both countries, these vernaculars are perceived as “incorrect” because of their remoteness from the standard languages (and dialects on which they were based). In this study, we perform a discourse analysis of the samples of local people’s speech recorded during fieldwork in Western Bulgaria in 2018 and 2019. It is stated that mixed marriages with the Serbian Torlaks, status inequality, cross-border military conflicts in the past, as well as identity issues and informants’ perception of local vernaculars are the main factors that have

---

¹ Исследование проведено в рамках программы Horizon 2020 ERA.Net RUS Plus. Финансовая поддержка исследователей из России осуществляется РФФИ (ЭРА_а 18-512-76002).

been influencing the sociolinguistic development of the Bulgarian Torlak vernaculars in 20th and 21st centuries, which is marked by the shift from dialect speech to standard-based regional koine.

Keywords: the Torlak vernaculars, Western Bulgarian dialects, dialectology of borderlands, language attitude, discourse analysis.

1. Введение

В последнее время политические границы вызывают особый интерес не только у социологов и антропологов, но также у лингвистов — диалектологов, специалистов по мультилингвизму и языковым контактам (Watt, Llamas 2014; Martinez, Fishman 2014; Kamusella, Nomachi, Gibson 2016; Hawkey 2018; Palliwoda et al. 2019)². Приграничные области и формирующиеся там «приграничные ландшафты» (англ. *borderscapes*) (Rajaram, Grundy-Warr 2007) начинают осмысляться не в качестве периферий, а в качестве центров ключевых социолингвистических процессов (Jańczak 2015: 119). Юго-Восточная Европа является одним из тех регионов, где границы играют особенно важную роль в общественном, политическом и научном дискурсе. Тем не менее, изучению языковых и культурных контактов на окраинах балканских государств посвящено сравнительно немного работ (Jussufi 2019: 42)³.

В данной статье мы рассматриваем языковую ситуацию в приграничных областях Западной Болгарии и Восточной Сербии. Местные идиомы относят к *торлакскому диалектному комплексу*, а часть жителей этого региона самоидентифицируется в качестве *торлаков* (что чаще всего понимается как региональная этническая группа в рамках сербской или болгарской нации) (Živković 1994; Dinić 2008; Veselinov 2019). Предположительно, данные территории (а также области северной Северной Македонии) в прошлом представляли собой единую этнолингвистическую зону, разделённую границами

---

² В последние годы были проведены междисциплинарные конференции по данной теме, например, “Borderscape as an Interdisciplinary Concept” (Люксембург, 2016 г.) (URL: <https://www.imiscoe.org/docman-docs/522-en-cfp-symposium-borderscapes-final/file>).

³ В данный момент готовится к печати коллективная монография «От сепарации к симбиозу: языки и культуры Юго-Восточной Европы в контакте» (Sobolev et al. 2020), в которой подводится итог многолетнему изучению контактных ситуаций на перифериях балканских языковых пространств (Химара в Албании, Веля Горана в Черногории, Преспа в Северной Македонии, Карашево в Румынии, Цакония в Греции, о-в. Крк в Хорватии и др.).

современных балканских государств, в каждом из которых торлакские диалекты ныне представляют собой периферию национального языкового пространства⁴. Так, в болгарской диалектологии Западная Болгария выделяется в особую лингвистическую зону, которую Ст. Стойков характеризует как «переходные [между сербским и болгарским языками] говоры». Эти говоры противопоставлены другим болгарским диалектам по ряду важнейших признаков, среди которых: развитие *č*, *dž* на месте праславянских **tj* и **dj*, рефлекс *и* праславянского **o*, рефлекс *е* праславянского **ě*, отсутствие фонем /f/ и /h/; различие форм им. и вин. п. существительных м. и ж. р., окончание -е мн. ч. существительных ж. р. **-a*, **-ja* склонения (*žene*, *sestre*, *ribe*, *zemlje*, *ovce*) окончание -то в 1 л. мн. ч. глаголов наст. вр., вспомогательный глагол буд. вр. в форме *џи*, *џе*, и др. (Sobolev 1998; Stoykov 2002: 164–166).

В 2018–2021 гг. сербско-болгарское пограничье исследуется в рамках международного проекта «Изучение конвергенции и дивергенции традиций Центральных Балкан: реализация и перцепция»⁵. Одна из задач исследования состоит в проведении анализа идиома и культуры торлаков в том виде, в котором они бытуют в настоящий момент⁶, в трансграничной перспективе и с позиций перцептивной диалектологии — исходя из положения о том, что восприятие носителями диалекта собственного языка (и речи) является одним из факторов языковых изменений на данной территории (Preston 1999). Собранный полевой материал — нарративы жителей Восточной Сербии и Западной Болгарии, записанные на видео- и аудионосители, — подлежат расшифровке и служат основой для создания корпуса торлакского диалектного комплекса, снабженного инструментарием автоматической обработки языковых данных (Winistörfer et al.

⁴ В современной сербской лингвистике с лингвонимом «торлакский диалект» связаны определённые противоречия, имеющие скорее политическую, нежели научную окраску. В 2018 г. Совет по стандартизации сербского языка рекомендовал заменить данный термин другим, более «употребительным» и «корректным», а именно — «призренско-тимокский диалект сербского языка» (Ivić 2018; Pismo 2018).

⁵ Веб-сайт проекта — <https://traceba.net>.

⁶ Ранее торлакское языковое пространство по обе стороны сербско-болгарской границы изучалось в рамках нескольких лингвогеографических проектов: прежде всего, «Диалектологического атласа Восточной Сербии и Западной Болгарии» (Sobolev 1998); но также «Болгарского диалектологического атласа» (BDA 2001) и «Общеславянского лингвистического атласа» (ОЛА 1988–2015).

2020; Mirić et al. 2020). В данном исследовании приводится материал двух подкорпусов — «Белоградчик»⁷ и «Трын»⁸, собранный с применением специально разработанного вопросника (см.: Konior, Makarova, Ćirković 2020).

Цель анализа данного материала в статье — дать ответ на вопрос о том, как приграничное положение болгарских торлаков повлияло на их речевое поведение, отношение к языку, а в итоге — на языковую ситуацию в Западной Болгарии. Для традиционной диалектологии эти вопросы оставались в лучшем случае периферийными (в том числе из-за идеологических ограничений, которым вынуждены были следовать лингвисты), но в конце XX – начале XXI вв. они обретают особую важность при синхронном описании отличных от национального стандарта диалектов. Многие из них (и не только на Балканах) начинают тяготеть к литературным языкам под влиянием процессов глобализации и унифицирующей языковой политики (Stanković, Stefanović 2019), целью которой является «достижение такого положения вещей, при котором граждане воспринимают себя в качестве членов одной нации» (Urciuoli 1995: 534). На окраинных территориях различные аспекты языковой политики реализуются санкциями территориально удалённой администрации, а действительный результат этих мер формируется *in situ*, отвечая или не отвечая первоначальным целям имплементаторов. Единственным надёжным способом оценить последствия языковой политики является, таким образом, полевая работа с её адресатами и последующий диалектологический, культурологический и дискурсивный анализ полученного материала.⁹

⁷ Полевая работа проведена в 2018 г. в восьми сёлах р-на г. Белоградчик в Северо-Западной Болгарии. Материал данного исследования собран в с. Стакевци и с. Чупрене. Состав участников экспедиции: Б. Сикимич (САНУ), А. Н. Соболев (ИЛИ РАН, Марбургский ун-т), Д. В. Конёр (ИЛИ РАН), А. Л. Макарова (ИЛИ РАН, Цюрихский ун-т). Расшифровка материала выполнена Д. В. Конёром и А. Л. Макаровой. Корректировка материала производится Д. Д. Балашевич.

⁸ Полевая работа проведена в 2019 г. в двадцати четырёх сёлах р-на г. Трын в Западной Болгарии. Материал данного исследования собран в с. Горочевци и с. Велиново. Состав участников экспедиции: Б. Сикимич (САНУ), А. Н. Соболев (ИЛИ РАН, Марбургский ун-т), Д. В. Конёр (ИЛИ РАН), А. В. Кочановская (студентка СПбГУ). Расшифровка материала выполнена Д. В. Конёром. Корректировка материала производится Д. Д. Балашевич.

⁹ Р. Дарк в исследовании по социальной географии «Картография нестабильных границ. Понять Балканы» пишет: «Приграничные регионы — это музеи под открытым небом, не только из-за многих

В настоящей статье языковая ситуация в приграничных районах Западной Болгарии изучается дискурсивным методом. Такой подход к анализу языкового материала подразумевает поиск паттернов, которые позволяют анализировать его в связи с общественными и культурными смыслами, причём «язык не просто пассивно отражает существовавший порядок вещей в обществе — он сам является субъектом в создании этого порядка» (Gee, Handford 2014: 49, 56). Материалом анализа будут служить нарративы (разной степени «диалектности») жителей приграничных территорий Западной Болгарии — районов г. Белоградчик и г. Трын из соответствующих подкорпусов общим объёмом около 300 тыс. знаков. Исходя из гипотезы о том, что приграничное положение местных говоров напрямую повлияло на их развитие в новое и новейшее время, мы вручную извлекали из корпуса нарративы на «трансграничную» тематику, т. е. содержащие рефлексии местных жителей о собственном языке и языке соседей, о социальном и финансовом аспекте взаимоотношений с ними, о вооружённых конфликтах и трансграничных браках в прошлом; в данном тексте будут приведены лишь наиболее репрезентативные фрагменты. Анализ этого материала позволил установить причины возникновения различий в престиже между локальными формами речи и стандартным болгарским языком, а также проследить, как статус идиoma (в восприятии как носителей, так и аутсайдеров) влияет на его развитие.

2. Дискурсивные факторы

В данном разделе приведены основные дискурсивные факторы, которые влияют на перцепцию носителей белоградчикских и трынских говоров, и соответственно, на языковую ситуацию на этой территории. Каждый из этих факторов проиллюстрирован расшифрованным(-ыми) фрагментом(-ами) интервью с местными жителями¹⁰.

исторических памятников, разбросанных по задворкам стран, но и из-за построенных ментальных моделей. Они легко примеряют «одежду не своего размера», навязанную далёкими властями. Между настоящими и воображаемыми свойствами приграничных зон должны быть проведены мосты» (Darques 2017: 299). Представляется, что это рассуждение справедливо и с точки зрения социолингвистики.

¹⁰ Несмотря на то что материал подкорпусов «Белоградчик» и «Трын» был собран в Республике Болгарии, где единственным официальным алфавитом является кириллица, было решено транскрибировать текс-

2.1. Вооруженные конфликты

Sə Sŕbija, d'a, n'ie sme voj'uvali [...].¹¹ I S'ərbite, on'i su m'alko nezg'odni, na tr'ənski k'azvame [...]. On'i se s'akaju da e n'injo, št'o k'ažu da je n'injo. I t'ehen kr'al, Mil'an se k'azval ed'in, e 'imal gol'amo žel'anije da za'eme t'uka t'əzi č'ast na Bəlg'arja [...]. Sel'a 'ima razdel'eni nasr'otə na dv'e. Ed'in br'at u Sŕbiju, ed'in br'at u Bəlg'arju, ko'eto ne 'e h'ubavo [...]. I pobed'ili sə gi i vŕn'ali naz'ət, i Sŕbite d'olgo vr'eme ne s'ə sm'eali n'ešto da ni k'ažət. I seg'a sə zə'aždət. [...] I seg'a im pom'agame da fl'ezat vəf Evrop'ejskia səj'uz [...]. A sə Sŕbite 'imam prij'ateli i ne gov'or'a za t'eh n'išta l'oše, gi uvaž'avam, i t'e me uvaž'avat seg'a, no tov'a e bil'o a ne vəf m'inalo, 'a za m'inalo gov'or'am. Pred'i mn'ogo god'ini. A seg'a si ot'ideme vəf Sŕbija, "Br'ate, br'ate, k'ak^o si, št'o si?"¹²

По мнению болгарского историка С. Дечева, военный конфликт между Сербией и Болгарией в 1885 г. закрепил формирование отдельных «национальных лабораторий» в пограничных районах этих стран, способствуя «превращению» местного населения из «сельских жителей» и «христиан» в сербов и болгар (Dechev 2011). За национальной дивергенцией последовала

ты с использованием латинской графики из-за её адаптируемости к машинной обработке. В дополнение к стандартным латинским буквам были введены символы сербской латиницы (č, š, đ, ž), так как они достаточно точно отражают фонетические особенности западноболгарских диалектов. Сонанты *r*, *l* обозначены соответствующими символами МФА. Болгарский гласный среднего ряда среднего подъёма передан с помощью символа *ə*, мягкость согласных обозначается апострофом ('). Ударение ставится прямой вертикальной линией (') перед соответствующим гласным.

В экспедициях 2018 и 2019 гг. мы работали практически исключительно с пожилыми людьми, так как среди представителей среднего и младшего поколения носителей местных диалектов не обнаружилось.

¹¹ Записано в с. Горочевци (Трынская область), информант К., ~80 лет.

¹² С Сербией, да, мы воевали [...]. И сербы, они доставляют неприятности, как мы говорим по-трынски [...]. Они хотят, чтобы им принадлежало то, что они называют своим. И их король Милан, так звали одного, очень хотел захватить эту часть Болгарии [...]. Сёла разделены посередине надвое. Один брат в Сербии, второй брат – в Болгарии, это нехорошо. [...] И [болгары] победили, и вернули обратно [эти земли], и сербы долго не смели ничего сказать. И сейчас они задираются [...]. И сейчас мы им помогаем вступить в Евросоюз [...]. А среди сербов у меня есть друзья, и я не говорю о них ничего плохого, уважаю их, и они меня сейчас уважают, но это не в прошлом, а я рассказываю о прошлом. Много лет тому назад. А сейчас поедem мы в Сербию: «Брат, брат, как ты, как твои дела?».

дивергенция языковая: торлакские говоры на восток от границы стали активней тяготеть к болгарской норме, а на запад — к сербохорватской¹³.

Данный фрагмент показывает, что военные действия конца XIX в. до сих пор играют значительную роль в конструировании образа сербов у жителей Трынской области¹⁴. Рефлексия информанта об этих событиях неслучайно размещена на трёх темпоральных планах: война была в прошлом; сейчас, в настоящем, её последствия в сознании обывателей преодолеваются мирной коммуникацией; в будущем, при условии принятия Сербии в Евросоюз (с «помощью» Болгарии), существующая граница обретёт иной, менее рестриктивный характер.

2.2. Трансграничные браки

[Д. К.: *A u staro vreme da li [su] dolazili muževi ili žene iz Srbije, ili ne?*]¹⁵ Ne. Od'avna bil'i **slug'in'i tuj, dood'ili**, i ko ost'al ost'al, koj ne si otiš'al t'amo i n'ema. [Д. К.: *Onda nije bilo mešovitih brakova?*] Ne, ne, ne. **B'aba mi s'amo**. [...] E to e ed'instven sl'učaj. A **Jord'an** d'ole! Sr'bina... I b'aba **Nat'alja** d'ole, i on'a...¹⁶

В ответ на наш вопрос о том, имели ли место смешанные (возможно, более корректное определение в данном случае — трансграничные) браки в родном селе информантки в прошлом, первой её реакцией становится отрицание этого явления. Затем, однако, она называет значительное для небольшого села число

¹³ С. Дечев приводит свидетельства того, что до военных действий 1885 г. среди населения западных районов Болгарии были распространены просербские настроения (Dechev 2019).

¹⁴ Необходимо отметить, что в дискурсе жителей западных районов Болгарии практически отсутствуют (за редким исключением) темы, связанные с военными травмами жителей Восточной Сербии: болгарская оккупация этих территорий в 1-ю и 2-ю Мировые войны, грабежи и репрессии вплоть до массовых расстрелов, см. тексты в 3-м томе (Sobolev 1998).

¹⁵ Записано в с. Стакевци (Белоградчикская область), информантка Л., 71 год.

¹⁶ [Д. К. А раньше бывали мужья или жены из Сербии или нет?] Нет. Давно были слуги (помощники) здесь, приходили, и кто остался, тот остался, кто нет — те ушли туда и — с концами. [Д. К. Значит, не было смешанных браков?] Нет-нет-нет. Только моя бабушка (или «свекровь» — прим. авт.)... [...] Ну это единственный случай. А Йордан внизу! Серб... И баба Наталья внизу, и она...

таких союзов, в т. ч. в своей собственной семье¹⁷. Эта информация важна для анализа взаимодействия торлакских сербских и болгарских говоров: по всей видимости, трансграничные браки были достаточно распространённой практикой до определённого момента, а значит, говоры по обе стороны границы находились в контакте и испытывали взаимное влияние, которое нелегко проследить ввиду близости контактирующих идиомов и отсутствия практики трансграничных браков в настоящем.

2.3. Статус

Na vr'emeto sa dood'ili t'uk da rab'ote.¹⁸ [Д. К. A sad dolaze?] Ne. [Д. К. *I niko iz sela ne ide u Srbiju, da?..*] Ne, ne, ne. [...] 'Idet u It'alija, u G'erm'anija, u... [А. М.: *A da li ima ko se ženi vo Srbija, vo Srbiju?*] [...] Ne, oni **sə bil'i p'ob'edni od nas**¹⁹.

В социолингвистике престиж традиционно признавался ключевым фактором языковых изменений, заимствований и смены языка (Sairio, Palander-Colin 2012, с литературой). Фрагмент а) поясняет происхождение в неравенстве статуса между населением Западной Болгарии и Восточной Сербии: из слов информантки становится понятно, что неравенство воспринималось как последствие более скромного экономического положения населения по ту сторону границы. Судя по всему, это понятие об экономическом неравновесии сохраняется в сознании информантов и сейчас.

2.4. Идентичность

а) M'ojət pred''ado e o^d Sr̥blje.²⁰ I doš'ə'l t'uka i səzd'al sem'ejstvo, ot Sr̥blje. I **pred'edo mi e nəl'i Sr̥bin**. 'Abe [...] **t'uka si st'avame B'əlgari**²¹.

¹⁷ Это может означать как то, что пришедшие с той стороны границы давно стали «своими», так и то, что данная тема относится к не самым желательным для обсуждения с аутсайдером.

¹⁸ Записано в с. Стакевци (Белоградчикская область), информантка Н., ~70 лет.

¹⁹ Раньше [сербы] приходили сюда работать. [Д. К. А сейчас приходят?] Нет. [Д. К. И никто не отправляется в Сербию, да?] Нет-нет-нет. [...] Ездят в Италию, в Германию, в... [А. М. А бывает, что женятся или выходят замуж в Сербии?] [...] Нет, они были беднее нас.

²⁰ Записано в с. Стакевци (Белоградчикская обл.), информантка Б., 82 года.

²¹ а) Мой прадед из сербов. Он пришел сюда и создал семью, от сербов. Так что мой прадед серб. Но [...] здесь мы становимся болгарями.

б) Е. N'ie **sme t'uka kəm Sr̥bite, i zatov'a sme Torl'aci**²². G'ore d'ole u g'ovorə sme si g'ore d'ole jedn'akvi...²³

в) M'oj v'ujčo, ž'ena mu e ot Sr̥bije, 'ama **od b'əlgarsko s'elo, Kol'umnici**, i se ožen'il v'ujna²⁴. I v'ikame **Sərp̥k'inja**, tij'a si **č'ista B'əlgarka**, 'ama Sərp̥k'inja²⁵.

Фрагменты а), б) и в) демонстрируют некоторое противоречие в вопросах идентичности торлаков и трынчан: с одной стороны, собственное (пусть и региональное) самосознание формируется через этничность и язык соседей по ту сторону границы, с другой — оседлость на восток или на запад от этой черты определяет как самоидентификацию личности/семьи, так и суждения окружающих о её национальной принадлежности.

2. 5. Перцепция языка

а) M'i, s'ine, **mn'ogo n'ašijət g'ovor mn'ogo je sr̥pski**, b'abo, m'i sə Sərbj'eti t'uj št'o t'o bl'izu gr'anicutu o t'am, srpski sel'a...^{26 27}

б) [Д. К.: *A koji jezik sa njima govorite, sa Srbima? Kažete da imate tako prijatelje.*]²⁸ [...] 'E n'ie **gov'orimo si na b'əlgarski**, te t'ukə, te gov'or'at p'okraj gr'anicu na b'əlgarski, te rəzb'irət²⁹.

Как показывают данные фрагменты, восприятие своего языка и языка соседей-сербов содержит как представление о том, что «мы говорим, как они», так и понятие о том, что «они говорят, как мы». Из этого следует, что, несмотря на перечисленные выше факторы дивергенции сербских и болгарских торлакских говоров, в сознании населения приграничных западноболгарских регионов языковая граница не совпадает с границей государственной.

²² Записано в с. Стакевци (Белоградчикская обл.), информантка Н., ~70 лет.

²³ Э. Мы здесь рядом с сербами, поэтому мы торлаки. Наши говоры более или менее одинаковые...

²⁴ Записано в с. Горочевци (Трынская обл.), информант К., ~80 лет.

²⁵ в) У моего дяди жена из Сербии, но из болгарского села, Колумници, и он женился на моей тёте. И мы её называем сербкой, она чисто болгарка, но «сербка».

²⁶ Записано в с. Стакевци (Белоградчикская обл.), информантка В., 86 лет.

²⁷ Мы, милая, очень наш говор, очень сербский, внучка, мы с сербами тут, ведь вот там, недалеко от границы, сербские сёла...

²⁸ Записано в с. Горочевци (Трынская область), информант К., ~80 лет.

²⁹ [Д. К. А на каком языке вы с ними говорите, с сербами? Вы говорите, что у вас там друзья.] [...] Ну, мы по-болгарски разговариваем, ведь они здесь вдоль границы говорят на болгарском, они понимают.

3. Идиом торлаков

Описанные выше факторы напрямую влияли на белоградчикские и трынские говоры в новейшей стадии их развития, идущего в направлении языковой смерти. Ниже приведены социолингвистические сведения, связанные с использованием местных говоров старшим (и единственным) поколения их носителей.

3. 1. Эмблематизация/стигматизация

а) Za n'as zv'uči tr'ənski mn'ogo 'ubavo, a za dr'ug'e n'e zn'am! [...] ³⁰ J'a **ot'idem u Topolčane, Sl'ivensko**, i t'am k'at im gov'orim, **on'i mi raspr'avl'u če sam Srbij'anka!** [...] K'ažem 'im po n'eku d'umu, a 'oni... *[изображает удивление]* ³¹.

б) D'aže kat'o ot'ideme vaf **S'ofijə** posl'ednija p'ət, m'oja s'in i vn'učkata igr'ajat h'okej na l'et ³². I ot'idohme t'am da im v'idime trener'ovkata. I s tren'orə sm'e prijateli, kəd'eto e na otb'ora, i n'aši **kat'o počn'a se gov'ori na tr'ənski**, v'ikam: **“Al'o! T'ukə n'e.”** ³³

в) A od'avna... o'd'avna če vi rask'ažam edn'a ist'orija, sl'učka ³⁴. **Ot'ivame u Ung'arija na B'alaton, na ezer'oto, i səs edn'a uč'itelka po b'əlgarski 'ez'ik.** [...] T'am če sp'ime, če spim'o səs gr'upa edn'a gd'e smo eskurzj'anti. I po edn'o vr'eme k'ət se st'unti, 'kət se st'əvni, rəzb'iraš, kv'o dən'əškə, k'ət se st'unti, i **j'a zabovər'i da or'atim po gr'adski n'əli po b'əlgarski i kəz'ujem na dr'ugata:** „Ej h'ajde da b'eži da bežim'o, če ev'oj kv'o se st'unti, kl'ončiči p'adu u gl'avu če ni str'oši t'uj če ni k'osti ost'anu!“ I n'əli j'a bež'im da se sk'utam t'am če d'əš če ni i tək'v'o... I ot'odim u V'idin, i rəb'otəše kəm V'idin [...]. **Slet m'eseci!** I ona: „Au, L'enko^u je došl'a, 'au, L'enko^u je došl'a, 'ajde b'eži da bežim'o...“ **I p'ovtori s'əštite d'umi da səm j'a kəz'ala** ³⁵.

³⁰ Записано в с. Велиново (Трынская обл.), информантка Л., 78 лет.

³¹ Для нас трынский звучит очень красиво, а как для других – не знаю! [...] Я когда езжу в Тополчане, Сливенскую область, и там, когда я с ними говорю, они мне говорят, что я сербка! [...] Я скажу им какое-то слово, а они... *[изображает удивление]*.

³² Записано в с. Горочевци (Трынская обл.), информант И., 76 лет.

³³ Даже когда мы поехали в Софию последний раз, мой сын и внучка играют в хоккей на льду. И мы поехали туда, чтобы посмотреть их тренировку. И с тренером команды мы дружим, когда он проводит отбор [...], и наши как начнут говорить по-трынски, я им кричу: «Алло! Не здесь же».

³⁴ Записано в с. Стакевци (Белоградчикская область), информантка Л. М., 82 года.

³⁵ А когда-то давно... расскажу вам одну историю, случай. Мы поехали в Венгрию на Балатон, на озеро, с одной учительницей болгарского

Благодаря наличию языковых черт, не свойственных ни сербскому, ни болгарскому стандартному языку (и диалектам, лежащим в их основе), восточносербские и западноболгарские торлакские говоры обладают большим потенциалом маркирования говорящих. Оно может происходить в нейтральном спектре (констатация факта происхождения говорящего с определённой территории ведёт к эмблематизации), однако часто отмечается тенденция к негативному маркированию, которое становится основанием для стигматизации (Petrović 2015; Stanković, Stefanović 2019; Konior et al. 2020). Фрагмент в) подтверждает тезис о том, что важнейшим звеном в реализации языковой политики являются учителя, «которые наделены универсальными полномочиями подвергать оценке и санкционировать языковые практики говорящего с позиций академической квалификации» (Bourdieu 1991: 44).

3.2. Вариативность речи

а) [А. С.: *Vi kak^o kažete, neću ili nešt'əm?*] ³⁶ “N'eću“, oo, “nešt'əm“ — kup'əčka d'uma, “n'eću“.³⁷

б) Ed'in m'əš otiš'əl na kr'əčma. I si e rek'əl na **žen'atə...** ³⁸ **Žen'utu**, trj'aba po st'akjevski. “Čə sed'iš **do kog'a... do kəd'a** d'ojdo ot krčmutu”.³⁹

в) **V'əglen** [...], **'uglen**, n'eću da or'atim mod'ernenski.^{40 41}

языка. [...] Там мы ночевали с одной группой, тоже туристов. И через какое-то время, когда стемнело, понимаешь, как сегодня, когда стемнело, и я забыла, что нужно говорить по-городскому, то есть по-болгарски, говорю другой [девушке]: «Эй, давай, беги, побежали, а то вот какая непогода, ветки падают на голову, и так нас придавит, что одни кости останутся!» Ну и я бегу, чтобы спрятаться от дождя... И возвращаюсь в Видин, она работала под Видином [...]. А спустя несколько месяцев [встречаю учительницу]! И она: «Оо, Ленка пришла, Ленка пришла, давай беги, бежим...» И повторяет все те слова, что я тогда сказала.

³⁶ Записано в с. Чупрене (Белоградчикская обл.), информантка Т. К., 74 года.

³⁷ Мы говорим “neću“, “neštəm“ — городское слово.

³⁸ Записано в с. Стакевци (Белоградчикская обл.), информантка Б., 82 года.

³⁹ Один мужик пошел в корчму. И сказал жене... “Žen'utu”, нужно по-стакевски. «Сиди дома, пока я не вернусь из корчмы».

⁴⁰ Записано в с. Стакевци (Белоградчикская обл.), информантка Б., 82 года.

⁴¹ Уголь [...], “uglen”, не буду говорить по-новомодному.

Речь информантов, обладающих некоторыми, чаще всего остаточными компетенциями в локальном говоре, содержит множество чередований, автокоррекций и хезитаций. На системном уровне они вызваны заменой диалектов региональным койне, в котором несмотря на преобладание стандартноязыковых форм, частично сохраняются также основные диалектные маркеры (Konior et al. 2020). На коммуникативном уровне частотность этих явлений объясняется возвратом к диалектным формам после долгого периода отказа от их использования, по крайней мере, при контактах с аутсайдерами.

3.3. Язык нового фольклора

'Ima ed'in tək'əf sl'učaj vəf Vr'apča, što t'e sə bl'isko do s'rp-skə-tə gr'anicə [...].⁴² S'ərbite hvan'ali B'əlgari t'am, plen'ili g'i, i p'itali ed'in: „**K'ako se z'oveš?**“, B'əlgarin v'ika: „**T'ako se z'ovem!**“. A t'oj se k'azval T'ako! Təkv'o mu im'eto". A na s'rp-ski „T'ako se z'ovem“ e „Tək'a se k'azvam“. I on'i: „K'ako se z'oveš, be?“ — „T'ako se z'ovem!“. I on'i **go b'ijət [...] dokət'o rəzb'erət će 'imeto mu e T'ako.**⁴³

Данный фрагмент записан во время интервью с пожилым мужчиной, кто, как и значительная часть нынешнего населения с. Горочевци (р-н г. Трын), провёл там свое детство, затем жил и работал в Софии, а в пожилом возрасте вернулся в родное село. Такие люди отказываются говорить на диалекте, утверждая, что он полностью забыт за годы жизни в столице. При этом диалектные формы распознаются и даже воспроизводятся ими как сербские, а единственными известными формами фольклора становятся юмористические зарисовки с участием местных жителей («поймали болгары серба», «пошел тринчанин в театр» и т. п.). В отличие от старой локальной традиции, в новом фольклоре язык и культура местных жителей высмеиваются скорее с позиции аутсайдера.

⁴² Записано в с. Горочевци (Трынская обл.), информант Н. Д., ~70 лет.

⁴³ Был один такой случай во Врабче, которая близко к сербской границе. [...] Сербы захватили болгар там, взяли их в плен, и спросили одного: «Как тебя зовут?», а болгарин отвечает: «Тако меня зовут!». А его и звали Тако! Такое было его имя. А по-сербски это значит «Так меня зовут». И они: «А ну говори, как тебя зовут?» — «Тако меня зовут!». Они его бьют [...], пока не поняли, что его имя — Тако.

4. Заключение

Вопреки известному мнению о том, что «не политическая граница создает языковой ареал, а представление о языковом ареале создает диалектную границу» (цит. по Palliwoda 2019: 252), в рассматриваемом регионе с его конфликтной историей и проблемным настоящим мы наблюдаем прямое влияние государственных дискурсов на конвергенцию и дивергенцию местных идиомов и культур. Проведённый нами анализ показал, что приграничное положение носителей торлакских говоров стало решающим фактором их перехода в категорию «идиомов, лишённых привилегий»/ непривилегированных идиомов (англ. *underprivileged languages*), а также привело к развитию «регионального стандарта»⁴⁴, вытеснившего собственно диалектные формы речи на рассматриваемой территории. Несмотря на то что в сознании местных жителей государственная граница не совпадает с границей языковой, на протяжении последних полутора столетий она приобретала всё бóльший вес в качестве политического и социального разделителя. Ключевую роль в этом процессе сыграло распространение идеи о ценности стандартного болгарского языка как «правильного» и необходимого для общественного успеха и карьерного продвижения.

В заключение приведём некоторые соображения относительно перспектив развития торлакских говоров и их изучения. Считается, что для возвращения языку престижа и употребительности, необходимо предпринять несколько равноважных шагов: вернуть представление о его ценности в глазах носителей и аутсайдеров; закрепить за идиомом официальный статус на законодательном уровне; ввести его употребление в сферу, в которой он ранее не использовался; наделить высоким статусом в качестве языка бытового (домашнего) общения; создать современную языковую инфраструктуру, что подразумевает стандартизацию идиома и наличие корпуса (Huss, Lindgren 2011: 3). В реальности такие шаги подразумевают высокий уровень языковой сознательности носителей, готовность к сотрудничеству со стороны местной и государственной администрации, а также наличие у сообщества достаточных ресурсов, в том числе — благоприятной демографической ситуации. Рассматриваемый нами регион переживает стремительное

---

⁴⁴ Исследование современных «региональных стандартов» по обе стороны границы относится к задачам ближайшего будущего (см. Sikimić, Sobolev 2020).

старение населения и опустение населённых пунктов, а возвращение к местным формам речи не является приоритетом для местных жителей. Это делает фиксацию языковых изменений, уходящих корнями в конец XIX в. и испытавших влияние всех социальных и исторических преобразований последующих эпох, насущной задачей антропологической лингвистики и корпусной диалектологии.

Литература

- BDA 2001— Kochev, I. (ed.). *Balgarski dialekten atlas. Obobshtavasht tom* [Atlas of Bulgarian Dialects. Generalising volume]. Sofia: "Trud".
- БДА 2001: Кочев, И. (отг. ред.). Български диалектен атлас. Обобщаващ том. София: «Труд».
- Bourdieu, P. 1991: *Language and symbolic power*. Oxford: Polity press.
- Darques, R. 2017: *Mapping Versatile Boundaries: Understanding the Balkans*. Cham: Springer International Publishing.
- Dechev, S. 2011: [Borders and Identities — from «Peasants» and «Christians» to «Bulgarians» and «Serbs»]. In: *NotaBene*, 21 (URL <https://notabene-bg.org/read.php?id=221>).
- Дечев, С. 2011: Граници и идентичности — от «селяни» и «християни» до «българи» и «сърби» (1877–1918 г.). *NotaBene*, 21, 2011 (URL <https://notabene-bg.org/read.php?id=221>).
- Dinić, J. 2008: *Timočki dijalekatski rečnik* [Dictionary of the Timok dialect]. Beograd: Institut za srpski jezik SANU.
- Динић, Ј. 2008: Тимочки дијалекатски речник. Београд: Институт за српски језик САНУ.
- Gee, J. P., Handford M. 2014: *The Routledge handbook of discourse analysis*. London: Routledge.
- Hawkey, J. 2019: The border as a site of sociolinguistic inquiry: Findings from Northern Catalonia. In: Horner, K., Dailey-O'Cain, J. (eds.). *Multilingualism, (Im)mobilities and Spaces of Belonging*. Bristol: Multilingual Matters, 19–38.
- Huss, L., Lindgren A.-R. 2011: Introduction: Defining Language Emancipation. In: *International Journal of the Sociology of Language*, 209, 1–15.
- Ivić, P. 2009: *Srpski dijalekti i njihova klasifikacija (priredio S. Remetić)* [Serbian dialects and their classification (edited by S. Remetić)]. Novi Sad, Sremski Karlovci: Izdavačka knjižarnica Ž. Stojanovića.
- Ивић, П. 2009: Српски дијалекти и њихова класификација (Приредио С. Реметић). Нови Сад, Сремски Карловци: Издавачка књижевница Ж. Стојановића.
- Jańczak, B. 2015: German-Polish Border: Language Contact and Language Use on the Example of Forms of Address of Polish Vendors from Ślubice Bazaar. In: Rellstab, D. & N. Siponkoski (toim.) *Rajojen dynamiikka, Gränsernas dynamik, Borders under Negotiation, Grenzen und ihre Dynamik*. VAKKI-symposiumi XXXV 12.–13.2.2015. Vaasa: VAKKI Publications, 117–126.

- Jussufi, L. 2019: Rediscovering the border region in linguistics: Cases from Southeastern Europe. In: *Aegean Working Papers in Ethnographic Linguistics*, 2(1), 42–58.
- Kamusella, T., Nomachi, M., Gibson, C. 2016: *The Palgrave Handbook of Slavic Languages, Identities and Borders*. London: Palgrave Macmillan.
- Konior D. V., et. al, 2020: *Sociolinguistic situation and geographical embedding of Torlak at the beginning of the 21st century* [a manuscript].
- Konior, D. V., Makarova, A. L., Ćirković, S. 2020: [Creating a questionnaire for the field study of divergence and convergence of traditions in the Central Balkans: methodological issues and first outcomes]. In: *Vestnik TomGU. Filologiya*, 65 [Tomsk State University Journal of Philology] [in print].
- Конёр, Д. В., Макарова, А. Л., Чиркович, С. 2020: Опыт составления программы для полевого исследования дивергенции и конвергенции традиций Центральных Балкан. *Вестник ТомГУ. Филология*, № 65 [в печати].
- Krstić, D. 2014: *Konstrukcija identiteta Torlaka u Srbiji i Bugarskoj* [Construction of the Identity of the Torlaks in Serbia and Bulgaria]. Univerzitet u Beogradu, Filozofski fakultet [a PhD dissertation].
- Крстић, Д. 2014: *Конструкција идентитета Торлака у Србији и Бугарској*. Универзитет у Београду, Филозофски факултет [докторска дисертација].
- Martinez, G., Fishman, J. 2014: *Languages and Borders: International Perspectives*. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton.
- Mirić, M., et al. 2020: Towards a sociolinguistic corpus of Torlak: Challenges for data processing [a manuscript].
- Palliwoda, N., et. al. (Hrsg.) 2019: *Politische Grenzen — sprachliche Grenzen? Dialektgeographische und wahrnehmungsdiakologische Perspektiven im deutschsprachigen Raum*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter.
- Petrović, T. 2015: *Srbija i njen jug: „južnjački dijalekti“ između jezika, kulture i politike*. Beograd: Fabrika knjiga.
- Pismo, 2018: [Letter of the Serbian Standardization Committee of SASA]. In: *Folkloristika [Folclor Studies]*, 3/2, 209–210.
- Писмо, 2018: Писмо Одбору за стандардизацију српског језика САНУ. *Фолклористика*, 3/2, 209–210.
- Preston, D. (ed.). 1999: *Handbook of Perceptual Dialectology*, vol. 1. Amsterdam: John Benjamins.
- Rajaram, P. K., Grundy-Warr, K. (eds.). 2007: *Borderscapes: Hidden Geographies and Politics at Territory's Edge*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Sairio, A., Palander-Colin, M. 2012: The Reconstruction of Prestige Patterns in Language History. In: Hernández-Campoy, J. M., Conde-Silvestre, J. C. (eds.), *The Handbook of Historical Sociolinguistics*. Oxford: Wiley-Blackwell, 626–638.
- Sikimić, B., Sobolev, A. N. 2020: [Divergence processes in the Western South Slavic dialect separated by the state border (based on the

- data of current vernaculars in Eastern Serbia and Western Bulgaria*)] [a manuscript].
- Сикимич, Б., Соболев, А. Н. 2020: *Процессы дивергенции в разделённом государственной границей западноюжнославянском диалекте (на материале современной диалектной речи Восточной Сербии и Западной Болгарии)* [рукопись].
- Sobolev, A. N. 1998: *Sprachatlas Ostserbiens und Westbulgariens*. Bd. I, II, III. Marburg: Biblion Verlag.
- Sobolev, A. N., et al. 2020: *Between Separation and Symbiosis: Southeastern European Languages and Cultures in Contact*. Berlin/Boston: Walter de Gruyter.
- Stanković, B., Stefanović, M. 2019: Peeling the Onion Top-Down: Language Policy in Serbia between Power and Myth. In: *Aegean Working Papers in Ethnographic Linguistics*, 2(1), 17–41.
- Stoykov, S. 2002: *Balgarska dialektologiya* [A Bulgarian Dialectology]. Sofia: «Prof. Marin Drinov».
- Стойков, С. 2002: *Българска диалектология*. София: «Проф. Марин Дринов».
- Urciuoli, B. 1995: Language and borders. *Annual review of anthropology*, 24, 525–546.
- Veselinov, L. 2019: *Popularen avtentichen turlashki rechnik* [An Authentic Popular dictionary of the Torlak dialect]. Belogradchik: “Zhdbreche”.
- Веселинов, Л. 2019: *Популярен автентичен турлашки речник*. Белоградчик: «Ждребче».
- Watt, D., Llamas, C. 2014: *Language, Borders and Identity*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Winistörfer, O., et al. 2020: [Automatic language profiling of a dialect speaker: the case of the Timok variety spoken in the village of Berčinovac (Eastern Serbia)] [a manuscript].
- Винисторфер, О., и др. 2020: *Автоматический метод языкового профилирования носителя диалекта (на материале восточносербского идиома села Берчиновац)* [рукопись].
- Živković, V. 1994: *Torlak* [The Torlak]. Pirot: Narodna biblioteka.
- Живковић 1994: Живковић, Витомир В. *Торлак*. Пирот: Народна библиотека.

М. Л. Кисилиер

(Институт лингвистических исследований РАН / СПбГУ)

КОМПЛЕМЕНТАЙЗЕРЫ *ὅτι*, *που* И *πώς* В НОВОГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ*

В новогреческом языке есть три комплементайзера — союзы *ὅτι*, *που* и *πώς*. Особенности их употребления и различия в их семантике уже несколько десятилетий обсуждаются неозеллинистами, однако до сих пор остается много вопросов. В настоящей статье предпринимается попытка подойти к изучению комплементайзеров с двух сторон — используя данные, полученные путем опросов носителей новогреческого языка, и в рамках корпусного исследования. Для этого использованы три разных корпуса новогреческого языка. Проводится сопоставление результатов анкетирования и корпусные данные. К анализу привлекаются также диалектные материалы, как опубликованные, так и собранные самим автором. В итоге предлагается несколько возможных сценариев развития новогреческих комплементайзеров.

Ключевые слова: новогреческий язык, новогреческий синтаксис, комплементайзеры, корпусная лингвистика, Корпус греческого языка, новогреческие диалекты.

Maxim Kisilier

(Institute for Linguistic Studies, RAS/ SPbSU)

Ὅτι, *που* and *πώς* in Standard Modern Greek

Modern Greek has three complementizers (*ὅτι*, *που* and *πώς*) along with a particle *να* which is not discussed here. The use and semantics of complementizers has been very much discussed since 1980s but the discussion is still not exhausted. This paper is based on the two approaches: fieldwork with different native speakers of Standard Modern Greek and Corpus-oriented research with Corpus of Modern Greek, the Greek Web

---

* Исследование проведено в рамках проекта «Корпусные и полевые исследования синтаксических дополнений в балканских языках и диалектах» (грант РФФИ № 18-012-00607). В основе статьи лежит доклад «*Ὅτι*, *που* and *πώς* in Standard Modern Greek: corpus-oriented research», прочитанный на международной научной конференции «Балканские языки и диалекты: корпусные и количественные исследования» (18–20 октября 2018 г., ИЛИ РАН, Санкт-Петербург). Большую помощь при анкетировании носителей новогреческого языка и анализе полученных результатов оказали Е. Д. Высоцкая, Леонидас Какалис, Иоаннис Каррас, Иоаннис Панайотопулос, Ники Пападату, Костас Папасарандис, Стратигулла Рига, Евгения Русали и Иоаннис Христодулу. Отдельная благодарность Брайану Джозефу, поделившемуся необходимой литературой.

Corpus and Hellenic National Corpus. Dialectal data from various Greek-speaking regions is also taken into account. As a result, it is possible to foresee how Modern Greek complementizers might change in future.

Keywords: Modern Greek, Modern Greek syntax, complementizers, Corpus linguistics, Corpus of Modern Greek, Modern Greek dialects.

1. Введение

1. 1. Постановка проблемы

В новогреческом языке есть три союза — *ότι*, *που* и *πως*, которые могут выступать в роли комплементайзеров¹. Из них лишь у союза *ότι* значение ‘что’ является основным;² *πως* чаще всего значит ‘как’, а для *που* вообще выделяется целый набор значений или функций³. До сих пор не вполне ясно, какие факторы влияют на выбор того или иного союза, хотя этот вопрос неоднократно поднимался в работах по неоэллинистике (см. раздел 1.2)⁴.

¹ Помимо *ότι*, *που* и *πως*, в новогреческом языке в роли комплементайзеров используются союз *αν* ‘если, ли’ и модальная частица *να* (подробнее см. Roussou 1994: 147–180; 2010). В рамках этой статьи они не рассматриваются, тем более что *να* следует все-таки скорее рассматривать как показатель сослагательного наклонения, чем комплементайзер в чистом виде (ср. Sampanis 2011: 247; 2013: 168). Как отмечает Брайан Джозеф (Joseph 2016: 273), в отличие от комплементайзеров-союзов, частица *να* допускает сдвиг придаточного влево:

(i) **εμείς πιστεύουμε η ομάδα-α μας ότι νίκησ-ε*
 1PL.NOM верить.IPFV-PRS.1PL DEF.F.SG.NOM команда-SG.NGEN
 =POSS.1PL COMP побеждать.PFV-PST.3SG
 ‘Мы верим, **что** наша команда победила (букв. наша команда **что** победила)’

(ii) *εμείς ελπίζουμε η ομάδα-α μας να νικήσει*
 1PL.NOM надеяться.IPFV-PRS.1PL DEF.F.SG.NOM команда-SG.NGEN =POSS.1PL SBJV= побеждать.IPFV-PRS.3SG
 ‘мы надеемся, **что** наша команда победит (букв. наша команда **что** победит)’

² Строго говоря, у союза *ότι* /*óti*/ есть омофон *ο τι* /*o ti*/ — анафорическое местоимение. Иногда его пишут без пробела, и тогда на графике оно также не отличается от союза *ότι* (см. пример 9).

³ Они перечислены и проанализированы в (Nicholas 2005: 105–107). Возможно, в случае *που* стоит говорить о нескольких омонимах, а не об одном многозначном/полифункциональном союзе.

⁴ Вопрос о комплементайзерах актуален и для древнегреческого (ср. van Emde Boas, Huitink 2010: 142–145), однако там ситуация отличается от новогреческой и здесь рассматриваться не будет. Отдельной проблемой также является употребление комплемен-

В настоящей статье предпринимается попытка подойти к анализу данной проблемы с разных сторон: и путем анкетирования информантов-носителей стандартного новогреческого языка (раздел 2), и используя корпусные методы исследования (раздел 3). Стоит отметить, что прежде в неоэллинистике корпусные методы никогда не применялись при изучении комплементайзеров.

1. 2. Научная литература про *ότι*, *που* и *πώς*

Вопрос о комплементайзерах был впервые поднят в неоэллинистике в 1980-е гг., и, хотя он в целом остался на периферии, наиболее авторитетные грамматики новогреческого языка уделяют ему некоторое внимание. Так, Питер Макридж приводит список глаголов и выражений, после которых употребляется комплементайзер *που*, например: *θυμάμαι* ‘помнить’, *ξεχνάω* ‘забывать’, *βλέπω* ‘видеть’, *λυπάμαι* ‘жалеть, печалиться’, *στενοχωριέμαι* ‘грустить, переживать’, *μετανιώνω* ‘сожалеть’, *[μου] αρέσει* ‘[мне] нравится’ и др. (Mackridge 1987: 254–255). В то же время, по мнению Макриджа, союзы *ότι* и *πώς* используются после глаголов речевой и ментальной деятельности, чувственного восприятия и выражения чувств. При этом употребление *πώς* более ограничено, чем *ότι* — этот комплементайзер встречается с простыми глаголами типа *λέω* ‘говорить’, *ξέρω* ‘знать’ или *νομίζω* ‘считать’ (Mackridge 1987: 269f).

Другие грамматики не ограничиваются описанием условий употребления разных комплементайзеров, а также пытаются описать ситуацию с точки зрения семантических особенностей. Дэвид Холтон, Питер Макридж и Ирини Филиппаки-Варбюртон (Holton et al. 2007: 451–454) отмечают, что *που* гарантирует истинность высказывания, а *ότι* и *πώς* выражают желательность или вероятность, однако далеко не все приводимые ими примеры однозначно подтверждают их мнение:

(1a)	Βλέπ-εις	ότι	η	Ελένη
	видеть.IPFV-PRS.2SG	COMP	DEF.F.SG.NOM	Елена-NGEN
	είναι	πολύ	κουρασμέν-η	
	быть.PRS.3	очень	усталый-F.SG.NGEN	
	‘Видишь, что Елени очень устала’ ⁵			

тайзеров в раннем новогреческом (см., напр., Karantzola, Sampanis 2019).

⁵ Здесь и далее перевод и глоссирование выполнены автором статьи.

⁶ К сожалению, Хоррокс никак не иллюстрирует свои наблюдения.

Следовательно, если говорящий и субъект высказывания совпадают, возможна лишь частица *να*, например:

- (4) Δεν θυμ-άμαι *να* τον
 NEG= помнить.IPFV-PRS.1SG SBJV 3.M.SG.ACC=
 έχ-ω συναντ-ήσ-ει
 иметь.IPFV-PRS.1SG встречать-PFV-PRF
 ‘Не помню, **что/чтобы** [я] его встретил’ (Christidis 1985: 50)

Иными словами, согласно Христидису, в (4) нельзя употребить *ότι* или *πώς*:

- (5)* Δεν θυμ-άμαι *ότι/πώς* τον
 NEG= помнить.IPFV-PRS.1SG COMP 3.M.SG.ACC=
 έχ-ω συναντ-ήσ-ει
 иметь.IPFV-PRS.1SG встречать-PFV-PRF
 ‘Не помню, **что/чтобы** [я] его встретил’

Однако опрос нескольких носителей новогреческого языка⁷ свидетельствует о том, что они не совсем согласны с этой точкой зрения. Одна из опрошенных — учительница начальной школы — уверена, что пример (3) невозможен, и в нем должна быть пассивная конструкция:

- (6) Δεν θυμ-άται *ότι/πώς*
 NEG= помнить.IPFV-PRS.3SG COMP
 έχ-ουν συναντ-ήθ-εί
 иметь.IPFV-PRS.3PL встречать-PFV.PASS-PRF
 ‘[Он] не помнит, **что/чтобы** [они] встречались’

Остальные участники опроса считают, что все приведенные выше примеры допустимы, включая (5), однако добавляют разные комментарии: один утверждает, что между (4) и (5) есть стилистические различия и образованный носитель языка всегда предпочтет вариант (4); по мнению других, (4) и (5) вполне употребимы в речи образованных греков, однако они немного различаются по смыслу — конструкция с *να* (4) описывает событие, в истинности которого сам говорящий не уверен (*я не помню, что я его встретил, но, возможно, я его и не встречал*), а комплементаризеры *ότι* и *πώς* однозначно указывают на то, что событие действительно произошло (*я не*

⁷ В опросе приняли участие пять человек (две женщины и трое мужчин) возрастом от 21 г. до 45 л. из Афин, Леонидио и Патр. Среди них — теолог, программист, студент-лингвист и двое учителей начальной школы (разного пола). Ни один из опрошенных не знал о других участниках опроса.

помню, что я его встретил, но мы, **несомненно, встречались**)⁸.

1. 2. 2. Модель Руссу

Несмотря на определенные недостатки, идеи Христидиса стали основой для новых моделей описания комплементайзеров. Например, Анна Руссу их формализовала и описала в терминах минималистской программы (ср., напр., Roussou 1994: 111). Она обнаружила, что существуют три типа предикатов: одни требуют только *ότι*, другие — лишь *που*, а третьи допускают употребление обоих комплементайзеров. Например, при *νομίζω* ‘считать, полагать’ можно использовать лишь *ότι*, при *μετανιώνω* ‘сожалеть, раскаиваться’ — только *που*, а после *θυμάμαι* ‘помнить’ встречаются оба комплементайзера. По мнению Руссу, *που*, *ότι* и *να* встречаются после глаголов восприятия (Roussou 1994: 102–103), при этом *ότι* больше употребляется с глаголами речевой деятельности и эпистемическими предикатами, а также с предикатами, выражающими когнитивное или ментальное состояние, которые чаще всего фактивны (*указывать, утверждать, быть уверенным, понимать, забывать, не знать/игнорировать, помнить*).

Вероятно, *που* можно считать аналогом определенного артикля при существительном и именной группе. Именно поэтому перед придаточными с *ότι* можно поставить артикль *το*, а перед придаточными с *που* — нельзя:

(7)	Το	ότι/*που	έφυγε
	DEF.N.SG.NGEN	COMP	PST-убегать.PFV-PST.3SG
	τόσο γρήγορα	με	ξάφνιασ-ε
	так быстро	1SG.ACC=	удивлять.PFV-PST.3SG
	‘Тот факт, что [она] так быстро ушла, меня удивил’ (Roussou, Roberts 2001: 203)		

В целом, по мнению Руссу (Roussou 1994: 106), сфера употребления у комплементайзера *που* значительно шире, чем у *ότι*.

1. 2. 3. Модель Николаса

Иначе идеи Христидиса стал развивать Ник Николас. Опираясь на (Ransom 1986), он предложил анализировать

⁸ Все опрошенные единогласно утверждают, что после *δεν θυμάμαι* и *δεν ξέρω* нельзя употребить комплементайзер *που*, если речь не идет об его омониме *πού* ‘где’.

употребление новогреческих комплементаризаторов по следующей схеме (Nicholas 2001: 195–196):

(а) семантический класс (семантическая характеристика) предиката — (i) эмотивные (χαίρομαι '[я] рад'), (ii) физические/когнитивные (ξέρω 'знаю', βλέπω 'вижу'), (iii) лингвистические (λέω 'говорю');

(б) оценочная модальность (аргументированность) высказывания, вводимого комплементаризатором — (i) предопределенность (ξέρω 'знаю'), (ii) сильная определенность (βέβαιος 'уверен'), (iii) слабая определенность (νομίζω 'считаю, полагаю'), (iv) нерешенность (έλπίζω 'надеюсь'), (v) неопределенность (απορώ 'сомневаюсь');

(в) информационная модальность высказывания — (i) истина (ξέρω 'знаю'), (ii) истина в будущем (προβλέπω 'предвижу, предсказываю'), (iii) случайность (βλέπω 'вижу'), (iv) действие (αρχίζω 'начинаю').

Николас приходит к выводу, что в стандартном новогреческом употребление *που* **обязательно** при наборе параметров «эмотивные», «предопределенность» и «истина» ($\approx$ фактивность), **маркировано** при параметрах «физические/когнитивные», «предопределенность» и «истина» ($\approx$ семифактивность), **маргинально** при параметрах «лингвистические», «предопределенность» и «истина», **невозможно** при всех прочих типах оценочной и информационной модальности.

Итак, можно отметить, что основное внимание в научной литературе посвящено комплементаризатору *που*, а хуже всего описан *πως*. По умолчанию, его везде указывают как аналог *ότι*, и лишь однажды Анна Руссу (Rousso 2012: 3) мимоходом замечает, что нет систематического исследования, посвященного дистрибуции *ότι* и *πως*, и, видимо, *ότι* более формален, чем *πως*. Очевидно также, что все исследователи в целом согласны с идеями Христидиса, предлагая свои модели формализованного описания фактивности. Однако попытки проиллюстрировать употребление комплементаризаторов кажутся неубедительными и противоречивыми, а отдельные наблюдения не вполне соответствуют мнению носителей языка. В связи с этим интересно проверить, существуют ли все-таки какие-нибудь формальные ограничения на употребление *ότι*, *πως* и *που*.

2. Case study 1: анкетирование носителей языка

Одним из наиболее простых способов проверить существование формальных ограничений на употребление комплементаризеров *ὅτι*, *πώς* и *που* является анкетирование носителей языка. Для настоящего исследования были опрошены 14 информантов независимо один от другого⁹. Им было предложено выбрать *ὅτι*, *πώς* или *που* после двадцати двух глаголов или словосочетаний. Результаты анкетирования представлены в табл. 1.

Таблица 1. Количественные результаты анкетирования¹⁰.
(Quantitative data from native speakers' survey.)

предикат	που	ὅτι	πώς	που/ ὅτι	ὅτι/ πώς	любой
χαίρομαι '[я] рад'	12	1				1
μου αρέσει 'мне нравится'	7	2	2	1		2
μου φτάνει 'мне достаточно'	8	6				

⁹ Краткие сведения об информантах: **Инф. 1** — муж., 40 л., родился и проживает в Афинах, образование высшее, негуманитарное; **Инф. 2** — муж., 57 л., родился в Леонидио, проживает в Афинах, образование среднее; **Инф. 3** — муж., 22 г., родился и проживает в Афинах, образование высшее неполное, негуманитарное; **Инф. 4** — муж., 45 л., родился в Лондоне, с раннего детства жил в Афинах, сейчас проживает в Германии, образование высшее, гуманитарное, историческое; **Инф. 5** — муж., 45 л., родился в Северной Греции (на границе с Албанией), сейчас проживает в Леонидио, образование высшее химическое; **Инф. 6** — жен., 34 г., родилась в Леонидио, сейчас живет в Афинах, образование высшее, негуманитарное; **Инф. 7** — жен., 19 л., родилась и проживает в Леонидио, образование среднее; **Инф. 8** — муж., 35 л., родился и живет в Леонидио, образование среднее; **Инф. 9** — муж., 30 л., родился и живет в Леонидио, образование среднее; **Инф. 10** — муж., 29 л., родился и живет в Леонидио, образование среднее; **Инф. 11** — муж., 35 л., родился и проживает в Афинах, семья из Малой Азии, образование высшее, экономическое; **Инф. 12** — муж., 35 л., родился и проживает в Афинах, семья из Малой Азии, образование высшее, филологическое; **Инф. 13** — жен., 55 л., родилась в Леонидио, проживает в Афинах, образование среднее; **Инф. 14** — жен., 27 л., родилась в Леонидио, живет в Германии, образование высшее. Инф. 12 — сторонник языкового пуризма и поклонник кафаревусы. Все участники анкетирования являются носителями стандартного новогреческого языка и не владеют (или практически не владеют) диалектами.

¹⁰ Черным в таблице закрашены нулевые величины, а полужирным шрифтом выделены наибольшие значения. Для глагола *συχάινωμαι* '[мне] противно' Инф. 2 затруднился выбрать комплементаризер, а Инф. 12 предложил вариант с частицей *να*.

предикат	που	ότι	πως	που/ ότι	ότι/ πως	любой
είμαι τυχερός '[мне] повезло'	12		1	1		
ανησυχώ 'беспокоюсь'	4	6	3	1		
σιχαίνομαι '[мне] противно'	9	2		1		
εννοώ 'подразумеваю'		7	5		2	
νιώθω 'чувствую'		7	5		2	
σκέφτομαι 'думаю'		5	6		3	
ξέρω 'знаю'	1	5	5		1	2
ξεχνάω 'забываю'	2	2	7		3	
φοβάμαι 'боюсь'	5	1	6		2	
λέω 'говорю'	1	6	5		2	
νομίζω 'считаю'		9	3		2	
ονειρεύομαι 'мечтаю'	1	6	4		3	
εξηγώ 'объясняю'		5	7		2	
πιστεύω 'верю'		8	3		3	
καταλαβαίνω 'понимаю'	1	5	5		3	
ακούω 'слышу'	2	6	3		3	
σημαίνει 'значит'	1	7	4		2	
είμαι σίγουρος '[я] уверен'		9	2		3	
κάνει εντύπωση 'впечатляет'	7	4	2	1		

Итак, есть основание утверждать, что существуют предикаты, при которых может быть употреблен любой из трех комплементаризаторов: χαίρομαι '[я] рад', μου αρέσει 'мне нравится', είμαι τυχερός '[мне] повезло', ανησυχώ 'беспокоюсь', ξέρω 'знаю', ξεχνάω 'забываю', φοβάμαι 'боюсь', λέω 'говорю', ονειρεύομαι 'мечтаю', καταλαβαίνω 'понимаю', ακούω 'слышу', σημαίνει 'значит', κάνει εντύπωση 'впечатляет'. Интересно, что некоторые информанты при χαίρομαι '[я] рад' (Инф. 4), μου αρέσει 'мне нравится' и ξέρω 'знаю' (Инф. 4 и Инф. 5) считали допустимыми все три комплементаризера, поясняя, что выбор зависит от контекста.

Очевидно, что при некоторых предикатах возможно употребление и που, и ότι: μου φτάνει 'мне достаточно', сиχαίνομαι '[мне] противно'. Отдельные участники анкетирования (Инф. 4, Инф. 5 и Инф. 12) регулярно указывали оба комплементаризера при одном и том же предикате. Показательно, что все три информанта получили образование в самых престижных университетах и следят за своей речью.

Стоит отметить, что не удалось выявить ни одного предиката, который бы, по мнению всех четырнадцати опрошенных, требовал исключительно που, при этом информанты были

согласны в том, что *που* нельзя употребить после *εννοώ* ‘подразумеваю’, *νιώθω* ‘чувствую’, *σκέφτομαι* ‘думаю’, *νομίζω* ‘считаю’, *εξηγώ* ‘объясняю’, *πιστεύω* ‘верю’ и *είμαι σίγουρος* ‘[я] уверен’.

По-видимому, комплементаризер *πως* можно считать аналогом *ὅτι*, по крайней мере, для предикатов, перечисленных в табл. 1: не удалось обнаружить ни одного предиката, при котором нельзя употребить *ὅτι*, но возможно *πως*. Впрочем, есть обратные случаи — при *μου φτάνει* ‘мне достаточно’ и *συχάινωμαι* ‘[мне] противно’ встречается *ὅτι*, но ни один из четырнадцати информантов не предложил употребить *πως*. Вероятно, разница между обоими комплементаризерами скорее стилистическая, нежели семантическая или обусловленная особенностями структуры предложения¹¹. Очевидно, что *πως* чаще используют те носители языка, которые имеют хорошее образование, склонны много читать и осознанно консервативны в своей речи (Инф. 4, Инф. 5, Инф. 12).

Если сопоставить результаты анкетирования с наблюдениями, сделанными в предыдущих исследованиях (см. раздел 1.2), станет очевидно, что они лишь отчасти укладываются в предложенные схемы, хотя противоречия в целом и не столь существенны. Так, например, Питер Макридж утверждает, что *ξεχνάω* ‘забывать’ часто вводит придаточное с *που* (Mackridge 1987: 255), а результаты анкетирования демонстрируют, что большинство опрошенных предпочло комплементаризер *πως*, причем включая хорошо образованных носителей языка. По-видимому, это свидетельствует либо о том, что новогреческий язык за два последних десятилетия сильно изменился, либо о том, что исследовался лишь какой-то один языковой регистр. С одной стороны, подобный подход может дать непротиворечивые результаты и позволяет построить стройную систему, с другой стороны, он игнорирует огромное разнообразие и вариативность новогреческого языка, как если бы греческого языкового вопроса никогда не существовало, а знаменитая греческая диглоссия (или даже скорее полиглоссия; ср. Browning 1983: 112–113; Mackridge 2009: 29) бесследно исчезла с падением греческой хунты и последующим официальным упразднением кафаревусы в 1976 г.

¹¹ По мнению крайне пуристически настроенного любителя кафаревусы Инф. 12, *ὅτι* и *πως* почти всегда взаимозаменяемы.

Справедливости ради надо признать, что есть и третье объяснение — это несовершенство такого метода исследования как анкетирование: очевидно, при анкетировании носитель языка может сделать один выбор, а в процессе речевого акта — другой, даже не осознав этого. С этим пришлось столкнуться и во время настоящего исследования. Например, Инф. 8 и Инф. 9 однозначно утверждали, что после πιστεύω ‘верю’ нужно употребить исключительно ότι, однако в спонтанной речи они сами дважды предпочли πως:

- (8a) Πιστεύ-ω   πως   δεν   θα
       верить.IPFV-PRS.1SG   COMP   NEG=   FUT=
       έχ-ω   πρόβλημα-ø
       иметь.IPFV-PRS.1SG   проблема-SG.NGEN
       ‘Полагаю, **что** у меня не будет проблем’
- (8b) Πιστεύ-ω   πως   δεν   έχ-εις
       верить.IPFV-PRS.1SG   COMP   NEG=   иметь.IPFV-PRS.2SG
       ‘Полагаю, **что** у тебя нет [проблем]’

Для того чтобы понять, стоит ли полагаться на результаты проведенного анкетирования, имеет смысл провести аналогичное исследование, используя существующие корпуса новогреческого языка (ср. также с обоснованием преимуществ корпусного исследования в Fagard et al. 2016: 78).

3. Case study 2: корпусное исследование

В настоящее время существуют не менее пяти корпусов новогреческого языка (подробнее о них см. Arkhangelskiy, Kisilier 2018), но, несмотря на это, в современной неозллинистике крайне мало исследований, которые бы опирались на корпусные данные. Обычно авторами работ, связанных с корпусными исследованиями, оказываются сами разработчики или их студенты, которые либо описывают возможности созданного ими корпуса и существующие в нем проблемы (Goutsos 2010; Kuzmenko, Mustakimova 2015), либо демонстрируют, что созданный ими корпус полезен для собственно лингвистического анализа (Goutsos 2017; Fragaki, Goutsos 2018). Случаи, когда исследователь, обращаясь в научной работе к корпусу новогреческого языка, не является его создателем, единичны (ср., напр., Yakovleva 2017). Настоящее исследование уместно назвать уникальным, поскольку в нем используются сразу три корпуса из пяти: Национальный тезаурус греческого языка

(HNC), греческий интернет-корпус (elTenTen) и Корпус греческого языка (CMG)¹².

3.1. Краткая характеристика использованных корпусов

Корпус (HNC) был разработан сотрудниками Института обработки слова (Ινστιτούτο Επεξεργασίας του Λόγου) в Афинах. В этом корпусе насчитывается около 47 млн. словоупотреблений. В него включены лишь письменные тексты, созданные после 1990 г. В (HNC) предусмотрены разные режимы поиска, в частности, поиск по грамматическим характеристикам, возможности которого сильно ограничены. При проведении настоящего исследования удалось получить доступ лишь к демонстрационной версии данного корпуса.

Корпус (elTenTen) превосходит размерами все прочие корпуса новогреческого языка (1,6 млрд. слов). В нем не предусмотрены какие-либо специальные опции для поиска в связи с отсутствием разметки. Следует отметить, что после 2014 г. корпус elTenTen перестал пополняться.

Корпус (CMG) по размеру меньше, чем (HNC) — 37,5 млн. словоупотреблений, однако в отличие от двух других корпусов он включает тексты с XIX в. по настоящее время¹³. Одним из основных достоинств (CMG) является наличие разметки. Это позволяет проводить в данном корпусе разнообразные типы поиска, в частности — грамматический, с достаточно большой детализацией параметров поискового запроса.

Таблица 2. Сопоставление корпусов (Arkhangelskiy, Kisilier 2018: 56). (Comparison of Corpora — Arkhangelskiy, Kisilier 2018: 56).

	HNC	elTenTen	CMG
Свободный доступ	—	—	+
Языки интерфейса	1	1	3
Поиск по леммам	+	⁺ /—	+
Грамматический поиск	⁺ /—	⁺ /—	+
Поиск синонимов	—	+	—
Статистика	+	+	—
Конкорданс	+	+	—
Перевод лексем	—	—	+
Метаданные	⁺ /—	—	+

¹² Другие два корпуса не использованы, поскольку к ним не удалось получить доступ.

¹³ К сожалению, на данный момент (CMG) плохо сбалансирован, и абсолютное большинство составляют газетные тексты.

Расстояние между лексемами при поиске	—	—	+
Выбор языкового варианта	—	—	+
Выбор типа/жанра текста	—	—	+
Поиск по отдельным авторам	—	—	+
Поиск по отдельным текстам	—	—	+
Подкорпус переводных текстов	—	—	+
Грамматический разбор	—	—	+

3. 2. Метод, трудности и полученные результаты

При работе со всеми тремя корпусами наиболее оптимальным способом поиска оказался самый простой — задавать напрямую интересующий исследователя глагол и комплементаризер. Корпуса (HNC) и (CMG) позволяют производить поиск по лемме, и получить данные по сочетанию всех зафиксированных в этих корпусах форм того или иного глагола и комплементаризера нетрудно. В (elTenTen) эта опция далеко не всегда срабатывает, и для получения более надежного результата каждую форму стоит вводить вручную. Это оказывается крайне трудоемкой и времязатратной процедурой. Поскольку одной из задач настоящего исследования было не просто получить данные из одного из корпусов, а сопоставить результаты поиска по всем трем использованным корпусам¹⁴, было принято решение ограничиться при получении количественных данных лишь одной глагольной формой — 1 л. ед. ч. настоящего времени изъявительного наклонения активного залога.

Другая трудность проявилась при работе с (HNC): как отмечалось в 3.1, во время изучения комплементаризеров не удалось получить полный доступ к (HNC). При поисковом запросе в неполнофункциональной версии выдавалось не более пяти примеров. Поэтому данные из (HNC) использовались как иллюстративный материал, но не могли быть учтены при подсчете употреблений.

Однако, пожалуй, основной сложностью при проведении настоящего исследования оказалась омонимия, фиксируемая в каждом из трех корпусов. Например, часто не различаются *оти* и *о ти* (ср. сн. 2):

¹⁴ Представляется, что подобное сопоставление позволило бы либо верифицировать полученные количественные данные, либо указало бы на то, что ни на один из корпусов нельзя полностью полагаться при проведении количественных подсчетов.

- ¹⁵ В отличие от (CMG), (HNC) по крайней мере в доступной версии не дает метатекстовые сведения.

Таблица 3. Количественные результаты по корпусам¹⁶.
(Quantitative data from the corpora of Modern Greek)

πρeδικατ	κoρπυς	πoυ	oтι	πoς
χαίρομαι ‘[я] рад’	CMG	238	5	1
	elTenTen	14626	50	11
μου αρέσει ‘мне нравится’	CMG	50	2	
	elTenTen	3730	163	50
μου φτάνει ‘мне достаточно’	CMG	55	1	1
	elTenTen	3472	94	17
είμαι τυχερός ‘[мне] повезло’	CMG	149		
	elTenTen	9076	17	2
ανησυχώ ‘беспокоюсь’	CMG	9	75	14
	elTenTen	454	2609	5
σιχαίνομαι ‘мне противно’	CMG			
	elTenTen	88	9	
εννοώ ‘подразумеваю’	CMG	8	886	129
	elTenTen	159	28025	10705
νιώθω ‘чувствую’	CMG	2	78	20
	elTenTen	776	32119	11777
σκέφτομαι ‘думаю’	CMG	15	393	203
	elTenTen	522	25564	10893
ξέρω ‘знаю’	CMG	364	1611	1156
	elTenTen	11039	109579	45839
ξεχνάω ‘забываю’	CMG	10	266	111
	elTenTen	594	45024	12852
φοβάμαι ‘боюсь’	CMG	1	186	44
	elTenTen	88	9921	4161
λέω ‘говорю’	CMG	162	10543	3714
	elTenTen	252	16386	4492
νομίζω ‘считаю’	CMG	5	2601	877
	elTenTen	297	210646	66064
ονειρεύομαι ‘мечтаю’	CMG		24	8
	elTenTen	32	3193	1815
εξηγώ ‘объясняю’	CMG	61	1139	415
	elTenTen	379	20987	9417
πιστεύω ‘верю’	CMG	3	6251	1534
	elTenTen	449	303313	86469
καταλαβαίνω ‘понимаю’	CMG	47	1018	465
	elTenTen	1012	33778	10976

¹⁶ Черным в таблице закрашены нулевые величины, а полужирным шрифтом выделены наибольшие значения. Приведенные данные актуальны на 30.02.2020.

предикат	корпус	<i>που</i>	<i>ότι</i>	<i>πώς</i>
ακούω ‘слышу’	CMG	2	23	7
	elTenTen	1216	13611	3742
σημαίνει ‘значит’	CMG	2	2934	423
	elTenTen	40	157864	33932
είμαι σίγουρος ‘[я] уверен’	CMG	2	775	295
	elTenTen	102	48972	16291
κάνει εντύπωση ‘впечатляет’	CMG	14	17	8
	elTenTen	938	480	259

Из табл. 3 видно, что все три комплементайзера допустимы при всех обследованных глаголах/словосочетаниях, за исключением *συχάινωμαι* ‘ненавидеть’, который не сочетается с *πώς*¹⁷. Несмотря на серьезную количественную разницу, данные, полученные из (CMG) и (elTenTen), в целом совпадают¹⁸. Удалось обнаружить лишь несколько расхождений:

1. Согласно (CMG) при выражении *κάνει εντύπωση* ‘впечатляет’ чаще употребляется *ότι*, а (elTenTen) отдает предпочтение *που*. Кажется, что результаты из (elTenTen) более точно отражают реальную ситуацию, поскольку в отличие от (CMG) они более наглядно демонстрируют количественные различия в употреблении *που* и *ότι* (CMG: *που* — 14, *ότι* — 17; elTenTen: *που* — 938, *ότι* — 480).

2. При глаголе *ανησυχώ* ‘беспокоюсь’ (CMG и elTenTen) одинаково указывают самый употребительный комплементайзер, но расходятся в том, какой из комплементайзеров можно считать вторым по частотности: согласно (CMG) — это *πώς*, а исходя из (elTenTen) — это *που*.

Возможно, отдельные различия между данными из обоих корпусов отчасти обусловлены тем, что (CMG) охватывает больший временной период и разнообразнее стилистически. Например, при запросе *ξεχνάω* ‘забывать’ + *που* он выдает примеры из произведений Георгиоса Визииноса¹⁹ и новогреческих

¹⁷ В (HNC) также не обнаруживаются сочетания форм глагола *συχάινωμαι* + *πώς*.

¹⁸ Правда, регулярно там, где (CMG) выдает нулевые значения, в (elTenTen) обнаруживается минимальное количество примеров.

¹⁹ Георгиос Визиинос (1849–1896) — один из крупнейших греческих писателей конца XIX в., язык которого часто определяют как кафаре-вусу — рафинированный вариант новогреческого языка, ориентированный на древнегреческую морфологию. В произведениях Визииноса регулярно встречаются архаизмы, например, дательный падеж

переводов «Илиады» и «Одиссеи»²⁰, а также «Преступления и наказания» (2008).

4. Подведение итогов

Любое современное научное исследование по умолчанию предполагает, что оно оперирует верифицированными данными. Однако при работе с языковым материалом так происходит далеко не всегда. С этой проблемой пришлось столкнуться и в ходе изучения новогреческих комплементаризеров. Во время анкетирования (см. раздел 2) некоторые информанты говорили одно для анкеты, а другое при спонтанной речи (8a и b). Не меньшей трудностью оказалась и омонимия, проявившаяся при работе с корпусами (см. раздел 3.2). Казалось бы, что результаты поиска по корпусам можно считать верифицированными, так как к исследованию были привлечены разные, независимые друг от друга корпуса. Однако омонимия, по крайней мере в (CMG и eTenTen), проявляется в сходных ситуациях, и тот факт, что данные, полученные в этих корпусах, в целом, не противоречат друг другу, не может в полной мере их верифицировать. Возможное решение указанной трудности — сопоставление результатов анкетирования носителей языка (табл. 1) с результатами поисковых запросов по (CMG и eTenTen, см. табл. 3). Оказалось, что оба исследования в большинстве случаев выявляют сходные тенденции:

1. комплементаризер *ποῦ* чаще всего употребляется после *χαίρομαι* '[я] рад', *μου ἀρέσει* 'мне нравится', *μου φτάνει* 'мне достаточно', *εἶμαι τυχερός* '[мне] повезло', *σιχαίνομαι* '[мне] противно' и *κάνει ἐντύπωση* 'впечатляет'²¹;

2. *ὅτι* оказывается основным комплементаризером после *ἀνησυχῶ* 'беспокоюсь', *ἐννοῶ* 'подразумеваю', *νιώθω* 'чувствую', *λέω* 'говорю', *νομίζω* 'считаю', *ὀνειρεύομαι* 'мечтаю', *πιστεύω* 'верю', *ακοῦω* 'слышу', *σημαίνει* 'значит' и *εἶμαι σίγουρος* '[я] уверен'.

(Kisilier, Fedchenko 2011: 433), не используемый в стандартном новогреческом и его диалектах.

²⁰ Переводчики Никос Казандзакис и Иоаннис Какридис.

²¹ После *κάνει ἐντύπωση* (CMG) отдает предпочтение союзу *ὅτι*, тем не менее, количество употреблений слишком малó (как и числовые различия между ними), чтобы серьезно обсуждать, почему данные из (CMG) расходятся с прочими данными.

Надо признать, что в отдельных случаях информация, полученная из корпусов, на первый взгляд расходится с результатами анкетирования²²:

1. после глаголов σκέφτομαι ‘думаю’, ξεχνάω ‘забываю’, φοβάμαι ‘боюсь’ и εξηγώ ‘объясняю’ большинство участников анкетирования предпочли *πώς*, однако, согласно корпусам, доминирует *ὅτι*;

2. согласно результатам анкетирования, при ξέρω ‘знаю’ и καταλαβαίνω ‘понимаю’ комплементайзеры *ὅτι*, и *πώς* употребляются с одинаковой частотностью и превосходят в этом отношении *που*; корпусные же данные свидетельствуют о том, что основным комплементайзером при καταλαβαίνω оказывается *ὅτι*.

Впрочем, эти расхождения едва ли стоит считать принципиальными, и, вероятно, они связаны со стилистикой. Таким образом, можно утверждать, что сопоставление данных из Case study 1 и Case study 2 позволяет считать полученные результаты верифицированными и дает возможность использовать их для анализа.

Полученные результаты не всегда совпадают с теми выводами, к которым приходили исследователи прежде, что уже отмечалось в конце раздела 2. С одной стороны, это может быть связано с тем, что до развития корпусов картина употребления комплементайзеров была менее полной, с другой стороны, уместно предположить, что в синтаксисе комплементайзеров в новогреческом языке происходят определенные изменения. Несовершенство корпусов, а, возможно, и слабая выраженность самих изменений не позволяют пока их полноценно описать, однако привлечение диалектного материала дает возможность спрогнозировать потенциальные направления развития новогреческих комплементайзеров, демонстрируя многообразие альтернативных вариантов²³. В рамках настоящей статьи нет

²² К расхождениям не относятся те случаи, когда по результатам анкетирования при предикате какой-либо из комплементайзеров не употребляется вовсе, а корпусные данные все-таки свидетельствуют о минимальном употреблении этого комплементайзера.

²³ Сбор и анализ диалектных данных были бы невозможны без содействия и консультаций Димитриса Димитриу и Иоанны Куми (кипрский диалект), Йоргоса Пильюраса, Димитриса Аназириса и Панайотиса Марнериса (цаконский диалект), К. Ю. Авджян и В. В. Стофорандова (понтийский диалект), Г. А. Анимицы и О. В. Костенко (диалект приазовских греков), А. А. Новика и Михаила Танаса Лалуци (диалект Палясы, Албания).

смысла предлагать сколько-нибудь детальное описание комплементаризов по новогреческим диалектам, однако вполне уместно перечислить основные тенденции.

Для большинства диалектов в спонтанной речи характерно опускание комплементаризера, то есть использование **пустого** или **нулевого комплементаризера**, как, например, в кипрском:

- (12) *nomíz-o*   *éŋ-is*   *ðíkⁱ-o*
 считать.IPFV-PRS.1SG   иметь.IPFV-PRS.2SG   справедливость-SG.NGEN
 ‘думаю, [ты] прав’ (Cyp_r_2019_001_TXT)

В ряде диалектов Малой Азии, Западной Македонии, Южной Италии и на Корфу *που* уже не столь жестко связан с фактивностью и употребляется намного шире, чем предписано для стандартного новогреческого, ср. с примером из Вифинии:

- (13) *voríç-ei*   *που*   *βρωμ-άει*
 считать.IPFV-PRS.3SG   COMP   вонять.IPFV-PRS.3SG
 ‘<...> считает, **что** воняет <...>’ (Nicholas 2001: 198)

Джеффри Хоррокс (Horrocks 1997: 352) указывает, что в диалекте Константинополя (по крайней мере, еще в конце XIX в.) *που* использовался там, где в стандартном новогреческом должны быть *ότι* или *πως*. Согласно (Kehayov, Boye 2016: 849), связь комплементаризера с выражением фактивности выделяет новогреческий (вместе с баскским и адыгейским) из массы других европейских языков, и потенциальная утрата этой особенности приведет к большей унификации и упрощению системы новогреческих комплементаризеров.

В цаконском, понтийском и диалекте приазовских греков, напротив, наблюдается тенденция к расширению функций союза *ótsi/ndolot* (= *ότι*), а в каппадокийском, маниотском, и опять-таки диалекте приазовских греков согласно (Nicholas 1998: 338) нет комплементаризера *πως*²⁴. Иными словами, большинство диалектов разными способами стремится сократить количество комплементаризеров. Интересно, что регулярно у цаконцев и реже у греков Палясы (Южная Албания) в функции комплементаризера выступает союз *jaŋsil/jatí* ‘потому что’ (ср. с примером 14 из Палясы). Очевидно, что употребление этого союза — еще один способ отказаться от противопоставления **фактивность/нефактивность**:

²⁴ Николас добавляет сюда и цаконский, однако это представляется спорным, поскольку в цаконском за *p^hi* может скрываться и *που*, и *πως*.

- (14) *mu=arés-i* *jatí* *esí* *íse*
 1SG.GEN=нравиться.PRS-PRS.3SG COMP 2SG.NOM быть.PRS.2SG
dípla=mu
 рядом=1SG.GEN
 ‘Мне нравится, **что** ты рядом со мной’ (Himara_2019_005a)

Интересны примеры, когда комплементайзер вдруг начинает вести себя как модальная частица *na*. Во-первых, в диалекте приазовских греков часто допускается сдвиг придаточного предложения влево (ср. сн. 1):

- (15) *yo* *hasivetlév-u* *si*
 1SG.NOM беспокоиться.IPFV-PRS.1SG 2SG.NOM
ot *supáz-s*
 COMP молчать.IPFV-PRS.2SG
 ‘я беспокоюсь, **что** ты молчишь (букв. ты **что** молчишь)’
 (Rum_2019_001_TXT)

Во-вторых, в кипрском комплементайзер вызывает перемещение местоименной клитики. В нейтральной ситуации местоименная клитика следует за личной формой управляющего глагола:

- (16) *íp-en=mu*
 говорить.PFV-PST.3SG=1SG.GEN
 ‘[он] сказал **мне**’

Появление модальной частицы *na* оказывается возмущающим фактором, вызывающим препозицию местоименной клитики:

- (17) *orpíz-o* *na=mu=tanís-is*
 надеяться.IPFV-PRS.1SG SBJV=1SG.GEN=помогать.PFV-PRS.2SG
 ‘надеюсь, [что ты] **мне** поможешь’

Аналогичным образом, к препозиции приводит комплементайзер *pos*:

- (18) *íp-en* *pos* *ton=aγap-á*
 говорить.PFV-PST.3SG COMP 3.M.SG.ACC=любить.IPFV-PRS.3SG
 ‘[она] сказала, **что** его любит’ (Agouraki 2000: 3)

или комплементайзер *pu*:

- (19) *ark-í=mu* *pu* *me=aγap-ás*
 хватать.IPFV-PRS.3SG=1SG.GEN COMP 1SG.ACC=любить.IPFV-PRS.2SG
 ‘мне достаточно [того], **что** ты меня любишь’
 (Cypr_2019_001_TXT)

Таким образом, можно выделить три основные тенденции, отчасти фиксируемые и новогреческом материале: (а) опускание комплементаризера в спонтанной речи²⁵, (б) ослабление оппозиции фактивность/нефактивность и стремление к унификации, (в) конкуренция комплементаризеров с конструкциями с модальной частицей *на*. Эти тенденции в целом не конкурируют друг с другом и будут, скорее всего, развиваться в новогреческом языке параллельно.

Условные сокращения

1, 2, 3 — лицо у глаголов и местоимений; ед. ч. — единственное число; л. — лицо; ACC — аккузатив; COMP — комплементаризер; DEF — определенная форма/показатель определенности; F — женский род; FUT — будущее время; GEN — генитив; IMP — императив; INDF — неопределенная форма/показатель неопределенности; IPFV — имперфектив; М — мужской род; N — средний род; NEG — отрицание; NGEN — негенитив; NOM — номинатив; OBL — косвенный падеж; PASS — неактивный залог; PFV — перфектив; PL — множественное число; POSS — поссесивность (притяжательное местоимение); PRF — перфект; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; REL — релятивизатор; SBJV — конъюнктив/показатель конъюнктива; SG — единственное число.

Активный залог и индикатив в строке глоссирования не отмечаются. Знак = является показателем клитики, а $\emptyset$ — нулевой морфемы.

Литература

- Agouraki, Y. 2001: The position of clitics in Cypriot Greek. In: Brian, J. D., Ralli, A., Janse, M. (eds.). *Proceedings of the first international conference of Modern Greek dialects and linguistic theory (Patras, Greece, Oct. 12–14, 2000)*. Patras: University of Patras, 1–18.
- Arkhangelskiy, T. A., Kisilier, M. L. 2018: [Corpora of Modern Greek: achievements and goals]. *Indoeuropeiskoe iazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology] XXII. 1. P. 50–59.
- Архангельский, Т. А., Кисилиер, М. Л. 2018: Корпуса греческого языка: достижения, цели и задачи. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* XXII. 1, 50–59.
- Browning, R. 1983: *Medieval and Modern Greek*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press.
- Christidis, A. F. 1985: [Additional observations on complement clauses in Modern Greek]. *Studies in Greek linguistics* 3, 47–72.
- Χριστίδης, Α. Φ. 1985: Πρόσθετες παρατηρήσεις για τις συμπληρωματικές προτάσεις στα Νέα Ελληνικά. *Μελέτες για την Ελληνική γλώσσα* 3, 47–72.

²⁵ К сожалению, пока корпуса не позволяют проверить частотность этого явления.

- CMG: Corpus of Modern Greek. URL: http://web-corpora.net/GreekCorpus/search/?interface_language=ru. Accessed on 27.08.2019–30.02.2020.
- КГЯ: Корпус греческого языка. URL: http://web-corpora.net/GreekCorpus/search/?interface_language=ru. Даты обращения 27.08.2019–30.02.2020.
- Cypr_2019_001_TXT. 01.08.2019: Respondent male, born 1979, Nicosia (Cyprus). Interviewer M. L. Kisilier. Nicosia–Saint Petersburg.
- Cypr_2019_001_TXT. 01.08.2019: Информант муж., 1979 г. р., Левкосия (Кипр). Собиратель М. Л. Кисилиер. Левкосия–СПб.
- elTenTen: The Greek Web Corpus. URL: <https://www.sketchengine.eu/eltenten-greek-corpus/>. Accessed on 16.10.2018.
- Fagard, B., Pietrandrea, P., Glikman, J. 2016: Syntactic and semantic aspects of Romance complementizers. In: Boye, K., Kehayov, P. (eds.). *Complementizer semantics in European languages*. Berlin–Boston: De Gruyter, 75–130. (Bossong, G., Comrie, B., Hildebrandt, K. (eds.). *Empirical approaches to language typology*. Vol. 57).
- Fragaki, G., Goutsos, D. 2018: The importance of genre in the Greek diglossia of the 20th century. A diachronic corpus study of recent language change. In: Whitt, R. J. (ed.). *Diachronic corpora, genre, and language change*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 149–170.
- Goutsos, D. 2010: The corpus of Greek texts: a reference corpus for Modern Greek. *Corpora* 5. 1, 29–44.
- Goutsos, D. 2017: *A corpus-based approach to functional markers in Greek. Exploring the role of position*. Amsterdam: John Benjamins. (Studies in Language Companion Series. Vol. 186).
- Himara_2019_005a. 24.09.2019: Respondent male, born 1934, Palasë (Albania). Interviewers A. A. Novik, M. L. Kisilier, I. E. Vasileva, D. S. Olexyuk, A. A. Alexyuk. Palasë.
- Himara_2019_005a. 24.09.2019: Информант муж., 1934 г. р., Паляса (Албания). Собиратели А. А. Новик, М. Л. Кисилиер, И. Э. Васильева, Д. С. Олексюк, А. А. Алексюк. Паляса.
- HNC: Hellenic National Corpus. URL http://hnc.ilsp.gr/index.php?current_page=main&lang=en. Accessed on 27.09.2019.
- ΕΘΕΓ: Εθνικός Θησαυρός Ελληνικής Γλώσσας. URL: http://hnc.ilsp.gr/index.php?current_page=main&lang=el. Ημερομηνία πρόσβασης 27.09.2019.
- Holton, D., Mackridge, P. H., Philippaki-Warbuton, I. 2007: *Greek. A comprehensive grammar of the modern language*. Reprinted edition. London–New York: Routledge.
- Horrocks, G. C. 1997: *Greek. A history of the language and its speakers*. London–New York: Longman Publishing group.
- Joseph, B. D. 2016: The semantics and syntax of complementation markers as an areal phenomenon in the Balkans, with special attention to Albanian. In: Boye, K., Kehayov, P. (eds.). *Complementizer semantics in European languages*. Berlin; Boston: De Gruyter, 265–292. (Bossong, G., Comrie, B., Hildebrandt, K. (eds.). *Empirical approaches to language typology*. Vol. 57).

- Karantzola, E., Sampanis, K. 2019: The rise of declarative πως and factive που Modern Greek Complement Markers. In: Archakis, A., Markopoulos, T., Papazachariou, D., Roussou, A., Vlachos, C., Xydopoulos, G. J. (eds.). *Proceedings of the 14th International Conference on Greek linguistics (ICGL14)*. Patras, Greece. 5–8 September 2019. Patras: University of Patras, 150–151.
- Kehayov, P., Boye, K. 2016: Complementizer semantics in European languages: Overview and generalizations. In: Boye, K., Kehayov, P. (eds.). *Complementizer semantics in European languages*. Berlin; Boston: De Gruyter, 809–878. (Bossong, G., Comrie, B., Hildebrandt, K. (eds.). *Empirical approaches to language typology* 57).
- Kisilier, M. L., Fedchenko, V. V. 2015: [Some remarks on archaic phenomena in Modern Greek dialects]. *Indoevropskoe iazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology] XIX, 368–373.
- Кисилиер, М. Л., Федченко, В. В. 2015: Некоторые замечания об архаизмах в системе современных греческих диалектов. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* XIX, 368–373.
- Kuzmenko, E., Mustakimova, E. 2015: Automatic disambiguation in the Corpora of Modern Greek and Yiddish. In: Selegey, V. P., Baytin, A. V., Belikov, V. I., Boguslavsky, I. M., Dobrov, B. V., Dobrovolsky, D. O., Zakharov, L. M., Iomdin, L. L., Kobozeva, I. M., Kozerenko, E. B., Krongauz, M. A., Laufer, N. I., Lukashevich, N. V., McCarthy, D., Nivre, J., Osipov, G. S., Raskin, V., Hovy, E., Sharoff, S. A., Yanko, T. E. (eds.). *Komp'yuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog"* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: papers from the Annual conference "Dialogue"] (2015). Vol. 1. Moscow: RGGU, 388–397.
- Kuzmenko, E., Mustakimova, E. 2015: Automatic disambiguation in the Corpora of Modern Greek and Yiddish. In: Селегей, В. П., Байтин, А. В., Беликов, В. И., Богуславский, И. М., Добров, Б. В., Добровольский, Д. О., Захаров, Л. М., Иомдин, Л. Л., Кобозева, И. М., Козеренко, Е. Б., Кронгауз, М. А., Лауфер, Н. И., Лукашевич, Н. В., Маккарти, Д., Нивре, И., Осипов, Г. С., Раскин, В., Хови, Э., Шаров, С. А., Янко, Т. Е. (ред.). *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Межд. конф. «Диалог»* (2015). Т. 1. Основная программа конференции. М.: Изд-во РГГУ, 388–397.
- Mackridge, P. H. 1987: *The Modern Greek language. A descriptive analysis of Standard Modern Greek*. Oxford: OUP.
- Mackridge, P. H. 2009: *Language and national identity in Greece, 1766–1976*. Oxford: Oxford University Press.
- Nicholas, N. 1998: *The story of pu. The grammaticalization in space and time of a Modern Greek complementiser*. Doctorate of philosophy. PhD. Melbourne: The University of Melbourne, Department of linguistics & applied linguistics.
- Nicholas, N. 2001: A survey of Modern Greek dialectal complementation. In: Ralli, A., Joseph, B. D., Janse, M. (eds.). *Proceedings of the first*

- international conference of Modern Greek dialects and linguistic theory (Patras, Greece, Oct. 12–14, 2000)*. Patras: University of Patras, 193–206.
- Nicholas, N. 2005: Pu-based Greek rude negators. *Journal of Greek Linguistics* 6, 103–150.
- Ransom, E. N. 1986: *Complementation: its meanings and forms*. Amsterdam: John Benjamins. (Typological studies in language. Vol. 10).
- Roussou, A. 1994: *The syntax of complementisers*. Doctoral dissertation. London: University College London.
- Roussou, A. 2010: Selecting complementizers. *Lingua* 120. 3, 582–603.
- Roussou, A. 2012: Complements, relatives, and nominal properties. Paper presented at the “GIST5: «Generalizing relative strategies»”, University of Ghent, 22–23.03.2012.
- Roussou, A., Roberts, I. 2001: Pou-complements and acc-ing constructions: a comparative analysis. In: Agouraki, Y., Arvaniti, A., Davy, J., Goutsos, D., Karyolemou, M., Panayiotou-Triantaphyllopoulou, A., Papapavlou, A., Pavlou, P., Roussou, A. (eds.). *Proceedings of the 4th international conference on Greek Linguistics. Nicosia, September 17–19, 1999*. Thessaloniki: University Studio Press A. E., 201–208.
- Rum_2019_001_TXT. 29.07.2019: Respondent male, born 1932, Cherdakli (USSR). Interviewer M. L. Kisilier. Volodarskoe–Mariupol–Saint Petersburg.
- Rum_2019_001_TXT. 29.07.2019: Информант муж., 1932 г. р., Чердакли (СССР). Собиратель М. Л. Кисилиер. Володарское–Мариуполь–СПб.
- Sampanis, K. 2011: *A diachronic and typological approach to the Modern Greek subjunctive complementation*. Dissertazion zur Erlangung des Doktorgrades an der Kultur- und Gesellschaftswissenschaftlichen Fakultät der Universität Salzburg. Fachbereich Linguistik. Salzburg: Universität Salzburg.
- Sampanis, K. 2013: A diachronic and typological approach to the Modern Greek subjunctive complementation. University of Salzburg, 2011. *Journal of Greek Linguistics* 13, 165–169.
- van Emde Boas, E., Huitink, L. 2010: Syntax (Ch. 10). In: Bakker, E. J. (ed.). *A companion to the Ancient Greek language*. Chicester: A John Wiley and Sons, Ltd, 134–150. (Blackwell companions to the ancient world.).
- Yakovleva, Ya. V. 2017: *Ablativnoe allativnoe markirovanie polozheniia v prostranstve v kafarevuse: korpesnoe issledovanie* [Ablative and allative marking of the position in space in Katharevusa: corpus study]. Master's thesis. Moscow. National research university “Higher School of Economics”, Faculty of Humanities. Manuscript
- Яковлева, А. В. 2017: *Аблативное аллативное маркирование положения в пространстве в кафаревусе: корпусное исследование*. Выпускная квалификационная работа на соискание степени магиста. М.: Нац. иссл. ун-т «Высшая школа экономики». На правах рукописи.

Л. Д. Бондарь
(Санкт-Петербургский филиал Архива РАН)

**ОДИН ЧЕРНОГОРСКИЙ ДОКУМЕНТ ИЗ АРХИВНОГО
ФОНДА СЛАВИСТА П. А. ЛАВРОВА:
ОБ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСАХ АКАДЕМИКА
И ЧЕРНОГОРСКОМ РОДЕ ВУЧКОВИЧЕЙ¹**

Работа представляет собой публикацию документов из фонда академика Петра Алексеевича Лаврова (1856–1929) в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Это письмо черногорского адресата по имени Николо Вучкович (1901 г.), написанный им текст этнографического содержания «Црногорски обичај о свадби» (фрагмент), а также сюжет, посвященный правителю одному из представителей черногорской средневековой знати — Божине Сарапе (*Божина Сарап*). Есть основания делать предположения относительно личности Н. Вучковича, в котором можно видеть представителя фамилии Вучковичей, возводящих свой род к Божине Сарапе — Николу Вучковича, общественная, муниципальная и публицистическая деятельность которого приходится на конец XIX — начало XX в.

Ключевые слова: академик П. А. Лавров, этнографический материал, архивный фонд, черногорские свадебные обычаи, Братство Сарапы, Вучковичи.

L. D. Bondar
(The Archive of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch)

**One Montenegrin document from archive papers of P. A. Lavrov:
about the ethnographic interests of the academician
and the Montenegrin Vučković family**

The work is a publication of documents from the archive papers of academician Peter A. Lavrov (1856–1929) in the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. This is a letter from a Montenegrin correspondent named Nikolo Vučković (1901), a text of ethnographic content «Црногорски обичај о свадби» [«Montenegrin wedding customs»] (fragment), that was by him with Serbian Cyrillic alphabet written, as well as a narrative dedicated to the sovereign of Zeta in 1465–1490 Ivan Crnojević and one of the members of his nobility — Božina Sarap. There are reasons to make assumptions about the identity of N. Vučković, in which one can see a representative of the Vučkovićs, raising their family to the Božina Sarap, namely Nikola Vučković, whose public, municipal and journalistic activities fall at the end of the 19th — early 20th century. Published documents from the papers of P. A. Lavrov

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 18-011-00539.

not only contain evidence of the ethnographic interests of the academician, material on Montenegrin traditional customs, but also provide information on the little-known history of the Montenegrin Vučković family.

Keywords: academician Petr A. Lavrov, ethnographic material, archive papers, Montenegrin wedding customs, Sarap Fraternity, Vučković family

Личные фонды российских славистов в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН) хорошо известны и во многом изучены историками науки, историками языковедения. История славистики является одним из приоритетных направлений исследований в СПбФ АРАН; на протяжении ряда лет сотрудниками архива ведется активная публикация документов по деятельности Второго отделения Императорской — Российской — Всесоюзной академии наук (Отделения русского языка и словесности — ОРЯС: 1841–1927 г.) и его членов (Tunkina 2016). Однако, несмотря на многочисленные документальные публикации, в фондах обнаруживаются незначительные на первый взгляд документы, содержащие вместе с тем неожиданные данные по истории и культуре славянских народов.

Одним из таких документов является текст, хранящийся в фонде академика Петра Алексеевича Лаврова (1856–1929). Основными направлениями исследований академика были последовательно южнославянская палеография, славянская литература, этнография, фольклор, потому среди бумаг личного фонда этого ученого (фонд № 284) можно обнаружить документы — источники по самым разным вопросам славяноведения. Среди трудов других лиц в фонде П. А. Лаврова имеется дело, которое при подготовке к передаче на государственное хранение было описано обработчиками как «Црногорски обичај о свадби» (SPbB ARAS. F. 284. L. 2. Fl. 62). Это — небольшой автограф, написанный вуковицей, с хорошо читаемой подписью — «Николо Вучковић». Дата на документе отсутствует.

Кем является автор этого текста, и когда этот документ был составлен? К сожалению, сведений об авторе у нас практически нет. В бумагах фонда находим лишь единственный документ, содержащий какие бы то ни было сведения. В переписке П. А. Лаврова имеется письмо, написанное идентичным названному выше документу почерком, на достаточно грамотном русском языке и авторизованное как «Николай Вучкович. Черногорец».

Ниже предлагаем полный текст этого небольшого письма (SPbB ARAS. F. 284. L. 3. Fl. 52)².

Ваше превосходительство милостивый государь Петр Алексеевич!

5 месяцев тому назад, приехав в Россию, я стал хлопотать о поступлении своем в Духовную семинарию, но хлопоты мои не увенчались успехом, так посланные на родину бумаги мои прибыли обратно уже по окончании приема воспитанников в учебные заведения, почему мне и предложено ожидать приема до будущего учебного года.

Ожидать в Петербурге еще год я не имею возможности; пособия, выданного мне на проезд от Синода, в размере 20[-ти] рублей, и от В. И. Ламанского мне едва хватило на уплату долгов за стол и квартиру, а потому, вспоминая с глубочайшим чувством благодарности то братское участие, которое Вы оказали нашим, я и осмеливаюсь обратиться к Вам с покорнейшею просьбою о пособии на дорогу, вполне надеясь, что при помощи Вашей и подобных Вам добрых людей я могу добраться до далекой родины.

Покорный Вам слуга, Николай Вучкович. Черногорец.

Письмо было написано в Петербурге, и на нем имеется дата — 25 октября 1901 г. Тогда П. А. Лавров состоял профессором Петербургского университета.

Больше ничего об адресанте не известно. Других упоминаний о нем в фонде П. А. Лаврова не обнаружено. Ничего не дали и поиски в фонде (фонд № 35) другого слависта-балканиста, упомянутого в письме, — Владимира Ивановича Ламанского (1833–1914)³. Корреспондента с искомым именем (или с идентичным почерком среди не атрибутированных писем) или упоминания об этом сюжете в переписке В. И. Ламанского не обнаружено. Не значится имени Николая Вучковича и в перечнях выпускников Санкт-Петербургских духовных учебных заведений: Духовной семинарии и Духовной академии.

Между тем можно предполагать, что в Петербурге состоялась встреча автора письма с П. А. Лавровым, который

---

² Допущенные автором немногочисленные грамматические и орфографические ошибки исправлены по умолчанию; пунктуация дана в соответствии с нормами современного русского языка.

³ В. И. Ламанский, известный исследователь южнославянских народов и сторонник идеи панславизма, в 1870–1897 г. состоял преподавателем Санкт-Петербургской Духовной академии. Была ли это частная помощь В. И. Ламанского или полученное при его поддержке пособие от учебного заведения — сказать сейчас нельзя.

получил от черногорского гостя этот рукописный текст, посвященный свадебным обычаям его страны⁴.

Обращают на себя внимание слова черногорского адресанта о «братском участии», оказанном «нашим». Трудно сказать однозначно, что имел в виду молодой человек, но хорошо известно, что, помимо профессионального интереса к южнославянским языкам, П. А. Лавров был горячим сторонником национально-освободительной идеи балканских славян. Разумеется, политические взгляды ученого наиболее явственно выражались в политически нестабильные годы — в период Балканских войн 1912–1913 г. и Первой мировой войны. В это время он написал ряд работ, посвященных балканским проблемам и принимал активное участие в собраниях, проводившихся на квартире и под руководством председателя ОРЯС А. А. Шахматова, на которых обсуждались вопросы славянского будущего и зачастую присутствовали сербские, а также чешские коллеги (Kirikova 2018: 577). 26 февраля 1917 г. П. А. Лавров был избран в совет Общества славянской взаимности (SPbV ARAS. F. 284. L. 2. Fl. 20: 4), функционировавшего в Петербурге–Петрограде в 1908–1917 г.

Но эти политические волнения будут в будущем, а в год написания опубликованного выше письма П. А. Лавров был, очевидно, более занят научными трудами. И, хотя непосредственная черногорская тематика в его работах этого времени не фигурирует, однако именно тогда он плотно ознакомился с Балканским полуостровом, совершив на протяжении 1885–1906 г. целый ряд научных поездок по этой территории (Kirikova 2018: 577). Первое его путешествие 1885 г. состоялось именно в Черногорию, после чего появилось его магистерское сочинение, посвященное Петру II Негошу, опубликованное в 1887 г. (Lavrov 1887).

Была ли оказана П. А. Лавровым финансовая помощь обратившемуся к нему молодому человеку, сказать сейчас невозможно, но, можно предполагать, что добрый и отзывчивый

---

⁴ Следует, однако, признать, что трудно делать однозначные выводы относительно времени получения П. А. Лавровым этого материала: по содержанию опубликованного письма нельзя сказать с уверенностью, был ли П. А. Лавров знаком с Н. Вучковичем до 25 октября 1901 г. Материал мог попасть к П. А. Лаврову как до, так и после времени отправки к нему письма Н. Вучковича.

профессор⁵ не оставил без внимания черногорского гостя и сохранил как его письмо, так и написанные им тексты.

В своих научных исследованиях П. А. Лавров не ограничивался лингвистическими проблемами и проявлял интерес к славянской литературе, фольклору и, собственно, этнографии. В Петербургском университете в 1907–1908 г. П. А. Лавров читал курс по славянской этнографии, а в 1912–1913 г. вел семинарий по народным славянским песням (Barinov, Rostovtsev [Electronic resource]). Это направление его научных интересов в меньшей степени освещено у биографов П. А. Лаврова, но личный фонд академика в СПбФ АРАН раскрывает и эту сторону его деятельности.

Документы фонда свидетельствуют о том, что ученый тщательно изучал материал славянских народных песен, сделав большую подборку фактически на всех восточно-, западно- и южнославянских языках (SPbB ARAS. F. 284. L. 1. Fl. 96); написал несколько заметок, посвященных этим песням, но оставшихся в рукописях (SPbB ARAS. F. 284. L. 1. Fl. 101; 105), сделал перевод книги В. С. Караджича «Српске народне песне» (SPbB ARAS. F. 284. L. 1. Fl. 106). Все это, очевидно, было использовано им в работе его семинария.

Одно из дел фонда описано как «О славянской этнографии». Оно представляет собой большую подборку этнографических заметок П. А. Лаврова, которые, очевидно, служили базой для его лекций по этнографии южных славян. Имеющийся здесь библиографический перечень говорит о том, что П. А. Лавров был хорошо знаком и имел возможность опираться на сведения этнографических изданий на сербском языке. Так, П. А. Лавров упоминает «Српски етнографски зборник», издававшийся с 1894 г.⁶; «Зборник за историју, језик и књижевност српског народа», издававшийся с 1902 г.; отдельно отмечает историко-краеведческую книгу сербского просветителя Милана Миличевича «Кнежевина Србија: Географија. Орографија. Хидрографија. Топографија. Археологија. Историја. Етнографија. Статистика. Просвета. Култура. Управа» (Књ. 1–2. Београд, 1876). В этом деле собраны выписки и сделаны заметки по различным этнографическим сюжетам (SPbB ARAS. F. 284. L. 1. Fl. 49): топонимика, общинный уклад, юридические отношения,

⁵ Именно такие человеческие качества отметил в нем Б. М. Ляпунов — автор биографического очерка о П. А. Лаврове (Lyapunov 1930).

⁶ П. А. Лаврову было известно 16 выпусков.

церковь, семейные отношения, дом, школа, уклад жизни, быт высших слоев, сельскохозяйственные традиции, кухня, похоронные обряды, деньги, утварь, одежда, оружие, эпические числа, «культурные мелочи». Самым широким образом представлена этнографическая терминология; сделаны многочисленные выписки из народных песен по каждому из сюжетов. Основное внимание ученым уделено южнославянской языковой культуре.

Среди этих заметок имеется небольшой раздел, посвященный свадьбе у балканских славян. Здесь подобраны выписки из фольклорных произведений, рассказывающие о «тонком неношеном платье, в котором невеста была приведена от матери»; об обычае провозглашать тост матерью невесты или невестой — жениху; о подарках для невесты со стороны жениха, которыми могли быть перстень, шелковые и бархатные одежды, бисер, деньги; о традиции проводов сватами невесты из дома родителей к жениху с музыкой, под звуки (гром) бубнов и барабанов, свирели; о традиции одаривания родни жениха со стороны невесты: каждому — свеча, вязаный платок, матери жениха — рубашка, жениху — перстень; здесь же П. А. Лавров упоминает о сюжете женитьбы Огнезмея Вука (SPbB ARAS. F. 284. L. 1. Fl. 49: 14–14 v.).

Поэтому этнографический и фольклорный материал, который мог ему предоставить черногорский гость, должен был вызывать интерес ученого.

Итак, что же представляет собой этот текст, подписанный Н. Вучковичем. Всего в деле 4 листа (7 страниц) рукописного текста, однако при непосредственном обращении к документу стало ясно, что это не единый сюжет: содержание первых двух листов действительно соответствует названному заголовку — «Црногорски обичај о свадби», между тем следующие два листа посвящены совершенно другому сюжету, а первый текст остается без окончания.

Предлагаем ниже публикацию текста о свадебных обычаях целиком в языке оригинала, сохранение которого видится важным для передачи аутентичности этнографической номенклатуры, элементов фольклора и идеоматики языка.

Црногорски обичај о свадби

Наш црногорски момак већ од 20-25 година врти се, кривећи капу на чело, ради зора, и вреба ћевојке: у цркви, по скуповима, на сједницама и т.д. Но њега наговарају и тобож моле да се жени, али он бајат неће с изговором: како је јошит млад, и како је рано и др. него то су само изговори, јер иначе он једва чека тај срећни тренутак.

Кад се, дакле, приступи послу то бива овако вјеридба: од стране момка, који хоче да се жени отиду гловеније оцу или мајци у будуће младе невјесте. Кад дођу, по нашем обичају угосте их ракијом, али они неће да пију, него почну говор: слушај пријатељу, ми смо овде и приђе долазили и пили, сад ни није почетак; но ти не не питаш за што смо дошли!.. На чем овај одговори: «Што зборите људи за Бога, небих ја вас питао да стојите код мене за годину, а не не сад што теке сједосте, но узмите то попите по чашу те мученице». Дошљаци наши тада почну да просе ђевојку, објаснујући момка, његово чојство, поштење, имање и т.д. Ђевојчина фамилија (родбина), ако им је мило пријатељство то без изговора даду ђевојку, ако им није повољи, то нађу изговор, како се ове године не може, година није родила, ђевојка нема хаљина и т.д. Просноци у таквом случају врло љути, оду, а ако им упали, то пуцају једном пушком за знак да је работа свршена.

Од дана, кад се ђевојка испроси, она више слабо и збори не само са туђијема, него и са ближњим рођацима, т. ј. ради вишега стида, као да је учинила неки преступ, а у њеким мјестима, као у Подгорици, око главе замота бијелу крпу, као знак другарицама: да је она вјерена. Младожсења на вјериду пошље ђевојци прстен у вриједности 2-3 фиор. по томе се и зове вјеридба.

Ако случајно, пошље испрошње, наговоре ђевојку, да она вјереника остови, јер је он скитач и никоговић, и да ће она бољега наћи, она се избежуми и остави га, враће и прстен дупли, но он, кад се такви случај догоди, то је дужан по нашем старом обичају: или ђевојци нос окинут, како неби могла бит другог, или њезина брата, или ближју својту убити, или чим год наградити.

Дакле кад се свадба углави, то се чека одређени дан. Отац ђевојке споручи хаљине на пазару од свите са златом извезене; обично су три комада: корет, јакета и раша, а цревље (по вароши) или опанци (по сели) на сами дан свадбе доноси ручни ђевер ђевојци, а она стоји боса докле он не дође. При вјеридби још младожсења даде и 2-3 ф. за ракију, коју пију браственици ђевојке.

Обично на 3-4 дана пред свадбом, момак чини позив рођацима, кумовима и пријатељима, који долазе са пецивом к њему. Пециво се зове: ован или овца, и задња пришута од свиње. На вече самог дана, скупе се како у ђевојчина оца, тако и код младожсење својта и пријатељи. У родбину ђевојчину нема готово никаквог весеља, људи се разговарају о дочеку сватова, о разним догађајима, што су се по гђе-ђе догађали при таквим весељима; од прилике: да више сватова не дође, да се што у здравицама не изговори ружно и т.д. Пецива се пеку по цијелу ноћ.

Ђевојка се у кантун од куће крије, међу другим женама, а загради се каквим бијељем или леницуном, и те ноћи мушки не може њу виђет, жене је уче: да лијепо поступа, у руку љуби, да очи у земљу држи, да с њиким не говори и т.д.

У кући младожење са свијем је друкчије. Већ око 2-3 уре испред ноћи почињу се купит званици са пецивима преко рамена. Називају «добар вече у овај поштени дом, да Бог да ово весеље било у велики и добри час» и тако сви редом. Около огња посиједају старији, а младеж по кући игра. За вечером обично наздрављивају разне фигуре здравица, а после вечере бирају се сватови, који ће ходит за ђевојку.

Оро је овако: нађу се 4 постарији чојка, којим се грло слаже и знаду какву стару крвавицу (пјесму) и поју два и два, н. пр. први двоица; високим и стегнутим гласом: «Све за славу Бога великога, а за здравље књаза свијетлога». Други двоица то и ето повторавају: «Великога, а, а, а». Ако се мушки уморе, то могу и жене појат, само не таквим гласом, него поскочицом, као: «Вила се лоза винова, около града Крушева». Младожења је весео и служи госте, само се и он по мало стиди.

Сватова може бит, колко ко хоће, само треба да су на деспар: 1, 3, 5, 7, 9, а не ваља: 2, 4, 6, и т.д. јер ту празнину треба да млада попуни. Сватова је обично 5, који имају титулу, а остало су све пустосвати, ти су пет, првијенац иде најпрви и обично је он и кум, за њим стари сват, два ђевера, ручни је један, и напоследку, војвода, ком то достојанство траје само један дан.

Јутром се дижу рано, и одмах иду за ђевојку, јер треба да се до подна (12 ч) врате пред црквом, иначе их поп вјенчати неће; ако је мјесто далеко, могу се мало задоцнит, ако баи задоцне, то остаје вјенчовање за други дан. Кад сватови пођу од куће, посе са собом цицу с вином, њу ручни ђевер сврће у оближње куће, а ти пети опет сватовима у повратак износе здравице: боцу вина са јабуком или другим воћем на грнину.

Кад већ дођу пред кућом, сватови се ту задрже, а ручни ђевер сам најпрви улази и носи ђевојци опанке или цревље, која док она дође стоји боса. После одмах излази из куће, сватови за тим пуцају и иду сви у кућу. Од стране родбине, такођо сједи за трпезом неколко старих људи. Сватови се намјесте. Првијенац и Стари сват у челу трпезе, Војвода у зачеље, а остали ће ком надоба.

Јело је обично месо печено и варено у великим комадима, који се разбацају по трпези, а једе се просто рукама без икаквих других церемонија. Вина и ракије доста, које се не пије чашама него ваганима или конатама. Уз јело следују здравице, прву држи Првијенац, другу Ст. сват и т.д. Тих здравица треба да буде седам, при седмој се дижу, а браћа изводе ђевојку и дају ђеверима. Ђевери ђевојку узму са обичним благословима, и пошто се њихових руку дотакне, више нико од домоћих нема право да јој се дотакне хаљине, н.п. да јој мајка уреди што да љепше стоји и остало.

При крстању родитељи благосиљају ђевојку и плачу. Путном поју сватовске пјесме, до пред црквом. Пред црквом раздијеле леб и месо ђеци да једу, а често пута поп остави оно љепше за себе. После вјенчања иду кући појући и пуцајући код младожење, који чим се чин

тој сврши, пред свима бјежи дома, а ћеца на чак и старији изиду по улица да је виде, премда знаду је врло лијепо. Она очи ни код не окреће, догледа пред собом, нити смије говорити с ким друге до само с којим од ћевера. Кад дођу већ у кућу то су постовили пуштину на праг, преко које млада прелази и уноси мало мушко дијте, кои дарива фацулет и у њ' 20 новчића <...>

На этом фрагмент заканчивается. Вопрос свадебных обычаев относительно недавно получил свое освещение в публикациях, предпринятых в Черногории. В конце прошлого столетия в Цетине была опубликована книга В. М. Спасоевича (Spasojević 1999), посвященная черногорской традиционной свадьбе. Автором был собран обширный этнографический материал, сохранившийся в памяти представителей старшего поколения черногорцев, жителей различных местностей Черногории. На этом фоне небольшой текст (точнее, фрагмент текста), составленный Н. Вучковичем, не предложит уникальных данных, но вместе с тем является еще одним этнографическим свидетельством своего времени. Если книга В. М. Спасоевича построена на материале, собранном автором в XX в., то документ СПбФ АРАН является источником фактически из XIX в., предлагая соответствующую историческую и языковую информацию.

В документе находим наименование основных действующих лиц церемонии: *момак* — жених, *ћевојка* [дјевојка, девојка] — невеста; сваты, просители, отправляющиеся со стороны жениха к родителям невесты, названы *гловечије* (просноци); участники свадебного посольства к невесте и главные действующие лица праздника — *сватови*, в составе которых (по уменьшению значимости) — *првијенац*, *стари сват*, *ћевер* (шафер), *ручни ћевер* (шафер невесты), *војвода*; гости без ролей — *пустосвати*, а также участник церемонии переступания порога дома жениха — мальчик (*мушко дијте*). Имеется наименование двух почетных мест за свадебным столом для двух важнейших гостей: *у челу трпезе*, *у зачелье*. Упомянуты элементы традиционной одежды, связанной со свадебными обычаями. От отца, в качестве приданого — платье (платья) тонкого сукна и вышитое золотом (*хаљине од свите са златом извезене*), в качестве трех традиционных составных частей названы: безрукавка (*корет*), короткий жакет (*јакета*) и юбка (*раша*). Более искусная обувь горожанок — *цревље*, попроче в селе — *опанци*. Подарок невесты — платок: *фацулет* [фацолет]. Упоминается одеяло из войлока — *пустина*, простыня — *ленџун*. Встречаем

немногочисленные элементы свадебной трапезы: мясное блюдо — *пециво*, в качестве посуды для напитков — мерки *ваган* или *коната*. Встречаем и другие архаизмы и диалектизмы.

После незавершенного изложения свадебных обычаев, со следующего листа рукописи начинается другой фольклорный сюжет, который содержит повествование об историческом персонаже — правителе (*господар*) Зеты в 1465–1490 г. Иване Черноевиче (*Иван (Иван-бег, Иванбег) Црнојевић*) и одном из представителей его знати (именовавшихся *властела*) — Божине Сарапе (*Божина Сарап*):

Сарапи

Иван-Бег Црнојевић, још у добу времена намислио је оженити старијег сина Ђорђа из Млетака и како народ прича: после тек неколко тражења Дужд мује даде. Но на сваки начин, Млечићи су шћели да Иван Бега, било како било осрамоте. При испрошњи ђевојке, дужд је рекао И. Бегу: сви суди (посуђе), с ког се буде вечерало у њега, да имде и И. Бег, кад се врати по ђевојку да угости дужда, а казали су и то: да И. Бегу нико не смије ни дрва продати за зготовити јело. И. Бег је остао замишљен, и гледао начина како да се тог ослободи.

Божина Сарап дошао је из Сарајева у Босни, и пребјегао у Зети за владе И. Бега. Чим се је пријавио њему овај га је узео у своје слуге, и пошто је имао већи дио поља у Ц. Гори, то намести Божину у Чисто поље, над радницима при вршењу менице. Божина је био красан човјек, висок, благородан и т.д. Но радници међу собом почну се нешто ријечати, и један свог друга убије. И. Бег, који је баш у то вријеме ту дошао, кад види два мртва човјека, без испита и другог, осијече Божини десну руку и проћера га из своје земље за 9 година. Божина је лутао дуго и напоследку настани се у Млетке.

Кад је дакле И. Бег у Млетке био у тој муци, Божина је за све то раније дознао, и у шетњи сrete се си њим. И. Бег није њега познавао. Но Божина се њему учини на пут, и ослови га: «Иван-Беже, што си сјетан и невесео, зар ти још Дужд није дао ђевојку за снаху?»

Чисто се И. Бег зачудио, окле сад чу српску ријеч коју није слушао има већ година дана. Али као нека предрасуда, учини му се боље да га не одбије. «Како што сам сјетан, незнани јуначе, зар нијеси чуо, како хоче Дужд даме нагрди, и да му набавим оно, што ја учините не могу».

А Божина њему одговори овако: «Све я дивно знам И. Беже, што је рекао Дужд, и што ти се спрема. Него слушај што ћеш урадити: кад довече буде вечера у Дужда, и ти ћеш бит тамо, плати људе, да око двора његова намјести се мрежа, и да суди, који се избаце из двора, у мрежу падају, те тако ћеш имати цијеле дуждеве суде за твој повратак готове».

«А за дрва што ћу?» настави И. Бег.

«И за то је лако, одговари Божина, закупи орахе и љешњице, и на то ћеш моћи зготовити јело!»

«А за даље, кућу Дуждеву ти нећеш наћи, јер он ће се из ове селити пред твој долазак, а наредбе, а су дате, да ти је нико показат не смије. Него кад се ти, ако Бог да, вратиш, ја ћу те срести на бријег мора, и ти поћи за мнош, а ја ћу пред тобом ђелати један јасенови прут и ти по тим љускама наћи ћеш Дуждев двор».

И. Бег захвали Божини и замоли да му се каже, јер би рад знати тог добротвора у туђој земљи. Божина није хтио, са изговором, да ће му се казати, кад се опет поврати. И тако се раставе.

И. Бег пошао је у Зету, и пошаље неког времена врати се са сватовима за ђевојку. Ђе нађе Божину и све готово. Пошто се И. Бег врати са снахом срећно, то позове Божину, да му се сад каже, ко је и окле је? Божина је њему показао саму десну руку, коју му је И. Бег откинуо, и проговори:

«И. Беже, сјећаш ли се Чистог поља и ове моје руке?»

«Не зар си ти Божина, хај демо у нашу Зету».

Кад су дошли у Жабљак, И. Бег је питао Божину: «које од најбољих поља у држави, или ће Чисто поље, или Богутско поље у Љуботињу?»

Божина је узео ово потоње, и одмах се тамо преселио. Тада је ту било пусто и дивље мјесто, које су његове слуге обрадиле.

Божина је имао пет синова: Бровка, Вучка, Вука, Рада и Лала. Од Бровка није нико остао. Вучко, Раде и Лале дигну у горње село звано Прекорница, а доље остане сам Вуко. Од Вучка су Вучковићи, Рада Бановићи (био је мали и нека жутњица, а носио вазда неки кожух, и говорио му народ из спрдње како се бани, банина, отуда и њихово презиме Бановићи), а од Лала Лаличићи. Од Вука даље Вукићевићи, а од ових Калуђеровићи.

Бровка Сарап спомиње се у листини (дипломи) И. Бега Црнојевића, као 24 Властела од цијеле земље, а пето је име по броју реда. Та се диплома налази написана на старом пергаменту, код Ивана Поповића Липовца, а објелоданио је Др Л. Томановић у «Новој Зети» 1894 г.

Посље тога И. Бег је дао диплому Сарапима, у којој је било написато, да по један, сам пети, од Сарапа вазда се налази уз пријесто Зеџијех владара, доке буде Зете, за вјечита времена. Та диплома је била на зechoј чапри написана. За вријеме боја по Ђемовско, поп Богдан Калуђеровић понио је са собом, у петом боју погинуо и та диплома ту је такође изгубљена.

1886 год. био је претрес цркве, коју је градио Божина, врло мала и тијесна. Тому су његови посмртни остаци нађени. Цијеви од нога дуге су биле 75 цм.

Именно этот второй текст — рассказ о Божине Сарапе — позволяет сделать предположения о личности Николая Вучко-

вича, который, очевидно, относил себя к его потомкам. Потомки Божины Сарапы в Черногории, формируют так называемое «Братство Сарапы». Имеется статистика на середину XIX в. о численности братств Риечской нахии, общины Люботинь: Братство Сарапы было там самым крупным, составляя 31 % численности общины (Zlatar 2005: 384–385).

Один из представителей этого рода — Йован Вучкович-Сарап⁷, выехавший в Соединенные штаты Америки, написал в 1960 г. историю братства и составил предварительную генеалогию⁸. Эта книга была издана шапирографическим способом (Vučković-Sarap 1960). Именно в ней можно найти небольшой очерк о представителе рода по имени Никола, время жизни которого и характер его деятельности вполне согласуются с тем, что мы знаем об адресанте П. А. Лаврова. Вот, что пишет Й. Вучкович-Сарап о Николе Вучковиче⁹:

Никола (Мргуд), сын священника Джуры Вучковича, был образованным человеком, получил все возможное образование, которое в Черногории его времени можно было получить. Некоторое время он был секретарем муниципалитета Улциня.

О его духовных качествах лучше всего свидетельствует статья в газете «Glas Crnogorca» (№ 32 от 5 август 1895 года), в котором он благодарит от имени жителей улциня, сельскохозяйственную школу в Подгорице за помощь, которую она оказала, научив опрыскиванию медным купоросом.

Наряду с газетой «Glas Crnogorca» был он также сотрудником газеты «Onogošt». В № 35 газеты от 3 августа 1900 года он вступил в литературную дискуссию (это свидетельство начала его творческой деятельности). <...>

Он подписался именем, полученным при крещении, но наряду с этим именем звали его всю жизнь Мргудом (Mrgud). Это имя он получил тогда, когда в Крстаце, в месте Дуга Никшичка, погиб его дядя по отцу (stric) Никола, чтобы было легче забыть покойного.

Он умер очень молодым — на 37-м году моей жизни.

Об отце Николы Вучковича также есть сведения в этой книге. Джуро Вучкович родился в бедной семье в Люботине 22

---

⁷ Многие представители этого рода прибавляют к своей фамилии вторую составную часть — «Сарап».

⁸ Братство имеет свой официальный сайт, на котором, в частности, размещены разветвленные генеалогии отдельных семей рода, в том числе и семьи Вучковичей: <http://sarapi.org/pano8.htm>.

⁹ Текст предлагается в переводе; этот сюжет имеет фактологическое значение, в отличие от предыдущих документов нет необходимости сохранения языковой формы документа.

апреля 1845 г.; окончил начальную школу в Цетине; с 6 декабря 1865 г. был возведен в священнический сан. По собственному почину и на собственные средства открыл школу в Люботине, где до этого вообще не было учебных заведений, и сам работал в ней учителем; педагогическую деятельность продолжил он и тогда, когда в Люботине была построена школа на царские средства. Дж. Вучкович служил священником также в Преко-ринце, а в 1878 г. получил приход в Улцине (после его освобождения) и служил там до своей смерти в 1927 г. Он принимал участие во всех военных действиях в Черногории и был отмечен наградами как за выполнение военного, так и священнического долга. Автор книги отмечает высокие духовные качества Дж. Вучковича как священника и всеобщее к нему уважение.

Так, имеющиеся в книге биографические данные об образованном молодом человеке, воспитывавшемся в семье священника, позволяют с большой долей вероятности видеть в Николе (Мргуде) Вучковиче, сыне Джуры Вучковича, корреспондента академика П. А. Лаврова. Окончательный ответ на этот вопрос может дать образец почерка Николы-Мргуда Вучковича, если его удастся обнаружить.

Повествование корреспондента П. А. Лаврова о Божине Сарапе имеет отношение и к вопросу о датировке этого документа. Очевиднее всего предположить в качестве времени написания этого документа 1901 г. (или ближайшие к нему годы), как это было сделано выше. Однако обращает на себя внимание одна деталь. В рукописном документе Николо Вучкович называет два факта, которые Й. Вучкович ставит под сомнение, приводя более распространенную версию предания о Божине Сарапе. Так, автор книги сомневается в правдоподобности рассказа про покупку орехов и сообщения о наличии у Божины Сарапы пяти сыновей. Принятая версия приписывает Божине одного единственного сына — Бранко. Между тем эти два факта, отличающие версию Николы Вучковича от общепринятой версии биографии Божины Сарапы, описаны в работе А. Йовичевича, опубликованной в 1910 г. (Jovićević 1910). Хотя следует признать, что и этот факт предлагает лишь возможность датировки документа, но не дает ответа на этот вопрос: Н. Вучкович мог пользоваться опубликованным в 1910 г. текстом А. Йовичевича, равно как оба автора могли пользоваться известным им

общим источником, в том числе — устной традицией, сохранившейся у представителей этого рода¹⁰.

Книга Й. Вучковича дополняет также последние сведения текста Н. Вучковича: при расширении церкви св. Николая в селе Богутим в конце XIX в. и проведении там реставрационных работ были обнаружены останки Божины Сарапы и захоронены под алтарем, а в 1930 г. потомки поставили перед церковью памятник основателю рода.

Так, опубликованные документы из фонда П. А. Лаврова не только содержат свидетельства этнографических интересов академика, материал по черногорским традиционным обычаям, но и предоставляют информацию по мало известной истории черногорского рода Вучковичей.

Литература и источники

- Barinov D. A., Rostovtsev E. A. [Electronic resource]: [Lavrov Petr Aleskeyevich]. In: Rostovtsev E. A. (ed.): *Slovar' istorikov Sankt-Peterburgskogo universiteta (XVIII–XX vv.)* [*Dictionary of historians of Saint Petersburg University (18–20 cent.)*]. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/149-lavrov-petr-alekseyevich.html> (date of request 29.05.2020).
- Баринов, Д. А, Ростовцев, Е. А. [Электронный ресурс]: Лавров Петр Алексеевич. В сб.: Ростовцев Е. А. (ред.): *Словарь историков Санкт-Петербургского университета (XVIII–XX вв.)*. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/149-lavrov-petr-alekseyevich.html> (дата обращения 29.05.2020).
- Jovićević, A. 1910: [Rijeke nahia in Montenegro]. *Srpski etnografski zbornik* [*Serbian ethnographic anthology*], 15.
- Јовићевић, А. 1910: Ријечка нахија у Црној Гори. *Српски етнографски зборник*, 15.
- Kirikova, O. A. 2018: [1917 in the correspondence of scientists: a letter from prof. P. A. Lavrov to academician A. A. Shakhmatov]. In: Tunkina I. V. (ed.): *Millerovskie chteniya — 2018: Preemstvennost' i tradicii v sohranении i izuchenii dokumental'nogo akademicheskogo naslediya* [*Müller's readings — 2018: Continuity and tradition in the preservation and study of documentary academic heritage*]. St. Petersburg: Renome, 575–584.
- Кирикова, О. А. 2018: 1917 год в переписке ученых: письмо проф. П. А. Лаврова акад. А. А. Шахматову. В сб.: Тункина И. В. (ред.): *Миллеровские чтения — 2018: Преемственность и*

---

¹⁰ В связи с нашими знаниями о Братстве Сарапы хотелось бы еще раз обратить внимание на упоминание в письме Н. Вучковича «наших». Мог ли подразумевать адресант членов Братства Сарапы? Имел ли П. А. Лавров возможность общения с другими представителями этого рода?

- традиции в сохранении и изучении документального академического наследия. СПб.: Реноме, 575–584.
- Lavrov, P. A. 1887: *Pyotr II Petrovich Negosh, vladyka CHernogorskiy i ego literaturnaya deyatel'nost'* [Peter II Petrovich Negosh, Lord of Montenegro and his literary activity]. Moscow: Printing house of E. Lissner and Yu. Roman.
- Лавров, П. А. 1887: *Пётр II Петрович Негош, владыка Черногорский и его литературная деятельность*. М.: Типография Э. Лисснера и Ю. Романа.
- Lyapunov, B. M. 1930: [A brief overview of the life and scientific work of P. A. Lavrov]. In: *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya 7. Otdelenie gumanitarnykh nauk* [Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Series 7. Department of Humanities], 8, 54–557.
- Ляпунов, Б. М. 1930: Краткий обзор жизни и научной деятельности П. А. Лаврова. *Известия Академии наук СССР. Серия 7. Отделение гуманитарных наук*, 8, 547–557.
- Spasojević, V. M. 1999: *Svadbarski obichaji u Crnoj Gori* [Wedding customs in Montenegro]. 2nd enhanced edition. Cetinje: Obod.
- Спасојевић, В. М. 1999: *Свадбарски обичаји у Црној Гори*. 2. доп. изд. Цетиње: Обод.
- SPbB ARAS: [Saint Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences]. F. 284. L. 1. Fl. 49.
- СПбФ АРАН: Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 284. Оп. 1. Д. 49.
- SPbB ARAS. F. 284. L. 1. Fl. 101.
- СПбФ АРАН. Ф. 284. Оп. 1. Д. 101.
- SPbB ARAS. F. 284. L. 1. Fl. 105.
- СПбФ АРАН. Ф. 284. Оп. 1. Д. 105.
- SPbB ARAS. F. 284. L. 1. Fl. 106.
- СПбФ АРАН. Ф. 284. Оп. 1. Д. 106.
- SPbB ARAS. F. 284. L. 2. Fl. 20.
- СПбФ АРАН. Ф. 284. Оп. 2. Д. 20.
- SPbB ARAS. F. 284. L. 2. Fl. 62.
- СПбФ АРАН. Ф. 284. Оп. 2. Д. 62.
- SPbB ARAS. F. 284. L. 2. Fl. 96.
- СПбФ АРАН. Ф. 284. Оп. 2. Д. 96.
- SPbB ARAS. F. 284. L. 3. Fl. 52.
- СПбФ АРАН. Ф. 284. Оп. 3. Д. 52.
- Tunkina I. V. (ed.) 2016: *Otdelenie russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii nauk za pervye 50 let ego deyatel'nosti: 1841–1899* [Department of Russian language and literature of the Imperial Academy of Sciences for the first 50 years of its activity: 1841–1899. Antalogy of documents]. St. Petersburg: Renome.
- Тункина, И. В. 2016 (ред.): *Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук за первые 50 лет его деятельности: 1841–1899. Сб. документов*. СПб.: Реноме.
- Vučković-Sarap, J. 1960: *Bratstvo Sarap u Ljubotinju* [Fraternity Sarap in Ljubotin]. Detroit [Šapilograf] [Spirit duplication].
- Zlatar, Z. 2005: *Njegoš's Montenegro. Epic poetry, blood feud and warfare in a tribal zone 1830–1851*. New York: Columbia University Press.

A. V. Zhugra

(Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg)

FIGURE OF THE NARRATOR IN ALBANIAN EPOS

The article addresses the issue of the way the representing the figure of the narrator is represented in the Albanian epos. One of characteristic traits of the Albanian epos, the use of *dativus ethicus*, allows the narrator to present himself as a direct witness of the described events and emphasize his presence, almost as a passive participant (one who observes, reflects, sympathizes).

The narrator's explanatory remarks are intended to render his narrative more understandable to the reader; they summarize the described event or orient the reader towards perception of the subsequent action.

These numerous rhetorical interrogative and exclamatory (imperative) remarks play an important role in the construction of the epic text, functioning as a boundary between two episodes. They also are a mark of the narrator's personal interest in the epic world he depicts.

Keywords: epos, Albanian, narrator, *dativus ethicus*, remark.

А. В. Жугра

(Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург)

Личность нарратора в албанском эпосе

В статье рассматривается вопрос репрезентации фигуры повествователя в албанском эпическом тексте. Характерная черта албанского эпоса — дательный этический — позволяет повествователю выступать в роли свидетеля описываемых событий и проявлять себя почти как их пассивный участник (наблюдающий, размышляющий, сопереживающий). Пояснительные ремарки повествователя направлены на то, чтобы сделать повествование более понятным слушателю, они кратко резюмируют описанное событие или ориентируют на восприятие последующего.

Многочисленные риторические вопросительные и восклицательные (императивные) ремарки участвуют в построении эпического текста, оформляя границы отдельных эпизодов. Они также показывают заинтересованное отношение повествователя к изображаемому эпическому миру.

Ключевые слова: эпос, албанский, повествователь, дательный этический, ремарка.

Introductory remarks

Albanian epic songs recount heroic deeds of the brothers Muji and Halili and their band of thirty warriors; they also mention other heroes that do not belong to the band. The songs reflect “the

ideology and everyday life of the late stages of a lineage based society, the tragic conflicts stemming from the dissolution of patriarchal foundations, the military exploits of the warrior bands, *chets*” (Desnitskaya 1987: 147). The main themes of the songs include protection of pastures, abduction of women, forays, rescue of captives, stealing an extraordinary horse, complicated dealings with mythological creatures — zanas and ores.

Studies of the Albanian epos have hitherto focused primarily on its ideological aspects — its origin, the content of the song, main themes and motifs. On the other hand, questions of “technical” nature concerning the actual process of performance, the type of storyteller, his creative freedom or lack of freedom, remained on the periphery of the researchers’ interest. Nevertheless, observations of general nature give us a certain idea of the persona of the Albanian rhapsode and of his social status.

Performer. Songs about heroes, Kreshniks, were performed not by professional singers, but by ordinary people from the rural environment of North Albanian highlands. Rhapsodes “display their mastery not for material incentives, but sing when the opportunity presents itself, in the family or among friends, in their own *fis* or in other *fises* that they attend on the occasion of family and public holidays” (Sako 1966: 11). Singers have never used their mastery for personal enrichment and would not accept money or any other remuneration. This is echoed by the rhapsodes of today: ... *kajkët gjithmonë ... i kam knue për qejf. Asht marre me lypë pare për me knue kajkë trimash* ‘My songs, I have always sung them for pleasure. It is shameful to ask for money for singing about heroes’; *Në anët tona kajka asht kndue gjithmonë për qejf e gëzim, ndonjiherë për të zbutë dëshpërimin e hallet, por ajo nuk asht kndue kurrë për të fitue pare* ‘In our land, a song has always been performed for pleasure and joy, sometimes to alleviate despair and grief, but never has it been sung for money’ (Neziri 2016: 318).

Both the singer and his audience view the performance of songs about Kreshniks with outmost seriousness. In a highlander’s eyes, it is not entertainment, but an educational act which also provides aesthetic pleasure. The singer performs in an environment he knows well, among his friends, relatives and acquaintances. There is a complete mutual understanding and a close emotional connection between the singer and the audience, and the silence that reigns in the room during his performance is almost religious.

A necessary part of the performance of epic songs has always been the accompaniment on the lahut (*lahutë*), a single-string bowed

instrument that could be found in virtually every house in the highlands. That is why the Albanian rhapsode is called *lahutar* '*lahutar*', i. e. 'the lahut-player'. The Albanian epic song as a composition exists solely as a unity of its verbal and musical embodiment. These two aspects of the performance are so interconnected that "two voices resound, but one is also uttering words".

This article examines the demeanour of the Albanian rhapsode from what he reveals about himself in his epic. This study was conducted on the texts included in the anthology "Legendary Epics" (Epika 1966) — one hundred songs amounting to almost 20,000 verses.

Narrator in the folklore text

We shall approach the analysis of the text and the role that narrator plays in it from the point of view of linguistics of narrative as developed, in particular, by E. V. Paducheva in her works. The language of narrative differs from the spoken language above all with regard to "the context of communication in which the message is transmitted from one subject to another", and this context of communication is characterized as imperfect or non-canonical (Paducheva 1995: 41, 43). The author of a work of fiction has to be distinguished from a person who is speaking in a conversation: first of all, he is separated (in time and space) from his statement, and secondly, he does not belong to the world of the text that he is creating. That is why, in the context of the narrative, the speaker corresponds "not to its author, but <...> to its narrator: the narrator is the conscious subject that is directly embodied in the text, and that the reader is confronted with" (Paducheva 1996: 201–202). The narrator is the author's representative in the text, and he "has the image that the actual author wished to bestow on him" (Paducheva 1995: 40).

Albanian heroic epic songs are oral poetic works that recount events that occurred in bygone times. As such, the epic song is a narrative; like in any narrative, it has a narrator or a storyteller, i. e. an authority that organizes the text of the song from the point of view of both expression and composition. However, in a folklore text the relationship between the narrator and the author is much more complex than in a work of literature.

Folklore compositions in general, and the heroic epos in particular, belong to the realm oral composition, so that their

authentic existence is restricted to the moment of their performance by a rhapsode. At the same time, the art of rhapsode, in keeping with the conception of M. Parry and A. Lord, is “composition in performing”. Speaking of the art of an epic singer, B. N. Putilov highlights two points. Firstly, “in his consciousness, the *bylina* is conceived as a narrative in its integrity, with its plot, characters, composition. Every verse in it is a link in the creation of a narrative in its wholeness, in the movement of a unified narrative...” (Putilov 1966: 231–232). Secondly, “verse of the *bylina* is in reality created by each new singer anew, and is reproduced with each new performance with different variations” [ibid.: 237].

The context of communication in which the rhapsode recreates the text of an epic song is close to the canonical context, but not identical to it. The performance of an epic song is an act of communication that requires the presence of the speaker and the listener who are in a fairly close visual contact, so as to see each other. However, communication in this case is unilateral, i.e. it is directed only from the speaker towards the listener, while no verbal response during the performance of a song is expected. When recreating his own version of a song, the singer is in fact creating it in front of his audience, stringing one verse after another, without the option of pausing and correcting himself.

What is then the rhapsode’s role in this communicative situation from the point of view of linguistics of narrative? Being the speaker, he acts as a narrator with relation to the “imaginary” text he is reproduces, so that he is a kind of “speaking narrator” (we will designate him as Narrator 1). At the same time, the rhapsode introduces (or at least may introduce) new elements into the text of the song, and thus acts as the author of the work that is being performed.

However, once we start studying the recorded text of an oral composition as an epic narrative, we find ourselves in a non-canonical context of communication where the author and his composition are separated in time and space. Authorial changes that had been introduced into the text by the actual singer as it was being performed of the song, have fully been integrated into the epic song, are woven into the fabric of the narrative and are inseparable from it. The actual singer leaves his representative, Narrator 2, in the text, whose his verbal part coexists with the part of Narrator 1. The correlation of these two voices depends on the creativity and virtuosity of the rhapsode.

Scholars have already drawn attention to the complexity of the figure of the narrator in a folklore text. This issue has particularly

been addressed in the domain of Russian heroic epic songs (*bylinas*). In folklore, the narrator takes form of a generalized figure of a collective creator and performer of epic *bylinas*, but at the same time, behind this generalized figure stand actual singers in whom this figure is embodied (Artemenco 1998: 189–190). The epic text reflects both Narrator 1 as the epic singer and Narrator 2 as the executant of the narrative function. The objectivity of the epic narration is regularly breached by continual insertion of elements of subjective assessment, for example, words with subjective assessment suffixes and connotative words (*the young Dobrynyushka*, but: *the foul Tatar*), by the characters representing themselves in direct speech using the third, not the first, person, etc. [ibid.: 193].

With regard to the Albanian material, it should be noted that this article will focus only on two types of the numerous ways the narrator can manifest his presence in his text — on the use of the *dativus ethicus*, as well as on various insertions in the narrative. Despite the different functions that these phenomena carry out in the text, they are due to one cause in that they result from the canonical context of communication in which epic songs were performed, or, to put it differently, they should be attributed to Narrator 2.

Dativus ethicus

Dativus ethicus, or dative expressive, or dative of ethic participation, is well represented in different European languages. Its use is lexically limited, as it is restricted to forms of personal pronouns. At the core of this phenomenon lies the speaker's wish to indicate his involvement in the situation he is describing: "*Dativus ethicus* includes in the utterance in which a given situation is described a person, usually one of the participants of the verbal act (that is, one of the parties in the context of communication), and thereby engages this person in the situation described, despite his being in no way involved in it inasmuch he is not its actual participant" (Kustova). The dative is characteristic, first of all, of colloquial speech, of a dialogue, and it is used to express the speaker's perspective, conveying his emotional reaction to and his moral assessment of the information that is introduced.

The role of *dativus ethicus* in Albanian epic songs varies depending on whether it is used in the author's narrative or in the characters' speech. Heroic songs of the Albanian epos are an oral composition in which the narrator's (or "author's") speech, related in the third person, and the characters' direct speech (i. e. the voice

of the other) are combined. In quantitative terms, in the Albanian epos, authorial speech only slightly surpasses the characters' direct speech (the latter constitutes on average 44% of the text of the song).

The narrator does not indicate his presence explicitly in his narrative, nor does he indicate his sources of knowledge about the events he recounts. Given his impersonal stance, the narrator cannot directly express his opinion of his characters and their actions. But at the same time, the narrative contains linguistic data that indicate indirectly both the source of narrator's knowledge of the epic past and his view of it.

Analysis of the use of *dativus ethicus* in Albanian epos showed that it primarily occurs in the authorial narrative (875 examples), and that it functions mainly as a marker of evidentiality, presenting the narrator as a direct witness of the events he describes (Zhugra 2018). Once the *dativus ethicus* is incorporated within the narrative text, it acquires a new usage, suggesting that the speaker witnessed these events¹.

In the following sections we intend to add some new observations and data to the what has been established about the use of *dativus ethicus* as a marker of evidentiality.

Narrator as witness

The narrator in Albanian epos often positions himself as a witness to the described events. In such cases, the narrative becomes more subjective and acquires certain traits characteristic of story-telling, and the narrator himself becomes a storyteller to a certain degree. In this guise, the narrator "either tells his own story, or relates the events that he had himself observed" (Paducheva 1996: 205).

In this context, the use of *dativus ethicus* in a song is optional and depends entirely on the narrator's will. However, preference is given to particular lexical verb groups and certain scenes and actions of the characters. Most often, *dativus ethicus* appears with verbs of speech that introduce the characters' direct speech, as well as with verbs of movement.

The list of verbs that can be used to introduce direct speech in the epic text is quite extensive, and *dativus ethicus* can be used

---

¹ Constructions with *dativus ethicus* in characters' direct speech (170 examples in total) retain the dramatic expressivity that characterizes their use in colloquial speech.

with any of them. The most frequent is the formular expression *qet* 'I extract'+ *e* 'and '+ *them* 'I say' (which is semantically close to Russian *изрекать* 'to utter'). Thus, in the song "The Death of Desdar Osman Aga" (80 verses) seven of eight expressions introducing direct speech contain a *dativus ethicus*, and five of them in the form of this formular expression: *Se ç'ka qitë motra e m'i kish thanë* (47: 31) 'What to me (*dativus ethicus*) the sister uttered (literally, 'extracted and told') to him'; the formula is repeated in four other verses (47: 6, 37, 39, 42).

The frequency of *dativus ethicus* with verbs of speech must be connected to the role that these verbs play in structuring the epic text by indicating the introduction of direct speech. It is also surely due to the close fact that verbs of speech, by virtue of their semantics, are close to the domain of evidentiality. Thus, indirect evidentiality inherent to the verb *them* 'to speak, to say' is somewhat neutralized by direct evidentiality expressed by the first person *dativus ethicus*.

Similarly, verbs of movement tend to appear at important junctures in the development of a plot. The use of *dativus ethicus* with them reflects the narrator's wish to emphasize the credibility of his account and to highlight the importance of the event for the plot.

When used with other predicates, *dativus ethicus* allows the narrator to reveal other facets of his personality, by manifesting himself as the perceiving subject, the conscious subject, or the emotional subject. Examples of this kind are much less frequent, but they reflect the narrator's use of *dativus ethicus* as an artistic device.

Rhapsode as observer

As noted earlier, the core function of *dativus ethicus* in the epic narrative is to present the speaker as a witness to the described events. In cases when the predicate of the phrase describing a given situation is expressed by a verb of perception (for example, visual perception), *dativus ethicus* indicates the speaker as the perceiving subject.

The use of *dativus ethicus* is revealing in the case of verbs *shikoj*, *kqyr* 'to look' and *shoh* 'to see'. For example, in the song "Martesa e djalit jabanxhi me vajzën e Kurt Agës" ("Wedding of a Young Foreigner and the Daughter of Kurta Aga"; 25:211–226) Muji, as he is about to enter into battle, and inspects the surroundings through a monocular: he looks at the part of the bridge that is closest to him (*ka shikjue at ballin e urës*), then looks beyond (*Ma andej po kqyrë*), and then even further (*Ma andej shikjon*); in

each case, the verb meaning “to watch” is used without *dativus ethicus*. But in the phrases describing what he sees, the verb *shoh* (perfect *ka pa*) is accompanied by *dativus ethicus* of the first person pronoun: *E ma shef Burc Eleze Krajlin. / Nji mijë vetë me vedi i ki' marrë* ‘and to me (*dativus ethicus*) he sees Burc Eleze Krajlin / a thousand men he brought with him’, *ma ka pa at Sminaliqe Savin, / Tri mijë vetë me vedi i ki' marrë* ‘to me (*dativus ethicus*) he saw this Sminaliqe Savin / three thousand men he brought with him’, *po ma shef Gjuron Harambash, / Pesë mijë vetë me vedi i ki' pa' marrë*, ‘to me (*dativus ethicus*) he sees / five thousand men he brought with him’.

Dativus ethicus of the first person pronoun with the verb *shoh* ‘to see’ indicates that in these contexts the narrator appears as the perceiving subject (the action is directed from object to subject). The narrator appears to see the same ‘thousands of men’, as Muji, he is transferred into the world he describes (the narration is made from the third person, as indicated by the verb form *sheh*). In such contexts, the omniscient narrator exterior to the events he describes coexists with the narrator who is their direct witness.

The narrator may also appear as an observer in description of objects or some static situations. Epic songs may supplement the account of events by a static description that characterizes an object, a character, a locality, or list a sequence of actions in a given mini-situation. The general narrative in these cases is suspended, and we are presented with a picture, a mini-plot limited spatially and chronologically. For example, in the song “Halili merr gjakun e Mujit” (“Halili retaliates for Muji”), after Muji has been seriously wounded, Dizdar wants to examine his wounds. The description comprises 26 verses where *dativus ethicus* is used 9 times, appearing even at the very beginning of the fragment, as Muji folds back the blanket, and *arrët e shtatit Muji m'i ka zbulue* (24: 149) “wounds on Muji’s body did he reveal to me (*dativus ethicus*)”. From the very beginning of the description, the speaker (narrator) is indicated as being present at this scene.

The narrator-observer can also appear in the text as a conscious subject, especially with verbs semantically associated with unexpectedness. Epic heroes will often find themselves in situations that are unexpected for them and/or for the narrator. Descriptions of such situations regularly include the verbs *qilloj* ‘to strike, to hit; to accidentally find oneself in a place or in a particular state’ and *ndodh* ‘to happen; to find oneself by chance in a given place’. As is typical of the Russian verb *оказаться* ‘to find oneself’, in these

cases “the sign is not presented as open, ready to be perceived, but as a sign yet to be opened, to be discovered through a certain effort on behalf of the observer, or, contrary to his expectation, by transcending a certain boundary between the object and its sign” (Zolotova 1973: 219). This observation equally applies to a situation where the localized presence of an object turns out to be unexpected.

Verbs denoting an “unexpected detection of something” suggest the existence of an external observer, i. e. a conscious subject who perceives this new information but is not explicitly present in the auctorial narrative. The narrator is explicitly identified as this implied external observer by use of *dativus ethicus* of first person pronoun (singular or, more seldom, plural). Thus, when describing the heroes’ combat, the narrator points at an unexpected hindrance: *Aty m'ndodhi 'i cung i zi* (6: 424) ‘and suddenly to me (*dativus ethicus*) a black stump appeared’, or when the heroine expresses her feelings too freely, *E ama ngjat m'i ka qillue / nji shuplakë ftyrës çikës ja ka dhanë* (23: 43–44) ‘Her mother to me (*dativus ethicus*) happened to be next to her, / she slapped her daughter in the face’.

In these and similar contexts, the discovery of a certain object or person is presented as unexpected for the narrator, and the wording not only states the fact of presence, but also the narrator’s surprise at this fact, carrying an element of subjectivity.

Rhapsode as sympathetic witness

Songs often state the feelings that epic heroes experience in difficult situations, their emotional reaction to tragic or, on the contrary, joyful events. In describing such situations, the following verbs are used: *ngushtohem* ‘to grieve’, *idhnohem* ‘to feel sad’, *frigothem* ‘to get frightened’, *i vjen mire / keq* ‘to feel well / unwell’, *terbohem* ‘to become furious (enraged)’, *behem me qejf* ‘to come in a pleasant state of mind’, *dhimbet* ‘to feel pity’, etc.

In the cases when the predicate is accompanied by the *dativus ethicus*, the narrator is presented not only as a witness, but almost as a participant of the situation, sympathizing with the hero.

Sa fort Muji m'asht tërbue! (4: 658) ‘How angry to me (*dativus ethicus*) did Muji become!’; *Por Halili aty ma s'â pa, / kaq fort djali m'ite kenë idhnue!* (24: 226–227) ‘But Halili is no longer here, / so upset to me (*dativus ethicus*) did this young man get!’. These statements deal with heroes that are revered and deeply admired by the rhapsode, therefore it is possible to postulate that *dativus ethicus* carries a semantic nuance possessiveness (cf. “How angry did my Muji become!”).

However, similar statements are also found in relation to the heroes' opponents, to the *krajli* and *shkja*: *Sa keq krajlit m'i ka ardhë, / nji sahat krajli nuk ka folë!* (22: 45-46) 'How distressed did Krajli to me (*dativus ethicus*) feel, / Krajli did not speak for an entire hour'.

In all these cases, the representation of the narrator as a witness to the events he is describing is indicated by the use of *dativus ethicus* which appears to be superimposed on the auctorial narrative structure of the sentence: this may even be perceived as a kind of contradiction, given the occurrence in one narrative of the first and the third person. However, this contradiction is purely formal, and is revealed only through linguistic analysis. In an epic text *dativus ethicus* serves as a means for the narrator to enliven his narrative, bringing the events vividly before his audience's eyes.

Remarks

The other feature typical of the Albanian epic text is the presence of insertions that function as a kind of remark or commentary on the part of the narrator. As a general rule, these remarks are short, no longer than a line, insertions in the authorial text, that indicate to a certain degree his perspective. Such insertions are due to the actual context of performance, the life of a folklore composition. A similar feature has been noted for Russian *bylinas* by A. M. Astakhova (Astakhova 1951: 691–694): she identified three types of remarks — explanatory remarks, that were meant to help the audience to understand realia of olden days, narrative (or epic) remarks, that were connected with the very plotline, and lyrical remarks, ones, that characterized the narrator's own personality.

Remarks coming from Albanian narrators are in many ways similar to the remarks that can be found in Russian *bylinas*, however they are characterized by their own unique traits of expression and specific ethnic colouring.

Explanatory remarks are extremely rare in the Albanian epic songs (some rare examples relate to "miraculous" phenomena, for example, a talking raven — *se gjithsendi m'at vakt po folke* [28: 115] 'because in those days any [beast] could speak'). We do not single out these remarks as a separate type because of their scarcity.

Narrative remarks in the Albanian epics are woven into the fabric of the narrative, they are intricately connected to the development of the plot, and often occupy the initial, final or middle position within a single episode. The position of the remark depends

on the goal set by the narrator, whether it be to explain an event that came to pass, to insert his own conclusion, to present a reason for what is yet to happen, or to explain in passing a certain situation, without interrupting the flow of his narrative. The narrator may even use an insertion of this kind for a humorous side remark: for example, as his hero dressed in Hungarian clothes, puts on a belt and sets out to travel, the narrator quips: *për gjynah zoti mos ja shkroftë* (86: 359) 'May God not consider this a sin'.

Lyrical (emotional) remarks are the remarks that reflect the narrator's personal poetic vision of the world. For example, the song "Muji and Behuri" describes the tragic fate of the warriors are separated from the band. Two young heroes are to part, and one of them will die. On the eve of the parting, they do not sleep all night, watching *zanas gurrave po këndojnë ... e po lodrojnë* 'sing... and dance near the springs', as they *po mbledhin lule fushave* 'pick flowers in the fields' and *po ndiellin dhit-o* 'gather together [their] goats'. This idyllic picture concludes with the remark *Nata e shndreut me ngiatë sall nji dekik!* (6: 87) 'St. Andrew's night lasts but a moment!'. With these words the narrator introduces an alarming psychological nuance in the description of the night that corresponds to the feelings of both the heroes and his own. The heroes wish the night to last longer, they adjure the moon to linger in the sky; the narrator, on the other hand, knows the future, he is full of sympathy for the heroes, and forewarns the listener of what is to come.

Text structuring remarks. The role of remarks in the narration has already been described, but it seems appropriate to single out a group of remarks in which the narrator appears as the subject of speech. These are rhetorical questions and exclamations with the predicate often expressed by imperative and optative forms. These direct addresses to the audience play an important part in the structuring of an epic text, as they are linked to the transition to a new character or to a new action and help to outline the boundaries of the episodes.

a) Remarks as a way to introduce the characters' direct speech

The Albanian epos offers a broad variety of ways to introduce direct speech, from the neutral, widely used formula *ka qite e ka thane* 'took out and said', to complex structures that contain a vivid characterization of characters. Interrogative and exclamatory imperative sentences are common in this kind of introductions of direct speech.

Interrogative sentences of this kind are built on the model: “What did he (they) say...?”, often with a characteristic of the character. *Shka ka thanëe nji plak i urtë?* (23: 98) ‘What did the wise old man say?’; *Shka i ka thanëe baxhija e shkretëe?* (10: 104) ‘What did the honoured lady tell him?’, *Ça kanëe thanëe agët e ngujuem?* (16: 85) ‘What did the imprisoned Ags say?’, *Në letër kralit ç’i kish thanëe?* (86: 141) ‘What did he say in the letter to Krajli?’, etc.

The same formula *ka qitë e ka thanë* ‘took out and said’ that is regularly accompanied by the *dativus ethicus*, often appears in interrogative sentences introducing direct speech. In some songs, the use of this formula (with slight variations) seems excessive and even monotonous. For instance, in the song “Ali Bayraktari” (141 verses) the formula *E ç’ka qitë s’amës i ka thanëe?* ‘And what did he take out and say to his mother?’ is found fourteen times (75: 15, 33, 36, 42, 58, 63, 65, 68, 77, 104, 107, 109, 124, 136).

Exclamative (imperative) sentences introducing the heroes’ direct speech are built on the model “Just fancy what he (they) said...”. *Kqyre Radi krajlit çka i ka thane* (19: 245) ‘Just fancy what Radi said to Krajli’; *Kqyr çka foli Gjeto Basho Muja!* (22: 188) ‘Just fancy what Gjeto Basho said to Muji’, *Kqyre krajli atherë çka i ka thanëe!* (22: 259, 302) ‘Just fancy what Krajli said to him in response’, etc.

b) Remarks as transition to a new episode in the narrative

Interrogative and exclamatory (imperative) sentences, as means to pass to a new episode, include a verb with the meaning “to do” (following the model “What did X do?” / “Look at what X did!”). They may be accompanied by evil or good wishes that express the speaker’s emotional attitude to the described event, e. g. anger against the heroes’ opponents: *Shka bani krajli, o zoti e vraftë!* (63: 25) ‘what did Krajli do, may God kill him!’. This formula is repeated in a number of songs, *Shka bani krali, zoti e vraftë?* (89: 55) ‘Look what Krajli has done, may God kill him!’ (92: 117; 94: 62), and may even be repeated multiple times within the same song, with slight variations.

Conclusion

In Albanian epic texts the narrator does not appear exclusively as a neutral omniscient storyteller. In many passages, the presence of a different figure, Narrator 2, is also felt, and this figure may be identified with the rhapsode who is performing the song. Linguistic

manifestations of Narrator 2 are a result of his consideration for his audience and of his desire to present his narrative as credible, understandable and well structured. The epic narrative, while remaining predominantly auctorial, becomes then more lively, peppered with elements of subjective assessment, while insertion of direct address to the listener renders the narrator to some extent the author of the story he is recounting. The narrator's direct remarks also attest to his interest in the epic world he depicts.

References

- Artemenco, E. B. 1998: [The narrator's problem and its linguistic representation in folklore (based on epic material)]. *Filologicheskie zapiski: Vestnik literaturovedeniya i yazykoznaniya*. Vyp. 11. Voronezh: university, 186–195.
- Артеменко, Е. Б. 1998: К проблеме повествователя и его языковой репрезентации в фольклоре (на материале былинного эпоса). *Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания*. Вып 11. Воронеж: Воронежский государственный университет, 186–195.
- Astakhova, A. M. 1951: *Bylinas of the [Russian] North*. Vol. II. Moskva; Leningrad.
- Астахова, А. М. 1951: *Былины севера*. Т. II. М.; Л.
- Desnitskaya, A. V. 1987: *Albanian literature and Albanian language*. Leningrad: Nauka.
- Десницкая, А.В. 1987: *Албанская литература и албанский язык*. Л.: Наука.
- Elsie, R. *A Dictionary of Albanian Religion, Mythology and Folk Culture*. New York University Press.
- Folklor shqiptar, II. 1966: *Epika legjendare (Cikli i kreshnikëve)*. Vëllimi i parë. Tiranë, Instituti i folklorit.
- Kustova, G. I. *Dative case. Data for project of Corpus Studies of Russian grammar* (<http://rusgram.ru>).
- Кустова, Г. И. *Дательный падеж. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики* (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М.
- Neziri, Z. 2016: Figura e rapsodit shqiptar dhe çështja homerike. In: *Eposi i kreshnikëve: monument i trashëgimisë kulturore shqiptare*. Vëllimi I. Prishtinë, 305–323.
- Paducheva, E. V. 1995: [V. V. Vinogradov and science of fiction language]. *Izvestiya Akademii nauk RAN, seria literatury i yazyka*. T. 54.3, 39–48.
- Падучева, Е. В. 1995: В. В. Виноградов и наука о языке художественной прозы. *Известия Академии наук РАН, серия литературы и языка*. Том 54, № 3, 39–48.
- Paducheva, E. V. 1996: *Semantic research*. Moscow.
- Падучева, Е. В. 1996: *Семантические исследования*. М.
- Putilov, B. N. 1966: [The Art of the Singer of Bylinas: Textological Observations on the Bylinas]. In: *Principy tekstologicheskogo*

- izucheniya folklora. [Principles of textological studies of Folklore].* Moscow-Leningrad, 220–260.
- Путилов, Б. Н. 1966: Искусство былинного певца (из текстологических наблюдений над былинами). В сб.: *Принципы текстологического изучения фольклора*. М.; Л.: Наука, 220–260.
- Sako, Z., Naxhihasani, Q. 1966: Hyrje. In: *Folklor shqiptar*, II. Epika legjendare (*Cikli i kreshnikëve*). Vëllimi i parë. Tiranë, 7–49.
- Zhugra, A. V. 2018: Dativus Ethicus in Albanian epic texts. *Indoevropeskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* 22(1), 499–518.
- Жугра, А. В. Dativus Ethicus в албанском эпическом тексте (некоторые наблюдения). *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 22(1), 499–518.
- Zolotova, G. A. 1973: *Essay on the functional syntax of the Russian language*. Moscow.
- Золотова, Г. А. 1973: *Очерк функционального синтаксиса русского языка*. Москва.

А. В. Подосинов

(МГУ им. М. В. Ломоносова / Институт всеобщей истории РАН)

ALTER ORBIS TERRARUM: «ДРУГИЕ МИРЫ» В АНТИЧНОЙ ГЕОГРАФИИ*

В статье рассматривается понятие *alter orbis* («другой мир»), употреблявшееся в античной географической и космологической литературе для обозначения материков, находящихся вне ойкумены. Главным образом под «другими мирами» подразумевались материки, расположенные в «кратетовой» глобусной картине мира, подразумевавшей существование параллельных или противоположных «нашей» ойкумене материков, в которых жили периэки, антэки и антиподы (или антихтоны). В это понятие первоначально могли включаться и большие острова, которые воспринимались как начало «другого мира» (Тапробана, Британия и Скандинавия). Утопическая литература широко использовала представление о существовании иных миров (материков или островов), помещая там фантастические общества и культуры. В христианской картине мира роль такого *alter orbis* мог выполнять рай, расположенный на острове за океаном в восточной части Земли.

Ключевые слова: античная география, ойкумена, «другие миры», шарообразность Земли, океанские острова, христианский рай как «другой мир».

A. V. Podossinov

(Lomonosov Moscow State University/Institute of World History of RAS)

Alter orbis terrarum: «other worlds» in ancient geography

The article discusses the concept of *alter orbis* (“another world”), used in ancient geographical and cosmological literature to refer to continents outside of *oikumene*. Mainly, «other worlds» mean continents located in a «kratetean» globe picture of the world, which implied the existence of parallel or opposite continents of our *oikumene*, in which *perioikoi*, *antoikoi* and *antipodes* (or *antichthones*) lived. Initially, large islands could also be included in this concept, which were perceived as the beginning of «another world» (Taprobana, Britain and Scandinavia). Only with time these islands did gain their island identity. Utopian literature made extensive use of the notion of the existence of other worlds (continents or islands), placing there fantastic societies and cultures. In the Christian world picture the role of such an *alter orbis*, in full accordance with ancient

---

* Исследование проводилось при финансовой поддержке проекта РФФИ № 18-09-00486 «Пространства и ландшафты в мемориально-историческом, религиозном и политическом дискурсах Античности и Средневековья».

concepts, could be played by paradise located on an island across the ocean in the eastern part of the Earth.

Keywords: ancient geography, oikumene, «other worlds», the sphericity of the Earth, oceanic islands, Christian paradise as «another world».

В основе картины мира античных географов лежал «наш мир», ойкумена — находящиеся вокруг Средиземного моря три материка — Европа, Азия и Африка, населенные людьми (таково значение греч. слова «ойкумена» — $\gamma\eta\ \omicron\iota\kappa\omicron\upsilon\mu\epsilon\nu\eta$). Noster orbis terrarum большинством античных авторов изображался как большой материк, со всех сторон окруженный океаном. Как правило, он имел форму круга или овала, отсюда латинское orbis terrarum — букв. ‘круг земель’¹. Такое представление идет со времен Гомера и стало практически каноническим в эллинистической географии, начиная с Эратосфена (рис.1).

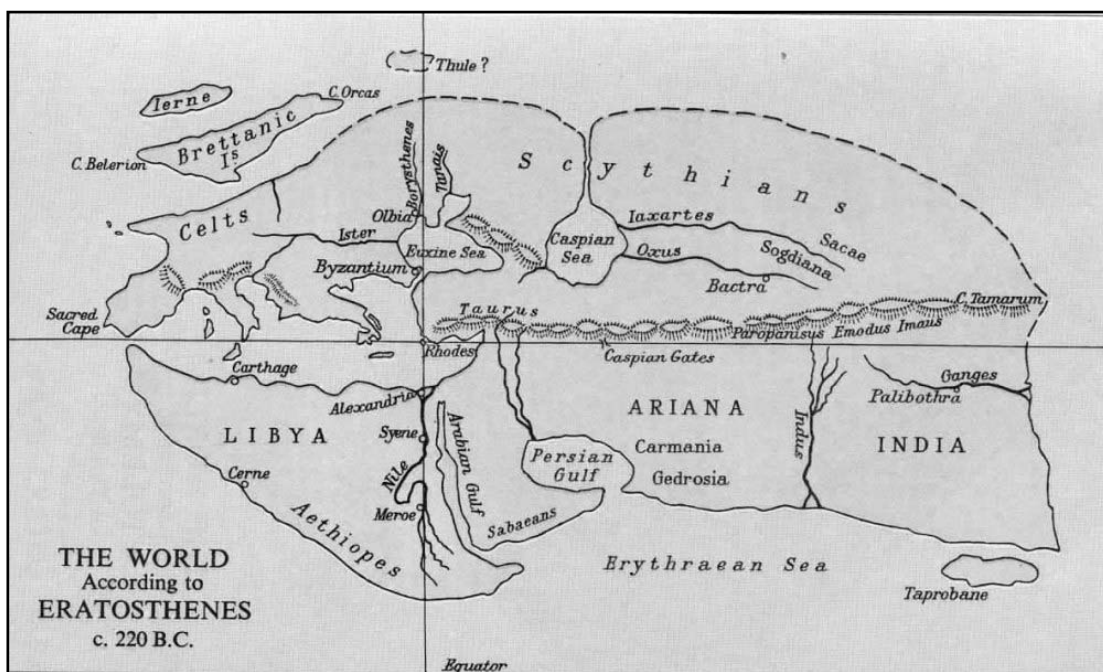

Рис. 1. Реконструкция карты мира Эратосфена
(The reconstruction of the world picture of Eratosthenes)

Эта идея была освоена и принята и большинством римских авторов (Марк Випсаний Агриппа, Помпоний Мела, Плиний Старший и др.) (рис. 2.).

¹ О синонимичности греч. $\omicron\iota\kappa\omicron\upsilon\mu\epsilon\nu\eta$ латинскому orbis terrarum см.: Gisinger 1937: 2165–2167.

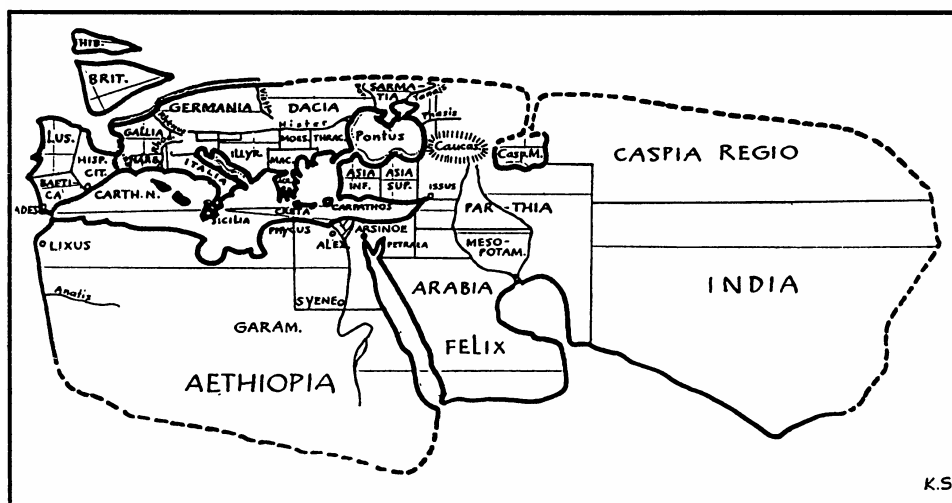

Рис. 2. Реконструкция карты мира Марка Випсания Агриппы
(The reconstruction of the world map of Marcus Vipsanius Agrippa)
(after Sallmann 1997: 208)

В то же время в античности мы наблюдаем определенный интерес к тому, что лежит за пределами окружающего ойкумену океана и что географы называли «другим миром» (*alter orbis terrarum*). Далее я попытаюсь собрать и проанализировать свидетельства о «других мирах» в античной литературе².

Вероятно, самый естественный и логичный ход мысли, связанный с поисками «другого мира», исходил из представления о Земле как шаре, которое было широко распространено в греческой космологии и географии. Итогом развития этого представления стало изготовление Кратетом Малосским во II в. до н. э. модели глобуса, показывавшего форму земного шара³. Поскольку ойкумена (наш мир) занимала на этом шаре только одну четвертую часть в северной половине восточного (в современной терминологии) полушария, в трех остальных частях земного шара предполагалось существование еще трех континентов, в которых должны или могли жить перизки, антэки, антиподы (или антихтоны). Четыре части земного шара отделялись друг от друга океаническими течениями (см. рис. 3). Особенно распространены были изображения восточного полушария, где на севере находилась наша ойкумена, а на юге предполагаемая земля антихтонов или антиподов.

² Некоторые соображения по этому поводу были уже высказаны в статье: Borca 1998: 21–39.

³ См. о Кратете и его глобусе Strabo II, 116; Gemin. 172, 15; см. фрагменты его сочинений: Broggiato 2001.

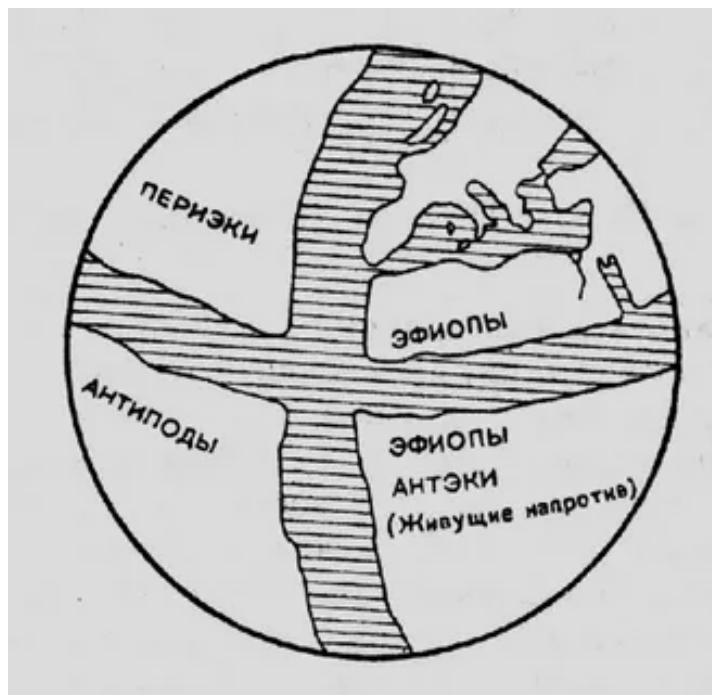

Рис. 3. Реконструкция глобуса Кратета
(The reconstruction of the globus of Krates)

Одновременно с изготовлением глобуса была разработана теория климатического членения земного шара на пять зон — две «полярные» северную и южную, непригодные для жизни из-за сильного холода, одну «экваториальную», проходящую посреди шара и также необитаемую из-за неумеренной жары (она называлась «выжженной»), и две «умеренные», находящиеся между «полярными» и центральной и пригодные для проживания людей⁴. Таким образом, наша ойкумена оказывалась в северной «умеренной» зоне, а земля антиподов или антихтонов — в южной «умеренной». Примером такого видения мира могут быть климатические, или зональные, карты средневековья (так называемые Макробиевы карты), которые восходят к античным образцам (см. рис. 4).

⁴ Учение о пяти зонах, известное в Греции с V в. до н. э. (Парменид, Эвдокс, Аристотель), стало благодаря поэтическим сочинениям Арата и Эратосфену весьма популярным в эллинистическое и римское время (ср. Strabo II, 1–3, 8; Cicer. De nat. deor. II, 66 sqq.; Tusc. I, 68; Verg. Georg. I, 1, 233–239; Ovid. Met. I, 45–51; Strabo II, 2, 1; Plin. NH II, 172), хотя научная география (в лице того же Эратосфена, Гиппарха и др.), не довольствуясь расплывчатостью географического содержания понятия «зоны», ввела более точное математически и астрономически понятие «климата». Подробнее о зонах в античности см.: Abel 1974: 989–1188.

Рис. 4. Реконструкция климатической карты Макробия
(The reconstruction of the climatic map of Macrobius)

Таким образом, ближайшим к нашей ойкумене «другим миром» оказывалась земля антиподов (или антихтонов), которая лежала на юге от «нашего мира», отделенная от нас океаном и «выжженной» зоной. И вот что мы читаем у римского автора середины I в. н. э. Помпония Мелы (*De chorographia*, I, 4):

Посреди мира возвышается земля, окруженная отовсюду морем. И будучи им же разделенной с востока на запад на две части, называемые полусферами⁵, [земля] делится на пять зон⁶.

⁵ Греческое слово «гемисфера» (*hemisphaera* – полушарие), транскрибированное Мелой, предполагает восприятие Земли как шара; тогда полусфера означала бы одну сторону этого шара – графически в виде полного круга. Но судя по тому, что море, окружающее землю в восточном полушарии, делит ее также с востока на запад на две части, лежащие в северной и южной частях, и они-то и называются полушариями, возникает вопрос, а не путает ли Мела понятия «шар» и «круг».

⁶ Упоминание Мелой пяти зон вполне вписывается в общий характер его популярного и далекого от математической географии труда (см. подробнее: Томсон 1953: 175–176; Дитмар 1980: 90–91).

Среднюю зону изнуряет жара, крайние — холод; прочие — обитаемые — имеют одинаковые времена года, но не одинаковым образом⁷. Одну из этих зон населяют антихтоны⁸, другую — мы⁹ (*antichthones alteram, nos alteram incolimus*). Что представляет собой первая зона, из-за жары межлежащего пояса неизвестно¹⁰, а о второй следует рассказать¹¹.

В другом месте, обсуждая проблему полноводности Нила, Мела еще раз называет землю антихтонов, и здесь для ее обозначения звучит словосочетание *alter orbis* (I, 54):

А если существует **другой мир** (*alter orbis*) и существуют живущие против нас на юге антихтоны, то не будет, пожалуй, слишком далеко от истины предположение, что река [Нил] рождается **в тех землях** (*in illis terris*) и, пройдя скрытым руслом под морями, снова выходит наружу **в наших [землях]** (*in nostris [terris]*)¹², и поэтому в [летнее] солнцестояние она становится полноводной, так как в это время там, где она возникает, зима¹³.

⁷ Очевидно, имеется в виду различный порядок следования времен года в северном и южном полушариях.

⁸ Слово антихтоны означает «жители противоположной земли»; имеются в виду жители южного полушария (см. также: Aristot. *Cael.* II, 13, 2; Gemin. XVI, 19–20; Strabo II, 5, 13).

⁹ Ср. Aristot. *Meteor.* II, 5, 362a о зонах, где живем мы (καθ' ἡμᾶς) и о другой на юге.

¹⁰ Ср. Macrobius. *Comment. in somn. Scip.* II, 5, 17 о южной «умеренной» зоне, что она «propter similem temperiem similiter incolatur, sed a quibus, neque licuit umquam nobis nec licebit agnoscere: interiecta enim torrida utrique hominum generi commercium ad se denegat commeandi». См. также о материках на Земном шаре: Cicero *De re publ.* VI, IX, 20: «Люди, населяющие Землю, не только разделены настолько, что совершенно не могут общаться друг с другом, но и находятся одни в косом, другие в поперечном положении по отношению к вам, а третьи даже с противоположной стороны» (перев. В. О. Горенштейна).

¹¹ *Huius medio terra sublimis cingitur undique mari, eodemque in duo latera quae hemisphaeria nominant ab oriente divisa ad occasum zonis quinque distinguitur. mediam aestus infestat, frigus ultimas; reliquae habitabiles paria agunt anni tempora, verum non pariter. antichthones alteram, nos alteram incolimus. illius situs ob ardorem intercedentis plagae incognitus, huius dicendus est.*

¹² Рассказ о подземном русле Нила приводит только Мела. Возможно, на возникновении этой странной идеи о том, что Нил вытекает с противоположной полусферы земли и некоторое время течет как подземная река, повлияли древнеегипетские представления о потустороннем мире.

¹³ *Quod si est alter orbis suntque oppositi nobis a meridie antichthones, ne illud quidem a vero nimium abscesserit, in illis terris ortum amnem, ubi*

Таким образом, представление о «другом мире» как южном континенте антихтонов имеет в своей основе противопоставление двух континентов на карте восточного полушария (рис. 5).

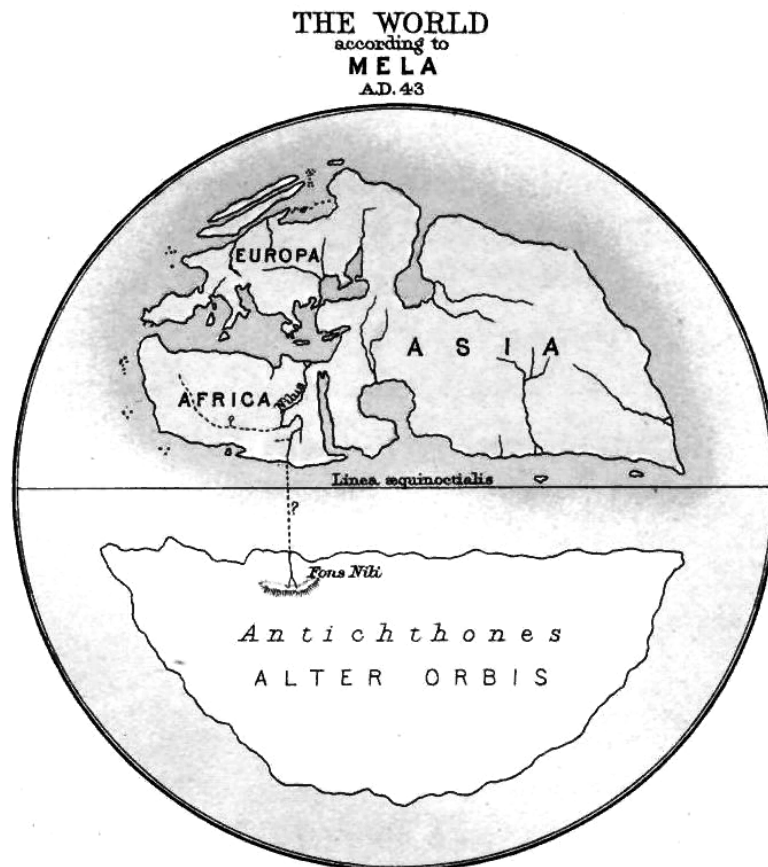

Рис. 5. Реконструкция карты мира Помпония Мелы
(The reconstruction of the world map of Pomponous Mela)

К этому же кругу представлений относится термин, употребленный Марином Тирским и вслед за ним критикующим его Птолемеем — *ἀντοικοῦμένη* (букв. ‘противооюкумена’), под которой Птолемей понимал ойкумену, лежащую в южном полушарии в умеренной зоне, а Марин — южную часть Эфиопии (Ptolem. I, 8, 1).

* * *

Интересно, что под подозрение, что *alter orbis* начинается в океане неподалеку от ойкумены, попали большие острова, находящиеся в океане напротив отдаленных уголков ойкумены. Океан, таким образом, оказывается, как это было с иными континентами, границей между нашим и чужим мирами, пространством, в котором находятся чужие миры, в отличие от Нашего

---

subter maria caeco alveo penetraverit, in nostris rursus emergere, et hac re solstitio ad crescere quod tum hiemps sit unde oritur.

(Средиземного) моря (*mare Nostrum*), которое находится в центре Нашего мира (*noster orbis*)¹⁴. Так, Лукан говорит о планах Александра Македонского после завоевания Индии: «Он соби-рался послать флоты в Океан, во внешнее море¹⁵» (*Oceano classes inferre parabat exteriore mari*) (*Phars.* X, 36–37).

Если говорить об островах, то речь идет о Тапробане в Индийском океане (совр. Шри Ланка), о Британии и о Скандинавии¹⁶.

Так, тот же Помпоний Мела, описывая Индию и ее южное побережье, сообщает (III, 70)¹⁷:

Тапробана — это или довольно большой остров, или начало **другого мира** (*prima pars orbis alterius*)¹⁸, как говорит † Гиппарх¹⁹ †, но, поскольку он обитаем и, как передают, никто вокруг него не проплывал, то это [последнее мнение], пожалуй, верно.

Таким образом, для Мелы Тапробана — начало «другого мира»! Но уже несколько десятилетий позже Плиний Старший опровергает это мнение, возможно, полемизируя именно с Мелой (VI, 81)²⁰:

Долго считалось, что Тапробана — это **другой мир** (*alterum orbem terrarum*) по названию [земли] антихтонов. Время и деяния Александра Великого позволили с достоверностью утверждать, что это остров.

¹⁴ См. Vogt 1960: 166; Borca 1998: P. 23–24 (not. 11).

¹⁵ К вопросу о соотношении в цитате Лукана Океана и внешнего моря ср. Catull. 64, 30: *Oceanusque, mari totum qui amplectitur orbem* — «и Океан, который охватывает весь мир морем».

¹⁶ Интересно, что Птолемей, перечисляя крупнейшие острова ойкумены, называет самым большим островом Тапробану, затем следуют Альбион (Британия), Ирландия, Сицилия, Сардиния, Корсика, Крит и Кипр (Ptolem. VII, 5, 11). В описании Тапробаны, Британии и Скандинавии их характеристика как огромных (*grandis, immensa*) часто встречается в римских источниках.

¹⁷ *Taprobane aut grandis admodum insula, aut prima pars orbis alterius † ipparchius † dicitur. Sed quia habitatur nec quisquam circum eam isse traditur, prope verum est.*

¹⁸ Эту точку зрения впервые находят у Посидония и Кратета Маллосского (фрагм. 34М).

¹⁹ Темное место, вызвавшее несколько эмендаций (см. обзор рукописной традиции во французском издании Мелы (Silberman 1988)). Наиболее часто принимаемая конъектура Барбаруса *hipparcho*, будучи грамматически возможной, вызывает все же сомнения, так как нет никаких сведений о том, что Гиппарх придерживался этого мнения.

²⁰ *Taprobanen alterum orbem terrarum esse diu existimatum est Antichthonum appellatione. Ut insulam liqueret esse Alexandri Magni aetas resque praestitere.*

Далее Плиний ссылается на историков Александра Македонского — Онесикрита и Мегасфена²¹, а также на Эратосфена, которые правильно определили островную природу Тапробаны.

Итак, Плиний знает Тапробану только как остров, и это — следствие знакомства с этой частью ойкумены Александра и его военачальников.

Солин, который интенсивно использовал в своем сочинении сведения о Тапробане из Плиния, пересказывает их таким образом (53, 1): «Остров Тапробану долгое время считали **другим миром** и верили, что там живут антихтоны»²². Указание Плиния и Солина на связь Тапробаны с антихтонами позволяет предполагать, что этот остров действительно могли считать отдельным материком, расположенным в южном полушарии.

* * *

Перейдем теперь к другому острову — Британии.

Многочисленные описания римскими авторами вторжения Цезаря в Британию и ее положения повторяют одну и ту же мысль, по-видимому, высказанную еще в эллинистическое время, когда Британия была мало- или совсем неизвестной античным географам²³, а именно, что это мог быть «другой мир» — материк.

Кассий Дион подробнее всех описывает это представление (XXXIX, 50):

Раньше ни эллины, ни римляне еще не знали (οὐδ' ὅτι ἔστιν ἐγγυώσκετο) о ее (Британии) существовании, а более поздние (авторы) спорили, был это континент или остров (εἴτε ἥπειρος εἴτε καὶ νῆσος εἴη). И многие потом писали об этом с двух точек зрения, не зная ничего о ней, так как не видели ее собственными глазами и не слышали об этом собственными ушами от местных жителей, но высказывались согласно научной доктрине и науке, к которой они примыкали. Со временем было определенно установлено, что это остров, сначала при пропреторе Агриколе, а теперь при императоре Севере.

---

²¹ Страбон также сообщает, что Мегасфен признавал Тапробану островом (Strabo XV, 1, 14).

²² Taprobanem insulam... diu orbem alterum putaverunt et quidem habitare Antichtones crederentur.

²³ Кстати, до завоевания Галлии ее также считали «другим миром», см., например, Liv. V, 34, 7 о том, что Альпы своей недоступностью препятствовали проникновению в «другой мир» (in alium orbem terrarum) – в Галлию (см. Borca 1998: 25).

Интересно, что именно в сочинении Тацита об Агриколе, которого упомянул Кассий Дион, положение Британии противопоставляется «нашему миру» (Agric. 12): «продолжительность дня (в Британии) превышает его размер **в нашем мире**» (dierum spatia ultra **nostri orbis** mensuram).

Также, согласно «Латинской антологии» (422, 2 Riese), Британия Цезаря «лежит далеко от **нашего мира**» (**nostro** quae procul **orbe** iacet); (423, 5 Riese): «Теперь Океан течет между **двумя мирами**» (at nunc Oceanus **geminos** interluit **orbes**); (426, 9–10 Riese) «Посмотри, как судоходная Тетис смешивает народы: соединено, то что до сих пор было **двумя мирами** (**orbis et orbis**)» (aspice, confundat populos ut previa Tethys: coniunctum est, quod adhuc orbis et orbis erat).

По «Панегирику Мессалле» (v. 151), Британия — это «**другая часть мира**» (**mundi pars altera**).

Веллей Патеркул пишет о Цезаре, что тот (II, 46, 1) «еще и в Британию перевез войско, ища для нашей и своей власти почти **другой мир**» (C. Caesar... etiam in Britanniam traiecisset exercitum, **alterum** paene imperio nostro ac suo quaerens **orbem**).

Флор также упоминает поход Цезаря в Британию с подобной характеристикой Британии (I, 45, 16): «Цезарь, все на суше и на море избороздив, обратил внимание на Океан и, как если бы **этого мира** римлянам не хватало, задумал (покорить) **другой**. И вот, собрав флот, он с удивительной быстротой переправляется в Британию» ([Caesar] omnibus terra marique peragratis respexit Oceanum et, quasi **hic** Romanis **orbis** non sufficeret, **alterum** cogitavit. Classe igitur comparata Britanniam transit mira celeritate).

Иосиф Флавий, рассказывая о завоеваниях римлян во всех частях ойкумены, говорит об их завоевании Британии, которая будто бы лежит за Океаном в другой ойкумене (II, 16, 4 [363]): «В самом деле, им недостаточно, что их границы — это Евфрат на востоке, Истр на севере, на юге пустынная и необитаемая Ливия и Гадира на востоке, нет, они ищут **за океаном новый мир** (ὕπὲρ ὠκεανὸν ἐτέραν ἐζήτησαν οἰκουμένην), победоносно неся свое оружие вплоть до самой неисследованной прежде Британии²⁴». Обратим внимание на полное совпадение греческого выражения ἐτέρα οἰκουμένη с латинским alter orbis.

²⁴ Μᾶλλον δὲ καὶ ταύτης ἐζήτησάν τι πλεόν· οὐ γὰρ ἐξήρκεσεν αὐτοῖς ὁλος Εὐφράτης ὑπὸ τὴν ἀνατολὴν οὐδὲ τῶν προσαρκτίων ὁ Ἰστρος ἢ τε μεσημβρινὴ μέχρι τῶν ἀοικήτων ἐρευνηθεῖσα Λιβύη καὶ Γάδειρα πρὸς

Плутарх обращает внимание на географическую необычность похода Цезаря в Британию (Caes. 23, 2–3): «Ибо он был первым, кто вышел в Западный океан и переправился с войском через Атлантическое море (διὰ τῆς Ἀτλαντικῆς θαλάττης), кто расширил римское господство за пределы известного круга земель (ἔξω τῆς οἰκουμένης), попытавшись овладеть островом столь невероятных размеров, что многие писатели утверждают, будто его и не существует, а рассказы о нем и самое его название — одна лишь выдумка»²⁵.

В IV Панегирике (Цезарю Констанцию, IV, 11, 2) имеется интересное замечание о том, что же открыл Цезарь, вторгаясь в Британию: «Цезарь, знаменитый создатель вашего имени, первым из римлян вступив на ее земли, написал, что он открыл **новый круг земель (alium orbem terrarum)**, полагая, что она столь обширна, что, как ему казалось, не окружена со всех сторон океаном, а сама его окружает»²⁶. По мнению исследователей, «это выражение могло содержаться в отчете Г. Юлия Цезаря сенату (Caes. B.G. IV. 38.4: “ex litteris Caesaris”)»²⁷. Отчет содержал как раз сообщение о завоевании Британии, после чего сенат принял решение о 20 днях празднования этой победы²⁸. Поэтому, на мой взгляд, не лишено основания предположение, что именно из этого документа последующие историки почерпнули фразеологию «другого мира» относительно Британии.

По-видимому, к очень ранним источникам восходит информация Равеннского Анонима, написавшего в VI–VII в. н. э.

ἐσπέραν, ἀλλ' ὑπὲρ ὠκεανὸν ἑτέραν ἐζήτησαν οἰκουμένην καὶ μέχρι τῶν ἀνιστορήτων πρότερον Βρεττανῶν διήνευκαν τὰ ὄπλα. (перевод М. Финкельберг и А. Вдовиченко под ред. А. Ковельмана).

²⁵ πρῶτος γὰρ εἰς τὸν ἐσπερίον Ὠκεανὸν ἐπέβη στόλῳ, καὶ διὰ τῆς Ἀτλαντικῆς θαλάττης στρατὸν ἐπὶ πόλεμον κομίζων ἔπλευσε· καὶ νῆσον ἀπιστομένην ὑπὸ μεγέθους, καὶ πολλὴν ἔριν παμπόλλοις συγγραφεῦσι παρασχοῦσαν, ὥς ὄνομα καὶ λόγος οὐ γενομένης οὐδ' οὔσης πέπλασται, κατασχεῖν ἐπιθέμενος, προήγαγεν ἔξω τῆς οἰκουμένης τὴν Ῥωμαίων ἡγεμονίαν. (перевод Г. А. Стратановского и К. П. Лампсакова под ред. С. С. Аверинцева).

²⁶ Quam Caesar ille auctor vestri nominis, cum Romanorum primus intrasset, alium se orbem terrarum scripsit reperisse, tantae magnitudinis arbitratus ut non circumfusa oceano, sed complexa ipsum oceanum videretur (перевод И. Ю. Шабаги).

²⁷ Шабага 2016: 511.

²⁸ His rebus gestis ex litteris Caesaris dierum viginti supplicatio a senatu decreta est.

в своей «Космографии» (I, 3)²⁹: «В двенадцатом часу дня находится страна бритонов. Позади нее в Океане, если плыть по нему при попутном ветре более двух дней и двух ночей, находится остров Бриттания, который греческие философы называли как бы **(хе)микосмом**³⁰». Здесь можно видеть отзвук древних греческих представлений о континентальности Британии — Аноним употребляет греческий термин «космос (полукосмос)», несомненно, для (alter) orbis terrarum.

* * *

Не избежала участи считаться материком и Скандинавия: ее тоже рассматривали как возможное начало большого материка — alter orbis. Так, Плиний пишет (NH VI, 96)³¹ об огромном Коданском заливе в Северном океане, наполненном островами, из которых наиболее знаменита Скатиная, неведомая по величине. «Часть ее, насколько известно, населяет племя гиллевионов в 500 округах; по этой причине ее [т. е. Скандинавию] называют **другим миром** (alterum orbem terrarum)»³².

Интересно ставит вопрос о соотношении «миров» Тацит, когда он описывает северное побережье Германии, которое «омывает Океан, имеющий широкие заливы и острова на огромной территории, при том, что лишь недавно сделались известными некоторые племена и цари, которых обнаружила

²⁹ Duodecima ut hora diei Briptonum est patria. cuius post terga infra oceanum, ubi longius est duorum dierum cum suis noctibus prospere navigantibus iter, magna insula Brittania reiacet, quam Grecorum phylosophi quasi <i>micosmin</i> appellant.

³⁰ Рукописи A B PP дают чтение micosmin. Й. Шнетц в своем издании (Schnetz 1990: 4) вслед за издателями Анонима М. Пиндером и Г. Партаем (Pinder, Partey 1860) считает, что малопонятное micosmin надо восстанавливать как <i>micosmin</i> от греч. ἡμικόσμιον (половина мира, букв. «полукосмие»), хотя такое название Британии не встречается ни у одного из греческих авторов (см. также Schnetz 1934: 95, Anm. 25). Употребление слова κόσμος в значении οἰκουμένη зафиксировано в словарях (см., например, Liddel-Scott-Jones s. v. κόσμος). Показательно в одной из надписей (SIG 814.31) определение Нерона как ὁ τοῦ παντὸς κόσμου κύριος («господин всего мира»). В «Послании римлянам» (I, 8) говорится: «Вера ваша возвещается во всем мире» (ἐν ὅλῳ τῷ κόσμῳ — in universo mundo). В обоих случаях речь идет о «космосе» как «ойкумене».

³¹ ...clarissima (sc. insularum) est Scatinavia, inconpertaе magnitudinis, portionem tantum eius, quod notum sit, Hillevionum gente quingentis incolente pagis: quare alterum orbem terrarum eam appellant.

³² Подробнее см.: Svennung 1974: 66–67.

война»³³ (Germ. 1). Далее Тацит пишет про тот же Северный океан (Germ. 2)³⁴: «С той стороны (*ultra*), противоположный (*adversus*) (нам), если можно так выразиться, огромный Океан редко посещается кораблями из **нашего мира** (***ab orbi nostro***)». Здесь явно прослеживается противопоставление двух миров — нашего (*orbis noster*) и противоположного ему (*ultra, adversus*)³⁵ северного мира.

Это представление о Скандинавии как «другом мире» дожило до X в. н. э. Адам Бременский — сам житель Северного моря — признает, что на севере, «за островами данов открывается **другой мир** (***alter mundus***), а именно: Свеония и Норманния — две обширнейших северных страны, **в мире нашем** (***nostro orbi***) до сих пор почти неизвестные»³⁶.

* * *

О том, что таких «других» миров может быть множество, свидетельствует Лукреций (Nat. rer. II, 1074–1075): «...необходимо признать, что в других частях земли есть **другие миры** и различные племена людей и виды зверей» (...*necesse est confiteare / esse alios aliis terrarum in partibus orbis / et varias hominum gentis et saecula ferarum*).

Подобное предположение давало простор авторам утопической литературы, которые размещали придуманные ими страны и цивилизации непременно на больших островах или даже материках (= в других мирах), расположенных в Океане³⁷.

В самом начале этой традиции стоит, несомненно, Платон со своей утопической Атлантидой³⁸, расположенной где-то на острове (или материке?³⁹) в Атлантическом океане. Одним из

³³ Cetera Oceanus ambit, latos sinus et insularum immensa spatia complectens, nuper cognitis quibusdam gentibus et regibus, quos bellum aperuit. Cp. Consol. Liv. 313–314 об *orbis Germanicus* как *orbis novus*.

³⁴ Immensus ultra, utque sic dixerim, adversus Oceanus raris ab orbe nostro navibus aditur.

³⁵ О таком значении *ultra* и *adversus* см.: Lund 1988: 112: *adversus* = *diversus, oppositus*; Much 1967: 47–48 («entgegengesetzt, auf der anderen Seite liegend»).

³⁶ IV, 21: *Transeuntibus insulas Danorum alter mundus aperitur in Sueoniam vel Nortmanniam, quae sunt duo latissima regna aquilonis et nostro orbi adhuc fere incognita* (перевод В. Рыбакова).

³⁷ Подробнее см. Geus 2000: 55–90; Подосинов 2013: 200–222.

³⁸ Rohde 1876: 197–199.

³⁹ См. Plato Tim. III, 24, где говорится, что это остров в Атлантике и что он больше, чем Ливия и Азия, вместе взятые.

первых после Платона был Феопомп (IV в. до н. э.)⁴⁰, который в «Удивительных историях» рассказал о мифической стране Меропиде, находившейся в Атлантическом океане где-то на северо-востоке от Европы; в этом жанре работали также Евгемер из Мессены (ок. 300 г. до н.э.), который в своем сочинении «Священная запись» описал несуществующий остров Панхею, расположенный в Океане где-то на юго-востоке ойкумены, куда надо было добираться через Красное море; Ямбул (II–I вв. до н. э.), описавший свое фантастическое путешествие к острову Солнца (островам Блаженных), который лежал в южном Океане близ экватора, и путь к нему от эфиопского побережья Африки через море занимал четыре месяца, а сам остров был круглый и имел в окружности 5000 стадий⁴¹.

В русле такого рода литературы находятся еще два фантастико-утопических произведения — Гекатея Абдерского «О гиперборейях» (вторая половина IV — первая половина III в. до н. э.) и Антония Диогена «Невероятные приключения по ту сторону Фулы» (жил, вероятно, в I в. н. э.). В первом сочинении герой повествования плывет по Северному океану в страну гипербореев, которая находилась на огромном острове, по размерам не уступающем Сицилии (фр. 7) и расположенном к северу от Кельтики⁴². Также к отдаленному острову Фула (Туле) через окружающий ойкумену Океан плывет герой Антония Диогена. И в том, и другом произведении предполагается океаническое плавание⁴³.

Большое количество обитаемых островов «другого мира» в Атлантическом океане описывает Лукиан в своем сочинении «Правдивая история», которое представляет собой пародию на такого рода утопическую литературу. Лукиан сообщает: «Пустившись в плавание, я миновал столпы Геракла и выехал, сопровождаемый благоприятным ветром, в западный океан. Причиной и поводом моего путешествия были отчасти любопытство, отчасти страстная любовь ко всему необычному и желание узнать, где находится конец океана и **что за люди живут по ту сторону его**»⁴⁴ (I, 5). Кроме островов, путешественники совер-

⁴⁰ Rohde 1876: 204–208.

⁴¹ См. об этих утопиях: Clay, Purvis 1999; Holzberg 1996: 621–653.

⁴² Подробнее об этом романе см.: Подосинов 2013: 146–185.

⁴³ Ср. Romm 1992: 204–211; см.: Romm 2008: 125.

⁴⁴ ὁρμηθεὶς γάρ ποτε ἀπὸ Ἡρακλείων στηλῶν καὶ ἀφεὶς εἰς τὸν ἐσπέριον ὠκεανὸν οὐρίῳ ἀνέμῳ τὸν πλοῦν ἐποιοῦμην. αἰτία δέ μοι τῆς ἀποδημίας καὶ ὑπόθεσις ἢ τῆς διανοίας περιεργία καὶ πραγμάτων καινῶν ἐπιθυμία καὶ τὸ

шили фантастическое путешествие по воздуху на Луну, жители которой сражались с жителями Солнца, и на другие небесные тела, где тоже жили люди. Заканчивается повествование Лукиана высадкой на «материке, лежащем в **противоположной стороне от нашего** (ἑλπειν... εἶναι τὴν ἀντιπέραν τῇ ὑφ' ἡμῶν οἰκουμένην κεκμένην» (II, 47; см. также II, 27). Таким образом, несмотря на всю фантастичность путешествия Лукиана, он достигает «другого мира», находящегося напротив «нашего»!

Напомню еще раз, что, как Гекатей и Антоний Диоген, так и другие авторы утопических романов помещают острова с фантастическими народами именно в океане: у Платона Атлантида находится в Атлантическом океане, у Феопомпа страна (остров или материк) Меропида лежит в западном или северном океане⁴⁵, у Евгемера остров Панхея — в юго-восточном океане, у Ямбула остров Солнца — в южном океане, у Лукиана в «Правдивой истории» фантастические острова — в западном океане.

Несколько слов следует сказать о «Меропиде» Феопомпа. По его словам (F 75 = Ael. Var. hist. III, 18), «Европа, Азия и Ливия — **острова**, которые омывает по кругу Океан, **материк же** (ἥπειρος) существует только один, а именно тот, который находится **вне этого мира** (ἔξω τοῦτου τοῦ κόσμου). Этот другой мир («космос») оказывается уже не островом, как у других утопистов и романистов, а материком Меропидой, в отличие от нашей ойкумены, которая является на самом деле архипелагом небольших островов⁴⁶!

Об этих словах Феопомпа напоминает Тертуллиан (Adv. Hermogenem 25): «...если не верить знаменитому Силену, который уверял царя Мидаса в существовании **другого мира (de alio orbe)**, как сообщает Феопомп» (nisi si et Sileno illi apud Midam regem adseveranti de alio orbe credendum est auctore Theopompo). Заметим, что если Феопомп говорил о стране «вне» этого мира, то Тертуллиан прямо называет Меропиду «**другим**» миром, т. е. опять выстраивается дихотомия «наш

βούλεσθαι μαθεῖν τί τὸ τέλος ἐστίν τοῦ ὠκεανοῦ καὶ τίνες οἱ πέραν κατοικοῦντες ἄνθρωποι (перев. К. В. Тревер).

⁴⁵ Такую локализацию меропийцев можно предположить, опираясь на рассказ о том, что «однажды эти люди попытались перебраться на наши острова...и с неисчислимыми тысячами людей переплыли океан, пока не пришли к гиперборейам» (F 75). Гипербореи традиционно помещались в северных частях Европы.

⁴⁶ Geus 2000: 66.

(этот) мир» >< «другой мир», как это имело место у Тацита (см. выше).

Легенды о завоеваниях Александра Македонского и его мечте переправиться через Восточный океан (см. выше) и открыть новые миры замечательно отозвались в словах, приписываемых ему Курцием Руфом (IX, 6, 20): «Я нахожусь уже недалеко от края мира, выйдя за пределы которого я решил открыть другую природу, **другой мир (alium orbem)**» (*Iamque haud procul absum fine mundi, quem egressus aliam naturam, alium orbem aperire mihi statui*).

Сенека в «Свазориях», обсуждая планы Александра, также пишет (I, 1): «Нет ничего столь бесконечного, как Океан. Утверждают, что в Океане лежат плодородные земли и за Океаном снова возникают другие берега, другой мир... Легко это выдумывать⁴⁷, поскольку по Океану нельзя плавать... Твоя, о Александр, природа вещей такова: после всего — Океан, после Океана — ничто»⁴⁸.

* * *

Представляется, что и помещение земного рая в ранней христианской космологии и географии на отдельном острове или материке где-то на востоке ойкумены за океаном может вполне следовать античной географической и особенно утопической традиции. Ведь и в античности было принято располагать загробный мир за пределами ойкумены, как правило, в западном океане, где чаще всего локализовали царство мертвых⁴⁹. Недаром и другие «царства мертвых» или входы в них

⁴⁷ Звучит, как упрек авторам утопических путешествий по Океану, о которых шла речь выше.

⁴⁸ *Nihil infinitum est nisi Oceanus. Aiunt fertiles in Oceano iacere terras ultraque Oceanum rursus alia litora, alium nasci orbem ... facile ista finguntur, quia Oceanus navigari non potest... Tua est, Alexander, rerum natura: post omnia Oceanus, post Oceanum nihil.*

⁴⁹ См.: Homer. Od. IV, 561–569; Hesiod. Theog. 746–777; Strabo III, 2, 12–13. Подробнее об этом см.: Radermacher 1903: 149; Berger 1904: 16–17; Capelle 1927–1928; Lesky 1947: 70–73; Kirk 1962: 249. Иногда царство мертвых помещали даже на Британских островах — за Дуврским проливом! См.: Plut. De facie in orbe lunae, 941a; Radermacher 1903: 5–6; Hennig 1934: 79. Прокопий Кесарийский рассказывает историю о том, как жители северо-западного побережья Европы по ночам перевозят души умерших людей через Ламанш на волшебных судах «на остров Бриттию», где находится царство мертвых (Procop. BG IV, 20, 8). К вопросу о соотношении Аида и Океана см.: Мачинский, Мусбахова 2009: 339: «В “Одиссее” во всех повест-

находились на островах, будь то Левка в Черном море или остров киммерийцев, к которому плывал Одиссей и где он нашел вход в Аид.

Особенно близкими концепции христианского рая оказываются античные Елисейские поля — место посмертной жизни героев и добродетельных людей. Они помещались на островах в Океане и жизнь там была вполне «райской». Вот как описывает Елисейские поля Гомер в словах, обращенных к Менелая (Od. IV, 562–567):

Ты не умрешь и не встретишь судьбы в многоконном Аргосе;
Ты за пределы земли, на поля Елисейские будешь
Послан богами — туда, где живет Радамант златовласый
(Где пробегают светло беспечальные дни человека,
Где ни метелей, ни ливней, ни хладов зимы не бывает;
Где сладкошумный летающий веет Зефир, Океаном
С легкой прохладой туда посылаемый людям блаженным)...
(Перевод В. Жуковского)

Гесиод в «Трудах и днях» (167–172) рассказывает о том, что многие герои пали под стенами Трои:

Прочих к границам земли перенес громовержец Кронион,
Дав пропитание им и жилища отдельно от смертных.
Сердцем ни дум, ни заботы не зная, они безмятежно
Близ океанских пучин острова населяют блаженных.
Трижды в году хлебодарная почва героям счастливым
Сладостью равные меду плоды в изобилье приносит⁵⁰.
(Перевод В. Вересаева)

Если мы также вспомним, что, согласно Помпонию Меле, Нил, начинаясь на противоположащем нашей ойкумене материке антихтонов, затем проходит под океаном, чтобы снова появиться в Эфиопии и Египте, то четыре реки, вытекающие из райского острова (Гихон, Фисон, Хиддекель и Парат)⁵¹ и вновь появляющиеся в «нашем мире» в виде соответственно Нила (опять Нила!) (или Инда, или Ганга), Тигра и Евфрата, уже не представляют собой небывалого чуда и вполне вписываются в

вованьях о плаваниях никогда не упоминается Океан, а всегда только море — кроме тех мест, когда упоминается или подразумевается Аид. Океан всегда рядом с Аидом, а Аид — с Океаном».

⁵⁰ См. также сходные в основных чертах описание острова Блаженных, который находится вблизи Океана у Пиндара (Ol. II, 60–75), рассказ об островах Блаженных в Атлантическом океане у Плутарха (Sertor. 8) и знаменитое описание Элизия у Вергилия (Aen. VI, 640–678).

⁵¹ Быт 2, 10–14.

традиционную схему расположения «инога мира»⁵². Таково, например, расположение рая на острове в Восточном океане на знаменитой Херефордской карте XIII в. (рис. 6) или карте мира Гонория Августодунского (The Sawley Map, XII в.) (рис. 7) или на Псалтырной карте мира первой половины XIII в. (рис. 8) или на иллюстрациях к немецкой Библии XVI в. (рис. 9) или к английскому календарю XV в. (рис. 10).

Рис. 6. Херефордская карта мира (XIII в.)
(The Hereford world map (XIII s.))

⁵² Так, например, Равеннский Аноним, ратующий за нахождение рая на материке на восточной окраине ойкумены (I, 6–8), тем не менее в этом же повествовании, говоря о райской реке, упоминает «феномен» подземного течения части рек, когда говорит, что доказательством этому «служит то, что мы читаем об источнике Аретузы, и особенно то, что помещено в Священном писании, и подобное этому, а именно: вода, вытекая из какого-то одного источника на каком-то одном **острове**, проходит через середину моря» (I, 6). Возможно, оговорка автора об острове неслучайна, но свидетельствует о существовании островной точки зрения на локализацию рая.

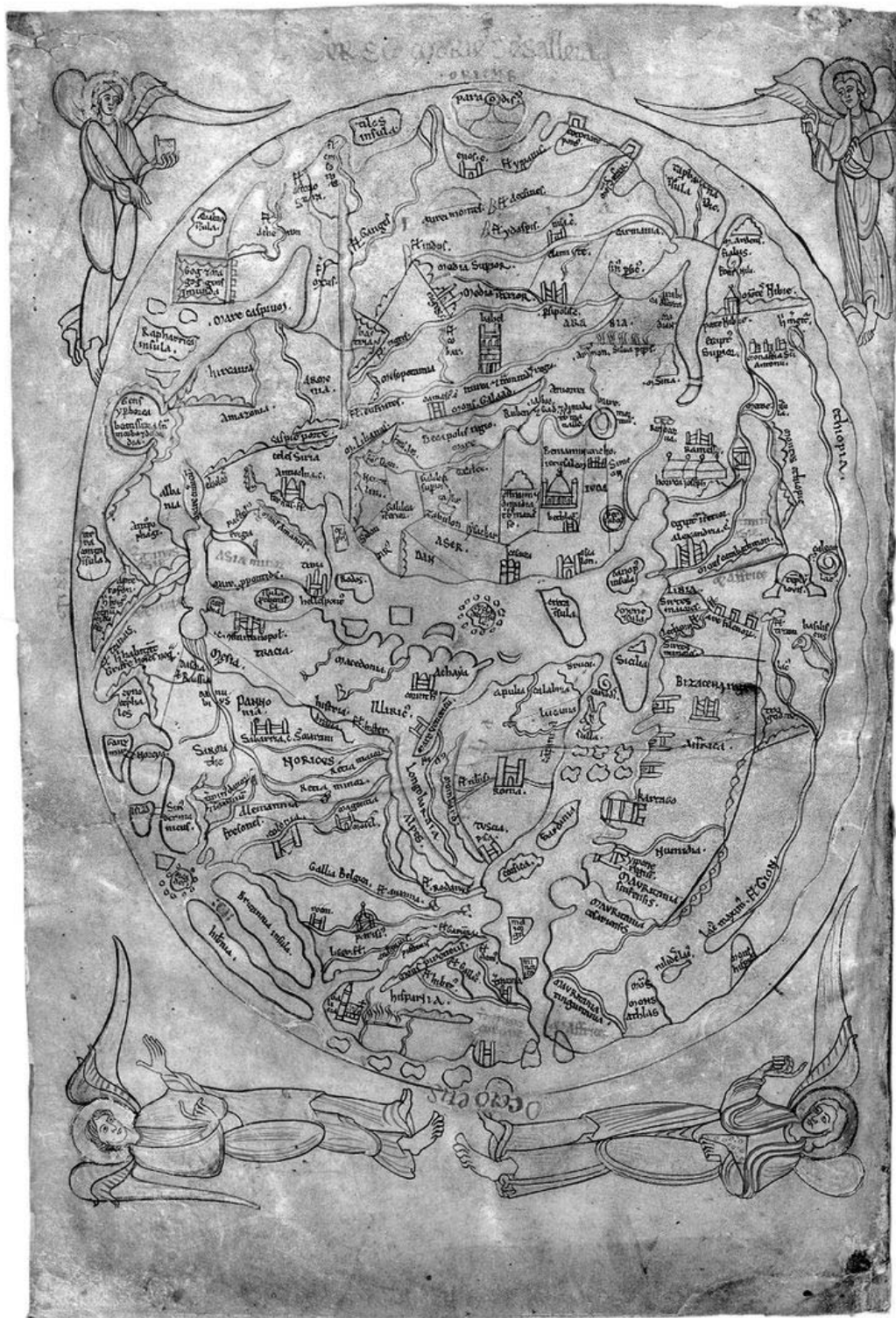

Рис. 7. Карта мира Гонория Августодунского (XII в.)
(The world map of Honoriu Augustodunensis (XII s.))

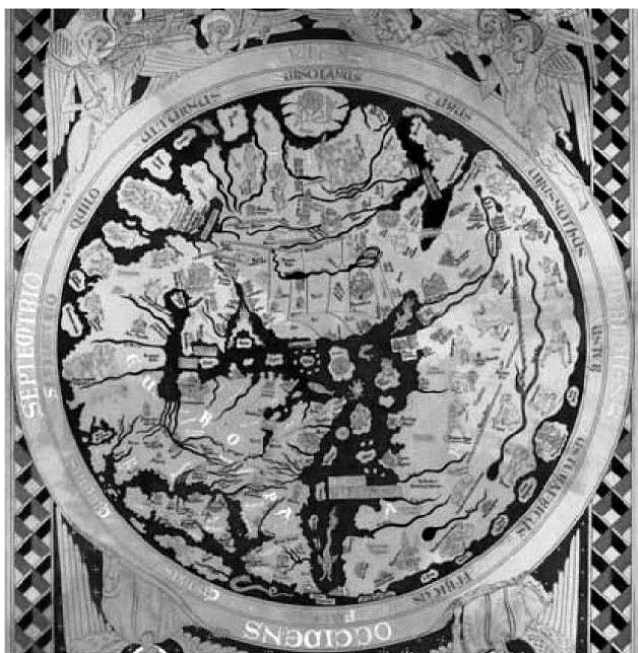

Рис. 8. Псалтырная карта
мира, 1225–1250 гг.
(Psalter world map)

Рис. 9. Рай Эдема
(Paradise Eden)
из: Biblia, das ist, die gantze
Heilige Schrifft Deudsch.
Wittenberg: Hans Lufft,
1536 (British Library, I.B.9)

Рис. 10. Иллюстрация из календарной книги
(Illustration from the Book of hours)
«The Very Rich Hours of the Duke of Berry» (XV)

Не зря японцы пытаются, увидев эти карты, отождествить райский остров со своим островом (или островами), который, будь он известен в античности, наверняка считался бы, как Тапробана в Южном океане, Британия в Западном и Скандинавия в Северном, «другим миром» в Восточном океане. Во время Второй мировой войны это отождествление имело широкое хождение в японских школьных учебниках.

* * *

Удивительно, но другие миры существовали даже в научных разработках античной орнитологии. Так, Аристотель утверждал, что (Hist. anim. VI, 5, 563a⁵³) «Геродор, отец софиста Брисона, говорил, что коршуны прибывают из **другой земли**

⁵³ Ср. почти буквальное повторение в Aristot. Hist. anim. IX, 11, 615a.

(ἀφ' ἐτέρας γῆς), нам не известной» (Ἡρόδοτος ὁ Βρύσσωνος τοῦ σοφιστοῦ πατήρ φησὶν εἶναι τοὺς γυῖπας ἀφ' ἐτέρας γῆς, ἀδήλου ἡμῖν). Вероятно, того же Геродора имел в виду Плиний Старший, когда он пересказывал Аристотеля (NH X, 19): «Никто не находил гнезд коршунов: поэтому были люди, которые считали, что они прилетают из **противоположного мира** (ex adverso orbe); но это не так: они гнездятся в высочайших скалах».

И прямо о Геродоре Понтийском свидетельствует Плутарх (Romul. 9, 6–7):

Геродор Понтийский пишет, что и Геракл радовался, если, приступая к какому-нибудь делу, вдруг замечал коршуна... Мы едва ли найдем людей, которым бы довелось натолкнуться на гнездо с птенцами коршуна; все это в совокупности внушило некоторым нелепую мысль, будто коршуны прилетают к нам издалека, **из чужих краев** (ἐξωθεν αὐτοὺς ἀφ' ἐτέρας τινὸς γῆς καταίρειν ἐνταῦθα)» (перев. С. П. Маркиша).

По-видимому, из «другого мира» происходят и грифоны, изображения которых герой «Метаморфоз» Апулея видел в храме Изиды (Apul. Met. XI, 24): «Здесь индийские драконы, а там гипербореиские грифоны, которых рождает в виде пернатых птиц **другой мир**» (hinc dracones Indici, inde grypes Hyperborei, quos in speciem pinnatae alitis generat **mundus alter**). Таким образом, теперь и северные гипербореи причисляются к «другому миру».

Итак, в противоположность к нашему миру (noster orbis, nostrae terrae, noster orbis terrarum, hic orbis, ἡ ὑφ' ἡμῶν οἰκουμένη) античные авторы искали и находили также другие миры (alter mundus, mundi pars altera, adversus orbis, alter orbis, alter orbis terrarum, alius orbis, alii orbes, illae terrae, ἐξω τῆς οἰκουμένης, ἐξω τοῦτου τοῦ κόσμου, ἐτέρα γῆ, ἡ ἀντιτέρας ἡ ὑφ' ἡμῶν οἰκουμένη), которые лежали за пределами Океана, служившего границей нашего и других миров.

* * *

В заключение хочу напомнить знаменитые строки Сенеки, в которых звучат вера в существование «других миров» и пророчество об их будущем обретении; эти слова вплоть до открытия Америки побуждали многие поколения европейцев думать о такой возможности⁵⁴ (Medea, 375–379):

⁵⁴ См. об этом подробнее: Romm 1994: 77–116.

Пролетят века, и наступит срок,
Когда мира предел разомкнет Океан,
Широко простор распахнет земной,
И Тефия нам явит новый свет (**novos orbis**),
И не Фула тогда будет краем земли.

(Перевод С. А. Ошерова)

Литература

- Abel, K. 1974: Zone. *RE*. Suppl. XIV, 989–1188.
- Berger, H. 1904: Mythische Kosmographie der Griechen. In: Roscher, W. H. *Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie*. Supplement III. Leipzig, 1904 (Reprint Hildesheim 1965).
- Borca, F. 1998: Alius orbis: Percorsi letterari nell' «altrove». *Atene e Roma* 43, 21–39.
- Broggiato, M. 2001: *Cratete di Mallo: I frammenti. Edizione, introduzione e note*. La Spezia: Agorà Edizioni.
- Capelle, P. 1927–1928: Elysium und Inseln der Seligen. *Archiv für Religionswissenschaft* 25. 1927, 245–264; 26. 1928, 17–40.
- Clay, D., Purvis, A. 1999: *Four island utopias*. Newburyport, Ma.
- Ditmar, A. D. 1980: *Geografia v antichnoe vremja (Oчерк razvitiya fiziko-geograficheskikh idej)* [*Geography in the ancient time (Essay of the development of the physical-geographical ideas)*]. Moscow.
- Дитмар, А.Б. 1980: *География в античное время (Очерк развития физико-географических идей)*. М.
- Geus, K. 2000: Utopie und Geographie. Zum Weltbild der Griechen in frühhellenistischer Zeit. *Orbis terrarum* 6, 55–90.
- Gisinger, F. 1937: Oikoumene ([1]. *RE* XVII 2, 2123–2174.
- Hennig, R. 1934: *Die Geographie des homerischen Epos. Eine Studie über die erdkundlichen Elemente der Odyssee*. Leipzig; Berlin.
- Holzberg, N. 1996: Novel-like Works of Extended Prose Fiction. In: *The Novel in the Ancient World*. Leiden, 621–653.
- Kirk, G.S. 1962: *The Songs of Homer*. Cambridge.
- Lesky, A. 1947: *Thalatta: Der Weg der Griechen zum Meer*. Wien.
- Lund, A.A. 1988: *P. Cornelius Tacitus, Germania*. Heidelberg.
- Machinskij, D.A., Musbachova, V.T. 2009: Kirke's Island and images on the Kelermes rhyton, the threshold of Hades and the most ancient Greek painted pottery in the Northern Black Sea region (according to the Odyssee and archaeological materials). In: *Bosporskiy fenomen. Iskusstvo na periferii antichnogo mira. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [*The Bosphorus Phenomenon. Art on the periphery of the ancient world. Materials of the international scientific conference*]. Saint-Petersbourg, 319–355.
- Мачинский, Д. А., Мусбахова, В. Т. 2009: Остров Кирки и изображения на келермесском ритоне, преддверье Аида и древнейшая греческая расписная керамика в Северном Причерноморье (по «Одиссее» и археологическим материалам). В сб.: *Боспорский феномен. Искусство на периферии античного*

- мира. Материалы международной научной конференции. СПб., 319–355.
- Much, R. 1967: *Die Germania des Tacitus*. 3. Aufl. Heidelberg.
- Pinder, M., Partey, G. 1860: *Ravennatis anonymi cosmographia et Guidonis geographica* Berolini.
- Podossinov, A.V. 2013: Geography and geographical knowledge in the ancient novel (some observations). In: O. V. Raevskaja (ed.), *Vtorye i tretji Averinzevskije chtenija. K 75-pjatiletiju so dnja rozhdenija akademika S. S. Averinzeva* [The Second and Third Averinzev's Readings. To the 75 anniversary of academician S. S. Averinzev]
- Подосинов, А.В. 2013: География и географические знания в античном романе (некоторые наблюдения). В сб.: О.В. Раевская (ред.) *Вторые и третьи Аверинцевские чтения. К 75-летию со дня рождения академика С.С. Аверинцева*. М.: Изд-во МГУ, 200–222.
- Radermacher, L. 1903: *Das Jenseits im Mythos der Hellenen. Untersuchungen über antiken Jenseitsglauben*. Bonn.
- Rohde, E. 1876: *Der griechische Roman und seine Vorläufer*. Leipzig.
- Romm, J. S. 1992: *The Edges of the Earth in Ancient Thought: Geography, Exploration, and Fiction*. Princeton (NJ), 204–211.
- Romm, J. S. 1994: New World and “novos orbes”: Seneca in the Renaissance Debate over Ancient Knowledge of the Americas. In: W. Haase; M. Reinhold (eds.). *The Classical Tradition and the Americas. I. European Images of the Americas and the Classical Tradition* 1. Berlin; New York, 77–116.
- Romm, J. S. 2008: Travel. In: T. Whitmarsh (ed.), *The Cambridge Companion to the Greek and Roman Novel*. Cambridge, 109–126.
- Sallmann, K. G. 1997: *Die Geographie des älteren Plinius in ihrem Verhältnis zu Varro. Versuch einer Quellenanalyse*. Berlin; New York (Untersuchungen zur antiken Literatur und Geschichte 11).
- Silberman, A. 1988: *Pomponius Mela. Chorographie. Texte établi, traduit et annoté par A. Silberman*. Paris (Collection Budé).
- Tomson, J. O. 1953: *Istorija drevnej geografii* [The history of ancient geography]. Moscow.
- Томсон, Дж. О. 1953: *История древней географии*. М.
- Vogt, J. 1960: *Orbis. Aufgewählte Schriften zur Geschichte des Altertums*. Freiburg; Basel; Wien.
- Shabaga, I. Ju. 2016: *Latinskije panegiriki. Vstupitel'naja statja, perevod i commentarij*. [Latin panegyrics. Introduction, translation and commentary]. Moscow.
- Шабига, И. Ю. 2016: *Латинские панегирики. Вступительная статья, перевод и комментарии*. М.
- Schnetz, J. 1990: *Itineraria Romana. Volumen alterum. Ravennatis Anonymi Cosmographia et Guidonis Geographica*. Stuttgartiae.
- Schnetz, J. 1934: Neue Beiträge zur Erklärung und Kritik des Textes der Ravennatischen Kosmographie. *Zeitschrift für Namenforschung* 89, 85–101; 226–249.
- Svennung, J. 1974: *Skandinavien bei Plinius und Ptolemaios. Kritisch-exegetische Forschungen zu den ältesten nordischen Sprach-*

denkmälern. Uppsala (Skrifter utgivna av K. humanistiska vetenskapssamfundet i Uppsala. 45).

Сокращения

- Liddel-Scott-Jones – Liddell H. G., Robert Scott R. A Greek-English Lexicon. Revised and augmented throughout by Sir H. S. Jones with the assistance of Roderick McKenzie and with the co-operation of many scholars. Oxford, Clarendon Press, 1977.
- RE – Paulys Real-Enzyklopädie der classischen Alterstumwissenschaft. Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa, hrsg. von Kroll. Stuttgart.
- SIG – Sylloge inscriptionum Graecarum. Ed. W. Dittenberger. Leipzig, 1915–1924.

М. В. Шумилин
(РАНХиГС / ИВКА РГГУ)

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА «СТРАСТЕЙ СВ. СУСАННЫ» (BHL 7937). ФОНОЛОГИЯ И ОРФОГРАФИЯ¹

В статье рассматриваются проблемы восстановления текста «Страстей св. Сусанны» (*Passio S. Susannae*, BHL 7937) с точки зрения фонологии и орфографии и систематизируются полученные результаты. Обосновывается предположение, что в большинстве своем «неклассические» орфографические формы, встречающиеся в рукописях текста, восходят к оригиналу. Делается вывод о близости набора фиксируемых явлений к тому, который восстанавливается для ряда близких по дате и месту происхождения текстов, особенно для «Второго анонима Вalezия». При этом отдельные особенности, отличающие «Страсти св. Сусанны» от этого текста, как кажется, могут быть объяснены региональными различиями языка северной и центральной Италии позднеантичного времени.

Ключевые слова: Страсти св. Сусанны, поздняя латынь, фонология, орфография, «нормализация», каролингская нормализация, «Второй аноним Вalezия», Григорий Турский, Устав св. Бенедикта

M. V. Shumilin
(RANEPa / Russian State University for the Humanities, Moscow)

Linguistic Peculiarities in the *Passio Susannae* (BHL 7937). Phonology and Orthography

The article considers the problems of reconstructing the text of the *Passio S. Susannae* (BHL 7937) from the point of view of phonology and orthography and systematizes the achieved results. It is argued that the 'non-classical' orthographic forms encountered in the manuscripts of the work mainly belong to its original text; radical approaches are criticized that imply that most 'non-classical' forms in such texts as works by Gregory of Tours or *Regula Benedicti* have been introduced to the text by scribes at the early stages of transmission. Instances of the following features are catalogued: confusion of <e> with <i> and <o> with <u>; hypercorrect <ae>; syncope; genitives in -i for personal names in -ius; confusion of <b> and <u>; <g> for CL /i/; <d> for CL /t/; omitted and hypercorrect final <m>; simplification and gemination; assimilation of consonants in prefixes; several special cases. It is concluded that this set of peculiarities is very similar to that reconstructed for several other texts of more or less the same date and region, in particular for the *Anonymus*

---

¹ Автор статьи благодарит Б. А. Каячева за помощь в получении доступа к необходимой литературе, а также фонд РФФИ за поддержку, оказанную его более ранним исследованиям.

Valesianus II. Certain aspects, where the evidence seems to point towards differences between the *Passio S. Susannae* and the *Anonymus Valesianus II*, can probably be interpreted as connected with regional diversities of Late Latin in central (for the *Passio*) and northern (for the *Anonymus*) parts of Italy. It is also noted that most ‘non-classical’ forms found in the manuscripts of the *Passio* either coincide graphically with other ‘classical’ forms or belong to personal names that often could not be easily restored by ‘normalizing’ scribes. This seems to suggest that the text has passed through an early filter of ‘normalization’, perhaps the Carolingian one; and this conclusion in its turn implies that the original outlook of the text was much more ‘non-classical’ than what we can reconstruct with the help of the extant manuscripts. The texts that are particularly rich in ‘non-classical’ orthographic forms (like Gregory of Tours’s *Historia Francorum* or *The Edictus Rothari*) all boast extant pre-Carolingian manuscripts; perhaps these texts can give us an idea of what the original text of the *Passio* looked like.

Keywords: *Passio Susannae*, Late Latin, phonology, orthography, ‘normalization’, Carolingian normalization, *Anonymus Valesianus II*, Gregory of Tours, *Regula Benedicti*

1. Вступление

В статье Shumilin 2019 я доказывал, что из вариантов текста «Стастей св. Сусанны» (BHL 7937, далее PSus), появившихся в печатных изданиях, систематически ближе к оригиналу неклассические варианты, обычно выбираемые Я. Болландом и В. Купером², которые издали текст в болландистской серии Acta Sanctorum в 1658/1735 г. На настоящий момент я изучил рукописную традицию PSus, полностью охватив ранние рукописи (VIII–XI вв.)³, и этот материал позволяет усилить мой прошлогодний тезис и утверждать, что даже текст болландистов сильно нормализован (особенно в отношении орфографии и морфологии) и что рукописи содержат множество неучтенных Болландом и Купером неклассических вариантов, которые ближе к тексту архетипа и, вероятно, оригинального текста PSus. В настоящей статье я попытаюсь систематизировать особенности языка PSus, каким он предстает из учтенных мной рукописей, в том, что касается фонологии и орфографии. Смысл этого рассмотрения не столько в том, чтобы уточнить картину развития

² Monachi Solesmenses 1910: 2.742 указывают, кто именно из болландистов занимался подготовкой каждой из двух частей текста; в предыдущей статье я упустил из виду эту информацию.

³ BHLms также дают старую датировку XI веком для рукописи Roma, Arch. S. Giov. Later. A 80 (alias C), которую я на данный момент не использую, но рукопись теперь, скорее всего, следует датировать началом XII века: Supino Martini 1987: 50, 2001: 962 n. 111.

позднеантичной латыни (как мы увидим, надежность PSus как источника в области фонологии и орфографии ограничена), сколько в том, чтобы обосновать выбор орфографических вариантов, которые следует печатать при издании текста.

2. Рукописная традиция

В дополнение к обозначениям рукописей, использовавшимся мной в Shumilin 2019, я ввожу следующие сиглы:

- V* — Roma, Biblioteca Vallicelliana, Carte Vallicelliane XII.2 (s. viii, фрагмент)
W — Wien, ÖNB Lat. 357, fol. 158r–165v (s. ix^{3/4})
Z — Zürich, Zentralbibl. Rh. 81, p. 335–350 (s. x)
D — Chartres, BM 506 (144), fol. 176v–182r (s. x, ряд фрагментов)
b — Vaticano, Arch. Cap. S. Pietro A 3, fol. 210v–211r (s. xiii, эксцерпт).
f — Vaticano, Arch. Cap. S. Pietro A 7, fol. 245r–v (s. xiii–xiv, эксцерпт).

Все эти рукописи учитываются мной по фотографиям. Я также теперь систематически учитываю в виде фотографий рукопись *B*, как и все рукописи, учитывавшиеся в предыдущей статье.

Я надеюсь посвятить отдельное исследование отношениям между рукописями, здесь же вкратце изложу результаты, к которым пока прихожу, чтобы использовать получающуюся стемму в дальнейшем при работе с рукописными вариантами. Все рукописи, кроме фрагмента *V*, слишком короткого, чтобы что-то сказать о его месте в генеалогии рукописей⁴, по-видимому, делятся на две группы, которые я буду обозначать буквами Φ (= *FKPZ*) и Ψ (= *ABCSWabfhlmprtuv* (и, вероятно, также *D*) плюс издание Бонино Момбрицио, которое я использую *codicis instar* и обозначаю сокращением *Mombr.*). Внутри Ψ точно выделяются подгруппы α (= *ahl*, «цистерцианское» семейство рукописей т. н. «Большого австрийского легендария»)⁵ и μ (= *mpuv Mombr.*), а вероятно, также подгруппы β (= *BWta*) и δ (= *Cbfr*). Элиминировать, судя по всему, можно

⁴ П. Ф. Моретти в своем издании «Страстей св. Анастасии» (Moretti 2006: 75–76) относит фрагмент Roma, Biblioteca Vallicelliana R 32, fol. 16–17, который В. Браун (Brown 1996: 302–303) считает частью той же рукописи, что и *V*, к подгруппе *к*, соответствующей нашей подгруппе β (см. ниже). Однако стемма Моретти в этом месте выглядит странно с географической точки зрения, вероятно, ее аргументацию следует проверить.

⁵ См. подробнее Ó Riain 2015.

только рукописи *KZ*, зависимые от *P* (причем у *Z* есть признаки контаминированности с какой-то ранней и достаточно ценной рукописью, которые делают отдельные чтения *Z* значимыми несмотря на элиминированность: см. ниже 5, 7.16), и рукопись *f*, зависимую от *b*. Таким образом, в большинстве мест авторитетными источниками для восстановления текста рукописи *Ф* являются рукописи *PF*, а где нет сведений о чтении утраченной рукописи *F*, только рукопись *P*; а авторитетными источниками первого порядка для восстановления чтения рукописи *Ψ* являются реконструируемые чтения рукописей *βδμ* и образующие независимые ветви внутри *Ψ* рукописи *AS* (фрагментарная рукопись *D*, где известны ее чтения, вероятно, обладает таким же статусом независимого источника внутри *Ψ*, хотя нельзя исключать, что она относится к подгруппе *β*).

Я также ввожу следующую систему сокращений при описании чтений рукописи, основанную на Reeve 2004:

- A*¹ — чтение рукописи *A* до исправления;
- A*^c — исправление в рукописи *A*, сделанное той же рукой, которой написан первоначальный текст;
- A*² — исправление в рукописи *A*, внесенное второй (и т. д.) рукой;
- A*^x — исправление в рукописи *A*, про которое сложно определить, кем оно внесено (писцом, написавшим первоначальный текст, или кем-то из корректоров).

3. Датировка и место создания текста

Для обсуждения правдоподобия реконструкции языковых черт *PSus* важны датировка текста и место его создания. В предыдущей статье я исходил из датировок С. Ланери и М. Лапиджа (Lanéry 2010: 148: между 450 и примерно 514 гг. н. э.; Lapidge 2018: 270: ок. 450–500), однако они оба пренебрегают, на мой взгляд, безусловно убедительными аргументами Л. Дюшена (Duchesne 1916: 36–38), устанавливающими для *PSus* *terminus post quem* в виде тезиса о зависимости *PSus* от уже очень испорченной версии *Martyrologium Hieronymianum*. И Дюшен, и Ланери с Лапиджем при этом видят *terminus ante quem* в зависимости от *PSus* второй и, возможно, первой редакции *Liber pontificalis* (на мой взгляд, скорее только второй; предлагаемые Ланери и Лапиджем даты связаны с вариантами датировки первой редакции). *Martyrologium Hieronymianum* сейчас датируют 430–450 гг. (Lapidge 2018: 649), а вторую редакцию *Liber pontificalis* — 530–540 гг. (Davis 2010: xiii). В

результате мы получаем несколько иную датировку: вероятно, самый конец V в. либо первые десятилетия VI в. Что касается места создания, то Лapidж вполне правдоподобным образом считает, что автором был клирик римской титулярной церкви, которая позднее стала называться церковью св. Сусанны (Lapidge 2018: 270). Таким образом, практически наверняка перед нами текст, созданный в остготской Италии. Особенности его фонологии и орфографии резонно будет сравнить с подробными фонологическими описаниями других текстов того же региона и близкого времени: в частности, я привлеку описание языка «Второго анонима Валеция» (ок. 550 г., северная Италия, далее AV2), сделанное Дж. Адамсом (Adams 1976), и описание языка лангобардского «Эдикта Ротари» (643 г., северная Италия, далее ER), сделанное Б. Лёфстедтом (B. Löfstedt 1961).

4. Язык текста или язык рукописей?

Как и с многими другими позднеантичными текстами, с PSus связан вопрос о том, относятся ли «неклассические» черты языка к оригинальному тексту или привнесены переписчиками. В каролингской и посткаролингской рукописной традиции фактически каждый переписчик склонен выправлять то, что он считает языковыми «неправильностями» (и эта правка практически никогда не бывает проведена последовательно)⁶. Наглядной иллюстрацией могут служить разбор каролингской «нормализации» текста «Итинерария Антонина Плацентинского», сделанный Ч. Милани (Milani 1978), и особенно отмеченный Э. Лёфстедтом (E. Löfstedt 1959: 4, вслед за Pei 1932: 8, 387) случай, когда две версии одного и того же текста, до правки и после, сохранились в виде оригинальных документов, а не копий (Tardif 46 и 61, две привилегии аббатства Сен-Дени, одна позднемеровингская, 716 г., другая раннекаролингская, 768 г., почти полностью дословно воспроизводит первый текст, но уже сильно правя его язык). Приведем в качестве примера одно предложение этого текста в обеих версиях.

---

⁶ В случае PSus это хорошо видно по многим примерам, разобранным мной в Shumilin 2019. Мой тезис, что текст издания Момбриция является отдельной редакцией PSus, скорее всего следует поэтому смягчить: тогда в какой-то степени каждая рукопись будет содержать отдельную редакцию. Что касается непоследовательности, то ср. также в приведенном ниже примере две формы *cognuscat* в одном и том же предложении, из которых исправлена оказывается только одна.

Idio cognuscat magnetudo seu utilitas	Ideo cognuscat magnitudo seu utilitas
uestra, quod nos pro reuerencia ipsius	uestra, quod nos pro reuerentia ipsius
sancte loce uel pro quietem ibydem	sancti loci uel pro quieti in ibidem
Deo famolancium, prumtissemā	Deum famulantium, prumptissimam
uolomtati dinuo concessissae et in	uoluntatem dinuo concessisse et in
omnebus confirmassae uestra	omnibus confirmasse uestra cognoscat
cognuscat solercia.	solertia.

(Отметим, что, явно целенаправленно и часто успешно «нормализуя» язык более раннего документа, второй переписчик вводит и новые ошибки, которые иногда можно объяснить гиперкоррекцией: например, правильный датив Deo он, судя по всему, счел неверно записанным аккузативом.) Таким образом, текст, выглядящий «неправильно», уже в конце VIII в. с большой вероятностью будет исправлен переписчиком, причем во многих случаях легко предсказать, каким именно образом (особенно если правка происходит позднее, когда знание классического языка у переписчиков еще несколько улучшается). В результате обычные процедуры стемматической текстологии к языковым вариантам в рукописных традициях таких текстов оказываются фактически неприменимы. Из двух выделенных мной групп рукописей PSus текст группы Ф (которому, судя по всему, отдавали предпочтение болландисты) явно подвергся некоторой «нормализацией». Следовательно, если мы представим, что в архетипе PSus была форма наподобие cognuscat, с большой вероятностью она сохранится только в рукописи Ψ, но не в рукописи Φ, и затем значительная часть зависящих от Ψ рукописей также исправит это слово на cognoscat; если «неправильная» форма вообще сохранится в дошедших до нас рукописях, то скорее всего она выживет только в одной-двух ветвях внутри группы Ψ, причем тоже только в древнейших (либо наиболее консервативных) рукописях этих ветвей. Однако получаемая нами картина наподобие, условно говоря, cognoscat ΦSβμbr : cognoscat AC или тем более cognoscat ΦSβδμ : cognoscat A может также быть и результатом того, что какой-то переписчик ввел «неправильную» форму в текст, изначально содержащий cognoscat (во втором случае это мог бы быть переписчик рукописи A или ее утраченного источника, списанного с Ψ, в обоих случаях — переписчик самой Ψ, ну и в любом случае всегда есть возможность, что форма введена писцом архетипа или источника архетипа и отсутствовала в оригинальном тексте). Стандартные процедуры стемматической текстологии будут в этом случае подразумевать, что следует счи-

тать текстом архетипа «правильный» вариант *cognoscat*, раз он представлен всеми рукописями одной группы и большинством подгрупп (либо даже всеми подгруппами кроме одной) второй группы. Возможность сохранения восходящей к архетипу «неправильной» формы в небольшом числе рукописей при этом, однако, будет ошибочно отсечена. В более тонких вариантах стемматической текстологии такая ситуация называется полигенезом инноваций (Reeve 2011: index s.v. polygenesis), в то время как стемматический метод обычно исходит из того, что инновация не могла быть независимо совершена повторно.

В итоге в случае, когда позднеантичные тексты известны нам только по средневековым рукописям, полностью достоверное восстановление орфографии на самом деле невозможно. Предположительное же восстановление практически подразумевает выбор какой-то позиции между двумя полюсами: с одной стороны, (А) автоматического включения в текст всех «неклассических» вариантов, встречающихся хотя бы в одной рукописи (вариант по принципу *lectio difficilior*, к последовательной реализации которого особенно близко подходили некоторые издания конца XIX — начала XX в.), и, с другой стороны, (В) полного игнорирования «неклассических» вариантов рукописей при издании текста (к такому подходу часто приближаются издания позднеантичных агиографических текстов, подготовленные знаменитым Ипполитом Делеэ), либо (С) вообще отказа от установления верного текста источника в комбинации с установкой обсуждать «язык рукописей произведения» вместо «языка произведения» (ср., напр., Adams 2013: 428).

Дискуссии, в которых доминировал призыв к скептической позиции, развернулись, в частности, в последние несколько десятилетий вокруг текста произведений Григория Турского (его случай специфичен тем, что для «Истории» сохранилось много ранних рукописей, достаточно близких по дате к времени написания), изданных в весьма «неклассическом» виде Б. Крушем в серии *Monumenta Germaniae historica* (переработанное второе издание «Истории», до сих пор остающееся последним полным критическим изданием произведения, — Krusch, Levison 1951). Удобно подытоживает эти дискуссии П. Бурген в новом «компенионе» к Григорию Турскому (Bourgain 2016: 145–158; ср. также Orlandi 1996, Shanzer 2005, Haverling 2008, Adams 2013: 248). Согласно Бургену (Bourgain 2016: 157), «консенсус современных ученых» по поводу того, что подход Круша, «предпочитавшего чтения [изобилующей “неправильностями”] рукопи-

си [B1] везде, где этому не мешала стемма», нуждается в уточнении, получил практическое воплощение в подготовленном К. Хильхенбахом издании IV книги «Истории» (Hilchenbach 2009), где «чтения “развившегося” [‘evolved’, Бурген использует этот термин для форм языка VI в., отличных от классических] типа принимаются только там, где присутствует определенная степень согласия [независимых свидетельств об архетипе]». Речь идет, таким образом, о более или менее традиционных стемматических процедурах.

Схожие идеи были высказаны применительно к тексту Устава св. Бенедикта Р. Коулманом (Coleman 1999). Согласно Коулману, вариант подхода, обозначенного нами выше буквой А, который был распространен применительно к Уставу со времен Л. Траубе, следует отвергнуть, т. к. он предполагает представление о существовании некоего единого христианского *Sondersprache* вкупе с идеей, что «латынь, на которой писала образованная элита во времена св. Бенедикта, была в более печальном состоянии, чем позволяют предполагать имеющиеся данные» (Coleman 1999: 355); однако идея о единой «христианской латыни» вряд ли корректна (см., напр., E. Löfstedt 1959: 68–87), поэтому при издании Устава следует отвергать засвидетельствованные в рукописях «народные» формы, кроме тех, которые представимы в «элитарной латыни» периода. Как и в случае Григория Турского, предполагается, что «неклассические» формы рукописей в значительной степени были привнесены в текст переписчиками.

Следует отметить, однако, что в аргументации обеих концепций есть слабые места, а также существуют аргументы, которые можно выдвинуть против них. Традиционный стемматический метод, как я пытался показать выше, в любом случае даст довольно бессмысленный (в большой степени случайный) результат при выборе между классической и «развившейся» формой, и данное Бургенем описание подхода Хильхенбаха на самом деле, по-видимому, не вполне соответствует даже тому, что счел допустимым сделать сам Хильхенбах⁷. Важный аргумент, что текст Круша в итоге неравномерно «не-

---

⁷ Ср., напр., Hilchenbach 2009: 2.445: Хильхенбах принимает в Hist. 4.46 чтение *sine regis praesentiam* только на основании рукописей группы **β** (= группа *B* Круша, та самая, которой тот отдавал предпочтение), т. к. лучшая рукопись альтернативной ветви традиции в этом месте отсутствует и «чтение *praesentia* в более поздних рукописях может быть повсюду объяснено нормализацией».

классичен» (т. к. Круш опирался прежде всего на характеризующуюся «неклассическими» формами группу рукописей *B* — фактически отдельную редакцию текста, — а в этих рукописях содержится не вся «История», так что в остальных частях текст выходит более «классический») основан, на мой взгляд, на не совсем полном понимании текстологической проблемы. Он имел бы смысл, если бы восстанавливаемый текст претендовал на полноценную реконструкцию орфографии оригинала. Однако такая реконструкция для текста *PSus* невозможна, т. к. постоянная «нормализация» подразумевает, что многие «неклассические» формы скорее всего были исправлены в тексте еще до той стадии, которая известна нам по дошедшим рукописям; мы в лучшем случае можем пытаться реконструировать в отношении орфографии «островки» текста, где до нас дошла информация о вероятной «неклассичной» форме, оставаясь в неведении обо всем остальном; в этой ситуации в неравномерности таких форм в принципе нет ничего страшного, просто на определенном отрезке текста таких «островков» в результате стечения обстоятельств оказывается больше. Что касается тезиса Коулмана о том, что язык Бенедикта Нурсийского должен быть «элитарной латынью» (ср. также о Григории Турском Shanzer 2005: 306), то он, как кажется, основывается на очень упрощенном с социолингвистической точки зрения противопоставлении «элитарной латыни» и «народной латыни» (см. Adams 2013: 8–11). Вполне представимо, что наряду с «элитой» существовали и какие-то суб-элитарные подгруппы, язык которых несколько отличался; вряд ли каждый человек, получивший хоть какой-то доступ к элитарному для своего времени образованию, непременно писал на столь же близком к классическому языку, как Боэций или Кассиодор. «Неклассические» формы и черты языка, в частности, могли вводиться в текст не только из-за необразованности, но и, например, в результате имитации языка каких-то конкретных текстов (к примеру, библейских), допускавших такие формы и черты. Вряд ли это невозможно в случае не только римского клирика, о котором мы толком ничего не знаем, но и оборвавшего элитарное обучение Бенедикта или турского епископа Григория, происходившего из оставшейся в Галлии римской аристократии.

В то же время несколько соображений можно выдвинуть против радикально скептических подходов. Во-первых, как признает и Бурген применительно к Григорию (Bourgain 2016: 155; ср. также Adams 1976: 13), для рукописной традиции об-

суждаемых текстов характерно изобилие «неклассических» форм не только на уровне орфографии и морфологии, но и на уровне лексики и синтаксиса, где систематическое их введение в текст переписчиками сложно представить. Достаточно странно считать, что только в трудноисправляемых особенностях текст был очень «неклассичен», а в легкоисправляемых при этом нет. (Коулман в целом игнорирует этот аргумент — ср., впрочем, Coleman 1999: 346, — но синтаксис Устава тоже сильно «неклассичен»: см., напр., E. Löfstedt 1956: Stellenindex s. v. *Benedictus*).

Во-вторых, хотя иногда переписчики (преимущественно, видимо, в меровингско-лангобардскую эпоху) явно вносили в текст отдельные черты «развившегося» языка VI в., если допустить, что позднеантичный текст с изначально классической орфографией мог приобрести в результате только прохождения через фильтр «меровингско-лангобардской» трансмиссии ко времени каролингского этапа переписывания существенно «неклассический» облик в духе этого «развившегося» языка, то и тексты классического периода, прошедшие через такой фильтр, выглядели бы в каролинских рукописях схожим образом; однако каролингские рукописи текстов классического периода, как кажется, содержат гораздо меньше ошибок соответствующего типа, чем каролингские рукописи обсуждаемых нами текстов. Чтобы проверить на конкретном примере этот тезис и исключить случаи, когда традиция могла вообще не проходить через этот фильтр, я изучил орфографию одной франкской рукописи начала VIII в. (т. е. до каролингской «нормализации», что по идее должно давать даже еще большую «неклассичность»), содержащей текст классического периода (в несколько расширенном смысле), на отрезке, примерно равном длине PSus (ок. 4000 слов; я выбрал рукопись Paris. BNF lat. 2706, содержащую *De Genesi ad litteram* Августина, т. к. от Августина у нас есть все основания ожидать классическую орфографию). Для позднеантичного смещения <e> с <i> и <o> с <u> по определенным правилам в определенных позициях (см., напр., Sergievsky 1952: 132–136, Bourcier 2004: 41–42) в этой рукописи я нашел 10 примеров (см. подробнее ниже 7.1–7.14); в PSus на таком же отрезке текста я насчитываю 20 по-видимому надежных примеров плюс 10 вероятных примеров⁸. В близком по

---

⁸ Если считать также написание имени Diocletianus как Dioclitianus, то добавятся еще 28 вероятных случаев: см. ниже 7.4. Может возникнуть

объему (ок. 3000 слов) AV2 Адамс насчитывает 37 таких примеров (Adams 1976: 40–43). Разница, наверное, меньше, чем можно было ожидать, но все равно в (этой ветви) рукописной традиции Августина фильтр, получается, дал по крайней мере в 2–4 (или скорее 3–4) раза менее «неклассическую» орфографию, чем в архетипах PSus и AV2 (насколько мы можем их реконструировать).

Конечно, возвращение вместо скептицизма в духе современных критиков издания Круша просто к радикальному принципу, который я выше назвал подходом А, также вряд ли будет оптимальным решением. Существует, однако, и еще одна традиция решения такого рода проблем, которая представляется мне более удачной. Уже упоминавшийся Дж. Адамс в своем издании AV2 оказывается в схожей ситуации: текст сохранился в двух рукописях, из которых одна (*B*) более «неклассичная», чем другая (*P*). Его решение заключается в том, чтобы обосновать тезис, что «неклассичный» язык рукописей (особенно рукописи *B*) является в целом правдоподобным для данного текста (Adams 1976: 13–14), и затем сделать отсюда применительно к орфографии вывод, что, «когда неклассическая форма в рукописи *B* может быть решающим образом объяснена, издатель обязан принять ее, а не следовать рукописи *P*, которая, как в других, так и в этом отношении может оказаться регулирующей» (Adams 1976: 37). Ситуация и подход исследователей также схожи в случае «Итинерария Антонина Плацентинского», первая версия которого (противопоставляемая второй версии, по-видимому представляющей собой каролингскую редакцию) сохранилась в двух рукописях, более «неклассичной» (*G*) и более «правильной» (*R*). Ср. выводы Дж. Гальди, Galdi 2015: 61–62: реконструировать архетип очень сложно и места-

---

возражение, что я сравниваю число случаев в *одной* рукописи Августина с числом случаев во *всех* рукописях PSus (и далее AV2). Однако, как кажется, такое сравнение вполне корректно, т. к., если исходить из обсуждаемого мной здесь предположения о ключевой роли «меровингско-лангобардского» фильтра, основная масса «неправильных» форм PSus и AV2 (древнейшие полные рукописи которых каролингские) должна восходить к архетипам этих текстов, т. е. тоже единичным рукописям, так же стоящим на границе до-каролингской и каролингской трансмиссии, как и эта рукопись Августина. Если исходить из идеи о каролингской «нормализации», число «неклассических» форм в архетипах PSus и AV2 скорее всего даже должно было быть еще выше, чем суммарное число таких форм в дошедших до нас рукописях этих текстов.

ми невозможно, но поведение писцов в конкретных ситуациях показывает, что скорее версия *R* «нормализована», а *G* ближе к изначальному тексту; каждое лингвистическое явление нужно изучать отдельно, но в ряде случаев есть основания полагать, что большая часть форм *G* восходит к оригиналу.

Я полагаю, что разумнее всего будет и в настоящем исследовании принять схожую логику: если удастся обосновать тезис, что в целом язык изначального текста PSus скорее всего содержал черты «развившегося» языка VI в., то правдоподобные для языка эпохи формы, представленные в рукописях, следует принимать, в случае если нет большой вероятности, что форма введена каролингским (или еще более поздним) писцом. В следующем разделе я попытаюсь по образцу Адамса обосновать общий поход к языку PSus.

5. PSus — текст с чертами «неклассического» языка?

Из признаков, используемых Адамсом для обоснования того, что текст рукописи *B* AV2 соответствует именно VI в., а не более позднему времени, многие релевантны для PSus. Я приведу его формулировки.

«Пассивный плюсквамперфект (в аористном значении) всегда формируется при помощи *fueram* (или *fuissem*) вместо *eram*, но перфект в аористном значении при помощи *sum*, а не *fui*. Такая ситуация доминирует в текстах примерно IV–VII вв. [...] Позднее перфектное причастие + *fui* вытеснило перфектное причастие + *sum*» (Adams 1976: 13). Из 37 личных пассивных форм перфектного ряда (в аористном значении) в PSus (я использую свой черновой критический текст) этому правилу подчиняются 36 и противоречит только одна (18 *ausus fui*).

«В [AV2] есть признаки вытеснения имперфекта [конъюнктива] плюсквамперфектом, [«победившим» в романских языках], но имперфект все еще доминирует. В первой редакции *Annales regni Francorum* (описывающих франкскую историю II пол. VIII в.) плюсквамперфект потеснил имперфект более решительно» (Adams 1976: 13). В рукописном тексте PSus 36 имперфектов конъюнктива и 15 плюсквамперфектов конъюнктива (я бы восстановил конъектурально еще один имперфект и один плюсквамперфект), все плюсквамперфекты употребляются в соответствии с классическими правилами согласования времен.

«Конечное */-s/* в [AV2] сохраняется, но утрачено в итальянском. Свидетельства его утраты обнаруживаются в доку-

ментах из Италии в VII–VIII вв.» (Adams 1976: 13). В рукописях PSus также нет ни одного явного случая пропуска ожидаемой финальной буквы <-s>.

«Пассивная инфинитивная конструкция “перфектное причастие + esse” не вторглась в область синтетического презентного пассивного инфинитива (кроме как в качестве аспектуально мотивированного варианта). К VIII в., однако, такой процесс фиксируется в текстах» (Adams 1976: 14). Из 9 пассивных инфинитивов в PSus 8 синтетические презентные (есть еще 7 инфинитивов депонентных глаголов, все синтетические презентные). Единственный аналитический перфектный пассивный инфинитив (5 *esse coniunctum*) имеет значение греческого перфекта.

Можно добавить сюда и другие подобные соображения. В рукописях PSus в очень больших количествах встречаются анаколуфы тех (видимо, связанных) типов, которые описаны в работах Eklund 1970: 119–202 и Galdi 2014 (и, судя по всему, восходят к калькам в латинских переводах греческого библейского текста). С такой интенсивностью это явление, как кажется, известно только в позднеантичных текстах вплоть до VII в. (самый поздний текст, в котором отмечалось именно высокочастотное использование анаколуфов таких типов, — это, если я не ошибаюсь, *Vita Wandregiseli*, меровингский текст конца VII в.: см. Müller-Marquardt 1912: 218).

В некоторых случаях «неклассические» формы в PSus оказываются связаны именно с зафиксированными в VI в. идиомами и языковыми формулами. Напр., в PSus 6 текст, видимо, нужно восстанавливать в таком виде: *Cognouit sanctitas uestra, pro qua gaudia uenerim ad uos?* «Знает ли святость ваша, из-за какой радости я пришел к вам?» Вариант *pro qua gaudia* сохранился только в *B^I*, но варианты других рукописей, по-видимому, совокупно объяснимы только как попытки разными способами исправить этот текст и не могут быть убедительно интерпретированы как модификации какого-то другого правдоподобного чтения (*pro quo gaudio PAB³Ct, Bolland: pro qua gaudens W: pro quo gaudens α: pro quibus gaudiis r: pro qua gaudii causa S: pro qua causa μ*). В то же время вариант женского рода *gaudia* вместо *gaudium* не только зафиксирован в античных текстах (TLL 6.2.1711.68–73) и стоит за романскими рефлексам (REW 277), но еще и употребляется очень похожим образом в Greg. Tur. Mart. 3.19 *pro tantae pietatis gaudia uouit se ibidem tonsorari* «Из-за радости о столь большом милосердии он дал обет там же

принять постриг». Необычный род слова мог быть в первую очередь закреплён за определёнными выражениями. Ср. также ниже 8.4.

Конечно, эти черты сами по себе недостаточны для датировки текста, но в целом они делают по-настоящему правдоподобными только две интерпретации: либо «неклассические» черты текста рукописей PSus в основном восходят к оригинальному тексту начала VI в., либо они внесены переписчиками на самой ранней стадии трансмиссии (VI–VII в.). В случае PSus у нас есть ещё, однако, одно важное не прямое свидетельство о тексте. Пересказ сюжета PSus, появляющийся во второй редакции *Liber pontificalis*, очень близком по дате к PSus тексту, представляет собой что-то вроде коллажа из повторяющихся выражений PSus и при этом содержит ряд черт, характерных для более «неклассических» вариантов рукописной традиции PSus. Ср. *Lib. pontif. p. 40.3–4 Mommsen*:

qui post annos XI cum Gauinio fratre suo propter filiam Gauini presbyteri nomine Susanna martyrio coronatur.

‘Через 11 лет он [папа римский Гай] вместе со своим братом Гавинием из-за дочери пресвитера Гавиния по имени Сусанна увенчивается мученичеством’.

По-видимому, верно восстановленная Моммзенем формулировка *nomine Susanna* (вместо ожидаемой *nomine Susannam*) — имя, видимо, в номинативе, а не аблативе (ср. Adams 2013: 216–220) — дважды встречается даже в рукописях PSus, причем один раз — после аналогичной конструкции (4 (*Z*)⁹: *ueniens Gauinius presbyter ad filiam suam nomine Susanna* «пришед пресвитер Гавиний к своей дочери по имени Сусанна...», 13 (*W*) *propter puellam nomine Susanna* «из-за девушки по имени Сусанна»); ещё один раз в одной рукописи появляется такая же конструкция с другим именем (13 (*B*) *fratrem eius nomine Maximus* «его брата по имени Максим»). Отец Сусанны вообще носит старинное римское имя Габиний, но большинство рукописей группы Ψ вместе с *F* и *D* пишут это имя в той же форме, что и *Lib. Pontif.*, как *Gauinius* (нормализованный вариант *Gabinus* появляется в *Prvnt*, а также в

---

⁹ Это, судя по всему, явный случай, когда рукопись *Z* была правлена по какой-то другой ранней рукописи, т. к. сложно представить, что писец X в. или более позднего времени стал бы исправлять унаследованное от *P* чтение *Susannam* на *Susanna*.

зависимом от PSus тексте «Мартиролога» историка IX в. Адона Вьеннского). Родительный Gauini вместо Gauinii также хорошо зафиксирован в рукописях PSus: см. ниже 7.17. Это, по-видимому, уже совсем серьезный аргумент в пользу того, что «неклассичный» (по крайней мере, в целом) облик имени был уже в изначальной версии PSus: маловероятно, что переписчики Lib. pontif. (конечно, не сверявшиеся с источниками текста) внесли бы те же самые искажения, что и переписчики PSus, именно в этом месте.

6. Принцип выбора чтений

Таким образом, я бы предложил считать обоснованным, что в целом свойственные для «неклассичного» языка VI в. черты языка рукописей PSus восходят к оригиналу. Тем не менее, многие конкретные «неклассические» чтения, конечно, легко могут быть введены переписчиками. Мы не можем реконструировать орфографию текста точно, но мы можем различить разные степени вероятности того, что чтение восходит к оригинальному тексту. Я бы предложил поэтому следующий алгоритм выбора между языковыми вариантами, в зависимости от того, о каком языковом явлении идет речь.

а. Если речь идет о вариантах, между которыми переписчики с полной свободой переходят и в докаролингское, и в каролингское время (напр., <ae> vs <e>), отказаться от попыток реконструировать орфографию оригинала и печатать классическую форму.

б. Если речь идет о «неклассическом» варианте, введение которого в качестве инновации каролингским писцом возможно, но менее вероятно, чем появление его в языке VI в., то следует учитывать распределение чтений по рукописям. При появлении такого варианта только в одной ветви группы Ψ следует аккуратно классифицировать такой вариант как «возможно верный» (в издании не принимать в текст, но указывать в аппарате с пометкой *fort. recte*, в следующем ниже рассмотрении языка учитывать, но с оговоркой о том, где фиксируется это чтение). При появлении такого варианта сразу в нескольких ветвях группы Ψ, либо в одной ветви группы Ψ и в каких-то рукописях группы Φ, либо если он надежно реконструируется для рукописи Φ, следует принимать его в текст. В обоих случаях чтения других рукописей должны при этом правдопо-

добным образом объясняться исходя из предположения о том, что обсуждаемое чтение является изначальным.

в. Если речь идет о «неклассическом» варианте, правдоподобном для VI в., но введение которого в качестве инновации каролингским писцом очень трудно представить, то принимать его в текст, даже если он фиксируется только в одной рукописи (любой).

г. Если речь идет о «неклассическом» варианте, правдоподобие которого для языка VI в. обосновать не получается, то такой вариант следует считать ошибкой.

Эта логика потребует каждый раз устанавливать лингвистический статус «неклассического» варианта для сразу двух периодов, VI в. и, условно говоря, IX в. Стандартным описанием фонологии и орфографии средневековой латыни является работа Stotz 1996, и я буду опираться на нее; она, однако, обычно оперирует в хронологическом отношении широкими понятиями «раннесредневековой латыни» (сюда входят и VI в., и каролингское время), «латыни высокого средневековья» и «позднесредневековой латыни». Тем не менее в некоторых случаях из примечаний и ссылок Штоца видно, что речь идет скорее о до-каролингском явлении; кроме того, если явление характерно для «раннесредневековой латыни» в целом, но нехарактерно для последующего периода, то, конечно, подразумевается, что явление постепенно угасало на протяжении каролингского периода; это будет скорее значить, что явление относится к нашей группе б.

7. Гласные в PSus

Хорошо зафиксированное позднеантичное смешение классического /ē/ с кл. /ī/ (а в безударном слоге и кл. /ě/), совпавших в позднее /e/, и кл. /ō/ с кл. /ū/ (а в безударном слоге и кл. /ō/), совпавших в /o/, Штоц комментирует с разной степенью подробности в зависимости от фонетического перехода (Stotz 1996: 14–26, 34–40, 48–55, 60–68). Однако в целом, видимо, во всех этих случаях соответствующая орфография по хронологии попадает в нашу группу б.

Адамс (Adams 1976: 39) считает, что доминирование в AV2 (и ряде других близких по времени и месту корпусов) среди аномальных форм такого рода тех, где гласные меняются в безударных слогах, указывает, что смешение началось в безударных слогах, где оппозиция долгих и кратких гласных была

утрачена раньше. PSus в этом отношении дает примерно ту же картину, что AV2, иногда контрастируя при этом с более поздним ER.

7. 1. <i> на месте классического /ě/ в ударном слоге

Переход, которого не должно было происходить. Нет примеров в PSus, как и в AV2 и рукописи Августина (далее AugMS). В ER 7 примеров, которые Б. Лёфстедт объясняет закрытием кл. ударного /ě/ в закрытом слоге перед носовыми согласными.

7. 2. <i> на месте классического /ě/ в ударном слоге

PSus: 3 *habito* (видимо, в значении *habeto*, каковая форма и появляется в качестве «нормализации» в $K^xSW^3a^3$), 9 (VB^l) *percipero*, 14 (B^xW , т. е. только рукописи ветви β) *acciperimus* (имперфект конъюнктива); если включать сюда же кл. /ě/ в слоге, ударном в большинстве форм глагола, то, видимо, следует также записать сюда 10 (BS) *accidisset* (альтернативная перфектная основа от *accedo*, образованная по аналогии с основой *инфекта*, см. TLL 1.253.51 и об этом явлении в целом Rönisch 1869: 286–287; в VAC^lW форма выглядит как *accedisset*). (Отметим, что три случая из четырех можно объяснить графическим смещением схожих морфем.) AV2: 4 примера, включая *suscipi* (1 лицо перфекта) и *procidens* (от *procedo*). ER: 90 примеров, включая *succidat* и разные приставочные производные от *cario* с <i> в корне перфектной основы. AugMS: 1 пример (fol. 10v *acciperimus*).

7. 3. <i> на месте классического /ě/ в безударном слоге

PSus: 3 *caritati* (abl.; «нормализованный» вариант *caritate* в $P^?FS$), 7 *caritati et generositati* (abl.; «нормализованный» вариант *caritate et generositatis* в *Smur Mombr.* (*caritate et generositatis* C^x , *caritate generositatis* pv)), 8 ($SW^c?$) *releuari* (активный инфинитив, «нормализованный» вариант *releuare* в том числе в V), 9 *cat(h)ecuminum* (написание через <i> также подтверждается в V , «нормализованный» вариант с <e> только в r ; ср. 11 *cat(h)ecuminos*, где вариант на *-menos* появляется только в ur), 10 ($P^l(K^x)BCWhp^lv^l?$) *baptizari* (активный инфинитив), 12 *obligari* (вероятно, активный инфинитив; «нормализованный» вариант *obligare* в *pvt Mombr.*), 14 *sublimitati* (abl.; «нормализованные» варианты *sublimitatis* в C , *sublimitate* в $S\mu tr$), 18 (B^l) *aegritudini* (abl.), 22 *facienti* (судя по всему, abl., относящийся к *humanitate* во фразе, облик которой ставил в тупик перепис-

чиков и вызвал множество исправлений; <i> в конце нашего слова сохранилось в *PABWα*), 25 (C) *audiri* (вероятно, активный инфинитив в конструкции, о которой см. E. Löfstedt 1956: 2.431–432; вариант *audire* сохранился в *A*, в остальных рукописях синтаксическая «нормализация» *audiret*). Сюда, вероятно, также следует добавить PSus 2, где варианты *ad uestram caritatem Bтμ*, *Bolland* (*uestrae charitati r*) и (бессмысленное) *ad (om. A) uos caritati AW¹* (*ad uos caritate PFCα*: *ad uos caritatie W³*: *ad uos causa ueritatis S¹*: *ad uos causa caritatis S^x*), как кажется, должны восходить к чему-то вроде *ad uestram caritati* в архетипе (где *caritati* — аккузатив ед.ч., ср. об идиоматичности выражения TLL 3.463.1–3). AV2: 4 примера. ER: очень много примеров, включая 4 примера на -i в окончании активного инфинитива и 2 примера на -i вместо падежного окончания 3 склонения -e(m). AugMS: 2 примера.

7. 4. <i> на месте классического /ē/ в безударном слоге

PSus: 9 и 11 (D) *caticumin-* (ср. 7.3), 17 (B¹) *erueris* (имперфект конъюнктива), 29 *cimiterio*. Сюда же следует записать возможно верную форму *Dioclitianus*; имя упоминается в тексте 28 раз, и обычно пишется так (либо как *Dioclicianus*) в *SWh Mombr.*, плюс в такой же орфографии оно появляется единственный раз в *V*. Правда, иногда такая орфография также появляется вопреки *P* в зависимых от *P* рукописях *KZ*, что может говорить о том, что некоторые каролингские переписчики просто считали такое написание стандартным и легко могли его вводить в текст. AV2: нет примеров. ER: много примеров. AugMS: 2 примера.

7. 5. <e> на месте классического /ī/

Такой переход, судя по романским рефлексам, не должен был происходить в латыни в целом (ср., напр., итал. оппозицию *viene vs vieni* < лат. *uēnīt vs uēnī*), и в PSus, как и в AugMS, действительно, нет таких примеров, кроме <e> вместо ожидаемого <i> в окончаниях 3 склонения и инфинитива, которые следует объяснять морфологическими изменениями, а не фонетическими: см. B. Löfstedt 1961: 67–69. Кроме этих случаев, в AV2 один пример такого перехода, который Адамс, соответственно, считает ошибкой переписчиков, в ER 5 возможных примеров, для каждого из которых Лёфстедт предлагает альтернативное объяснение. (Выше мы видели, что в меровингских текстах VIII в. такие примеры все же есть, ср. *sancte loce* в Tardif 46;

это, видимо, какое-то региональное «затемнение исхода флексии», см. Stotz 1996: 39).

7. 6. <e> на месте классического /й/ в ударном слоге

Нет примеров в PSus, как и в AV2 и AugMS; если считать случаи, когда ударение падает на слог в других формах слова, то в PSus есть три возможных примера, которые, правда, все можно объяснить рекомпозицией: 18 ($B^1 t^1$, т. е. только группа β) *deteneri*, 20 (B^1) *detenebatur*, 21 ($BC^1 Wr$) *adsedebat*. Ок. 120 примеров в ER, не считая случаев, которые можно объяснить рекомпозицией (ср. ниже 7.14).

7. 7. <e> на месте классического /й/ в безударном слоге

PSus: 13 *considerares* (по-видимому, второй футурум), 29 (α) *Feglinas* (вместо имени собст. *Figlinas*, но восстановление кл. варианта во всей остальной традиции маловероятно). AV2: 2 примера, один из которых можно объяснить рекомпозицией. ER: много примеров. AugMS: 2 примера.

7. 8. <u> на месте классического /ё/ в ударном слоге

Переход, который не должен был происходить. Нет примеров в PSus, AV2, AugMS, 2 примера в ER, которые Б. Лёфстедт объясняет закрытием кл. ударного /ё/ под влиянием идущего далее носового.

7. 9. <u> на месте классического /ё/ в ударном слоге

Нет примеров в PSus и AugMS, 3 примера в AV2, ок. 150 примеров в ER¹⁰.

7. 10. <u> на месте классического /ё/ в безударном слоге

PSus: 5 ($B^1 ?$) *pullutos*. AV2: 3 примера. ER: несколько десятков примеров. AugMS: нет примеров.

7. 11. <u> на месте классического /ё/ в безударном слоге

PSus: 5 (t^1) *Christum* (dat.), 5 (PAC) *studium* (abl.), 8 (AB^1) *terminus* (acc. pl.), 20 ($B^1 C^1$) *sacramentum* (abl.), 23 (AB^1) *consilium* (abl.). AV2: один пример (*reconciliatus*, acc. pl.). ER: много примеров, сводящихся к тем же трем типам (-um в dat. sg. и abl. sg. 2 склонения, -us в acc. pl. 2 склонения). AugMS: 3 примера, во всех случаях -u(m) вместо -o в аблативе.

¹⁰ Имя *Cutia*, дважды упоминающееся в PSus 11, согласно убедительной реконструкции Дюшена (Duchesne 1916: 36–38), должно исходить из испорченного текста «Иеронимова Мартиролога», выглядевшего как *cotiae* и истолкованного как генитив имени собственного. Как при этом трактовалась долгота гласного, непонятно.

7. 12. <o> на месте классического /ū/

Также переход, которого, судя по романским рефлексам, не должно было быть. Нет примеров в PSus, в AV2 4 примера, каждый из которых Адамс объясняет морфологией, а не фонологией; в ER, кроме примеров, скорее объясняемых изменением морфологии, 4 примера, все с корнем *nutr-* (Б. Лёфстедт предполагает, что существовал альтернативный вариант корня с кратким гласным). В AugMS 3 примера, также все объясняемые смешением морфем: *fol. 5r–v incommotabiliter*, *fol. 9r incommotabilis* (видимо, оба случая под влиянием корня *moceo*), *fol. 3v creatorae* (под влиянием суффикса *-or*), ср. по обоим поводам Stotz 1996: 67.

7. 13. <o> на месте классического /ŭ/ в ударном слоге

Нет примеров в PSus, AV2, AugMS, несколько десятков примеров в ER.

7. 14. <o> на месте классического /ŭ/ в безударном слоге

PSus: 13 (A) *edocare*, 24 (A) *nontiatum*. AV2: 22 примера, включая *edocatus*. ER: 73 примера. AugMS: нет примеров. Адамс (Adams 1976: 40) отмечает, что бóльшая частотность <o> на месте классического /ŭ/ по сравнению с <e> на месте классического /ĭ/ — необычная черта, выделяющая из других позднеантичных корпусов и текстов происходящие из Италии AV2 и т.н. *Papyri Ravennates* (Tjäder 1955). Эту их черту не разделяет PSus (где, правда, мало <e> на месте классического /ĭ/, но много <i> на месте классического /ĕ/). Возможно, идентифицируемая Адамсом региональная особенность должна связываться не с Италией вообще, а в первую очередь с северной Италией, откуда происходят AV2 и большая часть *Par. Rav.*

7. 15. <ae> на месте классического /ĕ/ и /ē/

Употребление <ae> и <e> на месте классического /ae/ в Средние века настолько свободно, что этот параметр следует отнести к нашей категории **а** и отказаться от его реконструкции (Stotz 1996, 81–85). Однако можно попробовать учесть гиперкорректное <ae>, весьма распространенное, напр., в ранних рукописях Григория Турского (ср. Adams 2013: 79–80); в то же время нужно иметь в виду, что в каролингское время оно, по видимому, оставалось очень распространенным (ср. каролингские примеры в Stotz 1996: 26–29). В PSus примеры такой гиперкоррекции связаны в основном с каролингской рукописью

W, в которой их множество (с доминированием начальной и финальной позиции в слове, ср. Stotz 1996: 26–28: *aegentibus*, *aegit*, *aegisti*, *aepiscopus*, окончания наречий, вокативов и аблативов, но также *raecunia*, *rauaere*). Есть, однако, случаи, когда формы, отражающие такие тенденции, встречаются в других лучших рукописях (*aestis*, *loquaere* в *A*, *aetiam*, *cotidiae* в *B*, *aelegit*, *aeuangelicam*, *caelerius* в *C*), а также случаи, когда другие рукописи поддерживают зафиксированные в *W* написания: 3 (*BWv Mombr.*) *sanctae* (уос.), 8 (*V²KZW*) *reuerentissimae* (уос.), 13 (*BW*) *aeducare*, 17 (*KABSW*) *aecclesiae*, 22 (*AW*) *Augustae* (уос.), 22 (*BW*) *occultae* (нар., ср. 21 (*C*) *occultae* (нар.)). Правда, во втором и четвертом примере смущает, что *K* (и в 8 вслед за ним видимо зависимая от него *Z* — в 17 текст *Z* не сохранился) вводит дифтонг вопреки своему источнику *P*: вряд ли *K* был сверен с какой-то лучшей рукописью, скорее это должна быть независимая инновация каролингского переписчика, создавшего *K*. Особенно интересны случаи согласия содержащих дифтонг рукописей с эксцерптами *b*: 29 *aepiscopus Wb* (единственное появление этого слова в *b*, при том что в *W* встречается почти систематически) и случай имени *Macedonius*, из 8 упоминаний которого *B* и *b* в одних и тех же двух местах передают его как *Macaedonius*. Судя по всему, в ряде случаев гиперкорректное <ae> рукописей воспроизводит (явно непоследовательную) орфографию архетипа (или по крайней мере орфографию рукописи *Ψ*). Но судить о том, насколько архетип соответствовал в этом отношении орфографии оригинала, сложно, так что дальше уровня *fort. recte* реконструкция здесь не пойдет. В *AugMS* 4 примера такой гиперкоррекции (один в окончании наречия, *fol. 15v perfectae*, остальные все в корне *taemer-*), в *ER* — ок. 40 примеров (включая *raecunia*).

7. 16. Синкопа

В наиболее консервативных рукописях *PSus* слова *dominus* и *domina* часто пишутся как *domnus* и *domna* (6: *domnus*¹ *Zα*, *domni* *B*, *domnus*² *PD*; 7: *domnam CWα*; 14: *domnam W*; нужно иметь в виду, что часто слово также записывается в сокращенном виде, так что непонятно, синкопировано оно или нет, и раскрывающий сокращение писец скорее будет склонен восстановить не синкопированную форму). Во всех этих случаях речь идет о людях, но не о Боге. Адамс (Adams 2013: 95–96) полагает, что в поздней античности некоторое время сосуществовали синкопированная и не синкопированная форма слова с

разными значениями: вторая применительно к Богу, первая — в остальных случаях. В PSus, похоже, перед нами следы такой системы; если это так, то ее, наверно, следует отнести к категории **б**, т. к. в Средние века такое противопоставление иногда тоже встречается: Stotz 1996: 112, Berschin, Becht 1984: 12–14.

7. 17. <i> вместо ожидаемого <ii> в генитиве имен на -ius

Генитивы имен Gabinius/Gauinius (13 пассажей) и Sal(1)ustius (5 пассажей) скорее выглядят в других лучших рукописях PSus как Gabini/Gauini (часто в *PBCSW*, и ср. выше 5 о важном непрямом свидетельстве Liber pontificalis об этой форме в нашем тексте) и Salusti (всегда в *PB⁽¹⁾S*, часто в *CW*). Имена на -ius, встречающиеся в тексте в генитиве, — Claudius и Macedonius — во всех рукописях выглядят как Claudii и Macedonii (ср. также 9 (*B*) fili (nom. pl.)). Согласно М. Лёйману (Leumann 1977, 424–425), классический генитив на -i для слов (особенно имен собственных) на -ius уже не актуален ко времени Авла Геллия, и в имперской латыни «правильной формой считается [генитив на] -ii». Тем не менее параллели к нашим формам в поздней античности можно найти: ср. Lib. pontif. p. 43.5 Mommsen: Maxenti (но при этом там же p. 37.4 Mommsen: Claudii), Bonnet 1890: 334–336 о частом (но тоже непоследовательном) употреблении таких генитивов у Григория Турского, Stotz 1998: 63–64 (все примеры, касающиеся имен собственных, меровингские, хотя есть более поздние примеры с именами нарицательными). В AugMS, fol. 4v, есть генитив fili (и на той же странице также filii). Штоц справедливо пишет, что перед нами вряд ли просто продолжение архаического и классического генитива на -i, и предполагает в случае имен собственных скорее влияние вокатива. Однако это объяснение, как кажется, плохо подходит для также зафиксированных форм (хотя и не в случае имен собственных) на -is вместо -iis. Учитывая, что в ходе развития латыни практически все зияния утрачивались (Adams 2013: 101–102, Lloyd 1987: 190–191), классическое /ii/ в любом случае должно было изменяться, так что <Marii> должно было читаться по крайней мере как /Marij/, а возможно, и действительно как /Mari/. Может быть, такое произношение, вторично возникнув, было связано образованными людьми (а каким-то образованием наш автор, как и автор Liber pontificalis и Григорий Турский, явно обладал) с известной им старинной манерой написания, что привело к ее своего рода возрождению.

По поводу этой непоследовательности Бонне пишет, что, скорее чем пытаться привести формы к единообразию, следует искать какую-нибудь систему в разнообразии, и дает списки имен, образующих каждый из типов генитива у Григория (ср. тот факт, что и в PSus, и в Lib. pontif. имя Claudius образует генитив на -ii). Однако в этом его списке имя Salustius попадает в генитивы на -ii, так что придумать такую же и совместимую с системой для Григория систему для PSus не получится. К тому же, сложно представить, что в PSus 7 текст выглядел как *in conspectu Claudii et Gauini*. Скорее, как кажется, здесь противопоставлены имена, в которых переписчики готовы регуляризовать генитив (хорошо известное им имя Claudius, имя с прозрачной этимологией и легко выделяемым суффиксом Macedonius), и менее привычные имена (ср. тот факт, что имя Gabinius/Gauinius часто искажается в рукописях PSus в других падежах в Gauinus (часто в *B* и *C*, один раз в *W*) или Gabinus (один раз в *K*, а также в некоторых рукописях пересказа PSus в «Мартирологе» Адона Вьеннского)). Характерно, что в списках Бонне для Григория также все более или менее экзотические имена оказываются в группе с генитивами на -i, в то время как группа с генитивами на -ii состоит в основном из таких знаменитых имен, как Antonii, Virgilii, Tiberii. Я бы предположил, соответственно, что это явление категории **б** (или даже **в**: следует проверить, действительно ли, как вроде бы следует из Штоца, такие генитивы имен исчезают в каролингское время), и предложил бы унифицировать употребление во всем тексте, исправив формы Claudii и Macedonii на Claudi и Macedoni. Конечно, автор VI в. тоже мог быть в этом отношении непоследователен, но узнать, для какого контекста он выбирал тот или иной вариант, у нас возможности нет.

7. 18. Особый случай

<a> на месте классического /au/: PSus 29 (*m*) Agustas. Этот фонетический переход в этом корне хорошо зафиксирован в античности (в надписях начиная с нероновского времени, с позднеантичными примерами: TLL 2.1379.32–46) и объясняется, видимо, диссимиляцией (Adams 2013: 86–87). Вероятно, категория **б**, однако пример очень подозрителен: во всех случаях, когда в PSus слова Augustus и Augusta применяются к императору и императрице, в их написании нет колебаний, и колебания появляются только в написании названия месяца (во фразе Idus Augustas), при том что именно применительно к

месяцу вариант слова на Ag- выжил в романских языках, включая итальянский (*agosto*), а единственная рукопись, где написание *Agustas* зафиксировано, судя по всему, создана в Италии¹¹.

8. Согласные

Смешение <ci> с <ti>, написание греческих слов (употребление <h>, также гласной <y>)¹², употребление <k> и <h> в лат. словах следует, вероятно, отнести к категории **а** и отказаться в этих вопросах от реконструкции оригинальной орфографии (ср. Stotz 1996: 74–78, 155–183, 220).

8. 1. <u> на месте классического /b/ и <b> на месте классического /u/

Вне Иберийского полуострова, вероятно, явление категории **б** (см. Stotz 1996: 269). PSus: *Gauinius* (42 раза, см. выше 5); 9 (*V*) [*la*]babuntur (вместо *lauabuntur*), 27 и 28 (оба раза *BC*¹) *Iobis*. ER: несколько десятков примеров <u> на месте классического /b/, 6 примеров <b> на месте классического /u/. AugMS: по одному примеру в каждую сторону.

8. 2. <g> на месте классического /i/

PSus: *Gagi* (вместо *Gaii*, 10 раз, всегда в такой орфографии в *A*, всегда *Gagi* или *Gagii* в *b*; форма *Gagi* также дважды в *B* и один раз в *W*, а также в рукописях пересказа PSus в «Мартирологе» Адона Вьеннского; *Gagii* также один раз в *a*, другие падежи того же имени дважды от основы *Gagi*- в *h*, вероятно, в результате реинтерпретации генитива *Gagi*); 9 (*VA*¹*BWSmu*) *ageba(n)t* (вместо *aieba(n)t*), 22 (*m*) *magestate* (ср. также обратный случай, 1 (*A*) *proieniae* вместо *progeniae*). В целом это явление (подразумевающее аффрикатизацию, с одной стороны, /i/, и, с другой стороны, /g/ перед переднеязычными, приведшую к их совпадению или близости) известно и в поздней античности, и в Средние века, хотя умеренно распространено и скорее попадет в нашу категорию **б** (B. Löfstedt 1961: 160, Stotz 1996: 140, 211–215).

¹¹ Она хранилась в римской церкви Санта-Мария-Маджоре по крайней мере уже в XVII в., судя по Vesilli 1628: 72, и ее ближайшим родственником из изученных мной рукописей является рукопись *и*, созданная, согласно Ф. Долбо, в Риме или окрестностях (Dolbeau 1975: 398). Шрифт *m* также кажется мне итальянским, но я не специалист.

¹² В случае, о котором речь в Shumilin 2019, в рукописях явно доминирует написание *zius*, но происхождение этой орфографии и, соответственно, ее статус установить трудно.

8. 3. <d> на месте классического /t/

PSus: 9 (*A*) *capud* (распространенный особый случай, под влиянием слова *apud*: см. Stotz 1996: 226, Adams 1976: 47 о двух случаях в AV2), 14 (*W*) *dada* (вместо *data*), 29 (*B*) *stadio* (вместо *statio*, ср. ошибку *stadium* в *r*). Такое интервокальное озвончение, в т. ч. в суффиксе пассивного причастия, встречается в лангобардских и меровингских текстах (B. Löfstedt 1961: 136–137 о примерах в ER, Stotz 1996: 223–225; ср. в AugMS, fol. 15v, *uidetur* вместо *uitetur*) и, вероятно, должно быть отнесено к категории б.

8. 4. Отпадение и гиперкорректное восстановление финального <m>

Это явление (приводящее к смешению аккузативов и аблативов) очень распространено и в рукописях PSus, и в параллельных текстах, но составить список мест затруднительно, т.к. во многих случаях сложно сказать, не идет ли речь об изменении управления вместо орфографической аномалии (примеров вне именных окончаний в PSus нет, что свойственно и для других корпусов: всего три случая вне именных окончаний в ER, нет таких примеров в AugMS, и ср. Stotz 1996: 283). Обращу внимание только на следующий пример. В PSus 11 в сцене *interrogatio de fide* сперва спрашивают *Credis in Deum Patrem omnipotentem ex toto corde?* (без вариантов в рукописях, кроме, может быть, *omnipotente* в *B*, на моей фотокопии плохо видно, не может ли там быть тильды); затем задают вопрос, который, видимо, следует восстанавливать в том варианте, который фиксируется в рукописях *BDr*: *Et in Christo Iesu Domino nostro?* (аккузативы других рукописей больше похожи на regularized вариант). И та же (орфографическая) непоследовательность фиксируется в тех же вопросах в других ранних фиксациях «опросника» *interrogatio de fide* и близких к нему формул: ср. Anon. Arian. in cod. Vat. lat. 5750 (текст IV–V вв., см. Mercati 1902: 51), f. 73v: *Credis in Deum Patrem omnipotentem... Credis et in Christo Iesu filio eius?* (ср. также порядок слов *Christo Iesu*), Miss. Bob. 184 Lowe (VII в.): *Credo in Deum Patrem omnipotentem... Credo in Iesu Christo filium eius*, 245–246 Lowe: *Credis in Deum Patrem omnipotentem... Credit et in Iesu Christo filium eius*. Судя по всему, существовали своего рода «орфографические формулы».

8. 5. Симплификация и геминация

PSus: Salusti (5 раз, каждый раз во всех рукописях), 21, 22 и 26 (все три раза только *Mombr.*) oculte, 27 (*W*) furases, 29 (*W*) quomemoratione (вместо commemoratione); 22 (*t*) ellimoniis (гибрид чтений *alimonia* и *elemosinis?*), 23 (*t Mombr.*) Iullium, 28 (*P?*) accessus (вместо accensus), 29 (*W*) Chrissanti (в интерполированном фрагменте)¹³. AV2: 11 + 2 примера. ER: 33 + 11 примеров. AugMS: 1 пример симплификации. Хорошо засвидетельствован в PSus только особый случай Salusti, вообще очень распространенное написание (Stotz 1996: 282), возможно объясняющееся этимологизацией имени от слова *salus* (в рукописях PSus также доминирует написание *retulit* вместо *rettulit*, но это явная рекомпозиция: Stotz 1996: 230–231). Другие примеры почти все в одних и тех же рукописях. Адамс связывает распространенность симплификации в AV2 с североитальянским происхождением текста, т. к. симплификация характерна для североитальянских диалектов (Adams 1976: 47); в этом свете интересно, что симплификация, кроме формы Salusti, фиксируется в PSus только в рукописи *W*, происхождение которой Б. Бишофф связывает с северной Италией (Bischoff 2014: 477), и в миланском издании Бонино Момбрицио. Вполне возможно, что в оригинальном тексте PSus этих симплификаций не было, и перед нами различие между языком центральной и северной Италии VI в.

8. 6. Ассимиляция согласных в приставках

За исключением твердо устоявшихся уже в более ранний период ассимиляций, в древнейших рукописях PSus во всех случаях при выборе ассимилированная vs неассимилированная согласная в приставке (кроме, может быть, *ob-* перед *t*) явным образом доминируют неассимилированные варианты. Скорее всего, в оригинальном тексте PSus сохранялась графическая

¹³ Сюда, вероятно, также относится пассаж PSus 29, где рукописи колеблются между вариантами названия топонима *uicus Mammuri PBCSmur* (Mamuri AWa *Mombr.*) и *uicus Mammurtini F* (Mamurtini *t*), плюс (гибридный?) вариант *uicus Mamurti p* (близкородственная *p* рукопись *v* в этом месте повреждена огнем); часто название связывают с располагавшейся поблизости статуей Мамурия Ветурия, однако остается не до конца понятным, как топоним правильно восстанавливать и каково происхождение варианта, также появляющегося в связи с похожим топонимом *cluius Mamuri* в рукописях Lib. pontif. p. 90.4 Mommsen, где также фиксируются варианты с геминацией для обоих названий: см. Coarelli 1993, а также Geertman 2004, 130–131.

условность, продолжающая традицию изданий литературных текстов, как ее реконструируют для IV в. (см. Hall 2008: 229–372)

8. 7. Несколько особых случаев

<uu> для обозначения глайда /u̥/: PSus 8 (*W*) Euuuangelio (sic). Ср. Stotz 1996: 96–97, 150–152; судя по всему, пример из категории г.

Видимо, выпадение кл. /n/ перед согласным в комбинации с <g> на месте классического /c/: PSus 20 (*W*) compugtionem (вместо compunctionem). Судя по всему, явление категории г, см. Stotz 1996: 195 (отдаленно похожий пример confractura взят из вариантов каролингских рукописей латинского Орибазия). Для выпадения /n/ ср. также вариант *ibid.* (*m*) comruptionem и 28 (*P^I*?) accessus (вместо accensus), это, видимо, явление группы б: Stotz 1996: 294–296.

<n> на месте классического /m/: PSus 20 (*S*) ponpis. Вариант категории б: TLL 10.1.2.2593.53–54, Stotz 1996: 292.

<qu> на месте классического /c/: PSus 29 (*W*) quomemoratione (вместо commemoratione). Хороших параллелей у Штоца нет: Stotz 1996: 144–147. Скорее всего не собственно орфографический вариант слова, а ошибка (pro со(m)memoratione > pro quo memoratione), вызванная чтением <qu> как [k]; соответственно, вариант категории г.

9. Выводы

Языковые особенности, которые можно реконструировать по рукописям PSus, в области фонологии/орфографии вполне похожи на то, что можно восстановить для других близких по времени текстов, особенно написанных в Италии VI в., например, «Второго анонима Вalezия». Отдельные отличия от этого текста, как кажется, правдоподобно объясняются региональными различиями поздней латыни (7.14, 8.5). Отметим также, что значительная часть «неклассических» форм, сохранившихся в рукописях PSus, либо имеет «классические» формы-омонимы (напр., императив *habito* похож на датив/аблатив ед. ч. пассивного причастия в м.р. и ср.р., и т. п.), либо относится к именам собственным, «нормализация» написания которых всегда затруднена. Как кажется, это говорит в пользу вывода, что в дошедшей до нас рукописной традиции в основном сохранялись формы, имевшие повышенные шансы пройти через фильтр некой «нормализации»: вероятно, это была либо раннекаро-

лингская «нормализация», либо фильтр, обусловленный представлениями самого автора текста о правильных для латинского языка формах. Наверно, проще представить себе первый вариант; он будет подразумевать, что орфография оригинального текста была еще значительно более «неклассической». Для текстов с особенно высокой «густотой» «неклассических» форм — «Эдикта Ротари», Устава св. Бенедикта (каким он предстает в рукописях: ср. Coleman 1999: 345), «Истории» Григория Турского — характерно сохранение до нашего времени одной или нескольких до-каролингских рукописей; возможно, язык PSus (и AV2) в такой рукописи выглядел бы похожим на язык этих текстов.

Литература

- Adams, J. N. 1976: *The Text and Language of a Vulgar Latin Chronicle (Anonymus Valesianus II)*. London.
- Adams, J. N. 2013: *Social Variation and the Latin Language*. Cambridge.
- Becilli, C. 1628: *Sancti Caii papae, et martyris Acta a Caesare Becillo... notis explicata*. Rome.
- Berschin, W., Becht, G. 1984: Sprachliches in den Vitae S. Wiboradae von Ekkehart I. (ca. 960/970) und Herimannus (ca. 1075) von St. Gallen. *Archivum Latinitatis Medii Aevi* 43, 5–26.
- Bischoff, B. 2014: *Katalog der festländischen Handschriften des neunten Jahrhunderts (mit Ausnahme der wisigothischen)*. T. III. Wiesbaden.
- Bonnet, M. 1890: *Le latin de Grégoire de Tours*. Paris.
- Bourcier, E. 2004: *Osnovy romanskogo yazykoznaniya [Elements of Romance Linguistics]*. Moscow.
- Бурсье, Э. 2004: *Основы романского языкознания*. Пер. Т. В. и Е. В. Вентцель. М.
- Bourgain, P. 2016: The Works of Gregory of Tours: Manuscripts, Language, and Style. In: Murray, A.C. (ed.) *A Companion to Gregory of Tours*. Leiden; Boston, 141–190.
- Brown, V. 1996: New C.L.A. membra disiecta in Naples and Rome. *Mediaeval Studies* 58, 291–303.
- Coarelli, F. 1993: Clivus Mamuri. In: Steinby, E.M. (ed.) *Lexicon Topographicum Urbis Romae*. Vol. I. Rome, 282–283.
- Coleman, R. 1999: Vulgarism and Normalization in the Text of Regula Sancti Benedicti. In: Petersmann, H., Kettemann, R. (eds.) *Latin vulgaire — latin tardif V*. Heidelberg, 345–356.
- Davis, R. 2010: *The Book of Pontiffs (Liber Pontificalis): The Ancient Biographies of First Ninety Roman Bishops to AD 715*. Liverpool.
- Dolbeau, F. 1975: Notes sur deux collections hagiographiques conservées à Bibliothèque Vaticane. *Mélanges de l'école française de Rome* 87, 397–424.
- Duchesne, L. 1916: Les légendes de l'Alta semita. *Mélanges de l'école française de Rome* 36, 27–56.

- Eklund, S. 1970: *The Periphrastic, Completive and Finite Uses of the Present Participle in Latin*. Uppsala.
- Galdi, G. 2014: Some Considerations on the Apodotic Uses of *atque* and *et* (2nd c. BC — 2nd c. AD). *Journal of Latin Linguistics* 13, 63–91.
- Galdi, G. 2015: Some Remarks on the Language of the *Itinerarium Antonini Placentini*. *Listy filologické* 138, 41–63.
- Geertman, H. 2004: *Hic fecit basilicam. Studi sul Liber pontificalis e gli edifici ecclesiastici di Roma da Silvestro a Silverio*. Leuven; Paris; Dudley.
- Hall, J. B. 2008: *P. Papinius Statius: Thebaid and Achilleid*. Vol. 3. Cambridge.
- Haverling, G. V. M. 2008: On Variation in Syntax and Morphology in Late Latin Texts. In: Wright, R. (ed.) *Latin vulgaire — latin tardif VIII*. Hildesheim; Zurich; New York, 351–360.
- Hilchenbach, K.P. 2009: *Das vierte Buch der Historien von Gregor von Tours: Edition mit sprachwissenschaftlich-textkritischem und historischem Kommentar*. Bern et al.
- Krusch, B., Levison, W. 1951: *Gregorii episcopi Turonensis Libri historiarum X*. Editionem alteram curauerunt B. Krusch et W. Levison. Hanover.
- Lanéry, C. 2010: Hagiographie d'Italie (300–550). I. Les passions latines composées en Italie. In: Philippart, G. (ed.) *Hagiographies*. Vol. V. Turnhout, 15–369.
- Lapidge, M. 2018: *Roman Martyrs: Introduction, Translations, and Commentary*. Oxford.
- Lloyd, P. M. 1987: *From Latin to Spanish. Historical Phonology and Morphology of the Spanish Language*. Philadelphia.
- Löfstedt, B. 1961: *Studien über die Sprache der langobardischen Gesetze: Beiträge zur frühmittelalterlichen Latinität*. Stockholm-Göteborg-Uppsala.
- Löfstedt, E. 1956: *Syntactica: Studien und Beiträge zur historischen Syntax des Lateins*. Lund.
- Löfstedt, E. 1959: *Late Latin*. Oslo.
- Mercati, G. 1902: *Antiche reliquie liturgiche Ambrosiane e Romane*. Rome.
- Milani, C. 1978: Un esempio di normalizzazione linguistica: la 'recensio altera' dell'*Itinerarium Antonini Placentini*. In: *Scritti in onore di Salvatore Pugliatti V*. Milano, 678–703.
- Monachi Solesmenses 1910: *Boninus Mombritius. Sanctuarium, seu Vitae Sanctorum*. Nouam hanc editionem curauerunt duo monachi Solesmenses. Paris.
- Moretti, P. F. 2006: *La Passio Anastasiae: Introduzione, testo critico, traduzione*. Rome.
- Müller-Marquardt, F. 1912: *Die Sprache der alten Vita Wandregiseli*. Halle.
- Ó Riain, D. 2015: The *Magnum Legendarium Austriacum*: A New Investigation of One of Medieval Europe's Richest Hagiographical Collections. *Analecta Bollandiana* 133, 87–165.
- Orlandi, G. 1996: Un dilemma editoriale: ortografia e morfologia nelle *Historiae* di Gregorio di Tours. *Filologia mediolatina* 3, 35–71.

- Pei, M. A. 1932: *The Language of the Eighth Century Texts in Northern France*. Diss. New York.
- Reeve, M. D. 2004: *Vegetius. Epitoma rei militaris*. Ed. by M. D. Reeve. Oxford.
- Reeve, M. D. 2011: *Manuscripts and Methods: Essays on Editing and Transmission*. Rome.
- Rönsch, H. 1869: *Itala und Vulgata. Das Sprachidiom der urchristlichen Itala und der katholischen Vulgata unter Berücksichtigung der römischen Volkssprache durch Beispiele erläutert*. Marburg; Leipzig.
- Sergievsky, M. V. 1952: *Vvedenie v romanskoe yazykoznanie* [Introduction to Romance Linguistics]. Moscow.
- Сергиевский, М. В. 1952: *Введение в романское языкознание*. М.
- Shanzer, D. 2005: Gregory of Tours and Poetry: Prose into Verse and Verse into Prose. In: Reinhardt, T., Lapidge, M., Adams, J. N. (eds.) *Aspects of the Language of Latin Prose*. Oxford, 303–319.
- Shumilin, M. V. 2019: [Passio Susannae (BHL 7937) as a Linguistic Document: Towards the Dating of the Versions of the Text]. *Indo-European Linguistics and Classical Philology* [Indoevropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya] 23, 1150–1175.
- Шумилин, М. В. 2019: «Страсти св. Сусанны» (BHL 7937) как языковой памятник: к датировке версий текста. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 23, 1150–1175.
- Stotz, P. 1996: *Handbuch zur lateinischen Sprache des Mittelalters. Bd. 3: Lautlehre*. Munich.
- Stotz, P. 1998: *Handbuch zur lateinischen Sprache des Mittelalters. Bd. 4: Formenlehre, Syntax und Stilistik*. Munich.
- Supino Martini, P. 1987: *Roma e l'area grafica romanesca (s. X–XIII)*. Alessandria.
- Supino Martini, P. 2001: Aspetti della cultura grafica a Roma fra Gregorio Magno e Gregorio VII. In: *Roma nell'alto Medioevo*. Spoleto, 2.921–968.
- Tjäder, J.-O. 1955: *Die nichtliterarischen lateinischen Papyri Italiens aus der Zeit 445–700*. Lund.

А. Б. Черняк

(Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург)

**ПАССИВ У ЭГЕРИИ: В. ВАН ООРДЕ О ЯЗЫКЕ
«ПУТЕШЕСТВИЯ ЭГЕРИИ К СВЯТЫМ МЕСТАМ»
(*ITINERARIUM EGERIAE*)***

В статье рассматривается почти забытый в современной романистике очерк голландского лексикографа В. Ван Оорде (1929) о пассиве в тексте «Паломничества Эгерии к святым местам» (конец IV в.).

Ключевые слова: латинский пассив, «Паломничество Эгерии к святым местам», Г. Мэллер и историческая социолингвистика (школа М. Баньяра), креолизация романского пиджина.

A. B. Chernyak

(Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg)

**Passive voice in *Itinerarium Egeriae*.
W. van Oorde on the language of *Itinerarium Egeriae***

The paper reconsiders an almost forgotten essay by the Dutch lexicographer W. van Oorde on the passive voice in the language of *Itinerarium Egeriae* (1929). According to the author of the paper, the essay is still worth of examination and it is not properly appreciated in contemporary Romanic studies.

Keywords: Latin passive, *Itinerarium Egeriae*, H. P. Muller and historical sociolinguistics, creolization of Romanic pidgin.

Обращаясь к исчерпывающему и полезнейшему словарю В. Ван Оорде¹, мало кто задерживается на идущих за библиографией (с. VII–VIII) латинских Prolegomena (с. 1–18). Между тем они содержат любопытную главу De Aetheriae sermone (с. 4–15), которой не следует пренебрегать².

---

* Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ №19-012-00157 ««Паломничество Эгерии к святым местам»: Критическое издание текста с лингвистическим, текстологическим и источниковедческим комментариями» (рук. А. Б. Черняк).

¹ W. van Oorde. Lexicon Aetherianum. Amstelodami, 1930 (далее только страницы). Его автор, Виллем Ван Оорде (1890–1958) учился в Лейдене и некоторое время работал в комиссии по переизданию словаря Дюканжа.

² Одно из немногих исключений — Н. Наталуччи, см.: Natalucci 1999: 57, n. 116.

А. Содержание главы из словаря В. Ван Оорде «*De Aetheriae sermone*».

Во **Введении** (4–7) приводятся мнения ученых о языке Эгерии: одни сближают или даже отождествляют его с разговорной (народной) речью (Э. Вёльфлин, В. Хереус), другие указывают на высокий социальный статус нашей паломницы, на ее знание греческого языка, Св. Писания и т. д. (К. Гейер, К. Мейстер, Э. Лёфстедт)³. Ван Оорде присоединяется ко второй группе: он превозносит Лёфстедта и Мейстера и особо рекомендует статью последнего: «...cuius commentarium, quaeso, ipse adeas»; «*Philologischer Kommentar*» знаменитого Э. Лёфстедта ни в каких рекомендациях не нуждался.

Далее следуют четыре параграфа, посвященные пассиву.

§ 2. *De generis passivi in sermone vulgari usu* (7) содержит на примере французского языка описание романского аналитического пассива, сменившего синтетические латинские формы:

- a) *être* + part. perf. pass.;
- b) *on* + activum (лат. *homo*);
- c) *cum* pron. reflex.;
- d) *devenir* + part. perf. pass.

Из этого следует, что синтетический пассив на *-r* в вульгарной латыни отсутствовал (ссылка на Grandgent 1907: 114). Тем не менее писатели продолжали соблюдать литературную норму: у Григория Турского нет ни одного примера аналитического пассива (Bonnet 1890: 627).

§ 3. *Quomodo Aetheria genere passivo usa sit* (7). Общая характеристика: Этерия употребляет где нужно и синтетические, и аналитические формы, но часто под влиянием обыденной речи (*sermo communis sive cotidianus*) отклоняется от классических образцов. Очевидно, что сама она в разговорной речи синтетическим пассивом уже не пользовалась.

§ 4. *Quibus in rebus Aetheria dissentiat a genere dicendi optimo* (8–10). Здесь приводится материал к предыдущему параграфу.

³ Судя по всему, обе стороны по-своему правы. В Поздней Римской империи уже давно говорили не на латыни, а на местных разновидностях романского (*sermo barbarus*, *sermo vulgaris/vulgo*, *lingua Romana/*romanice*, *mixta* и т. д., см. Chernyak 2015, 2019). Те, кто учился в школе, могли не только читать, но и говорить по латыни, и именно на этой разговорной латыни написан так называемый «Итинерарий Эгерии». Как он точно назывался, мы не знаем: в письме испанского монаха Валерия и в средневековых библиотечных каталогах упоминается только имя автора или просто – Аббатисса, см. Chernyak 2016.

А. Шесть примеров употребления аналитической формы пассива вместо синтетической:

a) V, 7 *locum qui appellatus est Incendium*, но ср. II, 5 *sed totum mons Dei appellatur*; IV, 1 *qui locus appellatur in Choreb*;

b) XX, 1 *in scripturis sanctis dicta est Charra*;

c) XXXVI, 3 *ut forsitan porro ad ciuitatem gemitus populi omnis auditus sit*;

d/e) XLIII, 9 *maximus labor in ea die suffertur, quoniam de pullo primo uigilatum est ad Anastase et inde per tota<m> die<m> nunquam cessatum est*;

f) XXXVI, 3 *legitur ille locus, ubi comprehensus est Dominus*, т. е. здесь *comprehensus est* = *comprehenditur*, хотя в таких цитатах из Библии у Эгерии иногда встречаются перфекты, ср. XXXV, 3 *Dominus allocutus est discipulos* и XXXVI, 1 *ubi orauit Dominus*, но важнее XXXVI, 4 *locus, ubi adducitur Dominus ad Pilatum* и XXXVII, 5 *leguntur loca ubi patitur*.

Далее под **В** собраны примеры с *homo* = фр. *on* (3).

Под **С** приводятся все случаи *se facere* = *fieri* (6) и дан список глаголов с возвратной частицей *se* от *se acclinare* до *se uadere*, а также *sibi gustare* (IV, 8) и *sibi sedere* (XXXVI, 5). Возвратные формы в «Паломничестве» распространились за счет медия, от которого остались только *lavari* и *tendi*. Здесь узус Эгерии отражает разговорную норму ее времени.

Под **Д** подробно рассматривается XXXV, 3 *interpositae orationes fiunt*;

В **Е** анализируется II, 1 *lapis grandis ibi fixus stat*, ср. V, 3 *fixus est*.

Раздел **Ф** посвящен депонентным глаголам; несмотря на корректность Эгерии в этом пункте, отсутствие у нее таких слов как *hortari*, *egredi*, *vesci* указывает на затухание этой категории в разговорной речи.

В **Г** разбирается латинский аналитический пассив, где в поздней латыни вместо форм *ero*, *eram*, *erim*, *sim*, *essem*, *esse* стоит *fuero*, *fueram*, *fuerim*, *fuissem*, *fuisse* + part. perf. pass. Это давно известное явление, идущее еще из архаической латыни. Ван Оорде приводит несколько обширных ссылок (Bonnet 1890: 641–644 etc.). Описание ситуации в нашем тексте строится на формах вспомогательного глагола:

a) *fueram* = *eram*: *dignatus fuerat* XVI, 7 etc. (9 случаев; исключения: *collecta erat* XLIII, 3; *positum erat* XIX, 14, ср. XII, 9);

b) *fuero* = *ero*: *si Deus fuerit praestare dignatus* XXIII, 10;

с) *fuierim = sim: baptidiati fuerint* : XXXIX, 3 etc. (35 случаев, из них 12 — *uentum fuerit*: XXVII, 7 etc.; исключения: *completum sit* XXXVII, 6; *dictum sit; facta sit* XXVII, 8; *positus sit* XII, 2);

д) *fuissem = essem: fuissent baptizat* XV, 5 (7 случаев; исключения: *positus esset* XVI, 6);

е) *fuisse = esse: facta fuisse* V, 8 (4 примера; исключения: *posita esse* VIII, 3; *traditum esse* XII, 2).

Для Эгерии примечательно отсутствие *fuit* вместо *est* (два исключения: III, 4 *fuerunt impediti* и V, 5 *quemadmodum fuerunt lapide girata*). Классический перфект с *est* встречается без числа (об этом позаботилась школа).

§ 5. *De Aetheria puram Latinitatem consecretanti* (11–14). Из предыдущего следует, что Эгерия действительно стремилась соблюдать классическую норму. Иногда она заходила даже слишком далеко.

Под С Ван Оорде рассматривает косвенные доказательства:

а) гиперкоррекцию III, 4 *qui ipsi ecclesiae deputabatur* (вместо *deputatus erat*); б) X, 9 *nos satis auidi optati sumus ire* (вместо *optauimus*); в) XXXV, 1 *facitur missa = fit missa*; д) VI, 1 *incipitur...ambulari* (вместо *incipit a.*); е) II, 7 *quod, antequam subeas, facere non potes(t)*.

Под D собраны все случаи неопределенно личного пассива:

а) инфинитив: *ambulari* VI, 1; *ascendi* III, 2; *fieri* XLVI, 1; *ne-cesse est ieiunari* XXVII, 1(bis); *procedi* XXVII, 5; *scribi* XXV, 8;

б) 3л. ед. ч. от *acceditur* XXIV, 3 до *uigilatur* XLIII, 1 (90 случаев).

В заключение приводится мнение А. Эрну, который на примере из *Mulomedicina Chironis* (IV в.) утверждает, что неопределенно-личный пассив уже перестал быть живым в разговорной речи.

В Е автор возвращается к отложительным глаголам (ср. § 4 F): а) указание на то, что с исчезновением синтетического пассива отложительные глаголы стали активными (Grandgent 1908: § 113); б) у Григория Турского отложительные глаголы смешиваются с активными (Bonnet 1890: 402); в) у бл. Иеронима отложительные глаголы нередко употребляются как страдательные (Goelzer: 355).

На этом фоне почти цicerоновская корректность Эгерии поразительна. Ее можно упрекнуть только за перфект *reuersus sum* вместо *reuerti* от полуотложительного глагола *reuertor*.

Ф. Эгерия употребляет отсутствующий в романских языках *nom. c. inf.*: IV, 4 *in qua stetisse dicuntur ipsi sancti*; VIII, 3 *arbor*

sicomori, quae dicitur a patriarchis posita esse; XII, 7 columna autem ipsa dicitur mari mortuo fuisse <c>ooperta; XVII, 1 ad uisendos sanctos monachos, qui ibi plurimi et tam eximiae uitae esse dicebantur; XXXI, 1 Omnis populus ...iubetur sedere; XXXVII, 2 dicitur quidam fixisse morsum.

Общий вывод: в том, что касается пассива, узус Эгерии отличается от разговорной речи ее времени: «*Aetheriae scribendi rationem, si generis passivi usum attendis, longe distare ab eo sermone, quo eius aetatis homines locutos esse verisimillimum est*» (14). Завершает главу длинная цитата из Де Гроота (учителя Ван Оорде) на довольно понятном голландском языке.

Все это, на первый взгляд, довольно сложно для восприятия. Но, присмотревшись, можно заметить оригинальность композиции: а) основной материал (§ 4) выстроен по схеме романского (французского) пассива (§ 2); б) латинский текст перемежается длинными цитатами; в) заключительная голландская цитата очень экзотична. В общем наш лексикограф не только умел работать, но и неплохо писал.

Б. Рецепция.

Как нетрудно догадаться, скромный грамматический опус В. Ван Оорде особого впечатления на ученый мир не произвел. Но материал «Паломничества» мало помалу входит в обиход. В синтаксисе Эрну-Тома (1953 г.) довольно подробно рассматривается эволюция пассива, но внимание сосредоточено на перфекте типа *domus clausa fuit* с примерами из Плавта (Pl. Ps. 689 *tendacium, quod modo subito commentus fui*), Витрувия (Vitr. 2, 8, 9) и Юстина (Iust. 13, 7, 1 *Cyrene autem condita fuit ab Aristaeo*). Презенс пассива представлен самым знаменитым примером: Per. Aeth. 36, 3 *auditus sit* (§ 4 Ac), но не упомянут ни открывший его К. Мейстер (Meister 1909: 385), ни поддерживавший его Э. Лёфстедт (Löfstedt 1911: 307: «romanische Entwicklung»).

В. Вянянен почему-то не принял доводов Ван Оорде. В Väänänen 1981: 130 § 298 он вообще не упоминает «Паломничество»; взамен мы находим там Def. tab. (p. 146 Jean.) *Paulina aversa sit et deficsa sit*⁴ = *P. avertatur et defigatur*; Iust. 13, 7, 1 *Cyrene autem condita fuit ab Aristaeo*; Iord. Get. 146 *proelia...quae fuerant concitata*, а также и гиперкоррекцию из хартии короля Хильдеберта (697 г.): *curte...que ponetur in pago Camiliacinse* «le

⁴ Эта табличка отсутствует в антологиях В. Вянянена (Väänänen 1981: 174–175) и М. Илиеску (Iliescu, Slusanski 1991: 43 ss.). Так как *tabellae defixionum* датируются II–III вв. н. э., это, безусловно, самый ранний пример для аналитического *praes. coni. pass.*

domaine rural situé dans le village Chambli». Из этого вроде бы следует, что синтетический пассив исчез к концу Империи («à basse époque»).

В Etude ling. 64–5 Ван Оорде все же нашлось место. Но предпочтение отдается американскому романисту Г. Мэллеру с его датировкой концом VIII в. (Muller 1924). Мэллеру подвергается сомнению все примеры аналитического пассива из «Паломничества»; в частности, форму перфекта *auditus sit* XXXVI,3 он объясняет как *attractio* со стороны *lectus fuerit*, что весьма сомнительно. Мэллер находил субституты для синтетического пассива только в каролингских документах (конструкции с *esse*, *fieri*, *evenire*); раннее появление так называемых сверхсложных форм (*formes surcomposées*) типа *amatus fui*, *fueram*, *fuissem* etc. он никак не связывал с вытеснением перфекта *amatus sum*. Его теория долгое время не имела успеха, пока ее не реанимировал П. Флобер (Flobert 1975)⁵ и другие адепты исторической социолингвистики (или социофилологии – Мишель Баньяр, Р. Райт и др.) вместе с поздней датировкой языкового сдвига латинский – > романский (Van Uytfanghe 2012; Chernyak 2020). В 2002 г. Й. Херман подкорректировал датировку Мэллера, связав исчезновение синтетической парадигмы с падением гласного в конечном слоге кроме *-a* в конце VII – начале VIII в. (Herman 2002); но и это приняли не все (Van Uytfanghe 2012: 140).

Вся эта по-своему любопытная дискуссия, на мой взгляд, не имеет никакого отношения к реальной языковой ситуации. Синтетический пассив не исчезал ни в IV, ни в VIII вв.: как показывают романские языки, его не было в исходном пиджине изначально. Не был он затронут и креолизацией, которая пыталась восстановить многое восстановить (долготу и краткость гласных, степени сравнения, двухпадежное склонение, средний род и т. д.). Представленная В. Ван Оорде картина, – это всего лишь страничка из истории письменного языка (поздней латыни), за которой угадывается позднеантичная школа, неплохо учившая своих будущих писателей.

Литература

Bonnet, M. 1890: *Le latin de Grégoire de Tours*. Paris.

⁵ Ср. длинную цитату в Etude ling. 64, n.146. Это тем более удивительно, что наши классические справочники сохраняют традиционное объяснение, ср. Lat. Synt. 322, § 180b; Leumann 1977: 611, § 445.α (*das verschobene Perfekt*). Менее определены романисты, ср. ELR 232a (колебание между V–VIII вв.) и LRL II,1.

- Chernyak, A. B. 2015: [*Linguistic Situation in Roman Empire: information from Ancient Authors and Early Romance glottonims*]. St. Petersburg: «Nestor History». Черняк, А. Б. 2015: *Языковая ситуация в Римской империи: сообщения древних авторов и раннероманских глоттонимов*. СПб: «Нестор-История».
- Chernyak, A. B. 2019: [The language of *Itinerarium Egeriae*]. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European linguistics and classical philology*] 23, 1116–1130.
Черняк, А. Б. 2019 Язык Эгерии. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 23, 1116–1130.
- Chernyak, A. B. 2020: [Latin/Roman and Romanic diglossia (rev. of the article: Marc van Uytfanghe. La diachronie latino-romane: le conflit des chronologies et la diglossie). *ZRPh* 128 (3), 405–466 (in print).
Черняк, А. Б. 2020 О латинском/романском и о романской диглоссии (по поводу статьи: Marc van Uytfanghe. La diachronie latino-romane: le conflit des chronologies et la diglossie. *ZRPh* 128 (3). (2012) 405–466 (в печати).
- ELR – *Enciclopedia limbilor romanice*. Coord. M. Sala. București, 1989.
- Ernout, A., Thomas, A. 1953: *Syntaxe latine*. 2me éd. Paris: Klincksieck.
- Flobert, P. 1975: *Les verbes déponents latins des origines à Charlemagne*. Paris: Les Belles Lettres.
- Goelzer, H. 1884: *Etude lexicographique et grammaticque de la latinité de St. Jérôme*. Paris.
- Grandgent, C. H. 1907: *An Introduction to Vulgar Latin*. Boston.
- Herman, J. 2002: La disparition du passif synthétique latin: un essai sur l'écrit et le parlé en latin mérovingien. *Estudis Romànics* 24, 31–46.
- Iliescu M., Slusanski D. 1991: *Du latin aux langues romanes. Choix de textes traduits et commentés* (du IIème siècle avant J.-C. jusqu'au Xème siècle après J.-C.). G. Egert Verlag.
- Jeanneret, M. 1918: *La langue des tablettes d'exécution latines*. Neufchâtel.
- Lat. Syntax – Hofmann, J. B., Szantyr, A. 1965: *Lateinische Syntax und Stilistik*. München.
- Leumann 1977 – Leumann, Manu. *Lateinische Laut- und Formenlehre*. München: Beck, 1977.
- LRL – *Lexikon romanistischer Linguistik*. Tübingen, 1989 ss.
- Löfstedt, E. 1911: *Philologischer Kommentar zur „Peregrinatio Aetheriae“*. Untersuchungen zur Geschichte der lateinischen Sprache. Uppsala; Leipzig.
- Meister, K. 1909: De Itinerario Aetheriae abbatissae perperam nomine S. Silviae addicto. *RhM* 64, 337–392.
- Muller, H. P. 1924: The passive voice in Vulgar Latin. *The Romanic Review* 15, 68–91.
- Natalucci, N. 1999 (1991): *Egeria, Pellegrinaggio in Terra Santa*, a cura di Nicoletta Natalucci. Bologna.
- Oorde, W. van. 1930: *Lexicon Aetherianum*. Amstelodami.
- Väänänen, V. 1981: *Introduction au latin vulgaire*. 3me éd. Paris.
- Van Uytfanghe, M. 2012: La diachronie latino-romane: le conflit des chronologies et la diglossie. *ZRPh* 128 (3), 405–466.

А. Ю. Братухин

(Пермский государственный национальный исследовательский университет)

СОТЕРИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ КЛИМЕНТА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО (ΑΝΑΠΑΥΣΙΣ И ΚΑΤΑΠΑΥΣΙΣ)

В статье рассматриваются все случаи употребления Климентом Александрийским лексем ἀνάπαυσις и κατάπαυσις, которые в Септуагинте могли выступать как синонимы. Используя одну и ту же лексему для обозначения покоя Седьмого и Первого (Восьмого) дня Климент показывает, что он не стремится использовать разные лексемы для обозначения отдохновения в раю, «где течет молоко и мед», и «подлинного» (τῷ ὄντι) / «высочайшего» (ἀκροτάτη) отдохновения преуспевших. Другими определениями при ἀνάπαυσις выступают слова «вечное» (αἰδῖος, αἰώνιον), «истинное» (ἀληθής), «совершенное (τελεία), «во Христе» (ἐν Χριστῷ).

Замена в Strom. VI, 14, 108, 1 библейской формы κατασκηνώσει «вселятся» (Пс. 14:1) формой καταπαύσουσιν «упокоятся» объясняется словесной игрой Климента: он сохраняет приставку, но прибавляет к ней важный для своего рассуждения корень.

Ключевые слова: Климент Александрийский, сотериология, Гебдомада, Огдоада, ἀνάπαυσις, κατάπαυσις.

A. Yu. Bratukhin

(Perm' State National Research University)

Soteriological terminology of Clement of Alexandria (ἀνάπαυσις and κατάπαυσις)

The article discusses all cases of Clement of Alexandria using the ἀνάπαυσις lexeme (thirty-nine times) and κατάπαυσις (two times), which in the Septuagint were often synonymous. Six times ἀνάπαυσις is used in a common context, once it characterizes the state of angels before the appearance of a men (Ecl. 56, 7), six times — the state of the Gnostics in the Ogdoad, fixed sphere, twenty-four times — the state of the righteous in the Hebdomad, the Sabbath rest, twice it says of “God’s rest”. Using the same lexeme to denote the rest of the Seventh and First (Eighth) day, Clement shows that he does not seek to use different lexemes to denote rest in paradise, “where milk and honey flow” and “genuine (τῷ ὄντι)” / “the highest (ἀκροτάτη) repose” of the true Gnostics. Other definitions for ἀνάπαυσις are the words “eternal (αἰδῖος, αἰώνιον)”, “veritable (ἀληθής)”, “perfect (τελεία)”, “in Christ (ἐν Χριστῷ)”.

The replacement in Strom. VI, 14, 108, 1 of the biblical form κατασκηνώσει “inhabit” (Psalm 14: 1) by the form καταπαύσουσιν “rest” is explained by Clement’s play on words: he preserves the prefix and adds a root.

Κατάπαυσις appears twice in Clement's writings — in a Gospel quotation and its paraphrase. Clement's preference for the word ἀνάπαυσις could be affected, among other things, by the fact that the authors he used (Plato, Philo, Plutarch) use only this noun.

The terminological coincidence of the designations of the original rest, rest of the Hebdomada and the Ogdoada raises a question that deserves special study, namely how fundamental, for Clement, the difference between the state of Adam before the fall and the deification of the Gnostics was.

Keywords: Clement of Alexandria, soteriology, Hebdomad, Ogdoad, ἀνάπαυσις, κατάπαυσις.

Важность для Климента Александрийского понятия «отдохновение» уже отмечалась. Согласно Яну Хельдерману, «слово ἀνάπαυσις можно найти в значимых контекстах: ἀνάπαυσις была конечной целью христианского благочестия (das Endziel der christlichen Frömmigkeit), к которой стремился христианин (“христианский гностик”), ищущий знания». Подкрепляя свой тезис, немецкий исследователь приводит цитаты из Paed. I, 29, 3–4 и I, 102, 2 (Helderman 1984: 62).

Как замечает А. М. Шуфрин, Климент в Strom. VI, 14, 108, 1 различает покой седьмого дня и покой восьмого дня: «Для Климента, однако, восьмой день является днем не только Воскресения, но и упокоения, как явствует из его описания состояния тех, кто достиг конечной ступени “нескончаемого продвижения”: <...> (таковые, согласно Давиду, “упокоятся на святой горе Божией”, [т.е.] в горней Церкви,... не оставшись в Седьмерице покоя, благодетельностью Богоуподобления войдя в наследие благодаяния Восьмерицы...). Климент подставляет катаπαύσουσιν (упокоятся) вместо κατασκηνώσει (вселятся)¹ Пс. 14:1, чтобы подчеркнуть, видимо, что во Христе нас не покидает надежда на упокоение, но это упокоение превосходит покой седьмого дня (для обозначения которого Климент резервирует термин ἀνάπαυσις)» (Шуфрин, 2013: 168, прим. 261). Действительно, слово κατάπαυσις может обозначать состояние более высокое, чем относящееся к субботе слово ἀνάπαυσις (Johnston 2011: 324), например: «Ибо избрал Господь Сион; возжелал его в жилище Себе. “Это покой Мой во век века (αὕτη ἡ κατάπαυσις μου εἰς αἰῶνα αἰῶνος)”» (Пс. 131:13–14). С другой стороны, в Ветхом Завете обнаруживаем употребление этих слов как синонимов: «Шесть дней делай дела, а день

¹ Впервые на эту замену указал О. Штэлин (Stählin 1901: 21). Прим. наше. — А. Б.

седьмой — покой, святое, суббота, отдохновение Господу (τῇ δὲ ἡμέρᾳ τῇ ἐβδόμῃ κατάπαυσις, ἅγιον, σάββατα, ἀνάπαυσις κυρίῳ)» (Исх. 35:2). Мы рассмотрим те фрагменты из сочинений александрийского автора, в которых появляются слова ἀνάπαυσις и κατάπαυσις, и попытаемся на основании этого анализа выяснить, во-первых, насколько последователен был Климент в использовании важных для него терминов и, во-вторых, характеризуют ли у него слова ἀνάπαυσις и κατάπαυσις разное состояние душ в Царствии Небесном.

Согласно Клименту, неоднократно использующему слова Гебдомада (Седьмерица) и Огдоада (Восьмерица), «совершенное очищение — это вера в Евангелие; семь дней (периоды времени или небесные сферы) представляют собой становление (genesis) и грех, которые гностик должен отложить. Восьмой день или рай — это место гностика, высший покой или фиксированная сфера, граничащая с миром идей. Здесь отсутствует страх изменения, который характерен для нижних сфер» (Osborn 1957: 46).

Во фрагменте, на который ссылается Шуффрин, Климент пишет: «Таковые, согласно Давиду, будут почивать (καταπαύσουσιν) на святой горе Божией, в вышней Церкви (τῇ ἀνωτάτῃ ἐκκλησίᾳ), где собраны Божии философы, истинные израильтяне, чистые сердцем, в которых нет лукавства, не оставшиеся в Гебдомаде отдохновения (ἀναπαύσεως), но добродетелями при божественном уподоблении добившиеся наследия благодеяния в Огдоаде, посвятив себя чистой эпопее непрерывного созерцания (ἀκονέστου θεωρίας εἰλικρινεῖ ἐποπτεία)». По поводу приведенных слов А. Иттер пишет: «Этот переход от седьмого к восьмому классу дает нам более конкретный отчет о движении, которое происходит после первых двух спасительных изменений, упомянутых выше. Душа проходит через святую Седмерицу и попадает в обитель Господа на восьмом уровне. Следовательно, обитель Господа является высшей в последовательности, которую можно пронумеровать следующим образом: 1) обращение от язычества к вере, 2) обращение от веры к знанию и 3) обращение, состоящее из семи стадий, которые завершаются в обители Господа в восьмой (Itter 2009: 38–39).

Климент использует лексему κατάπαυσις два раза (ἀνάπαυσις встречается у него 39 раз): «Всегда блуждают сердцем: путей же Моих они не познали, так что я поклялся в гневе Моем, что они не войдут в покой (εἰς τὴν κατάπαυσίν μου) Мой» (Protr. 9,

84, 4). «И вот древние, блуждающие в пустыне евреи сделались притчей, испытав на себе последствия угрозы: ведь сказано, что они не вошли в покой (εἰς τὴν κατάπαυσιν) из-за неверия прежде, чем, последовав за преемником Моисея, узнали, наконец, на деле, что спасутся не иначе, как поверив Иисусу <Навину>» (Protr. 9, 85, 2). Кроме Strom. VI, 14, 108, 1, формы от καταπαύειν появляются у Климента девять раз. Глагол ἀναπαύειν и причастия от него находим 24 раза.

В значении обычного отдыха ἀνάπαυσις используется шесть раз: Paed. II, 9, 77, 3; Strom. II, 11, 52, 4; II, 18, 87, 1; V, 8, 49, 4; Ехс. 3, 49, 2; QDS. 32, 6.

«Отдохновение» Климент снабжает эпитетами «высочайшее» (см. ниже), «вечное», «истинное», «совершенное», «во Христе», характеризует его как «предел желаний» и «вершину познания»: «<заповеди> направляют к пределу желаний, который постигается как завершение. Завершением же благочестия является вечное отдохновение (ἡ αἰδίου ἀνάπαυσις) в Боге, а наше завершение есть начало вечности» (Paed. I, 13, 102, 2); «величайшее дело — отложить предубеждение, заняв место между точным знанием и поспешной мнимой мудростью, и познать, что уповающий на вечное отдохновение (τὴν αἰώνιον ἀνάπαυσιν) знает, что вход в него труден и тесен» (Strom. VII, 16, 93, 3); «следует, чтобы употребляющий усилие для восхождения на небеса носил с собою в качестве прекрасного посоха благие дела и, подавая тем, кто находится в стесненных обстоятельствах, обретал истинный покой (τῆς ἀληθοῦς ἀναπαύσεως)» (Paed. III, 7, 39, 2); «<...> совершенный <спрашивал> о совершенном отдохновении (περὶ τῆς τελείας ἀναπαύσεως)» (QDS. 6, 1); «воспитание, подготавливающее отдохновение во Христе (τὴν τε αὖ προπαιδείαν τῆς ἐν Χριστῷ ἀναπαύσεως γυμνάζειν), тренирует ум и пробуждает разум, порождающий пытлившую сообразительность с помощью истинной философии» (Strom. I, 5, 32, 4). Климент упоминает также «подлинное отдохновение» (ἡ τῷ ὄντι ἀνάπαυσις) и «высочайшее отдохновение» (ἡ ἀκροτάτη ἀνάπαυσις), о которых будет сказано отдельно. Крайне маловероятно, что в цитатах из сочинений, написанных для обычных христиан («Педагог» и «Какой богач спасется»), слово ἀνάπαυσις может обозначать покой Огдоады. То же самое следует сказать и о Strom. I, 5, 32, 4 и VII, 16, 93, 3: в обоих случаях говорится о движении от знания к покою.

Ἀνάπαυσις соотносится Климентом с седьмым днем/Гебдомадой (т. е. с еще не полным блаженством): «<священники>

очищаются семь дней, в течение которых совершилось творение, ибо в седьмой празднуется отдохновение (ἡ ἀνάπαυσις θρησκέυεται)» (Strom. IV, 25, 158, 4); «<...> справедливо число семь они рассматривают как не имеющее матери и потомства, истолковывая <как> субботу и иносказательно говоря <как> об идее отдохновения (τὸ τῆς ἀναπαύσεως εἶδος), в котором “не женятся и не выходят замуж”» (VI, 16, 140, 1); «<...> говорится, что человек создан в шестой день, ставший верным этому обозначению <Господа>, чтобы сразу получить отдохновение (ἀνάπαυσιν) Господнего наследия» (VI, 16, 141, 3). В «Извлечениях из Феодота» говорится о перемещении находящихся в «отдохновении» в состояние большего блаженства: «<...> Он явился и Аврааму и остальным праведникам, сущим одесную в отдохновении (ἐν τῇ ἀναπαύσει); ведь Он глаголет: “возрадовался, чтобы увидеть день Мой”, <Мое> Пришествие в плоти. Поэтому, воскреснув, Господь, благовествовал праведникам, <пребывающим> в отдохновении (ἐν τῇ ἀναπαύσει), и переселил их и переместил; и все “в тени Его будут жить”. Ибо тенью славы Спасителя, сущей у Отца <является> нынешнее <Его> Пришествие: тень же света не тьма, но освещение» (Eхс. 1, 18, 1–2). Можно предположить, что и в следующем фрагменте говорится не об окончательном отдохновении, а о стадии, следующей за избавлением от язычества: «Затем святая лоза произрастила пророческую гроздь. Это знак для ведомых Педагогом из блуждания к отдохновению (εἰς ἀνάπαυσιν), великая гроздь, Логос, ради нас прошедший давящую, кровь винограда, которая смешивается с водой по воле Логоса, как и Его Кровь смешивается со спасением» (Paed. II, 2, 19, 3). О покое Бога в седьмой день говорится так: «<...> Бог не прекращает творить (πέπαιται ποιῶν), как некоторые понимают отдохновение Бога (τὴν ἀνάπαυσιν τοῦ θεοῦ): ведь Он, будучи благим, если прекратит творить добро, прекратит и быть Богом, о чем и говорить нельзя. Отдыхать (καταπαύκεναι) означает, по установлению, сохранять нерушимым устав вызванного к бытию во всякое время и удерживать (καταπαύκεναι) от древнего беспорядка каждое из творений» (Strom. VI, 16, 141, 7). Ср. «<Душа,> сделавшись целиком духовной, удалившись к родственному, пребывает в духовной Церкви, <устремляясь> к Божию отдохновению (εἰς τὴν ἀνάπαυσιν τοῦ θεοῦ)» (Strom. VII, 11, 68, 5).

О покое Гебдомады, завершающем постижение/познание, говорится и в следующих фрагментах: «Поиск же представляет

собой устремленность к постижению, посредством неких знаков обнаруживающую подлежащее, нахождение же — конец и отдохновение (ἀνάπαυσις) <от> поиска, приведшего в постижению, каковое есть знание» (VI, 15, 121, 4); «где вера, там обетование, исполнение же обетования — отдохновение (ἡ ἀνάπαυσις); так что познание — в просвещении, вершина же познания — отдохновение (ἡ ἀνάπαυσις), что постигается как предел желаний» (Paed. I, 6, 29, 3). Слова из сочинения «Какой богач спасется» — «Я возведу тебя к отдохновению (εἰς ἀνάπαυσιν) и вкушению несказанных и неописуемых благ <...>» (QDS 23, 3) — тоже должны рассматриваться как обетование субботного покоя, поскольку выше Спаситель призывает читателя (очевидно, еще не достигшего знания) следовать за Ним. Сюда же можно отнести фрагмент, в котором содержится намек на Иоанна Крестителя (Ин. 3:29, ср. Лк. 7:28): «“Главный столы-ник” вечери, помощник Жениха на браках, “друг Жениха, вставший перед брачным чертогом, слыша голос Жениха, радуется радостью”. Это его “полнота (τὸ πλήρωμα) радости” и отдохновения (τῆς ἀναπαύσεως)» (Exh. 3, 65, 1–2).

Трижды Климент этим словом характеризует рай, где текут молоко и мед (т. е., обитель, которую можно сопоставить с Гебдомадой): «<...> молоко, будучи совершенным, является совершенной пищей и ведет к не имеющему предела завершению; поэтому и было дано обетование того же самого молока и меда в <райском> отдохновении (κὰν τῇ ἀναπαύσει)» (Paed. I, 6, 36, 1); «<...> молоком, Господней пищей мы, едва родившись, начинаем вскармливаться; а едва возродившись, мы, будучи просвещаемы Евангелием, устаиваемся надежды на отдохновение (τῆς ἀναπαύσεως), на горний Иерусалим, в котором, как написано, текут мед и молоко; посредством материальной мы обручаемся и святой пище» (Paed. I, 6, 45, 1); «если “молочное” младенчество есть начало веры во Христа, а оно оказывается презираемым как ребяческое и несовершенное, каким образом отдохновение <человека> совершенного и облеченного знанием после <вкушения твердой> пищи (ἡ τοῦ τελείου καὶ γνῶστικῆς μετὰ τὴν βρώσιν ἀνάπαυσις) устаивается опять младенческого молока?» (Paed. I, 6, 34, 3–35, 1). О покое Гебдомады речь также идет в «Протрептике» в цитате из Евангелия (Мф. 11:28–30), которой завершается речь Христа: «Я умушу вас маслом веры, благодаря которому вы сбросите с себя тление, и покажу ничем не прикрытое очертание праведности, с помощью которой вы поднимитесь к Богу. *Придите ко Мне, все труждаю-*

щиеся и обремененные, и Я успокою (ἀναπαύσω) вас. Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой (ἀνάπαυσιν) душам вашим, ведь иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Protr. 12, 120, 5).

Имеются четыре случая, где ἀνάπαυσις относится к Огдоаде: «<...> является ли это время тем, что через семь перечисленных периодов возвращает к высочайшему отдохновению (εἰς τὴν ἀκροτάτην ἀνάπαυσιν ἀποκαθιστάς), или семью небесами <...>» (Strom. IV, 25, 159, 2); «<...> Атлас, бесстрастный полюс (πόλος), может означать неподвижный шар, а лучше — недвижимый эон. Но думаю, кивот, получивший свое название от еврейского слова θηβωθά, обозначает скорее что-то другое. <Это слово> переводится “езде одно вместо одного”. Итак, оно истолковывается или как Огдоада и постигаемый умом мир, или как всеохватывающий не имеющий облика безвидный Бог — теперь повременим говорить <об этом>; кроме того, <это слово> имеет значение “отдохновение (ἀνάπαυσιν)” вместе с прославленными духами, на которых намекают херувимы <на ковчеге>» (Strom. V, 6, 36, 3); «под лугом <из Plat. Res. X, 616b> следует понимать неподвижный шар, ухоженное и удобное место и страну благочестивых, а под семью днями — каждое движение семи <планет> и всякое искусство созидания, стремящееся к совершенству отдохновения (εἰς τέλος ἀναπαύσεως)» (V, 14, 106, 3); «<...> отдохновение пневматиков (ἡ μὲν οὖν τῶν πνευματικῶν ἀνάπαυσις), имеющих души, одеяния, в <день> Господень, в Огдоаде, которая называется Господской, у Матери, до завершения (ἄχρι συντελείας)» (Eхс. 3, 63, 1).

Р. Штаатс считает, что Климент играл символом (mit dem Symbol spielt) и называл Огдоаду истинной субботой (Staats 1972: 36). По нашему мнению, в Strom. VI, 14, 108, 1 корректнее говорить об игре с заменой библейской формы κατασκηνώσει из Пс. 14:1 формой καταπαύσουσιν, то есть, словом с приставкой ката- и важным для Климента корнем -παυ-.

Перейдем к рассмотрению фрагмента, где под ἀνάπαυσις подразумевается как покой седьмого, так первого (т. е. восьмого) дня: «Третье же слово <заповедей> объявляет, что мир получил бытие от Бога и Он дал нам седьмой день в качестве отдохновения (ἀνάπαυσιν) из-за страданий в жизни. Бог же не ведает ни усталости, ни страдания, ни нужды; а мы, несущие плоть, нуждаемся в отдыхе. Итак, седьмой день провозглашается отдыхом (ἀνάπαυσις), удержанием от бед, подготавливающим первый день, наше подлинное отдохновение (τὴν τῷ

ὄντι ἀνάπαυσιν), которое воистину — первое возникновение света, в котором все созерцается и все наследуется» (Strom. VI, 16, 137, 4–138, 1). Отнесение слова ἀνάπαυσις к седьмому и восьмому дню вызывает в памяти ветхозаветный стих: «А в пятнадцатый день седьмого месяца, когда вы собираете произведения земли, празднуйте праздник Господень семь дней: в первый день покой и в восьмой день покой (τῇ ἡμέρᾳ τῇ πρώτῃ ἀνάπαυσις, καὶ τῇ ἡμέρᾳ τῇ ὀγδόῃ ἀνάπαυσις)» (Лев. 23:39).

Вероятно, о высшем блаженстве идет речь в следующем фрагменте: «Отсюда <знание> легко переселяет душу к тому, что ей родственно, к божественному и святому, и посредством некоего собственного света переправляет человека через мистические преуспевания, пока он не будет возвращен в высшее место отдохновения <...>» (Strom. VII, 10, 57, 1). Здесь, по словам И. Рамелли, «Климент изображает совершенство души, наделенной “гносисом”, который обитает в том, что божественно и свято, как “апокатастасис или возвращение к высшему месту отдохновения”, εἰς τὸν κορυφαῖον ἀποκαταστήσῃ τῆς ἀναπαύσεως τόπον. Это будет означать видеть Бога “лицом к лицу” с чистым сердцем. “Отдохновение” или ἀνάπαυσις, которое Климент здесь относит к *apokatastasis*, напоминает мне об отдыхе и утешении (ἀνάψυξις), исходящих от “лица Господа”, что связано с “универсальным апокатастасисом” (ἀποκατάστασις πάντων) в Деяниях 3:20 сл., в речи Петра» (Ramelli 2010: 243).

Особо следует выделить фрагмент: «Посредством каковой любви <происходит> и восстановление в надежде, каковое отдохновение (ἀνάπαυσιν), по словам апостола в другом месте, предназначено нам» (Strom. II, 22, 134, 4). А. Иттер, комментируя это место, пишет: «Для Климента жить в надежде — значит быть уже восстановленным, потому что человек получил обещание того, что ожидает его в загробной жизни, как настоящую реальность, то есть здесь и сейчас. “Такой человек получил покой (ἀναπαύσθαι), обретя надежду, на которую он рассчитывал”, и это Климент также называет “восстановление обетования (τῆς ἐπαγγελίας ἀποκατάστασιν)”. Этот покой основан на надежде и обетовании покоя, и, кроме того, он может быть обретен, пока мы еще находимся в наших телах. Повторим, что это прерогатива одного лишь гностика. Поэтому Климент помещает надежду в контекст восстановления, подчеркивая ее двойственный характер. Опираясь на Рим. 6:22 и 5:4, Климент описывает, как Павел говорил о двойной надежде:

как на то, что ожидается, так и на то, что получено. Это и есть “восстановление надежды” (τὴν τῆς ἐλπίδος ἀποκατάστασιν). Именно в этой двойной надежде, пребывая в которой, жизнь надежды также должна быть восстановлена в надежде (in which living the life of hope is also to be restored in hope), Климент видит наше наиболее полное уподобление Христу. Такое состояние жизни в будущем, как если бы оно уже существовало, является идеальным состоянием покоя, и его можно достичь, живя в соответствии с заповедями Бога» (Itter 2009: 212). Таким образом, в отдельных случаях «отдохновение» может обозначать не только покой в Царствии Небесном, но и покой, достигаемый гностиком в этой жизни.

О том, что под ἀνάπαυσις может подразумеваться не конечный, а начальный покой, говорит место из «Пророческих эклог»: «<...> в прошлом Он поставил первозданных ангелов еще не для служения тому, кто определен в соответствии с промыслом, но для пребывания в покое (ἐν ἀναπαύσει), лишь созерцая Бога» (Ecl. 56, 7).

Мы видим, что Климент не считал для себя необходимым использовать разные слова для обозначения покоя Гебдомады и Огдоады и, подобно Аристотелю с его «первой» и «второй сущностью», довольствовался лишь добавлением определения к термину. Можно выделить три состояния, которые Климент обозначает словом ἀναπαύσις: 1) первоначальное состояние ангелов (и покой уже в нашем мире истинных гностиков), 2) покой в раю Гебдомады, 3) подлинный покой гностиков в Огдоаде. В большинстве случаев этой лексемой Климент характеризует покой в Гебдомаде.

В Новом Завете слово ἀνάπαυσις встречается 5 раз (Мф. 11:29; 12:43; Лк. 11:24; Откр. 4:8; 14:11), слово κατάπαυσις — 9 раз (Деян. 7:49; Евр. 3:11, 18; 4:1, 3 (bis), 5, 10, 11) (Schmoller 1994: 37, 273). В Септуагинте, по нашим подсчетам, ἀνάπαυσις (со значением “*repose, rest; resting place; day of rest (Sabbat); (moment) until the (time of) rest*” (Lust, Eynikel, Hauspie 1992: 31)) используется 58 раз, κατάπαυσις (со значением “*rest; resting-place*” (Lust, Eynikel, Hauspie 1996: 241)) — 12 раз. У Платона дважды встречается слово ἀνάπαυσις (Phileb. 51a; Tim. 59c). У Плутарха — 23 раза, у Филона — 14. Р. М. Джонстон отмечает, что последний заменяет библейский глагол καταπαύειν (Быт. 2:2–3, Исх. 20:11) глаголом ἀνάπαυσις (Johnston 2011: 322). Слово κατάπαυσις у этих авторов, труды которых Климент знал и использовал, отсутствует. Возможно, последнее обстоятель-

ство и предопределило бóльшую частотность слова ἀνάπαυσις у Климента.

Терминологическое совпадение обозначений изначального покоя, покоя Гебдомады и Огдоады ставит перед нами заслуживающий специального исследования вопрос: насколько принципиальным Климент мыслил различие между состоянием Адама до грехопадения и обожением гностиков.

Литература

- Choufrine, A. M. 2013: *Gnosis, Bogoyavlenie, Obozhenie: Kliment Aleksandriysky i yego istochniki* [*Gnosis, Theophany, Theosis: Studies in Clement of Alexandria's Appropriation of His Background*]. Moscow.
- Шуфрин, А. М. 2013: *Гносис, Богоявление, Обожение: Климент Александрийский и его источники*. Пер. с англ. В. Р. Рокитянского. 2-е изд. испр. и доп. М.
- Clément d'Alexandrie. 1965: *Le Pédagogue*. Livre II. Trad. de C. Mondésert. Notes de H.-I. Marrou. Paris: Les editions du Cerf.
- Helderman, J. 1984: *Die Anapausis im Evangelium Veritatis. Eine vergleichende Untersuchung des valentinianisch-gnostischen Heilsgutes der Ruhe im Evangelium Veritatis und in anderen Schriften der Nag Hammadi-Bibliothek*. Leiden: E. J. Brill.
- Itter, A. C. 2009: Esoteric teaching in the *Stromateis* of Clement of Alexandria. In: *Supplements to Vigiliae Christianae. Texts and Studies of Early Christian Life and Language*. Leiden, Boston: Brill. Vol. 97.
- Johnston, R. M. 2011: The Sabbath as metaphor in the second century C. E. In: *Andrews University Seminary Studies*. 49. № 2, 321–335.
- Lust, J., Eynikel, E., Hauspie, K. 1992: *A Greek-English Lexicon of the Septuagint*. Compiled by J. Lust, E. Eynikel, K. Hauspie with the collaboration of G. Chamberlain. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft. Part I.
- Lust, J., Eynikel, E., Hauspie, K. 1996: *A Greek-English Lexicon of the Septuagint*. Compiled by J. Lust, E. Eynikel, K. Hauspie. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, Part II.
- Osborn, E. F. 1957: *The Philosophy of Clement of Alexandria*. Cambridge: At the University Press.
- Ramelli, I. Stromateis VII and Clement's hints at the theory of apokatastasis. In: *The seventh book of the Stromateis: Proceedings of the Colloquium on Clement of Alexandria* (Olomouc, October 21–23, 2010). M. Havrda, V. Hušek, J. Plátová (eds). Leiden; Boston: Brill, 239–257 (= Supp. to *Vigiliae Christianae*, vol. 117).
- Schmoller, A. 1994: *Handkonkordanz zum griechischen Neuen Testament*. Bearbeitet von B. Koester. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft.
- Stählin, O. 1901: *Clemens Alexandrinus und Septuaginta*. Nürnberg: Buchdruckerei von J. L. Stich.
- Staats, R. 1972: Ogdoas als ein Symbol für die Auferstehung. In: *Vigilia Christiana* 26, 29–52.

И. В. Хорькова

(Московский гос. лингвистический университет)

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЕ «ADVERSUS NATIONES»: ВАЛЕРИЙ АНЦИАТ

Важная проблема античного источниковедения — правомерность использования материалов, содержащихся в трудах поздних авторов, для реконструкции ранней истории. В статье предпринимается детальный анализ нескольких этиологических римских мифов в изложении христианского автора IV в. Арнобия Афры с целью выявления источников и определения степени достоверности информации. На основе сравнения параллельных отрывков делается вывод о знакомстве Арнобия с анналистической традицией.

Ключевые слова: ранняя римская история; этиологический миф; римские анналисты; христианские апологеты; источниковедение; римская религия.

I. V. Khorkova

(Moscow State Linguistic University)

On the source base of “Adversus nationes”: Valerius Antias

An important issue facing ancient source studies is the legality of using the materials contained in the works of later authors for the reconstruction of early history. In this article, we offer a detailed analysis of several fragments from the early semi-legendary Roman history as presented by the fourth-century Christian author Arnobius in order to identify the sources and determine the degree of reliability of the information.

The first fragment about the purification from lightning is associated in the text of Arnobius with the name of the younger annalist Valerius Antias. The text analysis allows us to speak about Arnobius familiarity with the annalists tradition, but does not allow us to call the Annals of Valerius Antias a direct and significant source of the apologist. Probably the name of Valerius Antias was mentioned in several fragments of Arnobius essays. A comparison of fragments from the work of Arnobius and other ancient authors, as well as the very nature of the analyzed information, allows us to conclude that the works of annalists were used indirectly and that the material under study was of considerable antiquity.

Keywords: early Roman history; etiological myth; Roman annalists; Christian apologists; source studies; Roman religion.

Важным вопросом, стоящим перед античным источниковедением, является правомерность использования для реконструкции ранней истории материалов, содержащихся в трудах поздних авторов. В настоящей статье мы предлагаем детальный

анализ нескольких фрагментов из ранней полулегендарной римской истории в изложении христианского автора IV в. Арнобия Афры с целью выявления его источников и определения степени достоверности информации.

Пятая книга труда Арнобия «*Adversus nationes*» (Против язычников) содержит этиологический миф, повествующий о средствах очищения от молнии, которые стали известны второму римскому царю Нуме (AN V,1). Сам по себе сюжет не оригинален. Сходная информация имеется в «Параллельных жизнеописаниях» Плутарха в главе, повествующей о Нуме (Plut. Numa 15) и в «Фастах» Овидия (Fasti III: 261–396). Для начала сравним материал этих фрагментов.

Вот что сообщает Арнобий. Царь Нума не знал средств очищения от молнии, поэтому по совету нимфы Эгерии, отправил двенадцать непорочных юношей, снабдив их веревками, к месту водопоя Фавна и Марсова Пика. Рядом с этим местом он оставил вино с медом. Фавн и Пик, придя к тому месту, где они обычно утоляли жажду, обнаружили вино, изрядно выпили и уснули. Двенадцать юношей связали двух уснувших, а при пробуждении их Нума стал спрашивать об интересующем его предмете. В обмен на свою свободу они объявили Нуме, как можно вызвать Юпитера с неба. Затем Нума совершил жертвоприношение на холме Авентин, вызвал с неба Юпитера и спросил его о способах очищения от молний. И тогда состоялся весьма примечательный диалог между богом и царем. Юпитер сказал: «Ты будешь очищать пораженное молнией место головой (*capite*)». Царь ответил: «Луковой (*саерісіо*)». Юпитер опять: «Человеческой (*humano*)». Царь возразил: «Но волосом (*сарілло*)». Бог возразил: «Одушевленной (*animali*)». «Мелкой морской рыбешкой (*маена*)», — прибавил Помпилий (AN V, 1)¹. Юпитер понял, что Нума пытается перехитрить его неопределенностью слов, и согласился принимать очищение от молнии посредством приношения в жертву головки лука, человеческих волос и мелкой рыбки.

Этот рассказ приведен Арнобием с целью обличить Юпитера, верховного римского бога, в глупости. Однако сквозь сарказм проступает и некое недоумение, неужели язычники не понимают, как глупо выглядит их небесный покровитель. Между тем, описанный фрагмент отражает ту достаточно распространенную для языческого культа ситуацию, когда миф

---

¹ Перевод автора статьи.

возникает из существующей и уже непонятной современникам религиозной практики. По утверждению А. Ф. Лосева, «в каждой мифе необходимо отыскивать как рудименты, то есть остатки прежних эпох в той или иной степени своей интенсивности, так и ферменты того нового, что возникает в дальнейшем развитии данного мифа» (Losev 1996: 24). В данном отрывке мы видим несколько разновременных пластов. Средний из них — это жертвенный набор для очищения пораженных молнией участков: головка лука, человеческие волосы и мелкая морская рыбка. Сам состав этого жертвенного набора может свидетельствовать о замене им первоначальной человеческой жертвы. «Всякое сравнение в мифе всегда указывает на бывшее тождество», по словам того же А. Ф. Лосева (Losev 1996: 31). О том же свидетельствует прослеживаемая в мифе настойчивость Юпитера, желающего получить в качестве жертвы именно человеческую голову. То есть первоначально для очищения от молнии требовалось приношение человеческой головы, и память об этом еще была жива в народе. И это древнейший пласт рассматриваемого материала. Наиболее поздним можно считать само мифологическое оформление, объясняющее состав жертвенного набора спором между богом и царем, который воспользовался неопределенностью слов в свою пользу.

В параллельном отрывке из Плутарха действие происходит на Авентинском холме, где был источник, из которого обычно пили Пик и Фавн. Они владели тайнами колдовских заклинаний и снадобий. Римский царь подмешал вино и мед к воде источника, благодаря чему смог взять богов в плен. Пленники многократно меняли свой облик, но, оказавшись в безвыходном положении, предсказали Нуме будущее и сообщили, как надо производить очищение от молнии при помощи лука, волос и рыбешек. Плутарх упоминает и другую версию, более близкую к арнобиевой. Пик и Фавн своими заклинаниями вызвали с неба Юпитера, который и сообщил в гневе, что очищение следует производить головами. «Луковичными?» — подхватил Нума. «Нет. Человеческими...» — начал Юпитер. Желая обойти это ужасное распоряжение Нума быстро переспросил: «Волосами?» — «Нет живыми...» — «Рыбешками (μαίνισι)», — перебил Нума, наученный Эгерией² (Numa 15). Плутарх добавляет, что Юпитер милостиво согласился с Нумой, поэтому место, где

---

² Перевод С. П. Маркиша.

это происходило, названо Элицием (от греч. ἐλεέω ‘сочувствовать’). Следует сразу отметить, что это типичный случай римской ученой этимологии.

Сообщение Плутарха содержит детали, которых нет у Арнобия, а само сообщение нашего апологета является одной из версий у Плутарха. Однако Плутарх не сообщает об участии в событиях двенадцати юношей по сравнению с Арнобием. Таким образом, факты параллельных сообщений не совпадают полностью, поэтому мы не можем говорить о непосредственном заимствовании рассматриваемого материала Арнобием у Плутарха. В то же время греческое слово μαῖνη, означающее «мелкая рыба, анчоус», употребленное Плутархом в диалоге Нумы с Юпитером, есть у Арнобия в латинском варианте — таена.

«Фасты» Овидия относят интересующую нас информацию к мартовскому шествию Салиев. Действие происходит уже не на Авентине, а в дубовой роще под Авентином. Здесь Нума приносит овцу в жертву ручью, выставляет кубки с вином и скрывается в пещере со свитой. Опьяненные боги засыпают и попадают в западню. Нума просит их помочь, они заклинаниями привлекают с неба Юпитера, который в связи с этим приобретает эпитет Элиций (Elicius от *elicere* — вызывать магическими средствами). Далее следует диалог Нумы с Юпитером, который выглядит следующим образом. Юпитер сказал: «Отсеки голову (*caede caput*)». Царь ему ответил: «Мы подчинимся. Нам следует отрубить на моем огороде выкопанную луковицу». Бог добавил: «Человека». Тот сказал: «Ты возьмешь волосы (*capillos*)». Бог потребовал душу. Нума сказал ему: «Рыбы (*piscis*)³». Юпитер соглашается, удивленный изворотливостью Нумы, и обещает дать залог его власти на следующий день (*Fasti* 285–344). На этом повествование Овидия не заканчивается, как у двух предыдущих авторов. Дальше следует рассказ о падении с неба священного щита (*ancile*), изготовлении кузнецом Мамурием одиннадцати копий и учреждении шествия салиев (*Fasti* 345–390).

В связи с этим становится понятным упоминание Арнобием двенадцати непорочных юношей, которых Нума послал для поимки Фавна и Пика. Как известно, жреческая коллегия салиев (плясунов) включала две группы по 12 человек (*Salii Palatini* и *Salii Collini*) и комплектовалась из детей патрициев. Салии

---

³ Переработанный перевод Ф. А. Петровского.

совершали особый обряд именно на Авентине. Арнобий прямо не связывает рассматриваемый сюжет с коллегией салиев. По всей видимости, эта связь была зафиксирована у его информатора. Для манеры изложения Арнобия характерно, что излагая тот или иной материал, он часто опускает детали.

Итак, сопоставление фактического материала Арнобия с двумя другими авторами не дает возможности говорить о прямом заимствовании.

Сам мифологический материал представляется весьма интересным. Фавн и Пик являются древнейшими римско-италийскими божествами, вовлеченными в легендарную римскую историю. Фавн, а иногда и в виде множества — фавны — почитались как боги леса, которые давали прорицания в шуме листвы или во сне тем, кто спал в лесу. Фавны чествовались как защитники стад от волков во время Фауналий и Луперкалий, древнейших римских праздников (Štaerman 1985: 112–113). Пик (picus — дятел) назывался Martius (Марсов). Марсов Пик, посвященный Марсу дятел, давал пророчества авгуру; от него получило свое название племя пиценов (Štaerman 1985: 113). То есть Пик является эпонимным героем и связан с тотемизмом. Пик также считался богом лесов и полей, сыном Сатурна, отцом Фавна, дедом Латина (Serv. Aen., IX 4; X 76). Упоминание этих римско-италийских богов в рассматриваемом сюжете у Арнобия позволяет говорить о том, что мы имеем дело с архаическим пластом римской мифологии. По замечанию А. Ф. Лосева, «поздние авторы в целях реставрации старинной мифологии часто пользуются как раз наиболее старыми мифами» (Losev 1996: 10).

Что сам Арнобий говорит о своем источнике информации? В самом начале первой главы пятой книги автор адресует читателей к «достоверным, серьезным и скрупулезным историческим сочинениям» (AN V, 1, 1), а ниже более конкретно ссылается на «вторую книгу Анциата» (in secundo Antiatis libro). Имеется в виду младший анналист Валерий Анциат, историк I в. до н.э. Его основное сочинение называлось Annales или Historiae и насчитывало не менее 75 книг (Sobolevsky 1959: 248). Общее отношение к сочинениям младших анналистов в научной среде негативно. Их часто обвиняют в фальсификациях, преувеличениях и увлечении риторикой. Однако современные исследователи полагают, что В. Анциат мог в своем труде использовать сенатские и понтификальные записи (Sidorovich 2005: 145).

Рассматриваемый нами фрагмент из сочинения Арнобия полностью внесен в *Annalium Fragmenta* (fr. 6) в фундаментальном труде Г. Петера «Фрагменты римских историков» (Peter 1883: 153). При этом не следует забывать, что Арнобий часто ссылается не на свой непосредственный источник, а на тех авторов, которых этот источник использовал. Можно ли с достаточной долей уверенности говорить о непосредственном заимствовании Арнобием рассматриваемого материала из *Анналов* Валерия Анциата?

Для решения этого вопроса обратимся к трудам античных авторов, которые также ссылаются на Валерия Анциата. Прежде всего, это Плиний Старший, который со ссылкой на вторую книгу Валерия Анциата рассказывает об оставшихся после Нумы Помпилия книгах. Сочинение Анциата упомянуто среди других авторитетных произведений: *Комментариев* Пизона Цензория, сочинения Тудитана и *Древностей* Варрона (Plin. HN XIII 87). Макробий тоже ссылается на вторую книгу Анциата, в связи с упоминанием о Нуме (Macr. Sat. I 4, 7; I 13, 20). Г. Петер относит к заимствованиям из второй книги В. Анциата также два фрагмента из сочинений Плутарха и Ливия, по-видимому, из-за того, что речь в них также идет о книгах Нумы, хотя отсылки ко второй книге в тексте нет (Peter 1883: 153–154).

Плутарх сообщает, что по распоряжению самого Нумы его похоронили у подножия Яникула вместе со священными книгами. В гробу было 12 жреческих и 12 философских книг на греческом языке, о чем повествует Анциат (Plut. Numa 22). У Ливия этому посвящен более объемный фрагмент. На поле писца Луция Петилия у подножия Яникула были найдены два каменных ящика с латинскими и греческими надписями, в которых сообщалось, что здесь погребен царь Нума Помпилий, сын Помпона, и его книги. Книги представляли собой две обмотанные бечевкой связки: в одной — 7 латинских книг о понтификах, в другой — 7 греческих о философии. «Валерий Анциат добавляет, что книги те были пифагорейскими, но это лишь правдоподобная выдумка в подкрепление ходячему мнению, будто Нума был учеником Пифагора»⁴ (Liv. XL 29). Было признано, что книги подрывают основы благочестия, а потому они были сожжены. Как видим, оба автора ссылаются на сочинение Анциата, в то же время количество найденных книг у них различается. Что касается самих книг Нумы, найденных в

---

⁴ Перевод И. И. Маханькова.

181 г. до н. э., то современные исследователи считают их подделкой, созданной на злобу дня (Livius 1993: 704).

Итак, можно с большой долей уверенности сказать, что вторая книга Анналов Валерия Анциата повествовала о царствовании Нумы Помпилия, второго римского царя, подтверждение чему мы находим у четырех античных авторов.

Как известно, сочинение Валерия Анциата было одним из основных источников Тита Ливия в его фундаментальном труде «История от основания города». Между тем, мы не находим там рассматриваемой легенды о Нуме и Юпитере. В 20 главе первой книги, рассказывая об учрежденных Нумой жреческих коллегиях, в том числе салиев, Ливий далее сообщает, что Нума посвятил алтарь на Авентине Юпитеру Элицию (Iovi Elicio) в связи со знаменьями, посылаемыми молниями. То есть здесь как раз самое место для нашей легенды. Однако Ливий отмечает, что Нума задал свои вопросы о молниях через авгурии (auguriis) (Liv. I 20). Остается только гадать, почему историк не привел легенду Анциата, о которой по всей видимости знал. Возможно, он счел сюжет слишком фантастичным для упоминания. Отметим, что другие авторы, которые не пренебрегли этим сюжетом, также отмечали его неправдоподобие. Плутарх пишет: «Но все превосходит нелепостью рассказ о встрече Нумы с Юпитером» (Plut. *Numa* 15). Арнобий называет эту легенду «нелепой басней» (Arn. *AN V* 1), хотя конечно его к этому обязывает положение христианского апологета.

Следует отметить точку зрения А. И. Садова, который обращает внимание на сокращенную форму *Infinitivus perfecti activi* — *dixe*, вместо *dixisse*, имеющуюся в рассматриваемом фрагменте Арнобия: «*Iovem diu cunctatum: Expiabis — dixе — capite fulgurita; regem respondisse...*» (Arn. *AN V* 1). Исследователь считает ее реликтом архаической латыни (Sadov 1917: 391). Это наблюдение могло бы говорить в пользу прямого заимствования Арнобием материала у Анциата. Однако упоминание имени Валерия Анциата Арнобием единично, что не дает возможности отнести его к основным источникам «Adversus nationes». Правда, у Арнобия есть еще два не вполне ясных упоминания имени Валерий. Первое из них содержится, как и интересующий нас фрагмент, в пятой книге. Подробно рассказывая о культе и мифологии Матери богов, Арнобий ссылается на понтифика Валерия (*AN V* 7). Н. М. Дроздов предполагает, что под этим именем скрывается или Валерий Флакк (I в. н. э.), член коллегии пятнадцати для священнодействий, или Валерий

Анциат (Arnobius 2008: 284). В то же время маловероятно, чтобы Анциат был понтификом. Считают, что он был клиентом Л. Валерия Флакка, консула 100 г., который и открыл ему доступ к понтификальным записям (Sidorovich 2005: 145). В рассказе о раскопанных книгах Нумы и у Плиния, и у Ливия упоминаются понтификальные книги. Возможно поэтому Арнобий приписывает Валерию Анциату титул понтифика. Во всяком случае, эта ссылка остается сомнительной.

Другой фрагмент, где можно предположить упоминание Валерия Анциата, весьма примечателен. Это седьмая глава VI книги «*Adversus nationes*», где излагается материал о могиле Ола Вулцентана. Предваряется сообщение риторическим вопросом: «Кто из людей не знает, что в Капитолии господствующего народа находится могила Ола Вулцентана (*Oli Vulcentani*)?» (Arn. AN VI 7). Далее Арнобий рассказывает, что из основания Капитолия была выкопана человеческая голова одна или вместе с телом и снова была погребена, чтобы удостоверенное знамение осталось неизменным. Так Капитолий (*Capitolium*) получил название от головы Ола или Авла (*Oli capite*). Писатели сообщают, чей он был сын, из какого рода и племени, почему он был лишен жизни рукой молодого раба, чем заслужил от своих граждан, что его даже не похоронили в родной земле (Arn. AN VI 7).

О том, что при закладке храма на Капитолии была найдена человеческая голова, и это было истолковано как благоприятное предзнаменование для Рима, известно многим античным авторам. Однако детали этой истории сильно разнятся. Начнем с наиболее ранних авторов.

Варрон сообщает, что Рим основан на семи холмах (*Septimontium*), а один из холмов назван Капитолием, поскольку при закладке святилища Юпитера была найдена человеческая голова (*caput humanum*). А прежде этот холм назывался Тарпейским по имени девы-весталки Тарпейи, которая была убита сабинянами и похоронена здесь (*Vr LL V 41*).

Тит Ливий, повествуя о царствовании Тарквиния Гордого, рассказывает, что, захватив Габии, царь решил выполнить обет отца и построить на Капитолии, на Тарпейской горе, храм Юпитера. На нужды строительства он отвел добычу от захвата Помеции. При закладке храма землекопы нашли человеческую голову с невредимым лицом (*integra facie*). Это, по мнению римских и призванных из Этрурии прорицателей, предвещало данному месту будущее оплота державы и главы мира (*Liv. I*

55). Количество деталей увеличивается. Действие происходит во времена Тарквиния Гордого, последнего римского царя, после захвата города Габии. Голова оказывается нетленной. Для истолкования знамения призываются римские и этрусские прорицатели.

Современник Ливия Дионисий Галикарнасский излагает еще более полную версию случившегося. После разгрома габийцев Тарквиний решил дать передышку народу и исполнить обеты деда, который поклялся возвести храмы Юпитеру, Юноне и Минерве. Тарквиний отвел на это предприятие десятую долю добычи из Суессы. В процессе закладки глубоко под землей нашли голову недавно убитого человека, у которого лицо было как живое, а кровь еще теплой и свежей. Тарквиний немедленно отправил посольство к этрускам, опытным толкователям знамений, с целью прояснить смысл этого явления. По дороге посольство встретило юношу, который оказался сыном гаруспика. Выяснив цель посольства, он дал римлянам совет, как избежать нежелательных последствий двусмысленных вопросов отца. Когда послы добрались до гаруспика и подробно рассказали о случившемся при закладке храма, он стал чертить у себя под ногами чертежи, якобы для выяснения подробностей, тыкать в них жезлом и спрашивать, где именно была найдена голова, не здесь ли. Наученные сыном гаруспика римляне на все эти хитрости отвечали, что голова была найдена на холме в Риме. Испробовав все возможные уловки, гаруспик сдался и сообщил посольству, что место, где была найдена голова, станет главой всей Италии. С этого времени холм по найденной на нем голове называется Капитолийским, поскольку римляне называют головы *capita* (Dion. AR IV 59–61).

Некоторые детали версий Ливия и Дионисия различаются. По Ливию, царь призывает этрусских прорицателей в Рим, по Дионисию, — отправляет посольство к этрусскому гаруспику. По Ливию, закладывается храм Юпитера, по Дионисию, храм капитолийской триаде — Юпитеру, Юноне, Минерве. По Ливию, храм строится на средства от пометийской добычи, по Дионисию, — от добычи из Суессы.

Два последних несоответствия могут быть разрешены следующим образом. Капитолийский храм был посвящен капитолийской триаде и разделен на три целлы: центральная целла была отдана Юпитеру, левая — Юноне, правая — Минерве. Разумеется Тит Ливий знал об этом, но вероятно упоминает только о Юпитере как главном божестве триады. Последнее

несовпадение касательно названий разрешается без труда. Полное название города вольсков в Лации — Суесса Пометия (Suessa Pometia). Ливий употребляет первое название города, Дионисий — второе.

Тем не менее, мы не можем говорить об идентичности рассматриваемых фрагментов Ливия и Дионисия, тем более что у Ливия полностью отсутствует рассказ о хитростях гарусника и о его сыне. Однако именно эта деталь может оказаться полезной при определении источника Арнобия.

Похожий рассказ имеется в «Естественной истории» Плиния. В отличие от ранее рассмотренных версий Плиний называет местом нахождения головы Тарпейский холм. Посольство римлян направляется в Этрурию к знаменитому прорицателю Олену Калену (Olenus Calenus). Далее происходит известный разговор между римскими послами и гарусником, который пытается запутать римлян ради блага Этрурии. Рассказ приведен Плинием как пример силы знамения (Plin. HN XXVIII, 15). Отметим, что здесь впервые названо имя прорицателя. Предположительно, Плиний почерпнул свою версию из *Анналов* Л. Кальпурния Пизона, поскольку в начале главы ссылается на этого последнего в связи с другим вопросом (Plin. HN XXVIII, 14).

Интересующий нас сюжет имеется в сочинениях двух поздних авторов — Аврелия Виктора и Сервия Гонората. Фрагмент, зафиксированный Аврелием Виктором, интереса не представляет. Там конспективно излагается версия Ливия о нахождении человеческой головы при закладке храма на Капитолии и благоприятном истолковании этого знамения (Aur. Vict. VI 8,4).

Что касается комментатора Сервия, то здесь мы имеем самую полную версию нашего сюжета, однако относящуюся совсем к другому имени. Обширный комментарий Сервия относится к стиху 345 и далее в восьмой книге «Энеиды» Вергилия, где говорится:

Лес Аргилетский Эвандр показал и, поклявшись священным
Этим местом, гостям о кончине Арга поведал;
Дальше к Тарпейской горе он повел их — теперь Капитолий
Блещет золотом там, где тогда лишь терновник кустился.

(Перевод С. А. Ошерова)

В связи с этим Сервий рассказывает о происхождении названия Argiletum⁵, приводя несколько версий. С точки зрения рассматриваемой проблемы интересна следующая: когда закладывался фундамент Капитолия, была найдена голова человека, которого звали Ол (Olus). Было направлено посольство к гаруспику Туску (этруску), который уже определил, что тому месту, где найдена голова, суждено править миром, и рассказал об этом своему сыну Аргу. Посольство встретило по дороге Арга, который убедил послов остерегаться вопросов отца, дабы не быть введенными в заблуждение. Прорицатель желал славы своей родине, а не Риму, поэтому спросил послов, не здесь ли найдена была голова, указывая на то место, где стоял. Послы дали отрицательный ответ. Тогда гаруспик спросил, не встретили ли они кого-нибудь по дороге, догадавшись о предательстве сына. Они в простоте сознались. Тогда прорицатель убил Арга на том месте, где теперь находится Рим, отсюда название — Argiletum (Serv. Aen. VIII 345). Однако, прибавляет Сервий, эта история часто приписывается другому имени.

Итак, в изложении Сервия соединены несколько сказаний. Первое касается имени Арг, к которому возводили название Аргилет. Второе этимологически связывает название Капитолий с головой Ола (Oli caput). Обе легенды топонимически связаны с Капитолием и Тарпейской скалой. Последнее замечание Сервия о том, что изложенный им рассказ о предательстве и убийстве сына гаруспика Арга часто приписывается другому имени, имеет в виду именно Ола или Авла (Aulus) Вулцентана, упомянутого Арнобием. Тогда становятся понятны намеки Арнобия на то, что известно, чьим сыном был Ол, из какого рода и племени происходил, почему был лишен жизни и не заслужил чести быть похороненным в родной земле. Интересно также вспомнить имя Olenus, упомянутое Плинием и созвучное Olus.

Что сам Арнобий говорит о своем источнике информации в рассматриваемом фрагменте? Наш автор называет четыре имени: Саммоник, Граний, Валериан и Фабий. Валериан — это предположительно и есть Валерий Анциат. Ф. Урсин полагает, что в рукописи «Adversus nationes» по ошибке переписчика совмещены имя и этникон, поэтому Valerianus следует читать как Valerius Antias (Arnobius 1875: 219). Эту точку зрения разделяет исследователь труда Арнобия А. Зитте (Sitte 1970: 99).

---

⁵ Argiletum в исторические времена называлась часть Рима между Subura и Forum Romanum.

Такой вывод подкрепляется еще и тем, что в пятой книге Арнобий уже ссылался на Анциата и тоже в связи с мифом о человеческой голове.

Что касается остальных названных Арнобием имен, то под Саммоником, вероятно, скрывается автор II–III вв. С. Серен, на которого также ссылается Макробий (Sat., 3, 16, 6; 17, 4). Гранием наш автор именует Грания Флакка, теолога I в. до н.э., толкователя римских сакральных книг, о котором сообщает Цензорин (De die nat., 3, 22). Наконец, под Фабием следует понимать старшего анналиста Кв. Фабия Пиктора, знатока культовых вопросов. Отметим достаточную авторитетность по вопросам римской религии всех означенных авторов.

Исследователи труда Арнобия придерживаются различных мнений на происхождение рассматриваемого фрагмента. В. Каль считает, что Арнобий использовал компендиум «О началах города Рима» (Kahl 1889: 720). Поскольку сам компендиум до нас не дошел, это чисто гипотетический вывод о промежуточном источнике и ничего не меняет, поскольку мы хотим максимально приблизиться к первоисточнику. Не более убедительным представляется предположение другого автора — А. Зитте, который называет в качестве источника несохранившуюся христианскую апологию (Sitte 1970: 99).

Как можно прокомментировать материал рассмотренного фрагмента? Отрывок повествует о времени правления последнего римского царя — Тарквиния Гордого. Действие разворачивается вокруг строящегося храма капитолийской триаде. Как и во фрагменте про спор царя Нумы с Юпитером, большое значение придается формальному признаку — произнесению определенных слов, что характерно для периода господства магии. Не дух, но буква определяют судьбы Рима. Обретение нетленной человеческой головы и Рим как глава мира суть представления, характерные для гомеопатической магии. Косвенно это говорит о значительной древности рассмотренного материала.

Главным авторитетом для Арнобия по этимологическим вопросам был Марк Теренций Варрон. Именно его этимологии Арнобий чаще всего использует в своем труде (Khor'kova 2018: 1321). Однако в рассматриваемом фрагменте Арнобий явно ориентируется на другую версию, так как Варрон в «De lingua latina» сообщает, что Argiletum — или от Арга из Ларисы, который здесь похоронен, — или от argilla (белая глина) (Vr LL 5,157). Конечно, мы не располагаем материалами фундамен-

тального труда Варрона «*Antiquitates rerum divinarum et humanarum*», которым, вероятно, пользовался Арнобий, и где могла быть зафиксирована версия про Ола Вулцентана. Во всяком случае, исходя из имеющихся в нашем распоряжении источников, мы не можем отнести рассматриваемый отрывок Арнобия к заимствованиям из сочинений Варрона.

С другой стороны, если считать источником Арнобия в данном фрагменте Анналы В. Анциата, нельзя не остановиться на отрывке из «Естественной истории» Плиния, который гласит: по сообщению Анциата, царь Л. Тарквиний, заняв латинский город Апиолы (*oppidum Latinorum Apiolas captum*), начал стройку на Капитолии на средства от захваченной добычи (HN III, 9). Здесь отчетливо прослеживается этимология *Capitolium* — от *captae Apiolae*, не встречающаяся больше ни у кого из рассмотренных авторов. Правда, анналисты и антиквары зачастую приводят несколько версий одной и той же легенды.

Обратим внимание на то, что ни один из античных авторов, кроме Арнобия, не называет Ола Вулцентаном и не говорит о его смерти от руки молодого раба. Эти детали приводит только Арнобий, что указывает на оригинальность его источника. В то же время именно Валерий Анциат часто приводит версии, отличающиеся от общепринятых, о чем упоминают авторы более позднего времени (Sidorovich 2005: 144). По мнению И. Л. Маяк, расхождение между информацией Анциата и других авторов «объясняется не его злокозненностью, а неизвестными нам версиями античной традиции» (Mayak 2015: 151). Между тем, это второе имя, названное Арнобием — *Volcentanus* или *Vulcentanus*, вероятно, имеет связь с богом огня и кузнецов — *Vulcanus* и римским именем (*nomen*) — *Vulcatius*, в свою очередь отсылающими нас к этрусским древностям (*DELL Vulcanus*). Этрусский *Velxans*, как и римский Вулкан, связан с подземным огнем, но и с подземными силами вообще (Timofeeva 1980: 75). В связи с этим не праздным представляется упоминание в рассматриваемой легенде этрусского гарупика с эпонимным именем Туск или Олен Кален, а также нахождение нетленной головы под землей. Однако этот материал требует отдельного исследования.

Следует вернуться к названным Арнобием именам своих информаторов. Вероятно, Арнобий не напрасно указывает четыре имени, а не ссылается единственно на В. Анциата в рассматриваемом фрагменте. Скорее всего, наш апологет суммиро-

вал версии своих предшественников и записал резюме, сохранив в то же время оригинальные детали.

Отметим, что и в первом, и во втором рассмотренных фрагментах речь идет об отсеченной голове и точности слов. Это может указывать на характер использованного Арнобием источника, составленного как подборка тематических примеров.

Итак, анализ рассмотренных материалов подводит нас к выводу о хорошем знакомстве Арнобия с анналистической традицией и в том числе с трудом младшего анналиста Валерия Анциата. Наша позиция не отрицает возможности использования сочинений Анциата Арнобием через вторые руки, опосредованно: через компендиум (Кайль) или христианскую апологию (Зитте). На наш взгляд, значительно важнее вывод о том, что, в конечном счете, анализируемый материал восходит к анналистической традиции. Упоминание среди прочих имени Фабия Пиктора говорит о том, что непосредственный источник Арнобия пользовался сочинениями не только младших, но и страших анналистов.

Литература

- Arnobius 2008: *Protiv yazychnikov*. Per. N. M. Drozdova. Pod red. A. D. Panteleeva. [*Against pagans*]. St. Peterburg.
- Арнобий 2008: *Против язычников*. Пер. Н. М. Дроздова. Под ред. А. Д. Пантелеева. СПб.
- Arnobius 1875: *Adversus nationes libri VII*. Hrsg. von A. Reifferscheid. Vindobonae.
- DELL — Ernout A., Meillet A. *Dictionnaire etymologique de la langue latine*. Klincksieck, 2001.
- Kahl, W. 1889: Cornelius Labeo. Ein Beitrag zur spätrömischen Litteraturgeschichte. *Philologus* 5, 719–806.
- Khor'kova, I. V. 2018: Suffixation as a way of forming theonyms in the Roman libri pontificales. *Indoeuropejskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European linguistics and classical philology*] 22, 1319–1328.
- Хорькова, И. В. 2018: Суффиксация как способ образования теонимов в римских сакральных книгах. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 22, 1319–1328.
- Livius (Ливий) — Тит Ливий 1993: История Рима от основания города. Т. 3. Пер. под ред. М. Л. Гаспарова, Г. С. Кнабе, В. М. Смирнина. Отв. ред. Е. С. Голубцова. М.
- Losev, A. F. 1996: *Mifologiya grekov i rimlyan*. [*Mythology of Greeks and Romans*]. Moscow.
- Лосев, А. Ф. 1996: *Мифология греков и римлян*. Москва.
- Mayak, I. L. 2015: *Rimskie drevnosti po Avlu Gelliyu: istoriya, pravo*. [*Roman antiquities by Aulus Gellius: history, law*]. Moscow.

- Маяк, И. Л. 2015: *Римские древности по Авлу Геллию: история, право*. М.
- Peter, R. 1883: *Historicorum romanorum fragmenta*. Lipsiae.
- Sadov, A. I. 1917: *Latinskij yazyk v pamyatnikah hristianskoj pis'mennosti drevnejšego vremeni*. [Latin language in the monuments of Christian writing of the most ancient time]. St. Peterburg.
- Садов, А. И. 1917: *Латинский язык в памятниках христианской письменности древнейшего времени*. СПб.
- Sidorovich, O. V. 2005: *Annalistsy i antikvary. Rimskaya istoriografiya konca III–I vv. do n. e.* [Annalists and antiquaries. Roman historiography of the end of the III–I centuries BC]. Moscow.
- Сидорович, О. В. 2005: *Анналисты и антиквары. Римская историография конца III–I вв. до н. э.* М.
- Sitte, A. 1970: *Mythologische Quellen des Arnobius*. Wien.
- Sobolevsky, S. I. 1959: Historical literature of the first century BC. In: *History of Roman literature*. Vol. 1. Moscow, 245–255.
- Соболевский, С. И. 1959: Историческая литература I в. до н. э. В сб.: *История римской литературы*. Т. 1. М., 245–255.
- Štaerman, E. M. 1985: From community religion to world religion. I. In: *Culture of ancient Rome*. Moscow, 106–210.
- Штаерман, Е. М. 1985: От религии общины к мировой религии. I. В сб.: *Культура древнего Рима*. М., 106–210.
- Štaerman, E. M. 1987: *Social'nye osnovy religii drevnego Rima*. [Social fundamentals of religion of ancient Rome]. Moscow.
- Штаерман, Е. М. 1987: *Социальные основы религии древнего Рима*. М.
- Timofeeva, N. K. 1980: *Religiozno-mifologicheskaya kartina mira etruskov*. [Religious and mythological picture of the Etruscan world]. Novosibirsk.
- Тимофеева, Н. К. 1980: *Религиозно-мифологическая картина мира этрусков*. Новосибирск.

Е. С. Данилов

(Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова)

УПОТРЕБЛЕНИЕ *SECURITAS* В ЛАТИНСКИХ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ РИМСКОЙ АФРИКИ: ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ*

В статье рассматривается группа эпиграфических памятников римского времени с территории Северной Африки. Отобрано 26 инскрипций, содержащих лексему *securitas* и отражающих представления о безопасности римских граждан эпохи Империи. Большинство из них датированы II-III вв., временем относительной стабильности африканских провинций. Эпитафии и посвятельные надписи имеют частный либо официальный характер, указывая на устоявшиеся римские религиозные и погребальные традиции. Они однозначно связаны с культом богини Секуритас, выступающей в роли покровительницы власти принцепса и загробного мира.

Ключевые слова: Северная Африка, Римская империя, эпиграфика, религия, армия, безопасность

E. S. Danilov

(P. G. Demidov Yaroslavl State University)

Use of *securitas* in Latin epigraphic finds from Roman Africa: general observations

The lexical unit 'security' in Latin is typically designated as *securitas*. *Securitas* as the collective value of the Roman *civitas* was actively promulgated starting from the Principate Period, when Romans started to mention it in literature, on coins, in epitaphs and official inscriptions.

We have examined 26 inscriptions from Roman provinces in North Africa. As a result, we made several conclusions. First, we noticed the absence of Latin epigraphic finds mentioning social and personal security in Cyrenaica and Mauretania Tingitana. Second, we discovered the quantitative prevalence of the above mentioned inscriptions (15) in Numidia. Third, we classified the formulae of funeral and dedicatory inscriptions.

Epitaphs contain both traditional formulae mentioning *manes* or having Christian connotations (*perpetuae securitati* — *AE*. 1923. 15, 1969/70. 714; *BCH*. 1932/33. 471; *CIL*. VIII. 3873, 4615, 21461; *securitati aeternae* — *AE*. 2003. 2018; *CIL*. VIII. 3763) and rarer types. The latter

---

* Статья посвящена 15-летию Центра антиковедения ЯрГУ им. П. Г. Демидова, сайт которого (antik-yar.ru) был создан при поддержке РФФИ, проект 10-06-00140-а.

include the phrase *templum securitatis* (*ILTun.* 1715, *IL Afr.* 357) probably having parallels only in Caralis, Sardinia (*CIL.* X. 7719). Most likely, this expression may designate a final resting place, since no temples dedicated to *Securitas* have been found so far.

Official inscriptions contain eulogies addressed to ruling emperors making efforts to maintain the security of *quirites*: *publicae securitatis conservatorem* (*AE.* 1934. 7), *securitate temporum* (*AE.* 1917/18. 91), *securitati provincialium* (*AE.* 1902. 220; *CIL.* VIII. 20816), *perpetuae securitatis ac libertatis auctori* (*CIL.* VIII. 7005), *securitatem populi Romani* (*CIL.* VIII. 7975).

A series of finds mentioning *statuam aeream Securitatis Saeculi* (*CIL.* VIII. 7095-7098) is of particular interest. A statue of Secular Security made of bronze was erected in Cirta-Constantina (Numidia) under Caracalla, due to a magistrate called Marcus Cecilius Natalis.

Key words: North Africa, Roman Empire, epigraphy, religion, army, safety.

Лексема «безопасность» в латинском языке чаще всего обозначается как *incolumitas*, *salus*, *securitas* или *tutum*. Второе и третье существительные имеют в римской культуре схожие политико-религиозные коннотации. Если культ Салюс (здоровье, благополучие, спасение) стал развиваться ещё в раннюю Республику¹, то почитание Секуритас (безмятежность, спокойствие) получило распространение только в эпоху принципата. Её упоминания фиксируются в литературе, на монетной чеканке (в большей степени), а также в эпитафиях и официальных надписях². По подсчётам Рудольфа Хэнша, термин *securitas* встречается примерно в 240 надписях, появляясь в монументальной публичной эпиграфике при Коммодe и Септимии Севере (Haensch 2016: 33)³.

На протяжении веков в Риме существовала практика возведения в ранг божеств абстрактных понятий⁴. Опа (Власть или Защита), Фидес (Верность), Церера (Создающая плоды земли или Урожай) принадлежат к древнейшему контингенту таких персонификаций (Dumézil 1974: 399). Происхождение подобных культов не всегда известно. В эпоху Империи возрастает популярность обожествлённых добродетелей и

¹ О культе Салюс см.: Danilov 2019a. Об отражении этого культа в эпиграфике: Cattaneo 2011: 52–74.

² См., например: Instinsky 1952; Kneppel 1994: 217–278; Hamilton 2013: 51–55, 114–116.

³ Об определённой взаимозаменяемости выражений *felix*, *salvus*, *incolumis*, *securus* в латинской эпиграфике см.: Scheithauer 1996, 217.

⁴ См. перечень с краткими характеристиками: Wissowa 1902: 271–280. Более подробно: Axtell 1907.

благодетельный принципсов (Latte 1960: 300–301; Zielinski 2018: 228–231). К таковым относилась и *dea Securitas* (Danilov 2019b). Связи Секуритас с другими богами довольно туманны, как и её место в сакральной иерархии. В актах Арвальских братьев приведён список очередности жертвоприношений, в котором имя богини зафиксировано между Провиденцией и Гением императора. Судя по этому памятнику, в честь Секуритас закалывалась корова (CIL. VI. 2051). В археологическом музее немецкого города Шверина хранятся ножны от римского меча первой половины I в. На них, как предполагается, Секуритас и Либертас сопровождают Минерву (Laser 1977: 301–302). Примерно к этому же времени относится алтарь из Пренесты, муниципия в Лации. Декурионы и народ данной колонии посвятили жертвенник «*Securitati Augustae*» (CIL. XIV. 2899). В ряде эпиграфических надписей доминирует мотив приобщения к вечной безмятежности. Погребальные ритуалы вводили усопшего в сообщество богов — манов и формула «*Dis Manibus*» встречается вместе с выражениями «*perpetuae securitati*», «*aeternae securitati*» (AE. 1893. 2; 1901. 69; 1934. 129; 1958. 66; 1964. 256; 1966. 372; 1969/70. 293, 464; 1973. 335; 1974. 342; 1976. 600; 1978. 570, 577; 1980. 789; 2000. 734; 2003. 1374; 2004. 939; 2012. 1051). Можно сказать, что культ новой богини нашел поддержку в народе, вписался в загробные верования⁵.

Нами было рассмотрено 26 инскрипций из римских провинций Северной Африки, подобранных благодаря ресурсу «*Epigraphik-Datenbank Clauss / Slaby*». В результате исследования было сделано несколько выводов.

Во-первых, отмечено отсутствие латинской эпиграфики с упоминанием общественной и персональной безопасности в Киренаике и Мавретании Тингитанской. Этот факт, как нам кажется, частично может объясняться культурно-языковыми и военно-стратегическими причинами. Киренаика была административно объединена с Критом, там преобладало греко-ливийское население и греческий язык соответственно. Ни там, ни в *Mauretania Tingitana*, в отличие, например, от Египта, не располагалось воинских частей крупнее *alae* или *cohortes* (Le Bohec 2001: 263–264, 267; Mommsen 2002: 335; Bombay 2017: 104–105).

---

⁵ О погребальном культе римлян см., в частности: Scheid 2019: 162–164.

Во-вторых, выявлено численное преобладание указанных инскрипций (в количестве 15) в границах Нумидии. В этой провинции базировался III Августов легион, защищавший населённые пункты и караванные пути от враждебности кочевых племён. Их периодические нападения вынуждали римлян держаться наготове⁶. Именно в этой провинции (тогда ещё неразделённой *Africa Proconsularis*) при Тиберии разразилось восстание берберов Такфарината (Тас. Ann. IV. 13, 23–26). Цирта являлась главным городом региона, была значительно латинизирована и в общей сложности на её территории найдено 6 интересующих нас надписей. Находки остальных лапидарных памятников гипотетически увязываются с местами дислокации армейских подразделений. Возможно, военные посты, существовали в Диана Ветеранорум (2 надписи), Куикуле (1), Ламбезисе (2), Ламиггиге (1), Русикаде (1), Тамугади (1), а также вблизи Маркимени (1). Правда, с большей уверенностью можно говорить о присутствии постоянных вооружённых отрядов в шести из восьми упомянутых муниципиях (Julien 1961: 179, 183, 184, 186, 220, 223, 338; Sidorova, Chubova 1979: 79–89; Mommsen 2002: 336; Eck 2018).

В-третьих, классифицированы формулы погребальных и посвячительных надписей.

В эпитафиях фигурируют как традиционные формулы с упоминанием богов — манов или христианским оттенком («*perpetuae securitati*» — AE. 1923. 15, 1969/70. 714; BCTH. 1932/33. 471; CIL. VIII. 3873, 4615, 21461; «*securitati aeternae*» — AE. 2003. 2018; CIL. VIII. 3763), так и более редкие разновидности. К таковым относится словосочетание «*templum securitatis*» (ILTun. 1715, ILAfr. 357), имеющее аналог, пожалуй, только на Сардинии, в Каралисе (CIL. X. 7719). Данное выражение, скорее всего, может образно обозначать место упокоения (Ricci 2018: 66). Тем более, что ни одного храма в честь персонифицированной Секуритас до сих пор не обнаружено.

Политико-административный контекст просматривается в надписи CIL. VIII. 2297, по содержанию являющейся обращением или призывом⁷. «Ты будешь безопасностью спящих,

⁶ О концентрации и распределении римских военных частей в Нумидии подробнее см.: Shaw 1983, Mackensen 2006, Bombay 2017: 101.

⁷ «*Eris securitas soporantium, munimen domorum, tutela claustrorum, discossor obscurus, arbiter silentiosus, cui fallere insidiantes fas est et decipere gloria*». О надписи в связи с идеей *dolus bonus* см.: Wheeler 2018: 99.

стражем домов, защитой замков, тайным надзирателем, безмолвным судьёй, которому следует обманывать воров и отнимать у них славу» (Пер. П. П. Шкаренкова с изменениями). С таким же напутствием, в передаче Флавия Кассиодора, обращались к носителю ответственной должности префекта вигилов, отвечающего за пожарную охрану и ночной покой жителей Рима (Cassiod. Var. VII. 7. 2). Поскольку «Варии» создавались в первой трети VI в., то указанную надпись из Маркимени (Айн-Бейда, Алжир) обычно, хоть и с осторожностью, относят к вандальской эпохе (Courtois 1955: 387) или ко времени «юстиниановской реконкисты» (Shkarenkov 2008: 247). Однако не стоит забывать, что сама надпись имеет плохую сохранность, чётко не датирована. К тому же, остгот Теодорих и вандал Трасамунд, пользующиеся услугами *vigiles*, фактически возродили формирование римского времени (Diesner 1966: 126). Сама же формула назначения *praefectus vigilum* могла быть позаимствована Кассиодором из более раннего источника, восходящего к принципату Октавиана Августа⁸.

Официальные надписи содержат славословия в адрес правящих императоров, прилагающих усилия для поддержания безопасности квиритов: «*publicae securitatis conservatorem*» (AE. 1934. 7), «*securitate temporum*» (AE. 1917/18. 91), «*securitati provincialium*» (AE. 1902. 220; CIL. VIII. 20816), «*perpetuae securitatis ac libertatis auctori*» (CIL. VIII. 7005), «*securitatem populi Romani*» (CIL. VIII. 7975). У большинства перечисленных формул есть более ранние аналоги. О *securitas publica* рассуждали Сенека и Тацит, говоря об общественном спокойствии как результате деятельности хорошего принцепса (Sen. Ep. LXXIII. 2, Tac. Agr. 3. 1). Плиний Младший видел в *securitas temporum* в первую очередь возможность для граждан обладания собственным имуществом, полученную вследствие благорасположения цезаря (Plin. Pan. 50. 7). *Securitas populi Romani* впервые появляется на ауреях времён гражданской войны 68–69 годов (RIC I Galba 504–514). О постоянной безопасности и вечности империи (*perpetuae securitatis aeternitatisque Romani imperii*), наступивших благодаря приходу к власти Тиберия, писал ещё Веллей Патеркул (Vell. Pat. II. 103. 4). Эти пропагандистские клише были не просто обещаниями, они имели реальную подоплёку. Так, Коммод позаботился о безопасности

⁸ О функциях вигилов с акцентом на безопасности Города см. в частности: Sablayrolles 1996: 1, 6, 36–37, 46, 54, 87, 156, 280, 380.

провинциалов Мавретании Цезарейской, построив руками легионеров новые и починив старые сторожевые башни⁹. Мы считаем, что военный фактор был ключевым, но не единственным, при упоминании безопасности, дарованной императором. В Северной Африке организация системы обороны представляла собой не сплошной лимес, как на Рейне или Дунае, а удалённые друг от друга укрепления, главная задача которых состояла в поддержании внутреннего правопорядка и наблюдении за передвижениями варваров.

Отдельный интерес представляет серия памятников с упоминанием «*statuam aeream Securitatis Saeculi*» (CIL. VIII. 7095–7098). Статуарное изображение Безопасности Века из бронзы появилось в Цирте-Константине (Нумидия) при Каракалле, благодаря магистрату Марку Цецилию Наталису. Как оно выглядело, нам неизвестно. Однако, если ориентироваться на данные нумизматики, то, скорее всего, Секуритас сидела на кресле, левой рукой облокотившись на спинку или подперев голову, а в правой держа глобус, либо скипетр (RIC IV Caracalla 332, 351b). К сожалению, известный эпиграфист Герман Дессау, обратив внимание на заказчика надписей, не прокомментировал их содержание (Dessau 1880).

Хронологически все надписи относятся к периоду от Траяна (98–117) до Галерия (293–311). На это время, в частности, приходится правление династий Антонинов и Северов. Как было уже не раз подчёркнуто исследователями, социальная политика Рима в африканских провинциях была направлена на обеспечение безопасности подконтрольных земель и возможности их экономического развития¹⁰. Конечно, в той степени, в какой это представляли сами римляне. «Золотой век», уложившийся в указанный период истории империи, способствовал процветанию северной части Африканского континента, поддержанию её статуса средиземноморской житницы и удобного места для мирной жизни. Именно в принцепсах граждане видели основу своего коллективного благополучия и выражали надежду на него в эпиграфических памятниках через употребление ряда устойчивых формул с глубоким ментальным содержанием.

⁹ См. перевод CIL. VIII. 20816 и комментарии в Davies 1974: 324.

¹⁰ Например: Bembay 2017: 82.

Список сокращений

- AE – L'Année épigraphique. Paris.
 BCTH – Bulletin Archéologique du Comité des Travaux Historiques et Scientifiques. Paris.
 Cassiod. Var. – Cassiodorus. Variarum libri XII («Варии» Кассиодора).
 CIL – Corpus inscriptionum Latinarum. Berolini.
 ILAfr – Inscriptions latines d'Afrique (Tripolitaine, Tunisie, Maroc). Paris, 1923.
 ILTun – Inscriptions Latines de la Tunisie. Paris, 1944.
 RIC I – Sutherland, C.H.V. The Roman Imperial Coinage. Vol. I. From 31 BC to AD 69. Revised edition. London, 1984.
 RIC IV – Mattingly, M.A, Sydenham, M.A. The Roman Imperial Coinage. Vol. IV. Part. I. Pertinax to Geta. London, 1936.
 Sen. Ep. – Seneca. Ad Lucilium Epistulae morales («Нравственные письма к Луцилию» Сенеки).
 Tac. Agr. – Tacitus. De vita et moribus Iulii Agricolae («О жизни и характере Юлия Агриколы» Тацита).
 Tac. Ann. – Tacitus. Annales («Анналы» Тацита).
 Vell. Pat. – Velleius Paterculus. Historiae Romanae libri II («Из двух книг Римской истории» Веллея Патеркула).

Литература

- Axtell, H. L. 1907: *The deification of abstract ideas in Roman literature and inscriptions*. Chicago: Chicago University Press.
 Bembay, K. 2017: *Rimskaya politika v Afrike v I–III vv. n. e.* [Roman policy in Africa in the I–III centuries AD. Dissertation of a candidate of historical sciences]. Belgorod.
 Бембай, К. 2017: *Римская политика в Африке в I–III вв. н. э.* Дисс. ...канд. ист. наук. Белгород.
 Cattaneo, C. 2011: *Salus publica populi romani*. Forli: Victrix.
 Danilov, E. S. 2019a: [Salus: between Hygiea and Soteria]. *Mnemon: Issledovanija i publikacii po istorii antichnogo mira* [Mnemon. Investigations and Publications on the History of Ancient World] 19–1, 165–174.
 Данилов, Е. С. 2019а: Богиня Салюс: между Гигией и Сотерией. *Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира*. 19–1, 165–174.
 Danilov, E. S. 2019b: [The birth of the Securitas: Early Principate historians and Quirite concept on safety], In: P. N. Lebedev (ed.). *Pamjat' i identichnost': Osobennosti istoriopisanija v Antichnosti, v Srednie veka i rannee Novoe vremja. Sbornik statej po materialam mezhvuzovskoj nauchnoj konferencii. Moskva, 4–5 ijunja 2018 g.* [Memory and Identity: Characteristics of Historical Writing in Antiquity, Middle Ages and Early Modern Period: Proceedings of the Conference. Moscow, June 4–5, 2018]. Moscow: RSUH, 53–66.
 Данилов, Е. С. 2019b: Рождение Секуритас: историки раннего принципата и представления квиритов о безопасности. В сб.: П. Н. Лебедев (ред.). *Память и идентичность: Особенности историописания в Античности, в Средние века и раннее Новое*

- время. Сборник статей по материалам межвузовской научной конференции. Москва, 4–5 июня 2018 г. М.: РГГУ, 53–66.
- Davies, R.W. 1974: The Daily Life of the Roman Soldier under the Principate. *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt* II.1, 299–338.
- Dessau, H. 1880: Über Einige Inschriften aus Cirta. *Hermes* 15.3, 471–474.
- Diesner, H.-J. 1966: *Das Vandalenreich: Aufstieg und Untergang*. Leipzig: Koehler & Amelang.
- Dumézil, G. 1974: *La religion romaine archaïque, avec un appendice sur la religion des Étrusques*. 2. édition revue et corrigée. (1 éd. 1966) Paris: Payot.
- Eck, W. 2018: Die Siedlung Lamiggiga in Numidia und die Legio III Augusta zu CIL VIII 4376. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 208, 251–255.
- Haensch, R. 2016: Safety first? CIL III, 128 et la rhétorique de la securitas. *Syria* 93, 29–44.
- Hamilton, J. T. 2013: *Security: Politics, Humanity, and the Philology of Care*. Princeton, N. J., Oxford: Princeton University Press.
- Instinsky, H. U. 1952: *Sicherheit als politisches Problem des römischen Kaisertums*. Baden-Baden: Verlag für Kunst und Wissenschaft.
- Julien, Ch.-A. 1961: *Istoria Severnoy Afriki. Tunis, Algir, Marocco. S drevneyshego vremeni do arabskogo zavoevania* [History of North Africa. Tunisia. Algeria. Morocco. From ancient times to the Arab conquest (647)]. Moscow: Izdatelstvo inostrannoy literatury.
- Жюльен, Ш.-А. 1961: *История Северной Африки. Тунис. Алжир. Марокко. С древнейших времён до арабского завоевания (647 год)*. М.: Изд-во иностранной литературы.
- Knepppe, A. 1994: *Metus temporum: zur Bedeutung von Angst in Politik und Gesellschaft der römischen Kaiserzeit des 1. und 2. Jhdts. n. Chr.* Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- Laser, R. 1977: Der römische Gladius von Lansen, Kreis Waren (Müritz). In: J. Herrmann (Hrsg.). *Archäologie als Geschichtswissenschaft: Studien und Untersuchungen. Karl-Heinz Otto zum 60. Geburtstag*. Berlin: Akademie Verlag, 299–307.
- Latte, K. 1960: *Römische Religionsgeschichte*. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung.
- Le Bohec, Y. 2001: *Rimskaya armiya epohi Rannej Imperii* [Roman Army of the Early Empire]. Moscow: Rosspen.
- Ле Бозк, Ян. 2001: *Римская армия эпохи Ранней Империи*. М.: Росспэн.
- Mackensen, M. 2006: Die Grenze in Nordafrika am Beispiel der Provinzen Africa Proconsularis und Numidia. In: G. Klose, A. Nünnerich-Asmus (Hrsg.). *Grenzen des Römischen Imperiums. Sonderband Antike Welt*. Mainz: von Zabern, 62–71.
- Mommsen, T. 2002: *Istoriya rimskikh imperatorov* [History of Roman Emperors]. Saint Petersburg: Yuventa.
- Моммсен, Т. 2002: *История римских императоров*. СПб.: Ювента.
- Ricci, C. 2018: *Security in Roman Times. Rome, Italy and the Emperors*. London, New York: Routledge.

- Sablayrolles, R. 1996: *Libertinus miles. Les cohorts de vigiles*. Rome: École Française de Rome.
- Scheid, J. 2019: *La religion des Romains*. 4 édition. (1 éd. 1998) Paris: Armand Colin.
- Scheithauer, A. 1996: Epigraphische Studien zur Herrscherideologie I. *Salvus Augustis felix...* Entstehung und Geschichte eines Formulars. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 114, 213–226.
- Shaw, B. D. 1983: Soldiers and Society: the Army in Numidia. *Opus* 2.1, 133–159.
- Shkarenkov, P. P. 2008: [Cassiodorus. *Variae* (fragments)]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie [RSUH/RGGU Bulletin. Series: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies]* 12, 231–251.
- Шкаренков, П. П. 2008: Кассиодор. *Variae* (фрагменты). *Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение* 12, 231–251.
- Sidorova, N. A., Chubova, A. P. 1979: *Iskusstvo Rimskoy Afriki [Art of Roman Africa]*. Moscow.
- Сидорова, Н. А., Чубова, А. П. 1979: *Искусство Римской Африки*. М.: Искусство.
- Wheeler, E. L. 2018: *Stratagem and the Vocabulary of Military Trickery*. Leiden: Brill.
- Wissowa, G. 1902: *Religion und Kultus der Römer*. München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung.
- Zielinski, Th. 2018: *Istoriya antichnyh religiy [History of Ancient Religions]*. Vol. 5.1. Saint Petersburg.
- Зелинский, Ф. Ф. 2018: *История античных религий*. Т. 5, кн. 1. СПб.: Квадривиум.

И. А. Миролубов

(Московский гос. объединенный музей-заповедник)

БЫЛ ЛИ ИМПЕРАТОР ЛИЦИНИЙ ВРАГОМ ОБРАЗОВАННОСТИ?

В статье рассматривается свидетельство автора *Epitome de caesaribus* о римском императоре Лицинии, согласно которому он являлся врагом образованности и негативно относился к ораторскому искусству. Сопоставляя это сообщение с данными позднеантичной и византийской нарративных традиций, автор приходит к выводу, что в этом сообщении могут быть соединены как отголоски подлинных представлений Лициния, так и следы пропаганды его противника — императора Константина Великого.

Ключевые слова: император Лициний, император Константин Великий, *Epitome de caesaribus*.

Ivan A. Mirolyubov

(Moscow State Integrated Museum-Reserve)

Was Emeror Licinius Hostile to Education?

Roman Emperor Licinius stands out among the rivals with whom Constantine the Great fought for autocracy in 306–324 AD. He managed to hold the imperial crown longer than others and became the last and most important opponent of Constantine. The image of Licinius created by the ancient narrative tradition is highly dependent on the Constantine's point of view. In order to recreate his truthful appearance, it seems important to analyze the reports of written sources that allow to identify genuine facts. The article examines the evidence of an anonymous compiler of the late 4th century, whose work *Epitome de caesaribus* is an imitation of a collection of imperial biographies written by Sextus Aurelius Victor. For the purpose of a more detailed depiction of emperors, the author introduces into his narrative their opinions and examples of actions (*dicta et facta*). In the report about Licinius we can find information, that he established himself as an enemy of education and spoke extremely negatively about oratory. Comparing this information with the data of the Late Antique and Byzantine narrative traditions, the author of the article concludes that it contains both elements of Licinius' actual point of view and echoes of Constantine's propaganda. According to the author, Licinius' negative attitude to oratory is a consequence of the fact that Constantine used the work of professional rhetoricians to glorify himself and attract public sympathy to his person as opposed to Licinius. In turn, the image of Licinius as a person who is extremely negatively inclined towards "sciences" (*litterae*) can go back to Flavius Optatus. The latter taught Grammar to Licinius' son and received not very high salaries for his work.

Subsequently, once at the court of Constantine, he could portray his former employer as an enemy of education.

Key words: Emperor Licinius, Emperor, Emperor Constantine the Great, *Epitome de caesaribus*.

С уходом императора Диоклетиана из большой политики в 305 году созданная им система тетрархии — совместного правления четырех императоров — довольно быстро пришла в состояние кризиса: вчерашние соправители перешли к открытой вражде. Общее сложное положение дополнилось и региональными узурпациями, в результате чего количество императоров стало расти. Кризис этот продолжался вплоть до 324 года, когда единоличным правителем Римской империи стал Константин Великий. Из числа соперников, которых он смог одолеть или пережить, особенно выделяется Валерий Лициниан Лициний, провозглашенный императором еще в 308 году и к 313 году получивший контроль над восточными областями Римской империей. Чередуя мир и войну, он будет разделять с Константином власть над империей вплоть до своего поражения в 324 году и последующей гибели. Таким образом, Лициний по праву может быть назван «политическим долгожителем» эпохи Диоклетиана и Константина Великого.

Образ Лициния в античной исторической традиции был создан под влиянием точки зрения Константина, причем это влияние не обошло даже критически настроенных к Константину авторов — например, Юлиана Отступника (Миролубов 2016b: 436–440). Исследователи пытаются отделить правдивую информацию от пропагандистской риторики (Коптелов 2008: 5–22). Настоящая статья посвящена одному аспекту личного характера Лициния, а именно — его отношению к наукам и образованности.

Нас интересует сообщение анонимного автора конца IV столетия, сочинение которого известно под названием *Epitome de caesaribus*. Это сборник кратких императорских биографий (от Августа до Феодосия), похожий на сочинение Секста Аврелия Виктора *De caesaribus*¹. Среди прочего этот автор

---

¹ Сочинение это долгое время приписывалось также Сексту Аврелию Виктору. Исследователи, однако, установили, что эти сочинения принадлежат разным авторам. Это заметно и по самим текстам: сочинение Аврелия Виктора, доведенное до середины IV века, изобилует моральными рассуждениями, между тем как второй автор, доведший канву повествования до Феодосия Великого, вплетает в свой рассказ анекдотические подробности и отличается большей непоследи-

сообщает о Лицинии, что он был «*infestus litteris, quas per inscitiam immodicam virus ac pestem publicam nominabat, praecipue forensem industriam*»² (*Epitome de caes.* 41.8). Слова эти следуют после стандартных для образа «плохого императора» упреков в алчности (*avaritia*) и жестокости (*asperitas*), но до сообщений о его заботе о земледельцах, военной дисциплине и борьбе с произволом придворных. Таким образом, автор хотел дать обстоятельную характеристику Лициния, объединив в ней отрицательные и положительные стороны. Нельзя не отметить, что процитированные слова являются конкретной отрицательной характеристикой императора — в противовес абстрактному известию об алчности и т. д.

Уровень образования императоров этого времени, учитывая их незнатное происхождение³ и скудные сведения о ранних этапах жизни, является сложной научной проблемой. Практически ни об одном из них — за исключением Константина Великого (Миролюбов 2016а: 90–95) — у нас нет внятных свидетельств традиции, на основе которых можно было бы представить уровень и качество их образования. До некоторой степени любопытно сообщение того же автора о Максимине Дазе: несмотря на свою «пастушескую» молодость, он находил удовольствие в обществе мудрых и образованных людей (*verum sapientissimi cuiusque ac litteratorum cultor* — *Epitome de caes.* 40.18). Однако это свидетельство можно понимать в том смысле, что император придавал большое значение своему совету, куда включал сведущих в разных областях людей⁴.

тельностью изложения. О сочинении: (Bonamente 2003: 100–103). *Epitome de caesaribus* обычно издается вместе с сочинением Аврелия Виктора. Их русский перевод, выполненный В. С. Соколовым, — в издании: Тимофеев 1997: 77–162.

² Текст приводим по изданию (Pichlmaier 1970). Перевод В. С. Соколова: «Лициний <...> враждебно относился к наукам, которые по своему безмерному невежеству называл ядом и чумой для общества, особенно ораторское искусство» (Тимофеев 1997: 153).

³ Диоклетиан, по некоторым данным, был вольноотпущенником, а преемники его власти на востоке империи — Галерий и Максимин Даза — в молодости трудились пастухами (Jones, Martindale, Morris 1971: 254; 574; 579).

⁴ Начиная со времен Августа, вокруг императора существовал совет ближайших сподвижников. Применительно к эпохе принципата совет именуется *consilium principis*, а в период домината — *consistorium*. Биограф Александра Севера, описывая подобный совет, особое значение придавал тому факту, что в нем были собраны люди, сведущие в праве, красноречии, военном деле и истории (*SHA Alex. Sev.* 16.3).

Какие в нашем распоряжении есть свидетельства об уровне образования Лициния? Традиция сообщает, что он происходил из Дакии и был приятелем императора Галерия (Jones, Martindale, Morris 1971: 509). Галерий, равно как и его родственник Максимин Даза в молодости были пастухами, причем в отношении Галерия это зафиксировано даже его прозвищем — *Armentarius* (Kienast 2004: 283). Сходной должна была быть и молодость Лициния, коль скоро сам автор *Epitome de caesaribus* указывает на его юные годы, проведенные в сельской местности, и осведомленность в вопросах сельского хозяйства (*Epitome de caes.* 41.9). Один из авторов «Жизнеописаний августов» сообщает, что уже во время пребывания у власти Лициний пытался возвести свое происхождение к императору Филиппу Арабу (*SHA Gord. tres* 34.5). Однако, даже если это и не выдумка *SHA*⁵, подобная родословная вполне может быть генеалогической конструкцией для укрепления авторитета и власти⁶, а вовсе не реальной родственной связью.

Еще одним свидетельством образованности Лициния является эпизод, содержащийся у анонимного продолжателя Диона — компилятора византийской эпохи. Рассказав о том, что флот Лициния был разбит в сражении сыном Константина, Криспом, автор приводит реакцию самого Лициния — это цитата из Гомера (II. VIII.102–103 в пер. Н. Гнедича): «Старец, жестоко тебя ратоборцы молодые стесняют! / Сила оставила, старость тебя удручила лихая» (FHG, vol. IV, p. 199). Однако и этот эпизод вызывает некоторые сомнения. Удачно подобранные строки Гомера вполне соответствуют образу Лициния как старого и немощного человека. Однако его дальнейшее — после поражения на море — сопротивление Константину, провозглашение соправителем своего магистра официий Мартиниана (Kienast 2004: 297), переговоры о мире, дальнейшая

---

⁵ Данный принадлежащий якобы коллективу авторов (отсюда принятое в науке название: *Scriptores Historiae Augustae*) сборник императорских биографий является сложной научной проблемой. Основные вопросы — авторство, датировка и обилие анахронизмов и откровенно выдуманных фактов. Источнику посвящена обширная научная литература. О нем: (Birley 2003: 127–150). Русский перевод, выполненный С. П. Кондратьевым под редакцией А. И. Доватура, — в издании: Кондратьев 1992.

⁶ Соперник Лициния — Константин — претендовал на родство с императором Клавдием Готским (268–270). Возможно, «происхождение» от Филиппа Араба было ответом Лициния на генеалогические построения Константина (Leadbetter 1998: 80).

деятельность против Константина уже в бытность свою в ссылке (Коптелов 2008: 110–117) — все это показывает Лициния как человека отнюдь не немощного. Скорее всего, цитата Гомера была вложена в уста Лицинию образованным византийским компилятором или его источником для усиления литературного эффекта: немощный Лициний сознает свою неспособность противостоять Константину и его сыну. Таким образом, обобщая все сказанное, мы должны согласиться с мыслью, что традиция, кроме приведенной выше цитаты из *Epitome de caesaribus*, не дает никаких сведений об образовании Лициния. Попытаемся обратиться к анализу имеющегося свидетельства.

Представляется, что «воинственную необразованность» Лициния можно рассмотреть в контексте создания его негативного образа уже при Константине. Известно, что сам Константин в молодости во время пребывания при дворе Диоклетиана к Никомедии получил неплохое образование, которое впоследствии пополнял (Миролюбов 2016а: 90–95). Традиция особенно подчеркивает образованность и просвещенность Константина, которая выгодно выделяла его на фоне безродных и малообразованных современников. Если допустить, что представление о малой образованности Лициния — итог пропаганды Константина, то можно попробовать найти источник, которым пропаганда воспользовалась. После победы Константина над Лицинием некоторые люди из его окружения сохранили свое положение и при новом правителе. Одним из таких людей был Флавий Оптат (Jones, Martindale, Morris 1971: 650), который при Константине достиг звания консула и получил титул патрикия. Сообщение оратора Либания о его возвышении, на которое будто бы повлияла его супруга, мы рассматривали в специальной статье (Миролюбов 2018: 869–877). Однако сейчас для нас принципиальное значение имеет его карьера до победы Константина над Лицинием. Либаний сообщает, что при Лицинии Оптат состоял наставником его сына: «τις Ὀπτάτος γραμμάτων διδάσκαλος, ὃς καὶ Λικιννίῳ τὸν παῖδα ταῦτα ἐδίδασκεν ἀπὸ δυοῖν ἄρτοις καὶ τῆς ἄλλης τροφῆς ἣ τοῦτοις συνέζευκται»⁷ (Orat. 42.26). «Продуктовое жалование»

⁷ Текст Либания приводим по изданию: (Foerster 1906: 320). Перевод С. П. Шестакова: «... некто Оптат, учитель грамоты, который учил ей и сына Лициния за пару хлебов и ту прочую пищу, какую к ним прибавляют» (Шестаков 1914: 189–190).

учителю кажется маловероятным⁸ и, по всей видимости, является гиперболой. Оптат, оказавшись при дворе Константина в 324 году, вполне мог сам гиперболизовать скупость своего прежнего работодателя, что и подготовило почву для создания образа Лициния как врага образованности. Отметим, что скупость Лициния хорошо фиксируется в традиции, где ретроспективно рассматривается конфликт императоров (Euseb. Vita Const. I.55⁹; Aur. Vict. De caes. 40.3).

Однако в сообщении анонимного автора есть и еще одна деталь, которая позволяет предполагать, что в нем имеется доля подлинного отношения Лициния к образованности. Это — его особенная нелюбовь к ораторскому искусству. Стоит отметить, что в эпоху империи одним из основных направлений ораторского искусства становится прославление императоров. Характерно, что главными памятниками латинского красноречия эпохи империи являются по преимуществу панегирики: речь Плиния Младшего в честь Траяна, одиннадцать речей в честь императоров III–IV вв. («Латинские панегирики») и благодарственная речь Авсония в честь императора Грациана. Из числа «Латинских панегириков» четыре посвящены Константину (один прославляет его совместно с его тестем Максимианом Геркулием). Константин был неравнодушен к похвалам: на это тонко намекает один из ораторов (Pan. Lat. 8.5.2¹⁰), а Евнапий прямо говорит, что императору доставляло удовольствие скандирование его имени на ипподроме (Eunap. Vitae soph., p. 462

---

⁸ Император Август назначил наставнику внуков Веррию Флакку ежегодное жалование в 100 000 сестерциев (1/4 денежного ценза для всадников) и поселил его во дворце (Suet. De gramm. 17). Наставник Марка Аврелия философ Аполлоний сам назначал себе жалование и даже получил от приемного отца Марка Аврелия, Антонина Пия, упреки в жадности (SHA Ant. Pius. 10.4). Отечественный переводчик С. П. Шестаков в комментарии к этому месту из речи (Шестаков 1914: 189) дает лишь просопографическую информацию о Лицинии Мл. и Оптате, целиком следуя комментарию из издания Фёрстера (Foerster 1906: 320). Впрочем, относительно Оптата более надежная просопографическая справка приведена в издании: (Jones, Martindale, Morris 1971: 650). Комментарий, предполагающий здесь некоторое преувеличение Либания, дает Р. Кастер (Kaster 1997: 420–421).

⁹ У Евсевия Кесарийского, придворного историка Константина, Лициний изображен собирающим богатства, но при этом жалуемым на бедность (Vita Const. I.55). Русский перевод «Жизни Константина» Евсевия — в издании: Серпова 1998.

¹⁰ Издание латинских панегириков с параллельным русским переводом: Шабага 2016.

Boissonade 1878¹¹). Тщеславие Константина вообще очень хорошо зафиксировано нарративной традицией. Автор *Epitome de caesaribus* прямо говорит (41.13) о жадности Константина к славе. Таким образом, Лициний вполне мог осуждать красноречие именно как инструмент прославления его противника — и видеть в нем «яд и чуму». Аврелий Виктор в середине IV столетия особенно отмечает милосердие и благочестие (*pietas*) Константина, ярко проявлявшиеся на фоне жестоких казней Лициния (*De caes.* 41.4–5). В панегирике Назария, произнесенном в 321 году, Константин прославляется подобным образом в противовес правившему в Риме в 306–312 гг. Максенцию. Оратор отмечает милосердие (*clementia*) и терпение (*patientia*) Константина, который долгое время закрывал глаза на злодеяния своего противника, прежде чем пойти против него войной (*Pan. Lat.* 10.8–9). Панегирики, произнесенные по случаю победы Константина над Лицинием, нам неизвестны, однако следы пропаганды Константина времен этого конфликта встречаются у писавшего в 320–330-е гг. церковного историка Евсевия Кесарийского. Он отмечает Константин проявлял к Лицинию терпение и даже жалость (*Hist. Eccl.* X.9.3¹²), а войну начал, лишь когда Лициний стал открыто вести гонения против христиан (*Ibid.* X.9.4; *Vita Const.* II.3). Конфликт между императорами растянулся в пределах десятилетия (314–324 гг.), и в перерыве между двумя фазами активных боевых действий (*Kienast* 2004: 299) Константин вполне мог дискредитировать противника средствами пропаганды — в том числе и риторики. Красноречивые описания добродетелей Константина должны были бы обеспечить ему «общественную поддержку» на территориях, подконтрольных Лицинию, и вынудить последнего к суровым мерам по укреплению своего авторитета (не они ли проявились в жестоких казнях, о которых сообщал Аврелий Виктор?).

Подводя итог всему сказанному, можем сделать следующие предположения. Несмотря на то, что хороший образовательный базис императора Лициния вызывает вполне обоснованные сомнения, вряд ли он был так резко настроен против образованности. Ораторские школы, воспитывавшие профессиональ-

¹¹ Русский перевод, выполненный Е. В. Дарк и М. Л. Хорьковым, — в издании: Тимофеев 1997: 227–294.

¹² Русский перевод «Церковной истории» Евсевия Памфила — в издании: Кривушин 2013.

ных льстецов, могли вызывать у него раздражение, что и вызвало столь негативную оценку именно в адрес красноречия. Вероятно, действительно имела место и некоторая скупость при оплате услуг наставника для сына (причины ее могли крыться как в характере Лициния, так и в каких-то вполне материальных причинах), что послужило толчком к появлению анекдота о жаловании хлебом с закусками и неприятии им наук в принципе. Пропаганда Константина, заинтересованная в создании образа Лициния как плохого человека и императора, воспользовалась всем этим материалом, что и привело к появлению такого клише, которое отразилось у компилятора в конце IV столетия.

Список сокращений

- Aur. Vict. De caes. — Sexti Aurelii Victoris De caesaribus («О цезарях» Секста Аврелия Виктора).
 FHG — Fragmenta Historicorum Graecorum (ed. C. Mullerus).
 Epitome de caes. — Epitome de caesaribus («Извлечения... о цезарях» Псевдо-Аврелия Виктора).
 Eunap. Vitae soph. — Eunapii Vitae sophistae («Жизнь софистов» Евнапия).
 Euseb. Hist. Eccl. = Eusebii Historia Ecclesiastica («Церковная история» Евсевия Кесарийского).
 Euseb. Vita Const. = Eusebii Vita Constantini («Жизнь Константина» Евсевия Кесарийского).
 Lib. Orat. — Libanii Orationes («Речи» Либания).
 Pan. Lat. — Panegyrici Latini (Латинские панегирики).
 SHA — Scriptores Historiae Augustae.
 Suet. De gramm. — Gai Suetonii Tranquilli De grammaticis («О грамматиках» Гая Светония Транквилла).

Список литературы

- Kondratyev, S. P. 1992: *Vlasteliny Rima* [Roman Sovereigns]. Moscow: Nauka. Кондратьев, С.П. 1992: *Властелины Рима*. М.: Наука.
 Koptelov, B. V. 2008: *Imperator Liciniy na perelome epoch* [Emperor Licinius at the Turning Point of Epochs]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury. Коптелов, Б. В. 2008: *Император Лициний на переломе эпох*. М.: Языки славянской культуры.
 Krivushin, I. V. 2013: *Evseviy Kesariyskiy. Tzerkovnaya Istoriya* [The Church History by Eusebius of Caesarea]. St.Petersburg: Oleg Abyshko's Publ. House. Кривушин, И. В. 2013: *Евсевий Кесарийский. Церковная история*. СПб.: «Изд-во Олега Абышко».
 Mirolubov, I. A., 2016a: [Education of Constantine the Great]. *Aristeas* 13. 90–95. Миролюбов, И. А. 2016: Об образовании императора Константина Великого. *Аристей* 13. 90–95.
 Mirolubov, I. A., 2016b: [Emperor Licinius in the Light of Constantine's the Great Propaganda]. *Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya* [History magazine: researches] 4. 436–440.

- Миролюбов, И. А. 2016b: Император Лициний в свете пропаганды Константина Великого. *Исторический журнал: научные исследования* 4. С. 436–440.
- Mirolubov, I. A., 2018: [Libanius on the private life of Constantine the Great]. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European linguistics and classical philology] 22, 469–477.
- Миролюбов, И. А. 2018: Либаний о личной жизни Константина Великого. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 22. 469–477.
- Serpova, V. V. 1998: *Evseviy Pamfil. Zhizn' Konstantina* [Life of Constantine by Eusebius Pamphili]. Moscow: "Labarum".
- Серпова, В. В. 1998: *Евсевий Памфил. Жизнь Константина*. М.: Изд. Группа Labarum.
- Shabaga, I. Yu. 2016: *Latinskiye Panegiriki* [The Latin Panegyrics]. Moscow: Russian Foundation for Support of Education and Science.
- Шаблага, И. Ю. 2016: *Латинские панегирики*. М.: Русский фонд содействия образованию и науки.
- Shestakov, S. P. 1914: *Rechi Libaniya* [Libanius' Speeches]. Vol. I. Kazan: Typography of the Kazan Imperial University.
- Шестаков, С. П. 1914: *Речи Либания*. Том I. Казань: Типо-литография Императорского университета.
- Timofeev, M. A. 1997: *Rimskiye istoriki IV veka* [Roman Historians of the IV Century A.D.]. Moscow: Political Encyclopedia Publishers (ROSSPEN). Тимофеев, М. А. 1997: *Римские историки*. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН).
- Birley, A. 2003: The Historia Augusta and Pagan Historiography. In: Marasco G. (ed.). *Greek and Roman historiography in late antiquity: fourth to sixth century A.D.* Leiden; Boston: Brill, 127–149.
- Bonamente, G. 2003: Minor Latin Historians of the Fourth Century A.D. In: Marasco G. (ed.). *Greek and Roman historiography in late antiquity: fourth to sixth century A.D.* Leiden; Boston: Brill, 85–125.
- Foerster, R. 1906: *Libanii Opera*. Vol. III. Lipsiae: In Aedibus B. G. Teubneri.
- Jones, A. H. M., Martindale, J. R., Morris, J. 1971: *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. I. Cambridge: CUP.
- Kienast, D. 2004: *Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Kaster, R. A. 1997: *Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity*. Berkley; Los Angeles; London: University of California Press.
- Leadbetter, B. 1998: The Illegitimacy of Constantine and the Birth of the Tetrarchy. In: Lieu S. N. C., Montserrat D. (eds.). *Constantine: History, Historiography and Legend*. London: Routledge, 74–85.
- Pichlmayr, F. 1970: *Sextus Aurelius Victor De Caesaribus*. Leipzig: BSB B. G. Teubner Verlagsgesellschaft.

О. В. Кулишова, А. Д. Пантелеев
(Санкт-Петербургский государственный университет)

ПОЛЕМИКА О ЗРЕЛИЩАХ В ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ (ПО ДАННЫМ ЛИТЕРАТУРНОЙ И АГИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ)*

Статья посвящена анализу дискуссии, развернувшейся в поздней античности между сторонниками и противниками театральных зрелищ. Первая группа представлена речами Либания, Хорикия и отдельными высказываниями «умеренных» христианских авторов, вторая — сочинениями церковных писателей и агиографическими текстами, которые рассказывали о актерах, обратившихся в христианство (Порфирий, Генесий, Пелагея и др.). Мимы и пантомимы создавали свой мир, который отличался от христианского и сохранял традиции античных полисов и языческой культуры. Осознание этого беспокоило христианских писателей, и они стремились ликвидировать этот осколок прошлого и заменить его на благочестивые проповеди и церковные праздники.

Ключевые слова: зрелища, мимы, раннее христианство, Римская империя, агиография, Либаний, Хорикий.

O. V. Kulishova, A. D. Panteleev
(St. Petersburg State University)

Controversy about the spectacles in the Late Roman Empire (according to the literary and hagiographic tradition)

The article analyzes the discussion that took place in Late Antiquity between supporters and opponents of theatrical spectacles. Literary, archaeological, and epigraphic sources attest to the great popularity of performances at this time. Libanius, Choricus, and several “moderate” Christian authors were the defenders of the performances, while their opponents were Church writers and authors of hagiographic texts that told about the actors converted to Christianity (Porphyrios, Gelasinos, Ardalion, Pelagia, and others). For Libanius and Choricus mimes were as much a part of the classical heritage as rhetoric; mimes are valuable because they enlighten the uneducated, telling them of gods and heroes. The purpose of hagiographic legends about actors-martyrs was to show that an actor could

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00455 «Античные основы современной зрелищной культуры: визуализация и перформанс в религии и политике». The study was funded by RFBR, project number 20-09-00455 «Ancient foundations of modern spectacle culture: visualization and performance in religion and politics».

be saved by accepting Christianity, repenting of his craft and giving it up forever. The story of the conversion of St. Pelagia (BHG 1478) is especially interesting. After being baptized, she left her native city of Antiochia and lived for several years as a eunuch monk. The main theme of this story is the transformation of the sinful actor's mimesis into a virtuous Christian one. By the end of the 4th and the beginning of the 5th century performances were reliably separated from the practical manifestations of idolatry (pagan festivals, sacrifices, etc.), what allowed Christian believers to participate in them. Mimes and pantomimes created their own world, which was different from the Christian one and preserved the traditions of ancient pagan culture. Realization of this disturbed Christian writers, and they sought to eliminate this fragment of the past and replace it with pious sermons and Church festivals.

Keywords: Spectacles, Mimes, Early Christianity, Roman Empire, Hagiography, Libanius, Choricus.

Общеизвестно, что раннехристианские авторы — Татиан, Тертуллиан, Киприан, Новациан — всячески осуждали античные зрелища, их участников и зрителей (Jürgens 1972; Schnusen-berg 1988; Panteleev 2009; Panteleev 2010). Тертуллиан относит все связанные со зрелищами занятия к запретным для христианина (Tert. De spect., 16–21), «Апостольские постановления» утверждают: «Если приходит (креститься. — А. П.) кто-то из актеров, мужчина или женщина, или возница, или гладиатор, или ристалищный бегун, или устроитель игр, или участник Олимпийских игр, или музыкант... или танцор... то или пусть перестанут заниматься этим, или да будут отринуты» (Const. apost., VIII, 32), а Киприан Карфагенский рассматривает вопрос об актере, который, крестившись, отказался от своего ремесла, но учил этому искусству других, и приходит к выводу о недопустимости такого поведения (Cypr. Epist., 2). Причины этой неприязни носили комплексный характер. Сами церковные писатели критиковали идолопоклонство, прославление разврата и порчу нравов, кроме того, нужно помнить, что иногда во время языческих зрелищ на арене гибли христиане. Современные исследователи, обобщая эти претензии, указывают на следующие антиномии, к которым сводились противоречия между христианами и миром зрелищ: популярность актеров в римском обществе и их низкий социальный статус; амбивалентные взаимоотношения с религией — покровительство богов театру и осмеяние их на сцене; двойственное чувство презрения и обожания, пробуждаемые натренированными телами атлетов или «мужеженскими» телами актеров; потеря во время гладиаторских боев своего «я» зрителем в безумии толпы

(Lugaresi 2003: 281–309). В центре нашего внимания, однако, окажется не критика христианами театральных зрелищ во II–III вв., а место этих представлений в последующую эпоху и дискуссия, которая развернулась вокруг них.

После победы христианства с театрами ничего не произошло: те, что существовали, использовались по-старому, и строились новые, например, в Константинополе или в Сирмии (префект претория Петроний Проб смог срочно укрепить город в 373 г., используя материал, собранный для строительства театра — *Amm. Marc.*, XXIX, 6, 11). Имеются свидетельства их функционирования вплоть до VI в., но постепенно здание театра перестало считаться необходимым для города, как это раньше случилось с гимнасием (Barnes 1996: 165–166).

В эпоху поздней империи изменился характер представлений. Г. Теохаридис, проанализировав гомилии Иоанна Златоуста, пришел к выводу, что чаще всего там упоминаются три вида зрелищ: 1) отрывки из трагедий, исполненные *παντομίμοις*, то есть спектакль, состоявший из танца пантомима, песни, под которую он танцевал и которая исполнялась другими, и сопровождающей музыки; 2) отрывки из трагедий, представленные трагическими актерами (*τραγῳδοί*); 3) мимы (Theocharidis 1940)¹. Пантомим был мужчиной, исполнявшим сольные танцевальные партии и игравшим мужские и женские роли. Трагический актер также исполнял и мужские, и женские роли, однако, в отличие от пантомима, не танцевал, а только жестикулировал, он пел без сопровождения, облаченный в маску и одежду с длинными рукавами. Мимы исполнялись как мужчинами, так и женщинами, исполнители разговаривали и пели, обычно без хора, но не танцевали. Начиная со времени Северов, классические трагедия и комедия все больше теряют популярность, и трагический актер становится, по выражению Т. Барнса, «бедным родственником пантомима» (Barnes 1996: 169).

Мы можем проследить по надписям постепенное распространение мимов на востоке Империи. В надписи 120-х гг. из Эноанды, содержащей устав фонда для организации городских агонов, мимы упоминаются лишь среди выступлений без призов, что показывает их периферийное положение в это время (Wörle 1988: 4–16; 227–258), но уже спустя поколение они всерьез обсуждаются Лукианом, и постепенно, как показал

---

¹ Кроме того, Иоанн Златоуст упоминает о выступлениях *κιθαρῳδοί* и *κωμῳδοί*.

Л. Робер, их положение все больше укрепляется (Reich 1903; Robert 1930: 106–122). Существует много свидетельств популярности этих зрелищ в эпоху Поздней империи. Известны конторниаты — монетовидные медальоны — с изображениями знаменитых актеров (Jory 1996: 1–28), в Египте обнаружены фрагменты папирусов IV–VI вв. с текстами мимов (Perrone 2011: 126–153), в V в. поддержка того или иного актера становится частью борьбы цирковых партий (Cameron 1976: 219–222), наконец, образы сцены встречаются в проповедях и сочинениях христианских авторов (Webb 2008: 190–196; Puk 2013: 24–25).

После победы христианства зрелища начинают адаптироваться к новой реальности. Из театров исчезают алтари и небольшие храмы, где совершались жертвы перед началом представлений, и если раньше игры часто были связаны с праздниками в честь богов или героев, то постепенно такая практика сходит на нет. Законы, принятые императорами в IV–V вв., показывают непростой процесс попыток согласовать новую христианскую мораль со старыми зрелищами (Blänsdorf 1990: 161–180). Это хорошо видно из главы кодекса Феодосия о *taïuita*, празднике в честь Диониса и Афродиты. Он справлялся ночью, и основной его частью были выступления мимов и пантомимов (Roueché 1989: 71–73). Два постановления Аркадия в 396 и 399 г. противоречат друг другу: сначала он разрешает этот праздник, но с условием, чтобы «строгими обычаями сохранялись приличие и скромность», а три года спустя запрещает *taïuita*, в качестве компенсации предложив представления с актерами (CTh, 15,6,1–2).

Правовое положение выступавших на сцене было невысоким, как и в Риме республиканского времени (Frank 1931; Green 1933; Edwards 1997: 66–95; Dunkan 2006; Kokur 2018: 335–384). Их допускали к причастию только в случае угрозы жизни, а если актер или мим выздоравливал, он не имел права больше заниматься своим делом (CTh, 15,7,1), актрисы не имели права носить некоторые виды одежды (CTh, 15,7,11; 12), их дочерей принуждали выступать на сцене, и только принятие христианства могло их освободить от этого (CTh, 15,7,2; 4; 9; 12). Естественно, что эти нормы в меньшей степени касались «суперзвезд» поздней античности, считавшихся украшением города, и тем более тех, кто занимал высокое положение при дворе, как любимые актеры высшей знати или Феодора, жена Юстиниана I (Evans 2002; Potter 2015).

Христианские иерархи по-прежнему осуждали все старые зрелища. Арльский собор 314 г. пригрозил отлучением возникшим колесниц и актерам, если они продолжат свои выступления (Can. 4, 5), и во второй половине V в. это правило было дословно повторено в решениях собора в том же городе (Can. 20). Однако, вскоре пути колесничих и актеров разошлись: гонки стали важной частью жизни Империи (Cameron 1976), а театральные представления и состязания все так же подвергались порицаниям. Дело доходило до того, что на Лаодикийском соборе, состоявшемся в 360-е гг., было запрещено всем христианам танцевать даже на свадьбах, а священники должны были покинуть пиршество, как только войдут музыканты (θυμελικοί; Can. 53; 54). Особую активность в этой борьбе проявляли Василий Великий, Кирилл Иерусалимский, Иоанн Златоуст.

Но зрелища и актеры обсуждались не только в законах, церковных канонах и проповедях. Нам хотелось бы обратиться к двум группам текстов, где рассматривались эти проблемы. Первая — речи и сочинения Элия Аристида, Лукиана, Либания и Хорикия, в которых обсуждаются сценические зрелища, вторая — несколько агиографических произведений, в которых рассказывается об обращении актеров. Элию Аристиду принадлежала утраченная речь, которая критиковала танцы и танцоров, а другая призывала к запрету постановки комедий (Arist. Or., 29). Он критикует эти зрелища из-за злословия, ведущего к злонравию, из-за пагубного воздействия на молодежь и на все общество в целом, и того, что «злословящие» актеры не только осмеивают всех подряд, и порочных, и порядочных, но и извлекают из этого выгоду (Bowersock 2008: 69–77; Mezheritskaya 2013: 574–578). В какой-то степени его замечания перекликаются с тем, что говорили христиане. Сочинения остальных трех авторов, наоборот, носят апологетический характер. Лукиан в сочинении «О пляске», написанной в том же II в., защищает мимы от обвинений, вложенных в уста киника Кратона: это распушенность и убеждение, что пляска является «женским делом» и зрелищем, недостойным добродетельного и образованного человека. Помимо прочего, Лукиан указывает на то, что танцы были изобретены богами и переданы ими людям (Luc. De salt., 8; 21–22), а образование и эрудиция танцора должны охватывать не только музыку, но и ритмику, метрику, философию, риторику, живопись и ваяние (De salt., 35). Сочинения Элия Аристида и Лукиана — это спор между образованными язычниками, признающими ключевое значение греческой

классической культуры. Их аргументы во многом восходят к суждениям авторов времени греческой классики – Ксенофонта, Платона и др., размышлявших о том значении, которое имело для греческой общины участие граждан в дифирамбических и драматических хорах (Bacon 1995: 6–24; Zarifi 2007: 227–245; Kulishova 2014: 253–259; Kulishova 2015: 44–48). Нужно сказать, что сходная дискуссия в первые века нашей эры велась и о других видах зрелищ, например, об атлетических играх (Mammel 2014: 603–616).

В последующие века характер этой полемики меняется. Если в доконстантиновское время апологеты зрелищ отбивались от атак риторов и философов, то теперь главными врагами оказываются христиане. Либаний в своей речи «К Аристиду за танцоров» (Lib. Or., 64), написанной ок. 361 г. (Nesselrath 2014: 251), формально вступает в заочный спор со знаменитым ритором, но уже в самом начале речи мы встречаем знаменательный пассаж. Упомянув о спартанцах, которым законы Ликурга запрещали любоваться танцами, Либаний говорит: «Ты предлагаешь привычки времен их господства поддерживать в пору, когда они оказались подчинены?» (Lib. Or., 64, 6), неявно указывая, что времена изменились, и вряд ли стоит перед лицом общей угрозы спорить о вкусах. В своей речи Либаний повторяет многое из аргументов Лукиана (извечное существование танца «с тех пор, как существует небо и шествие звезд» (12), его связь с богами и пр.), но и здесь он спрашивает: «Есть ли кто-нибудь, кто верит Аристиду, что этот танцор, воспроизводя нравы богов, поступает хуже, чем люди, опрокидывающие жертвенники, грабящие посвященные им приношения, срывающие храмы и сжигающие статуи?» (33). Христиане не названы по имени, но тяжело предположить, что современники не понимали, о ком идет речь. Претензии Аристида к танцорам, на которые отвечает Либаний — разврат, женоподобие, обучение дурному, — совпадают с претензиями, которые высказывались христианскими писателями. Для него танец является такой же частью классического наследия, что и риторика, и Либаний особо указывает на то, что он сохраняет, передает и укрепляет эллинскую идентичность. Если раньше «общими учителями народа» были трагические поэты, то теперь им на смену, словно посланные неким богом, пришли танцоры, и снова какой-нибудь золотых дел мастер сможет побеседовать с образованным человеком о доме Приама и Лае (112).

Последнее сочинение, к которому мы обратимся — «Апология мимов», написанная Хорикием из Газы во 2-й четверти VI в. Долгое время воспринималось как очевидность принадлежности Хорикия к христианам, но недавно Т. Барнс усомнился в этом. С его точки зрения, наличие двух или трех речей, написанных на христианские сюжеты, не может свидетельствовать о религиозных взглядах автора: было бы странно считать, что в это время ритор, занимавший городскую кафедру, будет избегать этих тем, а в целом Хорикий редко цитирует Новый Завет и использует христианскую лексику, но охотно обращается к языческим образам. Он часто вспоминает Гомера, называет Зевса творцом мира или вспоминает Острова Блаженных (Barnes 1996: 178–180). Сейчас некоторые исследователи придерживаются традиционной точки зрения (Penella 2009: 4), а некоторые признают невозможность однозначного ответа на этот вопрос (Malineau 2005: 168; White 2013: 59). Что касается «Апологии», то она обращена скорее к христианской аудитории: в ней опровергаются обвинения, которые высказывали церковные авторы, и Хорикий явно ссылается на Евангелие от Иоанна (Jn. 8:7), когда предлагает изгнать из города всех, ведь никто не может доказать, что все его последователи без греха (ἀναμάρτητους. — Chor. Apol. mim., 21). Как отмечает А. Вайт, вряд ли это случайно: ἀναμάρτητος нечасто используется античными авторами, зато это слово любят отцы Церкви (White 2013: 53).

Так или иначе, «Апология мимов» оказывается уникальной: она встает на защиту не только пантомимов, но и мимов, которые даже Либанием оценивались крайне низко (Lib. Or., 64. 10–11). Хорикий последовательно опровергает обвинения в том, что актерское ремесло является низким (Chor. Apol. mim., 10–17), что пьесы мимов составлены из лжи и распущенности (18–28), что они развращают зрителей и разжигают дурные страсти (29–96), что их представления носят антиобщественный характер (97–122), что они заражают работников ленью (123–129), что песни мимов соблазнительны, а их прически и шутки непристойны (130–154). Отсылки Хорикия к античным мифам могут не отражать его религиозные взгляды, а являться следствием полученного образования, но в любом случае для него мимы — часть привычной культуры. Театральные представления, один из даров Диониса человечеству, оставались «школой для необразованных».

Христиане, со своей стороны, критиковали представления не только в проповедях, но и в агиографических сочинениях. Можно указать на группу текстов, которые рассказывали о актерах, обратившихся в христианство прямо на сцене. Это мученичества Порфирия (275 г.), Геласия или Геласина (297 г.), Ардалиона (298 г.) и Генесия (ок. 303 г.) (Elm 2006: 86–100; Panteleev 2013: 389–413). Все они, будучи язычниками, играли в мимах, осмеивавших христианскую религию и ее ритуалы. В какой-то момент спектакля пародировалось крещение, но актеры, погружившись в шутовскую купель, внезапно обретали благодать Святого Духа. Они прямо на сцене объявляли себя христианами, представляли перед судом, исповедовали Христа и претерпевали мученическую смерть. Помимо демонстрации победы истинной веры над дьяволом и язычниками-злопыхателями, у этих рассказов была еще одна цель: показать, что актер может спастись, приняв христианство, раскаявшись в своем ремесле и навсегда отказавшись от него.

Еще один любопытный образец такой критики — «Раскаяние св. Пелагеи» (BHG 1478), написанное диаконом Иаковом из Гелиополя в V в. (Coon 1997: 77). Это повествование об обращении «первой из антиохийских танцовщиц», оглашенной, но еще не крещенной, случайно услышавшей проповедь епископа Нонна. От рождения ее звали Пелагеей, но антиохийская публика называла ее Маргаритой (от множества драгоценностей, которыми она себя украшала). Прежде она не задумывалась о своих грехах и даже не заглядывала в церковь, но после слов Нонна осознала глубину своего падения, раскаялась, крестилась, передала свое имущество церкви, щедро наградив, отпустила слуг и вскоре исчезла из города. Несколько раз ей в Антиохии ей являлся дьявол, уговаривавший свою «самую верную надежду» вернуться к нему. Спустя три года Иаков во время своего путешествия в Иерусалим встретился с отшельником-евнухом Пелагием, замурованном в крошечной камерке на Масличной горе. Через несколько дней Пелагий умер, и только когда его омывали перед погребением, открылось, что это была та самая женщина.

Уникальность этого сочинения в том, что сама св. Пелагея «практически полностью отсутствует в собственной истории» (Webb 2008: 210). Там, где, казалось бы, самое место рассказу об испытаниях и духовных подвигах, ничего нет, а повествование, как и в случае мимов-мучеников, практически сразу переходит от раскаяния и обращения к смерти. Акцент здесь дела-

ется не на описании монашеских подвигов, а именно на обращении актрисы и преображении греховного актерского *mimesis* в добродетельный христианский. Первое описание Пелагеи, ее прекрасных одежд, драгоценностей, духов подчеркивает ее роль куртизанки и орудия дьявола, и Нонн упрекает себя и окружающих в том, что они тратят намного меньше сил, чтобы угодить Господу, чем она – угождая людям. Пелагея падает к ногам Нонна, вытирает своими волосами его ноги и умоляет крестить ее со словами: «Подражай наставнику твоему Иисусу Христу», и эта сцена подобна тому, как сам Нонн оплакивал свою неспособность с такой же энергией служить Богу. Наконец, важно описание того, как Пелагея покидает Антиохию в одной власянице, которая до этого связывалась только с Нонном, а в латинской и сирийской версиях она тайком забирает эту рубашку у Нонна (Webb 2008: 211–212). Для того чтобы заметить *mimesis* и параллелизм в развитии этой темы, требовался определенный интеллектуальный уровень, а для менее искушенных читателей и слушателей сделан явный намек на близость ремесла актрисы и блудницы (Edwards 1997: 66–95), поскольку танцовщица изображена как спутница дьявола и источник нечистоты, которого будет сторониться любой разумный человек.

Конечно, полностью избавиться от пантомимов, мимов и других актеров было невозможно, и императоры, принуждая их детей к выступлениям, отлично понимали важность представлений для отдыха и успокоения эмоций своих подданных. К концу IV — началу V в. зрелища были уже надежно отделены от практических проявлений идолопоклонства (связь с языческими праздниками, жертвоприношения и др.), а их религиозное содержание воспринималось большинством населения как традиционное развлечение. Иаков Серугский, живший в Сирии на рубеже V–VI вв., писал: «“Это игра, — говорят они, — а не язычество”. Что вы потеряете, если я посмеюсь? И поскольку я отрицаю богов, я ничего не потеряю из-за рассказов о них. Театральный танец радует меня, и хотя я исповедую Бога, я также получаю удовольствие от спектакля... и я знаю, что подражания во время зрелища ложны. Я не иду, чтобы поверить, но иду, чтобы посмеяться... Я думаю, что ничего не потеряю» (Jas. Ser. Hom. spect., 5; cf. Sev. Ant. Hom. cat., 54).

Мимы были островком старого мира, дохристианского и внехристианского: с ними был связан свой собственный образ жизни с конкуренцией трупп и отдельных актеров, с соперни-

чеством партий, поддерживающих разных исполнителей, а организация представлений была способом завоевания престижа в родном городе и возможностью продемонстрировать свои богатство, вкус и щедрость. Помимо эстетического воздействия, эти представления поддерживали старую классическую культуру, и люди, причастные *παιδεία*, неважно, христианами или язычниками они были, ратовали за их сохранение. Иногда зрелища могли объединять группы последних почитателей старых богов. Мир зрелищ сохранял традиции античности. Осознание этого беспокоило христианских писателей, и они стремились как можно быстрее избавиться от этого подозрительного реликта, предлагая заменить его проповедями и церковными праздниками с благочестивыми процессиями.

Литература

- Bacon H. 1995: The Chorus in Greek Life and Drama. *Arion* 3, 6–24.
- Barnes T. D. 1996: Christians and Theater. In: *Roman Theater and Society*. Ed. by W. J. Slater. Ann Arbor, 161–180.
- Blänsdorf J. 1990: Der spätantike Staat und die Schauspiele im Codex Theodosianus. In: *Theater und Gesellschaft im Imperium Romanum*. Hrsg. von J. Blänsdorf. Tübingen, 261–273.
- Bowersock G. W. 2008: Aristides and the Pantomimes. In: *Aelius Aristides between Greece, Rome, and Gods*. Ed. by W. V. Harris, B. Holmes. Leiden, 69–77.
- Cameron A. 1976: *Circus Factions: Blues and Greens at Rome and Byzantium*. Oxford.
- Coon L. L. 1997: *Sacred fictions. Holy women and hagiography in late antiquity*. Philadelphia.
- Duncan A. 2006: *Performance and identity in the classical world*. Cambridge.
- Evans J. A. 2002: *Empress Theodora. Partner of Justinian*. Austin.
- Frank T. 1931: The Status of Actors at Rome. *Classical Philology* 26, 11–20.
- Green W. 1933: The Status of Actors at Rome. *Classical Philology* 28, 301–304.
- Edwards C. 1997: Unspeakable Professions: Public Performance and Prostitution in Ancient Rome. In: *Roman Sexualities*. Ed. by J. Hallett, M. Skinner. Princeton, 66–95.
- Elm D. 2006: Mimes into Martyrs: Conversion on Stage. In: *The Changing Face of Judaism, Christianity and Other Greco-Roman Religions in Antiquity*. Ed. by I. H. Henderson, G. S. Oegema. Gütersloh, 87–100.
- Jory E. J. 1996: The Drama of the Dance. Prolegomena to an Iconography of Imperial Pantomime. In: *Roman Theater and Society*. Ed. by W. J. Slater. Ann Arbor, 1–28.
- Jürgens H. 1972: *Pompa Diaholi: Die lateinischen Kirchenväter und das antike Theater*. Tübingen.

- Kocur M. 2018: *The Power of Theater: Actors and Spectators in Ancient Rome*. Frankfurt am Main.
- Kulishova O. V. 2014: [Chorus in Ancient Greek Drama: Socio-political Context]. In: *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [Mnemon. Investigations and Publications on the History of the Ancient World] 14, 253–259.
- Кулишова О. В. 2014: Хор в древнегреческой драме: социально-политический контекст. *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира* 14, 253–259.
- Kulishova O. V. 2015: [Chorus in Ancient Greek Theatre in the 5th century BC]. In: *Trudy Istoricheskogo Fakul'teta Sankt-Peterburgskogo Universiteta* [Proceedings of the Faculty of History of the St.-Petersburg State University] 23, 36–51.
- Кулишова О. В. 2015: Хор в древнегреческом театре V в. до н. э. *Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета* 23, 36–51.
- Lugaresi L. 2003: Ambivalenze della rappresentazione: Riflessioni patristiche su riti e spettacoli. *Zeitschrift für Antikes Christentum* 7, 281–309.
- Malineau V. 2005: L'apport de l'Apologie de mimes de Choricius de Gaza à la connaissance du théâtre du VIe siècle. In: *Gaza dans l'Antiquité Tardive: Archéologie, rhétorique et histoire*. Ed. C. Saliou. Salerno, 149–169.
- Mammel K. 2014: Ancient Critics of Roman Spectacle and Sport. In: *A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman World*. Ed. by P. Christesen, D.G. Kyle. Chichester, 603–616.
- Mezheritskaya S. I. 2013: [The Late Antique Mime according to the Evidence and References of Contemporaries]. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European linguistics and classical philology] 17, 571–583.
- Межерицкая С. И. 2013: Позднеантичный мим в свидетельствах и оценках современников. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 17, 571–583.
- Nesselrath H.-G. 2014: Libanius and the literary tradition. In: *Libanius. A Critical Introduction*. Ed. by L. van Hoof. Cambridge, 241–267.
- Panteleev A. D. 2009: [Scholar of the Christian in the 'Paedagogos' of Clement of Alexandria]. *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [Mnemon. Investigations and Publications on the History of the Ancient World] 8, 401–416.
- Пантелеев А. Д. 2009: Досуг христианина (по «Педагогу» Климента Александрийского). *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира* 8, 401–416.
- Panteleev A. D. 2010: [Scholar of the Christian in the Tertullian's treatises]. *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [Mnemon. Investigations and Publications on the History of the Ancient World] 9, 299–314.
- Пантелеев А. Д. 2010: Досуг христианина в сочинениях Тертуллиана. *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира* 9, 299–314.

- Panteleev A. D. 2013: [From mimes into martyrs: stories about conversion of the Roman actors]. *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [Mnemon. Investigations and Publications on the History of the Ancient World] 13, 389–403.
- Пантелеев А. Д. 2013: Из мимов в мученики: истории об обращении римских актеров. *Мнемон. Исследования и публикации по античной истории* 13, 389–403.
- Penella R. J. 2009: *Rhetorical Exercises from Late Antiquity. A Translation of Choricus of Gaza's Preliminary Talks and Declamations*. Cambridge.
- Perrone S. 2011: Back to the backstage: the papyrus P.Berol. 13927. *Trends in Classics* 3, 126–153.
- Potter D. 2015: *Theodora. Actress, Empress, Saint*. Oxford.
- Puk A. 2013: A Success Story: Why did the Late Ancient Theatre Continue? *Studia Patristica* 60, 21–37.
- Reich H. 1903: *Der Mimus: Ein litterar-entwicklungsgeschichtlicher Versuch*. Berlin.
- Robert L. 1930: Pantomimen im Griechischen Orient. *Hermes* 65, 106–122.
- Roueché C. 1989: *Aphrodisias in Late Antiquity*. London.
- Schnusenberg C. C. 1988: *The Relationship between the Church and the Theater Exemplified by Selected Writings of the Church Fathers and by Liturgical Texts until Amalarius of Metz — 775–852 A.D.* Lanham.
- Theocharidis G. J. 1940: *Beiträge zur Geschichte des byzantinischen Profantheaters im IV. und V. Jahrhundert, hauptsächlich auf Grund der Predigten des Johannes Chrysostomus, Patriarchen von Constantinopel*. Thessaloniki.
- Webb R. 2008: *Demons and Dancers. Performance in Late Antiquity*. Cambridge; London.
- White A. W. 2013: Mime and the Secular Sphere: Notes on Choricus' 'Apologia Mimorum'. *Studia Patristica* 60, 47–59.
- Wörle M. 1988: *Stadt und Fest im kaiserzeitlichen Kleinasien: Studien zu einer agonistischen Stiftung aus Oinoanda*. München.
- Zarifi J. 2007: Chorus and Dance in Ancient World. In: *The Cambridge Companion to Greek and Roman Theatre*. Ed. by M. McDonald, J. M. Walton. Cambridge, 227–245.

Д. Е. Афиногенов
(ИВИ РАН / МГУ им. М. В. Ломоносова)

ПЕЙОРАТИВНЫЕ КОННОТАЦИИ ЭТНОНИМА «СИРИЕЦ» В НЕКОТОРЫХ ПАМЯТНИКАХ ВИЗАНТИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ IX В.

Византийцы охотно использовали негативные этнические стереотипы в полемике, как политической, так и богословской. Очередной повод к использованию такого стереотипа в отношении сирийцев дал иконоборческий кризис, инициированный императорами династии, впоследствии известной как Исаврийская. Ее основатель, император Лев III, был этническим сирийцем. Православные полемисты, однако, не стали использовать восходящее к античности клише «хитрого (πανούργος) сирийца», но актуализировали ассоциацию сириец/еретик-монофисит, поскольку ко времени создания исходных (ныне утраченных) документов монофиситы из Сирии еще жили во Фракии. С течением времени эта ассоциация все более ослабевала и ко времени патриарха Фотия вообще исчезла.

Ключевые слова. Византийская литература, сирийцы, Сирийская (Исаврийская) династия, Феофан Исповедник, Георгий Амартол, монофиситство.

Dmitry Afinogenov
(Institute of World History, RAS / Moscow State University)

Pejorative connotations of the ethnonym “Syrian” in some 9th century Byzantine literary works

The Byzantines never shunned from using ethnic stereotypes against opponents in both political and theological polemics. A convenient occasion for applying stereotypes of this kind was offered by the Iconoclast crisis, initiated by the emperors of the dynasty later known as “Isaurian”. The founder of that dynasty, emperor Leo III, hailed from Germanikeia and was ethnic Syrian. However, the Orthodox opponents of the “Isaurians” did not recur to the cliché of a “cunning (πανούργος) Syrian”, known from the Antiquity. Instead, they opted for revitalizing the association of Syrians with Monophysite heretics (Jacobites, Theopaschites). This was facilitated by the measures taken by Leo’s son and successor Constantine V, who had resettled large groups of Syrian Monophysites from Theodosiopolis and Melitene to Thrace. When the main anti-Iconoclast historical source on Leo and Constantine was being compiled in early 780s (**Historia Leonis et Constantini*, now lost), these people still persisted in their beliefs. However, the chain of reception from Theophanes (soon after 813) to the third version of George the Monk (*vulgata*, last quarter of the 9th c.) demonstrates that the negative association Syrians/Monophysites was

gradually fading, along with the memory of Leo III's Syrian origin. Photios does reproduce the ancient stereotype of *πανουργία* in the *Lexicon*, but otherwise, despite his keen interest in anti-Iconoclast and anti-Monophysite polemics, seems to be quite indifferent or even positive towards Syrians.

Keywords. Byzantine literature, Syrians, Syrian (Isaurian) dynasty, Theophanes Confessor, George the Monk, Monophysitism.

Несмотря на то, что Восточная Римская империя всегда была многоэтничным государством, в котором говорили, а до VII в. и писали на нескольких языках, когда византийцам нужно было опорочить того или иного почему-либо несимпатичного им деятеля, они отнюдь не чурались диффамации, связанной с его истинным или предполагаемым этническим происхождением. Так, патриарха Фотия, принадлежавшего к одному из древнейших аристократических родов империи, называли *χαζαροπρόσωπος*, подразумевая, по-видимому, какие-то монголоидные черты его облика (Symeonis 1838, 673, 19). Об иконоборческом патриархе Никите, прославившемся своим невежеством, сказано *ὁ ἀπὸ Σκλάβων εὐνοῦχος* (Theophanis 1883, 440, 13), причем до сих пор непонятно, имеется ли в виду происхождение из рабов или из славян¹: в любом случае негативные коннотации очевидны. Когда император Лев V Армянин в 815 г. возобновил иконоборчество, патриарх Никифор не преминул воспользоваться его этническими корнями (не только армянскими, но и ассирийскими, согласно преданию семейства Арцруни) в целях диффамации². Но примерно 60 лет спустя армянское происхождение Василия I Македонянина позволило экс-патриарху Фотию составить тому генеалогию, восходящую к Аршакидам.

В VIII в. в Византии разразился иконоборческий кризис, инициаторами которого были императоры династии, которая обыкновенно называется Исаврийской, однако в реальности к Исаврии не имеет никакого отношения. Как известно, император Лев III от рождения носил имя Конон Исавр (*Κόνων ὁ Ἰσαυρός*), очевидно, в честь известного мученика I (либо III) в. Однако родился будущий Лев в Германикии (совр. Кахраман-мараш в Турции) и был этническим сирийцем (подробности в Gero 1973). А priori следовало бы ожидать, что его

¹ Исходя из стилистических особенностей предполагаемого источника, второе мне представляется гораздо более вероятным.

² Фрагмент сохранился только в Georgii Monachi 1978, 780, 13–782, 3.

происхождение будет использовано православными полемистами с целью создания отрицательного образа.

Предпосылки к этому наличествовали, поскольку еще в античности сложился отрицательный стереотип, ассоциировавший сирийцев с πανουργία (хитрость, злокозненность), что отразилось, например, в Лексиконе Фотия: Σύροι πρὸς Φοίνικας: ἐκάτερα τὰ ἔθνη διαβέβληται ὡς πανοῦργα (Сирийцы на финикийцев: оба племени ославлены как хитрые — Photii 1865. Vol. II, 557, 23–24). Отголоски данного стереотипа находим и в Хронографии Феофана Исповедника, основном нашем источнике по истории Восточной империи VIII в., написанном вскоре после 813 г.: ἦλθε πρὸς αὐτὸν Ἀθανάσιος, ὁ πατριάρχης τῶν Ἰακωβιτῶν, δεινὸς ἀνὴρ καὶ κακοῦργος τῇ τῶν Σύρων ἐμφύτῳ πανουργίᾳ ‘пришел к нему (императору Ираклию — Д. А.) Афанасий, патриарх яковитов, муж хитрый и злокозненный по врожденному у сирийцев коварству’ — Theophanis 1883, 329, 22–23. Заметим здесь связь «сириец — яковит».

Однако если обратиться к фразе, которой Феофан начинает рассказ о царствовании Льва III, то оказывается, что происхождение из Германикии воспринимается как более респектабельное, нежели из Исаврии: Λέων ἐβασίλευσεν ἐκ τῆς Γερμανικέων καταγόμενος, τῇ ἀληθείᾳ δὲ ἐκ τῆς Ἰσαυρίας ‘...воцарился Лев, происходивший из Германикии, а на самом деле из Исаврии’ — Theophanis 1883, 391, 5–6. Но Анастасий Библиотекарь в латинском переводе, имеющем очень большое текстологическое значение, добавляет здесь слова *genere Syrus* ‘сириец родом’. Эти, слова, по всей видимости, были выпущены при составлении той редакции греческой Хронографии, которой мы располагаем сейчас. При описании событий в Византии 685–775 г. Феофан пользовался двумя утраченными сочинениями: *Scriptor a. 718 и *Historia Leonis (et Constantini)³. Во фрагментах, уверенно определяемых как восходящие к первому, сирийцы не упоминаются вообще. А вот второй автор проявляет к ним достаточно эмоционально окрашенное отношение. Вот как вышеприведенная фраза предположительно выглядела в исходном источнике (сохранилась в Coislinianus 305, f. 326):

³ См. например, Афиногенов 2018.

[Μετὰ δὲ Θεοδόσιον ἐβασίλευσε]⁴ Λέων [ὁ Ἦσαυρος]⁵ Συρογενῆς, ἀπὸ Ἦσαυ τοῦ θεοστυγοῦς, ἐξ οὗ καὶ ἡ Ἦσαυρία χώρα τὴν ἐπωνυμίαν ἔσχε, καταγόμενος καὶ Ἦσαυρος λεγόμενος, ὁ καὶ Κόνων.

‘[После же Феодосия воцарился] Лев Исавр, сириец родом, происходивший от богомерзкого Исава, от которого получила именование и земля Исаврия, прозванный Исавром, он же и Конон’.

Это произведение было остро полемическим по отношению к иконоборческим императорам Льву III и Константину V, и его автор явно не преминул бы использовать против них их этническую принадлежность. И действительно, как у Феофана, так и у Георгия обнаруживаются остатки такого подхода. Феофан под АМ 6232 (Theophanis 1883, 412,2):

Τούτῳ τῷ ἔτει, κδ' τῆς βασιλείας Λέοντος τοῦ τυράννου καὶ παρανομώτατου Σύρου...

‘В этом году, 24 царствования Льва тирана и пребеззаконного сирийца...’

Георгий (Coislinianus 305, f. 326^v): Τῷ δὲ γε Ἦσαύρῳ καὶ Σύρῳ βασιλεῖ Λέοντι γεννᾶται υἱὸς Κωνσταντῖνος καὶ τοῦ Ἀντιχρίστου πρόδρομος.

‘А у Исавра и сирийца императора Льва рождается сын Константин, предтеча Антихристов’.

У Феофана в этом месте (Theophanis 1883, 399, 28–400, 1) вместо «Исавра и сирийца» стоит «злочестивого» (δυσσεβεῖ), чему далее соответствует «еще более нечестивый» (δυσσεβέστερος).

Остальные упоминания сирийцев применительно к Константину V у обоих хронистов связаны с переселением жителей временно захваченных этим императором городов Арабского халифата во Фракию. Феофан сообщает, опираясь все на ту же *Historia Leonis:

(Theophanis 1883, 422, 14–18) προσελάβετο καὶ τοὺς πρὸς μητρὸς συγγενεῖς καὶ ἐν Βυζαντίῳ μετέκισεν, σὺν καὶ πολλοῖς Σύροις Μονοφυσίταις αἰρετικοῖς, ὧν οἱ πλείους εἰς τὴν Θράκην οἰκοῦντες

⁴ Начало формульное для хроники. Реконструируемое произведение не было хроникой, поэтому там вводные слова могли выглядеть иначе.

⁵ Эти слова выглядят лишними по смыслу, но также соответствуют хроникальной формуле: Μετὰ δὲ X ἐβασίλευσε Y ὁ Z, где X и Y — имена, а Z — прозвище.

μέχρι τοῦ νῦν καὶ ἐν τῷ τρισαγίῳ τὴν τριάδα σταυροῦντες κατὰ Πέτρον τὸν Κναφέα διήρκεσαν.

‘(Константин V) забрал и своих родственников по материнской линии и переселил их в Византий со многими сирийцами монофиситами еретиками, большинство из которых, доньше живя во Фракии, распинают Троицу в Трисвятом, следуя Петру Валяльщику’.

(Theophanis 1883, 429, 19–23) ὁ δὲ βασιλεὺς Κωνσταντῖνος Σύρους τε καὶ Ἀρμενίους, οὓς ἤγαγεν ἀπὸ Θεοδοσιουπόλεως καὶ Μελιτηνῆς, εἰς τὴν Θράκην μετέκισεν, ἐξ ὧν καὶ ἐπλατύνθη ἡ αἵρεσις τῶν Παυλικιάνων.

‘Император же Константин переселил во Фракию сирийцев и армян, которых он привел из Феодосиополя и Мелитины. От них и распространилась павликианская ересь’.

(Theophanis 1883, 451, 21) ...καὶ αἰχμαλωτεύσας τοὺς αἵρετικοὺς Ἰακωβίτας Σύρους

‘...и пленив еретиков яковитов сирийцев...’

(Theophanis 1883, 452, 1–2) ἐπέραςε δὲ καὶ τοὺς αἵρετικοὺς Σύρους ἐν τῇ Θράκῃ καὶ κατέκισεν αὐτοὺς ἐκεῖ.

‘(Михаил Лаханодрокон) перевел еретиков сирийцев во Фракию и поселил их там’.

У Георгия, использовавшего тот же источник независимо, упоминания сирийцев выглядят так:

(Coislinianus 305, f. 332 = Georgii 1978, 752, 14–17): τοὺς συγγενεῖς αὐτοῦ Ἀρμενίους καὶ Σύρους αἵρετικοὺς εἰς τὸ Βυζάντιον μετέκισεν, ὧν οἱ πλείους οἰκοῦντες ἐν τῇ Θράκῃ μέχρι νῦν Θεοπασχῆται κατὰ Πέτρον εἰσὶ τὸν δαίλαιον.

‘(Константин V) переселил своих родственников армян и сирийцев, еретиков, в Византий, из которых большинство, живя во Фракии, доньше суть феопасхиты, следуя несчастному Петру’.

(Coislinianus 305, f. 338): τούτους αὐτοὺς Ἀρμενίους καὶ Σύρους χριστιανοὺς ὑπάρχοντας διὰ λόγου καὶ ὀρκομοσίας ἐπὶ τὴν Θράκην μετήγαγεν.

‘(Константин V) тех же самых армян и сирийцев, которые христиане, по договору и клятвенному соглашению перевел во Фракию’.

Последний из этих примеров не содержит вообще ничего негативного, поскольку находится в следующем полемическом контексте: Константин никогда не вступал в бой с иноверцами, а только захватывал города по соглашению с их жителями-христианами. Но эта полемика восходит к III Антирретику

патриарха Никифора (Nicephori Antirrheticī, 508D–509A) и направлена против поклонников Константина уже в более позднее время (после 811 г.), тогда как в первом фрагменте Георгий пользуется *Historia Leonis, автор которой хотел поставить императору в вину переселение еретиков-феопасхитов во Фракию, а попутно бросить на него тень «родством» с ними (хотя из текста Феофана совершенно ясно, что родственники Константина еретиками не были).

В последней части хроники Георгия «сириец» упоминается лишь однажды, применительно к Фоме Славянину (Georgii 1978, 794, 27), который якобы подражал «варварской гордыне» сирийского царя, называемого в Септуагинте «сын Адера» (3 Цар. 21). Это имеет отношение к современным хронисту сирийцам лишь в том смысле, что в 820 г. Фома двинулся с войском из Сирии. Следует заметить, что в так называемой «вульгате» Георгия Монаха (третья редакция, датируемая последней четвертью IX в.) из трех приведенных контекстов этноним «сириец» остался только в одном, сохранив, правда, негативное звучание.

Таким образом, вырисовывается следующая картина. Автор *Historia Leonis, писавший между 775 и 784 г. и отлично знавший о сирийском происхождении «Исаврийской» династии, использует это обстоятельство для диффамации Льва III и его сына Константина V, но в весьма ограниченном масштабе, почти исключительно в связи с переселением сирийских и армянских монофиситов ⁶ («феопасхитов») из Арабского халифата во Фракию. Полагаю, что формула «доныне» (μῆχρι τοῦ νῦν) относится именно ко времени создания этого утраченного источника. Патриарх Никифор в Бревиарии (Nikephoros 1990, 73, 2) пишет об этом переселении без всяких оценок ⁷. Восходящий к античности стереотип «пронырливого сирийца» в этих контекстах не использовался. Когда Феофан включал в свою Хронографию большие фрагменты из *Historia Leonis, вопрос о монофиситах во Фракии явно потерял актуальность, поэтому в одном из контекстов они оказались заменены павликианами, к тому моменту уже представлявшими для византийского государства и Церкви серьезную проблему.

---

⁶ Здесь и далее используются термины, которые применялись самими византийцами, без дальнейших богословских уточнений.

⁷ Детальный анализ разнообразных источников об этих событиях см. в Lurié 2018.

При этом павликиане ассоциировались у византийцев скорее с армянами, чем с сирийцами. В III Антирретики, где также используется *Historia Leonis, патриарху Никифору прежде всего важно, что те же самые сирийцы и армяне — христиане и согласились переселиться по договору, что должно приуменьшить внешнеполитические достижения Константина V. Первоначальная версия Георгия Монаха сохраняет некоторые дополнительные негативные контексты упоминания сирийцев, восходящие к *Historia Leonis, и они всякий раз связаны с ассоциацией сирийцы/яковиты (монофиситы, феопасхиты), однако при второй редакции после 877 г. из них оставили только один.

Если брать византийскую литературу IX в. в целом, никакого особенного интереса к сирийцам там не замечается. Так, в весьма объемистой переписке преп. Феодора Студита о них нет ни одного упоминания. Но самое показательное в свете предыдущего изложения то, что в обширном трактате патриарха Фотия «Против феопасхитов» этноним «сириец» употребляется только применительно к Иакову Барадею, основателю монофиситской иерархии, как персональный эпоним (Photii 1983–86, Vol. 3. Ep. 284, 2419; 2548). А вот что пишет Фотий в Амфилохиях:

Если же на сирийском языке (Σύρα γλῶσσα) Пресвятой Дух носится над водами и как бы высиживает их и животворит, я не стал бы осуждать это — ибо им (т. е. сирийцам — Д. А.) до поры достаточно узнать, откуда бы то ни было, что Пресвятой Дух обладает животворящей и созидающей сущностью и силой (Photii 1983–86, Vol. 4. P. 69, 30–33).

В рукописях Θ и Δ к этому месту есть схолия: «Что за сирийский язык (Τίς ἡ Σύρα γλῶσσα;)? Ведь мы знаем, что и Василий Великий таким образом толковал в этом месте о Духе».

Как видим, ни о какой ереси патриарх не вспоминает, но к сироязычным христианам относится несколько покровительственно.

Итак, пейоративные коннотации этнонима «сириец» наблюдаются в византийских литературных памятниках главным образом когда они говорят о вполне конкретной ситуации: переселении Константином V большой группы христиан-антихалкидонитов из областей Феодосиополя и Мелитины во Фракию, где они продолжали держаться своих верований примерно до 80-х гг. VIII. Попытки диффамации «Исаврийской» династии по признаку сирийского происхождения были очень

слабыми и быстро прекратились. С течением времени упоминания о сирийцах стали вообще вымываться из традиции, и в огромном наследии патриарха Фотия уже незаметно негативного отношения к сирийцам, кроме следов античного стереотипа.

Библиография

- Afinogenov, D. E. 2018: [The account of the siege of Constantinople (717–718) in the Chronicle of Theophanes Confessor: traces of editorial work]. *Indoeuropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indoeuropean Linguistics and Classical Philology*]. 22, 60–67.
- Афиногенов Д. Е. 2018: Рассказ об осаде Константинополя в 717–718 г. в хронике Феофана Исповедника: следы редакторской работы. *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 22, 60–67.
- Georgii Monachi *Chronicon*. Ed. C. de Boor. Editio stereotypa correctior, cur. P. Wirth. Stuttgart, 1978.
- Coislinianus 305: Georgii Monachi chronicon secundum codicem Coislinianum 305. Bibliothèque Nationale. Paris.
- Gero, S. 1973: *Byzantine Iconoclasm during the Reign of Leo III, with Particular Attention to the Oriental Sources*. Louvain.
- Lurié, B. 2018: Syrian and Armenian Christianity in Northern Macedonia from the Middle of the Eighth to the Middle of the Ninth Century. *Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea*. 10, 461–476.
- Nicephori Antirrhethici adversus Constantinum Copronymum. *PG* 100. Cols. 205–533.
- Nikephoros Patriarch of Constantinople. *Short History*. Text, translation and commentary by C. Mango. Washington, 1990.
- Photii Epistulae et Amphilochia*. Edd. B. Laourdas, L. Westerink. 6 Vols. Lipsiae, 1983–1986.
- Photii Patriarchae Lexicon*. Ed. S. A. Naber. 2 Vols. Leiden, 1865.
- Theophanis Chronographia. Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883.
- Symeonis Magistri Annales. In: *Theophanes Continuatus*. Ed. I. Bekker. Bonnae, 1838, 601–760.

Сокращения

- PG — Patrologiae cursus completus. Series Graeca. Ed. J. P. Migne. P., 1857–1866.

А. А. Алексеев
(СПбГУ / ИЛИ РАН, Санкт-Петербург)

ГРЕЧ. βαπτισμός И ЕГО СЛАВЯНО-РУССКОЕ СООТВЕТСТВИЕ *крещение*

Нем. *kristen* ‘христианизовать’ сопровождало политику Карла Великого в его борьбе за *imperium christianum*. Оно было усвоено в этом значении славянами в форме *кръстити* и использовано при переводе Нового Завета с греческого в качестве соответствия глаголу βαπτίζω. Образованное на глагольной основе сущ. *кръсть* стало передавать греч. σταυρός, тогда как параллельное отглагольное имя *кръщение* оказалось соответствием греч. βαπτισμός. Первоначальный славянский текст Евангелия использует слово *кръщение* также для обозначения других сакральных действий (Мк 7.4, Лк 11.38).

Ключевые слова: крещение славянских народов, греч. βαπτισμός, славянская христианская терминология, ст.-слав. *кръщение*, русск. *крещение*.

Anatoly A. Alexeev
(SPb State University / ILI RAN, St. Petersburg)

The Greek βαπτισμός and its Slavonic and Russian equivalent *krъštenie*

The Old High German *kristen* ‘to christianize’ was the slogan of Charlemagne’s struggle for the Christian Empire. The Slavs residing within and near the borders of the Empire adopted it as *krъstiti* to translate Greek NT βαπτίζω. As a result, the deverbative *krъсть* received the meaning ‘cross’, whereas a parallel deverbative *krъštenie* means βαπτισμός. Besides, the early Slavonic NT text used this name to denote some other ritual actions (Mk 7.4, Lk 11.38).

Key words: Christianization of Slavonic tribes, Gk. βαπτισμός, Slavic Christian terminology, OCS *krъštenie*, Rus. *kreschenije*.

Греч. βαπτισμός ‘омовение’ обозначает обряд, через который осуществляется присоединение к христианской общине, вхождение в нее. В той или иной форме процедура сакрального посвящения (*initiatio*, *initium*) является неременным компонентом многих культур и религий. Использование при этом воды делает такого рода обряд, называемый в этом случае омовением (*ablutio*, *lavatio*), также и формой ритуального очищения. Септуагинта не знает существительного, но глагол ей известен в двух формах: βάπτω и βαπτίζω. Первая обозначает погружение в жидкость (Нав 3.15, Руфь 2.14, 1 Царств 14.27, Иов 9.31, Пс 67.24) или смачивание путем погружения обычно при описании деятельности жреца (Исх 12.22, Лев 4.6, 17, 9.9, 11.32, 14.6, 16,

51, Числ 19.18, Втор 33.24, 4 Царств 14.15). Вторая форма, βαπτίζω, встречается редко и имеет малоустойчивую семантику: ‘совершать омовение’ (Иф 12.7), ‘омываться от скверны’ (Сир 34.25), однажды речь идет об исцелении через погружение в Иордан царя Неемана по велению пророка Елисея (4 Царств 5.14). Наконец, однажды употреблено в образном контексте, где говорится о грехах, что они топят грешника (Ис 21.4)¹. В эллинистическую эпоху в Палестине получают широкое распространение разного рода омовения, о которых, в частности, упоминается в Ин 2.6, особенно у терапевтов, ессеев². Археология обнаруживает ванны для омовения (микве) в разных частях Палестины, в Иерусалиме и, конечно, в Кумране. Вследствие этого в Новом Завете заметно расширяется употребительность соответствующих лексем, здесь глагол βαπτίζω и существительное βάπτισμα, βαπτισμός употребляются около ста раз.

Показания Нового Завета далеки, однако, от согласия и однородности. Отказ от обрезания в качестве инициации придает этой необходимой процедуре исключительно символический характер. Несомненно, что Иоанн Предтеча совершал омовения, за которые получил прозвание Баптиста (βαπτιστής) в синоптических евангелиях. Его деятельность, которой уделено столько внимания синоптиками, неизвестна апостолу Павлу, тогда как Евангелие от Иоанна не подтверждает того, чтобы Иисус был омыт Иоанном (1.32–33) или сам кого-либо омывал (4.2)³. Возникающее из новозаветных повествований очевидное, но трудно постижимое противоречие заключается в том, что при принципиальной разнице миссий Иоанна и Иисуса обе они оказываются обусловлены исполнением одного и того же ритуала⁴. Первое по времени упоминание христианской инициации у апостола Павла в высшей степени метафорично: ὅσοι γὰρ εἰς Χριστὸν ἐβαπτίσθητε, Χριστὸν ἐνεδύσασθε, то есть «кто в Христа омылся, в Христа облеклся» (Гал 3.27, ср. Hartman 1997: 1). Тем не менее, к концу первого века омовение стало

¹ Русский перевод «дрожь бьет меня» следует еврейскому оригиналу, тогда как славянский «беззаконие погружает меня» воспроизводит Септуагинту.

² Обязательность омовения перед посещением территории Храма признавалась даже иноземными царями, правившими Иерусалимом (Иосиф. Древности 12.145, а также 18.38).

³ См.: Michaels 1999: 136–155.

⁴ Научная литература по этому вопросу огромна. Самое обширное собрание материалов о таинстве крещения см. Ablution 2011.

обычным элементом христианского ритуала. Латинские переводы – *Vetus Latina* в I веке и Иеронима в IV веке, а вслед за ними переводы на языки многих христианских народов предпочли заимствовать из греческого оригинала термин *baptisma* ‘омовение’, что освободило от интерпретации этого трудного вопроса. Из больших европейских языков только немецкий еще прежде Лютера породил термины *taufen* ‘омывать’ и *Taufe* ‘омовение’, вслед за готским *daupjan*, который находится в прямой зависимости от греческого оригинала, а не от латинской традиции. На этом фоне исключительным своеобразием отличается славянская версия с ее *крестить*, на первый взгляд образованным от существительного *крест*.

За два тысячелетия христианской культуры возникло представление о том, что крест сам по себе или нечто крестообразное (крестовина, перекресток) являются обычным и необходимым элементом культуры, хозяйства и цивилизации. Это вовсе не так. Как кажется, никаких общественно значимых хозяйственных, промышленных, архитектурных крестообразных форм не существовало⁵. Орудие пытки, примененное для казни Иисуса в Иерусалиме, греч. σταυρός, представляло собою столб или шест, возможно, заостренный. Как размещалась надпись на кресте «Иисус назорей царь иудейский» (Ин 19.19) в тексте Евангелия не указано, и конечно не к надписи были прибиты широко раскинутые руки Иисуса. Лишь лат. *crux* обозначало орудие пыток и смертной казни с наличием в той или другой форме поперечной перекладины (*patibulum*), но само сооружение при этом могло не иметь крестообразной формы (Cook 2014: 15–34.). Упомянутый эпизод в Евангелии от Иоанна привел к обычному крестообразному изображению распятия на иконах, которое лишено исторической достоверности⁶.

Глаголом, образованным от названия этого орудия, в христианских языках обозначаются крестные страдания распятого на кресте, как это представлено в нем. *kreuzen*, фр. *crucifier*, англ. *cross*, и только русский вместе с прочими славянскими

---

⁵ Интересные соображения и материалы по этому вопросу представлены в работе В. П. Казанскене «Литовский крест до христианства: к этимологии лит. *krikštas*» (Kazanskienė 2016). Действительно, лат. *crux* ‘крест’ могло явиться из названия какого-нибудь сельскохозяйственного орудия, но в последние две тысячи лет жизнь слова определялась исключительно новозаветным повествованием.

⁶ В русском переводе епископа Кассиана Безобразова (1970) вводится пояснение: «сделал надпись *на доске* Пилат и поставил на кресте».

языками связывает с глаголом *крестить* положительные коннотации, а именно, во-первых, обозначение ритуального омовения, во-вторых, проповеди, распространения христианства.

Если первое значение глагола *крестить* можно проиллюстрировать известной фразой из воспоминаний академика А. Н. Крылова: «Кажется, только Л. Н. Толстой помнил, как его крестили, когда ему было три дня отроду»⁷, то второе хорошо засвидетельствовано старыми источниками. Например, в сказании черноризца Храбра: «преже оубо словени не имахоу книгъ, но чертами чтахоу и гадахоу, погани бо соут. по томже кръстивше се роусками и греческами грамотами ноуждахоу са писати словенскоую речъ без устроениа» (Dzhambeluka-Kosova 1980: 144). Или в русской летописи: «Михаиль црь изиде с вои берегом и моремъ на болгары. Болгаре же, увидѣвше, не могоша стати противу <и> крститиса просиша и покоритиса грекомъ. Црь же крти <= крти> княза ихъ и болары вса» [Лавр. лет., 858 г.]; «кршна бысть вса земля болгарскаа» [Лавр. лет., 869 г.]. То же при употреблении отглагольного имени *крещение*: «Прежде крещения употребляли они <вогуличи> в пищу <...> даже и падалища» [Русский магазин I 79]⁸.

Кажется, что второе значение представляет собою логическое развитие первого, однако ранние случаи употребления основы *кръст-* открывают более сложную историческую картину. Так, А. А. Турилов обратил внимание на запись в месяцеслове сербского служебного Апостола-Евангелия конца XIII в., где под 28 марта упоминается «побѣда кнеза боугарскаа михаила егда бѣ сборъ на нь кротста ради». Запись орфографически не совсем корректна, искажения могли быть обусловлены глаголическим оригиналом, почему исконная форма *кръста* получила неожиданный облик. Издатель убедительно трактует эту запись как свидетельство о восстании бояр-шаманистов в 866 г. при известии о принятии христианства каганом Борисом. Именно это событие обозначено здесь словом *кръсть*. (Turilov

⁷ Крылов А. Н. Мои воспоминания. Москва, 1945. С. 3.

⁸ В «Словаре русского языка XI–XVIII вв.» (вып. 8., 1981) это значение, однако, у слова *крещение* отсутствует. Сегодняшний термин с этим значением *христианизация* не известен словарю Вл. Даля даже в его расширенном переиздании И. А. Бодуена де Куртене (1903–09). Англ. *christianisation* появляется в конце XVI в. (The Oxford English Dictionary). Ср. также фр. *christianiser*, которое сопровождается переводом ‘в Христианскую веру привести’ и *se christiniser* ‘сделаться Христианином’ (Tatishchev 1839).

1999: 14–34). Случай сходного словоупотребления указала Ангелина Минчева в древнем переводе «Римских деяний», где греч. ἐν τῷ βαπτίσματι ἐδέξατο переведено на славянский «ис креста изать» и значит «исторгнут из христианской среды» (Minčeva 2011: 47). Говоря об этом случае, автор характеризует его как «архаическое употребление», имея в виду, что употреблено слово *крѣсть* *сгх*, хотя это не очевидно.

Оба автора упоминают также сходное словоупотребление Фрейзингских отрывков. Действительно, этот источник X века написан латинским алфавитом, свободен от греко-византийского лингвистического влияния и открывает довольно выразительную картину (Vondrák 1896: 52, 53, 57.).

(a) *zuetemu creztu i zуетеi marii* ‘святому Христу и святой Марии’ *sancto Christo*

(b) *nas gospod zуетi cruz* ‘наш господь святой Христ’, *noster dominus sanctus Christus*

(c) *bih cristen* ‘был крещен’ *fui baptizatus*

(d) *protiu bogu i protiu memu creztu* ‘против Бога и против моего Христа’ *contra deum et contra meum baptismum*

Издатель текста подобрал параллели из соответствующих литургических книг латинского обряда, но в своем комментарии изменил латинский оригинал с тем, чтобы примирить его с привычным славянским словоупотреблением. Так, он предложил вместо *cruz* ‘Христ’ в выписке (b) форму *križ* ‘крест’ (Vondrák 1896: 30), хотя такое чтение не дает в данном случае убедительного смысла. Вслед за ним SJS делит этот совершенно тождественный материал на две статьи *христъ* и *крѣсть*. Представляется, однако, что в приведенных случаях в переводе употреблено одно и то же слово, и речь идет о Христе и христианизации.

Разработанная позже этимология слав. *крѣсть* не оставляет сомнения в том, что слово восходит к имени Христа в немецком произношении *Kristus*. На это указал Петар Скок (Skok 1927: 177–198), отметив позже, что значение ‘baptism’ у этого слова стало славянским неологизмом (Skok 1931: 201–203). В общем с этой этимологией необходимо соглашаться (Vasmer 1964–1973; Helimskij 1993: 46–64). Весьма убедителен в ней тот момент, что *Kristus* объясняет огласовку корня славянского *крѣсть* (< *kri-*), тогда как долгий гласный в нем. *Kreuz* ‘крест’ не позволяет возводить к нему славянское слово. Несколько проблематичным кажется наличие глагола *крѣстити* при том, что в немецких источниках глагол от имени Христа малоупотребля-

телен. В MHDW глагол *kristenen* поясняется «zum Christen machen, taufe», в Deutsches Wörterbuch глагол также приводится без иллюстраций, но с параллелями: «Christnen, baptizare, altn. kristna, dän. christne, altfranz. chrestienner, Middle Eng Cristnien» (DWB, s.v.). Сами эти формы и их словоупотребление весьма сходны с теми, какие привели Турилов и Минчева. Идет ли в них речь о Христе или кресте, позволяет решить лишь реконструкция, основанная на анализе этимологии и словообразования.

Между тем *кръстити* входит в число многочисленных германизмов и латинизмов ранней славянской терминологии христианства. Ср. *црькы* < двн. *chiricha*, *kirko* из гр. κυρίκον, κυριακόν; *алтарь*, *олтарь* < лат. *altare* (*altus* ‘высокий’), гр. θυσιαστήριον = жертвникъ; *боукъвы* < нем. *buch*, ср. γράμματα = кънигы (Лук 16.6); *вино* < лат. *vinum*; *кризма*, *крыжьма* < лат. *chrisma*; *олъи* < лат. *oleum*, ср. *елеи* = гр. ἔλαιον; *оцътъ* < лат. *acetum*, ср. *уксус* = гр. ὄξος; *панежъ* < двн. *babes*, лат. *pontifex*; *понъ* < двн. *pfaffo*; *мънихъ* < двн. *munih*, лат. *monicus* < гр. μοναχός; *поганъ* < лат. *paganus*; *постъ* < двн. *fasto*; *пѣназь* < нем. *pfennig*, гр. δηνάριον, лат. *denarius*; *клеврѣтъ* < лат. *collibertus*, гр. σύνδουλος *другъ*, *подругъ* (Мф 18.31); *комъkanie* < лат. *communicatio*; *причастіе* (Supr) < лат. *participatio*, ср. *приобщение* < гр. κοινωνία; *скждѣль* < лат. *skandella* ‘дранка’; *смокъва* < гот. *smakka*. ср. нем. *Schmack*, греч. σукῆ; *цвѣтъная недѣля* < лат. *dominica florum*; *хлѣбъ наставъшааго дъне* (Мф 6.11) < двн. *emmezzigaz* < *quotidianus*; *свѣтлая недѣля* < лат. *domenica in albis*. Такого рода списки не раз приводились в науке (Minčeva 2009: 537–600; Zagiba 1963; Frioli 2009).

Многие из них оказались включены в перевод Нового Завета, который выполнили византийские миссионеры Кирилл и Мефодий между 863 и 885 годами. Уникальное соединение греческого оригинала с латинской и германской христианской терминологией хорошо согласуется с историческими свидетельствами об условиях и ходе этой миссии. На этом фоне, однако, необычная и неповторимая история возникновения главного литургического термина привлекает особое внимание. Выше (см. прим. 11) мы отметили, сколь поздно имя Иисуса — или его мессианский титул — Христос стало опорой для концепции христианизации в европейских языках, тогда как этого рода семантика характерна для термина *кръстити* уже в раннем периоде его употребления в русской летописи X–XI вв. Это обстоятельство, по всей вероятности, связано с историчес-

кими особенностями эпохи, когда слово стало известно славянам.

Правление Карла Великого († 814), «апостола франков», и последующие десятилетия отличались деятельным миссионерством «сверху», которое служило не столько христианской этике, сколько образованию христианской империи. По временам его деятельность в этом направлении принимала крайне жестокий характер, вплоть до того, что в 774 г. он выдвинул лозунг «крещение или смерть» (Fried 2016: 123.). «В середине IX века вожди каролингского возрождения уже не агитировали за таинство крещения, но положили его в основание христианского общества», — говорит историк (Phelan 2014: 6.). Западные славяне в лице ободритов, лютичей (вильцев), лужицких сербов, обитавших большими массами по балтийскому поморью и берегам Эльбы, были вовлечены в эти исторические события как на стороне императора, так и на стороне сопротивлявшихся христианизации саксов. При этом крещальные обычаи на землях империи носили локальный характер и были весьма разнообразны (The New Cambridge Medieval History 2008: 2, 620). Моравские славяне, не будучи подданными империи, также испытывали непрерывное и значительное культурное и религиозное влияние, исходившее из военно-политического центра.

В этом контексте нем. *kristen*, ставшее политическим символом эпохи Карла Великого, было воспринято славянами как термин христианской инициации, как обозначение таинства, через которое происходит присоединение к Церкви, и в этом именно значении за несколько десятилетий славянская форма крестити получила распространение в среде всех славян — и тех, кто участвовал в военных и политических мероприятиях Карла, и тех, кто слышал и знал об этих событиях. На окраинах империи светские власти также поняли значение христианизации и сделали его одним из главных путей своей политики, как это было в случае Ростислава в Моравии и Бориса в Болгарии. Типичным способом христианизации было обращение племенного вождя или варварского царя в христианство, что означало обращение всего племени или народа. Катихизация была особо значима, коль скоро речь шла не о крещении младенцев, но взрослых людей. Проповедникам предписывалось разумное разъяснение основ новой веры, использование народного языка в проповеди (Pentkovskiy 2014: 32–36). Именно христианизация, как естественное следствие ритуального омовения, баптизма, стала центральным феноменом эпохи.

Известный сегодня текст славянского Евангелия сохраняет некоторые причудливые следы, восходящие к эпохе его происхождения. Так, в Мк 7. 3–4 сообщается о бытовых навыках фарисеев: фарисеи бо и вѣси иудеи аште не умыѣтъ роукоу тѣрѣште не ѣдатъ <...> и отъ коупла аште не покѣплѣтъ сѧ (μὴ βαπτίσονται) не ѣдатъ, и ина мѣнога сѣтъ ѣже приѣса дрѣжати. крыштениѣ (βαπτισμός) стѣкльницамѣ и чѣваномѣ и котломѣ и одромѣ. Славянский текст приведен по источникам первого поколения — четвероевангелиям Мариинскому, Зографскому. Галицкому, в дальнейшем крыштениѣ заменяется в них на погрѣжениѣ, омываниѣ, мытиѣ. Переводчик проявил полное знание правил иудейского кашрута, согласно требованиям которого посуда подвергалась ритуальному очищению, и оно далеко не ограничивалось простым мытьем, для металлической требовалось, в частности, прокаливание на огне⁹.

Еще один подобный случай сохранился в Евангелии от Луки (11.38). Когда приглашенный к столу Иисус сел за трапезу с немытыми руками, фарисѣи же видѣвъ дивѣ сѧ, ѣко не прѣжде крѣсти сѧ (ἐβαπτίσθη) прѣвѣе обѣда, куда позднейшие редакторы внесли естественную правку в виде глаголов измы сѧ, умы сѧ. Здесь очистительное таинство распространено на руки, но в отличие от Мк 7.3, где мытье рук объясняется гигиеническими требованиями, здесь имеется в виду религиозный этикет¹⁰. Эти два случая первичного словоупотребления говорят о том, что слово крыштениѣ означает определенное ритуальное действие, хотя и не то, для обозначения которого оно, казалось бы, было создано. Такое словоупотребление возможно лишь потому, что своим происхождением славянское слово связано не с крестом, но с Иисусом Христом.

Первичная ситуация неразличения семем *Christos* и *cruх* и потери семемы *baptisma* была порождена устным характером

⁹ Ритуальное очищение посуды, предписанное в Левит 11.32–33, очень кратко. Полный свод такого рода правил создал раввинист Иосеф Каро (1488–1575). Русский перевод: Кицур Шульхан арух. Накрытый стол. Москва, 1999 (в частности, глава 116 говорит о кипячении и прокаливании посуды). Достаточно аккуратный разбор Мк 7.3–4 сделан в работе: Crossley 2004: 185–188.

¹⁰ Любопытную параллель содержит известный Изборник XIII века (РГБ, Q.п.I.18), где на л. 184 об. сказано о древних евреях, что они «крѣстиша сѧ оу Моисѣа въ облацѣ и въ мори» (Reinhart 2015: 291). Здесь, однако, представлено метафорическое истолкование обряда омовения, как оно дано в Евангелии от Иоанна 1.33, где говорится об омовении Духом, и в 3.2–6, где говорится о рождении свыше.

проповеди (или информации) накануне появления в среде моравских и затем паннонских славян проповедников из Константинополя. В результате богословская нечеткость синоптической традиции в описании характера деятельности Иоанна Крестителя как предтечи Иисуса (с чего мы начали свое изложение) приобрела дополнительную размытость в славянской версии, где делом Иисуса уже прежде него оказался занят Иоанн Предтеча. Однако само понятие *сгх* в славянской версии св. Писания много потеряло из своей мрачной пыточной ауры, поскольку соответствующий глагол *стаурѡ* во всех своих формах оказался переведен глаголом *распати*, тогда как и само существительное *стаурѡс* в контексте Голгофы также передается через *распатиѹ*. Случайно или осознанно, но славянская версия Нового Завета унаследовала богословскую традицию «креста славы», как она представлена в Евангелии от Иоанна 12.28 («прославил и еще прославлю») с заменой безысходно мучительного распятия оптимизмом Вознесения (12.32–33) и с особой умозрительной отчетливостью выражена в 1 Кор 1.17–18: «Не послал меня Христос крестить, но благовествовать, не в премудрости слова, чтобы не упразднен был крест Христов. Ибо слово о кресте для погибающих есть безумие, для нас же, спасаемых, есть сила Божия»¹¹. Крест не орудие пыток, это самый общий и наглядный символ христианства¹².

Не так просто определять темы и цели того или другого сложного и многозначного предприятия в прошлом, обычно оно воспринимается в связи с общей исторической ситуацией в целом, но в данном случае можно видеть, как конкретные лингвистические детали дают основание для вполне определенных выводов о характере дошедших документов.

Литература

- Ablution 2011 – Ablution, initiation and baptism: late antiquity, early Judaism, and early Christianity. Ed. D. Hellholm [et al.]. Vol. 1–3. Berlin; Boston.
- Alexeev, A. A. 2020: Preobrazhenie: bogoslovie i ikonografiya [Transfiguration: Theology and Iconography]. *Bibliya i khristianskaya drevnost'* 2 (6).
- Алексеев, А. А. Преображение: богословие и иконография. *Библия и христианская древность*. 2 (6).

¹¹ О кресте славы см.: Moltmann 1993; Viladesau 2006.

¹² См. об этом: Alexeev 2020.

- Cook, J. G. 2014: *Crucifixion in the Mediterranean World*. Tübingen: Mohr Siebeck.
- Crossley, J. G. 2004: *The Date of Mark's Gospel. Insight from the Law in Earliest Christianity*. London; New York: T&T Clark.
- DWB – *Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm*. I–XVI, Leipzig 1854–1960.
- ESJS – Etimologický slovník jazyka staroslověnského. 6. Praha, 1996
- Frioli, D. 2009: Tra Italia e Baviera: un'esperienza di frontiera per gli episcopati di Bressanone e Trento dall'alto al pieno medioevo. In: *Le alpi porta d'Europa, scritture, uomini, idee da giustiniano al Barbarossa. Atti del Convegno internazionale di studio dell'Associazione italiana dei Paleografi e Diplomatisti. Cividale del Friuli (5–7 ottobre 2006)*. A cura di L. Pani e C. Scalon. Spoleto, 537–600.
- Dzhambeluka-Kosova, A. 1980: Chernorizec Hrabr. O pismeneh [Monk Hrabr]. Sofija.
Джамбелука-Косова, А. 1980: Черноризец Храбъръ. О писменехъ. София.
- Helimskiy, E. A. 1993: [The early Slavonic Christian terms of the Magyar]. In: *Slavyanskoe yazykoznanie. XI Mezhdunarodnyy s'ezd slavistov*. Bratislava, sent. 1993 g. Doklady rossiyskoy delegacii. M., 46–64.
Хелимский, Е. А. 1993: Ранняя славянская христианская терминология в венгерском языке. В сб.: *Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов*. Братислава, сентябрь 1993 г. Доклады российской делегации. М., 46–64.
- Kazanskienė, V. P. 2016: [Lithuanian cross before the Christianization: on the etymology of Lithuanian *krikštas*]. *Indoeuropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European linguistics and classical philology]* 22 (1), 385–392.
Казанскене, В. П. 2016: Литовский крест до христианства: к этимологии лит. *krikštas*. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* – XX (1). 22 (1), 385–392.
- Levison, W. 1946: *England and the Continent in the Eighth Century*. Oxford: Clarendon Press.
- MHDW – *Mittelhochdeutsches Wörterbuch von G. F. Benecke*. Ausgearbeitet von W. Müller und F. Zarncke. Leipzig, 1854–1866.
- Michaels, J. R. 1999: Baptism and Conversion in John: A Particular Baptist Reading. In: Porter S. E., Cross, A. R. (eds.). *Baptism, the New Testament and the Church. Historical and Contemporary Studies in Honour of R. E. O. White*. Sheffield, 136–155.
- Minčeva, A. 1998: Entstehungswege der frühesten christlichen Terminologie bei den Slaven. *Orpheus. Journal of Indo-European and Thracian Studies* 8, 54–63.
- Minčeva, A. 2011: Arhaichna upotreba na dumata kръсть v starobŭlgarskija prevod na Rimskija paterik [Archaic use of the word КРЪСТЬ in the Old Bulgarian translation of the Roman Pathericon]. In: *Kirilo-Metodievski studii*. Kn. 14. Sofija, 45–53.
Минчева А. Архаична употреба на думата кръсть в старобългарския превод на Римския патерик. В кн.: *Кирило-Методиевски студии*. Кн. 14. София, 45–53.

- Moltmann, J. 1993: *The Crucified God. The Cross of Christ as the Foundation and Criticism of Christian Theology*. Minneapolis.
- Pentkovskiy A. M. 2014: [Slavic Liturgy of St. Methodius diocese]. In: *Sveti Ćirilo i Metodije i slovensko pisano nasleđe* (863–2013). Beograd, 25–101.
- Пентковский, А. М. 2014: Славянское богослужение в архиепископии святителя Мефодия. В сб.: *Свети Ћирило и Методије и словенско писано наслеђе* (863–2013). Београд, 25–101.
- Phelan, O. M. 2014: *The Formation of Christian Europe. The Carolingians, Baptism, and the Imperium Christianum*. Oxford University Press.
- Reinhart, I. 2015: [Old Russian treatise contra ioudaeorum, its Greek archetype and source]. *Trudy instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. V. Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka* [Transactions of V. V. Vinogradov Institute of Russian Language. V. Linguistic source studies and the history of the Russian language]. 2014–2015, 289–332.
- Райнхарт, И. 2015: Древнерусский антииудейский трактат, его греческий оригинал и проблема его происхождения. *Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. V. Лингвистическое источниковедение и история русского языка*. 2014–2015. М., 289–332.
- Russkiy magazin 1792 – *Russkiy magazin trudami F. Tumanskogo* [Tumansky's Russian Journal]. Chast' 1. St. Petersburg.
- Русский магазин трудами Ф. Туманского. Часть 1. СПб., 1792.
- SJS – *Slovník jazyka staroslověnského*. T. I–IV. Praha, 1966–1997
- Skok, P. 1927: La terminologie chrétienne en Slave: l'église, les prêtres et les fidèles. *Revue des études slaves* 7, (3–4), 177–198.
- Skok, P. 1931: Slave krstō «baptême». *Revue des études slaves* 11 (3–4), 201–203.
- Smith, J. M. H. 2008: Religion and lay society. In: McKitterick R. (ed.). *The New Cambridge Medieval History*. Vol. 2. CUP., 654–679.
- Tatishchev, I. 1837: *Vseobshchiy frantsuzsko-russkiy slovar'*. [Tatishchev's Universal French-Russian Dictionary] Izd. 3-e. Moscow.
- Татищев, И. 1837: *Всеобщий французско-русский словарь*. Изд. 3-е. М.
- McKitterick, R. (ed.) 2008: *The New Cambridge Medieval History*. Vol. 2. CUP.
- Turilov, A. 1999: [Two neglected data of Bulgarian Church-Policy History. On the quest of formation of Bulgarian version of Menology in the First Kingdom epoch]. *Starob'lgaristika* 1, 14–34.
- Турилов, А. 1999: Две забытые даты болгарской церковно-политической истории IX в. (К вопросу о формировании болгарского варианта церковного месяцеслова в эпоху Первого царства). *Старобългаристика* 1, 14–34.
- Vasmer, M. 1964–1973: *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Russian Etymological Dictionary]. T. 1–4. М.
- Фасмер, М. 1964–1973: *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1–4. М.

- Viladesau, R. 2006: *The beauty of the cross: the passion of Christ in theology and the arts, from the catacombs to the eve of the Renaissance*. Oxford un-ty press, 2006.
- Vondrák, V. 1896: *Frizinské Pamáky. Jich vznik a význam v slovanském písemnictví*. Praha.
- Zagiba, F. 1963: Die abenländisch-lateinischen Grundlagen der slavischen literarischen Bildung von und während der Cyrillomethodianischen Zeit. *Wiener slavistisches Jahrbuch*. 10, 86–108.

Г. А. Мольков

(Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ПОЯВЛЕНИЯ БЫТОВОЙ ГРАФИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ*

В статье выдвигается гипотеза, согласно которой важным фактором, обусловившим зарождение бытовой графической системы в древнерусской письменности XI в., был навык писцов по устранению ряда южнославянизмов, связанных с употреблением графем **ѣ**, **о**, **ѡ**, **ѣ**, **ѡ**. В бытовой письменности происходил переход от позиционно ограниченного книжного приема, опирающегося на реальное произношение писца, к его применению без учета произношения, дающему полную дублетность **ѡ = о**, **ѣ = ѣ = ѡ**. Возможность перехода подтверждается существованием в ранний период книжных орфографических систем с расширенным использованием книжного навыка (в частности специфическая система со смешением **ѣ** и **ѡ** используется в списке Служебной минеи Соф. 188 нач. XII в.). Такую орфографию можно рассматривать как промежуточный этап на пути от стандартного восточнославянского письма раннего периода к неполноразличительному.

Ключевые слова: бытовая графическая система, древнерусская орфография, смешение **ѡ**, **о**, смешение **ѣ**, **ѣ**, **ѡ**

G. A. Molkov

(Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg)

On the causes for the emergence of the common graphic system in the Old Russian writing

The hypothesis is put forward in the article, according to which an important factor that determined the emergence of the common graphic system in the Old Russian writing of the 11th century was the skill of scribes to eliminate a number of features of the South Slavonic orthography associated with the use of letters **ѣ**, **о**, **ѡ**, **ѣ**, **ѡ**. In common writing, there was a transition from a positionally limited book rule based on the scribe's real pronunciation to its use without taking into account the pronunciation, giving a complete confusion **ѡ = о** and **ѣ = ѣ = ѡ**. The possibility of such a transition is confirmed by the existence in the early period of book spelling systems with expanded use of book skill (in particular, a specific system with a variation of **ѣ** and **ѡ** is used in the manuscript Sof. 188 of the beginning of the XII century). Such spelling can be considered as an

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 19-012-00113.

intermediate stage on the way from standard East Slavonic writing of the early period to non-distinctive.

Keywords: common graphic system, Old Russian orthography, **о** and **ѡ** variation, **ѣ**, **ѥ** and **Ѧ** variation

В древнерусской письменности XI–XIV вв. написания со взаимным смешением букв **о** / **ѡ** и **ѣ** / **ѥ** / **Ѧ** представляют собой специфическое графическое явление. Систему с подобным смешением А. А. Зализняк назвал бытовой или неполноразличительной графической системой (Zalizniak 2002: 578, 595). Основной сферой ее функционирования является некнижная письменность, тогда как за пределами берестяной письменности «самый известный памятник этой категории — список А договора Смоленска с Ригой и Готландом 1229 г.» (Там же: 577). Хорошо известны также примеры использования данной системы в книжных текстах (Sobolevskiy 2006: 504; Goloskevich 1914: 24; Schaeken 2000: 329; Krysko 2000: 89), где они во всех известных случаях единичны, появляясь в отдельных почерках не более чем в 2% возможных позиций (Zhivov 2006: 95)¹. Тем не менее, уже в рукописях XI в. наблюдаются единичные примеры фонетически незакономерных написаний **о**, **ѣ** вместо **ѡ**, **ѥ** в слабой позиции редуцированных.

До сих пор окончательно не решенным следует признать вопрос о происхождении этого явления. Не вызывает сомнений зависимость систем бытового типа от орфографии церковных письменных памятников (Zalizniak 2002: 607), однако природа этой зависимости объясняется исследователями по-разному. Высказанная А. А. Шахматовым (Shakhmatov 1915: 208–209) и Н. Н. Дурново (Durnovo 2000: 449–450) гипотеза о церковном чтении еров, при котором буквы **ѡ**, **ѥ** в любой позиции читались как [o], [e], была поддержана рядом авторитетных исследователей (Uspenskiy 1997; Zhivov 2006: 93–95; Zalizniak 2002). Н. Н. Дурново предложил следующее объяснение возникновения на Руси традиции нестандартного чтения слабых еров: «Между южными славянами, бывшими на Руси в XI и XII вв., от которых русские усваивали церковное или литературное произношение, были и такие, которые произносили **ѡ**, **ѥ** сильные как **о**, **ѣ** или, по крайней мере, так, что русские воспринимали **ѡ**, **ѥ** в их произношении как **о**, **ѣ**. Так же

¹ В. М. Живов не соотносит эту цифру с каким-либо конкретным почерком; в Евсевиевом евангелии 1283 г., по данным А. А. Зализняка (2002: 580), доля бытовых написаний составляет около 0,7%.

произносили они Ѣ, Ъ слабые при пении, а иногда, быть может, и при чтении нараспев» (Durnovo 2000: 449). Таким образом, данная гипотеза (ср. выделенные нами места в цитате) в конечном счете апеллирует к «восприятию» русскими болгарской речи XI в., не подтвержденному какими-либо фактами или свидетельствами. В то же время у ученых, поддержавших эту версию возникновения древнерусской письменной традиции, тот же тезис обычно приводится со ссылкой на Дурново в другой модальности, ср.: «В русском книжном произношении XI–XII вв. (до падения редуцированных в живой русской речи) буква Ѣ читалась так же, как буква Ѡ, а буква Ъ — так же, как буква Ѣ» (Uspenskiy 1997: 145); «...на Руси в XI в. и позднее существовала манера чтения церковных текстов, при которой Ѣ и Ъ читались соответственно как /o/ и /e/» (Zalizniak 2002: 593). На это несоответствие в модальности тезиса о церковном произношении еров (слабо обоснованная гипотеза у Шахматова-Дурново и ссылки на нее как на установленный факт у их последователей) неоднократно указывалось (Porov 2004: 222; 2015: 52; Kolesov 2008: 293; Ladyzhenskiy 2011: 115–116). Кроме того, М. Б. Попов обратил внимание на то, что сама идея особого церковного произношения возникла «в дофонологический период развития исторической фонетики для объяснения отношений между живым произношением, коррелятом которого была фонетическая транскрипция, и правописанием, которое воспринималось тогда как нечто подобное транскрипции фонематической» (Porov 2004: 223).

Отсутствие фактологической основы рассматриваемой гипотезы привело исследователей, опирающихся на нее, к ряду парадоксальных и противоречивых утверждений, подробно рассмотренных в диссертации И. М. Ладыженского (Ladyzhenskiy 2011: 100–116). Распространение объяснения Шахматова-Дурново на орфографию берестяных грамот логически противоречиво: как отмечает Ладыженский, «просто объяснять появление бытовых графических систем книжным произношением в принципе нельзя — ведь сама идея книжного чтения еров всецело построена на констатациях орфографических явлений вроде бытовых (т. е. особая книжная дикция обосновывается определенным графическим феноменом, потом генезис этого феномена объясняется особой книжной дикцией)» (Ladyzhenskiy 2011)². По мнению исследователя, нестандартные

---

² См. также Porov 2015: 53.

написания, связанные со смешением на письме ъ, ь и о, е, обязаны своим появлением влиянию южнославянской орфографии и «изначально сложились оттого, что буквы, соответствующие гласным полного образования, могли писаться там, где в речи восточных славян звучали редуцированные звуки» (Ladyzhenskiy 2011: 117–118).

Высказанное И. М. Ладыженским предположение опирается на вполне реальные факты — на старославянские рукописи с большим количеством прояснений, а также на древнерусские письменные тексты XI в. с непрояснившимися редуцированными. Мысль о сопоставлении двух разных языковых систем — с прояснившимися и сохранившимися ерами — базовое положение, на которое опирается и гипотеза об особом церковном произношении раннего периода. Дурново (и его последователи) рассматривают контраст двух систем в фонетической плоскости (для чего нет достаточных оснований); более приемлемым нам представляется предложение И. М. Ладыженского перенести рассмотрение в орфографическую плоскость, при котором южнославянский компонент выступает в письменной форме. Но переход от сопоставления древнерусского звучания с написаниями авторитетных южнославянских рукописей к распространению того же принципа «на ъ и ь в слабом положении» и тем более — к бытовым графическим системам остается неясным. При отказе от предложенного Дурново гипотетического переходного звена в виде особой книжной дикции нужны другие модели, объясняющие возникновение специфического употребления букв о/ѡ, е/ѣ на русской почве.

При обсуждении данного вопроса нельзя забывать и о том, что в бытовой письменности смешение «ь с е нередко сопровождается также смешением их обоих с ѣ, что дает тройное смешение ь – е – ѣ» (Zalizniak 2002: 577). И. М. Ладыженский, констатируя, что причины «смещения на письме ѣ и е (ь) не вполне ясны» (Ladyzhenskiy 2011: 115, сноска 35), ссылается при этом на гипотезу, предложенную М. Б. Поповым (Роров 2004: 336), как на наиболее убедительное объяснение указанного явления. Однако объяснение Попова опирается на параллелизм фонем /e/ – /ê/, /o/ – /ô/, являвшийся инновацией древнерусского языка, и применимо к периоду «с конца XII и до начала XIV в.», когда смешение ѣ и е является нормой для берестяных грамот, а также «характерно для новгородских памятников конца XII–XIII в.» (Там же: 331). Хотя при этом отмечается и «наличие фактов смешения ѣ и е» в более ранних

берестяных грамотах (в частности, эффект $\text{ѣ} \rightarrow \text{ѣ}/\text{е}$ наблюдается в грамоте № 613, относящейся к 30–50-м гг. XI в. (Zalizniak 2004: 242–243)), гипотеза М. Б. Попова, отсылающая к фонетическим процессам более позднего периода, не объясняет генезис рассматриваемого явления в бытовой орфографии.

Даже если оставить в стороне хронологический разрыв, единое графическое явление ($\text{о}/\text{ѣ}$, $\text{ѣ}/\text{ѣ}/\text{ѣ}$) в трактовке, предлагаемой И. М. Ладыженским, восходит к двум гетерогенным источникам — особенностям восточнославянской фонологической системы³ и влиянию южнославянской орфографии (один источник — сугубо разговорный, другой наоборот — сугубо книжный), что представляется маловероятным.

Кроме того, объединение двух факторов, как кажется, создает следующее неразрешимое противоречие: 1) дублетность $\text{ѣ}/\text{ѣ}$, согласно М. Б. Попову (Роров 2004: 333), связана с тем, что для двух фонем o есть всего одна буква o ; 2) при дублетности $\text{ѣ}/\text{o}$ для фонемы o (одной или двух) имеется две буквы — ѣ и o , причем, как видно из орфографии надписи на Суздальском змеевике (Gippius, Zalizniak 1998: 552), писец мог с успехом использовать две эти буквы для различения двух разных o ; 3) следовательно, асимметрии в наборе букв для двух е и двух o в рамках набора графем, которыми оперирует бытовая письменность, нет и, таким образом, нет предпосылки, на которой основана гипотеза Попова (т. е. механизм, предполагаемый этой гипотезой, как раз в бытовой письменности и не должен был срабатывать).

На наш взгляд, промежуточное звено в формировании бытовых графических систем (как и их отправная точка) может быть описано без отсылок к какому-либо специфическому типу произношения (южнославянскому разговорному или развившемуся на его основе книжному) или фонологическим оппозициям древнерусского языка — как явление, возникшее в пределах орфографической сферы. В ситуации, когда между южнославянскими и восточнославянскими рукописями XI–XII в. наблюдается существенная разница в употреблении еров (наличие / отсутствие прояснений (Durnovo 2000: 440; Ladyzhenskiy 2011: 117–118)), логично предположить, что в ходе

---

³ М. Б. Попов, на гипотезу которого ссылается И. М. Ладыженский, связывает графическое смешение букв ѣ и ѣ с появлением в древнерусском языке в ходе падения редуцированных «новой корреляции по ДП [дифференциальному признаку — Г. М.] напряженности–ненапряженности — $/\hat{e}/ : /e/$, $/\hat{o}/ : /o/$ » (Роров 2004: 335).

переписывания южнославянских рукописей древнерусскими писцами проводилась масштабная правка букв в позициях этимологических редуцированных. Для того чтобы записать текст в требуемом виде, книжникам, имевшим дело с болгарским антиграфом, приходилось многократно проделывать операции по замене букв, а именно (в том, что касается редуцированных) $o > ѣ$ и $e > ъ$. Из сохранившихся ранних рукописей такую ситуацию можно предполагать, в частности, для антиграфа Погодинского евангелия⁴. В тексте Евангелия по этому списку сохранились отдельные грамматические болгаризмы (простой аорист и сигматический древнего типа, вспомогательный глагол в условном наклонении с основой **би-**), которые, при наличии остаточных прояснений типа **врьтопъ** и **самаранехъ**, показывают, что в западноболгарском протографе рукописи был отражен процесс прояснения редуцированных.

Судя по последовательности в устранении южнославянизмов (ср. почерки XI в., в которых o , e в сильной позиции редуцированных полностью отсутствуют), древнерусских писцов в ранний период специально обучали заменять o на $ѣ$ и e на $ъ$ в тех позициях, где в их собственной речи звучали [ѣ], [ъ], и, вероятно, акцентировали внимание обучающихся на этой частотной и обязательной операции. Для целого поколения восточнославянских писцов было актуально представление о большей правильности еров по сравнению с o и e в ряде позиций в рамках книжного письма. Кроме того, важно учитывать, что русские книжники, несомненно, сверявшиеся с собственным произношением, в котором сохранялись звуки [ѣ], [ъ], по сути проводили следующую замену: $o = [ѣ] > ѣ = [ѣ]$ (например, **сонъ** > **сѣнь**); $e = [ъ] > ъ = [ъ]$ (например, **день** > **дѣнь**). Несмотря на то, что соответствия $o = [ѣ]$ и $e = [ъ]$ признавались недопустимыми (например, в тексте Евангелия), тем не менее: а) писцы постоянно имели дело с южнославянскими рукописями, в которых, с их точки зрения, было именно такое «неправильное» соответствие; б) для некоторых текстов такое соответствие все же признавалось в XI в. возможным (ср. написания Толстовской псалтыри, списка Пандектов Антиоха и др.).

По словам В. М. Живова, некнижной письменности было не свойственно «стремление к функциональной дифференциации

⁴ Рукопись, судя по употреблению букв **оу** и **ю**, переписывалась с восточнославянского списка (Molkov 2016: 240), в котором, вероятнее всего, необходимая правка в сфере еров уже была проделана.

графических дублетов; когда они употребляются, они в основном употребляются безразборно» (Zhivov 2006: 58), поскольку «некнижное письмо было основано на базовых соответствиях графем и фонем и игнорировало орфографические правила, применявшиеся (в разном объеме) книжной письменностью» (Zhivov 2017: 686)⁵. Из указанных предпосылок — фактически наблюдавшегося русскими писцами соответствия **o** = [ъ] и **e** = [ь] и, что представляется решающим фактором, нормативности для них замен **o** > **ъ**, **e** > **ь** при списывании с южнославянского антиграфа, а также при учете указанной Живовым специфики некнижного письма вполне закономерно могли возникнуть бытовые системы типа *o* → *ъ*, *e* → *ь* или *o* → *ъ/o*, *e* → *ь/e*; они появлялись у тех писцов, которые свой книжный навык проводить замену **o** > **ъ**, **e** > **ь** начинали применять без необходимости (в ситуации текста, не имевшего южнославянского антиграфа, соответствий **o** = [ъ] и **e** = [ь], подлежащих исправлению, вовсе не возникало), т. е. для тех позиций **o** и **e**, где соотнесение текста с речью давало нормальное соответствие **o** = [o] и **e** = [e]. Применение этого приема в отрыве от изначальной ситуации его бытования (при правке южнославянских списков) давало в свою очередь соответствия типа **ъ** = [o], **ь** = [e] при соотнесении получившегося текста с его реальным звучанием: словоформа **се~~л~~о**, записанная с «безразборным» применением книжных приемов как **сьлъ**, соотносилась со звучанием [selo] в речи автора грамоты, т. е. давала соответствия **ъ** = [o], **ь** = [e].

Важно подчеркнуть, что речь идет о зарождении и традиции дублетно применять ряд букв в бытовом письме, а не о самом процессе обучения этому письму. Описанная логическая цепочка была актуальна, по-видимому, только на ранней стадии — при появлении традиции писать на бересте (хотя возможно, что происхождение этого явления было понятно пишущим, владевшим и книжным письмом, весь период актуальности приема **o** > **ъ**, **e** > **ь**); в дальнейшем — у следующих поколений писавших — такие написания становились традиционными для бытовой письменности навыками дублетного употребления букв **o/ъ**, **e/ь**, при котором «склады типа **бъ** и **бо**, **бь** и **бе**, **ца** и **ча** заучиваются как фонетически тождественные последовательности: [bo], [be], [cä]» (Zhivov 2017: 303). Существование такой системы, войдя в практику, могло сохраняться «в усло-

⁵ Ср. также итоговую таблицу сравнения регистров письменного языка в (Zhivov 2017: 690).

виях противопоставления живого (разговорного) и стандартного (нормированного) книжного узуса наряду с четким (последовательным) противопоставлением диалектной и книжной (или даже просто наддиалектной) грамматических систем» (Ladyzhenskiy 2011: 118).

Наиболее необычным и требующим дополнительной аргументации в предложенной линии развития орфографической традиции выглядит переход от позиционно ограниченного книжного приема, опирающегося на реальное произношение писца (и без него невозможного), к его применению без учета произношения, дающему полную дублетность **ѣ** = **о**, **ь** = **е**. Кроме того, неучтенным оказывается участие буквы **ѣ** в менах с **е** и **ь**. Но как раз это обстоятельство и дает возможность восстановить недостающее звено в трансформации книжного приема в графическую дублетность, поскольку сохранилась письменная фиксация стадии, типологически предшествующей образованию дублетности **е** = **ѣ**.

Такая специфическая орфографическая система представлена в списке Служебной минеи нач. XII в. Соф. 188⁶. Главным отличием ее написаний от стандартных орфографических систем является расширение сферы использования замены **ѣ** > **е** на максимально широкий набор позиций, производившее (что характерно) на первых исследователей рукописи впечатление графической дублетности **ѣ** и **е**. Только точные количественные данные позволили показать отличие системы написаний Соф. 188 от ситуации полной дублетности (Molkov 2018: 139–142, Таблицы 2, 3). Для проблематики настоящей статьи важен тот факт, что расширение набора позиций в Соф. 188 приводит к появлению написаний, противоречащих произношению писца: местоименная форма **всѣмъ** регулярно записывается им в виде **всьемъ** = [vʲsʲe̞mʲ], и за образец такой орфограммы взяты проводившиеся при правке южнославянской орфографии исправления типа **прѣд-** > **пред-**, **тѣлес-** > **телес-**. Это подтверждает возможность аналогичного развития орфограмм, связанных с ерами: с опорой на книжные замены типа **сонъ** > **сѣнь**, **день** > **дѣнь** возникает орфография, допускающая и замены **къто** > **кътъ**, **мене** > **мѣнь**, **притекле** > **притьклѣ** и т. п. (при отсутствии антиграфа в роли этих фонетически адекватных **къто** и **мене** выступает живое произношение

⁶ Описанию этой орфографической особенности Соф. 188 посвящена отдельная статья (Molkov 2018).

соответствующих форм). В книжном памятнике этот перенос не приводит к безразличному смещению позиций, но регламентируется сложной системой правил, логика которых может быть прослежена; в некнижной письменности при невозможности для менее квалифицированных писцов выстраивать сложные соответствия между позициями книжный прием приводит к дублетности графем.

Еще одна важная деталь, представленная в орфографии Соф. 188, — это возможность при базовом приеме $\text{Ѣ} > \text{ѐ}$ и обратной замены. При отсутствии Ѣ в исходной словоформе, входящей в один из разрядов, подлежащих перекодировке (см. написание лексем **s*-основ (Molkov 2018: 153)), писец принимает решение делать в ней замену $\text{ѐ} > \text{Ѣ}$. Этот пример показывает, что при расширении действия орфографического приема, связанного с заменой, направление этой замены могло оказаться менее важным, чем сам факт ее осуществления. Очевидно, по такой же логике необходимость замен $\text{о} > \text{Ѣ}$, $\text{ѐ} > \text{Ѣ}$ при исправлении южнославянской орфографии с прояснениями могла спровоцировать и обратные замены у писца, решившего расширить область применения этого приема.

Таким образом, материал Соф. 188 позволяет представить стадии перехода от книжного южнославянского письма к бытовому древнерусскому в следующем виде: 1) писец Соф. 188 владел навыком менять $\text{Ѣ} > \text{ѐ}$ в необходимых позициях (его этому учили); 2) он явно решил, что ту же замену можно и нужно делать не только там, где его учили, но и в сходных по некоторым параметрам (после р , л и т. д.) позициях, а также делать обратную замену $\text{ѐ} > \text{Ѣ}$ в ряде маркированных позиций; 3) в свою очередь человек с такими орфографическими представлениями при обучении письму объяснял, что Ѣ — это [ѐ], а ѐ — это [ѐ], но не будет нарушением орфографии и менять эти две буквы одну на другую, опуская набор позиций и тонкости дистрибуции, не приемлемые для бытового письма. Подобный переход можно предполагать и для пар графем $\text{о}/\text{Ѣ}$, $\text{ѐ}/\text{Ѣ}$, участвовавших в аналогичных заменах.

Представленные выше аргументы позволяют соотнести явления ранней древнерусской письменности, связанные с незакономерными «прояснениями» еров, а также смещение $\text{о}/\text{Ѣ}$, $\text{ѐ}/\text{Ѣ}$ в некнижных текстах не с гипотетической искусственной системой произношения, а с реально зафиксированной в книжной письменности частичной дублетностью букв Ѣ , о , ѐ , Ѣ и Ѣ (ср. возможность пар написаний типа *смокъвън-* — *смо-*

ковън-, чьсть — честь, прѣдъ — предъ) и, главным образом, с заменами в книжном письме, входившими в ранний период (XI в.) в число обязательных навыков квалифицированного писца и приводившими к этим оппозициям.

Если дублетность типа *ѣ* — *е*, *ѡ* — *о*, *ѣ* — *ѣ* устранялась в бытовой письменности путем отказа от одной из графем пары (Zhivov 2006: 56–57), то в случае с буквами *ѣ*, *о*, *ѣ*, *ѣ*, *ѣ* такое решение создавало бы значительные сложности в восприятии текста (хотя эффекты типа *ѣ* → *о* или *ѣ* → *ѣ* в берестяных грамотах показывают, что и такой вариант был возможен). Вследствие этого в некнижной письменности сохранялись все пять графем, получивших в книжной письменности орфографически маркированный статус взамен простых фонетических соответствий типа *ѣ* = [o], *ѣ* = [ѣ] и т.д. Понижение письменного регистра сочеталось с отказом от правил распределения этих графем — в соответствии с закономерностями бытового письма, омонимичные буквы в котором взаимозаменяемы.

Литература

- Durnovo, N. N. 2000: [Russian XI and XII century manuscripts as monuments of the Old Slavonic language]. In: Durnovo N. N. *Izbrannye raboty po istorii russkogo yazyka* [Selected works on the history of Russian]. Moscow, 391–495.
- Дурново, Н. Н. Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка. В кн.: Дурново Н. Н. *Избранные работы по истории русского языка*. М., 2000, 391–495.
- Gippius, A. A., Zalizniak, A. A. 1998: [On the inscriptions on the Suzdal medallion]. In: *Balto-slavyanskije issledovaniya 1997*. Moscow, 540–562.
- Гиппиус А. А., Зализняк, А. А. 1998: О надписях на Суздальском змеевике. В сб.: *Балто-славянские исследования, 1997*. М., 540–562.
- Goloskevich, G. K. 1914: *Ievsevievo evangelie 1283 goda: Opyt istoriko-filologicheskogo issledovaniya* [Eusebius Gospel of 1283: An Experience in Historical and Philological Research]. Saint-Petersburg.
- Голоскевич, Г. К. 1914: *Евсевиево евангелие 1283 года: Опыт историко-филологического исследования*. СПб.
- Kolesov, V. V. 2008: *Russkaya istoricheskaya fonologiya* [Russian historical phonology]. Saint-Petersburg.
- Колесов, В. В. 2008: *Русская историческая фонология*. СПб.
- Krysko, V. B. 2000: [Review of: M. G. Galchenko. Inscriptions on Old Russian icons of the XII–XIV centuries]. *Slavianovedenie* 2, 88–90.
- Крысько, В. Б. 2000: [Рец.] Гальченко М. Г. Надписи на древнерусских иконах XII–XIV вв.: Палеографический и графико-орфографический анализ. М. 1997. *Славяноведение* 2, 88–90.

- Ladyzhenskiy, I. M. 2011: *Grafiko-orfograficheskie i yazykovye osobennosti rukopisnykh knig Tipografskogo sobraniya RGADA* ¹ 165, 166, 167 [Graphic, spelling and linguistic features of manuscript books of the Typographic collection of the RSAA No. 165, 166, 167]. PhD Thesis, Moscow.
- Ладыженский, И. М. 2011: Графико-орфографические и языковые особенности рукописных книг Типографского собрания РГАДА № 165, 166, 167: Дис. ... канд. филол. наук. М.
- Molkov, G. A. 2016: [Peculiarities of the language and script of Pogodinskoie Gospel (NLR, Pogod. 11)]. *Die Welt der Slaven* LXI, Heft 2, 230–253.
- Мольков, Г. А. 2016: Особенности языка и письма Погодинского Евангелия (РНБ, Погод. 11). *Die Welt der Slaven* LXI, Heft 2, 230–253.
- Molkov, G. A. 2018: [Variation of the letters **ѐ** and **ѡ** in the Office Menaion of the early 12th century (RNL, Sof. 188)]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* 1 (35), 133–160.
- Мольков, Г. А. 2018: Смещение букв **ѐ** и **ѡ** в Служебной минее начала XII в. (Соф. 188). *Русский язык в научном освещении* 1 (35), 133–160.
- Popov, M. B. 2004: *Problemy sinkhronicheskoy i diakhronicheskoy fonologii russkogo yazyka* [Problems of the synchronic and diachronic phonology of Russian]. Saint-Petersburg.
- Попов, М. Б. 2004: Проблемы синхронической и диахронической фонологии русского языка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004.
- Popov, M. B. 2015: [On the issue of reduced vowel loss in Old Russian: chronology, phonological devices, evidence in written monuments]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta* 157, 5, 47–67.
- Попов, М. Б. 2015: К вопросу о падении редуцированных гласных в древнерусском языке: хронология, фонологический механизм, отражение в памятниках. *Ученые записки Казанского университета* 157, 5, 47–67.
- Schaeken, J. 2000: Notes on the later Russian part of Sava's Book. *Russian Linguistics* 24, 321–337.
- Shakhmatov, A. A. 1915: *Ocherk drevneyshego perioda istorii russkogo yazyka* [Essay on the most early period in the history of the Russian language]. Petrograd.
- Шахматов А. А., 1915: Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг. (Энциклопедия славянской филологии; 11.1.)
- Sobolevskiy, A. I. 2006: [Review of: Study on the language of the Synodal Copy of the 1st Novgorod Chronicle, by B. M. Liapunov (1900)]. In: *Sobolevskiy A. I. Trudy po istorii russkogo yazyka* [Proceedings on the history of the Russian language]. Vol. II. Moscow, 501–509.
- Соболевский, А. И. 2006: [Рец.] Исследование о языке Синодального списка 1-ой Новгородской летописи. Труд Б. М. Ляпунова... [1900]. В кн.: *Соболевский А. И. Труды по истории русского языка*. Т. 2. М., 501–509.

- Uspenskiy, B. A. 1997: [Russian Church pronunciation of the XI–XII centuries and its connection with the South Slavic tradition: (Jers' spelling)]. In: *Uspenskiy B. A. Izbrannyye trudy. T. 3: Obshchee i slavyanskoe yazykoznanie* [Selected Works. Vol. 3: General and Slavic linguistics]. Moscow, 143–208.
Успенский, Б. А. 1997: Русское книжное произношение XI–XII вв. и его связь с южнославянской традицией: (чтение еров). В кн.: Успенский Б. А. *Избранные труды. Т. 3. Общее и славянское языкознание*. М., 143–208.
- Zalizniak, A. A. 2002: [Old Russian spelling with ъ — о and ъ — е variation]. In: *Zalizniak, A. A. Russkoe imennoe slovoizmenenie s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniiu* [“Russian noun declination” with the application of selected works on modern Russian language and general linguistics]. Moscow, 577–611.
Зализняк, А. А. 2002: Древнерусская графика со смешением ъ-о и ъ-е. В кн.: Зализняк, А. А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 577–611.
- Zalizniak, A. A. 2004: *Drevnenovgorodskiy dialekt* [Old Novgorod dialect]. 2nd ed. Moscow.
Зализняк, А. А. 2004: Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. М.
- Zhivov, V. M. 2006: *Vostochnoslavianskoe pravopisanie XI–XIII veka* [Eastern Slavic orthography of the XI–XIII centuries]. Moscow.
Живов, В. М. 2006: Восточнославянское правописание XI–XIII века. М.
- Zhivov, V. M. 2017: *Istoriya yazyka russkoy pismennosti* [History of the language of Russian literature]. Moscow.
Живов, В. М. 2017: История языка русской письменности. М.

А. И. Фалилеев

(Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург)

IN PROVINCIA RUSSLOND: ФРАГМЕНТАРНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА РУКОПИСИ XV ВЕКА О НОВГОРОДЕ¹

В работе рассматривается фрагмент *Итинерариев* Уильяма Вустера, записанный 25 августа 1479, но сведения, в нем содержащиеся, восходят, вероятно, к 30-м гг. XV века. Во фрагменте дается информация о Великом Новгороде, которая, похоже, не вошла до сих пор в канон западных известий XV в. о Руси. В исследовании она рассматривается в контексте других сопоставимых письменных памятников западного средневековья. Внимание уделено и собственно лингвистическим аспектам этого текста.

Ключевые слова: западные известия о Руси, Новгород Великий, средневековая латынь, среднеанглийский язык, лингвистическая адаптация, смена языкового кода.

Alexander Falileyev

(Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg)

***In provincia Russlond:* fragments on Novgorod in a XV c. manuscript**

This paper investigates a fragment of the *Itineraries* by William Worcestre recorded on the 25 of August 1479, and reflecting memories from the 30s of the same century. In the fragment the hermit of Elsing, who claims to have accompanied the Queen Philippa (1394–1430) in her Scandinavian lands, also provides some information regarding Novgorod the Great. These scattered passages are analysed against the data obtained from other European authors who wrote about this Russian city in the fifteenth century. The Flemish knight Ghillebert de Lannoy was the first in this century to provide some testimony on Novgorod, and this fragment appears now to be chronologically the runner up. Although it is comparatively short, it offers some pieces of important information about Novgorod noticed only by later observers. The editions of the text by J. Nasmyth (1778) and J. H. Harvey (1969) were checked against the manuscript source (Cambridge, Corpus Christi MS 210), and some new readings have been suggested. The text contains a number of examples of code-switching, and they are also discussed as well as cases of acculturation and accommodation found in the fragment.

Key-words: Novgorod the Great, medieval Latin, Middle English, epigraphy, adaptation, code-switching.

---

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 17-18-01624.

Западные известия XV в. о Руси представляют собой важнейший источник по истории, культуре и быту страны этого периода. Благодаря записям таких авторов как Жильбер де Ланнуа (Гильбер де Ланноа, Guillebert de Lannoy, 1386–1462), Иосафат Барбаро (1413–1494) или Амброджо Контарини (1429–1499) в нашем распоряжении оказываются интересные свидетельства, которые остаются в центре внимания как отечественных, так и зарубежных исследователей в течение долгого времени. К изучению этих источников обращались еще Филипп Карлович Брун (1804–1880) и Василий Осипович Ключевский (1841–1911), вторая половина XX века ознаменовалась многими исследованиями (В. И. Рутенбург, Ю. А. Лимонов, Е. А. Савельева, Е. Ч. Скржинская, Дж. Д’Амато и др.), которые были продолжены в веке нынешнем. Основные ссылки на эти работы можно найти в недавно изданных материалах к биобиблиографическому словарю «Западноевропейские авторы XV–XVII вв. о России» П. Д. Малыгина (2018). К сожалению, не на все, что специально оговаривает составитель в предисловии к этому труду. Так, для автора *Voyages et ambassades* Жильбера де Ланнуа следует отметить объемное и многостороннее исследование Д. Н. Черкасова (2015), содержащее и полный перевод текста, а список литературы, неучтенной в словаре, достаточно впечатляющ. Кроме того, словарь «не претендует на полный охват западноевропейских авторов XV–XVII вв. и их сочинений о России» (Malygin 2018, 9), и в этой работе мне хотелось бы привлечь внимание к тексту, который не был учтен при составлении справочника «Западноевропейские авторы XV–XVII вв. о России» и был обойден вниманием специалистов по истории отечества.

Автором его является англичанин Уильям Вустер (William Worcestre, в русскоязычных текстах иногда встречается и «Уильям Вустерский»). Он родился в Бристоле в 1415 г. и после окончания школы обучался в Оксфордском университете. С конца 30-х гг. XV в. Вустер служил секретарем английского полководца и спонсора университетов сэра Джона Фастольфа, ставшим прототипом Фальстафа в пьесах Шекспира. В этом статусе Уильям Вустер оставался до самой смерти своего патрона в 1459 г. и провел последующее десятилетие в тяжбах, касающихся завещания покойного. Он переехал в Кембридж, жил позднее в Норидже и умер в начале 80-х гг. Его перу принадлежат несколько произведений, включая трактат «Кормило знати» (*The Boke of Noblesse*), и изучению жизни и творчества

этого автора посвящено немало работ: см. основополагающие исследование одного из столпов британской медиевистики К. Б. МакФарлейна, озаглавленное «William Worcester: a preliminary survey» в McFarlane 1981: 199–224, и дальнейшую библиографию в Falileyev, в печати. Сообщение о Руси мы находим в его *Итинерариях*, записанных в 1477–1480 гг., и сохранившихся в рукописи Cambridge, Corpus Christi ms 210. *Итинерарии* Вустера были изданы впервые в 1778 г. английским антикварием Джеймсом Насмитом (Nasmith 1778: 77–378), который опубликовал немало других важных средневековых английских документов. Фрагменты этого текста, посвященные истории и топографии Бристоля были переизданы в 1834 г. другим известным антикварием, Джеймсом Даллауейем (James Dallaway, 1763–1834). До третьей четверти XX в. издание Насмита оставалось стандартным, и только в 1969 г. появилось современное издание *Итинерариев* с параллельным переводом на английский язык (Harvey 1969). Хотя его автор Джон Харви (1911–1997) был известным специалистом по средневековой архитектуре в целом, и экспертом по готической архитектуре средневековой Англии в частности, эта работа была, в целом, положительно встречена в филологическом сообществе. Части текста, связанные так или иначе с Бристолем, ряд из которых был опущен Харви, были изданы в 2000 г. отдельной книгой (Neale 2000).

В своих *Итинерариях* Вустер нередко записывал информацию, полученную им в устной форме от собеседников в своих путешествиях по Англии, часто называя точную дату и имя информанта. Эти фрагменты жанрово многообразны, и, в том числе, представляют значительный интерес для изучения исторической географии Англии и Корнуолла. Сведения же (*informacio*) о Руси были записаны Уильямом Вустером 25 августа 1479 г. — в день Св. Людовика Французского — от неназванного по имени попутчика, отшельника из Эльсинга (Elsing), что находится в двадцати километрах от г. Норидж. Отшельник поведал антикварию, что провёл одиннадцать лет вместе с Филиппой Английской, королевой Дании (1394–1430), вплоть до самой её смерти. Текст *informacio* занимает в издании Джона Харви две страницы (Harvey 1969: 192 и 194), и достоверность деталей этого сообщения давно уже вызывает заслуженные сомнения. Информатор сообщает исторически неверные факты при жизнеописании Филиппы и путается с датами описываемых событий, в том числе и с датой смерти этой королевы

Дании, Норвегии и Швеции. Конечно, эти ошибки можно объяснить возрастом рассказчика – в момент записи этой истории ему должно было бы быть около восьмидесяти, и о свежести воспоминаний о событиях полувековой давности говорить не приходится. Однако сообщение включает в себя немало и точных сведений, и в нем, помимо прочего, рассказывается о географии Дании, Норвегии и Швеции (см. Falileyev, в печати), а также о других странах региона Балтийского моря, в том числе и о Руси.

Прежде чем обратиться к анализу этих свидетельств, необходимо отметить следующее. Рассказ анахорета записан на латыни, невысокое качество которой неоднократно отмечалась исследователями (ср. McFarlane 1981: 199, 210 и 217 о латыни Вустера), с некоторым количеством вкраплений среднеанглийских аппелятивов и англо-номанских служебных слов. Подобный стиль в принципе характерен для *Итинерариев* Вустера, который иногда в своих латинских текстах приводит и английские параллели для отдельных лексем и топонимов (напр., *flumen Wega vocata le Holywelle*, Harvey 1969: 98), а также синонимы, ср., напр., *colys vocat myller thombys* «coles called miller's thumbs» (Harvey 1969: 292–3). Сам же анахорет, судя по всему, был англоязычным, хотя именно эта область Англии и в пятнадцатом веке была известна выходцами из скандинавских стран. Более того, культ скандинавских по происхождению святых оставался популярным в позднесредневековой Англии, и, примечательно, собеседник покинул Вустера, скорее всего, в десяти километрах от Грейт-Ярмута в небольшой деревушке с говорящим названием *St. Olaves*. В ней находился приорат черных каноников-августинцев, основанный в 1239 г. и посвященный Святому Олаву, королю Норвегии: известно, что подобные места притягивали к себе скандинавов, проживавших в Англии. Из исторических источников известно, однако, что свита королевы Филиппы состояла из большого количества англичан, и, вероятно, один из них, вернулся на родину после её смерти и доживал остатки свой жизни отшельником. В этом отношении примечательно, что Вустер в вводной части к *informacio* не упоминает об этническом происхождении своего информанта, что обычно бывает в тех случаях, когда он общается с соотечественниками. Что же касается самой информации, то важно отметить, что рассказ отражает взгляд на восточную Европу из Скандинавии, и эти сведения уместно датировать не временем их записи Вустером, а десятилетиями ранее и, скорее всего,

временем, когда королева Филиппа была еще жива. Это приводит нас к 30-м гг. XV в., и некоторые детали сообщения анахорета из Эльсинга косвенно подтверждают эту дату.

Сведения о Руси не представляют собой композиционно завершенную и структурированную часть *informacio* – отдельные сентенции на эту тему расположены по всему тексту сообщения, что, возможно, отражает спонтанность их высказывания, хотя может и свидетельствовать о записи их Вустером по памяти без надлежащей систематизации. Согласно этим известиям, *Russ(e)lond* (с определениями *provincia* и *patria*) находится рядом с Ливонией (Лифляндией), к востоку от неё (*prope Lyfelond ex parte orientali*), а *Lettonia* расположена близ Ливонии к югу от неё (*prope Lyfland ex meridionali de Russelond*). В рукописи мы читаем на самом деле *Lettowe*, ср. Nasmith 1778: 318 и Harvey 1969: 194, и ойконим *Lettonia* мы находим только в переводе этого фрагмента Харви и последующих его репродукциях. Очевидно, что речь здесь идет, бесспорно, о Литве, и, примечательно, что следующее за этим предложение сообщает, что Вильнюс – это город с крепостными стенами (*ciuitas murata*). Следует отметить в этой связи, что слегка более раннем хронологически сообщении Жильбера де Ланнуа сообщается о том, что «город совсем не укреплен» (Cherkasov 2015: 221). Сам топоним представлен в рукописи в искаженной форме *Wylle*, достаточной, впрочем, для его идентификации – ср. *Ry villa* в Ливонии, за которым скрывается Рига, или *London* в Скандинавии, который используется для наименования Лунда. Еще одно свидетельство о местонахождении Руси, возможно, мы находим при описании Стокгольма. Согласно тексту, он является главным городом Швеции (*principalis villa in Sweyth*) и расположен *super le Russes*: я осторожно предлагаю, помимо других интерпретаций, видеть здесь английское субстантивизированное прилагательное (форма мн. ч.) со значением ‘русские’, см. Falileyev, в печати. В этой стране, по словам сообщения, «никаких других городов не названо» (*nulle alie ville nominate*) кроме Новгорода, который упоминается в тексте дважды. И указанное в тексте расположение Руси, и фокус на Новгороде позволяют рассматривать *informacio* как свидетельство собственно о Новгородской земле, параллели чему известны, ср. ссылки в Kovalenko 2002: 6. Хотя оно является весьма фрагментарным и кратким, важность его трудно переоценить. В распоряжении исследователей имеются только три свидетельства европейских наблюдателей XV в. о Новгороде — Жиль-

бера де Ланнуа, Иосафата Барбаро и Амброджо Контарини, см. переводы фрагментов соответствующих произведений в Kovalenko 2002: 19–22, где приводится дальнейшая библиография. Благодаря же записям Уильяма Вустера в нашем распоряжении оказывается информация отшельника из Эльсинга, которое свидетельствует о времени до завоевания Новгорода Москвой и, очевидно, восходящее к 30-м гг. пятнадцатого века. Таким образом — перед нами второе по хронологии свидетельство иноземца о Новгородской земле XV в. после известий Жильбера, посетившего Новгород в 1413 г.

О стране, впрочем, мы узнаем немного. В одном фрагменте *informacio* говорится о том, что она очень богата (*patria ditissima*), а в другом сообщается о её богатствах. Ими являются воск (*cera fertilis*) и шкуры (*pelles*); примечательно, что источник также сообщает об изобилии воска (*multiplex cera maxima fertilitate*) в Литве, причем может сложиться впечатление о сравнительном количественном превосходстве этого важного товара именно там. Впрочем, собственно Новгород и Литва являлись основными поставщиками воска в Западную Европу (Khoroshkevich 1963: 122). Попутно можно отметить аттестацию в позднесреднеанглийском документе (ca. 1500) словосочетания *Spreuse wax*, которое находится во фрагменте *grey wax*, *Poleyn and Rason and Spreuse wax* (Jenks 1992: 307). Многие исследователи полагали, что его следует переводить ‘как прусский воск’ (ср. написания ойконима ‘Пруссия’ у Вустера как *Spruce* и *Spruceland*, Harvey 1969: 192, 306 и 194), однако существуют и другие интерпретации. Что же касается шкур, то пушной экспорт Новгорода этих времен хорошо известен и детально изучен, ср. уже Khoroshkevich 1963: 45–121. Об этом богатстве сообщает и Жильбер де Ланнуа в своем рассказе о посещении «великого князя и короля Литвы» (*grant prince et roy de Létau*), Витольда (*Witholt*), к сожалению, не учтенного в хрестоматии Kovalenko 2002. Как пишет фландрский рыцарь, «в один торжественный обед, который он дал, к нему прибыли два посольства, одно из Великого Новгорода и другое из королевства Пскова, которые принесли ему представить многие удивительные подарки, целуя землю перед его столом». Среди подарков Жильбер отмечает “невыделанные шкурки куниц, шелковые одежды, шубы, меховые шапки” (*martres crues, robes de soye, soubes, chapeaux fourrez*), Potvin, Houzeau 1878: 55–6, Cherkasov 2015: 230, и о Новгороде как центре меховой торговли свидетельствует немного позже также Амброджо Контарини

(Kovalenko 2002: 22). А. Л. Хорошкевич (1963: 117) отмечала, что « [п]ушнина, один из главных русских экспортных товаров, “драгоценных”, по выражению немецких купцов, высоко ценилась и пользовалась заслуженной славой (..) на всех европейских рынках». Впрочем, на европейские рынки поставлялась пушнина и из других восточно-европейских стран, однако именно товар из Руси, достигавший и Англии через ганзейское посредничество, особенно отмечается наблюдателями (ср. Veale 1966: 57–77 и 133–180). Можно также отметить, что XV в., которым датируется *informacio*, знаменуется упадком торговых отношений между Данией и Новгородом (Shaskolckiy 1970: 16), однако этот исторический факт, безусловно, не нуждался в отражении при описании страны отшельником из Эльсинга.

Далее, после упоминания шкур, в тексте следует соединительный союз *et*, после чего в рукописи следует незаполненный пробел. За пробелом следует слово, которое Дж. Насмит читает как *foresto* (Nasmith 1778: 318), а Дж. Харви — *foreste* (Harvey 1969: 194). Нет сомнения, что мы имеем дело тут с очередным среднеанглийским вкраплением в латинский текст Вустера, ср. англ. *forest* ‘лес’. Сам факт появления английского слова в латинском нарративе автора *Итинерариев* не является исключительным, и подобные изменения языкового кода известны (и хорошо изучены) в различных по жанру произведениях позднесредневековой английской письменности, ср. Schendl, Wright 2011. Чтение же слова с конечным *-o* представляется маловероятным, и, к тому же, написание самого слова как *foreste* достаточно частотно в средневековых английских текстах. Однако чтение с конечным *-es* также, по крайней мере, возможно, и в таком случае мы имеем дело с формой множественного числа, хорошо зафиксированной в среднеанглийском (ср. у Чосера, *Now hilles, and now mountaynes, Now valeyes, now forestes*). В таком случае *informacio* упоминает леса страны (ср. перевод «... forests» в Harvey 1969, 195), но все равно вопрос о лакуне, предшествующей этому слову, остается неразрешимым. Она могла быть сделана намеренно для последующей вставки характеристики леса (или лесов), или других географических объектов, ср. описание «земель Руси» Жильбера де Ланнуа, который по дороге из Ниенеслота (Nyeuslot, совр. Кингсепп) в Новгород «проезжал через некоторые деревни и замки, лежащие в пустынных землях, полных лесов, озер и рек» (Cherkasov 2015: 217). Однако, как и во многих других случаях в *Итинерариях*, лакуна может быть и непреднамеренной и отражает

некоторую хаотичную спонтанность записи текста. Тогда мы имеем дело с собственно лесом, что является, помимо всего, общим местом в наблюдениях иноземцев о Руси, ср. сведения Матвея Меховского о Московии, изданные в 1517 г., см. Anninskiy 1936: 113–114. О том, что именно вокруг Новгорода расположены большие леса, также сообщает и Жильбер, ср. несколько различающиеся переводы французского оригинала, *la ville de la grant Noegarde (...), située en une belle plaine, avironnée de grans forests* (Potvin, Houzeau 1878, 32) в Kovalenko 2002: 19 и Cherkasov 2015: 217.

В этом же предложении *informacio* сообщается о том, что в стране живут как христиане, так и язычники. Для обозначения последних используется слово *saraceni*, собственно — ‘сарацины’, и параллелей такому словоупотреблению в европейской литературе предостаточно. Так, Жильбер де Ланнуа упоминает о том, что король Польши и герцог Померании покровительствовали сарацинам (Cherkasov 2015: 214), и в кратком комментарии к оригиналу (*qui favorisoient les Sarrasins*) на это значение обращается внимание в издании текста (Potvin, Houzeau 1878: 26). Также фландрский рыцарь называет сарацинами и татар, «которые живут там племенем, и которые настоящие сарацины» (Cherkasov 2015: 222, *lesquelz sont drois Sarrasin*, Potvin, Houzeau 1878: 41). В своих *Итинерариях* Вустер использует это слово несколько раз в прямом значении. Так, он копирует документ миноритов из Бодмина (Корнуолл), в котором сообщается о великой чуме, поразившей христиан вслед за сарацинами, ибо они суть язычники (*Saracenes quia pagan[o]s*, Harvey 1969: 94), а при описании Бристоля сообщает, что укрепление на горе Гистон (*Ghyston cliff*) было основано до времен Вильяма Завоевателя «сарацинами или иудеями» (*per Saracenos vel Judeos*, Neale 2000: 34). Известно, что в средневековой Англии как и в других европейских странах это слово применялось и к собственно арабам, туркам и мусульманам, а также к язычникам в целом или даже попросту к иноземным врагам безотносительно их отношения к их религиозным воззрениям. Сарацинами называли ирландцев, шотландцев, славян и даже вандалов, а в некоторых художественных текстах, как отметила Д. Спид, они оказываются «преимущественно литературным явлением, основанным не на реальных персонажах, но восходящим к более ранней литературе» (Speed 1990: 595). В *informacio*, очевидно, слово используется с отсылкой к языческой части населения Новгородских земель. Примечательно, что

именно в этом предложении упоминаются леса, и, как было уже отмечено, «в средневековой культурной географии лес, несомненно, обладал сильными коннотациями, которые, как правило, связывали его с чем-то экзотическим и языческим» (Tamm 2009: 24).

Несколько больше сказано в тексте собственно о Новгороде, который упоминается в двух несвязанных между собою фрагментах. Сам топоним появляется в двух написаниях, первое из которых легко читается в рукописи (дважды на с. 237) как *Nordon*. На с. 239 же он дается как *Nogorth* (согласно Harvey 1969: 194, *Nogrooth* в Nasmith 1778: 318), и уже у ранних читателей текста не было сомнений в идентификации топонима, о чем свидетельствует маргинальная глосса *Nouogardia*, оставленная рукой Роберта Талбота в середине следующего века, ср. в этой связи *Nowygrad vero, quam Latini Nugardiam vel Nouogardiam vocant* у Матвея Меховского (Anninskiy 1936: 183) и *Noegarde* у Жильбера де Ланнуа (Cherkasov 2015: 216). Первое предложение сообщает о том, что он является «большим и очень богатым городом для купцов» (*ciuitas magna et ditissima pro mercatoribus*), и о торговом значении Новгорода также говорит и фрагмент на с. 237, называя его городом купцов (*ciuitas mercatorum*). Таким образом, положение о том, что Сигизмунд Гербенштейн был первым из иностранцев, который «отметил важное значение торговли в жизни Новгорода» (Kovalenko 2002: 6), должно быть пересмотрено – первое свидетельство можно теперь датировать веком ранее. Величиной же Новгорода восхищается уже Жильбер де Ланнуа (*merveilleusement grant ville*, Potvin, Houzeau 1878: 32; см. Kovalenko 2002: 19 и Cherkasov 2015: 217). Примечательно, что только этот город отмечен таким образом во всем тексте *informacio* – информант Вустера использует *ciuitas*, *capitalis ciuitas*, *principalis ciuitas* (*villa*) и *castrum* говоря о населенных пунктах Скандинавии и Балтийских стран, и даже когда сообщает какие-либо более подробные сведения о них, как в случае с Копенгагеном или Стокгольмом, о размере городов не сообщается.

В городе, как сообщает *informacio*, много золота и серебра (о циркуляции благородных металлов в Новгороде см. Khoroshkevich 1963: 263–307) и даже колокольня церкви Новгорода (*campanile ecclesie Nordon*) покрыта золотыми листами (*cum auro lamine*). Вустер неоднократно использует слово *campanile* в своих *Итинерариях* исключительно для обозначения колоколен (ср. только при описании Бристоля, Neale 2000: 20, 50, 72

(дважды), 80, 90, 94 и т. д.), и значением этого латинского слова в позднесредневековой английской традиции бесспорно является ‘колокольня’, ‘звонница’, ср. глоссы *campanile*, а *bel hose* или *hos campanile*, а *bellehowse* в документах XV века. Примечательно, что сопоставимая информация известна и по несколько более позднему источнику. Швед Петр Петрей (*Petrus Petrejus*, ок. 1570–1622, см. о нем Tolstikov 2012) оставил нам следующее свидетельство о Новгороде начала XVII в.: «[к]олокольни большею частью обиты листовою, желтою и красною, медью и позолочены ярким чистым золотом; на них несколько тысяч колоколов, больших и малых: самый большой принадлежит церкви св. Софии» (Kovalenko 2002: 73). Используемый в хрестоматии Г. М. Коваленко и неоднократно переиздававшийся перевод текста Петрея А. Н. Шемякина, впервые опубликованный в 1865–6 гг., вызывает обоснованные нарекания (см. Tolstikov 2011), и в данном случае в текстах говорится, собственно, о башнях (*die Thürme* немецкого сочинения и *Tornen* шведского). В этих башнях подвешены тысячи колоколов, больших и маленьких (соответственно *darinne etliche tausent Glocken / kleine vnd grosse hangen* и *vti hwilka finnes några tusende Klockar / stora och små hängiande*)². Очевидно, речь идет действительно о колокольнях, и следует отметить, что *informacio* Вустера использует слово ‘колокольня’ в единственном числе, ср. перевод «the belfry of the church of Novgorod» в Harvey 1969: 193. Как известно, в Новгороде XV века было немало храмов, см. обзор церквей, в том числе и существовавших в это время, выполненный разными авторами в Yanin 2007: 478–529, и чуть ранее *informacio* Вустера Жильбер де Ланнуа сообщает о триста пятидесяти церквях города (Cherkasov 2015: 218). Позднее мы находим у Матвея Меховского сообщение и о том, что церковь Св. Софии в Новгороде была покрыта блестящими золотыми пластинами (*et est tecta aureis lamines splendentibus*, Anninskiy 1936: 184), однако описание Вустера вряд ли подходит звоннице Софийского собора (см. о ней работу В. А. Ядрышникова в Yanin 2007: 181–182, с дальнейшей библиографией).

Несмотря на фрагментарность этого сообщения о Великом Новгороде, сохранившегося в *Итинерариях* Уильяма Вустера,

---

² Автор благодарен доценту Петрозаводского государственного университета А. В. Толстикову за предоставление этих данных в условиях самоизоляции и их плодотворное обсуждение.

нет сомнения в его важности для установления корпуса известий иностранцев о Руси XV в. Для Новгорода оно является хронологически вторым после текста Жильбера де Ланнуа, хотя и существенно уступает ему по объему. Однако оно превосходит объем двух хронологически последующих реляций о городе Иосафата Барбаро и Амброджо Контарини, занимающих, соответственно, семь и пять строк в хрестоматии Г. М. Коваленко (2002: 21–22). Фрагменты содержат новые крупинки информации, неизвестные по другим иноязычным источникам этой поры, и, как хочется надеяться, будут востребованы историками. С точки зрения же филологии, эта часть *informacio* Вустера интересна в рамках изучения адаптации иноязычных названий этим автором, и также дополняет общую картину смены языкового кода в *Итинерариях*.

Литература

- Anninskiy, S. A. 1936: [*Mekhovskiy Matvey. Treatise on two Sarmatias. Introd., transl. and comm. by S. A. Anninskiy*]. Moscow; Leningrad.
 Аннинский, С. А. 1936: *Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях* / Введ., пер. и комм. С. А. Аннинского. М.; Л.
- Cherkasov, D. N. 2015: [Guillebert de Lannoy and his «Voyages et ambassades»]. *Studia historica Europae Orientalis*. Fasc. 8. Minsk, 195–241.
 Черкасов, Д. Н. 2015: Жильбер де Ланнуа и его «Voyages et ambassades». *Studia historica Europae Orientalis. Исследования по истории Восточной Европы*. Вып. 8. Минск, 195–241.
- Falileyev, A. в печати: Notes on the *Itineraries* by Willam Worcestre.
- Harvey, J. H. 1969: *William Worcestre, Itineraries*. Oxford.
- Jenks, S. 1992: Werkzeug des spätmittelalterlichen Kaufmanns: Hansen und Engländer im Wandel von memoria zur Akte (mit einer Edition von The Noubre of Weyghtys). *Festschrift Alfred Wendehorst zum 65. Geburtstag gewidmet von Kollegen, Freunden, Schülern*, 2 vols. = *Jahrbuch für fränkische Landesforschung* 52–53 (1992), vol. 1, 283–319.
- Khoroshkevich, A. L. 1963: [*Veliky Novgorod's trade with Baltic Region and West Europe in XIV–XV centuries*]. Moscow.
 Хорошкевич, А. Л. 1963: *Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV вв.* М.
- Kovalenko, G. M. 2002: [*Veliky Novgorod in foreign writings of XV–early XX centuries*]. Veliky Novgorod.
 Коваленко, Г. М. 2002: *Великий Новгород в иностранных сочинениях XV–нач. XX века*. Великий Новгород.
- Malygin, P. D. 2018: [*West-European writers of XV–XVII centuries on Russia: materials for bio-bibliographic dictionary*]. Malygin, P. D., Gaidukov P. G. (eds.). Moscow.

- Малыгин, П. Д. 2018: *Западноевропейские авторы XV–XVII вв. о России: материалы к библиографическому словарю* / сост. П. Д. Малыгин; отв. ред. П. Г. Гайдуков. М.
- McFarlane, K. B. 1981: *England in the Fifteenth Century*. London.
- Nasmith, J. 1778: *Itineraria Symonis Simeonis et Willelmi de Worcestre*. Cambridge.
- Neale, F. 2000: *William Worcestre: the topography of medieval Bristol*. Bristol.
- Potvin, Ch. & Houzeau, J.-C. 1878: *Œuvres de Ghillebert de Lannoy, voyageur, diplomate et moraliste*. Louvain.
- Schendl, H. & Wright, L. (eds.) 2011: *Code-Switching in Early English*. Berlin.
- Shaskolckiy, I. P. 1970: [Economic ties of Russia with Denmark and Norway in IX–XVII centuries]. In: [*Historical connections of Scandinavia with Russia in IX–XX centuries*]. Leningrad, 9–63.
- Шаскольский, И. П. 1970: Экономические связи России с Данией и Норвегией в IX–XVII вв. *Исторические связи Скандинавии и России, IX–XX вв. Л.*, 9–63.
- Speed, D. 1990: The Saracens of *King Horn*. *Speculum*, 65, 564–595
- Tamm, M. 2009: A New World into Old Words: The Eastern Baltic Region and the Cultural Geography of Medieval Europe. *The Clash of Cultures on the Medieval Baltic Frontier*. Aldershot, 11–35.
- Tolstikov, A. V. 2011: [Why should we translate «Regni Muschovitici sciographia» by Peter Petreius from Swedish]. *Srednie veka [Middle Ages]* 72, 175–186. Толстиков А. В. 2011: Зачем переводить «Regni Muschovitici sciographia» Петра Петрея со шведского языка. *Средние века* 72, 175–186.
- Tolstikov, A. V. 2012: [Peter Petreius in Russia (1601–1613 гг.)]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* 2, 129–142.
- Толстиков А. В. 2012: Петр Петрей в России (1601–1613 гг.). *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* 2, 129–142.
- Veale, E. M. 1966: *The English Fur Trade in the Later Middle Ages*. Oxford.
- Yanin, V. L. 2007: [*Veliky Novgorod. History and Culture. Encyclopaedia*]. Yanin, V. L. (ed.). St. Petersburg.
- Янин, В. Л. 2007: *Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь* / под ред. В. Л. Янина. СПб.

Н. В. Карева, Н. А. Кузнецова

(Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург)

**СТИХОТВОРЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ
В «МАТЕРИАЛАХ К РОССИЙСКОЙ ГРАММАТИКЕ»
М. В. ЛОМОНОСОВА**

Представленные в статье сведения комментируют фрагмент из «Материалов к Российской грамматике» Ломоносова, содержащий список *стихотворческих* и *грамматических* фигур. В АПСС указано, что данный перечень относится к подготовке Ломоносовым третьей книги Риторики¹. Однако разделы о допустимых в художественном тексте языковых аномалиях были традиционной частью европейских и славянских грамматических описаний XVI–XVII вв. В статье комментируются латинские примеры из «Материалов к Российской грамматике», а также высказывается предположение, что Ломоносов планировал включить соответствующий раздел в «Российскую грамматику». Источником его заметки, по мнению авторов, послужили «De institutione grammatica libri tres» Альвара.

Ключевые слова: Ломоносов, Альвар, поэтическая фигура, грамматическая фигура, «Российская грамматика», метаплазм, схема, «Материалы к Российской грамматике».

N. V. Kareva, N. A. Kuznetsova

(Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg)

***Poetic and grammatical figures in “Materials for Russian Grammar”
by Mikhail Lomonosov***

We comment on a fragment from “Materials for Russian Grammar” by Mikhail Lomonosov. It contains a list of *poetic* and *grammatical figures*, each of them being provided with examples in Latin, borrowed from the works of ancient authors, mainly Virgil. It was published as a part of “Materials for Russian Grammar” in the 7th Volume of Lomonosov’s Academic Complete Works, however, its compilers indicate that the list with poetic and grammatical figures refers to the scholar’s work on the third book of Rhetoric, not «Russian grammar».

Many Latin examples illustrating *figures* in the Lomonosov’s fragment are characteristic of poetry, and not of classical Latin prose. However, we

---

¹ Риторическая терминология М. В. Ломоносова изучалась в рамках проекта «Исследование риторических трудов М. В. Ломоносова (лингвистический и историко-культурный аспекты)» (грант РГНФ №12-04-00109а, рук. П. Е. Бухаркин); его результаты представлены в коллективной монографии «Риторика М. В. Ломоносова» (СПб., 2017) (издание осуществлено при финансовой поддержке РФФИ по проекту №17-04-16114, рук. Н. В. Карева).

claim that in most cases, this concerns not arbitrary operations with a word form, but the choice of an archaic lexical item.

The doctrine of *metaplasms* (various kinds of changes in the sound form of a word within a poetic line) and *schemes* (syntactic figures) has been known since Antiquity. *Metaplasms* and *schemes* were treated in details in “Institutio oratoria” by Quintilian, later in the writings of Donatus and Consentius. In the Early New Age, the sections devoted to linguistic anomalies acceptable in the literary text became a traditional part of the European and Slavic grammatical descriptions. We find them in the Latin grammars of Melanchthon and Alvares, in the descriptions of the German language compiled by Schottel and Clajus, in the grammar of the Church Slavonic language by Smotrytsky. Detailed sections about the figures were included in some grammar manuals of the Russian language of the “prelomonosov period” as well as in those of foreign languages for Russian readers created in the first half of the XVIIIth century. The final version of «Russian Grammar» does not contain the treatment of *metaplasms* outlined in the draft materials, but based on the provided information, we suggest that Lomonosov had planned to include a section on *figures* in «Russian Grammar».

The direct source for Lomonosov’s note was, apparently, Alvares’ “De institutione grammatica libri tres”: examples, section names and definitions are similar. Having gained wide popularity in Western Europe of the XVIIth century Alvares’ grammar became well known in Russia in the second half of the XVIIth – early XVIIIth centuries. It was used in teaching Latin and versification in many schools of the Russian Empire. It is also known that in 1761 Lomonosov recommended this textbook for the students of the middle Latin class of the Academic Gymnasium.

Key words: Lomonosov, Alvares, poetic figure, grammatical figure, «Russian grammar», «Materials for Russian Grammar», metaplasms, scheme.

«Материалами к Российской грамматике» называют черновые заметки М. В. Ломоносова, опубликованные в 7 т. Академического полного собрания его сочинений (Lomonosov 1952). Их подготовила к печати В. Н. Макеева по хранящемуся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН собранию документов Ф. 20, Оп. 1, № 5. Эта коллекция, сформированная после смерти Ломоносова, предназначалась для библиотеки гр. Г. Г. Орлова и должна была объединить тексты, относящиеся к словесным наукам. Документы отбирались по тематическому принципу, поэтому в фолианте оказались соединены хронологически разнородные материалы; попали туда и некоторые бумаги, не имеющие отношения к филологии (Kulyabko, Beshenkovsky 1975: 89–102). При публикации материалов в 7 т. была осуществлена выборка. Тексты «не гуманитарной» направленности частично вошли в другие тома, а все, что хотя бы косвенно могло иметь отношение к работе над «Российской

грамматикой» и другими филологическими или историческими трудами Ломоносова, было опубликовано как «Материалы к Российской грамматике».

Наше внимание привлёк список *стихотворческих* и *грамматических фигур* на л. 53 (Lomonosov 1952: 657) – в комментарии указано, что этот небольшой текст связан с подготовкой третьей книги Риторики, «о стихотворстве учению» (Lomonosov 1952: 810, 926). Однако мы полагаем, что на самом деле заметка относится к работе над «Российской грамматикой» и свидетельствует о том, что изначально Ломоносов планировал включить в нее раздел о риторических фигурах.

На л. 53 содержится перечень фигур на латинском языке (написанное кириллицей *проѐзис* в углу страницы зачеркнуто); они подразделяются на *стихотворческие* и *грамматические*. К *стихотворческим фигурам*, или *метаплазмам*, отнесены: (1) *prothesis* (т. е. добавление звука или слога к началу слова);² (2) *aphaeresis* (т. е. отбрасывание звука или слога в начале); (3) *epenthesis* (т. е. вставка звука внутрь слова); (4) *syncope* (т. е. выпадение звука в середине слова); (5) *paragoge* (т. е. добавление звука или слога к концу слова); (6) *apocope* (т. е. отбрасывание последнего звука или слога); (7) *tnesis* (т. е. разделение слова вставкой одного или нескольких слов между его слогами); (8) *antithesis* (т. е. замена одного звука на другой); (9) *metathesis* (т. е. перестановка двух звуков или слогов в слове). К *грамматическим фигурам* отнесены (1) *enallage* (т. е. замена одной части речи другой), (2) *synaeresis* (т. е. слияние двух слогов в один) и (3) *diaeresis* (т. е. раздельное произношение двух элементов дифтонга). Далее записи обрываются.

Двум фигурам даны определения на латыни: *enallage* определяется как «*pars orationis una pro alia*» («одна часть речи вместо другой»³) и *synaeresis* – как «*syllaba una ex duabus facta*» («один слог, составленный из двух»). Каждая фигура иллюстрируется одним, реже – двумя латинскими примерами. Ломоносов дает лишь отдельные слова, без контекста, однако примеры заимствованы из произведений античных авторов, в

² Строго говоря, *prothesis* (πρόθεσις) — ‘постановка впереди’ (если речь идет о грамматике, тж. ‘предлог’), а ‘добавление спереди’ — *prosthesis* (πρόσθεσις). См., напр., Liddel-Scott-Jones 1996 s. vv. У Ломоносова и Альвара (см. ниже) именно *prothesis*.

³ Здесь и далее перевод наш — *авт.*

основном, Вергилия (Lomonosov 1952: 925–926). Впрочем, этот корпус иллюстраций был типичен для латинских грамматик (Lausberg 1960: 260–265; Vainio 2000), и Ломоносовские примеры отсылали, таким образом, с одной стороны, к репрезентативным грамматическим текстам, с другой, — к строкам известных поэтических произведений.

Термин Ломоносова	Пример Ломоносова	Источник
<i>Prothesis</i>	<i>gnatus, pro natus</i>	Ter., Andr. I, 49.
<i>Aphaeresis</i>	<i>temno, pro contemno</i>	Verg., Aen. VI, 620
<i>Epenthesis</i>	<i>relliquiae, pro reliquiae,</i> <i>зачеркн. Mavortis, pro Martis</i>	Verg., Aen. I, 30 Verg., Aen. VIII, 630.
<i>Syncope</i>	<i>gubernaclo, pro gubernaculo</i>	Verg., Aen. V, 859.
<i>Paragoge</i>	<i>admittier, pro admitti</i>	Verg., Aen. IX, 231
<i>Apocope</i>	<i>oti, pro otii</i>	Verg., Georg. IV, 564
<i>Tmesis</i>	<i>qui te cunque manent!</i> <i>Septemque triones</i>	Verg., Aen. XII, 61. Verg., Georg. III, 381.
<i>Antithesis</i>	<i>Olli, pro illi</i>	Verg., Aen. V, 10.
<i>Metathesis</i>	<i>Thymbre, pro Thymber</i>	Verg., Aen. X, 394.
<i>Enallage</i>	<i>Vivere, pro vita</i>	Cic., Att., XIII, 28, 2.
<i>Synaeresis</i>	<i>Aurēis, pro aurēis</i>	Verg., Aen. I, 726.
<i>Diaeresis</i>	<i>Aurai, pro aurae.</i> <i>Evoluisse, pro evolvisse.</i>	Verg., Aen. VI, 747. Ovid., Epist. XII, 4.

В грамматической традиции, на которую опирался Ломоносов, эти явления описываются как *метаплазмы* — различного рода изменения звуковой формы слова в пределах поэтической строки, — и *схемы*, т. е. синтаксические фигуры (к ним принадлежит только *enallage*). При этом трактуемые Ломоносовым как *стихотворческие фигуры* явления часто были обусловлены историческими изменениями в фонетике и морфологии латинского языка. Прокомментируем примеры *метаплазм* Ломоносова в порядке их появления в его списке.

Так, форма *gnatus*, приведенная у Ломоносова как пример *протезы*, — это более древний вариант формы *natus* (Ernout, Meillet 2001 s. v. *nascor*; ср. такие дериваты, как *agnatus*, *co(n)gnatus*).

Употребление *temno* вместо *contemno* скорее следовало бы обозначить не как *афери́зу*, а как *simplex pro composita*, т. е. использование бесприставочного варианта вместо более при-

вычной лексемы с приставкой⁴. Отметим, что глагол *temno* встречается существенно реже, чем *contemno*, и почти исключительно в поэзии⁵.

В качестве примера *эпентезы* дана форма *relliquiae*⁶ < *redliquiae. Вариант приставки *red-* (вместо *re-*) в классической латыни практически не появляется перед согласным (Ernout, Meillet 2001 s. v. *re-*)⁷, и его появление у Вергилия (Verg., Aen. I, 30) объясняется необходимостью вметить слово в дактилическую строку: форма *acc. pl. relliquias* скандируется как — ∪ ∪ —, а прозаический вариант *reliquias* — как ∪ ∪ ∪ —⁸. Что же касается зачеркнутой Ломоносовым формы *Māvors* (у Ломоносова указан *gen. Māvortis*), то это архаичный вариант имени *Mārs* (о фонетическом развитии см. Tronsky 2001: § 210).

Слово *gubernaculum* в поэзии часто подвергается *синкопе* (Häfner 1934: 2341). В случае с формой *abl. sg. gubernaclo* метрика не оставляет выбора: несинкопированная форма *gūbernācūlō* не вписывается в гекзаметр. Вообще же *синкопа* была распространена не только в поэзии, но и в прозе, однако имела довольно нерегулярный характер (Kazansky 2017: 49–51; Tronsky 2001: §§ 164–169).

Рассматриваемая как пример *парагоги* форма *admittīēr* — *inf. praes. pass.* на *-īēr*. Этот показатель инфинитива не имеет надежной этимологии (Sihler 1995: § 553.2.a), но такие формы явно архаичны; после Плавта и Теренция они встречаются в эпосе (Tronsky 2001: § 572).

⁴ Другие примеры см.: Norden 1934: 291; Maurach 1995: § 141.3.

⁵ Ср.: Austin 1971: 176–177; Austin 1977: 197. Исключение — Тас. *Hist.* 3, 47, вероятная аллюзия на Verg. Aen. 10, 737 (Heubner 1972 ad loc. и Austin 1971: 177).

⁶ Нередко для этого слова предпочитают говорить о чтении *rēliqui-*, а не *relliqui-* (напр., OLD 1968 s. v. *reliquiae*; Verg. Aen. I, 30 et al. в изд. Mynors 1988; Austin 1971: 39 и Bailey 1950: 132). Однако против такого прочтения можно возразить, что чтение *relliquias* засвидетельствовано по крайней мере для Вергилия, см. Serv. Comment. in Artem Donati (Keil, 1857–1880: 4, 444): «quando enim dicit Virgilius relliquias, quoniam in metro est, dicimus esse metaplasmum; si soluta esset oratio, barbarismum vocaremus» («Когда Вергилий говорит *relliquias*, то, поскольку это в стихах, мы говорим, что это метаплазм; будь это проза, назвали бы варваризмом»).

⁷ О предполагаемой этимологии этой приставки см.: Tronsky 2001: § 791a.

⁸ Ср. Austin 1971: 39; Bailey 1950: 132 об этой приставке в лат. гекзаметре.

Что касается формы *otī*, иллюстрирующей *апокону*, то следует отметить, что слияние *-īī > -ī* в *gen. sg.* произошло еще во II в. до н. э., и восстановление в формы типа *otīi* у существительных имело место только в эпоху Вергилия (Tronsky 2001: § 331). Таким образом, форма *otī* не была чертой поэтического языка.

В качестве примеров *тмесиса* приведены два фрагмента — *qui te cinque manent* и *Septemque triones*. Местоимение *quicumque* в поэзии часто подвергалось *тмесису* (OLD 1968 s. v.). При этом второй пример — *Septemque triones* (у Вергилия *Septem subiecta trioni*, Verg., Georg. III, 381) — необычен, т. к. *тмесису*, как правило, подвергались формы не единственного, а множественного числа от этого слова (OLD 1968 s. v. *septem-triones*; Mynors 1994: 237)⁹.

Как иллюстрация *антитезы* приведена форма *dat. sg. olli* от архаического местоимения *olle* ‘тот’, являвшегося вероятным предком классического *ille* (Tronsky 2001: § 453; Sihler 1995: § 377.4).

Форма *Thymbre*, трактуемая как *метатеза*, — действительно незакономерный вокатив, образованный, вероятно, по аналогии с вокативом второго склонения на *-us*¹⁰.

Использование формы *aureīs* вместо *aureis* в современной терминологии следовало бы назвать не *синерезой*, а *синизесой* (Kuznetsov 2006: § 141; другие примеры ср. Austin 1971: 209; Bailey 1950: 129; Kazansky 2017: 55).

Иллюстрирующая *диерезу* форма *gen. sg. aurāī* (Verg. Aen. 6, 747¹¹) не образована на основе классического *aurae*, но, наоборот, является его прямым предком; такие формы, кроме Плавта, встречаются почти исключительно в эпосе и, вероятно, воспринимались как архаизмы (Tronsky 2001: § 316). Другой пример *диерезы* — форма *evoluisse* — должна считаться исконной по отношению к *evolvisse*. Хотя *-lu-*, *-ru-* > *-lv-*, *-rv-* перед гласным, этого не происходило в формах перфекта; в других случаях *-vi-* после согласного было редким (Tronsky 2001: § 201,

⁹ О тмесисе в латинской поэзии см.: Maurach 1995: § 37; Harrison 1991: 262.

¹⁰ С. Харрисон видит в этой форме аллюзию на Гомера, у которого встречаются разные варианты вокатива для одного и того же имени (Harrison 1991: 174).

¹¹ Ср. аналогичные примеры в «Энеиде» (Serv. Aen. 7, 464; Verg. Aen. 3, 354; 7, 464–465; 9, 26).

§ 633.3; Kazansky 2017: 43–44).¹² Как и в предыдущем случае, речь не может идти о *диерезе*: существование дифтонга /ui/ в латыни под вопросом и может предполагаться всего в нескольких формах (Kazansky 2017: *ibid.*). Что же касается чтения *-и-* вместо *-v-*, то такие примеры в латинской поэзии есть: например, Hor. Epod. 13, 2 — *siluae* вместо ожидаемого *silvae* (Kuznetsov 2006: § 140; § 436)¹³.

Таким образом, многие примеры, иллюстрирующие ту или иную фигуру в списке Ломоносова, характерны для поэзии, а не для классической латинской прозы. Однако в большинстве случаев речь идет не о произвольных операциях с неудобной поэту словоформой, а о выборе архаичного или существовавшего параллельно лексического варианта.

Представленная у Ломоносова трактовка восходит к освященной веками традиции. Учение о *метаплазмах* было известно еще со времен Античности (Markasova 2002: 61–68). Впервые они были описаны в «Кратиле» Платона; подробнее о *метаплазмах* и *схемах* писал Квинтилиан (Engels 2001). В трактате «*Institutio oratoria*» (ок. 94) он противопоставил *метаплазмы* и *схемы*, с одной стороны, и *варваризмы* и *солецизмы*, с другой. Основным критерием их разграничения Квинтилиан считал выяснение того, кто допустил отклонение от языковой нормы. Если речь шла о школьниках или людях, незнакомых с греческой и римской литературой, отклонение следовало классифицировать как ошибку, *варваризм* или *солецизм*. Если же это были знатоки классической литературы или авторы канонических произведений, подобная языковая операция должна была рассматриваться как использование *метаплазма* или *схемы* (Quint. I,5,5; I,8,14).

Разделы, посвященные допустимым в художественном тексте языковым аномалиям, присутствовали в трудах многих грамматиков периода Римской империи — в частности, у Доната (Keil 1857–1880: 4, 395–399) и Консенция (Keil 1857–1880: 5, 386–404; Mari 2016), затем в многочисленных нормативных трактатах Средневековья и Раннего Нового времени. Так, в латинской грамматике Меланхтона (1526) метаплазмы названы *орфографическими фигурами* (*figurae orthographicae*). Их выде-

¹² Доля правды в замечании Ломоносова есть: независимо от того, существовало ли чтение *evolvisse* при Овидии, в этом месте стиха — сразу после цезуры в пентаметре — оно невозможно (Kuznetsov 2006: § 342).

¹³ Ср., напр., о таких случаях у Лукреция (Bailey 1950: 129).

лено двенадцать типов: (1) *Prosthesis*, (2) *Aphaeresis*, (3) *Epenthesis*, (4) *Diplasiasmus*, (5) *Syncope*, (6) *Paragoge*, (7) *Apocope*, (8) *Synaeresis*, (9) *Diaeresis*, (10) *Metathesis*, (11) *Antithesis*, (12) *Tmesis* (Melanchton 1714: 477).

Начиная с XVI в. стала пользоваться авторитетом классификация, предложенная в «De institutione grammatica» Альвара (1572). Он следовал античной традиции, считая, что то, что является погрешностью в прозе, может быть необходимым в стихе, поэтому поэты для усовершенствования размера или украшения текста могут использовать метаплазм (Alvares 1859: 519). Альвар выделил восемь видов метаплазмов: (1) *prothesis* — «litera vel syllaba principio dictionis addita» («буква или слог, добавленная к началу слова»); (2) *epenthesis* — «cum medio dictionis litera aut syllaba interjicitur» («когда в середину слова вставляется буква или слог»); (3) *paragoge* или *proparalepsis* — «extremae syllabae aliquid adjungitur» («что-либо добавляется к конечному слогу»); (4) *aphaeresis* — «litera vel syllaba principio dictionis subtracta» («буква или слог, удаленная из начала слова»); (5) *syncope* — «syncope literam vel syllabam e medio dictionis subtrahit» («синкопа отнимает букву или слог из середины слова»); (6) *apocope* — «fini dictionis aliquid detrahit» («апокопа отнимает что-нибудь от конца слова»); (7) *antithesis* — «literae commutatio» («перемена букв»); (8) *metathesis* — «literarum ordo immutatus» («измененный порядок букв») (Alvares 1859: 519–522).

Метаплазмы традиционно рассматривались и в грамматиках немецкого языка XVI–XVII вв. В «Grammatica Germanicae Linguae» Клая (1578) речь идет о восьми орфографических фигурах (Meier (Hg.) 1895: 164–166). О фигурах или вольностях (*Freiheiten*) пишет Шоттель в «Ausführliche Arbeit von der Teutschen HaubtSprache» (1663), выделяя (1) *Prosthesis* (*Vorzusatz*), (2) *Epenthesis* (*Hinneinsatz*), (3) *Paragoge* (*Hinterzusatz*), (4) *Aphaeresis* (*Vornabsatz*), (5) *Syncope* (*Heraussatz*), (6) *Apocope* (*Hinterabsatz*), (7) *Metathesis* (*Umsatz*), (8) *Antithesis* (*Wechsel-satz*), (9) *Tmesis* (*Wortheilung*) и (10) *Crisis* (*Zusammenzug*) (Schottelius 1663: 678–679).

В грамматиках церковнославянского языка также присутствовали подобные разделы. Детальное описание разнообразных лексических аномалий, основанное на соответствующих разделах грамматик Ласкариса и Варенния (Kociuba 1975: 527–528), входит в состав четвертой части «ГД просвѣди стихотворной» грамматики Мелетия Смотрицкого (1619). Последний

пользуется термином *страсти речений* («измѣна мѣры ради Стіхотворны бываемаа»), которые подразделяет на *страсти изобилиа* и *скудости*. К первым относятся (1) *πρόσθεσις* или *приложение* («писмене или слога в началѣ реченія прѣ^лложение», напр. *прелестъ* вместо *лестъ*); (2) *ἀναδίπλωσις* или *оусугубление* («первагѡ или вторагѡ писмене либо слога повтореніе», напр. *естесмы* вместо *есмы*); (3) *ἔκτασις* или *напряжение* («кра^ткихъ слѡгѡ измѣненіем кра^ткагѡ писмене на общій или долгій, вѡд^лженіе», напр. *тѣлеса* вместо *телеса*); (4) *ἐπέκτασις* или *распространение* («средѣ реченія слога приложение», напр. *сочетаніе* вместо *сочтаніе*); (5) *διαίρεσις* или *ра^здѣление* («слога единагѡ на два ра^зятіе», напр. *радуися* вместо *радуйсѧ*); (6) *παρένθεσις* или *вмѣщеніе* («гласнагѡ слога не творящагѡ во среду реченія вложеніе», напр. *жятель* вместо *жатель*); (7) *διπλασιασμός* или *оудвоение* («тогѡжде согласна слога нетворящагѡ средѣ реченія оусугубленіе», напр. *варрѣ* вместо *варѣ*); (8) *παρέμπτωσις* или *приданіе* («согласна в единомѣ и томѡже реченіи не творяща слога приложение», напр. *стѣнь* вместо *стѣнь*); (9) *προσχηματισμός* или *припятіе* («слога в конци реченія приложение», напр. *врачеве* вместо *враче*).

К *страстям скудости* относятся (1) *ἀφαίρεσις* или *ѡложение* («писмене или слога в началѣ реченія ѡятіе», напр. *плотъ* вместо *вплотъ*); (2) *ἄρσις* или *ѡятіе* («первагѡ слога в реченіи оусугубленагѡ ѡложение», напр. *ество* вместо *естество*); (3) *συστολή* или *ѡслабление* («долги^х слѡгѡ измѣненіем до^лтагѡ писмене на кра^ткій, сокращеніе», напр. *бегу* вместо *бѣгу*); (4) *συνκοπή* или *стиснение* («слога з среди реченія изложеніе», напр. *чисту* вместо *чистому*); (5) *συναλοιφή* или *спряжение* («дву слогу в единѣ слитіе», напр. *тройца* вместо *троица*); (6) *ἔλλειψις* или *изятіе* («гласнагѡ слога не творящагѡ ѡ среди реченія изложеніе», напр., *дѣство* вместо *дѣйство*); (7) *παρέλλειψις*, или *оуятіе* («единагѡ ѡ дву тоюжде согласну изметіе», напр. *истинный* вместо *истинный*); (8) *ἐκθλιψις* или *оулишение* («согласна не творяща слога с среди реченія изятіе», напр. *серце* вместо *сер^дце*); (9) *ἀποκοπή* или *оустѣчение* («слога в конци реченія ѡрѣшеніе», напр. *чист* вместо *чистый*) (Kuz'minova, Remneva 2000: 468–470).

Что же касается синтаксических аномалий, то они рассматривались в третьей части «СД Сѡнтаѣи». Выделялось девять *схем* или *образов*, и среди них *еналлаги* или *измѣнение*, когда «часть слова едина в мѣстѡ иныя полагается» (напр. *вещь*

вре^она есть клеветати вместо *вещь вре^она есть клевета*) (Там же: 452).

Соответствующие разделы включались и в некоторые грамматики русского языка «доломоносовского периода», а также в создаваемые в первой половине XVIII в. грамматики иностранных языков для русских читателей. Так, имеется раздел об *орфографических фигурах* в изданной в Берлине первой грамматике немецкого языка для русских учащихся (Charmyntes 1713: 110–112), ср. также посвященную *синтаксическим фигурам* главу в написанной по-немецки грамматике славяно-русского языка Паузе (1706–1729) (Keipert (Hg.) 2016: 504–512).

Наконец, объемный раздел о фигурах входил в составленный для Академической гимназии учебник «Сокращение грамматики латинской» (1746), где *фигуры орфографические* определялись как «переменяющие» слово, «либо прибавлявая, либо отнимая, либо перекладывая литеру или слог» (Lebedev 1746: 327). Выделялось двенадцать фигур такого типа: (1) *prosthesis* («к слову наперед прибавляется литера или целой слог»); (2) *aphaeresis* («от слова спереди отнимается литера или целой слог»); (3) *epenthesis* («в середине слова прибавляется литера или целый слог»); (4) *diplasmus* («в середине слова повторяется согласная»); (5) *syncope* («из середины слова выкидывается литера или слог»); (6) *paragoge* («при конце слова прибавляется литера или слог»); (7) *apocope* («при конце какова слова отнимается литера или слог»); (8) *synaeresis* или *crasis* («две гласные в одну соединяются»); (9) *diaeresis* («из одного слога делается два»); (10) *metathesis* («литера переставливается»); (11) *antithesis* («одна литера вместо другой поставляется»); (12) *tnesis* («сложное слово разделяется и между ими другое поставляется») (Там же: 327–328).

Типология лексических и синтаксических аномалий была, таким образом, традиционной частью грамматических описаний Раннего Нового времени и первой половины XVIII в. Мы предполагаем, что и Ломоносов планировал включить подобный раздел в «Российскую грамматику». Известно, что в окончательную редакцию вошли не все намеченные в «Материалах» темы — см., напр., набросок на л. 7 об. (Lomonosov 1952: 606) и др. Однако какой текст мог послужить источником для интересующей нас заметки?

Перечень метаплазмов в «Материалах к Российской грамматике» не мог быть заимствован из грамматики Смотрицкого, поскольку последний использует славянские определения и

примеры, а Ломоносов латинские. Кроме того, несмотря на ряд терминологических совпадений, есть и значимые различия: фигура, обозначающая вставку звука внутрь слова, у Смотрицкого называется *διπλασῖασμός*, а у Ломоносова — *epenthesis*; добавление буквы или слога к концу слова у Смотрицкого — *προσχηματισμός*, а у Ломоносова — *paragoge*. Не мог он ориентироваться и на немецкую традицию, так как ни Клай, ни Шоттель, ни Паус не используют латинские примеры. Несомненно, это была одна из грамматик латинского языка, но, поскольку в большинстве случаев Ломоносов опускает дефиниции, а примеры из античных авторов переходили из одной грамматики в другую, сложно делать однозначные выводы относительно того, какая именно. Тем не менее, наиболее вероятной нам представляется версия о том, что Ломоносов ориентировался на «*De institutione grammatica*» Альвара.

При сопоставлении текста из «Материалов» с соответствующими фрагментами из книги Альвара бросается в глаза следующее. Ломоносовский набросок «Фигуры стихотворческія. Metaplasmus» текстуально близок главе «*De metaplasmo et figuris quibusdam Poetarum*» — схожи названия разделов и повторяются все примеры. Выписки о фигурах *enallage*, *synaeresis*, *tnesis* и *dieresis* ориентированы на предыдущие разделы грамматики Альвара — «*De figurata constructione*» и «*De carmina*» (Alvares 1859: 385, 400, 494, 501). В тех случаях, когда Ломоносов приводит определение фигуры по-латыни, оно оказывается текстуально близким определению Альвара. Ср. *enallage* — у Альвара «*pars una orationis pro alia ponitur*» («берется одна часть речи вместо другой») (Там же: 494) и у Ломоносова «*pars orationis una pro alia*» («одна часть речи вместо другой») (Lomonosov 1952: 657). По-видимому, из грамматики Альвара заимствован и редкий пример диерезы *evoluisse* вместо *evolvisse* (Там же: 501).

Завоевавшая популярность в Западной Европе XVII в., грамматика Альвара стала хорошо известна в России во второй половине XVII — начале XVIII вв., что объясняется в первую очередь тем огромным влиянием, которое оказала в этот период иезуитская духовная школа на православную (Lyubzhin 2014: 134–157, 298–302). «По Альвару» преподавали латынь и стихосложение в Киево-Могилянской коллегии (Vishnevsky 1903: 105–106); этот учебник имелся в библиотеках Симеона Полоцкого и Сильвестра Медведева — впоследствии их книги поступили в распоряжение Московской Славяно-греко-латин-

ской академии, где грамматику Альвара стали использовать в преподавании латыни (Smirnov 1855: 42; Voskresensky 1891: 16). По «Альвару латинскому» учились в грамматической школе, организованной в Ростове прибывшим туда в 1702 г. св. Дмитрием Ростовским; в библиотеке московской школы братьев Лихудов был экземпляр грамматики Альвара (Voznesenskaya 2005: 225), а начиная с середины XVIII в. он стал использоваться в качестве основного пособия в латинских школах Западной Сибири (Nechaeva 2005: 22–23). Экземпляры «*De institutione grammatica*» Альвара имелись в библиотеке Академии наук (Bibl. Imp. Petr. 1742: 239): из журналов о выдаче книг известно, что с 20 октября 1733 г. по 18 июня 1734 г. издание 1697 г. было выдано на руки Адодурову (Hoteev 2010: 140; см. также Archaimbault 1998).

Ломоносов познакомился с грамматикой Альвара или в Славяно-греко-латинской академии, или во время своего пребывания на Украине, где в библиотеке Киево-Братского монастыря находился переписанный от руки экземпляр «*De institutione grammatica*» — на нем сохранились пометы, возможно, сделанные Ломоносовым (Moiseeva 1963: 95–96). Согласно данным Г. М. Коровина, издания учебника Альвара 1746 и 1749 гг. были в библиотеке Ломоносова (Korovin 1961: 296). В 1761 г. он рекомендовал «полную грамматику из Альвара, собранную с просодиею и с переводом» для учащихся среднего латинского класса Академической гимназии (Pekarsky 1873: 746).

В заключение следует указать, что в России в XVII — первой половине XVIII вв. допустимые в поэзии языковые аномалии трактовались не только в грамматиках. «Фигуры грамматические» были описаны в «Риторике» Макария (1620)¹⁴. Основанный на грамматике Альвара раздел о фигурах (Sazonova 2006: 180) также входил в курс лекций «*Clavis poeticae*» (1732) Ф. Кветницкого [Uhlenbruch 1985], учителя Ломоносова в Славяно-греко-латинской академии (Voskresensky 1891: 14). Отголоски теории метаплазмов можно найти в «Письме ... о сложении стихов русских» А. Д. Кантемира (1743) и в «Новом и кратком способе к

¹⁴ Как и Мелетий Смотрицкий, Макарий использовал славянские определения и примеры; в других русских риториках XVII–начала XVIII вв. разделов о метаплазмах не было (Markasova 2002: 70–76).

сложению российских стихов» В. К. Тредиаковского (1735) (Markasova 2002: 68–82).

Представленные сведения, по нашему мнению, убедительно доказывают связь заметки Ломоносова в первую очередь с грамматической традицией раннего Нового времени и могут рассматриваться как комментарий к фрагменту с перечнем стихотворческих и грамматических фигур в «Материалах к Российской грамматике».

Литература

- Alvares, E. 1859: *Emmanuelis Alvares e societate Jesu de Institutione Grammatica libri tres*. Juxta Editionem Venetam anni 1575. Parisiis.
- Archaimbault, S. 1998: Notice sur Adodurov. In: Colombat, B. & Lazcano, E. (ed.) *Corpus representative des grammaires et des traditions linguistiques* (tome 1). *Histoire, Epistemologie Langage* (hors-serie 32). Paris, 428–429.
- Austin, R. G. 1971: *P. Vergili Maronis Aeneidos Liber Primus*. With a Commentary by R. G. Austin. Oxford.
- Austin, R. G. 1977: *P. Vergili Maronis Aeneidos Liber Sextus*. With a Commentary by R. G. Austin. Oxford.
- Bailey, C. 1950: *Titi Lucreti Cari De Rerum Natura Libri Sex*. Ed. with Prolegomena, Critical Apparatus, Transl., and Comm. by Cyril Bailey. Vol. 1. Prolegomena. Oxford.
- Bibl. Imp. Petr. 1742: *Bibliothecae Imperialis Petropolitanae*. Pars Qvarta qvae continent libros philosophicos, etc. Vol. 1.
- Buharkin, P. E., Volkov, S. S., Matveev, E. M. (ed.) 2017: *Ritorika M. V. Lomonosova*. Saint-Petersburg.
- Бухаркин П. Е., Волков С. С., Матвеев Е. М. (ред.) 2017: *Риторика М. В. Ломоносова*. СПб.
- Charmyntes, 1713: *Die deutsche Grammatica, Aus Unterschiedenen Autoribus zusammen gebracht / Und Der in Deutschland Studierenden Rußischen Nation zum besten / In einem Compendio herausgegeben von Charmyntes*. Berlin.
- Engels, J. 2001: Metaplasms. In: *Historisches Wörterbuch der Rhetorik*. Bd. 1–11 / Hrsg. von Gert Ueding. Mitberg. von Walter Jens. In Verbindung mit Wilfried Barner. Bd. 5. Tübingen, Berlin. Pp. 1182–1190.
- Ernout, A., Meillet, A. 2001. *Dictionnaire étymologique de la langue latine*. Paris. (URL: <http://www.diacronia.ro/en/indexing/details/B178> date of access: 24.03.2020).
- Häfner, S. 1934. Gubernaculum. In: *TLL*. Vol. VI, 2. Pp. 2341–2344.
- Harrison, S. J. 1991: *Vergil: Aeneid 10*. With introduction, translation and commentary by S. J. Harrison. Oxford.
- Heubner, H. 1972: *P. Cornelius Tacitus. Die Historien*. Kommentar. Bd. III. Drittes Buch. Heidelberg.
- Hoteev, P. I. 2010: *Chitateli biblioteki Akademii nauk. Po dannym za 1724–1728 i 1731–1736 gg.* [Readers of the Academy of Sciences

- library. Based on the data for 1724–1728 and 1731–1736]. Saint-Petersburg.
- Хотеев, П. И. 2010: *Читатели библиотеки Академии наук. По данным за 1724–1728 и 1731–1736 гг.* СПб.
- Ivanov, A. V. 2005: *Slovar' fonetiko-metriceskoj terminologii (latinskij, drevnegrecheskij, russkij, anglijskij, nemeckij, francuzskij yazyki)* [Dictionary of phonetic and metric terminology (Latin, Ancient Greek, Russian, English, German, French languages)]. Moscow.
- Иванов, А. В. 2005: *Словарь фонетико-метрической терминологии (латинский, древнегреческий, русский, английский, немецкий, французский языки)*. М.
- Kazansky, N. N. 2017: *Oчерk fonologii latinskogo yazyka* [An Outline of Latin Phonology]. Moscow.
- Казанский, Н. Н. 2017: *Очерк фонологии латинского языка*. М.
- Keil, 1857–1880: *Grammatici latini ex recensione Henrici Keilii*. Vol. 1–7. Lipsiae.
- Keipert, H. (Hg.) 2016: J. W. Paus. *Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache*. Transkript des Autographs der Akademiebibliothek St. Petersburg. Bearbeitet von A. Huterer. Schlussredaktion von H. Keipert. Als Manuskript ausgedruckt für Deutsche Forschungsgemeinschaft (Bonn), Biblioteka Akademii nauk, Otdel rukopisej (S.-Peterburg) und Archiv der Franckeschen Stiftungen (Halle/S.). Bonn.
- Kociuba, O. 1975: *The grammatical sources of Meletij Smotryc'kyj's Church Slavonic Grammar*. Doctor of Philosophy Diss. Columbia University, 1975.
- Korovin, G. M. 1961: *Biblioteka Lomonosova. Materialy dlya harakteristiki literatury, ispol'zovannoj Lomonosovym v ego trudah, i katalog ego lichnoj biblioteki* [The Lomonosov's Library: Materials for characterization of the literature, used by Lomonosov, and the catalogue of his private library]. Moscow, Leningrad.
- Коровин, Г. М. 1961: *Библиотека Ломоносова. Материалы для характеристики литературы, использованной Ломоносовым в его трудах, и каталог его личной библиотеки*. М., Л.
- Kulyabko, E. S., Beshenkovsky, E. B. 1975: *Sud'ba biblioteki i arhiva Lomonosova* [The fate of Lomonosov's library and archive]. Leningrad.
- Кулябко, Е. С., Бешенковский, Е. Б. 1975: *Судьба библиотеки и архива Ломоносова*. Л.
- Kuz'minova, E. A., Remneva, M. L. 2000: *Grammatiki Lavrentiya Zizaniya i Meletiya Smotrickogo* [Grammars by Lavrentiy Zizaniy and Meletiy Smotrickiy] / Edition, preparation of text and indexes by E. A. Kuzminova; Foreword by E. A. Kuzminova, M. L. Remneva. Moscow.
- Кузьминова, Е. А., Ремнева, М. Л. 2000: *Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого* / Сост., подг. текста и указатели Е. А. Кузьминовой; предисл. Е. А. Кузьминовой, М. Л. Ремневой. М.
- Kuznetsov, A. E. 2006: *Latinskaya metrika* [Latin Metrics] Tula.
- Кузнецов, А. Е. 2006: *Латинская метрика*. Тула.

- Lausberg, H. 1960: *Handbuch der literarischen Rhetorik*. Eine Grundlegung der Literaturwissenschaft. Bd. 1–2. München.
- Lebedev, V. I. 1746: *Sokrashchenie grammatiki latinskoy, v pol'zu uchashchagosya latinskomu yazyku Rossijskago yunoshestva*. Perevedeno chrez Vasil'ya Lebedeva, perevodchika pri Akademii nauk [The abbreviation of the Latin grammar, in favor of the Russian youth learning the Latin language. Translated by Vasily Lebedev, translator at the Academy of Sciences]. SPb.
- Лебедев, В. И. 1746: *Сокращение грамматики латинской, въ пользу учащагося латинскому языку Россійскаго юношества*. Переведено чрезъ Василья Лебедева, переводчика при Академіи наукъ. СПб.
- Liddel, H. G., Scott, R., Jones, H. S. 1996: *A Greek-English Lexicon*. Oxford.
- Lomonosov, M. V. 1952: *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. T. 7: *Trudy po filologii 1739–1758 gg.* [Vol. 7: works on philology]. Moscow, Leningrad.
- Ломоносов, М. В. 1952: *Полное собрание сочинений*. Т. 7: *Труды по филологии 1739–1758 гг.* М., Л.
- Lomonosov, M. V. 2011: *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete works]. T. 7: *Trudy po filologii 1739–1758 gg.* [Vol. 7: works on philology]. Moscow; St.-Petersburg.
- Ломоносов, М. В. 2011: *Полное собрание сочинений*. Т. 7: *Труды по филологии 1739–1758 гг.* М., СПб.
- Lyubzhin, A. I. 2014: *Istoriya russkoy shkoly Imperatorskoy epohi* [The history of the Russian school of the Imperial era]. Vol. 1: *Russkaya shkola XVIII stoletiya* [Russian school of the XVIIIth century]. Book 1. Moscow.
- Любжин, А. И. 2014: *История русской школы Императорской эпохи*. Т. 1: *Русская школа XVIII столетия*. Кн. 1. М.
- Mari, T. 2016: *Consentius' De barbarismis et metaplasms: critical edition, translation, and commentary*. Thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy in Classical Languages and Literature. Oxford.
- Markasova, E. V. 2002: *Predstavleniya o figurah rechi v russkih ritorikah XVII – nachala XVIII veka* [The figures of speech in Russian rhetorics of the XVIIth – early XVIIIth centuries]. Petrozavodsk.
- Маркасова, Е. В. 2002: *Представления о фигурах речи в русских риториках XVII – начала XVIII века*. Петрозаводск.
- Maurach, G. 1995: *Lateinische Dichtersprache*. Darmstadt.
- Meier, J. (Hg.) 1895: *Ältere deutsche Grammatiken in Neudrucken*. Herausgegeben von John Meier. Strassburg.
- Melanchton 1714 – Philippi Melanchtonis *Grammatica Latina*. Erasmo Schmidio editio novissima, ad usum accomodata meliorem, atque Indicibus necessariis aucta. Lipsiae.
- Moiseeva, G. N. 1963: M. V. Lomonosov na Ukraine [M. V. Lomonosov in the Ukraine] In: *Russkaya literatura XVIII veka i slavyanskije literatury. Issledovanija i materialy* [18th century Russian literature and Slavic literatures. Research and materials]. Moscow, Leningrad. Pp. 79–101.

- Моисеева, Г. Н. 1963: М. В. Ломоносов на Украине. В сб.: *Русская литература XVIII века и славянские литературы. Исследования и материалы*. М., Л. С. 79–101.
- Moskvin, V. P. 2007: *Vyrazitel'nye sredstva sovremennoj russkoj rechi. Tropu i figury. Terminologicheskij slovar'* [Expressive means of modern Russian speech. Tropes and figures. Terminological dictionary]. Rostov-on-Don.
- Москвин, В. П. 2007: *Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь*. Ростов-на-Дону.
- Mynors, R. A. B. 1988: *P. Vergilii Maronis Opera. Recognovit brevique adnotatione critica instruxit R. A. B. Mynors*. Oxonii.
- Mynors, R. A. B. 1994: *Vergil. Georgics*. Ed. with a Commentary by R. A. B. Mynors. Oxford.
- Nechaeva, L. V. 2005: [Orthodox Theological Schools of Western Siberia in the 18th Century]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena*. [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 5, 15–31.
- Нечаева, Л. В. 2005: Православные духовные школы Западной Сибири в XVIII веке. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, 5, 15–31.
- Norden, E. 1934: *P. Vergilius Maro. Aeneis. Buch VI. Erklärt von Eduard Norden*. 2. Auflage. Leipzig, Berlin.
- OLD 1968: *Oxford Latin Dictionary*. Oxford.
- Pekarsky, P. P. 1873: *Istoriya Imperatorskoy Akademii nauk v Peterburge* [History of the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg]. Vol. 2. Saint-Petersburg.
- Пекарский, П. П. 1873: *История Императорской Академии наук в Петербурге*. Т. 2. СПб.
- Perets, V. N. 1900: *Istoriko-literaturnye issledovaniya i materialy* [Historical and literary studies and materials]. Vol. 1: *Iz istorii russkoj pesni* [From the history of Russian song]. Part 1: *Nachalo iskuss'tvennoj poezii v Rossii* [The beginning of artificial poetry in Russia]. SPb.
- Перетц, В. Н. 1900: *Историко-литературные исследования и материалы*. Т. 1: Из истории русской песни. Ч. 1: Начало искусственной поэзии в России. СПб.
- Sazonova, L. I. 2006: *Literaturnaya kul'tura Rossii. Rannee Novoe vremya* [Literary culture of Russia. Early New Time]. Moscow.
- Сафонова, Л. И. 2006: *Литературная культура России. Раннее Новое время*. М.
- Schottel, J. G. 1663: *Ausführliche Arbeit von der Teutschen Haubt Sprache: Abgetheilet In Fünf Bücher*. Braunschweig.
- Sihler, A. L. 1995: *New Comparative Grammar of Greek and Latin*. New York; Oxford.
- Smirnov, S. K. 1855: *Istoriya Moskovskoy slavyano-greko-latinskoy akademii* [The history of the Moscow Slavic-Greek-Latin Academy]. Moscow.
- Смирнов, С. К. 1855: *История Московской славяно-греко-латинской академии*. М.

- Tronsky, I. M. 2001: *Istoricheskaya grammatika latinskogo yazyka. Obshcheindoevropeskoe yazykovoe sostoyanie* [Historical Grammar of the Latin language. Proto-Indo-European linguistic system (issues of reconstruction)]. Moscow.
- Тронский, И. М. 2001: *Историческая грамматика латинского языка. Общеиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции)*. М.
- Uhlenbruch, B. 1985: Kvetnickij F. *Clavis Poetica: Eine Handschrift der Lenbibliothek Moscau aus dem Jahre 1732 mit einer Einleitung* / Hrsg. B. Uhlenbruch. Köln, Wien.
- Vainio, R. 2000: Use and function of grammatical examples in Roman grammarians. *Mnemosine. Fourth Series*. 53 (1), 30–48.
- Vishnevsky, D. K. 1903: *Kievskaya Akademiya v pervoj polovine XVIII stoletiya* [Kiev Academy in the first half of the XVIIIth century]. Kiev.
- Вишневский Д. К. 1903: *Киевская Академия в первой половине XVIII столетия*. Киев.
- Voskresensky, G. A. 1891: Lomonosov i Moskovskaya Slavyano-greko-latinskaya akademiya [Lomonosov and the Moscow Slavic-Greek-Latin Academy]. In: *Pribavleniya k Tvoreniam sv. Otcov* [Additions to the Creations of the Holy Fathers]. Part 47. Book 1. Pp. 3–94.
- Воскресенский, Г. А. 1891: Ломоносов и Московская Славяно-греко-латинская академия. *Прибавления к Творениям св. Отцов*. Ч. 47. Кн. 1. С. 3–94.
- Voznesenskaya, I. A. 2005: [Likhud brothers' school in Novgorod]. *Novgorodskij istoricheskij sbornik* [Novgorod historical collection], 10 (20), 205–235.
- Вознесенская, И. А. 2005: Новгородская школа братьев Лихудов. *Новгородский исторический сборник*, 10 (20), 205–235.

Е. В. Илюшечкина
(ШАГИ ИОН РАНХиГС/ ИВКА РГГУ)

**ИЗ ИСТОРИИ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ –3:
КОММЕНТАРИЙ СТЕФАНА АКВЕЯ К *NATURALIS
HISTORIA* ПЛИНИЯ СТАРШЕГО***

На примере комментария Стефана Аквея (? — ок. 1537) к «Естественной истории» Плиния Старшего рассматриваются специфические особенности восприятия его труда, изменения во взглядах и подходах ученых-гуманистов XV–XVI вв. (выработка навыков при работе с древними кодексами, историческая оценка и уточнение источников текста, сверка и исправление рукописей и пр.), которые сыграли важную роль в становлении науки об античности.

Ключевые слова: «Естественная история», Плиний Старший, Стефан Аквей (Étienne Laigue), раннее Новое время, гуманистические комментарии.

Е. V. Ilyushechkina
(Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration/
Russian State University for the Humanities, Moscow)

**From the history of the Classical Philology-3:
Humanistic Commentary by Stephanus Aquaeus
on the *Naturalis historia* by Pliny the Elder**

On the examples of the commentary by Stephanus Aquaeus (? — ca. 1537) on the “*Historia naturalis*” in this article I am studying the perception of the Plinius’ work, changes in the opinions and approaches of the humanist scholars in the 15th–16th century, which played an important role in the development of the *Altertumswissenschaft*.

Keywords: “*Historia naturalis*”, Pliny the Elder, Stephanus Aquaeus (Étienne Laigue), the Early Modern Period, Commentaries

Продолжает оставаться актуальной тематика, связанная с изучением подходов ученых-гуманистов XV–XVI вв. к тексту Плиния Старшего в зависимости от задач, стоявших перед одним из членов сообщества «республики ученых» в работе над гуманистическим комментарием¹. Материал, послуживший

---

* Первую часть обзора с примерами из гуманистических комментариев Сигизмунда Гелления (ок. 1497–1554) и Фердинанда Пинтиана (ок. 1475–ок. 1553) см.: Илюшечкина 2017: 324–335; вторую часть обзора с примерами из гуманистических комментариев Маркантонио

основой для этой статьи, показал, что степень критического отношения Стефана Аквея к содержанию текста Плиния Старшего была обусловлена не только уровнем образования гуманиста и преследуемых им целей, но и пересмотром традиционных представлений об окружающем мире, вызванном научными разысканиями раннего Нового времени. Ниже рассматриваются такие аспекты гуманистического комментария Стефана Аквея, как уровень его знаний греческого языка, авторские замечания и способы комментирования, ссылки Стефана Аквея на античные, средневековые, ренессансные источники, а также принципы отбора Стефаном Аквеем достоверных и мнимых сведений для комментария (на примере засвидетельствованных в тексте Плиния Старшего наблюдений за особенностями поведения слонов и медведей)².

Стефан Аквей

(предположительно родом из Бурже, скончался ок. 1537)

На титульном листе издания Плиния 1530 г. Стефан Аквей поименован *Bituricensis*, т. е. причислен к уроженцам и гражданам Бурже, французского города в департаменте Шер (в прошлом — столицы провинции Берри и герцогства Беррийского, а также резиденции архиепископа)³. В предисловии на французском языке (*Extraict des registres de Parlement*) автор комментария представлен в качестве Этьена де Лега, а само издание «Естественной истории» датируется обычно тем же временем, что и предисловие. Спустя год после выхода в свет комментария Аквея Беат Ренан из Селесты подверг его резкой критике в эссе-послании (*Epistola ad D. Philippum Puchaimerum, de locis Plinii per St. Aquaeum attactis, ubi mendae quaedam eiusdem auctoris emaculantur, antehac non a quoquam animadversae*), опубликованном в Базеле в качестве приложения к труду «История германцев в трех книгах» (*Rerum Germanicarum libri*

Сабеллико (1436–1506) и Якоба Делакампа (ок. 1513–1588) см.: Илюшечкина 2018: 567–582.

¹ Ср. Fumaroli 2018: 13–25. О рукописной традиции «Естественной истории» и о ренессансных изданиях Плиния Старшего см.: Подосинов 2011: 153–155; Enekel 2014: 1–14; Kraus, Stray 2016: 1–18.

² Ср. Grafton 1985: 615–649; Егунов 1997: 83–138.

³ In omnes C. Plinii Secundi Naturalis Historia argutissimi scriptoris libros Stephani Aquaei commentaria. Paris: Galiot de Pre, 1530.

tres) в 1531 г., который может служить *terminus ante quem* для датировки труда Аквея⁴.

Свой комментарий к «Естественной истории» Аквей посвятил знаменитому Филиппу Шабо де Брийону (1492–1543), более известному под именем адмирала де Брийона⁵, назначенному после сражения при Павии правителем Бургундии в 1526 г. — этим годом в качестве *terminus post quem* можно датировать завершение труда Аквея. Возможно, лишь выйдя в отставку, Аквей приступил к работе над трудом Плиния Старшего, поскольку он дважды упоминает о своей службе на военном поприще — в посвящении и в обращении к читателю⁶.

Аквей вовсе не намеревался заново пересмотреть «Естественную историю»: он лишь хотел обратить внимание на неясные места, осмыслить текст Плиния и, насколько удастся, прокомментировать его книги⁷, не вдаваясь в излишние подробности и ограничиваясь общими положениями⁸. Среди своих предшественников Аквей называет, прежде всего, Эрмолао Барбаро Младшего (1453/54–1493) и Гийома Бюде (1467–1540) — последний, правда, никогда не издавал книг Плиния Старшего, но, тем не менее, составил выборку отрывков из «Естественной истории» для очерка, посвященного античным монетам, который заслужил высокую оценку гуманистов⁹.

⁴ См. подробнее: CTC 4: 381; ср. Boutroue 1992: 33–49. О Беате Ренане из Селесты (1485–1547) и его друге Сигизмунде Гелении (1497–1554), которые входили в окружение Эразма Роттердамского (1466–1536), см. Pfeiffer 1982: 109–112.

⁵ GENEROSISSIMO, AC ILLVSTRISSIMO DOMINO, Domino Philippo Chaboto, Franciae Admiralo, siue thalassiarcho, ac spectatissimo Burgundiae Moderatori, Stephanus Aquaeus. S. P. D. (Aquaеus: 1530, fol. ā ij r.).

⁶ (...) *me hominem triobolaris literaturae, & militia iamdudum obrutum* (Aquaеus: 1530, fol. ā ij r.); *Post autem Martios tumultus, ac rei militaris functiones, quibus me dudum addixi, mihi interdum licuit ad musas quietiores redire, in quarum amoenulo diuersorio agens, commentariolos in Pli.cudere institui, ac locos aliquot repurgare* (Aquaеus: 1530, fol. ā ij v.).

⁷ *Operae precium me profecto facturum sum arbitratus, si huic, quod tandiu caligiai obiectum fuerit, tandiuque obscuratum, aliquid lucis viderer adtulisse, hoc est, Plinianam lectionem repurgasse, ac omnibus Plinij libris commentaria indidisse* (Aquaеus: 1530, fol. ā ij r.).

⁸ *Non profecto in interprete phrasis sed integra interpretatio perpendenda est* (Aquaеus: 1530, fol. ā ij r.).

⁹ *Quamvis non me lateret viros cum singulari ingenio, tum exactissima doctrina insignes, locos aliquot deluxatos, ac improbatae lectionis emendasse. In quorum albo Hermo<laus> Bar<barus> fuit. Budaеus item noster, homo extra omnem (quod de Cicerone dictum est) ingenii aleam positus* (Aquaеus: 1530, fol. ā ij r.). Работа Гийома Бюде о римском ассе

По стилю комментария и авторской интонации складывается впечатление, что непрерывный монолог по поводу латинского текста Плиния Старшего воспроизводит устное выступление Аквея перед аудиторией. Как правило, Аквей комментирует содержание в целом, начиная с первой же фразы Плиния Старшего, а не отдельные слова или предложения. Отдельные части комментария объединяют между собой краткие ремарки Аквея, которые отсылают читателя к латинскому тексту Плиния Старшего¹⁰. Нередко используя в оценках превосходную степень, Аквей, кажется, искренне убежден в том, что Плиний Старший, как, впрочем, и большинство античных авторов (прежде всего, Аристотель), соответствуют классическому идеалу и должны оцениваться по достоинству.

В примечаниях к тексту Плиния Старшего Аквей неизменно упоминает латинские и греческие источники, которые он, несмотря на знание греческого языка, цитирует в переводе на латинский, проявляя, по-видимому, заботу о читателе. Несколько пассажей Аквея содержат греческие цитаты, что подтверждает его знакомство с греческим языком; так, например, Аквей считает необходимым перевести латинскую фразу (из пассажа Плиния об ученом слоне) по-гречески: «... он [Плиний] говорит, что слон выучил греческие буквы, что по-гречески было бы: ΑΥΤΟΣ ΕΓΩ ΤΕ ΔΕ ΕΓΡΑΨΑ ΛΕΦΥΡΑΤΕ ΚΕΛΤ' ΕΝΕΘΙΚΑ...»¹¹. Или, например, в другом случае Аквей предпочитает уточнить греческое название «медвежьей берлоги»: «К тому же не помешает взять на заметку, что место, где укрываются медведи, по-гречески называется φωλιάμ, т. е. по-латински pholiam»¹².

с его подразделениями: *Libri V de Asse et partibus eius*. S.L. 1514. О Гильоме Бюде как основателе научной метрологии и пр. см.: Доватур 1997: 72–73; Sandy 2002: 79–108. См. также об Эрмолао Барбаро Младшем: Баткин 1978: 153–157; Fera 1996: 193–234; Ramming 2005: 65–85; Blake McHam 2013: 274 sq.

¹⁰ Например, «и Плиний добавляет» / *et subnectit Plinius* «затем Плиний говорит» / *Plinius deinde ait* и т. п.

¹¹ QVIBVS SVNT MINIMI, &c. [...] *Graecas literas didicisse elephantum ait hic, graece enim hae erant, ΑΥΤΟΣ ΕΓΩ ΤΕ ΔΕ ΕΓΡΑΨΑ ΛΕΦΥΡΑΤΕ ΚΕΛΤ' ΕΝΕΘΙΚΑ, quae latine sonant, ipse ego haec scripsi spoliisque celtica dicaui* (Aquaes: 1530, fol. <C>).

¹² ANNALIBVS NOTATVM est, &c. [...] *Porro non obfuerit hic annotasse latebram vrsorum grecis dici φωλιάμ hoc est pholiam* (Aquaes: 1530, fol. <CX v>).

С другой стороны, Аквей цитирует Аристотеля исключительно в латинском переводе Феодора Газы (ок. 1370–1475)¹³; так, он уклоняется от ученой полемики относительно обозначений месяцев аттического календаря (в частности, о спорном названии месяца ἐλαφῆβολιών НА VI, 30, 579 а 18), и вслед за Феодором Газой идентифицирует греческий месяц с «февралем»: «Медведи спариваются, как пишет Аристотель в VI книге «Истории животных» в 30-ой главе [...] в феврале месяце»¹⁴. Очевидно, что подобные отсылки к античному наследию и цитаты из классических авторов демонстрируют не только незаурядную начитанность Аквея, но и его стремление осветить проблему греческих источников Плиния Старшего, которая, скорее всего, и составляла основную цель разысканий Аквея. Таким образом, даже возможность дать развернутую историческую справку сводится к перечню близких по содержанию античных свидетельств, как, например, в замечании о мавританском царе Бокхе:

«Это тот [самый] царь, которого упоминает Страбон в XV книге и Ливий в LXVI книге [в периодах], Саллюстий в «Югуртинской войне», Плутарх в «Жизнеописании Гая» Мария», Силий [Италик] в III книге [«Пунических войн»]»¹⁵.

Достоверность информации поддерживалась главным для Аквея авторитетом — Аристотелем: даже если сообщаемые Аристотелем свидетельства вступали в противоречия со сведениями Плиния Старшего, Аквей предпочитал не замечать этого. Так, комментируя пассаж Плиния Старшего о способности слонов плавать (NH VIII, 5, 11), Аквей пересказывает близко к тексту отрывок из «Истории животных» (НА IX, 46 630 b 26), не

¹³ Ср. Шумилин 2016: 221 прим. 28.

¹⁴ EORVM COITVS hyemis initio, &c. [на полях Vrsus.] *Meminit vrsorum coitus Aristoteles sexto de historia animalium, cap. trigesimo. Vrsi (inquit) coeunt humi strati, fert vterum dies triginta vrsa, parit tum vnum, tum etiam duos, sed complurimum quinque. Foetus minimum pro sui corporis portione aedit: quippe quae minorem catto, maiorem mure solet parere, modum item & caecum, et cruribus propemodum membrisque alijs plurimis indiscretum, & rudem, coit mense februario, parit eo tempore quo latet, per tempus pinguescit tam mas quam foemina vehementer: cum prolem nutrierit, exit a mense iam veris tertio. Eadem etiam Solinus quae Pli. hic refert, foetus rigentes frigidissimos* (Aquaеus: 1530, fol. <CX v>).

¹⁵ CVM BOCCHVS, &c. *Hic est rex, cuius meminit Strabo, libro decimo quinto, & Liuius, libro. lxi. Salustius in Iugurth. Plutarchus in Mario. Sylius, libro tertio* (Aquaеus: 1530, fol. <C v>).

исправляя при этом ошибочного допущения Аристотеля, что слоны не могут держаться на воде: «Аристотель в IX книге «Истории животных» [глава 46] писал, что слоны [...] не могут плавать вследствие тяжелого тела»¹⁶. Однако, ниже, опираясь на свидетельство Филострата о том, как стадо слонов переплывает реку (VA II 12; ср. II 14), Аквей не возвращается к недавно сказанному и не оспаривает заключение Аристотеля:

«Аполлоний Тианский противоречит Плинию Старшему относительно способности слонов переплывать через реку, как сообщает Филострат во II-ой книге «Жизни Аполлония Тианского»¹⁷.

Было бы опрометчивым ожидать от Аквея, который заново обратился к памятникам античной словесности, не свойственной его эпохе исключительной независимости исследовательской мысли: сопоставляя величину индийских и африканских слонов, Аквей предпочитает следовать античной нарративной традиции, содержащей порой недостоверную информацию о том, что по размерам индийские слоны превосходят африканских. Очевидно, у Аквея не было возможности наблюдать этих экзотических для европейца животных в реальной жизни или, в крайнем случае, обратиться к более поздним по времени источникам:

«Филострат сообщает во II книге о величине слонов следующее: индийские слоны больше ливийских настолько, насколько ливийские слоны больше нисейских коней»¹⁸.

Исходя из доступных ему литературных сообщений, а не из опытного знания о мире животных, Аквей не спешит исправить

¹⁶ ELEPHANTI GREGATIM, &c. [...] *Amnes amare elephantos Aristonono de animalium historia scriptum reliquit, amat amnes, inquit, & quamuis animal non sit aquatile, tamen riparium dici potest: incedit etiam per aquam & eatenus mergitur quatenus eius proboscis superat, reflat enim per eam, & spiritum recipit & reddit: sed natare satis pondere sui corporis non potest, haec ille* (Aquaеus: 1530, fol. <C v>).

¹⁷ PVDORE NVNQVAM NISI IN ABDITO, &c. (on the margin: Coitus elephantorum) (...) *Apollonius Tyaneus discrepat a Pli. de tranatione fluminum elephantorum, sicut docet Philostratus, libro secundo vitae illius, cuius verba sunt. Cum videret Apollonius, ait, elephantos Indum flumen transeuntes. Erant autem triginta, & duce vtebantur eo, qui inter ipsos minimus erat. Maiores vero, ipsorum dentium eminentiis pullos gestabant proboscique tanquam vinculo ipsos complecteres, &c.* (Aquaеus: 1530, fol. <C v>).

¹⁸ BIPENNI, [...] *Philostratus, libro secundo de magnitudine elephantorum sic agit. Quanto equo Nyseo maior est Libycus elephas, tanto libycis maiores elephantentes sunt Indici* (Aquaеus: 1530, fol. <CI v>).

утверждение Плиния, что слоны пережевывают и поглощают пищу ртом, однако дышат, пьют и обоняют с помощью хобота (Aquaеus: 1530, fol. <CI v>).

Ценность филологического труда Аквея, несмотря на его зависимость от авторитетов античной словесности, блестяще подтверждается тем, что его комментарий на «Естественную историю» Плиния в качестве отдельной книги был перепечатан несколько раз и, кроме того, не единожды включался в состав более поздних «хрестоматийных» изданий. Хотя этот комментарий и не доставил «нетленной славы» эрудиции или эмендациям Аквея, тем не менее, он, безусловно, свидетельствует о распространении интереса к произведению Плиния Старшего в XVI в. со стороны образованной европейской публики¹⁹.

* * *

Содержание новолатинского комментария Стефана Аквея к тексту «Естественной истории» Плиния Старшего в значительной мере заключалось в осмыслении наследия античной словесности, выработке филологических методов (в частности, критики текста), обосновании того или иного выбора эмендаций и т. п. При этом на протяжении нескольких десятилетий XV–XVI вв. можно наблюдать пересмотр античной традиции и становящуюся все более очевидной критическую тенденцию ученых-гуманистов по отношению к ранее незыблемым принципам античного знания.

Литература

- [Aquaеus St.] In omnes C. Plinii Secundi Naturalis Historia argutissimi scriptoris libros Stephani Aquaеi commentaria. Paris, Galiot de Pre, 1530.
- Batkin L. M. 1978: [*Italian humanists: lifestyle, way of thinking*]. Moscow, Nauka.
- Баткин Л. М. 1978: *Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления*. М.: Наука.
- Black McHam, S. 2013: *Pliny and the Artistic Culture of the Italian Renaissance. The Legacy of the Natural History*. New Haven and London: Yale University Press.
- Boutroue, M.-E. 1992: Étienne de Laigue: un diplomate de la Renaissance, lecteur de Pline l'Ancien. *Nouvelle Revue du Seizième Siècle* 10, 33–49.
- Cranz, Ferdinand E., Kristeller, Paul O. and others (eds.) 1960-: *Catalogus Translationum et Commentatorum. Mediaeval and Renaissance*

---

¹⁹ Ср. чтение Ардуэна: *mole magis quam eruditione insignes* (Dedic. fol. <5>).

- Latin Translations and Commentaries. Annotated Lists and Guides.* 8 vols. Washington: Catholic University of America Press. (=CTC).
- Dovatur A. I. 1997: [The Étienues, a family of philologists and publishers in France of 16th cent.]. *Drevniy mir i my. Klassicheskoe nasledie v Evrope i v Rossii*. [Ancient world and us. The classical heritage in Europe and in Russia]. SPb, Aleteia, 70–82 (Bibliotheca classica Petropolitana).
- Доватур А. И. 1997: Этьенны, семья филологов-издателей во Франции XVI в. В сб.: *Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и в России*. СПб.: Алетея; Дмитрий Буланин, 70–82 (Bibliotheca classica Petropolitana).
- Egunov A. N. 1997: [Attribution and athethesis in classical philology]. *Drevniy mir i my. Klassicheskoe nasledie v Evrope i v Rossii*. [Ancient world and us. The classical heritage in Europe and in Russia]. SPb, Aleteia, 83–138 (Bibliotheca classica Petropolitana).
- Егунов А. Н. 1997: Атрибуция и атетеза в классической филологии. В сб.: *Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и в России*. СПб.: Алетея; Дмитрий Буланин, 83–138 (Bibliotheca classica Petropolitana).
- Enenkel, K. A. E. (ed.) 2014: The Transformation of the Classics. Practices, Forms, and Functions of Early Modern Commenting. In: Karl A. E. Enenkel (ed.). *Transformations of the Classics via Early Modern Commentaries*. Leiden; Boston: Brill, 1–14.
- Fera, V. 1996: Poliziano, Ermolao Barbaro e Plinio. In: M. Marangoni e M. Pastore Stocchi (eds.). *Una famiglia Veneziana nella storia: I Barbaro*. Venezia: Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti. 193–234.
- Fumaroli, M. 2018: The Republic of Letters. Yale University Press–New Haven&London.
- Grafton, A. 1985: Renaissance Readers and Ancient Texts: Comments on Some Commentaries. In: *Renaissance Quarterly*. 38. 615–649.
- Ilyushechkina E.V. 2017: [From the history of the Classical Philology: Commentaries of the 15th–16th centuries on the *Naturalis Historia* by Pliny the Elder]. *Indoevropskoye yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European linguistics and classical philology] 21, 324–335.
- Илюшечкина Е. В. 2017: Из истории классической филологии: комментарии XV–XVI вв. к *Naturalis Historia* Плиния Старшего. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 21, 324–335.
- Ilyushechkina E.V. 2018: [From the history of the Classical Philology: Commentaries of the 15th–16th centuries on the *Naturalis Historia* by Pliny the Elder–2]. *Indoevropskoye yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European linguistics and classical philology] 22, 567–582.
- Илюшечкина Е. В. 2018: Из истории классической филологии – 2: гуманистические комментарии XV–XVI вв. к *Naturalis historia* Плиния Старшего. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 22, 567–582.

- Kraus, Ch. S., Stray, Chr. 2016: Form and Content. In: Christina S. Kraus, Christopher Stray (Eds.). *Classical Commentaries: Explorations in a Scholarly Genre*. Oxford: Oxford University Press. 1–18.
- Pfeiffer, R. 1982: *Die Klassische Philologie von Petrarca bis Mommsen*. München: Beck.
- Podossinov A.V. 2011: [Roman geographical sources. Pomponius Mela and Plinius Maior]. Moscow, Indrik.
Подосинов А. В. 2011: *Римские географические источники. Помпоний Мела и Плиний Старший*. М.: Индрик.
- Ramminger, J. 2005: A Commentary? Ermolao Barbaro's Supplement to Dioscorides. In: M. Pade (ed.). *On Renaissance Commentaries*. Hildesheim / Zürich / New York: Olms. 65–85.
- Sandy, G. 2002: Guillaume Budé: Philologist and Polymath. A Preliminary Study. In: G. Sandy (ed.). *The Classical Heritage in France*. Leiden: Brill. 79–108.
- Shumilin M. V. 2016: [The Latin poets collection of Iohannes Calphurnius: The fate of classical texts in first printed books]. *Nauki o yazyke i texte v Evrope 14–16 vv.* [The Sciences on language and texts in Europe in 14th–16th centuries]. Ed. by Yu. Ivanova, M. Shumilin. Moscow, Delo. 211–223.
Шумилин М. В. 2016: Собрание латинских поэтов Иоанна Кальфурния: судьба классических текстов в первопечатных книгах. В сб.: *Науки о языке и тексте в Европе XIV–XVI вв.* Под ред. Ю. В. Ивановой, М. В. Шумилина. М.: Дело, 211–223.

Grigory Vorobyev
(Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg)

THEODORE GAZA'S NEOLOGISMS IN *-CILLA/-CULA* AND THE ROLE OF SIXTEENTH-CENTURY REFERENCE BOOKS IN THE FORMATION OF ORNITHOLOGICAL NOMENCLATURE¹

This article continues a series of papers on Latin bird names coined by Theodore Gaza in his translation of Aristotle's *Historia animalium*.

Varro explains the etymology of the bird name *motacilla* as follows: "quod semper movet caudam" (LL 5, 76). Following this explanation, Theodore Gaza, the author of the Latin translation of Aristotle's *Historia animalium* printed in 1476 and extremely authoritative in the sixteenth century, inferred the existence of the word *cilla* 'bird tail, rump'. Perhaps he drew this idea from a medieval glossary. In any case, it was only for rendering Greek bird names with the component 'rump' or 'tail' that he coined neologisms in *-cilla*, namely πύγαργος (< πυγή+ἀργός, 618b9) — *albicilla*, πυρρourάς (< πυρρός+οὔρά, 592b22) — *rubicilla*, φοινίκουρος (< φοῖνιξ+οὔρά, 632b28–29) — *ruticilla*. At line 593b3, he rendered πύγαργος with a different neologism, *albicula*, which is to be considered, given the clear etymology of the Greek word, a compound formed from *cūlus* 'the posteriors, fundament' rather than a diminutive. Therefore, the word *rubecula* that Gaza coined translating the bird name ἐρίθακος should be, apparently, interpreted as a similar formation, from ἐρυθρός 'red' and θᾶκος 'seat'.

The proposed etymology of these bird names sheds light upon Gaza's method of treating variant readings in the Greek text. It turns out that, at least twice, he translated two *variae lectiones* of the same word and put both in his Latin text, one after another. Certainly, this could be explained by the presence of an incorporated gloss in one of Gaza's Greek *Vorlagen*, not attested in manuscripts extant today, but it could also indicate a contaminative tendency in Gaza's way of translating.

In the second part of the article, early modern reception of the aforementioned Greek and Latin bird names is traced. Namely, it is shown how William Turner's 1544 *Avium praecipuarum, quarum apud Plinium et Aristotelem mentio est, brevis et succincta historia* influenced the formation of modern ornithological nomenclature. The studied cases show that Turner's identifications of Aristotle's bird names with contemporary vernacular ones defined the fate of the Greek words and their Neo-Latin equivalents. Together with the 1555 ornithological volume of Conrad Gessner's *Historia animalium* where those identifications were taken over,

---

¹ The study was supported by the RFBR, research project РФФИ № 20-012-00357.

Turner's book launched the process of reassigning meanings, a process crucial for the establishment of modern animal nomenclature.

Keywords: Latin bird names, Greek bird names, neologisms, compounds, diminutives, zoological nomenclature, sixteenth-century reference books, Aristotle, Theodore Gaza, William Turner, Conrad Gessner, Pierre Belon.

Г. М. Воробьев

(Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург)

Неологизмы Феодора Газы на *-cilla/-cula* и роль справочников XVI века в становлении научной номенклатуры птиц

Варрон объясняет внутреннюю форму названия птицы *motacilla*: «quod semper movet caudam» (Varro *LL* 5, 76; «поскольку все время шевелит хвостом»). Следуя этому утверждению, Феодор Газа, автор латинского перевода «Истории животных» Аристотеля, напечатанного в 1476 г. и исключительно популярного в XVI в., сделал вывод, будто существует слово *cilla* «птичий хвост, гузка». Он мог позаимствовать это представление из какого-то глоссария. Очевидно, именно поэтому при переводе греческих названий птиц с компонентом «хвост» или «гузка», и только для таких слов, он образовывал неологизмы на *-cilla*: *πύγαρος* (< *πυγή*+*ἄρος*, 618b9) — *albicilla*, *πυρρουράς* (< *πυρρός*+*οὐρά*, 592b22) — *rubicilla*, *φοινίκουρος* (< *φοῖνιξ*+*οὐρά*, 632b28–29) — *ruticilla*. В то время как в *Arist. Hist. an.* 618b9 словом *πύγαρος* названа разновидность орла (у Газы *albicilla*), в строке 593b3 это же слово, засвидетельствованное только в части рукописей и не принятое большинством издателей, встречается в перечислении птиц, кормящихся у пресных водоемов. Поэтому здесь Газа переводит его иначе: не *albicilla*, а *albicula*. Учитывая происхождение от *πύγαρος*, неологизм Газы *albicula* надо считать не диминутивом (~белянка), а производным от *cūlus* «зад» (~белогузка), образованным, вероятно, по модели *obstipecūlus*, *hirsuticūlus* или *sesquecūlus*. Существование неологизма Газы *albicula* заставляет предположить, что и в неологизме *rubecula*, использовавшемся Газой для перевода названия птицы *ἐρίθακος*, следует видеть не диминутив, а образование от *cūlus*, то есть он, вероятно, восстанавливал внутреннюю форму слова как *ἐρυθρός* «красный» + *θακος* «сидение, седалище».

Регулярность использования композитов, образованных по модели «цветообозначение + *-cilla/-cula*» позволяет сделать вывод, что «*rubecula, silvia*» у Газы в *Arist. Hist. an.* 592b22 отражает не чтение «*πυρρός, ὕλας*», как автор считал прежде, а «*πυρρουράς, ὕλας*», то есть Газа включил в свой текст взаимоисключающие чтения, происходящие из разных ветвей рукописной традиции. То же самое происходит в строке 593b3, где он помещает один за другим переводы слова *πύγαρος* и засвидетельствованного в других рукописях на его месте «*ὁ τρύγας*»: «*albicula, tringa*». Возможно, это связано с тем, что в одной из греческих рукописей, которые Газа использовал, глосса, содержащая альтернативный вариант, была инкорпорирована в

текст; не исключено, однако, что он целенаправленно совмещал в своем переводе разные чтения одного и того же слова.

Во второй части статьи на примере этих неологизмов Газы показано, как «Краткая история птиц, упомянутых у Плиния и Аристотеля» Вильяма Тернера (1544 г.), первый орнитологический справочник Нового времени, повлияла на формирование латинской номенклатуры птиц. Тернер впервые попытался систематически отождествить с современными английскими и немецкими названиями птиц названия, упомянутые в «Истории животных» Аристотеля. Последнего он цитировал в переводе Газы и рассматривал греческие названия птиц вместе с их эквивалентами из перевода. Отождествления Тернера были переняты в орнитологическом томе чрезвычайно авторитетной «Истории животных» Конрада Гесснера (1555 г.). Поэтому, судя по рассмотренным примерам, греческие названия в латинской транслитерации и латинские эквиваленты, введенные Газой, закреплялись в научной номенклатуре именно в тех значениях, которые предложил Тернер. Перераспределение значений происходило уже в XVIII в., в связи с введением новых таксонов.

Ключевые слова: латинские названия птиц, греческие названия птиц, неологизмы, композиты, диминутивы, зоологическая номенклатура, справочники XVI века, Аристотель, Феодор Газа, Вильям Тернер, Конрад Гесснер, Пьер Белон

1. Theodore Gaza's neologisms in *-cilla* and *-cula*

1.1. *Albicilla* and *ruticilla*

The Latin bird name *motacilla* is attested once in Pliny (*HN* 37, 156, 2), *en passant*², and once in Varro, who explains it as follows: “*motacilla* quod semper movet caudam” (Varro *LL* 5, 76). This explanation, based on the interpretation of the first part of the word as the root *mot-* ‘to move’, should have been based on a folk etymology. Indeed, Ernout and Meillet (Ernout, Meillet, 2001: 416) suggest comparing *motacilla* with μύττηξ, registered by Hesychius who defines it as ὄρνις ποιός ‘some bird’ (Hsch. M 1995)³.

² “Chloritis herbacei coloris est; eam in ventre *motacillae* avis inveniri dicunt magi congenitam ei” (“Chloritis is a stone of a grass-green colour: according to the magicians, it is found in the crop of the *motacilla*, being engendered with the bird”, cited according to: Pliny 1897: 452; transl. from Pliny 1857: 446). — In quotations, I set animal names in italics. Early modern sources are cited from their first editions. Punctuation and orthography, including capitalization, is normalized in the quotations. The correspondences between modern vernacular bird names and the scientific nomenclature are based on Boehme, Flint 1994 and HBW.

³ Max Niedermann supported Varro's etymology and considered the bird name a composition of *motare* ‘to move about, move intensely’ and *cūlus* ‘the posteriors, fundament’, originally *motacūla or *motacūlla, that later on was modified, analogically to diminutives in *-illa*, to become *motacilla*.

Still, Varro's etymology is responsible for the interpretation of the second part of the word *motacilla* as a root meaning 'tail' or 'rump'. Thus the phantom word *cilla*, or rather the phantom root *-cill-*, originated. *Cilla* is not attested *per se*, but it was used to form several compounds in the fifteenth century.

Numerous neologisms⁴ designating animal species were coined by the Byzantine scholar Theodore Gaza in his Latin translation of Aristotle's *Historia animalium*, made in Italy between 1454 and 1473/1474. It was first printed in 1476 and enjoyed great success in the sixteenth century (cf. Monfasani 1999; Beullens, Gotthelf 2007). Many of the words introduced by Gaza made their way into the times after Carl von Linné⁵. Varro's etymology of *motacilla*,

---

(Niedermann 1897: 65). Niedermann compares it with the parallel structure of the Greek σεισοπυγίς. Still, Walde and Hofmann show that the Greek bird names σεισοπυγίς, σεισούρα, κίλλουρος can hardly underlie the Latin word; they argue that the *-a-* remains unexplicable in Niedermann's etymology, for one would rather have expected **moticilla*. They also convincingly refute the etymology from *muto* 'penis' and *cillēre* 'to move', the existence of the latter being rather questionable, for it is attested only in ancient grammatical texts and glosses for explaining the etymology of *oscillare* and diminutives like *furcilla* (Ernout, Meillet 2001: 120–121), cf. TLL s.v. *cillo*, where the entry is marked with "si vera vox est"; the Greek κίλλ<ο>υρος (attested only in Hsch., as a synonym of σεισοπυγίς), was suggested to be connected with a Baltic word for wagtail (Lithuanian *kielė*, Latvian *ciēlava*, Old Prussian *kylo*) that could have been derived from a verb cognate to κίω, *cieo*; still, a derivation from κίλλος 'gray' is also possible (Beekes 2010: 373). As for the hypothesis that *motacilla* is connected with μύττηξ, supported by Ernout and Meillet, Walde and Hofmann do not approve of it, without any argumentation: "Die Versuche, *-āc-* als ursprünglich zu fassen, führen kaum zum Ziel" (Walde, Hofmann 1938–1954, vol. 2: 115). Michiel de Vaan's dictionary does not mention the word *motacilla* (De Vaan 2008). — On Varro's etymology of *motacilla* cf. Jobling 2010: 261, Jobling 2020, s.v. *Motacilla*: "The mistaken use of *-cilla* for 'tail' in ornithology goes back to mediaeval writers who misread *motacilla*, Varro's name for the wagtail ("quod semper movet caudam") and a diminutive from *motare* 'to move about' or 'shake' (i.e. 'a little shaker or wagger'), as 'shaketail'".

⁴ On early modern Latin neologisms, see Helander 2014.

⁵ The role of the translations of Aristotle in the formation of modern nomenclature of fishes is studied in Beullens 2008. Opening thus a new research path, Beullens confined himself to the names of fishes and had to admit that almost no fish names introduced by medieval and humanist translators of Aristotle's *Historia animalium* entered modern binary nomenclature. Still, applying Beullens' approach to other parts of the animal nomenclature, e.g. to the names of birds, and checking all the occurrences systematically, it can be discovered that post-Linnaean

perhaps mediated by a glossary that already included *cilla* as a lexeme, made Gaza consider the second part of the bird name *motacilla* as a root meaning ‘tail’ or ‘rump’. Indeed, he rendered Aristotle’s πύγαργος, name of an eagle (with clear etymology as a composition of πυγή ‘rump, buttocks’ and ἀργός ‘shining, white’, cf. Chantraine 1999: 951), as *albicilla*⁶. The Greek πύγαργος occurs twice, Arist. *Hist. an.* 563b6 and 618b19. Besides, at 593b5, it is attested as a variant reading where the commonly accepted lemma is “ὁ τρύγγας”. At lines 563b6 and 618b19, Gaza explains the etymology of πύγαργος, attested in transliterated form *pygargus* in Pliny: “Aquilarum plura sunt genera. Unum quod *pigargus* ab albicante cauda dicitur, ac si *albicillam* nomines...” (618b19; Aristotle 1476: f. n [9]r; ms. Vat. lat. 2094, f. f. 143v, l. 3 from below) and “Genera aquilarum non aequae omnia prolem fastidiunt, sed difficilior in alendo una cui nomen *pygargo* cauda albicans dederat” (563b6, with attractio casus; here without the Latin variant *albicilla*; Aristotle 1476: f. i 3r; ms. Vat. lat. 2094, f. 87r, l. 3 from below). On the occurrence at line 593b5, see section 1.3.

A similar case is Gaza’s neologism *ruticilla*, a rendering of the Greek ροινίκουρος, apparently a compound of *rutilus* ‘red, reddish’ and the phantom *-cilla*. The Greek word occurs twice in the *Hist. an.*, at lines 632b28 and 632b29 (the passage will be analyzed in the section 1.3)⁷.

---

nomenclature in fact owes much to the translators of Aristotle (cf. Vorobyev 2015).

⁶ The Swiss polyhistor Conrad Gessner implicitly approved of the interpretation of *cilla* as ‘bird tail, rump’. Namely, when he recalled a Modern Greek bird name that he cited as *asprocolos*, he adduced a classicizing variant, *leucopygos* (< λευκός ‘white’ + πυγή ‘rump, buttocks’) and, as a Latin translation, *albicilla* (Gessner 1555: 370). — The word *cilla* was still considered existing by Jacob Grimm. Discussing word composition in his *German Grammar*, he noted: “Nähere Forschung lässt im Latein einzelne Zusammensetzungen wahrnehmen, die den griechischen gleichen. Varro 4, 11. Plinius 37, 10. gebrauchen *motacilla* (*motans, agitans caudam*, von einem veralteten Substantiv *cilla, cauda*, das zu *cillere* gehört), ist es dem griechischen σεις-ούρα nachgebildet? Das deutsche *wipp-sterz*, italienische *squassa-coda* entspricht gerade so“ (Grimm 1826: 980–981). On the verb *cillere* cited by Grimm, see n. 3 above.

⁷ Besides, it appears in Hesychius (Φ 707) and in the *Geoponica* (15, 1, 22, 3), both instances based on the cited passage from the *Hist. an.* Transliterated as *phoenicurus*, it is mentioned in Pliny (*HN* 10, 86, 3), also based on Aristotle’s passage. Its etymology appears transparent, ‘red-tail’ (neither Frisk, nor Chantraine, nor Beekes mention this word). — In his

Apart from *albicilla* and *ruticilla*, Gaza's translation contains a similar bird name, *rubicilla*, which deserves special attention.

1. 2. *Rubicilla*. A contaminated reading of Arist. *Hist. an.* 592b22

At line 592b22, in a list of grub-eating birds, the last edition of Aristotle's *Historia animalium*, prepared by David M. Balme and Allan Gotthelf, reads: “μελαγκόρυφος, πυρρούλας, ἐρίθακος” (Aristotle 2002: 342). The word πυρρούλας is a *hapax legomenon*, which is, in this form, attested in no extant manuscript. For this word, Balme's edition lists the following variants: πυρρουλάς L^{rc}. Ald.: πυρρὸς ὕλας C^a A^apr. G^a Q Guil.: πυρουλάς β: πυρρουράς A^arc. Fa X^c γ (exc. L^{rc}). The shift of the accent, from πυρρουλάς to πυρρούλας, is due to Aldus Manutius' intervention in Aristotle 1497 (on this word, see Vorobyev 2018: 249; Vorobyev 2019: 179–185)⁸.

Theodore Gaza's rendering of the passage “μελαγκόρυφος, πυρρούλας, ἐρίθακος” is “*atricapilla, rubicilla, rubecula, silvia*”. As shown in Vorobyev 2018, *atricapilla* stands for μελαγκόρυφος, *rubecula* for ἐρίθακος (Gaza clearly opted for the reading ἐρύθακος)⁹, and two Greek words, X and Y, that Gaza read instead of πυρρούλας were rendered as *rubicilla* and *silvia*. Thus, we might

---

new translation of the *Historia animalium*, made in the 1530s and published posthumously in 1619, Julius Caesar Scaliger, who constantly criticized Gaza's version, suggested *punicilla* instead of *ruticilla* (Aristotle 1619: 1169). Thus, he followed the same derivation pattern, using *punicus* as an etymologically more precise equivalent of φοῖνιξ than *rutilus*. Scaliger's translation was printed too late to eclipse the authority of Gaza's text, so Scaliger's neologisms did not enter the scientific nomenclature.

⁸ Like πυρρούλας, the words πυρρουλάς, ὕλας, πυρουλάς, and πυρρουράς are *hapax legomena*. — For the explanation of the sigla, see Aristotle 2002: 50–52; on the manuscript tradition of the *Hist. an.*, see Berger 2005. — Now that the first critical edition of the Arabic translation of the *Hist. an.*, by Laurus S. Filius, has been published, it is possible to take the Arabic tradition into consideration. Even though Filius' edition reads here one word, brūsūlās (Aristotle 2018: 280), it has an *s* in the middle (as it is also clear from Michael Scot's transliteration, *forozcheloz*, Aristotle 1994), which apparently indicated that the Greek text underlying the Arabic version indeed read πυρρὸς ὕλας. Filius used the conventionally accepted πυρρούλας for the Arabic-Greek glossary accompanying his edition (Aristotle 2018: 404), but his decision to spell and understand the word as one had been most probably based on the tradition of the Greek text accepted since Aldus.

⁹ The latter reading, clearly referring to ἐρυθρός ‘red’, is present in all manuscripts of the family α, except C^a (Aristotle 2002: 342).

reconstruct the Greek text that he was translating like this: “μελαγκόρυφος, X, Y, ἐρύθακος”. In his translation, he changed the word order, striving for rhetorical euphony (“*atricapilla, rubicilla, rubecula, silvia*”), whereas the correct order would have been “*atricapilla, rubicilla, silvia, rubecula*”).

In Vorobyev 2018 and 2019, I argued that Gaza’s X was πυρρός and Y was ὕλας (i.e. he read “πυρρός, ὕλας”), because ὕλας, as I then demonstrated, was what he rendered as *silvia*. I thought that Gaza’s *rubicilla* stood for πυρρός, considering *-cilla* just a diminutive suffix (Vorobyev 2018: 253, n. 27). However, I have to admit that I then misinterpreted *rubicilla* and *ruticilla* as diminutives and did not take into consideration the word *albicilla* at all¹⁰. Now, the analysis of *albicilla* and *ruticilla* (from πύγαργος and φοινίκουρος) makes clear that Gaza saw the root -ουρ- ‘rump, tail’ in the word X he was translating at line 592b22. Therefore, choosing out of the variants attested in the manuscript tradition, it must be accepted that X should have been πυρρουράς, i.e. Gaza must have reconstructed the Greek text as “μελαγκόρυφος, πυρρουράς, ὕλας, ἐρύθακος”.

This contaminated reading, barbarian from the point of view of modern philology, was supposedly, rather than due to a gloss incorporated into the text by a scribe in one of Gaza’s Greek *Vorlagen*, Gaza’s own intervention. Indeed, his propensity to manipulating the text is known (Perfetti 1995: 261–283), as is also known that he used several Greek manuscripts of Aristotle’s text (Dittmeyer 1902: 31–35; Berger 2005: 144, 155). Hence he must have realized that ὕλας was but a part of the reading πυρουλάς, for which πυρρουράς was a *varia lectio*.

1. 3. *Albicula* and *rubecula*

Similar contamination occurs at line 593b5 where, in a list of birds feeding by lakes and rivers, part of the codices (families β and γ) read ὁ τρύγγας, which is a *hapax legomenon*, while those from the family α have πύγαργος instead. Exactly as at line 592b22, Gaza includes both readings in his translation: “καὶ σχοινίκλος καὶ κίγκλος καὶ ὁ τρύγγας· οὗτος δὲ μέγιστος τῶν ἐλαπτόνων τούτων·

¹⁰ In Vorobyev 2015, it was missed out by oversight, as well as *albicula* that will be discussed below; only the transliterations *pigargus* and *pygargus* were registered then. — On the double diminutives in *-cillus*, *-cillum* (formed from diminutives in *-culus*, *-culum*), see e.g. Glare 2012: 344, s.v. *-cillum* and *-cillus*: *corcillum*, *oscillum*, *caesticillus*, *penicillus*.

ἔστι γὰρ οἷον κίχλη. Πάντες δ' οὔτοι τὸ οὐραῖον κινουῦσιν" (Aristotle 2002: 345); "ad haec *iunco*, *cinclus*, *albicula*, *tringa*, quae inter minora haec maiuscula est, turdo enim aequiparat. Omnibus his cauda motitat" (Aristotle 1476: f. 1 [9]r–v; ms. Vat. lat. 2094: f. 118r, ll. 3–4).

Apart from providing a perfect *comparandum* for the case of contamination at line 592b22, line 593b5 offers a new word, *albicula*, not attested elsewhere in Gaza's translation. As mentioned above at n. 5, in the other two passages where πύγαργος occurs, 563b6 and 618b19, Gaza renders it as *pygargus/pigargus* and, at 618b19, adds his Latin variant, *albicilla*. It seems that at line 593b5 πύγαργος is rendered as *albicula* on purpose, for Gaza might have wanted to distinguish between the πύγαργος that is mentioned here among small birds with frequently moving tail (one of the wagtails?) and the other πύγαργος which is explicitly described as a kind of eagle at 563b6 and 618b19. The fact that *albicula* is a rendering of πύγαργος makes clear that, apart from *-cill-*, Gaza considered *-cul-* as another root meaning 'rump, bird's tail', apparently from *cūlus* 'the posteriors, fundament' (therefore, we should pronounce *albicūla*, not *albiciūla*).

Now, the word *albicula* helps interpreting the origin of the above mentioned *rubecula*, a better known neologism of Gaza's coinage, present in today's scientific name of the robin-redbreast, *Erithacus rubecula* (Linnaeus, 1758)¹¹.

The Greek bird name ἐρίθακος is attested three times in Arist. *Hist. an.* (592b22, extensively discussed above, 632b28, and 632b29), as well as in other ancient sources. Sundevall considers it a composition of ἐρυθρός 'red' with θᾶκος 'seat, chair', interpreting the latter as 'rump, buttocks' (Sundevall 1863: 110–111), thus implying that the denotatum should be a bird with reddish tail- or rump-feathers (as in the vernacular names of the common redstart: English *redstart*, German *Rotsteiss* or *Rotschwanz*, Italian *codirosso*, Russian *зоруховосмка*, etc.). Indeed, he suggests identification with the common redstart in its summer feathering.

D'Arcy W. Thompson criticizes Sundevall's etymology as far-fetched, thus refuting the requirement for the species denoted by the Greek word to have a reddish rump or tail¹². Furthermore,

¹¹ Here and in the following, the references to the sources of taxa are provided in round brackets, with a comma before the year, whereas conventional bibliographical references are typed without the comma.

¹² A strong argument against Sundevall's etymology is the existence of the bird names ἐριθεύς and ἐρίθυλος, perhaps variants of the word ἐρίθακος

Thompson argues for the identification of ἐρίθακος with the robin-redbreast, for the latter corresponds better to Aristotle's description of the time of the year when the bird called ἐρίθακος can be seen (Thompson 1895: 57). Indeed, no etymological dictionary of Ancient Greek mentions Sundevall's derivation. Thus, Hjalmar Frisk includes in his entry ἐρίθακος also the term ἐριθάκη 'bee-bread' and considers both words, even though with reserve, derived from ἔριθος 'day-labourer, hired servant' (Frisk 1960–1972, vol. 1: 558, s.v. ἐρίθακος and ἔριθος). Chantraine repeats the same hypothesis in his dictionary but wonders what reasons might have led to such derivations (Chantraine 1999: 371, s.v. ἐρίθακος and ἔριθος). Beekes supposes pre-Greek substrate origin for ἐρίθακος, with a question mark though (Beekes 2010: 458).

In any case, Gaza translates ἐρίθακος with the Latin *rubecula*, apparently of his coinage¹³. Two interpretations of this word are possible. The first explains it as a diminutive, following the pattern of *vulpis* > *vulpecula*, or else *niger* > *nigriculus* or *pinguis* > *pinguiculus*¹⁴. The second interpretation, from *rubeus* 'red' and *cūlus* 'the posteriors, fundament', is analogical to the aforementioned *albicula*, for which this derivation is corroborated by the existence of the variant *albicilla*, as well as *ruticilla* (see above). If the latter explanation of Gaza's neologism *rubecula* is correct, it means that he understood the etymology of ἐρίθακος exactly as Sundevall did some four centuries later (and both were wrong, according to modern etymologists, see above). Indeed, even though rare, parallel compounds are attested, namely *sesquēcūlus*,

---

(Thompson 1895: 57). W. Geoffrey Arnott, in his 2007 encyclopedia *Birds in the Ancient World from A to Z*, conceived as an updated version of Thompson's *Glossary of Greek Birds*, does not discuss the etymology of these words (Arnott 2007: 72–73). — Albert-Gaston Camus, who edited the *Hist. an.* in 1783 with a French translation and a commentary, suggested derivation from ἔρις 'quarrel' alluding at the bird's propensity to 'quarrelling': "On pretend même que le nom grec lui (sc. au rouge-gorge) convient très bien, parce qu'il est fort querelleur", and in the footnote: "Le mot ἐρίθακος peut être derivé de ἔρις, qui signifie querelle, débat" (Aristotle 1783, vol. 2: 734). This suggestion, as far as I know, was not discussed by later authors, but it appears hardly plausible, for the second part of the word remains without explanation.

¹³ Yet, it is not excluded that Gaza could have encountered it in a certain manuscript glossary, since similar words, *rubiculus/rubicula*, are attested in medieval sources (Du Cange 1887: s.v.).

¹⁴ Theoretically, a better variant would have been probably *rubeus* > *rubeola*, like *aureus* > *aureola*, or *ruber* > *rubella*, like *pulcher* > *pulchella*, cf. Leumann 1977: 306–307.

obstipeculus, and *hirsuticulus*¹⁵. Gaza may have used one of those as the model for his derivation.

An argument against the interpretation of Gaza's *rubecula* as 'red-rump' might be provided by the following passage, the only one where the ἐρίθακος is described. At 632b27–30 Aristotle says that ἐρίθακος is the winter form (i.e. winter feathering) of the φοινίκουρος. Gaza's translation has an addition that, apparently, has never been taken into consideration:

Μεταβάλλουσι δὲ καὶ οἱ ἐρίθακοι καὶ οἱ καλούμενοι φοινίκουροι ἐξ ἀλλήλων· ἔστι δ' ὁ μὲν ἐρίθακος χειμερινόν, οἱ δὲ φοινίκουροι θερινοί, διαφέρουσι δ' ἀλλήλων οὐθὲν ὥς εἰπεῖν ἀλλ' ἢ τῇ χροᾷ μόνον (Aristotle 2002: 469).

Rubeculae et quae *ruticillae* appellantur invicem transeunt. Estque *rubecula* hiberni temporis, *ruticilla* aestivi. Nec alio fere inter se differunt, nisi pectoris colore et caudae (Aristotle 1476: f. o [9]v–[10]r; Vat. lat. 2094: f. 158v, ll. 3–6).

The addition of "pectoris et caudae" is, surely, one of the interpolations characteristic of Gaza's translation. Now, one might argue that, by this interpolation, Gaza meant that Aristotle's φοινίκουρος had reddish tail (which was evident from the form of the word) while ἐρίθακος had reddish breast. Still, another

¹⁵ As for *sesquiculus*, it is attested, as a further cognomen of Gaius Iulius Caesar Strabo Vopiscus, in Marius Victorinus' *Ars grammatica* 4, 3 (a thorough analysis of this word, with its variant *sesquiculus*, is provided in Dahlmann 1973: 19–22). *Hirsuticulus* is a translation of δασύπρωκτος and is transmitted in manuscripts as *hirsiculus*, *hirsuticulus* being an emendation; other emendations that have been proposed are *hirticulus* and *hystriculus*, a diminutive of *hystrix* 'porcupine'. For *obstipeculus*, a variant reading *obstipecollus* is attested (for *hirsuticulus* and *obstipeculus*, attested only in glossaries, see Bader 1962: 149). In any case, if Gaza was acquainted with at least one of these words in *-culus*, it should have been enough for him to deem their derivation pattern productive. — The explanation of *rubecula*, proposed by James A. Jobling, as a modification of *rubecola* that, in turn, is based on *rubus* 'bramblebush' and *-cola* 'dweller', is apparently not supported by any medieval or early modern text. Furthermore, Jobling does not refer to Gaza or any other source, just noting that it is a Medieval Latin word (Jobling 2010: 339). The spelling *rubecola* that, indeed, appears in some eighteenth- and nineteenth-century sources must be, on the contrary, a late distortion of *rubecula* (like, on the contrary, Gaza's *hiaticola*, from *hiatus* and *colere*, standing for χαραδριός at 615a1, was misinterpreted as diminutive and became *Charadrius hiaticula* in the modern bird nomenclature). Moreover, Gaza did coin a neologism from *rubus* 'bramble', but it is a completely different bird name: He translated the bird name βατίς (< βάτος 'bramble') as *rubetra* (attested just once, Arist. *Hist. an.* 592b17, not to be confused with βατίς 'skate, ray'), registered in Jobling 2010: 339, too.

interpretation is possible. Gaza could have imagined two Greek names, so to say ‘red-tail’ and ‘ruby-rump’, standing for two birds that both had reddish feathers but, in their winter and summer plumage, were still different in the hue of their breast and tail feathers. As far as I can judge, the above arguments for the interpretation of *rubecula* as a compound with *cūlus* are stronger than the counterargument provided by the passage at lines 632b27–30. Indeed, the function of Gaza’s interpolations was often rhetorically decorative rather than clarifying (cf. examples in Perfetti 1995: 274–280). In this case, the addition of “pectoris and caudae”, absent in the Greek original, may be a mere *amplificatio*.

Since the only source for the allegedly existing **-cilla* is Varro’s explanation of *motacilla*, Gaza was prudent enough to avoid applying it while naming other creatures than birds, even if the root ‘tail’ could be surmised in the Greek word. Thus, he rendered μελάνουρος (a fish, 591a15) as *oculata*¹⁶, ἵππουρος (a fish, 543a22–23, 599b3) as *equiselis*¹⁷, πάγουρος (a crustacean, 525b5) as *pagurus*¹⁸, αἴλουρος (‘cat’, 540a10, 580a23, 612b15) as *felis*, and λόφουρος (‘pack-animal’, 491a1, 493a31, 495a4, 501a6) as *iumentum*¹⁹.

No other animal names derived from **-cilla* or *cūlus* have been detected in Gaza’s translation.

The word *verticillus*, or *verticilla*, that Gaza uses for rendering the Greek insect name σφονδύλη (542a10, 604b19, 619b22) is attested in classical sources (e.g. Plin. *HN* 37, 37, 2) and is a calque, viz. σφονδύλη < σφόνδυλος ‘the whorl of a spindle’, *verticillus* ‘the whorl of a spindle’. Gaza was the first though to apply this Latin word to an animal.

The following animal names in Gaza’s text contain the component *-cul-*:

1) with the *-c* as a part of the root and the diminutive suffix *-ul-*: *lumbriculus* (< *lumbricus* ‘worm’), *falcula* (< *falx* ‘sickle’, a calque

¹⁶ The reason of this identification with the word attested in Pliny is still to be investigated.

¹⁷ On Gaza’s use of this word, attested as a variant reading in Plin. *HN* 18, 259, 6–9, I am currently preparing a separate study.

¹⁸ This transliteration is present in Pliny (in many other cases, Gaza substituted the Greek-sounding transliterations by neologisms, even in cases when they are present in Pliny and other classical Latin authors, as he did in cases of φοινίκουρος and ἵππουρος).

¹⁹ The words αἴλουρος and λόφουρος could be hardly defined as rare and were, therefore, easily rendered with well-known Latin words.

of δρεπανίς < δρεπάνη 'sickle', a bird, 487b27), *halecula* (< (h)alec, a fish, 569a18, for μαινίδιον < μαινίς, the latter regularly rendered by Gaza as *alec*), *graculus* (a fish, 543a31, named after the bird *graculus* as a calque of the Greek fish name κορακῖνος < κόραξ; for the etymology of *graculus*, see De Vaan 2007: 268; Ernout Meillet 2001: 279);

2) with the diminutive suffix *-cul-*: *pectunculus* (cf. *pecten* 'comb; scallop'), *pediculus* (< pedis 'louse'), *vulpecula* (ἀλώπηξ, a fish, 565b1, 566a31, and a bat, 490a7), *canicula* (σκύλιον, a fish, 565a22, 565a26, 565b3, 566a19), *fidicula* (κίθαρος, a fish, 508b17), *musculus* (μυστόκτητος, a fish, 519a23; Gaza identified it with Pliny's fish name *musculus*: *HN* 9, 186, 2; 11, 165, 6), *bucula* (< bos; for βοΐδιον, 522b14)²⁰, *tinnunculus* (a diminutive, from verb *tinnio*; attested in classical sources; used by Gaza for κεγχρηΐς/κεγχρίς, 509a6, 558b28, 594a2), *tristunculus* (in Plin. *HN* 10, 109, 2, a corrupted reading of the previous, used by Gaza also for κεγχρηΐς/κεγχρίς, 559a26);

3) other: *cuniculus* 'rabbit' (well attested in classical sources, of unclear etymology, perhaps Iberian, Ernout Meillet 2001: 157).

All these word, including those coined by Gaza, clearly could not have been derived from *cūlus*. Thus, apparently only Greek bird names with a component meaning 'rump' or 'tail' in their structure were rendered by Gaza with neologisms derived from **-cilla* or *cūlus*.

2. The afterlife of *rubecula*, *rubicilla*, *ruticilla*, *albicilla*, and *albicula*

2.1. *Rubecula*

In his *Cornu copiae*, conceived as a commentary to Martial but in fact a massive encyclopedia, or dictionary, one of the important sources of first Renaissance lexicographers (cf. Abbamonte 1998; Considine 2008: 30), Niccolò Perotti identified Aristotle's ἐρίθακος with the robin-redbreast: "Avis est, quam vulgo *pectus rubeum* vocant, ἀπὸ τοῦ ἐρυθραίνομαι, hoc est a rubescendo ἐρύθακος dicitur" (Perotti 1489: f. 103v)²¹. The vernacular name *pectus*

²⁰ Gaza spells *buccula*, but his use of geminates is generally inconsistent.

²¹ "There is a bird that is called in the vernacular *redbreast*; it is called ἐρύθακος, from ἐρυθραίνομαι, i.e. from *being red*". Before, Perotti explains that φοινίκουρος is the summer name of ἐρίθακος: "Idem [sc. the change of name with the change of season] erythacus [sic] facit. Hieme enim erythacus est, phenicurus [sic] aestate. Avis est quam vulgo...".

rubeum is clearly a reference to the Italian *pettirosso* ‘robin-redbreast’. Perotti’s identification seems absolutely deliberate, or perhaps stimulated by Gaza’s addition of *pectore* in Arist. *Hist. an.* 632b30, cited above. In any case, Perotti’s definition of ἐρίθακος as ‘robin-redbreast’ was adopted in one of the most popular Latin dictionaries of the sixteenth-century, reprinted many times (cf. Considine 2008: 29), namely that of Ambrogio Calepino (Calepino 1502: f. f[7]v, s. v. *erythacus*).

In 1544, the ornithologist William Turner, who was the first to attempt a systematic identification of ancient bird names with modern vernacular ones, adopted Perotti’s assumption in his *Avium praecipuarum, quarum apud Plinium et Aristotelem mentio est, brevis et succincta historia*: “Ερίθακος, ἢ ἐριθέα, *rubecula*, Anglice *a robin redbreast*, Germanice *eyn rõtbrust* oder *eyn rõtkelchen*” (Turner 1544: f. H [8]r)²².

Turner’s decision was adopted in the ornithological volume of Conrad Gessner’s milestone *Historia animalium*²³ and eventually became the standard Latin denomination of the robin-redbreast. Therefore, in 1758 tenth edition of Linné’s *Systema naturae*, the edition underlying the modern binary nomenclature of animals, the word *rubecula* was adopted for robin-redbreast, placed by Linné in the genus *Motacilla*, namely *Motacilla rubecula* (Linnaeus, 1758). Later on, in the appendix to the first volume of his *Leçons d’anatomie comparée*, George Cuvier suggested a new classification of the animals. There, he reduced the volume of the genus *Motacilla*, introducing new genera for the birds that had been considered in the genus *Motacilla* before. Thus, he introduced a new genus, *Erithacus*, which included the species *Erithacus rubecula*. The latter binary name is still valid in today’s scientific nomenclature.

²² On Turner, see Harrison 1954; Stresemann 1975: 13–16; Bäumer 1991: 333–335, as well as A. H. Evans’ introduction in Turner 1903. Turner’s treatise was the first reference book in ornithology. Gilbertus (Gybertus) Longolius’ *Dialogus de avibus et earum nominibus Graecis, Latinis et Germanicis* was published in the same year 1544, posthumously, by Turner, who was the author’s friend (Longolius 1544). Longolius’ book, apart from being written in the form of a dialogue, is generally less systematic, discusses less bird names, and its impact on the natural science can be hardly compared with that of Turner’s book (cf. Stresemann 1975: 14; Bäumer 1991: 333).

²³ On Gessner’s encyclopedic work, see e.g. Riedl-Dorn 1989; Friedrich 1995; Enenkel 2007. For the ornithological volume, see especially Springer, Kinzelbach 2009.

2. 2. *Rubicilla*

William Turner's book contains a chapter entitled *De rubicilla*, starting with the following list of synonyms: “πυρρούλας, *rubicilla*, Angli(ce) a *bulfinche*, Germa(nice) eyn *blødtfinck*”. Indeed, Turner understood Gaza's *rubicilla* as the rendering of πυρρούλας, the reading he knew from the editions of the Greek text. Apparently he considered both the Greek and the Latin words diminutives and deliberately, just on the basis of the color underlying their etymology, identified them with the bullfinch: “Ego, nominis etymologiam secutus, *rubicillam* Anglorum *bulfincam* et Germanorum *bloudvincam* esse conjicio” (Turner 1544: f. I 1v–2r)²⁴. Turner's identification was taken over by Gessner in the respective chapter, entitled *De rubicilla sive Pyrrhula* (Gessner 1555: 701–702).

Indeed, thanks to Turner, the transliteration of πυρρούλας, *Pyrrhula*, is now the valid name of the genus bullfinches. The word *rubicilla*, however, appears in modern nomenclature, since at least 1775, as the specific epithet in the name of the great rosefinch, *Carpodacus rubicilla* (Güldenstädt, 1775), a passerine spread in the Caucasus, as well as in certain regions Asia²⁵, unknown in Western Europe. When did the word *rubicilla* change its meaning? Its story is similar to that of the word *silvia* which was understood as ‘robin-redbreast’ since Turner and reinterpreted in the eighteenth century as ‘warbler’ (on it, see Vorobyev 2018: 254–258).

After the establishment of the Linnaean system, the bullfinch was known as *Loxia pyrrhula* (Linné 1758: 171–172; cf. Linné 1766, vol. 1: 300), so the word *rubicilla* remained its void synonym, without any use in the taxonomy. That is why, similarly to how the word *silvia* was recycled by Jacob Theodor Klein (Vorobyev 2018: 257), *rubicilla* was recycled by the Riga-born naturalist Johann Anton Güldenstädt when, after his 1768–1775 journey to the Caucasus, he published the first scientific description of the great rosefinch. He defined it as a new species in Linné's genus *Loxia*²⁶ and introduced for it the name *Loxia rubicilla*. He could do so, for the word *rubicilla*, at that time, was not assigned any denotatum in the nomenclature. In the description of this species, Güldenstädt

²⁴ “As for me, I guess, following the etymology of the word, that *rubicilla* is the *bullfinch* of the English and the *Blutfink* of the Germans”.

²⁵ For the range map, see Clement 2020.

²⁶ He used the twelfth edition of Linné's *Systema naturae* (Linné 1766–1768).

mentioned the bullfinch under the name *pyrrhula*, when he remarked that the voice of the great rosefinch (*Loxia rubicilla*) was similar to that of the bullfinch (*pyrrhula*) (Güldenstädt 1775: 463–465).

Later on, exactly as it happened with Linné's genus *Motacilla*, described above, Linné's genus *Loxia* was split. The genus *Pyrrhula* was separated from it by Mathurin-Jacques Brisson (Brisson 1760: 308) and *Carpodacus* by Johann Jakob von Kaup (Kaup 1829: 161)²⁷, while only the crossbills remained in the genus *Loxia*²⁸.

2. 3. *Ruticilla*

The fortune of the word *ruticilla* was similar. Apparently, no modern scholar has ever doubted that Aristotle understood a common redstart under φοινίκουρος (cf. Sundevall 1863: 111; Thompson 1895: 182).

William Turner, as we said, accepted Perotti's deliberate identification of ἐρίθακος with robin-redbreast. Therefore, analyzing the passage Arist. *Hist. an.* 632b27–30, quoted in the section 1.3 above, and knowing from his own field observations that robin-redbreast did not obtain reddish tail-feathers in summer, Turner stated that φοινίκουρος could not be the name of the ἐρίθακος in summer garment. Instead, he introduced to the ornithological literature the identification of φοινίκουρος with the common redstart: “Φοινικουρός (sic), et, ut alter textus habet, φοινικούργος

²⁷ Kaup explains there how he coined that name: “Von καρπός, Frucht, und δάκνω, beißen”.

²⁸ This actually corresponds to the original meaning of the name *Loxia*, a word coined by Gessner for denoting the crossbill, since he could not find any classical Greek or Latin name for it. Indeed, Gessner begins the chapter entitled *De Loxia* as follows “Hanc avem lingua Germanica *Krützvogel*, id est *cruciatam*, vel *Krummschnabel*, id est *curvirostram* appellat, Illyrica *krziwonoska*, id est *nasicurvam*, a rostra figura utraque. Sola enim haec avium summas rostri partes ac mucrones invicem transponit ac decussat, **quare nos loxian ab obliquitate nominavimus**” (Gessner 1555: 568). The etymology of Gessner's neologism, viz. from the Greek λοξός ‘slanting, crosswise, oblique’, is evident; yet, nobody in the modern literature, as far as I can judge, has acknowledged Gessner's authorship of this name (e.g. Springer and Kinzelbach erroneously explain it as an ancient name: “Der antike Name *loxia* (lat.) ist seit Linnaeus (1758) der gültige Gattungsname der Kreuzschnäbel” (Springer, Kinzelbach 2009: 372); Jobling provides the Greek etymology but, again, does not refer to Gessner (Jobling 2010: 231; Jobling 2020, s.v. *Loxia* and *loxia*). — On today's volume and vernacular names of the genera *Carpodacus*, *Pyrrhula*, and *Loxia*, see Boehme, Flint 1994: 436, 433, 435; Collar, Newton, Bonan 2020.

(sic), Plinio *phoenicurus*, Gazae *ruticilla*, Anglice *a rede tale*, Germanice *eyn roß stertz*” (Turner 1544: f. H [8]r)²⁹. This identification was easy, for the name of the common redstart in the European vernaculars was similar: ‘redstart’, ‘redtail’, ‘Rot-schwanz’, ‘codirosso’ etc. (cf. Gessner 1555: 699).

In the concurrence between *phoenicurus* and *ruticilla*, considered synonyms since Turner, the Latin one seemed winning. Conrad Gessner included both names in the title of the respective chapter in his *Historia animalium*, but *ruticilla* was first (*De ruticilla seu phoenicuro*), moreover the large running titles included only *De ruticilla* (Gessner 1555: 699–701). This was reflected in the major seventeenth-century reference books in zoology, too. Namely, Francis Willoughby preferred the variant *ruticilla* and entitled the respective chapter “*Ruticilla*. The Redstart. Φοινίκουρος Graecis” (Willoughby 1676: 159); John Ray’s posthumous *Synopsis methodica avium et piscium* also speaks of the redstart as of *ruticilla* (Ray 1713: 78). Still, nowadays, the common redstart is known under the scientific name *Phoenicurus phoenicurus* (Linnaeus, 1758). How did it happen and what was the eventual fortune of the word *ruticilla*?

In North America, a bird was observed that seemed similar to the common redstart to Mark Catesby, who, in his bilingual English-French *Natural history of Carolina, Florida and the Bahama Islands*, denoted that bird as *Ruticilla Americana* (also, *the redstart* in English and, in French, *Le rossignol de muraille de l’Amérique*³⁰). Catesby’s description is entitled in Latin, *Ruticilla Americana*, and begins as follows: “This bird is about the size of, or rather less than, our redstart” (Catesby 1729–1732: 67). George Edwards, in his 1743 *Natural history of uncommon birds*, approves of Catesby’s denomination: “He calls it the redstart, whose example I have taken, as I think the name very proper”. Edwards’ chapter is, indeed, entitled *The small American redstart* (Edwards 1743: 80). Now, Linné, in the 1758 edition of his *Systema naturae*, names the

²⁹ In three manuscripts of the *Hist. an.*, according to the apparatus in David Balme’s 2002 edition, the word appears in the form φοινικοῦργοι instead of φοινίκουροι, both at 632b28 and 632b29 (cf. n. 6 above). The readings in Pliny, in Hesychius, and in the *Geoponica* are unambiguous. Still, in the Aldine *princeps* of the *Hist. an.*, the rearing in -οῦργος was adopted and persisted apparently until Camus’ edition (Aristotle 1783, vol. 1: 638 and 756) who reads -ορπος.

³⁰ *Le rossignol de muraille* is one of the French denominations of the common redstart.

American bird described by Catesby and Edwards *Motacilla ruticilla*, apparently based on Catesby's naming (Linné 1758: 186). As for the Old-World redstart, i. e. common redstart, Linné calls it *Motacilla phoenicurus*, following not the examples of Willughby and Ray, who call it *ruticilla*, but that of a lesser-known naturalist Johann Leonhard Frisch who describes four Old-World kinds of the redstart, calling them all *phoenicurus* (Frisch 1734–1739: f. 20r). Thus, Linné decided to leave the name *ruticilla* to the American redstart that already had been registered under that Latin name by Catesby. As for the common redstart, Linné assigned to it the remaining name *phoenicurus*.

Therefore, it was Linné's decision to designate the common redstart with the Greek name and the American redstart with the Latin one. The distribution of species between genera, as it also happened in case of *Motacilla* and *Loxia*, changed due to the development of systematic, but the specific epithets remained the same. Indeed, for the common redstart, the currently valid name is *Phoenicurus phoenicurus*, for the American redstart it is *Setophaga ruticilla*. Both scientific names bear the reference "Linnaeus, 1758" in brackets.

2. 4. *Albicilla* and *albicula*

As for *albicilla*, in the chapter *De aquila*, Turner quotes Gaza's translation of Arist. *Hist. an.* 618b9, and adds a comment in which, using the name *pygargus*, he blames certain "Germanorum literatores" who identified *pygargus* with German *Trappe*. I was not able to identify the German author Turner criticizes but, what is important, Turner is sure that the German *Trappe* 'bustard' should correspond to Aristotle's τέτριξ, while for the *pygargus* he ventures another identification: "*Pygargus* Anglorum lingua, nisi fallar, *erne* vocatur", and provides in margin the English gloss "an erne" (Turner 1544: f. B [6]r). Since no argumentation is provided, we must conclude that Turner's identification was based on the etymology of the Greek word and the white tail of the bird he knew as *erne*, i.e. white-tailed eagle, or sea eagle. Gessner takes over Turner's identification, also cites Gaza's variant *albicilla* but follows Turner in using *pygargus* as the main denomination (the respective chapter is entitled *De pygargo*, the same is the text of the

running title, Gessner 1555: 199)³¹. Modern nomenclature follows Turner's identification, namely the word *albicilla* denotes the white-tailed eagle (sea-eagle), not the bustard: *Haliaeetus albicilla* (Linnaeus, 1758).

The word *pygargus*, yet, denotes a smaller bird of prey, a harrier: *Circus pygargus* (Linnaeus, 1758), today known in English as Montagu's harrier. The reason of this denomination is the alternative identification of Aristotle's πύγαργος, suggested in 1555 by the French zoologist Pierre Belon. His *L'histoire de la nature des oiseaux* was printed the same year when the ornithological volume of Gessner's *Historia animalium* appeared. The two works were written independently, as Gessner himself notices in the end of his preface³². What is important for us now is that Gessner made extensive use of Turner's 1544 treatise, while Belon used it irregularly, if at all³³. Thus, nothing prevented Belon from

³¹ For a brief overview of later authors who used this name, see Jobling 2010: 38, who acknowledges Gaza's authorship, which is not the case in numerous other neologisms of Gaza's coinage.

³² "Petri Bellonii Cenomani de avibus librum Lutetiae hoc ipso tempore excudi audio, qui forte iam absolutus est, ad nos quidem nondum pervenit" ("I hear that right now a book on birds by Pierre Belon of Le Mans is being printed in Paris, perhaps it is already finished but it has not yet arrived here", Gessner 1555: f. a [6]r).

³³ Whereas Gessner is always very accurate in providing the sources of the information he cites, Belon is not. Moreover, Gessner and Turner were friends (cf. Harrison 1954: 3; Stresemann 1975: 14) and Gessner willingly acknowledges this or that apt idea of the English naturalist. Belon, on the contrary, never names Turner's treatise explicitly. Once, he mentions Turner merely as the source of a taxidermic specimen of a canary ("le serin") that he, Belon, was once shown by a certain Flemish Antonius Martinellus in Padua: "Mais M. Antoine Martinellus flamand nous en montra un sec et salé à Padoue avant notre départ, disant qu'un sien ami M. Turnerus médecin anglais le lui avait envoyé" (Belon 1555: 355; orthography modernized). This passage could mean that Belon did not know Turner's ornithological book at all; still, Turner's output seems to be mentioned, apparently just once, concerning a species of the heron: "Il est assez commun par nos rivages, ayant témoins modernes qui ont écrit qu'on le voit aussi en Angleterre. De cette diligence ne voulons frustrer le devoir dû à monsieur Tournerus savant médecin" (Belon 1555: 191; cf. Turner 1544: f. C [1]v). Once more, Belon speaks of "certain modern authors", while probably criticizing Turner: "L'on trouve *quelques modernes* qui ont voulu dire qu'il y eût plusieurs espèces de cet oiseau et, en amenant deux ou trois espèces, les ont tous nommé *tyranni*. Mais l'on peut prouver <...> qu'il en est autrement" (Belon 1555: 345; it was Philippe Glardon, in Belon 1997: 467, who identified Turner 1544: f. I 5v as the source cited in this passage). The character of Belon's use of Turner's book should be

identifying Aristotle's πύγαργος with a white-rumped bird of prey different from the sea eagle, namely with *Jean-le-Blanc*, or *oiseau Saint-Martin*. Today these two French names designate different species, short-toed snake eagle (*Circaëtus gallicus*) and hen harrier (*Circus cyaneus*), but for Belon they stood for one. Belon's bird book was of no less authority than Gessner's. Indeed, Francis Willoughby, in his *Ornithologia*, published in 1676, posthumously, by John Ray, identifies Belon's *pygargus* with the hen harrier (Willoughby uses a now outdated form *henharrow*). It is no wonder that John Ray himself, in his 1713 *Synopsis methodica avium et piscium*, which was an important ornithological source for Linné, used the word *pygargus* twice, namely once as a synonym of *albicilla*, meaning the sea eagle (Ray 1713: 7, in the section *Aquilae*), and once as a denomination of a white-rumped harrier, now known as Montagu's harrier (Ray 1713: 17, in the section *Accipitres*)³⁴.

As for *albicula*, both the reason of its appearance in Gaza's translation and its denotatum remained obscure, so it enjoyed less attention than *albicilla* in the early modern time. Turner does not mention it. Gessner is puzzled why Gaza mentions *albicula*: "Theodorus Gaza in Historia animalium ex Aristotele translata lib(ro) 8 cap(ite) 3 *albiculam* numerat inter eas aves quae circa lacus

---

clarified but, apparently Belon did use it occasionally. Still, he does not mention Turner's identification of πυρρούλας with the bullfinch; for Belon, the bullfinch is Aristotle's συκαλῖς or μελαγκόρυφος, while πυρρούλας stands for 'robin-redbreast' and is a synonym of ἐρίθακος, whereas Turner, in contrast, rejects the identification of μελαγκόρυφος with the bullfinch, suggesting the black-cap instead (Belon 1555: 359; 348; Turner 1544: f. C 3v–4r; I 2r). As for ἐρίθακος and φοινίκουρος (Belon 1555: 348–349), the identifications proposed by Belon coincide with those of Turner, but it should not mean that Belon's choice was based on that of Turner. Indeed, the source of the identification of ἐρίθακος with the robin-redbreast, as shown above, was Niccolò Perotti's *Cornu copiae*, adopted in Calepino's popular dictionary. As for the identification of φοινίκουρος with the common redstart, the latter is, apparently, the most common passerine bird with a reddish tail in Europe, so it is no wonder that Belon's identification coincides with that of Turner. — On Belon's book, see Bäumer 1991: 335–344; Philippe Glardon's introduction in Belon 1997. For a comparison of Turner's, Belon's, and Gessner's methods in their ornithological reference books, see Stresemann 1975: 13–21; Bäumer 1991: 344–345.

³⁴ The distinction between the hen harrier, *Circus cyaneus* (Linnaeus, 1758), and Montagu's harrier, *Circus pygargus* (Linnaeus, 1766), was introduced later.

et fluvios victum quaerunt, ubi in Graecis nostris codicibus excusis nihil quod huic vocabulo respondeat invenio” (Gessner 1555: 208)³⁵.

Agostino Nifo, in his posthumously issued 1546 commentary to Aristotle's *Historia animalium*, suggested that Gaza's Greek *Vorlage* could have read λευκός here, omitted in the printed editions; Nifo thought it could stand for λευκός (sc. ἐρωδιός), white heron (Aristotle 1546: 230). Still, the white heron is mentioned shortly before in the same list of birds, wherefore Gessner 1555: 208 rejected Nifo's hypothesis³⁶. As shown above, Gaza's *albicula* in fact stood for πύγαργος, the alternative reading of ὁ τρύγγας, but this *varia lectio* appeared in print in 1811 for the first time³⁷. These textual problems and Gessner's perplexity about the origin of Gaza's *albicula* led to its failure to settle in the nomenclature. Unlike the similar cases of *silvia*, *rubicilla*, *ruticilla*, and *albicilla*, the word *albicula* was never used in the binary nomenclature of birds.

Pierre Belon, apparently based on Gaza's bird names *albicilla* and *albicula* and considering them mere diminutives rather than compounds, reused them in his book on fishes. In a chapter entitled *Leuciscus*, Belon identified the fish name λευκίσκος, attested in Hicesius, with several modern vernacular names. Even though in the text he constantly denoted that fish by the transliteration *leuciscus*, he deemed important providing a truly Latin equivalent. Namely, the full chapter title reads: *Leuciscus, hoc est Albicilla seu Albicula* (Belon 1553: 313), cited by Gessner: “De eodem Bellonius, qui *leuciscum* simpliciter hunc pisciculum nominat et Latine inquit *albicillam* vel *albiculam* dici posse” (Gessner 1558: 31). Still, the word *albicula* reached the binary nomenclature neither as a bird, nor as a fish name.

³⁵ “Theodore Gaza, in his translation of Aristotle's *Historia animalium*, book 8, chapter 3, mentions *albicula* among those birds that search for food by lakes and rivers, at which place I can find nothing in our Greek printed books that would correspond to this word”; cf.: “...*albicula* (quod huic nomen in exemplaribus nostris Graecis respondeat nullum est)” (Gessner 1555: 593).

³⁶ Belon, on the contrary, repeated Nifo's suggestion, without naming Nifo as his source though (Belon 1555: 191, 195). Julius Caesar Scaliger was also puzzled why Gaza had added *albicula* (“ascripsit *albiculam* sed in nostro codice deerat”, Aristotle 1619: 891). — On Nifo's commentary, see Perfetti 1996; Perfetti 2000.

³⁷ Johann Gottlob Schneider was apparently the first to discuss this textual problem. In his Greek text, he opted for the reading πύγαργος, adding “καὶ ὁ τρύγγας” in brackets (Aristotle 1811, vol. 1: 357; vol. 2: 354; vol. 3: 596).

3. Conclusions

Theodore Gaza's neologisms *albicilla*, *rubicilla*, and *ruticilla*, rather than diminutives, are derived from a phantom word **-cilla* 'rump, bird-tail'; his neologisms *albicula* and *rubecula* are, most probably, derived from *cūlus* 'the posteriors, fundament' and should be, therefore, pronounced *albicūla* and *rubecūla*, which is relevant for the latter, denoting the robin-redbreast in today's scientific nomenclature (*Erithacus rubecula*).

As the analyzed cases demonstrate, the identifications proposed in the first modern reference book in ornithology, William Turner's *Avium praecipuarum, quarum apud Plinium et Aristotelem mentio est, brevis et succincta historia*, were willingly taken over in Conrad Gessner's authoritative *Historia animalium*, whence, through a chain of intermediary reference books, they influenced the lexical choice of eighteenth-century authors responsible for the elaboration of modern binary nomenclature. The presence of a transliterated Greek word alongside with its Latin translation in the zoological reference books often led to the situation when just one of such synonyms was taken over in the nomenclature, while the second one remained without denotatum. These void names were reused later for designating newly introduced taxa.

References

- Abbamonte 1998: Abbamonte, G. Le ultime ricerche sull'attività lessicografica di Niccolò Perotti. *Roma nel Rinascimento*, 45–58.
- Aristotle 1476: Gaza, T. (transl.). Aristoteles. *De animalibus*. Venice (GW 2350).
- Aristotle 1497: Aldus Manutius (ed.). Aristoteles. *Opera*. Vol. 3. Venice (GW 2334).
- Aristotle 1546: Gaza, T. (transl.), Nifo, A. (comm.). *Expositiones in omnes Aristotelis libros de historia animalium, de partibus animalium et earum causis, ac de generatione animalium*. Venice.
- Aristotle 1619: Scaliger J. C. (ed., transl., comm.). Aristoteles. *Historia de animalibus*. Toulouse.
- Aristotle 1783: Camus, A.-G. (ed., transl., comm.) [*Histoire des animaux d'Aristote*]. Vol. 1. *Histoire des animaux d'Aristote avec la traduction française*. Vol. 2. *Notes sur l'histoire des animaux d'Aristote*. Paris.
- Aristotle 1811: Schneider J. G. (ed., comm., rev.). Scaliger J. C. (transl.). Aristoteles. *De animalibus historiae*. Vols. 1–4. Leipzig.
- Aristotle 1994: Hünemörder C. (ed.). Aristoteles. *De animalibus libri XIX in der Übersetzung des Michael Scotus. Nach der Handschrift Rom, Bibliotheca Apostolica Vaticana, Chigi E VIII 251 (s. XIII), fol. 1ra-108rb, mit Textkorrekturen aus den Handschriften Nürnberg,*

- Stadtbibliothek, Cent. VI 10 und Pisa, Bibliotheca di Santa Caterina, Cod. 11. Buch I–XIV. [Eichstätt–Munich].
- Aristotle 2002: Balme, D. M. (ed.). Aristotle. *Historia animalium*. Vol. 1: Books I–X: Text. Prepared for publication by Gotthelf, A. Cambridge.
- Aristotle 2018: Filius, L. S. (ed.) *The Arabic version of Aristotle's Historia animalium. Book I–X of Kitāb al-Hayawān*. Leiden–Boston.
- Arnott, W. G. 2007: *Birds in the ancient world from A to Z*. London; New York.
- Bader, F. 1962: *La formation des composés nominaux du latin*. Besançon.
- Bäumer, Ä. 1991: *Geschichte der Biologie*. Vol. 2: *Zoologie der Renaissance — Renaissance der Zoologie*. Frankfurt a.M. etc.
- Beekes, R. S. P. 2010: *Etymological dictionary of Greek*. Vols. 1–2. Leiden; Boston.
- Belon, P. 1553: *De aquatilibus*. Paris.
- Belon, P. 1555: *L'histoire de la nature des oyseaux*. Paris.
- Belon, P. 1997: Glardon, Ph. (introd. and comm.). Belon, P. *L'histoire de la nature des oyseaux* (facsimile edition of Belon 1555). Genève.
- Berger, F. 2005: *Die Textgeschichte der Historia Animalium des Aristoteles*. Wiesbaden.
- Beullens, P., Gotthelf, A. 2007: Theodore Gaza's translation of Aristotle's *De animalibus*: content, influence and date. *Greek, Roman and Byzantine studies* 47. 469–513.
- Beullens, P. 2008: Aristotle, his translators, and the formation of ichthyologic nomenclature. In: M. Goyens, P. De Leemans, A. Smets (eds.), *Science translated. Latin and vernacular translations of scientific treatises in Medieval Europe*. Leuven. 105–122.
- Boehme, R. L., Flint, V. E. 1994: *Pyatiiazychnyi slovar' nazvanii zhivotnykh. Ptitsy, Latinskii-russkii-angliiskii-nemetskii-frantsuzskii* [A five-language dictionary of animal names. Birds. Latin, Russian, English, German, French]. Moscow. Бёме, Р. Л., Флинт, В. Е. 1994: *Пятиязычный словарь названий животных. Птицы. Латинский-русский-английский-немецкий-французский*. М.
- Brisson, M.-J. 1760: *Ornithologie, ou méthode contenant la division des oiseaux en ordres, sections, genres, espèces et leurs variétés*. Vol. 3. Paris.
- Calepino, A. 1502: *Dictionarium*. Reggio [Emilia].
- Catesby, M. 1729–1732: *The natural history of Carolina, Florida and the Bahama Islands*. Vol. 1. London.
- Chantraine, P. 1999: *Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots*. Paris.
- Clement, P. 2020: Great Rosefinch (*Carpodacus rubicilla*). In: HBW (<https://www.hbw.com/node/61402>, accessed on 05.01.2020)
- Collar, N., Newton, I., Bonan, A. 2020: Finches (*Fringillidae*). In: HBW (<https://www.hbw.com/node/52376>, accessed on 05.01.2020).
- Considine, J. 2008: *Dictionaries in Early Modern Europe. Lexicography and the making of heritage*. Cambridge.
- Dahlmann, H. 1973: Varronianism. In: Temporini, H. (ed.). *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Geschichte und Kultur Roms im*

- Spiegel der neueren Forschung. I. Von den Anfängen Roms bis zum Ausgang der Republik.* Vol. 3. Berlin. 3–25.
- De Vaan, M. 2008: *Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages.* Leiden; Boston.
- Dittmeyer, L. 1902: *Untersuchungen über einige Handschriften und lateinische Übersetzungen der Aristotelischen Tiergeschichte. Programm des Königlichen Neuen Gymnasiums zu Würzburg für das Studienjahr 1901/02.* Würzburg.
- Du Cange, Ch. [et al.] 1883–1887 (¹1678): *Glossarium mediae et infimae latinitatis.* Niort (<http://ducange.enc.sorbonne.fr/>, accessed on 24.11.2019)
- Edwards, G. 1743: *A natural history of uncommon birds and of some other rare and undescribed animals.* Vol. 1. London.
- Enenkel, K. A. E. 2007: Zur Konstruierung der Zoologie als Wissenschaft in der Frühen Neuzeit: Diskursanalyse zweier Großprojekte (Wotton, Gesner). In: Enenkel, K. A. E., Smith, P. J. (eds.). *Early modern zoology. The construction of animals in science, literature and the visual arts.* Leiden; Boston. 15–74.
- Ernout, A., Meillet, A. ⁴2001: *Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots.* Paris.
- Friedrich, U. 1995: *Naturgeschichte zwischen artes liberales und frühneuzeitlicher Wissenschaft. Conrad Gessners Historia animalium und ihre volkssprachliche Rezeption.* Tübingen.
- Frisch, J. L. 1734–1739: *Vorstellung der Vögel in Teutschland.* Berlin.
- Frisk HJ. *Griechisches etymologisches Wörterbuch.* Vols. 1–3. Heidelberg, 1960–1972.
- Gessner, C. 1555: *Historia animalium.* Vol. 3: *De avium natura.* Zurich.
- Gessner, C. 1558: *Historia animalium.* Vol. 4: *De piscium et aquatilium animantium natura.* Zurich.
- Glare, P. G. W. ²2012: *Oxford Latin dictionary.* Oxford.
- Grimm, J. 1826: *Deutsche Grammatik.* Pt. 2. Göttingen.
- Güldenstädt, J. A. 1775: Sex avium descriptiones. *Novi commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae* 19 (1774), published in 1775. Saint Petersburg. 463–475.
- Harrison, Th. P. 1954: William Turner, naturalist and priest. *The University of Texas Studies in English* 33, 1–12.
- HBW 2020: del Hoyo, J. et al. (eds.). *Handbook of the birds of the world alive* (<https://www.hbw.com>, accessed on 02.03.2020).
- Helander, H. 2014: On neologisms in Neo-Latin. In: Ford, P., Bloemendal, J., Fantazzi, Ch. (eds.), *Brill's encyclopaedia of the Neo-Latin world.* 2 vols. Leiden; Boston. Vol. 1, 37–54.
- Jobling, J. A. 2010: *The Helm dictionary of scientific bird names. From Aalge to Zusii.* London.
- Jobling, J. A. 2020: Key to Scientific Names in Ornithology. In: HBW (<https://www.hbw.com/dictionary/key-to-scientific-names-in-ornithology>, accessed on 02.03.2020).
- Kaup von, J. J. 1829: *Skizzirte Entwicklungs-Geschichte und natürliches System der europäischen Thierwelt.* Vol. 1. Darmstadt.
- Leumann, M. 1977: *Lateinische Laut- und Formenlehre.* Munich.

- Liddell, H. G., Scott, R., Jones, H. S. ⁹1940: *A Greek-English lexicon*. Oxford (<https://logeion.uchicago.edu>, accessed on 02.03.2020).
- Linné von, C. ¹⁰1758: *Systema naturae*. Vol. 1. Stockholm.
- Linné von, C. ¹²1766–1768: *Systema naturae*. Vols. 1–3.
- Longolius, G. 1544: *Dialogus de avibus et earum nominibus Graecis, Latinis et Germanicis*. Cologne.
- Monfasani, J. 1999: The Pseudo-Aristotelian *Problemata* and Aristotle's *De Animalibus* in the Renaissance. In: Grafton, A., Siraisi, N. (eds.). *Natural Particulars. Nature and the disciplines in Renaissance Europe*. Cambridge [Mass.]–London. 205–247.
- Niedermann, M. 1897: *Ē und ĭ im Lateinischen. Ein Beitrag zur Geschichte des lateinischen Vocalismus*. Darmstadt (Diss. Basel).
- Perfetti, S. 1995: 'Cultius atque integrius'. Teodoro Gaza, traduttore umanistico del *De partibus animalium*. *Rinascimento* 35. 253–286.
- Perfetti, S. 1996: Metamorfosi di una traduzione: Agostino Nifo revisore dei 'De animalibus' gaziani. Medioevo. *Rivista di storia della filosofia medievale* 22. 259–301.
- Perfetti, S. 2000: *Aristotle's zoology and its Renaissance commentators, 1521–1601*. Leuven.
- Perotti, N. 1489: *Cornu copiae*. Venice (GW M31093).
- Pliny 1857: Bostock, J., Riley, H. T. (transl.). *The Natural history of Pliny*. Vol. 6. London.
- Pliny 1897: von Jan, L., Mayhoff, K. (eds.). C. Plinius Secundus. *Naturalis historia*. Vol. 4. Leipzig.
- Ray, J. 1713: *Synopsis methodica avium et piscium*. London.
- Riedl-Dorn, C. 1989: *Wissenschaft und Fabelwesen. Ein kritischer Versuch über Conrad Gessner und Ulisse Aldrovandi*. Wien; Köln.
- Springer, K. B., Kinzelbach, R. K. 2009: *Das Vogelbuch von Conrad Gessner (1516–1565). Ein Archiv für avifaunistische Daten*. Berlin; Heidelberg.
- Stresemann, E. 1975. *Ornithology. From Aristotle to the present*. Cambridge [Mass.]–London.
- Sundevall, C. J. 1863: *Die Thierarten des Aristoteles von den Klassen der Säugethiere, Vögel, Reptilien und Insekten*. Übersetzung aus dem Schwedischen. Stockholm.
- Thompson, D. W. ¹1895, ²1936: *A glossary of Greek birds*. Oxford.
- Turner, W. 1544: *Avium praecipuarum, quarum apud Plinium et Aristotelem mentio est, brevis et succincta historia*. Cologne.
- Turner, W. 1903: Evans, H. A. (ed., introd., transl.). *Turner on birds. A short and succinct history of the principal birds noticed by Pliny and Aristotle, first published by Doctor William Turner*. Cambridge.
- Vorobyev, G. 2015: [Theodore Gaza's neologisms in his translation of Aristotle's *De animalibus* and their reception in modern zoology]. *Indoeuropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European linguistics and classical philology] 19. 158–168.
- Воробьев Г. М. 2015: Неологизмы Феодора Газы из его латинского перевода «De animalibus» Аристотеля в современной зоологической номенклатуре. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 19. 158–168.

- Vorobyev, G. 2018: *Sylvia*: Zur Entstehung des wissenschaftlichen Namens der Grasmücke (Arist. *Hist. an.* 592b22). *Philologia Classica* 13(2). 247–264.
- Vorobyev, G. 2019: Einige Sperlingsvögel und eine Schlange. Noch einmal zu Arist. *Hist. an.* 592b22. *Indoevropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European linguistics and classical philology*] 23. 178–191.
- Walde, A. 1938–1954: Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3. neubearbeitete Auflage von J. B. Hofmann. Vols. 1–2. Heidelberg.
- Willoughby, F. 1676: *Ornithologiae libri tres*. London.

DOI: 10.30842/ielcp230690152419

К. А. Ильина

(НИУ Высшая школа экономики, Москва)

«Старые» и «новые» авторитеты классической филологии в России 1830–40-х годов

Автор исследует круг источников по истории классического образования в России при министре гр. С. С. Уварове (1830–1840), включая мемуары, периодику рецензии и отклики на учебники.

Ключевые слова: реформы графа С. С. Уварова, классическая филология в России в XIX веке.

К. А. Ilyina

(National Research University – Higher School of Economics, Moscow)

Old and new authorities in Russian classic studies in 1830–1840

The main idea of the paper is to find new sources of information related to the situation in classic studies in Russia during the period of minister of education count S. S. Uvaroff's reforms (1830–1840). Such information may be found in private memoirs of those times as well as in debates in periodical publications and in manual reviews.

Keywords: S. S. Uvaroff's reforms, history of classic studies in Russia in XIX century.

В середине 1820-х годов в ходе подготовки новых уставов для учебных заведений чиновниками просвещения были актуализированы идеи европейского классицизма. С одной стороны, в классическом образовании виделась защита от вольнодумства и опасных революционных идей. Обучение сложной древней словесности представлялось реформаторам своеобразной нравственной и педагогической панацеей, призванной обеспечить приучение молодых людей к трудолюбию и внимательности, а также к скромности в оценке собственных академических достижений, в то время как обучение новейшим языкам, в основном французскому, имело противоположный результат. С другой стороны, классическая основа образования обеспечивала вхождение в европейский образовательный и культурный контекст. 1830–1840-е годы были расцветом классицистической тенденции в среднем и высшем образовании. Для университетов это означало еще и начало оформления классической филологии как научной дисциплины, а

также первые шаги в формировании профессионального сообщества филологов-классиков. Конец государственному (но не научному) проекту положили европейские революции 1848 года.

Исследователями образования и науки изучены вопросы, связанные с институциональными, социальными и культурными изменениями в сфере просвещения, выявлена роль гр. С. С. Уварова в развитии классического образования и классицизма в России, рассмотрена проблема «русской античности», способов ее проживания в культуре, восприятия ее Николаем I, чиновниками, отдельными интеллектуалами (Фролов 1999; Фролов 1999а; Виттекер 1999; Кнабе 2000). Однако историография практически не дает ответа на вопросы о том, что скрывалось за фасадом уваровской политики «классицизма»: каким образом и через какие механизмы происходило формирование и функционирование сообщества филологов-классиков в это время, то есть кто и как в него входил, каковы были фильтры признания и система научных авторитетов, где и по каким критериям происходила оценка.

В докладе в центре внимания – механизм формирования и (пере)утверждения иерархии авторитетов филологов-классиков в 1830–40-е годы, посвятивших себя составлению грамматических пособий по латинскому языку.

Отчасти ответ на эти вопрос позволяет дать анализ журнальных дискуссий вокруг стремительно растущего в 1830–40-е годы количества учебных книг по древним языкам, которые были подготовлены на основе европейских изданий (азбук, грамматик, словарей). В рецензиях, зачастую носящих информирующий или рекомендательный характер и нацеленных на родителей и гимназических учителей, в то же время артикулировались и выкристаллизовывались требования к профессии, и к представителям сообщества, давался ответ на вопрос: кто такой классический филолог? что он должен знать? каким должен быть? на кого ориентироваться? каковы новые/устаревшие методики преподавания древних языков? Рецензии служат важным дополнением к текстам мемуарного характера, которыми нужно пользоваться с осторожностью, так как они фиксируют отрефлексированную реакцию и более позднюю оценку тех или иных пособий и преподавательских методик.

Литература

- Frolov, E. D. 1999: [Count S. S. Uvaroff and academic classicism]. In: *Peterburg Academy of Sciences in the history of world's academies: on the 275-year anniversary of the Academy of Sciences. Proceedings of the International conference*. Vol. 2. St. Petersburg, 275–285.
- Фролов Э. Д. 1999: Граф Сергей Семенович Уваров и академический классицизм. В кн.: *Петербургская академия наук в истории академий мира: к 275-летию Академии наук: Материалы международной конференции*. Том II. СПб., 275–285.
- Frolov, E. D. 1999a: *Russkaya nauka ob antichnosti: Istoriograficheskie ocherki* [Russian antiquity studies: historiographical essays]. St. Petersburg: SPb State University.
- Фролов, Э. Д. 1999а: *Русская наука об античности: Историко-графические очерки*. СПб.: СПбГУ.
- Knabe, G. S. 2000: *Russkaya antichnost': coderzhanie, rol' i sud'ba antichnogo naseleniya v russkoy kul'ture* [Russian antiquity: content, role and destiny of ancient population in Russian culture]. Moscow: RGGU.
- Кнабе, Г. С. 2000: *Русская античность: содержание, роль и судьба античного населения в культуре России*. М.: РГГУ.
- Vitteker, Ts. Kh. 1999: *Graf Sergey Semenovich Uvarov i ego vremya* [Count S. S. Uvaroff and his time]. St. Petersburg: «Academic Project».
- Виттекер, Ц. Х. 1999: *Граф Сергей Семенович Уваров и его время*. СПб.: «Академический проект».

DOI: 10.30842/ielcp230690152422

Б. С. Каганович, Л. Б. Вольфцун
(Санкт-Петербургский институт истории РАН)

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ И. Г. ФРАНК-КАМЕНЕЦКОГО*

Статья освещает некоторые аспекты жизни и творчества выдающегося египтолога и гебраиста И. Г. Франк-Каменецкого (1880–1937), одного из пионеров новых подходов к изучению мифологии, фольклора и литературы. Публикуется автобиография и список печатных работ Франк-Каменецкого.

Ключевые слова: И. Г. Франк-Каменецкий, Н. Я. Марр, Библия, мифология

B. S. Kaganovich, L. B. Wolfzun
(St. Petersburg Institute for History, RAS)

Materials for I. G. Frank-Kamenetsky's biography

The article brings light to some aspects of life and work of a prominent egyptologist and a scholar of Hebrew Israel Grigorievich Frank-Kamenetsky (1880–1937), a Russian pioneer of new approaches to myth, folk, and literature studies. I. G. Frank-Kamenetsky, who studied in Germany, was a disciple of great German historians and orientalists Ed. Meyer, K. Sethe, J. Wellhausen, F. Schuldhess and others. Since early 1920-ies he was hugely influenced by N. Y. Marr's ideas. The paper presents I. G. Frank-Kamenetsky's autobiography and list of his scientific publications, found in archives, an introductory article and comments.

Keywords: I. G. Frank-Kamenetsky, N. Y. Marr, the Bible, mythology.

Имя выдающегося египтолога и гебраиста Израиля Григорьевича Франк-Каменецкого (1880–1937) пользуется в наше время достаточно широкой известностью как одного из пионеров новых подходов к изучению мифологии, фольклора и литературы, сформировавшихся во многом под воздействием идей Н. Я. Марра, сотрудником которого он был с начала 1920-х гг.¹

---

* Статья продолжает цикл исследований, посвященных научному наследию российских историков и филологов XX века; в их числе недавно завершено исследование Б. С. Кагановича «Неопубликованные и забытые работы академика Е. В. Тарле», поддержанного грантом РФФИ №16-01-00102.

¹ В архиве Н. Я. Марра сохранился черновик его отзыва о Франк-Каменецком, написанный в связи с оформлением последнего профессором Ленинградского университета: «Когда речь заходит о кан-

Обычно рядом с ним называют имя О. М. Фрейденберг, хотя в стилистике их работ есть определенные различия. «В основе исторических форм литературы лежат архаические формы мировоззрения», — так, вероятно, в самом общем виде можно формулировать основное кредо этой школы (Полякова 1997: 370). Трудно, однако, считать, что биография и научное наследие И. Г. Франк-Каменецкого изучены сколько-нибудь основательно. Достаточно сказать, что до сих пор отсутствует удовлетворительное новое издание его работ², а некоторые из них до сих пор остаются неопубликованными³.

Мы полагаем, что и ряд документов официального происхождения, проливающих свет на личность и деятельность ученого, заслуживают публикации.

В Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук, в фонде Института языка и мышления им. Н. Я. Марра АН СССР (сокращенно ИЯМ), в подборке, нося-

---

дидатуре Израиля Григорьевича Франк-Каменецкого, в памяти встают, в первую очередь, один за другим факты, которые невольно побуждают ставить вопрос не о том, в какой степени она заслуживает внимания, исключительного внимания и безоговорочного утверждения, а о том, почему так поздно выдвигается эта кандидатура в нашей среде, бедной соединением разносторонности с глубиной знаний по специальности, мало у кого имеющейся не только у нас, но и за границей, чуткой восприимчивостью к современным, с таким трудом пробивающимся в академическую среду гуманитариев ударным веяниям жизни, как будто пока безрезультатно стучащим в плотно закрытые двери омертвевших учений, продуманным использованием нового метода проработки, казалось бы, менее всего способного на живую трактовку культурно-исторического материала, библейских текстов <...> Франк-Каменецкий — утравкист, египтолог и яфетидолог, и он имеет все основания считаться высококвалифицированным по каждой из названных областей знания независимо». (ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 1. Д. 728. Л. 1–3). Утравкист (от латинского *utrumque* — *и тот и другой*) здесь: специалист в обеих областях. Сохранилось также пять писем Франк-Каменецкого к Марру 1923–1928 гг. (ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 985).

² Сборник (Франк-Каменецкий 2004) никак не может считаться таковым, хотя, конечно, он облегчает знакомство современного читателя с работами, рассеянными в старых малодоступных изданиях.

³ В небольшом личном фонде И. Г. Франк-Каменецкого, переданном в 1955 г. его племянником В. А. Франк-Каменецким в ПФА РАН (Ф. 853) содержатся, согласно описи, в числе прочих, неопубликованные работы «Золотой телец» (статья для сборника в честь В. Ф. Шишмарева), «Die Jungfrau Israels und der Weinberg Gottes. Ein Beitrag zum Studiums der Bildersprache des Alten Testaments», а также материалы различных лекционных курсов.

щей название «Материалы, представленные в Президиум АН на кандидатов в действительные члены и члены-корреспонденты АН», имеется автобиография И. Г. Франк-Каменецкого (ПФА РАН. Ф. 77. Оп. 1(1937). Д. 22: 4–8). Эта автобиография, написанная незадолго до смерти ученого (он скончался 4 июня 1937 г., попав в дорожную катастрофу), охватывает практически весь его жизненный путь. Написана она очень неформально и содержит интересные сведения о семье, из которой вышел Франк-Каменецкий (автор не делает тайны из своего вполне «буржуазного» происхождения)⁴, о некоторых перипетиях его жизни, о его немецких учителях. Заметим, что немецкая школа, пройденная Франк-Каменецким, была очень основательной: он занимался у таких крупнейших ученых, как историк Эд. Мейер, египтолог К. Зете, библеист Ю. Вельгаузен, семитолог Ф. Шультгес, слушал психолога В. Вундта, философа Г. Зиммеля и др.; эта школа очень чувствуется в его работах, и не случайно их высоко оценил Б. А. Тураев⁵.

К автобиографии приложен список печатных работ И. Г. Франк-Каменецкого (ПФА РАН. Ф. 77. Оп. 1(1937). Д. 22: 1-3). Мы, однако, сочли нецелесообразным воспроизводить его в том виде, в каком он был представлен автором – с различными лакунами и неточностями, – и даем его с допол-

---

⁴ Можно было бы добавить, что семья Франк-Каменецких дала науке ряд видных ученых в разных областях знания. Из двух его братьев, упоминаемых в автобиографии, Захар Григорьевич Франк-Каменецкий (1874–1951) был известным врачом-окулистом, профессором в Иркутске, где его именем даже названа улица, Альберт Григорьевич Франк-Каменецкий (1875–1935) — профессором химии Иркутского ун-та. Сын последнего, Давид Альбертович Франк-Каменецкий (1910–1970) — крупный физик, участник советского ядерного проекта, его брат Виктор Альбертович Франк-Каменецкий (1915–1993) был профессором кристаллографии Ленинградского ун-та. В наши дни известен биохимик Максим Давидович Франк-Каменецкий (р.1941), живущий ныне в США и часто выступающий в печати по разным вопросам.

⁵ Ср. в письме Б. А. Тураева И. Н. Бороздину от 15 мая 1917 г.: «Вчера свалился как снег на голову сам Франк-Каменецкий. Производит очень симпатичное впечатление <...>. Работа его в высшей степени ценная» (Переписка 2014). И. М. Дьяконов, однако, ошибается, называя Франк-Каменецкого учеником Тураева и Коковцова (Дьяконов 1995: 310, 318, 419, 422), поскольку все его востоковедное образование было получено в Германии (интереснейшие воспоминания И. М. Дьяконова, написанные в преклонном возрасте, вообще содержат немало ошибок памяти).

нениями и уточнениями, включив в него все известные нам публикации работ И. Г. Франк-Каменецкого и оформив в соответствии с современными библиографическими правилами.

АВТОБИОГРАФИЯ

И. Г. ФРАНК-КАМЕНЕЦКОГО, ст[аршего] спец[алиста] АН

Я, Израиль Григорьевич Франк-Каменецкий, родился в 1880 г. в г. Вильно в еврейской мещанской семье. Отец, занимаясь торговлей, содержал большую семью (в 9 чел[овек] детей) и мог дать университетское образование пятерым сыновьям. Он умер в 1915 г., оставив матери недвижимое имущество, на доход с которого она жила до своей смерти в 1932 г. Оккупация Вильно и отход его к Литве и затем к Польше разделил нашу семью на две части. Большинство братьев и сестер, давно уже уехавшие из Вильно, остались в Советском Союзе, работая каждый по своей специальности. Из братьев двое, так же как и я, во время империалистической войны служили по мобилизации в царской армии, один в качестве врача, другой – рядовым. Первый, Захар Григорьевич, в настоящее время занимает кафедру глазных болезней в Иркутском университете, другой, Хаим Григорьевич, зубной врач, после переворота перешел на медицинскую работу и до сих пор служит в одном из военных госпиталей Ленинграда. Третий брат, Альберт Григорьевич, освобожденный от военной службы по близорукости, недавно умер, занимая кафедру химии в Иркутском университете. В Ленинграде проживают две моих сестры: Эмма Григорьевна, зубной врач, работает в Стоматологическом Институте и Берта Григорьевна, по мужу Сыркин-Шкловская, вдова врача, служит в одном из учреждений Горздрава.

За рубежом остались 2 сестры и брат. Последний, Давид Григорьевич, во время империалистической войны служил по мобилизации на австрийском фронте в качестве врача, по окончании войны, остался с матерью в Вильно и в настоящее время занимается частной практикой в одном мелком пункте (Мотол) недалеко от Вильно. Старшая сестра Лизавета Григорьевна, по мужу Троцкая, овдовев в 1915 г., жила с матерью до своей смерти в 1931 г. Другая сестра Мария Григорьевна, по мужу Вайник, до сих пор живет с своей семьей в Вильно. После смерти матери сестра эта в течение 2-х с лишним лет переводила мне через Торгсин небольшие суммы (в среднем по 10 руб. в месяц), – вероятно из средств, оставшихся после матери.

Лично я по возрасту являюсь предпоследним в семье и своим воспитанием обязан скорее старшим братьям, чем родителям, которые, однако, никогда, не отказывали мне в средствах на образование. Окончив курс в Виленском реальном училище, я поступил было в 1898 г. в Киевский Политехникум на сельскохозяйственное отделение. Но в апреле следующего года я был арестован по обвинению в организации студенческой забастовки, охватившей тогда почти всю высшую школу. После трехмесячного тюремного заключения (в «Лукьяновке») я был выпущен в Вильно под надзор полиции на 1½ года. Арест лишил меня возможности продолжать образование в России. Отбыв воинскую повинность (в качестве «рядового из вольноопределяющихся»), я уехал в Германию, где в течение семи семестров (1902–1906) учился сперва в Лейпцигском, затем в Берлинском университетах. В эти годы я занимался преимущественно философией, политической экономией и историей древнего мира (у Вундта, Зиммеля, Эд. Мейера и др.). После трехлетнего перерыва, проведенного мной у родителей в Вильне, в течение которого я, между прочим, сдал экзамен по латыни и греческому языку в объеме классической гимназии, я снова уехал в Германию, в Геттинген, где занимался специально семитическими языками (у Вельгайзена, Шультгеса и Зете). Я уже приступил к моей докторской диссертации, когда моего непосредственного руководителя прив[ат]-доц[ента] Шультгеса пригласили ординарным профессором в Кенигсбергский университет. Мне ничего не оставалось, как перевестись вместе с моим профессором в Кенигсберг, где я в 1911 г. сдал выпускные экзамены и, напечатав диссертацию об арабском поэте [Umajja b. Abi ṣ Ṣalt = Умайя ибн Абу-с Сальт], получил степень доктора востоковедения. После этого я в течение 3-х лет оставался в Германии, занимаясь специально египтологией. За это время мной напечатаны 3 работы в [Orientalische Literaturzeitung] и собран обширный материал для монографии по истории культа египетского бога Амона. Работа эта была прервана войной, объявление которой застало меня в Германии на пути из Кенигсберга в Швейцарию. Германские власти направили меня в Швецию. В начале 1915 г. вернулся в Россию и направился к старшему брату в Иркутск, где я был призван по мобилизации и зачислен рядовым в армию. В начале 1916 г. я, оставаясь «нижним чином», переведен был на канцелярскую работу в Экспедицию по закупке скота в Монголии для нужд армии, во главе которой (в экспедиции) стоял известный путешественник

П. К. Козлов. Эта перемена в моей судьбе дала мне возможность оформить к печати мою работу: «Памятники египетской религии», вышедшую под ред. Б. А. Тураева в 2-х частях (Москва, 1917/18). В начале 1918 г. я вышел по демобилизации и осенью того же года приступил к преподаванию в Иркутском университете в качестве доцента по кафедре Истории древнего Востока. Весной 1920 г. я приехал в Ленинград, куда меня, как востоковеда, привлекали музейные и библиотечные сокровища, здесь я вскоре был зачислен научным сотрудником Ак[адемии] Мат[ериальной] Культуры.

В 1921 г. я был избран по конкурсу профессором 1-го МГУ по кафедре Истории древнего Востока и утвержден в должности ГУС'ом. Проработав 3 семестра в Москве, я снова приехал в Ленинград, где впервые познакомился с новыми тогда идеями акад. Н. Я. Марра, давшими новое направление моим научным изысканиям. Вскоре я привлечен был к работе в Яфетическом Институте АН (ныне ИЯМ), ставшем основной базой моей научной работы. В 1924 г. я был формально зачислен научным сотрудником АН по названному Институту. С 1929 г. мне поручено руководство Сектором семантики мифа и фольклора (ныне Кабинет устной литературы), а с 1932 г. я заведую, кроме того, и Семито-хамитским кабинетом ИЯМ. С 1933 г. состою старшим специалистом АН; в декабре 1934 г. Президиум АН присудил мне степень доктора литературоведения. Помимо основной работы я в 1925 г. был зачислен действительным членом ИЛЯЗВ (позднее ИРК, ныне ЛНИЯ) без содержания. В 1929 г. мне поручены были занятия с аспирантами в ИРК, что связано было с оплатой; в том же году я, по моей просьбе, был освобожден от работы в ГАИМК. Параллельно шла моя преподавательская работа в Ленинграде, первоначально в Археологическом Институте, в Географическом Институте и в Институте высших еврейских знаний. В 1926 г. я был привлечен к преподаванию на Ф[акультете] О[бщественных] Н[аук] ЛГУ, в 1927 утвержден был проф[ессором] ЛГУ, а с 1930 г. (по отделению ЛИФЛИ от ЛГУ) состою профессором ЛИФЛИ. Освободившись постепенно от побочных нагрузок, я в последние годы провожу всю мою исследовательскую работу по АН, а преподавание в ЛИФЛИ не выходит за пределы 4–6 часов в шестидневку. При таких условиях я могу в достаточной мере сосредоточиться на исследовательской работе, осуществление которой наиболее благоприятно проходит в ИЯМ, принимая во внимание общее направление работ этого учреждения и науч-

ное общение с видными специалистами по целому ряду областей лингвистики.

К общественной работе я привлечен был впервые в 1929 г. в качестве члена Локального бюро С[екции] Н[аучных] Р[аботников] в ЛГУ; в 1930 (по отделению ЛИФЛИ от ЛГУ) я был членом Локального Бюро в ЛИФЛИ. Позднее я перешел на профсоюзную работу в АН, где один год был председателем Профбюро ИЯМ; в прошлом году я был членом Месткома АН, а в настоящее время состою членом Месткома ИЯМ. В 1929 г. я был делегирован (от Кафедры истории религии ЛГУ) на 2-й съезд безбожников в Москве; в 1930 г. был делегирован на Конференцию научных работников в Ленинграде.

Жена моя, Дора Михайловна, урожденная Фейгенберг – дочь виленского купца, потерявшего свое состояние во время войны и революции. Отец моей жены умер в Вильно в 1928 г., а мать ее умерла там же в 1925 г. Дора Михайловна занимается домашним хозяйством; детей у нас нет.

Здоровье мое, по определению врачей, «соответствует возрасту» (56 лет): имеется возрастной склероз и по временам наблюдается ослабление сердечной деятельности, обычно обостряющееся после гриппа, которым я болею не реже 2-3 раз в год.

Франк-Каменецкий

10.VI. 1936 г.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ И. Г. ФРАНКА-КАМЕНЕЦКОГО

1. Untersuchungen über das Verhältnis der dem Umaiia b. Abi s Salt zugeschriebenen Gedichte zum Qorān. Königsberg i. Pr., 1911. 58 s. (Inaug. Dissertation)
2. Der Papyrus № 3162 des Berliner Museums // Orientalische Literaturzeitung. 1914. Jg.17. № 3. Sp. 98–102; Jg.17. № 4. Sp. 146–154.
3. Beiträge zur Geschichte des Amonkultes und seiner Priesterschaft // Orientalische Literaturzeitung. 1914. Jg.17. № 7. Sp. 289–295/
4. Eine ägyptisch-hebräische-arabische Metapher // Orientalische Literaturzeitung. 1914. Jg.17. № 9. Sp. 394.
5. Памятники египетской религии в Фиванский период. Ч. I–II. М., 1917–1918. 75+90 с. (Культурно-исторические памятники Древнего Востока под ред. Б. А. Тураева. Вып. V–VI).
6. Религия Амона и Ветхий Завет // Сборник трудов Иркутского Гос. Ун-та. Отдел гуманитарных наук. Вып. 1. Иркутск, 1921. С. 114–140.
7. Как научились читать египетские письма. М., 1922. 62 с.
8. Гениальное открытие Шампольона // Новый Восток. 1922. №2. С. 456–493.

9. Рец.: Б. А. Тураев. Египетская литература. М., 1920 //Новый Восток. 1922. №1. С. 408–411.
10. Рец.: И. М. Волков. Древнеегипетский бог Себек. Пг., 1917 // Новый Восток. 1922. №2. С. 412–413.
11. Первый съезд русских египтологов 17–20 августа 1922 г. // Восток. 1923. № 2. С. 126–130.
12. Пророки-чудотворцы. О местном происхождении мифа о Христе. Л.: изд. Сеятель, 1925. 103 с.
13. Вода и огонь в библейской поэзии // Яфетический сборник. Т. III. Л., 1925. С. 127–164.
14. Пережитки анимизма в библейской поэзии // Еврейская мысль. Сб. ст. Л., 1926. С. 42–80.
15. Пророк Иеремия и борьба партий в Иудее // Религия и общество. Сб. ст. Л., 1926. С. 60–82.
16. К «семейной драме» пророка Осии // Сб. ст. в честь С. А. Жебелева. Л., 1926. С. 622–642⁶.
17. Грузинская параллель к древне-египетской повести о двух братьях // Яфетический сборник. Т. IV. Л., 1926. С. 39–71.
18. Über die Wasser-und Baumnatur des Osiris // Archiv für Religionswissenschaft. 1926. Bd. 24. Hft. 3–4. S. 234–243.
19. Ассирия // Большая Советская энциклопедия. Т. III. М., 1926. Стб. 619—628.
20. Библия // Большая Советская энциклопедия. Т. VI. М., 1927. Стб. 200–208.
21. Религиозный синкретизм в Египте в Фиванский период //Записки Коллегии Востоковедов.Т. III. Вып. 1. Л., 1928. С. 1–62
22. Выступление в прениях по докладу С. И. Ковалева «Марксизм и яфетическая теория» // Проблемы марксизма. Л., 1928. С. 288–293.
23. Первобытное мышление в свете яфетической теории и философии // Язык и литература. Т. III. Л., 1929. С. 70—155.
24. Растительность и земледелие в поэтических образах Библии и в гомеровских сравнениях // Язык и литература. Т. IV. Л., 1929. С. 123—170.
25. Колесница Иеговы. К вопросу о стадильности в яфетической теории //Язык и литература. Т. VI. Л., 1930. С. 63–80.
26. Отголоски представления о матери-земле в Ветхом Завете //Язык и литература. Т. VIII. Л., 1932. С. 121–136.
27. Иштарь-Исольда в библейской поэзии //Тристан и Исольда. От героини любви феодальной Европы до богини матриархальной Афреватии. Коллективный труд Сектора семантики мифа и фольклора под ред. акад.Н. Я. Марра. Л., 1932. С. 71–89. (Труды Института языка и мышления АН СССР. Т. II).

---

⁶ Машинопись в 4-х экземплярах, хранящихся в Российской Национальной библиотеке, Российской Государственной библиотеке, Библиотеке Российской Академии наук и Библиотеке С.-Петербургского Института истории РАН (последний в составе личной библиотеки С. А. Жебелева).

28. Итоги коллективной работы над сюжетом «Тристан и Исольда» // Там же. С. 261—276.
29. О некоторых пережитках дофлексивного строя в древнееврейском языке // Язык и мышление. Т. I. Л., 1933. С. 149—162.
30. Женщина-город в библейской эсхатологии // Сб. ст. в честь акад. С. Ф. Ольденбурга. Л., 1934. С. 535—548.
31. Благодарный мертвец // За марксистское языкознание. Сб. ст. в честь акад. Н. Я. Марра. Тифлис, 1934. С. 193—200 (на грузинском языке)
32. Академик Н. Я. Марр // Известия АН СССР. Отд. обществ. наук. 1934. №9. С. 653—660 (совм. с В. И. Абаевым).
33. Разлука как метафора смерти в мифе и в поэзии // Известия АН СССР. Отд. обществ. наук. 1935. № 2. С. 153—176.
34. К вопросу о развитии древнееврейского глагола // Язык и мышление. Т. III—IV. Л., 1935. С. 13—46.
35. К космической семантике камня и металла // Академия наук СССР — академику Н. Я. Марру. М.; Л., 1935. С. 573—582.
36. К вопросу о развитии поэтической метафоры // Советское языкознание. Т. I. Л., 1935. С. 93—146.
37. Памяти Н. Я. Марра // Фронт науки и техники. 1935. №1. С. 109—114.
38. В. В. Струве // Известия. 1935. 26 мая. №122. С. 4 (Кандидаты в действительные члены АН СССР)
39. Н. Я. Марр и изучение семитических языков // Язык и мышление. Т. VIII. М.:Л., 1937. С. 171—182.
40. Адам и Пурюша. Макрокосм и микрокосм в иудейской и индийской космогонии // Памяти академика Н. Я. Марра. М.; Л., 1938. С. 458—476.
41. Колесница Иеговы: Труды по библейской мифологии. М.: изд. Лабиринт, 2004. 320 с.
42. К генезису легенды о Ромео и Юлии // Русский текст. Российско-американский журнал по русской филологии. 1994. № 2. С. 158—177; 1995. № 3. С. 167—205; 1996. № 4. С. 178—201.

Источники

- ПФА РАН. Ф. 77. Оп. 1(1937). Д. 22. Л. 4—8. — Sankt-Peterburgskiy filial Arkhiva Rossiiskoy Akademii nauk. Fond 77. Opis 1(1937). Delo. 22. Listy 4—8.
- ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 1. Д. 728. — Sankt-Peterburgskiy filial Arkhiva Rossiiskoy Akademii nauk. Fond 800. Opis 1. Delo. 728.
- ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 985. — Sankt-Peterburgskiy filial Arkhiva Rossiiskoy Akademii nauk. Fond 800. Opis 3. Delo. 985.
- ПФА РАН. Ф. 853. — Sankt-Peterburgskiy filial Arkhiva Rossiiskoy Akademii nauk. Fond 853.

Литература

- Diakonov, I. M. 1995: *Kniga vospominaniy*. Sankt-Peterburg.
 Дьяконов, И. М. 1995: *Книга воспоминаний*. СПб.

- Perepiska Borisa Aleksandrovicha Turaeva i Ilii Nikolaevicha Borozdina.* 2014. In.: *Neizvestnye stranitsy otechestvennogo vostokovedeniya.* Вып. IV. Moskva, 131–171.
Переписка Бориса Александровича Тураева и Ильи Николаевича Бороздина. 2014: В кн.: *Неизвестные страницы отечественного востоковедения.* Вып. IV. М., 131–171.
- Polyakova S. V. 1997: *Iz istorii geneticheskogo metoda: marrovskaya shkola.* In: Polyakova S. V. «Oleynikov i ob Oleynikove» i drugie raboty po russkoy literature. Sankt-Peterburg, 363–378.
Полякова С. В. 1997. *Из истории генетического метода: марровская школа.* В кн.: Полякова С. В. «Олейников и об Олейникове» и другие работы по русской литературе. СПб., 363–378.
- Frank-Kamenetsky, I. G. 2004: *Kolesnitsa Iegovy. Trudy po biblejskoj mifologii.* Red. G. N. Shelogurova. I. V. Peshkov. Moskva.
Франк-Каменецкий, И. Г. 2004: *Колесница Иеговы. Труды по библейской мифологии.* Ред. Г. Н. Шелогурова, И. В. Пешков. М.

СПИСОК АВТОРОВ первого полутома

- Александров Борис Евгеньевич** – канд. ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. alexandrov_b@mail.ru
- Алексеев Анатолий Алексеевич** – д. филол. наук, профессор СПбГУ, ИЛИ РАН. alexeev.anatoly@gmail.com
- Андреев Артем Викторович** – науч. сотрудник ИЛИ РАН. artem@iling.spb.ru
- Афиногенов Дмитрий Евгеньевич** – доктор филол. наук, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН, профессор кафедры византийской и новогреческой филологии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. logotheta@mail.ru
- Блажене Грасильда (Blažienė Grasilda)** – doctor of humanities (HP), professor, chief research fellow of the Institute of the Lithuanian Language, Institute's deputy director for research. grasilda.blaziene@lki.lt
- Бондарко Николай Александрович** – доктор филол. наук, ведущий научный сотрудник ИЛИ РАН.
- Бондарь Владимир Анатольевич** – канд. филол. наук, доцент кафедры делового иностранного языка, Санкт-Петербургский государственный университет. alstar@inbox.ru
- Бондарь Лариса Дмитриевна** — канд. ист. наук, ученый секретарь Санкт-Петербургского филиала Архива РАНю e-mail: L007@list.ru
- Братухин Александр Юрьевич** – доктор филол. наук, доцент кафедры мировой литературы и культуры Пермского гос. национального исследовательского ун-та (ПГНИУ). Bratucho@yandex.ru.
- Васильева Ирина Эдуардовна** – канд. филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы СПбГУ, старший научный сотрудник Института прикладной русистики РГПУ им. А. И. Герцена. i.vasileva@spbu.ru
- Волошина Оксана Анатольевна** – канд. филол. наук, доцент кафедры Общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. ohanav2005@mail.ru
- Вольфцун Людмила Борисовна** – Санкт-Петербургский институт истории РАН. amabor@mail.ru
- Воробьев Григорий Михайлович** – канд. филол. наук, PhD, научный сотрудник ИЛИ РАН, м. н. с. СПбИИ РАН, старший преподаватель НИУ ВШЭ, grisparrow@gmail.com
- Ганина Наталья Александровна** – доктор филол. наук, проф. кафедры германской и кельтской филологии МГУ им. М. В. Ломоносова. ganina@philol.ru
- Данилов Евгений Сергеевич** – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Ярославского гос. университета им. П. Г. Демидова. explorator@list.ru
- Домосилецкая Марина Валентиновна** – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН. marinaling@mail.ru

- Дувакин Евгений Николаевич** – канд. филол. наук, науч. сотр. отдела Америки Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. e.duvakin@gmail.com
- Дюрршнабель Хая Вера (Duerrschnabel Chaja V.)** – PhD student, University of Bern, Institute for Jewish Studies. Bern, Switzerland. vera.duerrschnabel@theol.unibe.ch
- Жугра Альвина Венедиктовна** – канд. филол. наук, ст. научный сотрудник ИЛИ РАН.
- Иваненко Александр Владимирович** – канд. филол. наук, науч. сотр. отдела истории украинского языка и ономастики Института украинского языка НАН Украины (Киев, Украина): skifetym@gmail.com
- Илиади Александр Иванович** – доктор филол. наук, проф. кафедры перевода, прикладного и общего языкознания Кировоградского гос. пед. университета им. Вл. Винниченко, г. Кировоград, Украина. alexandr.iliadi@gmail.com
- Ильина Кира Андреевна** – канд. ист. наук, ведущий науч. сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А. В. Полетаева Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». glukist@mail.ru
- Илюшечкина Екатерина Викторовна** – канд. ист. наук, PhD (Groningen, The Netherlands), старший научный сотрудник Лаборатории античной культуры ШАГИ ИОН РАНХиГС, доцент кафедры всеобщей истории ШАГИ ИОН РАНХиГС, доцент кафедры Классической филологии ИВКА РГГУ. ilyushechkinae@gmail.com
- Каганович Борис Соломонович** – доктор ист. наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН. amabor@mail.ru
- Казанский Николай Николаевич** – академик РАН, доктор филол. наук, научный руководитель ИЛИ РАН. nkazansky@iling.spb.ru
- Карева Наталия Владимировна** – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН. Natasha.Titova@gmail.com
- Кисилиер Максим Львович** – канд. филол. наук, доцент кафедры общего языкознания СПбГУ, старший научный сотрудник ИЛИ РАН, директор Греческого института СПбГУ. m.kisilier@spbu.ru, maxim@iling.spb.ru
- Конёр Дарья Владимировна** – к. ф. н., м. н. с., Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия. dsuetina@yandex.ru
- Корсо Антонио (Corso Antonio)** – PhD, Kanellopoulos Foundation / Messenian Society, Athens, Greece. antoniocorso@hotmail.com
- Кочаров Петр Александрович** – канд. филол. наук, ст. научный сотрудник ИЛИ РАН.
- Кузнецова Наталья Андреевна** – лаборант Института лингвистических исследований РАН. ku02@yandex.ru
- Кузьменко Юрий Константинович** – доктор филол. наук, профессор, гл. науч. сотр. ИЛИ РАН. jk7559873@gmail.com
- Кулишова Оксана Викторовна** — доктор истор. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории; Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; o.kulishova@spbu.ru

- Лебедев Андрей Валентинович** – канд. филол. наук, ведущий науч. сотр. Института философии РАН; профессор ИКВИА Высшей школы экономики (Москва); anlebedev@gmail.com
- Лемешкин Илья Васильевич** (Lemeškin Ija) – науч. сотр. Института литовского языка (Вильнюс), хабил. доктор, доцент Философского факультета Карлова университета (Прага), вице-президент Пражского лингвистического кружка. ilja.lemeskin@ff.cuni.cz
- Лютикова Екатерина Анатольевна** – доктор филол. наук, доц. МГУ им. М. В. Ломоносова, Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, МПГУ.
- Миролюбов Иван Андреевич** – канд. ист. наук, н. с. Московского гос. объединенного музея-заповедника. peter-herzog@yandex.ru
- Михайлова Биляна** (Mihaylova Bilyana) – MCF, PhD, University «Sv. Kliment Ohridski», Sofia, Bulgaria. bilydim@gmail.com
- Михайлова Татьяна Андреевна** – доктор филол. наук, профессор. Институт языкознания РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова. tamih.msu@mail.ru
- Мольков Георгий Анатольевич** – канд. филол. наук, научный сотрудник ИЛИ РАН, georgiymolkov@gmail.com
- Мутон Алис** (Mouton A.) – Centre National de la Recherche Scientifique, Франция.
- Найдич Лариса Эриховна** (Naiditsch L.) – канд. филол. наук, Professor emeritus, the Hebrew University of Jerusalem. larissa.naiditch@mail.huji.ac.il
- Пантелеев Алексей Дмитриевич** – канд. ист. наук, доцент, Санкт-Петербургский гос. университет, Институт истории. a.panteleev@spbu.ru
- Парина Елена Алексеевна** – канд. филол. наук, научный сотрудник сектора анатолийских и кельтских языков Института языкознания РАН. elena.parina@gmail.com
- Петросян Армен Егишевич** – доктор филол. наук, гл. науч. сотр. института археологии и этнографии НАН Республики Армения. alpehist@gmail.com
- Подосинов Александр Васильевич** – доктор ист. наук, проф., зав. кафедрой древних языков исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. podossinov@mail.ru
- Репаншек Л. (Repanšek Luka)** – Department of Comparative and General Linguistics, Faculty of Arts, University of Ljubljana, Slovenija. luka.repansek@ff.uni-lj.si
- Скала Андреа (Scala Andrea)
- Сидельцев Андрей Владимирович** – канд. филол. наук, Институт языкознания РАН, зам.директора, зав. сектором анатолийских и кельтских языков, внс, РГГУ, и.о. зав кафедрой теоретической и прикладной лингвистики. acidelcev@gmail.com.
- Соболев Андрей Николаевич** – доктор филол. наук, ИЛИ РАН; СПбГУ. sobolev@staff.uni-marburg.de
- Сорокина Елена Алексеевна** – канд. филол. наук, доцент кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Helen-Sorokina@yandex.ru
- Топорова Татьяна Владимировна** – доктор филол. наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН. t1960@list.ru.

-
- Фалилеев Александр Игоревич** – доктор филол. наук, ведущий науч. сотр. ИЛИ РАН. a.falileyev@gmail.com
- Хорькова Ирина Валентиновна** – канд. ист. наук, доцент кафедры классической филологии МГЛУ. stauross@yandex.ru
- Черняк Александр Борисович** – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН, abchernyak@mail.ru
- Шацков Андрей Владимирович** – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН. andrey.shatskov@gmail.com
- Шумилин Михаил Владимирович** – канд. филол. наук, ст. науч. сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС, доцент кафедры классической филологии Института восточных культур и античности РГГУ. mvshumilin@mail.ru
- Якубович Илья Сергеевич** – доктор филол. наук, Институт Востоковедения РАН.
- Яценко Мария Вадимовна** – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных и русского языков. Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций имени профессора М. А. Бонч-Бруевича. yatsenm@mail.ru, maria.yatsenko1@yandex.ru

Научное издание

Индоевропейское языкознание и классическая филология-XXIV (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 22–24 июня 2020 г. / Отв. редактор Н. Н. Казанский. I-й полутом. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. — 836 с. (= Индоевропейское языкознание и классическая филология, т. 24 (1), 2020).

Indo-European linguistics and classical philology-XXIV (Joseph M. Tronsky memorial Conference). Proceedings of the International Conference, St. Petersburg, 22–24 June, 2020 / edited by Nikolai N. Kazansky. Part I. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS, 2020. — 836 p. (= Indo-European linguistics and classical philology, vol. 24 (1), 2020).

ISSN 2306-9015 Indoeuropejskoe âzykoznanie i klassičeskaâ filologiâ

ISSN 2658-6452 (электронная версия)

DOI: 10.30842/ielcp2306901524

DOI: 10.30842/ielcp23069015

Утверждено к печати

Институтом лингвистических исследований РАН

Подписано к печати 15 мая 2020. Формат 60х88 1/16

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 52. Тираж 500 экз. Заказ № 613.

Институт лингвистических исследований РАН

199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9

Тел. (812) 328-16-12

e-mail: iliran@mail.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета

в типографии «Поликона»

190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 13

9450922@gmail.com

Подписка осуществляется по интернет-каталогу «Книга-сервис»

<http://www.akc.ru/goods/1558086950>

Материалы доступны в электронном виде на сайте ИЛИ РАН

<https://iling.spb.ru/journals.html.ru>